Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 5 Іюля 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ІЮЛЬ съ 38 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Соликамскъ.

Городъ Соликамскъ лежитъ подъ 59°36′ сѣверной широты и 74°8′ восточной долготы въ разстояніи 1,585¼ верстъ отъ Москвы и 206½ отъ губернскаго города Перми, на 239′ надъ поверхностью моря. Соликамскъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ губерніи. Началомъ своимъ онъ обязанъ открытію въ немъ самомъ, или около него, соляныхъ разсоловъ, привлекшихъ разныхъ выходцевъ селиться здѣсь. О времени основанія Соликамска существуютъ различныя мнѣнія, но вѣроятнѣе всего годомъ основанія его, можно принять 1430 годъ, когда выходцы изъ Балахны, Усть-Сысольска и Сольвычегодска, посадскіе люди Калмыковы и др., и завели тутъ варницы на р. Усолкѣ. Слухи о богатствѣ разсоловъ у Камской соли, нынѣшній Соликамскъ, быстро

Колокольня лѣтняго собора. Церковь Рождества. Церковь Богоявленія. Домъ земства. Лѣтній соборъ.

Городъ Соликамскъ. Рисов. Потѣхинъ, гравир. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

распространялись и вотъ, въ 1558 г., именитый гражданинъ, какъ говорятъ о немъ въ старинныхъ актахъ, Григорій Аникіевъ Строгановъ, проситъ у царя Іоанна Васильевича Грознаго себѣ тамъ земли. 11 апрѣля того же года царемъ дана ему грамота, на громадное количество пусто лежащихъ земель, расположенныхъ по р. Камѣ, вокругъ г. Соликамска. Получивъ эту грамоту, Строгановъ началъ заселять эти пустынныя мѣста и занялся солепромышленностью. По шнцовой книгѣ Яхонтова, составленной въ 1579 году, въ Соликамскѣ считалось 16 варницъ и нѣсколько церквей, слѣдовательно, уже въ то время онъ имѣлъ значеніе, если не торговаго города, то хорошо населеннаго пункта, что много значило тогда въ такой далекой и пустой мѣстности, какова была Пермь, не отличающаяся и нынѣ густотою населенія. По описи Кайсарова въ 1624 г. въ Соликамскѣ показано варницъ 37, въ лѣтописи Берга подъ 1743 годомъ записано, что было варницъ 44 при 96 солеразсольныхъ подъемныхъ трубахъ.

Въ первый разъ городъ Соликамскъ упоминается въ лѣтописяхъ, въ 1581 году по поводу набѣга на Чердынь Кулукъ Салтана, сына Тюменскаго царя Ивана. Въ этомъ году князь Кихенъ напалъ на Соликамскъ, тогда уже укрѣпленный башнями и деревяннымъ острогомъ. Въ послѣдствіи кругомъ города былъ сдѣланъ глубокій ровъ и земляной валъ, слѣды которыхъ и до сихъ поръ замѣтны. Въ древнія времена Соликамскъ подвергался неоднократнымъ нападеніямъ разныхъ Сибирскихъ народовъ — памятниками набѣговъ остались могилы убитыхъ, въ память которыхъ поставлены каменные кресты и часовни, и постановлено два крестныхъ хода. Въ одной изъ церквей города—Спасской и до сихъ поръ сохранилась деревянная доска, на которой написаны имена убитыхъ защитниковъ города, похороненныхъ близъ этой церкви. Городъ подвергался частымъ опустошительнымъ пожарамъ. Кромѣ пожаровъ Соликамскъ постигали и другія общественныя бѣдствія: неурожаи, наводненіи. Въ 1783 году много умирало съ голоду и смертность доходила до 100 человѣкъ въ день. Необыкновенныя явленія природы, «знаменія» случались надъ Соликамскомъ: въ 1698 г. 17 августа и 1705 года 15 іюня подъ вечеръ около 4—5 часовъ пополудни, съ юго-запада появилась темная туча, какъ самый густой, черный дымъ. Эта туча налегла на городъ и окрестности, и наступила совершенная темнота такъ, что люди вблизи не могли различать другъ друга; мгла эта продолжалась ½ часа и потомъ приняла красноватый отливъ, уподобляясь огненной тучѣ—явленіе это возбудило всеобщій ужасъ. Одинъ лѣтописецъ говоритъ, что изъ этой огненной тучи сыпался пепелъ съ искрами, но вреда никакого не причинилъ. Въ 1737 г. ночью на 7, 11 и 13 декабря небо освѣтилось яркимъ багровымъ цвѣтомъ, самый снѣгъ принялъ багроватый оттѣнокъ. Страшные морозы были въ 1733 и 1740 г., въ которые погибло много людей. Соликамскъ уже въ концѣ XVI столѣтія былъ важнымъ промышленнымъ городомъ на европейской сторонѣ Урала, такъ какъ черезъ него проходилъ главный торговый путь изъ Москвы въ Сибирь и даже Китай. Съ самаго своего основанія Соликамскъ входилъ въ составъ Великой Перміи, которая до 1708 состояла въ зависимости отъ Новгородскаго приказа въ Москвѣ. Съ 1710 года по указу Императора Петра I Соликамскъ вошелъ въ составъ Сибирской губерніи и сдѣлался уѣзднымъ городомъ. Когда въ 1719 году, по указу тоже императора, губерніи были раздѣлены на провинціи,—въ Соликамскѣ открыта провинція въ составѣ Сибирской губерніи, и къ нему были приписаны Чердынь и Кунгуръ. Съ 1722 по 1735 г. Соликамскъ былъ провинціальнымъ городомъ, который въ 1728 г., вмѣстѣ съ Чердынью и Кунгуромъ, перечислены въ Казанскую губернію. Въ 1738 г. въ Соликамскѣ учреждено городовое правленіе и воеводская канцелярія. Въ 1781 г. открыто Пермское намѣстничество, въ которомъ Соликамскъ сталъ уѣзднымъ городомъ Пермской области. Съ 1505 по 1613 г. Соликамскомъ управляли намѣстники; всѣхъ ихъ было 13. Съ 1613 по 1781 годъ городъ управлялся воеводами, которыхъ всѣхъ было 74 съ 1781 по введеніе нынѣшней преобразованной полиціи, городомъ завѣдывали городничіе, которыхъ было 14.

Что въ городѣ Соликамскѣ съ давнихъ временъ процвѣтали ремесла видно изъ того, что въ 1710 году по указу государя, изъ города требовали въ Петербургъ на вѣчное жительство плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ и другихъ ремесленниковъ.

Городъ Соликамскъ служилъ, и даже до настоящаго времени служитъ, мѣстомъ ссылки людей строптивыхъ и порочныхъ. Въ 1710 въ Соликамскъ было прислано 100 человѣкъ завоеванныхъ шведовъ; въ 1720 году прислали въ ссылку князя Василія Владиміровича Долгорукова, который возвращенъ обратно въ 1724 году, въ 1747 начали высылать сюда воровъ и разбойниковъ, въ 1769 году прислано 200 поляковъ. Въ Соликамскѣ окончилъ жизнь извѣстный любимецъ Бирона и врагъ Миниха, оберъ-шталмейстеръ двора императрицы Анны Іоановны, гвардіи полковникъ графъ Левенвальдъ. Достовѣрно неизвѣстно, когда онъ привезенъ и когда умеръ, извѣстно только, что онъ былъ нелюдимъ и позволялъ впускать къ себѣ однихъ дѣтей. Графъ Левенвальдъ отказалъ даже принять графиню Рюмину-Бестужеву, когда ее провозили въ Сибирь. Говорятъ, что онъ скончался, за нѣсколько часовъ до пріѣзда курьера, везшаго указъ о его прощеніи. Дома, гдѣ жилъ графъ Левенвальдъ нынѣ нѣтъ, а осталось лишь мѣсто гдѣ онъ былъ. Домъ въ недавнее время разобранъ и изъ кирпичей его построенъ общественной городской домъ.

Въ 1722 году въ Соликамскъ былъ присланъ изъ С.-Петербургской академіи учитель Степанъ Ждановъ для ученія дѣтей ариѳметической и геометрической наукамъ. Въ 1724 году изъ Соликамска велѣно прислать 1300 кедровъ для сада Его Величества въ Петербургѣ.

Изложивъ въ бѣгломъ очеркѣ нѣкоторые историческіе факты, которыхъ былъ свидѣтелемъ Соликамскъ, остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что представляетъ собою Соликамскъ въ настоящее время. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ мелкой рѣчки Усолки и раздѣленъ ею почти на двѣ ровныя части—одна нагорная, сухая часть расположена по лѣвой сторонѣ и составляетъ лучшую часть города, другая низменная, болотистая—по правой сторонѣ рѣчки. Городъ построенъ правильно, улицы прямыя широкія, но не мощены и никогда не освѣщаются. Большая часть города застроена неприглядными деревянными домиками. Два, три десятка частныхъ деревянныхъ зданій заслуживаютъ вполнѣ названіе домовъ, далѣе же, по всѣмъ направленіямъ, а въ особенности по правой сторонѣ рѣчки слѣдуютъ дома, которые по мѣрѣ удаленія отъ центра, постепенно теряютъ видъ городскихъ построекъ. Каменныхъ домовъ очень мало. Два вида, здѣсь изображенныхъ, составляютъ самую лучшую часть города. Одинъ видъ представляетъ садовую улицу гдѣ расположены дома многихъ именитыхъ горожанъ, зданіе уѣзднаго училища гдѣ вмѣстѣ и помѣщеніе для смотрителя, занимающаго почти половину всего дома, и казначейство казарменнаго стиля. Другой видъ базарной площади съ прилегающими къ ней лавками, церквами и зданіями. На болѣе возвышенномъ мѣстѣ стоитъ Святотроицкій лѣтній соборъ, который началъ строиться на пожертвованныя 200 руб., ассигнаціями князьями Петромъ и Іоанномъ Алексѣевичемъ и сестрой ихъ Софіею Алексѣевной; пожертвованной суммы не достало на окончательную постройку храма и въ томъ мѣстѣ до которыхъ была произведена постройка, на пожертвованныя деньги, постановлена мраморная корона *). Онъ началъ строиться въ 1688 г., оконченъ на частныя пожертвованія и освященъ 28 іюня 1697 г. Внутренность храма довольно хорошо украшена, особеннаго вниманія заслуживаетъ складной образъ Николая Чудотворца очень древней работы, который, какъ гласитъ преданіе, подаренъ городу царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ 1550 г. когда онъ былъ подъ Казанью. Входы въ соборъ съ южной и западной сторонъ представляютъ собою рядъ колонадъ, возвышеній, уступовъ. При соборѣ трехъ этажная колокольня со шпилемъ, всего вышиною 32 сажени. Церковь Рождества, далѣе церковь Богоявленія, самая древняя изъ всѣхъ церквей города, въ одномъ корпусѣ двѣ—лѣтняя и зимняя;—первая освящена въ 1691 г. а вторая въ 1695 г., много образовъ хорошей живописи и ризница богата крупнымъ жемчугомъ, жертвованнымъ разными лицами. Домъ земства, тоже одно изъ старинѣйшихъ зданій города и отличается своими толстыми, но непрочными стѣнами, такъ какъ стѣны не сдѣланы изъ кирпича, а между стѣнами, въ одинъ кирпичъ каждая, наваленъ мусоръ. Кромѣ зданій, указанныхъ на рисункахъ, есть еще нѣсколько церквей и зданій, о которыхъ не лишнее сказать нѣсколько словъ. Крестовоздвиженскій зимній соборъ построенъ въ 1698 г. въ немъ много старинныхъ образовъ греческой и венеціянской работы. Церковь лѣтняя Нерукотвореннаго Спаса—время постройки неизвѣстно; на стѣнахъ написаны довольно некуено — притчи. Бывшій монастырь, а нынѣ зимняя приходская церковь Архангела Михаила, освящена въ 1725 г. ризница богата жемчугомъ — одно облаченіе для священника и одно для дьякона, по поясъ усыпаны крупнымъ жемчугомъ. Церковь Вознесенія, Покрова, Преображенія, построены между 1687 и 1713 годами иждивеніемъ частныхъ лицъ; церковь на кладбищѣ Женъ Мироносицъ построена въ 1750 г. на деньги, пожертвованныя солепромышленникомъ Суровцовымъ. Около нея есть каменная часовня, почти разрушившаяся, которая, по преданію, построена 300 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, Вознесенскій монастырь построенъ въ 1608 г. Не смотря на древнее основаніе города и развитіе въ немъ торговли, промысла соловаренія, жители его очень бѣдны. Всѣхъ жителей до 3500, въ томъ числѣ до 100 человѣкъ ссыльно-поселенцевъ. Большинство жителей находится поденными работниками при солеваренныхъ заводахъ. Въ городѣ 25 кузницъ, 9 кожевенныхъ заводовъ, два мѣдныхъ заведенія. Женщины въ лѣтнее время исключительно занимаются уходомъ за капустой, которую распродаютъ въ громадномъ количествѣ не только окрестнымъ крестьянамъ, но даже пріѣхавшимъ издалека верстъ за 50 — 100. Какъ подобаетъ порядочному городу, въ немъ есть клубъ, банкъ, уѣздное мужское, уѣздное женское, духовное и приходское училища, есть земская и городская управа; гостинницъ или постоялыхъ дворовъ нѣтъ ни одного. Торговые люди города не предпріимчивы, не рискуютъ и не ведутъ обширной торговли, а ограничиваются только торгомъ въ своихъ лавочкахъ. Въ городѣ ярмарокъ не бываетъ и только разъ въ недѣлю, по суббо-

*) Что видно на рисункѣ.

Библиотека "Руниверс"

тамъ,—базаръ, на который окрестные жители привозятъ разные съѣстные продукты; кто не запасется ими, въ этотъ день, тому придется голодать цѣлую недѣлю. Почти всѣ жители города съ большими предразсудками — одинъ недавній примѣръ, какъ это было въ 1872 г., вполнѣ доказываетъ справедливость высказаннаго: дѣло въ томъ, что дятелъ залетѣлъ на соборную колокольню и началъ стучать въ колоколъ; пошелъ звонъ, жители переполошились, видя въ этомъ предзнаменованіе чего то худого. Всѣ отъ мала до велика вышли на улицу, гоняли птицу до изнеможенія и, наконецъ, лишили жизни.

С. Г.

Въ новый путь

(Записки молодой дѣвушки).

I.

Длинные косые лучи заходящаго солнца тянулись по листвѣ нашего тѣнистаго садика; вдали на улицѣ погромыхивали экипажи, а я сидѣла въ гостиной у окна и грустно раздумывала о недавней ссорѣ отца съ матерью. Виною ихъ ссоръ—наша бѣдность.

Я сознаю, что мнѣ надо работать, чтобъ выдти изъ этого ужаснаго положенія. Цѣлый мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ, какъ я оставила гимназію, эта мысль не покидаетъ меня, но какимъ образомъ доставать деньги? Я хотѣла идти въ гувернантки, но мама говоритъ, что я ея единственное утѣшеніе и не хочетъ разстаться со мною, а тетушка не можетъ встрѣтиться съ мыслью, что дочь княжны Севериной, ея сестры, пойдетъ въ гувернантки. Она не знаетъ, что такое бѣдность! Только тотъ, кто самъ проходилъ по ней, кто до сыта не наѣдался, чтобъ оставить другимъ членамъ семьи лишній кусокъ, кто перетряхивалъ свои лоскутья для того, чтобъ у брата былъ новый галстухъ, а у отца новые сапоги, тотъ пойметъ меня. Больше всего я ненавижу *нашу* бѣдность, съ претензіями на изящный и аристократическій образъ жизни, который уже мы были не въ состояніи болѣе вести.

Я рѣшилась искать себѣ какой нибудь работы и, благодаря содѣйствію бывшей компаньонки моей матери, Екатерины Семеновны Лардье, получила чрезъ нѣкоего архитектора Ровинскаго рекомендацію въ страховое общество „Основа". Лардье жила гувернанткой при дѣтяхъ Ровинскаго и, зная очень хорошо о положеніи нашихъ дѣлъ, хлопотала обо мнѣ.

Ровинскій самъ отвезъ меня въ правленіе общества „Основа".

Пріѣхавъ туда, мы поднялись по высокой лѣстницѣ во второй этажъ, и, пройдя нѣсколько отдѣленій, вошли въ кабинетъ главы правленія. Насъ встрѣтилъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, почти сѣдой, хотя еще бодрый и красивый. Это былъ Минкевичъ, глава правленія.

Ровинскій познакомилъ меня съ нимъ.

— Прошу покорно сѣсть, отрывисто проговорилъ Минкевичъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ и указалъ мнѣ на стулъ около большого стола, стоящаго посреди комнаты, на которомъ лежало множество бумагъ.

Ровинскій помѣстился противъ меня. Минкевичъ сѣлъ между нами.

— Вы знаете иностранные языки? обратился ко мнѣ Минкевичъ, попрежнему отрывисто.

Я отвѣчала утвердительно.

— Потрудитесь написать что-нибудь, проговорилъ онъ, пододвигая мнѣ листокъ бумаги и подавая перо.

— На какомъ языкѣ? спросила я.

— Все равно, хоть по русски.

Я написала: страховое общество „Основа" и подала Минкевичу листокъ.

Онъ поглядѣлъ на мой почеркъ и пріятно улыбнулся.

— Вы вѣрно много писали? спросилъ онъ меня.

— Да, приходилось.

— И такъ, прошу васъ начать ваши занятія у насъ съ 1-го іюля, стало быть, черезъ два дня.

Я вздохнула свободно: экзаменъ ограничился тремя написанными мною словами.

— Къ намъ постоянно прибываютъ дамы, началъ Минкевичъ, обращаясь къ Ровинскому, что я поддерживаю, такъ какъ вообще очень доволенъ дамами, занимающимися у насъ.

Тутъ я поднялась съ мѣста, видя, что аудіенція кончилась.

— Стало быть, я явлюсь сюда черезъ два дня, сказала я, обращаясь къ Минкевичу.

— Да, но потрудитесь тогда сначала войдти ко мнѣ, замѣтилъ онъ, протягивая мнѣ руку на прощаніе.

II.

Наступило и важное для меня 1-е іюля, день моего искуса въ „Основѣ", моихъ первыхъ шаговъ въ этомъ неизвѣстномъ для меня мірѣ. Съ сильно бьющимся сердцемъ поднялась я въ тотъ день на лѣстницу конторы, прошла по комнатѣ, предшествующей кабинету Минкевича, гдѣ множество любопытныхъ глазъ моихъ тогда еще будущихъ сослуживцевъ устремились на меня, и вошла въ кабинетъ. Минкевичъ сидѣлъ у стола и писалъ, увидѣвъ меня, онъ поднялъ голову, поклонился и рукою указалъ мнѣ на стулъ. Четверть часа просидѣла я въ томительномъ ожиданіи. Минкевичъ внимательно писалъ и, наконецъ, вставъ съ мѣста, вышелъ изъ комнаты, не сказавъ мнѣ ни слова.

Еще прошло минутъ десять. Сгарая отъ нетерпѣнія и волненія, я безпрестанно смотрѣла на часы. Наконецъ появился Минкевичъ и за нимъ небольшой, блѣдолицый человѣкъ, съ густыми каштановыми, чрезвычайно широко расчесанными и вьющимися волосами.

Минкевичъ обратился ко мнѣ.

— Г. Крысицкій, сказалъ онъ, указывая на вошедшаго съ нимъ господина, дастъ вамъ занятіе. Прошу за нимъ послѣдовать.

Я встала и пошла за Крысицкимъ. Черезъ многіе переходы мы поднялись по высокой лѣстницѣ во второй этажъ и наконецъ достигли комнаты, въ которую меня ввелъ Крысицкій. Тамъ, за большими письменными столами, сидѣло трое мущинъ и одна женщина, четвертый мущина помѣщался у единственнаго окна комнаты, снимая на вощеную бумагу какой-то планъ, лежащій на пюпитрѣ. Этотъ господинъ обернулся ко мнѣ, когда я вошла, и долго не сводилъ съ меня своего любопытнаго взгляда.

— Позвольте васъ познакомить съ г-жею Талицыной, поступившей къ намъ въ отдѣленіе, представилъ меня Крысицкій моимъ сослуживцамъ.

Я подала всѣмъ руки, сѣла за пустой столъ, сняла шляпу и оглянулась отыскивая глазами, куда ее положить.

— Вотъ сюда, замѣтивъ мое движеніе, указала мнѣ на гвоздь, вбитый за мною на стѣнѣ, молодая женщина, сидѣвшая около стола, за которымъ я находилась.

Ея мягкій голосъ и привѣтливая улыбка расположили меня въ ея пользу.

Крысицкій подошелъ ко мнѣ и, облокотившись на столъ, положилъ передо мною длинный листъ довольно тонкой бумаги, на которомъ было напечатано латинскимъ шрифтомъ на нѣмецкомъ языкѣ: Aufgabe, Листъ этотъ былъ раздѣленъ на мелкія графы, во главѣ которыхъ стояли печатныя слова: № Police, Name des Versicherten, Ort, Bezirke, Gegenstand, т. е. какіе-то

Библиотека "Руниверс"

непонятные для меня номера, имя страхователя, мѣстность, округъ и предметъ страхованія, затѣмъ начало страхованія и конецъ, годъ, мѣсяцъ и число. Всѣ эти графы были наполнены мелко-исписанными словами и цифрами, все это странно пестрѣло передъ моими непривычными глазами, а въ ушахъ раздавались неясныя рѣчи Крысицкаго, довольно плохо объяснявшагося по русски.

Вотъ видите, говорилъ онъ мнѣ, указывая на печатное слово Krakov, стоявшее на верху листа, это бордерò Краковскаго Общества Перестрахованія, иначе сказать, переданныя намъ по этому документу, замѣтьте, не страхованія просто, а перестрахованія. Страховыя общества взаимно перестраховываютъ различныя, недостаточно безопасныя страхованія для того...

— Чтобы окончательно не прогорѣть, вмѣшался тутъ господинъ, работавшій надъ планомъ и добродушно засмѣялся.

Блѣдное лицо Крысицкаго выразило нѣчто въ родѣ улыбки и онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Именно для того, чтобъ не понесли слишкомъ раззорительныхъ убытковъ и существуютъ перестрахованія, такъ что и барышъ, и убытокъ дѣлятся между обществами. Получая подобные заграничные бордерò, мы дѣлаемъ изъ нихъ извлеченія на особыхъ листахъ, это будетъ вашимъ занятіемъ. Вписавъ, что слѣдуетъ въ означенныя здѣсь графы (говоря это, онъ положилъ передо мною большой листъ разлинованной бумаги), вы будете класть эти листы въ различныя папки (тутъ онъ мнѣ указалъ на громадныя синія картонныя тетради, лежавшія на этажеркѣ; на нихъ стояли надписи: Австрія, Венгрія, Галиція). Разумѣется, вы должны будете наблюдать, чтобъ страхованія, принадлежащія одной странѣ, не попали бы въ другую, такъ какъ много городовъ и мѣстечекъ одного имени, но въ разныхъ странахъ. Чтобъ помочь путаницѣ, которая иногда происходитъ отъ того, что въ бордерò иногда бываетъ только означенъ городъ и имя страхователя, а мѣстность не означена, имѣется у насъ географическій лексиконъ, по которому вы будете справляться, когда понадобится. Теперь начните работу.

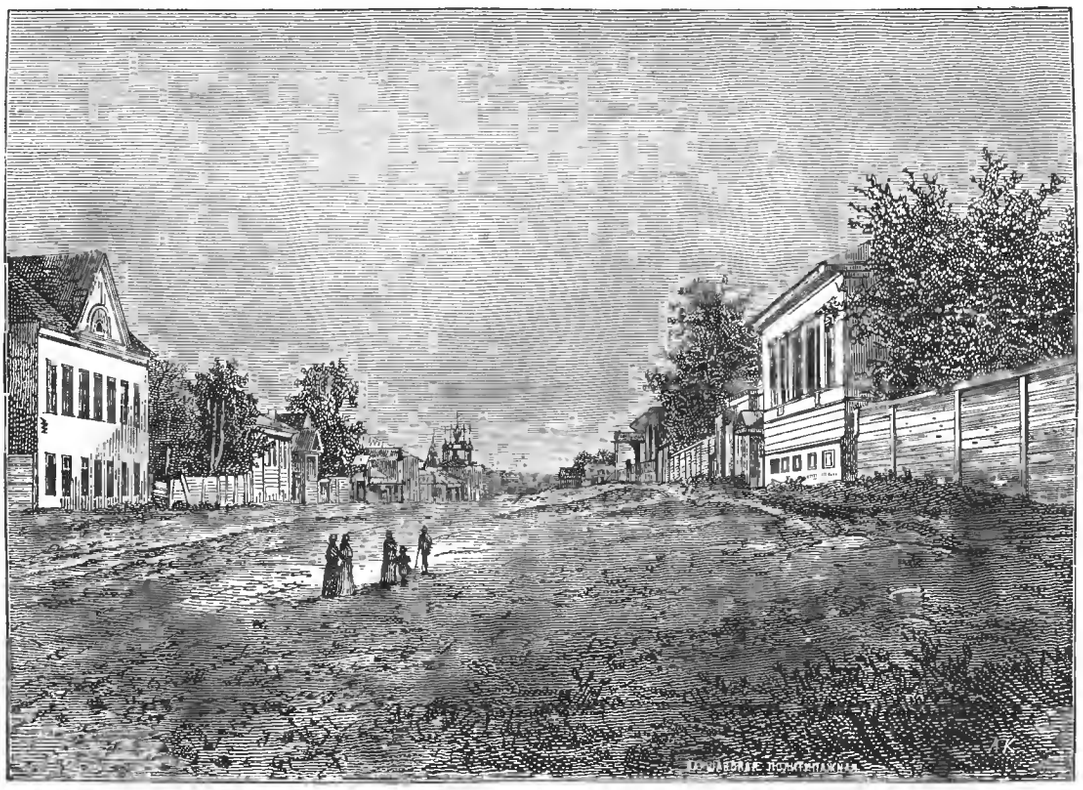
Я стала дѣлать выписки изъ бордерò. Крысицкій молча слѣдилъ за моей работой и, повидимому, былъ ею доволенъ. Онъ вскорѣ оставилъ меня одну за моей работой, но я часто отвлекала его отъ конторки своими разспросами, такъ какъ меня иногда затрудняли слова написанныя по польски.

Работа прервалась завтракомъ, за которымъ я разговорилась съ молодой женщиной, сидѣвшей рядомъ съ моимъ столомъ. Я узнала, что она дѣвушка, по фамиліи, Заблонская, и уже шесть мѣсяцевъ служитъ въ „Основѣ". Она знала всѣ порядки конторы, объяснила мнѣ, что я могу послать артельщика за завтракомъ въ гостинницу, въ отвѣтъ на что я ей показала кусокъ бѣлаго хлѣба и колбасы, принесенные съ собою. Отъ нея я узнала, что отдѣленіе, помѣщавшееся въ третьемъ этажѣ, гдѣ мы были, называется преимущественно дамскимъ, такъ какъ почти всѣ женщины, работающія въ „Основѣ", находятся въ немъ и также, что наше отдѣленіе называется отдѣленіемъ комплексовъ и что Крысицкій его начальникъ. По окончаніи завтрака вошелъ Крысицкій, и мы принялись за работу.

Въ списываемомъ мною бордерò значилось между прочимъ мѣстечко Липникъ, мѣстность котораго не была означена. Взявъ географическій лексиконъ, я нашла его въ Галиціи, но не удовольствовалась этимъ и не прежде, какъ получивъ насчетъ этого подтвержденіе отъ Заблонской и другого господина, сидѣвшаго въ нашемъ отдѣленіи, рѣшилась помѣстить его въ Галиціи.

Такъ продолжала я свою работу, чувствуя усталость въ рукахъ отъ непривычки безпрестанно брать и класть тяжелыя тетради, въ которыхъ заключались выписки изъ бордерò. Наконецъ пробило пять часовъ, и я могла оставить свою работу. Я встала и начала завязывать картонныя папки, чтобъ положить ихъ на мѣсто.

— Дайте, я это сдѣлаю, вы еще не знаете, обратилась ко мнѣ Заблонская съ своею мягкою улыбкою.



Городъ Соликамскъ. Садовая улица. Рис. Потѣхинъ, гравир. Ковнецкій.

Библиотека "Руниверс"

Я отдала ей папки, стала надѣвать шляпу и видѣла, какъ Крысицкій подошелъ къ Заблонской и сталъ съ нею шептаться, бросая на меня недоброжелательные взгляды. До меня долетали польскія слова „солидарность“ и „деликатность“, очевидно произнесенныя на мой счетъ. Отъ этого полупонятаго разговора кровь бросилась мнѣ въ лицо. Я не хотѣла злоупотреблять ни чьей деликатностью; твердо подошла я къ своему столу и стала связывать тетради между собою и укладывать въ нихъ листы.

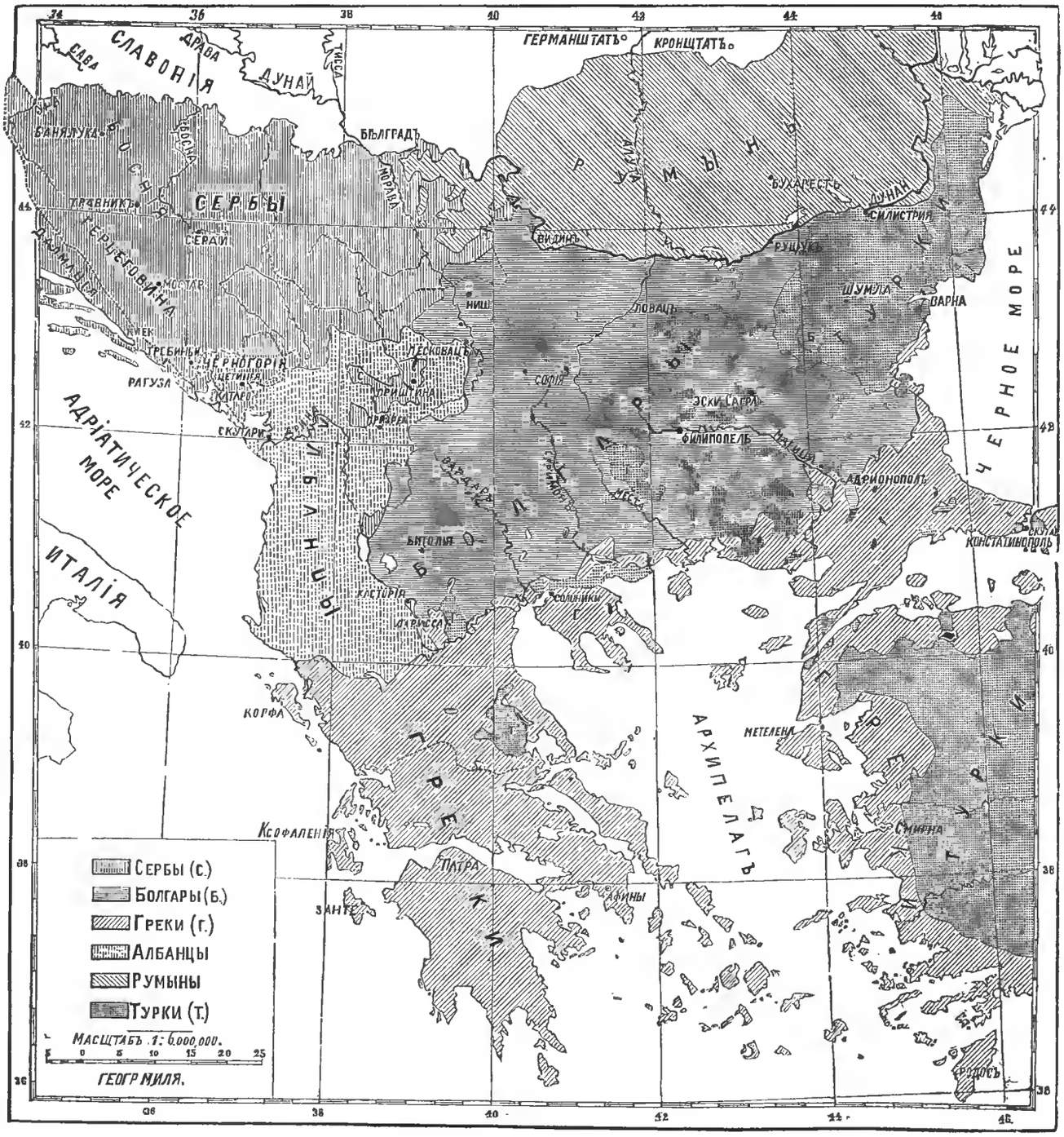
— Я вамъ сказала, что все сдѣлаю за васъ, тихо и мягко обернулась ко мнѣ Заблонская.

— Благодарю васъ, но я не желаю, чтобъ вы трудились за меня, это было-бы неделикатно.

Я съ намѣреніемъ сдѣлала сильное удареніе на послѣднемъ словѣ, отъ чего Заблонская покраснѣла, а Крысицкій растерялся и очень любезно поклонился мнѣ на прощаніе, но я ему отвѣтила довольно сухо.

Я вышла изъ конторы грустная и усталая, съ сознаніемъ тяжело прожитаго дня. Противъ меня уже интриговали, относились ко мнѣ враждебно, а я еще не сдѣлала ничего, достойнаго преслѣдованія, меня совсѣмъ не знали. Мнѣ было горько и обидно.

На слѣдующее утро, отправляясь въ „Основу“, я рѣшила совсѣмъ перемѣнить свою тактику и изъ покорной ученицы, какою я явилась въ первый день моего поступленія въ контору, взять на себя болѣе увѣренности и апломба. Въ такомъ настроеніи я спокойно вошла въ отдѣленіе комплексовъ и сѣла за столъ. Заблонская привѣтливо улыбнулась, здороваясь со мною, но въ этой привѣтливости я готова была видѣть ехидство, послѣ ея шептаній обо мнѣ съ Крысицкимъ; послѣдній-



Карта населенія Европейской Турціи. Составилъ Лежанъ, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

же строго указалъ мнѣ на одинъ изъ написанныхъ мною наканунѣ листовъ, гдѣ на заглавіи красовался „Липникъ".

— Это что? протянулъ онъ, вы поставили этотъ городъ въ Галиціи, когда—онъ въ Силезіи.

— По географическому лексикону Липникъ находится въ Галиціи, отвѣчала я.

— Посмотримъ, продолжалъ онъ, перелистывая лексиконъ и нашедши то, на что я указывала, прикусилъ себѣ губу. Но есть другой городъ того-же названія, въ Силезіи, продолжалъ онъ, быстро перевертывая листы книги. Вотъ онъ! съ тріумфомъ указалъ онъ мнѣ на одинъ изъ листковъ лексикона.

— Ну, ужь, Иванъ Осиповичъ, вмѣшался тутъ господинъ, снимавшій планъ, они (онъ сдѣлалъ знакъ головою въ мою сторону) могли легко не знать этого, такъ какъ и Марья Францовна, и Фаминицкій подвердили имъ тоже самое,

— Я думалъ, что дѣло идетъ о Липникѣ въ Галиціи, сказалъ Фаминицкій, опуская глаза.

— Вы думали! сердито замѣтилъ ему Крысицкій и обернулся ко мнѣ: надо будетъ переписать листъ, сухо сказалъ онъ.

Я тотчасъ-же принялась переписывать листъ. Работа въ этотъ день шла у меня быстрѣе, чѣмъ наканунѣ, я стала освоиваться съ нею, нервы мои успокоились, и я не обращала вниманія на косые взгляды Крысицкаго. Наступилъ часъ завтрака, руки и перья отдыхали, изъ разныхъ отдѣленій являлись къ намъ посѣтители. Промежду нихъ я замѣтила довольно красиваго и очень разговорчиваго молодого человѣка, котораго называли Антоновымъ. Онъ, какъ и всѣ, оглядывалъ меня съ любопытствомъ.

— Я какъ-то слышалъ, что Амалія Ѳедоровна снова поступаетъ къ вамъ въ отдѣленіе, говорилъ Антоновъ Крысицкому,

Тотъ покосился на меня.

— Да... не знаю... если будетъ ваканція. Я говорилъ объ этомъ Минкевичу, но развѣ у насъ обращаютъ вниманіе на дѣльныя просьбы? Амалія Ѳедоровна отлично работаетъ и была-бы намъ очень полезна, объяснялъ Крысицкій.

Я поняла, что эту госпожу желали помѣстить на мое мѣсто.

— У насъ вѣдь все идетъ не по-людски, сердито продолжалъ Крысицкій, начинающихъ сажаютъ въ комплексы вмѣсто того, чтобъ помѣстить въ бордерò...

— Конечно, бордерò самая лучшая школа для новичковъ, пиши себѣ подъ диктовку, да и только, вставилъ Антоновъ.

— Разумѣется того не посадятъ въ бордерò, кто имѣетъ высокую протекцію! ѣдко выговорилъ Крысицкій, снова косясь на меня. Это былъ опять камень въ мой огородъ. Я крѣпилась, но Крысицкій становился мнѣ ненавистенъ.

— Знаете: Войбоковскій вернулся изъ Нижняго, началъ затѣмъ Антоновъ.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ какимъ-то вошедшимъ очень высокимъ и черноволосымъ господиномъ, при видѣ котораго всѣ почему-то разошлись. Антоновъ вышелъ, а остальные вернулись къ своимъ занятіямъ.

Черноволосый господинъ заговорилъ съ Крысицкимъ по-русски съ иностраннымъ акцентомъ о своей поѣздкѣ въ Нижній-Новгородъ. Разсказывая, онъ внимательно разглядывалъ меня. Я прилежно писала, но почувствовала, что эти взгляды становятся мнѣ докучны, хоть я и старалась ихъ не замѣчать.

— Это вновь поступившая дама? Спросилъ онъ обо мнѣ Крысицкаго по-нѣмецки и довольно громко.

— Да, отвѣтилъ тотъ и сталъ о чемъ-то тихо говорить съ нимъ.

Черноволосый господинъ вскорѣ подошелъ къ моему столу и сѣлъ возлѣ него на стулъ.

— Какъ идетъ работа? очень развязно спросилъ онъ меня по-нѣмецки.

Этотъ вопросъ показался мнѣ неумѣстнымъ любопытствомъ со стороны неизвѣстнаго господина, и я сухо отвѣтила ему:

— Такъ идетъ, какъ можетъ идти у людей, еще непривыкшихъ къ своему дѣлу.

— А вѣдь дѣло не веселое, замѣтилъ незнакомецъ.

Я съ удивленіемъ подняла на него глаза и снова молча принялась за работу.

— Не правда-ли? продолжалъ онъ допытываться.

— Я здѣсь не для того, чтобъ веселиться, нехотя отвѣчала я, удивляясь его навязчивости, но онъ не понялся.

— Не хотите-ли перейдти въ то отдѣленіе, гдѣ я нахожусь? тихо продолжалъ онъ, перегибаясь ко мнѣ черезъ столъ и прямо глядя мнѣ въ лице своими большими, смѣлыми, голубыми глазами.

— Зачѣмъ? что я тамъ стану дѣлать? спросила я, стараясь догадаться, къ чему клонился этотъ разговоръ.

— Вы будете дѣлать то, что здѣсь дѣлаетъ г. Крысицкій, вести журналъ—хотите?

— Мнѣ, право, все равно, что ни дѣлать, сказала я, желая отвязаться отъ него.

Онъ молча всталъ и вскорѣ вышелъ изъ нашего отдѣленія.

— Кто этотъ господинъ? спросила я, у Заблонской, когда онъ ушелъ.

— Войбоковскій, отвѣтила она, продолжая писать.

III.

На слѣдующій день я только что успѣла войдти въ отдѣленіе, сѣсть за столъ и разложить свои письменныя принадлежности, какъ появился черноволосый господинъ и прямо подошелъ ко мнѣ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ по-нѣмецки, протягивая мнѣ руку.

Я подала ему свою и собралась писать, но онъ меня остановилъ.

— Оставьте это дѣло, у васъ будетъ другое, болѣе легкое и пріятное. Пойдемте со мною, сказалъ онъ.

— Но, проговорила я въ недоумѣніи, мое настоящее дѣло поручено мнѣ г. Минкевичемъ, какъ-же я могу его мѣнять?

Незнакомецъ улыбнулся.

— Я начальникъ всѣхъ здѣшнихъ отдѣленій: бордерò, статистики, контроля, комплексовъ, пожарнаго отдѣленія, и могу по своему усмотрѣнію переводить съ мѣста на мѣсто всѣхъ, служащихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ лицъ.

Я вдругъ поняла все его поведеніе и слова, и мнѣ стало очень смѣшно за самое себя.

— Я этого не знала, сказала я, невольно улыбаясь и, вставая съ мѣста, все здѣсь для меня такъ ново...

— О, вы скоро тутъ со всѣмъ освоитесь, любезно замѣтилъ Войбоковскій.

Онъ провелъ меня мимо трехъ молодыхъ дѣвушекъ, занимавшихся въ тѣсной комнаткѣ статистикой, подъ вѣденіемъ своего особаго начальника отдѣленія, бѣлокураго, флегматичнаго молодого человѣка. Каждое отдѣленіе имѣло, такъ сказать, своего подначальника, но главнымъ надъ всѣми былъ Войбоковскій. Изъ отдѣленія статистики мы вошли въ кабинетъ Войбоковскаго, убранный очень изящно, изъ котораго была еще дверь въ просторную, свѣтлую комнату съ двумя окнами, выходящими на улицу. Въ ней было трое мущинъ, когда мы туда вошли; въ одномъ изъ двоихъ, сидящихъ за конторками, я узнала словоохотливаго Антонова, другой, худощавый брюнетъ, былъ мнѣ неизвѣстенъ; третій, сидѣвшій въ углу за столомъ, былъ пожилой бѣлокурый господинъ, съ умнымъ, веселымъ взглядомъ и очень

Библиотека "Руниверс"

симпатичною наружностью, четвертый столъ стоявшій направо отъ входа у стѣны, долженъ былъ быть занятъ мною, какъ оказалось.

— Вы будете тутъ заниматься, указалъ мнѣ на него Войбоковскій, вы станете вести журналъ входящихъ и исходящихъ бумагъ по этой книгѣ (при этихъ словахъ онъ развернулъ большую и толстую книгу лежащую на столѣ), входящія бумаги будете помѣчать номерами и записывать подъ тѣми-же номерами въ книгу и также вкратцѣ вписывать въ журналъ содержаніе получаемыхъ и отсылаемыхъ писемъ. Тутъ (онъ показалъ на этажерку, стоявшую подлѣ стола, на которой лежало множество синихъ картонныхъ папокъ) хранятся письма и бумаги, поступающія въ дѣла. Я буду васъ просить класть ихъ по числамъ и номерамъ. Пересмотрите и познакомьтесь съ книгами на досугѣ, эти папки въ страшномъ безпорядкѣ, прошу васъ привести ихъ въ порядокъ. Не давайте этихъ бумагъ никому, кромѣ какъ мнѣ и господину Гильманъ, который вамъ покажетъ, какъ надо вести журналъ. Первая почта пришла, и я сейчасъ принесу вамъ бумаги.

Съ этими словами онъ пошелъ въ свой кабинетъ и тотчасъ-же вернулся оттуда съ большою кипою писемъ, бѣлыхъ и разноцвѣтныхъ листовъ, которые онъ положилъ передо мною.

— Г. Гильманъ, обратился Войбоковскій къ худому брюнету, сидѣвшему за конторкой противъ моего стола, прошу васъ объяснить г-жѣ Талицыной, какъ ей надо вписывать бумаги въ журналъ.

Гильманъ подошелъ ко мнѣ, сѣлъ около меня и сухо, какимъ-то глухимъ несхотнымъ тономъ, сталъ объяснять, что я должна дѣлать. Я начала записывать всѣ эти заграничныя предварительныя и окончательныя бордерò, донесенія о пожарахъ, нѣмецкія, русскія и англійскія письма, дневные отчеты заключенныхъ и уничтоженныхъ страхованій и прочія премудрости страховаго дѣла, къ общему удовольствію мрачнаго Гильмана и Войбоковскаго.

— Отлично, сказалъ послѣдній, заглядывая въ журналъ, гдѣ я писала.

— Вы сжато и ясно выражаете содержаніе писемъ, такъ и надо; когда внесете и занумеруете всѣ бумаги, потрудитесь разнести ихъ по отдѣленіямъ. Бумаги помѣченныя буквой В. приносятся ко мнѣ, Р. г. Риверсъ (онъ указалъ глазами на пожилого господина, находившагося въ одной комнатѣ со мной), К. Крысицкому, Б. Брокару, въ отдѣленіе контроля и Бордеро.

Я сдѣлала, какъ мнѣ было сказано, разнесла бумаги по отдѣленіямъ. Вошедши въ кабинетъ Войбоковскаго, я было хотѣла отдать ему бумаги и уйдти, но онъ остановилъ меня вопросомъ: какъ мнѣ нравится мое новое занятіе?

— Оно нетрудно, былъ мой отвѣтъ.

— О да, оно пріятнѣе комплексовъ, которые такъ скучно писать.

— Тамъ меня только иногда затрудняло незнаніе польскаго языка, но я не могу сказать, чтобы занятіе было скучное.

— Однако, все-таки, вести журналъ не такъ утомительно, какъ писать комплексы. Вы вѣрно довольны, что я перевелъ васъ отъ Крысицкаго?

— О, да!

Войбоковскій улыбнулся.

— Надѣюсь, что мы останемся довольны другъ другомъ, весело сказалъ онъ. Тутъ вы будете подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ.

Я вышла изъ кабинета очень довольная обходительностью моего начальника, совершенно, къ моему счастію, непохожаго на крамольнаго Крысицкаго.

Почта приходила еще два раза въ день, бумагъ было много и мнѣ было довольно дѣла; затѣмъ я занялась исходящими бумаги т. е. письмами отсылаемыми изъ правленія „Основы", въ различныя агентства, заграничныя и русскія страховыя общества. Все это надо было занумеровать, вписать въ журналъ, копировать и потомъ отправить съ артельщикомъ на почту. Къ четыремъ часамъ у меня уже не было дѣла, и мнѣ стало скучно. Я грустно раздумывала о томъ, что мнѣ нечего дѣлать и съ нетерпѣніемъ ждала пяти часовъ. Вдругъ передо мной явился Войбоковскій.

— Нашъ экспедиторъ окончилъ свои занятія на нынѣшній день, привѣтливо обратился онъ ко мнѣ.

— То есть, я? спросила я его.

— Да, вы, и потому можете идти домой.

— Какъ я вамъ благодарна! невольно вырвалось у меня искреннее слово ему въ отвѣтъ.

Онъ улыбнулся, протянулъ мнѣ руку на прощаніе, сказалъ: до свиданія! и вышелъ въ кабинетъ.

Меня положительно тронуло участіе Войбоковскаго ко мнѣ, бѣдному новичку. Онъ понималъ мое затруднительное положеніе и съ такою добротою помогалъ мнѣ выдти изъ него, что я не могла не быть ему за это благодарной.

На слѣдующее утро, пришедши въ «Основу", я едва успѣла отпереть свой столъ и вынуть оттуда журналъ, какъ передо мною точно выросла изъ земли высокая, костлявая и некрасивая барыня, съ сильно уже посѣдѣвшими, бѣлокурыми, взбитыми и напудренными волосами, Ея нарядъ, изъ блѣдно-голубого шелка и сѣраго гренадина, бьющій на кокетливость и эффектъ, говорилъ о желаніи нравиться и молодиться. Поджавъ свои блѣдныя губы и сердито сверкая своими впалыми сѣрыми глазами, она отрывисто спросила меня:

— Давно-ли вы заняли мое мѣсто?

— Два дня; меня сюда перевели изъ отдѣленія комплексовъ, отвѣчала я.

— Кто?

— Войбоковскій.

Барыня сердито фыркнула.

— Вотъ сюрпризъ! воскликнула она. Поѣдешь въ деревню на три дня—пріѣзжаешь—мѣсто занято! куда-же меня помѣстятъ?

— Васъ, Ольга Сергѣевна, помѣстятъ въ статистику, обратился къ ней Гильманъ, стараясь придать своему деревянному тону оттѣнокъ любезности.

— Какая скука! мнѣ съ вами такъ было здѣсь хорошо, господа. Я понимаю, для чего меня перемѣщаютъ! вдругъ взвизгнула она, меня считаютъ опасной для вашихъ сердецъ!

И съ этими словами она залилась раскатистымъ смѣхомъ.

— Наши сердца вамъ отданы навсегда, шутливо произнесъ Антоновъ, строча на своей конторкѣ донесеніе о пожарѣ, Минкевичъ, вѣрно, нашелъ, что вы вашею любезностью отрываете насъ отъ работы.

— Смотрите, Антоновъ, не умрите безъ меня съ горя, продолжала Ольга Сергѣевна, подходя къ конторкѣ Антонова и дѣлая ему глазки.

Я обернулась и посмотрѣла на Ольгу Сергѣевну.

— Умеря есть вещи въ столѣ, которыя, вѣрно, принадлежатъ вамъ, сказала я ей, желая, чтобъ она ушла поскорѣе, не хотите-ли ихъ взять?

Ольга Сергѣевна подлетѣла комнѣ.

— Ахъ, да! у меня тутъ лежатъ разныя вещи... записки, стихи, разные сувениры... лепетала она, роясь въ ящикѣ и вынимая оттуда свои вещи. Adieu, ne pleurez pas! жеманно обернулась она затѣмъ къ Гильману и Антонову и наконецъ ушла изъ нашего отдѣленія.

— Ольга Сергѣевна! крикнулъ вслѣдъ ей Гильманъ, оставьте дверь въ ваше отдѣленіе отворенною, я буду любоваться на васъ.

Комната, гдѣ занимаются статистикой, отдѣляется отъ нашей лишь кабинетомъ Войбоковскаго, такъ что Гиль-

Библиотека "Руниверс"

манъ этимъ пользовался, чтобъ переговариваться съ Ольгой Сергѣевной. Съ появленіемъ нашего начальника отдѣленія шутки эти прекратились, и всѣ принялись за работу. Въ этотъ день Войбоковскій снова разрѣшилъ мнѣ идти домой до окончанія присутствія въ „Основѣ", снова пришелъ самъ мнѣ сказать объ этомъ. Такое вниманіе меня трогаетъ. Когда я уходила домой, Гильманъ и Антоновъ проводили меня любопытными и пытливыми взорами, но мнѣ до этого нѣтъ дѣла, пусть ихъ думаютъ, что хотятъ.

IV.

— Вы коротко знаете Войбоковскаго? спросила меня однажды Ольга Сергѣевна.

— Совсѣмъ почти не знаю, былъ мой отвѣтъ.

— Странно! почему-же онъ къ вамъ такъ внимателенъ?

— Справьтесь объ этомъ у него, если это васъ интересуетъ, съ досадой отвѣтила я, направляясь къ своему отдѣленію, но Вржеславская—фамилія Ольги Сергѣевны—со смѣхомъ схватила меня за руку.

— У! какая вы строгая, Елизавета Петровна! воскликнула она, съ вами нельзя и пошутить! отчего-же не поговорить о Войбоковскомъ? онъ женатый человѣкъ и потому отпѣтый. Вы знаете его жену?

— Нѣтъ, но позвольте, Ольга Сергѣевна, мнѣ пора за дѣло.

Я пошла въ свое отдѣленіе, гдѣ къ моему пріятному удивленію нашла Ровинскаго.

Онъ дружески поздоровался со мною.

— Довольны-ли вы барышней? спросилъ онъ Войбоковскаго, указывая на меня глазами.

— Какъ барышней? мнѣ сказали, что вы замужемъ, обратился ко мнѣ Войбоковскій.

— Это неправда, отвѣтила я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Каково? Какъ Ольга Сергѣевна стала сочинять, со смѣхомъ проговорилъ Войбоковскій.

Я удивилась, услыхавъ про эту продѣлку Ольги Сергѣевны.

Изъ разговоровъ Антонова я случайно узнала, что Ольга Сергѣевна влюблена въ Войбоковскаго, что она не смотря на свои года, большая кокетка, ничего почти не дѣлаетъ въ „Основѣ" и только держится на мѣстѣ, благодаря своей смѣлости и ловкости, которыми она умѣетъ умаслить Минкевича, директоровъ и Войбоковскаго. Дѣйствительно, эта пожилая вдовица порхала какъ бабочка изъ отдѣленія въ отдѣленіе, кокетничала съ мущинами и старалась работать какъ можно меньше.

Какъ-то разъ она впорхнула къ намъ въ отдѣленіе съ бумагою въ рукахъ, и остановивъ на мнѣ свой враждебный взглядъ, насмѣшливо спросила:

— Отчего Войбоковскій не далъ вамъ переписывать это условіе съ земельными банками, а заставилъ насъ это дѣлать? намъ и безъ того много дѣла въ статистикѣ; вѣдь вы сдѣлались его секретаремъ?

— Я исполняю то, что мнѣ поручаютъ, спокойно отвѣтила я, съ остальными-же вопросами, лично касающимися Войбоковскаго, я уже просила васъ прямо обращаться къ нему.

Ольга Сергѣевна умолкла, и подбѣжавъ къ Гильману, стала со смѣхомъ отнимать у него счеты и хохотать во всю мочь.

Въ это время пріѣхалъ Войбоковскій, и игры прекратились.

Въ теченіе дня нашъ начальникъ принесъ мнѣ нѣсколько листовъ исписанной бумаги: это были условія, съ которыми носилась Ольга Сергѣевна, переписанныя въ нѣсколькихъ экземплярахъ дамами статистики.

— Прошу васъ пересмотрѣть эти условія, сказалъ мнѣ Войбоковскій, въ нихъ есть кое-какія орѳографическія ошибки, а вы такъ хорошо знаете русскій языкъ, что я поручаю вамъ ихъ исправить.

Я начала просматривать условія. Мрачный Гильманъ подошелъ ко мнѣ, молча посмотрѣлъ на мое занятіе и вышелъ изъ комнаты. Въ эту минуту, Антоновъ, оставшійся со мною вдвоемъ (Риверсъ тоже вышелъ) таинственно сказалъ мнѣ:

— Берегитесь, на васъ сейчасъ будетъ нападеніе.

— На меня? съ удивленіемъ спросила я.

— Да, на васъ, Гильманъ — о, я его знаю! пошелъ доносить о вашемъ занятіи въ статистику. Ольга Сергѣевна, дама его сердца, приказала ему наблюдать за вами, и онъ отправился отдавать ей отчетъ въ вашихъ дѣйствіяхъ. Я говорю вамъ это для того, чтобъ вы были готовы отразить нападеніе, которое не замедлитъ произойти. Вы можете себѣ представить, какая буря поднимется въ сердцахъ дамъ статистики отъ оскорбленнаго самолюбія, отъ того, что вамъ, новичку, дали исправлять ихъ произведенія.

— Но вѣдь не могу-же я не дѣлать того, что мнѣ поручаетъ Войбоковскій...

— Совершенно справедливо, но отличіе всегда возбуждаетъ зависть; вамъ завидуютъ, но что-же изъ этого? зависть самое лучшее доказательство, что есть чему завидовать.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія.

Надъ прекрасными, богатыми странами Балканскаго полуострова тяготѣетъ съ давнихъ временъ какое-то проклятіе. Для науки и искуства, для истиннаго прогресса рода человѣческаго этотъ уголокъ земли сдѣлалъ мало, а въ настоящее время почти ничего не дѣлаетъ. Съ одной стороны Балканскій полуостровъ служилъ ареной для всевозможныхъ смутъ и войнъ, съ другой—былъ поставщикомъ «пушечнаго мяса». Въ древности отличными воинами считались Ѳракійцы, Македоняне, Мезиры и др., въ наше время такою же славою пользуются албанцы, босняки, словаки, маджары и др.

Въ наиболѣе отдаленныя времена эти земли были населены самыми разнородными племенами; Филиппъ и Александръ Македонскій пытались покорить эти племена и захваченными въ плѣнъ пополняли ряды своихъ полчищъ. Потомъ владычествовали тутъ римляне и, въ свою очередь, вели ожесточенную борьбу съ могущественными готами. Наконецъ, когда гунны двинулись на западъ и вызвали великое переселеніе народовъ, придунайскія земли и часть земель по ту сторону Балканъ были въ теченіи пяти вѣковъ ареной кровавой борьбы различныхъ народностей. Германскія, тюркскія и славянскія племена вытѣсняли и смѣняли другъ друга: готы, герулы, гепиды, авары, хозары, печенѣги, болгары, валахи, маджары и множество славянскихъ племенъ записаны въ лѣтописяхъ Балканскаго полуострова, какъ опустошители, грабители и временные завоеватели страны. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ, пришли османы и сдѣлались властителями всѣхъ земель полуострова; отсюда они вели свои наступательныя войны съ европейскими государями и потрясли пол-Европы.

Какъ могущественна и обширна была когда-то османская имперія! Послѣдователи пророка овладѣли тѣми странами, гдѣ въ теченіи многихъ вѣковъ уже исповѣдывалось христіанство. Классическія земли апостоловъ: Коринѳъ и Эфесъ, Никея, городъ Синаденъ, Антіохія, Никомидія и Александрія подпали подъ ихъ власть. Даже колыбель христіанства, гробъ Господень, Палестина и Іерусалимъ, за неприкосновенность которыхъ возстало и вооружилось все западное рыцарство, покорилось невѣрнымъ. Османамъ суждено было положить конецъ владычеству Римской имперіи, они обратили въ мечеть Софійскую церковь, гдѣ почти тысячу лѣтъ прославляли имя Христа и святыхъ. Въ то самое время, какъ на Константскомъ соборѣ спорили о религіозныхъ догматахъ, когда примиреніе греческой церкви съ римско-католическою оказалось невозможнымъ, когда подготовлялся разрывъ съ папствомъ (было уже 40 милліоновъ протестантовъ!) османы побѣдоносно проникли въ самое сердце Европы. Римскій императоръ бѣжалъ изъ своей резиденціи (Вѣны), церковь св. Стефана чуть было не была обращена въ мечеть, подобно Аіа-Софіи въ Византіи.

Въ то время падишаху повиновались всѣ земли отъ африканской

Библиотека "Руниверс"

пустыни до Каспійскаго моря и отъ Индійскаго океана до Атлантическаго. Венеція и германскіе императоры были данниками Порты. Ей принадлежали три четверти береговой полосы Средиземнаго моря, Нилъ, Евфратъ, большая часть Дуная—были турецкими рѣками, Архипелагъ и Черное море сдѣлались внутренними водяными бассейнами Турціи... И что же? едва прошло два вѣка—и могущество этой обширной имперіи стало падать. 12-го сентября 1683 года германскіе и польскіе герои уничтожили подъ стѣнами Вѣны войско Кара-Мустафы. Знамя пророка въ послѣдній разъ развѣвалось въ сердцѣ Европы. Однако, этотъ ударъ не былъ окончательнымъ ударомъ, нанесеннымъ славѣ полумѣсяца; страхъ передъ османами не совершенно еще исчезъ въ христіанской Европѣ, такъ что нужны были еще побѣды принца Евгенія надъ турками (въ началѣ прошлаго столѣтія), для того чтобы слово *«янычары»* никого не пугало.

Современная Турція представляетъ только тѣнь прежняго исполинскаго государства; она ослаблена, распадается, влачитъ свое жалкое существованіе только потому, что государства Европы терпятъ ее. Алжиръ, прежде вассальное государство Турціи, теперь, какъ извѣстно, принадлежитъ Франціи; Греція освобождена, Египетъ только слабыми узами соединенъ съ Портой, Монтенегро—самостоятельна, Румынія и Сербія—выжидаютъ только благопріятной минуты, чтобы порвать послѣднія звѣнья цѣпи, связывающей ихъ съ Турціей. Да и въ самой Турціи броженіе умовъ не прекращается, смуты безпрерывны. «Восточный вопросъ» и разрѣшеніе его стали снова злобой дня. Положительно можно сказать, что если силою европей-

Румынка. Рисов. Фолькъ, ерс гравир. Бренд'Амуръ.

Библиотека "Руниверс"

скаго вмѣшательства миръ на Балканскомъ полуостровѣ будетъ возстановленъ, то удержится онъ не долго, ибо роковой восточный вопросъ снова вырвется на волю изъ тисковъ дипломатіи и заявитъ себя опять взрывомъ и будетъ потомъ заявлять себя болѣе и болѣе страшными взрывами и угрожать спокойствію Европы до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ естественнымъ путемъ, т. е. пока не будутъ удовлетворены народы, находящіеся подъ игомъ турокъ.

Рядомъ съ фанатическими османами, изъ которыхъ, впрочемъ, весьма немногіе въ состояніи предугадать свою неизбѣжную судьбу въ будущемъ, райи (порабощенное христіанское народонаселеніе) напрягаютъ силы свои въ послѣдней борьбѣ; греки, албанцы, румыны, сербы и болгары, давнымъ давно умершіе политической смертью, нынѣ, въ силу историческаго хода событій, снова воскресли и выступили на авансцену.

Этнографическая карта европейской Турціи представляетъ такую пестроту населенія, какую едва ли можно встрѣтить въ какомъ либо другомъ государствѣ. Такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о существованіи въ Турціи правильныхъ ревизій и статистическихъ изслѣдованій о количествѣ народонаселенія, то въ настоящее время и не имѣется абсолютно вѣрныхъ цифръ, относительно численности жителей, принадлежащихъ къ извѣстной національности и вѣроисповѣданію въ османской имперіи. Прилагаемыя здѣсь таблицы представляютъ только приблизительно вѣрныя цифры. Нужно замѣтить, что Румынія не принята во вниманіе при составленіи этихъ таблицъ.

Народности Европейской Турціи.

(по численности).

Сербовъ	1,869,000	22,2 %
Болгаръ	1,837,000	21,9 %
Грековъ	1,049,000	12,5 %
Албанцевъ	1,245,000	14,8 %
Валяховъ	225,000	2,7 %
Турокъ	1,096,000	25,0 %
Евреевъ	77,000	0,9 %
Всего	8,398,000	100,0 %

(По вѣроисповѣданію).

Принадлежащихъ къ восточной церкви	4,393.000	52,3 %
Римскихъ католиковъ	318,000	3,8 %
Христіанъ	4,712,000	56,1 %
Магометанъ	3,609.000	43,0 %
Евреевъ	77,000	0,9 %
Всего	8,398,000	100,0 %

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ видно, что турки или, какъ они сами себя называютъ, османы, составляютъ только 25,0 % всего населенія Европейской Турціи, остальныя же 75,0 % другія племена; такая несообразность сглаживается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что часть порабощенныхъ народностей, находясь долгое время подъ владычествомъ турокъ, приняла мусульманское вѣроисповѣданіе. Изъ приложенной здѣсь карты видно, что турки въ собственномъ своемъ государствѣ нигдѣ на большомъ пространствѣ не составляютъ сплошной, преобладающей массы населенія; въ перемѣжку съ греками и болгарами они населяютъ относительно незначительныя пространства и скучены главнымъ образомъ по большимъ городамъ. Читателямъ извѣстно, какъ османы (въ XIV в.) явились завоевателями въ Европу и какъ, послѣ паденія Константинополя (1453 г.), утвердилось господство турокъ. Вслѣдъ за побѣдоносными войсками цѣлыя массы этого племени, принадлежащая къ монгольской расѣ, вторглись въ Европу изъ Азіи и заняли плодороднѣйшія равнины и самые важные стратегическіе пункты фракійско-греческаго полуострова, всюду, изгоняя или порабощая себѣ туземное славянское или греческое населеніе. Въ Оессаліи толпа османовъ поселилась въ равнинахъ близь Фарсала, среди густого греческаго населенія; въ Албаніи и Эпирѣ, гдѣ часть туземнаго населенія, чтобы спастись отъ послѣдствій завоеванія, приняла исламъ, турки утвердились только въ нѣкоторыхъ городахъ, также въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ аристократія перешла въ исламъ. Въ Болгаріи тоже часть населенія приняла магометанскую вѣру. Болѣе всего турки распространились въ восточной части Болгаріи, въ Добруджѣ, гдѣ болгарское населеніе сильно смѣшалось съ турецкимъ. Въ Македоніи, на границѣ Греціи и Болгаріи, турецкій элементъ тоже силенъ; въ окрестностяхъ же столицы турецкое населеніе, напротивъ, не представляетъ густой массы.

Изъ этого этнографическаго распредѣленія видно, какъ невыгодно положеніе турокъ съ точки зрѣнія владычества ихъ надъ побѣжденными. Въ наше время существуетъ общее мнѣніе, что турки не могутъ принадлежать къ семьѣ европейскихъ народовъ и не должны быть властителями славянскихъ племенъ, проявляющихъ гораздо болѣе способности къ культурѣ и развитію, чѣмъ «правовѣрные». Исламъ положительно мѣшаетъ дальнѣйшему развитію послѣднихъ. Болѣе трехъ вѣковъ минуло послѣ побѣды ислама надъ Римской имперіей, и мы видимъ христіанскую Европу великой и могущественной—востокъ же, роскошный востокъ, втиснутый своей религіей въ узкія рамки, и до нашихъ дней пребываетъ въ варварствѣ.

Сербы, босняки, герцеговинцы, черногорцы и болгары населяютъ Балканскій полуостровъ отъ Дравы и Дуная до Эгейскаго моря, отъ Адріатическаго моря до Чернаго; они занимаютъ большую часть земель полуострова. Въ силу физическихъ условій этой страны, перерѣзанной горами, въ прежнія времена сильно затруднялось сообщеніе между отдѣльными племенами, населяющими ее. Съ одной стороны трудность сообщенія, съ другой—характеръ славянъ—объясняютъ то, что они не соединились и не образовали государства, пока еще были свободны и самостоятельны. Впослѣдствіи, когда они подпали подъ тяжкое иго турокъ, о соединеніи не могло быть и рѣчи; къ различнымъ обстоятельствамъ, парализовавшимъ силы народа, присоединилось еще варварство фанатическаго побѣдителя.

Болгары, занимающіе востокъ и середину Турціи, не настоящіе славяне; это смѣсь племенъ славянскаго и финскаго; послѣднее явилось на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в., придя съ береговъ Волги. Отъ финскаго племени этотъ народъ получилъ свое названіе, а отъ славянъ—языкъ. Въ IX в. болгары приняли христіанство, а въ X в. создали обширное государство при царѣ Симеонѣ и вели безпрерывную войну съ греками. Блестящій періодъ южно-славянскихъ государствъ продолжался недолго, такъ Болгарское и Сербское государства были, такъ сказать, только мимолетнымъ явленіемъ. Этимъ народамъ не доставало силы, созидающей государства, чувство гражданственности у нихъ было слабо развито, хотя въ герояхъ, подобныхъ сербскому князю Душану, не было недостатка.

Земли болгаръ простираются отъ Дуная, отдѣляющаго ихъ отъ Румыніи, до береговъ Эгейскаго моря и отъ Чернаго до восточной Албаніи. Послѣ покоренія турками болгаръ, побѣжденные перестали существовать какъ самостоятельный народъ. Турецкое иго уничтожило и послѣдніе слѣды невысокой болгарской цивилизаціи. Впрочемъ, полное отчужденіе отъ какихъ бы то ни было цивилизующихъ элементовъ могло бы въ умственномъ отношеніи убить и такую народность, которая стояла бы на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ болгары. Почти полугодовой гнетъ и нищета сдѣлали свое дѣло: болгары, вслѣдствіе миролюбиваго характера, слывутъ теперь трусами.

Однако, за послѣднія десятилѣтія движеніе стало замѣтно и между болгарами, пробужденіе многихъ славянскихъ племенъ задѣло за живое и ихъ. Въ настоящее время въ восточномъ вопросѣ фигурируютъ и болгары; грекамъ и османамъ не слѣдуетъ пренебрегать ими... «Молодая Болгарія» даетъ себя знать и тѣмъ, и другимъ. Болгарскіе юноши учатся въ европейскихъ университетахъ, затѣмъ возвращаются на родину и становятся вожаками своего народа; они воспламеняютъ въ немъ желаніе создать независимую Болгарію. Сербія и Россія оказываютъ имъ нравственную и матеріальную поддержку, и знамя возстанія не разъ уже развѣвалось въ Болгаріи. Въ 1867 году много шуму надѣлалъ походъ болгарскихъ легіоновъ. 150 человѣкъ въ національныхъ костюмахъ, въ полномъ вооруженіи, въ строгомъ порядкѣ перешли (подъ предводительствомъ Димитрія Язенова) Дунай, близь Систова; они задались мыслью поднять Балканскій полуостровъ на турокъ... Кончилось тѣмъ, что эта храбрая кучка, лозунгомъ которой были «свобода или смерть», уничтожена была черкесами и турками въ равнинѣ Дуная. Съ тѣхъ поръ броженіе умовъ въ Болгаріи не прекращается и возстаніе Герцеговины и Босніи взволновало болгаръ.

Взглянемъ теперь на положеніе грековъ въ Турціи. Греки обитаютъ преимущественно по берегамъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей, на Колхидскомъ полуостровѣ до пограничной своей линіи. На западѣ они живутъ въ перемежку съ албанцами, захвативъ побережье Іоническаго моря. Помня свою прошлую политическую жизнь и не забывъ, что Константинополь принадлежалъ когда-то имъ, они мечтаютъ занять мѣсто османовъ и господствовать на Балканскомъ полуостровѣ. Стремленія славянъ, и въ особенности болгаръ, не нравятся имъ, это не входитъ въ ихъ разсчеты, а потому въ настоящее время греки, также какъ и турки, относятся враждебно къ славянамъ.

«Грекъ, говоритъ Брадашка, для турка далеко не то, что славянинъ; турки, нѣкоторымъ образомъ, даже раздѣлили съ греками власть свою надъ славянами. Они предоставили эллинамъ духовное господство, ну, и эллины пользуются своею властью такъ безсовѣстно, что она становится часто тяжелѣе турецкаго гнета, поэтому болгаринъ ненавидитъ греческаго попа больше, чѣмъ турка и это тамъ не въ рѣдкость». Изъ фавара, греческаго квартала въ Константинополѣ, выходятъ духовные отцы и покупаютъ вакантныя мѣста епископовъ въ Болгаріи. Отъ болгарскаго епископа не требуется ни образованія, ни благочестія, словомъ—мѣсто епископа получаетъ тотъ, кто больше заплатилъ; эти епископы, въ свою очередь, продаютъ мѣста священниковъ въ своихъ епархіяхъ. Нѣкоторые богатые священники скупаютъ мѣстъ до двадцати и потомъ перепродаютъ

Библиотека "Руниверс"

ихъ, взимая жидовскіе проценты... Тяжело бѣдному болгарскому народу при такомъ порядкѣ вещей...

Фанаріотскіе епископы являются въ Болгарію, даже не зная языка этой страны, но за то проявляютъ чувство глубочайшаго презрѣнія ко всему болгарскому. Ненавидя все болгарское, и желая помочь осуществленію замысловъ грековъ, относительно господства на Балканскомъ полуостровѣ, они стараются огречанить болгарскій народъ, или, по крайней мѣрѣ, держать его въ нищетѣ и невѣжествѣ. Съ этою цѣлью они навязываютъ болгарамъ фанаріотскихъ учителей, чтобы изгнать народный языкъ изъ богослуженія и школы. Рѣзче всего проявилъ эту ненависть греческій епископъ Неофитосъ въ Трновѣ, гдѣ онъ сжегъ множество драгоцѣнныхъ болгарскихъ манускриптовъ (эти манускрипты заключали въ себѣ исторію страны отъ VII до XVI в.). Неудивительно послѣ этого, что болгары ненавидятъ свое греческое духовенство, живущее въ ладахъ съ турками.

Греки, покровительствуемые турками, имѣютъ еще и другое преимущество передъ славянами. Живя по большей части у береговъ моря, они занимаются торговлей, сталкиваются безпрерывно съ иностранцами, а потому гораздо развитѣе славянскаго пастуха и земледѣльца, почти отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра. Грекъ, кромѣ того, имѣетъ точку опоры въ независимомъ греческомъ королевствѣ, которое шевелитъ въ немъ воспоминанія о быломъ могуществѣ и наполняетъ его сердце осуществимыми упованіями. Вотъ почему многіе считаютъ грековъ настоящими наслѣдниками турокъ, хотя преобладающее населеніе Балканскаго полуострова—все таки славянское, а не греческое.

(Продолженіе будетъ).

Румынка.

(Нравоописательный очеркъ).

Темноволосая, черноокая красавица-румынка—не чужая въ семьѣ красавицъ другихъ народовъ Европы и съ нѣкоторыми изъ нихъ имѣетъ родственныя черты. Приближаясь по своему внѣшнему типу къ итальянкѣ, она полна южной, страстной нѣги испанки; наконецъ—какъ гречанка, рано давая пышный цвѣтъ, она также рано и отцвѣтаетъ. Было время, и не очень еще давно, что румынка ходила только въ своемъ родномъ, живописномъ костюмѣ, говорила только на своемъ звучномъ языкѣ, танцовала только свою молдавскую «хорру»—теперь не то—иные дни, иные нравы... Парижскія моды, французскій языкъ, кадриль, смѣнили отечественное, изгнали расшитые, затканные наряды женщинъ, почтенныя, восточнаго покроя одежды мужчинъ, надѣли на первыхъ парижскія «confections», а на послѣднихъ — короткіе сюртуки и цилиндры—словомъ—въ короткое время, придали странѣ новую наружность, вытѣснили старину.

Не все, однако, въ этой старинѣ было красиво и хорошо. Тяжелое ярмо крѣпостного права давило народъ; еще болѣе невыносимый гнетъ полнаго, безотраднаго рабства тяготѣлъ надъ цыганами—если по спинамъ крестьянъ-румынъ ходилъ кнутъ, то цыгане, сверхъ кнута, пробовали и кое что посерьезнѣе—въ доброе старое время, въ веселую пору раздольной, ничѣмъ не стѣсненной жизни, боярина—случалось—ставилъ его подъ дерево и учился надъ нимъ стрѣльбѣ въ цѣль...

Все это, конечно, уже принадлежитъ къ области прошлаго. Отмѣна (въ 40-хъ годахъ) крѣпостного права и рабства цыганъ, усовершенствованія, внесенныя въ систему народнаго образованія, сооруженіе желѣзной дороги, обновили Румынію, поставили ее на другой, лучшій путь, путь къ цивилизаціи и благосостоянію.

Возвращаясь къ нашему главному предмету, румынской женщинѣ, мы должны замѣтить, что для того, чтобы лучше ознакомиться съ нею, необходимо составить себѣ хотя приблизительное понятіе о ея отечествѣ, объ обществѣ и средѣ, въ которыхъ она воспитывается и живетъ.

Что касается простолюдинки о ней сказать многаго не придется: здѣсь, какъ и всюду, ея существованіе замкнуто въ тѣсный кругъ обыденныхъ заботъ, труда и лишеній. Сельское населеніе Румыніи небогато—прежній гнетъ фанаріотовъ, посылавшихся Портой, крѣпостная зависимость—оставили слѣды и эти слѣды еще не успѣли изгладиться совершенно. Объ этомъ ясно говоритъ убогая наружность деревни—рядъ деревянныхъ, крытыхъ соломой, курныхъ избъ, бѣдная церковь, бѣдное хозяйство, тощія коровенки... Слѣдуетъ, однако, сказать, что развитію благосостоянія препятствуетъ отчасти и лѣнь самого крестьянина,—однимъ изъ главныхъ видовъ наслажденія для него служитъ часто практикуемое «dolce far niente», безмятежное лежаніе подъ лучами солнца, льющимися на него съ благословеннаго ярко-голубого неба его родины, затѣмъ другая причина—это упорство, съ которымъ онъ стоитъ за первобытные пріемы въ своемъ хозяйствѣ: водка, арака также играетъ не малую роль. Ко всему тому напомнимъ еще объ одномъ условіи, задерживающемъ ходъ развитія экономическаго его быта. Дѣло въ томъ, что въ прежнія времена, когда существовало крѣпостное право, зависимость его отъ помѣщика ограничивалась постановленіемъ, въ силу котораго крестьянинъ считался не собственностью своего господина, а только человѣкомъ, состоявшимъ у него въ наймѣ; по прошествіи каждой четверти года онъ могъ отойти отъ него; но легко видѣть, что право это, въ сущности, было только чисто воображаемымъ правомъ—не говоря уже о томъ, что уходящему крестьянину пришлось бы бросить свой домъ, и все свое обзаведеніе, свое достояніе и идти по міру, не говоря уже объ этомъ—вѣковыя отношенія скрѣпили еще другимъ образомъ узы, приковывавшія его къ боярину — онъ у него находился въ неоплатномъ долгу; понятно, поэтому, что желавшіе воспользоваться своимъ правомъ обращались въ одному только средству—побѣгу. Полагаемъ, что не малой части крестьянъ и до сихъ поръ руки спутаны такими долгами,—нужно ли объяснять, какое вліяніе это обстоятельство можетъ имѣть на матеріальный бытъ крестьянина.

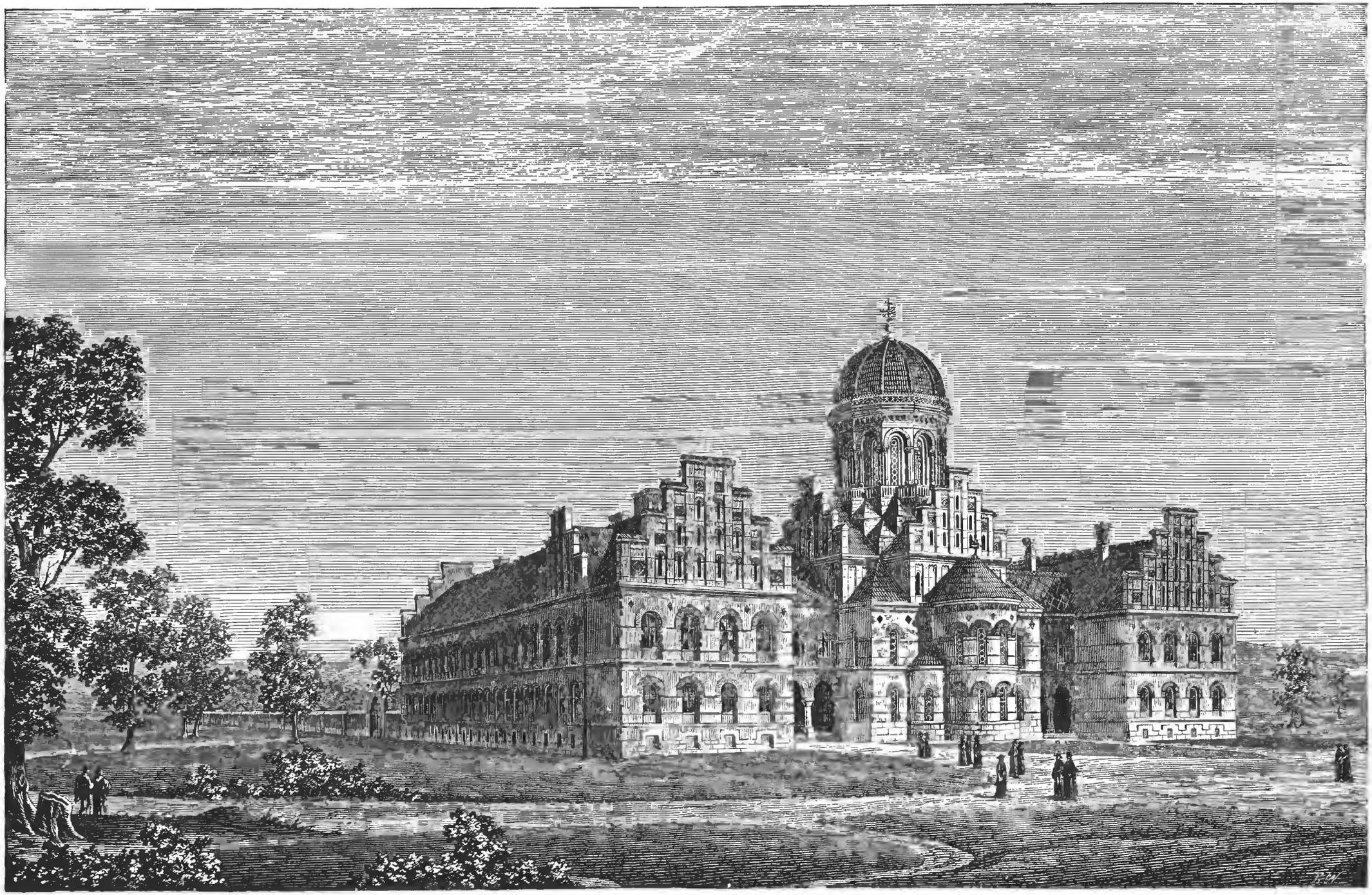
Обаяніе боярина, сельскаго господина, еще не исчезло, и часто можно видѣть, какъ торопливо, съ боязливой поспѣшностью, сворачиваютъ съ дороги телѣги поселянъ, когда, на встрѣчу имъ, во весь опоръ несется боярскій поѣздъ. 16 почтовыхъ лошадей мчатъ экипажъ, спереди и сзади скачетъ прислуга въ національныхъ костюмахъ, съ громадными пистолетами (никогда не стрѣляющими) за поясомъ; внутри же важно сидитъ бояринъ, рядомъ съ нимъ его жена, а напротивъ нихъ—любимый камердинеръ-французъ. Все снимаетъ шапки и кланяется.

Но вотъ праздникъ Пасхи. Все вокругъ уже улыбается веселою весеннею улыбкой. Высыпали и старъ, и младъ въ поле «на горы». Русскій человѣкъ увидѣлъ бы здѣсь свои родныя качели, они такъ и называются «русскими». Молодыя дѣвушки въ яркихъ нарядахъ, съ первыми весенними цвѣтами въ волосахъ и молодые парни качаются, прижавшись другъ къ дружкѣ... Поютъ, пляшутъ; опять знакомые русскому уху звуки и родной хороводъ. Дѣйствительно, народные напѣвы румынъ—грустная, заунывная мелодія, протяжнымъ ритмомъ разсказывающая нерпесесныя невзгоды... Подъ эти пѣсни медленно движется на зеленѣющемъ фонѣ луга пестрый кругъ танцующихъ... Красивъ стройный, смуглый парень, съ черными вьющимися волосами, свободно падающими на открытую шею; на немъ бѣлая рубаха, открытая на груди, полотняные шаровары; за кожанымъ поясомъ заткнутъ ножъ, трубочка, кисетъ съ табакомъ и кошель съ его убогой казной, на плечо накинута куртка бараньей шерсти, мѣхомъ вверхъ, ноги обуты въ высокіе, доходящіе до колѣнъ, сапоги; но, хороша и молодая румынка—ея темные волосы заплетены въ косы, ниспадающія изъ подъ навернутаго на голову пестраго платка, расшитая рубашка, такъ же какъ и у мужчины, оставляетъ грудь полуоткрытою, узкая юбка цвѣтной матеріи (да еще мѣховая кофта въ дурную погоду) заканчиваютъ костюмъ.

Румынскіе городки и города нѣсколько напоминаютъ наши, русскіе; знакомое, свое видимъ мы въ этихъ деревянныхъ домикахъ и каменныхъ палатахъ, скучившихся подъ сѣнью златоглавыхъ церквей. Сходство это, впрочемъ, не является однимъ «оптическимъ обманомъ», оно имѣетъ свое опредѣленное основаніе. Дѣло въ томъ, что въ румынской архитектурѣ, на ряду съ древне-византійскимъ стилемъ, къ которому относятся старинѣйшіе храмы и зданія, существуетъ типъ русскихъ построекъ, господствующій въ строеніяхъ, относительно позднѣйшаго времени.

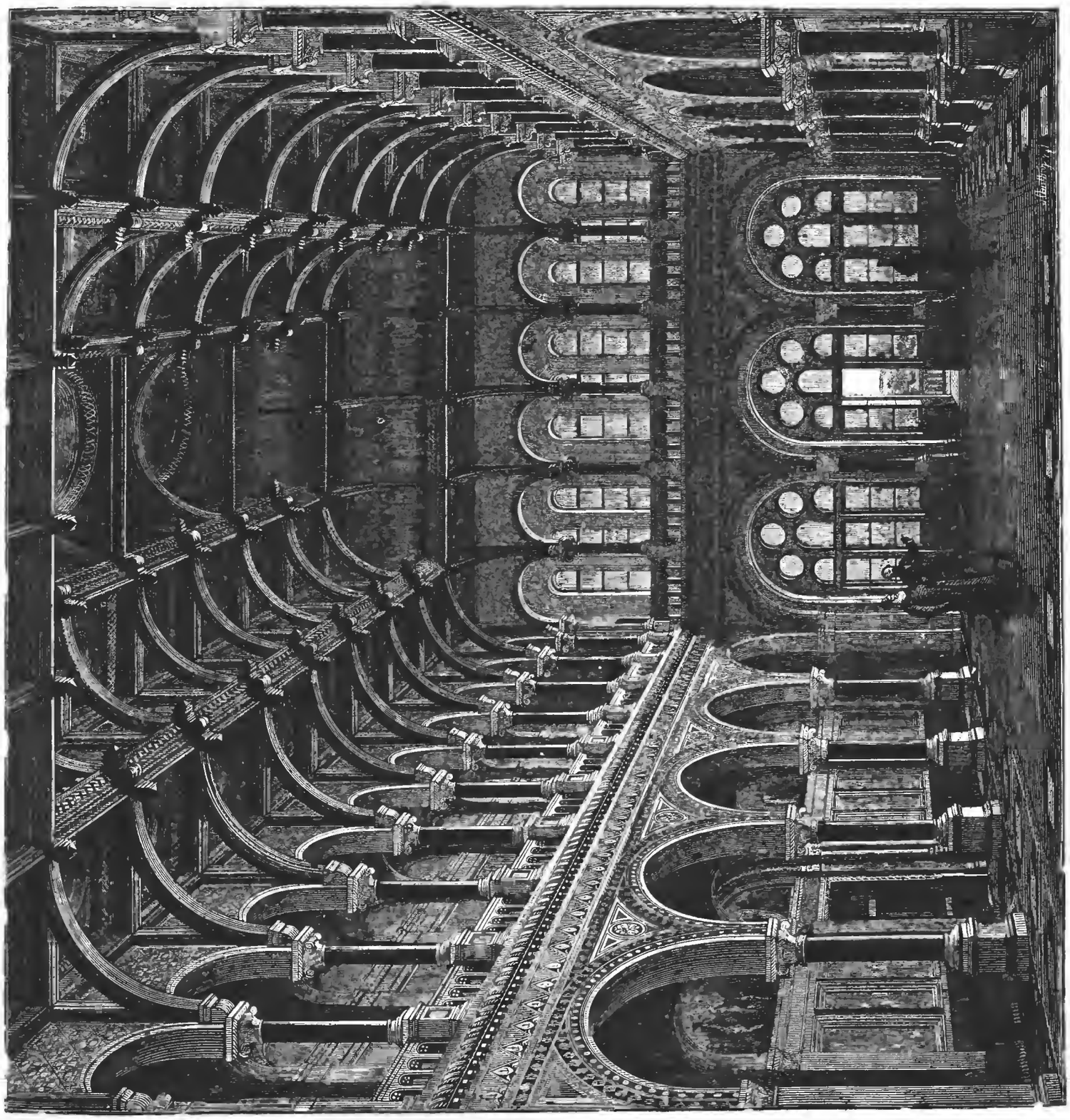
Старыя боярскія жилища—обыкновенно массивныя каменныя зданія. Наружный входъ прямо ведетъ въ большую залу, по сторонамъ которой расположены отдѣльныя комнаты; отсюда подымается каменная лѣстница въ верхній этажъ, расположенный по тому же плану, какъ и нижній; вокругъ этого главнаго корпуса идутъ различныя домашнія постройки — кухня, флигеля для низшей прислуги, конюшни и проч. Часто надъ воротами громаднаго двора выстроена сторожевая башня. Замѣтимъ кстати, что турки, во время своего владычества надъ страной, не допускали существованія укрѣпленныхъ замковъ. Во время же возстаній, роль крѣпостей всегда играли обнесенные высокой стѣной монастыри. До начала нашего столѣтія, убранство боярскаго дома было весьма не затѣйливо, и притомъ господствовалъ восточный вкусъ. Вся мебель состояла изъ диваповъ, шедшихъ кругомъ всей комнаты, по стѣнѣ. Теперь все это можно встрѣтить только въ нѣкоторыхъ парикмахерскихъ и кофейняхъ. Въ домахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ, высшая власть надъ слугами мужскаго пола была сосредоточена въ рукахъ дворецкаго, а во главѣ женской—стояла особая довѣренная, нѣчто въ родѣ экономки. Въ былыя времена, къ обязанностямъ ихъ относились и распоряженія о наказаніи нерадивыхъ. Нынѣ же зачатки цивилизаціи уже изгнали подобную расправу изъ хоромъ—она уже немыслима. Какъ всюду, во всякой странѣ—и въ Румыніи первымъ проводникомъ цивили-

Библиотека "Руниверс"



Зданіе православной духовной семинаріи въ Черновицахъ. Съ фотогр. рѣзалъ на деревѣ, Р. Веницкій.

Библиотека "Руниверс"



Одна изъ залъ въ православной духовной семинаріи въ Черновицахъ. Съ фотогр. рѣзалъ Кистинтъ.

Библиотека "Руниверс"

заціи служитъ высшій классъ, т. е. бояре. Но—и это, конечно, въ порядкѣ вещей—они ознакомили страну не съ сущностью, а съ заманчивою ея внѣшностью. Если при этомъ принять во вниманіе, что источникомъ свѣта для румынъ служилъ и служитъ веселый Парижъ—то понятно, что знакомство съ плодами западной цивилизаціи вышло нѣсколько поверхностно. Зато высшее румынское общество офранцузилось въ сильной степени: французскія моды, французскій языкъ, французская кухня—пріобрѣли тамъ полное право гражданства — изрѣдка, въ толпѣ фраковъ и сюртуковъ мелькнетъ (преимущественно на старикахъ) національный костюмъ, и отъ времени до времени, въ антракты между 2 кадрилями, покажется «хорра» — но это бываетъ не часто. Насколько можно видѣть изъ свидѣтельства путешественниковъ, проѣхавшихся изъ Яссъ въ Букарештъ (Boukoureschti)—городъ удовольствій), заглянувшихъ и въ менѣе значительные города и присмотрѣвшихся къ нынѣшней физіономіи общества, къ его внутреннему содержанію, приходится, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, констатировать фактъ почти полнаго отсутствія серьезной образованности, солидныхъ знаній. Многіе, болѣе строгіе судьи-наблюдатели, находятъ даже, что пріобрѣтенная внѣшность цивилизаціи —не болѣе, какъ весьма непрочный, поверхностный слой, блестящій лоскъ, слабо прикрывающій природныя еще склонности, соотвѣтствующія грубому, турецкому прошедшему. По этимъ отзывамъ, румынская «интеллигенція» и въ религіозномъ отношеніи стоитъ не высоко. Новая оболочка не могла, однако, вытѣснить истинной добродѣтели румынъ -гостепріимства. Чуть ли не каждый день богатый бояринъ закармливаетъ на убой толпу гостей. Столъ его, хотя и потерпѣлъ сильное вторженіе французскаго меню, которое полновластно господствуетъ въ его кухнѣ, но все таки, еще пока, представляетъ образчики туземной гастрономіи, между которыми большую роль играетъ пилавъ, а также, между прочимъ, національное, общенародное блюдо «мамалиге»—ржаной пуддингъ, обсыпанный сыромъ и т. д.

Румынъ большой любитель увеселеній, и богатые бояре чрезвычайно много тратятъ на балы. Къ сожалѣнію не дешево обходится имъ страсть къ картамъ, какъ прежде къ рулеткѣ. Много теперь по странѣ одиноко и молчаливо стоитъ запущенныхъ барскихъ домовъ, заглохшихъ парковъ, уныло говорящихъ о прежнемъ богатствѣ, о прежнемъ величіи... Знакомыя картины!..

Всѣми этими удовольствіями бояре и боярыни пользуются, конечно, зимой. Сезонъ бываетъ, обыкновенно, чрезвычайно оживленнымъ, представляя безконечный рядъ баловъ и празднествъ всякаго рода, которыми, въ особенности, спѣшатъ насладиться молоденькія дѣвушки, очень рано выдаваемыя замужъ. Изъ всего того, что до сихъ поръ мы сказали о румынскомъ обществѣ, можно понять, что женщина этой среды едва ли напоминаетъ въ нравственномъ отношеніи, твердыхъ, строго безукоризненныхъ древнихъ римлянокъ (понятно, первой эпохи). Румынка—граціозная, кокетливая куколка, ея сфера—наряды, балы, любовь. Серьезное, степенное, положительное не ладится съ нею; ни воспитаніе, ни общество не насаждаютъ и не возращаютъ въ ней этихъ чертъ.

Великій постъ прерываетъ только собственно шумныя удовольствія—ихъ смѣняютъ поѣздки за городъ къ знакомымъ, живущимъ по деревнямъ, или же въ монастыри, гдѣ проводятъ по нѣскольку дней. Замѣчательно, какъ характеристическая черта прошлаго страны—монастыри служили въ прежнее время мѣстомъ заключенія невѣрныхъ женъ и провинившихся чиновниковъ.

Лѣтомъ въ городскомъ палаццо боярина наступаетъ полное затишье. Онъ самъ—въ имѣніи, а жена на водахъ, или же оба вмѣстѣ (или порознь) заграницей.. Къ числу лѣтнихъ удовольствій относятся вечернія поѣздки за городъ. Во многихъ городахъ съ этою именно цѣлью разбиты особые парки, сады, или выстроены ряды вокзаловъ, гдѣ лѣнивый румынъ—естественный врагъ маціона—не рѣдко въ полной неподвижности проводитъ часы своей «sieste».

Такъ течетъ безпечная домашняя жизнь этого общества, служа характеристической рамкой беззаботной румынской красавицѣ.

Черновицы.

Буковина—небольшая область австрійской имперіи, вообще малоизвѣстна, такъ какъ рѣдко посѣщается путешественниками; и еще потому она для многихъ terra incognita, что объ ней писано весьма немного. Между тѣмъ, для насъ, русскихъ, эта мѣстность имѣетъ особый интересъ, такъ какъ большинство жителей ея,—православные и русскаго происхожденія. Здѣсь же обитаетъ нѣсколько тысячъ Литованъ, то есть русскихъ раскольниковъ переселившихся изъ внутренней Россіи и сохранившихъ до сихъ поръ въ цѣлости родной говоръ и обычаи. Исторія Буковины не богата событіями; въ древности она составляла часть Троянской Дакіи, подпавъ подъ власть турокъ, она въ 1775 году перешла во владѣніе Австріи. Названіе свое, Буковина, какъ полагаютъ, получила преимущественно отъ изобилія въ ней буковыхъ лѣсовъ. Главный городъ Буковины, Черновицы расположенъ на гористыхъ берегахъ широкаго и прозрачнаго Прута и окруженъ живописною мѣстностью; повсюду видѣнъ лѣсъ и скалы, и общій видъ города съ большимъ числомъ прекрасныхъ, грандіозныхъ зданій, со множествомъ башенъ и куполовъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Городъ быстро развивается: по переписи, произведенной австрійскимъ правительствомъ въ 1869 году, въ немъ оказалось уже 33,884 жителей и нынѣ онъ занимаетъ, вмѣстѣ съ своими четырмя предмѣстьями, пространство въ квадратную географическую милю. Нѣмецкое вліяніе здѣсь всего болѣе замѣтно на устройствѣ гостинницъ, которыя ими содержатся въ необыкновенной опрятности. Нѣмцамъ же обязанъ городъ устройствомъ многочисленныхъ и изящныхъ караульныхъ домовъ. Въ торговлѣ и промышленности преобладаютъ молдаване и евреи. Послѣдніе забрали въ свои руки всѣ торговыя дѣла города и дѣлаютъ особенно блистательные гешефты во время бывающихъ здѣсь ежегодно, въ іюнѣ и октябрѣ, двухъ большихъ, мѣстныхъ ярмарокъ. Древнѣйшія письменныя извѣстія о Черновицахъ относятся къ XVI столѣтію: въ 1520 году Черновицы значатся еще небольшой деревней, состоявшей подъ управленіемъ одного изъ молдавскихъ старостъ. Начало къ увеличенію этого поселенія и къ возведенію его на степень города положено молдавскими государями Василіемъ Лупулой и Григорьемъ Гикой (1634—1660 г.) а въ 1711 году при заключеніе господаремъ Дмитріемъ Кантемиромъ союза съ императоромъ Петромъ Великимъ, Черновицы уже были городомъ весьма замѣчательнымъ. Нынѣ въ Черновицахъ сосредоточиваются всѣ присутственныя мѣста для главнаго управленія Буковиной. Церквей православныхъ въ городѣ три, изъ которыхъ одна служитъ каѳедральнымъ соборомъ; кромѣ того, въ городѣ находятся: одна римско-католическая церковь, одна лютеранская, одна греко-уніатская и еврейская синогога. Черновицы служатъ мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, подъ вѣдѣніемъ котораго состоитъ православная духовная консисторія и богословскій институтъ (Theologische Lehranstalt), служащій главнымъ разсадникомъ православныхъ священниковъ Буковины. Этотъ институтъ основанъ въ 1826 году, но уже со времени присоединенія Буковины къ Австріи австрійское правительство принимало мѣры чтобы поднять низкій уровень образованія мѣстнаго православнаго духовенства. Въ монастырѣ Хорсча была основана первая духовная семинарія. Въ 1800 году она была перенесена въ Черновицы а потомъ преобразована въ нынѣ существующій богословскій институтъ. Въ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ курсъ продолжается четыре года. Первоначально всѣ предметы читались по нѣмецки и по латыни, но съ 1849 года лекціи читаются на языкѣ румынскомъ. Такъ какъ въ богословскомъ институтѣ учащаяся молодежь только слушаетъ лекціи, но не пользуется ни помѣщеніемъ, ни столомъ, то при институтѣ существуетъ особая семинарія въ которой 50 студентовъ получаютъ полное содержаніе Лучшіе изъ воспитанниковъ посылаются на счетъ епархіальнаго фонда въ Вѣну, для довершенія своего богословскаго образованія, въ тамошнемъ университетѣ гдѣ существуетъ особая каѳедра по предмету каноническаго права православной восточной церкви. Воспитанники Черновицкой семинаріи обучаются также церковному пѣнію. Въ дни праздничные они поютъ въ каѳедральномъ соборѣ и прекрастымъ пѣніемъ, совсѣмъ непохожимъ на греческой носовой напѣвъ, могутъ соперничать съ лучшими хорами нашихъ отечественныхъ храмовъ. Вообще въ Черновицахъ русскій человѣкъ какъ дома; родной языкъ, родная вѣра, родные обычаи—сближаютъ его съ далекой родиной и заставляютъ позабыть, что онъ на чужбинѣ. Наружный и внутренній видъ зданія черновицкой духовной семинаріи, переименованной, какъ сказано выше, въ богословскій институтъ изображены въ настоящемъ номерѣ «Нивы». Зданіе, какъ можно видѣть изъ рисунка, имѣетъ весьма широкіе размѣры и отличается чрезвычайно красивымъ видомъ. Своеобразная архитектура постройки, съ поднимающимися вверхъ фронтонами главнаго фасада, служащими какъ бы продолженіемъ зданія и оканчивающимися уступами, придаетъ ему грандіозный видъ. Другой рисунокъ представляетъ внутренній видъ одной изъ залъ той же семинаріи. Здѣсь, также какъ и въ наружномъ видѣ,—много красоты и величественности. Высокая въ два свѣта зала имѣетъ еще хоры, которые идутъ кругомъ всей комнаты поддерживаемые колоннадою. Хоры, въ свою очередь, имѣютъ тоже колонны, каждый промежутокъ между которыми образуетъ полукруглый сводъ. Потолокъ опирается на два яруса какъ бы выгнутыхъ балокъ, что въ особенности придаетъ этой залѣ много красоты и грандіозности.

А. Невельской.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Итакъ рубиконъ перейденъ! 20-го іюня, генералъ Черняевъ взялъ турецкій лагерь на Бабиной Главѣ, у Ниша, причемъ турки бѣжали съ такою поспѣшностью, что побросали пушки и багажъ. Затѣмъ имъ взята Акпаланка. Въ то же время генералъ Алимпичъ овладѣлъ внѣшними укрѣпленіями Бѣлины, черногорцы имѣли дѣло у Подгорицы. «До сихъ поръ, по словамъ «Международнаго агентства» сербы имѣютъ успѣхъ повсюду».

По всѣмъ свѣдѣніямъ, на долю генерала Черняева выпадаютъ главнѣйшія и важнѣйшія военныя операціи, предъ нимъ лежитъ широкій, хотя и трудный путь по Болгаріи и дальше...

Тяжелыя минуты переживаетъ Мурадъ V. Вотъ какъ изображаютъ положеніе дѣлъ въ Константинополѣ: правительство находится въ большомъ затрудненіи. Не малою причиною тому служатъ софты. Европа сильно заблуждалась на ихъ счетъ. Она видѣла въ нихъ передовыхъ, просвѣщенныхъ людей мусульманскаго элемента Турціи, желавшихъ возрожденія Оттоманской имперіи посредствомъ осуществленія современныхъ началъ правосудія, равновѣсія властей и равенства всѣхъ гражданъ въ отношеніи обязанностей и правъ. Благодаря болѣе, чѣмъ недостаточному образованію, ограничивающему кругъ ихъ понятій узкими исламистскими воззрѣніями, внушающими презрѣніе къ христіанамъ, софты оказываютъ упорное сопротивленіе единственной системѣ, которая, доставляя христіанамъ гражданское и политическое равенство, могла бы можетъ быть сколько нибудь, унять вражду этихъ послѣднихъ, представляющихъ, какъ извѣстно, большинство, большинство грозное... Съ самаго начала можно уже предвидѣть, что Митхадъ-Паша не можетъ разсчитывать на поддержку софтъ, что они оставятъ его—такъ и случилось. Лучшимъ доказательствомъ невѣжества софтъ служитъ то обстоятельство, что, требуя конституціи, они были убѣждены въ томъ, что дѣло идетъ о способѣ спасенія имперіи по составленному ими о томъ себѣ идеалу. Идеалъ же этотъ заключается въ необходимости строгаго примѣненія «*шери*», отступленіе отъ котораго и привело, по ихъ мнѣнію, имперію къ настоящему ея положенію. Поэтому, какъ только они увидѣли, что на сцену всплылъ вопросъ о равноправности христіанъ, они тотчасъ же измѣнили направленіе. Нѣкоторые, впрочемъ, ему остались еще вѣрны, но это не болѣе какъ, исключеніе, и они составляютъ только незамѣтную группу въ массѣ большинства, держащагося «шери». Значительное число софтъ отправилось по провинціямъ, съ цѣлью устроить тамъ организованное противодѣйствіе намѣренію правительства доставить христіанамъ равныя права съ мусульманами. Вотъ этимъ-то именно обстоятельствомъ и объясняется отсутствіе иradэ, выражающихъ собою тѣ либеральныя стремленія, которыя возбудили столько надеждъ. Но это еще не все. Самыя обстоятельства, самый способъ вступленія Мурада V на престолъ пошатнулъ въ странѣ авторитетъ и обаяніе султанской власти. Въ Стамбулѣ уже начали открыто говорить, что, если Мураду V-му дали тронъ, то можно и отнять его. Этотъ взглядъ уже высказывается на отношеніяхъ населенія къ правительству, и онъ окрѣпъ подъ впечатлѣніемъ умерщвленія министровъ: во всякой другой странѣ это злодѣйство вызвало бы взрывъ взрывъ общаго негодованія —здѣсь же, напротивъ, отнеслись какъ бы съ восторгомъ къ тому, что называютъ «мужествомъ» черкеса. Само правительство поступаетъ съ крайнею безтактностью, увеличиваетъ серьезность своего положенія, не умѣя скрывать опасеній своихъ. Во дворецъ впускаютъ не иначе, какъ послѣ строгаго обыска и допроса. Караулы всюду усилены. Министры принимаютъ всевозможныя предосторожности противъ новаго покушенія. Къ общимъ причинамъ недовольства присоединяется много частныхъ. Такъ, напримѣръ, неуплата до сихъ поръ невыданнаго жалованья чиновникамъ. Другая причина — менѣе основательная — заключается въ нарушеніи новымъ правительствомъ обычая раздавать деньги по случаю новаго воцаренія. Въ Гераганѣ и Долма-Бахче найдены деньги, это всѣмъ извѣстно, но правительство, не желая дѣлать непроизводительныхъ тратъ, сберегаетъ эти суммы, что, въ особенности, является наиболѣе понятнымъ въ виду настоящихъ событій. Но эти благоразумныя мѣры чрезвычайно неправятся безчисленнымъ поставщикамъ и тѣмъ же чиновникамъ. Иностранныя газеты, передавая эти подробности, говорятъ, что султанъ сильно опечаленъ такимъ положеніемъ дѣлъ, опасности котораго ему ясны. Близко стоящія къ нему лица утверждаютъ, что онъ высказываетъ искреннія сожалѣнія по поводу всего, что происходитъ. Мурадъ V непремѣнно желалъ бы выполнить обѣщанія, данныя имъ Европейскимъ державамъ и весьма склоненъ къ мѣрамъ, эмансипирующимъ христіанъ. Но—тутъ мы встрѣчаетъ характеристику новаго государя Турціи—намѣренія его, по отзывамъ знающихъ людей, прекрасны, къ сожалѣнію у него нѣтъ рѣшительности въ характерѣ, что является послѣдствіемъ гаремной жизни. Въ немъ проявляется общая, отличительная черта турокъ высшаго класса—отсутствіе устойчивости и энергіи воли

Осязательнымъ признакомъ слабохарактерности Мурада V-го служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что, по видимому, во дворцѣ возстанавливается порядокъ, дѣйствовавшій при Абдулъ Азисѣ. Нынѣшняя султанша-валидэ (т. е. мать царствующаго султана), имѣющая большое вліяніе на своего сына, желаетъ занять въ управленіи дѣлами то же мѣсто, какое принадлежало и матери бывшаго султана. Для нея уже составляется оффиціальный штатъ. Два чиновника министерства иностранныхъ назначены секретарями къ ней. Ея кафе-шенку (каведжи-баши) пожалованъ орденъ Меджидіэ 3-й степени; слѣдуетъ замѣтить, что этотъ каведжи-баши лицо весьма невысокое—не болѣе, какъ камердинеръ. Нѣкоторые изъ евнуховъ тоже получили ордена. Все это сильно напоминаетъ прошлое царствованіе, когда, напримѣръ, Абдулъ-Азисъ, въ веселый часъ, раздавалъ ордена поварамъ и даже поваренкамъ.

Сначала надѣялись, что новое правительство помилуетъ арестованныхъ болгаръ. Этотъ актъ милосердія имѣлъ бы за себя, кромѣ другихъ основаній, еще то оправданіе, что многіе изъ инсургентовъ (при извѣстной мягкости болгаръ) были побуждены къ возстанію звѣрствами, совершенными баши-бузуками (что подтверждается оффиціальными донесеніями агентовъ иностранныхъ державъ въ Филиппополѣ и Адріанополѣ). Цѣлые города и деревни вырѣзаны (болгары насчитываютъ до 35-ти тысячъ жертвъ, турки же до 18-ти тысячъ), разграблены и выжжены. Примѣры, характеризующіе эти злодѣйства — безчисленны и ужасны. Въ Ямбали, напримѣръ, баши-бузуки разграбили домъ одного изъ почетнѣйшихъ жителей, Хаджиіэ и, связавъ его, на глазахъ у него же, истязали его 14-ти лѣтнюю дочь, которая не вынесла позора и истязаній и умерла. Собираемыя въ Филиппополѣ статистическія данныя показываютъ, что въ одномъ этомъ округѣ сожжено 43 деревни, представлявшихъ общее число 5,800 домовъ. Большая часть жителей перебита, а красивѣйшія изъ женщинъ уведены для продажи въ гаремы... Но—мстители и освободители уже не далеко!...

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Книжный магазинъ Базунова, принявъ годовую подписку на журналъ «Нива» отъ нижепоименованныхъ 60 лицъ, уплатилъ въ контору журнала только половину полученной имъ суммы, т. е. полугодовую подписку. Подписались чрезъ магазинъ Базунова слѣдующія лица: (№ по порядку отъ 18446 по 18506).

Г. Каменевъ, ст. Брянскъ. Г. Тарновскій, ст. Заплазы. Библіотека Благор. Собр. г. Красноярскъ. Г. Савинкова, г. Оренбургъ. Г. Кирюшина, ст. Брянскъ. Г. Хрущевъ, г. Старый-Осколъ. Г. Штернбергъ, г. Оренбургъ. Г. Озмидовъ, ст. Рудня. Клубъ Благород. Собр. г. Смоленскъ. Г. Ладыгинъ, г. Гельсингфорсъ. Земск. Публичн. Библіотека, г. Ладрискъ. Г. Тереховъ, г. Ловиза. Г. Лайкевичъ, г. Стародубъ. Библіотек. Главн. Конт. Школьнск. им. м. Шюла. Г. Уманецъ, г. Новозыбковъ. Г. Сулиминьскій, г. Желеховъ. Г. Жуковъ, г. Чембаръ. Г. Галицкій, г. Порѣчье. Г. Шевченко, г. Мелитополь. Г. Ветчининъ, г. Тамбовъ. Г. Орловъ, г. Нарва. Г. Добровольскій, г. Елизаветградъ. Г. Лепскій, г. Борисоглѣбскъ. Г. Оленинъ, ст. Ерактурская. Г. Чирковъ, г. Перехта. Г. Корниловъ, г. Зайсанскій Постъ. Г. Лебедевъ, г. Омскъ. Г. Реймерсъ, г. Туркестанъ. Г. Быстрицкій, г. Владиміръ. Г. Ситковъ, г. Маріехамъ. Г. Майеръ, г. Велижъ. Библіот. 78 пѣх. Новачинск. п. чр. г. Грозный. Библіот. Новогеоргіев. крѣпост. батал. чр. м. Новый Дворъ. Г. Явленскій, г. Ченстоховъ. Казенная II лата г. Баку. Г. Бестужевъ, г. Изюмъ. Г. Яковлевъ, г. Орскъ. Библіот. 38 пѣхот. Тобольск. полка, г. Петроковъ. Г. Добродѣевъ, г. Орелъ. Г. Рындинъ, г. Старый-Осколъ. Г. Любомудровъ, г. Брянскъ. Библіот. № 3 Оренб. казачьяго полка, г. Чемкентъ. Г. Клеопинъ, г. Ялта. Г. Калмыковъ, г. Курганъ. Г. Позенъ, ст. Сомина. Г. Горбачевъ, г. Екатеринодаръ. Г. Мансурадзо, чр. г. Грозный. Г. Струковъ, г. Екатеринославъ. Офиц. библ. запаса эск. 7 гусарскаго полка, слоб. Бутурлиновка. Губерн. Земск. Управа, г. Новгородъ. Губерн. Земск. Управа, г. Новгородъ. Г. Линицъ, г. Тобольскъ. Г. Бурдинъ, г. Шадринскъ. Г. Смирнова, г. Чемкентъ. Г. Конопельскій, укр. Чинаэ. Г. Запѣвинъ, г. Верхнеуральскъ. Г. Фоминъ, ст. Ольховый-Рогъ. Г. Козинъ, г. Нижній-Новгородъ. Мэрсвъ, г. Дмитровскъ.

Издатель журнала «Нива» имѣетъ честь увѣдомить гг. вышепоименованныхъ своихъ подписчиковъ, что сумма, слѣдующая за второе полугодіе «Нивы» **удержана** магазиномъ Базунова и въ настоящее время, по закрытіи магазина, представляется большое затрудненіе къ ея полученію. Это затрудненіе, можетъ быть вполнѣ безнадежное, и должно бы, по справедливости, пасть на гг. подписчиковъ, довѣрившихъ подписную сумму означенному магазину, въ которомъ «Нива» никогда не имѣла своей конторы; но издатель Нивы, дорожа вниманіемъ своихъ подписчиковъ, имѣетъ честь увѣдомить означенныхъ лицъ что, **высылка имъ журнала «Нива» за второе полугодіе прекращена не будетъ,** и премію они также получатъ наравнѣ съ другими.

А. Ф. МАРКСЪ.

ОПЕЧАТКА: Въ № 26, въ статьѣ: «Князь Антіохъ Кантемиръ» вкрались важныя опечатки. Упоминаемые тамъ года: 1822, 1823, 1825 и 1829 — слѣдуетъ замѣнить 1722, 1723, 1725 и 1729-мъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Г. Саратовъ. Кружку читателей «Нивы».** Портретъ **Чарльза Дарвина** былъ помѣщенъ въ № 20 журнала «Нива» за 1871 годъ.

2) **Г. С., Р въ.** Портретъ и біографія **Жоржъ Зандъ** были приготовлены для № 26, но не помѣщены по неимѣнію мѣста; они будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № 28 «Нивы».

3) **Ст. Обречинская, г Яхонтову.** Редакція «Нивы» получила журналъ «Пчела» по № 13, но о срокѣ выхода слѣдующихъ №№ пѣтъ никакихъ свѣдѣній.

4) **Ростовъ, Л. Д.** Портретъ и біографія генералъ-маіора **М. Г. Черняева** уже приготовлены къ печати и войдутъ въ слѣдующій № 28 «Нивы».

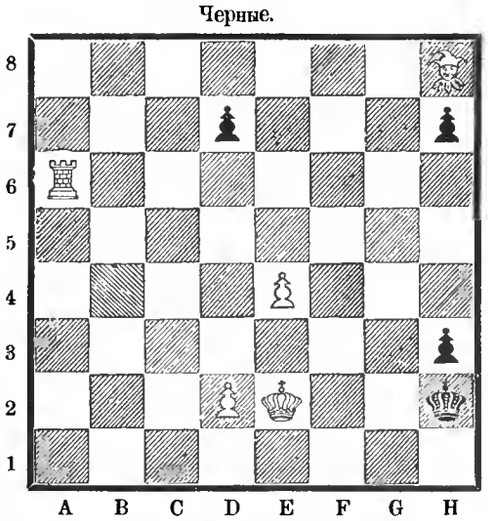
Библиотека "Руниверс"

Юмористическіе очерки.

— Послушай, ты помни, что если еще позволишь себѣ на столько-же вырости, какъ въ послѣдніе полгода, то я тебѣ откажу отъ должности. Смотри-же!

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

задачи въ «Нивѣ» № 25.

Бѣлые.	Черные.
1) Ферза D 3 — D 5×	1) Король C 6 — B 6
2) Ферза D 5 беретъ Конь B7×	2) Король B6 беретъ Ферзу B7
3) D 7 — D 8 поставится Конь, дающій ×	3) Король B 7 — B6
4) Конь F 4 — D 5××	

СОДЕРЖАНІЕ. **Солигамскъ** (съ 2-мя рисунками). **С. Г.**—**Въ новый путь** (записки молодой дѣвушки). **Е. Т.**—**Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія** (съ картой).—**Румынка** (съ рисункомъ).—**Черновицы** (съ 2-мя рисунками). **А. Невельского**.—Политическое обозрѣніе.—Отъ издателя.—Почтовый ящикъ.—**Юмористическіе очерки** (съ рисункомъ).—Шахматная задача.—Объявленія.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ІЮЛЬ съ 38 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.

Д. П. Стахѣева.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за іюнь 1875 года.
№ 43. 2—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—1

КАРЛЪ БАУХЪ,

по Большой Морской домъ Роемана № 9,

приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

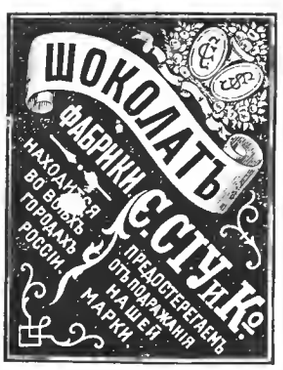
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою **1 р. 60 к.**, для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года **90 к.** съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской епохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Штильмагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.



45—37

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналѣ «Нива», могутъ найдти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородными подписчиками.

«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку нонпарейля (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 „Нивы". 6—8

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26—15

26—15

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора**, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Цѣна жестянки **85 к.** безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія)**. 26—6

Присталъ сестеръ бѣлый съ желтыми пятнами, больной. 7 ул., д. № 42, кв. № 3, отъ 6 час. вечера. № 38.

Сибирскія, противъ зубной боли, капли, Л. Гриппгорна. Во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ въ С.-Петербургѣ; также у Рульковіуса и Гольма, въ Казанской ул., на углу Демидова пер. и въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, у Полицейскаго моста, въ д. Вашмакова. Въ Харьковѣ: въ отдѣленіи этого общества, у Лопацинскаго моста, въ д. Бодаевскаго. Цѣна 75 коп. 4—4

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—44

РѢЗЦЫ ДЛЯ ВЫРѢЗКИ ВЫКРОЕКЪ. 4—4

Инструментъ этотъ, необходимый для всѣхъ, желающихъ заготовлять бѣлье или костюмы, по приложеннымъ къ «Нивѣ» выкройкамъ парижскихъ модъ, можно выписывать чрезъ редакцію «Нивы». Цѣна **1 р.**, съ пересылкою **1 р. 50 коп.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 1 Іюля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, № 9. Тип. Валдина, Анг. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 28 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 12 Іюля 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живаварева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногородныхъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

Отечество наше понесло недавно чувствительную утрату: 19-го марта умеръ въ Берлинѣ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Онъ скончался въ тамошней больницѣ, послѣ операціи на правой рукѣ, операціи, имѣвшей смертельный исходъ: развившаяся гангренозная рожа свела въ могилу Юрія Ѳедоровича. Тѣло его было привезено въ Москву и 30-го числа того-же мѣсяца предано землѣ въ Даниловскомъ монастырѣ, за семейною рѣшеткою Самариныхъ, почти рядомъ съ могилой другой, свѣтлой, энергичной личности — славянофила Хомякова. Въ Петербургѣ и Москвѣ много было произнесено надгробныхъ словъ и рѣчей въ честь и память умершаго, а въ засѣданіи Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета проф. здѣшняго университета А. Д. Градовскій предложилъ ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи объявить повсемѣстную подписку для установленія, въ честь Ю. Ѳ. Самарина, преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи. Тотъ же Петербургск. отдѣлъ Славянск. комитета вмѣнилъ себѣ въ долгъ сохранить «въ назиданіе всему русскому обществу» *черты строго-нравственнаго внутренняго образа* Юрія Ѳедоровича Самарина — сохранить ихъ для потомства, т. е. издать отдѣльной книжкой всѣ рѣчи, произнесенныя въ честь и память покойнаго. Надъ изданіемъ такой книжки потрудился академикъ Я. К. Гротъ, и она уже находится въ продажѣ. Къ книжкѣ приложенъ портретъ Ю. Ѳ. Самарина.

Но кто же былъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ? спросятъ, можетъ быть, тѣ, которые, за недосугомъ и служеніемъ злобѣ дня, не знали и не знаютъ, что творится вокругъ нихъ... Князь—графъ—министръ—ну, наконецъ, не былъ ли этотъ Самаринъ храбрымъ генераломъ?.. Нѣтъ, что-то не слышно было въ рядахъ нашихъ воиновъ такой фамиліи...

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Рисов. и грав. А. Пейманъ.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ — былъ *истымъ русскимъ человѣкомъ*, русскимъ гражданиномъ, общественнымъ дѣятелемъ «въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова», какъ выразился князь А. И. Васильчиковъ въ рѣчи своей—«не изъ тѣхъ (дѣятелей), которые только держатъ рѣчи и сочиняютъ проекты, но изъ другихъ, которые и словомъ, и дѣломъ, и своими познаніями и умомъ, и своимъ участіемъ къ пробуждающейся общественной жизни принесли дѣйствительно пользу отечеству и своей братьѣ не только меньшей, но и большей...» Нынче, какъ извѣстно, довольно развелось «общественныхъ дѣятелей», и хорошо тоже извѣстно, *что* именно заставляетъ ихъ класть свою лепту на алтарь отечества. Для нихъ холодный разсчетъ прежде всего: «потружусь, положу лепту, а получу, можетъ быть, двѣ лепты, да еще съ процентами, ну, и мавзолей, пожалуй, поставятъ...»

Свои лепты Юрій Ѳедоровичъ отдавалъ *безвозвратно*, процентами съ нихъ не пользовался, о мавзолеѣ не помышлялъ: вся жизнь его прошла въ безкорыстномъ служеніи наукѣ и дѣлу. Въ сердцѣ Самарина не было мѣста ни властолюбію, ни честолюбію. Для удовлетворенія этихъ чувствъ (приводимъ слова

Библиотека "Руниверс"

изъ рѣчи князя Васильчикова), людямъ даровитымъ, какъ Самаринъ, и притомъ поставленнымъ по рожденію на высшихъ ступеняхъ общества, нужно немного небольшаго усилія надъ своею совѣстью: нужно только пожертвовать нѣкоторой частію своихъ убѣжденій, уступить болѣе или менѣе, *смотря по обстоятельствамъ*, духу, или духамъ, вѣющимъ съ извѣстныхъ сторонъ,—и только...» Вотъ этой-то уступки «смотря по обстоятельствамъ» Самаринъ и не дѣлалъ никогда, не пожертвовалъ «нѣкоторой частью своихъ убѣжденій, однимъ словомъ—*не продалъ себя*. Душа его какъ была чистою, такъ чистою и осталась...» Да, но онъ *могъ* быть независимымъ; вѣдь онъ былъ богатъ... богачъ не станетъ продавать душу свою дьяволу...» Такъ, конечно, могутъ возразить многіе, причемъ горько улыбнутся, по вѣдь и на это есть возраженіе: а гдѣ предѣлъ корыстолюбію, алчности человѣка? Человѣкъ, обладающій милліономъ рублей, желаетъ еще милліона. Да это и понятно: съ увеличеніемъ средствъ расширяется и кругъ желаній. При 500,000 руб. у васъ было желаній на милліонъ; заполучили вы этотъ милліонъ—захотѣлось уже разныхъ разностей на полтора милліона и т. д. Вспомните сказку Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ. Юрій Ѳедоровичъ не обращался къ «сударынѣ-рыбкѣ», хотя и стоялъ близко къ бушующимъ волнамъ... «Едва-ли не самое вліятельное участіе принялъ онъ въ совершеніи такихъ великихъ дѣлъ, какъ освобожденіе крестьянъ въ Россіи или введеніе новаго положенія въ Польшѣ...» Потрудившись и положивъ свою лепту, онъ (по словамъ кн. Васильчикова) уходилъ всякій разъ въ пріютъ частной жизни, гдѣ опять предавался не праздности свѣтской жизни, но посильнымъ и плодотворнымъ своимъ трудомъ въ скромномъ званіи члена дворянскихъ и земскихъ собраній, гласнаго городской думы и члена училищнаго совѣта. Другой ораторъ, проф. А. Д. Градовскій, говорилъ въ своей рѣчи: «Можно смѣло сказать, что Юрій Ѳедоровичъ оставилъ свой благотворный слѣдъ почти на всѣхъ отрасляхъ общественной и государственной дѣятельности. Нынѣшніе и будущіе общественные дѣятели должны уже или будутъ должны признать его своимъ учителемъ во многихъ отношеніяхъ».

Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1838 г. кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ (по историко-филологическому факультету, кандидатомъ) и желалъ посвятить себя служенію наукѣ, думая занять впослѣдствіи профессорскую кафедру, но, какъ говоритъ о. Ключаревъ (бывшій духовникъ Самарина), на то не было воли его отца, и Юрій Ѳедоровичъ покорился этой волѣ безпрекословно: пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на государственную службу, въ сенатѣ. Въ 1852 г. онъ вышелъ въ отставку, служилъ потомъ въ ополченіи и затѣмъ посвятилъ всѣ силы свои, всецѣло отдалъ душу свою — дѣлу освобожденія крестьянъ, земству и городскому хозяйству Москвы. Живѣйшее участіе принималъ онъ въ законодательныхъ работахъ совмѣстно съ покойнымъ Милютинымъ и кн. Черкаскимъ. Какъ публицистъ, Юрій Ѳедоровичъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ; много было затронуто имъ и разъяснено сложныхъ, трудныхъ политическихъ вопросовъ; совѣты его при реформахъ въ бывшемъ царствѣ Польскомъ принимались съ благодарностью, а такъ называемый Балтійскій вопросъ—ему одному обязанъ своимъ существованіемъ. Литературная дѣятельность Самарина, продолжавшаяся болѣе 30 лѣтъ, преимущественно проникнута критическимъ и политическимъ характеромъ. Юрій Ѳедоровичъ обладалъ замѣчательнымъ критическимъ даромъ, способностью историка-изслѣдователя и былъ въ тоже время блестящимъ ораторомъ. Книга его «Іезуиты въ Россіи» замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, а особенно—въ практическомъ: Самаринъ принялъ на себя громадный трудъ разсмотрѣть сочиненія іезуитовъ (ихъ учебники, поученія) для того, чтобы наглядно воспроизвести, собственными словами послѣдователей Лойолы, безнравственную доктрину ихъ. Выше было упомянуто, что съ 1852 г. Самаринъ уже не служилъ больше въ казенной службѣ, а такъ какъ онъ былъ *на виду*, то его, конечно, приглашали въ редакціонныя коммисіи, гдѣ онъ и работалъ—но не въ качествѣ присяжнаго чиновника. Юрій Ѳедоровичъ исполнялъ только свой гражданскій долгъ, зная что то дѣло, за которое онъ взялся, можетъ быть какъ слѣдуетъ исполнено только гражданиномъ, человѣкомъ безъ свѣтлыхъ пуговицъ. Тутъ будетъ у мѣста привести нѣсколько строкъ изъ одного письма Самарина (отрывокъ этотъ былъ прочтенъ А. Д. Градовскимъ въ засѣданіи Петербургск. Отдѣла Славянск. Комитета 25 марта). Вотъ онѣ: «Теперь задача состоитъ не въ томъ, чтобы измѣнять и передѣлывать учрежденія... нужно творить не учрежденія, а *людей*. Тутъ одинъ путь: *непосредственнаго*, прямого дѣйствія человѣка на человѣка въ той ограниченной сферѣ, въ которой личное вліяніе можетъ дѣйствовать. Приходится лѣпить и обжигать людей, какъ кирпичи. Можетъ быть я ошибаюсь, принимая свое личное призваніе за главную задачу времени; по крайней мѣрѣ таково мое глубокое убѣжденіе».

А. Д. Градовскій объясняетъ этимъ, почему Самаринъ предпочиталъ «ограниченную сферу» какой нибудь думы или собранія болѣе широкому поприщу, на которое онъ имѣлъ право по своимъ достоинствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, его личное вліяніе воздѣйствовало на многихъ и многихъ. Каждый, сблизившись съ нимъ, прибавляетъ г. Градовскій, невольно бралъ его за образецъ, желалъ быть подлѣ него, работать съ нимъ... Но эта сторона дѣятельности Юрія Ѳедоровича не можетъ быть раскрыта вполнѣ *теперь*; нужно ждать, пока вскроется его огромная переписка. Тогда мы поймемъ, какъ Самаринъ «лѣпилъ и обжигалъ» людей.

Вотъ что говорилъ о немъ А. О. Ключаревъ:

«Порядкомъ своей жизни Юрій Ѳедоровичъ напоминалъ древнихъ аскетовъ, т. е. христіанъ, жившихъ среди міра, но въ отчужденіи отъ него и въ служеніи Богу и ближнимъ. Ради свободы духовной и умственной дѣятельности онъ отказался отъ супружества и семейнаго счастья; при богатствѣ онъ чуждъ былъ доставляемыхъ имъ чувственныхъ наслажденій... Часто утренняя заря заставала его съ перомъ въ рукѣ, и онъ оканчивалъ горячія думы о благѣ своей родины горячею молитвою о ней къ Богу».

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о Самаринѣ, какъ о славянофилѣ. М. О. Кояловичъ называетъ его однимъ изъ замѣчательныхъ славянофиловъ. Юрій Ѳедоровичъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ тому направленію, которое въ нашей литературѣ начало развиваться въ пятидесятыхъ годахъ, и представителями котораго были близкіе ему люди—покойные Хомяковъ и Кирѣевскій. Сознаніе русской народности, которую Самаринъ различалъ, но не отдѣлялъ отъ обще-славянской, было у него, какъ извѣстно (по словамъ кн. Васильчикова), не поверхностное увлеченіе, но плодъ, и зрѣлый плодъ, многолѣтнихъ изученій. Оно было въ немъ глубже и шире, чѣмъ у другихъ, потому что онъ изучалъ народъ не только по наукѣ, но и на практикѣ, не только въ исторіи, но въ самой жизни, не только въ присутствіяхъ и коммисіяхъ, но и въ деревнѣ, гдѣ проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, въ ополченіи, гдѣ командовалъ ротой, въ должностяхъ мирового судьи и гласнаго, гдѣ онъ работалъ неутомимо, до послѣднихъ дней своей трудовой жизни. Всесторонне, во всю необъятную ширину, въ Кіевѣ и Самарѣ, въ Варшавѣ и Ригѣ, отъ Вислы до Волги, изучалъ онъ бытъ народа. Самаринъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей русскаго народа.

Въ заключеніе приведемъ послѣднія слова надгробной рѣчи, сказанной проф. каноническаго права въ Петербургскомъ университетѣ М. И. Горчаковымъ (27 марта):

«Помолимся и мы, братія, и воспоемъ новопреставленному рабу Божію, боярину Юрію, за отечество и вѣру мужественно подвизавшемуся и жизнь свою на семъ подвигѣ положившему—*вѣчная память*!»

Въ новый путь

(Записки молодой дѣвушки)

(Окончаніе).

Въ это время въ комнату влетѣла Ольга Сергѣевна и подошла ко мнѣ. Я невозмутимо продолжала просматривать бумаги.

— Вотъ какъ! вы сдѣлались корректоромъ! злобно проговорила она

— Корректура нужна тамъ, гдѣ есть ошибки, а я или кто другой будетъ поправлять ихъ,—для васъ должно быть все равно, отрѣзала я такъ рѣшительно, что она отъ меня отстала.

— Намъ только остается всѣмъ бѣжать изъ „Основы“! вдругъ воскликнула она, собственно не обращаясь ни къ кому.

— Почему это? спросилъ Антоновъ.

— Жить нельзя отъ интригъ и униженій, которымъ насъ подвергаетъ наше милое начальство! продолжала яростная вдовица, по крайней мѣрѣ вся статистика разбѣжится. Не такъ-ли, Софья Александровна? обратилась она къ входившей въ это время въ комнату Рейсъ, которая молча въ отвѣтъ пожала плечами и подошла ко мнѣ.

— Много вы нашли у насъ ошибокъ? вполголоса и сердито начала Рейсъ, облокачиваясь на столъ и нагибаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ не много, отвѣтила я, а въ этомъ экзем-

Библиотека "Руниверс"

плярѣ и совсѣмъ нѣтъ, незнаю, кто изъ васъ писалъ эту бумагу — какой славный почеркъ!

— Это я писала, смягчаясь замѣтила она, но потомъ продолжала съ небольшой досадой: какой странный Войбоковскій! зачѣмъ онъ далъ вамъ исправлять эти условія?

— Васъ это обижаетъ? спросила я ее въ свою очередь,—будь я на вашемъ мѣстѣ—я бы не обидѣлась. Въ дѣлахъ службы надо отлагать въ сторону всякія мелочи и имѣть одну цѣль—успѣхъ самого дѣла. Я себя считаю скромнымъ винтикомъ въ сложной машинѣ общаго дѣла, и если бы мою работу поручили просмотрѣть кому-нибудь изъ служащихъ со мною, я бы не обидѣлась—пусть исправятъ мои ошибки, если я ошиблась, если нѣтъ, тѣмъ лучше для меня. Я очень жалѣю, Софья Александровна, что мое настоящее занятіе возбудило во всѣхъ васъ неудовольствіе противъ меня. Вы должны знать, что я не могу отказываться отъ поручаемаго мнѣ дѣла. Будемте лучше жить дружно и мирно, какъ подобаетъ хорошимъ товарищамъ. Намъ надо поддерживать другъ друга, такъ какъ мы, служащія женщины, идемъ по новому пути. Не станемъ-же сбиваться съ него ради какихъ нибудь пустыхъ размолвокъ, а лучше докажемъ, что мы серьезно можемъ заняться порученнымъ намъ дѣломъ.

Черные, красивые глаза моей собесѣдницы смягчились.

— Вы правы, тихо сказала она, раздоры мѣшаютъ всякому дѣлу. Вы, конечно, не могли отказаться отъ занятія, порученнаго вамъ Войбоковскимъ, у котораго все основано на пристрастіи и фантазіи...

— О, нѣтъ! невольно воскликнула я.

— Вы думаете? увидите, продолжала Рейсъ, съ улыбкой посмотрѣвъ на меня. Войбоковскій уменъ, онъ, безспорно, способный человѣкъ, но легкомысленный, порывистый, безпорядочный и несправедливый.

— Онъ, напротивъ, добръ и снисходителенъ, какъ никто, съ жаромъ сказала я, онъ принялъ во мнѣ такое участіе съ самаго поступленія моего въ „Основу", что я не могу не быть ему благодарной и буду всегда заступаться за него.

— И заступаетесь очень горячо—это подозрительно! лукаво замѣтила Рейсъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, спокойно возразила я, я чувствую къ нему признательность, если хотите, дружбу, и только.

— Молодой, красивый и холостой другъ—многіе не вѣрятъ въ возможность имѣть такого друга для молодыхъ женщинъ, въ томъ-же тонѣ продолжала Рейсъ.

— За то я вѣрю! но... вы сказали, что Войбоковскій холостой, онъ вѣдь женатъ? спросила я.

— Какъ? Войбоковскій женатъ? удивилась Рейсъ.

— Разумѣется.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Ольга Сергѣевна.

Рейсъ разсмѣялась.

— Нѣтъ, это ни на что не похоже! воскликнула она и насмѣшливо обернулась къ болтавшей съ Антоновымъ вдовицѣ: Ольга Сергѣевна, зачѣмъ вы выдаете Войбоковскаго за женатаго?

— А кому я его выдавала? невозмутимо спросила та.

— Да вотъ, Елизаветѣ Петровнѣ.

— Елизавета Петровна ошиблась, я никогда ей этого не говорила.

— Нѣтъ, вы мнѣ это сказали, вступилась я, возмущенная ея ложью.

— Можетъ быть, шутя, не помню, заключила она, пожимая плечами и отворачиваясь отъ меня.

Въ этотъ день всѣмъ служащимъ выдавали жалованье. Я получила сорокъ рублей вмѣсто обѣщанныхъ пятидесяти. Эти сорокъ рублей доставили мнѣ удовольствіе и нѣкоторую гордость: я первый разъ *сама* заработала деньги. По окончаніи занятій Войбоковскій вышелъ вмѣстѣ со мною изъ конторы. Погода была теплая, освѣженная только что выпавшимъ дождемъ.

— Я хочу прогуляться, сказалъ онъ мнѣ. Въ какую сторону вы идете?

— Черезъ Кузнецкій мостъ, по Неглинной.

— И я тоже, такъ пойдемте вмѣстѣ—хотите?

Я согласилась. Войбоковскій пошелъ со мною и велѣлъ своему кучеру ѣхать за собой шагомъ; красивый сѣрый рысакъ важно выступалъ около насъ.

— Bonne chance! послышался вдругъ за нами голосъ Ольги Сергѣевны.

Войбоковскій обернулся и съ улыбкой кивнулъ ей головой.

— Веселая барыня, Ольга Сергѣевна, сказалъ онъ мнѣ, немного болтливая, но очень добрая. Въ „Основѣ" ее всѣ любятъ, кромѣ Минкевича, который говоритъ, что держитъ ее изъ состраданія, потому что у нея четверо дѣтей и никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ того, что она получаетъ изъ конторы. Я считаю ее немного пустою, но положительно не способною ни на что дурное.

Я молча удивлялась его непроницательности.

— Вамъ она не нравится, продолжалъ Войбоковскій, поглядѣвъ на меня.

— Нѣтъ, къ тому-же и она меня терпѣть не можетъ.

Онъ какъ-то странно улыбнулся.

— Это ужь слишкомъ сильно, возразилъ онъ. Ольга Сергѣевна, право, добрая душа. Я, впрочемъ, замѣтилъ, что вы ни съ кѣмъ какъ-то не сходитесь въ „Основѣ".

— Меня вообще у васъ въ „Основѣ" не особенно любятъ...

— Что вамъ за дѣло? не обращайте на это вниманія, весело проговорилъ Войбоковскій. Я вами очень доволенъ и передамъ Минкевичу свое мнѣніе о вашихъ занятіяхъ. Будьте увѣрены, я васъ не дамъ въ обиду и съумѣю оградить отъ всякихъ непріятностей.

— О, да! я вѣрю въ васъ! горячо воскликнула я.

— Какой вы милый, хорошій ребенокъ, Елизавета Петровна! ласково заговорилъ Войбоковскій, взглянувъ на меня такъ мягко и нѣжно, что мнѣ почему-то вдругъ сдѣлалось легко и радостно на душѣ, какъ никогда не было.

— Вы точно все освѣщаете своимъ присутствіемъ, продолжалъ онъ, съ вами въ „Основу" какъ будто прокрался солнечный лучъ. Увидѣвъ васъ, скажешь про себя: вотъ счастливое, молодое, умное, увѣренное въ самой себѣ и въ своихъ силахъ существо. Мнѣ, погруженному въ бумажныя, сухія дѣла, въ соображенія о повышеніяхъ или пониженіяхъ страховой преміи и тому подобныя вещи, необыкновенно пріятно встрѣчать такихъ личностей какъ вы, полныхъ жизни. Вы какъ будто созданы не для сухой работы за счетами и книгами, а для того, чтобы украсить чью-нибудь жизнь. Будь я на мѣстѣ вашего отца, я-бы не допустилъ васъ блѣднѣть и утомляться въ конторѣ.

— Мой отецъ и такъ не очень доволенъ моею службою въ „Основѣ", но мирится съ нею, такъ какъ это необходимо

— Какъ-бы я желалъ познакомиться съ вашими родителями! вдругъ сказалъ Войбоковскій.

— Они будутъ очень рады познакомиться съ вами.

— А вы желаете, чтобъ я пріѣхалъ къ вамъ въ домъ? скажите откровенно.

— Да, разумѣется! воскликнула я и вдругъ остановилась.

Войбоковскій поглядѣлъ на меня такъ странно, что у меня отъ этого взгляда кровь бросилась въ лицо.

Библиотека "Руниверс"

— Благодарю васъ, съ чувствомъ сказалъ онъ, пожимая мою руку. Завтра я уѣзжаю въ Харьковъ... и когда вернусь сюда, то сочту долгомъ постучаться въ двери вашего дома, если позволите.

— Я буду очень, очень этому рада, проговорила я, прощаясь съ нимъ въ началѣ Петровскаго бульвара.

V.

Очень пустынной казалась мнѣ контора „Основы" послѣ отъѣзда Войбоковскаго, да и дѣла были не въ томъ порядкѣ, какъ при немъ, хотя Риверсъ (исполнявшій за отсутствіемъ Войбоковскаго его должность) бранился направо и налѣво, но ни что не помогало. Держава ослабла, какъ выражался Антоновъ, чувствовалось отсутствіе руководителя. Такъ прошло нѣсколько дней. Однажды, вернувшись домой изъ конторы, я застала у насъ Екатерину Семеновну. Она съ какимъ-то таинственно-веселымъ видомъ поздоровалась со мною.

— Ну, что у васъ дѣлается въ „Основѣ?" спросила она меня, взглядывая на маму, которая отвѣчала ей полу-улыбкой.

— Все тоже, отвѣчала я, мною пока довольны, я довольна своими занятіями...

— Да полно, не замазывай мнѣ глаза, я все знаю! живо воскликнула Екатерина Семеновна.

— Что-же вы знаете?

— А то, что твой начальникъ, Войбоковскій, въ тебя влюбленъ.

— Въ меня!

Я остановилась въ раздумьи. Это сообщеніе не особенно поразило меня. До сихъ поръ я не анализировала характеръ отношеній Войбоковскаго ко мнѣ, хоть и сознавала, что расположеніе его имѣло оттѣнокъ нѣжности. Послѣднія слова Екатерины Семеновны произвели во мнѣ тревогу, не лишенную радостнаго чувства. Расположеніе мое къ Войбоковскому не созрѣло еще въ любовь, но могло въ нее перейдти, я это чувствовала и сознаю теперь.

— Да кто вамъ это сказалъ? спросила я потомъ Екатерину Семеновну.

— Онъ самъ все разсказалъ Сергѣю Михайловичу Ровинскому, когда обѣдалъ съ нимъ въ Эрмитажѣ, наканунѣ своего отъѣзда въ Харьковъ. Онъ тебя любитъ, хочетъ познакомиться съ твоими родителями и жениться на тебѣ—поняла?

Я ничего не отвѣтила и сѣла на стулъ, пораженная этимъ финаломъ, котораго, признаюсь, не ожидала.

Мама нахмурилась.

— Кто этотъ Войбоковскій, откуда онъ явился? проходимецъ можетъ быть какой! говорила мама, блѣдная отъ волненія. Мы бѣдны, и потому дочь моя принуждена работать, но выдавать ее замужъ за каждаго встрѣчнаго я не намѣрена!

Разговоръ на этомъ прекратился, и Екатерина Семеновна вскорѣ затѣмъ ушла.

Послѣ ея ухода мама долго волновалась и выговаривала, какъ ей непріятно, когда чужіе люди мѣшаются въ ея семейныя дѣла, бросаютъ ей въ лице ея бѣдность и хотятъ втереть проходимцевъ въ ея, хотя небогатую, но порядочную и благовоспитанную семью и т. д. Я молчала, зная, что, когда нервы у мамы расходятся, тогда не слѣдуетъ говорить, но мнѣ стало очень грустно, такъ грустно, что, убѣжавъ въ свою комнату, я заплакала...зачѣмъ мама бранила Войбоковскаго, который былъ такъ добръ ко мнѣ?

Дни шли за днями, работы въ „Основѣ" было много. Весною и осенью страхованій бываетъ, говорятъ, больше, чѣмъ теперь, въ августѣ, но за то пожары свирѣпствуютъ, а вслѣдствіе этого грустнаго факта прибавляется работа въ нашемъ отдѣленіи. Кромѣ постояннаго занятія съ журналомъ, мнѣ дали еще писать предварительныя донесенія о пожарахъ со счетами убытковъ и долей, падающихъ на общество перестрахованій. Такъ шло время до возвращенія Войбоковскаго. Я очень обрадовалась, увидавъ его. Онъ былъ по прежнему дружески ласковъ со мною, но намъ какъ-то уже не приходилось такъ по долгу разговаривать, какъ прежде: онъ былъ очень занятъ дѣлами, накопившимся во время его отсутствія.

Жоржъ Зандъ. Съ фотогр. рисов. и грав. Боярскій.

Однажды, окончивъ свои дѣла въ конторѣ, я сходила съ лѣстницы, собираясь идти домой, какъ вдругъ на одной изъ площадокъ ея, передъ дверью правленія, увидала на скамьѣ Войбоковскаго. Онъ сидѣлъ, опершись одною рукою на спинку скамьи, а въ другой держалъ бумаги. Увидавъ меня, онъ быстро всталъ и подошелъ ко мнѣ, говоря:

— Вы уходите? счастливая! а я, представьте, долженъ ждать Минкевича, который куда-то уѣхалъ, чтобъ передать ему эти бумаги...

— Вы такъ заняты все это время, что должны сильно утомляться, сказала я, смотря на его нѣсколько истомленное лице.

— Такъ занятъ, что даже почти не имѣю времени

Библиотека "Руниверс"

сказать съ вами двухъ словъ. Когда-же, однако, вы позволите мнѣ пріѣхать къ вамъ?

Я на минуту смутилась отъ этого вопроса. Мама возненавидѣла не только Войбоковскаго, ни разу не видавъ его въ глаза, но и самое имя „Основы", что возбуждало не мало столкновеній между нами. Она терпѣла мои занятія въ конторѣ, такъ какъ я заработывала деньги, но я была увѣрена, что Войбоковскій, пріѣхавъ къ намъ, не былъ-бы принятъ вовсе или очень дурно. Вотъ что меня смущало. Эти мысли, стрѣлой пролетѣли у меня въ головѣ, такъ что я, послѣ минутнаго колебанія, сказала спокойно:

— Да когда хотите, я всегда вамъ буду рада... Войбоковскій замѣтилъ, однако, эту минуту колебанія. Онъ пристально и молча поглядѣлъ на меня, его лицо стало сурово и холодно. Я досадовала на себя за свое неумѣніе притворяться.

Войбоковскій сухо простился со мною, и я отправилась домой съ тяжелымъ сердцемъ. Послѣ вышеприведеннаго разговора между мною и Войбоковскимъ, мнѣ уже не случалось говорить съ нимъ, какъ прежде; кромѣ необходимыхъ фразъ по части служебныхъ обязанностей, мы не вели разговоровъ. Онъ, разумѣется, не былъ у насъ, и все больше и больше сталъ отдаляться отъ меня...

VI.

Стоялъ теплый сентябрьскій, точно лѣтній день. Солнце ярко свѣтило въ окна нашего отдѣленія. Нагнувшись надъ своимъ журналомъ, я быстро вписывала полученныя съ почты бумаги, стараясь пристальной работой заглушить тягостное чувство тоски, охватившее меня съ нѣкоторыхъ поръ. Въ это время въ кабинетъ Войбоковскаго кто-то вошелъ, и затѣмъ дверь нашего отдѣленія въ кабинетъ была затворена, повидимому для конфиденціальныхъ разговоровъ. Вскорѣ Войбоковскій вошелъ въ наше отдѣленіе. Я не обратила на это вниманія и продолжала писать, какъ вдругъ почувствовала на своемъ плечѣ чью-то руку. Я вздрогнула и обернулась: Войбоковскій съ прежнимъ ласковымъ видомъ наклонился надо-мною.

— Пожалуйста, дайте дѣла Риги, да? сказалъ онъ мнѣ, по своей привычкѣ прибавляя не всегда кстати послѣднее слово.

Я встала и подала ему съ этажерки синяю папку, на которой краснымъ карандашомъ было написано: Riga.

— Что вы блѣдны сегодня—больны? спросилъ онъ меня совсѣмъ прежнимъ тономъ, принимая папку изъ моихъ рукъ.

Зданіе выставки промышленности въ Гельсингфорсѣ. Съ фотогр. рисалъ на деревѣ Гейсрманъ.

— Нѣтъ, но мнѣ грустно, откровенно созналась я.

Войбоковскій дружески взялъ меня за руку.

— Вы мнѣ разскажете причину вашей грусти, да? обѣщаете? быстро говорилъ онъ, а теперь я спѣшу къ своему гостю. Это нашъ агентъ въ Ригѣ.

Съ давно неизвѣстнымъ мнѣ ощущеніемъ мира и радости я вернулась на свое мѣсто и бодро принялась

Библиотека "Руниверс"

работать. Такъ прошло нѣсколько минутъ, вдругъ дверь изъ кабинета съ шумомъ растворилась, и Войбоковскій почти вбѣжалъ къ намъ въ отдѣленіе.

— Гдѣ письмо о фабрики Вёрмана? рѣзко спросилъ онъ меня.

— Такихъ писемъ было нѣсколько, изъ Петербурга и изъ Риги, отвѣчала я.

— Да тутъ нѣтъ одного! вспыльчиво крикнулъ Войбоковскій, я васъ просилъ завести порядокъ, а между тѣмъ ничего не найдешь, стыдъ передъ людьми—и все изъ за васъ!

Я была поражена этими словами и нервно стала пересматривать Петербургскую папку.

— Не это-ли письмо? спросила я, найдя одно изъ безчисленныхъ писемъ отъ фабрики Вёрмана и подавая его Войбоковскому.

Онъ пробѣжалъ его глазами.

— Разумѣется! съ досадой произнесъ онъ и строго прибавилъ: зачѣмъ вы его туда положили?

— По рѣшенію Г. Гильманъ, отвѣчала я, вы сами мнѣ сказали, чтобъ я обращалась къ нему за разрѣшеніемъ вопросовъ, которые меня затрудняютъ.

— Это неправда! Гильманъ не могъ вамъ этого сказать! воскликнулъ Войбоковскій. Гильманъ въ это время повернулся ко мнѣ, блѣдный отъ злости.

— Я не помню, чтобъ я вамъ объ этомъ сказалъ, проговорилъ онъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ.

Я презрительно пожала плечами: оправданіе было-бы униженіемъ, но тутъ меня выручилъ Риверсъ.

— За то я помню! съ жаромъ воскликнулъ онъ, подходя ко мнѣ и бросая негодующій взглядъ на Гильмана. Степанъ Іосифовичъ! твердо продолжалъ онъ, обращаясь къ Войбоковскому, вы, кажется, можете повѣрить мнѣ, если не вѣрите Елизаветѣ Петровнѣ, вполнѣ достойной довѣрія, которая въ теченіи своей трехмѣсячной службы въ „Основѣ", ничего другого не выказала, кромѣ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Неизвѣстно, почему Г. Гильманъ забылъ, но я помню, что Елизавета Петровна при мнѣ спросила его: куда положить письмо полученное на дняхъ изъ Петербурга о фабрикѣ Вёрмана, въ Рижскую или Петербургскую папку? и онъ при мнѣ, повторяю, сказалъ, что въ послѣднюю.

Войбоковскій сурово поглядѣлъ на сконфуженнаго Гильмана.

— Прошу васъ больше не повторять такихъ ошибокъ, рѣзко сказалъ онъ ему, и затѣмъ, не глядя на меня, замѣтилъ Риверсу: мнѣ кажется, что Елизавета Петровна могла-бы уже на столько знать ходъ дѣлъ, чтобъ не нуждаться въ чужихъ совѣтахъ—пора-бы!

— Да, какже, пора! разгорячился Риверсъ, неустрашимо говорившій все, что приходило ему въ голову и потому очень уважаемый, даже начальствомъ „Основы", какіе вы скорые, господа! такую сложную вещь, какъ страховое дѣло, понять и усвоить до тонкости въ три мѣсяца невозможно, когда на его изученіе посвящаютъ цѣлые года!

Войбоковскій ничего ему не отвѣтилъ и вышелъ изъ комнаты. Во мнѣ между тѣмъ совершился крутой переворотъ. Поступая на службу въ „Основу", я имѣла серьезное и единственное желаніе — работать какъ можно лучше и добросовѣстнѣе. Я не искала ни чьихъ знакомствъ и симпатій, а старалась только хорошо работать и совершенно этимъ довольствовалась. Постоянной добротой и вниманіемъ ко мнѣ Войбоковскій съумѣлъ расположить меня въ свою пользу, онъ былъ мнѣ близокъ, но теперь вдругъ сталъ совсѣмъ чуждъ послѣ того, какъ сказалъ мнѣ, что я говорю неправду. За часъ передъ этимъ, я страдала отъ перемѣны его обращенія со мной, и вдругъ все это исчезло, ничего не осталось во мнѣ, кромѣ глухого раздраженія. Я чувствовала, что меня и его раздѣлила какая-то пропасть... Отправка писемъ задержала меня въ этотъ день довольно долго въ конторѣ. Я дописывала адрессы на письмахъ и видѣла, какъ одинъ за однимъ, всѣ служащіе оставляли наше и прочія отдѣленія. Артельщикъ Назаръ, стоя за моимъ стуломъ въ ожиданіи писемъ, переминался съ ноги на ногу отъ нетерпѣнія.

Окончивъ свои занятія, я стала надѣвать шляпу и перчатки; въ это время неожиданно вошелъ въ комнату Войбоковскій, котораго я считала давно уже уѣхавшимъ изъ конторы.

— А, вы еще не ушли, очень радъ, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

Я вопросительно взглянула на него.

— Что вамъ угодно? спросила я.

— Ахъ, какой оффиціальный тонъ! кажется, присутствіе кончилось. Скажите, почему вы грустны?

— Я совсѣмъ не грустна.

— Ну, были грустны, нетерпѣливо произнесъ онъ и затѣмъ тихо прибавилъ: развѣ такъ говорятъ съ друзьями?

— Съ друзьями? насмѣшливо спросила я, и продолжала холоднымъ тономъ: друзьямъ, во первыхъ, вѣрятъ, а вы мнѣ сегодня при всѣхъ сказали, что я лгу.

Войбоковскій издалъ нетерпѣливое восклицаніе.

— Какія женщины ехидныя и капризныя созданія! процѣдилъ онъ сквозь зубы. Я молча поклонилась ему и направилась къ двери.

Войбоковскій нагналъ меня на полдорогѣ.

— Знаете-ли, началъ онъ какъ-то торжественно, я не обращаю вниманія ни на какія сплетни, пущенныя про васъ, но вы сами поддерживаете ихъ, безпрестанно мѣняя со мною свое обращеніе. Но сегодня вечеромъ я все узнаю отъ Ровинскаго... Я сдѣлала невольное движеніе: мнѣ не хотѣлось, чтобъ Ровинскій могъ сказать Войбоковскому, что онъ, Войбоковскій, мнѣ нравится. Я знала, что Екатерина Семеновна передала Ровинскому мое мнѣніе о Войбоковскомъ и даже изъ усердія кое-что присочинила.

— Вы боитесь? насмѣшливо оглядывая меня, спросилъ Войбоковскій.

— Я ничего не боюсь, спрашивайте, что хотите, заключила я, выходя изъ комнаты.

Несмотря на мое наружное спокойствіе, во мнѣ кипѣла тревога: мнѣ хотѣлось знать, что будутъ говорить обо мнѣ Войбоковскій съ Ровинскимъ, и потому въ тотъ же день я отправилась вечеромъ къ Екатеринѣ Семеновнѣ и разсказала ей все. Она обѣщала мнѣ узнать у Ровинскаго то, что я желала и просила придти за отвѣтомъ на слѣдующій вечеръ, что я и сдѣлала.

— Другъ мой, сказала она мнѣ съ серьезнымъ лицемъ, у васъ въ „Основѣ" заварилась порядочная каша, садись и слушай. Войбоковскій встрѣтился вчера вечеромъ, какъ онъ тебѣ сказалъ, съ Сергѣемъ Михайловичемъ у знакомыхъ и оттуда, заманивъ его въ ресторанъ ужинать вдвоемъ, сталъ распрашивать о тебѣ, но тотъ уклончиво отвѣчалъ ему, зная, что твоя мать противъ этого сближенія съ Войбоковскимъ. Видя, что Сергѣй Михайловичъ уклоняется отъ разговоровъ о тебѣ, твой прекрасный начальникъ вспылилъ, насказалъ ему дерзостей въ родѣ такихъ: что онъ видитъ теперь какого дурака онъ разыгралъ, повѣривъ Сергѣю Михайловичу свои чувства къ тебѣ, что видно правду говорятъ въ „Основѣ", увѣряя будто Ровинскій влюбленъ въ тебя, а ты въ него это все сплетничаетъ тамъ у васъ, старая корга и кокетка Вржеславская изъ ревности къ Войбоковскому, какъ узналъ Сергѣй Михайловичъ. Войбоковскій объяснилъ, что онъ всему этому вѣритъ, Сергѣй Михайловичъ сталъ, конечно, горячо защищать тебя, разсердился не на шутку, и пошла потѣха. Дѣло чуть не дошло до дуэли, они совсѣмъ разссорились.

Нареканія Войбоковскаго меня не удивили: я уже перестала считать его справедливымъ человѣкомъ, но

Библиотека "Руниверс"

все таки, непріятно пораженная разсказомъ Екатерины Семеновны, я подумала, что по случаю этой исторіи мнѣ придется, пожалуй, оставить „Основу", а мнѣ этого вовсе не хотѣлось.

Въ тотъ же день за обѣдомъ отецъ сказалъ мнѣ, что, такъ какъ я непремѣнно желаю заниматься механическимъ трудомъ и зарабатывать деньгу (послѣднее слово онъ произнесъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ), то не лучше ли мнѣ перейдти въ контору нотаріуса Б., его знакомаго и пріятеля.

— Жалованье тоже, что и у тебя въ конторѣ, говорилъ отецъ, но работа только съ десяти часовъ до трехъ, а не до вечера, какъ въ „Основѣ". Имѣя больше свободнаго времени, чѣмъ теперь, ты получишь возможность что нибудь прочесть, иначе вѣдь просто отупѣешь, занимаясь счетомъ денегъ „Основы" и механическимъ записываніемъ бумагъ. Мама съ радостью ухватилась за эту мысль и начала бранить „Основу", уговаривая меня ее оставить. На это я отвѣчала, что пока, безъ причины, не намѣрена оставлять свое мѣсто, такъ какъ уже нѣсколько ознакомилась съ страховымъ дѣломъ. Мама обозвала меня упрямицей, но попросила подумать о переходѣ въ контору нотаріуса, что я ей обѣщала. У меня же, отъ этой надежды не остаться безъ дѣла какъ-то отлегло отъ сердца.

VII.

На слѣдующій день въ „Основѣ" я застала одного изъ служащихъ въ Контрольномъ отдѣленіи, маленькаго господина Бушевича, роющагося въ моихъ бумагахъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросила я его.

Онъ сконфузился.

— Я писалъ письмо въ Харьковское Главное Агентство и желалъ бы просмотрѣть копію, снятую съ него, заминаясь отвѣтилъ онъ.

Я видѣла, что онъ лжетъ.

— Въ такомъ случаѣ вы бы должны были обратиться ко мнѣ, а не разбирать мои бумаги въ моемъ отсутствіи, замѣтила я ему. За малѣйшій безпорядокъ въ этихъ бумагахъ отвѣчаю я, и потому прошу васъ не трогать ихъ безъ меня.

Бушевичъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и поспѣшилъ скрыться.

Съ какимъ-то тяжелымъ чувствомъ, не похожимъ на прежнія пріятныя ощущенія, которыя мною испытывались въ ожиданіи работы, опустилась я на стулъ.

По корридору раздались знакомые мнѣ шаги Войбоковскаго, и сердце мое непріятно сжалось.

Онъ вошелъ въ наше отдѣленіе холодный, серьезный, сухо кивнулъ мнѣ головой и сказалъ:

— Вы переходите въ бордерò, а г. Бушевичъ станетъ вмѣсто васъ вести журналъ.

Я поняла, что это перемѣщеніе было признакомъ немилости ко мнѣ со стороны Войбоковскаго, но рѣшилась все вытерпѣть, кромѣ явной несправедливости.

— Когда же я начну свои занятія въ бордерò? спросила я Войбоковскаго, пристально глядѣвшаго на меня.

— Сегодня вы будете присматриваться, а завтра начнете работать,

Съ этими словами Войбоковскій вышелъ, а я отправилась въ отдѣленіе бордеристовъ.

— Я поступаю къ вамъ въ бордерò, объяснила я моимъ новымъ новымъ сослуживцамъ, входя къ нимъ въ комнату и на минуту прерывая диктовку одного изъ служащихъ, Павлова.

— Ну, вы не въ выигрышѣ, замѣтила мнѣ хорошенькая бѣлокурая бордеристка, работа наша хотя и не сложная, но очень тяжелая.

— Зачѣмъ вы согласились переходить сюда? спросила меня другая молодая женщина, работавшая въ бордерò.

— Развѣ можно спорить съ начальствомъ въ этомъ случаѣ? спросила я ее въ свою очередь.

— Да, Войбоковскій иногда бываетъ крутъ, жалобно произнесъ очень некрасивый бордеристъ, по фамиліи Цѣховскій, и затѣмъ снова принялся писать подъ диктовку Павлова.

Работа была слѣдующая: диктовались страхованія, поступившія въ общество и въ свою очередь передаваемыя въ различныя общества перестрахованія. Въ длинные листы вписывались начало, конецъ, предметы страхованія, преміи и суммы, затѣмъ все это считалось и свѣрялось между собою и бухгалтеріею. Работа эта была дѣйствительно тяжела, занимала много времени, затягиваясь иногда до осьми и девяти часовъ вечера.

Мама пришла въ сильное негодованіе, когда я ей разсказала, что меня перевели въ бордерò и объяснила ей, какого рода это занятіе.

— Я увѣрена, что перемѣщеніе это—просто притѣсненіе! воскликнула она, ты должна оставить „Основу", Лиза.

Я, однако, снова отправилась въ контору, съ намѣреніемъ по прежнему старательно исполнять свои обязанности. Въ отдѣленіи бордерò я нашла новую перемѣну: Павловъ былъ переведенъ въ контроль на мѣсто Бушевича, а Цѣховскій долженъ былъ диктовать. Онъ плохо исполнялъ свое дѣло, путалъ слова, суммы и названія мѣстностей, такъ что, благодаря перемаркамъ, бордерò наше было очень некрасиво и нечисто написано. Послѣ шестичасовой непрестанной работы, передъ всѣми нами лежали измаранные листы.

— Готово бордерò? спросилъ, появляясь передъ закрытіемъ присутствія начальникъ бордеристовъ, Брокаръ.

— Готово, но его нельзя посылать въ общества перестрахованій въ такомъ видѣ, сказала я, протягивая ему листъ.

— Почему это все перемарано? нахмурившись спросилъ онъ меня.

— У всѣхъ такъ перемарано, смотрите, рѣзко отчеканила хорошенькая блондинка.

Господину Цѣховскому досталось таки отъ Брокара. Первый, правда, подвелъ насъ подъ непріятную исторію, но онъ такъ испугался, что мнѣ стало жаль его. Брокаръ ушелъ разсерженный, а мы сидѣли и разсуждали о будущности нашего испорченнаго бордерò.

— Придется все переписать и просидѣть тутъ до девяти часовъ, вздыхала блондинка.

Вскорѣ вошелъ Войбоковскій, а за нимъ Брокаръ. Молча и строго подошелъ къ намъ нашъ начальникъ, порывисто схватилъ исписанные листы, переглядѣлъ ихъ, бросилъ на столъ, лаконически сказавъ: переписать! но, дойдя до моихъ листовъ, онъ, почти не глядя, сердито разорвалъ ихъ на мелкіе клочки.

Я не ожидала такой выходки и нервно разсмѣялась.

Войбоковскій, пораженный моимъ смѣхомъ, остановился у края стола, гдѣ я сидѣла. Я перестала смѣяться и тихо, почти шопотомъ, но явственно и презрительно проговорила, глядя на него.

— Какъ вы низко поступили!

Войбоковскій побѣлѣлъ какъ мѣлъ и молча, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Послѣ его ухода всѣ мои сослуживцы возопіяли противъ явно несправедливаго поступка Войбоковскаго относительно меня. У всѣхъ было испорчено бордерò, отчего же пострадали одни мои несчастные листы? Мнѣ не съ чего было списывать; расказнивъ мои листы, Войбоковскій вдвое усложнилъ мою работу. Какой жалкій человѣкъ можетъ быть способенъ на такое пошлое мщеніе изъ-за причинъ, совершенно постороннихъ дѣлу? Но я не унывала, что мнѣ было за дѣло? Послѣ послѣдняго поступка со мною Войбоковскаго, я рѣшилась оставить „Основу", гдѣ я была теперь, очевидно, осуж-

Библиотека "Руниверс"

дена терпѣть самыя грубыя несправедливости. Однако прежде всего надо было переписать бордерò и сидѣть въ ожиданіи, пока другіе кончатъ переписывать, чтобы списать съ ихъ листовъ. Приходилось ждать долго, а это вовсе не было пріятно, но тутъ мнѣ на помощь подоспѣлъ Цѣховскій, предлагая диктовать бордерò.

— Я вамъ испортилъ все дѣло, я долженъ и поправить, смиренно говорилъ онъ.

Правда, онъ испортилъ все дѣло, но столько доброты и участія было въ его словахъ, что я до сихъ поръ не иначе, какъ съ благодарностью вспоминаю объ этомъ добромъ человѣкѣ, старавшемся облегчить мой трудъ.

Я освободилась отъ своей работы лишь въ одиннадцатомъ часу вечера и, вернувшись домой, нашла всѣхъ въ тревогѣ. Мама волновалась и объявила, что не пуститъ меня больше въ это проклятое мѣсто, гдѣ съ людьми обращаются безчеловѣчно, и я ее успокоила лишь тѣмъ, что рѣшила на другой же день идти отказаться отъ своихъ занятій въ „Основѣ"

Мнѣ однако не удалось этого сдѣлать: на слѣдующій день у меня страшно болѣла голова, и только черезъ день я могла отправиться въ „Основу".

Я пришла въ контору довольно поздно, вошла въ кассу, гдѣ получила жалованье за мѣсяцъ и отправилась къ Войбоковскому. Увидѣвъ меня, онъ измѣнился.

— Вы получили вчера мою записку? спросила я, подходя къ нему.

— Да; вы писали, что больны и не можете придти, строго началъ онъ, все это прекрасно, но вы сдѣлали разстройство въ дѣлахъ, за васъ некому было писать бордерò, надо было другихъ отрывать отъ занятій, а это очень непріятно.

— Я пришла вамъ сказать, что оставляю „Основу", былъ мой отвѣтъ на эту рацею.

Войбоковскаго передернуло; онъ молча и какъ-то несмѣло взглянулъ на меня, Я слегка поклонилась и вышла изъ комнаты. Затѣмъ я отправилась въ кабинетъ Минкевича. Тамъ я нашла двоихъ служащихъ въ „Основѣ", о чемъ-то бесѣдовавшихъ съ главою конторы За все время моего пребыванія въ „Основѣ" я изрѣдка и мелькомъ видала Минкевича, который иногда быстро и величественно проходилъ по отдѣленіямъ, не обращая ни на кого вниманія. Теперь я была встрѣчена имъ очень любезно.

Что вамъ угодно? съ улыбкой спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я пришла сказать вамъ, что ухожу изъ „Основы", сказала я.

— Почему? быстро спросилъ онъ.

— Меня перевели въ бордерò, а эта работа слишкомъ утомляетъ меня.

— Да, добродушно засмѣялся Минкевичъ, глядя вслѣдъ уходившимъ отъ него мужчинамъ, бордерò—тяжелый трудъ. Вчера, напримѣръ, бордеристы писали до двухъ часовъ ночи. Меня одно удивляетъ: какъ это Войбоковскій допускаетъ васъ уходить... Онъ мнѣ всегда такъ хвалилъ вашу работу и прилежаніе...

Минкевичъ пристально посмотрѣлъ на меня изъ-за своихъ очковъ и, перегнувшихъ черезъ столъ, за которымъ сидѣлъ, спросилъ меня какъ-то конфиденціально.

— Вы мнѣ разскажете все, не такъ-ли?

По этимъ словамъ я догадалась, что вѣсть о вчерашнемъ поступкѣ Войбоковскаго со мною дошла до него, но я не хотѣла жаловаться.

— Мнѣ нечего вамъ разсказывать, коротко отвѣтила я.

— Такъ, стало быть, вы уходите?

— Да, потому что не желаю оставаться въ бордерò. Когда я сюда поступала, то соглашалась работать съ десяти часовъ утра до пяти, но не сидѣть всю ночь.

Минкевичъ пожалъ плечами.

— Войбоковскій имѣетъ право перемѣщать подвѣдомственныхъ ему лицъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе — я этому помѣшать не могу—но мнѣ очень жаль, что вы уходите.

Тутъ Минкевичъ очень любезно протянулъ мнѣ руку на прощаніе.

Какъ-то машинально вышла я изъ его кабинета, сошла съ лѣстницы въ швейцарскую, надѣла бурнусъ и вышла на улицу. Захлопнувшаяся за мною съ большимъ шумомъ входная дверь конторы заставила меня вздрогнуть. Я хотѣла кликнуть извощика, но вдругъ голосъ мой оборвался, и я заплакала. Натянувъ вуаль на лицо, я почти побѣжала по тротуару; стыдясь своихъ слезъ. О чемъ я плакала? трудно сказать. Я не оставалась безъ куска хлѣба—впереди у меня было такое же выгодное занятіе, какъ и въ „Основѣ"; всѣ непріятности съ моимъ удаленіемъ кончились для меня, я этимъ была довольна, но мнѣ все таки было чего-то жаль... Не хорошаго ли чувства, недавно внушаемаго мнѣ Войбоковскимъ, который теперь такъ низко упалъ въ моихъ глазахъ?...

Е. Т...

Жоржъ Зандъ.

Жоржъ Зандъ—настоящее имя Аврора Дюпенъ, баронесса Дюдеванъ. Она родилась въ 1804 г. и происходитъ изъ богатой банкирской семьи. Бабушка ея была побочною дочерью Морица Саксонскаго, французскаго маршала. Отецъ служилъ по французской арміи во времена республики и первой имперіи.

Будущая романистка осиротѣла четырехлѣтнимъ ребенкомъ и воспитывалась сначала въ замкѣ Нононъ, близь города La Chatre, въ департаментѣ Эндръ, подъ руководствомъ бабушки, типичной по своимъ понятіямъ представительницы XVIII-го вѣка. Маленькая Аврора была отдана потомъ въ Августинскій монастырь Парижѣ, гдѣ пробыла до 1820 года. Шестнадцатилѣтней дѣвушкой она возвратилась въ замокъ и принялась за чтеніе книгъ. Любимыми ея писателями сдѣлались Руссо, Рабле, Шекспиръ, Байронъ и Виргилій.

Въ 1822 году она вышла замужъ за барона Дюдеванъ и проживъ съ нимъ десять лѣтъ, разошлась. Отъ этого брака осталось двое дѣтей: сынъ и дочь.

Въ 1832 году баронесса, покинувъ мужа, уѣзжаетъ въ Парижъ и живетъ тамъ очень бѣдно, зарабатывая насущный хлѣбъ живописью на табакеркахъ *à la Warembery*. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, она сходится со студентомъ юридическаго факультета Жюлемъ Сандо и вмѣстѣ съ нимъ издаетъ, по совѣту Делятуша, книгу *Rose et Blanche*, подъ псевдонимомъ Жюль Зандъ. Романъ *Indiana*, написанный уже одной баронессой Дюдеванъ, подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ, ставитъ ее сразу на видное мѣсто въ литературѣ. Молодые и старые литераторы склоняются передъ новымъ талантомъ, Шатобріанъ, Ламартинъ, Гюго, де-Мюссе, Кинэ, Бальзакъ и Ламнэ становятся друзьями молодой писательницы, признавая въ ней первоклассныя литературныя способности: Новые романы: *Valentine*, *Lélia*, *Lettres d'un voyageur*, *André*, *Simon*, еще болѣе упрочили ея славу.

Затѣмъ, поселившись въ Парижѣ, послѣ путешествія по Италіи, она издаетъ новую серію романовъ: Marquise, Metella и др.

Въ 1835 году она начинаетъ бракоразводное дѣло съ мужемъ и повѣренному ея, Мишелю де-Буржъ, удается выиграть процессъ. Судъ рѣшилъ отдать обоихъ дѣтей на попеченіе матери.

Жоржъ Зандъ была въ тѣсной дружбѣ съ Пьеромъ Леру и извѣстнымъ религіозно-соціальнымъ утопистомъ Ламенэ, Подъ вліяніемъ ихъ она написала: *Lettres à Marcie*, *Spiridion* и *Sept cordes de la Lyre*, въ которыхъ были развиты мечты о духовно-нравственномъ возрожденіи народовъ.

Въ сообществѣ Шопена она совершила путешествіе на Балеарскіе острова и подъ его вліяніемъ были написаны: *Consuelo* и *Comtesse de Rudolstadt*. Въ 1848 году она становится горячей защитницей республики, издаетъ *Introduction aux Bulletins de la Republique* и *Lettres au peuple* и пишетъ статьи во многія газеты и преимущественно въ *Peuple Constituant*, которой главнымъ редакторомъ былъ Ламенэ.

Въ теченіе сорокалѣтней литературной дѣятельности, Жоржъ

Библиотека "Руниверс"

Сербско-турецкая война. Баши-бузукъ, возвращающійся съ грабежа. Рис. Н. Каразинъ, гравир. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Зандъ написано около 80 томовъ. Лучшими ея произведеніями во Франціи считаются: *Petite Fadette*, *François le Champi*, *Mare au diable*. Изъ театральныхъ ея піесъ самымъ большимъ успѣхомъ пользовались: *le Marquis de Y. Penier*, *Beaux Messieurs de Boix-doré*, *Vacances de Pondofphe* и *Don-Juan de village*.

Жоржъ Зандъ жила постоянно въ деревнѣ, въ своемъ замкѣ Ноганъ; въ Парижѣ она бывала рѣдко. Жила она весьма открыто, проживая ежегодно всѣ доходы съ своего имѣнія и литературныхъ трудовъ, т. е. около ста тысячъ франковъ. Земли замка приносили ей сорокъ тысячъ франковъ, литературныя же работы—шестьдесятъ. Нѣкоторыя изъ редакцій платили ей постоянное жалованье: такъ въ *Revue de deux mondes* она получала 14,000 франковъ въ годъ; *Temps* платилъ ей нѣсколько больше.

Всѣ эти доходы проживались въ замкѣ Ноганъ, гдѣ всегда почти собиралось довольно многочисленное общество, состоявшее преимущественно изъ первоклассныхъ звѣздъ артистическаго и литературнаго міра. Въ замкѣ Ноганъ, напр. часто бывали: Листъ, Шопенъ, Вьярдо, знаменитый живописецъ Делакруа, нѣкоторыя извѣстныя пѣвицы, актеры и пр.

У Жоржъ Зандъ было правило: не начинать развязки романа до тѣхъ поръ, какъ не будетъ уже написано четыреста тысячъ буквъ, считать которыя ей было чрезвычайно легко, благодаря правильности почерка. Рукописи свои послѣ отпечатанія Жоржъ Зандъ получала изъ типографій обратно, и теперь всѣ онѣ въ изящномъ переплетѣ бережно сохраняются сыномъ писательницы.

Произведенія свои она писала безъ всякаго предварительнаго плана, развивала постепенно одно какое-нибудь обстоятельство и выводила изъ него рядъ послѣдствій; когда ей казалось, что въ ходѣ такого развитія нѣтъ логической связи, она рвала все написанное безъ малѣйшаго сожалѣнія и принималась снова писать.

Она обладала большимъ умѣньемъ читать вслухъ. Разъ читала она своимъ гостямъ какую-то повѣсть изъ *Revue de deux mondes*. Всѣмъ слушателямъ очень понравился разсказъ, изложенный изящнымъ и живымъ языкомъ. Прервавъ чтеніе, Ж. З. вышла на минуту изъ комнаты, и одинъ изъ слушателей, взявъ книгу, продолжалъ читать. Всѣ были изумлены тѣмъ, что продолженіе повѣсти дѣлалось очень скучнымъ. Оказалось, что Ж. З., читая, тутъ же прибавляла отъ себя много интересныхъ подробностей и сглаживала шероховатость языка.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ж. З. никогда поздно съ гостями не засиживалась. Ровно въ двѣнадцать часовъ она прощалась со всѣми, хотя бы гостей былъ полонъ салонъ, и удалялась въ спальню. Здѣсь, окончивъ свой ночной туалетъ, она садилась за письменный столъ и раньше шести часовъ утра никогда отъ него не вставала.

Такъ проводила она всю свою жизнь въ Ноганѣ; рѣдко выѣзжая даже къ сосѣдямъ или въ близь лежащій Шатръ, гдѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ.

Два, три раза въ годъ, она посѣщала Шатрскій театръ, гдѣ у нея была своя ложа. Въ дни ея посѣщенія пьесу обыкновенно не начинали, пока она не пріѣдетъ въ театръ, куда она являлась всегда въ парадномъ нарядѣ. Вообще Ж. З. много заботилась о своей наружности, доводя чистоту до педантизма. Дома и въ дорогѣ ни пятнышка, ни пылинки, ни лишней складочки—никогда не было замѣтно во всемъ ея туалетѣ. Въ нарядахъ замѣтна была склонность къ пестротѣ и античнымъ покроямъ. Преобладающею чертою ея характера была застѣнчивость и стыдливость; въ присутствіи людей, которыхъ она видѣла въ первый разъ, Ж. З. обыкновенно становилась не словоохотливой, что тѣ сначала принимали за гордость или высокомѣріе и только лучше познакомившись съ нею, убѣждались въ своей ошибкѣ. Для того, чтобы яснѣе взглянуть на внутренній, прекрасный образъ Жоржъ Зандъ, приведемъ выдержки изъ письма И. С. Тургенева («Новое время» № 105) по поводу смерти Ж. Зандъ.

«Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, пишетъ онъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбудила во мнѣ, давно исчезло, я ужь не покланялся ей: но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ, въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находился въ присутствіи безконечно-щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было выжжено неугасаемымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью, участіемъ... И надо всѣмъ этимъ—какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое...

Умерла она въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, въ Ноганѣ, на 72 году своей жизни отъ паралича въ кишкахъ. Страшная, мучительная болѣзнь посѣтила ее, но она до послѣдней минуты мужественно боролась съ ней, стараясь не обнаруживать ужасныхъ страданій; а агонія длилась болѣе недѣли... Но вотъ наконецъ все было кончено—и чистая, благородная, любящая душа оставила изнуренное тѣло. Дубовый гробъ, подъ покровомъ чернаго бархата съ серебрянымъ крестомъ, несли крестьяне, не пожелавшіе уступить никому (особенно «городскимъ господамъ») право и честь донести до могилы ту, которую онѣ всегда называли своей «милой матушкой»... Дѣйствительно, Жоржъ Зандъ была благодѣтельницей этого уголка. За гробомъ шли: А. Дюма, Реванъ, Г. Флоберъ, Принцъ Наполеонъ (онъ крестный отецъ внучки покойной) и др., близко знавшіе Ж.-Зандъ, а за ними—густая толпа окрестныхъ поселянъ. Жоржъ Зандъ еще задолго до смерти заявила желаніе, чтобы могила ея была такъ же проста, какъ и у крестьянъ; поэтому на небольшой холмикъ, подъ которымъ покоится прахъ ея, будетъ положена обыкновенная каменная плита съ надписью: Ci gît George Sand (Здѣсь лежитъ Жоржъ Зандъ).

Выставка промышленности въ Гельсингфорсѣ.

Въ Финляндіи до сихъ поръ еще не было общей промышленной выставки произведеній всего края. Десять лѣтъ тому назадъ, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, возникла мысль объ устройствѣ выставки, но голодъ, посѣтившій край нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и другія неблагопріятныя обстоятельства, долго препятствовали осуществленію этой мысли.

Наконецъ, благодаря особенной ревности финляндскаго экономическаго общества въ Або, въ концѣ прошлаго года было собрано по частной подпискѣ 400,000 марокъ (около 100,000 рублей) что вмѣстѣ 150,000 марками отпущенными финляндскимъ сенатомъ, составило достаточную сумму для сооруженія необходимыхъ зданій и покрытія другихъ издержекъ.

Въ началѣ лѣта нынѣшняго года зданіе было уже готово. Оно построено въ городскомъ саду (Брунетъ паркъ) изъ одного только дерева и состоитъ изъ трехъ галлерей, расположенныхъ въ формѣ буквы П. Не смотря на довольно значительную величину (70,000 квадр. футовъ), зданіе это отличается большою легкостью, и свѣтло желтоватый цвѣтъ стѣнъ его мягко отражается на густой зелени тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ парка.

Въ теченіи всего іюня мѣсяца въ тихомъ и мирномъ Гельсингфорсѣ замѣтно было нѣкоторое оживленіе: экспоненты привозили въ зданіе свои произведенія. Къ первому іюля все было готово: всѣ отдѣлы заполнены, ящики убраны, соръ выметенъ, и финляндцы нетерпѣливо ожидали открытія первой обще-финской выставки, посредствомъ которой, по словамъ мѣстнаго сенатора Борна, Финляндія должна вступить въ число европейскихъ странъ.

Наконецъ насталъ желанный день 1-е іюля, день давно ожидаемаго открытія выставки.

Въ 12 часовъ дня экспоненты и публика начала собираться въ зданіе выставки. Довольно значительный хоръ, состоящій изъ одѣтыхъ въ бальные наряды дамъ и дѣвицъ, вмѣстѣ съ оркестромъ мѣстнаго шведскаго театра, помѣщался на возвышеніи въ главномъ кругломъ залѣ, гдѣ были тоже отведены мѣста для многочисленныхъ представителей мѣстной аристократіи. Ровно въ часъ въ залѣ появился финляндскій генералъ-губернаторъ, графъ Адлербергъ 3-й, и при его входѣ оркестръ, вмѣстѣ съ хоромъ, исполнилъ торжественный маршъ. По окончаніи его, предсѣдатель выставочнаго комитета, сенаторъ Борнъ, прочелъ на шведскомъ языкѣ отчетъ по устройству выставки.

По окончаніи чтенія отчета, хоръ запѣлъ сочиненную мѣстнымъ поэтомъ приличествующую случаю арію.

Когда прозвучали послѣднія ноты этой аріи, графъ Адлербергъ произнесъ краткую рѣчь на французскомъ языкѣ, въ которой объявлялъ объ открытіи выставки.

Раздались звуки національнаго финскаго гимна, и на флагштокахъ зданія взвились флаги и началась пальба изъ пушекъ, вся публика поднялась со своихъ мѣстъ и разсѣялась по галлереямъ, осматривая выставленныя въ превосходныхъ шкапахъ произведенія.

Выставленные предметы раздѣлены на 14 классовъ, а классы на группы; всѣхъ группъ 62. Классъ I-й, художества: архитектура, скульптура и живопись; классъ II-й, горное дѣло; классъ III-й, лѣсное дѣло и судостроеніе; классъ IV-й, агрономія и садоводство; классъ V-й, машины, предметы транспортовъ; классъ VI-й, работы изъ металловъ; классъ VII-й, глиняныя, фаянсовыя и стеклянныя издѣлія; классъ VIII-й, матеріи, одежды, мѣха, обувь и разныя кожаныя издѣлія, классъ IX-й, бумажное производство; классъ X-й, деревянныя, костяныя и другія издѣлія (къ этому же классу отнесены: мебельныя и обойныя работы); классъ XI-й, химическое производство и питательныя вещества; классъ XII-й, педагогическія пособія, физическіе, музыкальные и друг. апараты и инструменты; классъ XIII-й, гравированіе, стереотипія и типографское дѣло; классъ XIV-й, деревенскія работы.

Изъ сообщаемыхъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» свѣдѣній видно, что Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ супругою и Герцогиней Эдинбургской изволили посѣтить выставку при единодушномъ выраженіи восторга многочисленной публики.

Библиотека "Руниверс"

Военныя силы Сербіи.

(Къ картинѣ: „Выходъ Сербскихъ войскъ изъ Бѣлградской крѣпости“).

Не такъ давно еще тихая, мирная Сербія приняла въ настоящую минуту иной видъ... Часъ великой борьбы славянъ съ исконнымъ врагомъ пасталъ, и вся страна, весь народъ, заволновался, объятый воинственнымъ пламенемъ. Часъ этотъ уже предвидѣлся, и ворота Бѣлградской крѣпости не разъ, въ продолженіи послѣдняго времени, распахивались широко настежь предъ войсками, шедшими къ границамъ родины, готовясь грудью встрѣтить утѣснителей. Усилія дипломатіи, колебанія, порождавшіяся ими, отдаляли минуту, но стихійная сила событій должна была взять свое и привести къ неминуемой борьбѣ. 18-го (30-го) іюня князь Миланъ, при колокольномъ звонѣ, пушечныхъ выстрѣлахъ, при восторженныхъ кликахъ народа, выѣхалъ изъ столицы къ своимъ войскамъ. Онъ объявилъ, что идетъ защищать родную землю, защищать угнетенныхъ христіанъ.

Взглянемъ же на средства къ борьбѣ, какими Сербія располагаетъ. Приведемъ сначала цифры, значащіяся такъ сказать «по штатамъ» военнаго министерства княжества. Нужно замѣтить, что организаціей своей арміи Сербія обязана князю Михаилу Обреновичу III, прилагавшему всѣ старанія къ созданію регулярной арміи; онъ пользовался услугами французскаго полковника Мондено и диллетанта военнаго дѣла, Милиноя Блазнавацъ. Нынѣшняя армія, преобразованная въ 1862, 1864 и 1870 гг. (дополненія 1871 г.), раздѣлена на постоянную армію и народное ополченіе. Постоянная армія служитъ только кадромъ для народнаго ополченія (народнаго войска) и наполняется ежегодно 1500 рекрутами имѣющими не болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду; наборъ производится ежегодно. Отъ воинской повинности изъяты единственные сыновья, лица, у которыхъ братъ уже на службѣ и воспитанники духовныхъ семинарій. Замѣщеніе допускается, и срокъ службы 3-хъ лѣтній; для жандармовъ 2-хъ лѣтній.

Постоянная армія состоитъ изъ 3-хъ батальоновъ линейной пѣхоты и стрѣлковаго (по 500 человѣкъ)	2,000 ч.
1 эскадронъ кавалеріи	100 ч.
Полуэскадронъ княжеской гвардіи	50 ч.
1 полевая крупповская батарея	122 ч.
4 полевыхъ баттареи (по 122 ч.)	488 ч.
3 горныхъ баттареи (по 50 ч.)	150 ч.
1 мерзерская горная баттарея	50 ч.
Кадръ для 21 баттареи (для ополченія по 24 ч.)	504 ч.
1 батальонъ піонеровъ (3 роты по 134 ч.)	402 ч.
1 батальонъ понтонеровъ (3 роты по 134 ч.)	402 ч.
1 рота артиллерійскихъ лаборантовъ	263 ч.
1 отдѣленіе обоза	75 ч.
1 отдѣленіе жандармовъ	300 ч.
1 отдѣленіе полиціи	300 ч.
1 отдѣленіе пограничной стражи	350 ч.
Итого	5,556 ч.

Народное ополченіе составляетъ основаніе силъ Сербіи, служба обязательна для всѣхъ, отъ 20 до 50 лѣтъ; отъ нея избавлены только духовенство и неспособные, ополченіе дѣлится на 2 призыва; къ 1-му принадлежатъ граждане отъ 20 до 35 лѣтъ: ихъ числится до 90 тысячъ, а ко 2-му отъ 35 до 50 лѣтъ; этихъ насчитывается до 85 тысячъ ч.

Ополченіе 1-го призыва составлено изъ:

80 батальоновъ пѣхоты	67,360 ч.
33 эскадрона кавалеріи	4,950 ч.
41 артиллерійскія роты	7,840 ч.
19 ротъ инженеровъ	2,850 ч.
15 ротъ санитарныхъ	2,160 ч.
19 взводовъ мастеровыхъ	570 ч.
19 взводовъ рабочихъ	570 ч.
19 взводовъ провіантскихъ	950 ч.
118 ротъ обоза	15,688 ч.
Итого	102'938 ч.

Народное ополченіе 2-го призыва составлено изъ:

80 батальоновъ пѣхоты	48,400 ч.
18 ротъ обоза, 33 эскадрона кавалеріи, 28 баттарей артиллеріи, 19 піонерныхъ ротъ — кадры	4,036 ч.
Итого	52,436 ч.

Такимъ образомъ, численность всей сербской арміи опредѣляется приблизительно около 160 тысячъ человѣкъ. Войска раздѣлены на 23 бригады, которымъ назначены особые сборные пункты. Военный бюджетъ превышаетъ 10 милліоновъ піастровъ (*).

До времени, Сербія выставила не всѣ свои силы. По всѣмъ свѣдѣніямъ, идущимъ изъ разныхъ источниковъ, численность ихъ опредѣляется въ 125 тысячъ ч., не считая тутъ же волонтеровъ, которые будутъ дѣйствовать, какъ партизаны, поддерживать операціи корпусовъ регулярной арміи. Въ настоящее время, корпусъ офицеровъ въ сербской арміи состоитъ изъ 4 генераловъ, 24 офицеровъ генеральнаго штаба, 46 инженеровъ, 113 артеллерійскихъ офицеровъ, 200 пѣхотныхъ, 43 кавалерійскихъ и 29 въ санитарныхъ отрядахъ, всего 469 ч. Въ томъ же числѣ находятся и 70, недавно произведенныхъ, по совѣту генерала Черняева, офицеровъ изъ унтеръ-офицерскаго званія. Самая армія состоитъ изъ 2 призывовъ—перваго 72 тысячи и втораго 42 тысячи ч. Войска перваго призыва снабжены полнымъ обмундированіемъ, остальныя же имѣютъ одни лишь форменныя фуражки. Резервы 3-го и послѣдняго призыва въ сборѣ. Вооруженіе сербской пѣхоты слѣдующее: 1-й призывъ вооруженъ ружьями системы Пибоди, 2-й—системы Гринау, 3-й—прежней системы; часть людей въ каждой ротѣ снабжена шанцевымъ инструментомъ. Въ артиллеріи—тяжелыя, легкія и горныя орудія, частью новыхъ конструкцій и нарѣзныя, частью гладкоствольныя. Осадная артиллерія, сосредоточена при Чачанѣ. Резервный артиллерійскій полкъ состоитъ изъ 36 орудій и мортирной баттареи. Прислуга вооружена ружьями и саблями, а унтеръ-офицеры—револьверами. Кавалеріи 4 тысячи человѣкъ. Во главѣ арміи стоятъ 3 генерала: Захъ, 60-ти лѣтній, бодрый человѣкъ, родомъ чехъ, бывшій профессоръ бѣлградской военной школы, опытный теоретикъ; извѣстный русскій генералъ М. Г. Черняевъ, личность и таланты котораго пользуются заслуженною репутаціею не въ одной Россіи; Алимпичъ, сербъ по происхожденію, отличавшійся въ прежнихъ войнахъ. Вся армія раздѣлена на 3 корпуса и одинъ отрядъ, расположенный на восточной границѣ княжества, къ р. Дунаю и притоку послѣдняго р. Тимоку, съ цѣлью прикрытія этой части сербскихъ границъ отъ турецкихъ отрядовъ, сосредоточенныхъ у Видина. Южная армія, подъ начальствомъ генерала Черняева, находится въ Моравской долинѣ (она теперь перешла уже къ наступленію; по позднѣйшимъ извѣстіямъ, генералъ Черняевъ взялъ уже турецкій лагерь на Бабиной горѣ, у Ниша). Алексинацъ, главная квартира этой арміи, и стоящій позади ея въ 8 верстахъ пунктъ—Демградъ укрѣплены. Этотъ корпусъ состоитъ изъ лучшихъ сербскихъ силъ, именно: постоянной арміи и 1-го призыва милиціи. Численность его опредѣляется въ 45 до 50 тысячъ ч., онъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 26 батальоновъ 1-го и 2-го призывовъ, 3 полевыя баттареи, 2 горныя баттареи, 4 осадныя орудія—всего 28 орудій, 4 эскадрона кавалеріи, 1 батальонъ піонеровъ и обозъ. При этомъ корпусѣ будетъ находится князь Миланъ, военный министръ Николичъ, нѣсколько сенаторовъ и депутатовъ, волонтеры и черногорскій военный уполномоченный. 2 корпусъ, называемый западно-моравскою дивизіею, находится подъ начальствомъ генерала Заха. Въ составъ ея входятъ: 26 пѣхотныхъ батальоновъ 1-го и 2-го классовъ, 3 полевыя, 2 горныя баттареи, около 36 пушекъ, 4 эскадрона кавалеріи; общую численность полагаютъ въ 22 тысячи ч., штабъ-квартира въ Чачанѣ, по рѣкѣ западной Моравѣ. Независимо отъ этого корпуса, впереди его, какъ бы соединяя его съ корпусомъ генерала Черняева, расположены 3 отряда волонтеровъ: у Ужицы 6 тысячъ подъ командой капитана Ковачевича, архимандрита Дучича и попа Жарко, другой — на Дринѣ, въ 3 тысячи и подъ командой полковника Груія Мишковича и 3-й — у Крушеваца въ 4 тысячи ч.; они уже перешли Дрину. 3-й корпусъ съ западной стороны княжества—2 дивизіи подъ начальствомъ генерала Ранко Алимпича; каждая изъ нихъ въ 3 бригады; численность равняется 26 тысячами ч. и около 4 тысячъ волонтеровъ.

Если, такимъ образомъ, дѣйствительная численность сербскихъ боевыхъ силъ представляется, въ настоящій моментъ, менѣе значительнымъ противъ списочнаго ихъ состоянія, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, какъ то, что, въ случаѣ нужды, княжество можетъ развить всѣ свои силы, такъ и главное, то, что съ нею за одно дѣйствуютъ инсургенты Болгарія (Видинскій округъ возсталъ), Герцеговины и Босніи, Черногоріи. Съ нею за одно всѣ симпатіи, всѣ помыслы массы Балканскихъ славянъ, славянъ сосѣднихъ, съ нею за одно все общественное мнѣніе цивилизованной Европы.

(*) Русскій Міръ, 1876 г. № 180. «Вооруженныя силы Сербіи и Черногоріи».

Очерки Сербіи.

I.

Мѣстность, занимаемая Сербіей, напоминаетъ при-альпійскія страны. По всѣмъ ея направленіямъ тянутся отроги горныхъ вѣтвей, образующихъ у вершины треугольника княжества самую возвышенную мѣстность, гдѣ вершины достигаютъ 6 ты-

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

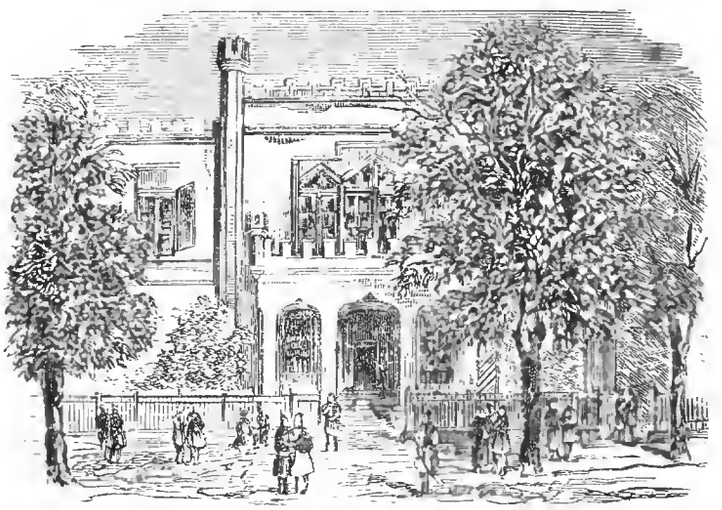
сячъ футовъ высоты. Отсюда, съ одной стороны, открывается видъ на все сербское княжество, а съ другой—на памятное для Сербіи Коссово поле. Съ западныхъ склоновъ горъ свѣтлой, извилистой лентой вытекаетъ Морава; образовавъ изгибъ, она соединяется съ болгарскою Моравой и течетъ далѣе, къ Дунаю. Долина ея раздѣляетъ Сербію на 2 половины; въ восточной части населеніе преимущественно румынское, въ западной — исключительно сербское. Здѣсь, въ сердцѣ княжества, суровый, величавый характеръ мѣстности смягчается мягкою зеленью дубовыхъ, чинаровыхъ, сосновыхъ рощъ и дубравъ, отчего все пространство носитъ у народа названіе «шумадьи», потому что тамъ «шумятъ ели». Въ этой сторонѣ раскинуты историческіе города сербовъ. Тополи—колыбель и могила перваго освободителя Сербіи, князя Кара-Георгія (Георгія Чернаго), далѣе Чернучи, вторая родина Обреновичей, за нею Таво и Врчевшница, гдѣ раздался первый кликъ Милоша къ бою, наконецъ, нѣсколько поодаль — первая столица, Крагуевацъ. Западнѣе—вѣтви горъ, богатые минеральнымъ содержаніемъ, отчего и получили названіе «Рудницкихъ». Еще римляне эксплоатировали рудники, но теперь, по причинѣ нѣкотораго застоя промышленности въ княжествѣ, они остаются нетронутыми и заброшенными. Новая жизнь, въ которую вступаетъ теперь славянское княжество, вызоветъ и новую дѣятельность, умножитъ отрасли ея. Восточная часть княжества отличается плодородіемъ почвы; все прибрежье Моравы покрыто толстымъ слоемъ чернозема и только въ болѣе отдаленныхъ отъ нея мѣстностяхъ, разноцвѣтная глина смѣшивается мѣстами съ верхнимъ пластомъ земли. Въ изобиліи попадаются густые лѣса, въ перемежку съ фруктовыми садами, особенною же силою растительности отличаются мѣста, прилегающія къ Дунаю.

Дворецъ князя Милана въ Бѣлградѣ. Рис. Кауфманъ, гравир. Боярскій.

Во всей своей нетронутой старинѣ, безъ малѣйшей чужеземной примѣси, нравы и обычаи сербовъ сохранились въ сторонѣ, орошаемой

Библиотека "Руниверс"

Дриной и Моравой, въ тѣхъ горныхъ долинахъ и густыхъ лѣсахъ, гдѣ живою, сильною струею бьетъ народная жизнь, откуда вышли первые бойцы за свободу и независимость сербской земли, первые герои этой борьбы. У береговъ же Дуная, со стороны Венгріи и Румыніи, чуждые элементы значительно уже повліяли на первобытный, національный характеръ и измѣнили многія своеобразныя черты. Поэтому, только въ лѣсной Шумадьѣ и можно видѣть настоящую сербскую жизнь, его чистый, народный типъ, его домашній бытъ и условія, среди которыхъ онъ живетъ.



Зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ. Рисов. Боде, грав. Боярскій.

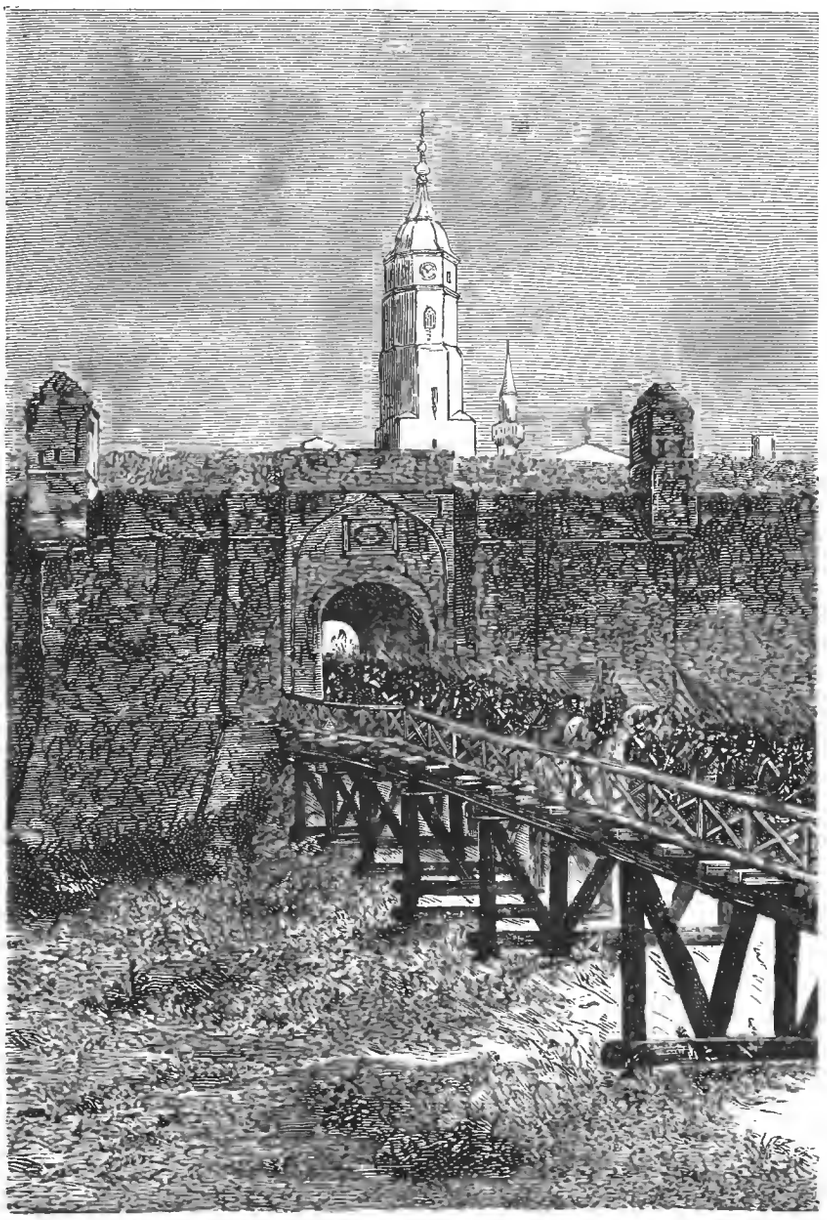
Сербъ отличается рѣзкими чертами лица и могучимъ строеніемъ тѣла. Высокій ростъ, широкія плечи, правильная голова, высокій лобъ, выдающіяся кости лица, прямой носъ — вотъ отличительные признаки этого типа. Густые волосы, большею частью свѣтлыхъ оттѣнковъ. Теперь сербы отпускаютъ длинные волосы, но еще не такъ давно, во время войны за независимость, они брили часть головы. Бороду носятъ только черное и бѣлое духовенство.

Сербскія женщины красивы, но въ отношеніи граціи, подвижности, преимущество остается на сторонѣ черногорокъ. Замѣчательно, что сербянки считаютъ черный цвѣтъ волосъ — самымъ красивымъ, и потому въ городахъ онѣ почти всѣ красятъ ихъ въ этотъ цвѣтъ. Женскій нарядъ представляетъ большое разнообразіе — покрои, измѣняются почти въ каждомъ округѣ, въ каждомъ уѣздѣ. Въ деревнѣ онъ состоитъ изъ длинной до ногъ, полотняной, вышитой разноцвѣтной шерстью сорочки, затѣмъ, столь же длиннаго, съ разрѣзомъ спереди, безъ рукавовъ и съ вышивками, платья, пояса, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, фартука и свѣтлой «гиги», — шерстяной накидки. Женщины побогаче носятъ жемчужныя ожерелья, серьги, браслеты. Прически не менѣе разнообразны. Въ окрестностяхъ Бѣлграда дѣвушки дѣлаютъ съ лѣвой стороны проборъ и волосы заплетаютъ въ 2 косы, украшаемыя иногда цвѣтами и монетами; лобъ покрытъ короткими локонами. Во многихъ мѣстностяхъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ, дѣвушки носятъ на головѣ красную феску, обвивая ее вокругъ косой, замужнія же замѣняютъ феску украшеніемъ въ родѣ высокаго клобука, покрытаго монетами; отъ него, къ нижней части лица, идутъ ленты, которыя завязываются у подбородка. Въ иныхъ мѣстахъ головной уборъ сербскихъ женщинъ напоминаетъ тотъ, что носятъ итальянки — на макушкѣ бѣлый платокъ, концы котораго узкими складками доходятъ до пояса.

Нарядъ горожанокъ представляетъ соединеніе восточнаго элемента съ западнымъ. На головѣ они носятъ маленькую шапочку, которую окружаетъ діадема изъ 2-хъ переплетающихся косъ; у замужнихъ эти шапочки украшены нитями коралловъ или золотыхъ колецъ. По городамъ въ большомъ ходу бѣлила и румяна—вообще, въ этомъ отношеніи, требованія сербскаго обычая мало въ чемъ уступаютъ парижскому рецепту: городская кокетка и франтиха обыкновенно красятъ волосы въ черный цвѣтъ, удлиняетъ брови темной тушью, лицо покрываетъ розовымъ порошкомъ и губы подкрашиваетъ карминомъ. Въ костюмѣ горожанки преобладаетъ восточный характеръ. Грудь покрыта почти совершенно прозрачной, бѣлой вышитой сорочкой, на которую надѣвается шелковый платокъ, концы котораго, перевязанные на крестъ, охватываютъ станъ; на плечи наброшена свѣтлая шелковая кофта, съ широко разрѣзанными рукавами, оставляющими открытыми руки и вышитый рукавъ сорочки, юбка европейскаго фасона, стягивается у таліи парчевымъ поясомъ, съ длинными концами. Зимой — шубы, соотвѣтствующія покрою платья. Европейскія моды начинаютъ свое дѣло уже и здѣсь.

Лѣтній костюмъ сербскаго крестьянина весьма простъ и менѣе разнообразенъ, чѣмъ женскій. На головѣ онъ, почти всегда и всюду, носитъ низенькую красную шапочку (схожую съ феской). Широкія въ складкахъ шаровары (гаміе) ниспадаютъ до ступни, длинная холстинная сорочка, (косулія) спускается до колѣнъ, опоясывается онъ обыкновенно краснымъ суконнымъ кушакомъ и

Къ статьѣ: **Военныя силы Сербіи.**



Сербско-турецкая война. Выходъ сербскихъ войскъ изъ бѣлградской крѣпости. Рис. Кауфманъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

сверху стягивается ремнемъ, къ которому привѣшиваетъ спереди пару пистолетовъ и металлическій шомполъ, а сзади патронташъ; у правой руки виситъ короткій, въ кожаныхъ ножнахъ, ножъ (нож). Въ дорогу онъ обыкновенно набрасываетъ родъ короткаго плаща (гуніякъ) и, кромѣ постояннаго оружія, беретъ еще длинное албанское ружье (джевердаръ), обувь состоитъ изъ пестрыхъ чулокъ и плетеныхъ изъ ремней башмаковъ (опанцы). Городской нарядъ (въ которомъ преобладаетъ темно-синій цвѣтъ) гораздо роскошнѣе и красивѣе. На вышитую затѣйливыми узорами сорочку надѣвается алый жилетъ съ золотыми прошивками, затѣмъ богато-расшитый спереди, отороченный дорогимъ мѣхомъ кафтанъ, стянутый у таліи поясомъ изъ турецкой шали яркихъ цвѣтовъ, изъ-подъ него спускаются темно-синіе шаровары турецкаго покроя, съ черною тесьмой, вправленные въ бѣлые чулки; на ногахъ обыкновенно кожаные башмаки. За поясомъ спереди, опять-таки, пистолеты въ серебряной оправѣ, сзади патронташъ, справа ножъ. Красная феска съ длинной темно-синей кистью служитъ головнымъ уборомъ.

II.

Лучшимъ украшеніемъ сербскаго народа служатъ тѣ нравственныя его свойства, та духовная цѣльность народнаго характера, которая составляетъ силу націи, ея моральную крѣпость, нетронутую еще разлагающимъ вліяніемъ нашего вѣка. Нравы его и обычаи представляютъ еще много патріархальнаго, много наивнаго. «Задруга»—семейство находится въ полномъ подчиненіи естественнаго главы—отца, распоряжающагося имуществомъ своей задруги, остающагося въ полномъ владѣніи рукою дочерей и выбирающаго женъ для своихъ сыновей. Народъ, стоящій еще на этой степени культуры, естественно, платитъ большую дань суевѣрію—традиціонный циклъ вѣдьмъ и домовыхъ населяютъ густыя дубравы, глубокія, мрачныя пещеры, темные закоулки и держатъ его еще въ тѣсномъ кругѣ массы повѣрій.

Вообще, политически-юному народу этому нужно много еще стряхнуть съ себя, чтобы выдти на широкую торную дорогу къ всестороннему благосостоянію, матерьяльному и нравственному. Надо сказать, что если онъ до сихъ поръ еще мало оказалъ успѣховъ въ дѣлѣ общаго, народнаго просвѣщенія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его матерьяльный бытъ, условія жизни, не завидны. Такія, напримѣръ, необходимыя, простѣйшія принадлежности самаго незатѣйливаго комфорта, какъ стекло—составляетъ въ Сербіи рѣдкость, и въ деревняхъ, обыкновенно, очень рѣдко можно встрѣтить окна стеклянныя—лѣтомъ онѣ остаются открыты, а зимой заклеиваются бумагой.

Бѣдность эта, этотъ недостатокъ, является прямымъ послѣдствіемъ промышленнаго застоя, который, въ свою очередь, есть ничто иное, какъ результатъ народнаго пренебреженія къ промысламъ; они относятся съ презрѣніемъ къ такого рода дѣятельности, предоставляя ее всецѣло румынамъ, нѣмцамъ.

Нельзя, конечно, строго судить за это сербскій народъ, сравнительно еще недавно томившійся подъ тяжелымъ игомъ. Дѣйствительно, Сербія какъ самостоятельное государство, еще очень молодо. Самыя границы ея опредѣлены впервые на основаніи условій бухарестскаго мира въ 1834 году, а неприкосновенность ихъ гарантирована только парижскимъ трактатомъ 1856 года. Въ силу этого трактата и другихъ международныхъ соглашеній, Сербія, признана независимымъ княжествомъ, состоящимъ подъ властью султана, которому обязана выплачивать ежегодную дань въ 41,552 дуката. Взамѣнъ этого, она получила право избирать князя, устанавливать законы, содержать собственное войско и пользоваться національнымъ флагомъ и гербомъ (лучистый серебряный крестъ въ красномъ щитѣ, окруженномъ лавровыми листьями, подъ нимъ княжеская корона съ крестомъ и державой). Съ 1867 года выведены турецкіе гарнизоны изъ сербскихъ крѣпостей, и на валахъ ихъ остался только турецкій флагъ, рядомъ съ сербскимъ. Княжеская власть, послѣ смерти Георгія Чернаго, предоставлена народомъ Милошу Обреновичу (въ 1817 г.). Вначалѣ, власть эта была неограниченною, но впослѣдствіи, по желанію народа, условія ея подверглись измѣненію, и нынѣ княжество управляется на западно-европейскихъ началахъ, на основаніи устава 1838 года. Согласно съ органическими законами, власть княжеская наслѣдственна, и въ случаѣ прекращенія династіи, князь имѣетъ право назначить, по соглашенію съ сенатомъ, наслѣдника престола. Оффиціальный титулъ государя по сербски «Кујас», съ предикатомъ «свјетлост».

III.

Въ силу устава, — князь единственный представитель верховной власти, неприкосновенный, государь, глава церкви и начальникъ надъ войскомъ. Исключительно обладая правомъ почина, онъ руководитъ дѣйствіями сената и скупштины, съ которыми раздѣляетъ власть законодательную, въ его же рукахъ сосредочена и власть исполнительная, избранія министровъ и т. д. Прочія функціи государственнаго управленія распредѣлены между сенатомъ, высшей счетной палатой и скупштиной. Сенатъ «совјет» учрежденъ въ 1838 г. и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ пожизненнаго президента, изъ вице-президента, наслѣдника (престола по достиженіи имъ 18-ти лѣтняго возраста) и 17-ти членовъ, назначаемыхъ княземъ. Состоя при государѣ въ качествѣ постояннаго представителя народныхъ интересовъ, сенатъ разсматриваетъ всѣ проекты по юридическимъ и финансовымъ вопросамъ, участвуетъ въ законодательныхъ трудахъ и имѣетъ право контроля государственнаго управленія.

Высшая счетная палата «главна контроля» провѣряетъ государственный бюджетъ Скупштина «народна скупштина», т. е. палата народныхъ представителей, собирается каждые 3 года. Кромѣ права разсматривать и утверждать предлагаемые правительствомъ проекты, имѣетъ право почина а также и контроля правительственныхъ дѣйствій за истекшее трехлѣтіе. Министерство, съ 1862 года, состоитъ изъ 7 департаментовъ. Министры отвѣтственны предъ княземъ и сенатомъ. Они подготовляютъ проекты и вносятъ ихъ на обсужденіе; они принимаютъ участіе въ преніяхъ, но безъ права вотированія. Всѣ княжескія распоряженія скрѣпляются подписью президентовъ сената и министерства. Далѣе идетъ система мѣстнаго управленія. Вся страна раздѣлена на 17 уѣздовъ (окружіје), 60 округовъ (срез) и 1059 общинъ (обштина). Во главѣ этихъ административныхъ единицъ поставлены: начальникъ уѣзда, окружный начальникъ (капетанъ); община же пользуется полною автономіей, управляясь избранными ею: общиннымъ старшиной, членами общиннаго совѣта (обштинары), общиннымъ судомъ (обштински суд).

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ на сербскій престолъ вступилъ нынѣ царствующій князь Миланъ IV Обреновичъ (род. 22-го августа 1852 г.) Почти мальчикомъ былъ онъ привезенъ въ Бѣлградъ изъ Парижа, гдѣ получилъ воспитаніе. Въ день 2-го іюля 1868 г. происходило коронованіе. Торжественна была минута, когда послѣ церемоніи возложенія короны, юный государь, среди глубокаго молчанія присутствовавшихъ министровъ, сенаторовъ, членовъ скупштины и другихъ, своимъ молодымъ голосомъ громко произнесъ:

Я, Миланъ IV Обреновичъ, князь сербскій, принимая власть, клянусь Господомъ и всѣмъ, что здѣсь на землѣ для меня можетъ быть священнаго, на св. крестѣ и евангеліи, что буду хранить въ неприкосновенности конституцію и управлять на основаніи законовъ, указанныхъ сею конституціею и что всегда, во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и въ каждомъ моемъ шагѣ буду единственно имѣть въ виду благо народа. Давая торжественную присягу предъ лицомъ Бога и народа, я призываю въ свидѣтели нашего Творца, Которому мнѣ придется дать отвѣтъ на страшномъ судѣ и истинность моей клятвы скрѣпляю, цѣлуя св. евангеліе и крестъ спасителя нашего Іисуса Христа. Такъ да поможетъ мнѣ Господь».

Народъ сербскій не имѣлъ поводовъ съ тѣхъ поръ жаловаться на своего князя, свято исполняющаго свое обѣщаніе.

Личность князя Милана представляетъ много привлекательнаго. Высокая образованность соединяется въ немъ съ природной добротой, не исключающей энергію, составляющую отличительную черту родоваго характера Обреновичей. Вообще, сербы могутъ по справедливости гордиться своей царственной четой. Молодая княгиня Наталья Петровна Кешко—наша соотечественница, какъ извѣстно,—идеалъ женской красоты и добродѣтели. Съ сочувствіемъ, съ глубокимъ уваженіемъ, должны относиться мы къ этой молодой женщинѣ, къ той душевной тревогѣ, съ которою она слѣдитъ теперь за подвигами своего мужа, ставшаго во главѣ народа за святое, великое дѣло славянъ.

Уединенно скрываетъ она тяжелое чувство въ опустѣвшемъ дворцѣ, чувство, которымъ должна жертвовать новой родинѣ.

Гнѣздо юной четы—Бѣлградскій дворецъ, изображенный на нашемъ рисункѣ—красивое зданіе. Не представляя всего богатства дворцовъ большихъ государствъ, онъ заключаетъ, однако, въ себѣ, насколько возможно, всѣ условія комфорта, въ сочетаніи съ требуемою положеніемъ его обитателей относительною роскошью.

Скоро, однако—мы убѣждены въ томъ,—придетъ время, когда дворецъ этотъ оживится радостными празднествами, привѣтствующими торжество праваго дѣла.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 24 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Библиотека "Руниверс"

Баши-бузуки.

Фанатическая, вооруженная чернь Турціи, извѣстная подъ именемъ баши-бузуковъ, отличается такой свирѣпой жестокостью, такой безпощадной лютостью, что всѣ варварскіе набѣги дикихъ азіятскихъ племенъ на Европу не могутъ сравниться съ тѣми способами усмиренія славянской райи, которые употребляются теперь мусульманами на Балканскомъ полуостровѣ.

Каждый день телеграфъ приноситъ намъ извѣстія о сотняхъ перерѣзанныхъ старцевъ, о *десяткахъ тысячъ* женщинъ, проданныхъ въ рабство, о тюрьмахъ, наполненныхъ невиннымъ людомъ, умирающимъ въ нихъ съ голоду, о трупахъ, кучами лежащихъ на улицахъ и гніеніемъ своимъ заражающихъ воздухъ, о разграбленныхъ и сожженныхъ селахъ и городахъ.

Все это дѣла рукъ баши-бузуковъ.

Они вырѣзали въ Филиппопольскомъ санджакѣ все болгарское населеніе, изрубили всѣхъ старцевъ и мужчинъ, не удалившихся въ горы, обратили въ рабство 60,000 (!) женщинъ, чтобы продать ихъ на малоазіятскихъ рынкахъ.

Они превратили въ пустыню самые цвѣтущіе болгарскіе уѣзды.

Турецкія власти вполнѣ поощряютъ этотъ способъ умиротворенія возставшихъ, или только подозрѣваемыхъ въ намѣреніи возстать; правители округовъ раздаютъ оружіе баши-бузукамъ и черкесамъ, которые съ самаго начала волненія въ Болгаріи совершили тысячи убійствъ, грабежей, насилій, пожаровъ и всяческихъ злодѣйствъ.

Изъ донесеній иностранныхъ агентовъ въ Адріанополѣ и Филиппополѣ, сообщаемыхъ нашими газетами, извѣстно, что при первыхъ признакахъ волненія въ южной Болгаріи, со всѣхъ сторонъ были созваны баши-бузуки, и всѣмъ мусульманамъ, всему худшему сброду населенія: цыганамъ, черкесамъ (цѣлые годы были потрачены на обезоруженіе ихъ), было роздано оружіе, и все это было послано не противъ инсургентовъ, которые не показывались, а противъ цвѣтущихъ городовъ и мирныхъ деревень. Войска получали приказаніе убивать всякаго, оказывающаго малѣйшее сопротивленіе. Сначала сопротивленіемъ признавались заботы о томъ, чтобы избавиться отъ ограбленія и отъ всѣхъ насилій, совершавшихся баши-бузуками, а затѣмъ перестали даже искать и эти поводы, а достаточно было быть болгариномъ. Цѣль заключалась уже не въ разысканіи виновныхъ, а просто въ избіеніи христіанъ, въ томъ, чтобы удовлетворить съ давнихъ поръ накопившееся чувство ненависти. Болгары гибли сотнями и тысячами, подробности жестокостей ужасны: въ Перушицѣ, Бошакѣ, Вѣтринѣ были умерщвлены цѣлыя поселенія. Женщины и дѣвушки подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Много изъ нихъ тоже умерщвлено, а еще больше того уведено въ рабство.

Убивали дѣтей, убивали поселянъ, бѣжавшихъ при приближеніи войскъ; убивали тѣхъ, которые не покидали своихъ жилищъ, тѣхъ, кто прятался; убивали тѣхъ, кто выдавалъ свое оружіе—за то, что имѣли его, и тѣхъ, кто имъ не обладалъ,—за то, что не хотѣлъ, будто бы, его выдать. Что же касается грабежа, то онъ былъ организованъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такіе города, какъ Ямболи и Слинно, были разграблены совершенно; по всей странѣ расхаживали вооруженныя банды, забирая у жителей деревень все, что находили и, при одной попыткѣ къ сопротивленію, убивая и выжигая все. Такое положеніе скрывалось оттоманскимъ правительствомъ насколько возможно, и это было нетрудно, въ виду отсутствія въ странѣ иностранцевъ; сверхъ того, всѣ письма вскрывались и уничтожались, а корреспонденты турецкихъ газетъ сообщали самыя лживыя извѣстія. Къ несчастію, анархія эта сдѣлалась хроническою и не можетъ быть скрываема долѣе; правительство само уже не въ состояніи справиться съ тѣмъ опаснымъ элементомъ, который имѣло неосторожность вызвать.

Рисунокъ, помѣщенный нами, представляетъ одну изъ подобныхъ сценъ: огонь уничтожаетъ христіанскую хижину, дикій варваръ уводитъ со свирѣпою улыбкой торжества послѣднюю корову поселянина, трупъ котораго можетъ быть уже испепелился въ пламени пожара, этимъ же баши-бузукомъ произведеннаго.

Но, въ виду совершающихся въ послѣднее время въ Сербіи событій, смѣемъ высказать надежду, что нарѣзныя сербскія пушки очистятъ навсегда славянскія земли отъ подобныхъ грабителей, и имя баши-бузуковъ, сдѣлавшись достояніемъ исторіи, останется только синонимомъ свирѣпаго разбойника, а избавленная отъ нихъ райя увѣнчаетъ лаврами своихъ спасителей, которые вступили теперь въ бой «во имя справедливости и цивилизаціи».

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Въ каждомъ извѣстіи, въ каждой телеграммѣ, приходящей съ театра только что начавшейся борьбы, русскій человѣкъ жадно ищетъ одного родного, русскаго имени, имени человѣка, извѣстнаго уже по своему блистательному прошлому,—человѣка, который, въ настоящую минуту, служитъ олицетвореніемъ вѣковыхъ симпатій нашего народа, вѣкового его стремленія—подать руку помощи утѣсненнымъ братьямъ...

Не говоря о высокихъ нравственныхъ достоинствахъ М. Г. Черняева, какъ частнаго человѣка—въ этомъ отношеніи его репутація твердо установлена въ отечествѣ,—онъ, по своимъ, доказаннымъ на дѣлѣ, и выходящимъ изъ уровня, военнымъ способностямъ, боевой опытности, и высокому мужеству, вполнѣ стоитъ на высотѣ принятой имъ на себя миссіи.

Дѣйствительно—значительную часть своей жизни, генералъ Черняевъ провелъ на поляхъ сраженій. Гдѣ бы, начиная съ 50-хъ годовъ, ни работали русскіе штыки, гдѣ бы ни гремѣли русскія пушки—всюду мы видимъ его въ переднихъ рядахъ. Съ дѣтства уже готовился онъ къ военному поприщу. Михаилъ Григорьевичъ родился въ 1828 г. и происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода. 12-ти лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ бывшій дворянскій полкъ, откуда, по успѣшномъ окончаніи курса, былъ выпущенъ въ 1848 г., въ лейбъ-гвардіи павловскій полкъ. Въ 1851 г. онъ кончилъ курсъ наукъ въ Николаевской военной академіи, а затѣмъ, пройдя чрезъ образцовыя кавалерійскую и артиллерійскую части, назначенъ, въ 1853 г., на службу по генеральному штабу въ 4-й пѣхотный корпусъ, открывшій тогда военныя дѣйствія на Дунаѣ. Съ того времени, вплоть до 1867-го года,—года своей первой отставки, Михаилъ Григорьевичъ почти безъ перерыва велъ боевую жизнь, лично участвуя во всѣхъ значительныхъ, отмѣченныхъ исторіей дѣлахъ. Такъ, онъ находился въ отрядѣ полковника Карамзина, когда этотъ отрядъ наткнулся (въ 1854 г.), при городѣ Караклы на главныя турецкія силы и былъ, съ своимъ начальникомъ, почти на половину изрубленъ непріятелемъ; затѣмъ, мы видимъ М. Г. въ рядахъ геройскихъ защитниковъ Севастополя,—гдѣ онъ принимаетъ участіе въ большой вылазкѣ 24-го октября 1854 г., при отбитіи штурма 27-го августа; впрочемъ если бы намъ пришлось говорить подробно о дѣятельности г. Черняева здѣсь, то мы должны были бы привести едва ли не всю исторію осады, такъ какъ, въ формулярномъ спискѣ генерала сказано, что съ 7-го ноября 1854 г. по 28 августа 1855 г. онъ участвовалъ «во всѣхъ дѣлахъ, происходившихъ въ этотъ періодъ времени на лѣвой половинѣ оборонительной линіи».

По окончаніи севастопольской войны Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, былъ назначенъ состоять при отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ. Въ 1858 г., ему въ первые довелось приблизиться къ границѣ тѣхъ мѣстностей, исторія присоединенія которыхъ къ Россійской имперіи навсегда останется неразрывно-связанною съ его именемъ. Въ этомъ году онъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго Сыръ-Дарьинскою линіею и участвовалъ въ экспедиціи на судахъ Аральской флотиліи, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Бутакова, въ устьѣ Аму-Дарьи, къ хивинскому городу Кунграду. Но часъ его дѣла здѣсь еще не пасталъ—въ 1859 г. онъ былъ переведенъ въ главный штабъ кавказской арміи—въ это время на Кавказѣ предпринимались серьезныя приготовленія для покоренія горцевъ.

Служба Черняева тамъ представляетъ почти постоянное, непрерывное участіе въ дѣлахъ и походахъ лѣваго крыла кавказской арміи (въ Терской области); онъ участвовалъ въ бояхъ при Ведени, Гашаръ-Дюкъ, въ штурмѣ Бена, въ движеніи нашихъ войскъ въ Аргунскомъ округѣ и цѣломъ рядѣ другихъ дѣлъ, (на Кавказѣ онъ получилъ за отличіе чинъ полковника). По окончательномъ завоеваніи края, Михаилъ Григорьевичъ не на долго остался въ дали отъ любимаго дѣла. Проведя около 2-хъ лѣтъ при штабѣ въ занятіяхъ по разработкѣ различныхъ вопросовъ военной администраціи и организаціи, онъ, немедленно, какъ только начались военныя дѣйствія въ средней Азіи—поспѣшилъ туда.

Здѣсь мы видимъ рядъ изумительныхъ дѣлъ и подвиговъ, доставившихъ Россіи цѣлую область, а Черняеву—имя, которому отечественная исторія отведетъ заслуженное мѣсто. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1862 г. наши предѣлы вдавались въ степь съ южно-оренбургской стороны—по Сыръ-Дарьѣ до форта Джулекъ, бывшаго пограничнымъ пунктомъ съ коканскими владѣніями, а со стороны западной Сибири—неопредѣленною линіей Алашанскаго округа, съ городомъ Вѣрнымъ и Заилійскимъ краемъ. Пространство между этими 2 пунктами оставалось постоянно открытымъ для набѣговъ коканцевъ. Въ 1864 г. правительство рѣшило занять пограничныя коканскія владѣнія между Сыръ-Дарьинской линіей и Алашанскимъ округомъ. Занятіе было предположено совершить одновременно—и со стороны Сыръ-Дарьин-

Библиотека "Руниверс"

ской линіи, и со стороны Алашавскаго округа, съ тѣмъ, чтобы оба отряда соединились въ Туркестанѣ. Оренбургскимъ отрядомъ командовалъ полковникъ Веревкинъ. Алашавскимъ—полковникъ Черняевъ. Въ маѣ 1864 г. М. Г. Черняевъ двинулся изъ подъ укрѣпленія Мерке. Весь путь его былъ ни что иное, какъ цѣпь побѣдъ надъ, буквально, болѣе, чѣмъ вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. 6-го іюня онъ взялъ первый укрѣпленный городъ Ауліе-Ата; отсюда, съ отрядомъ всего въ 1298 человѣкъ, онъ пошелъ на соединеніе съ частью отряда полковника Веревкина направлявшагося изъ Туркестана. Съ необыкновенной быстротой и удачей совершилъ М. Г. переходъ въ 300 верстъ по безводной степи, при 40 градусахъ жары. Соединившись съ туркестанскимъ отрядомъ подполковника Лерхе и капитана Мейера, въ числѣ 300 ч., Черняевъ съ этими ничтожными силами выступилъ противъ 18-ти тысячнаго скопища коканцевъ, загородившаго ему дорогу въ Чемкентъ и 22-го іюля разбилъ его на голову; затѣмъ, сдѣлалъ рекогносцировку Чемкента, возвратился назадъ до Арыса, и въ сентябрѣ того же года, назначенный къ тому времени начальникомъ туркестанскихъ войскъ (новококанская линія)—взялъ Чемкентъ. Силы Черняева и тутъ состояли всего изъ 10½ ротъ пѣхоты, 8 батарейныхъ и 4 легкоконныхъ орудій, 3 ракетныхъ станковъ, 5 мортирѣ, 2½ сотень казаковъ и 1 тысячи милиціонеровъ изъ вновь покоренныхъ нами киргизъ. Гарнизонъ же крѣпости состоялъ изъ 10-ти тысячъ ч., не считая жителей. Цитадель была расположена на неприступной возвышенности и вооружена сильной артиллеріей, съ огромными запасами разрывныхъ и другихъ снарядовъ. Паденіемъ Чемкента былъ нанесенъ первый жестокій ударъ среднеазіятскимъ ханствамъ. Ничтожными средствами и въ теченіе короткаго времени, завоеванъ для Россіи, обширный край съ 1½ милліоннымъ населеніемъ. Далѣе, таже участь постигла Ніазбекъ, Чиназъ и, наконецъ, Ташкентъ. Изумительнымъ, геройскимъ подвигомъ своимъ, взятіемъ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1865 г., города Ташкента, генералъ Черняевъ вписалъ одну изъ славныхъ страницъ въ военную лѣтопись русскаго народа. Съ горстью людей (1951 ч.) М. Г. Черняевъ не поколебался идти на штурмъ укрѣпленнаго города, съ 100 тысячнымъ населеніемъ, могущаго въ каждомъ аттакованномъ пунктѣ сосредоточить по крайней мѣрѣ 30 тысячъ человѣкъ при 50-ти орудіяхъ, ожидая въ то же время нападенія съ тыла бухарскаго эмира съ его скопищами. Генералъ не отступилъ предъ этими затрудненіями, и блистательная побѣда была наградой смѣлому полководцу. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, онъ занялъ цитадель и штыками очистилъ баррикадированныя улицы и сакли. Трофеями дѣла были 16 большихъ знаменъ, 63 орудія (изъ нихъ 48 мѣдныхъ) множество ружей, 2 тысячи пудовъ пороху и т. д. Вслѣдъ за этимъ колоссальнымъ дѣломъ послѣдовало занятіе Зачирчинскаго края, съ Тюй-Тюбе и Пекентомъ, и, наконецъ, Ходжента. Демонстраціи со стороны бухарцевъ вызвали дальнѣйшее движеніе къ Джизаку, но, вслѣдствіе соглашенія съ эмиромъ, давшимъ обязательство выполнить всѣ наши требованія, Джизакъ и Ходжентъ не были заняты, и войска наши возвратились, въ февралѣ 1866 г., въ Чиназъ. Вы видимъ, генералъ Черняевъ, менѣе, чѣмъ въ 2 года, съ горстью солдатъ, съ ничтожными средствами, присоединилъ къ Россіи почти весь нынѣшній Туркестанскій край!

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что не увлеченіе завоевателя, не безцѣльная отвага руководили М. Г. Черняевымъ въ его дѣйствіяхъ. Каждое движеніе его, имѣло свою заранѣе обдуманную и опредѣленную цѣль и значеніе. Не говоря уже объ общей идеѣ всего плана, не касаясь его государственнаго смысла, скажемъ только, что взятіе Ташкента, напримѣръ, было предпринято генераломъ Черняевымъ съ цѣлью овладѣть однимъ изъ главнѣйшихъ тогда пунктовъ, гдѣ сосредоточивались поддерживавшіеся бухарскимъ эмиромъ среднеазіатскія скопища. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Ташкента, естественно, повело за собой занятіе и присоединеніе Зачирчивскаго края, какъ житницы перваго, получавшаго оттуда припасы и, слѣдовательно, для него абсолютно необходимаго. Движеніе къ Ходженту объясняется тѣмъ, что этотъ городъ, служа ключемъ къ Ферганской долинѣ, имѣетъ, въ то же время, значеніе опорнаго пункта для владѣнія плаваніемъ по Сыръ-Дарьѣ.

Генералъ Черняевъ пріостановилъ ходъ своихъ побѣдъ, потому что тогда дальнѣйшее движеніе считалось черезчуръ смѣлымъ. Многіе также допускали иллюзію спокойнаго сосѣдства Бухары. Не такъ думалъ М. Г. и, безъ сомнѣнія, быстро довелъ бы среднеазіатскій вопросъ до того положенія, въ какомъ онъ находится нынѣ, если бы не измѣнилось его служебное положеніе *). Въ мартѣ 1866 года на его мѣсто военнаго губернатора былъ назначенъ генералъ-маіоръ Романовскій, и М. Г. исполнивъ свое призваніе, вскорѣ оставилъ созданную имъ Туркестанскую область. Лѣтомъ того же года онъ получилъ 11 мѣсячный отпускъ для излеченія болѣзни въ Россію и заграницу, а 15-го мая 1867 года уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ томъ же 1867 году онъ снова поступилъ на службу по генеральному штабу, а 20-го іюня прошлаго года вторично вышелъ въ отставку.

Въ послѣднее время генералъ Черняевъ пріобрѣлъ въ собственность газету «Русскій Міръ». Открыто и честно высказывая свои мнѣнія, въ которыхъ громко звучитъ чувство истинно русскаго человѣка, которому дороги благосостояніе и величіе его русскаго отечества, М. Г., вмѣстѣ съ тѣмъ, съ первыхъ же моментовъ возстанія славянъ противъ вѣкового гнета, выступилъ съ горячею, смѣлою рѣчью на защиту несчастныхъ нашихъ братій. Тѣ благопріятныя условія, въ которыя стала нынѣ газета, показываютъ, что и убѣжденія М. Г., и сочувствіе къ балканскимъ христіанамъ нашли откликъ въ средѣ русскаго общества.

Но не на однихъ только словахъ доказываетъ этотъ человѣкъ свое участіе къ великому дѣлу освобожденія славянъ отъ турецкаго ига. Его новый подвигъ имѣетъ значеніе и для насъ, для всего русскаго народа. Повторимъ то, что сказали въ началѣ этого очерка—генералъ Черняевъ олицетворяетъ въ эту минуту исконное, завѣтное стремленіе русскихъ людей—протянуть братьямъ братскую руку помощи.

*) Боевыя заслуги генерала Черняева, по достоинству цѣнились и награждались начальствомъ. Онъ получилъ слѣдующія отличія: за участіе при защитѣ Севастополя—орд. св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. За отбитіе штурма 27-го августа 1855 года—золотую полусаблю съ надписью „за храбрость". Подвиги его въ Средней Азіи доставили ему слѣдующія награды: 30-го апрѣля 1864 года орд. Владиміра 3-й ст. съ мечами, 11-го іюня—чинъ генералъ-маіора, 6-го ноября удостоенъ орд. Георгія 3-й ст., и въ тотъ же день—Станислава 1-й ст. съ мечами, за взятіе Ніязбеки—орд. Анны 1-й ст. съ мечами. За 2-хъ дневный штурмъ Ташкента—золотую шпагу съ брилліантами, и, наконецъ, 11-го іюля 1865 года, за дѣло съ коканцами—Высочайшее благоволеніе.

Продолженіе въ прибавл. на стр. 489 и 490.

Политическое обозрѣніе.

Лишь нѣсколько дней прошло съ того момента, какъ раздались первые выстрѣлы и была пролита кровь, обагрившая первые шаги славянъ на ихъ пути къ свободѣ, къ освобожденію своихъ братій, и уже сквозь пороховой дымъ, точно кольцомъ обвившій Сербію, можно разглядѣть, хотя и очень неясно — что въ Европѣ не все гладко, не все во взаимныхъ отношеніяхъ державъ «обстоитъ благополучно», какъ по своему казенно-стереотипному артикулу обязана докладывать и докладываетъ ничѣмъ не смущающаяся дипломатія. Нейтралитетъ Англіи!... Помнится, предъ самымъ началомъ непріязненныхъ дѣйствій мы высказывали предположеніе о томъ, что британскій кабинетъ, настаивая на «предоставленіи Турціи полной свободы дѣйствій», т. е., другими словами, требуя допущенія державами войны,—положительно разсчитывалъ на торжество оттоманской имперіи, которой, отчасти, уже успѣлъ оказать посильную, въ этихъ видахъ, помощь. Все происходящее нынѣ достаточно уже подтверждаетъ сдѣланное нами предположеніе.

Вся европейская печать свидѣтельствуетъ въ настоящее время, что еще съ прошлой осени Россія настаивала на предоставленіи Герцеговинѣ и Босніи автономіи, на подобіе той, какою пользуются въ обѣихъ вассальныхъ княжествахъ Оттоманской имперіи. Требованіе это, по словамъ той же прессы, было повторено нашимъ кабинетомъ, и при происходившихъ недавно, предъ началомъ борьбы, переговорахъ съ Великобританіей. С.-Джемскій кабинетъ согласился, въ принципѣ, на эту мѣру, но не иначе, какъ только послѣ того, что Портѣ будетъ «предоставлена свобода дѣйствій», и опять таки, не иначе, какъ только въ случаѣ побѣды славянъ, побѣды, которая докажетъ что турецкое правительство не въ силахъ само устроить свои дѣла, безъ вмѣшательства Европы. Сопоставляя же съ этой комбинаціей разсчетъ министерства Дизраэли на торжество «императорской арміи»—можно ясно видѣть, насколько великобританское правительство желаетъ самоуправленія провинцій. Россія исполнила свой долгъ—она, до рѣшительнаго момента, настаивала на дарованіи Герцеговинѣ и Босніи свободы, не доводя дѣла до войны—отвѣтственность не на ней! Все это, понятно, не можетъ не отозваться на «добромъ согласіи», между тѣмъ правительствомъ, которое, дѣйствуя изъ-подъ руки, прибѣгаетъ къ подобнымъ уловкамъ и тѣмъ, которое, напротивъ, и говоритъ, и дѣйствуетъ прямо, открыто, безъ заднихъ мыслей. Пресса, характеризуя, такимъ образомъ, политику обѣихъ державъ, приводитъ, между прочимъ, слухъ о соглашеніи между Германіей, Франціей и Италіей, имѣющемъ цѣлью воспрепятствовать Великобританіи и Россіи принять участіе въ войнѣ... Этотъ слухъ опровергаютъ пока, какъ опровергаютъ тоже цѣлый рядъ другихъ, имѣющихъ нѣкоторую связь съ нимъ, слуховъ, напримѣръ, о секретныхъ переговорахъ маршала Макъ-Магона съ королемъ Италіи по восточному вопросу, о прибытіи въ Туринъ одного иностраннаго уполномоченнаго по этому же вопросу лица—но въ политикѣ вообще, часто опровергается сначала то, что затѣмъ всплываетъ въ видѣ неопровержимой истины, наружу..

Изложенное нами, полагаемъ, указываетъ на то, что борьба на балканскомъ полуостровѣ нѣсколько не оправдала,

Библиотека "Руниверс"

по крайней мѣрѣ «наружно», высказанныхъ великобританскимъ правительствомъ ожиданій и увѣреній—борьба эта оказывается вовсе не столь «изолированною» отъ остальной Европы, съ которою тѣсно связана тысячами видимыхъ нитей. Мы подозрѣваемъ, чтобы не сказать убѣждены, что кабинетъ Дизраэли разсчитывалъ на болѣе быстрый ходъ компаніи, разсчитывалъ, что турки, въ достаточномъ количествѣ снабженные англійскими деньгами и всѣмъ прочимъ, покончатъ съ Черногоріей и Сербіей въ нѣсколько ударовъ и, доказавъ тѣмъ свою способность устраивать свои внутреннія дѣла, устранятъ необходимость европейскаго вмѣшательства и необходимость автономіи, которая будетъ замѣнена благодѣтельными (и легко примѣнимыми) реформами... турецкими реформами!

Повторяемъ, намъ кажется, чтобы не сказать—мы убѣждены—что кабинетъ Дизраэли ошибся въ разсчетѣ...

Всѣ извѣстія съ театра войны, исходя изъ различныхъ источниковъ, единогласно констатируютъ фактъ успѣховъ сербовъ. Въ то время, какъ они на сѣверо-восточной своей границѣ постоянно отбиваютъ всѣ попытки турокъ проникнуть въ глубь страны, во всѣхъ другихъ мѣстахъ войска ихъ, ступивъ на турецкую территорію, сохраняютъ наступательное положеніе. По отзывамъ компетентныхъ въ дѣлѣ людей—маневръ генерала Черняева признается чрезвычайно искуснымъ, въ томъ отношеніи, что онъ, взятіемъ турецкаго лагеря при Бабиной Главѣ, у Ниша, и занятіемъ Софійской дороги, преградилъ оттоманскимъ силамъ путь къ Нишу Алимпичъ взялъ Бѣлину и подвигается внутрь Босніи, Захъ наступаетъ съ своей стороны, черногорскія войска приближаются къ Гацко, герцеговинскіе и боснійскіе инсургенты развлекаютъ силы Мухтара-Паши... подымаются Болгары...

Посмотримъ, къ чему приведетъ, неудавшійся уже на первыхъ порахъ, планъ Дизраэли.

Отъ Главнаго Управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи и Черногоріи противъ турокъ, самый театръ войны долженъ значительно расшириться, и число раненыхъ, нуждающихся въ помощи, можетъ возрости до громадныхъ размѣровъ.

Въ виду предстоящей необходимости усилить и развить свою дѣятельность соразмѣрно съ ощущаемою въ ней потребностью, главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, руководимое теплымъ и горячимъ участіемъ къ судьбѣ страждущихъ, являемымъ Августѣйшею своею покровительницею, Государынею Императрицею, обращается ко всѣмъ своимъ учрежденіямъ съ настоятельною просьбою усилить, насколько возможно, денежные и матеріальные сборы въ пользу несчастныхъ жертвъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи, и увѣрено при этомъ, что сердце каждаго русскаго сочувственно отзовется къ столькимъ страданіямъ. Главное Управленіе общества въ С.-Петербургѣ помѣщается по Большой Морской, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Многіе изъ гг. подписчиковъ **„Нивы“** обращаются въ контору журнала съ просьбою о выдачѣ имъ преміи **„Спящая красавица“** ранѣе опредѣленнаго срока, (см. 19 №) т. е. октября мѣсяца. Контора журнала, не имѣя въ настоящее время въ своемъ распоряженіи полнаго числа картинъ для выдачи гг. подписчикамъ и не находя возможнымъ выдавать премію только нѣкоторымъ изъ нихъ, заявляетъ, что, во избѣжаніе могущихъ быть затрудненій, разошлетъ означенную премію всѣмъ годовымъ подписчикамъ **одновременно.**

РѢШЕНІЕ.

шахматной задачи въ «Нивѣ № 27.

Бѣлые.	Черные.
1) E 2 — F 2	1) D 7 — D 6
2) Слонъ H 8 — E 5×	2) D 6 беретъ Слонъ E 5
3) Ладья A 6 — H 6	3) Король H 2 — H 1
4) Ладья H 6 беретъ Пѣшка H 3 и даютъ ××	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Поступившіе въ редакцію, въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ возстанія въ Босніи и Герцоговинѣ отъ Я. В. изъ Ржева 10 р., отъ Г. Охотникова изъ Ельца 70 к., отъ Ѳ. Ф. Шишлева изъ Отормы 1 р., и отъ Ф. В. Лебедева изъ Бѣлгорода 3 р., а всего 14 р. 70 к., сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ 1-го іюля 1876 г. въ чемъ имѣется квитанція Управленія за № 472.

2) **Въ г. Карачай** (Кубанск. обл.), **И. А. Бонд—еву.** Вы пишете: «... и могу посѣтить себѣ настенный писателя и доставить вамъ множество еще важнѣйшихъ статей политики и Литературы, и готовъ назвить желаніе въ постоянные сотрудники Вашего изданія» Искренній Вамъ совѣтъ: оставьте «литературу» и, пожалуйста, навсегда.

3) **Подписчику „Нивы“, свящ. С. Л—цкому.** Стихотвореніе ваше, прекрасное по мысли, неудобно для печати по своей формѣ.

4) **Лебедкнъ** (Харьк. губ.), **Н. Ф. Гр. д.—скому.** „Симпатичность и дружелюбіе“ „прелестной Нивы“, которыя она, по Вашимъ словамъ, „съ избыткомъ расточаетъ своимъ подписчикамъ и вообще читателямъ“, не позволяютъ ей принять Вашихъ стиховъ. Качество ихъ Вы сами чрезвычайно мѣтко охарактеризовали въ стихотвореніи, озаглавленномъ: **„a propos къ И—ву“**

Что ни пиши, какъ ни умудрися,
А все же, не годиш(ь)ся въ поэты;
И хоть по году углубляйся,
Да составляй куплеты — (,)
То все же выйдетъ чепуха.
И сказать ужъ безъ грѣха,
Что твои пресловутые стихи —
Хуже незабвенной демьяновой ухи!“

Это *лучшіе* стихи изъ всей тетради въ 65 страницъ и представляютъ вѣрную оцѣнку Вашихъ собственныхъ произведеній, на переписку которыхъ Вы навѣрно истратили всѣ „два короба терпѣнья“, приписанныя Вами самому себѣ.

5) **А. Лю—цкому.** Стихотвореніе «Вдова» не можетъ быть напечатано.

6) **Калязкнъ** (Тв. г.) **студ. Н. В. Нов—ову.** Ваши стихотворенія не будутъ напечатаны въ «Нивѣ»; періодическихъ корреспонденцій тоже не возьмемъ.

7) **Москва, Казанская улица. Е. Н. Коз—ву.** Присланныя вами стихотворенія страдаютъ необычайною туманностію.

«Бываютъ тяжки пробужденья
Средь веселія толпы,—
Когда во мракѣ заблужденья
Утратишь силы и мечты;
И не *видишь назначенья*
На мигъ взволнованной души».

Чувствительно и непонятно!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Grand Notel National

Leopoldstadt, Taborstrasse въ Вѣнѣ.

Имѣю честь обратить вниманіе господъ ѣдущихъ на минеральныя воды и, вообще, путешественниковъ на мою гостиницу, удобно расположенную и имѣющую хорошій ресторанъ. Говорятъ по русски, а также есть разные русскіе журналы и газеты.

Цѣны комнатъ очень умѣренныя.

3—3 **F. W. Mayer**, владѣлецъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналѣ «**Нива**», могутъ найдти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородными подписчиками.

«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 екземпляровъ. За строку нонпарейля (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 „Нивы“. 6—4

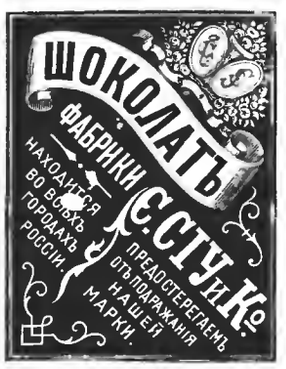
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья волькодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть ета въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкой.



45—38

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—2

КАРЛЪ БАУХЪ,

по Большой Морской домъ Росмана № 9,

приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора**, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.

Б. Морская д. 35. 26—16

Послѣднее сочиненіе покойной **Жорнъ-Зандъ**, «Замокъ Пермонъ», цѣна 75 коп., недавно вышло изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ Московской, Нижегородской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ и въ складѣ на Невскомъ просп., д. № 49, близь Владимірской улицы. 3—1

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 23-й тиражъ 1-го Іюля 1876 г

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербурской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
81	28	500	3635	11	500	8248	10	500	11870	24	25000	14184	8	500	17240	18	500
86	6	5000	3973	44	500	8304	49	500	11958	34	500	14306	3	500	17275	44	500
87	9	500	3887	28	500	8487	47	500	12027	50	500	14328	28	1000	17349	21	500
146	22	500	3914	13	500	8600	24	500	12056	13	500	14439	35	500	17507	24	500
190	4	500	3923	6	500	8787	24	1000	12112	1	500	14519	40	500	17567	37	500
323	31	500	4052	4	500	8792	5	500	12153	26	40000	14669	19	500	17678	48	500
330	25	500	4096	15	500	8838	9	500	12167	9	500	14775	11	500	17697	34	500
466	7	500	4097	48	500	8945	42	500	12283	45	500	14987	10	5000	17729	16	500
470	30	500	4139	38	500	8970	29	500	12303	21	500	14997	17	500	17806	42	500
648	42	1000	4156	41	500	9049	6	500	12433	24	500	15126	23	500	18012	43	500
684	14	500	4344	37	500	9149	45	500	12609	3	500	15169	21	500	18030	26	500
734	39	500	4368	18	500	9158	21	1000	12616	47	500	15294	5	500	18133	40	500
783	1	500	4529	11	500	9208	44	500	12721	50	500	15384	13	500	18173	1	500
811	46	500	4530	43	500	9217	43	500	12765	29	500	15508	45	500	18253	38	500
947	39	500	4562	39	500	9310	2	500	12828	2	500	15422	31	5000	18589	36	500
969	44	500	4574	17	500	9411	2	500	12863	35	500	15470	20	500	18645	34	500
990	41	500	4626	39	500	9475	14	500	12886	26	500	15651	2	500	18725	38	500
994	45	500	4633	8	500	9510	6	500	12994	25	500	15680	17	500	18845	4	500
998	9	500	4681	16	500	9644	4	500	13017	43	500	15891	7	500	18886	14	500
1015	17	500	4826	24	500	9742	6	500	13278	11	500	16123	9	1000	18973	15	500
1026	47	500	4847	26	1000	9742	23	1000	13285	3	500	16181	9	500	19098	35	500
1037	2	500	4892	18	500	9909	14	500	13402	17	500	16191	18	200000	19228	30	500
1065	21	500	4901	46	500	9929	44	500	13404	14	500	16192	31	500	19265	31	1000
1182	26	500	5001	47	500	9947	13	500	13404	34	500	16343	28	500	19369	29	500
1268	49	500	5009	5	500	10000	23	500	13412	21	500	16457	16	500	19421	45	500
1306	49	500	5023	50	500	10007	40	500	13427	8	10000	16491	37	500	19446	37	500
1337	11	500	5064	28	1000	10020	9	500	13582	43	1000	16553	33	5000	19488	12	500
1379	15	500	5279	35	500	10054	7	500	13671	7	500	16580	48	1000	19538	28	500
1402	7	500	5655	49	500	10179	32	500	13682	18	500	16732	23	500	19616	4	500
1560	42	500	5745	41	500	10257	2	500	13729	47	500	16849	6	500	19632	46	500
1648	36	500	5811	22	500	10268	29	500	13757	6	500	16881	5	500	19752	11	500
1654	42	500	5964	15	500	10271	3	500	13988	6	5000	16959	43	1000	19777	6	500
1685	46	500	6010	17	500	10313	43	500	14157	50	5000	17077	25	8000	19836	33	75000
1695	35	500	6060	3	500	10315	34	500	14173	5	500	17174	27	500	19870	50	500
1820	46	500	6064	22	500	10326	19	500									
1908	8	8000	6092	1	500	10334	38	500									
2186	12	500	6114	9	500	10336	19	500									
2186	17	500	6152	50	500	10339	40	500									
2254	15	500	6174	9	500	10364	9	500									
2280	23	500	6194	36	500	10366	16	500									
2290	41	500	6429	34	500	10535	10	500									
2362	1	500	6512	45	500	10727	39	500									
2423	3	500	6584	46	500	10736	13	500									
2423	34	500	6914	43	500	10902	11	500									
2466	1	500	6916	6	1000	11023	50	500									
2564	41	500	7006	39	500	11042	1	500									
2568	14	500	7113	12	500	11135	16	500									
2577	27	500	7127	14	500	11172	29	500									
2768	46	500	7293	26	500	11173	12	500									
2831	41	1000	7294	1	500	11207	29	500									
2880	41	500	7307	9	500	11226	31	500									
2903	28	500	7327	14	500	11236	2	500									
2907	1	500	7341	24	10000	11254	7	500									
3179	22	500	7370	2	500	11326	35	8000									
3225	27	500	7502	16	500	11412	36	500									
3254	9	1000	7522	33	1000	11449	48	500									
3255	16	8000	7538	13	500	11477	1	8000									
3284	31	5000	7610	11	500	11525	32	500									
3316	21	500	7750	4	1000	11747	18	500									
3423	21	500	7778	20	500	11748	18	500									
3430	18	10000	7959	50	1000	11750	22	500									
3496	3	500	7972	11	500	11750	32	1000									
3520	22	500	7988	15	5000	11770	37	500									
3568	44	500	8039	20	500	11848	8	500									
3617	40	500	8090	48	1000	11859	38	500									
3626	23	500	8224	1	500	11870	15	500									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го іюля 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

851, 922, 979, 1041, 3419, 3580, 3749, 3814, 3823, 4780, 4943, 5548, 5910, 6660, 6732, 7357, 8216, 8748, 8754, 8902, 8980, 9180, 9241, 9523, 10266, 10301, 10569, 11061, 11760, 11801, 11833, 11899, 12058, 12473, 12517, 12997, 13171, 13210, 13481, 13496, 14491, 14792, 15783, 16809, 17097, 17433, 17842, 18132, 18475, 18797, 18870, 18935, 19082, 19360, 19528, 19906.

Всего 56 серіи, составляющія 2,800 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1876 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ** (съ портретомъ) — **Въ новый путь.** Записки молодой дѣвушки (окончаніе).—**Жоржъ Зандъ** (съ портретомъ).—**Выставка въ Гельсингфорсѣ** (съ рисункомъ).- **Военныя силы Сербіи.** Къ картинѣ: «Выходъ Сербскихъ войскъ изъ Бѣлградской крѣпости» (съ рисункомъ).—**Очерки сербіи** (съ 2-мя рисунками). — **Баши-бузуки** (съ рисункомъ). — **Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ** (съ портретомъ).—Политическое обозрѣніе. — Отъ Главнаго Управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. — Заявленіе. — Рѣшеніе шахматной задачи. — Почтовый ящикъ.—Объявленія.- Тиражъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 8 Іюля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, № 3. Типо-Литографія Маркса, Лит. пр., № 10.

Библиотека Конгресса

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 29 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выдань 19 Іюля 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

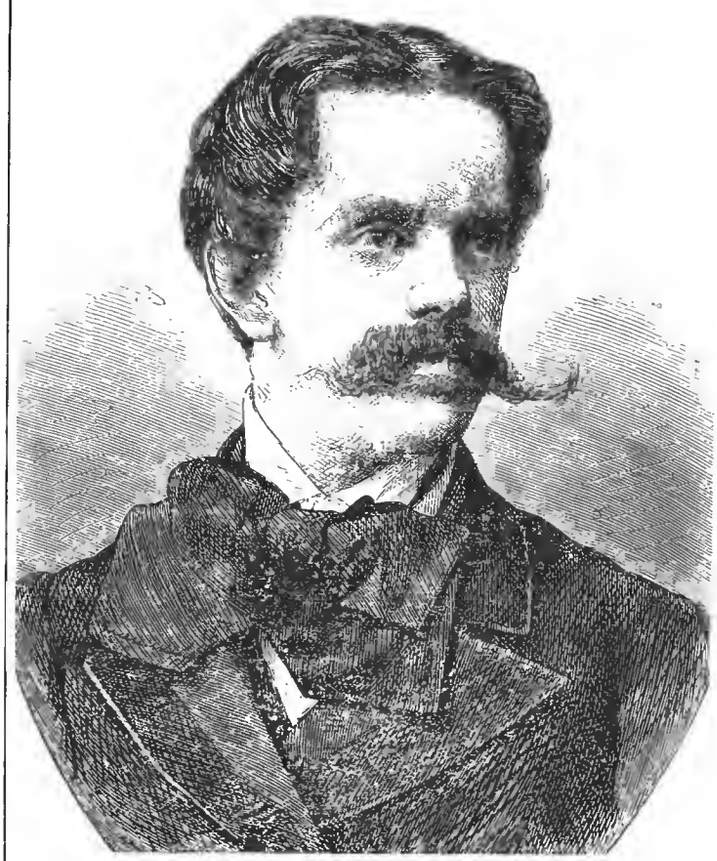
Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ книж. маг. **И. Гр. Соловьева, А. Лангъ** и **Живаварева** 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣсточки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Наслѣдный итальянскій принцъ Гумбертъ и супруга его, принцесса Маргарита.

Наслѣдный итальянскій принцъ, Гумбертъ-Карлъ-Эммануилъ-Іоаннъ-Марія-Фердинандъ-Евгеній родился въ Туринѣ, 14 марта 1844 г., гдѣ и провелъ первые годы юности. По старинному обычаю Савойскаго дома, старшій сынъ долженъ былъ всегда сопутствовать отцу, если онъ отправляется на войну, и вотъ, въ силу этого обычая, случилось такъ, что пятнадцатилѣтній принцъ Гумбертъ, когда возгорѣлась война съ Австріей, отправился съ отцомъ въ военный лагерь, гдѣ и познакомился съ кровавой драмой войны. Въ сраженіяхъ онъ обнаружилъ рѣдкую въ его годы неустрашимость. Впослѣдствіи, когда отецъ его сдѣлался королемъ Италіи, принцу Гумбертуу приходилось неоднократно выступать и на арену политической дѣятельности, и онъ всегда



Итальянскій наслѣдный принцъ Гумбертъ. Грав. Вейермаиъ.

Маргарита савойская, супруга принца Гумберта, наслѣдника итальянскаго престола. Съ фотогр. грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

выполнялъ весьма успѣшно возлагаемыя на него порученія. Когда въ 1866 г. война съ Австріей снова возгорѣлась, принцъ Гумбертъ стоялъ во главѣ отборнаго итальянскаго войска и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Амедеемъ, водилъ это войско въ битвы, причемъ дѣйствовалъ такъ отчаянно смѣло, что одинъ изъ батальоновъ принужденъ былъ отодвинуть храбреца, чтобы спасти его отъ вѣрной смерти. Хотя сраженіе при Кустоццѣ и было проиграно итальянцами, но, въ концѣ концовъ, ставку этой кровавой игры выигралъ побѣжденный. По заключеніи мира, наслѣдный принцъ жилъ попеременно во Флоренціи, Неаполѣ и Венеціи. Въ 1868 году было объявлено объ обрученіи принца Гумберта съ двоюродной его сестрою, принцессою Маргаритою Савойской (род. 20 ноября 1851 г.), дочерью его дяди, герцога Фердинанда генуэзскаго, брата Виктора Эммануила, а вслѣдъ за тѣмъ была отпраздновано и бракосочетаніе ихъ, съ истинно царскою пышностью, при громкихъ, радостныхъ кликахъ народа. Принцесса Маргарита—одна изъ очаровательнѣйшихъ принцессъ Европы, она славится умомъ и сердечной добротой. Хотя портретъ ея уже былъ помѣщенъ въ «Нивѣ» (№ 33, 1875 г.), но теперь, помѣщая портретъ наслѣдника итальянскаго престола, мы выставили рядомъ обоихъ супруговъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что съ января текущаго года «Нива» пріобрѣла до 10,000 новыхъ подписчиковъ, коими помѣщеніе портрета супруги итальянскаго наслѣднаго принца на страницахъ «Нивы» будетъ, по всей вѣроятности, признано вполнѣ цѣлесообразнымъ и не безинтереснымъ, тѣмъ болѣе что 12 го Іюля высокіе гости, принцъ и принцесса пріѣхали въ нашу столицу.

Встревоженный городъ.

(Картины губернской жизни).

I.

Губернскій городъ N—городъ, какъ городъ. Живутъ въ немъ разнаго чина и званія люди, и каждый исполняетъ свое назначеніе, по извѣстному выраженію: „чиновникъ служи, купецъ торгуй, шатунъ шатайся". Жизнь города, вообще, идетъ своимъ чередомъ. Откровенно говоря, многіе „изъ благородныхъ" жалуются на однообразіе и скуку, такъ какъ давно другъ къ другу приглядѣлись и надоѣли. Новыхъ лицъ въ городѣ почти не появляется, а если и бываютъ изрѣдка такіе, то о нихъ тотчасъ-же дѣлается извѣстнымъ все, что интересно для любознательнаго человѣка, и даже все то, что, казалось-бы, вовсе неинтересно и никому не нужно. Такое быстрое распространеніе „новостей", имѣя свои выгодныя стороны для горожанъ, въ то же время весьма печально по своимъ послѣдствіямъ: новость скоро исчерпывается, теряетъ свою свѣжесть—и впереди опять скука и однообразіе.

Однажды случилось нѣчто совершенно противуположное этому.

Пріѣхалъ въ городъ N неизвѣстный господинъ и остановился въ гостинницѣ. Прошолъ день, пріѣзжій ходилъ гулять, осматривалъ городъ; потомъ, какъ и быть тому слѣдовало, возвратился обратно въ свой номеръ, незаявивъ себя ничѣмъ особеннымъ.

Слѣдующій затѣмъ день, прошолъ также, какъ и предыдущій. Ходилъ гулять, осматривалъ городъ, завтракалъ, спалъ и, вообще, „отдыхалъ". Слуга въ гостинницѣ робко спросилъ его о паспортѣ, но онъ отвѣтилъ „послѣ". На третій день слуга уже сталъ посматривать на него изъ подлобья и началъ почему-то сторониться, тогда какъ въ первые два дня всегда подскакивалъ при каждомъ вопросѣ близко и выражалъ всей своей фигурой готовность въ ту же минуту исполнить все, „что только будетъ угодно приказать". Теперь онъ сталъ опасаться пріѣзжаго и при его вопросахъ отвѣчалъ издали, точно боялся, что онъ его укуситъ или схватитъ за шиворотъ, или... ну словомъ, думалъ о немъ что-то, а что—и самъ незналъ. Доложилъ онъ, конечно, завѣдывавшему гостинницей, что пріѣзжій досихъ поръ непредъявилъ своего вида, но тотъ былъ, вѣроятно, смѣлѣе и сообразительнѣе: спросилъ только, какъ на видъ — богатъ или нѣтъ, и получивъ въ отвѣтъ, что должно быть богатъ, потому что платье у него все хорошее, спокойно порѣшилъ: „не тронь и не тревожь: мазуриковъ богатыхъ не бываетъ, ну а ежели что „какъ грѣхомъ" и выйдетъ — не наше дѣло", Но лакей все таки недоумѣвалъ, и трусилъ. Недоумѣніе его разъяснилось только на третій день, когда пріѣзжій послѣ завтрака велѣлъ раскупорить оставшійся еще нераскупореннымъ ящикъ, и оказавшійся въ немъ полный форменный мундиръ, да еще съ кучей шитаго золота на воротникѣ и лацканахъ, нѣсколько уяснилъ, что за личность пріѣзжій.

Пріѣзжій внимательно оглядѣлъ мундиръ во всѣхъ частяхъ и бережно собственными руками развѣсилъ его въ гардеробъ, а шпагу и трехъугольку уложилъ на окнѣ въ той комнатѣ, которая служила спальней. Въ этотъ третій день онъ тоже ходилъ гулять и даже ѣздилъ на извощикѣ, осматривая, можетъ быть, дальнія части города. Его, разумѣется уже замѣчали многіе изъ мѣстныхъ жителей не разъ, и не разъ о немъ кой гдѣ разговаривали, распрашивая, кто онъ, и, конечно, распросы разжигали только любопытство и больше ни къ чему не вели.

Въ продолженіи этого третьяго дня онъ тоже „отдыхалъ" и только послѣ обѣда нѣсколько поразнообразилъ свой отдыхъ тѣмъ, что вынулъ изъ письменнаго стола подорожную и что-то считалъ, записывая цифры карандашикомъ на бумажкѣ. Считалъ онъ, вѣроятно, сколько еще дней остается у него до срока, въ который слѣдуетъ куда-то „явиться". Больше по подорожной что-же еще считать, какъ не поверстный срокъ, который, говоря, между прочимъ, для чиновниковъ и теперь, при обиліи желѣзно-дорожныхъ сообщеній, по прежнему ограничивается 50-ю верстами проѣзда въ сутки и вѣроятно, въ такомъ положеніи будетъ оставаться до временъ воздухоплаванія.

По расчету выходило, что сроку еще три дня, но на бѣду третій день оказывался понедѣльникъ, день, какъ извѣстно, тяжелый Пріѣзжій, провѣривъ еще нѣсколько разъ свои вычисленія, и убѣдившись, что день „явки" всетаки съ понедѣльника никакъ не сходитъ, рѣшилъ явиться двумя днями раньше, а именно въ субботу, лишь-бы только избѣжать понедѣльника. Значитъ по его же собственному рѣшенію, на слѣдующій день утромъ онъ долженъ, наконецъ, открыться предъ начинающими заинтересовываться его личностью жителями города N, а пока все-таки сохранялъ таинственность, какъ видно потому, что это доставляло ему не малую долю удовольствія. Вечеромъ онъ одѣлся въ черную пару платья, осмотрѣлся со всѣхъ сторонъ въ зеркало, повертываясь, то бокомъ, то грудью, то спиной, причемъ разумѣется, закидывалъ голову назадъ, осматривая спину. Предварительно этого осмотра обѣ свѣчи были имъ поставлены на края подзеркальнаго стола, и когда осмотръ былъ тщательно оконченъ, онъ поднесъ обѣ свѣчи близко къ своему подбородку и осмотрѣлъ его, соображая, есть-ли надобность въ бритьѣ или можно обойтись безъ него. Рѣшилъ, что можно, и отправился въ театръ, распорядившись, чтобы къ его возвращенію былъ готовъ самоваръ.

Театръ былъ тутъ-же, близко около гостинницы, стоило только перейдти улицу и завернуть за уголъ сосѣдняго дома. Онъ еще днемъ, возвращаясь съ прогулки, прочелъ на афишѣ, что въ этотъ вечеръ дается трагедія. „Смерть Іоанна Грознаго" и предположилъ быть на ея представленіи. Билета онъ тогда невзялъ, вѣроятно нашолъ неприличнымъ приближеніе

Библиотека "Руниверс"

своей собственной персоны къ театральной кассѣ и поручилъ потомъ покупку билета лакею, даже колебался еще, стоитъ-ли, молъ, идти, и неостаться-ли лучше у себя въ нумерѣ въ пріятномъ обществѣ самовара. Между тѣмъ, если-бы онъ, проходя утромъ мимо театра, подошелъ къ кассѣ, то уже ни въ какомъ случаѣ не испыталъ бы чувства колебанія, идти или оставаться дома, а безповоротно порѣшилъ-бы, что нибудь одно. Онъ, или обругалъ бы весь театръ, въ полномъ его составѣ, „скоморохами", или же, напротивъ, отнесся-бы къ театру и къ его верховному руководителю-антрепреперу, и къ начальству города съ величайшимъ уваженіемъ, какъ къ развивателямъ народной массы, завлекающимъ ее въ храмъ Мельпомены при помощи особаго, ими самими измышленнаго, способа. Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ окнѣ кассы, выходившемъ прямо на улицу, была выставлена подъ стекляннымъ колпакомъ (позаимствованнымъ, видимо, изъ подстоловыхъ часовъ) какая-то шапка, щедро осыпанная разноцвѣтными каменьями. Шапка служила дополненіемъ къ афишѣ, и самымъ заманчивымъ дополненіемъ. Положимъ, и въ афишѣ приманка была разсыпана щедрой рукой. Піеса озаглавливалась непросто: „Смерть Іоанна Грознаго" а съ прибавленіемъ: „или коварныя замыслы хитраго царедворца", что уже само собою придавало особенную жгучесть пьесѣ, какъ кайенскій перецъ кушанью; кромѣ того, къ каждому акту было присочинено особое заглавіе, болѣе или менѣе сильное и краткое, ограничивавшееся хотя и однимъ словомъ каждое, но словомъ вѣскимъ, словомъ отъ котораго по кожѣ читателя пробѣгаютъ мурашки. Въ заглавіи значилось: „Ужасы казни! Ярость голодной толпы! и т. п., подкрѣпленное, къ вящшему трепету читателя, достаточнымъ количествомъ удивительныхъ знаковъ. Но увы! всего этого было недостаточно для губернскаго зрителя. Онъ обтерпѣлся, и антрепренеръ не въ силахъ пробрать его страшными словами. Жгучія слова прошли для него безслѣдно, и онъ, видимо, хочетъ пройдти мимо... но шапка, выставленная на видномъ мѣстѣ у кассы, его останавливаетъ. Она такъ великолѣпно разукрашена самоцвѣтными камнями, что губернскому зрителю невозможно необратить на нихъ вниманія, невозможно пройдти мимо и не взглянуть на эту шапку. Взглянулъ и—побѣжденъ! Онъ еще нечувствовалъ этого въ ту минуту, когда подходилъ къ кассѣ, онъ думалъ, что идетъ только спросить, что это за штука за такая выставлена, но потомъ, получивъ справедливый упрекъ въ незнаніи отечественной исторіи, и освѣдомившись, что это вовсе не штука, а шапка Мономаха, и что именно въ ней такой-то извѣстнѣйшій мѣстный трагикъ будетъ играть роль Грознаго, заражался сильнѣйшимъ и ничѣмъ уже неотразимымъ желаніемъ быть въ этотъ вечеръ въ театрѣ и бралъ билетъ.

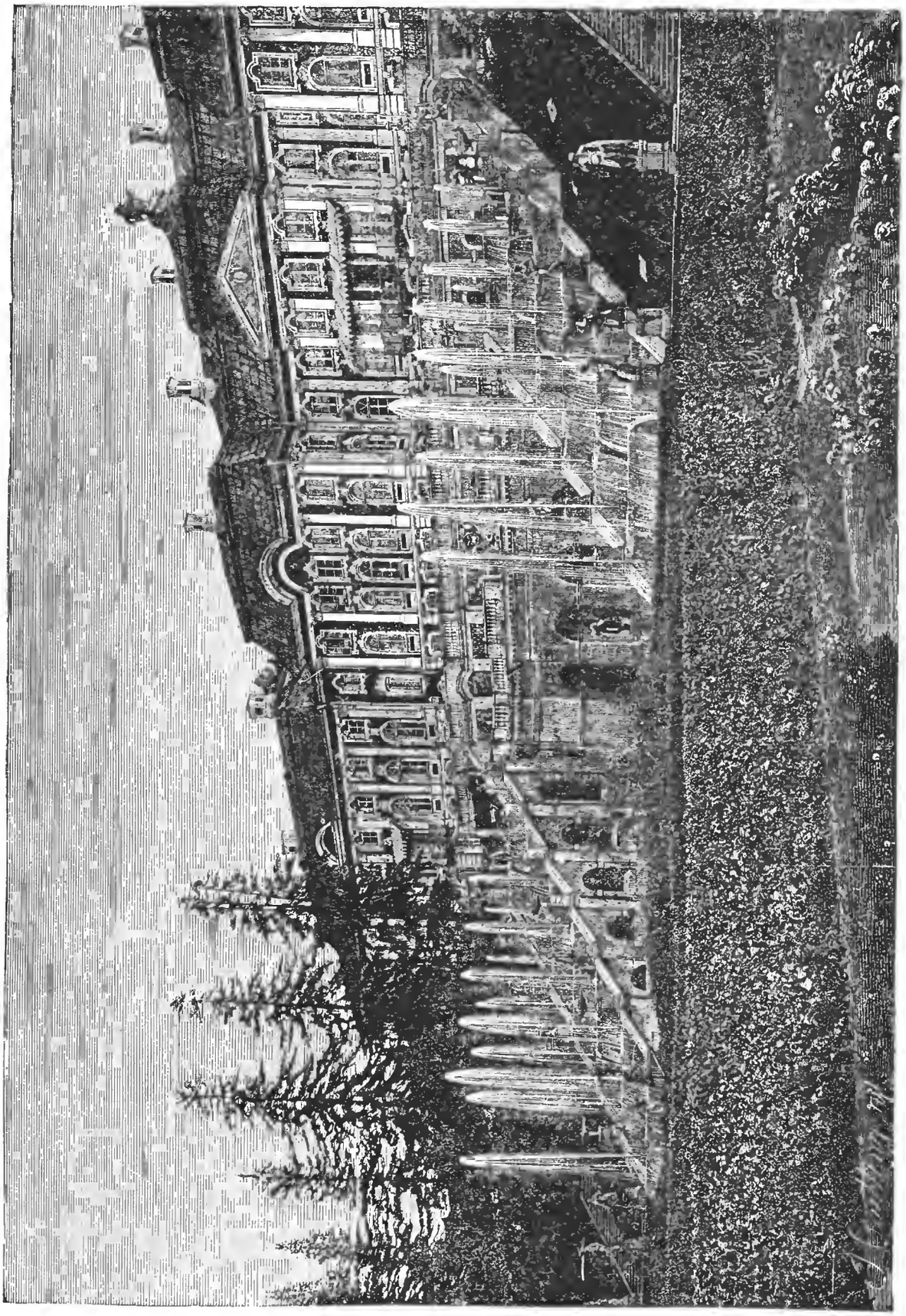
Антрепенеръ, какъ видно, хорошо зналъ человѣческое сердце и въ особенности сердца публики губернскаго города N. Но времена теперь не тѣ, говаривалъ онъ, вздыхая, пріятелямъ, давая этимъ вздохомъ понять, что почитателей чистаго искуства становится все меньше. Онъ правъ. Заманчивое дополненіе къ афишѣ теперь по неволѣ ограничивается какой нибудь выставкой шапки, да и то, можетъ быть, съ нѣкоторымъ рискомъ, потому, что на все пошли новые порядки. Не то было прежде. Все это антрепенеръ зналъ и не разъ съ грустью вспоминалъ то, еще не очень давнее время, когда заѣзжая труппа актеровъ утромъ въ день открытія театра разъѣзжала „съ дозволенія начальства" по городу верхами въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, при звукахъ полковой музыки, и разъ даже въ сопровожденіи пушки, въ виду, разумѣется, бо́льшаго разжиганія въ публикѣ страсти къ чистому искуству. Тогда театръ ломился отъ массы зрителей, карманы антрепенера наполнялись деньгами, и православный народъ рукоплескалъ при видѣ освѣщенной бенгальскимъ огнемъ мрачной фигуры Пана Твардовскаго, увлекаемаго чертями подъ полъ сцены, гдѣ собственно по густотѣ мрака и по обилію мусора предполагался настоящій адъ. Зрители оглашали театръ съ верху до низу хлопаньемъ, гамомъ и шумомъ, забывая въ своемъ художественномъ увлеченіи о грозящей имъ самимъ опасности очутиться уже не подъ поломъ сцены, а дѣйствительно покончить свою жизнь подъ развалинами временно отведеннаго для театра, полугнилого казеннаго зданія.

II.

Городъ N имѣлъ постоянный каменный театръ, построенный на собственныя средства мѣстнаго дворянства. Участія купечества въ этомъ дѣлѣ не было. Двое, впрочемъ, дѣлали заявленія по этому поводу. Одинъ, —что „движимый чувствами и имѣя рвеніе", готовъ выстроить „все" на свой счетъ, но при условіи, получить при этомъ въ аренду на 99 лѣтъ какія то городскія земли. Такое рвеніе и движеніе чувствъ почему-то признано было явнымъ посягательствомъ на грабежъ, и предложеніе отвергнуто. Онъ преспокойно ухмыльнулся, и уходя, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ: „наше вамъ-съ"... Другой никакихъ посягательствъ на грабежъ не обнаружилъ; но за то заломилъ за жертву чинъ статскаго совѣтника и орденъ на шею. Ему предложили только орденъ. „Нѣтъ-съ, говоритъ, дешево,— себѣ дороже". Такимъ образомъ безкорыстными жертвователями оказались одни дворяне, за что и были своевременно возвеличены въ губернскихъ вѣдомостяхъ похвалами, въ которыхъ краснорѣчивый редакторъ необыкновенно ловко ввернулъ объ иниціативѣ начальника губерніи, о преданности къ престолу, о стремленіи къ распространенію просвѣщенія и добрыхъ нравовъ. Словомъ, такъ хорошо все выразилъ, и такъ, кромѣ того, сильно и не стѣсняясь „отдѣлалъ" купцовъ, что въ тотъ же годъ былъ представленъ за отличіе къ чину и получилъ денежное пособіе „по бѣдности". Купцы, разумѣется, почесались, но потомъ порѣшили, что „наплевать, и ничего не подѣлаешь".

Итакъ, городъ N имѣлъ постоянный каменный театръ. Пріѣзжій былъ пріятно изумленъ той обстановкой и тѣмъ порядкомъ, которые онъ замѣтилъ при входѣ на театральный подъѣздъ. Все было, по его мнѣнію, прилично: и жандармы, и фонари, и обиліе полицейскихъ, и ихъ замѣчательная распорядительность, благодаря которой по временамъ отлетали на почтительное разстояніе отъ подъѣзда какія-то темныя фигуры въ халатахъ и барахтались въ снѣгу. Оказалось, что въ этотъ вечеръ ожидали въ театръ начальника губерніи, чѣмъ и объяснилась особенная распорядительность полиціи. По этой же причинѣ замедлилось нѣсколько и начало спектакля. Раекъ, разумѣется, какъ тому слѣдовало быть, неистовствовалъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи поднятія занавѣса; похлопывали по временамъ и въ партерѣ, и въ ложахъ, видимо тоже томясь ожиданіемъ, но уже не съ такою яростію, какъ въ райкѣ. Иной, осторожный, хлопнетъ разъ, другой, да и притихнетъ, да еще потомъ и удостовѣрится, украдкой глянувъ по сторонамъ, не сдѣлалъ ли онъ этимъ хлопаньемъ преступленія; нѣкоторые похлопывали улыбаясь; какъ будто хотѣли этимъ показать, что они вовсе не протестуютъ, а только такъ, пошучиваютъ. Пріѣзжій шелъ по партеру, не обращая ни на кого вниманія. Встрѣчавшіеся ему на пути молча сторонились, съ любопытствомъ осматривая при этомъ новое лицо. Одинъ, зазѣвавшійся что-то на раекъ, не замѣчалъ, что загораживаетъ собою дорогу; пріѣзжій очень деликатно, однимъ только указательнымъ пальцемъ и молча коснулся его локтя, прося этимъ движеніемъ дать дорогу; тотъ быстро повернулся, и понявъ

Библиотека "Руниверс"



Пребываніе итальянскаго наслѣднаго принца и его супруги въ Петергофѣ. Главный фасадъ петергофскаго большого дворца, большой гротъ и каскады (видъ со стороны нижняго сада). Съ фотогр. грав. Квитингъ.

Библиотека "Руниверс"

Пребываніе итальянскаго наслѣднаго принца и его супруги въ Петергофѣ. „Нептунъ“ въ верхнемъ саду (видъ съ боку). Съ фотогр. рѣзалъ Пнтъ.

Библиотека "Руниверс"

въ чемъ дѣло, посторонился, при чемъ замѣтилъ ироническую, но, впрочемъ, довольно легкую усмѣшку на лицѣ пріѣзжаго. Выйдя, наконецъ, на болѣе свободное мѣсто у перваго ряда и удостовѣрясь въ тождествѣ номера билета и кресла, пріѣзжій положилъ на него шляпу и, обратившись спиной къ сценѣ, сталъ неторопясь протирать носовымъ платкомъ стекла бинокля, при чемъ безукоризненная бѣлизна платка и темновато-красный цвѣтъ его перчатокъ необыкновенно хорошо гармонировали съ блескомъ слоновой кости бинокля.

Протирая стекла онъ, по временамъ, посматривалъ на ложи и партеръ, неудостоивая, конечно, своимъ взглядомъ райка. Потомъ, неторопясь, поднесъ бинокль къ глазамъ, посмотрѣлъ куда-то, впрочемъ очень, очень не долго; и за симъ, почему-то глубоко вздохнувъ, опустился въ кресло, Можетъ быть вспомнился ему Петербургъ, театры, Эльдорадо и прочія столичныя прелести (по всему было видно, что онъ петербургскій, такъ съ перваго-же взгляда на него „все общество" рѣшило) и въ головѣ его, хотя и вплотную занятой серьезными дѣлами по исполненію государственной службы, мелькнула какая нибудь посторонняя по службѣ мысль, породившая, можетъ быть, грусть, сожалѣніе, тоску, наконецъ, о какой нибудь Сюзеттѣ или Альфонсинѣ, любуясь которыми въ часы своихъ отдыховъ отъ службы у Берга или въ Буффѣ, онъ, мечталъ, какъ велика будетъ сумма наградныхъ къ празднику и какъ онъ ею распорядится. Можетъ быть мечты его осуществлялись, и теперь онъ вздохнулъ, и кто знаетъ, не повторилъ-ли стиховъ безсмертнаго поэта, что „самъ, безумецъ, счастье утратилъ"...

Но зачѣмъ намъ доискиваться причины его вздоха? Довольно и того, что вздохъ этотъ подмѣченъ и даетъ возможность сказать, что и въ сердцахъ людей, всецѣло посвятившихъ себя государственной службѣ, сохраняется и тлѣетъ искра того жгучаго пламени, подъ вліяніемъ котораго не только вся сумма полученной награды къ празднику, но и всякія другія суммы, какъ-то пособія, прибавки, надбавки, столовыя, квартирныя, разъѣздныя и пр. и пр., могутъ вдругъ исчезнуть, какъ дымъ, какъ сонъ, какъ сладкая мечта!..

Наконецъ, началась въ оркестрѣ та, душу томящая, невыносимая настройка инструментовъ: взвизгивали скрипки, попискивали по временамъ флейты, точно передразнивая другъ друга; контрбасъ похрапывалъ, напоминая фырканье испуганнаго коня; то вдругъ все смолкало, и общую тишину неожиданно нарушалъ густой звукъ трубы, въ которую кто-то легонько дунулъ и сейчасъ-же отдернулъ губы, удивленный, что она такъ страшно, противъ его ожиданія, рявкнула; потомъ опять начиналась пискотня и визжанье, къ которому вслѣдъ за тѣмъ приставали всѣ инструменты, и уже смѣло дули каждый что хотѣлъ, во очію представляя публикѣ весь ужасъ того положенія, въ какомъ можетъ находиться народъ, когда не будетъ имѣть надъ собою главы. Такъ именно подумалъ пріѣзжій, хмурясь и досадуя, на эту, какъ онъ сравнилъ, анархію звуковъ.

Но вотъ прошагалъ поспѣшно къ крайнему стулу перваго ряда полиціймейстеръ, публика завертѣла головами въ сторону по направленію къ губернаторской ложѣ, догадываясь, что наступилъ конецъ ея ожиданіямъ, и оркестръ грянулъ увертюру, о которой сидѣвшій рядомъ съ пріѣзжимъ зритель, какъ видно мѣстный острякъ, сказалъ своему сосѣду что эта увертюра къ оперѣ: „семь слѣпыхъ и одинъ хромой". Сосѣдъ неудержимо возликовалъ, и чтобы умѣрить свой смѣхъ уткнулся носомъ въ плечо остряка; полиціймейстеръ, какъ видно недовольный этимъ, тревожно повернулся на своемъ стулѣ и искоса пугливо глянулъ на губернаторскую ложу, опасаясь, вѣроятно, незамѣчаетъ-ли этого безпорядка начальство.

Взвился потомъ занавѣсъ и началось представленіе трагедіи, и кончился первый актъ, и, какъ тому слѣдовало быть, поднялся шумъ аплодисментовъ, раекъ завылъ, заоралъ, точно его представители вдругъ почувствовали себя на крышѣ пылающаго зданія, когда, увлеченные до самозабвенія, они неистово, до хрипоты въ горлѣ, кричатъ, размахивая въ воздухѣ руками, и дикіе ихъ голоса сливаются съ шумомъ и трескомъ валящихся бревенъ,—словомъ все было, какъ слѣдуетъ, и публика потянулась вслѣдъ за симъ къ буфету.

Пріѣзжій, выждавъ, пока толпа, стѣснившаяся между рядами креселъ, нѣсколько уменьшилась, тоже поднялся съ кресла и пошелъ вслѣдъ за другими, не зная, собственно, и самъ, куда идетъ и зачѣмъ. Ему было какъ-то не по себѣ. Представленіе, разумѣется, не понравилось, и къ тому-же публика не особенно большое вниманіе оказала ему, пріѣзжему, между тѣмъ какъ онъ для того собственно и въ театръ пошолъ, чтобы внутренно полюбоваться собой въ то время, какъ „провинція" будетъ со всѣхъ сторонъ, засматриваться на него. Она, пожалуй, и посматривала на него, но не такъ много, какъ онъ предполагалъ.

Тутъ, къ увеличенію досады, при выходѣ послѣ перваго акта, какой-то господинъ, видимо въ избыткѣ удовольствія, и главное, необыкновенно просто, безъ всякихъ признаковъ почтительности, обратился къ нему съ замѣчаніемъ: „а вѣдь, чудесно, не правда-ли?" Его даже передернуло при этомъ вопросѣ, такъ былъ онъ обиденъ своимъ простымъ тономъ. Пріѣзжій, оглянулъ спрашивавшаго съ выраженіемъ полнаго изумленія къ его неумѣстной смѣлости, и хотѣлъ показать пренебреженіе къ нему молчаніемъ; но сознавъ, что это неприлично и можетъ рекомендовать его самого, какъ человѣка дурного тона, сухо и нахмурившись отвѣтилъ: „Н-да, пожалуй... для кого какъ"... и посторонился, давая этимъ движеніемъ указаніе своему случайному собесѣднику идти впередъ и выражать тамъ, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, свои восторги. Теперь собесѣдникъ, въ свою очередь удивился, увидя передъ собой такую важность, и нѣсколько съежившись, точно его вдругъ охватилъ сильнѣйшій сквозной вѣтеръ (робкій, видимо былъ человѣкъ), поспѣшилъ воспользоваться даннымъ указаніемъ и улепетнулъ впередъ. Это отчасти благопріятно подѣйствовало на расположеніе духа пріѣзжаго; а то онъ подумывалъ было: не уйдти-ли домой. Впрочемъ, онъ не ушолъ-бы во время антракта. Навѣрное можно сказать, не ушолъ-бы, потому что люди его сорта, если хотятъ выйдти изъ театра до окончанія стектакля, то выходятъ въ болѣе благопріятное время, когда еще не окончился актъ, и публика чинно сидитъ на мѣстахъ. Тогда, конечно, и выходить значительно удобнѣе и кромѣ того, они (въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба заноситъ ихъ изъ столицы въ провинцію) умѣютъ при этомъ случаѣ, показать, и показать съ достоинствомъ, какъ порядочные люди выходятъ вовремя представленія изъ залы театра, а именно: тихо, скромно, ненарушая тишины, но въ тоже время показывая и выраженіемъ лица, и грустнымъ склоненіемъ нѣсколько въ бокъ головы явное сожалѣніе отомъ, что они не могутъ ограничиться тѣми скромными требованіями отъ искусства, какими ограничивается публика. Вообще же говоря, въ этомъ случаѣ, между выходящими, есть большія подраздѣленія. Одни выходятъ тихо, скромно, даже на кончикахъ пальцевъ, и иной разъ посмѣиваются при этомъ, тоже тихонько. Другіе—совсѣмъ не тихо, а полнымъ ходомъ и надменно закинувъ голову вверхъ, говоря этимъ: „дрянь, сволочь, смотрѣть нехочу"! Третьи, напротивъ, хотя и идутъ не тихо, но уже слишкомъ склоняютъ головы къ низу и идя смотрятъ подъ ноги. Эти посмирнѣе и иной разъ уходятъ до окончанія акта только потому, что имъ, дѣйствительно, какъ говорится „не втерпежъ". Нѣкоторые-же, выходя, хотя тоже надменно закидываютъ голову къ

Библиотека "Руниверс"

верху, но несутъ ее не прямо, а повертываютъ во всѣ стороны, разумѣется, уже никакъ не для того, чтобы показать этимъ явное и полнѣйшее пренебреженіе къ піесѣ, а просто желаютъ убѣдиться, обращаетъ-ли на нихъ публика вниманіе. Эти ужь очень легкомысленный народъ, больше изъ молодыхъ, между ними даже среднихъ лѣтъ люди встрѣчаются весьма рѣдко, а что касается чиновъ, то такая легкомысленность дальше чина коллежскаго секретаря недоходитъ.

Пріѣзжій, идя вслѣдъ за другими, дошолъ до буфета. Тамъ противъ всякаго ожиданія было свѣтло и чисто, и не слишкомъ тѣснилась публика. Оказалось, что курильная комната помѣщалась особо и имѣла другой входъ. Это пріѣзжему очень понравилось, какъ человѣку, который и въ Петербургѣ всегда избѣгалъ курильной комнаты, гдѣ вовремя антрактовъ видны бываютъ (въ великомъ, конечно, множествѣ) человѣческія ноги, а все остальное скрывается въ общей массѣ густой стѣной стоящаго дыма.

Кромѣ комнаты, гдѣ помѣщался, собственно буфетъ съ заманчивыми для многихъ желудковъ батареями бутылокъ и графиновъ, и съ вѣчно лоснящейся физіономіей толстаго буфетчика, всегда любезно улыбающагося при видѣ денегъ и хмурящагося при фразѣ: „за мной закишите",— оказывалась еще комната, какъ видно для болѣе избранной публики, въ устахъ которой фраза: „за мной запишите" невызываетъ на лицѣ буфетчика нахмуреннаго выраженія, а напротивъ, заставляетъ его молча и понѣскольку разъ отвѣшивать низкіе поклоны. Пріѣзжій сначала остался въ первой комнатѣ, такъ какъ вовсе не подозрѣвалъ о существованіи второй. Онъ сѣлъ за отдѣльный столикъ и спросилъ чаю. Публика, вѣроятно, насытившись табачнымъ дымомъ, стала понемногу подбираться къ буфету, гдѣ уже тѣснилось человѣкъ пять шесть и разговаривали, нѣкоторые закусывали, и съ такимъ аппетитомъ, какъ будто ихъ уже нѣсколько дней не кормили. Разговоръ касался піесы, одни хвалили, что „хорошо", другіе-же утверждали, что „нехорошо", отчего происходили споры, вертѣвшіеся сначала только въ предѣлахъ этихъ двухъ словъ, а потомъ перешедшіе на оцѣнку личныхъ способностей каждаго въ дѣлѣ сужденія очемъ бы то нибыло.

— Ты, братецъ мой, ровно ничего непонимаешь, говорилъ, напримѣръ, одинъ, и напрасно суешь носъ не въ свое мѣсто. Другой горячо доказывалъ, что, напротивъ, его соперникъ ничего не понимаетъ и нетолько напрасно суетъ носъ не въ свое мѣсто, а даже вообще весь, вмѣстѣ и съ носомъ, не стоитъ пятіалтыннаго. Такимъ образомъ споръ нѣсколько отклонялся въ сторону, и неявись на выручку третій, дѣло могло зайти еще дальше, но этотъ третій, явившись посредникомъ, умѣлъ свести все на то, что антрепренеръ скотина, и что по этому случаю слѣдуетъ выпить. Почему именно, при такомъ опредѣленіе достоинствъ антрепренера слѣдовало выпить, это осталось неразъясненнымъ.

— Нѣтъ, это какова подлость, а! кричалъ потомъ въ другой части комнаты кто-то, успѣвшій, видимо, хватить куражу около баттареи бутылокъ,—шапку, каналья, выставилъ,—а гдѣ она? а? Вѣдь это, значитъ мошенничество, обманъ!

— Подожди,—будетъ въ свое время! успокоивалъ его другой; будетъ и шапка и все...

— Нѣтъ, вы только представьте себѣ, громко продолжалъ недовольный,—какова штука! шапку каналья... а?..

Разговоръ дѣлался живѣе и интереснѣе. Нѣкоторые стали подразнивать протестовавшаго, онъ болѣе горячился, что возбуждало смѣхъ; кто-то даже замѣтилъ при этомъ, что настоящее представленіе здѣсь, а не на сценѣ... Но вдругъ все притихло и смолкло, какъ бываетъ передъ грозой, когда птицы, до того времени весело щебетавшія и носившіяся въ воздухѣ, вдругъ затаятся въ своихъ гнѣздахъ и пугливо спрячутся въ дальній уголъ, испуганныя страшнымъ раскатомъ грома. Впрочемъ, сравненіе это только отчасти можетъ быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ, собственно только для того, чтобы яснѣе представить наступившую тишину, такъ какъ появленіе въ буфетѣ одного изъ высшихъ губернскихъ сановниковъ не произвело и не могло, разумѣется „по нонѣшнему времени" произвести особеннаго испуга.

Сановникъ шолъ медленно, очень даже медленно, совсѣмъ тихо, по куриному, и не потому чтобы онъ былъ старъ, а такъ какъ то, можетъ быть такъ ужь вообще большіе сановники въ губерніи ходятъ, а можетъ быть потому, что говорилъ, идя, о чемъ-то полицмейстеру, который шолъ почти рядомъ съ нимъ, т. е. не совсѣмъ рядомъ, а нѣсколько, такъ вершочка на три позади, чтобы удобнѣе было полунаклониться корпусомъ впередъ, и придерживая лѣвой рукой шпагу, внимать словамъ особы. Публика стѣснилась въ сторону, давая дорогу. Сановникъ, проходя, милостиво дѣлалъ едва замѣтныя движенія головой, по временамъ даже до такой степени малыя, что это были вовсе и не кивки, а такъ только, одни милостивые взгляды; кому-то съ легкой улыбкой протянулъ лѣвую руку, которую удостоившійся такой чести почтительно, чуть не съ благоговѣніемъ, принялъ въ обѣ свои руки и сдѣлалъ при этомъ глубокій поклонъ.

Впечатлѣніе, произведенное приходомъ сановника отразилось на лицахъ публики различно, Одинъ, до того времени совершенно свободно и на отлетъ размахивавшій своей фуражкой, при входѣ сановника взялъ ее въ обѣ руки, и прижавъ къ груди, полунаклонился, и испуганно взглядывая изъ подъ лобья на сановника, старался поймать тотъ моментъ, когда будетъ удобнѣе сдѣлать замѣченнымъ свой поклонъ Другой, видимо болѣе независимый, можетъ быть контрольный чиновникъ, которымъ въ этомъ случаѣ самъ Богъ покровительствуетъ, заложилъ правую руку въ карманъ жилета и выступивъ на первый планъ, отставилъ нѣсколько впередъ ногу, для того, чтобы въ свое время свободно и съ ловкостью расшаркнуться. Иные тупо, безъ всякаго выраженія на лицахъ смотрѣли на особу. На дальнемъ планѣ, т. е. въ общей группѣ стѣснившейся толпы, конечно, было мало перемѣны въ позахъ, тамъ даже перешептывались, продолжая прерванный приходомъ особы разговоръ.

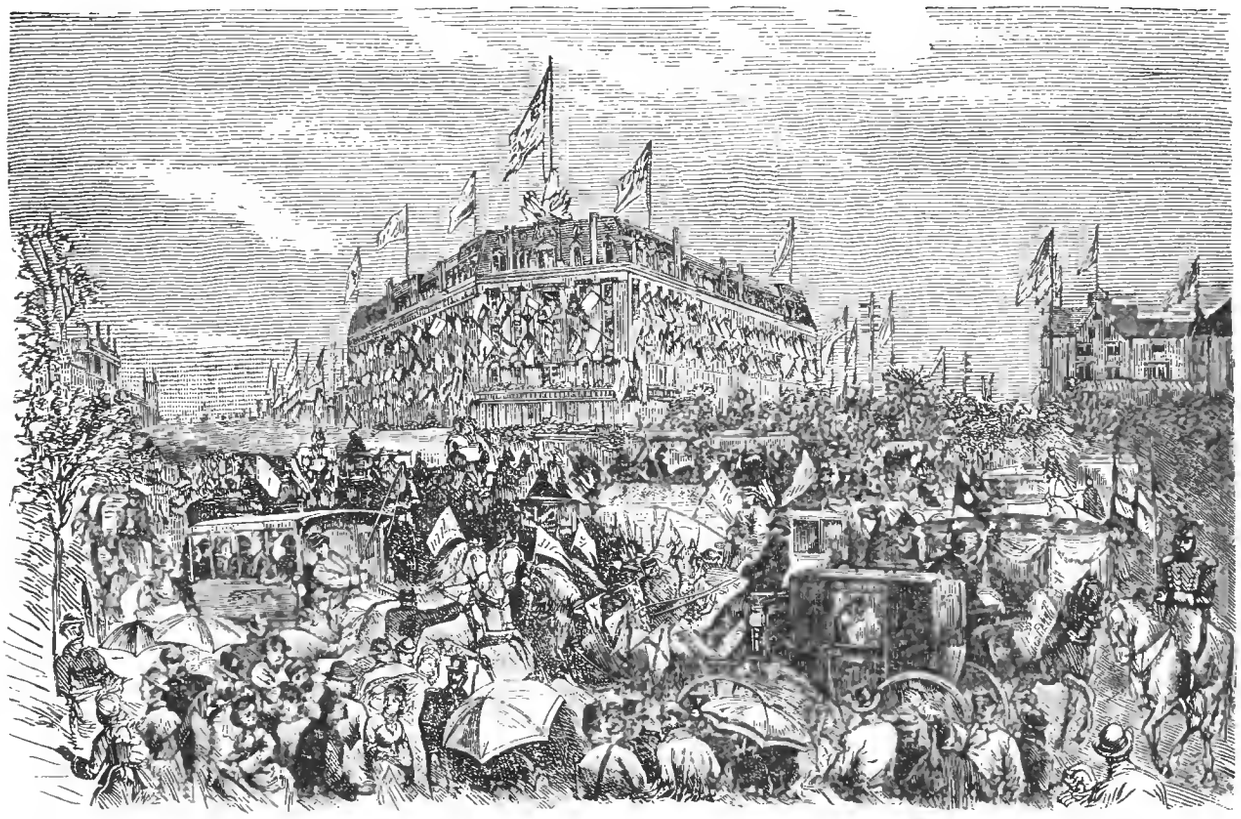
— Н—да-съ!.. Вообще... вяло и сонно какъ-то пропустилъ сквозь зубы сановникъ, осматривая комнату и поводя глазами по стѣнамъ и потолкамъ, изъ чего можно было заключить, что буфетъ только что заново отдѣланъ и потому удостоился его посѣщенія.

— Вообще... Да!.. Надо поощрять ..

Онъ прошолъ въ сосѣднюю комнату, которую только теперь замѣтилъ пріѣзжій, остававшійся во все время шествованія сановника, на своемъ мѣстѣ около столика за стаканомъ чая. Онъ, какъ видно, сразу понялъ, кто этотъ вошедшій, и не желая кланяться, но въ тоже время не желая быть невѣжливымъ, отвернулся лицомъ къ окну, какъ бы не замѣчая его прихода. Потомъ, вѣроятно, сообразилъ, что ему, какъ пріѣзжему лицу, никому неизвѣстному въ городѣ, стѣсняться не чего, а тѣмъ болѣе отвѣшивать поклоны, поднялся съ своего мѣста и тоже пошолъ въ сосѣднюю компату. Нѣкоторые изъ публики, вѣроятно, составляющіе высшій слой мѣстнаго общества, потянулись туда-же; большая часть поспѣшила выйдти совсѣмъ изъ буфета, а оставшіеся нѣсколько человѣкъ говорили уже не громко, почти шопотомъ. Вошедшіе потомъ два три лица, тоже вѣроятно, изъ крупныхъ мѣстныхъ особъ, свободно и громко разсуждая о чемъ-то, прошли прямо въ сосѣднюю съ буфетомъ комнату. Пріѣзжій, войдя туда, сталъ себѣ похаживать, заложивъ руки за спину, около стѣны, какъ человѣкъ, которому нѣтъ ни до кого ни-

Библиотека "Руниверс"

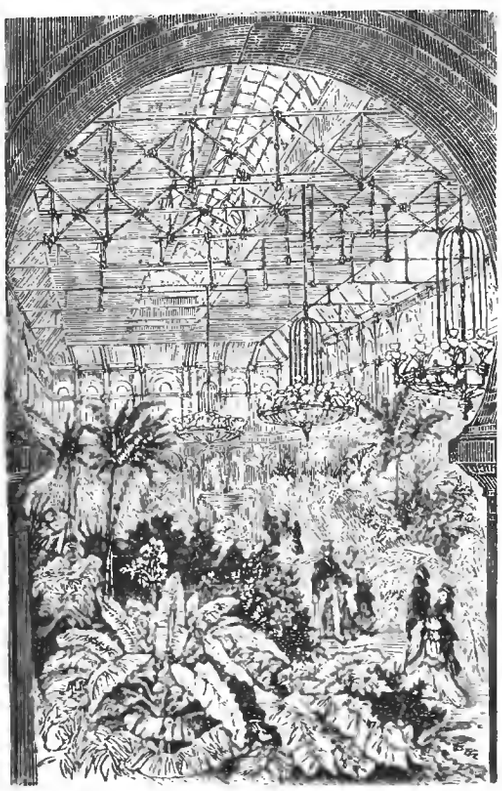
какого дѣла. Вошедшія крупныя особы обмѣнялись съ сановникомъ привѣтствіями и потомъ всѣ сгруппировались около него въ такихъ положеніяхъ, какъ будто



Всемірная выставка въ Филадельфіи. Одна изъ улицъ, ведущихъ къ зданію выставки. Грав. Боярскій.

вслѣдъ за симъ долженъ былъ начаться серьезный разговоръ въ родѣ того, что: „я пригласилъ васъ, господа, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе и т. д.“

Но серьезнаго разговора непроизошло, ибо только что сановникъ хотѣлъ что-то начать въ родѣ: „вообще и да-а“, какъ взглядъ его упалъ на пріѣзжаго, который успѣлъ напустить на себя большую задумчивость, и не обращая, конечно, на окружающихъ никакого вниманія, медленно расхаживалъ по комнатѣ отъ одной стѣны до другой. Его серьезное, пахмуренное и во всѣхъ отношеніяхъ приличное лицо, его превосходно сшитая фрачная пара, его умѣнье съ достоинствомъ держать себя, и, наконецъ его широкій лобъ и начинавшаяся лысина, щедро освѣщаемыя свѣтомъ лампъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, обратили на себя вниманіе сановника. Онъ, какъ только глянулъ на пріѣзжаго, такъ тотчасъ же повернулся лицомъ въ другую сторону, ища глазами полиціймейстера, а тотъ, какъ человѣкъ, отлично знающій свое дѣло, понялъ, что сановникъ изволилъ заинтересоваться, и потому, не дождавшись вопроса, сдѣлалъ надлежащій „докладъ“. Но замѣчательно: онъ и самъ видѣлъ пріѣзжаго въ первый разъ, не зналъ, что это за лицо, когда пріѣхалъ и гдѣ остановился; между тѣмъ на одну даже малѣйшую секунду не задумался и сдѣлалъ совершенно ясный, точный и полный докладъ, даже ту самую гостинницу упомянулъ, въ которой остановился пріѣзжій. Навыкъ и сметка великое дѣло: и совретъ другой человѣкъ, да такъ ловко и вѣрно, что только руками разведешь. Полиціймейстеръ былъ, видимо, изъ числа такихъ ловкихъ людей и какъ разъ „на своемъ мѣстѣ“, точно отъ рожденія готовился къ этой должности. И въ самомъ дѣлѣ, существующее выраженіе, что „поэты родятся, а историки дѣлаются“ можно смѣло перефразировать, что „полиціймейстеры родятся, а чиновники дѣлаются“.



Всемірная выставка въ Филадельфіи. Отдѣленіе садоводства. Грав. Боярскій.

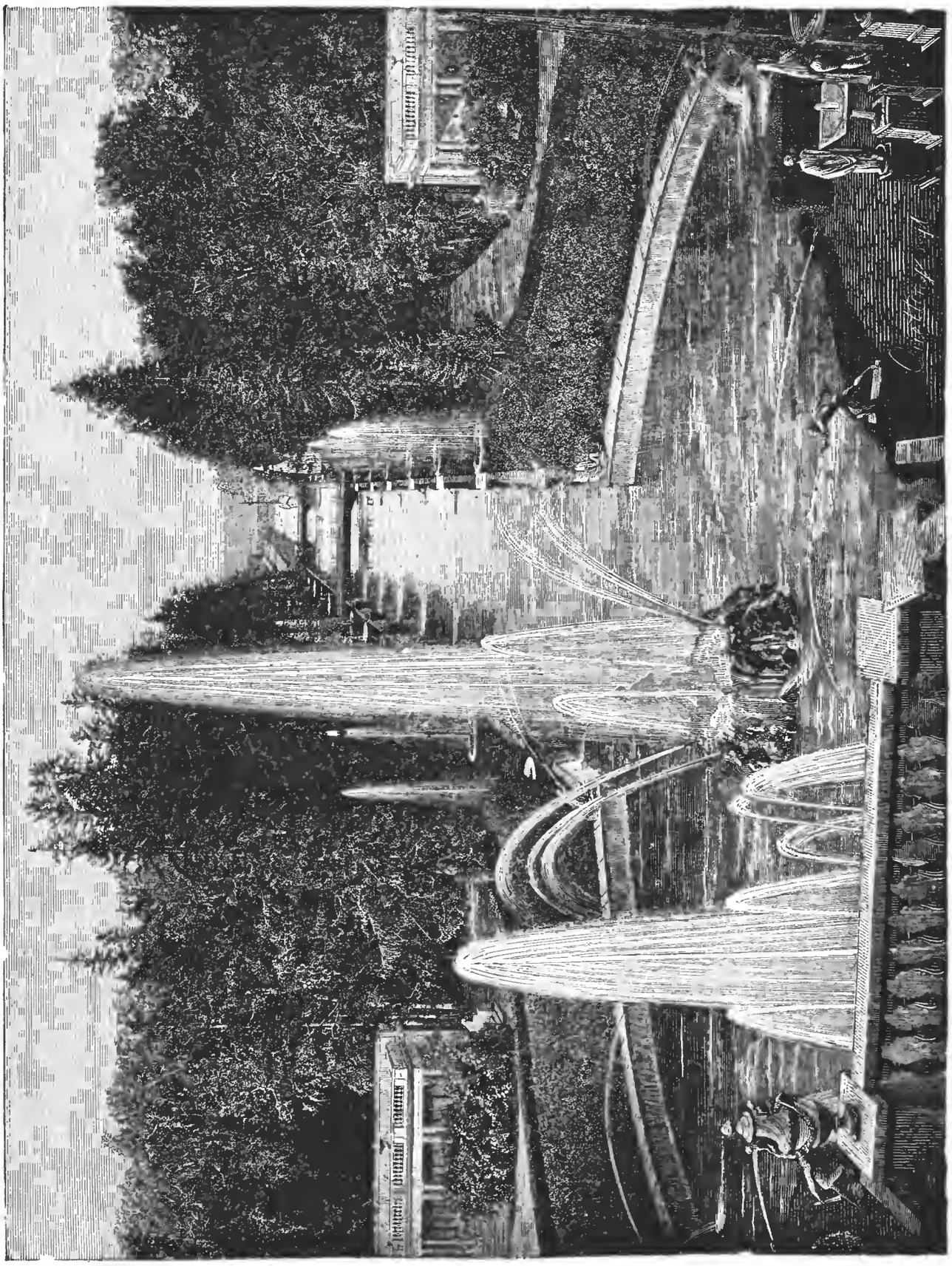
Сановникъ былъ совершенно удовлетворенъ докладомъ и, сопровождаемый тѣми же лицами, вышелъ. На этотъ разъ полиціймейстеръ, проводивъ его только до дверей, тотчасъ же вернулся назадъ и подошолъ къ пріѣзжему.

Тотъ сидѣлъ въ креслѣ, посматривая на свои лаковые сапоги. Онъ подсѣлъ рядомъ, и, откинувшись на спинку кресла, тотчасъ же, безъ всякаго предварительнаго поклона или привѣтствія, какъ человѣкъ, сознающій свое начальническое значеніе, спросилъ:

— Вы, кажется, недавно въ городѣ?

— Да, сухо отвѣтилъ пріѣзжій, и тоже въ свою очередь не кланяясь, даже явно не обращая

Библиотека "Руниверс"



Пребываніе итальянскаго наслѣднаго принца и его супруги въ Петергофѣ. Фонтанъ „Самсонъ“ въ нижнемъ саду и каналъ, ведущій къ морю (видъ со стороны дворца). Съ фотогр. грав. Квитингъ.

Библиотека "Руниверс"

вниманія на полиціймейстера, всталъ съ своего мѣста и пошолъ изъ буфета.

Полиціймейстеръ, какъ говорится, опѣшилъ и сразу потерялъ значительную часть своей начальнической важности. Его, разумѣется, кольнуло въ сердце и раскаяніе, и досада и въ тоже время боязнь—„не особа-ли"? Онъ торопливо поднялся съ кресла и, догнавъ пріѣзжаго, уже другимъ тономъ, болѣе заискивающимъ, и съ почтительной улыбкой спросилъ, идя съ нимъ рядомъ.

— Вы, вѣроятно, не изволили еще предъявить своего вида?

— Да—а, по прежнему сухо отвѣтилъ пріѣзжій, намѣренно посматривая вверхъ и по сторонамъ, желая показать этимъ, что не придаетъ никакого значенія личности своего собесѣдника.

— Проѣздомъ? или... еще болѣе заискивающимъ тономъ спросилъ полиціймейстеръ, уже поддаваясь обаятельному вліянію важности пріѣзжаго.

Они шли по корридору. Пріѣзжій вмѣсто отвѣта замѣтилъ.

— Какъ у васъ здѣсь свѣжо!..

Полиціймейстеръ кашлянулъ, замѣтно приготовляясь къ чему-то рѣшительному.

— Позвольте мнѣ, началъ онъ, уже совершенно преобразившись изъ начальника въ подчиненнаго, позвольте, какъ полиціймейстеру здѣшняго города, освѣдомиться, съ кѣмъ имѣю честь говорить...

Пріѣзжій надменно оглянулъ его и хотя съ улыбкой, но съ большимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, отвѣтилъ:

— Я въ настоящее время зритель піесы.

Они подходили къ дверямъ, ведущимъ въ партеръ. Противъ ожиданія полиціймейстера, пріѣзжій вдругъ остановился и предъявилъ капельдинеру билетъ на свое платье.

— Вы меня извините, нахмуриваясь отвѣтилъ онъ полиціймейстеру,—ужасно голова разболѣлась,—я ухожу! Въ свое время, когда будетъ предстоять въ этомъ надобность, вы получите обо мнѣ надлежащія свѣдѣнія...

За минуту передъ тѣмъ онъ вовсе и не думалъ играть въ таинственность, и обратись къ нему полиціймейстеръ не то, чтобы почтительнѣе, а попроще, не по начальнически, онъ ему сразу, хотя можетъ быть тоже важничая, объявилъ бы свое званіе. Но тотъ самъ былъ виноватъ и теперь расплачивался за свою оплошность. До встрѣчи съ нимъ, пріѣзжій также не имѣлъ намѣренія уходить изъ театра послѣ перваго акта, онъ, можетъ быть, просидѣлъ бы и второй и третій, но случайная встрѣча съ полиціймейстеромъ дала его мыслямъ совсѣмъ другое направленіе. Сначала, оскорбленный его начальническимъ вопросомъ, онъ хотѣлъ только показать, что не обращаетъ на него вниманія, и пошолъ съ намѣреніемъ занять свое мѣсто въ первомъ ряду креселъ; но потомъ, замѣтивъ, что „производитъ впечатлѣніе", не могъ удержаться, чтобы не воспользоваться случаемъ поиграть въ таинственность и уйдти изъ театра въ такую благопріятную для выхода минуту. Полиціймейстеръ уже не сомнѣвался, что „налетѣлъ на особу" и потому, почтительно раскланиваясь, совершенно покорнымъ тономъ заискивающаго человѣка спросилъ:

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, освѣдомиться, гдѣ изволили остановиться...

— Въ гостинницѣ Варшава...

Съ этими словами пріѣзжій величественно закутался въ свою шубу и, съ важностію сдѣлавъ кивокъ головой, вышелъ изъ театра къ крайнему удивленію полиціймейстера, который ужасно какъ-то вдругъ растерялся и съ минуту потомъ стоялъ въ корридорѣ, совсѣмъ не зная, что ему нужно дѣлать и куда идти.

— Ваше—скородіе! подскочилъ къ нему услужливо какой-то унтеръ, стоявшій у платья—тамъ игра пошла ужь...

— Молчи, дуракъ! крикнулъ онъ на него, озадаченный предыдущей сценой, и сейчасъ же потребовалъ къ себѣ самаго расторопнаго подчиненнаго. Тотъ немедленно явился, ибо у театра, по случаю посѣщенія его сановникомъ, тѣснилась почти вся полиція. Полиціймейстеръ пошепталъ ему что-то; тотъ, выслушивая шопотъ, выразительно кивалъ головой въ знакъ того, что хорошо понимаетъ въ чемъ дѣло. Но должно быть онъ нехорошо понималъ, такъ какъ полиціймейстеръ, при первомъ его словѣ, вдругъ что-то сильно замахалъ руками и сморщился, какъ бы говоря: „не то, не то, дубина!" и даже легонько потопалъ поочередно обѣими ногами, но впрочемъ тотчасъ же успокоился и опять сталъ шептать, оглядываясь по временамъ назадъ — не подслушиваетъ-ли, молъ, кто лишній. Послѣ этого подчиненный должно быть уже понялъ, что именно ему поручаютъ, ибо былъ тотчасъ же отпущенъ „къ исполненію командировки". Отправивъ его, полиціймейстеръ возвратился на свое кресло, казалось, ничѣмъ не озабоченный и повидимому спокойно просидѣлъ второй актъ. Но потомъ, когда въ слѣдующемъ антрактѣ подчиненный его вызвалъ въ корридоръ и доложилъ ему все, что узналъ въ гостинницѣ отъ прислуги (объясняться съ самимъ пріѣзжимъ ему было строго запрещено), полиціймейстеръ сильно отуманился.

— Это еще что за испытанія Богъ посылаетъ, въ печальномъ изумленіи вздыхалъ онъ, не слыша и не видя, что дѣлается на сценѣ: кто его знаетъ, думалъ онъ, что это за человѣкъ... и съ чего такая таинственность... а ну какъ да что нибудь этакое!..

Онъ чувствовалъ себя въ отвратительномъ состояніи духа и вертѣлся на креслѣ, точно на гвоздяхъ сидѣлъ. На сценѣ въ это время бушевалъ Грозный. Актеръ, изображавшій его, ревѣлъ какъ разъяренный звѣрь. Крикъ его проникалъ, такъ сказать, въ самыя сердца зрителей, радовалъ ихъ и тѣшилъ пріятной надеждой, что вотъ, вотъ произойдетъ на сценѣ, если не убійство, то, по крайней мѣрѣ, драка, которую, подъ именемъ богатства сценическихъ движеній и эффектовъ, всегда съ удовольствіемъ восхваляетъ большинство публики.

Начался потомъ шумъ рукоплесканій, крикъ, стукъ. Ничего этого какъ будто и не замѣчалъ полиціймейстеръ, озабоченный своими думами. Его не столько занималъ самъ пріѣзжій, про котораго онъ даже подумалъ въ утѣшеніе себя: чортъ его, молъ, возьми, кто бы онъ ни былъ; а главное—тревожило раскаяніе, что „поспѣшилъ докладомъ". И чортъ меня сунулъ сказать, что это пріѣзжій купецъ изъ Петербурга, и съ чего такъ вдругъ сболтнулось, когда въ немъ купеческаго и тѣни нѣтъ! терзался онъ, упрекая себя за свои же собственныя полиціймейстерскія способности — давать на всякій вопросъ отвѣтъ.

Д. Стахѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Петергофъ, его паркъ и фонтаны.

Петергофъ, небольшой городокъ въ окрестностяхъ Петербурга, паркъ котораго, наполненный всевозможными произведеніями искусства, поражаетъ своимъ великолѣпіемъ и служитъ любимымъ мѣстомъ гулянья для петербургскихъ жителей, — основанъ Петромъ Великимъ, въ 1707 году.

По завоеваніи Финскаго залива у Шведовъ, Петръ захотѣлъ обезпечить за собою прочную власть надъ этою, нужною для него, частью Балтійскаго моря. Для этого онъ предпринялъ постройку грозной крѣпости Кронштадта, на островѣ Котлинѣ, при истокѣ Невы. Постройка требовала его личнаго за всѣмъ наблюденія, и онъ безпрестанно ѣздилъ изъ вновь возникшей своей столицы, Петербурга, въ возникающую крѣпость. Чтобы

Библиотека "Руниверс"

сдѣлать эти переѣзды болѣе удобными, Петръ приказалъ построить на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ переправлялся на Котлинъ, двѣ «деревянныя свѣтлицы» и «заѣзжій дворъ», съ особымъ строеніемъ для различнаго рода рабочихъ. Вскорѣ на этомъ же мѣстѣ рабочіе и окрестные жители общими усиліями срубили деревянную церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, которую Петръ часто, во время своего пребыванія въ Петергофѣ, посѣщалъ, и даже не разъ самъ читалъ въ ней апостолъ. Мѣстоположеніе это ему понравилось и онъ велѣлъ, для себя собственно, построить тамъ «попутную палатку» въ голландскомъ вкусѣ и назвалъ ее Монплезиромъ. Изъ этого Монплезира онъ часто любовался на постепенно возвышавшіяся, какъ бы росшія изъ воды, грозныя твердыни Кронштадта. Въ 1709 году Петръ далъ повелѣніе строить въ Петергофѣ «забавные дворцы каменною изрядною архитектурною работою», а еще позднѣе были построены «палатки маленькія по данному текену» (образцу). Эти мелкія, но роскошныя постройки и были первоначальнымъ зерномъ Петергофа, впослѣдствіи быстро разросшагося, великолѣпно украсившагося и превратившагося въ волшебный уголокъ среди непривѣтливой финской природы балтійскаго побережья.

Въ это время, въ домашней жизни Петра Великаго произошла довольно важная перемѣна: онъ торжественно отпраздновалъ свою свадьбу съ Екатериною 19-го февраля 1712 года, и потому тѣ мелкія постройки въ его лѣтней резиденціи — Петергофѣ, какія были до этого времени, оказались тѣсными. По этому случаю въ 1715 году было повелѣно Петромъ «домъ заложить каменный и подвести отъ него каналъ къ морю»—этотъ домъ есть главный нагорный дворецъ въ Петергофѣ. Въ этомъ же 1715 году Петръ поручилъ находившимся заграницей русскимъ прилежно собирать планы, фасады и перспективы самыхъ роскошныхъ тамошнихъ садовъ и парковъ для Петергофа и въ декабрѣ того же года пригласилъ на русскую службу архитектора Леблона и механика Ламбота со своими рабочими. Архитекторъ, графъ Растрелли-отецъ, тоже принималъ участіе въ украшеніи Петергофа: онъ чертилъ планы парковъ, бесѣдокъ, рисунки статуй и проч. Вмѣстѣ съ возведеніемъ дворцовъ и «палатокъ каменныхъ» дѣятельно шли работы по разбивкѣ и насажденію парка, который долженъ былъ удивить современниковъ роскошью.

И дѣйствительно къ его устройству было приложено много стараній: деревья для парка сотнями и тысячами свозились изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Въ Амстердамѣ были куплены липовыя деревья; изъ Данцига и Ревеля были привезены ветлы, барбарисъ и розовые кусты; яблони изъ Швеціи; 40,000 ильмовыхъ деревъ и кленовъ изъ Московской губерніи; 6,000 буковъ изъ Ростова. Даже изъ Сибири требовали присылки кедровъ и изъ Крыма — по штукѣ всѣхъ растущихъ тамъ деревъ!

Въ то же время тысячи рабочихъ трудились надъ устройствомъ водопроводовъ для фонтановъ. Петръ давалъ подробныя инструкціи, какъ и гдѣ строить фонтаны и каскады; между прочимъ онъ писалъ: «Додѣлать кашкаду другую, гротъ и въ ономъ столъ съ брызганіемъ и арганъ, буде мочно, также въ бассейнѣ фонтанну, по уступамъ у обеихъ кашкадъ, статуи и горшки; гротъ малинькій вверху, на одной сторонѣ прохода, а въ другой что иное, по разсужденію архитектора; у сихъ двухъ мѣстъ, такожъ у большаго грота сдѣлать водотеченіе, когда понадобится, чтобы входы закрыла вода». «Кашкаду марморовую противъ малой Марлинской, съ малымъ гротомъ и дикою горою противъ модели. Узорчатый мостъ съ крытымъ водянымъ ходомъ». «Передъ большою кашкадою наверху дѣлать исторію Еркулову (Геркулесову), который дерется съ гадомъ седмиглавымъ, называемымъ гидрою, изъ которыхъ головъ будетъ идти вода по кашкадамъ». «На верху у малой Марлинской кашкады дѣлать телегу Нептунову съ четырмя морскими лошадями, у которыхъ изо ртовъ пойдетъ вода и будетъ литься по кашкадамъ и по уступамъ дѣлать тритоны, якобы играли въ трубы морскія и дѣйствовали бы тѣ тритоны водою и образовали бы разныя игры водяныя».

Такихъ распоряженій, касающихся даже самыхъ мелкихъ подробностей, Петръ издалъ множество, при чемъ за всѣмъ старался присмотрѣть собственными глазами. Статуи для фонтановъ отливали въ Петербургѣ и Римѣ по русскимъ чертежамъ, а для обдѣлки мрамора были выписаны мастера нарочно изъ-за границы. Наконецъ, въ августѣ 1721 года, фонтаны и водопроводъ были готовы, и Петръ отправился на Ропшинскую мызу, чтобы *собственноручно*, заступомъ прокопать слой земли, раздѣлявшій вновь построенный водопроводъ съ рѣкою Кавашею. Вода хлынула изъ рѣки въ водопроводъ, и на другой день въ роскошномъ Петерговскомъ паркѣ зажурчали и забили вверхъ многочисленные фонтаны, зашумѣли по мраморнымъ ступенямъ «кашкады». Кромѣ дворцовъ, фантановъ, статуй и проч. въ Петергофскомъ паркѣ были и другія диковинки: въ большомъ гротѣ «забавнаго дворца» была устроена «колокольня, которая водою ходитъ», приводившая въ немалое удивленіе посѣтителей. Она состояла изъ нѣсколькихъ стеклянныхъ колоколовъ, подобранныхъ гаммами; по колоколамъ ударяли пробочные молоточки, приводившіеся въ движеніе водою и, такимъ образомъ, составлялись пріятные для слуха мелодіи и аккорды.

Петръ Великій любилъ отдыхать отъ многочисленныхъ трудовъ въ своей лѣтней резиденціи—Петергофѣ и часто пировалъ тамъ со своими приближенными и сподвижниками, а, иногда и съ иностранными послами. Послѣ сытнаго обѣда и отдыха, царь и вельможи надѣвали фартухи, брали въ руки кто заступъ, кто кирку, кто ножницы и отправлялись въ садъ, чтобы въ потѣ лица проработать до вечера. Ужинъ, обильный яствами, и въ особенности питіями, награждалъ тружениковъ за утомительную работу въ саду. Ночью надъ паркомъ взлетали разноцвѣтныя ракеты, фейерверки, лопались и осыпали деревья искрами; фонтаны освѣщались бенгальскими огнями.

Слѣдующіе за Петромъ Государи и Государыни тоже прилагали не мало заботъ объ украшеніи Петергофскаго сада и дворцовъ. Екатериною I, супругою Петра, былъ поставленъ, на мѣсто замышлявшейся Петромъ «исторіи Еркуловой» фонтанъ «Самсонъ, раздирающій пасть льву». Группа эта имѣетъ символическое значеніе: она изображаетъ безуспѣшную борьбу шведовъ съ русскими, поразившими ихъ на голову при Полтавѣ въ день св. *Самсонія*. Левъ же, раздираемый Самсономъ, представляетъ Швецію, такъ какъ животное это изображается на ихъ государственномъ гербѣ. Огромная бронзовая статуя Самсона, отлитая Екимовымъ по модели скульптора Козловскаго и поставленная на пьедесталѣ изъ большихъ каменныхъ глыбъ, находится въ «Нижнемъ саду», по серединѣ круглаго бассейна, называемаго «ковшомъ», какъ разъ передъ главнымъ фасадомъ большаго Петергофскаго нагорнаго дворца. Отъ ковша до самаго моря тянется каналъ, вырытый при Петрѣ; вдоль всего канала устроено множество фонтановъ и «маскароновъ», т. е. смѣшныхъ рожицъ съ открытымъ ртомъ или масокъ, изъ которыхъ льется вода. Струя воды, выбрасываемая львиною пастью, поднимается, какъ говорятъ, на такую высоту, на какую только можетъ при всѣхъ усиліяхъ нагнетающаго механизма, словомъ—достигаетъ maximum'а высоты и силы. Кругомъ Самсона множествъ мелкихъ и крупныхъ фонтановъ: гладіаторы, тритоны, лягушки и пр.

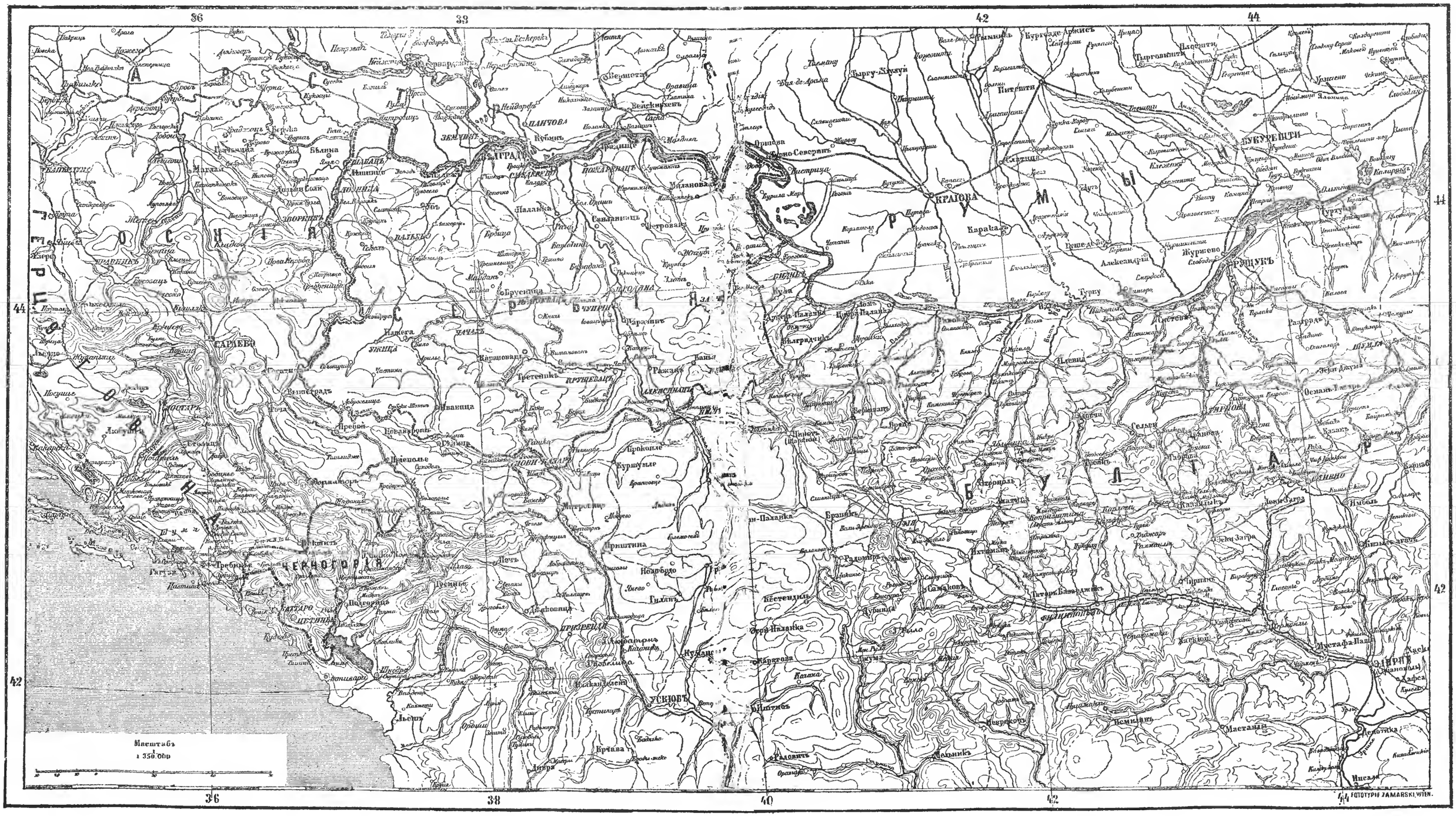
Весь Петергофскій паркъ раздѣляется на двѣ главныя части: «*Верхній садъ*» и «*Нижній садъ*». Нижній садъ расположенъ ближе къ морю, по берегу Финскаго залива, и тянется вдоль берега болѣе, чѣмъ на двѣ версты, а въ ширину имѣетъ до 300 саженей. Кромѣ Самсона въ нижнемъ саду есть и другія сооруженія, обращающія на себя вниманіе, напр. «Марли», хорошенькій каменный дворецъ (построенный по образцу такого же дворца, находящагося въ окрестностяхъ Парижа), въ которомъ хранятся многія вещи, принадлежавшія Петру Великому; «Золотая гора», «Марлинскій каскадъ», «Львиный каскадъ», построенный въ видѣ древняго греческаго храма со множествомъ стройныхъ колоннъ, между которыми бьютъ фонтаны; «Эрмитажъ» на самомъ берегу моря, сохранившійся отъ Петра неизмѣнно. Фонтаны: «Адама» и «Евы»; «Монплезиръ»—любимое мѣсто отдохновенія Петра, и множество другихъ фонтановъ и затѣй.

Изъ затѣй, имѣющихъ цѣлью неожиданно и пріятно изумить зрителя, мы упомянемъ о слѣдующихъ: «Фаворитный фонтанъ», приводимый въ круговращательное движеніе водою. Въ кругломъ бассейнѣ плаваютъ утки и помѣщена собака, какъ бы гоняющаяся за ними; посерединѣ стоитъ фигура крестьянина со свирѣлью. Когда фонтанъ пущенъ, то утки начинаютъ плавать вокругъ бассейна, а собака гоняется за ними съ лаемъ. Фонтанъ «Грибокъ», вокругъ ножки котораго (4 арш. вышиною), подъ шапкою разставлены скамейки для гуляющихъ. Изъ шапки грибка, по данному сигналу, неожиданно начинаетъ литься вода, и сидящіе на скамейкахъ оказываются какъ бы заключенными въ сплошной водяной колоколъ. «Дубокъ» и «Елка», цинковыя подобія этихъ деревъ, чрезвычайно похожія, изъ листьевъ и вѣтокъ которыхъ брызгаетъ вода и, наконецъ, такъ-называемыя «шутихи», неожиданно перекидывающія струи воды черезъ скамейки, на которыхъ сидятъ неподозрѣвающіе ничего посѣтители... Словомъ, что ни шагъ, то что нибудь новое, прелестное и оригинальное!...

Верхній садъ расположенъ гораздо выше нижняго, отчего и получилъ это названіе. Изъ нижняго сада въ верхній ведутъ нѣсколько широкихъ бѣлыхъ мраморныхъ лѣстницъ. На самомъ краю уступа, раздѣляющаго оба сада, построенъ большой Петергофскій нагорный дворецъ, заложенный Петромъ Великимъ по случаю своей свадьбы и окончательно, роскошно отдѣланный послѣдующими государями, и въ особенности Елизаветою Петровною. Первоначальное зданіе, выведенное по чертежу Леблона, Елизавета Петровна поручила архитектору, графу Растрелли, расширить и украсить. Растрелли пристроилъ къ нему два боковые флигеля и соорудилъ домашнюю церковь во имя св. Петра и Павла. На крышѣ изъ бѣлой жести съ золотыми украшеніями онъ помѣстилъ огромнаго трехглаваго орла въ 16 пудовъ вѣсу.

Во дворцѣ чрезвычайно много комнатъ, отдѣланныхъ наироскошнѣйшимъ образомъ и наполненныхъ дорогими картинами. Особенно замѣчательны: *кабинетъ Государя Императора*, стѣны котораго покрыты сверху до низу рѣзнымъ дубомъ. Нѣкоторыя части рѣзной работы исполнены Петромъ *собственноручно*. *Китайская комната съ настоящими* китайскими обоями и мебелью, *Бѣлая Петровская зала* съ Гобеленовской картиной, изображающей Петра, застигнутаго бурей, и многія другія.

Библиотека "Руниверс"



Карта театра славяно-турецкой войны.

Библиотека "Руниверс"

Противъ передняго фасада, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, по уступу расположены большіе гроты и два главные каскада въ видѣ колоссальныхъ лѣстницъ, по 7 ступеней въ каждой. Каждая ступень по краямъ украшена позолоченными статуями, представляющими копіи съ античныхъ, вазами и чашами съ бьющею изъ нихъ водою. Въ нишахъ большаго грота также разставлено нѣсколько бронзовыхъ статуй отличной работы, а на площадкѣ передъ гротомъ бьетъ фонтанъ, вода котораго падаетъ въ видѣ плетеной корзинки. Вся вода, выбрасываемая этими фонтанами и каскадами изливается черезъ урны статуй Невы и Волхова въ «ковшъ», посерединѣ котораго бьетъ могучая струя Самсона, величайшаго изъ всѣхъ Петергофскихъ фонтановъ.

Видъ на все это со стороны нижняго сада просто волшебенъ: всѣ эти мраморы, золотыя статуи, эмаль, безчисленныя струи воды, пересѣкающіяся и дробящіяся въ разныхъ направленіяхъ и красивыхъ сочетаніяхъ, зелень—все это невольно переноситъ воображеніе въ роскошные сказочные сады «Тысячи и одной ночи».

Со стороны верхняго сада видъ на дворецъ уже не такъ роскошенъ какъ снизу; и весь верхній садъ значительно уступаетъ нижнему въ размѣрахъ. Онъ построенъ четвероугольникомъ передъ заднимъ фасадомъ Петергофскаго дворца и изрѣзанъ въ различныхъ направленіяхъ правильными аллеями и бассейнами. По самой серединѣ четвероугольника находится большой бассейнъ, служащій резервуаромъ для фонтановъ нижняго сада. По бассейну, въ разныхъ мѣстахъ, правильно разбросаны фигурки дельфиновъ, выбрасывающія воду, а на серединѣ бассейна величественно возвышается фонтанъ «Нептунъ», изображенный на нашемъ рисункѣ. Это не та «телега Нептунова», о которой писалъ Петръ въ своей подробной инструкціи, а группа, поставленная Императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1799 году. «Телега же Нептунова» или не была вовсе построена, или не сохранилась до нашего времени. Гигантская бронзовая статуя Нептуна, миѳологическаго бога морей, была пріобрѣтена Павломъ I въ Нюрембергѣ за 60,000 гульденовъ, что по тогдашнему составляло около 30,000 рублей серебромъ, и привезена въ Петергофъ. Статуя изображаетъ Нептуна, увѣнчаннаго зубчатою короною и держащаго въ рукахъ трезубецъ—эмблему его власти надъ морями. Высокій пьедесталъ, на которомъ стоитъ божество, окруженъ со всѣхъ сторонъ фигурами разныхъ, тоже миѳологическихъ существъ, тритоновъ, дельфиновъ, и проч. Всѣ эти фигуры извергаютъ въ различныхъ направленіяхъ воду; но сама статуя Нептуна остается суха и воды не извергаетъ. Мѣстность, окружающая этотъ фонтанъ, очаровательна: съ одной стороны видъ на большой Петергофскій дворецъ и на окруженные зеленью бассейны съ горками изъ дикаго камня, обмываемыми чистою, какъ хрусталь водою; съ противоположной стороны — прекрасная бронзовая статуя Аполлона Бельведерскаго, на пьедесталѣ изъ тивдійскаго мрамора. Съ двухъ же остальныхъ сторонъ—густая зелень парка скрываетъ отъ глазъ другія сокровища искусства, щедрою рукою разсыпанныя по Петергофу его Августѣйшими покровителями.

Изъ достопримѣчательностей, находящихся выше *нижняго сада* мы укажемъ на острова «Царицынъ» и «Ольгинъ» на озерѣ въ Колонистскомъ паркѣ. Павильонъ «Царицына острова» украшенъ многими статуями и группами, между которыми особенно замѣтенъ фонтанъ «Нарциссъ» со статуею красавца Нарцисса, вѣчно глядящагося въ прозрачныя воды бассейна. Еще обращаетъ на себя вниманіе молодой дубъ, выросшій изъ жолудя, снятаго съ могилы Вашингтона американцами и поднесеннаго «въ знакъ величайшаго уваженія Императору Всероссійскому», какъ о томъ гласитъ надпись на бронзовой къ дощечкѣ на дубѣ. Онъ посаженъ былъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1842 г. Величественное зданіе «Бельведера» на высотахъ «Бабьяго-гона» (исковерканное шведское названіе Papingondo), видимое издали, должно быть причислено также къ достопримѣчательностямъ Петергофа, равно какъ и готическая церковь въ Александріи, построенная въ видѣ средневѣковой рыцарской часовни, со стрѣльчатыми сводами, круглыми разноцвѣтными окнами и множествомъ остроконечныхъ башенокъ, стройно убѣгающихъ вверхъ. Всѣ находящіяся тамъ зданія и дворцы перечислить невозможно въ такой небольшой статьѣ, также, какъ невозможно и осмотрѣть ихъ за одинъ разъ. Общее же впечатлѣніе, производимое на зрителя этимъ какъ бы уголкомъ земного рая—поразительно и заставляетъ зрителя предполагать, что онъ попалъ въ какое-то волшебное царство фей! Таковы результаты тѣхъ заботливыхъ попеченій о возможномъ украшеніи Петергофа, которыя прилагались къ нему нѣсколькими поколѣніями русскихъ Государей и Государынь!

9 іюля наслѣдный итальянскій принцъ Гумбертъ съ супругою прибыли въ Петергофъ и были торжественно встрѣчены въ вокзалѣ Е. В. Государемъ Императоромъ и Императрицею, Е. В. В. К. Цесаревною и Е. В. принцессою Эдинбургскою, при звукахъ итальянскаго народнаго гимна.

Затѣмъ царственныя особы отправились въ колясках къ петергофскому дворцу, и въ ту минуту, когда экипажи подъѣхали къ нему—разомъ были пущены всѣ фонтаны.

Очаровательнѣйшая окрестность Петербурга предстала во всемъ своемъ блескѣ и великолѣпіи.

Принцъ и принцесса остановились въ петергофскомъ дворцѣ, который предоставленъ въ ихъ распоряженіе на все время пребыванія ихъ въ Петергофѣ.

12-го числа высокіе гости пріѣхали въ Петербургъ.

А. Васильевичъ.

Всемірная выставка въ Филадельфіи.

Филадельфія—одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Построенный въ видѣ параллелограмма, онъ состоитъ изъ правильныхъ улицъ, пересѣкающихъ другъ друга подъ прямымъ угломъ. Филадельфія распадается на 2 главныхъ части—на «Сити», т. е. собственно городъ, древнѣйшее ядро его и на 4 предмѣстья, вошедшія въ его составъ съ 1854-го г. Городъ обладаетъ многими прекрасными общественными зданіями, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательна (мраморная) академія (Girard college), предназначенная для дарового воспитанія бѣдныхъ сиротъ. Основатель этой академіи, французъ Жирваръ, поселившійся въ Филадельфіи очень молодымъ, оставилъ городу имущество, которое въ настоящее время цѣнится почти во 100 милліоновъ долларовъ. Далѣе идутъ: институтъ Франклина, прежній домъ городскаго управленія, «домъ независимости», въ которомъ была провозглашена независимость штатовъ. Городъ Филадельфія въ этотъ торжественный для союза годъ былъ еще весьма незначительнымъ изъ американскихъ городовъ, что видно изъ слѣдующаго ряда сравнительныхъ цифръ населенія: въ 1683 г.—600 ч., въ 1700 г.—5 тысячъ ч., въ 1760 г.—20 тысячъ ч., въ 1790 г—42,520 ч. въ 1800 г.—70,287 ч., въ 1810 г.—96,664 ч. въ 1820 г.—108,166 ч. въ 1830 г.—167,188 ч., въ 1840 г.—258 тысячъ ч. въ 1850 г.—408,762 ч., а въ 1860 г.—568,034 ч. Въ настоящее же время въ Филадельфіи насчитывается до 800 тысячъ ч. жителей. Въ день открытія выставки, народъ громадными толпами повалилъ къ зданію ея, сооруженному какъ извѣстно, въ Фермоунтъ-паркѣ, въ 6 верстахъ отъ города. Улицы, пестрѣвшія сотнею тысячъ флаговъ, большихъ и малыхъ, были буквально, запружены этими массами, какъ стихійная сила стремившимся къ зданію выставки. Вагоны конножелѣзныхъ дорогъ, всякаго рода экипажи (всѣ въ флагахъ, какъ и зданія) брались съ боя; кареты омнибусы, открытыя коляски, пѣшеходы, всадники—все это смѣшалось въ одинъ пестрый, хаотическій потокъ, неудержимо рвущійся по направленію къ Фермоунтъ-парку. Съ 7-ми часовъ утра, на 3-хъ желѣзныхъ дорогахъ, чрезъ каждыя 5 минутъ, подходили поѣзды изъ Нью-Іорка, Вашингтона, Питебёрга, Балтиморы и всѣхъ промежуточныхъ станцій, тяжело нагруженные любопытными, желавшими посмотрѣть на торжество открытія, а затѣмъ и на самую выставку. По словамъ правленій желѣзныхъ дорогъ, съ 9-го на 10-е мая подвезено къ Филадельфіи 125 тысячъ человѣкъ, съ 9-ти часовъ утра, чрезъ 54 турникета народъ не переставалъ прибывать въ ограду выставки. Въ настоящее время, конечно, движеніе на главныхъ улицахъ, ведущихъ къ выставкѣ, нѣсколько поуменшилось, но не смотря на это, оно, все-таки, весьма велико, о чемъ читатели могутъ составить себѣ понятіе изъ прилагаемаго нами рисунка, изображающаго уличное движеніе въ пунктахъ, находящихся вблизи выставки.

Предѣлы нашего бѣглаго очерка не позволяютъ, намъ, конечно, вдаваться въ подробное и обстоятельное описаніе всемірной выставки, тѣмъ болѣе потому, что мы уже не разъ имѣли случай представлять, нашимъ читателямъ многія о ней свѣдѣнія, («Нива» 1874 г. № 4, 1875 г. № 44, и 1876 г. № 4 и 23). Ограничимся здѣсь общимъ очеркомъ отдѣловъ выставки. Она состоитъ изъ «главнаго зданія» (Main Building) и отдѣльныхъ павильоновъ. Главное зданіе представляетъ прямоугольникъ въ 1880 фут. длины и 464 фута ширины, высота его внутри — 70 футовъ. По угламъ зданія устроены башни 75 футовой вышины. Въ серединѣ, крыша образуетъ родъ купола, изукрашеннаго декораціями, флагами и бордюрами. Въ «Main Building» помѣщено до 35-ти государствъ. Наиболѣе разнообразія представляетъ отдѣлъ Соединенныхъ Штатовъ (площадь 189,232 квадр. фут.)—вся производительность союза нашла себѣ здѣсь мѣсто. Книги, химическіе продукты, сало, жиръ, мыло, желѣзныя издѣлія, жесть, хлопчато-бумажныя, шерстяныя ткани, одежда, отъ шапокъ и до чулокъ включительно, затѣмъ—грозныя коллекціи пистолетовъ, ружей, скорострѣльныхъ пушекъ системы Гэтлинга, далѣе—приборы и части апаратовъ, относящихся до газоваго производства, за ними, снова смягчающія впечатлѣніе—шелкъ и ткани изъ него, пенька, ленъ, мѣха, ковры и т. д. Нѣтъ ничего изъ области промышленности, техники и мануфактуры, что не являлось бы здѣсь свидѣтельствовать о широкой производительности, о могучей дѣятельности американцевъ. За отдѣломъ союза, слѣдуетъ отдѣлъ Великобританіи

Библиотека "Руниверс"

и Ирландіи (площадь 51,776 фут.) Этотъ отдѣлъ чрезвычайно красиво убранъ и обставленъ. Много изящества придаютъ ему прекрасная мебель, группы бронзъ, разнообразной посуды, стекло и фарфоръ, множество эффектно драпированныхъ ковровъ и суконъ. Но зато въ отношеніи ювелирнаго дѣла, англичане, выставившіе тяжеловѣсныя украшенія изъ дорогихъ металловъ, аляповато и безвкусно усыпанныхъ каменьями—должны уступить своимъ сосѣдямъ, французамъ.

Само собою разумѣется, что мастера въ области изящнаго и здѣсь не измѣнили себѣ. Отдѣлъ ихъ сразу подкупаетъ посѣтителя роскошнымъ вкусомъ самыхъ произведеній, и искусствомъ расположить всѣ предметы. Посреди декорацій изъ неподражаемо прекрасныхъ гобеленовъ, необыкновенно красиво разставлены граціозныя издѣлія изъ бронзы, окруженныя мягкой рамкой разнообразнѣйшихъ «articles de Paris»—шелкъ, бархатъ, различныя матеріи поражаютъ калейдоскопомъ цвѣтовъ, оттѣнковъ, сочетаній. Мы уже не говоримъ о такихъ продуктахъ (весьма понравившихся американцамъ), какъ шампанское и другія вина. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ (27,705 фут.) внушительно возвышаются почтенные, серьезные шкапы съ книгами, и рядомъ, веселятъ глазъ зрителя фарфоровыя и фаянсовыя произведенія знаменитой королевской берлинской фабрики. Слабая сторона здѣсь—опять таки ювелирныя издѣлія.

Особое богатство австрійской выставки (27,070 фут.) составляютъ группы богемскихъ хрустальныхъ и стеклянныхъ издѣлій, музыкальныхъ инструментовъ, предметовъ роскоши, извѣстныхъ издѣлій изъ кожъ. Очень хороша живопись на стеклѣ. Еще далѣе идутъ Канада и колоніи Великобританіи, съ ихъ минералами, англо-индійскій отдѣлъ съ его хлопчатой бумагой, рисомъ, бамбукомъ и драгоцѣнностями; Ямайка, конечно, съ ромомъ; затѣмъ Швеція (17,755 фут.) образцы ея минеральныхъ богатствъ, предметы военнаго дѣла (вообще эта страна прислала немного), Норвегія, выставившая собраніе камней и серебряныхъ рудъ, различные сѣверные мѣха и т. д. Относительно нашего, русскаго отдѣла, мы можемъ сказать, что открывшійся только недавно, онъ произвелъ большое впечатлѣніе и сразу сталъ на одно изъ первыхъ мѣстъ. Наши малахитовыя, серебряныя и другія издѣлія вызвали восторгъ, которымъ еще до сихъ поръ полны столбцы мѣстныхъ газетъ. Затѣмъ турецкій отдѣлъ, итальянскій, украсившійся великими произведеніями своихъ великихъ мастеровъ, вокругъ которыхъ граціозными виньетками рисуются филигранныя, каралловыя издѣлія и прелестнымъ рельефомъ выходятъ съ темныхъ фоновъ своихъ изящныя мозаики Флоренціи. Японскій отдѣлъ единогласно признается однимъ изъ лучшихъ, завоевавъ себѣ эту репутацію превосходно, тонко отчеканенной бронзой, знаменитымъ своимъ фарфоромъ и лаковыми издѣліями, а также и вкусомъ установки, онъ превзошелъ даже своего собрата — китайскій, не смотря на его замѣчательныя, по отчетливости, произведенія изъ кости, на шелковыя матеріи, — онъ превзошелъ его тѣмъ, что не дается до сихъ поръ неподвижной громадѣ—прогрессомъ, и эта, раздѣляющая обѣ страны, черта рѣзко обозначилась на выставкѣ.

Насъ ожидаетъ еще рядъ отдѣловъ—египетскій, на фронтонѣ котораго читается остроумная надпись: «самая древняя нація привѣтствуетъ самую юную»; бельгійскій, весь, какъ красавица, одѣтый въ кружево, голландскій, бразильскій и другіе, но лучше отдохнемъ въ томъ отдѣлѣ выставки, въ которомъ мы всего болѣе приближаемся къ природѣ. Чѣмъ то освѣжающимъ обдаетъ насъ, когда, послѣ безконечнаго ряда галлерей, набитыхъ сверху до низу произведеніями рукъ человѣческихъ, вы очутитесь среди царства цвѣтовъ и растеній, разнообразнѣйшія формы которыхъ изумрудною зеленью выступаютъ со всѣхъ сторонъ, подъ яркимъ свѣтомъ солнечныхъ лучей, обливающихъ ихъ сквозь стеклянную крышу павильона. Здѣсь вы находитесь буквально въ саду всей Америки—все, что только ея природа, въ разныхъ широтахъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, даетъ—все собрано здѣсь въ богатый, прекрасный букетъ, поражающій васъ роскошью и оригинальностью. Долго остаешься здѣсь, долго любуешься то на причудливые побѣги, то на ліаны, то на граціозно возвышающіяся изъ среды ихъ пальмы, всевозможныхъ родовъ и видовъ... Отдыхаешь здѣсь и, подъ журчаніе фантановъ, забываешь о выставкѣ, будучи въ центрѣ самой выставки и отдаешься впечатлѣніямъ окружающей природы. Такова ея сила. Даже въ искусственной обстановкѣ она умѣетъ исключительно овладѣть человѣкомъ!

Къ картѣ театра славяно-турецкой войны.

Нашъ журналъ (какъ читатели, вѣроятно, уже замѣтили) въ послѣднее время, въ виду возгорѣвшейся борьбы славянъ съ мусульманами на востокѣ, стремится дать по возможности полныя и интересныя свѣдѣнія о востокѣ вообще, о южныхъ славянскихъ земляхъ, ихъ бытѣ, характерѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и, наконецъ, ихъ военныхъ силахъ, государственномъ и общественномъ устройствѣ.

Объ этомъ предметѣ въ «Нивѣ» было уже помѣщено много статей, которыя, по обыкновенію, сопровождались иллюстраціями, а гдѣ нужно,—и картами.

Такъ въ № 27 была помѣщена «этнографическая карта европейской Турціи», а въ настоящемъ нумерѣ помѣщается—«карта театра славяно-турецкой войны».

Помѣщеніемъ ея на страницахъ «Нивы» мы имѣемъ въ виду дать возможность нашимъ многочисленнымъ подписчикамъ слѣдить за событіями этой войны *по картѣ*, что, безъ сомнѣнія, гораздо цѣлесообразнѣе и интереснѣе, такъ какъ читатель можетъ разомъ видѣть всѣ пункты и ихъ географическое, относительно другъ друга, положеніе.

Имѣя передъ собою подобную карту, можно безъ посторонней помощи судить, въ какомъ направленіи двигаются войска и оцѣнять стратегическое значеніе и достоинство маневровъ воюющихъ.

Необходимо замѣтить только, что правописанію названій нѣкоторыхъ городовъ сообразно произношенія, иногда нѣсколько измѣняется, напр. *Алексинацъ* названъ на нѣкоторыхъ картахъ *Алексиначемъ*, Піашъ—Паешъ и т. п. Точно также не надобно ставить въ вину, если нѣкоторыхъ пунктовъ, на картѣ не окажется, ибо *нѣтъ никакой возможности* занести на карту *всѣ*, даже самыя незначительныя деревни и мѣстечки, а при нихъ иногда происходятъ серьезныя битвы.

Политическое обозрѣніе.

На ряду съ развитіемъ военныхъ дѣйствій и, можно сказать, параллельно имъ, происходитъ дѣятельный обмѣнъ сношеній между державами. Вслѣдъ за недавнимъ свиданіемъ Государя Императора съ австрійскимъ императоромъ въ Рейхштадтѣ, въ настоящій моментъ событія на Балканскомъ полуостровѣ и возможныя послѣдствія ихъ обсуждаются императорами Францемъ-Іосифомъ и Вильгельмомъ. По всей вѣроятности второе соглашеніе будетъ тожественно съ первымъ, которымъ, по слухамъ, установлены какъ невмѣшательство въ непріязненныя дѣйствія, такъ и общее соглашеніе всѣхъ «христіанскихъ державъ Европы» (т. е. иными словами—безъ участія Порты), на тотъ случай, если въ войнѣ наступитъ затишье, или же, на оборотъ—если она приведетъ къ рѣшительному результату.

Съ понятнымъ волненіемъ произносимъ мы это слово, слово, которое холодно и равнодушно звучитъ въ устахъ агентовъ западной дипломатіи, безучастно, если не непріязненно относящейся къ мужественному народу, поднявшему мечь на угнетателей, безучастно взирающей на льющуюся рѣкой геройскую кровь!

Не страхъ за исходъ борьбы—борьбы неравной—говоритъ въ насъ, а то чувство, съ какимъ братъ слѣдитъ за братомъ на поляхъ кровавыхъ битвъ...

Послѣ временнаго какъ бы затишья, снова произошло нѣсколько, именно, «кровавыхъ» сраженій, изъ нихъ самымъ важнымъ было дѣло подъ Великимъ Изворомъ, 7-го іюля. Считаемъ начала кампаніи силятся овладѣть сербскимъ городомъ Зайчаромъ, открывающимъ путь въ глубь княжества. Этотъ городъ расположенъ неподалеку отъ границы, отъ которой его отдѣляетъ мѣстечко Великій Изворъ (теперь сожженный). Оттоманскія войска, дѣйствующія здѣсь подъ начальствомъ Османа-Паши, опираются на сильную турецкую крѣпость Виддинъ, на Дунаѣ, служащую имъ операціоннымъ базисомъ. Цѣлый рядъ приступовъ Османа-Паши на Зайчаръ не имѣлъ успѣха, и онъ расположился въ Великомъ-Изворѣ. Цѣль сербовъ, естественно, заключается въ томъ, чтобы вытѣснивъ турокъ изъ этого мѣста, перейдти границу, уничтоживъ дѣйствующій противъ нихъ корпусъ, овладѣть Виддиномъ, что могло бы предрѣшить участь всей войны. Въ этихъ видахъ, 7-го іюля сербскія войска (въ числѣ 10 тысячъ противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля), тремя колоннами, двинулись на турокъ. Лѣвымъ флангомъ командовалъ Лѣшанинъ, центръ велъ Черняевъ (пришедшій съ юга, изъ-подъ Ниша, на помощь тимокской арміи Лѣшанина), правый флангъ дѣйствовалъ подъ начальствомъ маіора нашей службы Кирѣева. Но это первое значительное наступленіе сербской арміи не имѣло желаемаго успѣха. Аттака Лѣшанина была неудачна; Кирѣевъ съ своею колонной прорвалъ уже нѣсколько турецкихъ линій, но, смертельно раненый пулею въ грудь, палъ геройскою смертью во главѣ своихъ солдатъ; отрядъ его смѣшался; и въ этотъ же самый моментъ въ оттоманскимъ вой-

Библиотека "Руниверс"

нить, а затѣмъ послѣдовало правильное отступленіе по всей линіи предъ еще болѣе усилившимся непріятелемъ. Всѣ прежнія позиціи вполнѣ сохранены. Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что это есть не болѣе какъ неудавшееся «нападеніе», и въ этомъ своемъ значеніи есть фазисъ наступательнаго движенія сербской арміи на турецкую.

Борьба становится съ каждымъ днемъ серьезнѣе. Деньги, офицеры и различныя другія вспомогательныя средства, предоставленныя Портѣ кабинетомъ Дизраэли, дали туркамъ возможность развить значительныя силы. Съ другой стороны имъ оказывается недвусмысленная помощь—тайными недоброжелателями Россіи, и явными врагами славянъ. Западныя державы холодно смотрятъ на отчаянную борьбу славянъ, съ холоднымъ разсчетомъ ожидаютъ побѣды оттомановъ, желая, чтобы и теперь, какъ нѣкогда, дѣло окончилось новымъ «Коссовымъ полемъ». На кого же можетъ надѣяться оставленная всѣми Сербія, выступившая безъ колебаній на защиту человѣческихъ правъ славянъ, поставившая все на карту, ради историческаго ихъ будущаго.

Къ кому же она, со всѣхъ сторонъ окруженная врагами, жаждущими гибели ея, къ кому же она можетъ теперь обратить свой взоръ, полный упованія, полный неколебимыхъ надеждъ?...

Въ этотъ грозный, торжественный часъ, сочувствіе русскихъ людей вѣроятно не обманетъ ея ожиданій... *).

Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ.

Извѣстно, что Митхаду-пашѣ, президенту турецкаго государственнаго совѣта, принадлежала инициатива знаменитой манифестаціи софтъ, которая была первымъ актомъ послѣдовавшей затѣмъ драмы.

Митхадъ-паша вошелъ потомъ въ соглашеніе съ Мегеметъ-Руши-пашой, новымъ великимъ визиремъ, уважаемымъ Абдулъ-Азисомъ, военнымъ министромъ, Гуссейномъ-Авни-пашой, и министромъ иностранныхъ дѣлъ, Рашидъ-пашой, а также Мурадомъ-эффенди, старшимъ сыномъ Абдулъ-Азиса, и подготовилъ переворотъ, окончившійся сверженіемъ съ престола и таинственною смертью Абдулъ-Азиса.

Это событіе, еще не изгладившееся изъ памяти и надѣлавшее шуму во всемъ мірѣ, намъ кажется очень темнымъ и загадочнымъ. Точно также было бы невозможно забыть скоро и ту безобразную рѣзню, которая произошла въ домѣ Митхада-паши въ ночь 15 іюня. Девять министровъ были заняты совѣщаніями, когда одинъ черкесъ, по имени Хассанъ-бей, прежній адъютантъ Юсуфа-изеддина, сына покойнаго султана, и братъ третьей жены Абдулъ-Азиса, внезапно появился въ залѣ совѣта и кинулся рѣзать и убивать направо и налѣво.

Гуссейнъ-Авни-паша былъ убитъ изъ револьвера и пронзенъ кинжаломъ, затѣмъ злодѣй всадилъ пулю въ лобъ министра иностранныхъ дѣлъ и тяжко ранилъ морского министра.

Разъяренный Хассанъ, защищаясь противъ старавшихся схватить его, убилъ одного адъютанта, одного жандарма (*zaptie*), слугу и ранилъ нѣсколько другихъ лицъ, находившихся тутъ же.

Во время этой кровавой сцены, длившейся три четверти часа, черкесъ нѣсколько разъ пытался поджечь домъ, но это ему не удалось, такъ какъ домъ былъ каменный.

Хассанъ, самъ покрытый ранами, былъ препровожденъ въ сераскіератъ (военное министерство), гдѣ его тотчасъ же судили.

На другой день утромъ онъ былъ повѣшенъ на большой площади сераскіерата.

Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ.
Грав. Боярскій.

Казнь была чрезвычайно быстра, потому что Хассанъ получилъ опасную рану во время рѣзни.

Нѣкоторые журналы утверждаютъ даже, что Хассанъ былъ уже не болѣе, какъ трупъ, когда его поднимали на импровизированную висѣлицу—тутовое дерево.

Что было причиною этого посягательства на жизнь министровъ? Говорили, что личная месть къ военному министру, приказавшему Хассану воротиться изъ Константинополя къ арміи, въ Багдадъ. Но не слѣдуетъ забывать и того замѣчательнаго факта, что Митхадъ-паша, находившійся тутъ же и бывшій политическимъ противникомъ обоихъ убитыхъ министровъ, вышелъ изъ этой передряги цѣлъ и невредимъ.

Эта темная исторія не должна, впрочемъ, казаться намъ очень удивительною, такъ, какъ Турція уже не разъ видѣла подобныя быстрыя и ничѣмъ не объясняемыя перемѣны правительствъ и министровъ. Турецкая политика не очень стѣсняется въ этихъ случаяхъ, и потому мы можемъ ожидать въ это смутное время *всякихъ*, даже болѣе, чѣмъ этотъ удивительныхъ и темныхъ, случаевъ.

Шумное восшествіе Мурада V на престолъ падишаховъ, и затѣмъ вдругъ такая неожиданная скудость какихъ бы то ни было извѣстій о немъ, наводятъ, конечно, на множество размышленій и представляютъ обширное поле для всевозможныхъ догадокъ. Говорятъ, что Мурадъ V хотѣлъ было даже отказываться отъ престола, видя невозможность устроить Турцію, разстроенную его предшественниками... Можетъ быть... Повторяемъ, что въ настоящее смутное время въ Турціи, *можно ждать всего*.

*) Со всѣхъ сторонъ стекаются въ славянскій комитетъ пожертвованія въ видѣ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ взносовъ. Каждая пожертвованная копѣйка является драгоцѣнной лептой—копѣйки превращаются въ рубли!...

СОДЕРЖАНІЕ: **Наслѣдный итальянскій принцъ Гумбертъ и супруга его, принцесса Маргарита** (съ 2-мя портретами).—**Встревоженный городъ.** (Картины губернской жизни). **Д. Стахѣева.—Петергофъ, его паркъ и фонтаны** (съ 3-мя рисунками) **А. Васильевича.** — **Всемірная выставка въ Филадельфіи** (съ 2-мя рисунками) — **Къ картѣ театра славяно-турецкой войны** (съ картою).—Политическое обозрѣніе.— **Черкесъ Хассанъ-Бей, убійца турецкихъ министровъ** (съ портретомъ)—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА
Екатерина Константинова, живущая въ **Москвѣ**, подлѣ Смоленской аптеки, въ Смирновскомъ переулкѣ, въ д. Лабазова. Имѣетъ отдѣльную комнату для роженицъ, которыя могутъ являться безъ вида на жительство, и принимаетъ дѣтей на воспитаніе. № 43.

Продается **рекрутская зачетная квитанція**, Стрѣльна, близъ вокзала, дача Шенберга, кв. № 4. № 46.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,
помѣщенныя въ журналѣ «**Нива**», могутъ найдти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородными подписчиками.
«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку нонпарейли (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 „Нивы". 6—5

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—3
КАРЛЪ БАУКЪ,
по Большой Морской домъ Росмана № 9,
приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

Послѣднее сочиненіе покойной **Жоржъ-Зандъ**, «Замокъ Персмонъ», цѣна 75 коп., недавно вышло изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ Московской, Нижегородской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ и въ складѣ на Невскомъ просп., д. № 49, близъ Владимірской улицы. 3—2

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Мейгдена. 50—46

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 15 Іюля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Типо-Литографія Маркса, Алекс. пр., № 10.

Библиотека Конгресса

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 30 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 26 Іюля 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Генералъ-Адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, русскій посолъ въ Константинополѣ.

Русскій посолъ при Константинопольскомъ Дворѣ, генералъ - адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, не смотря на свою молодость, давно уже доставилъ своему имени почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественной дипломатіи. Сынъ заслуженнаго ветерана прошлаго царствованія, еще въ 60-хъ годахъ занимавшаго мѣсто петербургскаго генералъ-губернатора, Николай Павловичъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда и вышелъ въ гвардію. Служебная карьера его шла необыкновенно быстро, и онъ надѣлъ генеральскіе эполеты почти въ юношескомъ возрастѣ. Почти съ первыхъ же шаговъ на поприщѣ своей дипломатической дѣятельности онъ сразу выказалъ свои дарованія. Предѣлы настоящей замѣтки не даютъ намъ возможности приводить здѣсь весь перечень важныхъ заслугъ нашего посла при Оттоманской Портѣ, заслугъ, пользующихся всеобщей извѣстностью — кто, напримѣръ, не знаетъ объ его участіи въ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, участіи, выразившемся въ заключеніи торговаго трактата между Россіей и Китаемъ, весьма выгоднаго для насъ, въ устраненіи многихъ стѣснительныхъ условій, бывшихъ до того времени въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, и въ разрѣшеніи свободнаго проѣзда нашихъ торговыхъ каравановъ нетолько въ Монголію, но и въ центральные города Китая, гдѣ въ настоящее время существуетъ уже не мало русскихъ торговыхъ домовъ, какъ - то: въ Тянь - Дзинѣ, Ханькоу и Шанхаѣ. Послѣ своего перваго дипломатическаго порученія — посольства къ китайскому двору— Николай Павловичъ былъ назначенъ директоромъ Азіатскаго Департамента въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ уже былъ сдѣланъ посланникомъ при Константино-

Русскій посолъ при константинопольскомъ дворѣ, Генералъ-Адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

Библиотека "Руниверс"

польскомъ дворѣ и вскорѣ получилъ высшій въ дипломатической іерархіи титулъ посла. Собственно, своею репутаціей, замѣчательнаго дипломата, репутаціей достойнаго представителя Россіи—генералъ Игнатьевъ болѣе всего обязанъ именно дѣятельности своей въ Константинополѣ. Постъ русскаго посла здѣсь представляетъ—кому это можетъ не быть извѣстно—неимовѣрныя трудности.

Особый, вслѣдствіе историческихъ, географическихъ и этнографическихъ причинъ и условій, характеръ взаимныхъ отношеній Россіи и Турціи, симпатіи къ нашему отечеству милліоновъ турецкихъ славянъ, зоркое вниманіе, съ которымъ вся Европа постоянно неусыпно слѣдитъ за каждымъ шагомъ нашимъ тамъ—все это отражается на положеніи русскаго посланника въ Стамбулѣ. Генералъ Игнатьевъ оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него надежды, и блестящимъ образомъ выполнилъ задачу. Дѣйствительно, въ Константинополѣ, гдѣ на Россію привыкли взирать какъ на традиціоннаго врага, глубоконепріязненное чувство къ которому питается и поддерживается, какъ воспоминаніями о тѣхъ страшныхъ пораженіяхъ, въ которыя обходилось Портѣ вѣковое съ нами сосѣдство, такъ и, главнымъ образомъ, признакомъ историческаго стремленія русскаго народа,—въ этомъ городѣ, въ этомъ центрѣ фанатической ненависти ко всему русскому, генералъ Игнатьевъ съумѣлъ, не взирая на всѣ соперничества, всѣ интриги его «товарищей» по дипломатическому корпусу, не только занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди представителей другихъ державъ по отношенію къ Портѣ, но, гораздо болѣе того—скоро съумѣлъ пріобрѣсть самъ преобладающее вліяніе, сокративъ вѣсъ нашихъ соперниковъ почти до ничтожества. Вмѣстѣ съ тѣмъ посолъ нашъ, насколько то возможно при слабости центральной власти въ Турціи, всегда являлся надежнымъ и энергическимъ защитникомъ правъ и высшихъ интересовъ нашихъ балканскихъ единовѣрцевъ: ему Болгарская церковь, и только ему, обязана улучшеніемъ своего положенія, своимъ освобожденіемъ изъ-подъ тягостной ферулы и гнета грековъ; критяне тоже не мало обязаны ему... Высоко поставивъ значеніе Россіи въ исконн враждебной намъ Турціи, генералъ Игнатьевъ сохранилъ и поддержалъ во всей ея силѣ и свѣжести исконную привязанность славянъ къ ихъ общей матери-покровительницѣ, нашей отчизнѣ.

Изъ сообщаемыхъ газетами свѣдѣній видно, что генералъ-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ въ скоромъ времени выѣзжаетъ изъ Константинополя въ Петербургъ, будучи уволенъ въ Высочайше разрѣшенный ему 28 дневный отпускъ.

При настоящемъ чрезвычайно запутанномъ положеніи восточныхъ дѣлъ, можно по поводу отъѣзда нашего посла изъ Константинополя высказать не мало предположеній одно другаго вѣроятнѣе, но все это будутъ только одни предположенія, о которыхъ до времени ихъ осуществленія, мы полагаемъ, нечего и разсуждать. Можно навѣрное сказать только то, что имѣетъ ли пріѣздъ нашего посла въ Петербургъ политическое значеніе, или ограничивается лишь его частными дѣлами—въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что пріѣздъ этотъ все-таки послужитъ къ разъясненію многихъ подробностей по вопросу о восточныхъ дѣлахъ, такъ какъ личное разъясненіе всегда имѣло и будетъ имѣть значительное преимущество предъ разъясненіями письменными, какъ бы онѣ ни были ясно и подробно излагаемы.

Восточные отголоски.

I.

Я убѣжала—схватить не успѣли,
Скрылась въ лѣсу отъ двуногихъ волковъ...
Врядъ-ли родные мои уцѣлѣли...
Страшно увидѣть родительскій кровъ!..

Нѣтъ, не стерпѣла, пошла я,
Лучше бы мнѣ не ходить!...
Въ мірѣ осталась одна я...
Гдѣ-же, о, Мать Пресвятая,
Голову мнѣ преклонить?!...

II.

Среди уснувшихъ вѣчнымъ сномъ
На смрадномъ полѣ битвы,
Бродя, искала я *его* —
Но тщетны всѣ молитвы!

И не узнать, гдѣ *онъ* лежитъ...
Смирись передъ судьбою!
Зачѣмъ искать?.. ни одного
Нѣтъ трупа съ головою...

III.

Вся дымится деревенька,
Вѣтеръ пламя раздуваетъ,
А потомъ, какъ все погибнетъ—
Онъ-же пепелъ разметаетъ.

Часъ тому назадъ черкесы
Здѣсь смиряли безоружныхъ—
Женщинъ, дѣвушекъ, младенцевъ,
Старцевъ дряхлыхъ и недужныхъ.

У пожарища не видно
Ни души: кругомъ все тихо,
Не слыхать стенанья даже,
Лишь огонь гуляетъ лихо.

Гдѣ-жь болгары—погорѣльцы?
Гдѣ они? Куда бѣжали?..
Въ завываньи вѣтра слышны
Слезы скорби и печали...

IV.

«Черкесы! Спасайся кто можетъ!
Бѣги! Все бросай, уходи!»...
Но—поздно! Нагрянула шайка,
Телѣга гремитъ впереди:

Обрызганы кровью колеса...
Вотъ, сброшенъ съ телѣги покровъ,
Въ телѣгѣ той женскихъ и дѣтскихъ
Отрѣзанныхъ куча головъ.

V.

Съ гикомъ и крикомъ разсыпалась шайка:
Остановилась телѣга; нагайка
Въ воздухѣ рѣзко свиститъ...
(Гяуровъ спины привычны къ ударамъ!)

Блѣднымъ, какъ смерть, и безмолвнымъ болгарамъ
Съ страшной телѣги джигитъ
Голосомъ зычнымъ кричитъ:
—«Гей, вы, проклятые псы, подходите!

Справа и слѣва всѣ въ рядъ!
Вотъ какъ карастъ мятежныхъ,—глядите—
Нашъ повелитель Мурадъ!»...

VI.

Надъ Стамбуломъ ходятъ тучи.
Ночь. Все стихло... Видъ унылый...
На рукахъ турчанки мальчикъ
Раскричался.—«Спи, мой милый!
Завтра куклу непремѣнно

Подарю тебѣ».—«Большую?
Ахъ, скажи, живую, мама?»
—«Да, болгарку молодую.
Дамъ въ придачу кнутикъ тоже,

Кнутикъ шелковый, изрядный,
Чтобъ была послушна кукла...
Спи-же, спи, мой ненаглядный!»

VII.

Сладко спитъ Мехметъ-Али,
Носъ посвистываетъ шибко,
И играетъ на губахъ
У него порой улыбка...

«Ненавистнаго креста
Нѣтъ нигдѣ! Мечу пророка
Все покорно... Такова
Мощь священнаго востока!

Мы владыки подъ луной,
Мы! И дѣвы всей вселенной
Только намъ принадлежатъ,
Намъ, по праву—неизмѣнно!

Ну, а если гдѣ нибудь
Вспыхнетъ дерзкое возстанье—
Кровью мы его зальемъ
Всѣмъ подвластнымъ въ назиданье.

Щ.

Библиотека "Руниверс"

Встревоженный городъ.

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

III.

Опустѣвшее въ первомъ ряду кресло было замѣчено публикою, и самая личность пріѣзжаго, на котораго все таки, несмотря на интересъ піесы, было ею обращено достаточное вниманіе, получила вслѣдствіе этого еще большій интересъ. Первые, конечно, задумались сосѣди по мѣсту и перебросились одинъ съ другимъ нѣсколькими вопросами, не знаете-ли, молъ, кто это такой представительный человѣкъ, откуда и зачѣмъ пріѣхалъ, и, главное, отчего это онъ такъ вдругъ неожиданно исчезъ изъ театра. Потомъ кто-то изъ третьяго ряда, заинтересованный тѣмъ же вопросомъ, приподнялся съ мѣста и потянулся всѣмъ корпусомъ чрезъ кресло второго ряда, беззастѣнчиво наваливаясь при этомъ кому-то на плечи и тыкая пальцемъ въ спину пріятеля, сидѣвшаго въ первомъ ряду. Почувствовавшій на своихъ плечахъ неожиданный грузъ сначала было отшатнулся въ бокъ, обиженный, что ему такъ безцеремонно взъерошилъ кто-то своими локтями прическу, но потомъ, разглядѣвъ, что этотъ „кто-то“ свой человѣкъ, преспокойно выждалъ конца его переговоровъ съ сидѣвшимъ въ первомъ ряду, тоже видимо своимъ человѣкомъ, котораго тыкать въ спину пальцемъ ничуть невозбраняется. Переговоры ни къ чему не привели, и личность человѣка, неожиданно оставившаго театръ, получала все большій интересъ и, такъ сказать, росла въ глазахъ публики, оставаясь въ тоже время совершенно неопредѣленной.

Этотъ интересъ, разумѣется, увеличивался отъ того, что къ неразрѣшенному вопросу все больше и больше присоединялось спрашивавшихъ, такъ что въ буфетѣ во время антракта объ этомъ только и разговоръ былъ. Другой, совсѣмъ даже и не замѣтившій ни входа, ни выхода неизвѣстнаго лица, видя что другіе чѣмъ-то интересуются, о чемъ-то другъ друга спрашиваютъ, и даже спорятъ, сводя, какъ водится, споръ на личныя качества каждаго въ дѣлѣ сужденія о чемъ бы то ни было, тоже присоединялся и вставлялъ свою фразу: „ахъ, да, канальство, интересно бы узнать, что это за личность“. Одинъ заявлялъ, что видѣлъ его вчера, какъ онъ шолъ мимо гимназіи и долго что-то стоялъ на углу улицы, всматриваясь во что-то; другіе перебивали разсказъ ироническимъ замѣчаніемъ: „Эва! Вчера!.. Мы еще третьяго дня его видѣли“. Приэтомъ они объясняли, въ чемъ онъ былъ одѣтъ и какъ важно держалъ себя. Но когда имъ задавали вопросъ: „Ну, такъ что же изъ этого?“ они повторяли обидѣвшись: „что же изъ этого“ и заключали, что они, разумѣется, ничего пока рѣшительнаго сказать не могутъ, но тѣмъ не менѣе кое о чемъ догадываются. Получившіе такой отвѣтъ въ свою очередь передразнивали ихъ, и изъ всего этого рождались только новыя поводы къ спорамъ и враждѣ.

— Да что же мы, господа, путаемся въ этомъ вопросѣ, догадался наконецъ кто-то,—самое лучшее обратиться къ полиціймейстеру, онъ навѣрное знаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кому же и знать больше! Ну, конечно, Семенъ Егоровичъ знаетъ.

— Семенъ Егоровичъ все знаетъ.

— Разумѣется, надо Семена Егоровича спросить, еще бы онъ-то не зналъ!

Только что показался въ буфетѣ Семенъ Егоровичъ, намѣревавшійся наскоро пропустить какую-нибудь рюмку полынной или тминной, какъ на него со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы и совершенно для него неожиданные, какъ иногда вдругъ вмѣсто дождя ударитъ изъ тучи градъ и начнетъ барабанить по стекламъ и крышамъ.

— Семенъ Егоровичъ, кто это давеча, послѣ перваго акта, во фракѣ исчезъ изъ театра.

— Семенъ Егоровичъ! кто это такой важный...

Семенъ Егоровичъ сначала было отмахнулся рукой, пережовывая на скоро бутербродъ, и хотѣлъ этимъ отдѣлаться отъ вопроса; но надоѣдливые пріятели непереставали его осаждать. Онъ избралъ другую тактику, а именно, притворился, что не понимаетъ, о комъ спрашиваютъ, и самъ сталъ задавать на вопросы встрѣчные вопросы: кто? гдѣ? когда? потомъ заключилъ весь разговоръ тѣмъ, что послалъ пріятелей къ чорту и уходя сказалъ: „ничего въ толкъ не возьму, ну васъ!.. Такъ пріятели съ носомъ и остались.

Они, собственно, ничего отъ этого не теряли, даже, напротивъ, выигрывали, такъ какъ предметъ, возбудившій ихъ интересъ, не утрачивалъ значенія и своею неизвѣстностію оживлялъ скуку и однообразіе провинціальной жизни. Они и заинтересовались-то пріѣзжимъ именно по той простой причинѣ, въ силу которой и прежде, и теперь и долго-долго впослѣдствіи будутъ еще интересоваться въ провинціи каждымъ новымъ лицомъ, какъ вносящимъ въ нее своимъ появленіемъ нѣкоторые признаки чего-то новаго, чего-то другаго, хотя даже своею наружностію, своимъ костюмомъ, наконецъ, хотя самымъ фактомъ своего появленія. А тутъ, въ настоящемъ случаѣ, какъ же было не заинтересоваться,—человѣкъ живетъ нѣсколько дней въ городѣ, ни съ кѣмъ не знакомится, держитъ себя съ необычайной важностью и даже изъ театра послѣ перваго акта ушелъ,—да послѣ этого чѣмъ же еще-то интересоваться русскому человѣку!

И здѣсь опять-таки существуютъ большія подраздѣленія.

Въ то время, когда для возбужденія интереса въ жителяхъ губернскаго города достаточно появленія въ театрѣ новаго лица въ модномъ фракѣ и „съ важными манерами“, для столицы въ этомъ случаѣ требуется что-нибудь болѣе крупное, или украшеніе на фракѣ въ видѣ звѣздъ, но непремѣнно во множественномъ числѣ (одной не удивишь) или же халатъ какой-нибудь персидскій или бухарскій, и говоря словами Москвы „что нибудь почуднѣе“. Если губернскій житель весь поглощается интересомъ по случаю драки въ клубѣ, то для интереса столичнаго жителя нужно, чтобы эта драка произошла между крупными особами, ибо онъ къ обыкновеннымъ дракамъ давно присмотрѣлся и по части интереса не ставитъ ихъ въ грошъ. Если губернскимъ жителямъ доставляетъ матеріалъ для разговоровъ какой-нибудь вензель, горѣвшій по случаю торжественнаго дня у губернаторскаго дома, то для жителей уѣзднаго города достаточно въ этомъ случаѣ плошекъ, которыя они созерцаютъ, разгуливая въ такія дни, въ великомъ множествѣ, по улицамъ и понюхивая запахъ горящаго сала. Столичный житель въ этомъ случаѣ, разумѣется, самымъ злѣйшимъ образомъ надсмѣется „надъ провинціалами“ и надмѣнно заявитъ, что всѣ они отсталые люди и интересуются чортъ знаетъ чѣмъ; а между тѣмъ, самъ онъ, можетъ быть только нѣсколько дней тому назадъ зазѣвался, какъ, поскользнувшись, упала на Невскомъ лошадь, или какъ разнощикъ, проходя по мосту, уронилъ нечаянно съ лотка въ воду апельсинъ, и со всѣмъ забылъ, что его въ числѣ другихъ зазѣвавшихся и загородившихъ проѣздъ по улицѣ, городовой „убѣдительнѣйше просилъ“ идти своей дорогой.

Библиотека "Руниверс"

Предводители и герои славянскаго востанія.

Мелентій Перовичъ.

Болгарскій герой Степанъ Караджа.

Стоянъ Ковачевичъ.

Петръ (Пеція) Петровичъ.

Милованъ Бошковичъ.

Илъо Марковъ, одинъ изъ вождей болгарскаго востанія.

Другое дѣло-отношенія полиціймейстера къ пріѣзжему. Въ этомъ случаѣ обстоятельства, заставившія его заинтересоваться и даже немного трухнуть, были весьма сложныя: пріѣздъ новаго лица въ городъ и лица, которое такъ странно себя съ перваго разу зарекомендовало, совпадалъ съ сенатскими ревизіями въ другихъ губерніяхъ, — словомъ, тутъ являлся серьезный вопросъ, а не простой интересъ скучающихъ людей, которые дорвались до случая почесать языки.

Потомъ въ буфетѣ порѣдѣло Публика, эта, по словамъ Гейне, дѣвчонка вострушка, у которой только и заботъ объ обновкахъ, отхлынула смотрѣть піесу и, можетъ быть даже тотчасъ же и забыла о томъ, изъ-за чего, за минуту передъ тѣмъ, готова была вести борьбу на жизнь и на смерть. Осталось въ буфетѣ человѣкъ пять, шесть, находившихъ сосѣдство бутылочной батареи болѣе пріятнымъ, чѣмъ „скучная катавасія“, какою они именовали піесу.

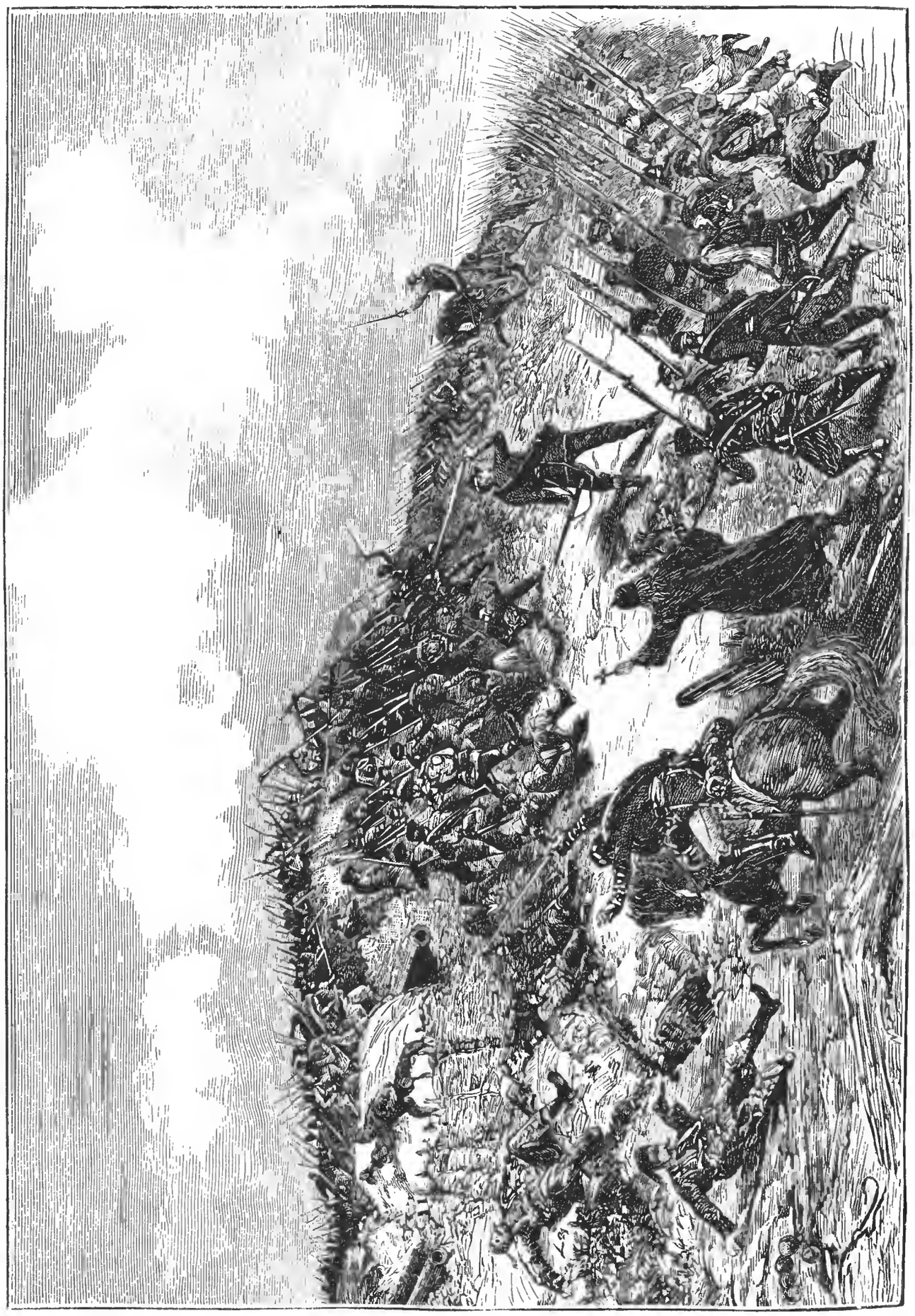
— Кому это, господа, вы тутъ перемываете бока? спросилъ кто-то вновь вошедшій, видимо человѣкъ просвѣщенный, давно уразумѣвшій, что если собрались гдѣ три четыре человѣка, то непремѣнно кого нибудь разбираютъ по косточкамъ, опредѣляя преимущественно степень его глупости.

— „Да вотъ, не замѣтили-ли вы въ первомъ ряду...“ и т. д.

— А! протянулъ вошедшій, и небрежно закинувъ ногу на ногу, тутъ-же въ буфетѣ закурилъ папиросу.

Буфетчикъ съ заискивающей улыбкой замѣтилъ, что „здѣсь нельзя“, но получилъ въ отвѣтъ: „ну, вотъ еще новости!“, потомъ при слѣдующемъ замѣчаніи, онъ былъ совершенно разбитъ убѣдительнѣйшимъ доводомъ, что „его —ство въ буфетъ больше не придетъ“, и сталъ просить уйдти „по крайней мѣрѣ“ въ сосѣднюю комнату. Всѣ собесѣдники перешли туда и всѣ закурили папиросы, заливаясь при этомъ самымъ невиннѣйшимъ дѣтскимъ смѣхомъ. Имъ было именно такъ дѣтски прі-

Библиотека "Руниверс"



Взятіе укрѣпленія при „Бабиной Главѣ“ подъ предводительствомъ генерала М. Г. Черняева. Съ эскиза М. И., рѣзалъ Перегорскій.

Библиотека "Руниверс"

ятно, такъ весело и отъ души смѣялось, что они не могли отъ смѣха выговорить слова и только взглядывали одинъ на другого, любуясь, какъ они свободно покуриваютъ въ запрещенномъ мѣстѣ.

Выйдя изъ театра и проводивъ глазами экипажъ сановника, полиціймейстеръ проворно вскочилъ въ свои сани, и пара караковыхъ помчала его съ необычайной быстротой по пустыннымъ улицамъ города. Лошадки были маленькія, но статныя и бойкія, коренникъ такъ быстро перебиралъ ногами, а пристяжка такъ ловко выгибала шею и рвалась впередъ, что ничего не оставалось желать въ этомъ случаѣ болѣе лучшаго, развѣ только по части кучерскаго голоса чувствовались нѣкоторые недостатки. Но въ этомъ случаѣ исправить ихъ не представлялось возможности, по неимѣнію въ полицейской командѣ другого болѣе голосистаго солдата, а нанимать кучера на свой счетъ было, конечно, безразсудно. Оставалось покориться обстоятельствамъ и ждать, авось „Богъ милостивъ" потомъ какъ нибудь выищется подходящій человѣкъ.

Изъ театра полиціймейстеръ еще куда-то заѣхалъ, гдѣ то по дорогѣ остановился около будки городового, только что было приготовившагося „соснуть маненько" въ своей каморкѣ, и крикнулъ, вызывая его. Заслыша знакомый грозный голосъ, городовой вскочилъ, какъ оглушонный громомъ, выбѣжалъ на улицу, остановился предъ санями полиціймейстера, вытянувъ руки по швамъ, и старался, не мигая, смотрѣть прямо въ глаза начальнику, какъ человѣкъ, имѣющій совершенно чистую совѣсть. Прослушавъ обычныя слова: „я васъ, канальи... и т. д." и проводивъ глазами быстро умчавшіяся сани, городовой лѣниво почесалъ у себя въ затылкѣ и ушолъ опять, въ свою конуру, гдѣ такъ пріятно попахивало махоркой и кислыми щами, запахи, которыхъ никакія реформы и даже сама всемогущая рука времени не въ силахъ изгнать изъ русскаго царства.

Возвратившись, наконецъ, домой, полиціймейстеръ поспѣшно сбросилъ съ себя всю, какъ онъ назвалъ, „аммуницію" и облачившись въ старенькое военное пальто, сѣлъ за ужинъ. Подъ его искуснымъ ножомъ ловко повертывались на тарелкѣ куски жаренной индѣйки и послѣ двухъ, трехъ поворотовъ оказывались потомъ въ рукахъ и мгновенно вслѣдъ за этимъ превращались въ обглоданныя косточки. Въ тоже время и вскорѣ одна за другой были выпиты двѣ-три рюмки очищенной, которая, такъ-же, какъ и всѣ другія „питія", по старой-ли памяти, изъ уваженія-ли, изъ боязни-ли городскихъ обывателей или изъ чувства благодарности, или чортъ ихъ, съ позволенія сказать, знаетъ по какимъ обстоятельствамъ оказывались всегда на его столѣ „сами собой", на что онъ, какъ человѣкъ по горло занятый службой, необращалъ никакого вниманія. Не смотря на то, что онъ ѣлъ съ аппетитомъ и съ такимъ-же аппетитомъ выпилъ потомъ какого-то винограднаго, собственно, какъ онъ говорилъ, „пополоскать во рту кисленькимъ", не смотря даже на то, что свернутая вслѣдъ за тѣмъ и ловко всунутая въ мундштукъ солидныхъ размѣровъ папироска „скороспѣлка" доставила ему не малое удовольствіе,—не смотря на все это вмѣстѣ взятое, онъ былъ не въ духѣ и по временамъ что-то сильно покрякивалъ. Изъ этого всѣ домашніе въ особенности весь штатъ его подчиненныхъ обыкновенно заключали, что „баринъ строгъ".

Онъ покрякивалъ на разные манеры. Когда начальство задавала ему головомойку, онъ, возвратившись домой, быстро шагалъ по залу и кряхтѣлъ громко на высокихъ нотахъ, напоминая кашель старухи, когда она, переводя духъ отъ этого кашля, прихватываетъ руками грудь и на дискантовой нотѣ выводитъ свое „охъ батюшки-и". Кряхтѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока въ свою очередь не превращался изъ подчиненнаго въ начальство и не передавалъ головомойку „по принадлежности" своему подчиненному. Когда же обстоятельства головомоекъ принимали болѣе серьезный характеръ, онъ уже не быстро, а медленно расхаживалъ, и не по залу, а по своему кабинету, и не кряхтѣлъ, а просто кашлялъ, отрывисто и рѣзко, при чемъ по временамъ глубоко вздыхалъ и ухалъ какъ-то, видимо подъ тяжестію мрачныхъ думъ. Въ это время къ нему уже, какъ говорится, близко не подходи,—человѣкъ дѣлался сильно гнѣвный: оборветъ на первомъ словѣ и изругаетъ скверными словами, кто бы ни подошолъ, хоть жена, хоть дочери (онъ имѣлъ двухъ дочерей). Напротивъ, когда ни какакихъ головомоекъ не было, а такъ только предстояли впереди какія либо глубокія соображенія и что нибудь тревожило его въ не очень большихъ размѣрахъ, онъ покрякивалъ тихонько себѣ подъ носъ и на низкихъ нотахъ, видимо въ отвѣтъ на свои собственныя мысли, и хотя вздыхалъ при этомъ, но не сильно, и, разумѣется, уже совсѣмъ не ухалъ, такъ какъ причинъ, вызывающихъ уханье, совсѣмъ не было

Такъ въ описываемое время онъ, окончивъ ужинъ, былъ занятъ соображеніями. Все шло уже къ надлежащему концу. Онъ закурилъ свою папиросу, „позолотилъ", по его словамъ, во рту и хотѣлъ отправиться ко сну, моля Бога, чтобы ночь прошла благополучно и не случилось бы гдѣ пожара.

Въ это время, уже въ ночномъ капотѣ, вошла въ залъ его супруга.

Конечно, она была уже не первой молодости, когда старшая дочь имѣла офиціальныхъ двадцать семь лѣтъ, да подъ секретомъ хранилось на всякій случай въ сюпризъ жениху лѣтъ пять-шесть. Семенъ Егоровичъ при входѣ супруги что-то поморщился, предчувствуя, можетъ быть опытнымъ своимъ сердцемъ, что приходъ супруги ничего добраго не предвѣщаетъ, тѣмъ болѣе, что и приходить ей, казалось было не зачѣмъ, ибо они давно уже, въ виду великовозрастія своихъ дочерей, спали на разныхъ половинахъ. Онъ хотѣлъ ее, тоже на скорую руку поцѣловать, ссылаясь на утомленіе, и отправиться на покой; но супруга пришла совсѣмъ не за поцѣлуемъ, а собственно для разъясненія того же вопроса, который занималъ и публику. Супругѣ Семена Егоровича было даже указано то самое кресло, которое такъ неожиданно оставилъ „представательный и необыкновенно важно державшій себя человѣкъ". На бѣду она и сама видѣла его въ то время, когда онъ вошолъ въ театръ и осматривалъ въ бинокль ложи. Ей, какъ матери двухъ дочерей, пришло, конечно, въ голову, не посылаетъ ли Господь жениха. И вотъ всѣ эти обстоятельства были причиной того, что супруга, войдя въ комнату, тотчасъ-же обратилась къ Семену Егоровичу съ вопросомъ: „кто это... и т. д." Семенъ Егоровичъ, уже догадывавшійся въ чемъ дѣло, невыдержалъ и при первыхъ же словахъ вопроса вспылилъ. Жена отшатнулась отъ него, удивленная непонятной причиной гнѣва, она, разумѣется, не могла понять, что этимъ вопросомъ уже успѣли ея супругу достаточно надоѣсть въ театрѣ.

— Что я вамъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ-что-ли какой! скоро и горячо отвѣчалъ онъ, кинувъ на столъ, прямо на обглоданныя кости индѣйки салфетку: кто да кто!.. ну пойдите къ нему, спрашивайте сами... Весь свѣтъ что-ли я обязанъ знать!... Чортъ знаетъ, что это такое! тьфу!..

Онъ былъ хотя и горячъ, но скоро остывалъ. Послѣ этой вспышки, сдѣлавъ по комнатѣ два-три быстрыхъ перехода отъ одной стѣны къ другой, онъ подошелъ къ женѣ, подставилъ ей свою щеку и извинился, сознавъ, что она въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ предъ нимъ не виновата.

— Ну, ну, извини. Виноватъ... Черти надоѣли въ театрѣ съ этимъ же вопросомъ... А я и самъ незнаю, кто онъ..

Библиотека "Руниверс"

Онъ поспѣшно проглотилъ еще рюмку „кисленькаго“ и ушолъ въ кабинетъ.

Жена постояла нѣсколько времени посреди комнаты, подумала что-то, соображая можетъ быть о трудныхъ обязанностяхъ ея мужа, а можетъ быть и о таинственномъ пріѣзжемъ, потомъ зѣвнула, заслонивъ ротъ рукою, и безучастно глянувъ, какъ прислуга убирала со стола посуду, пошла на свою половину.

Ночью случился пожаръ, по гдѣ-то далеко на краю города, и въ силу этого уважительнаго обстоятельства дѣло обошлось безъ полиціймейстера. Сообразительный подчиненный рѣшилъ, что изъ пустяковъ будить начальство пока не слѣдуетъ, а тамъ дальше по ходу дѣла, будетъ видно, какъ поступить. И дѣйствительно, сгорѣла какая-то мѣщанская избушка и сгорѣла скоро, только и осталось отъ всего одна печка, съ закопченой и мѣстами развалившейся трубой, вдругъ оказавшейся одинокой среди пепелища. Любопытная толпа даже и поглазѣть не успѣла на пожаръ, такъ что нѣсколько казаковъ уныло и какъ-то сонно зѣвали по сторонамъ, не видя возможности, за отсутствіемъ толпы, выказать свою распорядительность, покричать, помахать плетью, напирая на толпу и заботясь о ея безопасности даже въ верстовомъ разстояніи отъ мѣста пожара.

Утромъ только узналъ полиціймейстеръ о бывшемъ пожарѣ и поблагодарилъ, что напрасно не безпокоили. Онъ не спросилъ о томъ, „недокладывали-ли Его—ству“, зная, что подчиненные народъ смѣтливый и не сунутъ впередъ носа туда, куда не слѣдуетъ. Однако для предстоящаго доклада освѣдомился о ходѣ дѣла и узналъ, что „все благополучно“, изба сгорѣла, и владѣлица ея, мѣщанка, справлявшая въ этотъ вечеръ поминъ по родителямъ, оказалась „въ пьяномъ видѣ“, и въ весьма веселомъ состояніи духа, даже съ визгливымъ пѣніемъ и съ покушеніями на пляску, препровождена для вытрезвленія въ сосѣднюю избу. Полиціймейстеръ слушалъ докладъ. Подчиненный съ сдержанной улыбкой, разсказывалъ ему о подробностяхъ несчастія мѣщанки, и художественно обрисовалъ нѣсколькими словами ея сгорбленную и пошатывающуюся фигуру, съ развѣвающимся въ лѣвой рукѣ платкомъ, которымъ она помахивала, затягивая надтреснутымъ голосомъ „разгорюйся, растоскуйся“ и взвизгивая въ порывѣ пьянаго чему-то восторга. Выслушавъ все, полиціймейстеръ только покачалъ головой и нахмурился, можетъ быть, по добротѣ своей, души, соболѣзнуя, какъ тяжко будетъ похмѣлье погорѣвшей мѣщанки.

Въ другое время онъ самъ-бы, можетъ быть, этому посмѣялся; но теперь онъ былъ не въ духѣ. Обстоятельства вчерашняго вечера не выходили изъ его головы. Онъ наскоро, потомъ, подписалъ кой какія бумаги, два три предписанія о скорѣйшемъ и немедленномъ взысканіи съ кого-то какихъ-то денегъ въ размѣрѣ 10,000 р. и о продажѣ вслучаѣ неуплаты имущества, оцѣненнаго по описи въ 13 руб. 71¾ коп.; нѣсколько бумагъ, при которыхъ препровождались „по принадлежности“ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, ломъ, топоръ и солидныхъ размѣровъ колья,— орудія, характеризующія собою преступленія на Руси, гдѣ утонченныя измышленія запада не получили еще въ этомъ случаѣ надлежащаго примѣненія. Потомъ, собравшись ѣхать съ докладомъ, завернулъ въ полицейское управленіе, помѣщавшееся въ одномъ дворѣ съ его квартирой. Тамъ тоже подписалъ нѣсколько бумагъ и сдѣлалъ какія-то личныя распоряженія о человѣкѣ, неизвѣстнаго званія, съ вечера подобранномъ гдѣ-то на улицѣ и отличавшемся большимъ развитіемъ особыхъ примѣтъ на лицѣ въ видѣ синяковъ и подтековъ подъ глазами. Потомъ обратилъ вниманіе на сидѣвшую въ общей пріемной женщину съ грудным ребенкомъ, уныло ожидавшую своей участи быть отправленной въ деревню по оффиціальному требованію мужа „для совмѣстнаго съ нею по закону жительства“. Женщина покушалась было начать снова свою „просьбу“ и заплакала; но полиціймейстеръ, хотя и очень спѣшилъ къ докладу все таки удѣлилъ ей нѣсколько мгновеній и выразилъ свое соболѣзнованіе брошеннымъ на ходу утѣшеніемъ: — „знаю, знаю я его, — пьяница; но нельзя нельзя, матушка: мужъ глава“ и вышелъ на улицу. Только что онъ хотѣлъ садиться въ сани, какъ слѣдомъ за нимъ выбѣжалъ на улицу съ перомъ за ухомъ и съ бумагой въ рукѣ запыхавшійся и сильно озабоченный чиновникъ, высокій и сухой, одинъ изъ тѣхъ дѣльцовъ, которые служатъ правой рукой у начальства, отлично хорошо знаютъ дѣло и работаютъ ночи на пролетъ, но всю жизнь остаются въ черномъ тѣлѣ, по той уважительной причинѣ, что при первомъ случаѣ освобожденія изъ тисковъ нужды начинаютъ сильно пьянствовать и пропиваются до послѣдней нитки.

— Что тамъ еще? хмурясь спросилъ полиціймейстеръ, и уже сидя въ саняхъ, быстро просмотрѣлъ бумагу, по которой „во исполненіе предписанія“ кого-то слѣдовало освободить изъ подъ ареста.

— Еремѣевъ! наставительно замѣтилъ онъ, сердито сунувъ бумагу назадъ, вы опять излишнее усердіе начинаете выказывать. Смотрите, взятокъ нетерплю, узнаю— прогоню...

— Помилуйте-съ... „Воисполненіе предписанія“... Могу-ли я!..

— Ну, ну, знаю. Невелика бѣда, посидитъ лишній день!..

И уѣхалъ, неподписавъ бумаги. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ самъ тертый калачъ и, какъ говорится, держитъ ухо востро.

IV.

Несмотря на то, что бойкая пара лошадокъ быстро мчала его по улицѣ, онъ нѣсколько разъ отрывисто повторялъ: „пош-шолъ, пош-шолъ“ и не замѣчалъ, какъ встрѣчавшіеся ему напути обыватели отвѣшивали низкіе поклоны. Онъ спѣшилъ къ докладу. Подкатилъ къ подъѣзду дома, занимаемаго сановникомъ, поспѣшно выскочилъ изъ саней, подернулъ плечами, поправляя на себѣ шинель, поспѣшно прошолъ потомъ чрезъ прихожую, гдѣ толпились, переступая съ ноги, на ногу, нѣсколько мужчинъ и женщинъ, съ бумагами въ рукахъ, вѣчно ищущіе въ чемъ-то защиты и въ большомъ обиліи надѣленные отъ Господа Бога вѣрой въ правосудіе. При его входѣ вся эта томящаяся ожиданіемъ толпа отступила въ сторону, старухи вздохнули произнося: „охъ, господи“, мужчины прокашлялись и съ завистью поглядѣли, какъ вслѣдъ за полиціймейстеромъ дверь, ведущая въ залъ, снова затворилась.

Онъ вошелъ въ залъ и, въ свою очередь, сталъ томительно посматривать на дверь кабинета сановника и посматривалъ долго, похаживая по залу изъ угла въ уголъ.

Такимъ образомъ оказывалось, что завистливые взгляды мужчинъ и вздохи женщинъ изъ прихожей были совершенно напрасны, и нечему было завидовать: всѣмъ одинаково въ свое время предстояло вздыхать, ждать и томительно посматривать на таинственныя двери. Если-бы они могли умственнымъ окомъ своимъ проникнуть чрезъ пространство, отдѣлявшее губернскій городъ N отъ столичнаго города, и заглянуть тамъ въ надлежащія мѣста, то убѣдились бы и утѣшились въ своемъ томленіи, узнавъ, что и самъ сановникъ въ свою очередь и въ свое время, гдѣ слѣдуетъ, такъ же уныло похаживаетъ изъ угла въ уголъ, и то лицо, у дверей котораго онъ томительно посматриваетъ на блестящую ручку дверного замка, тоже въ свое время и гдѣ слѣдуетъ, вздыхая, расхаживаетъ въ пріемныхъ, измѣряя своими шагами длину и ширину комнатъ отъ одного угла до другого. Таковъ уже положенъ предѣлъ „его-же непрейдеши“.

Библиотека "Руниверс"

Сановникъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Онъ былъ въ бархатномъ темносиняго цвѣта халатѣ и въ туфляхъ, украшенныхъ цвѣтами и золотымъ шитьемъ. Такія туфли, пожалуй, не постыдился-бы надѣть самъ глава католиковъ, стоило только вышить на нихъ надлежащія изображенія, а затѣмъ можно было смѣло протянуть ногу, закрыть глаза и даже, если угодно спать, въ полной увѣренности, что за благоговѣйными поцѣлуями дѣло не остановится, благодаря той высокой почтительности, которой преисполнены сердца католиковъ по отношенію къ своему главѣ. Но несмотря на прекрасныя туфли и дорогой халатъ, гармонировавшіе съ общей роскошью обстановки кабинета, съ запахомъ благовонной гаванской сигары и ароматомъ душистаго чая, сановникъ былъ не въ духѣ. Сигара лежала недокуренной на пепельницѣ и ароматъ ея, такъ сказать, ни закопѣйку пропадалъ, втунѣ извиваясь тоненькой сизоватой дымкой около бумагъ, разбросанныхъ по столу, и чай стылъ въ хрустальномъ стаканѣ. Самъ сановникъ сильно хмурился и что-то сердито и отрывисто по временамъ говорилъ самъ себѣ, подписывая бумаги, которыя ему подкладывалъ стоявшій передъ нимъ подчиненный, вытаскивая ихъ по очередно изъ большой кучи, придерживаемой у своего сердца правой рукой.

Подчиненный по своей внѣшности, напоминалъ корку высохшаго лимона, на которой появилась уже плесень, вѣрный знакъ вліянія времени и воздуха. Несмотря на его изящно сшитый вицъ-мундиръ и на проборъ чрезъ всю голову отъ шеи до лба, извѣстный у франтовъ подъ названіемъ „невскаго проспекта", не смотря на открытый жилетъ, давшій свободное мѣсто на груди для ордена, и на узенькіе франтоватые брюки, онъ не казался франтомъ, все какъ-то стушовывалось и забывалось при взглядѣ на испитое зеленовано-желтое лице, ввалившіяся щеки и мутные глаза. Отъ него, какъ говорится, за три версты несло отношеніями и предписаніями, и надѣнь онъ брюки хоть того уже и сдѣлай на головѣ еще два проспекта, останется въ концѣ концовъ все тотъ-же „рапортъ и предписаніе".

Отчасти онъ, пожалуй, смахивалъ на петербургскаго департаментскаго чиновника, но только отчасти. Петербургскій въ этомъ случаѣ ушолъ далеко отъ губернскаго. Зато въ дѣлѣ работы губернскій выносливѣе, иной везетъ на себѣ столько, что петербургскихъ пятеро не смогутъ.

Петербургскій въ этомъ случаѣ относится къ губернскому, какъ хорошая ломовая лошадь къ орловскому рысаку. Онъ статенъ, быстръ на бѣгу, но въ возъ запречь его нельзя; ему свойственно показывать свою удаль по расчищенной дорогѣ, чтобы не встрѣчалось на пути, какъ говорится, ни сучка ни зазоринки, знай себѣ разсыпай цвѣты департаментскаго краснорѣчія съ неизбѣжнымъ: „принимая въ соображеніе, имѣя въ виду". Петербургскій внѣ службы старается скрыть свое настоящее званіе, и, уходя со службы, оставляетъ вицъ-мундиръ въ швейцарской ибо нелюбитъ клички: „рябчикъ". Глядя на другого, подумаешь, сіятельный вельможа, а то и того больше. Губернскій до этого не дошелъ и на вицъ-мундиръ смотритъ, какъ на украшеніе, ни мало неподозрѣвая, что въ немъ-то именно и таится начало обидной клички: рябчикъ.

Докладчикъ сановника по должности своей могъ быть сравненъ съ тѣми помощниками дирижоровъ въ оркестрѣ, на обязанности которыхъ лежитъ мунштровать и обучать хоръ, для того, чтобы главному капельмейстеру оставалось только сѣсть на свое мѣсто и, помахивая палочкой, преподавать высшіе оттѣнки музыкальной мудрости.

Сановникъ сначала подписывалъ спокойно и ничуть не гнѣвался и не ворчалъ, а напротивъ слушая докладъ о томъ, какую онъ именно бумагу подписываетъ, произносилъ даже во время подписыванья одобрительныя слова Хотя эти слова и были краткія, но онъ произносилъ ихъ такъ протяжно, что слово одобренія, начинавшееся произноситься во время подписыванія одной бумаги, переносилось на другую бумагу, такъ что, напримѣръ, фраза: „это очень хорошо„ распадалась на двѣ части: „это очень хо" произносилось при подписываніи одной бумаги, а „рошо" уже заканчивалось въ то время, когда онъ на скоро черкалъ рукой по другой бумагѣ. Черканье, собственно, обозначало его фамилію и обозначало такимъ своеобразными, особенными, ему присущими знаками, что ихъ, съ достовѣрностію можно сказать, не прочиталъ-бы ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ знатоковъ по части разбора гіероглифовъ, даже и самъ писавшій не въ состояніи-бы былъ объяснить, что именно означаетъ въ отдѣльности каждое слово, потому что словъ не было, а шли только какія-то палки, начинаясь съ маленькой и постоянно увеличиваясь и переходя потомъ въ росчеркъ. Но этотъ росчеркъ ни въ какомъ случаѣ не напоминалъ собою легкомысленнаго росчерка юнкера какого нибудь ингенмарланскаго полка, который, въ лестномъ ожиданіи своего зачисленія на дѣйствительную службу, еще на школьной скамьѣ практикуется въ этомъ случаѣ, и именуя себя всевозможными военными чинами, отъ прапорщика до фельмармаршала включительно, Богъ знаетъ какими завитками росчеркивается. Напротивъ, росчеркъ сановника былъ твердый, рѣшительный и безъ завитковъ, онъ скорѣе напоминалъ кисть художника, когда онъ, разсердившись на неудачу въ работѣ, возьметъ, да и мазнетъ кистью прямо по написанной рожѣ, посылая, такъ сказать, всю работу къ чорту. Между тѣмъ, не смотря на небрежность подписи и росчерковъ, въ общемъ выходило что слѣдуетъ, и каждый, получавшій такія бумаги, отмѣнно хорошо зналъ, кто именно на нихъ такъ рѣшительно мазнулъ перомъ, и иной съ немалымъ чувствомъ зависти посматривалъ на такую подпись, тая въ глубинѣ своей души надежду на возможность когда нибудь такъже смѣло росчеркнуться.

Чѣмъ далѣе шла работа по подписыванію бумагъ, тѣмъ меньше сановникъ произносилъ одобрительныхъ словъ и тѣмъ сердитѣе дѣлались его росчерки. Подчиненный все подавалъ да подавалъ бумаги и объяснялъ ихъ содержаніе; но и въ его объясненіяхъ по мѣрѣ теченія времени тоже происходила большая перемѣна. Сначала онъ подробно объяснялъ содержаніе бумагъ, но потомъ замѣчая, что во время объясненія одной бумаги и именно на самомъ интересномъ его мѣстѣ, сановникъ, не поворачивая головы, уже тянетъ руку за другою, онъ обрывалъ рѣчь на полусловѣ и начиналъ говорить объ этой другой уже короче. Но сановникъ опять тянулъ руку за новой бумагой. Онъ сталъ объяснять еще короче, потомъ еще короче, а потомъ уже дошло до того, что сановникъ и спрашивать не сталъ „о чемъ", а только взглядывалъ на заголовокъ бумаги и потомъ черкалъ рукой на надлежащемъ мѣстѣ. Между тѣмъ, куча, придерживаемая подчиненнымъ около сердца, ничуть неуменьшалась. Она, казалось, была неистощима, какъ та бутылка фокусника, изъ которой сколько не выливай вина, оно все-таки не изсякаетъ. Сановникъ уже сталъ хмуриться и искоса бросать сердитые взгляды на кучу, видимо подозрѣвая ее въ излишней навязчивости. Смѣтливый подчиненный сразу догадался по этимъ взглядамъ, что слѣдуетъ „сократить усердіе", и на скоро сунулъ большую часть кучи на сосѣдній столъ, замѣтивъ, какъ будто самому себѣ: „это неподлежитъ".

— Что это вы отложили? мрачно спросилъ сановникъ, можетъ быть желая убѣдиться, дѣйствительно-ли чаша мимо идетъ.

— Неподлежитъ! коротко отвѣтилъ тотъ, подкладывая новую бумагу.

Библиотека "Руниверс"

Сановникъ сталъ опять подписывать и уже дружелюбнѣе посмотрѣлъ на лѣвый бокъ подчиненнаго, замѣтивъ, что куча значительно поубавилась въ своемъ объемѣ. Но вдругъ съ нимъ случилось полнѣйшее превращеніе. Небрежно дотого времени принимавшій и отбрасывавшій послѣ подписи бумаги, онъ, при одномъ

Въ минуты раздумья. Съ картины Кабанеля, рѣзалъ на деревѣ Шиблеръ.

какомъ-то словѣ подчиненнаго, вдругъ выпрямился на своемъ стулѣ и принялъ бумагу въ руки только тогда, когда перо отложилъ далеко въ сторону. Онъ отнесся къ этой бумагѣ съ особенною бережностію, и положивъ ее на столъ, даже отдвинулся отъ нея вмѣстѣ съ кресломъ и произнесъ нѣсколько разъ: гм, гм; подчиненный тоже преобразился: онъ въ свою очередь тоже нѣсколько выпрямился и, заслонивъ ротъ рукой, кашлянулъ раза два, потомъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, видимо сознавая всю важность предстоящей минуты, и то, что ему во время чтенія этой бумаги „неподлежитъ“ стоять близко.

Произнося: гм, гм, сановникъ вытащилъ изъ кармана халата носовой платокъ, отеръ имъ тщательно руки и, приблизивъ кресло къ столу, сталъ внимательно читать. Дочитавъ листъ до конца, онъ осторожно взялъ его двумя пальцами за самый кончикъ и также осторожно и бережно перевернулъ на другую сторону,

Библиотека "Руниверс"

стараясь, чтобы не помялся листъ. Прочитавъ написанное на другой страницѣ и поставивъ гдѣ-то очень аккуратно и тщательно занятую, засыпалъ ее золотистымъ съ разноцвѣтными блестками песочкомъ и сталъ читать бумагу сначала. Потомъ опять нѣсколько разъ онъ произнесъ: „гм, гм“ и затѣмъ уже подписалъ бумагу, подписалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ подписывалъ предъидущія бумаги, а именно, неторопясь и тщательно выводя каждую букву и никакого, даже самаго маленькаго, росчерка не сдѣлалъ.

Замѣтно было, по его отношенію къ этой бумагѣ, что она предназначалась къ отправкѣ куда-то въ особое мѣсто, гдѣ росчерковъ не любятъ и откуда сановникъ въ свою очередь получаетъ бумаги съ росчерками, смотря на которые хранитъ въ тайникѣ своей души надежду на возможность когда нибудь также расчеркнуться. Окончивъ эту подпись и вздохнувъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ окончившій, наконецъ, трудное дѣло, сановникъ рѣшительно отодвинулся отъ стола и сказалъ: „ну, эти послѣ“, что видимо относилось къ тѣмъ не подписаннымъ бумагамъ, уменьшенную часть которыхъ подчиненный намѣревался спустить въ этотъ день съ рукъ. Потомъ онъ всталъ съ кресла и, кивнувъ головой на набросанную на столъ кучу подписанныхъ бумагъ, небрежно замѣтилъ: "возьмите это".

— Уфъ! Уфъ! отпыхивался онъ потомъ, запахивая халатъ, потягиваясь и выпрямляя спину, измученную его долгимъ сидѣньемъ за работой.

— Вслѣдствіе отношенія Департамента... началъ было что-то подчиненный, но на первыхъ-же словахъ былъ остановленъ короткой фразой: „ну, послѣ, послѣ“.

Онъ проворно собралъ бумаги всѣ въ одну общую кучу, увѣренный, что не спутаетъ чего не слѣдуетъ, и, молча откланявшись, вышелъ по мягкимъ коврамъ комнаты. Вышелъ онъ тихо и совершенно не слышимо, только пуговица на хвостѣ вицмундира задѣла нечаянно о притолку двери и произвела нѣкоторый звукъ, да потомъ изъ зала послышались удаляющіеся шаги, шаги осторожные, на кончикахъ пальцевъ, и выдававшіе себя лишь скрипомъ сапогъ.

Д. Стахѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Предводители и герои славянскаго востанія.

Теперь, когда Черногорія и Сербія возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ мусульманскаго ига, и когда соединенныя усилія христіанскаго населенія Балканскаго полуострова направились къ тому, чтобы добыть во что бы то ни стало свою независимость, и пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе сочувствіе у всѣхъ образованныхъ народовъ,—нельзя не вспомнить о той горсти героевъ, которые столько времени, безъ всякихъ средствъ, клеймимые позорнымъ имевемъ бунтовщиковъ, первые поднялись за правое и святое дѣло и боролись за него до послѣдней капли крови. Эта горсть героевъ—были герцеговинцы. Суровые сыны горъ, люди наслѣдственной храбрости, они своею настойчивостью и неимовѣрными успѣхами своего оружія подготовили и воодушевили общественное движеніе. Ихъ энергическіе предводители: Любибратичъ, Пейко Павловичъ, Лазарь Сочица и другіе не принимали никакихъ предложеній для примиренія и до конца имѣли своимъ девизомъ только одно — смерть или полное освобожденіе. Ихъ портреты были помѣщены въ № 12 «Нивы», на рисункѣ «Военный совѣтъ въ лагерѣ Пейко Павловича». Представляя въ настоящее время портреты четырехъ *главарей* герцеговинцевъ, именно: Милована Божковича, Милентія Перовича, Петра (Пеціи) Петровича и Стояна Ковачевича мы позволяемъ себѣ сообщить нѣкоторыя, хотя и скудныя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ личностяхъ.

Архимандритъ Милентій Перовичъ былъ также однимъ изъ передовыхъ бойцовъ въ борьбѣ за независимость Герцеговины. Такая ecclesia militan здѣсь не рѣдкость, и часто здѣшній священнослужитель идетъ противъ враговъ вѣры и отечества съ крестомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой. Милентій Перовичъ, бывшій архимандритъ уничтоженнаго турками Дужскаго монастыря, хотя и не предводительствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, тѣмъ не менѣе принималъ самое живое участіе въ возстаніи и при всякомъ случаѣ придавалъ ему характеръ религіозной войны и тѣмъ еще болѣе воодушевлялъ поборниковъ святого дѣла. Передъ сраженіемъ близь Дужскаго монастыря, Милентій отслужилъ обѣдню, благословилъ отрядъ, а потомъ лично участвовалъ въ бою и три раза отбрасывалъ съ своими воинами яростныя нападенія турокъ. Турки хорошо понимали его огромное вліяніе на герцеговинцевъ, и за главу 39-ти лѣтняго архимандрита сулили 500 піастровъ награды. Дѣйствительно Милентій во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ являлся пламеннымъ патріотомъ, непреклоннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Когда австрійскій генералъ, Родичъ, во время своихъ переговоровъ съ вождями востанія, грозилъ, что австрійское правительство, въ случаѣ непокорства герцеговинцевъ, приметъ крайнія мѣры, то обращаясь къ Милентію онъ сказалъ: «Берегитесь, мы затворимъ границу и запретимъ подвозы». — Тогда мы будемъ драться зубами, но не уступимъ, отвѣчалъ ему Милентій.

Петръ (Пеція) Петровичъ отставной австрійскій офицеръ. Онъ явился на помощь славянамъ однимъ изъ первыхъ и съ тѣхъ поръ принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ схваткахъ съ турками. По описанію видѣвшаго его лично корреспондента «Русскаго Міра» Н. Петрова, это «свѣтлый блондинъ, съ маленькими усиками, съ полнымъ, бѣлымъ, краснощекимъ лицомъ; только глаза его, сѣро-стальныя, металлическаго блеска, съ упорнымъ рѣзкимъ взглядомъ, свидѣтельствуютъ о силѣ воли и энергіи этого человѣка».

Стоянъ Ковачевичъ и Милованъ Божковичъ имѣютъ имена также не менѣе громкія и съ самаго начала возстанія были одними изъ передовыхъ его дѣятелей. Стоянъ Ковачевичъ предводительствовалъ сначала отрядомъ Зубцовскаго округа, а потомъ состоялъ подъ начальствомъ другихъ главнѣйшихъ вождей. Особенно отличился онъ въ сраженіи при Трновицѣ, помогая Пейко Павловичу и Зимоничу.

Илья Марковъ, одинъ изъ вождей болгарскаго востанія.

Коммисары Порты предложили перемиріе воставшимъ болгарамъ, но предводители послѣднихъ отвергли это предложеніе, требуя полной самостоятельности. Это было еще 8-го іюня. Конечно, согласиться на перемиріе было уже невозможно: черкесы слишкомъ безчинствовали въ мирныхъ болгарскихъ селеніяхъ. Въ то время, когда европейскія державы спорили и не соглашались предоставить Сербіи самой предупредить поголовное избіеніе гяуровъ, въ то именно время Митхадъ-паша напустилъ черкесовъ, баши-бузуковъ, цыганъ и курдовъ на Болгарію, гдѣ эти варвары разорили до 250 селеній, жители которыхъ избиты, уведены въ рабство, а ихъ имущество разграблено. Значительное количество болгарскихъ дѣтей, взятыхъ въ плѣнъ черкесами, *проданы* и до сихъ поръ продаются ими въ неволю... Изъ Филиппополя пишутъ, что предложеніе этого «товара» превышаетъ спросъ, такъ что тамъ можно купить сколько угодно молодыхъ дѣвушекъ по 3—4 лиры, Болгаръ, убитыхъ не въ бою уже теперь насчитывается 15,000 (мужчинъ, женщинъ и дѣтей). Вся страна наводнена вооруженными мародерами, которые облагаютъ самыми тяжкими поборами наиболѣе зажиточныхъ христіанъ, угрожая въ противномъ случаѣ донести о ихъ принадлежности къ востанію... Въ рядахъ болгарскихъ повстанцевъ находится нѣсколько извѣстныхъ партизановъ-стариковъ, участвовавшихъ въ прежнихъ востаніяхъ. Знаменитый партизанъ *Илья Марковъ*, 65-ти лѣтній старецъ, тоже поднялся на своего давняго заклятаго врага — да и какъ сидѣть сложа руки такому бравому молодцу? Взгляните на портретъ его, выставленный въ настоящемъ № «Нивы», — передъ вами плечистый, стройный мужчина, которому на видъ лѣтъ 40—не больше. Вотъ краткая біографія его: Илья Марковъ, будучи еще юношей, работалъ однажды въ полѣ, вмѣстѣ съ матерью своей и братомъ. Поле это находилось неподалеку отъ ихъ родной деревеньки Бераво, въ сѣверной Македоніи. Кругомъ все было тихо; бѣдные труженики и не предчувствовали близкой бѣды... Вдругъ изъ кустарника, окаймлявшаго поле, вылетѣлъ бѣлый дымокъ, за нимъ — другой, третій, раздались ружейные выстрѣлы и, братъ Илья, Станко, упалъ мертвымъ. Оставшійся въ живыхъ, хотя и раненый, Илья убилъ одного изъ напавшихъ, а это были—турецкіе жандармы, т. е. полицейскіе, слѣдовательно—болгаринъ совершилъ тяжкое преступленіе: поднялъ руку на начальство. Не считая себя смиреннымъ барапомъ, Илья отбился отъ полицейскихъ и скрылся въ лѣсу, рѣшивъ не возвращаться въ деревню. Однако, за что-же турецкіе блюстители порядка и благочинія убили Станко Маркова и зачѣмъ стрѣляли они по мирнымъ тружевикамъ? Не бы-

Библиотека "Руниверс"

ло-ли тутъ несчастной ошибки? Нѣтъ, ошибки не было, потому что эти турки только «шутки ради» подстрѣлили Станко и ранили Ильо: охотясь за темными личностями, за ворами и разбойниками, турецкіе полисмены, въ видахъ развлеченія, иногда позволяютъ себѣ стрѣльнуть въ перваго попавшагося мирнаго поселянина. Укрывшись въ лѣсу, Ильо задумалъ отомстить туркамъ *вообще*, такъ какъ смерть брата, погибшаго «такъ себѣ—здорово живешь», задѣло его за живое. Но одинъ въ полѣ не воинъ, и вотъ, вскорѣ къ Ильо примкнули родственники и еще нѣсколько человѣкъ, пожелавшихъ тоже свести кое-какіе счеты съ «веселыми стрѣлками», поклонниками пророка. Маленькое войско Ильо Маркова стало быстро увеличиваться, и когда онъ увидѣлъ, что подъ его начальствомъ находится уже нѣсколько сотъ человѣкъ—раздѣлилъ свое войско на отряды, назначилъ кому вести ихъ и, отправивъ эти кучки въ сосѣдніе округи, самъ съ пятнадцатью храбрецами принялся охотиться на турокъ, началъ отплачивать имъ за всѣ совершенныя и совершаемыя ими безчинства. Ильо свилъ себѣ гнѣздо въ горахъ, откуда и дѣлалъ свои набѣги. Турки стали серьозно побаиваться этой кучки головорѣзовъ, а особенно — предводителя ея. Ильо нагналъ такого страху на «правовѣрныхъ» хозяевъ своей родины, что они иногда отказывались сами отъ какой нибудь крупной мерзости—просто изъ боязни передъ нимъ. Конечно, турки старались изловить его, снаряжали военныя экспедиціи съ этою цѣлью, но толку не было: происходили жаркія схватки и—Ильо всегда оставался побѣдителемъ. Не даромъ-же имя его и теперь воспѣвается въ болгарскихъ народныхъ пѣсняхъ!.. Мѣстный паша, видя что съ такимъ мятежнымъ подданнымъ ничего не подѣлаешь—приказалъ схватить и заарестовать жену и ребенка Ильо Маркова. Схватили и заарестовали, а черезъ нѣсколько дней—выпустили, и вотъ почему: паша узналъ, что Ильо очень ужь разсердился, еще крѣпче засѣлъ въ горахъ, совсѣмъ освирѣпѣлъ, такъ что сталъ обращаться съ турками втрое хуже, чѣмъ прежде... Но мало по малу войско Ильо Маркова убывало,—кто самъ ушелъ, кого вражеская рука уложила на вѣки вѣчные, и вотъ, наконецъ, самъ онъ попался въ плѣнъ, только не на долго—убѣжалъ въ свое гнѣздо среди лѣсистыхъ горъ; снова былъ поймавъ и снова убѣжалъ, опять схватили—опять вырвался... «Плохо дѣло», подумалъ Ильо и кое-какъ пробравшись въ Сербію (это было въ 1860 г.) уединенно зажилъ въ Крагуевацѣ. Въ востаніяхъ 1862—67 гг. онъ не принималъ участія, такъ какъ полагалъ, что тогда не стоило начинать дѣла—ни время, ни обстоятельства не могли, по его мнѣнію, благопріятствовать успѣху, но *теперь* маститый Ильо Марковъ думаетъ не такъ: онъ разсчитываетъ на энтузіазмъ земляковъ своихъ, вѣритъ и надѣется, что взойдетъ же наконецъ красное солнышко надъ многострадальной Болгаріей!.. Если шальная турецкая пуля не свалитъ этого прекраснаго старика—навѣрно *новую* славную пѣсню будутъ пѣть въ честь его тамъ, гдѣ теперь земля упитана кровью, слезами и покрыта золой и пепломъ сожженныхъ деревень...

Болгарскій герой Степанъ Караджа.

Болгарскій народъ, томящійся теперь подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, былъ въ древности сильнымъ народомъ, и болгарская исторія богата славными для нея страницами и эпизодами.

Въ 559 году подъ предводительствомъ Забергана, болгары подошли въ огромномъ числѣ съ конницею и пѣхотою къ греческой Византіи (Константинополю) и навели ужасъ на императора Юстиніана.

Византія была однако спасена знаменитымъ Велизаріемъ, который отразилъ болгаръ (это была его послѣдняя побѣда). Вообще, вся древняя исторія болгаръ представляетъ почти непрерывный рядъ войнъ съ греками, въ которыхъ успѣхъ склонялся то на ту, то на другую сторону.

Въ 860 году болгарскій царь Богаръ принялъ отъ грековъ христіанскую вѣру и былъ нареченъ Михаиломъ—имя тогдашняго греческаго императора. Вскорѣ послѣ крещенія Богара, (въ 867 году) греческій императоръ послалъ въ Болгарію православныхъ епископовъ и священниковъ для утвержденія болгаръ въ христіанской вѣрѣ. Войны на нѣкоторое время затихли, но вскорѣ снова возгорѣлись съ прежнею силою.

Въ 1015 году греческій императоръ Василій II взялъ въ плѣнъ и замучилъ болгарскаго царя Самуила и ослѣпилъ 15,000 болгаръ, за что и прозванъ былъ Болгарогубцемъ. Послѣ этого болгары болѣе полутора вѣка были подъ греческимъ игомъ, пока, наконецъ, въ 1185 г. не были освобождены героемъ Асаномъ, положившимъ начало болгарской королевской династіи Асанидовъ. Болгарскій царь Кало-Янн принялъ католицизмъ и получилъ за это отъ папы Иннокентія III королевскій титулъ, но, не смотря на это, когда крестоносцы, подъ предводительствомъ Балдуина, взяли въ 1203 году Константинополь и обошлись гордо съ этимъ болгарскимъ царемъ, Кало-Янн не поколебался выйдти на нихъ съ оружіемъ. Болгарскій король разбилъ крестоносцевъ на голову и взялъ въ плѣнъ самого знаменитаго Балдуина.

Въ свою очередь, Кало-Яни (иначе: Іоаннъ, Іоанникій), былъ измѣнически убитъ кинжаломъ во время сна.

Въ 1389 году, послѣ несчастной битвы на «Коссовомъ полѣ», Болгарія подпала подъ власть турокъ, и до сихъ поръ терпитъ отъ нихъ неслыханныя жестокости.

Такой многовѣковой гнетъ не могъ не отразиться и на характерѣ народа: прежде храбрый и умный, болгаринъ отупѣлъ, сталъ робокъ и низкопоклонливъ.

Теперешніе болгары считаются очень трусливымъ народомъ, но между ними всегда были личности, ярко выдававшіяся своимъ рѣшительнымъ характеромъ, горячею любовью къ угнетенной родинѣ и жаждою освободить ее отъ турецкаго ига. Одною изъ такихъ личностей является изображенный здѣсь герой болгарскій, Степанъ Караджа, имя котораго пользуется большою популярностію и упоминается съ любовью у простого болгарскаго народа.

Степанъ Караджа родился въ 1843 году въ Тульчѣ, болгарскомъ городкѣ, близъ устья Дуная.

Въ 1862 году Степанъ Караджа былъ въ болгарскомъ войскѣ, составленномъ въ Бѣлградѣ Раковскимъ и Ильей-воеводою. Войско это отличилось во время бомбардированія Бѣлграда турками, гдѣ дружными усиліями славянъ турки, наконецъ, были прогнаны, и сербскія владѣнія очистились отъ турецкихъ войскъ. Послѣ этого Караджа возвратился въ Румынію и нѣкоторое время жилъ спокойно, но въ 1866 году, вмѣстѣ съ другимъ героемъ болгарскимъ, такимъ же, какъ и онъ бойцомъ за свободу родины, Хаджи-Димитріемъ и горстью момковъ онъ снова дѣлалъ попытки облегчить участь родины. Въ 1868 году бухарестскіе эмигранты составили войско и, подъ предводительствомъ Хаджи-Димитрія и Караджи, опять кинулись на турокъ. Исходъ этой попытки извѣстенъ. И Степанъ Караджа, и Хаджи-Димитрій геройски погибли въ ожесточенной битвѣ за освобожденіе Болгаріи. Но за то имена ихъ съ благоговѣніемъ произноситъ каждый истый, преданный родинѣ болгаринъ.

Исходъ настоящей борьбы противъ турокъ—еще неизвѣстенъ... Неужели, послѣ столькихъ жертвъ, попытокъ и усилій — имъ придется снова надѣть турецкое ярмо и снова подвергаться еще большимъ притѣсненіямъ и злодѣйствамъ?...

Rus.

Взятіе турецкаго укрѣпленія при „Бабиной Главѣ" сербскими войсками, подъ предводительствомъ генерала М. Г. Черняева.

Событія на востокѣ становятся все болѣе и болѣе опредѣленны, принимаютъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры. Сербско-турецкая война въ настоящее время поглощаетъ вниманіе всѣхъ образованныхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ симпатіи. Въ этой ожесточенной битвѣ, гдѣ, съ одной стороны, угнетенныя славянскія народности изо всѣхъ силъ стараются сбросить съ себя тяжкое ярмо турецкаго гнета, а съ другой—фанатическая Турція съ неистовою, тупою злобою старается еще крѣпче затянуть петлю зависимости на шеѣ славянина—въ этой борьбѣ на жизнь и на смерть, самымъ видимымъ и симпатичнымъ лицомъ является генералъ М. Г. Черняевъ, искусный полководецъ, взявшійся руководить военными дѣйствіями южноморавской сербской арміи.

Гравюра наша изображаетъ аттаку турецкихъ позицій при Бабиной Главѣ войсками генерала Черняева. Подвигаясь къ Акъ-Паланкѣ, Черняевъ искуснымъ маневромъ отвлекъ вниманіе турокъ отъ мѣста дѣйствительной опасности. Наступленіе Іовановича и Джорджевича ввело въ заблужденіе Шефкетъ-пашу.

Благодаря быстротѣ, съ какою было произведено искусное фланговое движеніе генерала Черняева, войска, подъ личнымъ его начальствомъ, сдѣлавъ въ теченіе сутокъ съ небольшимъ около 50 верстъ, появились 21 утромъ, передъ сильною позиціею и лагеремъ турецкихъ войскъ при Бабиной Главѣ. Войска бригады подполковника Хорватовича, шедшія въ авангардѣ, тотчасъ стали развертываться противъ турецкой позиціи. Къ 11 часамъ подошли главныя силы, и артиллерія сербовъ открыла огонь, направляя его главнымъ образомъ противъ укрѣпленія, расположеннаго на командующей высотѣ, и противъ защищавшихъ его войскъ. Артиллерійскій огонь продолжался около двухъ часовъ, причемъ, по свидѣтельству очевидцевъ, стрѣльба отличалась замѣчательною мѣткостью. Вслѣдъ за ар-

Библиотека "Руниверс"

Е. К. В. Христіанъ IX, Король Датскій.

Е. К. В. Луиза, Королева Датская.

Библиотека "Руниверс"

Сербскій князь и его супруга, послѣ причащенія святыхъ таинъ, цѣлуютъ крестъ предъ отъѣздомъ князя на театръ военныхъ дѣйствій. Съ наброска И. К. грав. Коноди.

Библиотека "Руниверс"

тиллерійскимъ огнемъ была пущена пѣхота, которая и заняла какъ укрѣпленіе, такъ и поддерживавшіе его стрѣлковые рвы, хотя въ тоже время, на лѣвомъ флангѣ сербовъ, въ разстояніи около пяти-шести верстъ, у сел. Піашъ (или Паешъ) показалась значительная партія черкесовъ, но, встрѣченная двумя батальонами и двумя сотнями сербскихъ добровольцевъ (волонтеровъ), она, послѣ перестрѣлки, отошла назадъ, не потревоживъ центра и праваго фланга. Турки отступили съ позиціи при Бабиной Главѣ, оставивъ въ рукахъ сербовъ оружіе, запасъ патроновъ, лошадей и проч.

Rus.

Въ минуты раздумья.

(Картинка изъ жизни древнихъ грековъ, Кабанеля).

Картинка эта невольно переноситъ васъ въ міръ иной, въ далекое прошлое, и передъ вами встаютъ яркіе образы... Люди и «дѣла давно минувшихъ дней!»... Не даромъ Греція вдохновляла такихъ поэтовъ, какъ Байронъ и Шиллеръ. О древнихъ грекахъ можно сказать, что они «съ природой одною жизнью дышали». Греки признавали своими богами небо, солнце, мѣсяцъ, землю и многое другое. Аполлонъ (солнце), по ихъ мнѣнію, ходилъ, думалъ, чувствовалъ, любилъ, даже сердился, совершенно какъ человѣкъ. Однако, греческая религія требовала, чтобы смертный жилъ не для неба, а для здѣшней жизни. Греки вѣровали въ загробную жизнь, но они считали ее печальнымъ продолженіемъ земного существованія. Вообще вѣра ихъ была для этого свѣта; человѣкъ долженъ былъ трудиться для себя, для своего семейства, для общаго блага и, конечно, наслаждаться всѣмъ, что даетъ жизнь. Ясная лазурь неба, великолѣпная растительность, ароматный воздухъ—все это располагало соотечественниковъ Аристотеля и Перикла въ минуты отдыха, досуга—къ сладкимъ мечтаніямъ, къ радужнымъ грезамъ... Передъ вами молодые грекъ и гречанка. Какія спокойныя позы, и сколько граціи въ этой прекрасной дочери юга, лѣниво опустившей прелестныя свои руки на семиструнную лиру!... Оба *они* въ раздумьи... Она даже какъ будто печальна. Быть можетъ, красавица эта беззвучно произноситъ одно изъ стихотвореній женщины—поэта Сафо? Что-жь, вѣдь и во время оно знали, что такое любовь, ревность, измѣна, тоска, страданія сердца...

Въ стихотвореніи А. Майкова «Сафо», гречанка говоритъ:

Зачѣмъ вѣнкомъ изъ листьевъ лавра
Себѣ чело я обвила
И лиру миртомъ убрала?
Такъ мнѣ оракулъ Эпидавра
Предрекъ не даромъ чашу муки:
Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!
Ты очарованъ новой страстью
У ногъ красавицы другой.
Но овладѣть она тобой,
Скажи, какой умѣла властью?...
Ничто, ни мысль, ни чувство въ ней
Границъ холодныхъ не преступитъ:
Она безсмысленныхъ очей
Не озаритъ огнемъ страстей
И вдругъ стыдливо не потупитъ;
Не можетъ локоновъ убрать
Небрежно, но уловкой тайной,
Ни по плечамъ, какъ бы случайно,
Широко ризы разметать...

Можетъ быть и эта задумчивая гречанка, сбросивъ съ своихъ роскошныхъ черныхъ волосъ нѣмокъ, ревнуетъ сидящаго съ нею и неслышно говоритъ: «Ты мнѣ невѣренъ, милый другъ!»...

Е. К. В. датскій король Христіанъ IX и супруга его, королева Луиза.

Въ виду состоявшаго въ субботу 17 сего іюля пріѣзда въ нашу столицу ихъ величествъ, короля и королевы датскихъ, прилагаемъ въ настоящемъ нумерѣ ихъ портреты, и нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, а также о ихъ королевствѣ, Даніи.

Король Христіанъ IX родился 8 апрѣля 1818 года. Въ 1842 году, 26 мая, онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Гессенъ-Кассельской, Вильгельминой-Луизой (родилась 7 сентября, 1817 года), На престолъ Даніи король Христіанъ IX взошелъ 15 ноября 1863 года.

Датскій королевскій домъ связанъ съ россійскимъ императорскимъ тѣсными узами родства. Супруга нашего Государя Наслѣдника Цесаревича, Марія Ѳеодоровна, какъ извѣстно, есть четвертое дитя короля Христіана (ея прежнее имя: Дагмара-Марія-Софія-Фредерика), а дочь Великаго Князя Константина Николаевича, Ольга Константиновна, находится въ супружествѣ съ сыномъ короля Христіана, Вильгельмомъ, нынѣ королемъ Греціи (подъ именемъ Георга I). Кромѣ того, первый сынъ датскаго короля, Фридрихъ, имѣетъ супругою *единственную дочь* шведскаго короля, Луизу, а второе дитя короля, дочь Александра,—замужемъ за сыномъ королевы Викторіи, принцемъ уэльскимъ, Альбертомъ-Эдуардомъ. Изъ этого видно, что король Христіанъ находится въ близкомъ родствѣ съ дворами: россійскимъ, греческимъ, шведскимъ и англійскимъ. Помимо упомянутыхъ дѣтей, у датскаго короля есть еще дочь, принцесса Тира, 23 лѣтъ и сынъ, Вольдемаръ, 18 лѣтъ.

На встрѣчу ихъ величествъ, короля и королевы датскихъ, изволили выѣхать на пароходѣ по Финскому заливу, ихъ Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и супруга его, Марія Ѳеодоровна. Они плыли на яхтахъ «Цесарева» и «Славянка» до острова Гохланда, гдѣ и произошла встрѣча ихъ съ высокими гостями.

Пользуясь симъ случаемъ—пріѣзда высокихъ гостей въ нашу столицу не можемъ не напомнить нашимъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Даніи.

Королевство Данія, какъ извѣстно, занимаетъ сѣверную половину полуострова Ютландіи и около лежащіе острова, изъ которыхъ важнѣйшіе: Зеландія, Фіонія, Борнгольмъ, Лангеландъ, Лаландъ и много другихъ, мельчайшихъ. Почти весь материкъ полуострова Ютландіи и всѣхъ острововъ, кромѣ Борнгольма, представляетъ наносную, вѣками сконившуюся почву, обязанную своимъ происхожденіемъ прибою волнъ. Со стороны моря материкъ защищенъ плотинами и довольно плодороденъ, но страдаетъ полнымъ отсутствіемъ металловъ. Коренное населеніе Даніи скандинавскаго происхожденія, и въ немъ сохраняются еще и передаются устно древнія скандинавскія *саги*, сборникъ которыхъ извѣстенъ подъ названіемъ «Эдды».

Природа Даніи вообще сурова и непривѣтлива, климатъ холодный и сырой. Зимою для корма скота иногда недостаетъ травы, и скотъ питается тогда сушеными и мелкоистолченными рыбьими костями. Въ числѣ скудныхъ заработковъ мѣстнаго населенія, собираніе гагачьяго пуха по крутымъ приморскимъ скаламъ, тоже приноситъ нѣкоторый доходъ суровому съ виду, угрюмому, но трудолюбивому и доброму датчанину.

Къ этому краткому очерку страны, представители власти надъ которою находятся въ настоящее время въ нашей столицѣ считаемъ нужнымъ присовокупить, что ихъ Величества, король и королева датскіе пользуются среди своего народа искреннею любовію и уваженіемъ, какъ вполнѣ добродѣтельные правители, заботящіеся о благѣ своихъ подданныхъ.

Съ королемъ и королевой датскими прибыли король и королева греческіе. Всѣ царственные гости одновременно, встрѣченные Государемъ Наслѣдникомъ и его супругою прибыли затѣмъ въ Петергофъ, гдѣ и были привѣтствованы Ихъ Императорскими Величествами и членами Императорскаго дома. Портреты короля и королевы греческихъ были помѣщены въ «Нивѣ» за 1871 г. въ № 45.

Нелюбовъ.

Отъѣздъ сербскаго князя Милана къ войску.

Нынѣшній сербскій князь, Миланъ IV Обреновичъ,—еще очень молодой человѣкъ—ему всего только 25 годъ (онъ родился 27 августа 1852 года), на сербскій престолъ вступилъ въ 1868 г. Послѣднія событія въ славянскихъ земляхъ Босніи и Герцеговинѣ заставили и Сербію, находящуюся въ вассальной зависимости отъ Высокой Порты, поднять оружіе на исконныхъ враговъ славянства и вообще христіанства—турокъ

Великодушный князь Миланъ Обреновичъ вступился за единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ — славянъ, терпѣвшихъ и даже до сихъ поръ терпящихъ невыразимыя жестокости и несправедливости отъ турокъ.

Со времени начала возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ положеніе Сербіи стало невыносимымъ. И вотъ уже годъ, какъ Порта окружила Сербію отъ устья Тимока до устья Дрины желѣзнымъ кольцомъ; уже цѣлый годъ Сербія, не ведя войны, несла на себѣ всѣ ея тяжести и жертвы. Сербія слушалась

Библиотека "Руниверс"

совѣтовъ гарантирующихъ державъ. Но, не смотря на это, Порта отправила къ сербской границѣ орды азіятскихъ варваровъ. и было бы слабостью оставаться далѣе въ предѣлахъ умѣренности. «Мы указали, говоритъ князь Миланъ, турецкому правительству средства успокоить возставшія провинціи и освободить Сербію изъ ея невыносимаго положенія; мы объявили Портѣ, что вступимъ во имя мира и гуманности въ возставшія провинціи; отъ Порты зависитъ теперь положить конецъ кровопролитію. Братья! съ нами вмѣстѣ идутъ наши храбрые родичи, Черногорцы, подъ начальствомъ моего геройскаго брата Николая; нашу сторону держатъ храбрые герцеговинцы и босняки; насъ ожидаютъ наши болгарскіе братья и *благородные греки* тоже не заставятъ вѣроятно долго ждать себя! Бейте непріятеля, но щадите положившихъ оружіе, плѣнныхъ, немощныхъ, дѣтей и женщинъ—мы не варвары.

Уважайте границы Австріи, которая благосклонно защищаетъ столько нашихъ братьевъ изъ Герцеговины и пріобрѣла себѣ право на нашу благодарность».

Вотъ въ какихъ, приблизительно, выраженіяхъ объявилъ князь Миланъ своему народу, войску и иностраннымъ державамъ о своемъ вмѣшательствѣ въ войну. Въ этомъ манифестѣ видна твердая вѣра въ правоту предпринимаемаго дѣла и вмѣстѣ съ этою вѣрою свѣтлыя надежды на помощь и участіе... Многимъ изъ этихъ надеждъ, какъ показали послѣдующія событія, не суждено, кажется, сбыться, но, тѣмъ не менѣе, дѣла сербовъ пока идутъ хорошо. Объявивъ войну, князь Миланъ самъ выѣхалъ въ главную квартиру, торжественно принесши сначала молитву къ Богу о дарованіи побѣды. Наша картинка изображаетъ князя Милана Обреновича, колѣнопреклоненнаго передъ св. крестомъ въ рукахъ сербскаго митрополита. Рядомъ съ нимъ его юная супруга, Наталья Петровна, тоже склонила благоговѣйно голову, слушая напутственное слово митрополита.

«Ты, любящій Христа народъ сербскій, идешь во имя Господа на бой, дабы защищать свое племя и имя, говорилъ митрополитъ, дабы защищать свою землю, свободу и святую православную вѣру.

Вспомни, дорогой народъ, твою старую славу и свободу, Вспомни твою милую родину, на которой дикій безбожникъ безнаказанно сотворилъ столько зла и которую онъ обратилъ въ пустыню...

Во имя сего благословляю васъ симъ крестомъ Христовымъ на бранный походъ: да неослабѣваютъ отважныя сердца ваши; не уступайте предъ непріятелемъ, вѣруя, что съ вами Богъ, который ниспошлетъ вамъ духъ Обилича, Марка Кралевича, Велька, Синджелича, Милоша и другихъ сербскихъ героевъ, и памятуя, что за васъ молятся Немоничи. Въ ваши руки отдаю знамя Обреновичей, да поведетъ оно въ священный бой, на побѣду враговъ...

Будьте благословенны всѣ, грядущіе во имя Господне. Аминь».

Вотъ отрывки изъ рѣчи, сказанной митрополитомъ. Затѣмъ Миланъ простился съ народомъ, молодою супругою Натальею и при громкихъ крикахъ народа и войска сѣлъ на пароходъ, чтобы уѣхать въ главную квартиру при арміи.

Rus.

Политическое обозрѣніе.

Въ послѣднее время съ театра войны приходили недобрыя вѣсти, смѣнявшіяся иногда томительною неизвѣстностью. Съ одной стороны—неудачная аттака позицій Османа-Паши у Великаго Извора, съ другой—отступленіе южной сербской арміи отъ Бабиной-Главы и Ак-Паланки, наконецъ — пораженіе, нанесенное Мухтаромъ-Пашой черногорцамъ, слухи о возможности вступленія турокъ въ предѣлы Сербіи, вступленія, которое сопровождалось бы всѣми ужасами нашествія варваровъ — вотъ рядъ извѣстій, сообщенныхъ телеграфомъ Но—все это нынѣ уже измѣнилось: 18-го іюля въ газетѣ «Русскій Міръ» обнародована слѣдующая радостная депеша, которую приводимъ въ ея текстѣ, желая передать читателямъ то непосредственное впечатлѣніе, которое сообщаютъ ея безъискусственныя выраженія, ея восторженный тонъ: 16-го, въ 6½ часовъ утра, напали на насъ турки подъ командой Мухтара-Паши подъ Вербицей. Тотчасъ мы выстроились, заняли хорошую позицію и вступили въ бой. Жестокій бой длился цѣлый часъ. Черногорцы бросились въ аттаку и разбили турокъ. Сію минуту привели ко мнѣ Османа-Пашу живымъ и много плѣнныхъ Бой еще продолжается. Да здравствуютъ мои черногорцы!

Князь Николай.

Затѣмъ получено свѣдѣніе объ окончаніи «продолжавшагося боя», конецъ вполнѣ увѣнчалъ начало: Мухтаръ-Паша разбитъ на голову, изъ всего его корпуса уцѣлѣли только 4 батальона, остальное разсѣяно; вмѣстѣ съ Османомъ-Пашой (турецкимъ генераломъ) взяты въ плѣнъ 300 регулярныхъ солдатъ, взято главное знамя и нѣсколько другихъ знаменъ, крупповскія орудія и багажъ! Побѣда эта, по нашему мнѣнію, будетъ имѣть весьма важныя матерьяльныя (не говоря уже о нравственныхъ) послѣдствіяхъ—путь къ Мостару, т. е. главному городу Герцеговины, открытъ, такъ какъ турки уже не могутъ противопоставить тутъ серьезныхъ препятствій, послѣ столь жестокаго пораженія.

Почти одновременно съ этимъ, сербы имѣли серьезный успѣхъ на Тимокѣ. Въ прошлый разъ, объясняя читателямъ значеніе турецкихъ военныхъ операцій у Зайчара, мы говорили, что Османъ-Паша, опирающійся на Виддинъ, вступилъ на сербскую территорію и укрѣпился въ Великомъ-Изворѣ, откуда сербскому корпусу Лѣшанина, геройски отбившему цѣлый рядъ приступовъ на Зайчаръ, не удавалось до сихъ поръ вытѣснить оттоманскія войска и принудить ихъ отступить за пограничную линію. Теперь это достигнуто: Османъ-Паша разбитъ и прогнанъ - сербская земля, отъ Великаго Извора до самой границы очищена отъ непріятеля!

Мы ожидали этого, ожидаемъ еще и другихъ успѣховъ, мы твердо убѣждены въ томъ, что побѣда покупается не однимъ численнымъ превосходствомъ, не однимъ болѣе совершеннымъ оружіемъ. Она чаще, гораздо чаще, склоняется на сторону тѣхъ, кто идетъ въ битву съ твердою рѣшимостью побѣдить или умереть за свое правое дѣло; а сербы, и славяне, какъ одинъ человѣкъ, объяты однимъ, общимъ, пламеннымъ чувствомъ одушевленія не выдать своей родины врагу, освободить отъ его невыносимаго ига своихъ единоплеменниковъ по крови и по вѣрѣ. Насколько сильно одушевлено населеніе Сербіи, мы можемъ видѣть на самыхъ столбцахъ черстваго «Times'а», котораго трудно заподозрить въ желаніи подкрашивать факты.

Такъ, корреспондентъ органа Лондонскаго Сити пишетъ изъ Парачина (отъ 24-го іюля), что всѣ селеніе охвачено необыкновеннымъ воодушевленіемъ. Всѣ рвутся идти въ дѣло—не смотря на то, что резервы еще не созваны—люди, состоящіе въ немъ, являются до созванія его и прямо поступаютъ волонтерами. Лошади для кавалерійскихъ полковъ, для прочихъ частей, скотъ и многое другое, необходимое для войскъ, получается не реквизиціей, а доставляется народомъ «даромъ». Торговцы, купцы, предварительно внеся суммы по воинскому займу, сами, затѣмъ, или вступили въ ряды, или въ комиссаріатъ, или пошли служить въ лазареты. Война эта считается войною за дѣло Христа и отечества. Эти пламенные патріоты не могутъ допустить той, дикой, по ихъ мнѣнію мысли, чтобы весь христіанскій міръ не проникся сочувствіемъ къ нимъ, поднявшимъ мечь противъ враговъ христіанскаго міра.

Кто-же будетъ сравнивать это чистое чувство, этотъ высокій энтузіазмъ сербскаго народа съ тѣми побужденіями, подъ вліяніемъ которыхъ двигается на славянъ мусульманская орда, орда, повинующаяся возбужденному въ ней фанатическому изувѣрству, а всего болѣе преднамѣренно «расшевеленному» въ ней голосу животныхъ страстей, жажды добычи. Или мы, въ самомъ дѣлѣ, будемъ вѣрить въ чистыя, идеальныя побужденія баши-бузуковъ и черкесовъ! А что турецкія «регулярныя войска не лучше иррегулярныхъ—лучшимъ тому доказательствомъ намъ служатъ ихъ дѣйствія въ Болгаріи, гдѣ оттоманскій генералъ Шефветъ-Паша помогаетъ, съ своими низамами, баши-бузукамъ жечь и грабить мирныя деревни, гдѣ турецкіе офицеры (въ Татарбазарджикѣ) открыто продаютъ вещи, награбленныя у умерщвленныхъ ихъ солдатами людей! (всему этому были свидѣтелями нѣсколько десятковъ иностранцевъ, представившихъ потомъ формальныя донесенія во всѣ иностранныя посольства въ Константинополѣ).

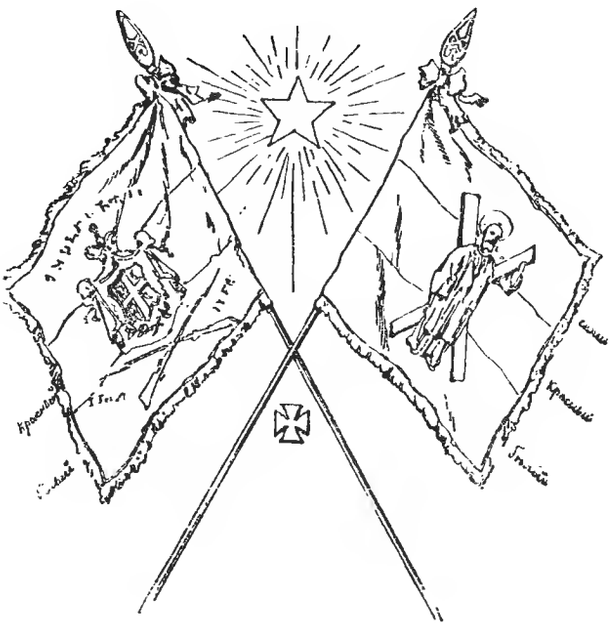
Подобные факты, полагаемъ, въ достаточной мѣрѣ, объясняютъ «воодушевленіе» мусульманъ, идущихъ на бой «за вѣру». Не лишнимъ, въ этомъ отношеніи, считаемъ указать и на свидѣтельство корреспонденцій, получаемыхъ изъ Константинополя газетой «Agence Générale Russe», — въ одной изъ нихъ, между прочимъ, говорится: «Каждому волонтеру выдается, 2 ливра, которые онъ получаетъ немедленно по занесеніи его въ списки. Понятно, что, при теперешней общей бѣдности въ Турціи, охотниковъ до этихъ ливровъ является не мало», при чемъ далѣе, добавлено, что масса эта, конечно, состоитъ изъ сброда, въ нравственномъ отношеніи оставляющаго желать многаго.

Да! пылающія развалины разграбленныхъ, обворованныхъ городовъ и деревень Болгаріи, рѣки неповинной крови, сотни женщинъ и дѣвушекъ, распроданныхъ въ гаремы—все это, лучше, достовѣрнѣе, выражаетъ то, что влечетъ доблестныхъ «воиновъ Магомета» идти противъ враговъ пророка.

Между тѣмъ, несчастному намѣстнику пророка на землѣ, по видимому, грозитъ участь его предшественника, всемогущаго халифа и султана Абдулъ-Азиса. По крайней мѣрѣ—министры «громко, во всеуслышаніе» высказываютъ свои соболѣзнованія о разстройствѣ его умственныхъ способностей, а это для него дурной знакъ—министры тоже жалѣли и его дядю и ихъ сожалѣнія особенно шумно раздавались предъ его низложеніемъ и смертью. Телеграфъ уже сообщилъ слухъ о томъ, что Мурадъ «смертельно боленъ»! Въ послѣднее время, много разсказывалось о странностяхъ султана, странностяхъ въ которыхъ усмот-

Библиотека "Руниверс"

рѣны симптомы серьезной болѣзни. Такъ, напримѣръ, онъ заперся отъ своихъ совѣтниковъ и не принималъ ихъ къ себѣ. На послѣдней аудіенціи съ нимъ происходило что-то необыкновенное: онъ то сидѣлъ въ глубокомъ унынiи, то вдругъ вскакивалъ и заливался истерическимъ смѣхомъ. Высказывая свои подозрѣнія, основанныя на недавнемъ прецедентѣ, мы, однако, не беремъ отрицать, что, дѣйствительно можетъ быть, Мурадъ страдаетъ умопомѣшательствомъ. Всѣ данныя къ тому на лицо. Физически, нервно разслабленный гаремною жизнью, потрясенный перипетіями трагедіи, въ которой ему пришлось принимать непосредственное (хотя, говорятъ, невольное) участіе, напуганный критическимъ положеніемъ имперіи, судьбы которой довѣрены ему—онъ, естественно уже былъ предрасположенъ къ душевной болѣзни. Къ тому же, по слухамъ изъ Константинополя, не всѣмъ министрамъ желательно его исчезновеніе. Всемогущій въ эту минуту Мидхадъ, какъ передаютъ,—желаетъ, чтобы онъ остался на престолѣ, потому что, именно, въ этой слабости, или лучше сказать, въ этой безличности владыки и онъ видитъ единственную почти возможность провести свою конституцію. Нѣсколько времени тому назадъ, онъ рѣшился произнести самое слово «конституція» предъ многочисленнымъ собраніемъ высокихъ сановниковъ имперіи. Эти руководители судебъ Турціи, были созваны по случаю принятаго Австріей рѣшенія закрыть Клекскій портъ. Но дѣло не ограничилось только обсужденіемъ одного только этого обстоятельства (сильно затронувшаго Порту)—засѣданіе было посвящено разсмотрѣнію общихъ вопросовъ настоящаго положенія Турціи и мѣръ, которыя, по выраженію великаго визиря, «должны возвратить оттоманской имперіи уваженіе Европы и матерьяльное благосостояніе». Мехмедъ-Рушди-паша сказалъ достопочтенному собранію, что видитъ эти мѣры въ дарованіи равноправности христіанамъ, реорганизаціи администраціи, строгомъ контролѣ финансовъ. Говорившій послѣ него, шейхъ-уль-исламъ заявилъ, что, въ принципѣ, коранъ не противится преобразованіямъ; произнесенное, затѣмъ, Мидхадомъ, какъ мы сказали выше, слово «конституція»—произвело, по видимому, особенно неблагопріятное дѣйствіе на присутствовавшихъ здѣсь улемовъ: они встрѣтили это слово ропотомъ неудовольствія. Вообще, на мрачномъ фонѣ кризиса, переживаемаго теперь Турціей, обрисовываются черты новой опасности для имперіи—возможность междоусобія среди самого мусульманскаго населенія, междоусобія, въ которомъ врагами явятся, съ одной стороны, приверженцы древняго, укоренившагося «порядка», т. е. лучше сказать безпорядка, а съ другой — адепты конституціи Мидхада. Не трудно предвидѣть, къ чему все это повело бы? Понятно, что день, въ который вспыхнула бы эта борьба — былъ бы «послѣднимъ днемъ Помпеи» для оттоманской имперіи, которая рухнула бы, подъ своей колеблющей почвой, рухнула бы среди пламени и дыма и не помогли бы ей никакіе флоты въ Пэрской гавани, никакія дипломатическія усилія, международные конгрессы и конференціи, никакія ноты и меморіи.



Сербское знамя.

Пока же Порту начинаетъ озабочивать меморія румынскаго правительства, которое требуетъ предоставленія ей правъ, близкихъ къ самостоятельности, а также и уступки ей устья Дуная. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, Румынія рѣшилась твердо настаивать на этихъ требованіяхъ. Ожидается, даже, нѣчто большее, чѣмъ одно дипломатическое дѣйствіе... Въ добрый часъ!

Сербское знамя.

Мы помѣщаемъ рисунокъ знамени сербской арміи. Читатель видитъ, что знамя состоитъ изъ трехъ полосъ синяго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. На одной сторонѣ знамени—изображеніе Андрея Первозваннаго, на другой—гербъ княжества, (на красномъ фонѣ бѣлый крестъ) два крестъ-на-крестъ лежащія ружья и годъ освобожденія княжества изъ подъ турецкаго ига.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ-Адъютантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ** Русскій посолъ въ Константинополѣ (съ по третомъ).—**Восточные отголоски** (стихотворенія) **Щ.**—**Встревоженный городъ.** (Картины губернской жизни). (Продолженіе) **Д. Стахѣева.**—**Предводитель и герои сербскаго возстанія** (съ 4-мя портретами).—**Ильо Мркоичъ, одинъ изъ вождей болгарскаго возстанія** (съ портретомъ). — **Болгарскій герой Степанъ Караджа** (съ портретомъ) **Rus.**—**Взятіе турецкаго укрѣпленія при „Бабиной Главѣ" сербскими войсками, подъ предводительствомъ генерала М. Г. Черняева** (съ рисункомъ) **Rus.**—**Въ минуты раздумья** (Картинка изъ жизни древнихъ грековъ), (съ рисункомъ).—**Е. К. В. датскій король Христіанъ IX и супруга его, королева Луиза** (съ 2-мя портретами) **Нелюбова.** — **Отъѣздъ сербскаго князя Милана къ войску** (съ рисункомъ) **Rus** —Политическое обозрѣніе.—**Сербское знамя** (съ рисункомъ).—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщенныя въ журналѣ «Нива», могутъ найдти самое громадное распространеніе, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и между иногородными подписчиками.

«Нива» расходится въ количествѣ 25,000 экземпляровъ. За строку нонпарейли (37 буквъ) платится 25 коп. Подробный тарифъ на объявленія напечатанъ въ № 17 „Нивы". 6—6

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—4

КАРЛЪ БАУХЪ,

по Большой Морской домъ Росмана № 9,

приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ ея прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

26—16

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

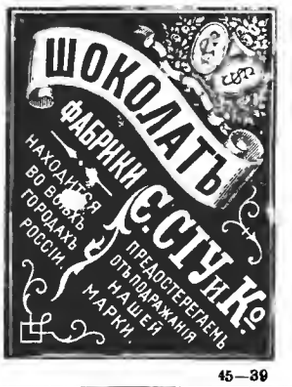
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.



45—39

Послѣднее сочиненіе покойной **Жоржъ-Зандъ,** «Замокъ Персмонъ», цѣна 75 коп., недавно вышло изъ печати и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также на станціяхъ Московской, Нижегородской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ и въ складѣ на Невскомъ просп., д. № 49, близь Владимірской улицы. 3—3

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описанія жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.

Д. И. Стахѣева.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за іюнь 1875 года. № 43. 2—2

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 22 Іюля 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Безфамильнаго Адм. пр., № 10.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 31 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 2 Августа 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за АВГУСТЪ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *И. Гр. Соловьева, А. Ланъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногородныиъ 3 руб.

На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ, нѣсколько дней тому назадъ геройски «положилъ душу свою за братьевъ своихъ славянъ». Этотъ, славно но безвременно сошедшій въ могилу, человѣкъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ какъ бы свыше дано умѣть сбросить съ себя тѣсную оболочку эгоизма, выдти изъ исключительнаго, узкаго круга личныхъ интересовъ, забыть ихъ ради интересовъ общихъ. Черта эта въ немъ тѣмъ болѣе достойна была уваженія, что онъ, родившись и получивъ воспитаніе въ свѣтской средѣ, не приготовленный, слѣдовательно, къ серьезной дѣятельности, самъ, личной работой надъ собой, развилъ въ себѣ черту эту, самъ найдя въ своемъ честномъ сердцѣ, въ своей чистой душѣ, зародышъ благородной склонности къ служенію обществу, далъ этому ростку взойти пышнымъ, богатымъ цвѣтомъ.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ. Съ фотогр. грав. Боярскій.

Николай Алексѣевичъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, получилъ образованіе въ пажескомъ корпусѣ, откуда поступилъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. По выходѣ въ отставку (въ чинѣ штабъ-ротмистра), онъ посвятилъ всю жизнь вопросу народности и однимъ изъ первыхъ способствовалъ обрусѣнію нашихъ западныхъ окраинъ. Главнѣйшая же его заслуга предъ русскимъ обществомъ, несомнѣнно есть его дѣятельность въ качествѣ члена славянскаго благотворительнаго комитета. Въ эту дѣятельность, одушевленную его глубокимъ, горячимъ убѣжденіемъ и вѣрой въ великость самого дѣла, вложилъ онъ всю энергію молодыхъ своихъ силъ. Въ самую горячую пору работы комитета — онъ всегда былъ въ передовыхъ рядахъ усерднѣйшихъ, неустанныхъ работниковъ. Извѣстны, напримѣръ его труды въ то время, когда впервые раздались вопли и стоны герцеговин-

Библиотека "Руниверс"

скихъ бѣглецовъ, лишившихся крова, одежды, пищи, когда комитетъ впервые обратился съ воззваніемъ о помощи несчастнымъ. Дѣятельность Николая Алексѣевича, положительно забывавшаго о себѣ, не ограничивалась тогда однимъ Петербургомъ, организованіемъ здѣсь всѣхъ видовъ сбора пожертвованій—на него было возложено порученіе дѣйствовать въ провинціи. Во всѣхъ посѣщенныхъ имъ губерніяхъ оставилъ онъ слѣдъ своихъ энергическихъ усилій, своего неусыпнаго и плодотворнаго труда—всюду съумѣлъ онъ возбудить сочувствіе къ дѣлу, которое считалъ дѣломъ своей жизни, всюду умѣлъ онъ вдохнуть горячее участіе къ страдальцамъ-братьямъ, не упуская въ то же время вселять убѣжденіе, что они «наши братья». Но всего этого ему показалось мало—и вотъ, предвидя, что скоро начнется роковая борьба, онъ (весной) поспѣшилъ въ Сербію, чтобы послѣ мирнаго труда поработать славянству на бранномъ полѣ.

Какъ извѣстно, Николай Алексѣевичъ вступилъ въ сербскую армію подъ именемъ «Хаджи Гирея». Ставъ во главѣ волонтеровъ въ качествѣ «заповѣдника добровольскихъ четъ» (т. е. начальствующаго надъ сформированными ротами волонтеровъ), онъ, съ первыхъ же шаговъ своей новой службы отличился молодецкимъ дѣломъ близъ Бѣлградчика. Когда въ главной квартирѣ получены были свѣдѣнія о томъ, что турки намѣреваются завладѣть Кады-Богазомъ и вошли въ ущелье, то туда былъ посланъ съ 5-ю батальонами Николай Алексѣевичъ. Орломъ налетѣлъ на турокъ Кирѣевъ, выбилъ изъ этого пункта, погналъ предъ собой и, занявъ Салашъ и Чуприно, не остановился на пути, а погналъ дальше, до Бѣлградчика и овладѣлъ всею позиціей... Но увы—ему не было суждено послужить дольше завѣтному дѣлу...

6-го іюля произошло сраженіе подъ Вратарницей. Планъ сербовъ заключался въ послѣдовательномъ нападеніи на турокъ въ одномъ районѣ и вытѣсненіи ихъ изъ села Великаго Извора, на самой сербской границѣ. Отрядъ подъ командой Кирѣева, долженъ былъ рано утромъ двинуться съ своей позиціи у Салаша къ турецкимъ укрѣпленіямъ у Раковицы, взять ихъ, и затѣмъ пройти впередъ и соединиться съ главными силами, ставъ между сербскимъ правымъ флангомъ и Адліей. Кирѣевъ, утромъ 6-го, оставивъ на занимаемой имъ позиціи 2 батальона пѣхоты при 2-хъ орудіяхъ, самъ съ другими тремя батальонами, четой добровольцевъ, 2 орудіями и эскадрономъ кавалеріи, выступилъ въ Раковицы. Послѣ усиленнаго артиллерійскаго огня по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, Н. А. повелъ свои войска на штурмъ, идя самъ впереди съ обнаженной саблей въ рукѣ. Сербы уже были вблизи укрѣпленія и готовились уже съ крикомъ «ура»! ворваться въ нихъ, какъ вдругъ Кирѣевъ, раненый пулей въ грудь, упалъ за-мертво шагахъ въ 40 отъ первыхъ стрѣлковыхъ ровиковъ. Смертельно раненый, онъ продолжалъ идти впереди своихъ солдатъ, пока другая пуля не положила его на мѣстѣ... Смерть любимаго начальника, въ котораго солдаты слѣпо вѣрили, такъ сильно подѣйствовала на нихъ, что они, вмѣсто того, чтобы окончательно броситься впередъ и овладѣть укрѣпленіями, отступили въ безпорядкѣ... Поле битвы осталось не за ними, не за ними осталось и тѣло ихъ героя-командира!...

Не смотря на всѣ усилія отыскать тѣло—его не нашли, а посланный, по окончаніи битвы, къ Осману-Пашѣ парламентеръ не только не былъ принятъ, но, по его приказанію, встрѣченъ выстрѣлами...

Въ заключеніе, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь задушевное слово о павшемъ героѣ, слово, которое мы читаемъ въ присланной «Русскому Міру» корреспонденціи изъ Вратарницы и которое прекрасно обрисовываетъ его:

«Покойный Н. А. Кирѣевъ, говорится въ этомъ письмѣ, принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ, свѣтлымъ и чистымъ натурамъ, къ которымъ нельзя не питать особой симпатіи. Безъ малѣйшаго признака честолюбія или желанія играть видную роль, онъ поступилъ въ сербскую армію какъ простой волонтеръ, какъ простой боецъ во имя дорогой ему идеи, во имя святого дѣла. Своей простотой, добротой, прямодушіемъ, храбростью, онъ, повсюду, куда не являлся, какъ въ средѣ себѣ равныхъ, такъ и въ средѣ подчиненныхъ, умѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе, любовь и уваженіе. Его геройская смерть во главѣ ввѣреннаго его командованію отряда можетъ служить лучшимъ видимымъ выраженіемъ того, что русскіе не смотрятъ равнодушно на борьбу славянскихъ братьевъ съ мусульманами. Всякій долженъ сказать: «миръ праху твоему, храбрый воинъ, честный русскій человѣкъ!»

«Да—миръ твоему праху! и гдѣ бы ни была твоя далекая, безвѣстная могила, она близка всѣмъ русскимъ сердцамъ!

Маленькій мститель.

Эпизодъ изъ сербско-турецкой войны.

(Посв. М. Г. Черняеву).

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной;
Солнце жжетъ малютку горячо;
Ночь душна и карабинъ тяжелый
Отдавилъ усталое плечо.

* * *

Не на праздникъ онъ спѣшитъ веселый—
Ужасъ, мракъ царятъ кругомъ давно—
И не дѣтской скорбію и гнѣвомъ
Это сердце юное полно.

* * *

Онъ спѣшитъ туда, гдѣ пули свищутъ,
Турокъ злой, доспѣхами звеня,
Давитъ тамъ родныхъ его копытомъ
Своего арабскаго коня.

* * *

За отца, сестру отмстить онъ хочетъ.
Вспомнилъ онъ, какъ пламенемъ объятъ,
Пошатнулся, рухнулъ домъ родимый...
И мрачнѣй глаза его горятъ.

* * *

Помнитъ онъ проклятья, вопль и стоны...
Тамъ стрѣляютъ, здѣсь кричатъ, бѣгутъ...
Вотъ съ отцомъ его въ свирѣпой схваткѣ
Съ грудью грудь сцѣпился арнаутъ...

* * *

Палъ отецъ его, облитый кровью;
Врагъ и съ трупа голову сорвалъ,
И схвативъ за волосы сѣдые,
Надъ собой высоко приподнялъ...

* * *

Мальчикъ плачетъ; онъ къ сестрѣ прижался.
«Мила, шепчетъ, встань ты, будетъ спать!
Спой мнѣ пѣсню ту, что прежде пѣла....
Въ церковь мы пойдемъ съ тобой опять!»

* * *

Крѣпко спитъ, не слышитъ брата Мила—
Распустилась черная коса,
И изъ сердца юнаго на землю
Тихо каплетъ алая роса.

* * *

Онъ идетъ, идетъ тропинкой горной
Вонъ: огни завидѣлись вдали —
Слышенъ ружей трескъ и громъ, и ржанье...
Вонъ на приступъ родичи пошли!

* * *

Видитъ онъ, какъ идутъ рать за ратью.
Вотъ чуть слышный раздался сигналъ...
Видитъ онъ, какъ на конѣ, средь дыма
Въ бой ведетъ отряды генералъ.

* * *

Чуть дыша, за камнями припалъ онъ,
Карабинъ дрожитъ въ его рукахъ —
Вотъ, въ пыли, отрядъ турецкій мчится
На горячихъ, взмыленныхъ коняхъ.

* * *

Впереди, весь золотомъ облитый,
Арнаутъ несется, какъ гроза...
Мальчикъ вдругъ узналъ усмѣшку злую,
Вдругъ узналъ усталые глаза!

* * *

Задрожалъ онъ, цѣлитъ, гнѣвно плачетъ...
Выстрѣлъ грянулъ, пуля догнала:
И на землю всадникъ покатился
Съ своего высокаго сѣдла...

Ѳ. Бергъ (Боевъ).

Встревоженный городъ

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

V.

Теперь въ свою очередь вошелъ въ кабинетъ сановника полиціймейстеръ.

Объяснивъ все, что слѣдовало по порядку, и о пожарѣ, своевременно прекращенномъ дружнымъ дѣйствіемъ команды, и о бабѣ, которая, „сама себя непомня“,

Библиотека "Руниверс"

могла погибнуть въ пламени, но была отъ этого тоже своевременно „устранена“, полиціймейстеръ вскользь, какъ будто между прочимъ, но въ тоже время себѣ на умѣ, въ виду тайныхъ соображеній, заявилъ.

— То лицо, ваше—ство, которымъ вы изволили заинтересоваться вчерашній вечеръ въ театрѣ...

— Ахъ, да! вдругъ перебилъ сановникъ, не давъ ему договорить.

Тотъ, конечно, смолкъ, почтительно выжидая, что будетъ угодно сказать начальству.

— Вы меня перебили...

— Виноватъ-съ!..

— Что-то я тамъ такое... замѣтилъ... припоминалъ онъ и завертѣлъ предъ своимъ носомъ указательнымъ пальцемъ, стараясь поймать ускользнувшую куда-то мысль.

— Что еще тамъ такое, чортъ побери! мелькнуло въ головѣ полиціймейстера: замѣтилъ! замѣтилъ! что тамъ замѣтилъ! думалъ онъ, совершенно непочтительно передразнивая въ своихъ думахъ озаботившагося начальника. Ему, главное, хотѣлось поскорѣе порѣшить вопросъ о пріѣзжемъ, а между тѣмъ не ловко было прервать думы сановника.

— Впрочемъ я потомъ вспомню, отмахнулся тотъ отъ своихъ думъ и спросилъ:

— Ну-съ. Что еще?..

— Уѣхалъ, ваше—ство. Уѣхалъ-съ... сегодня поутру въ 6 часовъ по сибирскому тракту. Выбылъ-съ.

— Кто это? величественно приподнимая голову и прищуриваясь спросилъ сановникъ.

— Тотъ самый-съ... купецъ.

— Но... къ чему вы мнѣ объ этомъ докладываете?

— Я, собственно... по той причинѣ, что вамъ угодно было заинтересоваться...

Послѣдовало не громкое: „гм, гм, да!“ и нѣкоторая пауза молчанія. Пользуясь ею, полиціймейстеръ поспѣшилъ докончить занимавшій его, въ виду особыхъ соображеній, вопросъ о пріѣзжемъ и весьма торопливо, видимо, чтобы не дать начальнику перебить свою рѣчь, доложилъ:

— Вчерашній вечеръ ваше—ство прибылъ въ городъ, одинъ весьма представительный человѣкъ, повидимому изъ административнаго класса...

— Кто? нахмуриваясь спросилъ сановникъ.

— Онъ въ настоящее время не предъявилъ еще своего вида.

— Но въ такомъ случаѣ, къ чему-же вы мнѣ объ этомъ докладываете? удивился сановникъ и даже сдѣлалъ шагъ назадъ, разводя руками.

— Я, собственно, по той причинѣ, что между этими двумя лицами есть нѣкоторое сходство... въ фигурѣ... Онъ тоже былъ въ театрѣ, но вы не изволили замѣтить...

— Но мало ли бываетъ въ театрѣ народу, на который я не обращаю вниманія,—тономъ еще большаго изумленія спросилъ сановникъ,—къ чему же вы мнѣ... и такъ, вдругъ... неизвѣстно для чего?...

— Чувствую, что проваливаюсь куда-то въ бездну, мысленно упрекалъ самъ себя Семенъ Егоровичъ и бѣгалъ глазами по комнатѣ изъ угла въ уголъ, отыскивая спасеніе.

— Это, вновь прибывшее лицо, началъ онъ, собравшись съ духомъ, принадлежитъ, насколько могу судить, по нѣкоторымъ предположеніямъ, къ значительнымъ особамъ.

— А—а! протянулъ сановникъ и поспѣшно запахнулъ халатъ, точно предполагаемая значительная особа должна была сейчасъ появиться въ его кабинетѣ.

Семенъ Егоровичъ еще болѣе растерялся, видя что его слова произвели на сановника впечатлѣніе.

— Вѣроятно проѣздомъ и не на долго, да? голосомъ, сильно пониженнымъ, спросилъ сановникъ.

— Навѣрное не могу доложить... тоже понижая съ своей стороны голосъ отвѣчалъ полиціймейстеръ и чувствовалъ въ то же время, что его какъ будто куда-то засасываетъ въ тину все глубже и глубже.

— Вы узнали подробности, продолжалъ сановникъ, почти впадая въ шопотъ и подходя ближе къ Семену Егоровичу.

А Семенъ Егоровичъ окончательно упалъ духомъ, сознавъ, наконецъ, что можетъ Богъ знаетъ до чего запутаться въ своихъ намекахъ и недомолвкахъ, и вдругъ, точно его какая невѣдомая сила поддержала, онъ полнымъ голосомъ и рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ на шопотъ сановника.

— Я, ваше—ство, могу ошибаться...

Сановникъ вдругъ выпрямился во весь ростъ и надменно окинувъ взглядомъ Семена Егоровича, медленно и звучно проговорилъ:

— Безъ намековъ. Изложите по порядку все, что по разслѣдованіямъ узнали.

Семенъ Егоровичъ сдѣлалъ шагъ впередъ и придерживая рукой шагу, доложилъ все то, что могло въ эту минуту придти ему въ голову, но впрочемъ докладъ его строго держался въ предѣлахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя ему вчера доставилъ подчиненный, командированный для этого изъ театра въ гостинницу Варшава. Семенъ Егоровичъ только, такъ сказать, оформилъ этотъ докладъ и придалъ ему такой оттѣнокъ, что его собственная полиціймейстерская дѣятельность являлась въ этомъ докладѣ неусыпною.

Пока Семенъ Егоровичъ докладывалъ, сановникъ слушалъ молча и только все болѣе и болѣе хмурился, но когда докладъ былъ оконченъ, сановникъ строго и коротко обрѣзалъ Семена Егоровича.

— Вы отнимаете у меня время на вздоръ!..

— Ваше—ство... Осмѣливаюсь изложить оправданіе...

— Вздоръ, нечего слушать! На будущій разъ прошу быть осторожнѣе и не отнимать у меня время на такія разъясненія вашихъ личныхъ соображеній.

— Семенъ Егоровичъ опять почувствовалъ, что куда то проваливается и въ отвѣтъ на грозныя слова начальника, едва могъ отвѣтить: „слушаю-съ“.

— Есть дѣла поважнѣе вашихъ ничего не значущихъ личныхъ соображеній. Наконецъ, если бы дѣйствительно прибыло къ намъ какое-либо значительное лицо, то я бы о немъ прежде васъ имѣлъ свѣдѣнія, прямо изъ Петербурга.

— Такъ-то такъ, а вѣдь все-таки трухнуть изволили и сами, вдругъ мелькнуло въ головѣ Семена Егоровича. Разумѣется онъ этихъ словъ не произнесъ и только отвѣтилъ обычное „слушаю-съ“, которое, какъ извѣстно, при разговорѣ съ начальствомъ всегда оказывается кстати.

Наступила небольшая пауза, которую Семенъ Егоровичъ понялъ, какъ и подобало, въ смыслѣ окончанія „головомойки“ и по этому случаю радостно подумалъ: „а вѣдь все таки я благополучно выскользнулъ“.

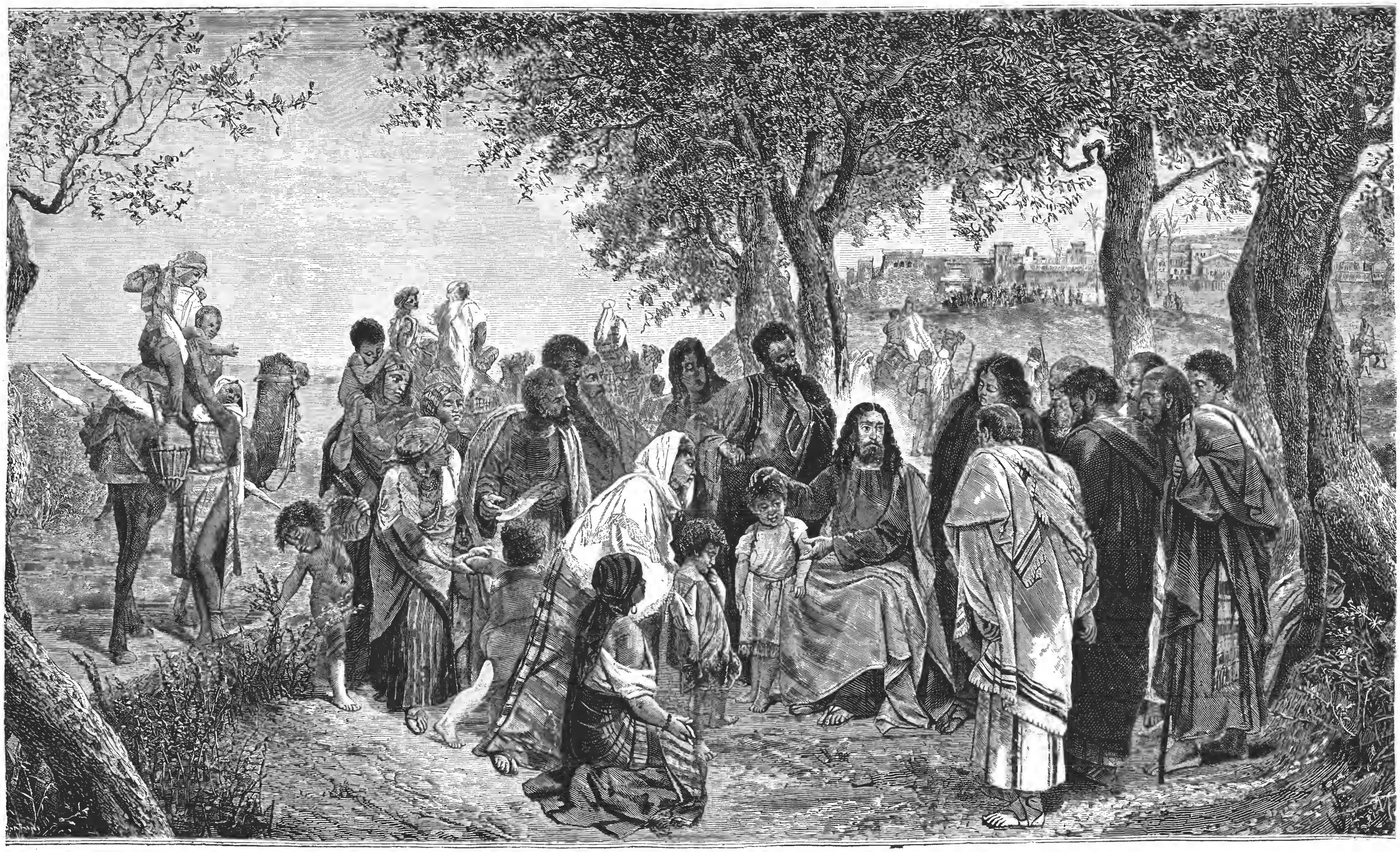
На лицѣ его можно было прочитать, что хотя по поводу доклада о пріѣзжемъ, превратившемся изъ одного лица въ двухъ, онъ глупо велъ себя, но за то „поправилъ вчерашнюю ошибку“.

— Гм! Да!.. что я хотѣлъ сказать? снова спросилъ сановникъ, видимо еще не отдохнувшій отъ сдѣланнаго полиціймейстеру „внушенія“, и тщетно потому старавшійся припомнить не высказанную и все куда-то исчезающую изъ головы мысль.

— Что бы это въ самомъ дѣлѣ такое? думалъ въ свою очередь и полиціймейстеръ, освободившійся уже отъ своей заботы по поводу неудачнаго доклада.

Онъ быстро перебралъ въ памяти все то, что считалось въ послѣднее время предметомъ заботъ по части городского благоустройства, припомнилъ, что однодневная перепись городского населенія произведена бы-

Библиотека "Руниверс"



Христосъ, благословляющій дѣтей. Картина Просперо Піатти, рисов. Монтенатто, грав. Белларинъ.
(«Оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и небраните имъ». Маркъ 10, 13—16).

Библиотека "Руниверс"

ла въ прошедшемъ году, и потому заботиться о ней, какъ о дѣлѣ, благополучно въ свое время оконченномъ, пока не предстоитъ надобности, что дома обывателей перенумерованы, подписи на углахъ улицъ, обозначающія ихъ названія, подновлены, нѣкоторыя даже сдѣланы совершенно новыя, такъ какъ старыя исчезли съ своихъ мѣстъ, будучи вѣроятно употреблены обывателями на домашнія надобности, и что, наконецъ, самоважнѣйшій вопросъ, составляющій сущность службы сановника, а именно, взысканіе недоимокъ съ сельскаго населенія, до него, какъ полиціймейстера города, совсѣмъ не относится, и если иногда вина неисправныхъ плательщиковъ отражается на его службѣ въ видѣ головомоекъ подъ сердитую руку, то къ этому онъ уже давно привыкъ, какъ къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ службы, гдѣ иногда при зубной боли начальника, замираетъ и, такъ сказать, уходитъ въ пятки сердце подчиненнаго.

— Развѣ что въ общественномъ саду? подумалъ онъ, но теперь зима и не можетъ быть заботъ о немъ. Онъ вспомнилъ при этомъ, что проѣзжая мимо сада, давно уже видѣлъ, какъ искалѣчены тамъ скамейки и ругнулъ мысленно обывателей за то, что они, по совершенно даже имъ самимъ неизвѣстнымъ причинамъ, любятъ изломать и исковеркать то, что имъ вовсе не мѣшаетъ...

Но онъ сообразилъ, что сановникъ едва ли объ этомъ будетъ говорить, ибо и ему самому очень хорошо извѣстны обывательскія наклонности, которыхъ не въ силахъ искоренить никакая полиція въ мірѣ.

Сановникъ долго расхаживалъ по комнатѣ, занятый своими соображеніями. Полиціймейстеръ стоялъ и ждалъ. Но оказалось, что соображенія сановника относились вовсе не къ тому, что онъ хотѣлъ сказать полиціймейстеру и забывалъ, а къ той именно бумагѣ, которую онъ только что тщательно перечитывалъ и подписалъ безъ росчерка. Онъ вдругъ озаботился и потребовалъ къ себѣ правителя дѣлъ. Тотъ немедленно явился и начался дѣловой разговоръ. Полиціймейстеръ все стоялъ и ждалъ. Сановникъ, увлеченный дѣломъ, не обращалъ на него вниманія. Видно было по всему, что бумагѣ безъ росчерка придавалось значенія больше, чѣмъ всѣмъ докладамъ полиціймейстера, которые, какъ дѣла домашнія, могли быть исполнены во всякое другое время. Потомъ, почему то правитель дѣлъ поспѣшно ушелъ изъ кабинета. Сановникъ по уходѣ его оказался сильно озабоченнымъ.

— Чортъ знаетъ, что это у васъ такое дѣлается, вдругъ сердито и нахмурившись обратился онъ къ полиціймейстеру.

— Что угодно вашему превосходительству, почтительно обратился полиціймейстеръ, дѣлая шагъ впередъ и, по обыкновенію, придерживаясь лѣвой рукой за шпагу.

— Это ни на что не похоже! Безобразіе, неряшество! Ухабъ на ухабѣ—ѣздить невозможно!..

— Климатическія условія страны, ваше превосходительство!

— Какія тамъ условія! Ваша обязанность, вашъ долгъ, вы неуклонно должны наблюдать...

Сановникъ разошелся и распекалъ до тѣхъ поръ, пока не возвратился въ кабинетъ правитель дѣлъ. Семенъ Егоровичъ молча слушалъ и былъ даже очень спокоенъ, зная, что ухабы, по причинѣ которыхъ нахлынула на него волна начальническаго гнѣва, находятся вовсе не на улицѣ города N, а тамъ, гдѣ-то въ бумагахъ, на которыхъ не принято дѣлать росчерковъ, и касаются до него только по порядкамъ службы.

По приходѣ правителя дѣлъ, сановникъ заботливо усѣлся опять за письменный столъ и попрежнему осторожно сталъ перечитывать бумагу, предполагаемую къ отправкѣ туда, гдѣ не любятъ росчерковъ.

— Вы можете идти, бросилъ онъ полиціймейстеру.

Семенъ Егоровичъ поспѣшно вынырнулъ изъ кабинета, довольный, что дешево отдѣлался. Онъ по опыту зналъ, что въ то время, когда отправляются бумаги съ осторожными подписями сановника, приходится выслушивать выговоры не только за ухабы, но пожалуй и за то, что погода въ городѣ дурная. Теперь онъ былъ вдвойнѣ радъ и вышелъ на крыльцо улыбающійся.

— Ну, чортъ его возьми, утѣшился онъ, впрыгивая въ сани, какой бы тамъ лѣшій не оказался въ этомъ пріѣзжемъ, а я въ сторонѣ.

VI.

Возвратившись наканунѣ вечеромъ въ свои комнаты, пріѣзжій нѣкоторое время чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, и веселъ былъ, и доволенъ и ощущалъ даже во всемъ своемъ духовномъ существѣ какое-то особенное торжественное состояніе, какое ощущаютъ только одни счастливые полководцы, когда имъ удастся съ особенною ловкостью обмануть соперника. Но торжество счастливаго полководца имѣетъ начало въ томъ, что онъ побѣдилъ, при помощи тѣхъ или другихъ маневровъ, хитрости, или обмана, или силы, но побѣдилъ, разгромилъ, разбилъ въ куски тысячи человѣческихъ головъ,—и торжествуетъ, зная, что послѣ побѣды очень удобно вести дипломатическіе переговоры. Пріѣзжій торжествовалъ совсѣмъ по другой причинѣ. Никого онъ не побѣждалъ, и ни одна голова, а тѣмъ болѣе человѣческая, не пала жертвой его стратегической хитрости. Его злорадная улыбка и сдержанный самодовольный смѣхъ, смѣхъ, подъ вліяніемъ котораго онъ видимо съ большимъ удовольствіемъ и не торопясь, медленно потиралъ и поглаживалъ себѣ одной рукой другую, вызывались совсѣмъ другими причинами, болѣе мирными и ничуть уже не сокрушительными въ смыслѣ стратегическомъ. Ему было пріятно, что въ такой случайной встрѣчѣ и совершенно нечаянно, противъ всякаго ожиданія, ему пришлось „показать себя“, оставить по себѣ такое „хорошее“ впечатлѣніе. Очарованный этимъ „хорошимъ“, онъ долго расхаживалъ по комнатѣ и съ удовольствіемъ представлялъ себѣ съ мельчайшими подробностями и во всѣхъ тончайшихъ оттѣнкахъ и измѣненіяхъ весь разговоръ съ полиціймейстеромъ, припоминалъ, такъ сказать, всѣ фазисы постепеннаго перехода его изъ начальническаго тона въ тонъ подчиненнаго. Нравилось всего больше сопоставленіе его первой фразы съ послѣдней, его перваго начальническаго вопроса „свысока“ съ тѣмъ почтительно заискивающимъ „позвольте узнать“, произнося которое, онъ вертѣлся предъ пріѣзжимъ въ полунаклонной позѣ и юлилъ, какъ говорится, точно коза передъ смертью.

Согласитесь, дѣйствительно, трудно было не обратить вниманія на такія перемѣны въ одномъ и томъ-же лицѣ и въ продолженіи самаго короткаго времени, какихъ нибудь пяти-шести минутъ. Понятно, пріѣзжій не могъ этого не замѣтить, понятно и то, что, по свойственной каждому смертному слабости, онъ не могъ не приписать самому себѣ, своему умѣнью держаться, появленіе въ полиціймейстерѣ быстро развившагося чувства почтительности и подчиненности. Пусть читатель припомнитъ, сколько разъ самъ онъ испытывалъ, хотя можетъ и въ не такой степени и втайнѣ, то самодовольное чувство, которое охватывало его въ подобныя минуты. Будь даже онъ большой начальникъ, давно уже присмотрѣвшійся и привыкшій ко всякаго рода почтительности, переходящей за послѣднія границы униженія, будь онъ милліонеръ, воображающій, по своей глупости, что люди, падая передъ нимъ на колѣни, чтутъ его личныя качества,—будь онъ даже того больше; но если обстоятельства поставятъ его когда нибудь въ такое положеніе, когда человѣкъ, не имѣющій никакого

Библиотека "Руниверс"

титъ свою ошибку и сдѣлается тише воды, ниже травы,—такой переходъ неизбѣжно доставитъ ему удовольствіе. Это удовольствіе, конечно, въ значительно бо́льшей степени, выпадаетъ на долю такого человѣка, который имѣетъ наклонность задирать свою голову кверху. Нужды нѣтъ, что самъ онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ оказаться въ положеніи обезкураженнаго полиціймейстера и даже непремѣнно окажется въ немъ когда нибудь въ силу того неизбѣжнаго закона, по которому всякая голова, задирающаяся кверху, непремѣнно, гдѣ нибудь въ своемъ мѣстѣ наклоняется внизъ, и чѣмъ выше подъемъ, тѣмъ ниже ея наклоненіе. Тутъ есть, что-то роковое, что-то сходное съ тѣми послѣдствіями, подъ вліяніемъ которыхъ вѣрный стражъ дома, ранѣе независимо расхаживавшій по двору и даже ворчавшій на своихъ хозяевъ, вдругъ смиряется, прижимаетъ свой хвостъ и робко изъ подлобья посматриваетъ, по причинѣ тѣхъ печальныхъ обстоятельствъ, что изъ кухни пропалъ кусокъ мяса, и хозяинъ идетъ по двору съ палкой...

Таковы были наклонности нашего пріѣзжаго. Этимъ, пожалуй, какъ дополнительнымъ поводомъ, можно объяснить и то состояніе торжества съ какимъ онъ, по возвращеніи изъ театра, потиралъ себѣ руки. Словомъ—онъ имѣлъ наклонности кота поиграть съ мышкой, прежде чѣмъ ее загрызть. Сидя потомъ за вечернимъ чаемъ, онъ даже подосадовалъ, что поиграть въ таинственность больше нельзя, по причинѣ окончанія поверстнаго срока. Если бы не это печальное обстоятельство —онъ непремѣнно поигралъ бы и даже съ удовольствіемъ проѣхался бы на счетъ безполезности паспортовъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, ни одинъ порядочный мошенникъ не вступаетъ на скользкое поприще своей дѣятельности.

Размышляя такимъ образомъ о невозможности поиграть въ таинственность, пріѣзжій чрезъ нѣсколько времени послѣ чая сталъ какъ будто немного скучать не находя, чѣмъ бы заняться, такъ что пожалуй не прочь-бы и пожалѣть, что рано ушелъ изъ театра. Но ему въ этотъ вечеръ благопріятствовало счастіе и представился прекрасный случай снова потереть себѣ отъ удовольствія руки.

Онъ еще ранѣе замѣтилъ, что лакей, подавая самоваръ, косо на него посматриваетъ и что-то хочетъ сказать, но не рѣшается. Ему еще въ то время пришло въ голову, не присылалъ-ли полиціймейстеръ узнать о его званіи. Потомъ, когда лакей, робко напомнилъ о паспортѣ, онъ пытливо оглянулъ его и строго спросилъ, на какомъ основаніи напоминаютъ ему объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ. Лакей, конечно, сослался на управляющаго гостинницей. Пріѣзжій ничего на это не отвѣтилъ. Самоваръ и чайный приборъ были наконецъ, убраны, но лакей снова вошелъ въ комнаты пріѣзжаго, какъ бы подъ предлогомъ поправить на столѣ скатерть, въ сущности-же по тому-же дѣлу о паспортѣ. Онъ поправилъ скатерть, но сказать ничего не рѣшился, только помялся на мѣстѣ, потомъ взглянулъ украдкой на пріѣзжаго, принявшаго въ его глазахъ какое то особое таинственное значеніе, вздохнулъ глубокимъ даже не сдержаннымъ вздохомъ и ушолъ, не рѣшаясь заговорить. Этотъ вздохъ былъ тоже замѣченъ и доставилъ пріѣзжему большое удовольствіе. По прошествіи нѣсколько минутъ послѣ ухода слуги отправился въ комнаты пріѣзжаго и самъ управляющій гостинницей.

Но прежде, чѣмъ отправиться туда и быть съ глазу на глазъ съ пріѣзжимъ, онъ долго не могъ рѣшить, идти ли, испуганный заранѣе и важностію своего постояльца, его видимо богатою обстановкой, а всего болѣе, конечно, тѣмъ, что полиція наводитъ о немъ тайныя справки. Теперь его теоретическія познанія по части отсутствія въ средѣ богатыхъ людей мазуриковъ, вдругъ натолкнулись на такія противорѣчія въ практикѣ, которыхъ онъ никакъ понять не могъ. Просто затмѣніе какое-то нашло на человѣка: какъ такъ думалъ онъ, и важенъ, и мундиръ съ золотымъ шитьемъ, и вдругъ тайныя полицейскія дознанія! Пойми тутъ, кто хочетъ. Со времени посѣщенія его собственнаго кабинета полицейскимъ чиновникомъ онъ оробѣлъ, не зная, что предпринять и тутъ же постарался задобрить ласковыми обѣщаніями посланнаго и напомнилъ ему даже о томъ, какъ они всегда прежде ладили и „Богъ дастъ“ потомъ будутъ ладить съ своими начальниками по части всяческихъ недоразумѣній. По уходѣ чиновника, онъ долго соображалъ что-то, очевидно придумывая, какъ повести дѣло въ такомъ трудномъ случаѣ. Онъ отыскивалъ средство самому избѣжать переговоровъ, а средство не отыскивалось. Прикрикнулъ было на лакея, посылая его снова въ комнаты пріѣзжаго: но тотъ отказывался, заявляя не стѣсняясь, что „боится“. Онъ упрекнулъ его въ трусости, справедливо замѣтивъ, что „бояться ровно нечего: не звѣрь какой, не съѣстъ“, но самъ однакожь не шолъ и втайнѣ подумалъ, „еще пожалуй засвѣтитъ въ ухо—судись потомъ безъ толку“. Лакей рѣшительно заявилъ, какъ молъ, угодно, хоть отъ мѣста отказывайте, — а я не пойду. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ жутко приходилось человѣку, когда онъ изъявлялъ готовность на такую рѣшительную мѣру. Нечего дѣлать, тронулся самъ управляющій; и ему, слѣдовательно, не было это легко, когда, подойдя къ двери занимаемыхъ пріѣзжимъ комнатъ, онъ не вдругъ растворилъ ее, а прежде осѣнилъ себя нѣсколько разъ, хотя и очень поспѣшно, крестнымъ знаменіемъ и пошепталъ что-то губами. При видѣ его, пріѣзжій уже совершенно ясно понялъ, что его случайная сцена съ полиціймейстеромъ не пропала даромъ. Онъ внутренно блаженствовалъ, представляя себѣ, какъ люди озаботились.

— Вамъ что? спросилъ онъ, какъ бы въ недоумѣніи.

— Я-съ... управляющій здѣшней гостинницей, робко отвѣтилъ вошедшій, кланяясь и поглаживая сѣдоватую бороду.

— Управляющій! Что же вамъ угодно? За квартиру же заплачено вамъ впередъ за мѣсяцъ...

— Это точно-съ... Покорно благодаримъ-съ... Но теперича, изволите видѣть, такая-съ статья... Насчетъ, напримѣръ, вида...

— Опять тоже! Я сказалъ, послѣ. Къ чему же еще вопросы!..

Пріѣзжій сильно нахмурился, какъ человѣкъ обиженный. Управляющій помолчалъ, погладивъ опять бороду и потомъ сдѣлалъ шагъ къ стѣнѣ около дверей, какъ бы предвидя, что придется разговоръ вести долго, то чтобы на случай усталости можно было потомъ опереться о притолку. Сѣсть онъ нерѣшался.

— Теперича уже три дня... робко замѣтилъ онъ.

— Ну что-жь изъ этого?..

— По закону-съ... Ваше... какъ назвать-съ не знаю, можетъ превосходительство, а можетъ какъ иначе-съ, наше дѣло въ этомъ, примѣрно, темное... Только паспортецъ, или видъ тамъ какой ни на есть, требуется, потому—порядки.

— Что же вы такъ встревожились, видъ, да видъ,— будто нельзя до завтра...

— Почему нельзя-съ! До завтра безпрекословно можно-съ... Только, извольте сами теперича судить... я, къ примѣру, не могу знать, что вы, къ примѣру, и по какимъ дѣламъ... Конечно—не наше дѣло-съ... Только господинъ полиціймейстеръ изволили присылать.

Управляющему гостинницей, не смотря на его пожилые года, сдѣлалось страшно и опять мелькнуло въ головѣ: „не засвѣтилъ бы въ ухо“.

Пріѣзжій вдругъ напустилъ на себя неприступнѣйшую гордость и, заложивъ руку за бортъ жилета, съ важностію отвѣтилъ.

Библиотека "Руниверс"

— Я вамъ сказалъ до завтра... Прошу оставить меня въ покоѣ...

Разумѣется, отуманилъ человѣка. Тотъ бѣдняга голову потерялъ и всю ночь проворочался съ боку на бокъ, соображая, что же теперь дѣлать, какъ быть, бѣжать ли сейчасъ же въ полицію, или до утра оставить; посчиталъ, конечно, и то, въ какую сумму можетъ обойдтись его хозяину „эта бѣда—за грѣхи, можетъ быть, посланная Богомъ“.

А пріѣзжій, проводивъ его, едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

Все это произвело, какъ и слѣдовало ожидать, переполохъ. Сначала простому любопытству полиціймейстера было придано „особое“ значеніе, а потомъ явились на свѣтъ Божій такія предположенія, что хоть уши затыкай. Предположенія разрослись до невѣроятной степени, тотчасъ же перешли изъ гостинницы на улицу и уже въ видѣ положительныхъ фактовъ очутились потомъ на базарѣ, въ гостинномъ дворѣ и пошли гулять по частнымъ домамъ.

VII.

Возвращаясь съ доклада, Семенъ Егоровичъ, по обыкновенію, летѣлъ на своей парѣ караковыхъ съ подобающею ему быстротой. Коренникъ такъ частилъ ногами, что ихъ и замѣтно не было; казалось, онъ не онъ касается земли, а несется по воздуху; только въ то время, когда сани проскакивали въ ухабѣ, онъ срывалъ, бросаясь въ скакъ. Семенъ Егоровичъ при этомъ подергивалъ плечами, поправляя спускавшуюся съ нихъ шинель, и произносилъ крѣпкое слово, очевидно въ назиданіе кучера, допустившаго въ бѣгѣ лошади такую неисправность.

— Возьми глаза въ руки, каналья, не видишь, что ли дороги“! внушалъ онъ не менѣе громко.

Потомъ, когда коренникъ снова летѣлъ рысью, онъ уже на совершенно низкихъ нотахъ и спокойнымъ голосомъ басилъ: пошолъ, пошолъ! По привычкѣ, онъ спѣшилъ куда-то, хотя спѣшить было рѣшительно незачѣмъ, потому что въ городѣ больше не было такой пріемной, гдѣ бы ему снова предстояло расхаживать изъ угла въ уголъ и практиковаться въ терпѣніи.

Положимъ, въ наше просвѣщенное время двери перваго сановника въ губерніи, по части развитія въ публикѣ терпѣнія, встрѣтили большую конкуренцію и уступили притомъ значительную часть своего величія дверямъ другихъ сановниковъ; но Семену Егоровичу до нихъ не было никакого дѣла. Онъ, какъ король, былъ убѣжденъ, что между нимъ и народомъ одна только власть для короля — Богъ, для него — сановникъ. И если горожане вели себя не предосудительно, пожары, буйства и воровство не выходили за предѣлы приличія, нищіе не особенно назойливы и не особенно глупы для того, чтобы соваться подъ носъ въ непоказанномъ мѣстѣ, и если, наконецъ, его собственная вечерняя партія въ карты не была опустошительна для его кармана, онъ засыпалъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ человѣка, честно исполнившаго свой долгъ по отношенію къ обществу и государству. Въ противномъ случаѣ, когда, напримѣръ, буйство принимало характеръ уголовный или проигрышъ былъ слишкомъ великъ,—разумѣется, тревожился и заботился, какъ бы поскорѣе спихнуть дѣло о буйныхъ лицахъ и ихъ самихъ препроводить къ судебному слѣдователю или въ „другое вѣдомство“, вообще—съ рукъ долой, и какъ бы „отыграться“. На остальное все, на всѣ разглагольствованія о вредѣ нищенства, пьянства, воровства и т. п. имѣлъ самый твердый и положительный взглядъ: „попадется въ руки, поступлю по законамъ и препровожу по назначенію“.

Теперь онъ спѣшилъ на пирогъ къ имянинику, на пирогъ, оживляющій тихое и спокойное теченіе провинціальной жизни и имѣющій такое же отношеніе къ публикѣ, какъ магнитъ къ желѣзу. Недавнія заботы Семена Егоровича о таинственности пріѣзжаго уже уступили въ его головѣ мѣсто пріятнымъ представленіямъ о предстоящемъ удовольствіи.

Онъ и не подозрѣвалъ, что его вчерашнее порученіе, разузнать о пріѣзжемъ, произвело въ городѣ большіе толки, и что, благодаря имъ, два купца и одинъ помѣщикъ, долженствовавшіе явиться въ этотъ день на собраніи въ качествѣ членовъ думы и земской управы, до того заболтались по этому случаю, что забыли о своихъ обязанностяхъ и засѣданіе несостоялось „за неприбытіемъ узаконеннаго числа членовъ“.

На этотъ разъ Семенъ Егоровичъ, не смотря на всегдашнюю свою сообразительность, сдѣлалъ оплошность, не предупредивъ подчиненнаго, что интересуется пріѣзжимъ лично самъ, какъ частный человѣкъ, а не какъ оффиціальное лицо. Подчиненный же понялъ, что, давая это порученіе, Семенъ Егоровичъ смотрѣлъ на дѣло чисто съ начальнической точки зрѣнія. Ничего, конечно, особеннаго отъ этой ошибки не произошло, и ему, само собою разумѣется, не было никакого дѣла до того, что гласные опоздали въ засѣданіе, ибо это до его вѣдомства не касалось; но тѣмъ не менѣе, когда онъ потомъ узналъ, что въ городѣ заговорили ни вѣсть что, озаботился и уже непосредственно потому, что его прямое начальство тоже имѣло два уха, чуткіе не менѣе другихъ провинціальныхъ ушей. Слѣдовательно, по этому случаю могъ явиться вопросъ, на который, по своей обязанности все знать (каторжная, говаривалъ онъ, обязанность!) онъ долженъ былъ приготовить ясный и точный отвѣтъ.

Узналъ онъ о городскихъ слухахъ на улицѣ.

Его остановилъ, крича во все горло и отчаянно махая кучеру обѣими руками помощникъ губернскаго почтмейстера, человѣкъ необыкновенно падкій до всякихъ новостей и, можетъ быть, по самой своей должности, имѣвшій къ ней влеченіе.

Онъ остановилъ его, какъ будто подъ предлогомъ доѣхать изъ конторы къ своей квартирѣ, а въ сущности совсѣмъ по другой причинѣ.

Посадивъ его въ сани и ощутивъ тотчасъ же запахъ сургуча, какъ извѣстно, постоянно сопутствующаго чиновникомъ почтоваго вѣдомства, Семенъ Егоровичъ, по обыкновенію, спросилъ: „какъ дѣла съ начальствомъ“, и ждалъ уже, что сейчасъ услышитъ отъ него жалобы на то, какъ губернскій почтмейстеръ „все“ взвалилъ ему на шею, а самъ сидитъ себѣ цѣлыя дни въ своемъ кабинетѣ и больше ни чѣмъ не интересуется, кромѣ интимныхъ переговоровъ съ почтосодержателями.

Зналъ Семенъ Егоровичъ, что и на помощника почтмейстера въ свою очередь жаловался его непосредственный подчиненный и, главное, въ томъ же тонѣ, какъ и онъ самъ, и упрекалъ его въ полнѣйшей монополіи по части отношеній и уваженій къ купечеству.

По этому Семенъ Егоровичъ, разумѣется, и не придалъ бы жалобамъ своего спутника никакого значенія, а подшутилъ бы скорѣе на счетъ общепринятаго обыкновенія ѣздить при случаѣ на чужой шеѣ и заграбастывать гдѣ можно, хотя бы изъ подъ носа другихъ, болѣе вкусные куски.

Но помощникъ почтмейстера даже и отвѣта на вопросъ не далъ, а только отмахнулся рукой съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ бы говоря: „Э! ну его совсѣмъ“, т. е. почтмейстера, и сейчасъ-же вслѣдъ за этимъ спросилъ съ большимъ любопытствомъ: „что, поймали молодца?“

При этомъ вопросѣ Семенъ Егоровичъ быстро повернулся въ его сторону всѣмъ корпусомъ и, какъ говорится, уставилъ на него глаза, не понимая, о какомъ это молодцѣ онъ спрашиваетъ.

Библиотека "Руниверс"

Предводители сербскихъ войскъ.

Полковникъ Лѣшанинъ.

Генералъ Ранко Алимпичъ.

Полковникъ Никифоръ Іовановичъ.

Полковникъ Милутинъ Іовановичъ.

Подполковникъ Коста Бутовичъ.

Полковникъ Мирковичъ.

Библиотека "Руниверс"

— Поймали, я говорю, того... какъ онъ?... переспросилъ интересующійся собесѣдникъ.

— Ты что городишь?... здоровъ-ли?

— Да ну, ну, не притворяйся.. Слышали ужь!..

— Чего слышали, гдѣ? когда?.. кого поймали?..

— Да этого, какъ онъ... преступника? Каковъ каналья! а!.. какого тону напустилъ!..

(Продолженіе будетъ).

Д. Стахѣевъ.

Христосъ, благословляющій дѣтей.

Евангелистъ Маркъ знаменательную сцену благословенія дѣтей Іисусомъ Христомъ описываетъ такъ: «И приношаху къ нему дѣти, да коснется ихъ: ученицы-же прещаху приносящимъ. Видѣвъ-же Іисусъ, негодова, и рече имъ: тадѣхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь глаголю вамъ: иже аще не приметъ царствія Божія яко отроча, не иматъ внити въ не. И обьемъ ихъ, возложъ руцѣ на ихъ, благословиша ихъ» (Маркъ 10, 13—16).

Въ этихъ немногихъ словахъ Св. Евангелія кроется глубочайшій смыслъ.—Таковыхъ есть царствіе Божіе—сказалъ нашъ Божественный учитель, такими, по настоящему должны быть и мы, чтобы пріобщиться жизни вѣчной. Невинныя, простыя, впечатлительныя души дѣтей не отражаются ли на ихъ открытыхъ и симпатичныхъ личикахъ? Какой благодарный сюжетъ для талантливаго художника!.. Христосъ, возлагающій руки на толпящихся вокругъ Него дѣтей, находится какъ бы въ своей семьѣ. Эти невинныя созданія, на которыхъ не успѣла еще подѣйствовать суета-суетъ житейскихъ, чувствуютъ великую любовь Бога къ человѣку; онѣ въ настоящую минуту всѣ въ этой любви—всѣ братья во Христѣ т. е. именно такіе братья, которыми должны быть и мы между собою, чтобы имѣть возможность выполнить великую заповѣдь Господню: возлюбить ближняго своего, какъ самого себя.

Мы часто умиляемся тому, какъ богатый и знатный снисходитъ къ бѣдному и простолюдину,—входитъ въ его положеніе и помогаетъ ему, и гораздо рѣже вспоминаемъ ту великую жертву человѣколюбія, которую Богъ принесъ для блага всего рода человѣческаго. Христосъ снизошелъ къ дѣтямъ, обласкалъ ихъ и при этомъ замѣтилъ, что такихъ то и есть Царствіе Божіе. Хотя и рѣдко, но встрѣчаются люди, въ которыхъ много дѣтскаго, много той душевной простоты, той теплоты и любви къ ближнему, на которую Христосъ обращалъ вниманіе учениковъ своихъ. Можно встрѣтить и теперь такихъ напр. людей, которые, по простотѣ своей, такъ довѣрчивы, что и мысли не допускаютъ, чтобы ихъ могъ кто нибудь обмануть... Такая довѣрчивость ихъ, обезоруживаетъ иногда самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

Только дѣтски-незлобивое сердце можетъ понять и воспринять ученіе Христа о безконечной кроткости, идеаломъ котораго былъ Онъ самъ.

И Онъ не разъ говорилъ ученикамъ своимъ и народу: «аминь глаголю вамъ: аще не обратитеся и будете *яко дѣти* не внидете въ царство небесное!

Иже убо смирится яко отроча сіе, *той есть болій въ царствіи небесномъ!*» (Матѳ. 18. 3, 4). И въ самомъ дѣлѣ: дитя, пока оно не заимствовало отъ окружающихъ его людей порочныхъ наклонностей, чисто и невинно и стоитъ близко къ идеалу, начертанному Христомъ.

Имя дитяти служитъ синонимомъ всего чистаго, добраго, кроткаго. Возмущать эту чистоту дѣтскаго сердца и прививать ему порочныя наклонности—величайшее изъ преступленій! «А иже аще соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ оселскій на выю его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй (Матѳ. 18. 6).

Предводители сербскихъ войскъ.

Въ настоящемъ нумерѣ «Нивы» мы помѣщаемъ портреты шести предводителей сербскихъ войскъ: Ранко Алимпича, Лѣшанина, Милутина Іовановича, Косты Буковича, Никифора Іовановича и полковника Мирковича. Въ совокупности съ портретами, помѣщенными въ прежнихъ нумерахъ «Нивы», они образуютъ довольно полную галлерею портретовъ героевъ, вождей, партизановъ, командировъ и офицеровъ, славянскаго возстанія и сербской войны.

Изъ полководцевъ, изображенныхъ въ настоящемъ нумерѣ, особенно выдаются Ранко Алимпичъ, командующій дринскою арміею, и Милойко Лѣшанинъ, руководящій дѣйствіями тимокской арміи.

Генералъ Ранко Алимпичъ пользуется извѣстностью, какъ отличный стратегикъ; онъ получилъ основательное военное образованіе въ Германіи и считается полководцемъ, знакомымъ съ военнымъ дѣломъ не не только *теоретически*, но и практически, на полѣ битвы. Будучи приверженцемъ законной династіи Обреновичей, Ранко Алимпичъ принималъ въ 1858 году дѣятельное участіе въ революціи противъ Александра Караджоргіевича, не пользовавшагося народнымъ расположеніемъ и заподозрѣннаго даже въ подкупѣ. Теперь Ранко Алимпичу 46 лѣтъ; онъ былъ директоромъ артиллерійскаго училища и министромъ общественныхъ сооруженій. Человѣкъ серьезный и рѣшительный, внушающій къ себѣ почтеніе въ войскахъ и имѣющій большое вліяніе на солдатъ. Роль Ранко Алимпича въ послѣдней войнѣ довольно значительна. Дринскій корпусъ (около 26,000 человѣкъ войска и нѣсколько тысячъ волонтеровъ или *добровольцевъ*), генерала былъ сначала расположенъ у Дубле, въ углу, образующемся при впаденіи Дрины въ Саву.

Замѣчательна переправа, которую Алимпичъ совершилъ здѣсь, на глазахъ турокъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: На разсвѣтѣ 21 іюня, большая половина войскъ этого корпуса переправилась ночи безъ выстрѣла черезъ Дрину, у Буюклюкскихъ острововъ (сѣверные Лѣшницы). Не смотря на то, что мѣстность было совершенно открыта, турки, со свойственною имъ безтолковостью, проглядѣли эту переправу и изготовились къ отпору только тогда, когда сербы уже крѣпко заняли лѣвый берегъ. Алимпичъ, слѣдуя по направленію, къ Бѣлинѣ,—встрѣтилъ довольно значительныя турецкія силы съ артиллеріею, расположенныя на высотѣ. Онъ повелъ сербовъ на турецкій отрядъ и, при содѣйствіи своей артиллеріи, сербы принудили противника отступить за стѣны Бѣлины. Но, вслѣдствіе-ли прибытія къ туркамъ подкрѣпленій, или по другимъ соображеніямъ,—Алимпичъ не продолжалъ дальше наступленія, а отошелъ назадъ, оставаясь, впрочемъ, *на лѣвомъ берегу* Дрины. 23 іюня Алимпича встрѣтилъ на Поповомъ полѣ турецкій отрядъ, баши-бузуковъ. Началось дѣло, окончившееся отступленіемъ турокъ въ Бѣлину.

По донесенію самаго Алимпича, во время этой битвы случилось слѣдующее происшествіе: баши-бузуки, желая обмануть сербовъ, пошли въ бой съ *бѣлымъ* знаменемъ (означающимъ, какъ извѣстно, желаніе мира), на которомъ былъ изображенъ крестъ, и при крикахъ: «да здравствуетъ князь Миланъ Обреновичъ!» Обманъ, однако, не удался: колонна сербскихъ добровольцевъ истребила баши-бузуковъ, захватила ихъ знамя, а также много плѣнныхъ, боевыхъ припасовъ и провіанта. Разгоряченные сербы ворвались даже въ городъ, но отступили, встрѣченные не только войскомъ, но и жителями. Подобные обманы и глупо-наивныя уловки со стороны турокъ встрѣчались не разъ и впослѣдствіи. Такъ газета «Narodni Listy» отъ 12 іюля разсказываетъ, что во время бомбардированія города Бѣлины Алимпичемъ, турки нѣсколько разъ выставляли бѣлый флагъ. Когда сербы, принявъ это за чистую монету, прекращали огонь—турки вдругъ давали залпъ и начинали усиленно палить изъ пушекъ. Наконецъ, Ранко Алимпичъ не велѣлъ больше обращать на эти сигналы вниманія и не щадить турокъ. Бѣлина была взята. Много разсказываютъ также о томъ въ высшей степени гуманномъ обращеніи, какимъ турки пользуются у сербовъ, хотя сами платятъ за это жестокостями и звѣрствомъ относительно сербовъ. Корреспондентъ одного французскаго журнала разсказываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ Дринской арміи, у Ранко Алимпича: Однажды, на Дринѣ, у Бѣлины, въ ночной рекогносцировкѣ сербы захватили низама-босняка, т. е. славянина, принявшаго магометанство, стоявшаго на часахъ въ передовомъ посту. Плѣннаго, связаннаго по рукамъ, привели въ палатку начальника сербскаго отряда. Турокъ вошелъ съ опущенною головою, — онъ приготовился къ смерти. «Ты знаешь, что тебя ожидаетъ?» спросилъ его сербскій маіоръ. «Клянусь Аллахомъ, знаю», отвѣчалъ тотъ. Сербъ выхватилъ саблю, разрѣзалъ веревку, которою былъ связанъ плѣнный. «Вотъ, сказалъ онъ, какъ мы поступаемъ съ нашими братьями-мусульманами, которые попадаютъ къ намъ въ руки. Ты голоденъ?» Остолбенѣвшій отъ удивленія турокъ молчалъ, офицеръ повторилъ вопросъ. «О да, отвѣчалъ несчастный, вотъ уже 4 дня, какъ я питаюсь дикими грушами и мукой, вымоченной въ водѣ». Плѣннаго босняка-магометанина накормили, тутъ же въ палаткѣ, перевязали двѣ раны, бывшія у него на груди, и положили въ лазаретъ.

Потомъ этотъ боснякъ со слезами на глазахъ говорилъ: «Когда я выздоровѣю — если вы повѣрите моему слову — отпустите меня на родину. Я хочу привести сюда мою жену и моихъ дѣтей и сдѣлать ихъ христіанами. Я хочу тоже разсказать и другимъ мусульманамъ, какъ обходятся съ ними сербы, тогда какъ мусульманскія власти убѣждаютъ ихъ не отдаваться въ плѣнъ сербамъ, увѣряя, будто они *будутъ пре-*

Библиотека "Руниверс"

даны лютой казни. Если бы турецкіе солдаты знали о такомъ обращеніи, *они нарочно бы положили оружіе, и добровольно сдались бы въ плѣнъ къ сербамъ!...»* Между тѣмъ турки, какъ всѣмъ извѣстно, обращаются съ плѣнными сербами неслыханно жестоко.

Другой изъ командировъ сербской арміи, Лѣшанинъ, управляетъ, совмѣстно съ Чолакантичемъ, тимокскою арміею, расположенною вдоль восточной границы.

Милойко Лѣшанинъ, подобно предыдущему командиру, тоже обладаетъ солидною военно-научною подготовкою. Лѣшанинъ былъ военнымъ министромъ въ кабинетѣ Ристича и, какъ администраторъ, отличается непоколебимымъ безкорыстіемъ, и большою распорядительностью. Онъ, также, какъ и Ранко Алимпичъ, пользуется большою популярностью въ войскахъ, но Лѣшанину солдаты не только повинуются, какъ искусному полководцу, но и *любятъ его.* Въ образѣ дѣйствій Лѣшанина видно стремленіе къ наступательной обороне, которая имѣетъ ту выгоду передъ обороной пассивной, что переноситъ бой на непріятельскую землю и поддерживаетъ бодрость духа и энтузіазмъ молодыхъ солдатъ.

Эпизодъ, который мы сейчасъ опишемъ, покажетъ намъ, какъ дѣйствуетъ Лѣшанинъ. Въ корпусѣ Лѣшанина, между прочими офицерами, находится полковникъ русской службы г. Измайловъ. Въ началѣ іюля, полковникъ Измайловъ завязалъ со своимъ слабымъ отрядомъ незначительную схватку съ турецкими передовыми войсками и обратилъ ихъ въ бѣгство. Узнавъ о бѣгствѣ своихъ форпостовъ, турецкій командиръ Османъ-Паша двинулся съ значительными силами на отрядъ Измайлова. Измайловъ, видя невозможность бороться, отступилъ къ Зайчару и Великому Изнору. Османъ-Паша сжегъ Изворъ и сильно стѣснилъ полковника Измайлова въ полуразрушенныхъ укрѣпленіяхъ Зайчара. Турки четыре раза бросались всею массою въ штыки на незначительный отрядъ и четыре раза были отброшены обратно; но на пятый разъ сербы не устояли и ночью покинули Зайчаръ. Лѣшанинъ, какъ только узналъ о положеніи сербовъ и отнятіи Зайчара — тотчасъ же двинулся къ Зайчару и, послѣ кровопролитной, дорого стоившей обѣимъ сторонамъ битвы, отнялъ у турокъ и Зайчаръ, и Изворъ и, кромѣ того, прогналъ ихъ далеко отъ сербской границы. Многочисленныя попытки Османа-Паши снова взять Зайчаръ были блистательно отражены значительно уменьшившимися войсками Лѣшанина. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ корпуса полковника Милойко Лѣшанина имѣется много свѣдѣній. Послѣднимъ его дѣломъ считается, пока, рѣшительное отраженіе турокъ, имѣвшихъ намѣреніе перейти рѣку Тимокъ и вступить на сербскую территорію у Лопани и Вражегрнаца. Вступленіе турокъ на сербскую территорію, сопровождается бѣшенымъ, особеннымъ безчеловѣчіемъ съ христіанами, а потому сербскіе командиры ревниво оберегаютъ свои границы отъ вражескаго вторженія.

Милутинъ Іовановичъ, полковникъ, начальникъ главнаго штаба, бывшій военнымъ министромъ. Одинъ изъ способнѣйшихъ сербскихъ офицеровъ. Милутинъ Іовановичъ извѣстенъ какъ знатокъ Турціи, которую успѣлъ основательно изучить, часто посѣщая ее съ различнаго рода военными порученіями. Іовановичъ находится въ корпусѣ генерала Михаила Григорьевича Черняева и дѣятельно помогалъ ему въ его первыхъ военныхъ шагахъ въ Сербіи. 2-го іюля небольшая сербская колонна подъ предводительствомъ Милутина Іовановича вступила на турецкую территорію и заняла турецкое село Секаницу, близь рѣки Моравы, верстахъ въ трехъ отъ сербской границы; точно также было занято и сосѣднее село Дадуница. Въ послѣднемъ находился одинъ турецкій батальонъ, который сначала приготовился къ отпору и далъ нѣсколько залповъ, но потомъ, когда колонна Іовановича стала отвѣчать на огонь, турки отступили къ главному лагерю, не будучи преслѣдуемы сербами, такъ какъ главныя силы генерала Черняева не перешли еще границу, а Іовановичъ съ небольшою колонною не хотѣлъ вступать въ бой съ превосходными турецкими силами и дождался генералъ Черняева съ главными войсками. Черняевъ, какъ извѣстно, направилъ свое побѣдоносное шествіе къ Бабиной-Главѣ *).

Полковникъ Мирковичъ, храбрый сынъ извѣстнаго героя временъ освобожденія Сербіи, Мирковича. Горячая любовь къ родинѣ, присущая каждому сербу, въ семействѣ Мирковичей переходитъ въ энтузіазмъ, способный подвигнуть ихъ на всякое геройское дѣло, на всякій самоотверженный поступокъ, лишь бы онъ служилъ ко благу горячо ими любимой родины. Мирковичъ воспитывался въ военномъ училищѣ, но не удовольствовался этимъ, а поѣхалъ дополнять свое образованіе за границу. Въ Сербію Мирковичъ воротился уже нетолько горячимъ патріотомъ, но и дѣльнымъ офицеромъ, обладающимъ фундаментальнымъ военнымъ образованіемъ. Онъ командуетъ отрядомъ въ Шумадьѣ, и, безъ сомнѣнія, храбрый сынъ героя-отца, Мирковичъ покроетъ новою славою свою фамилію.

Полковникъ Никифоръ Іовановичъ принадлежитъ также къ наиболѣе выдающимся офицерамъ сербской арміи. Получивъ образованіе въ артиллерійской школѣ, Никифоръ Іовановичъ, подобно предыдущему офицеру, поѣхалъ дополнять его за границу, особенно же во Францію, гдѣ и прослушалъ нѣсколько курсовъ у разныхъ профессоровъ. Въ послѣдней борьбѣ Іовановичъ прославился упорною восьмичасовою битвою въ *Вучьихъ горахъ.* Два пестрыхъ батальона баши-бузуковъ и 800 человѣкъ редифовъ напали 2-го іюля на маленькій отрядъ Іовановича; началась упорная битва, продолжавшаяся *восемь часовъ* и имѣвшая несчастный исходъ для турокъ, которые были стремительно прогнаны съ большими потерями.

Подполковникъ Коста Бутовичъ командуетъ отрядомъ въ Крушевацѣ, на рѣкѣ Сербска Морава. Этотъ офицеръ тоже обладаетъ хорошею военно-научною подготовкою: онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ военнаго училища и знанія, пріобрѣтенныя имъ въ училищѣ, блестяще примѣнилъ къ дѣлу въ послѣдней войнѣ. Благодаря тому, что большинство сербскихъ офицеровъ, обладая солидными научными познаніями и образованіемъ, тѣмъ не менѣе строго подчиняются дисциплинѣ и главнокомандующему, сербская армія до сихъ поръ одерживаетъ верхъ во всѣхъ почти стычкахъ и большихъ сраженіяхъ, съ большимъ по количеству непріятелемъ. Пестрыя орды турокъ, яростно бросающіяся на ненавистныхъ имъ христіанъ, всегда принуждены бываютъ показывать тылъ, встрѣчая хотя пылкое, но тѣмъ не менѣе искусное сопротивленіе сербовъ, ведомыхъ умными и образованными офицерами.

Rus.

Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія **).

(Окончаніе).

II.

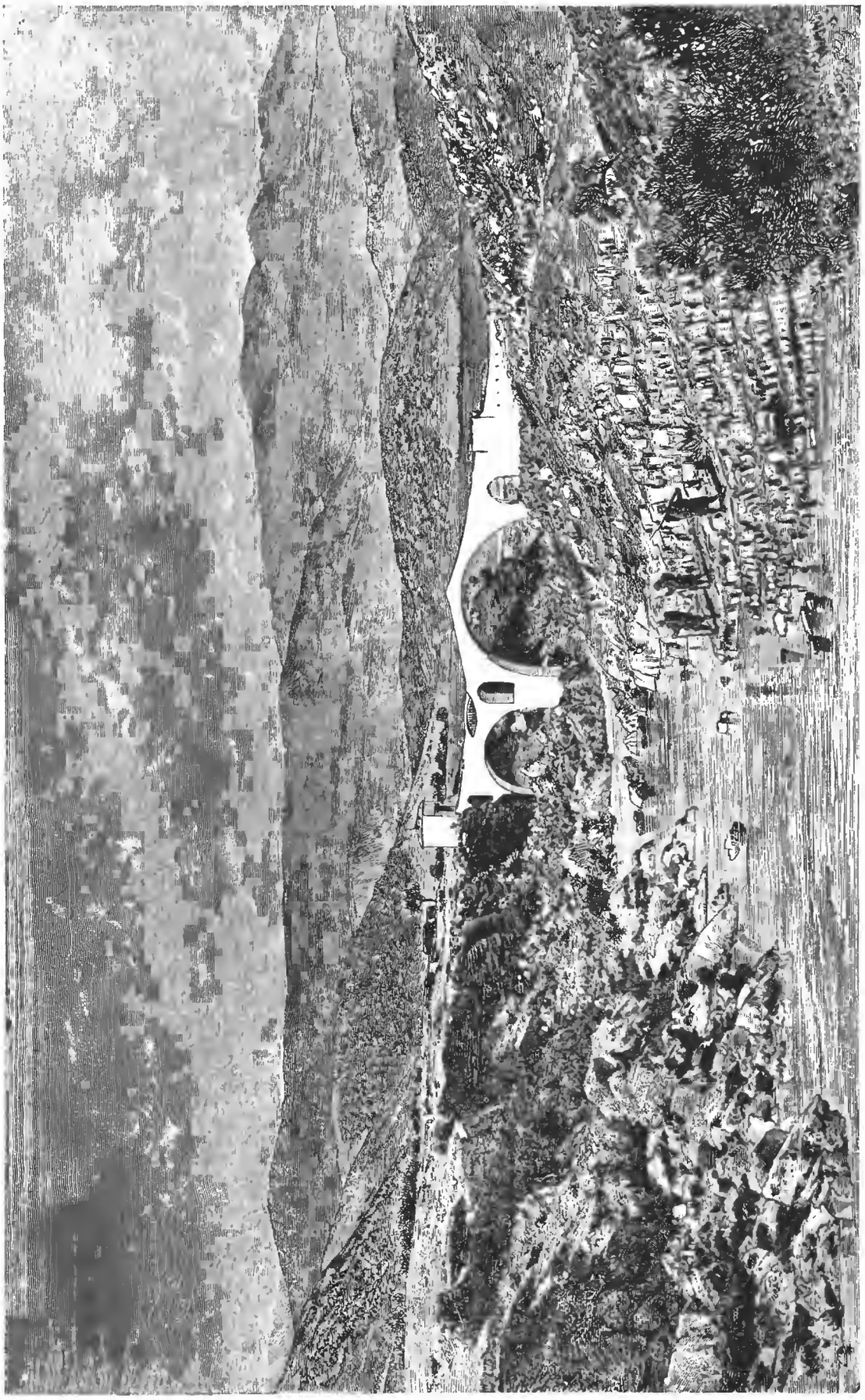
Другое могущественное славянское племя, на долю котораго теперь, во время политическихъ затрудненій на Балканскомъ полуостровѣ, выпала главная роль, это—сербы. Владѣнія ихъ занимаютъ почти весь сѣверо-западъ Турціи и земли между Унвою, Савою, Дунаемъ и далматскимъ прибрежьемъ. Сосѣдями сербовъ на югѣ являются албанцы, на востокѣ - болгары и на сѣверо-востокѣ—румыны. Вся эта полоса земли обозначена на географическихъ картахъ именами: Монтенегро (Черная гора), Герцеговина, Босніи и Сербія. Но только наименьшая часть сербскаго народа живетъ въ Турціи, большая же обитаетъ въ австрійскихъ владѣніяхъ; такъ кроаты, далматы, словаки и сербы, живущіе въ Венгріи, одного и того же происхожденія съ своими братьями въ Турціи; только турецкіе сербы принадлежатъ къ греко-восточной церкви, австрійскіе же большею частью—къ римско-католической. Всѣхъ сербовъ въ Австріи, Турціи и сербскомъ княжествѣ насчитывается слишкомъ 5 милліоновъ душъ.

Въ исторіи сербовъ были также блестящія эпохи. Этотъ народъ велъ продолжительную борьбу за свободу съ своими сосѣдями болгарами и греками, пока наконецъ его Стефаномъ Неманья († 1200 г.), не наступили для нихъ лучшія времена. Изъ преемниковъ этого короля, болѣе всѣхъ прославился Стефанъ Душанъ «Сильный» (1336—1356), называвшійся царемъ, покорившій Македонію и Ѳессалію, подчинившій себѣ болгаръ и храбрый царь Лазарь, послѣдній сербскій король, палъ при Амзельфельдѣ (15-го іюня 1389 г.), когда вмѣстѣ съ сосѣдями завязалъ борьбу съ тѣснившими ихъ турками. Затѣмъ наступило время рабства, продолжавшееся до начала текущаго столѣтія, когда загорѣлись войны за независимость, окончившіяся возникновеніемъ княжества Сербіи.

«Революціи, говоритъ Капитцъ, всегда дорого обходятся. Главнымъ двигателемъ тутъ являются деньги. Однако, это правило не примѣнимо къ сербскимъ войнамъ за независимость. Рѣдкая любовь къ отечеству и достойное удивленія самопожертвованіе были единственными средствами сербовъ. У нихъ не было даже преданій, славнаго прошедшаго, какъ у грековъ. Ни Олимпъ, ни тѣни эллинскихъ героевъ и поэтовъ не пропагандировали въ ихъ пользу. Да если бы даже исторія храбраго сербскаго народа и была болѣе извѣстна, то въ то время, когда почти вся Европа истекала кровью въ борьбѣ съ французскимъ императоромъ, сочувствіе западно-европейскихъ націй едва ли бы могло быть существенно полезнымъ сербамъ въ ихъ борьбѣ за свои священныя права. За исключеніемъ той помощи, которую оказывала Россія (сама тѣснимая Наполеономъ) своимъ единовѣрцамъ-братьямъ на Дунаѣ, сербское возстаніе не получило матеріальной поддержки ни отъ подписки, открытой сербофилами, ни отъ богатыхъ банкирскихъ домовъ. Незначительное имущество каждаго составляло арсеналъ и кас-

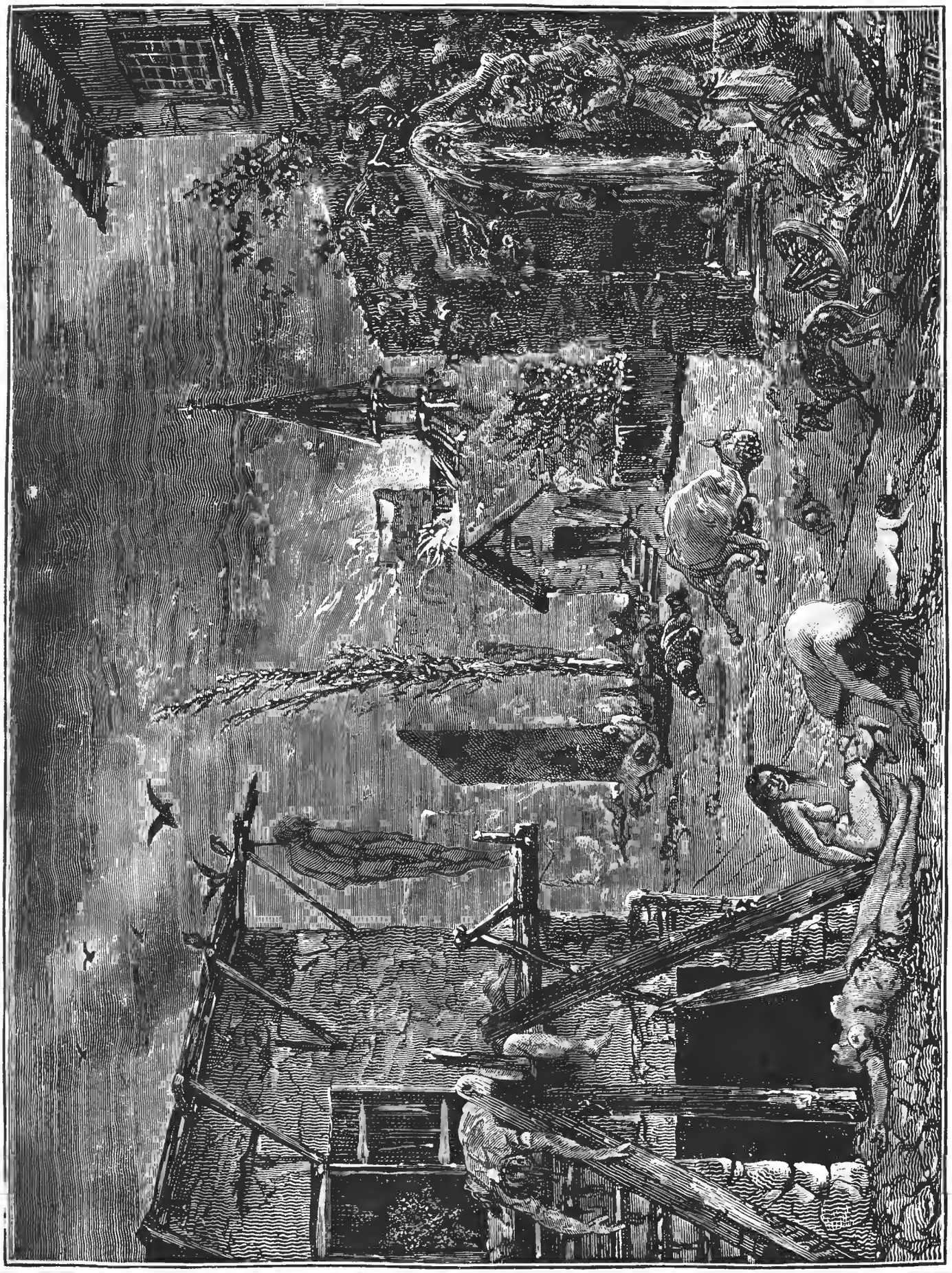
*) См. «Нива» № 30.

Библиотека "Руниверс"



Турецкое укрѣпленное мѣстечко Подгорица на границѣ Албаніи и Черногоріи. Грав. Цамарскій.

Библиотека "Руниверс"



Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга баши-бузуковъ. Съ наброска нашего спеціальнаго корреспондента, рисов. Карзинъ, рѣзалъ Пашаръ.

Библиотека "Руниверс"

су, изъ которой сербская борьба за независимость черпала свои силы. Если поговорка «каждый самъ за себя» примѣнима и къ цѣлому народу, то сербскій народъ, разсчитывающій только на самого себя, заслуживаетъ полнаго уваженія Европы.

Предводителемъ сербовъ въ этой первой борьбѣ, не приведшей, какъ извѣстно, къ желанной цѣли, былъ Кара-Георгій (его біографія съ рисункомъ помѣщена въ № 23 «Нивы»). Только впослѣдствіи, въ 1831 г. Милошъ Обреновичъ добился того, что Порта признала его наслѣдственнымъ, хотя и вассальнымъ княземъ Сербіи. Съ тѣхъ поръ Сербія сдѣлалась государствомъ «будущаго» по нижнему теченію Дуная. Въ этомъ княжествѣ въ настоящее время насчитывается слишкомъ милліонъ жителей и до 100,000 солдатъ, вмѣстѣ съ милиціей.

Почти одинаковую роль съ Сербіей играетъ маленькое княжество Монтенегро. Такъ называютъ эту страну итальянцы, туземцы же именуютъ свою землю Черногоріей. Это дикая, гористая страна, занимающая пространство въ 70 квадр. миль, съ 200,000 жителей, по преимуществу сербовъ, которые подъ управленіемъ своего родового княжескаго дома съумѣли сохранить свою независимость отъ турокъ и въ теченіе многихъ вѣковъ ведутъ съ ними постоянную борьбу, имѣющую характеръ буйныхъ разбойничьихъ набѣговъ. Со времень Петра Великаго Черногорія тѣсно связана съ родственной ей Россіей, подъ покровительство которой она отдалась въ 1710 году.

Совершенно независимая Черногорія и почти самостоятельная Сербія представляютъ центры, куда устремляются революціонные элементы подвластныхъ Турціи сербовъ; тамъ, въ этихъ центрахъ, они получаютъ нравственную и матеріальную поддержку. Подача помощи облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что именно Сербія и Черногорія прикрываютъ Боснію и Герцеговину, состоятъ въ тѣсномъ союзѣ съ ними, и дорога, ведущая изъ Турціи въ возставшія провинціи, пролегаетъ между Черногоріей и Сербіей.

Кромѣ незначительнаго числа албанцевъ, евреевъ и цыганъ, въ Босніи и Герцеговинѣ живутъ только южные славяне, чистые сербы. Турокъ, въ этнографическомъ значеніи этого слова, т. е. османовъ, живетъ тамъ всего нѣсколько заѣзжихъ семей; турокъ же по религіи, т. е. магометанъ, въ Босніи насчитывается 325,000, въ Герцеговинѣ 60,000, христіанъ же восточной въ первой 460,000, а во второй 75,000 человѣкъ. Кромѣ того, въ Босніи проживаетъ 135,000, а въ Герцеговинѣ 47,000 римскихъ католиковъ, слѣдовательно, христіанское населеніе тамъ по численности вдвое превосходитъ магометанское. Славяне-магомотане въ Босніи и Герцеговинѣ составляютъ классъ землевладѣльцевъ, это бывшіе аристократы страны, которые послѣ покоренія провинцій въ 1463 году приняли исламъ ради сохраненія своихъ имуществъ и земель. Если по религіи они турки, то по языку, понятіямъ и нравамъ остались истыми славянами. Многоженства тамъ почти не встрѣчается, такъ какъ оно дорого стоитъ и нарушаетъ семейный миръ. Замужнія женщины только на улицѣ носятъ покрывало. Если женщина преднамѣренно покажется безъ покрывала чужому, то это считается достаточной причиной для развода; этотъ законъ стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ постановленіями старыхъ карательныхъ законовъ, гдѣ за тайный разговоръ или поцѣлуй опредѣлялся денежный штрафъ. Самымъ унизительнымъ въ положеніи райи является постановленіе, въ силу котораго каждый христіанинъ долженъ давать дорогу послѣднему магометанину или, если райя ѣхалъ верхомъ, слѣзать съ лошади и стоять до тѣхъ поръ, пока магометанинъ не проѣдетъ.

Герцеговина—прекрасная, гористая страна и могла бы имѣть важное торговое значеніе на Адріатическомъ морѣ, если бы промышленность, ремесла, торговля, и даже земледѣліе, въ этой странѣ не были въ такомъ жалкомъ положеніи, если бы обитатели ея умѣли пользоваться сокровищами, скрытыми въ ихъ землѣ. Въ Герцеговинѣ почти всюду плодородная почва; страна эта изобилуетъ рѣками и минеральными источниками, прекрасными рощами и первобытными лѣсами, великолѣпными лугами и пастбищами. И среди такой роскошной природы живетъ суровый народъ, прозябающій въ нищетѣ и невѣжествѣ. Главный виновникъ такого бѣдственнаго положенія народа—турецкое правительство. Если бы у турецкихъ сербовъ было другое правительство, то и они, подобно австрійскимъ сербамъ и кроатамъ, могли бы имѣть свою академію, университетъ, литературу, газеты и журналы.

Европейца, пріѣзжающаго въ Босніи, глубоко возмущаетъ хозяйничанье турокъ въ этой странѣ. Здѣсь, на каждомъ шагу, видны слѣды гнета и притѣсненій. Поэтому неудивительно, что порабощенное христіанское населеніе неоднократно возставало противъ своихъ тирановъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторые турецкіе чиновники пытались поднять страну — но безуспѣшно, потому что запустѣніе было ужь слишкомъ велико.

На западѣ, около Іоническаго моря, живутъ албанцы. На сѣверѣ страна ихъ граничитъ съ Черногоріей, на югѣ—съ Греціей. На югѣ албанцы до того слились съ греками, что ихъ трудно отличить другъ отъ друга; на сѣверо-востокѣ, напротивъ, они смѣшались съ сербами. Сами себя они называютъ шипетарами, турки же зовутъ ихъ арнаутами. По вѣроисповѣданію они распадаются на католиковъ, православныхъ и магометанъ. Народъ этотъ долженъ обладать значительной внутренней силой: живя съ давнихъ временъ по берегамъ моря, подвергаясь разнымъ превратностямъ судьбы, имѣя такихъ предпріимчивыхъ сосѣдей, какъ греки и итальянцы, онъ, все-таки, удержался на своей землѣ.

До турецкаго господства славяне были могущественнѣе албанцевъ, и этимъ послѣднимъ приходилось уступать первымъ; но когда турки сокрушили силу славянъ, роли перемѣнились, и шипетары сдѣлались современемъ естественными союзниками турокъ противъ болѣе многочисленныхъ славянъ. Албанцы, слѣдуя правилу cujus regio, ejus religio (каковъ царь, такова и религія), почти всѣ приняли исламъ, такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи ихъ интересы слились съ интересами турокъ противъ славянъ-христіанъ. Слѣдовательно, турки соединились съ албанцами и греками противъ славянъ, и албанцы, служащіе въ турецкой арміи въ качествѣ арнаутовъ (иррегулярные отряды), стали для нихъ драгоцѣнными союзниками. Воинственные и дикіе албанцы какъ бы созданы быть баши-бузуками; они славятся своими насиліями и разбоями, и миролюбивый славянинъ старается избѣгать столкновенія съ ними. Много земли отняли они у славянъ, преимущественно у сербовъ. Албанцы и до настоящаго времени остались тѣмъ, чѣмъ были въ древнія времена—рыбаками, солдатами, словомъ — невѣждами. Искусство, литература и науки имъ вовсе неизвѣстны, у нихъ до сихъ поръ нѣтъ даже своей азбуки. Объ умственныхъ способностяхъ этого народа еще нельзя судить, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ еще не выступалъ. Албанецъ трудолюбивъ у себя дома и храбръ на полѣ брани.

Число обитателей Турціи, принадлежащихъ къ романской расѣ, весьма незначительно. Мы не будемъ говорить здѣсь о Молдавіи и Валахіи, которыя съ 1859 года образовали къ сѣверу отъ Дуная почти независимое княжество, Румынію, съ населеніемъ въ $4^1/_2$ милліона. По часть румынъ живетъ и къ югу отъ Дуная, въ восточной Сербіи. Единоплеменники ихъ валахи, или цинцары, живутъ около горы Пиндусъ, не обозначенной на нашей картѣ. Для насъ не важно: говорятъ ли они на языкѣ родственномъ съ итальянскимъ, потомки ли это римскихъ военныхъ колонистовъ или романизировавшіеся варвары, коренные обитатели горъ. Намъ достаточно знать, что они живутъ между Албаніей и Ѳессаліей и занимаются скотоводствомъ и горными промыслами. По своей малочисленности они не имѣютъ никакого политическаго значенія.

Кромѣ вышеупомянутыхъ народовъ, въ европейской Турціи кочуетъ около 200,000 цыганъ, исповѣдующихъ исламъ, въ Добруджѣ существуетъ нѣсколько нѣмецкихъ колоній, колонистовъ этихъ турки называютъ «нѣмче», а сербы зовутъ ихъ «швабами»; при устьяхъ Саламвріи есть небольшая польская колонія; сирійскіе арабы обитаютъ около Базарджика, а вездѣсущіе евреи разсѣяны по всему Балканскому полуострову; они потомки евреевъ, изгнанныхъ Фердинандомъ и Изабеллой изъ Испаніи, и говорятъ на испанскомъ языкѣ.

Изъ всего, изложеннаго въ этой статьѣ, читатель можетъ усмотрѣть, что населеніе европейской Турціи представляетъ весьма пеструю массу. Различныя племена враждуютъ между собою, многія изъ нихъ видятъ въ сосѣдѣ своего врага; у каждаго племени есть свои особые, исключительные интересы и стремленія. Именно въ пестротѣ народонаселенія и заключается трудность разрѣшенія восточнаго вопроса. Съ момента объявленія Сербіею войны Турціи, кажется, начинаетъ разрѣшаться преловутый восточный вопросъ, прежде и теперь стоющій Европѣ многихъ слезъ и крови ..

Мѣстечко Подгорица

Мѣстечко Подгорица лежитъ на самой границѣ Албаніи и Черногоріи, образуемой рѣкою Морачей. Названіе свое Подгорица получила отъ того, что расположена у подножія холма *Горицы*, на которомъ находится укрѣпленіе, занятое турками. Мѣстечко служитъ мѣстопребываніемъ турецкихъ властей (мудира и кади) и не столь грязно, какъ другіе турецкіе города, хотя улицы въ Подгорицѣ узки и дома разбросаны въ безпорядкѣ, какъ вообще въ турецкихъ городахъ. Въ окрестностяхъ Подгорицы замѣчательны развалины древней Діоклеи или Дуклеи, такъ что часто въ стѣны какой нибудь лачуги вставленъ камень съ частію барельефа или съ латинскою надписью.

Недалеко отъ Подгорицы, чрезъ рѣчку Морачу, перекинутъ высокій каменный сводчатый мостъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Этотъ мостъ съ окружающими его укрѣпленіями находится въ рукахъ турокъ и служитъ главнымъ оборонительнымъ пунктомъ противъ внезапнаго нападенія черногорцевъ. Въ послѣднее время Подгорица сдѣлалась мѣстомъ заточенія христіанъ, которыхъ по распоряженію турецкихъ властей немало

Библиотека "Руниверс"

Въ концѣ прошлаго іюня, при Подгорицѣ произошло сраженіе турокъ съ черногорцами, въ которомъ албанское племя Кучей, бывшее въ рядахъ турокъ и ими самими вооруженное, оказало явную измѣну, обративъ оружіе противъ турокъ и даже заставивъ ихъ отступить до рѣки Рыбницы. Если бы неподоспѣли резервы, то дѣло турокъ было бы проиграно. Такого рода примѣръ измѣны албанцевъ туркамъ еще можно объяснить тѣмъ, что Кучи съ давняго времени перешли изъ католицизма въ православіе и сочувствуютъ черногорцамъ болѣе, чѣмъ миридиты-католики. Кромѣ того, одна часть этого племени, а именно Драколовичи, уже давно вошли въ составъ Черногоріи, а потому легко могли переманить на свою сторону и другую часть, находящуюся подъ турецкимъ владычествомъ. Остальное албанское войско пока еще занимаетъ аванпостъ въ Подгорицахъ. Изъ послѣднихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ по телеграфу корреспондентомъ «Русскаго Міра», видно, что 18 іюля вечеромъ у Подгорицы одержана черногорцами значительная побѣда, причемъ племя Кучей захватило двѣ пушки.

Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга баши-бузуковъ.

Въ поясненіе этого рисунка признаемъ необходимымъ и вполнѣ сообразнымъ съ обстоятельствами настоящаго времени помѣстить на страницахъ «Нивы» дословно текстъ воззванія отъ **С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета:**

„Уже скоро годъ, какъ въ горахъ Герцеговины и Босніи, полувооруженные и часто совсѣмъ голодные, отряды возставшихъ съ отчаянія христіанъ богатырски сопротивляются всѣмъ усиліямъ турецкаго регулярнаго войска покорить ихъ. Скоро годъ, какъ покинувшія родину ихъ семейства, питаясь, между прочимъ, и тѣмъ, что доставляется имъ изъ Россіи, только что не умираютъ съ голоду, а многіе уже и умерли, такъ какъ приношеній на всѣхъ не хватало! Между тѣмъ, вернуться домой, упросивъ своихъ возставшихъ отцовъ, мужей или братьевъ довѣриться обѣщаніямъ турокъ значило бы добровольно пойти на вѣрную смерть. Тѣ, которые позволили себя обольстить и вернулись,—всѣ попали на висѣлицу, подъ топоръ или на колъ. Митрополитъ сербскій уже повѣдалъ русскому народу о томъ, какъ звѣрски обращаются турки съ подневольными имъ христіанами. По по послѣднимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, ихъ звѣрство дошло до степени, еще болѣе неимовѣрной! Турки озлоблены тѣмъ, что возстаніе не прекращается, а напротивъ, заносится изъ области въ область, и не хотятъ или не умѣютъ понять, что оно и не можетъ прекратиться, пока они остаются все тѣми же вѣроломными ненавистниками христіанъ. Неспособные совладать съ христіанами въ честномъ открытомъ бою, они вторгаются въ мирныя христіанскія села, выжигаютъ до тла и жилища, и воздѣланныя христіанскимъ трудомъ поля, продаютъ христіанскихъ дочерей и женъ въ гаремы развратныхъ магометанъ, а стариковъ и дѣтей ввергаютъ въ огонь или распарываютъ имъ животъ. Такъ поступаютъ они теперь въ Болгаріи, куда не могла не залетѣть искра отъ возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи, и тѣмъ самымъ вынуждаютъ возстать тамъ уже всѣхъ и каждаго Шайки переселившихся къ туркамъ черкесовъ и не менѣе дикая турецкая вольница, носящая названіе баши-бузуковъ, бросились съ огнемъ и мечомъ по сотнямъ болгарскихъ селъ,—и отъ нихъ остались теперь только груды пепла и обезображенныхъ, безъ погребенія разлагающихся труповъ. До шестидесяти тысячъ мирныхъ жителей въ короткое время преданы самымъ ужаснѣйшимъ видамъ смерти и кровь ихъ понапрасну вопіетъ къ турецкому правосудію, ни мало не смущающемуся заступничествомъ за христіанъ долготерпѣливой Европы. Ужасающій видъ этихъ труповъ и этихъ развалинъ вызываетъ невольное бѣгство въ уцѣлѣвшемъ населеніи, оставшемся, въ полномъ смыслѣ слова, безъ крова и безъ куска хлѣба. Русскіе люди не мало уже послали своимъ бездомнымъ единовѣрцамъ единоплеменникамъ изъ Герцеговины и Босніи, но да не устаетъ ихъ дающая рука, да распахнется ихъ сердце и для принявшихъ къ нему болгаръ. Въ былое, далекое время, Болгарія, раньше насъ огласившаяся христіанскою проповѣдью Славянскихъ первоучителей, питала насъ хлѣбомъ духовнымъ, доставляя намъ произведенія своей христіанской письменности. Мы едва ли расплатились съ нею за это просвѣтительное вліяніе тѣми приношеніями, какія со времени постигшаго ее магометанскаго ига привыкли мы посылать въ ея обѣднѣвшіе храмы, а затѣмъ и въ ея убогія школы. Не должно забывать и о томъ, что и самимъ намъ въ былое время пришлось выносить продолжительное иго невѣрныхъ. Но татары въ XIII, XIV и XV вѣкахъ не доходили до того, до чего въ наше время, на глазахъ у просвѣщенной Европы, доходятъ турки. Западъ въ ту пору не поспѣшилъ на выручку нашей Руси, искупительно для него принявшей на себя одну всѣ удары азіатской орды. О крестовыхъ походахъ не думали болѣе и тогда, когда новые варвары, турки, поработили православныхъ славянъ и, водворившись въ столицѣ царя Константина, замѣнили на храмѣ святой Софіи нашъ христіанскій крестъ магометанскою луной Земля русская только что раздѣлывалась въ то время съ татарами. Съ тѣхъ поръ, какъ ей удалось, наконецъ, сломить ихъ ярмо, взоры порабощенныхъ турецкихъ славянъ съ упованіемъ устремились къ ней. И по мѣрѣ того, какъ крѣпла и крѣпла Россія, она все болѣе и болѣе сознавала за собою обязанность заступаться за христіанъ на востокѣ, никогда не встрѣчая въ этомъ усердной поддержки на западѣ, который, напротивъ, постоянно подозрѣвалъ тутъ съ ея стороны какія-то своекорыстныя цѣли. За эти-то ложныя подозрѣнія намъ и пришлось, наконецъ, пойти титься мученическимъ вѣнцомъ Севастополя. Но въ настоящее время и тѣ, кто особенно усердно защищалъ всегда турокъ, какъ невинныхъ, будто-бы, жертвъ нашихъ иридиторокъ и нашихъ клеветъ,—и сами англичане, наконецъ, повѣствуютъ открыто въ своей свободной печати о неслыханномъ варварствѣ турокъ и невыносимомъ положеніи христіанъ....

При видѣ гоненій, разразившихся, наконецъ, и надъ Болгаріей и напомнившихъ времена древнихъ христіанскихъ мучениковъ, и сербскій князь Миланъ и черногорскій князь Николай не были въ состояніи долѣе сдерживать свое сердце и выступили съ войсками на помощь своимъ гонимымъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Люди русскіе, да не устаетъ ваша помогающая рука! Бѣдный, уже давшій свою трудовую копѣйку, по опыту зная, что значитъ нужда, пусть ее дастъ опять и опять: одна копѣйка не разоритъ, а изъ мірскихъ копѣекъ собираются тысячи, даже десятки и сотни тысячъ рублей. Богачъ, уже давшій, и давшій щедро, пускай дастъ еще и еще отъ своего неизсякающаго избытка. Богачъ, еще ничего не давшій, потому что дать много жаль, а дать мало совѣстно, пусть не совѣстится—дать хоть бездѣлицу, но пусть только дастъ! Люди темные, незнающіе толкомъ этихъ болгаръ, какъ не знали герцеговинцевъ и босняковъ, но слышавшіе о христіанахъ, томящихся въ Турціи, пусть даютъ Христа ради свою «милостыню спасенную». Люди образованные, но при всемъ томъ еще малознакомые со славянами вообще и турецкими въ частности, пусть поскорѣе пополнятъ въ запасѣ своихъ познаній этотъ позорный пробѣлъ! Пора, наконецъ, не дозволять себѣ обольщать европейскими баснями о славянахъ которые, будто-бы, до того отупѣли, что даже немного и чувствуютъ, когда ихъ кидаютъ въ огонь или сажаютъ на колъ! Пора, доучившись, хоть поздно, вразумить и другихъ, что славянское дѣло—святое и разумное дѣло, на которое стоитъ жертвовать. Люди, горячо вѣрующіе въ Бога, пусть даютъ ради его святыхъ словъ, что всѣ одинаково его дѣти и между собою братья. Люди, безпрестанно толкующіе о человѣчествѣ, его преуспѣяніи, о благихъ плодахъ образованности, пусть поймутъ, наконецъ, что все это лишь *слова*, если можно равнодушно сносить то, что дѣлается теперь на востокѣ. Если западъ фарисейски суетъ на видъ эти выспренніе слова и въ тоже время, на дѣлѣ пропитанный себялюбіемъ, преспокойно ихъ попираетъ ногами, то пусть же ихъ снова подымемъ мы,—младшіе въ европейской семьѣ пусть спасутъ ея образованность отъ позора и поруганія. Люди русскіе, не теряйте времени! Проникнитесь всѣ однимъ чувствомъ, одною мыслію, жертвуйте, кто сколько можетъ и хочетъ, только жертвуйте всѣ и каждый.

Приношенія какъ деньгами, такъ и вещами, корпіею и т. п. принимаются каждодневно отъ 11-ти до 5-ти часовъ у Чернышева моста, въ домѣ, гдѣ 6-я Гимназія, въ помѣщеніи Географическаго Общества“.

Библіографія.

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ив. Забѣлина. Москва. 1876 г. Часть I-я. Цѣна 4 р.

Только что вышла книга, заглавіе которой мы выписали. Имя автора, уже извѣстнаго своими историческими изысканіями по отечественной исторіи, служитъ лучшимъ ручательствомъ достоинства книги. Дѣйствительно, въ нынѣшній разъ г. Забѣлинъ подарилъ нашу историческую литературу прекраснымъ произведеніемъ, въ которомъ онъ пишетъ исторію не государства и не правительственнаго механизма, а исторію самой жизни народа, исторію развитія его мелочнаго, повседневнаго, частнаго быта, изъ котораго слагается все содержимое для нас.

Авторъ начинаетъ свои изслѣдованія съ самаго туманнаго далека; но предварительно онъ не могъ не коснуться многолѣтней полемики о происхожденіи Руси. Онъ цѣлою панорамою выставляетъ мнѣнія pro и contra норманно-скандинавскаго происхожденія, онъ сводитъ и тѣ, и другія вмѣстѣ, онъ заставляетъ ихъ вести борьбу, онъ самъ принимаетъ въ ней участіе, увлекается ею и выноситъ трофеемъ,—что норманы тѣ же славяне, то же родственное намъ племя, наша плоть и кровь и все, что заносчивые нѣмцы, какъ доблесть приписывали норманству или, ближе, германскому началу—принадлежитъ намъ, самимъ себѣ—и славянскій міръ, со всѣми своими бытовыми чертами, вышелъ

Библиотека "Руниверс"

германства. Понятно, что уже за одно это, патріотическое чувство вызываетъ благодарность автору за то, что онъ съумѣлъ наконецъ доказать, что и у насъ есть не мало самобытнаго, не мало самодревнѣйшихъ явленій изъ склада народной славянской жизни, самобытныхъ признаковъ и проявленій народнаго искусства и творчества. Больно было сознавать, что наши ученые изъ слѣпого поклоненія нѣмецкой наукѣ втоптали въ грязь все наше прошлое, и все, чѣмъ живетъ въ настоящую минуту славянскій міръ, охотно приписывали давно минувшей пересадкѣ къ намъ отъ финновъ, иормановъ, даже отъ жмуди.

Всѣ тѣ смутныя воспоминанія, всѣ туманныя представленія о прошломъ, которыя сохранились въ народной памяти, г. Забѣлинъ освѣщаетъ историческими свидѣтельствами и находитъ корень ихъ происхожденія. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что у нашего народа существуетъ какое-то туманное представленіе объ Индіи, Индійскомъ пути, объ Индійскомъ морѣ. Въ настоящее время даже трудно сложить это представленіе въ какую-либо опредѣленную мысль или понятіе. Это какое-то смутное народное воспоминаніе о далекомъ прошломъ, воспоминаніе, не находящее себѣ возможнаго осязательнаго представленія въ существующемъ порядкѣ дѣйствительности. Между тѣмъ еще въ XV вѣкѣ русскій человѣкъ, Аѳанасій Никитичъ, съ Верхней Волги, изъ Твери, отправляется странствовать, разумѣется, руководствуясь стародавними преданіями объ Индійскомъ пути, какія искони существовали у обитателей всѣхъ главныхъ городовъ по теченію Волги. Вотъ это смутное представленіе народа авторъ спѣшитъ уяснить историческими свидѣтельствами, которыя находитъ у арабскихъ писателей, отмѣтившихъ еще въ X вѣкѣ путь, по которому проходили русскіе купцы на дальній востокъ.

Находя признаки родового идеала по сей день, авторъ во всеоружіи доказательствъ и тонкой исторической критики возстаетъ противъ мнѣнія, что будто бы у русскихъ славянъ не существовало родового быта. Его картина прошлаго неразрывною цѣпью связана и съ настоящею дѣйствительностью, а потому уже это одно заставляетъ ей приписать признаки полной достовѣрности и предпочесть сухомудреннымъ теоріямъ построеннымъ по шаблонамъ хитросплетенныхъ иноземныхъ наведеній.

Вообще книга Забѣлина вполнѣ достойна вниманія общества. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ не имѣетъ ни силы, ни возможности входить въ особыя ученыя изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ, какіе могутъ возникать и нарождаться изъ самого заглавія его сочиненія. Онъ ограничивается только наиболѣе существенными сторонами русской жизни и имѣетъ намѣреніе провести свое обозрѣніе до ближайшихъ къ намъ временъ. Отмѣченная нами книга составляетъ только 1-ю часть труда автора. Онъ надѣется его продолжать неизмѣнно, тѣмъ болѣе, что изданіе его въ свѣтъ обезпечено В. А. Дашковымъ.

Отъ души желаемъ успѣха автору.

Политическое обозрѣніе.

Турки вступили въ предѣлы Сербіи. Кровавымъ слѣдомъ отмѣченъ уже ихъ путь, освѣщенъ онъ пожарнымъ заревомъ... Главныя силы оттомановъ у юго-восточной границы княжества направлены къ Книжевацу, около котораго происходятъ теперь ожесточенныя битвы. Исходъ ихъ еще пока неизвѣстенъ, хотя, до сихъ поръ, побѣда склоняется на сторону сербскихъ войскъ, прорвавшихъ непріятельскій центръ у Мрамора. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы извѣстій, долженствующихъ повѣдать намъ о событіяхъ рѣшительнаго характера.

Событія эти, насколько можно судить по положенію, приписываемому державамъ въ настоящихъ обстоятельствахъ, могутъ имѣть рѣшающее значеніе не только по отношенію, собственно, къ дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ, но по отношенію къ самой войнѣ, т. е. другими словами—рѣшительная побѣда той или другой стороны можетъ повести къ дипломатическому вмѣшательству державъ, въ видахъ пріостановленія военныхъ дѣйствій и созванія конгресса, который разрѣшитъ вопросъ путемъ переговоровъ и соглашеній. Вотъ мнѣніе, господствующее въ этотъ моментъ въ прессѣ.

Еще нѣсколько времени тому назадъ прошелъ слухъ о посредничествѣ и предложеніи державами перемирія. Мы не говорили о немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался столь распространеннымъ, какъ теперь, когда онъ держится довольно упорно. Въ предположеніяхъ и комментаріяхъ нѣтъ, конечно, недостатка. Всѣ они вертятся на дальнѣйшей судьбѣ Герцеговины и Босніи. Такъ, говорятъ о присоединеніи первой къ Черногоріи и раздѣленіи второй между Австріей и Сербіей. Говорятъ еще о такомъ планѣ дѣленія этихъ провинцій, который, имѣя назначеніемъ поселить раздоръ между княжествами, отдалилъ бы еще на долгое время благословенный часъ свободы славянъ.

Тяжелъ удѣлъ славянъ. Тяжелой цѣной принуждены они добывать себѣ человѣческія права, давно уже признанныя за всѣми другими народами. И съ возмутительнымъ эгоизмомъ поступаютъ эти народы въ отношеніи народа славянскаго. Разживши на почвѣ торгово-политическаго могущества не даютъ они, не хотятъ они дать ему его мѣсто на общемъ пиру! Имъ — всѣ блага цивилизаціи, ему—одинъ гнетъ безъисходный, одно рабство невыносное .. Онъ, одинокій, подавленный, стоитъ внѣ закона. Совершающійся въ области международныхъ понятій и взглядовъ прогрессъ, открывая торговый путь, свѣтлое будущее другимъ націямъ, обходитъ славянина, онъ его не знаетъ, онъ несетъ свои блага для свободныхъ членовъ человѣческой семьи,—но не для отвержннагораба-славянина! Въ силу этого «порядка» вещей,—обошелъ его и громко провозглашенный гуманною Европой, Европой XIX-го вѣка! (есть чѣмъ хвастаться!) принципъ національностей... Италія объединялась при общихъ восторженныхъ кликахъ этой Европы, Германія—при ея почтительномъ молчаніи—и то, и другое признано, конечно, вполнѣ нормальнымъ явленіемъ. А славяне развѣ смѣютъ заикнуться о томъ же!

Нѣтъ! они жертвы искусственнаго аргумента о «равновѣсіи», они должны покорно склонить свои головы у подножія этой отвѣсной скалы, воздвигнутой предъ ними трудами человѣколюбія передовой части свѣта. Но вѣдь новосозданная имперія придала же вѣсамъ пресловутаго равновѣсія наклонное положеніе, и всѣ смолчали! Цивилизованные европейцы всегда преклоняются предъ совершившимся фактомъ.

Какими же нравственными началами живутъ тѣ, кто въ сферѣ нравственной не идетъ далѣе совершившагося факта?

Но искусственнымъ преградамъ не отвратить, не остановить того, что влечетъ за собою неудержимый потокъ исторіи.

СОДЕРЖАНІЕ: **Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ** (съ портретомъ). — **Маленькій мститель.** Эпизодъ изъ сербско-турецкой войны. (Посв. М. Г. Черняеву). Стихотворение. **Ѳ. Берга (Бо ва).** — **Встревоженный городъ.** (Картины губернской жизни). **Д. Стахѣева.** — **Христосъ, благословляющій дѣтей** (съ рисункомъ). — **Предводители сербскихъ войскъ,** (съ 6-ю портретами) **Rus.** — **Народы Турціи и ихъ взаимныя отношенія** (окончаніе). — **Мѣстечко Подгорица** (съ рисункомъ) — **Болгарская деревня послѣ разбойническаго набѣга баши-бузуковъ** (съ рисункомъ) — Библіографія. — Политическое обозрѣніе. — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АВГУСТЪ съ 32 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки **85 к.** безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія)** 26—7

Въ книжномъ магазинѣ **Карла Риннера**, на Невскомъ просп., д. № 14, въ С.-Петербургѣ, **поступила въ продажу.**
ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ФОТОГРАФИИ МОНГОВЕНА. Съ 280 полит. въ текс. Перев. 6-го фр. изд. подъ ред. Гутковскаго. Цѣна 4 р., перес. за 3 фун.
Тамъ-же продается:
О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ. М. МАНАССЕИНОЙ. Изд. 2-е испр. испр. и доп. СПБ. 1874 г. Цѣна 2 р., перес. за 2 ф. № 48.

Зубной врачъ БАРСЪ.
Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26—17

Учебный географическій атласъ Іордана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно передѣланнымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ нумеровъ (картъ) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большой частью Азіятской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.
Цѣна 1 руб. безъ перес.
Также вышло 9 изданіе **„Историческій атласъ“** Іордана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.
Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйлера, литографія у Каменнаго моста, д. Оливье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—1

НАСЛѢДНИКИ.
Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описанія жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и добродѣтелей поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.
Д. И. Стахѣева.
Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта.
Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за іюнь 1875 года.
№ 43. 2—2

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина Киселева.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 29 Іюля 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Болгина, Англ. пр., № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 9 Августа 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

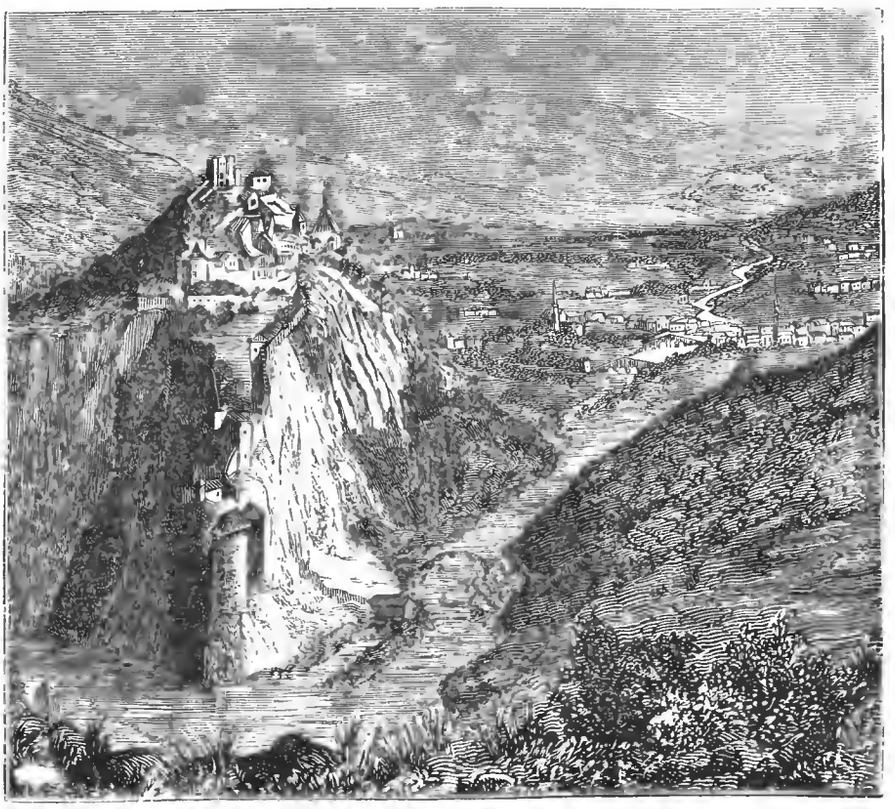
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Ужица.

Среди узкой, извилистой котловины, окруженной съ одной стороны цѣпью скалистыхъ крутыхъ холмовъ (Зобуче) съ, другой—роскошной, изумрудной долиной, лежитъ сербскій городъ Ужица и, гордясь своимъ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, самодовольно любуется отраженіемъ своимъ въ прозрачныхъ, быстрыхъ водахъ рѣки Діетина, извивающейся серебряной лентой у его ногъ.

Мѣстоположеніе его дѣйствительно такъ поразительно хорошо, что восхищенный имъ путешественникъ совершенно забываетъ объ общихъ большинству сербскихъ городовъ недостаткахъ — о скучномъ однообразіи всѣхъ зданій и построекъ. Всѣ дома каменные, двухъэтажные, съ одинаковыми фасадами и орнаментами наводятъ путника на мысль, что ихъ строилъ одинъ зодчій, въ одно время и по одному плану. Относительно Ужицы такое предположеніе будетъ отчасти справедливымъ, потому что онъ чрезвычайно быстро отстроился послѣ пожара 1812 года, когда турки во время его осады сожгли и разрушили до тла большую часть зданій.



Крѣпость Ужица въ Сербіи. Съ фотогр. грав. Боярскій.

Длинная, широкая улица ведетъ на главную городскую площадь, гдѣ сосредоточивается вся его торговля и промышленная жизнь. Въ каждомъ домѣ здѣсь имѣются лавочки и ремесленныя заведенія, съ вѣчно открытыми окнами, на которыхъ съ утра до вечера покоятся со сложенными на восточный ладъ ногами — неискусные сербскіе ремесленники, или же разставлены лучшіе товары. Среди площади возвышаются развалины древней ратуши, византійскій стиль которой и не дурно сохранившійся еще куполъ свидѣтельствуютъ о не турецкомъ ея происхожденіи. Въ сѣверной части города на небольшомъ холмѣ стоитъ полуразрушенная мечеть, покорно склоняя, покрытое морщинами и шрамами чело передъ высоко поднятыми, блестящими главами христіанскаго храма, подъ сѣнью котораго пріютились обширныя зданія окружного управленія и суда. Кромѣ почтовой и телеграфной станціи, въ городѣ имѣется еще гимназія и начальное женское училище.

Надъ городомъ, на обрывистомъ высокомъ утесѣ, торчатъ руины старинныхъ турецкихъ укрѣпленій. Укрѣпленія эти были расширены султаномъ Селимомъ.

Въ пятидесяти саженяхъ отъ города, на самой высокой, не-

Библиотека "Руниверс"

приступной горѣ, грозно господствуетъ надъ всей окрестностью сильный редутъ, воздвигнутый сербами во время перваго возстанія.

Недавно окончено сооруженіе двухъ каменныхъ мостовъ черезъ Діетину, начатыхъ по мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ еще во время римскаго владычества: на одномъ изъ этихъ мостовъ находится широкая плита изъ бѣлаго мрамора съ надписью, свидѣтельствующею, что мостъ сооруженъ 250 лѣтъ тому назадъ, нѣкіимъ Асанъ-Бегомъ Касарчичемъ. Изъ другихъ древностей заслуживаютъ еще вниманія надгробные камни древне-римскихъ воиновъ, вросшіе теперь глубоко въ землю среди дворовъ.

Историческая лѣтопись Ужицы не богата событіями: расположенная вдали отъ большихъ дорогъ, не имѣя важнаго стратегическаго значенія, она больше оставалась въ сторонѣ отъ великой арены борьбы христіанской Европы съ мусульманскими ордами Азіи.

Тѣмъ не менѣе, ей все таки пришлось вынести нѣсколько штурмовъ и осадъ: такъ, въ 1737 году, когда вспыхнула австрійско-турецкая война, австрійскія войска, подъ начальствомъ Секкендорфа, осадили Ужицу и послѣ двадцати часового штурма ея укрѣпленій взяли ее приступомъ, но вскорѣ опять должны были отдать въ руки турокъ.

Во время сербскаго востанія 1855 года, инсургенты напрасно пытались нѣсколько разъ взять ее, и только два года спустя Георгію Черному удалось овладѣть ею и очистить отъ турокъ.

Въ 1813 году Ужица должна была раздѣлить жребій всѣхъ сербскихъ крѣпостей—принять въ нѣдра свои турецкіе гарнизоны и имѣть ихъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Въ 1862 году городъ и крѣпость были отданы сербамъ, которые на основаніи условія конвенціи принуждены были срыть укрѣпленія.

Подъ 1815 г. въ лѣтописи города кровавыми буквами записано еще слѣдующее событіе: въ крѣпостной башнѣ были тоже заключены въ качествѣ заложниковъ сербскіе *нагійскіе* (окружные) князья: Михаилъ Радовичъ,—Златиборскій, Алексѣй Поповичъ—Ужицкій, Василій Радоничъ—Черногорскій и Радованъ Маслачъ—Карадагскій.

Плѣнники, узнавъ объ угрожающей имъ лютой смерти и желая спастись бѣгствомъ, спустились на связанныхъ своихъ поясахъ изъ вершины башни къ рѣкѣ Діетинѣ. Но только одному Радовичу удалось благополучно совершить это воздушное путешествіе и, бросившись въ рѣку, переплыть на другую сторону; остальные же, спускаясь, страшно изранили всѣ свои члены объ острые камни и скалы; у подошвы они упали полумертвые, гдѣ турки ихъ изрубили въ мелкіе куски.

Б—цкій.

Встревоженный городъ

(Картины губернской жизни)

(Продолженіе)

Семенъ Егоровичъ съ недоумѣніемъ отодвинулся отъ своего спутника нѣсколько въ бокъ, чтобы удобнѣе было всмотрѣться въ его лицо, и даже подумалъ, не спохмѣлья-ли онъ городитъ что-то совсѣмъ не сообразное. Подумалъ онъ это потому, что помощникъ почтмейстера имѣлъ въ этомъ случаѣ маленькую слабость.

— Какого преступника? гдѣ? съ удивленіемъ спросилъ Семенъ Егоровичъ.

Собесѣдникъ, между тѣмъ, ни мало несомнѣвался, что преступникъ пойманъ и приставалъ, прося разъясненій и упрекая полиціймейстера въ скрытности; при чемъ прикрылъ лѣвый глазъ и пригрозилъ пальцемъ, говоря: „зна-а-ю! зна-а-ю! Диплом-а-тъ!“ Семенъ Егоровичъ, будучи человѣкомъ вспыльчивымъ, даже разсердился и ругнулъ своего спутника по русски, говори, молъ, толкомъ, чортъ тебя возьми, а не мучь своими пустыми намеками! Когда потомъ разъяснилось, о комъ именно и по какому случаю пошли по городу нелѣпые толки, Семенъ Егоровичъ плюнулъ и еще крѣпче ругнулъ и помощника почтмейстера, и всѣхъ, кто городитъ вздоръ, при чемъ всего больше досталось кучеру, разумѣется, не потому что онъ тоже былъ въ ихъ числѣ, а такъ ужъ просто по той причинѣ, что сани въ это время припрыгнули въ ухабѣ и представился, такимъ образомъ, случай выместить на немъ свой гнѣвъ.

— Не видишь, чортова голова!.. Заснулъ скотина! на иолати залѣзъ...—Я васъ, чертей! и т. д.

Кучеръ только головой потряхивалъ, слушая, какъ его „баринъ жаритъ“, и можетъ быть для того, чтобы прервать потокъ его брани, по временамъ покрикивалъ и безъ того сторонившимся и раскланивавшимся прохожимъ: „берегись, эй!“

Подъѣхали ка квартирѣ помощника почтмейстера.

— Ну, вылѣзай что-ли, баба! ругнулъ его Семенъ Егоровичъ.

Тотъ не обидѣлся, зная, что эта брань „по дружбѣ“, и какъ опытный чиновникъ, коротко знающій, отчего можетъ захватить человѣка бурная волна гнѣва, спросилъ, вылѣзая изъ саней: „распекъ что-ли“. Онъ подозрѣвалъ, что гнѣвъ Семена Егоровича ведетъ начало изъ кабинета сановника.

— Ну, тебя!.. Есть о чемъ говорить!

— И сильно взмылилъ? озабоченно продолжалъ пріятель.

— Эхъ, какой ты тупоголовый! не выдержалъ, наконецъ,

— Ну, ну, не буду, не буду, отмахиваясь руками зачастилъ пріятель, такъ и оставшійся не разубѣжденнымъ на счетъ причины гнѣва Семена Егоровича.

— Придешь что-ли къ имянинникъ? болѣе мирнымъ тономъ спросилъ Семенъ Егоровичъ, протягивая руку.

— Приду, приду. Затѣмъ и изъ конторы поторопился, отвѣтилъ тотъ дружелюбно, и замявшись нѣсколько добавилъ: подождалъ-бы минутку, я вѣдь только вицмундиръ другой надѣну.

— Эва, выдумалъ что!.. Дойдешь и пѣшкомъ, далеко-ли тутъ... Уменъ! я его, видишь, ждать буду!

— Ну, хорошо, хорошо! не ворчи пожалуйста!..

На этомъ и разстались.

— Будьте вы всѣ трою-распрокляты! Этакія сороки безхвостыя, примутся врать—удержу нѣтъ, ворчалъ Семенъ Егоровичъ, отправляясь дальше и соображая, въ какомъ видѣ дойдетъ эта исторія до кабинета сановника. Личность пріѣзжаго снова заняла въ его головѣ первенствующее мѣсто, и своею таинственностію покушалась омрачить прелесть предстоящаго удовольствія. Сани мчались уже далеко отъ квартиры помощника почтмейстера, уже самый домъ имянинника, высокій и каменный, выдвинулся предъ глазами Семена Егоровича изъ массы другихъ мелкихъ домовъ, и кучеръ уже сталъ сдерживать бѣгъ лошадей, намѣреваясь повернуть сани въ широко раскрытыя ворота купеческаго дома, гдѣ на дворѣ виднѣлись десятка два экипажей, доставившихъ своихъ хозяевъ „къ пирогу“,—какъ вдругъ Семенъ Егоровичъ велѣлъ повернуть назадъ и снова сталъ покрикивать кучеру: „пошолъ, пошолъ“. Онъ рѣшилъ заѣхать въ гостинницу и лично переговорить съ ея управляющимъ, а въ случаѣ надобности войти къ пріѣзжему и прямо, не стѣсняясь, какъ полиціймейстеру города, освѣдомиться о чемъ слѣдуетъ. Мѣра была совсѣмъ крайняя и лишняя и ни чѣмъ въ сущности не вызывалась—мало-ли разносятъ по городу превратныхъ толковъ; но Семенъ Егоровичъ имѣлъ на этотъ разъ свои уважительныя причины, и при томъ, будучи надѣленъ крутымъ и горячимъ нравомъ, не любилъ ничего таинственнаго, никакихъ неясностей. Прогналъ онъ снова мимо двухъ-этажнаго дома почтовой конторы, или, вѣрнѣе сказать, — губернскаго почтмейстера, вѣрнѣе потому, что если какому начальнику полагается казенная квартира, то онъ готовъ загнать подвѣдомственное ему управленіе хоть въ подвалъ, лишь

Библиотека "Руниверс"

Семенъ Егоровичъ мимо собственной своей квартиры и остановился у подъѣзда гостинницы. Изъ саней онъ выпрыгнулъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ „объясниться". Идя потомъ по лѣстницѣ, онъ болѣе часто и болѣе сановито, противъ обыкновенія, оправлялъ на своихъ плечахъ шинель и храбрился; но это учащенное подергиваніе плечами и излишняя сановитость именно и выдавали его. Вчерашняя важность пріѣзжаго не потеряла еще въ его глазахъ своей обаятельной силы, и представивъ себѣ о ней, Семенъ Егоровичъ почувствовалъ что его „рѣшительное намѣреніе" можетъ поколебаться отъ встрѣчи „можетъ быть особы". Однакожь онъ рѣшился разузнать такъ или иначе о личности пріѣзжаго и такимъ образомъ разсѣять нелѣпые городскіе толки.

Изъ разговора съ помощникомъ почтмейстера онъ, конечно, замѣтилъ, что они уже успѣли разростись до невѣроятной степени, и догадывался, что теперь, въ эту минуту, когда онъ поднимается по лѣстницѣ гостинницы, сплетня мчится по городу изъ дома въ домъ, изъ ушей въ уши, подобно тому, какъ въ сухое, жаркое лѣто пламя пожара мчится съ невѣроятной быстротой по соломеннымъ крышамъ крестьянскихъ избушекъ и охватываетъ, наконецъ, всю деревню, въ глазахъ безпомощныхъ владѣльцевъ, за часъ предъ тѣмъ бывшихъ довольными своей скудной долей и вдругъ оказавшихся безпріютными нищими.

VIII.

Семенъ Егоровичъ узналъ все, что было ему нужно и помчался на пирогъ. Садясь въ сани, онъ ругнулъ самого себя за то, что утратилъ съ годами значительную долю своей полиціймейстерской проницательности, ругнулъ конечно и пріѣзжаго, но вскорѣ успокоился совсѣмъ, будучи доволенъ, что хоть и ошибся, за то разсѣялъ всѣ недоразумѣнія, томившія его со вчерашняго вечера.

У имянинника былъ самый развалъ праздника. Пили, ѣли, разговаривали и спорили; но о чемъ собственно шли разговоры и споры—понять было невозможно. Сначала „празднества" еще кой что можно было уразумѣть и отличить, напримѣръ, спокойный разсказъ старика казначея, о вѣрномъ средствѣ противъ гемороя, отъ громкаго говора двухъ купцовъ, выхвалявшихъ достоинство своихъ рысаковъ. Но потомъ, при дальнѣйшемъ развитіи „празднества", ничего уже нельзя было разобрать, потому что говорить стали всѣ въ одно и тоже время, ни кто не слушалъ, что ему возражаютъ, и каждый, казалось, заботился только о томъ, чтобы высказать свою мысль, кстати или не кстати—все равно. Напримѣръ, въ то время, когда тучный членъ казенной палаты, извѣстный знатокъ по части составленія разнаго сорта наливокъ, разсказывалъ, какъ именно и въ какой пропорціи слѣдуетъ класть въ спиртъ ягоды, лѣсничій, уже сильно раскраснѣвшійся, вдругъ заявилъ, что послѣдняя реформа по ихъ министерству имѣетъ „громадное" значеніе. На это знатокъ наливокъ, вмѣсто вопроса, въ чемъ заключилась самая реформа, не въ одномъ ли только переименованіи палаты въ управленіе, горячо возразилъ дрожащимъ старческимъ голосомъ: „да вы, батюшка, попробуйте", и взявъ поклонника реформы за руку, потянулъ его вслѣдъ за собой. Оба другъ друга поняли и чрезъ минуту уже стояли у закуски съ рюмками въ рукахъ, раскланиваясь и изъявляя взаимныя пожеланія „добраго здоровья". Въ другой группѣ на жалобы редактора мѣстнаго справочнаго листка, что „статьи рѣжутъ" и авторы корреспонденцій, какъ древніе христіане, терпятъ гоненіе и даже анонимныя изъ нихъ розыскиваются „по признакамъ" на мѣстахъ ихъ жительства въ селахъ и деревняхъ,—купецъ Полуфунтовъ, поклонникъ баснистыхъ дьяконовъ, заявилъ, что „такъ и нужно", и что главное, вопиская И здѣсь, не смотря на видимое противорѣчіе въ мысляхъ того и другого, разговоръ какъ-то вязался, и редакторъ, и купецъ Полуфунтовъ чрезъ двѣ-три минуты тоже стояли у закуски съ рюмками въ рукахъ и чокаясь, желали взаимно одинъ другому „добраго здоровья". Вообще свобода слова была полная. Хозяинъ заботился только о томъ, чтобы „все шло мирно". Онъ, какъ опытный человѣкъ, зналъ, что не всѣ гости способны желать другъ другу добраго здоровья, и что есть между ними такіе, для которыхъ отъ спора, хотя бы о самомъ отвлеченномъ предметѣ, до брани разстояніе слишкомъ маленькое, и потому чутко слѣдилъ за разговорами такихъ гостей. Лишь только онъ замѣчалъ гдѣ либо значительное возвышеніе голосовъ, какъ тотчасъ-же являлся на выручку и тянулъ кого нужно въ ту сторону, гдѣ стояла батарея бутылокъ съ закусками. Замѣчалъ онъ, напримѣръ, что два городовые нотаріуса, склонные къ „спорамъ" уже по самой однородности ихъ доходовъ, что-то громко разговариваютъ,—въ туже минуту принималъ противъ этого мѣры.

— Да позвольте! кричалъ и на него гость, стараясь выдернуть изъ его рукъ свой локоть, и не обращаясь къ нему лицомъ, снова принимался доказывать, что нужно своему противнику. Но хозяинъ, замѣчая, что и противникъ что то ужь слишкомъ раскраснѣлся и, какъ говорится, деретъ горло на всю комнату, — подхватывалъ и его подъ локоть и тянулъ, такимъ образомъ, обоихъ къ батареѣ. Если въ числѣ спорящихъ оказывался еще третій, то не имѣя возможности тащить его куда слѣдуетъ, онъ напиралъ на него этими двумя и кивалъ ему головой по направленію къ закускѣ, приглашая такимъ образомъ принять участіе въ „охлажденіи" спорщиковъ при помощи той или другой изъ многочисленныхъ бутылокъ батареи. Это возбуждало смѣхъ не только во всѣхъ троихъ, подталкиваемыхъ къ закускѣ, но и въ остальныхъ гостяхъ, и споръ самъ собой переходилъ совсѣмъ на другой предметъ. Одни начинали говорить о необыкновенной силѣ хозяина, другіе—о его политическихъ способностяхъ, и—словомъ, вмѣсто споровъ, раздавался въ залѣ общій веселый смѣхъ.

Народу было много, больше все изъ чиновнаго міра, хотя хозяинъ былъ купецъ, но онъ былъ изъ числа тѣхъ купцовъ, которые по духу времени льнутъ больше къ благороднымъ, находя что имъ, „по ихъ капиталу", это общество приличнѣе.

— Пожалуйте, пожалуйте, господа! что тамъ за споры, къ чему! пожалуйте, тянулъ онъ чрезъ нѣсколько времени къ закускѣ другихъ.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, въ кабинетѣ и въ другой, рядомъ съ нимъ, уже угомонились отъ споровъ нѣсколько человѣкъ и „козыряли". Кой гдѣ около оконъ стояли кучками, по два, по три лица, болѣе мирныхъ, за которыми хозяинъ по этому случаю не находилъ нужнымъ наблюдать. Тамъ дѣйствительно не было споровъ, и слышались вмѣсто того жалобы на скуку. Одинъ что-то разсказывалъ по поводу своей командировки въ уѣздъ и жаловался на грубость деревенскихъ нравовъ.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, въ ужасѣ разводя руками,—я ужь было и фуражку съ кокардой надѣлъ: хотѣлъ его бить...

Другой, слушая и видимо нисколько не опасаясь за послѣдствія отъ грубости деревенскихъ нравовъ подъ спасительною сѣнію кокарды, завидовалъ разскащику и жаловался на то, что ему давно непредставлялось случая съѣздить куда-нибудь за городъ: мертвое бы тѣло тамъ что ли, а то чортъ знаетъ что—ералашъ и преферансъ, преферансъ и ералашъ. Въ сосѣдней комнатѣ человѣкъ шесть-семь были серьезно заняты дѣломъ и не обращали вниманія ни на что, кромѣ картъ. Только тѣ изъ нихъ, которымъ положительно не везло, сердито оглядывались назадъ за спинки стульевъ, оты-

Библиотека "Руниверс"

извѣстно, всегда приносятъ къ карточному столу посторонніе зрители. По временамъ слышались отъ стола свирѣпые, отрывочные и неизвѣстно, что именно означающія слова: „Чортъ знаетъ! Была не была! Шла ѣхала! и т. п.“.

Въ залѣ двое изъ гостей, видимо дѣловые люди, стояли отъ всѣхъ въ сторонѣ и намѣренно даже забрались подальше, въ самый темный уголъ комнаты, чтобы удобнѣе было говорить о дѣлахъ. Одинъ, судя по костюму, былъ купецъ, а другой, несомнѣнно адвокатъ. Несомнѣнно потому, что адвоката всегда и вездѣ можно узнать съ перваго взгляда: на рукахъ его бриліантовые перстни, на груди золотая цѣпь, толстая до того, что смѣло можетъ быть употреблена для привязи даже самой злой собаки, на лицѣ выраженіе ума хитраго и гордости непомѣрной и такой же непомѣрной жадности къ деньгамъ, неизмѣримо превосходящей даже купеческую жадность. Купецъ стоялъ въ позѣ кающагося грѣшника, должно быть гдѣ нибудь подрался и или неудачно объявилъ несостоятельность, словомъ — что-то напроказилъ. Адвокатъ держалъ себя „свысока“ и почти съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на своего кліента, какъ на человѣка необразованнаго и „торгаша“, на что, разумѣется, онъ имѣлъ полное основаніе, какъ владѣющій въ дѣлѣ эксплуатаціи ближняго болѣе благородными средствами и на болѣе широкомъ поприщѣ. Они скоро порѣшили условія и уже пожали другъ другу руки, но при вопросѣ адвоката: „чей расходъ на свидѣтелей“, снова что-то долго разговаривали, пока хозяинъ, замѣтившій ихъ удаленіе отъ другихъ гостей, не потянулъ обоихъ „къ обществу“, вѣрнѣе говоря—къ столу уставленному бутылками и графинами Купецъ-кліентъ выпилъ очищенной и вздохнулъ, вѣроятно подъ тяжестію думъ о послѣдствіяхъ „дѣла“. Адвокатъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, выпилъ винограднаго и хотя тоже вздохнулъ, но совсѣмъ иначе, а именно такъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ, только что устроившій хорошее дѣло. Послѣ выпивки онъ немедленно поспѣшилъ раскланяться, не смотря на усиленныя просьбы хозяина, и уѣхалъ, беззастѣнчиво оправдываясь тѣмъ, что „волка ноги кормятъ“, что, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хозяинъ, казалось, отъ чистаго сердца упрашивавшій „остаться хоть на минуточку“, по его уходѣ, тотчасъ же шепнулъ на ухо пріятелю на счетъ ушедшаго гостя что-то такое, отъ чего пріятель долго смѣялся, качалъ головой и отмахивался обѣими руками, точно на него вдругъ налетѣлъ цѣлый рой пчелъ.

Въ гостиной на диванѣ сидѣли три гостя, очевидно уединившіеся для того, чтобы „побесѣдовать“ въ тишинѣ. Это были: старшій протоіерей мѣстнаго каѳедральнаго собора, мировой судья и адвокатъ (это уже другой, потолще перваго и постарше). Они всѣ трое, хотя и говорили каждый о своемъ, но одинъ другого понимали, собственно потому, что въ основаніи разговора лежала одна и таже мысль,—всѣ трое жаловались. Протоіерей, медленно прихлебывая изъ стакана чай, жаловался на то, что „вѣра оскудѣла“, и что въ будни въ церкви нѣтъ ни души. Мировой судья жаловался, что дѣлъ много о дракахъ и именно, къ сожалѣнію, о мелкихъ, которыя почему-то ужасно его безпокоятъ, можетъ быть потому, что „неподлежатъ“ передачѣ въ другія руки. Адвокатъ жаловался, что публика, прежде стѣной валившая „въ новый судъ“, теперь носу туда не показываетъ, изъ чего, разумѣется, слѣдовало само собою, что его краснорѣчіе въ окружномъ судѣ пропадаетъ понапрасну. Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ жалобъ выходило у собесѣдниковъ одно и тоже заключеніе, что дѣла „вообще идутъ нехорошо“, и всѣ трое при этомъ такъ серьезно держали себя и такъ „глубоко“ хмурились, точно разрѣшали какой-нибудь въ высшей степени важный государственный вопросъ, а не просто заботились о своихъ личныхъ, мелкихъ дѣлишкахъ. Этихъ гостей хозяинъ не таскалъ за руки къ закускѣ, въ самомъ дѣлѣ считая ихъ бесѣду „министерской“, а самъ по временамъ приносилъ въ гостиную бутылку съ краснымъ виномъ и, подливая въ рюмки судьи и адвоката, каждый разъ покушался налить вина въ стаканъ протоіерея, при чемъ тотъ поспѣшно прикрывалъ стаканъ ладонью руки и молча, отрицательно качалъ головой, давая этимъ знать, что хмѣльного не употребляетъ.

Дамъ на имянинномъ пирогѣ не было, а если и были пять-шесть, то уже уѣхали, не имѣя, во-первыхъ, надобности „охлаждаться отъ споровъ“ около бутылочной баттареи, а во вторыхъ, не имѣя, можетъ быть, разрѣшенія отъ мужей садиться за карточные столы съ утра. Въ числѣ тѣхъ „своихъ“, которые составляютъ штатъ губернской администраціи, были на имянинномъ пирогѣ еще нѣсколько лицъ, такъ сказать, сверхштатныхъ въ административномъ отношеніи. Между прочимъ, одинъ съ весьма значительнымъ чиномъ, даже выше генеральнаго (чего-бы еще, казалось, выше!), человѣкъ, по общему мнѣнію, безукоризненной честности и самыхъ строгихъ правилъ, что, между прочимъ, не мѣшало ему получать тысячъ семь или восемь содержанія за управленіе какими-то землями, на которыхъ никакого населенія не было, и никакихъ работъ никогда и никѣмъ не производилось. Другой, докторъ, получавшій казенное содержаніе за леченіе инородцевъ, о которыхъ, по отдаленности ихъ жительства отъ губернскаго города, онъ не имѣлъ пока еще понятія и ограничивался тѣмъ, что получалъ въ опредѣленное время прогонныя и суточныя деньги для поѣздки въ ихъ населенія. На этихъ двухъ лицъ что-то косо посматривалъ и сторонился далеко отъ нихъ, точно отъ личныхъ враговъ, контрольный чиновникъ, тоже бывшій въ числѣ гостей у имянинника. Онъ, можетъ быть досадовалъ, зная, что и жизнь они вели спокойную и завидную, и жалованья получали хорошія, и ничего при томъ не дѣлали, а начета на нихъ никакаго сдѣлать было нельзя. Разумѣется, какъ не досадовать: случай отличиться предъ глазами, вотъ онъ тутъ и есть, возьми только перо и строчи: „имѣя въ виду, и на основаніи“, анъ нѣтъ, основаній-то и не оказывается. Ищи другой случай отличиться, ройся въ пыли архивовъ, не разгибая спины по десяти часовъ, и засыпай съ томительной думой о томъ, гдѣ и на чемъ выказать свою контрольную дѣятельность; а они въ это время будутъ спокойно разыгрывать свою партію въ преферансъ и посмѣиваться: что, молъ, взяли, теперь не то, что въ первые годы введенія единства кассы, ловили неумѣлыхъ на каждой ошибкѣ: теперь всѣ отчетныя вѣдомости по формѣ, и всѣ оправдательные документы приложены!

Потомъ были еще на имянинномъ пирогѣ... но о другихъ сверхштатныхъ лицахъ не очень удобно распространяться по той причинѣ, что такое описаніе заняло бы слишкомъ много мѣста и могло бы, кромѣ того, „по совмѣстности вопроса“ завести по ошибкѣ и въ самые штаты, куда, конечно, не слѣдуетъ совать носа... Не было, впрочемъ, на имянинахъ ни одного изъ членовъ Окружного Суда. Они держались въ городѣ особо и съ остальнымъ чиновнымъ людомъ, какъ говорится, „не якшались“, сознавая, подобно тому, какъ въ настоящемъ случаѣ и виновникъ празднества сознавалъ, что имъ „по ихъ умственному капиталу“ это общество не прилично Они жили своимъ кружкомъ и, по ихъ мнѣнію, болѣе просвѣщенною жизнію, хотя, при внимательномъ разсмотрѣніи жизни тѣхъ и другихъ, разницы между ними никакой не усматривалось. Мѣстное чиновничество вечера проводило за картами—и на ихъ вечерахъ тоже были карты, хотя, можетъ быть, самая игра велась болѣе въ просвѣщенномъ духѣ и курсъ ея былъ выше. Мѣстное чиновничество иногда отъ ску-

Библиотека "Руниверс"

Во время жатвы. Картина Бугеро, рис. Лювилье, грав. Ансо.

Библиотека "Руниверс"

ки дѣлало обѣды въ клубѣ по подпискѣ, придравшись къ какому нибудь случаю, и раскошеливалось для этого рублика по три каждый. Члены суда тоже дѣлали тамъ обѣды и платили уже не по три какихъ-нибудь рублишка, а по красненькой, справедливо признавая, что имъ, по ихъ положенію, обѣдать за три рубля „въ публичномъ мѣстѣ“ вовсе неприлично. Что касается поводовъ для этихъ обѣдовъ, то они имѣли ихъ значительно больше, чѣмъ остальное чиновничество города. То, напримѣръ, по случаю поѣздки „отдѣленія суда“ въ уѣздъ, то по случаю его возвращенія. По купечески выходитъ: "съ отъѣздомъ!.. гладкой дороги и попутнаго вѣтру! а потомъ: съ пріѣздомъ! Значитъ, наше вамъ-съ! давно невидались! Перекувыркнемъ-ка по чарочкѣ!“ Затѣмъ, имѣлись въ виду дни имянинъ, праздничное значеніе которыхъ они, какъ просвѣщенные люди, и не признавали, можетъ быть, „по существу“, но отпраздновать все таки не считали лишнимъ, при чемъ, разумѣется, не упускали случая поиронизировать на этотъ счетъ.—„Представьте, молъ, господа, я сегодня имянинникъ! ха! ха! Какъ это смѣшно! . И въ самомъ дѣлѣ, господа, какъ это глупо и какъ старо! Патроновъ какихъ-то выдумали... Чортъ знаетъ что!.. Но, однакожъ, господа, все-таки приходите обѣдать, такъ, запросто“. Между тѣмъ оказывалось, что на обѣдѣ запросто и шампанское, и прочее, и прочее, и хохотъ, въ особенности при провозглашеніи кѣмъ-нибудь, въ шутку, тоста за здоровье имянинника. Выходило въ самомъ дѣлѣ необыкновенно ловко: и подсмѣются люди надъ глупымъ обычаемъ праздновать день ангела, и въ то же время отмѣнно хорошо отпразднуютъ.

Гости прибывали и, разумѣется, прежде всего велись хозяиномъ къ столу съ бутылками, точно къ какому-то жертвеннику для поклоненія. На этомъ жертвенникѣ никакой древній богъ не въ состояніи бы былъ разобрать перепутавшіяся между собою остатки жертвъ въ недопитыхъ рюмкахъ, безпорядочно разсованныхъ по всему столу и мѣстами даже на самыхъ тарелкахъ съ закусками. Опустѣвшіе графины и бутылки немедленно исчезали со стола и тотчасъ же замѣнялись другими, наполненными, видно было, что хозяинъ не скупился и заготовилъ для имянинъ питій въ достаточномъ количествѣ. Слуги, торопливо сновавшіе около стола, уже не одинъ разъ захватывали въ кучу десятками недопитыя рюмки и являлись на смѣну ихъ съ новыми десятками чистыхъ, которыя, въ свою очередь, чрезъ какую нибудь четверть часа, гости разсовывали по столу куда ни попало, съ недопитой водкой, коньякомъ, наливкой и всякой всячиной, измышленной скучающимъ человѣчествомъ для услажденія своего духа и теперь разлитой по столу за недостаткомъ, вѣроятно, помѣщенія въ желудкахъ гостей.

Позднѣе другихъ появилась на имянинахъ мѣстная медицинская знаменитость. Она завернула, по ея словамъ, только на одну минуту, спѣша къ больнымъ. Хозяинъ, получивъ обычное поздравленіе, тотчасъ же, вслѣдъ за „покорно благодарю“, взялъ гостя за руку и потянулъ, куда слѣдуетъ. Тотъ, видимо, заранѣе чувствуя, что ему откуда-то грозитъ опасность, началъ было упираться и пятиться отъ баттареи бутылокъ, какъ опытный, старый конь упирается и пятится и пугливо фыркаетъ, несмотря на усиленныя понуканья хозяина, незамѣчающаго впереди себя крутого обрыва.

— Пожалуйте-съ! пожалуйте-съ! Нельзя—порядокъ! приставалъ хозяинъ, услужливо подавая гостю рюмку.

Гость вытащилъ изъ кармана длинный, длинный списокъ больныхъ, указывая почему-то такимъ документальнымъ образомъ на невозможность выпить даже одной рюмки водки.

— Не могу! Видите сколько визитовъ!..

Господь съ ними, не помрутъ, ежели вы теперича одну лишнюю минуточку побесѣдуете здѣсь...

— Не помрутъ! да я это, пожалуй, застряну здѣсь ..

— Помилуйте! съ чего же!.. Одна-то рюмочка...

— Эхъ, ей Богу!.. въ нерѣшительности отвѣтилъ докторъ, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ невозможно, видите сколько больныхъ.

— Спрячьте вы эту самую запись! убѣдительно прошу васъ, спрячьте-съ...

— Ну, да одну-то рюмочку, впрочемъ, ничего...

— Пожалуйте-съ! покорнѣйше прошу!..

Докторъ выпилъ, крякнулъ, при чемъ, конечно, длинная хартія, какъ болѣе не нужная для документальныхъ доказательствъ, была спрятана въ карманъ. Послѣ выпивки онъ закусилъ, потомъ поспѣшно вынулъ изъ кармана папироску, чтобы сейчасъ же „затянувшись“, ѣхать къ больнымъ. Но только что онъ хотѣлъ распрощаться, какъ хозяинъ уже налилъ другую рюмку и держалъ ее передъ нимъ, „убѣдительнѣйше“ прося повторить. Докторъ было завертѣлся въ разныя стороны, высматривая, нѣтъ-ли гдѣ мѣста, куда бы можно провалиться, чтобы избавиться отъ своей безхарактерности, но такого мѣста не оказалось. Онъ выпилъ вторую. Надо было закусить, а послѣ закуски, само собою разумѣется, надо было „затянуться“. Передъ третьей рюмкой онъ полѣзъ было снова въ карманъ за хартіей, но уже не вынулъ ее, уважая просьбу хозяина „не безпокоиться“. Послѣ четвертой, онъ уже молча выпивалъ рюмку за рюмкой, не торопясь закусывалъ какимъ нибудь маленькимъ кусочкомъ хлѣба и замѣтно начиналъ впадать въ тяжелое раздумье. Чрезъ нѣсколько времени онъ сидѣлъ на стулѣ, мрачный, и сосалъ папиросу, незамѣчая, что она давно потухла, Теперь уже самъ хозяинъ напоминалъ ему о паціентахъ и, вмѣсто угощенія, заботился о томъ, какъ бы его благополучнѣе „сплавить во свояси“, что оказывалось совсѣмъ не легкимъ дѣломъ, ибо теперь докторъ не выражалъ уже ни малѣйшаго желанія оставить „пріятное общество“. Сплавъ, наконецъ, удался при помощи хитрой выдумки хозяина, предложившаго гостю прокатиться „для воздуху“. Но и тутъ было встрѣтилось небольшое затрудненіе, ибо кучеръ доктора что-то очень подозрительно держалъ въ рукахъ возжи, вѣроятно тоже по случаю имянинъ хозяина дома. Однакожъ отъ этого особенныхъ препятствій къ сплаву не произошло, и чрезъ нѣсколько минутъ докторъ лежалъ дома и на своей собственной кровати.

На смѣну сплавленнаго доктора, влетѣла въ домъ имянинника новость о пріѣзжемъ. Влетѣла она вмѣстѣ съ однимъ старымъ интендантскимъ чиновникомъ, который уже лѣтъ пятнадцать „блаженствовалъ въ отставкѣ подъ судомъ“. Новость охватила всѣхъ не только своимъ внутреннимъ содержаніемъ, но самымъ даже появленіемъ вошедшаго, при обстоятельствахъ необыкновенно заинтересовывающихъ.

Вошедшій былъ человѣкъ тучный, владѣвшій хотя и хриплымъ, но ужасающимъ голосомъ, притомъ онъ даже и при спокойныхъ передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое, всегда сопѣлъ такъ, что казалось гдѣ-то недалеко двигается тяжелый поѣздъ желѣзной дороги. Теперь же онъ шолъ въ домъ имянинника съ большою поспѣшностью, слѣдовательно въ сопровожденіи болѣе усиленныхъ звуковъ, что само по себѣ произвело уже на гостей впечатлѣніе. Но когда онъ захрапѣлъ своимъ ужасающимъ голосомъ, размахнулъ хотя и короткими, но необыкновенно толстыми руками и выпятилъ впередъ животъ, имѣвшій колоссальные размѣры, публика, какъ волна, гонимая силою вѣтра, хлынула къ нему на встрѣчу.

— Доримедондъ Гаврилычъ, закричали нѣкоторые, что

Библиотека "Руниверс"

— Неслыхали? хрипѣлъ Доримедонтъ Гавриловичъ, не слыхали? новость-то какая, а! новость-то!..

На звукъ его ужасающаго голоса поднимались гости изъ всѣхъ угловъ, такъ-же, какъ, вѣроятно, будутъ подниматься когда нибудь мертвые на звукъ архангельской трубы. Игравшіе въ карты оставили свои зеленыя поля, нѣкоторые даже съ радостію, пользуясь случаемъ „замять“ свой проигрышъ. Изъ гостиной, гости, оторванные, отъ „министерскаго“ разговора, тоже вышли въ залъ. Сначала выступилъ протоіерей, поспѣшно заправляя уши подъ клобукъ, только что надѣтый имъ по окончаніи „бесѣды“, во время которой онъ, пользуясь „благорасположеніемъ собесѣдниковъ“ сидѣлъ „съ обнаженной главой“. Потомъ выступилъ судья, человѣкъ нѣсколько глуховатый и страдавшій стрѣльбой въ ушахъ. Онъ шолъ значительно поспѣшнѣе и на ходу торопился раскупорить уши, заложенныя ватой. Послѣдній вышелъ адвокатъ съ нѣсколько кровожаднымъ выраженіемъ лица, какъ выходитъ изъ лѣсу волкъ, замѣтившій отбившуюся отъ стада овцу.

— Представьте! продолжалъ вошедшій,—представьте, тотъ господинъ, который былъ вчера въ театрѣ... кто былъ вчера въ театрѣ? вдругъ обратился онъ съ вопросомъ къ гостямъ,—кто былъ, господа?

— Я былъ! громко отвѣтилъ одинъ, протискиваясь впередъ, поближе къ Доримедонту Гавриловичу.

— Я тоже былъ... Ей Богу былъ, старался почему то увѣрить другой, точно его обвиняли, что онъ пренебрегаетъ храмомъ Мельпомены.

— Ну, такъ что же? что же? нетерпѣливо приставали остальные.

— А то-же, что тотъ самый господинъ, который, помните, сидѣлъ въ первомъ ряду и еще ушелъ изъ театра послѣ перваго акта...

— Ну? ну?.. поторапливали гости, охваченные уже предвкушеніемъ чего-то особенно интереснаго.

Но Доримедонтъ Гавриловичъ по своей тучности не могъ далѣе продолжать разсказа и рухнулся всею тяжестію тѣла на близь стоявшій стулъ, отчего тотъ затрещалъ, точно жалуясь на несоразмѣрно большой грузъ, вдругъ на него навалившійся.

— Ну, что же? что же?..

— Уфъ!.. Чортъ его возьми!.. Я ужасно усталъ...

— Но что же онъ-то сдѣлалъ... что же такое случилось?

— А вотъ что, продолжалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, переводя духъ,—этотъ господинъ вовсе не господинъ, а—политическій преступникъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Д. Стахѣевъ.

Во время жатвы.

(Картина Бугеро).

Картина изображаетъ молодую женщину, сидящую въ тѣни кустарника: одною рукою она опирается о землю, въ другой держитъ яблоко; около нея на травѣ ребенокъ, она любуется имъ, и по выраженію ея лица можно судить, что этотъ ребенокъ ей не чужой. Она видимо присѣла около него не на долго, будучи занята работой съ своими подругами, которыя видны на дальнемъ планѣ картины. Онѣ жнутъ хлѣбъ, и молодая мать тоже была занята этой работой и оставила ее только для того, чтобы накормить своего ребенка. Ребенокъ накормленъ, молодая мать опять пойдетъ на работу и оставитъ свое милое дитя до тѣхъ поръ, пока оно снова не призоветъ, ее своимъ крикомъ. Здоровый и крѣпкій ребенокъ, накормленный молокомъ своей матери, да вдобавокъ получивъ на забаву румяное яблоко, не скоро оторветъ ее отъ дѣла. Ухватитъ онъ обѣими ручонками румяное яблоко и прижметъ его къ своему крошечному ротику, стараясь ухватить такими же румяными губками. Яблоко выпадаетъ изъ неловкихъ рукъ и откатывается въ сторону, но дитя сейчасъ же его забываетъ и вмѣсто яблока уже сосетъ свои кулачки, играетъ ноженками. Наигравшись, онъ сладко и крѣпко заснетъ подъ синимъ небомъ и яркимъ солнцемъ, отъ котораго его закрываютъ листья деревъ. Птички летаютъ и поютъ свои пѣсни: рои насѣкомыхъ кружатся. Грудь дышетъ легко, теплый вѣтерокъ ласкаетъ тѣло. Постелью ребенку служатъ золотые колосья, на коврѣ изъ зелени и цвѣтовъ. И взростетъ онъ, свободно развиваясь среди этой прекрасной природы такимъ же сильнымъ и мощнымъ, какъ эта природа. Картина принадлежитъ извѣстному современному художнику Бугеро, Въ каждогоднихъ отчетахъ о парижскихъ выставкахъ, помѣщаемыхъ въ нашихъ журналахъ, можно всегда встрѣтить имя Бугеро. Настоящая картина была имъ выставлена въ 1872 году. Бугеро преимущественно выбираетъ библейскіе сюжеты. Образцомъ его работъ для насъ можетъ служить картина, находящаяся въ академіи художествъ, въ галереѣ графа Кушелева-Безбородко. Картина эта представляетъ благословеніе Товія. Она отличается легкостію, необыкновенною мягкостію и нѣжностію тоновъ.

Почитателямъ школы, отвергающей отдѣлку каждаго деталя, отчетливость и гладкую чистоту мазковъ, не нравится у Бегеро гладкость его письма, но мы не можемъ не высказать то мнѣніе, что если смѣлость мазка можетъ быть хороша въ рукахъ искуснаго художника (напр. у Рембранта) такъ и гладко написанная картина съ тончайшею отдѣлкою всѣхъ диталей можетъ быть неподражаемо прекрасна, какъ напримѣръ картины знаменитаго Рафаэля.

Изъ Трегера.

Палящій зной... Томительно страдая
Мученія предсмертнаго тоской
И медленно клонясь и увядая,
Какъ лилія поникла головой!

* * *

Кругомъ кипитъ возстающей жизни мощь,
Кругомъ весны цвѣтущей ликованье,
Но ждетъ она таинственную ночь,
Ея росу, прохладу и молчанье.

* * *

Ее томитъ веселья свѣтлый день.
Скорѣй, скорѣй полуночныя грезы
И лучъ луны, и сладостную тѣнь,
И сладостно мечтательныя слезы...

Ѳ. Бергъ (Боевъ).

Сербскій митрополитъ Михаилъ

Не одни боевые вожди славянъ стоятъ въ первыхъ рядахъ воиновъ за великое будущее своего племени,—не щадятъ своей крови, не щадятъ своихъ трудовъ, но и его вожди духовные.

Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду этихъ сподвижниковъ славянскаго дѣла, безспорно, принадлежитъ митрополиту сербскому Михаилу. Съ первыхъ же, можно сказать, дней герцеговинскаго движенія—этого продолжительнаго, кроваваго пролога разыгрывающейся на нашихъ глазахъ трагедіи, съ первыхъ же дней, митрополитъ Михаилъ явился предстателемъ предъ Европой за несчастныхъ мучениковъ звѣрскаго, безпощаднаго ковового гнета. Много тщательно скрывавшейся до той поры правды раскрылъ онъ, много снялъ онъ незаслуженной клеветы съ изстрадавшагося народа, который преднамѣренно чернили въ глазахъ цивилизованнаго міра — какъ будто мало и безъ того выносилъ несчастный народъ.... Честный голосъ этотъ, защищавшій человѣческое достоинство подавленныхъ славянъ, взывалъ о помощи и былъ услышанъ. Откликнулась не одна родственная Россія — нашлись люди съ сердцемъ и въ той самой странѣ, которая служитъ источникомъ столькихъ бѣдствій для Балканскихъ христіанъ. Въ Англіи (усиліями Лью-

Библиотека "Руниверс"

пріобрѣвшее громкую извѣстность, а именно: «христіанская лига помощи турецкимъ христіанамъ», избравшая своимъ почетнымъ покровителемъ, между прочимъ, митрополита сербскаго. Съ тѣхъ поръ неусыпно бодрствуетъ высокопреосвященный пастырь, неустанно трудится онъ святому дѣлу, поддерживая мужество своей паствы въ эти переживаемыя сю трудныя минуты, придавая ей новыя силы для новыхъ жертвъ, для новыхъ геройскихъ подвиговъ, не оставляя ее ни на минуту ни словомъ утѣшенія, ни словомъ вдохновляющаго ободренія.

Митрополитъ Михаилъ еще молодой человѣкъ, человѣкъ весьма образованный и пользующійся общимъ уваженіемъ, далеко распространеннымъ за предѣлы Сербіи.

Предводители сербскихъ войскъ.

Въ дополненіе къ портретамъ шести предводителей сербскихъ войскъ, помѣщеннымъ въ 31 № «Нивы», представляемъ еще три портрета, а именно: полковника Николича, генерала Заха и полковника Милайковича.

Полковникъ Николичъ, сербскій военный министръ. Это—одна изъ популярнѣйшихъ личностей въ странѣ и арміи (вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родственникъ князя, онъ пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ). Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія, Николичъ посвятилъ себя подготовленію къ войнѣ, весь отдался лихорадочной дѣятельности. Плоды трудовъ его очевидно показали присутствіе въ немъ организаторскаго таланта. Въ прежнее время онъ былъ командиромъ бѣлградскаго гарнизона и адъютантомъ князя, а затѣмъ военнымъ министромъ при первомъ кабинетѣ Ристича, должность котораго исполнялъ и въ министерствѣ Калывича. Недавно еще носились слухи о назначеніи его на мѣсто генерала Заха начальникомъ ибарской арміи, но слухи эти не оправдались, и онъ остается и понынѣ на своемъ посту, на которомъ принесъ и конечно принесетъ еще много дѣйствительной, существенной пользы отечеству.

Если съ одной стороны мы видимъ, что мощное чувство патріотизма, охватившее сербскій народъ, поставило подъ знамена столь значительныя для небольшого княжества силы (на 1,300,000 жителей около 120,000 тысячъ солдатъ), то, съ другой—мы должны отдать справедливость искусству, съ которымъ этой новорожденной, такъ сказать, арміи, придана, въ короткое время, организація до такой степени удовлетворительная, что она въ состояніи бороться, и часто побѣдоносно, съ превосходящими ее численностью регулярными оттоманскими войсками, давно уже обучаемыми и обученными европейскими инженерами, руководящими ими и въ настоящую войну (гуманные и строгіе христіане-англичане засѣдаютъ нынѣ въ военномъ совѣтѣ въ Константинополѣ; австрійскіе офицеры находятся въ штабѣ почти каждаго изъ турецкихъ корпусовъ, дѣйствующихъ противъ христіанскихъ войскъ). Быстрой организаціей арміи, снабженіемъ ея всѣмъ необходимымъ, мобилизаціей ея и вообще всѣми приготовленіями къ войнѣ, Сербія обязана своему военному министру—полковнику Тихомиру Николичу.

Генералъ Захъ, старый ветеранъ сербскихъ войскъ. Чехъ родомъ, онъ, какъ славянинъ, хотѣлъ, конечно, служить не нѣмецко-мадьярскому государству, а своему же славянскому и еще 25 ти лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ поступилъ въ сербскую военную службу. Во время возстанія 1848—49 гг., Захъ командовалъ въ Карпатскихъ горахъ отрядомъ славянскихъ партизановъ. Служба его принесла княжеству много пользы. Замѣчательный теоретикъ, онъ оказалъ въ свое время важныя услуги и какъ организаторъ войскъ, и какъ директоръ Бѣлградскаго военнаго училища (воспитанники котораго очень любили его). Дѣятельность по преподаванію въ этомъ училищѣ, по усовершенствованію его—была любимою его дѣятельностью. Онъ ревностно работалъ, вмѣстѣ съ воспитанниками, какъ съ своей семьей, дѣлая часто продолжительныя и далекія военныя, тактическія прогулки и т. д. Командованіе, которое было возложено на него въ послѣднее время, объясняется его глубокимъ знакомствомъ съ топографіей княжества. Но, такъ какъ, по своимъ познаніямъ и способностямъ, генералъ Захъ болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ штабной службы, то онъ и былъ недавно освобожденъ отъ начальствованія ибарскою арміей и замѣненъ полковникомъ Чолакантичемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ газетныхъ сообщеній было сказано, что генералъ Захъ раненъ и этимъ обстоятельствомъ объясняется оставленіе имъ начальствованія надъ ибарской арміей, но свѣдѣніе это еще требуетъ подтвержденія.

Полковникъ Милайковичъ, занимая одно изъ высшихъ мѣстъ въ военномъ министерствѣ, является достойнымъ помощникомъ Николича. Его извѣстная честность, широкая образованность и способности доставили ему довѣріе высшей власти. Строго выполняя свои прямыя обязанности, усердный Милайковичъ получалъ очень часто различныя порученія за границу.

Городъ Скутари.

Албанія, въ виду послѣднихъ событій, представляетъ особый интересъ, и мы думаемъ, что свѣдѣнія о такихъ мѣстностяхъ, какъ *Скутари*, лежащая въ центрѣ Албаніи, не покажутся излишними нашимъ читателямъ. Скутари по албански Скодра, по турецки Искандерья, Искандери, одинъ изъ лучшихъ и живописнѣйшихъ городовъ Турціи, лежитъ на скутарійскомъ озерѣ (древнее lacus labcatus), при выходѣ изъ него рѣки *Баэны*, впадающей въ Адріатическое море. Составляя какъ бы уголъ, омываемый съ одной стороны озеромъ, а съ другой—рѣкою Баэною, Скутари укрѣпленъ здѣсь двумя отдѣльными бастіонами: *Дрогосъ* и *Гельбатини* и представляетъ собою весьма солидную крѣпость на западной границѣ оттоманской имперіи.

Исторія Скутари довольно древняя. Еще во времена Александра Македонскаго городъ Скодра, или Скутари, былъ построенъ Ходрискарами, которыхъ Страбонъ относитъ къ разбойничьимъ племенамъ. Впослѣдствіи онъ сталъ резиденціей иллирійскаго князя Генціуса, основавшаго въ этой мѣстности свое княжество, и въ то время уже считался достаточно крѣпкимъ по своему естественному положенію. Послѣ порабощенія Генціуса Римлянами, Скутари сдѣлался римскою колоніею (Colonia Claudia Augusta), а по раздѣленіи римской имперіи, вошелъ въ восточную часть ея и сталъ главнымъ городомъ иллирійской провинціи.

Въ VIII вѣкѣ Гераклій уступилъ его сербамъ, которые владѣли имъ до 1368 года, а послѣ онъ перешелъ во владѣніе племени Баньшей находившихся подъ покровительствомъ Венеціанцевъ. Съ 1401 по 1497 годъ Скутари былъ предметомъ раздоровъ королей Венгріи родоначальниковъ нынѣшнихъ владѣтелей Черногоріи, венеціанскихъ дожей и султановъ Турціи. Послѣдніе, не смотря на отчаянную оборону вождя Лоредина, овладѣли городомъ. Въ XVII и XVIII столѣтіи скутарійское укрѣпленіе служило много разъ мѣстомъ упорнаго сопротивленія непокорныхъ правителей Албаніи. Такъ, еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія, Мустафъ-паша, послѣдній правитель изъ рода Бушатли, угнетавшій страну своею жестокостью, возмутился противъ оттоманскаго владычества и провозгласилъ свою независимость отъ Порты. Посланный султаномъ Махмудомъ паша разбилъ ихъ посадилъ самаго Мустафу въ цитадель, заставилъ сдаться и лишилъ жизни вмѣстѣ съ его приверженцами. Не смотря на двухкратное разрушеніе города во время вынесенныхъ имъ непріятельскихъ вторженій, Скутари сохранилъ нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ, напоминающихъ его блестящее прошлое. Изъ нихъ особенно замѣчательна Ая-Софья, бывшій христіанскій храмъ, нынѣ обращенный въ мечеть.

Городъ хорошо расплянированъ; имѣетъ предмѣстье; въ немъ много мечетей, христіанскихъ храмовъ и школъ. Городской базаръ вмѣщаетъ въ себѣ около 1500 лавокъ, а въ серединѣ его находится *бэзестанъ* т. е. зданіе для храненія особенно драгоцѣнныхъ товаровъ. Какъ въ городѣ, такъ и въ близь лежащей деревушкѣ, *Польо*, ежегодно происходитъ ярмарка, куда стекаются для торговли албанцы, босняки, черногорцы и герцеговинцы. Число жителей города, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, доходитъ до 40,000 ч., изъ которыхъ большинство албанцы и арнауты. Главныя занятія скутарійцевъ состоятъ въ выдѣлкѣ оружія и шерстяныхъ тканей, а важнѣйшая торговля города заключается въ отпускѣ корабельнаго лѣса изъ близь лежащей гавани Польо.

Видъ съ древней цитадели *Розефы*, защищающей городъ и лежащей надъ нимъ на высотѣ 400 футовъ, замѣчательно хорошъ. Отсюда городъ представляется раскинутымъ на широкомъ пространствѣ со множествомъ минаретовъ и кладбищъ, съ цѣлыми группами зданій, утопающихъ въ садахъ, между которыми вьются неправильныя, кривыя, но широкія улицы и, ясно обрисовываются городскія площади. Двумя свѣтлыми лентами изгибаются двѣ рѣки города, Кири и Баэна. Далѣе, чуть виднѣется озеро Скутари, окаймленное высокими горами. Цитадель основана сербами, но главныя укрѣпленія въ ней сооружены венеціанцами, оставившими въ наслѣдіе Скутари много культурныхъ началъ, впрочемъ совершенно заглохшихъ при мусульманскомъ владычествѣ. Еще и нынѣ, подъ воротами цитадели, видѣнъ левъ святого Марка, напоминающій о пребываніи въ ней венеціанцевъ. Крѣпость по своему положенію довольно неприступна и, снабженная достаточнымъ количествомъ провіанта, способна вынести продолжительную осаду. Воды въ ней нѣтъ недостатка, такъ какъ цистерны ея постоянно ею напол-

Библиотека "Руниверс"

шается въ 10 или 12 часовъ, въ сырое же время года продолжительность пути опредѣлить весьма трудно. Все обширное, низменное пространство обращается въ сплошное, необозримое озеро и мелкія мѣста Баэны становятся непроходимыми. Даже единственный мостъ на Баэнѣ, существующій для сообщенія съ городомъ, при разливѣ рѣки дѣлается недоступнымъ ни пѣшему, ни конному, такъ какъ покрывается водою. Во время такого разлива, весь городъ представляетъ собою одно огромное озеро, на которомъ купы домовъ съ садами кажутся отдѣльными островками, и лишь только одна Розефа, недоступная для волнъ, господствуетъ надъ всѣмъ городомъ.

Находясь близъ границы Черногоріи, Скутари постоянно былъ центромъ враждебныхъ отношеній албанцевъ къ черногорцамъ. За городомъ идетъ низменность, а далѣе начинаются отроги албанскихъ горъ, террасообразные, со снѣжными вершинами, на которыхъ бываетъ часто столь суровая зима, что сообщеніе съ долинами прекращается на много мѣсяцевъ. Обитатели этихъ горъ—миридиты-католики, привыкшіе къ трудовой, полной лишеній жизни, отличаются беззавѣтною храбростью и пламенною любовью къ своей гористой родинѣ. Геройской духъ этихъ горцевъ съ ихъ племенною ненавистью къ черногорцамъ были весьма полезны туркамъ въ ихъ долговременной борьбѣ съ послѣдними. Ненависть этихъ народностей даже кажется невѣроятною между христіанами, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что миридиты-албанцы никогда не боролись сообща противъ турецкаго владычества и даже теперь миридиты стоятъ въ рядахъ враговъ Черногоріи и Сербіи. Лишь по послѣднимъ извѣстіямъ, еще требующимъ подтвержденія, они какъ будто склоняются на сторону Черногоріи. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, можно заключить, что миридиты только потому и склоняются на сторону турокъ, чтобы получить отъ нихъ вооруженіе, а получивъ, обращаютъ оружіе противъ нихъ же самихъ.

Сербскій митрополитъ Михаилъ.

Генералъ Захъ.

Полковникъ Николичъ.

Полковникъ Милайковичъ.

Библиотека "Руниверс"

Стычка сербовъ съ черкесами подъ Гинцовымъ.

Недавно еще Болгарія звалась «садомъ» Балканскаго полуострова... Недавно еще среди ея богатыхъ пажитей весело глядѣли на Божій міръ веселыя, зажиточныя деревни и села мирныхъ, трудолюбивыхъ болгаръ. Недавно, казалось бы, это такъ было,—а теперь, какъ будто цѣлая вѣчность отдѣляетъ несчастную Болгарію отъ этого недалекаго прошлаго. Въ сущности, спокойствіе и безопасность, которыми пользовались болгары, были только спокойствіемъ и безопасностью чисто внѣшними и кажущимся. Уже около 15-ти лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, турецкое правительство, по совѣту одного изъ британскихъ государственныхъ дѣятелей, поселило въ эту обогащенную вѣковыми трудами болгарскихъ рукъ страну—черкесовъ, оставившихъ, подъ вліяніемъ фанатизма, Кавказъ и отправившихся въ Турцію. Само собою понятно—какія послѣдствія могла и должна была принести эта мѣра. Неспособные къ труду, не имѣвшіе къ тому никакого расположенія и жившіе потому въ бѣдности и лишеніяхъ, они съ самаго начала уже завидовали на достатокъ своихъ сосѣдей—христіанъ. Отсюда —во все продолженіе этихъ 15-ти лѣтъ, отдѣльные случаи грабежей сдѣлались явленіемъ вполнѣ нормальнымъ. Но традиціоннымъ и профессіональнымъ разбойникамъ и грабителямъ хотѣлось не того—имъ хотѣлось проявить свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ. Благопріятный моментъ представился—и пошли работать злодѣйскія руки... Нѣтъ, конечно, возможности передать здѣсь всѣхъ варварствъ, всѣхъ неслыханныхъ жестокостей, совершенныхъ этими извергами... Поголовныя истребленія цѣлыхъ населеній, насилія надъ женщинами и дѣвушками, сожигаемыми затѣмъ живьемъ, разрѣзываніе людей по кускамъ, причемъ куски эти бросались на глазахъ истязуемаго собакамъ... человѣческій языкъ, человѣческое перо—не въ силахъ далѣе продолжать...

Въ числѣ тѣхъ немногихъ болгарскихъ деревень, которыя до послѣдняго времени какимъ-то чудомъ не посѣщались башибузуками и ихъ достойными сподвижниками—черкесами, была зажиточная деревня Гинцово.

Уютно и живописно расположилась она на холмистой мѣстности, по которой тамъ и сямъ разсыпались чистенькія домики поселянъ, то спрятавшіеся въ густой листвѣ обступившихъ ихъ деревъ, то рельефно рисовавшихся на яркой зелени пригорка. Широко раскинулись богатыя, родныя поля, ласково освѣщало солнце мирную картину... но налетѣли вороны: запылало село, раздались выстрѣлы, страшные, раздирающіе душу крики, полилась кровь. Всюду начались ужасныя сцены... Страшный, необычный видъ приняло Гинцово. Однообразная, въ буркахъ и папахахъ толпа, какъ стая косматыхъ медвѣдей металась и сновала между домовъ, гдѣ уже шла работа. Вотъ съ краю показалась струя дыма—лизнулъ ярко-желтый огненный языкъ и за струей повалило густое облако. Но неудалось дикимъ звѣрямъ натѣшиться тутъ — не успѣли они еще «по своему» приняться за дѣло, не успѣли еще, заявившись разграбленіемъ, хватать и убивать побѣжавшихъ въ дикомъ смятеніи жителей, какъ раздался конскій топотъ, и не въ далекѣ показался кавалерійскій отрядъ сербовъ. Орлами налетѣли Христовы воины на разбойничью орду—первый попавшійся изъ «злыхъ чеченъ» полетѣлъ съ лошади съ разрубленной головой, мигомъ постигла та же участь кучку черкесовъ, бросившихся было на встрѣчу сербамъ. Остальные, кто успѣлъ, стремглавъ помчались по всѣмъ направленіямъ. Многихъ еще нагнали сербы, многимъ отплатили за неповинную кровь своихъ беззащитныхъ братьевъ. Деревня скоро была очищена отъ свирѣпой шайки.

Водобоязнь.

(Д-ра Генриха Рейха).

Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака...
Тамъ полумертвый лежалъ пес движно покинутый Аргусъ;
Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тропулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіи радости уши;
Близко жъ подползъ къ господину и подняться не былъ
Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣвши, слезу обтеръ Одиссей.
(Одиссея, пѣсня 17).

Вѣрнѣйшій нашъ домашній другъ — собака подвержена въ высшей степени страшной болѣзни, отзывающейся иногда весьма гибельно и на человѣкѣ, вслѣдствіе чего распространеніе въ обществѣ болѣе точныхъ свѣдѣній о характерѣ этой болѣзни—кажется вамъ дѣломъ весьма желательнымъ.

Переносится ли вообще бѣшеная болѣзнь, или такъ называемая водобоязнь, отъ животныхъ на людей—объ этомъ существуютъ различныя воззрѣнія. Извѣстный вѣнскій врачъ, Лоринзеръ говоритъ: существованіе т. наз. водобоязни (Hydrophobia) у человѣка, какъ специфическая болѣзнь, произведенная укушеніемъ бѣшеной собаки, принадлежитъ къ области сказокъ и миѳовъ и пора, наконецъ, изгнать изъ народа ни на чемъ не основанное суевѣріе, будто бы человѣкъ можетъ заразиться слюною бѣшенаго животнаго, и тѣмъ положить конецъ тому страшному сотрясенію духа, которому подвергается каждый, кто имѣлъ только непріятность быть укушеннымъ собакою. По мнѣнію Лоринзера, бѣшеная болѣзнь у человѣка есть ничто иное, какъ тетаническія судороги (столбнякъ), возникающія, или самопроизвольно, или вслѣдствіе раздраженія пораженнаго члена, (какъ это особенно бываетъ у укушенныхъ собаками), дурнымъ обращеніемъ съ раной: вытравленіемъ, выжиганіемъ и вырѣзываніемъ ея. Въ доказательство этому Лоринзеръ приводитъ то обстоятельство, что при вскрытіи труповъ людей, умершихъ отъ гидрофобіи, мы не находимъ ровно никакихъ признаковъ, которые отличили бы эту болѣзнь отъ столбняка; далѣе, что изъ тысячи людей, укушенныхъ бѣшеными собаками, только крайне незначительное меньшинство заболѣваетъ водобоязнію и какъ разъ только тѣ, которые пользовались медицинской помощію. Фалке сообщаетъ слѣдующее: одной мясничьей собакой укушены были 12 свиней, изъ которыхъ только одну пользовали по правиламъ искусства ѣдкимъ кали и мазью изъ шпанскихъ мушекъ. Эта свинья впала черезъ 14 дней въ бѣшенство; всѣ же остальныя, которыхъ оставили на произволъ судьбы, остались цѣлы и невредимы. У одного молодого человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ укушенъ собакою, вдругъ разразились припадки гидрофобіи, окончившіеся смертію. При вскрытіи его трупа случайнымъ образомъ найдены были въ свѣжемъ рубцѣ на подошвѣ нѣсколько весьма острыхъ осколковъ стекла, которые, раздражая сосѣдніе нервы, и были причиною тетаническихъ судорогъ. Не найдись эти осколки, эти судороги, оказавшіяся травматическаго происхожденія (т. слѣдствіемъ механическаго поврежденія цѣлости органа), были бы, вѣроятно, приписаны гидрофобіи.

Фалке однакожъ замѣчаетъ дальше, что онъ самъ не наблюдалъ этихъ 12 свиней укушенныхъ собакою, но что приводимый имъ фактъ былъ сообщенъ однимъ ветеринарнымъ врачемъ въ какомъ то медицинскомъ журналѣ и что, слѣдовательно, онъ не можетъ ручаться за его достовѣрность. Самъ же онъ стоитъ за то, что собачье бѣшенство не миѳъ, и нисколько не желаетъ, что бы его причисляли къ отрицателямъ особаго, специфическаго яда у бѣшеныхъ собакъ. Наблюденія Фалке и другихъ врачей въ разныхъ ветеринарныхъ клиникахъ, особенно въ Берлинѣ, неоспоримо доказали существованіе этой формы болѣни въ собачьей породѣ, а результаты прививанія слюны бѣшеныхъ собакъ здоровымъ—вполнѣ доказываетъ и заразительность ея для собакъ. Но этимъ еще нисколько не доказано оспариваемое Лоринзеромъ мнѣніе, что и человѣческій организмъ воспріимчивъ для этого яда и что водобоязнь, какъ специфическая форма болѣзни, можетъ развиваться, будто бы, и у человѣка, вслѣдствія зараженія его крови слюною бѣшенаго животнаго.

Въ пользу воззрѣнія Лоринзера говоритъ также существованіе въ народѣ цѣлой массы секретныхъ средствъ и курьезнѣйшихъ суевѣріи, препятствующихъ будто-бы наступленію водобоязни послѣ укушенія собакою. Далѣе, за это мнѣніе говоритъ также и то обстоятельство; что всѣ прочіе животные яды, какъ напримѣръ змѣиный, сапной и трупной, вскорѣ, послѣ ихъ дѣйствія на человѣческій организмъ, вызываютъ въ немъ цѣлый рядъ рѣзкихъ реакціи, выражающихся въ воспаленіи лимфатическихъ сосудовъ, опуханіи и воспаленіи сосѣднихъ лимфатическихъ железъ; между тѣмъ какъ укушеніе собакою, хотя бы и достовѣрно считавшейся бѣшеною, въ большинствѣ случаевъ не вызываетъ ровно никакихъ другихъ явленій, кромѣ тѣхъ, которыя часто имѣютъ мѣсто и при обыкновенныхъ ранахъ.

Заживленіе раны отъ укушенія собаки обыкновенно наступаетъ такъ быстро, что поддерживать въ ней нагноеніе, болѣе или менѣе продолжительное время, можемъ не иначе, какъ помощію ѣдкихъ, раздражающихъ веществъ—опять не въ примѣръ другимъ отравленнымъ ранамъ. Невѣроятно также и то довольно распространенное мнѣніе, что субстанція этого яда можетъ, будто бы, оставаться цѣлые мѣсяцы и даже годы въ тѣлѣ человѣка, какъ бы въ скрытомъ состояніи, прежде чѣмъ вызываетъ появленіе болѣзненныхъ припадковъ. Если и приводятъ примѣры, что люди, давнымъ-давно укушенные собаками, вдругъ стали водобоязливы, то это объясняется весьма просто тѣмъ, что существуетъ огромное число людей, которыхъ кусали, царапали, или лизали собаки, о состояніи здоровья которыхъ впослѣдствіи нельзя имѣть никакихъ вѣрныхъ данныхъ. И если подобныя личности случайно подвергаются припадкамъ жестокой конвульсіи, и дѣлаютъ при этомъ своимъ медикамъ признаніе въ томъ, что имѣли когда то столкновеніе съ собакою,—водобоязнь сей часъ и готова.

Библиотека "Руниверс"

На происходившемъ въ ноябрѣ 1865 года въ Ганноверѣ съѣздѣ врачей и естествоиспытателей принято было мнѣніе, что водобоязнь не есть слѣдствіе укушенія бѣшеной собакой, но что она, подобно эпилепсіи, столбняку и пр., составляетъ совершенно самостоятельную нервную болѣзнь.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что съ укушеніемъ бѣшеной, или небѣшеной собаки (это совершенно безразлично) слѣдуетъ обращаться мягко и нѣжно, какъ со всякою раною вообще, и отнюдь не злоупотреблять повторнымъ травленіемъ ея ѣдкими веществами. Да и какой прокъ въ этихъ травленіяхъ въ позднѣйшее время? Выжиганіе можетъ еще, пожалуй, быть полезно развѣ только непосредственно за укушеніемъ съ цѣлью уничтожить ядъ и препятствовать его всасыванію. Но одно простое высасываніе раны или приставленіе къ ней банки—вполнѣ достаточно для этой цѣли и для успокоенія больнаго. Такимъ образомъ вопросъ о томъ, переходитъ ли бѣшеная болѣзнь отъ собакъ, или другихъ подверженныхъ этому недугу животныхъ и на человѣка,—въ настоящее время остается еще открытымъ.

Причины возникновенія этой болѣзни не разъяснены еще окончательно; въ настоящее время можно однакожь принимать, что противуестественное кормленіе собакъ негодными для нихъ лакомствами и пряностями, постоянное содержаніе ихъ взаперти, на цѣпи, излишняя изнѣженность и безконечныя ласки и вообще слишкомъ близкое соприкосновеніе съ человѣкомъ: равно какъ съ другой стороны постоянное дразненіе и травленіе, дурная пища, дурное питье, ограниченіе свободы собакъ въ удовлетвореніи половымъ стремленіямъ,—все это составляетъ располагающія къ бѣшеству моменты. Быстрые и рѣзкіе переходы отъ холода къ жару и наоборотъ справедливо считаются обыкновенною возбуждающею причиною этой болѣзни.

Первые симптомы бѣшенства обманчивы и неясны, такъ что слѣдуетъ принимать за правило: относиться подозрительно ко всякой не вполнѣ здоровой собакѣ. По Гернату, предвѣстниками наступающей болѣзни должно считать угрюмое настроеніе духа и безпричинное безпокойство, выражающееся въ томъ, что собака поминутно мѣняетъ свое положеніе. Животное, то пытается убѣжать, то опять возвращается на свое мѣсто; прячется въ уголъ комнаты, лѣзетъ подъ мебель, какъ бы боясь чего то; но не обнаруживаетъ еще склонности къ кусанію. На зовъ она является медленно и неохотно, скорчиваясь и опуская голову. Безъ малѣйшаго повода она дѣлается непокойною, глаза смотрятъ какъ то странно, и все существо ея выражаетъ какой то тоскливый страхъ.

Привязанность къ хозяину повидимому даже возрастаетъ; она кусается развѣ только тогда, когда ее бьютъ или дразнятъ; но большею частію бѣшеная собака сама избѣгаетъ всего того, что можетъ ее раздражать. Въ такомъ положеніи она можетъ оставаться отъ 24 до 48 часовъ у своего хозяина или среди членовъ его семейства безъ малѣйшей для нихъ опасности.

За періодомъ предвѣстниковъ, наступаетъ такъ называемый делиріумъ или періодъ бѣшеныхъ галлюцинацій. Съ перваго взгляда на животное видно, что оно занято образами своей фантазіи: оно лежитъ неподвижно, внимательно, какъ бы подкарауливая кого то; вдругъ она вскакиваетъ, и какъ бы гоняясь за мухами, она ловитъ что-то пастію въ воздухѣ, или съ дикимъ воемъ бросается на стѣну. Но достаточно нѣсколькихъ словъ хозяина, чтобы немедленно угомонить ее; наступаетъ нѣсколько минутъ затишья; глаза медленно замыкаются, голова опускается, ноги подкашиваются подъ животъ, и вся она имѣетъ видъ будто каждую минуту готова упасть. Вдругъ она опять вскакиваетъ; новыя фантазіи начинаютъ ее занимать, и, дико озираясь кругомъ, она поднимается съ своей цѣпи и ловитъ мухъ въ воздухѣ. Всѣ эти симптомы, замѣченные нами на дворняшкѣ, выступаютъ еще гораздо рѣзче у дресированныхъ и кусливыхъ собакъ; у послѣднихъ глаза принимаютъ необыкновенный, ослѣпительный блескъ, такъ что становятся похожими на два огненныхъ шара.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ болѣзни возрастаетъ и безпокойство собаки: она просто не находитъ себѣ мѣста. Но и въ этомъ періодѣ болѣзни она иногда вполнѣ сохраняетъ свою ласковость и рѣдко нападаетъ на другія существа,—обстоятельство, часто внушающее окружающимъ ложную увѣренность въ отсутствіи всякой опасности. Повторяемъ: больной собакѣ никогда не слѣдуетъ слишкомъ много довѣрять.

Собственно водобоязнь есть заблужденіе и предразсудокъ. Бѣшеная собака не водобоязлива и никакого отвращенія къ водѣ не обнаруживаетъ; когда ей предлагаютъ пить—она не пятится, какъ думаютъ многіе, испуганно назадъ, напротивъ всегда приближается къ сосуду и охотно лижетъ жидкость, а въ первыхъ фазисахъ болѣзни даже проглатываетъ ее. Даже когда съ дальнѣйшимъ развитіемъ болѣзни судорожное сжиманіе глотки, дѣлаетъ проглатываніе жидкости затруднительнымъ, почти невозможнымъ, она тѣмъ не менѣе каждый разъ возобновляетъ свои попытки напиться. Часто она опускаетъ всю свою морду въ воду и какъ бы грызетъ жидкость, которою она не можетъ завладѣть обыкновеннымъ путемъ.

Въ первыхъ фазисахъ болѣзни, бѣшеная собака не всегда отказывается отъ предлагаемой ей пищи, хотя послѣдняя каждый разъ возбуждаетъ въ ней отвращеніе. Странное, но весьма характерное явленіе! Съ другой стороны, она тѣмъ охотнѣе грызетъ, рветъ и глотаетъ предметы, совершенно несъѣдобные: солому своего логовища, постельное бѣлье, если она, какъ это часто бываетъ, спитъ у своего хозяина; наконецъ, сапоги, дерево, камни и стекло.

Увеличенное отдѣленіе слюны не составляетъ характеристическаго признака бѣшенства. Истеченіе слюны наступаетъ иногда во время пароксизмовъ, но ротъ остается при этомъ совершенно сухимъ и принимаетъ въ послѣднихъ періодахъ болѣзни синевато-фіолетовое окрашиваніе. Сухость рта и зѣва подаетъ иногда поводъ къ весьма поразительному симптому: собака всовываетъ свои лапы въ ротъ, какъ будто бы она затрудняется проглоченною костью. Неопытный врачъ, который вздумаетъ рукою отыскать эту мнимую кость, можетъ дорого поплатиться за свою ошибку. Наступающая иногда рвота съ кровью есть только слѣдствіе проглатыванія вышеупомянутыхъ несъѣдобныхъ тѣлъ; прежде считали это явленіе симптомомъ другой болѣзни это заблужденіе стоило многимъ врачамъ жизни.

Лай бѣшеной собаки такъ характеренъ, что кому разъ только приходилось его услышать, тотъ никогда его не позабудетъ. Прежній громкій и звучный лай уступаетъ мѣсто глухому, сиплому вою, по качеству тона болѣе глубокому; вмѣсто нормальнаго испусканія ряда одинаковыхъ звуковъ, теперь однократному лаю полнаго горла слѣдуютъ три или четыре воя изъ глубины гортани, причемъ ротъ послѣ каждаго звука не замыкается совершенно, какъ это бываетъ у здоровыхъ собакъ. Къ собакѣ, лай которой принялъ болѣе глубокую модуляцію, слѣдуетъ всегда относиться подозрительно.

Другое, свойственное этой болѣзни явленіе это то, что при всевозможныхъ мученіяхъ, которыя причиняютъ собакѣ, она остается безмолвна. Это происходитъ не отъ притупленія ощущенія,—такъ какъ собака пытается всегда освободиться отъ предметовъ, причиняющихъ ей боль,- скорѣе это происходитъ вслѣдствіи уменьшенія раздражительности Какимъ бы пыткамъ ее не подвергали, она не кричитъ.

Весьма своеобразно то впечатлѣніе, которое производитъ на бѣшеную собаку видъ какой бы то ни было собаки. Это впечатлѣніе до того сильно, что оно можетъ служить діагностическимъ признакомъ бѣшенства, и можно сказать, что собака есть самое вѣрное средство для открытія скрытаго еще бѣшенства. Подобное же впечатлѣніе производитъ присутствіе собаки и на всякое бѣшеное животное, какого бы рода оно ни было. При видѣ ея, они впадаютъ въ разъяренное бѣшенство, бросаясь на нее тѣмъ оружіемъ, которымъ надѣлила ихъ природа. Самый вѣрный такимъ образомъ діагностическій признакъ бѣшенства у собаки это то, что она безпричинно и внезапно нападаетъ на себѣ подобныхъ собакъ.

Съ наступленіемъ первыхъ припадковъ бѣшенства, собака обыкновенно убѣгаетъ изъ дому и находитъ свою смерть гдѣ нибудь внѣ дома; въ другихъ случаяхъ, повинуясь какой-то роковой привязанности къ хозяину, она возвращается черезъ день или два домой, въ той стадіи своей болѣзни, когда ею овладѣваетъ непреодолимая страсть кусаться. Періодъ бѣшенства, въ тѣсномъ смыслѣ слова, характеризуется нѣсколькими отдѣльными припадками неистовства Видъ животнаго возбуждаетъ ужасъ, даже когда оно находится взаперти; отъ малѣйшаго повода оно вскакиваетъ съ зловѣщимъ воемъ и сверкающими, какъ огонь, глазами, неистово грызетъ прутья своей клѣтки, скрежещетъ зубами и бросается на все, что ему показываютъ: кусокъ дерева, желѣзный прутъ и т. п. За этимъ возбужденнымъ состояніемъ, въ непродолжительномъ времени слѣдуетъ глубокое изнеможеніе, собака удаляется въ глубину своего логовища, оставаясь нечувствительною ко всѣмъ раздраженіямъ; затѣмъ слѣдуетъ новый припадокъ бѣшенства, за которымъ опять наступаетъ изнеможеніе. Если ввести во время такого припадка въ клѣтку собаку противоположнаго пола, то не всегда послѣдуетъ немедленное нападеніе; иногда оно уступаетъ сначала мѣсто половому инстинкту, который выражается лизаніемъ и разнаго рода ласками. Несчастная жертва чуетъ приближающуюся опасность, вся трепеща, она не сопротивляется этимъ ласкамъ, прижимаясь къ углу.

Но вдругъ нападаетъ на нее бѣшеная собака, несчастная жертва рѣдко защищается, съ болѣзненнымъ визгомъ она старается только запрятать свою голову, на которую преимущественно направлены нападенія. Затѣмъ наступаетъ пауза, во время которой бѣшеная собака повторяетъ свои ласки, а потомъ опять припадокъ бѣшенства.

Въ свободномъ состояніи бѣшеная собака нападаетъ на всякое живое существо, которое попадается ей только на дорогѣ, особенно же на собакъ. Но вскорѣ она страшно изнуряется отъ голода, жажды и самой болѣзни Походка ея становится медленной и шаткой, хвостъ втянутъ, голова опущена, ротъ широко раскрытъ, отвислый языкъ синеватъ и покрытъ пылью. Въ этомъ состояніи она гораздо менѣе опасна, чѣмъ въ первыхъ стадіяхъ бѣшенства, такъ какъ она не имѣетъ больше силы отклоняться въ сторону отъ своего пути и нападать на свою жертву, если послѣдняя не стоитъ прямо и непосредственно предъ ея зубами; одного шага въ сторону достаточно для того, чтобы избѣгнуть опасности. Но вскорѣ истощеніе силъ заставляетъ ее остановиться, она забирается въ скрытое мѣсто, гдѣ надолго засыпаетъ. Горе тому, кому вздумается разбудить ее: въ этомъ

Библиотека "Руниверс"

Городъ Скутари при скутарійскомъ озерѣ (на западной границѣ Турціи). Рисов. Келлеръ, грав. Замарскій.

Библиотека "Руниверс"

Стычка сербовъ съ черкесами подъ Гинцовымъ. Съ наброска Н. К. рисов. Келлеръ, грав. Замарскій.

Библиотека "Руниверс"

усыпленіи она настолько укрѣпляется, что можетъ сильно укусить.

Конецъ бѣшеной собаки—полный параличъ. Шестинедѣльное заточеніе, которому обыкновенно подвергаютъ укушенныхъ или подозрительныхъ собакъ, не вполнѣ достаточно. Были случаи, что бѣшенство обнаружилось только черезъ три мѣсяца послѣ укуса. Въ Лейпцигѣ принято въ послѣднее время за правило соблюдать мѣры предосторожности въ продолженіи цѣлыхъ 12 недѣль.

Если допустимъ предположеніе, что и у людей можетъ существовать бѣшенство, какъ специфическая болѣзнь, вызванная укусомъ бѣшеной собаки, то симптомами ея мы должны считать слѣдующія явленія. Кромѣ измѣненій въ зажившей или открытой еще ранѣ на мѣстѣ укушенія, является затруднительность при глотаніи, которая, возрастая все болѣе и болѣе, доходитъ до судорожнаго сжиманія глотки и гортани, переходящее потомъ въ судороги всего тѣла, при чемъ больной поминутно отплевывается (отъ невозможности проглотить слюну) и задыхается. Больнымъ овладѣваетъ невыносимое чувство тоскливаго страха, за которымъ слѣдуютъ галлюцинаціи, неистовые припадки бѣшенства, а потомъ и смерть отъ удара или отъ задушенія во время сильнаго и продолжительнаго припадка. Что подобные больные бросаются на своихъ окружающихъ и кусаются подобно животнымъ—это справедливо въ тѣхъ только случаяхъ, когда съ ними обходятся слишкомъ сурово, что, въ настоящее время, случается гораздо рѣже. Вскрытіе труповъ людей, умершихъ отъ бѣшенства, не привели ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, которые выяснили бы природу этой загадочной болѣзни, такъ какъ найденныя въ различныхъ случаяхъ паталого-анатомическія измѣненія слишкомъ мало поддаются обобщенію и большею частію скорѣе составляютъ слѣдствія этой болѣзни, чѣмъ ея причины.

Леченіе прежде всего должно быть мѣстное: тщательное обмываніе раны, обильное истеченіе крови, вырѣзываніе раны вмѣстѣ съ окружающими ее частями, выжиганіе каленымъ желѣзомъ, прижиганіе ѣдкими веществами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и ампутація всего члена, если напр. собака изгрызла весь палецъ въ куски. Общее леченіе должно быть преимущественно успокоивающее; и разумное психическое леченіе несравненно важнѣе здѣсь, чѣмъ всевозможныя медицинскія снадобья. Старый лѣсничій въ Швейцаріи сообщилъ не задолго до своей смерти свой способъ леченія, посредствомъ котораго, по его увѣреніямъ, ему удалось спасти отъ гидрофобіи множество людей и животныхъ. Непосредственно за укушеніемъ нужно тщательно обмывать рану теплымъ уксусомъ и тепловатою водою, и высушивъ ее хорошенько, влить туда нѣсколько капель соляной кислоты. Въ многократно восхваленныхъ секретныхъ средствахъ противъ водобоязни, главную составную часть составляетъ майская букашка (Meloë majalis и meloë proscarabalub) и добываемая отъ нея маслянистая членосуставная жидкость, растворенная въ меду. Эти секретныя средства вредны въ томъ отношеніи, что изъ ложнаго довѣрія къ нимъ часто упускаются изъ виду болѣе существенное мѣстное леченіе; съ другой стороны, они именно вслѣдствіе довѣрія къ нимъ народа, несомнѣнно полезны тѣмъ, что дѣйствуютъ весьма успокоительно на настроеніе духа больного. Предложенный Марошети въ 1813 году въ Москвѣ методъ леченія, состоявшій въ выжиганіи предполагаемыхъ имъ особыхъ пузырьковъ бѣшенства, находящихся будто бы подъ языкомъ, давно уже потерялъ свой кредитъ и никѣмъ не практикуется. Таже участь постигла и употребленіе дрока красильнаго (henista tinctoria) какъ негодное и ни на чемъ не основанное средство. Въ Мексикѣ употребляютъ противъ гидрофобіи отваръ тромпатилы, такъ называются разрѣзанныя въ мелкія кусочки вѣтви изъ дерева Bonvardia triphylla.

Мѣры предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать для защиты собакъ, состоятъ, конечно, единственно въ томъ, чтобы кусливымъ собакамъ не давать свободно скитаться по улицамъ, а держать ихъ на цѣпи; а собакъ заболѣвшихъ и ставшихъ вслѣдствіе этого кусливыми держать отдѣльно, поручивъ ихъ немедленно наблюденію ветеринара. Ловленіе собакъ живодерами служитъ скорѣе интересамъ самихъ живодеровъ, чѣмъ интересамъ публики.

Говорятъ, что эта ловля имѣетъ цѣлью уменьшить число бездомныхъ собакъ; но если бы въ большихъ городахъ число ихъ было дѣйствительно такъ велико, тогда слѣдовало бы ожидать, что въ ночное время мы встрѣтимъ на улицѣ большую часть этихъ бездомныхъ собакъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ мы тогда чрезвычайно рѣдко натолкнемся на подобную собаку. Но допустимъ даже, что въ какомъ нибудь городѣ очень много безпріютныхъ собакъ, то этимъ все таки не оправдывается еще ихъ истребленіе, такъ какъ извѣстно, что бездомныя, на свободѣ живущія собаки подвержены всѣмъ болѣзнямъ вообще, а бѣшенству въ особенности гораздо менѣе, чѣмъ комнатныя и цѣпныя собаки. Въ восточныхъ городахъ, особенно въ Константинополѣ, бездомныя собаки бродятъ тамъ по улицамъ цѣлыми стаями, между тѣмъ какъ именно тамъ бѣшеная болѣзнь совершенно неизвѣстна.

Ношеніе намордниковъ Гернатъ считаетъ вреднымъ для собакъ, но и помимо этого намордники защищаютъ отъ укушенія только тѣхъ собакъ, которыя вообще не кусливы: бѣшеная же чтобы убѣжать изъ дому, наврядъ ли явится къ своему господину для наложенія намордника. Впрочемъ комнатныя собаки во всякомъ случаѣ не носятъ намордниковъ, слѣдовательно домашніе и ихъ посѣтители ничѣмъ не защищены отъ укушенія подобныхъ собакъ. Воженіе собакъ на шнуркѣ еще меньше предохраняетъ прохожихъ отъ опасности. Однажды случилось, что собака заподозрѣнная въ бѣшенствѣ и отправленная на веревкѣ или на шнуркѣ въ ветеринарную лечебницу, успѣла въ первой же улицѣ укусить нѣсколько человѣкъ и между прочимъ своего же вожатаго.

Разумное обращеніе съ собаками, съ соблюденіемъ должной мѣры въ ограниченіи ихъ свободы—вотъ самое лучшее предохранительное средство, чтобы сохранять намъ нашихъ любимцевъ изъ царства животныхъ.

Чтобы дать читателю болѣе округленное понятіе объ этой загадочной болѣзни, мы считаемъ нелишнимъ сообщить кстати объ одномъ случаѣ, свидѣтелемъ котораго мы были. Недавно въ клинику профессора Боткина привезена была молодая женщина, укушенная ровно четыре мѣсяца тому назадъ въ верхнюю губу своею же собакою, обнаружившею предъ тѣмъ явные признаки наступающей болѣзни. Той же участи подверглись мужъ и маленькій сынъ ея, котораго послали вмѣстѣ съ собакой къ ветеринару. Послѣдніе къ счастію остались до сихъ поръ совершенно здоровы и, какъ можно съ большою вѣроятностію полагать, срокъ заболѣванія миновалъ уже для нихъ, особенно для мальчика, такъ какъ періодъ зарожденія всякой болѣзни у дѣтей вообще весьма коротокъ. Сначала женщина удручена была сильною тоскою и страхомъ въ ожиданіи появленія страшной болѣзни, но когда всѣ ходячіе въ народѣ сроки заболѣванія миновали, она предалась своимъ обычнымъ занятіямъ, совершенно забывъ объ этой исторіи. Днемъ предъ заболѣваніемъ она была даже въ гостяхъ, гдѣ она съ свойственною молодымъ людямъ безпечностію приняла участіе во всѣхъ развлеченіяхъ и увеселеніяхъ. Профессоръ Боткинъ видѣлъ въ этомъ фактѣ опроверженіе распространившагося нѣкоторое время тому назадъ мнѣніе, что водобоязнь является будто бы слѣдствіемъ психическаго разстройства. На слѣдующій день она почувствовала затрудненіе при глотаніи, сопровождавшееся спазмами глотки и затылочныхъ мышцъ, такъ что при малѣйшей попыткѣ проглотить что нибудь она задыхалась, опрокинувъ голову назадъ. Вскорѣ появились и галлюцинаціи, причемъ страннымъ образомъ она сохранила все свое сознаніе и сама подходила къ мѣсту, гдѣ казался ей какой-то фантастическій звѣрекъ и каждый разъ улыбалась, когда убѣждалась въ его отсутствіи. На второй уже день наступили бурные припадки бѣшенства и судорогъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ неизбѣжный печальный конецъ. Профессоръ Боткинъ высказалъ по этому поводу мнѣніе, противоположное тому, котораго придерживается Лоринзеръ и которое ведетъ свое начало со временъ Гиппократа. Пр. Боткинъ думаетъ, что ядъ собачьяго бѣшенства заразителенъ и для человѣка, хотя не всѣ укушенные, даже достовѣрно бѣшеными собаками, должны непремѣнно заболѣть бѣшенствомъ: это зависитъ отъ индивидуальности каждаго отдѣльнаго человѣка. Значительное въ этомъ отношеніи колебаніе въ статистическихъ данныхъ, собранныхъ различными наблюдателями, Боткинъ объясняетъ, во первыхъ, тѣмъ, что не всѣ собаки, которыхъ считаютъ бѣшеными, были ими на самомъ дѣлѣ, такъ какъ симптомы этой болѣзни у собакъ въ настоящее время далеко не приведены еще въ надлежащую точность. Во вторыхъ, это зависитъ еще отъ того, какое мѣсто было укушено собакою, голое ли тѣло или покрытою одеждою или обувью; въ послѣднемъ случаѣ ядъ, находящійся въ слюнѣ бѣшеной собаки, можетъ остаться на платьѣ или обуви, не причиняя укушенному никакого вреда. Но и изъ укушенныхъ на голомъ тѣлѣ собаками, признанными даже достовѣрно за бѣшеныхъ, далеко не всегда должны заболѣть водобоязнію; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что опыты надъ прямымъ прививаніемъ слюны бѣшеныхъ собакъ здоровымъ не всегда даютъ положительные результаты. Главную роль играетъ тутъ индивидуальное предрасположеніе. Что касается зарожденія этой болѣзни, то, по мнѣнію профессора Боткина, оно не только у людей но и у собакъ никогда не возникаетъ самопроизвольно, безъ предварительнаго укушенія бѣшенымъ животнымъ. Сильная жара или сильный холодъ могутъ, пожалуй, играть роль предрасполагающихъ моментовъ но не причинъ этой болѣзни. Что касается дурного содержанія собакъ и ограниченія ихъ свободы, то этимъ обстоятельствамъ, на основаніи новѣйшихъ наблюденій, слѣдуетъ придавать мало значенія. Если самки рѣже заболѣваютъ чѣмъ кобели, а кастрированныя собаки почти никогда—то это объясняется весьма просто тѣмъ, что благодаря различному образу жизни этихъ животныхъ, послѣднія гораздо рѣже могутъ приходить въ столкновеніе съ бѣшеными собаками. Разсказы о бездомныхъ собакахъ въ Константинополѣ, теряютъ теперь свое значеніе такъ какъ, по свидѣтельству очевидцевъ, въ новѣйшее время эта болѣзнь стала тамъ довольно частой, а ходячія тамъ въ народѣ секретныя средства противъ гидрофобіи доказываютъ, что и прежде она была тамъ не совсѣмъ безъизвѣстна. Далѣе, профессоръ Боткинъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, полага-

Библиотека "Руниверс"

эпидемически, что нисколько не противорѣчитъ высказанному имъ мнѣнію о зарожденіи этой болѣзни только путемъ непосредственной передачи яда укушеніемъ бѣшенаго животнаго, если примемъ во вниманіе ту громадную роль, которую играетъ при этомъ индивидуальное предрасположеніе.

Въ заключеніе, позволяетъ себѣ воспользоваться частной замѣткой, по поводу протокола засѣданій общества калужскихъ врачей (1865, № 6).

«28-го января 1865 г. бѣшеный волкъ укусилъ въ деревнѣ Орли крестьянку 80-ти лѣтъ и оцарапалъ когтемъ лѣвое плечо ея сыну, Власу Максимову, 30-ти лѣтъ. Мать его за дряхлостію не могла быть привезена въ больницу, а по осмотрѣ Власа Максимова—также сочли лишнимъ и его помѣстить въ больницу. Послѣдствія были слѣдующія: 16-го марта умерла старуха мать и умерла тихо, но за 10 дней до смерти она жаловалась на боль въ ранахъ. 17-го числа Власъ Максимовъ пошелъ въ другую избу молиться Богу (оба умершіе въ больницѣ отъ бѣшенства, до начала буйнаго періода, очень усердно молились Богу); 18-го онъ началъ буйствовать почему отецъ и братъ его, Терентій, стали его вязать, причемъ онъ укусилъ послѣднему руку и оцарапалъ отцу. Рану на рукѣ Терентій тотчасъ прижегъ каленымъ желѣзомъ. Скоро, однако, Власъ развязался и вылѣзъ чрезъ разобранный имъ потолокъ на дворъ и, вооруженный ножемъ, бѣгалъ по деревнѣ, гдѣ его скоро схватили, связали и привезли въ больницу. 19-го числа братъ его Терентій сталъ тосковать, что заставило подозрѣвать, что и онъ зараженъ, почему и его представили въ больницу. Когда его привезли, онъ былъ въ бреду и бредъ продолжался до ночи. Ночью онъ успѣлъ развязаться и перебилъ всѣ рамы въ больницѣ но и здѣсь его успѣли связать. Какъ первый, такъ и второй день, онъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Братъ его Власъ былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ Терентіемъ и также былъ въ бреду. Братья не обращали никакого вниманія другъ на друга и между собою не говорили, но когда одинъ начиналъ молитву, другой ее продолжалъ. Лекарствъ не употребляли, отъ ѣды и питья также отказывались; тогда г. Б. началъ окуривать ихъ хлоромъ. Окуриваніе дѣлалось изъ смѣси calcar chlorat и natri sulphurici приблизительно по ровну, разводя водой, потомъ вливали ac. sulphuricum. Сначала запахъ хлора былъ для нихъ непріятенъ, но на другой и третій день Терентій просилъ уже самъ поднести эту смѣсь къ носу. 26-го окуриваніе прекращено и вотъ краткая исторія ихъ болѣзни: ночь съ 20-го на 21-е они не спали; утромъ 21-го они съѣли немного щей и выпили по кружкѣ воды съ хлѣбомъ, часовъ въ 11 этого утра они были тихи, но заговаривались, и въ такомъ состояніи они были цѣлый день, вечеромъ 21-го попросили снѣгу и ѣли его съ жадностью. Съ 21-го на 22-е къ утру они заснули часа на два, затѣмъ поѣли щей и баранокъ, часовъ въ 12 опять съѣли полную порцію щей и каши, выпили по двѣ кружки чая и потомъ опять покойно заснули, вечеромъ опять ѣли тоже и выпили чай; ночь съ 22-го на 23-е спали до 6-ти часовъ утра совершенно покойно. 23-го ѣдятъ съ большимъ апетитомъ, имъ назначена 1-я порція и чай. 24-го, 25-го, 26-го, 27-го, 28-го, 29-го ѣдятъ и пьютъ хорошо, но еще слабы; всѣ отправленія организма совершенно правильны. Вотъ голый фактъ, объяснить который предоставляется времени и дальнѣйшимъ наблюденіямъ».

Г-нъ Б. къ этой выпискѣ изъ протокола прибавляетъ, что черезъ полгода послѣ того онъ видѣлъ обоихъ братьевъ на сѣнокосѣ совершенно здоровыми.

«Цѣль моего настоящаго сообщенія (говоритъ г. Б.) та, чтобы вызвать повѣрку предлагаемаго леченія весьма простого по своему способу, тогда какъ другіе, предлагавшіеся способы (напр. г. Левашева) требуютъ или слишкомъ сложныхъ пріемовъ, или даже и вовсе неудобоисполнимы въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ о медицинской помощи и думать нечего. Тогда какъ, при указываемомъ мною способѣ, нужно только отдѣльное помѣщеніе, въ которомъ бы хорошо удерживались пары хлора, такъ какъ окуриваніе это въ 1-й день производится настолько сильное, что я съ трудомъ могъ пробыть полчаса въ комнатѣ больныхъ; на другой день и по мѣрѣ того, какъ больные начали приходить въ себя, я уменьшалъ постоянно степень окуриванія. Самую операцію леченія я производилъ такъ: брался большой кусокъ ваты, облитый хлороформомъ, который большой подносилъ одной рукой къ носу и сильно вдыхалъ въ себя, въ тотъ же моментъ бралъ въ ротъ глотокъ чаю или другой жидкости и проглатывалъ ее, хотя видимо съ большимъ трудомъ. Для того, чтобы сдѣлать второй глотокъ, нужно было повторить тотъ же пріемъ».

Л. К.

Славянская борьба.

(Изъ сербскихъ пѣсенъ).

Много на этой поляне
Вырыто разныхъ могилъ...
Въ этихъ холодныхъ могилахъ
Много схоронено силъ.

* * *

Все это лучшія силы,
Родины гордость, оплотъ...
Видя, какъ въ рабскихъ оковахъ
Мучится бѣдный народъ,

* * *

Клятвой они обязались
Цѣпи неволи разбить,
Собственной кровью несчастной
Родинѣ волю купить.

* * *

Вышли съ рѣшеніемъ твердымъ—
Лучше въ бою умереть,
Нежели тяжесть неволи
Многіе годы терпѣть.

* * *

Бились дружно за волю,
Бились покуда могли,
Съ честью за дѣло святое
Въ битвѣ кровавой легли.

* * *

Сгибли бойцы, но идеи
Крѣпко въ народѣ живутъ:
Годы промчались, и дѣти
Павшихъ—на битву идутъ.

* * *

Въ темныхъ горахъ закипѣла
Снова за волю борьба...
Боже! услыши молитву,
Стонъ славянина—раба!

А. Кругловъ.

Политическое обозрѣніе.

Настоящее положеніе дѣлъ на театрѣ войны вынуждаетъ насъ повторить фразу, къ которой мы уже прибѣгали не разъ, говоря о ходѣ борьбы, а именно: указать снова на «отсутствіе положительныхъ, точныхъ, ясныхъ свѣдѣній съ мѣста военныхъ дѣйствій».

Съ одной стороны получены извѣстія о томъ, что турки овладѣли Княжевацомъ и ущельемъ у Вратарницы, лежащимъ между этимъ пунктомъ и Зайчаромъ, что этотъ послѣдній отданъ безъ боя оттоманскимъ войскамъ, что полковникъ Хорватовичъ, мужественно защищавшій Княжевацъ цѣлыхъ 5 дней, отступилъ къ горной позиціи у Баньи и что Лѣшанинъ, вслѣдствіе паденія Княжеваца, въ свою очередь, отступилъ тоже. Съ другой стороны телеграфъ принесъ извѣстіе (депеша отъ 30-го іюля) о томъ, что 29-го іюля «подъ Княжевацомъ турки 5 разъ аттаковали сербскія войска, но каждый разъ были отбиваемы съ огромными потерями. Сербы выказываютъ замѣчательную храбрость». Затѣмъ, 31-го іюля получено извѣстіе, что сербскія войска подъ начальствомъ русскаго полковника Беккера, вновь взяли у нихъ 33 пушки и 3 тысячи плѣнныхъ, и вслѣдъ за этимъ телеграмма отъ 1-го августа изъ Бѣлграда сообщаетъ, что Княжевацъ и Зайчаръ еще невзяты обратно сербами.

Намъ остается, слѣдовательно, ожидать дальнѣйшихъ подробностей въ разъясненіе всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ сообщеній. Въ послѣднее время свѣдѣнія о дѣйствіяхъ генерала Черняева весьма скудны. Удивляться этому, конечно, нечего. Генералъ, какъ извѣстно, съ трудомъ допускаетъ корреспондентовъ въ свою квартиру, не желая, понятно, чтобы этимъ (часто недобросовѣстнымъ) путемъ разглашались во всеобщее извѣстіе его планы и намѣренія. Всѣ знатоки и спеціалисты военнаго дѣла согласны съ тѣмъ, что главнокомандующій, въ извѣстные моменты военныхъ операцій, не только долженъ устранять возможность подобнаго разглашенія, но, наоборотъ: стараться распространять о своихъ дѣйствіяхъ самыя разнорѣчивыя извѣстія, извѣстія, въ которыхъ истина была бы совершенно скрыта и затемнена... Все это, разумѣется, необходимо для успѣшнаго вы-

Библиотека "Руниверс"

Само собою понятно, что за симъ, по прошествіи извѣстнаго времени, причины передвиженія войскъ разъясняются и можно судить, чѣмъ вызывалась, та или другая мѣра въ ихъ передвиженіи. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время уже извѣстны причины первоначальнаго наступательнаго движенія южно-моравской арміи Черняева, и затѣмъ отступленіе ея и перемѣна диспозиціи.

При первоначальномъ наступательномъ движеніи, генералъ Черняевъ имѣлъ въ виду слѣдующее: во 1-хъ, что въ Болгаріи произойдетъ (готовившееся издавна и вполнѣ понятное въ виду неслыханныхъ злодѣйствъ турокъ) поголовное возстаніе, во 2-хъ, что генералъ Захъ двинется чрезъ Сѣнницу и соединится съ черногорцами, и въ 3-хъ, что генералъ Алимпичъ проникнетъ въ глубь Босніи, гдѣ, вслѣдствіе этого, славяне также возстанутъ массами. Если бы эти предположенія оправдались, то генералъ Черняевъ могъ бы дойти до Софіи и сопротивляться тамъ всѣмъ подходящимъ къ туркамъ подкрѣпленіямъ. Въ такомъ случаѣ война не была бы перенесена на сербскую территорію. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ предположеній не оправдалось: болгары не поднялись; генералъ Захъ былъ отброшенъ, а Алимпичъ, задержанный у Бѣлины, не могъ ни соединиться съ инсургентами сѣверной Босніи, ни распространить возстанія въ мѣстностяхъ, остающихся еще спокойными.

При такихъ обстоятельствахъ генералу Черняеву не осталось ничего болѣе дѣлать, какъ отказаться отъ своихъ позицій при Пиротѣ и Бабиной Главѣ и отступить, тѣмъ болѣе, что Лѣшанинъ, по своей оплошности, потерялъ важную позицію при Великомъ Изворѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствіямъ сербскихъ силъ значительно вредила разрозненность между отдѣльными частями. Теперь это неудобство устранено, такъ какъ генералъ Черняевъ назначенъ главнокомандующимъ тимокско-моравской арміей.

Осуждать сербскіе планы военныхъ операцій мы, конечно, ни въ какомъ случаѣ не возьмемъ на себя смѣлости, ибо вполнѣ убѣждены въ томъ, что со стороны сербскихъ военачальниковъ все совершалось послѣ достаточныхъ соображеній и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ неотразимыхъ и внезапно возникающихъ условій, которыхъ въ военномъ дѣлѣ нельзя никакъ заранѣе предвидѣть, и вѣтъ возможности обойдти или измѣнить.

Со дня разгрома арміи Мухтара-паши войсками князя Черногорскаго, теперь прошло уже болѣе двухъ недѣль и въ продолженіи этого времени князю Николаю неудалось окончательно порѣшить съ Мухтаромъ. Хотя путь къ Требиньє изъ Рагузы и отрѣзанъ, но турки имѣютъ возможность подвести съ востока новыя войска или выдѣлить для этого часть ихъ изъ корпусовъ, стоящихъ на южной границѣ Сербіи. По извѣстіямъ изъ Цетиньи (отъ 31-го іюля) князь Николай Черногорскій, съ частію черногорской арміи, идетъ, съ цѣлью недопустить соединеніе турецкихъ армій, на встрѣчу Вьелладинъ-пашѣ, приближающемуся съ подкрѣпленіями для Мухтара-паши.

Изъ Лондона, отъ 31-го іюля, телеграфируютъ, что «въ засѣданіи Палаты Общинъ Дизраэли выставилъ на видъ, что Англія обязалась, вмѣстѣ съ другими державами, поддерживать неприкосновенность Турціи».

Неужели это справедливо и неужели послѣ всѣхъ ужасающихъ звѣрствъ и невыразимыхъ, неслыханныхъ злодѣйствъ и жестокостей, совершенныхъ и совершаемыхъ теперь турками, европейскія державы будутъ поддерживать неприкосновенность этой дикой страны!

КЪ СВѢДѢНІЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Прилагаемая ниже таблица показываетъ нумера серій и билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа (1864 г.) *на которые пали выигрыши*, но *они не взяты*, по неизвѣстнымъ причинамъ.

№ серіи.	№ билета.	Сумма выигрыша.	Время тиража.	№ серіи.	№ билета	Сумма выигрыша.	Время тиража
00185	50	1000	2 янв. 1871 г.	08646	1	1000	1 іюля 1870 г.
01941	24	1000	— 1870 г.	09074	3	5000	2 янв. 1873 г.
02666	47	8000	— 1871 г.	09392	21	1000	1 іюля 1874 г.
02728	48	5000	— 1876 г.	11478	27	25000	3 янв. 1872 г.
02750	47	8000	1 іюля 1875 г.	12720	48	8000	1 іюля 1875 г.
02899	48	1000	2 янв. 1871 г.	13845	25	1000	— 1867 г.
03259	15	1000	— 1874 г.	13948	17	1000	3 янв. 1872 г.
03652	28	5000	— 1874 г.	14929	35	8000	1 іюля 1872 г.
03774	7	1000	— 1876 г.	14982	48	1000	— 1874 г.
04367	2	1000	— 1875 г.	15121	22	1000	2 янв 1876 г.
04934	10	5000	1 іюля 1874 г	15247	28	1000	— 1875 г.
04973	42	8000	2 янв 1876 г.	15762	2	1000	3 янв. 1872 г.
05636	24	8000	— —	16054	36	5000	2 янв. 1876 г.
06257	6	40000	2 янв. 1874 г.	16607	44	1000	1 іюля 1870 г.
06486	37	1000	1 іюля 1873 г.	16809	14	500	— 1866 г.
07491	28	1000	3 янв 1872 г.	18163	44	5000	2 янв. 1876 г.
07526	9	1000	1 іюля 1873 г.	18975	42	1000	1 іюля 1868 г.
08247	16	1000	— 1875 г.	19457	8	5000	2 янв. 1870 г.
08475	37	1000	— 1874 г.				

Кромѣ этихъ, есть много не взятыхъ выигрышей въ 500 рублей, №№ которыхъ мы не приводимъ за недостаткомъ мѣста. Таблицы ихъ продаются въ Государственномъ банкѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Ужица** (съ рисункомъ). **Б—цкаго.—Встревоженный городъ.** (Картины губернской жизни). **Д. Стахѣева.—Во время жатвы** (съ рисункомъ). — **Изъ Трегера** (стихотвореніе). **Ѳ. Берга (Боева).—Сербскій митрополитъ Михаилъ** (съ портретомъ).—**Предводители сербскихъ войскъ,** (съ 3-мя портретами). **Городъ Снутаря** (съ рисункомъ) —**Стычка сербовъ съ черкесами подъ Гинцовымъ** (съ рисункомъ). Водобоязнь. **Л. К.—Славянская борьба** (изъ сербскихъ пѣсенъ). **А. Круглова** — Политическое обозрѣніе.—Къ свѣдѣнію читателей.—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

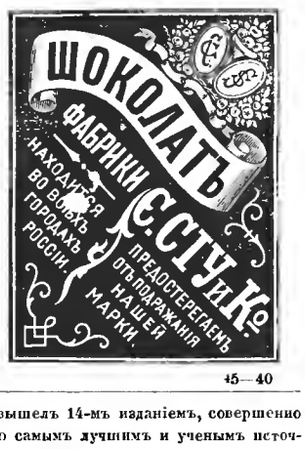
ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Штильвагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.



45—40

Учебный географическій атласъ Іордана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно передѣланнымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ нумеровъ (картъ) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большой частью Азіятской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.

Также вышло 9 изданіе **„Историческій атласъ"** Іордана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйлера, литографіи у Каменнаго моста, д. Оливье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—2

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—47

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—5

КАРЛЪ БАУХЪ,

по Большой Морской домъ Росмана № 9,

приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч.. на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—18

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 5 Августа 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Безобразова, Алекс. пр., № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 33 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 16 Августа 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

М. А. Марковъ.

Михаилъ Александровичъ Марковъ воспитаніе получилъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Одно изъ его юношескихъ стихотвореній попалось въ руки литературному любителю Глѣбову; онъ показалъ его И. И. Дмитріеву, который выразилъ желаніе познакомиться съ молодымъ авторомъ; а извѣстный въ то время литераторъ В. А. Ушаковъ вызвался руководить его на новомъ поприщѣ. Будучи родственникомъ тогдашняго директора кадетскаго корпуса, Ушаковъ принялъ Маркова рѣшительно подъ свое покровительство, какъ близкаго родного и, замѣтя въ немъ страсть къ театру и декламаціи, сталъ знакомить его научно и наглядно съ театральнымъ дѣломъ; представилъ его лучшимъ дѣятелямъ театральной литературы: князю Шаховскому, Ѳ. Ѳ. Кошкину, А. И. Писареву, познакомилъ съ актеромъ Мочаловымъ и нанялъ даже для него учителя.

Генералъ-лейтенантъ М. А. Марковъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ заботливый В. А. Ушаковъ предоставилъ ему умное литературное чтеніе и продолжалъ потомъ заботиться о немъ до конца жизни, радуясь, кажется, что нашелъ пригодный предметъ для заботъ своей добродушной натуры. Таково было тогда стремленіе старыхъ писателей къ развитію и охраненію каждаго зародыша даже малѣйшихъ литературныхъ способностей!

Надобно правду сказать, что собственно для успѣховъ эстетики и развитія поэзіи было хорошее то время, тогда ни одна строка у молодежи не пропадала безъ вниманія и оцѣнивалась всегда съ теплымъ участіемъ и покровительствомъ истинно-просвѣщенными добряками, а не выносилась тотчасъ же на рынокъ для публичной продажи изъ построчной платы; тогда за статьи, печатаемыя въ періодическихъ изданіяхъ, никому не платилось; а между тѣмъ литературные

Библиотека "Руниверс"

бойцы бодрствовали. Москва, подъ знаменемъ «Московскаго Телеграфа», вызвала много извѣстныхъ именъ и силъ на участіе въ борьбѣ съ петербургской прессой, и это была полемика благородная, остроумная, основанная на дѣйствительныхъ убѣжденіяхъ каждаго писателя, а не заказанная, по командѣ редактора, за извѣстную плату.

По выходѣ, въ 1828 году, изъ корпуса офицеромъ въ гвардію, Марковъ сталъ печатать свои стихотворенія въ разныхъ издаваемыхъ тогда альманахахъ, а въ 1830 году издалъ самъ альманахъ для юношества, подъ названіемъ «Утренняя Заря» замѣчательный быстрой распродажей всего изданія. Во время похода противъ польскихъ мятежниковъ, въ 1831 году, Марковъ началъ писать большую повѣсть въ стихахъ: «Мятежники» и издалъ ее въ 1833 году. Повѣсть эта была одобрительно встрѣчена читающей публикой.

Съ 1834 года послѣдовало небывалое до того времени литературное явленіе: книгопродавецъ А. Ф. Смирдинъ сталъ издавать журналъ «Библіотека для чтенія» и началъ платить за статьи деньги. Маркову было предложено за его прозу по 200 рублей съ печатнаго листа (разумѣется ассигнаціями), онъ сдѣлался постояннымъ участникомъ смирдинскаго журнала, а въ 1835 году, съ половины лѣта въ продолженіи 5 мѣсяцевъ, велъ въ этомъ журналѣ отдѣлъ литературной лѣтописи. 1835 годъ «Библіотеки для чтенія» былъ начатъ стихотвореніемъ Маркова, имя котораго потомъ часто встрѣчалось въ этомъ журналѣ между именами тогдашнихъ знаменитостей.

Въ 1838 году, Марковъ собралъ въ три небольшихъ томика разбросанныя по разнымъ изданіямъ его стихотворенія и повѣсти и издалъ ихъ подъ названіемъ: «Мечты и Были», помѣстивъ въ 1-й части стихотворенія, а въ остальныхъ двухъ—прозу. Сочиненія Маркова были встрѣчены общимъ одобреніемъ.

Михаилъ Александровичъ былъ однимъ изъ немногихъ представителей старинныхъ литераторовъ, которые любили русское слово искренне и служили ему всѣми силами безкорыстно и преданно; никогда не искали они въ трудахъ по изящной словесности выгоднаго себѣ заработка, считая способность служить изящному слову даромъ, ниспосланнымъ свыше, и не подлежащимъ, по достоинству своему, оцѣнкѣ со стороны матерьяльной. Михаилъ Александровичъ написалъ, между прочимъ, нѣсколько драматическихъ произведеній, но они успѣха не имѣли. Скончался онъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, 19-го мая 1876 года въ г. Вильно. Какъ знакъ нашего уваженія къ памяти умершаго поэта, потрудившагося въ свое время на пользу отечественной литературы, помѣщаемъ его портретъ и одно изъ его стихотвореній «Весна на Бугѣ».

Свѣтило полудня, какъ шаръ золотой,
Въ лучахъ благотворныхъ горитъ надъ землей;
Природа явилась въ зеленой порфирѣ,
Изъ розъ благовонныхъ надѣла вѣнецъ;
Все жизнію новой красуется въ мірѣ.
Безъ умолку свищетъ дубравный пѣвецъ,
Чаруя окрестность мелодіей чудной;
Луга засмѣялись, сребрится потокъ;
И, рѣзвый долины жилецъ, мотылекъ
Кружится въ эѳирѣ, какъ листъ изумрудный.

Встревоженный городъ.

(Картины губернской жизни)

(Окончаніе).

IX.

Животрепещущая новость о томъ, что вновь пріѣхавшій въ губернскій городъ N господинъ, заинтересовавшій собою наканунѣ вечеромъ „всю благородную публику“ въ театрѣ, оказался, по сдѣланнымъ справкамъ, вовсе не господинъ, а политическій преступникъ, произвела видимо не только на „всю благородную публику“, бывшую на имянинномъ пирогѣ, но и на самого разсказывавшаго о ней, странное впечатлѣніе. Доримедонтъ Гавриловичъ, трубившій сначала ужасающимъ басомъ и оповѣщавшій „о новости“ нѣсколько даже грубоватымъ и пренебрежительнымъ тономъ, самъ измѣнилъ его, дойдя до того мѣста новости, гдѣ пріѣзжій превращался въ политическаго преступника, и проговорилъ эти послѣднія два слова таинственнымъ шопотомъ. При этомъ онъ даже оглянулся по сторонамъ, точно опасаясь чего-то.

Гости, столпившіеся тѣсной кучей вокругъ Доримедонта Гавриловича, тяжело дышавшаго, какъ по причинѣ своей неимовѣрной тучности, такъ и вслѣдствіе возбужденнаго душевнаго состоянія, тоже оглянулись по сторонамъ, инстинктивно подражая ему.

— Что же это такое за исторія, Доримедонтъ Гавриловичъ, какъ это случилось? приставали гости.

— Да какъ случилось? какъ случилось? передразнивалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, случилось, должно быть, очень обыкновенно: сцапали голубчика—ну и капутъ.

Онъ все еще тяжело дышалъ и не могъ съ достаточною подробностію разсказывать о томъ, о чемъ видимо и самъ желалъ хорошенько объяснить. Въ дѣйствительности онъ, можетъ быть, и зналъ по поводу отсутствія настоящаго званія пріѣзжаго только то, что „это вовсе не господинъ“, ну, а ужь „политическій преступникъ“ какъ нибудь самъ, случайно, попалъ ему на языкъ и затѣмъ уже подробности должны были сами собою обязательно явиться. Можно даже допустить, что чѣмъ больше прошло бы времени, пока Доримедонтъ Гавриловичъ „отдышался“, тѣмъ ярче, краснорѣчивѣе и занимательнѣе были бы подробности о политическомъ преступникѣ.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, словамъ Доримедонта Гавриловича было бы дано меньше вѣры, чѣмъ случилось въ описываемую минуту, меньше потому, что онъ иной разъ сильно любилъ приврать, въ чемъ, впрочемъ, и самъ откровенно сознавался, говоря, что „безъ вранья и рѣчь не красна“. Но теперь какъ то вдругъ всѣ объ этомъ забыли и именно вдругъ какъ-то всѣ каждому его слову стали давать настоящую цѣну.

Впрочемъ, между гостями нашелся человѣкъ, который нѣсколько спокойнѣе и съ сознаніемъ собственнаго достоинства отнесся къ извѣстію, принесенному Доримедонтомъ Гавриловичемъ; человѣкъ этотъ, повидимому, не забылъ, что Доримедонтъ Гавриловичъ любитъ „испещрять свою рѣчь блестками лживаго краснорѣчія“ и потому къ извѣстію, принесенному имъ, отнесся съ нѣкоторою долею сомнѣнія.

Человѣкъ этотъ былъ о. протоіерей.

Онъ тихо отстранилъ рукою нѣкоторыхъ изъ близь его тѣснившихся, и проходя ближе къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдалъ, въ видѣ допотопнаго мастодонта, Доримедонтъ Гавриловичъ, перебилъ вопросы гостей.

— До меня объ этой новости, началъ онъ, обращаясь лицомъ въ ту и другую сторону и видимо приглашая этими поворотами головы всѣхъ ко вниманію,— до меня объ этой новости уже неоднократно въ теченіи послѣднихъ трехъ дней доходили слухи и, не скрою, весьма противоположные одинъ другому. Вслѣдствіе именно этихъ несчатныхъ противорѣчій, я никакъ не могъ надлежащимъ образомъ освѣдомиться, что это за таинственное лицо...

Не смотря на то, что о. протоіерей говорилъ очень ласковымъ и мягкимъ голосомъ и не переставалъ дѣлать движенія головой, обращая взгляды на всѣхъ его окружавшихъ лицъ и призывая ихъ этимъ ко вниманію,—не смотря на все это, рѣчи его не суждено было продолжится долѣе.

Публика при всемъ уваженіи къ своему духовному пастырю, не могла удержаться, чтобы не замять самымъ безцеремоннѣйшимъ образомъ его рѣчи, видя что въ ней нѣтъ именно того, о чемъ она такъ жаждетъ знать.

Протоіерей попробовалъ было еще раза два повернуть головой въ ту и другую сторону, въ видахъ воз-

Библиотека "Руниверс"

становленія тишины, но видя, что это рѣшительно не удается, поправилъ на груди крестъ и медленно отошелъ прочь, какъ человѣкъ обиженный.

— Доримедонтъ Гавриловичъ! Доримедонтъ Гавриловичъ! приставали всѣ къ Доримедонту Гавриловичу,— вѣдь это должно быть что нибудь въ самомъ дѣлѣ очень важное, когда вдругъ этакую, можно сказать, птицу изловили.

Доримедонтъ Гавриловичъ уже отдышался и снова началъ трубить на весь залъ своимъ ужасающимъ голосомъ.

Отецъ протоіерей попробовалъ было снова овладѣть вниманіемъ публики, если ужъ на этотъ разъ не всей, то хотя нѣкоторой ея частію, и началъ:

— Небезъосновательно смѣю предположить, что сообщаемое достопочтеннымъ Доримедонтомъ Гавриловичемъ должно быть разсматриваемо отчасти, какъ игра ума....

Но ему невозможно было бороться съ Доримедонтомъ Гавриловичемъ, вопервыхъ, и потому, что отецъ протоіерей имѣлъ голосъ тихій и мягкій, говорилъ медленно и съ значительными остановками, а Доримедонтъ Гавриловичъ, какъ сказано было, басилъ необычайнымъ голосомъ и не смотря на свою тучность, говорилъ скоро. Пока отецъ протоіерей могъ сказать два три слова, Доримедонтъ Гавриловичъ выбрасывалъ ихъ двадцать.

— Игра ума! Игра ума! забасилъ онъ еще громче, нѣтъ, это намъ доложу, не игра ума, а самыя точныя свѣдѣнія, полученныя, можно сказать, изъ первыхъ рукъ.

Такимъ образомъ и та небольшая часть публики, вниманіемъ которой намѣревался овладѣть о. протоіерей, была снова заполонена Доримедонтомъ Гавриловичемъ.

О. протоіерей только и замѣтилъ обиженнымъ голосомъ.

— Конечно, не могу оспаривать, но имѣю намѣреніе предположенія мои сохранить при себѣ...

Онъ снова поправилъ на груди у себя крестъ, и какъ ни было ему интересно знать, какія именно подробности хочетъ сообщить Доримедонтъ Гавриловичъ, онъ все таки преодолѣлъ любопытство и отошелъ отъ него въ другую часть комнаты.

Неуспѣлъ Доримедонтъ Гавриловичъ разсказать подробностей, какъ явился на имянины помощникъ почтмейстера и высказалъ свои соображенія по поводу дипломатическихъ пріемовъ Семена Егоровича. Когда потомъ онъ объяснилъ, что полиціймейстеръ ѣхалъ съ нимъ, какъ говорилъ, къ имянинику, а вмѣсто того угналъ куда-то въ другое мѣсто, и когда, наконецъ, вновь прибывшій гость заявилъ, что сейчасъ видѣлъ полиціймейстерскую пару у подъѣзда гостинницы „Варшава", гдѣ собственно, былъ по общимъ отзывамъ захваченъ преступникъ—предположенія и разсужденія о немъ разрослись до той степени невѣроятностей, при выслушиваніи коихъ, по извѣстному мнѣнію, вянутъ человѣческія уши. Начались, конечно, споры и неизбѣжный при этомъ громкій говоръ.

— Что? Что? Игра ума! торжествовалъ Доримедонтъ Гавриловичъ, направляя свою рѣчь къ стоявшему вдали о. протоіерею—вотъ вамъ и игра ума!

— Но позвольте, вступился наконецъ адвокатъ, имѣвшій кровожадное выраженіе лица,—вы же сами, Доримедонтъ Гавриловичъ доказывали, что это неизвѣстное лицо по изслѣдованіямъ оказалось политическимъ преступникомъ, а теперь, какъ можно заключить изъ повѣрки обстоятельствъ дѣла, показаніе ваше оказывается несправедливымъ.

— Какое показаніе? забасилъ Доримедонтъ Гавриловичъ, какое показаніе? Развѣ я на судѣ что-ли здѣсь? Да съ чего вы ко мнѣ съ такими словами пристаете? Я имѣю свои основанія, я слышалъ, я дѣлаю свое заключеніе...

— А—а! протянулъ адвокатъ, это уже новыя обстоятельства, которыя ранѣе не имѣлись въ виду.

— Новыя-ли, старыя-ли, чортъ возьми, все равно, кипятилась публика,—тутъ важенъ вопросъ вовсе не объ этомъ, а о томъ, кто именно это новое лицо.

Такъ или иначе, но авторитетъ Доримедонта Гавриловича пошатнулся. Публика отъ него отхлынула и распалась на нѣсколько частей. Въ одномъ углу толпились гости около адвоката, въ другомъ около о. протоіерея. Мировой судья подходилъ то къ той, то къ другой группѣ и ни тамъ, ни здѣсь не могъ хорошенько разслушать всего, о чемъ говорилось, хотя давно уже вытащилъ изъ ушей всю вату. Переходъ его поочередно отъ одной группы къ другой именно тѣмъ и объясняется, что онъ страдалъ стрѣльбою въ ушахъ и плохо слышалъ.

Помощникъ почтмейстера присталъ къ одной изъ группъ и старался доказать, что это „не спроста" и что тутъ непремѣнно замѣшано почтовое вѣдомство.

Онъ приложилъ указательный палецъ ко лбу, прищурилъ лѣвый глазъ и таинственнымъ шопотомъ началъ было что-то излагать по поводу политики „дипломата" Семена Егоровича и губернскаго почтмейстера; но его на первыхъ же словахъ перебилъ лѣсничій, давно раскраснѣвшійся по случаю имянинъ и увѣрявшій убѣдительнѣйшимъ тономъ, что вся „эта исторія" идетъ отъ лѣсного департамента. Хотя языкъ его уже сильно заплетался и слова едва едва выговаривались, но этотъ маленькій недостатокъ онъ старался пополнить жестикуляціей. Нотаріусы съ своей стороны говорили, не слушая ни лѣсничаго, ни помощника почтмейстера, и припоминали какое-то дѣло по совершенію купчей крѣпости, имѣвшее, будто бы, связь съ таинственнымъ пріѣздомъ чиновника отъ министерства юстиціи; членъ казенной палаты съ своей стороны доказывалъ, что пріѣзжій—должно быть чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а не юстиціи; протоіерей, хотя и не высказывалъ никакихъ предположеній въ смыслѣ опасенія за ревизію, но втайнѣ думалъ, что если ужъ ревизія какая, то непремѣнно отъ консисторіи! Одни купцы помалчивали и пугливо посматривали на громко кричавшихъ гостей, мысленно сваливая все на волю Божію, да Доримедонтъ Гавриловичъ басилъ на весь залъ, что никакой ревизіи ни отъ какого министерства нѣтъ и быть не можетъ, потому что по его уголовному дѣлу есть въ министерствѣ сильная рука, могущая „всегда и во всякое время" его защитить.

Изъ всего этого безпорядочнаго говора нельзя было понять, для чего люди такъ горячо говорятъ и кричатъ въ то время, когда ихъ словъ никто не слушаетъ.

Страшно было, между прочимъ и то, съ чего такъ всѣ вдругъ стали воображать, что это „непремѣнно ревизія". И замѣчательно: если бы въ самомъ дѣлѣ вдругъ случилась ревизія, пріѣхалъ бы сенаторъ, то ни въ какомъ случаѣ его пріѣздъ не произвелъ бы такого переполоха, а прямо бы и сразу бы все опредѣлилось въ немногихъ словахъ: „пріѣхалъ, молъ, сенаторъ такой-то, и будетъ ревизовать"—и только. Одни, можетъ быть, испугались бы, другіе поморщились бы и собственно только въ видахъ предстоящихъ хлопотъ и дѣлъ, неизбѣжныхъ при всякой ревизіи. Но здѣсь было нѣчто совсѣмъ другое и совсѣмъ не одна боязнь и страхъ за послѣдствія какихъ либо своихъ дѣяній; здѣсь было нѣчто особое и всего болѣе имѣющее причинъ къ развитію любопытства и къ порожденію всяческихъ предположеній, именно была таинственность, неизвѣстность, именно она раздражала любопытство, она порождала предположенія, ссоры и всякія имъ подобныя явленія. Была скука и однообразіе провинціальной жизни, жажда новостей, впечатлѣній; вотъ дорвались до нихъ—и пошла писать, даже до невѣроятнаго.

Именно, кажется, весь переполохъ произошелъ отъ

Библиотека "Руниверс"

того, что дождались люди случая, обрадовались и сами незамѣтили, въ своемъ увлеченіи новостью, что истрепали ее до послѣдней степени неузнаваемости.

X.

— Вздоръ! Вздоръ! Я знаю все! Лично видѣлъ его и слышалъ, какъ онъ разсказывалъ... завизжалъ кто-то, вдругъ впохыхахъ входя въ залъ и сразу понявъ еще въ прихожей, что споръ идетъ именно о томъ предметѣ, о которомъ онъ только что хотѣлъ возвѣстить.

— Я слышалъ самъ лично, какъ онъ разсказывалъ... Новое лицо, новыя вѣсти, новыя соображенія. Всѣ опять и вдругъ оживились и напустились на вошедшаго.

— Кто разсказывалъ? Что?

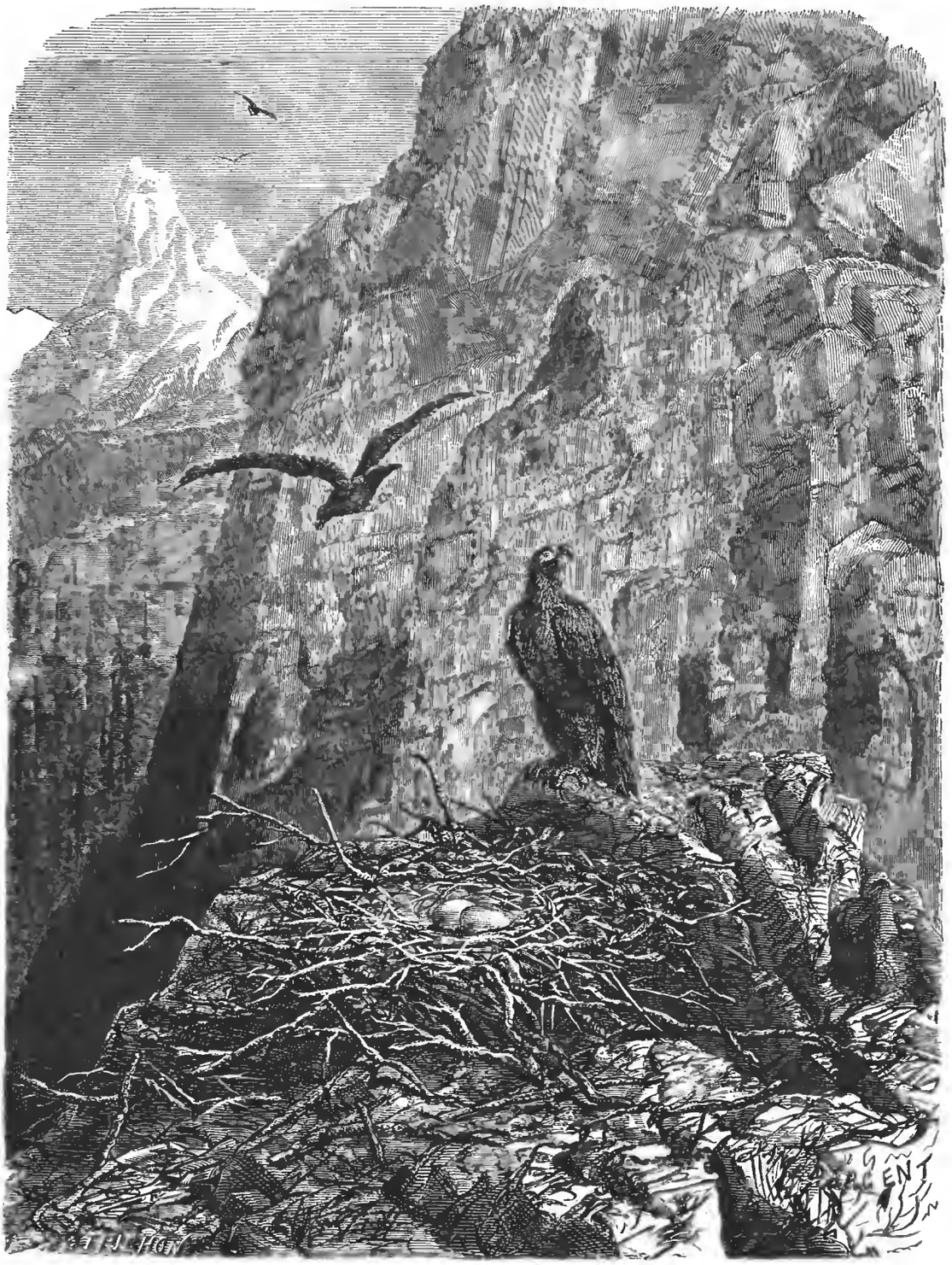
— Да этотъ, какъ его, пріѣзжій...

— Да кто же онъ-то, кто онъ такой?

— Разсказывалъ самъ лично. Сейчасъ мнѣ знакомый купецъ говорилъ.

— Да вы скажите толкомъ, кто онъ?

— Охъ, отстаньте пожалуйста, почемъ я знаю, кто онъ! говорятъ вамъ, что онъ говорилъ одному знакомому, а этотъ знакомый говорилъ купцу, а купецъ говорилъ мнѣ...



Благородный или царственный орелъ. Рисов. Саржанъ, грав. Тришонъ.

Библиотека "Руниверс"

Корыстный поцѣлуй. Съ картины Комана, рис Команъ, грав. Свитонъ-Тилли.

Библиотека "Руниверс"

— Но что же говорилъ?

— Говорилъ и о городѣ, и о театрѣ, и вообще, говоритъ, все здѣсь очень плохо и скучно, и все такое.

— Позвольте, позвольте, вдругъ перебилъ, подскакивая и съежившись, помощникъ почтмейстера, успѣвшій уже раза три четыре „наскоро" приложиться къ рюмочкѣ, позвольте,—тутъ совсѣмъ не въ томъ дѣло, что плохо тамъ или скучно. Тутъ, батюшки, иная совсѣмъ статья!..

Онъ только что намѣревался приложить указательный палецъ ко лбу и, крѣпко прищуривъ глазъ, заговорить тоненькимъ голоскомъ о дипломатіи Семена Егоровича, какъ былъ оттѣсненъ уже въ сторону отъ вновь вошедшаго гостя, кругомъ оцѣпленнаго публикой, жадно ожидавшей „новостей". Но не смотря на то, что онъ и оказался въ сторонѣ отъ толпы, все-таки продолжалъ держать глазъ прищуреннымъ и, обращаясь уже непосредственно къ углу изразцовой печи, около которой стоялъ въ эту минуту, таинственнымъ и тончайшимъ теноркомъ продолжалъ развивать свою мысль:

— Э-э! Батеньки! я его знаю, знаю... Онъ дипло-ма-а-тъ!..

Уголъ изразцовой печи, до котораго слова эти непосредственно касались, должно быть не довѣрчиво отнесся къ нимъ, ибо вслѣдъ за этими словами указательный палецъ оратора высоко приподнялся надъ собственной его головой и сильно пригрозилъ на этотъ уголъ. Нужно замѣтить, какъ было впрочемъ сказано и выше, что помощникъ почтмейстера любилъ „современемъ" выпить и въ состояніи выпивки часто говаривалъ съ неодушевленными предметами. На этотъ разъ, по случаю имянинного пирога, онъ, какъ говорится, былъ уже совсѣмъ „готовъ".

Пока онъ „разговаривалъ" или, вѣрнѣе сказать, бормоталъ уже что то себѣ подъ носъ, гости, бывшіе на имянинномъ пирогѣ, осаждали вновь вошедшаго и напирали всего болѣе на то, чтобы онъ разсказалъ „все что знаетъ".

— Да что же, господа, я вамъ буду разсказывать! вопилъ тотъ, совершенно не понимая, что же еще нужно разсказывать, когда онъ уже разсказалъ все, что слышалъ...

— Ясное дѣло, что сенаторъ! замѣтилъ кто-то.

Доримедонтъ Гавриловичъ, которому ужасно обидно показалось такое заключеніе, вдругъ напустился на сказавшаго.

— Сенаторъ!.. сенаторъ!.. Ну, что вы вздоръ городите, какой тамъ сенаторъ!

— Я не горожу, милостивый государь!..

— Сами вы, милостивый государь!.. Н—да-съ!

— То, то и есть, н—да-съ! Я не горожу, а городятъ только люди, подобные вамъ, которые находясь въ отставкѣ подъ судомъ...

— Это уже личности! позвольте!..

И поссорились бы они какъ говорится „вплотную", если-бы ихъ ссорѣ не положилъ конецъ хозяинъ дома, успѣвшій, какъ и всегда, во время развести гостей и потомъ смирить ихъ около бутылочной баттареи.

— Такъ вы думаете, что это навѣрное сенатская ревизія? продолжали допрашивать одинъ другого гости.

— Навѣрное! видѣли и мундиръ, и предписаніе, и все, все что слѣдуетъ... Словомъ—дѣло рѣшеное!..

Начался подробный и съ большими дополненіями разсказъ о томъ, какъ Семенъ Егоровичъ посылалъ изъ театра одного изъ своихъ подчиненныхъ въ гостинницу „Варшава", какъ подчиненный тамъ узналъ, о пріѣзжемъ и что именно слышалъ о немъ отъ управляющаго гостинницей. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ послѣднихъ свѣдѣній, для всѣхъ стало ясно, что Доримедонтъ Гавриловичъ дѣйствительно отличался „игрой ума", хотя ни для кого не было ясно, почему именно пріѣзжій долженъ былъ представлять собою непремѣнно сенатора. Между тѣмъ, всѣ какъ то не замѣтно для самихъ себя склонились къ этому предположенію и даже не только предполагали, а совсѣмъ и въ окончательной формѣ порѣшили, что пріѣхалъ именно сенаторъ.

— Ну теперь нашему сановнику будетъ на калачи!

— Позво-о-льте! Позво-о-льте, возражалъ кто-то: не одному сановнику,—всѣмъ, всѣмъ достанется...

— Но почему-же всѣмъ, и что такое подразумѣваете вы подъ этимъ „достанется", даже хотя-бы и относительно сановника! Насколько извѣстно, дѣла всѣ въ порядкѣ...

— Э-э, батенька! Тутъ вовсе не о томъ рѣчь, въ порядкѣ или не въ порядкѣ; а ужь, если ревизія, то значитъ и достанется.

— Можетъ быть такъ у васъ, по министерству юстиціи...

— Ну тамъ разберутъ у васъ ли, у насъ ли, а только теперь, господа, крѣпись! Задастъ жару!..

— И задастъ! И задастъ, бормоталъ въ тонъ всего общества помощникъ почтмейстера, уже сильно налегая всей спиной на уголъ печи; да еще какъ задастъ то... Я вѣдь его зна-а-ю! Онъ дипло-ма-а-тъ!

Онъ зазубрилъ себѣ свое и сбить его съ этой мысли уже ни кто и помышленія не имѣлъ, зная, что это было бы совершенно безполезно.

— Позвольте, господа, вѣдь если теперь по лѣсному департаменту...

И опять всѣ полѣзли каждый въ то вѣдомство, въ которомъ состоялъ на службѣ, и отецъ протоіерей опять сдерживалъ просившійся наружу вздохъ, невольно вспоминая про консисторію.

Въ это время Семенъ Егоровичъ показался въ дверяхъ зала. Его долго не замѣчали ни гости, ни хозяинъ, занятые новостію. Онъ стоялъ, подперши обѣ руки въ боки, какъ говорятъ, фертомъ и качалъ головой. Доримедонтъ Гавриловичъ первый его увидалъ и, протянувъ обѣ руки по направленію къ нему, загремѣлъ на всю залу.

— Да чего вамъ лучше! Вотъ самъ Семенъ Егоровичъ здѣсь. Онъ все объяснитъ...

Взгляды всѣхъ устремились къ Семену Егоровичу.

— Ахъ, господа, господа! не вытерпѣлъ онъ, наконецъ, сильно разсерженный общимъ враньемъ, взялъ бы я васъ всѣхъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, засадилъ-бы на хлѣбъ и на воду.

— Это еще что за нелѣпости!..

— Вы, батинька, не очень, обидѣлся Доримедонтъ Гавриловичъ.

— Надлежало бы вамъ, какъ, нѣкоторымъ образомъ, градоначальнику города, умѣрить свои выраженія, обиженно замѣтилъ отецъ протоіерей.

— За исключеніемъ васъ, батюшка, ей Богу за исключеніемъ, захохоталъ Семенъ Егоровичъ и объяснилъ вслѣдъ затѣмъ, что пріѣзжій былъ никто иной, какъ чиновникъ, прибывшій на мѣсто старшаго ревизора въ контрольную палату.

— Только-то?

— Да, только-то!

— Старшій ревизоръ контрольной палаты! восклицали многіе съ тоскою въ голосѣ и даже чуть не съ отчаяніемъ.

— И всего-то на-всего только и есть!..

— Да что-же, господа, за комедія! Съ чего-же, наконецъ, онъ такъ насъ всѣхъ одурачилъ?

— Позво-о-льте, позво-о-льте! наставительно замѣтилъ Семенъ Егоровичъ, широко раздвигая руками тѣснившуюся вокругъ него публику и пробираясь поближе къ столу съ водкой: позвольте: кто кого одурачилъ это еще вопросъ! Это еще, какъ говорятъ въ аптекахъ, мы будемъ посмотрѣть...

Семенъ Егоровичъ видимо исключилъ себя изъ числа одураченныхъ и затѣмъ въ тоже время хотѣлъ

Библиотека "Руниверс"

утѣшить публику, на сколько позволяли обстоятельства дѣла.

— Что ужь тутъ посмотрѣть, теперь уже ясное дѣло... уныло замѣтили нѣкоторые изъ гостей.

— Да-съ, не могу не сознаться и чистосердечно, что я впалъ въ большое заблужденіе, предполагая въ этомъ пріѣзжемъ дѣйствительно весьма значительную особу! со вздохомъ проговорилъ о. протоіерей.

Но на его слова отвѣта никто не далъ.

Всѣ вдругъ какъ-то смолкли и пріуныли, точно имъ совѣстно стало за свои недавніе споры и предположенія. Разумѣется, эта совѣстливость была непродолжительна.

Чрезъ нѣсколько минутъ, все забылось, и жизнь опять пошла „своимъ чередомъ" съ неизмѣнными жалобами на скуку и однообразіе.

Д. Стахѣевъ.

Восточные отголоски *).

VIII.

На камнѣ, у пыльной дороги,
Болгарка въ лохмотьяхъ сидитъ;
То шепчетъ она, то застонетъ,
То на небо долго глядитъ...

* * *

«Мужа повѣсили... старшій мой сынъ
Замертво палъ подъ Бѣлиной;
Схваченъ и проданъ мой мальчикъ второй...
Проданъ!.. Тоска и кручина!

* * *

Оба сыночка пропали,
Только и радость—одна
Дочка осталась... Съ печали,
Вижу, худѣетъ она.

Еле бѣдняжка ходила.
Я уложила ее...
Только вее ныло, да ныло
Чуткое сердце мое —

Чуяло новое горе!...
Ночью явились *они*...
Выстрѣлы... крики... и вскорѣ
Вспыхнули ярко огни...

* * *

Спрячься, дитятко!...
— «Не стоитъ!
Погляди—ужь занятъ дворъ»...
Загорѣлись, вижу, очи
И она, схвативъ топоръ,

Подбѣжала къ самой двери, —
Я за нею... Въ этотъ мигъ
Ворвались баши-бузуки —
Вотъ ударъ и дикій крикъ!

Первый грузно повалился...
Снова звякнулъ нашъ топоръ...
Что потомъ—совсѣмъ не помню —
Затуманился мой взоръ.

Сердце сжалось, кровь застыла —
Видно, смертный часъ насталъ...
Но я слышала, какъ будто
Кто-то жалобно стоналъ.

* * *

Упокой со святыми, о, Господи,
Души рабъ Твоихъ Ты упокой!
Я на свѣтѣ теперь, одинешенька...
Быть пора мнѣ во землицѣ сырой...

Прекрати мои страданія,
Допусти меня туда,
Гдѣ печаль и воздыханія
Умолкаютъ навсегда!

IX.

Утро. Солнце свѣтитъ ярко.
На базарѣ шумно, людно;
Тутъ армяне, венгры, турки...
Къ торгашамъ пробраться трудно.

«Завоевано довольно!
Такъ вести войну—доходно!
А живого-то товару
Сколько душенькѣ угодно.

За безцѣнокъ пару юныхъ
Герцеговинокъ, болгарокъ!
Есть и мальчики—на выборъ...
Не покупка, а подарокъ!

У одной изрядной кучки
Много публики—и взоры
Привлекаютъ тутъ сережки,
Кольца, женскіе уборы.

Все—военные трофеи—
То-то былъ грабежъ богатый!
«Слава вѣчная Аллаху!»...
И кричитъ черкесъ мурзатый:

—«Эй! Вотъ, съ пальчикомъ колечко,
Ничего—въ крови немножко...
Ухо женское, а въ ухѣ
Драгоцѣнная сережка.

Двѣ руки—съ браслетомъ обѣ,
Снять браслеты было трудно!»...
Ярко въ небѣ солнце свѣтитъ,
На базарѣ шумно, людно...

Щ.

Корыстный поцѣлуй.

(Съ картины Комана).

Предъ нами картинка, изображающая домашнюю сцену изъ той жизни, отъ которой насъ отдѣляютъ многія, отошедшія въ вѣчность столѣтія. Но прошли вѣка, измѣнились обычаи, нравы, костюмы—чувства же человѣческія остались неизмѣнны, и по прежнему живутъ въ сердцахъ людей, управляя вмѣстѣ съ разумомъ ихъ дѣйствіями и поступками. На картинѣ мы видимъ мать, пришедшую къ своей маленькой дочкѣ съ подаркомъ, который она скрываетъ покуда, держа за спиной.

Но зоркая дѣвочка уже смекнула въ чемъ дѣло, увидѣвъ изъ-за спины матери торчащую ножку куклы. Вся нагая, вскочила она на скамеечку, и, протягивая рученки къ лицу матери, торопитъ поцѣлуй, горя желаніемъ получить скорѣе подарокъ. Какъ довольны онѣ, видя такую взаимную любовь, и какъ наивенъ ихъ взаимный обманъ!

Глядя на эту семейную картину, припоминаются стихи Я. П. Полонскаго:

Радуйся, зиждительница рода!
Домъ твой—вѣтвь растущаго народа;
Въ той странѣ, гдѣ разоренъ твой домъ,
Города растлятся, какъ Содомъ.
Собственнымъ достоинствомъ хранима,
Ты идешь,—молвой неуязвима,
Радуйся блаженная жена!
Твой очагъ семейный согрѣваетъ
Свѣжихъ чувствъ и мыслей сѣмена,
Вѣчно новой жизни закипаетъ
Вкругъ тебя шумящая волна.
Все, что ты любовью и терпѣньемъ
Воспитала, отъ тебя уйдетъ—
Но уйдетъ съ твоимъ благословеньемъ
Съ памятью святыхъ твоихъ заботъ...

Архимандритъ Дучичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ.

Славянская борьба противъ турецкаго ига имѣетъ за собою, можно сказать, симпатіи всей *лучшей части* человѣчества, заставляетъ усиленно биться сердце всякаго, не погрязшаго окончательно въ мертвомъ меркантильномъ морѣ разсчетовъ и выгодъ. Почти со всѣхъ концовъ земли стекаются къ страждущему народу пожертвованія деньгами и вещами.

*) См. «Нива», № 30.

Библиотека "Руниверс"

Цѣлыя толпы волонтеровъ стекаются отовсюду на поле славянской борьбы за свободу и свои человѣческія права.

Эти волонтеры или по сербски «добровольцы»—по истинѣ—*лучшая часть человѣчества*, люди, не боящіеся претворить слово въ дѣло и собственной кровью записать горячія симпатіи свои къ угнетеннымъ народамъ.

Въ сербскихъ войскахъ много подобныхъ добровольцевъ, принадлежащихъ ко всевозможнымъ націямъ. Добровольцы эти или примкнули и слились съ регулярными войсками, или дѣйствуютъ какъ партизаны, подъ командою вождей, тоже добровольно взявшихся за это трудное дѣло.

Къ такимъ вождямъ «добровольскихъ четъ» принадлежитъ интересная личность *архимандрита Дучича*, храбраго монаха—воина, прославившагося, какъ искусный военачальникъ. Онъ командуетъ значительнымъ отрядомъ въ три тысячи слишкомъ человѣкъ добровольцевъ и состоитъ при корпусѣ генерала Михаила Григорьевича Черняева. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ офицеровъ, находящихся при отрядѣ архимандрита Дучича, наступательное движеніе этого отряда. Изъ этого описанія читатель увидитъ, что для веденія войны при такихъ путяхъ сообщенія и неудобствахъ, какія встрѣчалъ отрядъ Дучича, нужны недюжинныя военачальническія способности. «Нашей первоначальной цѣлью была Свѣница или Нови-Базаръ. Дучичъ уже находится на границѣ, намъ же осталось еще пять часовъ ходьбы по весьма дурной и трудной дорогѣ, при безпрестанно льющемъ дождѣ. Ь. [illegible] смотря на это, располо[illegible]ха солдатъ отлично, продовольс[illegible]ие хорошо и изобильно. Дорога, однако, такова что можно свернуть себѣ шею; намъ приходится идти по тропинкамъ черезъ высокія горы, мимо пропастей, угрожающихъ гибелью. Солдаты съ величайшимъ трудомъ карабкаются на утесы, но ихъ мужество, ихъ желаніе сразиться, одушевляетъ даже отсталыхъ.

Войска идутъ гуськомъ, такъ что колонны имѣютъ видъ безконечныхъ цѣпей. Горы очень высоки, долины же чрезвычайно узки».

Изъ Иваницы въ Рашки отряду пришлось идти три дня; переходъ былъ страшенъ, погода постоянно бурная; повозки положительно не могли слѣдовать за войскомъ. Одна попытка везти повозку далѣе окончилась несчастно: и повозка, и лошади скатились въ пропасть и разбились.

Тропинки такъ узки, что по нимъ можетъ идти только одинъ человѣкъ, да и то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ опасностью жизни; отрядъ подвигался по одиночкѣ. Чтобы избавиться отъ грязи, многіе отправились верхомъ; дорога чрезвычайно опасна. Одинъ всадникъ, ѣхавшій верхомъ, упалъ вмѣстѣ съ лошадью; лошадь полетѣла въ бездну, а всадникъ имѣлъ настолько присутствія духа, что удержался за выступъ скалы.

Кромѣ этихъ затрудненій встрѣчались и другія: отряду приходилось переходить въ бродъ вышедшіе изъ береговъ горные ручьи; вода доходила иногда до шеи лошадей; ручьи крайне быстры, но вода въ нихъ хороша и чиста. Горныя орудія перевозятся на хребтахъ лошадей.

Архимандритъ Дучичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ. Рисов. и грав. Боярскій.

5-го іюля Дучичъ завязалъ дѣло при Рашкѣ и Борѣ, и самъ лично принималъ участіе въ битвахъ. Вотъ разсказъ очевидца объ этой битвѣ: При лунномъ свѣтѣ это было страшно-прекрасное зрѣлище. Непосредственно передъ Рашкой мы услыхали ружейные выстрѣлы; турки бѣжали изъ блокгауза и покинули на дорогѣ обозъ, провіантъ и знамена. Въ Рашкѣ мы нашли огромныя массы турецкихъ вещей, принесенныхъ туда изъ блокгауза. Книгъ, ковровъ, биссаговъ (вышитыхъ сѣдельныхъ чехловъ), зарфовъ (серебряныхъ кофейниковъ), шалей, оружія, табаку — всего было въ изобиліи. Вдругъ мы услышали, что турецкій блокгаузъ горитъ; послѣдній построенъ изъ камня и необыкновенно крѣпко; долго наши выстрѣлы ничего не могли подѣлать, наконецъ одна граната влетѣла въ блокгаузъ черезъ окно и зажгла его.

Затѣмъ 8 (20) іюля храбрый архимандритъ Дучичъ выдержалъ со своимъ отрядомъ упорное *семичасовое* сраженіе съ 4,000 регулярныхъ турецкихъ войскъ между Лимомъ и Увицемъ. Турки были обращены въ безпорядочное бѣгство и были преслѣдуемы Дучичемъ до самыхъ укрѣпленій Нова-Вароша. Турки, какъ, нападавшіе, потерпѣли гораздо бо́льшій уронъ, чѣмъ сербы. Послѣ этого и Нова-Варошъ началъ обстрѣливаться отрядомъ архимандрита Дучича.

Намъ не разъ уже приходилось описывать тѣ недостойныя уловки и подлости, къ которымъ турки часто прибѣгаютъ въ настоящей войнѣ, чтобы такъ или иначе истребить побольше ненавистныхъ имъ христіанъ *). Такъ и теперь, когда Дучичъ бомбардировалъ Нова-Варошъ, турки поставили за укрѣпленія подъ пушечныя ядра сербскихъ *женщинъ и дѣтей*! Многія изъ нихъ были поражены сербскими пулями, но Нова-Варошъ былъ наконецъ взятъ, и сербы лихо отплатили туркамъ за смерть женщинъ и дѣтей. Послѣ этого боя турки распустили ложный слухъ о своей мнимой побѣдѣ, но слухъ этотъ, какъ и многіе подобные же, на другой день опровергся, къ нищему стыду турокъ.

Главныя силы архимандрита Дучича долго оставались у Нова-Вароша, тогда какъ мелкіе отряды изъ нихъ, временно выдѣляясь, ведутъ партизанскія схватки съ турецкими войсками, то отражая нападеніе, то препятствуя какому-нибудь движенію, то отнимая припасы и оружіе у турокъ.

Архимандритъ Дучичъ съ своимъ отрядомъ волонтеровъ составляетъ неоцѣнимое сокровище для главнокомандующаго и подъ руководствомъ искуснаго стратегика можетъ совершать чудеса, тѣмъ болѣе, что подобно своему духовному предводителю, и добровольцы проникнуты энтузіазмомъ и львиною храбростью.

Въ одной изъ телеграммъ, именно отъ 30-го іюля (11-го августа), мы съ грустью читаемъ извѣстіе, что Архимандритъ Дучичъ тяжело раненъ. Дай Богъ, чтобы рана эта не была смертельною, потому что въ настоящія минуты подобные Дучичу бойцы необходимы для Сербіи и вообще для славянской борьбы.

Rus.

Благородный или царственный орелъ

(L'AIGLE ROYAL)

Царь птицъ, *орелъ*, также, какъ и царь звѣрей, *левъ*, рѣзко отличается между пернатыми своимъ отважнымъ и гордымъ взглядомъ, величественною осанкою и неустрашимою смѣлостію. Къ этимъ качествамъ орла надо присоединить его силу, зоркость и хищность. Орлы принадлежатъ къ числу самыхъ большихъ птицъ, живущихъ на земномъ шарѣ, и уступятъ въ величинѣ развѣ только древнимъ грифамъ, называемымъ нынѣ *кондорами*, то есть американскимъ орламъ, гнѣздящимся на высотахъ Кордильеровъ и Андесовъ. Тѣло орловъ коренастое, сложено крѣпко, когти ихъ необыкновенно сильны, такъ что пойманная птица или захваченное животное сжимаются могучими лапами орла, какъ желѣзными клещами. Голова орловъ не очень велика, но за то обладаетъ сильнымъ и крѣпкимъ клювомъ, загнутымъ на концѣ въ видѣ крючка. На верхней челюсти, вмѣсто зуба, бываетъ выемка. Глаза орла огненные, смѣло и зорко глядящіе на предметъ его вниманія, крылья длинныя, доходящія съ маховыми перьями до конца хвоста, а отъ этого полетъ его высокій и сильный. Отличительный признакъ орловъ состоитъ въ томъ, что перья затылка и задней части шеи бываютъ заострены или удлиннены въ хохолъ.

Орлы обитаютъ на всемъ земномъ шарѣ, но нѣкоторыя страны особенно изобилуютъ ими, по преимуществу же страны го-

*) См. статью «Предводители сербскихъ войскъ», № 31 «Нивы».

Библиотека "Руниверс"

Взятіе Божіей Матери на небо. Картина Мурильо, рис. на деревѣ Вальтеръ, грав. Богертсъ.

Библиотека "Руниверс"

ристыя, какъ, напримѣръ, нашъ Кавказъ или вся Альпійская система, сообщившая даже этой породѣ хищныхъ птицъ названіе альпійскихъ орловъ. Впрочемъ, разнообразіе формъ орловъ заставляетъ убѣдиться, что не всѣ виды ведутъ одинаковый образъ жизни, и не всѣ живутъ въ одинаковыхъ мѣстностяхъ. Такъ мы знаемъ породы, живущія въ раздольныхъ лѣсахъ, или у береговъ морей, или даже на равнинахъ, но любимымъ мѣстопребываніемъ самыхъ большихъ и самыхъ хищныхъ орловъ бываютъ высокіе гребни горъ и неприступныя скалы надъ пропастями. Въ подобныхъ мѣстностяхъ орлы съ необыкновенною смѣлостію нападаютъ даже на такихъ враговъ, на которыхъ никогда бы не рѣшились напасть въ другомъ мѣстѣ, какъ напримѣръ на быковъ, оленей и даже человѣка. Если орлы замѣчаютъ, что человѣкъ остановился на краю пропасти, то они съ быстротою молніи налетаютъ на него и сильными ударами своихъ могучихъ крыльевъ стараются сбить въ пропасть, а если уже этотъ маневръ удался, то участь жертвы неизбѣжна: разбившись о камни и острые выступы пропасти, животное или человѣкъ достаются въ пищу смѣтливой птицѣ.

Во времена покоренія русскими Кавказа былъ одинъ весьма замѣчательный случай съ солдатомъ, внезапно застигнутымъ у пропасти орломъ. Заблудившись въ горахъ, онъ нечаянно наткнулся на передовой черкесскій постъ и былъ замѣченъ черкесами, которые, ни мало не медля бросились на него. Опытный солдатъ, очень хорошо понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, искалъ спасенія въ густой растительности ущелія, которая и скрыла его отъ глазъ враждебныхъ черкесовъ; случайно имѣя при себѣ веревку, онъ укрѣпилъ одинъ конецъ ея у корня дерева и началъ спускаться внизъ. Такъ миновала для него опасность отъ черкесовъ, но наступила бѣда, не менѣе ужасная и грозная. Орелъ, замѣтивъ съ высоты спускавшагося человѣка и, конечно, сообразивъ опасность его положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность овладѣть имъ, какъ добычею для своего обѣда, началъ свое нападеніе на веревку и учащенными ударами когтей и клюва старался перервать ее; намѣреніе орла уже было близко къ осуществленію: веревка сдѣлалась въ одномъ мѣстѣ такъ тонка, что еще одно или два усилія орлинаго клюва порвали бы спасеніе несчастнаго солдата; но избавителемъ его явился другой орелъ, и два могучихъ соперника вступили за обладаніе лакомымъ блюдомъ въ ожесточенный бой, сплошая ущеліе крикомъ и шумомъ крыльевъ. Пользуясь этимъ, солдатъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы спуститься и наконецъ вышелъ на уступъ, откуда и возвратился къ своему полку.

На прилагаемомъ рисункѣ, среди неприступныхъ утесовъ высокихъ горъ, мы видимъ орлиное гнѣздо, свитое изъ сухого хвороста и оберегаемое зоркимъ самцомъ; самка же летаетъ вокругъ положенныхъ яицъ, чтобы сѣсть на нихъ и высидѣть будущихъ орлятъ. Сѣверныя породы орловъ принадлежатъ къ птицамъ перелетнымъ и къ холодному времени удаляются въ страны теплыя, но и породы южныя, хотя привязаны къ мѣсту, но все таки ведутъ жизнь кочевую, оставаясь дома лишь во время вывода дѣтей, а то почти все время дня и ночи проводитъ въ хищничествѣ, удѣляя весьма мало для сна и отдыха; при этомъ дерзость орловъ доходитъ до того, что они, не стѣсняясь присутствіемъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага своего — человѣка, прилетаютъ въ села и, въ виду жителей, уносятъ барановъ, куръ, утокъ, поросятъ и другихъ домашнихъ животныхъ и птицъ.

Между чувствами первое мѣсто занимаетъ у орла зрѣніе, затѣмъ, у него превосходно развитъ слухъ, что доказывается тѣмъ, что плѣнный орелъ всегда бывалъ тихъ и спокоенъ при мелодической музыкѣ и, напротивъ, обнаруживалъ видимое безпокойство и отвращеніе при рѣзкихъ и громкихъ звукахъ. Вкусъ орла замѣтенъ въ томъ, что содержимый въ клѣткахъ зоологическихъ садовъ, онъ охотно ѣстъ бросаемое ему мясо позвоночныхъ животныхъ, менѣе охотно мясо рыбъ и птицъ и, наконецъ, отвергаетъ положительно мясо разныхъ гадовъ: ящерицъ, лягушекъ, змѣй, жабъ и проч. Относительно обонянія нѣтъ положительныхъ доказательствъ, но сопоставляя его съ развитіемъ другихъ чувствъ, надо думать, что и обоняніе орла не оставлено природою безъ вниманія. Относительно умственныхъ способностей орла трудно произнести рѣшительный приговоръ, но судя по многимъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что онъ одаренъ большимъ умомъ. Такъ, напримѣръ, свои хищническіе набѣги орелъ совершаетъ весьма обдуманно и сообразжается всегда съ обстоятельствами. Онъ всегда особенно бывалъ смѣлъ тамъ, гдѣ не встрѣчалъ отпора и ружейныхъ выстрѣловъ, но гдѣ застигала его опасность, хотя бы одинъ разъ, онъ или неявляется вовсе или является въ неожиданное время, когда вполнѣ увѣренъ въ совершенной безопасности. Обдуманность въ его дѣйствіяхъ замѣчена не по отношенію къ одному человѣку, но и другимъ животнымъ и подъ часъ перехитряетъ онъ даже пресловутую лису. Но тотъ же самый человѣкъ, котораго такъ боится орелъ на волѣ, дѣлается его первымъ другомъ въ неволѣ. Плѣнные орлы, заключенные въ обширные клѣтки зоологическихъ садовъ, вызываютъ необыкновенную радость при приближеніи къ нимъ директоровъ, надзирателей или садовыхъ сторожей, если они ласково обращаются съ ними и, наоборотъ: бьютъ крыльями и даже клювомъ тѣхъ, которые дразнятъ и мучатъ ихъ и, не взирая на свой плѣнъ, обнаруживаютъ къ своимъ мучителямъ какое-то гордое и осмысленное презрѣніе.

Орлы, подобно льву, имѣютъ много великодушія въ своемъ характерѣ и никогда не нападаютъ на животныхъ или птицъ безъ необходимости, то есть если ихъ не побуждаетъ къ тому голодъ, и никогда не походятъ на кровожадныхъ ястребовъ или коршуновъ, такъ безпощадно и безжалостно истребляющихъ цыплятъ, гусятъ, голубей и утятъ, истребляющихъ единственно по кровожадности и небудучи никогда въ состояніи съѣсть столько сколько задушатъ беззащитныхъ жертвъ. Но и не всѣ породы орловъ одинаковы: ихъ раздѣляютъ многіе на два разряда — орловъ *благородныхъ* или такъ называемыхъ *царственныхъ* орловъ и на орловъ *неблагородныхъ*. Къ разряду этихъ благородныхъ орловъ, или орловъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, принадлежатъ три европейскія породы, а именно: *беркуты* (aguila tulva), *золотаны* (aguila chrysaëtos) и *могильники* (aguila imperialis).

Орлы не очень общежительны и не любятъ общества не только другихъ птицъ, но даже и своей орлиной породы; исключеніе составляетъ для орла только одна подруга его жизни и дѣти, съ которыми уже онъ не разлучается и дѣлитъ все съ полнѣйшею сердечною радостію. Кстати, заговоривъ объ орлиномъ семействѣ, необходимо сказать, что эта птица, едва ли не единственная изъ всѣхъ породъ пернатыхъ, за исключеніемъ развѣ аиста, отличается самою безукоризненною супружескою вѣрностію. Избравъ себѣ одинъ разъ подругу жизни, орелъ живетъ съ ней вѣрно и неизмѣнно до самой своей смерти, не перемѣняя ни въ какомъ случаѣ на другую. Точно тоже чувство привязанности и таже вѣрность замѣчены въ самкѣ, которая, въ случаѣ смерти самца, отъ горя и тоски, рѣдко переживаетъ его одной или двумя недѣлями.

Необщительный образъ жизни орловъ, какъ замѣчено, подвергается рѣдкимъ исключеніямъ: они соединяются обществами только зимой, для большихъ перелетовъ, или въ случаѣ обильной добычи, напримѣръ, большого трупа буйвола или другого крупнаго животнаго, обиліе въ какомъ либо мѣстѣ рыбы и т. п. но на такое сборище орловъ всегда не слѣдуетъ смотрѣть какъ на дѣло, предпринятое цѣлымъ обществомъ хищниковъ, ибо здѣсь только случайно соединяетъ ихъ общая цѣль, но никакъ не общежительность, и едва голодъ удовлетворенъ, какъ эта кажущаяся дружба или мнимый союзъ птицъ исчезаетъ. Съ другими породами пернатыхъ орлы также не сходятся и хотя иногда летаютъ вмѣстѣ съ коршунами, грифами, сарычами, но о дружбѣ между ними не можетъ быть и рѣчи. Полетъ орловъ чрезвычайно красивъ и величественъ, не легко иногда бываетъ орлу подняться съ земли, особенно съ добычею, но едва поднялся онъ, какъ широкіе взмахи крыльевъ уносятъ его далеко. Часто орелъ паритъ на большой высотѣ при чемъ онъ дѣлаетъ весьма рѣдкія движенія крыльями, и наблюдателю, слѣдящему за его полетомъ, кажется, что онъ носится въ воздушныхъ пространствахъ какъ будто по волѣ вѣтровъ. Замѣчательно, что если орелъ поднимается вверхъ, онъ летитъ противу вѣтра, а если спускается, то слѣдуетъ его направленію. На кружащемся въ воздухѣ орлѣ можно видѣть, какъ онъ поворачиваетъ, поднимаетъ и опускаетъ свой хвостъ, дѣйствуя имъ, какъ настоящимъ рулемъ. Нападая на живую добычу, могучая птица бросается внизъ съ чрезвычайной быстротой и съ явственно слышнымъ шумомъ. При всей быстротѣ своей, орелъ все таки не на столько быстръ, чтобы легко ловить маленькихъ и извилисто порхающихъ птичекъ. Часто видали, какъ онъ, гоняясь за ними, наконецъ изнемогалъ и оставлялъ этихъ воздушныхъ вьюрковъ съ видимою досадою, но онъ легко ловитъ голубей, дикихъ гусей и подобныхъ имъ птицъ, летающихъ правильно безъ извилистыхъ порханій. На сколько величественъ орелъ на своемъ лету, настолько же онъ теряетъ свое благородный видъ на ходу; онъ какъ будто спотыкается, съ трудомъ переставляя одну ногу за другую, но за то онъ также бываетъ прекрасенъ, какъ и на лету, если сидитъ спокойно, держась прямо; сидячее положеніе его имѣетъ что-то внушающее, обнаруживая всего яснѣй гордый покой душнего. Кромѣ человѣка орелъ не имѣетъ враговъ для четвероногихъ животныхъ онъ недоступенъ, а между пернатыми всѣхъ сильнѣе, но если у него нѣтъ настоящихъ враговъ, то есть надоѣдающіе ему недруги, какъ то вороны, сороконуты, ласточки, которыя хотя нимало неопасны сильному орлу, но выражая ему свою ненависть безпрестанными нападками, до того надоѣдаютъ ему, что онъ волею-неволею удаляется во свояси, чтобы только отвязаться отъ этого несноснаго для его гордости сброда. Между мелкими птичками находятся даже такіе смѣльчаки, которые вьютъ свои гнѣзда въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ орлами, и орелъ позволяетъ имъ это именно потому, что не чувствуетъ возможности сладить съ этими маленькими игрунами. Проворство этихъ маленькихъ птичекъ служитъ вѣрнымъ обезпеченіемъ противъ когтей царя птицъ. Дерзость ихъ доходитъ даже до того, что они прыгаются въ самое гнѣздо орла и часто клюютъ даромъ приготовленные имъ для своего семейства запасы, и орелъ при всей силѣ своей чувствуетъ полнѣйшее безсиліе, чтобы наказать этихъ быстрыхъ и укертливыхъ ворищекъ.

Орлиное гнѣздо соотвѣтствуетъ величинѣ птицы, оно быва-

Библиотека "Руниверс"

етъ всегда велико, просторно, привольно и строится у всѣхъ по одному и тому же типу; надо замѣтить однако же, что орлиныя гнѣзда, при всей величинѣ и ширинѣ своей, бываютъ мелки, низки. Большія сучья деревъ, толщиной въ человѣческую руку, служатъ основою гнѣзда, ихъ покрываютъ сверху болѣе тонкія вѣтви; на днѣ же гнѣзда лежатъ всегда самыя тонкія и нѣжныя вѣтки, въ перемежку съ птичьимъ пухомъ и мягкою шерстью разныхъ животныхъ: козъ, овецъ, куницъ, лисицъ и проч. Гнѣздо служитъ орлиному семейству многіе годы, но отецъ и мать ежегодно ремонтируютъ его новымъ пухомъ и шерстью. Самка обыкновенно кладетъ два и рѣдко три яйца, которыя высиживаетъ съ полнѣйшею материнскою любовью, а самецъ въ это время постоянно кружится въ воздухѣ и оберегаетъ свою подругу отъ всякихъ случайностей. Птенцовъ выкармливаютъ общимъ попеченіемъ отецъ и мать, но когда они подростутъ, то родители въ полномъ смыслѣ слова выталкиваютъ ихъ въ жизнь, гдѣ они весело странствуютъ и хищничаютъ, пока не найдутъ себѣ пары и не начнутъ вести жизнь по образцу своихъ родителей. Съ наступленіемъ поры любви орлы тѣшатся обыкновенно въ воздухѣ величественными играми, которыя собственно и служатъ средствомъ сближенія между самцами и самками.

Цвѣтъ орловъ бываетъ большею частію бурый, на крыльяхъ, черныхъ съ внутренней стороны и темнобурыхъ съ внѣшней, бываютъ у плечъ два большихъ бѣлыхъ пятна.

Н. Зуевъ.

Взятіе Божіей Матери на небо, картина Мурильо.

Въ настоящемъ нумерѣ «Нивы», мы помѣщаемъ копію съ произведенія, которое составляетъ самую большую гордость испанской школы, и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ Луврскомъ музеѣ, въ Парижѣ.

За «Взятіе Божіей матери на небо», Мурильо былъ справедливо прозванъ Кастильскимъ Рафаэлемъ. Дѣйствительно, въ этой картинѣ, глубокій смыслъ композиціи и сила колорита соединяются съ нѣжностью и мягкостью контуровъ, восхищающихъ насъ въ великомъ итальянскомъ художникѣ.

Воспользуемся здѣсь случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о Мурильо: онъ родился въ Севильѣ 1-го января 1618 г. Будучи еще ребенкомъ, онъ выказывалъ удивительный талантъ къ живописи, но его учитель, Жуанъ Кастильскій, переѣхалъ въ Кадиксъ, и Мурильо, оставшись безъ руководителя, сталъ рисовать знамена и дешевыя картинки, отправляемыя въ Америку. На шестнадцатомъ году отъ роду, въ немъ родилось непреодолимое желаніе посѣтить Италію, но недостатокъ средствъ дѣлалъ такое путешествіе совершенно невозможнымъ. Наконецъ, молодой Мурильо, собираетъ сколько возможно денегъ, покупаетъ холстъ, раздѣляетъ его на множество квадратиковъ, и рисуетъ на нихъ картинки божественнаго содержанія, цвѣты, плоды, и проч. Пашелся и торгашъ старыми картинами, который купилъ его произведенія, и съ скромной суммой отъ этой продажи, молодой человѣкъ пустился въ дорогу, безъ вѣдома родителей и знакомыхъ.

Онъ пріѣхалъ прежде всего въ Мадридъ, обратился тамъ къ художнику Веласкезу, своему земляку, и сообщилъ ему свои планы. Веласкезъ принялъ его очень ласково далъ ему прекрасные совѣты, ободрилъ его и отговорилъ отъ поѣздки въ Римъ; кромѣ того, онъ оказалъ молодому художнику еще болѣе существенную услугу, доставивъ ему много работы въ Эскуріалѣ и разныхъ мадридскихъ дворцахъ.

Черезъ три года, въ 1645 г., Мурильо возвратился въ свой родной городъ Севилью. Первое время на него не обратили тамъ особеннаго вниманія, но вскорѣ, всякая картина выходившая изъ подъ его кисти, поражала удивленіемъ всѣхъ, и онъ не замедлилъ пріобрѣсти болѣе чѣмъ независимое состояніе. Однако, онъ былъ далекъ отъ того, чтобы неглижировать своимъ талантомъ, какъ это часто дѣлаютъ художники вошедшіе въ моду, напротивъ: онъ постоянно совершенствовался болѣе и болѣе.

Мурильо умеръ 3 апрѣля 1682 г., вслѣдствіе ушиба, полученнаго имъ при паденіи съ подмостковъ въ церкви одного монастыря въ Кадиксѣ, гдѣ онъ исполнялъ свою знаменитую композицію «Обрученіе св. Екатерины».

Приведемъ въ заключеніе одну черту изъ жизни великаго художника, показывающую все могущество искуства надъ впечатлительной его душой.

Разсказываютъ, что однажды, въ Севильѣ, Мурильо лежалъ, распростертый у подножія главнаго алтаря въ церкви, забывшись въ высокомъ экстазѣ передъ «Снятіемъ со креста» Кампана, картины, висѣвшей тогда надъ гробницей знаменитаго живописца. Когда пришла пора запирать церковь, сторожъ подошелъ къ Мурильо и просилъ его удалиться. Художникъ остается неподвижнымъ: — «Чего же вы ждете?» — спрашиваетъ сторожъ.

— Я жду, отвѣчалъ Мурильо, когда эти святые отвяжутъ Христа отъ креста.

Онъ до такой степени перенесся въ это время въ среду дѣйствія драмы, происходившей на Голгоѳѣ, что совершенно потерялъ сознаніе дѣйствительности. Въ С. П. Б. Эрмитажѣ, послѣ Испаніи богатѣйшемъ изъ всѣхъ галлерей Европы, картинами Мурильо, считается ихъ не менѣе 25. Нечего и говорить, что не всѣ онѣ одинаковой силы, степени и достоинства. Первое мѣсто между ними занимаетъ какъ и въ Луврѣ, тоже «Вознесеніе Божіей Матери» съ превосходными группами ангеловъ и неземнымъ восторгомъ лица Богоматери.

Паденіе Константинополя въ 1453 году.

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, представитель Ислама въ Европѣ, султанъ Стамбула, а съ нимъ вмѣстѣ и вся Турція, была названа больнымъ человѣкомъ. Въ дѣйствительности «больной человѣкъ» былъ таковымъ гораздо ранѣе того времени, когда въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I-й впервые охарактеризовалъ этими словами состояніе дѣлъ турецкой Имперіи.

Еще до начала этого столѣтія полумѣсяцъ, эта эмблема турецкаго владычества, потерялъ способность быть «на прибыли» и предлитургійная молитва въ день всеобщаго покаянія: «Да избавитъ насъ Богъ отъ избіенія Турками» не имѣла уже болѣе того значенія, какъ въ тѣ времена, когда бунчуки нашей развѣвались подъ стѣнами Вѣны, а острова Средиземнаго моря, вплоть до самой Сициліи, содрогались предъ турецкимъ флотомъ. Полумѣсяцъ умалялся да умалялся, больной все болѣе и болѣе началъ хирѣть. Разложеніе продолжалось своимъ путемъ: Египетъ, Сербія и родственная ей Черногорія, равно какъ и Румынія, едва еще связаны съ тѣломъ больного, Греція совсѣмъ отъ него отдѣлилась. Изъ Крымской компаніи онъ не вынесъ никакого поученія, европейская культура и международныя права оказались ему недоступными. Больной, у котораго подъ конецъ оказалась и финансовая чахотка, въ безнадежномъ положеніи, и давно перевелъ бы къ усопшимъ и былъ бы погребенъ, если бы Европа, не будучи въ состояніи условиться насчетъ раздѣла наслѣдства, не прибѣгала къ безпрестаннымъ гальванизированіямъ его угасающихъ жизненныхъ силъ. Опять насталъ кризисъ... но можно, по нѣкоторымъ основаніямъ, предположить, что этотъ кризисъ не послѣдній.

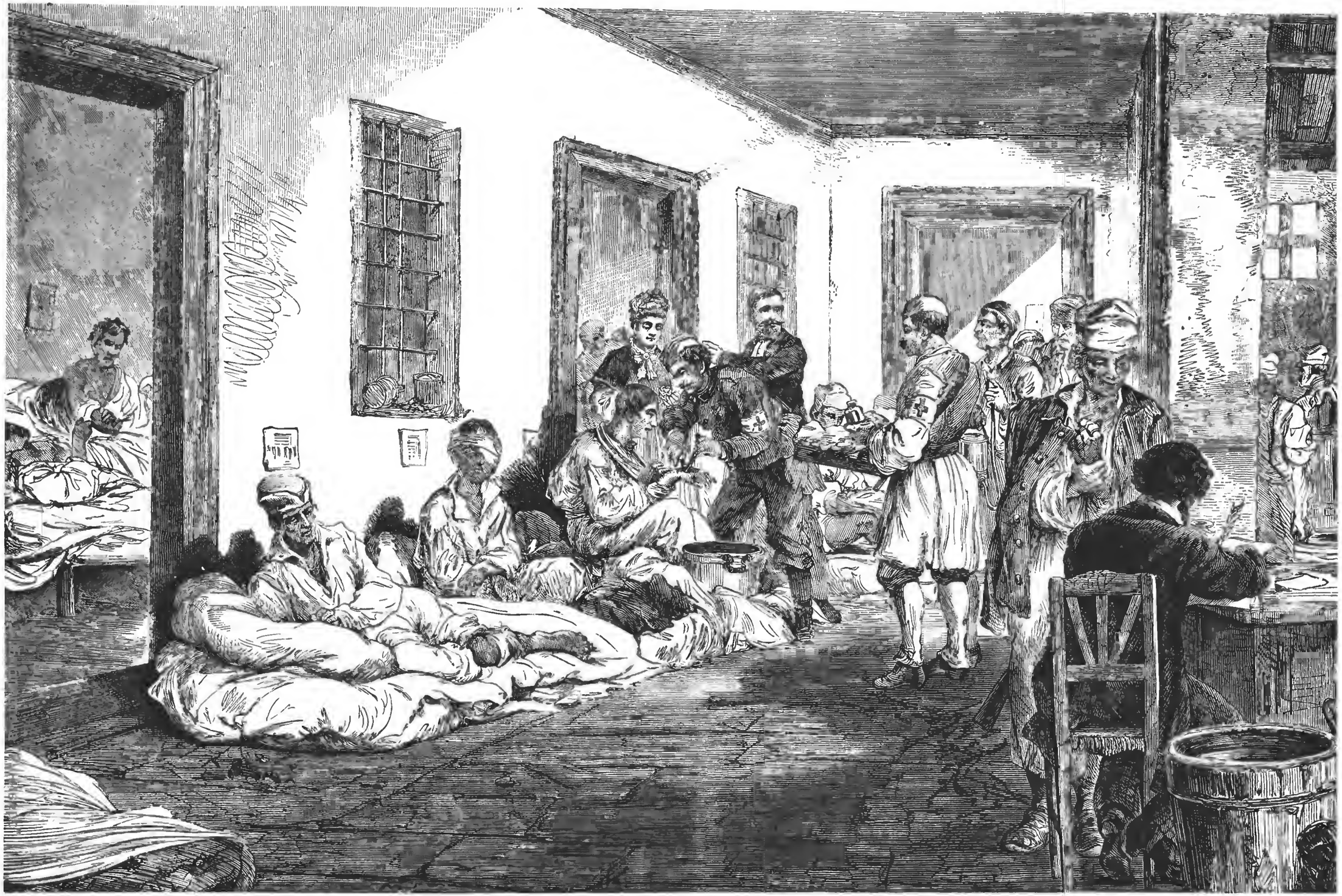
По всей вѣроятности дѣло на этотъ разъ ограничится отдѣленіемъ Босніи, а засимъ процессъ постепеннаго разложенія Турціи до тѣхъ поръ будетъ продолжаться, пока азіятская орда окончательно не покинетъ берега Европы. Чье знамя разовьется тогда надъ Стамбуломъ, извѣстно только Всевѣдущему. Мы довольствуемся тѣмъ, если на немъ будетъ знаменіе Креста. Оно несомнѣнно *будетъ*—но когда? это вопросъ, разрѣшеніе котораго въ настоящее время невозможно.

Но вернемся назадъ, къ тому давнопрошедшему, когда Исламъ, полный юныхъ силъ, оканчивалъ покореніе Восточной Римской имперіи, именно къ завоеванію Константинополя Мухамедомъ II въ 1453 году.

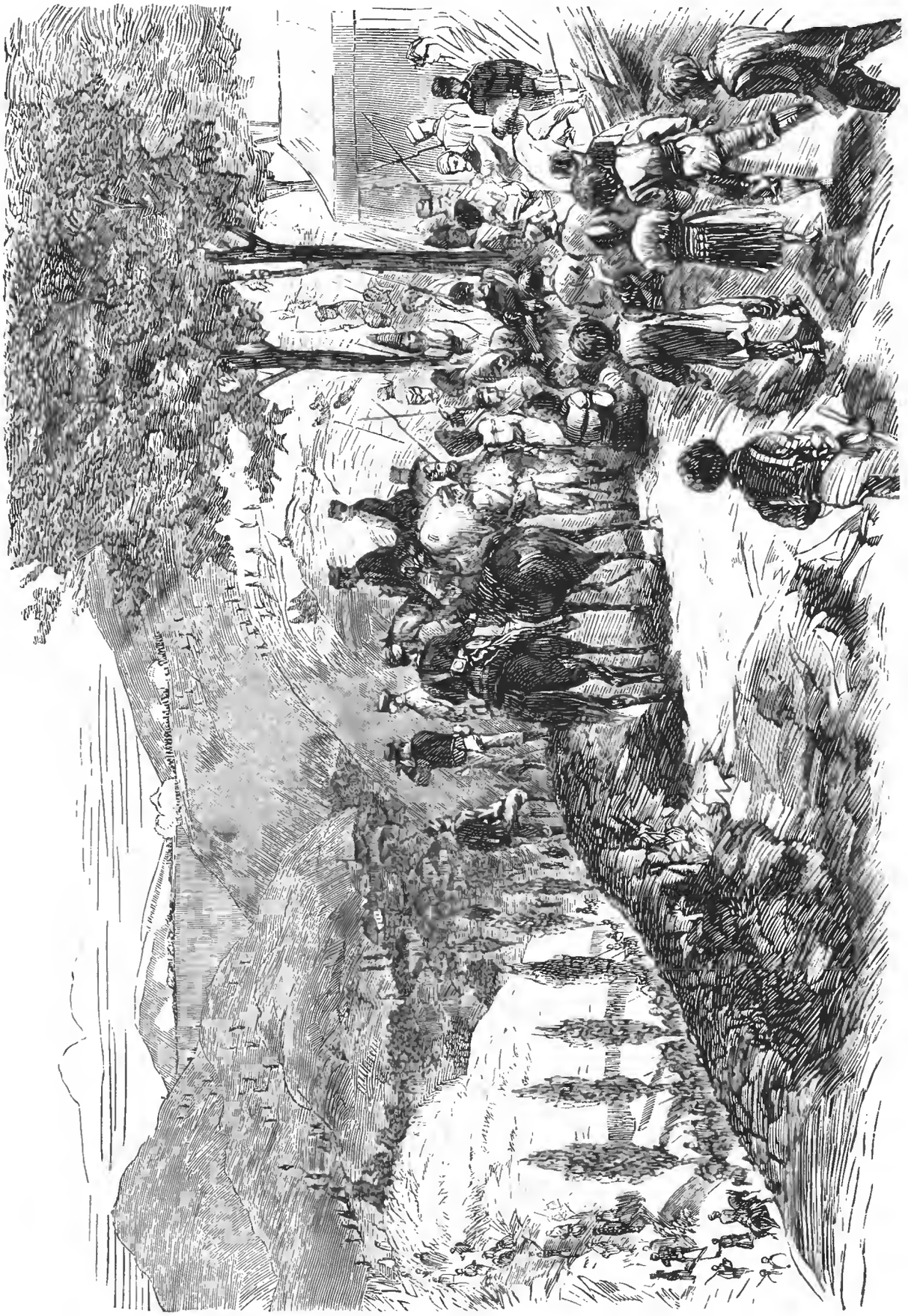
Османы уже давно поселились въ Европѣ и господствовали надъ большею частью Балканскаго полуострова. Оружіе ихъ превратило Византійскую имперію въ три небольшія области, и каждая изъ нихъ имѣла своего властителя; области эти состояли изъ части Мореи, части Малой Азіи съ Трапезундомъ и Константинополемъ съ ихъ окрестностями и нѣкоторыми островами. Турецкимъ султаномъ былъ Мухамедъ, сынъ Мурада II; онъ имѣлъ резиденцію въ Адріанополѣ. Въ Константинополѣ царствовалъ императоръ Константинъ Драгозесъ, изъ рода Палеологовъ. Предмѣстье Галаты, на сѣверномъ берегу Золотого Рога, занимали генуэзцы. Неподлежало сомнѣнію, что и эти три области, составлявшія остатокъ огромнаго царства, простиравшагося когда то отъ Карѳагена и Сициліи до Эвфрата и отъ средняго Дуная до Нильскихъ водопадовъ, будетъ завоевана современемъ турками. Предвидя это, императоръ началъ искать помощи на западѣ, и ему удалось заручиться союзомъ съ венеціанцами, генуэзцами и съ папою. Послѣдній согласился на союзъ подъ условіемъ соединенія церкви греческой съ церковью римской. Императоръ согласился на такое условіе. Этимъ согласіемъ онъ отчуждилъ отъ себя большую часть священнослужителей, а заключеніемъ союза подалъ поводъ Мухамеду начать непріязненныя дѣйствія, замышленныя имъ, по всей вѣроятности, въ первые же дни своего царствованія.

Въ Константинополѣ проживалъ османскій принцъ Орханъ, племянникъ Мухамеда; Мухамедъ платилъ императору за со-

Библиотека "Руниверс"



Военный полевой госпиталь при Парачинѣ. Рис. Келлеръ, грав. Замарскій.



Сраженіе при Казіакѣ 3 Іюля 1876 г. Съ наброска Н. К. рѣзалъ Напіеръ.

Библиотека "Руниверс"

держаніе османскаго принца 300,000 аспоровъ ежегодно. Въ Караменіи вспыхнулъ мятежъ, для усмиренія котораго Мухамеду пришлось лично выступить въ поле. Этимъ случаемъ воспользовался императоръ, онъ отправилъ къ султану посольство съ требованіемъ, удвоить означенную сумму, грозя, въ случаѣ отказа, выставить Орхана претендентомъ на османскій престолъ. Въ виду этой угрозы Мухамедъ съумѣлъ на время скрыть свой гнѣвъ; но, по водвореніи спокойствія въ Малой Азіи, онъ немедленно занялся приготовленіями къ завоеванію Константинополя и уничтоженію Имперіи. Началъ онъ тѣмъ, что лѣтомъ 1452 г. на берегахъ Босфора, близъ Галаты, соорудилъ существующій еще понынѣ замокъ Румили-Гиссари, исполинскія орудія котораго съ 600 фунтовыми ядрами господствовали надъ проливомъ и прекращали всякое сообщеніе Константинополя съ Чернымъ моремъ. Въ то же время флотъ его появился въ Босфорѣ. Во время постройки замка Румили-Гиссари и при немъ крѣпости, между греческими крестьянами и турецкими солдатами возникъ споръ, кончившійся избіеніемъ крестьянъ. Императоръ, извѣстясь объ этомъ, приказалъ запереть ворота города и увѣдомилъ султана, что если война неизбѣжна, то онъ, уповая на Бога, намѣренъ защищаться. Отвѣтъ султана былъ простъ, онъ объявилъ императору войну и приказалъ обезглавить посланныхъ.

Обѣ стороны усердно начали приготовляться къ войнѣ. Живущихъ внѣ города подданныхъ, Константинъ собралъ внутри крѣпостныхъ стѣнъ, укрѣпилъ ихъ, запасся наибольшимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и изъ туземцевъ устроилъ небольшое войско, къ коему присоединились нѣкоторыя вспомогательныя войска изъ Венеціи, Генуи и Рима, равно и нѣсколько христіанскихъ бойцовъ изъ другихъ странъ. Мухамедъ, съ своей стороны, отправилъ войска въ Морею, дабы воспрепятствовать царствующимъ тамъ братьямъ императора, подать ему помощь, въ Болгаріи собралъ огромную армію и поручилъ одному бѣжавшему изъ Константинополя пушечному мастеру, родомъ венгерцу и по имени Орбану, вылить громадную пушку, назначеніе которой состояло въ разрушеніи городскихъ стѣнъ. Пушка эта сначала отправлена была въ упомянутый замокъ Румили-Гиссари, гдѣ въ ноябрѣ 1452 года она однимъ ядромъ потопила венеціанское судно, плывшее изъ Крыма съ ячменемъ въ Константинополь. Капитанъ судна, которому удалось съ экипажемъ спастись на сушу, по приказанію Мухамеда былъ посаженъ на колъ, большая часть экипажа обезглавлена, остальная отпущена.

Императоръ между тѣмъ не щадилъ усилій для успѣшной защиты; но уступчивость его требованіямъ Ватикана, относительно обѣщанія о присоединеніи церкви греческой къ римской, произвела сильное броженіе между греками и лишила его помощи многихъ своихъ подданныхъ. Когда 12 ноября 1452 г. провозглашенъ былъ Генотиконъ, т. е. соединеніе церкви греческой съ римской, и римскій католицизмъ объявленъ господствующей религіей, то даже высшіе сановники оказали сопротивленіе: такъ первый министръ императора, великій герцогъ Лука Нотарасъ, объявилъ, что скорѣе согласенъ видѣть въ городѣ турецкую чалму, чѣмъ римскую митру. Обѣщанная римская помощь оказалась весьма скудною и не вознаграждала потерю народной симпатіи: папскимъ легатомъ Исидоромъ доставлено было императору всего 200 человѣкъ. Гораздо болѣе значенія имѣлъ небольшой отрядъ, прибывшій изъ Генуи подъ начальствомъ Іоанна Гіустиніани и помощь Венеціанцевъ. Всего собралось 2000 иноземцевъ, рѣшившихся оборонять Константинополь отъ наступающаго султана. Число же туземныхъ бойцовъ, включая сюда и нѣсколькихъ вооруженныхъ монаховъ, простиралось до 5000 человѣкъ, такъ что для защиты обширныхъ крѣпостныхъ укрѣпленій въ распоряженіи императора стояло всего 7000 человѣкъ. Къ нимъ присоединился небольшой флотъ изъ 26 кораблей, который однако-жь только въ исключительныхъ случаяхъ могъ отважиться выступить за предѣлы запертой цѣпью гавани Золотого Рога. Къ довершенію всего, генуэзскіе союзники оказались неблагонадежными, что вскорѣ и подтвердилось.

Въ февралѣ 1453 г. турецкое войско, численностію до 150.000 человѣкъ подступило къ обреченному на погибель городу. Громадная пушка Орбана, вѣсившая 300 центнеровъ и бросающая каменныя ядра въ 12 центнеровъ, была отправлена ранѣе. Шестьдесятъ паръ воловъ съ трудомъ тащили ее по уравненной піонерами дорогѣ, и четырехдневный переходъ отъ Адріанополя до Царьграда ей пришлось совершить въ два мѣсяца. Въ тоже время прибылъ въ Босфоръ и черноморскій турецкій флотъ, состоящій изъ 145 кораблей, въ томъ числѣ 12 трехъ-банковыхъ галеръ. 23-го марта самъ султанъ выступилъ изъ Адріанополя, 5-го апрѣля вся турецкая армія находилась подъ стѣнами города, а 6-го, въ пятницу, торжественно объявлено было начало осады. Мухамедъ, съ 15,000 гвардейскими янычарами съ громадной пушкой Орбана и съ двумя меньшими орудіями, открылъ главную квартиру на Мальтевской возвышенности, въ разстояніи почти одной мили отъ вратъ св. Романа; вправо отъ него, до Мраморнаго моря расположилась анатольская, влѣво—до Золотого Рога—Румелійская арміи, а высоты по ту сторону Золотого Рога и за Галатою были заняты войсками подъ начальствомъ Цаганосъ-паши, зятя султана.

Въ тотъ же день императоръ Константинъ покинулъ свой дворецъ и занялъ почетный постъ у вратъ св. Романа, находившихся противъ главной квартиры султана, и доблестно защищалъ его, до самой своей смерти. Іоаннъ Гіустиніани, съ своими генуэзцами, геройски сражался пока не изнемогъ. Родственникъ императора, Донъ Франциско де Толедо, также не покидалъ его. 3000 ратниковъ, изъ коихъ 500 были генуэзцы, защищали этотъ постъ, опаснѣйшій изъ всѣхъ. Остальная часть небольшого, оборонявшаго городъ войска, распредѣлена была по огромному пространству стѣнъ. Нужно упомянуть еще объ одномъ опасномъ мѣстѣ, порученномъ германцу Іоанну Грантъ, и о защитѣ сѣверной части треугольнаго города Римлянами и хіотами подъ начальствомъ легата Исидора. Акрополисъ, нынѣшній сераль, былъ подъ защитою турка Орхана, а палъ частью города, расположенною по южному берегу Золотого Рога, командовалъ великій герцогъ Нотарасъ.

11-го апрѣля постановка турецкихъ орудій была покончена. Двѣнадцать пушекъ большого размѣра угрожали съ отдѣльныхъ пунктовъ, 14 батарей расположились вокругъ стѣнъ. Бомбардированіе началось, сначала безъ особеннаго успѣха. Исполинская пушка Орбана могла дѣйствовать всего семь разъ въ день, такъ какъ заряженіе ея требовало 2 часа, и послѣ краткаго употребленія ее взорвало. Немедленно приступлено было къ отливкѣ новой, и, слѣдуя совѣту одного венгерца, коечто понимавшаго въ артиллерійскомъ искусствѣ, ее можно было снова пустить въ дѣло. До 18-го бой ограничивался небольшими схватками подъ стѣнами, канонада же продолжалась безъ перерыва; въ этотъ день турки предпринимали штурмъ, но послѣ шестичасового боя были отброшены съ большимъ урономъ. Также и день 20-е апрѣля былъ побѣдоноснъ для христіанъ. Четыре корабля, одинъ императорскій и три генуэзскіе, нагруженные пшеницею, ячменемъ, масломъ, виномъ и другими припасами для продовольствія осажденныхъ, вышли изъ Мраморнаго моря и подошли къ восточной оконечности города. Весь турецкій флотъ двинулся имъ на встрѣчу, но не могъ овладѣть ими. Султанъ съ возрастающимъ бѣшенствомъ былъ свидѣтелемъ этой битвы, и когда корабли его подъ мѣткимъ огнемъ грековъ и генуэзцовъ, начали отступать, то онъ какъ бы желая подстрекнуть ихъ и забывши санъ свой, самъ бросился въ воду. Турецкіе корабли вторично произвели нападеніе и вторично были отброшены. Ночью же цѣпь, замыкающая Золотой Рогъ, снялась и двѣ галеры, взявъ на буксиръ судна, такъ храбро отстоявшія свой грузъ, благополучно ввели ихъ въ гавань.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

Полевой госпиталь при Парачинѣ.

Кромѣ главнаго госпиталя въ Бѣлградѣ, оказалось необходимымъ устроить еще нѣсколько походныхъ лазаретовъ по линіямъ расположенія главныхъ сербскихъ силъ. О недостаткахъ медицинскихъ пособій и докторовъ въ Сербіи наше общество знаетъ и уже принесло этому дѣлу значительную помощь. Все русское общество съ глубокимъ сочувствіемъ провожаетъ отправляющіеся одинъ за другимъ на поле битвы санитарные отряды; но значительную помощь въ пополненіи комплекта докторовъ оказали Сербіи, студенты 4-го и 3-го медицинскихъ курсовъ, прибывшіе въ армію изъ Парижа и Вѣны.

Гравюра представляетъ одинъ изъ такихъ походныхъ лазаретовъ въ Парачинѣ. Молодой докторъ общества краснаго креста производитъ операцію раненому, около него сестра милосердія и фельдшеръ. Другой докторъ осматриваетъ больныхъ. Группа раненыхъ расположена на полу на матрацахъ. Въ госпиталяхъ, повидимому, устроена весьма недурная вентиляція; кромѣ того, бочки съ карболовою кислотою и сигары, которыя дозволяется курить пациентамъ, совершенно уничтожаютъ миазмы, столь быстро развивающіеся въ подобныхъ лазаретахъ, и, какъ указываютъ опыты, весьма легко зажигающіе гангренозно оперированныя мѣста ранъ. Впрочемъ, подобные лазареты служатъ только временнымъ помѣщеніемъ для больныхъ: при первой возможности ихъ отправляютъ въ бѣлградскій госпиталь, гдѣ имъ дается болѣе существенная и дѣйствительная помощь.

Въ настоящее время, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ главнымъ управленіемъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, выѣхалъ въ Сербію изъ Петербурга уже второй эшелонъ санитарнаго отряда, состоящій изъ трехъ полевыхъ подвижныхъ лазаретовъ, именно: 1) Лазаретъ, образованный въ Петербургѣ С. П. Боткинымъ на пожертвованія частныхъ лицъ; при немъ семь врачей и четыре фельдшера. 2) Лазаретъ, снабженный на пожертвованія московскихъ старообрядцевъ; при немъ три врача, одинъ провизоръ и семь фельдшеровъ. 3) Лазаретъ, составленный на пожертвованія г-жи Сапожниковой и г. Малюшина; при немъ два врача, два фельдшера, двѣ сестры милосердія и экономка. Сверхъ того, въ тотъ же день отпра-

Библиотека "Руниверс"

вились въ Сербію одинъ врачъ, четыре сестры милосердія и двѣ фельдшерицы на средства петербургскаго дамскаго кружка, два врача и одинъ фельдшеръ на средства княгини Шаховской, графини Бенингсенъ и г. Мекъ, и одинъ врачъ на средства петербургскаго Славянскаго комитета; всего же во второмъ эшелонѣ выѣхало 16-ть врачей, 12-ть фельдшеровъ и 8 фельдшерицъ и сестеръ милосердія; при нихъ 600 пудовъ клади. Первый эшелонъ отправленъ былъ ранѣе, а именно 22 іюля, и почти въ такомъ же числѣ врачей и фельдшеровъ (19 врачей, 8 фельдшеровъ и 24 сестры общины «Утоли моя печали» съ ихъ начальницею).

Само собою разумѣется, что помощь русскихъ своимъ братьямъ славянамъ не ограничивается этимъ, и помимо дѣятельности общества попеченія о больныхъ и раненыхъ, вездѣ, чуть ли даже не въ каждомъ русскомъ городѣ, идутъ щедрыя пожертвованія на святое дѣло.

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, замѣчательны были проводы санитарныхъ отрядовъ. Толпы народа провожали отъѣзжающихъ «на братскую защиту», и массами тѣснились на станціи Варшавской желѣзной дороги, лишь-бы поклониться отъѣзжающимъ. Самое прощаніе было въ высшей степени трогательно: всѣ рыдали, женщины подносили дѣтей, къ сестрамъ милосердія, испрашивая ихъ благословенія; всѣ жали руки отъѣзжающимъ, махали имъ платками, отовсюду слышались всяческія пожеланія, и долго еще по отходѣ поѣзда толпы народы серьезно, сдержано слѣдили за удаляющимися вагонами... Воистину эти люди, посвятившіе себя уходу за ранеными, олицетворяютъ собою картину временъ апостольскихъ, временъ мучениковъ, готовыхъ на все, ради спасенія ближнихъ.

Сраженіе при Казіакѣ.

Приближаясь къ передовымъ укрѣпленіямъ Бабиной Главы, моравская армія, состоящая подъ командою генерала Черняева (начальникомъ главнаго штаба котораго служитъ русскій полковникъ Беккеръ) выдержала 3-го іюля упорное сраженіе съ турками при Казіакѣ. Черкесы имѣли тутъ чрезвычайно выгодную позицію, занимая господствующія надъ мѣстностью высоты и укрѣпившись въ самомъ селеніи. Сербскія войска рвались сразиться съ черкесами и выбить ихъ изъ селенія. Генералъ Черняевъ, присутствовавшій при этой битвѣ лично и съ начальникомъ своего главнаго штаба, какъ это и изображено на нашей картинкѣ, отдалъ приказаніе зайти непріятелю въ тылъ. Съ большими усиліями, но быстро, исполненъ былъ этотъ маневръ, и сербы, не смотря на отчаянное сопротивленіе черкесовъ, выбили ихъ изъ позицій и взяли селеніе. Не надо, конечно, говорить, что ни имущество черкесовъ, ни жены ихъ, ни дѣти не подверглись никакой опасности и ничего не почерпнули отъ сербскихъ войскъ, а, напротивъ, бѣдные еще получили посильную помощь, плѣнники же, томившіеся въ неволѣ, — выпущены на свободу. Сраженіе это взволновало болгарскихъ поселянъ Старой Планины, и войска генерала Черняева пріобрѣли нѣсколькихъ новыхъ добровольцевъ-болгаръ. На первомъ планѣ прилагаемаго рисунка читатель видитъ самого генерала Черняева съ подзорною трубою въ рукахъ, а рядомъ съ нимъ — начальника его главнаго штаба полковника Беккера. Личность полковника Беккера и его военная карьера довольно интересны. Полковникъ русской службы, Беккеръ финско-русскаго происхожденія; онъ служилъ у несчастнаго мексиканскаго короля Максимиліана и состоялъ въ мексиканскомъ войскѣ предводителемъ волонтеровъ. Передъ поступленіемъ своимъ въ сербскіе военачальники, Беккеръ былъ египетскимъ офицеромъ и назывался «Бекеръ-Бей». Хладнокровный и искусный военачальникъ, Беккеръ побывалъ во многихъ арміяхъ и вотъ, наконецъ, ему пришлось послужить дѣлу славянъ вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ. За обоими ими блестящее военное прошлое, и дай Богъ, чтобы и настоящія ихъ усилія и жертвы увѣнчались должнымъ успѣхомъ.

До сихъ поръ результаты войны еще не выяснились достаточно, до сихъ поръ слѣдящій съ напряженіемъ за этою войною міръ не знаетъ — на чью сторону склонится успѣхъ... Положеніе дѣлъ въ Сербіи до послѣдняго времени не было особенно блистательно. Армія ея, раздѣленная на множество отрядовъ и растянутая на огромное пространство по границамъ, не могла успѣшно дѣйствовать противъ турокъ, руководимыхъ англійскими и австрійскими офицерами, и только одушевленіе и безпримѣрная храбрость сербовъ склоняли успѣхъ на ихъ сторону. Но теперь, съ назначеніемъ генерала Черняева главнокомандующимъ всею сербскою арміею, планъ войны измѣнился, получилъ единство дѣйствій и вообще поправился. Генералъ Черняевъ сосредоточиваетъ войска въ одномъ пунктѣ и приготовляется теперь къ генеральному сраженію. Съ трепетомъ ждемъ извѣстій объ результатахъ этихъ битвъ и возлагаемъ горячія и твердыя надежды на успѣхъ сербскаго оружія.

Rus.

Библіографія

Исторія царства Османлисовъ за послѣднее десятилѣтіе. Карла Шмейдлера. (Geschichte des Osmanischen Reiches im letzen Iahrzehnt von Dr. phil W. F. Carl. Schmeidler) 1875.

Европейскихъ писателей, писавшихъ и пишущихъ о Турціи, можно раздѣлить на два разряда: туркофиловъ и безпристрастныхъ изслѣдователей. Первые стараются всевозможнымъ образомъ скрыть язвы этого, почему-то нѣжно любимаго ими, полуразвалившагося, полу-живого трупа, вспоминая (часто весьма не кстати) славныя времена аравійской литературы и поэзіи, возникшей изъ нѣдръ ислама. Вторые,—излагая объективно и безпристрастно исторію господства Османлисовъ въ Европѣ, единодушно приходятъ къ тому выводу, что въ настоящее время существуютъ всѣ симптомы окончательнаго разложенія Турціи, что царство Османлисовъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой существуетъ теперь, продолжаться не можетъ и что всѣ его усилія ввести въ свою государственную жизнь разныя реформы и даже конституцію на европейскій ладъ — составляютъ просто-на-просто послѣднюю агонію, отчаянную борьбу за существованіе...

Карлъ Шмейдлеръ принадлежитъ къ безпристрастнымъ писателямъ о Турціи. Мало этого: во многихъ мѣстахъ своей книги онъ проникнутъ глубокимъ негодованіемъ на «дикую орду», господствующую въ одномъ изъ роскошныхъ и плодороднѣйшихъ уголковъ Европы, орду, хотя и залакированную на европейскій манеръ, но на самомъ дѣлѣ звѣрски-полудикую. Даже внѣшняя фигура турка, напр. строеніе его черепа, черты лица, съ теченіемъ вѣковъ облагородились, благодаря смѣшенію ихъ съ различными другими народностями. Напримѣръ сожитіе съ гречанками и черкешенками, покупаемыми для гаремовъ, давало турку красивыхъ дѣтей; такимъ образомъ, по закону наслѣдственности, выработался довольно красивый типъ турецкой женщины и мужчины. Далеко не пропорціонально съ этимъ улучшеніемъ типа культурное развитіе турка. Оно весьма весьма немногимъ ушло впередъ, чѣмъ было пять вѣковъ тому назадъ. Противъ вторженія общечеловѣческой культуры первый охранитель — коранъ.

Идея европейскаго равновѣсія — это та идея, которая заставляла европейскія державы поддерживать Турцію на перекоръ, или по крайней мѣрѣ противъ воли Россіи, утверждаетъ Шмейдлеръ. Но послѣ франко-прусской войны (1870 – 71 г.) эта идея была глубоко потрясена. Всякому государству, повидимому, развязаны были руки—преслѣдовать свои интересы. Послѣ паденія Наполеона III Франція утратила всякій интересъ поддерживать Турцію; Англія же, послѣ потери своего знаменитаго союзника по крымской компаніи, утратила большую часть своего авторитета въ восточномъ вопросѣ. Но съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдила за восточнымъ вопросомъ Австрія: она дрожала за цѣлость Турціи. И какъ ей было оставаться равнодушною! Вѣдь стремленія славянъ къ самостоятельности отняло бы у ней значительную часть ея силы!.. Вотъ это-то противодѣйствіе западныхъ державъ и Австріи славянскимъ стремленіямъ и распаденію Турціи до франко-прусской войны,—и это же противодѣйствіе со стороны только одной Австріи, съ 1871 года, и обусловливаетъ относительный интересъ исторіи Турціи за послѣднее десятилѣтіе. Въ послѣднія пять лѣтъ восточный вопросъ вступилъ въ новую фазу: разрѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію Шмейдлера, составляетъ теперь только вопросъ времени. Это Гордіевъ узелъ, только ждущій энергической развязки, т. е. мечемъ. Назадъ тому пять лѣтъ еще могли бы говорить, что такимъ разрѣшеніемъ Гордіева узла было бы оскорблено международное право (международное право въ примѣненіи къ Турціи!..) Теперь это опасеніе не имѣетъ мѣста.

Книга Шмейдлера, не смотря на сравнительно небольшой объемъ—296 стран. довольно убористой печати—содержитъ въ себѣ полное изложеніе исторіи Османскаго господства въ Европѣ. Картина современной Турціи, т. е. картина ея разложенія нарисована весьма живо, рельефно, энергическими штрихами. Есть что-то роковое въ многочисленныхъ, страшныхъ конвульсивныхъ припадкахъ усилившейся болѣзни пресловутаго *«больного»* человѣка. Совершенно истощенные финансы, отсутствіе кредита, мотовство, безпримѣрное въ новой исторіи, возмущенія въ Аравіи, смуты и преслѣдованія христіанъ въ Сиріи тифъ, голодъ и другія бѣдствія въ малой Азіи, возрастающее ожесточеніе религіознаго фанатизма, вражда съ сосѣдями — всѣ эти симптомы усиливались въ Турціи въ послѣднее десятилѣтіе съ поражающею быстротою.

Библиотека "Руниверс"

За то этотъ видъ трупа, пытающагося жить во что бы то ни стало, но обнаруживающаго только спазматическія движенія вмѣсто здоровыхъ,—контрастируется свѣжими и мощными элементами, какіе представляютъ христіанскія провинціи Балканскаго полуострова. Съ замѣчательнымъ искусствомъ очерчиваетъ Шмейдлеръ прекрасное равновѣсіе государственно-экономическихъ элементовъ Сербіи, съ мужествомъ льва, возставшей, на нашихъ глазахъ, на защиту себя и своихъ братьевъ. По равновѣсію соціальныхъ элементовъ, по словамъ Шмейдлера, Сербія представляетъ рѣшительно единственный примѣръ. Въ ней нѣтъ и не было ни крѣпостниковъ, ни крѣпостныхъ, ни дворянства, ни крестьянъ, а есть только одинъ классъ гражданъ. Сербъ (т. е. собирательное имя народа) владѣетъ своею землей какъ безраздѣльной собственностью.

Причиною замѣчательной бѣдности Турціи государственными людьми, и особенно въ новѣйшее время, Шмейдлеръ считаетъ неподвижную природу самого ислама и его сковывающія предписанія. Самымъ образованнымъ туркомъ, и государственнымъ человѣкомъ въ европейскомъ смыслѣ слова авторъ считаетъ Фуада-пашу. Эта многосторонняя европейская образованность поставила Фуада-пашу въ разрядъ первоклассныхъ европейскихъ дипломатовъ. За тѣмъ, считавшійся великимъ человѣкомъ Аали-паши, по мнѣнію автора, не заслуживаетъ своей славы, хотя потеря Турціи, произведенная его смертью громадна, потому что этотъ человѣкъ способенъ былъ внести порядокъ въ турецкую безурядицу.

Желающихъ, однако, познакомиться съ такимъ имѣющимъ современный интересъ предметомъ, какъ исторіи Турціи въ послѣднее десятилѣтіе, отсылаемъ къ самой книгѣ Шмейдлера. Что касается общеисторическихъ фактовъ имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Турціи и разработанныхъ съ надлежащею критикою, – то въ этомъ отношеніи лучше всего могутъ быть рекомендованы труды *Шлоссера* въ его исторіи XVIII вѣка и Гервинуса въ исторіи XIX вѣка, результатами которыхъ, а также трудами Цинкейзена, Розена, Гаммера-Пургшталя и проч. пользовался г. Шмейдлеръ.

М. Стратилатовъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящую минуту, въ общемъ направленіи политики происходитъ переломъ. Главный столпъ и вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ принципа «невмѣшательства», имѣвшаго скорѣе характеръ и значеніе дружественнаго для Турціи «вмѣшательства», — сэръ Беньяминъ Дизраэли сошелъ со сцены. Самое имя это исчезло подъ звучнымъ титуломъ графа Биконсфильда.

Мы уже имѣли случай высказать, что планъ Дизраэли былъ основанъ на предположеніи быстрыхъ побѣдъ оттомановъ, которые, согласно желанію и ожиданіямъ его, должны были покончить съ Сербіей въ нѣсколько ударовъ. Но—разсчетъ этотъ не оправдался. Между тѣмъ стчаянные стоны христіанъ, массами избиваемыхъ турками, продолжали, и до сихъ поръ продолжаютъ доноситься до слуха возмущенной Европы. Въ виду такихъ неудачъ «дальновидной и гуманной» политики Дизраэли, онъ сдѣлался невозможнымъ въ роли руководителя судебъ восточной (и не одной восточной) части Европы—и ему предложено спокойное кресло въ палатѣ пэровъ, съ графской короной въ видѣ золотой пилюли.

Послѣдствія этой перемѣны уже начинаютъ оказываться. Такъ пресса (и оффиціозная) подтверждаетъ слухъ о томъ, что британскому агенту въ Бѣлградѣ поручено передать князю Милану, что если онъ обратится къ державамъ съ просьбой о посредничествѣ, то такое его желаніе будетъ встрѣчено благопріятно, и кабинетъ ея величества охотно приметъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Само собою разумѣется, что князь отказался отъ любезнаго предложенія, рѣшившись вести войну до крайности. Но такой шагъ со стороны С.-Джемскаго кабинета прямо указываетъ, что принципъ «невмѣшательства» оставленъ имъ совершенно и что «старый Диззи» (народное прозвище, данное Дизраэли) не имѣетъ уже болѣе общаго съ политикой своего отечества. Если, съ одной стороны, ни перемирія, ни мира не желаетъ князь сербскій—то, съ другой, не желаютъ ихъ и сами турки. Они, въ особенности въ послѣднее время, высоко подняли голову и, считая уже себя окончательными побѣдителями, рѣшаютъ участь княжества. По отзывамъ иностранныхъ корреспондентовъ, въ Константинополѣ слѣдуетъ опасаться народнаго волненія въ тотъ моментъ, когда наступитъ горькое разочарованіе.

Турки слишкомъ рано празднуютъ побѣду. Въ сущности, они зашли очень недалеко внутрь Сербіи, они имѣли дѣло съ второстепенными силами славянской арміи. Главныя же силы, подъ начальствомъ генерала Черняева, занимаютъ линію Алексинацъ-Луково-Парачинъ, причемъ въ Алексинацѣ сербы угрожаютъ корпусу Мехмета-Али-Паши, въ Луковѣ – корпусу Эюба-Паши и въ Парачинѣ—корпусу Османа-Паши.

Армія генерала Черняева занимаетъ, къ тому же, чрезвычайно выгодную позицію въ горной мѣстности, представляющей естественныя средства обороны. Если же мы вспомнимъ, что бригада Хорватовича цѣлыхъ 5 дней выдерживала натискъ превосходившихъ ея численностью оттоманскихъ войскъ у Княжеваца, то едва ли турки могутъ разсчитывать на какой либо успѣхъ при другихъ условіяхъ.

До сихъ поръ, всѣ усилія турокъ прорваться съ юго-запада остаются безуспѣшными. 2-го августа, отрядъ въ 5-ть тысячъ оттомановъ напалъ на войска Чолокантича у Янковой Клиссуры, но былъ имъ, послѣ 5-ти часоваго сраженія, разбитъ на голову, побѣдители, затѣмъ, окружили турокъ у Явора. Въ то же время черногорцы продолжаютъ свое дѣло. 3-го они, въ упорной и кровопролитной битвѣ у Кучима, уничтожили вторую турецкую армію, посланную противъ нихъ. Вотъ подробности, этой битвы. «Турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Махмуда-паши, состоялъ изъ 20-ти тысячъ низамъ и баши-бузуковъ; черногорцевъ подъ командой Петровича, было 5-ть тысячъ. Турецкое войско было сломлено первымъ же натискомъ при крикахъ «ура!» Послѣдовала неслыханная сѣча, черногорцы и турки перемѣшавшись, дрались въ теченіе 3-хъ часовъ холоднымъ оружіемъ, турки были преслѣдованы отъ Медуна, чрезъ Диношъ, до Подгорицы. Убитыхъ и раненыхъ болѣе 10-ти тысячъ. Каждый черногорскій батальонъ истребилъ болѣе 1000 турокъ, мартиницкій—2 тысячи. Нѣкоторыя юнаки (герои) изрубили до 100-ти турокъ, Новакъ Милошъ, тѣлохранитель князя, изрубилъ 17. Захвачена чрезвычайно богатая добыча. Такого кровопролитнаго сраженія еще не происходило. Эта—по числу потерь, самая блестящая побѣда, изъ одержанныхъ до сихъ поръ. Черногорцы взяли множество знаменъ и оружія. По послѣднимъ извѣстіямъ, князь Николай выступилъ съ 10-ю батальонами къ Албаніи, возложивъ главное начальство въ Герцеговинѣ на Вукотича. Мухтаръ-паша окончательно запертъ въ Требинье и совершенно отрѣзанъ отъ остальныхъ — довольно слабыхъ—оттоманскихъ отрядовъ, дѣйствующихъ въ Герцеговинѣ. Мы съ особою радостью привѣтствуемъ появившееся на этихъ дняхъ извѣстіе о томъ, что «согласно рѣшенію сербскаго правительства и заключенному князьями Николаемъ Черногорскимъ и Миланомъ Сербскимъ договору, война будетъ энергически ведена до совершеннаго освобожденія сербской націи». Только единодушіе, только непреклонное стремленіе къ высокой цѣли доставятъ успѣхъ одинокимъ во всемъ мірѣ славянамъ...

СОДЕРЖАНІЕ: **М. А. Марновъ** (съ по. третомъ).—**Встревоженный городъ.** (Картины губернской жизни). (Окончаніе) **Д. Стахѣева.** — **Восточные отголоски** (стихотворенія) **Щ.** — **Корыстный поцѣлуй** (съ рисункомъ). — **Архимандритъ Дучичъ, предводитель сербскихъ добровольцевъ** (съ портретомъ). **Rus.** — **Благородный или царственный орелъ** (съ рисунковъ). **Н. Зуева.**—**Взятіе Божіей Матери на небо, картина Мурильо** (съ рисункомъ) —Паденіе Константинополя въ 1453 году.—**Полевой госпиталь при Парачинѣ** (съ рис.).—**Сраженіе при Казіанѣ** (съ рис.). **Rus.**—Библіографія. **М. Стратилатова.**—Политическое обозрѣніе.—Объявленія.—Почтовый ящикъ

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА
въ Рягѣ.

Имѣетъ честь увѣдомить гг. любителей, что новые иллюстрированные каталоги деревьямъ, растеніямъ, цвѣточнымъ луковицамъ и проч., на 1876 г., изданы и разсылаются безплатно по требованію. 5—1

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ **Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена.** 50—48

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поступившіе въ редакцію, въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, собранные М. М. Жуковскимъ, въ Кишиневѣ,—29 р. 60 к., отъ Г. П. Делянчъ-де-Лаваль, въ Петербургѣ, 13 р., отъ М. З. и У. У. Делянчъ-де-Лаваль, въ Петербургѣ,—12 р., отъ служащихъ ст. «Сосѣдка» Моршанско-Сызранской ж. дороги—12 р., отъ А. Слесарева, въ Ольгополѣ,—3 р., и отъ розничныхъ торговцевъ гостиннаго ряда въ г. Бѣлгородѣ 100 р., а всего 169 р. 60 к., сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ чемъ имѣются квитанціи Управленія за №№ 527,736 и 989.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 13 Августа 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** В Спб., Больш. Морская, № 9. Тип. Вольфа, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 34 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 23 Августа 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

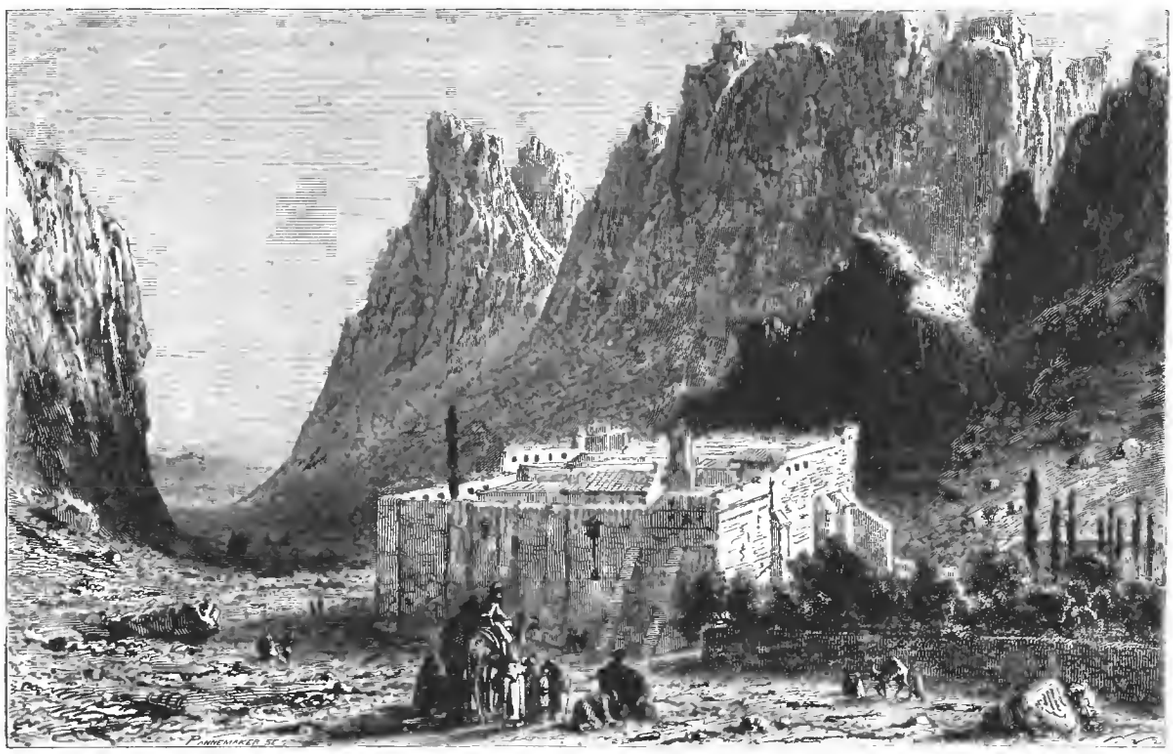
I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ: **4** р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ **5** р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. **И. Гр. Соловьева, А. Лангъ** и **Живаварева 4 р. 50 к.** IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи **5 р. 50 к.** На полгода безъ доставки **2** р., доставкою **2 р. 50 к.**, съ пересылкою иногороднымъ **3** р. **Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.**

Гора Синай и синайскій монастырь

Гора Синай—это одно изъ тѣхъ святыхъ мѣстъ, съ воспоминаніемъ о которыхъ неразрывно связано наше представленіе о колыбели христіанства. Здѣсь совершилось то знаменитое въ исторіи ветхаго завѣта событіе, которое легло основнымъ камнемъ въ послѣдующемъ развитіи христіанства. По истинѣ гора Синай—«Святое мѣсто», но увы! не только гора Синай, но и всѣ другія дорогія для христіанства «святыя мѣста»: Іорданъ, Вифлеемъ, Іерусалимъ—всѣ они принадлежатъ не христіанскому міру, а тѣмъ его врагамъ, о звѣрскихъ, безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ которыхъ не только въ прежнее время, но даже теперь, въ настоящіе дни, доходятъ до насъ ужасающія вѣсти.

«Ужь близко Николай у цѣли былъ, но Богъ еще отсрочилъ мигъ»... Такъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи нашъ поэтъ А. Н. Майковъ. Наступаетъ ли этотъ мигъ теперь, или, по словамъ евангелія, «будутъ послѣдняя горшее первыхъ»—предрѣшить никто не можетъ.

Будемъ пока жить воспоминаніемъ прошлаго.



Гора Синай и синайскій монастырь. Съ фотогр. грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Ни одна страна въ мірѣ не была столько разъ изслѣдована и описана, какъ *Палестина*, а вмѣстѣ съ нею *сѣверный Египетъ* и *Синайскій полуостровъ*. Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ благочестивые пилигримы отправлялись туда на богомолье, и описанія ихъ путешествій, сдѣланыя на старинномъ языкѣ, не утратили еще и теперь своей прелести и интереса. Въ новое время литература о Святой Землѣ и сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ разрослась до громадныхъ размѣровъ; посвященные и непосвященные, ученыя общества, именно въ Англіи, снаряжаютъ цѣлыя экспедиціи, снабженныя значительными средствами, для изслѣдованія со всевозможныхъ сторонъ и во всевозможныхъ отношеніяхъ театра библейской исторіи. Между вновь появившимися сочиненіями по этому предмету, особенно видное мѣсто занимаетъ книга лейпцигскаго профессора Эберса: «*Durch Gosen zum Sinay*», въ которой описывается переходъ дѣтей Израиля изъ Египта къ Синаю. А такъ какъ профессоръ Эберсъ занимается изслѣдованіемъ египетскихъ древностей, то исторія исхода является у него и съ точки зрѣнія египтологіи—онъ показываетъ намъ, какъ древне-египетскія грамоты, написанныя тысячи лѣтъ тому назадъ, іероглифами, подтверждаютъ до мельчайшихъ подробностей сказанія библіи, касательно исхода евреевъ, причемъ онъ самъ идетъ по той же дорогѣ, по которой прошли нѣкогда подъ предводительствомъ Моисея дѣти Израиля, и доказываетъ, что каждая отдѣльная черта библейскаго описанія исхода израильтянъ въ состояніи выдержать историческую критику.

Прослѣдимъ нѣкоторыя данныя.

Израильтяне жили въ *Гесемѣ*, занимавшемъ восточную часть дельты Нила и простиравшемся отъ нынѣшняго Каира на югѣ до Средиземнаго моря; въ немъ было множество городовъ, между которыми самыми замѣчательными были: на сѣверѣ:—Геліополь, а на югѣ—Пелузій, Рамзесъ и Таписъ. Въ этой плодоносной мѣстности евреи множились съ такою поразительною быстротою, что грозили сдѣлаться опасными для господствующаго народа, египтянъ. Фараонъ поручилъ «гражданскимъ чиновникамъ и корпусу жандармовъ» строго наблюдать за пришельцами. Древнеегипетскіе памятники называютъ даже по имени нѣсколько деревенскихъ старостъ, а также заключаютъ въ себѣ изображенія и надписи, показывающія намъ евреевъ, занимающихся выдѣлкой и складкой кирпича, а подлѣ нихъ упомянутыхъ выше чиновниковъ, которые наблюдаютъ надъ евреями, погоняютъ и бьютъ ихъ. Подъ однимъ изъ этихъ древнихъ изображеній находится слѣдующая надпись іероглифами: «Плѣнные, прикомандированные по приказанію Его Величества къ постройкѣ храма Аммона». Это представляетъ точное подтвержденіе 13 и 14 стиховъ II книги Моисея, гл. I, «И насиліе творяху египтяне сыномъ израилевымъ нуждею, и болѣзненну тѣмъ жизнь творяху въ дѣлѣхъ жестокихъ, брсніемъ и плинооодѣланіемъ». Затѣмъ въ 5, 7 и 8 главахъ, рѣчь идетъ о томъ, что евреи должны были собирать отовсюду солому, которую они примѣшивали къ кирпичамъ, и дѣйствительно, въ Гесемѣ найдены древнеегипетскіе кирпичи, сдѣланные съ примѣсью рѣзаной соломы.

Изслѣдованіе египетскихъ древностей передаетъ намъ даже имена тѣхъ двухъ фараоновъ, въ царствованіе которыхъ пришлось пострадать израильтянамъ. Рамзесъ II, извѣстный у грековъ подъ именемъ Сезостриза, могущественный властелинъ, великій воинъ и строитель, былъ фараономъ-угнетателемъ, и время его юности совпадаетъ со временемъ юности Моисея.

Въ его царствованіе произошло гоненіе на евреевъ, у которыхъ было приказано отнимать и бросать въ рѣку всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ и чудесное спасеніе Моисея отъ водъ Нила.

Моисей, какъ извѣстно, послѣ бѣгства въ Мадіамъ, является во дворецъ фараона (будучи уже 80 лѣтъ) съ требованіемъ, чтобы тотъ отпустилъ по приказанію Божію евреевъ въ пустыню. Но фараонъ, отвергающій требованіе Моисея и приказывающій обременить израильтянъ еще тягчайшими работами, уже не великій Рамзесъ, какъ показываютъ намъ египтологи, а его слабый сынъ *Мернефта*. Онъ боялся, чтобы евреи не соединились съ его врагами на востокѣ и запрстилъ имъ выходить изъ Египта. Тутъ слѣдуютъ небесныя казни, но Мернефта не уступаетъ до тѣхъ поръ, пока не исполняется страшная угроза Моисея и не умираетъ «всякъ первенецъ въ земли Египетстѣй, отъ первенца Фараонова и даже до первенца рабыни и до первенца всякаго скота». Одна надпись на колоссѣ Узортезена I, сохраняющемся въ египетскомъ дворѣ берлинскаго музеума, подтверждаетъ, что фараонъ потерялъ еще при жизни сына, называвшагося, подобно ему, Мернефтою.

Наконецъ настаетъ исходъ, за которымъ ученый Эберсъ, держась библіи и египетскихъ памятниковъ, слѣдитъ до мельчайшихъ подробностей на мѣстѣ событій. Оказывается, что библейскія описанія сдѣланы съ изумительной топографической вѣрностью. Мернефта неохотно отпустилъ евреевъ въ пустыню для совершенія богослуженія; и затѣмъ, чтобы помѣшать ихъ полному бѣгству, онъ долженъ былъ употребить всѣ находящіеся въ его власти средства. Во II книгѣ Моисея (гл. 14, 6—8 ст.) говорится: «И поятъ шестьсотъ колесницъ избранныхъ, и вся кони египетскія, и тристаты надъ всѣми. И ожесточи Господь сердце Фараона, царя египетскаго, и рабовъ его, и погна созади сыновъ израилевыхъ». Египетскіе памятники опять подтверждаютъ библейскія описанія, представляя многочисленныя изображенія воиновъ на колесницахъ, и такимъ образомъ эти изображенія служатъ также фактическимъ подтвержденіемъ словъ Библіи.

Затѣмъ слѣдуетъ чудесный переходъ черезъ красное море именно черезъ самый сѣверный узкій конецъ его, *заливъ Суэцкій*. Эберсъ опредѣляетъ съ точностію это мѣсто и разсказываетъ обстоятельства, при которыхъ произошелъ переходъ, недалеко отъ Суэца. Тамъ-то именно и погибли египтяне, а спасенные евреи отправились утромъ дальше, расположились лагеремъ у моисеева колодца и пропѣли хвалебную пѣснь Богу.

Послѣ этого мы шагъ за шагомъ слѣдимъ за странниками во время ихъ перехода черезъ пустыню. Всѣ обозначенныя въ библіи станціи могутъ быть опредѣлены точнымъ образомъ еще и теперь.

Это трудная, опасная пустынная дорога, гдѣ изнѣжившіеся въ Гесемѣ народъ говоритъ съ испугомъ: «О, если бы мы погибли въ землѣ египетской! Тамъ мы сидѣли передъ котлами, наполненными мясомъ, и ѣли хлѣбъ до сытости» (II книга Моисея 16. 3). Но въ тѣнистомъ тамарисковомъ лѣсу съ его тоненькими зелеными вѣтвями народъ питается *манной*, которой въ книгѣ Эберса посвященъ особый отдѣлъ, опять съ точки зрѣнія египтологіи. Еще и нынѣ изъ этихъ богатыхъ сокомъ кустарниковъ пустыни выходитъ медообразная масса, которая падаетъ на землю тяжелыми каплями и собирается бедуинами, употребляющими ее въ пищу. Уже много прежде, это вещество, извѣстное и теперь еще у аравитянъ подъ именемъ «манъ», считалось пустыннымъ хлѣбомъ евреевъ. И на древнеегипетскихъ памятникахъ оно называется «Мапну». На храмѣ въ Эдфу находится слѣдующая надпись: «Бѣлая манна чрезвычайно похожа на крупинки анты». Крупинками же анты называются бѣлоснѣжные кусочки смолы, выходящіе изъ аравійскихъ деревьевъ и употребляемые для куренія. Часто манна лежитъ подъ тамарисковыми деревьями на подобіе снѣга, слѣдовательно это чрезвычайно точно согласуется съ библейскимъ сравненіемъ манны съ инеемъ (II кн. Моисея, 16, 14). И съ кустарниковъ падаетъ она въ видѣ дождя, таетъ на солнцѣ, точь въ точь, какъ изображено въ библіи.

Все дальше и дальше шли евреи; тутъ поднялась передъ ними гора, открытая грудь и голова которой, замѣтныя еще издали, превышали всѣ сосѣднія вершины. Эта гора, извѣстная теперь подъ именемъ *Сербала* и лежащая на 6720 футовъ выше уровня океана—самая прекрасная и величественная гора на полуостровѣ. «Это, пишетъ Эберсъ, гигантъ, который, предпочтительно передъ всѣми горами востока, можетъ требовать, его называли трономъ Божіимъ.

Горная группа, извѣстная нынѣ подъ именемъ *Синая*, гдѣ находится монастырь св. Екатерины, представляетъ, напротивъ того, собраніе вершинъ, которое, какъ цѣлое, не можетъ произвести никакого впечатлѣнія ни съ которой стороны. Правда, монастырскій Синай выше Сербала: онъ поднимается до 7363 футовъ, но его основаніе лежитъ на 5,000 футовъ выше моря, а основаніе Сербала всего на 2,000 футовъ. Изъ этого выходитъ, что Синай представляется зрителю горой въ 2,363 фута, а Сербалъ—въ 4,720 футовъ.

Съ этими двумя горами соединяется спорный вопросъ: которая изъ нихъ была горою законодательства? Тишендорфъ, Граулъ, Рюппель, Фраасъ, Пальмеръ и другіе ученые стоятъ за монастырскій Синай, а Лепсіусъ, Эберсъ и другіе—за Сербалъ. Тѣ и другіе подтверждаютъ свое мнѣніе извѣстными доводами, и мы предоставимъ рѣшить ученымъ, на которой изъ этихъ двухъ вершинъ Богъ явилъ свое присутствіе въ громѣ, молніи и дымѣ и даровалъ десять заповѣдей ожидающему народу.

Синайскій монастырь (нѣкоторые называютъ его Екатерининскимъ, такъ какъ въ немъ хранятся мощи св. Екатерины)—одна изъ древнѣйшихъ обителей. Надпись на ново-греческомъ и арабскомъ языкахъ на мраморной доскѣ, вдѣланной въ стѣну монастырскую, гласитъ такъ: «Этотъ священный монастырь горы Синая, воздвигнутый на мѣстѣ, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Моисеемъ, построенъ Юстиніаномъ, смиреннымъ Императоромъ Римскимъ, на память вѣчную его и жены его Ѳеодоры; оконченъ на тридцатомъ году ея царствованія и поставленъ былъ игуменомъ. Лѣто отъ сотворенія міра 6121, а отъ Рождества Христова 527».

Монастырь построенъ въ видѣ четырехугольника, на крутой покатости, идущей отъ подошвы Хорива къ разрѣзу ущелья. Главный фасадъ его находится на той сторонѣ, гдѣ устроенъ *воздушный входъ*. Высота стѣнъ не одинакова и соотвѣтствуетъ неровной поверхности мѣста, на которомъ онѣ возвышаются. Лицевыя стѣны кажутся выше прочихъ; онѣ имѣютъ высоты до 6 саж. и болѣе. Углы выступаютъ, и изъ нихъ нѣкоторые закруглены, въ видѣ угловыхъ башенокъ; западный уголъ выше прочихъ и имѣетъ до 8 саж. вышины. Кромѣ угловъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по стѣнамъ, для приданія имъ бо́льшей крѣпости, выходятъ наружу четыреугольные выступы также въ видѣ башенъ. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ поставлены небольшія пушки. У башни западнаго угла находится помѣщеніе эконома, хозяина монастыря по продовольственной части.

Библиотека "Руниверс"

Разсвѣтъ. Картина Арбо, грав. Кличъ и Рошлицеръ.

Библиотека "Руниверс"

У него передъ глазами и долина эръ-Раха съ путемъ изъ Суэца, и садъ монастырскій, для обезпеченія котораго, а вмѣстѣ и подземнаго хода въ монастырь, отъ нападенія арабовъ, въ окнѣ его кельи поставлена одна изъ имѣющихся здѣсь пушечекъ. Нижняя часть стѣнъ, и въ особенности башенъ, сложена изъ огромныхъ камней (известняка и гранита), внѣшняя сторона которыхъ представляетъ плоскость отъ 6—7 квадратныхъ футовъ. Выше было упомянуто о «воздушномъ входѣ». Дѣйствительно, воротъ въ монастырской стѣнѣ нѣтъ, и только вверху лицевой стѣны находится просторное, въ видѣ двери, окно, прикрытое висячею деревянною будкою, служащею ему какъ бы колпакомъ; будка безъ дна и въ верхней части ея укрѣпленъ надежный блокъ, черезъ который перекинута толстая веревка. Желающій посѣтить монастырь долженъ предъявить игумену рекомендательное письмо (отъ архіепископа Константинопольскаго или отъ намѣстника изъ Каира), т. е. привязать пакетъ съ письмомъ къ концу спущенной веревки, а затѣмъ, когда игуменъ разрѣшитъ принять гостя—изъ окна спускаютъ прочный канатъ съ петлей на концѣ (на подобіе лямки), въ которую туристъ и садится. Монахи вдротомъ поднимаютъ гостя, и когда петля остановится у блока—одинъ изъ нихъ притягиваетъ ее къ себѣ и — поднявшійся пилигримъ вступаетъ въ монастырь. Само собою разумѣется, что монастырь имѣлъ ворота, но они задѣланы еще въ то время, когда арабы врывались въ обитель вслѣдъ за богомольцами-странниками и безчинствовали тамъ, требуя «бахшиша»... Да и теперь еще синайскимъ отшельникамъ приходится быть на сторожѣ и зорко поглядывать по сторонамъ, потому что бедуины не прочь учинить грабежъ, если только случай къ этому представится.

Гимнъ славянамъ.

Стихотвореніе Людовика Джиакконе.

(Съ французскаго).

Слышу я бранные крики вдали,
Пушки гремятъ, не смолкая...
Тамъ, по гористымъ дорогамъ, въ пыли,
Движется рать боевая—
То—Герцеговина встала, идетъ!...
Братья, склонимся предъ нею!
Если кровавая жертва нужна—
За христіанъ эта бьется страна,
Жертвуя кровью своею.

Тамъ, среди горъ неприступныхъ, лѣсовъ
Храбрыя дѣти Балкановъ
Подняли знамя, и грозный ихъ зовъ
Въ ужасъ приводитъ тирановъ:
Крикъ «независимость!» кровь леденитъ...
Эти призывные звуки
Будятъ другихъ; это лучъ золотой
Освобожденья отчизны родной...
Вѣрьте, развяжутся руки!

Крику возставшихъ въ горахъ и лѣсахъ
Вторитъ стоустое эхо...
Все-то герои въ славянскихъ рядахъ,
Биться съ врагомъ имъ утѣха!
Словно на праздникъ, всѣ на смерть идутъ,
Страха въ душѣ христіанской
Нѣтъ и не будетъ!.. Гляди, Магометъ,
Знамя теряетъ зеленый свой цвѣтъ
Въ алой крови мусульманской!

Въ первыхъ рядахъ—герцеговинцевъ рать
Что ей и смерти объятья!
Сербія, встань и иди помогать—
Помощи ждутъ твои братья.
И—засверкали въ Бѣлградѣ мечи,
Хлынули свѣжія силы...
Грянетъ гроза надъ зеленой чалмой,
Слышатъ османы—бьетъ часъ роковой...
Шагъ до отверзтой могилы.

Слышите? Стонетъ уже и хрипитъ
Призракъ величья былого,—
Міръ мусульманскій являетъ намъ видъ
Дряхлаго тѣла, больного...
Дни сочтены его! Свѣточь иной
Вспыхнулъ—славянское пламя
Ярко горитъ... Не загаситъ коранъ!
Видитъ Европа: въ десницѣ славянъ
Освобожденія знамя!

Щ.

Золотошвейка.

(Быль изъ недавняго прошлаго).

I.

По набережной большой Невы, мимо Зимняго дворца, торопливо шла молодая дѣвушка съ узелкомъ въ рукахъ и спѣшила попасть на пароходъ, отвозившій пассажировъ отъ Зимняго дворца до Мытнаго перевоза. Дѣвушку старался догнать молодой человѣкъ франтовски одѣтый, догналъ и заговорилъ съ ней.

— Куда вы, сударыня, спѣшите?

— А это васъ интересуетъ? отвѣчала дѣвушка.

— Еще бы! Знать, гдѣ живетъ такое божественное существо интересно каждому.

— Будто бы? Но вамъ едва ли удастся узнать, гдѣ я живу.

Въ это время молодые люди подошли къ пароходу, и дѣвушка торопливо взошла на него. Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею.

Увидѣвъ своего провожатаго возлѣ себя, молодая дѣвушка сказала ему серьезно:

— Я надѣюсь, что вы ѣдете на Петербургскую сторону не ради меня, и что съ того времени, когда я взойду на мытнинскую пристань, вы оставите меня въ покоѣ и не послѣдуете за мной.

— Извините за откровенность, отвѣчалъ молодой человѣкъ, приложивъ руку къ сердцу, но я долженъ вамъ сказать, что вы ошибаетесь. Я именно для васъ переѣзжаю на ту сторону.

Пароходъ причалилъ къ мытнинской пристани. Молодая дѣвушка соскочила съ него на пристань и скорымъ шагомъ пошла по набережной Петербургской стороны.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею въ отдаленіи и такимъ образомъ шелъ за ней до тѣхъ поръ, пока она не дошла до небольшаго домика въ Колтовской. У воротъ домика дѣвушка остановилась и постучала въ калитку.

Молодой человѣкъ приблизился къ ней.

— Ради Бога уйдите, сказала она. Въ здѣшней сторонѣ не укроешься отъ любопытныхъ глазъ и всякій шагъ перетолковываютъ по своему, всегда въ невыгодную сторону для того, кто его сдѣлалъ. Наконецъ, васъ можетъ увидѣть изъ окна тетушка моя, у которой я живу, а изъ за этого, совершенно напрасно, посыплются на меня разныя укоризны. Уйдите же, прошу васъ.

Молодой человѣкъ повиновался и поспѣшно отошелъ въ сторону.

Черезъ нѣсколько секундъ послѣ этого калитка отворилась, и дѣвушка вошла въ нее.

Не прошло и двухъ дней, какъ молодой франтъ снова появился у домика въ Колтовской, и началъ прохаживаться мимо оконъ по противоположной сторонѣ улицы.

У одного окна домика сидѣла старушка и вязала чулокъ. Поднявъ глаза и посмотрѣвъ въ окно черезъ очки, она увидѣла шагавшаго по противуположной сторонѣ молодого франта. Въ Колтовской щегольски одѣтый господинъ составляетъ рѣдкое явленіе, а потому не остается не замѣченнымъ. Вотъ почему и старушка обратила вниманіе на прогуливавшагося франта и, повернувшись къ молодой дѣвушкѣ, не вдалекѣ отъ нея вышивавшей въ пяльцахъ, сказала:

— Посмотри, Олечка. Какой это франтъ прогуливается по тротуару и посматриваетъ на наши окна. Не знаешь ли ты, кто онъ?

Дѣвушка взглянула въ окно, покраснѣла и, на сколько была въ состояніи, равнодушно отвѣчала.

— Вѣроятно какой нибудь фланеръ, которому нечего дѣлать. Видно онъ никогда не видалъ Колтовской и пріѣхалъ нарочно, чтобы взглянуть на нашу сторону.

— Такъ за чѣмъ же онъ не отправляется дальше,

Библиотека "Руниверс"

Тереза-Христина-Марія. Императоръ и императрица бразильскіе. Донъ Педро II.

Библиотека "Руниверс"

а только все прохаживается взадъ и впередъ напротивъ нашего дома, да поглядываетъ на наши окна.

— А ужь объ этомъ, милая тетушка, вы спросите у него самого, когда это васъ интересуетъ, отвѣчала дѣвушка.

— А чтожь? Я не прочь. Да только какъ это сдѣлать?

— Ради Бога не дѣлайте этого, поспѣшно отвѣчала дѣвушка. Вы знаете какими сплетниками мы окружены. Сочинятъ чего и не бывало. Вѣдь это не Невскій и не Гороховая. Тутъ хуже, чѣмъ въ какомъ нибудь провинціальномъ городишкѣ.

— А если мы попросимъ его зайти къ намъ.

— Это для какой радости. Право, тетенька, вы любопытнѣе ребенка. Вы забываете, что мнѣ только девятнадцать лѣтъ, и что досужіе языки сосѣднихъ кумушекъ не преминутъ сплести такую бѣду, что мнѣ проходу не будетъ.

— Пожалуй. Какъ себѣ хочешь.

И старушка съ племянницей опять принялись каждая за свою работу.

Прошло еще два дня. Молодой человѣкъ опять появился на своемъ посту. Но напрасно посматривалъ онъ на окна домика Ни въ одномъ изъ нихъ не видно было ни старушки, ни молодой дѣвушки.

Такія нашествія повторялись по два и по три раза въ недѣлю.

Но наконецъ, однажды молодой человѣкъ, отправлявшійся въ извѣстную ему улицу въ Колтовскую, увидѣлъ впереди себя двухъ женщинъ, въ числѣ коихъ по легкой походкѣ и стройному стану онъ призналъ свою незнакомку. Онъ ускорилъ шаги, догналъ дамъ обратился къ той, которая была постарше.

— Извините, сударыня, за мою смѣлость. Мнѣ нужно вышить гербъ нашей фамиліи. Мнѣ сказали, что въ Колтовской, не далеко отъ Наличной улицы, живетъ золотошвейка. Позвольте васъ спросить не знаете ли вы ея адреса?

Дамы переглянулись. Ого! какую ты сплелъ исторію, подумала про себя младшая изъ нихъ.

— Вамъ сказали правду, милостивый государь, отвѣчала старшая. Моя племянница, которую вы видите передъ собой, та самая золотошвейка, о которой вамъ говорили. Угодно вамъ идти за нами?

— О! съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ молодой человѣкъ, снова поклонившись.

Затѣмъ дамы отправились въ сопровожденіи молодого человѣка къ знакомому намъ домику и постучались въ калитку.

Имъ отворила пожилая женщина, исправлявшая всѣ должности въ домѣ: горничной, кухарки и дворника.

Изъ небольшой, но чистенькой передней, они вошли въ довольно просторную, свѣтлую, о двухъ окнахъ и весьма прилично меблированную комнату. Мебель была старомодная, краснаго дерева, но совершенно еще исправная. Въ правомъ углу помѣщалась кіота съ множествомъ образовъ. Подъ кіотой стояло кресло съ мягкой спинкой, а передъ кресломъ небольшой круглый столикъ. На креслѣ сидѣла постоянно старушка. Въ противуположномъ углу стояли пяльцы, за которыми вышивала ея племянница.

Гость былъ пріятно пораженъ приличною обстановкою комнаты.

— Милости прошу, батюшка, обратилась къ гостю привѣтливо старушка. Не побрезгайте нашимъ убожествомъ.

— Помилуйте сударыня. Какое убожество.

— Ну, Олечка, обратилась старушка къ племянницѣ, покажи имъ свою работу.

Дѣвушка открыла пяльцы и показала еще недоконченное шитье шелками, золотыми и серебряными нитками.

— Восхитительно, сказалъ молодой человѣкъ, внимательно разсматривая работу. Да вы настоящая художница. Для кого вы работаете?

— По заказу отъ церкви, отвѣтила дѣвушка.

— И выгодна эта работа?

— Ну не скажу.

— И долго вы сидите надъ этимъ дѣломъ?

— Двѣ недѣли.

— Скажите. Значитъ работа эта кропотливая?

— Ну, нельзя сказать, чтобы слишкомъ. Дѣло въ томъ, что надо бы сидѣть побольше за ней. а между тѣмъ домашнія хлопоты нерѣдко мѣшаютъ.

— Значитъ я могу передать вамъ свой заказъ?

— Почему же нѣтъ.

— А настоящая ваша работа не помѣшаетъ исполненію моего заказа?

— Если вамъ скоро нужно, то я могу и пріостановиться съ настоящей работой и заняться исключительно вашимъ заказомъ.

— Я бы этого желалъ.

Между тѣмъ въ это время вошла старушка, выходившая по хозяйству.

— Позвольте, батюшка узнать, какъ васъ звать, чествовать? спросила старушка молодого гостя.

— Меня зовутъ Борисомъ Александровичемъ, а фамилія моя князь Стародубскій. Но позвольте и мнѣ знать у кого я имѣю честь быть.

— Я вдова отставнаго капитана арміи Житинева, а племянница моя, родная дочь моего роднаго брата сенатскаго секретаря, Надворнаго Совѣтника Старопольскаго, сиротка послѣ отца и матери. Домикъ, въ которомъ мы живемъ, принадлежитъ племянницѣ, а содержимъ мы себя изъ моей пенсіи, да рукодѣльемъ.

Радушно распростились новые знакомцы.

— Ну, что? сказала старушка, обращаясь къ племянницѣ, вѣдь правду я сказала тебѣ по твоему сну, что насъ ожидаетъ нечаянная радость.

II.

Не прошло и двухъ дней, какъ князь явился къ своимъ новымъ знакомымъ въ Колтовской.

— Садитесь князь, сказала старушка.

— Благодарю, Анна Васильевна. Позвольте прежде всего покончить дѣло съ Ольгой Петровной. Нужно показать ей рисунокъ герба и разъяснить нѣкоторыя подробности. Хотя я убѣжденъ въ понятливости и дарованіяхъ вашей племянницы, тѣмъ не менѣе полагаю, что нѣкоторыя разъясненія будутъ неизлишни.

— Объясняйте, батюшка, объясняйте. Умъ хорошъ, а два лучше.

Около часу продолжалось разъясненіе.

Такъ прошло утро и собесѣдники удивились, когда часы пробили четыре. Князь уѣхалъ.

— Прекрасный молодой человѣкъ, воскликнула почти вслѣдъ ему старушка.

Ольга ничего не сказала, но въ душѣ согласилась съ мнѣніемъ тетки.

Все чаще и чаще сталъ посѣщать князь старушку Житиневу и ея племянницу. Старушка была всегда рада дорогому гостю. Посѣщенія эти дѣлались, разумѣется, подъ предлогомъ наблюденія за работой. Разговоры князя съ Ольгой съ каждымъ разомъ дѣлались все интимнѣе и интимнѣе.

Мало по малу посѣщенія князя становились все продолжительнѣе, онъ оставался нерѣдко не только на обѣдъ, но и на вечерній чай.

Сосѣднія кумушки забили въ набатъ. Частыя посѣщенія князя взволновали мирныхъ Колтовянокъ. Женитьба князя на Ольгѣ стала у нихъ рѣшеннымъ дѣломъ. Пошли гаданья на картахъ и на кофеяхъ: скоро ли быть концу дѣла, будутъ ли молодые счастливы и кто надъ кѣмъ возьметъ верхъ.

Библиотека "Руниверс"

Но всему бываетъ конецъ; по этому кончилось и вышиванье герба.

Взявъ работу и заплативъ за нее съ щедростью, князь Стародубскій не прекратилъ своихъ посѣщеній къ обитательницамъ маленькаго домика въ Колтовской. Ольга держала себя строго, не подавая князю повода ни къ малѣйшей вольности.

Уже около года длилось ихъ знакомство. Въ это время въ отношеніяхъ молодыхъ людей произошла значительная перемѣна. Князь хотя и не смотрѣлъ на Ольгу Старопольскую какъ на персону, съ которой можно легко сойтись, тѣмъ не менѣе не допускалъ и мысли о серьезности своихъ къ ней отношеній. Но Ольга была на сторожѣ и не рѣдко самымъ положительнымъ образомъ высказывала князю, что только въ предѣлахъ крайней благопристойности можетъ продолжаться его знакомство.

Съ своей стороны князь внутренно сознавалъ, что его отношенія къ Ольгѣ далеко рознятся отъ тѣхъ, въ которыхъ онъ до сихъ поръ бывалъ съ другими, но въ тоже время онъ не придавалъ этимъ отношеніямъ особой серьезности, или лучше, не хотѣлъ придавать, хотя сердце шептало ему совершенно иное. Даже кратковременная разлука съ Ольгой, на три, на четыре дня становилась ему все тяжелѣе и тяжелѣе, и онъ невольно, увлекаемый какъ бы невѣдомой для него силой, стремился въ маленькій домикъ въ отдаленномъ уголку Петербурга.

III.

— Скажи, пожалуйста, Борисъ, къ кому это ты такъ часто ѣздишь на Петербургскую сторону и у кого проводишь ты тамъ цѣлые вечера? съ такимъ вопросомъ обратилась однажды старая княгиня Стародубская къ своему сыну. Максимъ кучеръ докладывалъ мнѣ, что ты по два и по три раза въ недѣлю ѣздишь въ Колтовскую къ какой-то старушкѣ Житиневой, у которой молодая и красивая племянница?

— Которая вышила артистически нашъ гербъ вамъ на ридикюль, перебилъ молодой князь.

— Тѣмъ хуже. Значитъ она простая швея?

— Ну, не совсѣмъ. Она дворянка и дочь надворнаго совѣтника.

— А что такое надворный совѣтникъ?

— По военному—подполковникъ.

— Все это прекрасно; но вспомните, что вашъ отецъ былъ военный генералъ-лейтенантъ и князь изъ стариннаго рода. Фамилія князей Стародубскихъ одна изъ древнѣйшихъ.

— Мамаша, мамаша! Удивительныя вещи говорите вы. Развѣ мы не всѣ равны предъ Богомъ.

— Пожалуста, вы мнѣ глупостей не говорите, а запомните навсегда, что я не допущу messaliance въ родѣ князей Стародубскихъ. Ты можешь сколько тебѣ угодно ухаживать за твоей любезной, сдѣлать ее своею maitresse, но далѣе ни на шагъ. Впрочемъ, честнѣе было бы съ твоей стороны оставить дѣвушку въ покоѣ, да и самому избѣгнуть опасности. Ты же мужемъ ея никогда не можешь быть.

— Не понимаю, почему? Въ Ольгѣ встрѣтилъ я дѣвушку добрую, развитую, умную и образованную..

— Ахъ! ее зовутъ Ольгой. Имя недурное.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ князь, поклонившись. Повѣрьте, что эта дѣвушка, вслѣдствіе своего развитія и образованія, далеко выше, во всѣхъ отношеніяхъ, куколъ нашего общества. Я увѣренъ, если бы вы ее увидѣли, вы бы навѣрное ее полюбили.

— И не надѣйся. Я слишкомъ уважаю обычаи и требованія своего общества.

Князь улыбнулся.

— Не улыбайся, мой другъ.

— Перестаньте, маменька. Я глубоко убѣжденъ, что вы говорите противное вашимъ материнскимъ чувствамъ. Никогда не пожертвуете вы счастіемъ вашего сына, ради безсмысленнаго общественнаго предразсудка.

— Ты думаешь? Напрасно! А вотъ попробуй пойти противъ моей воли и ты увидишь, на что я способна.

Княгиня происходила изъ стариннаго аристократическаго рода; она совершенно добросовѣстно высказывала, что скорѣе увидитъ сына несчастнымъ, но не дозволитъ ему вступить въ неровный бракъ. Каково же было ея удивленіе, когда недѣли черезъ три послѣ достопамятнаго завтрака, сынъ ея объявилъ ей, что онъ женихъ той самой Ольги, на которой она запретила ему жениться, и что черезъ мѣсяцъ будетъ его свадьба.

Громовой ударъ, разразившійся у ногъ княгини, не поразилъ бы ее такъ сильно, какъ это извѣстіе.

Княгиня поняла, что ея сынъ не шутитъ и что нужно начать дѣйствовать, и дѣйствовать энергически. Она начала съ того, что упросила начальство князя отправить его въ командировку, Начальство согласилось, и князь получилъ назначеніе отправиться въ отдаленный провинціальный городъ. Какъ ни протестовалъ князь противъ командировки, въ виду предстоящей свадьбы, но приходилось повиноваться или подать въ отставку. Князь прибѣгнулъ къ этому послѣднему средству; но, увы, оно оказалось недѣйствительнымъ: отставки не приняли. Князю объявили, что ему будетъ дана отставка по окончаніи имъ порученія.

Послѣ этого оставалось одно, скорѣе уѣхать, чтобъ скорѣе воротиться, и князь уѣхалъ.

Тогда княгиня пустилась на хитрости. Она объявила сыну, что соглашается на его бракъ и позволяетъ выписать невѣсту въ тотъ городъ, въ который сынъ командированъ и можетъ тамъ обвѣнчаться. Ничего не подозрѣвая, князь съ радостью принялъ предложеніе и написалъ невѣстѣ и ея теткѣ, чтобы онѣ пріѣхали къ нему. На дорогу выслалъ онъ имъ денегъ въ достаточномъ количествѣ.

Ольга, почему-то не вѣрившая, что княгиня, послѣ рѣшительнаго отказа сыну въ дачѣ благословенія на бракъ, согласилась на него добровольно, не хотѣла ѣхать по приглашенію жениха и высказалась въ этомъ смыслѣ передъ теткой. Но тетка разувѣрила ее. Ольга согласилась, но не совсѣмъ.

Между тѣмъ и княгиня собралась и пріѣхала въ тотъ городъ, въ которомъ пребывалъ князь Назовемъ его хоть М*.

Недалеко отъ этого города находились обширныя помѣстья князя Стародубскаго, а близь самого города, въ двухъ верстахъ отъ него—село, его же.

Въ этомъ селѣ былъ и барскій домъ, но княгиня не поселилась въ немъ, а молодой князь тоже не нашелъ удобнымъ жить тамъ потому, что дѣла по командировкѣ требовали почти постояннаго его присутствія въ городѣ.

Въ барскомъ домѣ помѣстили старушку Житиневу съ племянницей, предоставивъ имъ въ распоряженіе и домъ, и прислугу его.

Княгиня очень часто приглашала къ себѣ Ольгу, ласкала ее, вывозила къ своимъ знакомымъ въ городѣ.

Не смотря на такія ласки, Ольга не довѣряла княгинѣ и въ этой недовѣрчивости не рѣдко признавалась князю въ интимныхъ разговорахъ. Князь каждый разъ старался ее разувѣрить.

Между тѣмъ кончилось шитье приданаго и князь сталъ настаивать на назначеніи дня свадьбы, тѣмъ болѣе, что оканчивались и занятія его по командировкѣ. Княгиня все оттягивала срокъ свадьбы; но наконецъ болѣе отдалять было невозможно. День свадьбы былъ назначенъ.

Наканунѣ этого дня княгиня жаловалась на головную боль и высказала сыну, что ей будетъ крайне непріятно

Библиотека "Руниверс"

Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Счастливые дни. Картина Шаплена, грав. Паннемакеръ сынъ.

если къ завтрашнему дню она не поправится, такъ какъ это можетъ быть причиною отсрочки вѣнчанія.

— Ради Бога, мамаша, постарайтесь не хворать. Выйдетъ просто скандалъ. Все готово и гости приглашены, и вдругъ все разстроится.

— Ну, гости еще не бѣда. Приглашены только тѣ знакомые, которые живутъ въ городѣ, а ихъ во всякое время заранѣе можно предувѣдомить, вѣдь вѣнчаться ты будешь въ 8 часовъ вечера.

— Хотя бы и такъ, а все же я желалъ бы избѣжать скандала и умоляю васъ не доводить до него.

— Какой ты странный, съ неудовольствіемъ отвѣтила княгиня. Развѣ я вольна въ своей жизни и смерти, развѣ хворать и не хворать зависитъ отъ меня? Все это въ волѣ Божіей, а Богу я приказывать не могу.

— Но Богъ милостивъ, сказалъ князь, и я надѣюсь, что все будетъ благополучно.

— Вотъ этакъ-то лучше, сказала княгиня и, какъ бы въ изнеможеніи опустившись на подушки, закрыла глаза.

Князь тихонько вышелъ изъ спальни и отправился къ невѣстѣ.

(Продолженіе будетъ). Н—ый.

Императоръ и императрица Бразильскіе.

Императоръ Донъ Педро II, носящій титулъ «конституціонный императоръ и неизмѣнный защитникъ Бразиліи», родился 2 декабря 1825 года. Онъ сынъ умершаго въ 1834 году императора Донъ Педро I и супруги его Леопольдины-Каролины-Жозефины, урожденной эрцгерцогини австрійской. Донъ Педро II вступилъ на престолъ 7 апрѣля 1831 г. послѣ акта отреченія своего родителя, бразды же правленія принялъ только 23 іюля 1840 года, а короновался 18 іюля 1841 года. Въ 1843 г. онъ вступилъ въ бракъ съ Терезой-Христиной-Маріей (род. 14 марта 1822 г.), дочерью скончавшагося въ 1830 г. короля обѣихъ Сицилій, Франца I, и Инфантины испанской, Маріи Изабеллы. Отъ брака у нихъ родилось двѣ дочери: принцесса Донна Изабелла (род. 29 іюня 1846 г.) будущая императрица, и принцесса Донна Леопольдина (род. 13 іюля 1847 г.). Старшая изъ принцессъ въ 1864 г. вышла замужъ за принца Луи-Филиппа-Фердинанда-Гастона Орлеанскаго, сына герцога Немурскаго, вторая же, Донна Леопольдина вступившая въ томъ же 1864 году въ супружество съ принцемъ Августомъ-Людвигомъ герцогомъ Саксонскимъ, скончалась въ февралѣ 1871 г. въ Вѣнѣ. Гробница ея находится въ католической церкви въ Кобургѣ.

Во время тридцати-шести-лѣтняго правленія Дона Педро II государственная жизнь въ Бразиліи сдѣлала громадные успѣхи, императоръ, пренебрегая личными интересами, всегда первый подавалъ голосъ за реформы, которыя, исходя изъ палаты депутатовъ, постоянно встрѣчали въ его лицѣ сильную поддержку. Такъ, въ сентябрѣ 1871 г., когда эмансипація рабовъ была возведена въ законъ, императоръ былъ въ числѣ самыхъ горячихъ поборниковъ и сторонниковъ этого благодѣтельнаго закона. Относительно бразильскаго народа слѣдуетъ сказать, что энергичное осуществленіе такой капитальной реформы, какъ признаніе рабовъ свободными гражданами, до извѣстной степени противорѣчитъ народному характеру бразильцевъ, которыхъ обыкновенно изображаютъ склонными къ праздности, лишенными энергіи и слѣпо отдающимися своимъ страстямъ. Смѣемъ высказать свое предположеніе о томъ, что подобная характеристика потомковъ португальцевъ, навѣрно, преувеличена.

Въ 1872 г. императоръ и императрица бразильскіе предприняли путешествіе по Европѣ и сосѣднимъ странамъ Азіи и Африки. Европейская печать въ то время съ интересомъ слѣдила за августѣйшими путешественниками и передавала своимъ читателямъ многое, свидѣтельствующее о скромности и любезности высокопоставленной четы, особенно же о солидныхъ и многосторонныхъ познаніяхъ и образованности императора. Онъ живо интересовался всѣмъ, что касалось науки, искусства и промышленности. Въ Лондонѣ, Берлинѣ и Парижѣ Донъ Педро осматривалъ фабрики, причемъ управители и рабочіе должны были объяснять ему все до мельчайшихъ подробностей; школы и университеты въ Германіи интересовали его не менѣе. Подданные Донъ Педро II ожидали отъ этого путешествія благодѣтельныхъ результатовъ относительно политическаго и экономическаго развитія Бразиліи. Личность монарха ручалась имъ за это, и ожиданія ихъ вполнѣ оправдались.

Газеты сообщаютъ, что императоръ Донъ Педро проѣдетъ въ теченіе августа мѣсяца чрезъ Копенгагенъ, Стокгольмъ и Финляндію въ Петербургъ. Въ первый разъ онъ посѣтитъ Россію, съ которою отчасти его величеству уже удалось познакомиться—именно на нынѣшней всемірной выставкѣ въ Филадельфіи: императоръ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ вечеръ, устроенный находящимися на выставкѣ русскими, и, какъ нашутъ, обворожилъ всѣхъ своимъ простымъ, радушнымъ обхожденіемъ. На другой день онъ осматривалъ русскій военный отдѣлъ и съ большимъ вниманіемъ слушалъ объясненіе выставленныхъ предметовъ и любезно благодарилъ представителей.

Императоръ путешествуетъ подъ именемъ графа Алькантара, и поэтому пріѣздъ его величества въ Петербургъ небудетъ сопровождаться ни какими оффиціальными встрѣчами. Телеграммою изъ Стокгольма отъ 9 августа императоръ извѣстилъ здѣшняго бразильскаго посланника что намѣренъ прибыть въ Петербургъ 16 августа.

Скандинавскій художникъ Петръ Арбо и его картина «Разсвѣтъ».

Ровно десять лѣтъ тому назадъ, въ Стокгольмѣ праздновалось открытіе первой скандинавской выставки художествъ и промышленности. Въ то время мѣстный національный музей впервые открылъ свои палаты произведеніямъ искуства, любителямъ коихъ данъ былъ случай обозрѣть все, что въ послѣднее истекшее время было произведено лучшими скандинавскими ваятелями и живописцами. На этой выставкѣ изъ немногочисленныхъ историческихъ картинъ всего болѣе обратила на себя вниманіе одна, изображавшая «Валькирію». «*Валькирія*» (*) изображена на ней съ сверкающимъ въ рукахъ копьемъ, неудержимо стремящаяся на буйномъ конѣ, во мракѣ, со взоромъ, полнымъ дикой радости, розыскивающая души павшихъ воиновъ, подлежащихъ суду Одина, отца боговъ. Картина эта, въ силу своихъ замѣчательныхъ художественныхъ достоинствъ, до сихъ поръ памятна всѣмъ, ее видѣвшимъ, хотя современи ея выставки прошло уже, какъ сказано выше, 10 лѣтъ. Вслѣдъ за своимъ появленіемъ она поступила въ собственность короля Карла. Въ настоящее же время, по смерти перваго ея владѣтеля, она находится въ томъ самомъ національномъ музеѣ, въ которомъ впервые была выставлена. Авторъ этой замѣчательной картины г. Петръ Арбо, еще болѣе усовершенствовавшійся въ своей художественной дѣятельности, задался за симъ мыслію изобразить въ нѣсколькихъ произведеніяхъ различные моменты изъ жизни Валькирій, заимствуя матеріалы для этого изъ миѳологическихъ сказаній. Къ числу замѣчательныхъ произведеній Петра Арбо относится также изображенная на нашемъ рисункѣ картина «Разсвѣтъ». Читатели наши могутъ сами судить до какой степени много силы и жизни въ этой картинѣ, какъ велика выразительность взятаго момента въ бѣгѣ лошади и какъ много торжественности и въ то же время необычайной простоты въ фигурѣ всадника, съ свѣтиломъ въ рукахъ, несущагося въ облакахъ. Но не слѣдуетъ причислять г. *Арбо* къ числу тѣхъ художниковъ, которые, за недостаткомъ художественной фантазіи, вынуждены прибѣгать къ повтореніямъ сюжета. Стоитъ взглянуть на жизнь и дѣятельность его, чтобы убѣдиться въ противномъ. Родился онъ въ 1831 г. въ Драммене, и въ молодыхъ лѣтахъ отданъ былъ въ ученіе подъ руководство профессора Гельстеда въ Кебенгавнѣ. Здѣсь занятія его продолжались до 1852 г. Въ этомъ году онъ отправился въ Дюссельдорфъ, куда тогда тянуло всѣхъ скандинавскихъ художниковъ. Въ Дюссельдорфѣ онъ имѣлъ счастіе быть избраннымъ въ ученики профессора Карла Зона и до 1855 г. съ успѣхомъ посѣщалъ академію. Въ это время онъ написалъ нѣсколько портретовъ, занимался этюдами, набросками, не оставляя также и исторической живописи. Посѣтивъ однажды родину, онъ издалъ нѣсколько хромолитографическихъ картинъ изъ Норвежской исторіи, которыя однакоже не имѣли успѣха. Пробывъ почти девять лѣтъ въ Дюссельдорфѣ, онъ въ 1861 г. покинулъ эту колыбель искусства и спустя 2 года очутился въ Парижѣ.

Нѣтъ сомнѣнія что Арбо, рѣшившись перенести свою дѣятельность въ тогдашній центръ европейской культуры, поступалъ весьма раціонально, но, не смотря на то, рѣшительный поступокъ его былъ многими порицаемъ. Дюссельдорфская школа живописи пользовалась въ Скандинавіи каноническимъ уваженіемъ; отступить отъ нея считалось великимъ прегрѣшеніемъ. Но геній Арбо пренебрегъ этимъ, и именно въ Парижѣ онъ задумалъ приняться за изображеніе своихъ «Валькирій», въ настоящее время признаваемыхъ знатоками замѣчательнымъ художественнымъ произведеніемъ. Заслуги г. Петра Арбо, какъ талантливаго художника, были вслѣдъ за симъ признаны королемъ Карломъ, пожаловавшимъ его въ кавалеры ордена *Ваза*.

(*) Валькиріи—скандинавскія миѳологическія богини, избирающія воиновъ, подлежащихъ смерти на полѣ брани и рѣшающія участь битвы.

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣхъ поръ произведенія Арбо встрѣчаются во многихъ академіяхъ и на художественныхъ выставкахъ Скандинавіи.

Въ 1871 г. на долю Арбо выпало счастіе оказать Швеціи большую услугу: онъ назначенъ былъ коммисаромъ соединенныхъ королевствъ при художественной выставкѣ въ Вѣнѣ. Хотя состоявшія подъ его вѣдѣніемъ скандинавскія произведенія и не были многочисленны и не отличались особыми достоинствами, тѣмъ не менѣе онъ съумѣлъ придать имъ нѣкоторое значеніе, и если на этой выставкѣ скандинавское искусство пріобрѣло нѣкоторыя отличія, то этимъ оно обязано было именно г. Арбо! Самъ Арбо выступилъ съ картиною: «Битва при Стратфордъ Брайджѣ», принадлежащею, впрочемъ, не къ лучшимъ его произведеніямъ.

Послано ли что либо г. Петромъ Арбо на Филадельфійскую выставку, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что на этой выставкѣ онъ находится въ числѣ экспертовъ по отдѣлу изящныхъ искусствъ. Въ настоящее время г. Арбо находится еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, и можно надѣяться, что скандинавское искусство обогатится еще многими его художественными произведеніями.

Z.

Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ.

О томъ, что претерпѣли несчастные болгары отъ нашествія азіатскихъ ордъ разбойниковъ намъ нечего, кажется, распространяться. Здѣсь все: и надруганье надъ всѣмъ святымъ, что только вложило въ душу христіанство, и жестокость, хищность самаго лютѣйшаго звѣря, злость, ехидство, хитрость въ выборѣ средствъ потѣшить свои нечеловѣческія страсти, превосходящія всѣ мѣры свирѣпости, грубости и безсердечія этихъ отъявленныхъ отщепенцевъ рода человѣческаго. Гдѣ только проходила толпа этихъ головорѣзовъ, тамъ смерть, позоръ, разграбленіе и пожаръ оставались слѣдомъ ихъ нашествія. Нѣтъ спасенія никому: ребенокъ въ глазахъ матери разрѣзался на куски и мясо его заставляли ѣсть несчастную мать, беременнымъ женщинамъ распарывали животы, чтобъ удовлетворить любопытству заклада о полѣ зародыша матери, восьмидесятилѣтнихъ старцовъ сажаютъ на колъ, дѣвушекъ безчестятъ и потомъ толпами сожигаютъ или продаютъ въ рабство... Сердце сжимается отъ ужасовъ, охватившихъ Болгарію! И это XIX вѣкъ! Грядущее поколѣніе отвернется и отмѣтитъ черною краскою настоящее отношеніе къ ней христіанства, допустившаго подобное безчеловѣчіе.

Достовѣрныя свѣдѣнія говорятъ, что погибло 60,000 народа. Часть и весьма малая часть спаслась въ Балканахъ. Изображенная гравюра представляетъ группу этихъ несчастныхъ бѣглецовъ. Вы видите на ней отчаянное положеніе старухи, опустившей отъ упадка духа руки, вѣроятно потерявшая все, что только было дорого ея сердцу; вы видите молодую женщину, трепетно сжимающую своего ребенка и спасшую его вѣроятно съ неимовѣрными жертвами и усиліями, передъ вами около шатра другая женщина, на лицѣ которой ясными штрихами выражено и горе, и отчаяніе. Рядомъ съ нею, положа руку на плечо и опустивши голову, безотрадно горюетъ молодая болгарка о невозвратимой утратѣ родительскаго дома, всего близкаго и дорогого ея сердцу. Около убогаго котла, въ которомъ бѣглянки готовятъ себѣ скудную пищу, уныло стоятъ двѣ женскія фигуры, полныя тоски.

Смотря на эту грустную картинку, невольно думается:

«Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?..

(Стихотвореніе Ѳ. Тютчева стр. 234).

Счастливые дни.

(Картина Шаплена).

Существуетъ мнѣніе, что Шапленъ во Франціи потому всего болѣе и имѣетъ успѣхъ, что его работы приходятся по вкусу французамъ второй Имперіи. Мнѣніе это основано на томъ, что, будто-бы, произведенія Шаплена не столько производятъ впечатлѣніе на высшія духовныя стороны человѣческой природы, сколько дѣйствуютъ на низменныя животныя ея инстинкты. Въ этомъ, будто-бы, послѣднемъ вся ихъ прелесть и вліяніе на впечатлѣнія французской публики.

По нашему мнѣнію, все это отъ перваго слова до послѣдняго несправедливо. Въ картинахъ Шаплена никогда не занимаютъ перваго мѣста сюжеты, основанные, собственно на изображеніи женскаго тѣла, а преобладаютъ всегда и имѣютъ весьма значительный при этомъ перевѣсъ экспрессія лицъ, выраженіе душевнаго состоянія избраннаго субъекта, выраженіе, подхваченное и въ постановкѣ всей фигуры, и въ ея характерности, въ ея манерѣ и дѣйствіяхъ. Нельзя, конечно, не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ своихъ картинахъ и весьма, впрочемъ, нерѣдко, Шапленъ увлекается красотою женскаго тѣла, что и даетъ поводъ къ распространенію вышеизложеннаго мнѣнія о его художественныхъ работахъ; но нельзя не замѣтить, что это увлеченіе у Шаплена никогда не заходитъ такъ далеко, какъ у другихъ современныхъ художниковъ Франціи. Картины Шаплена всегда изящны, нѣжны, всегда въ границахъ скромности, и полны душевнаго выраженія, чему можетъ служить подтвержденіемъ, картина «Счастливые дни» представляемая нами читателямъ въ этомъ нумерѣ «Нивы».

Мы полагаемъ, что успѣхъ, которымъ такъ заслуженно пользуется Шапленъ, именно въ томъ и заключается, что въ его картинахъ всегда сохраняется полная гармонія красоты тѣла съ выразительностію того или другого духовнаго состоянія избраннаго лица. Каждая фигура въ его картинахъ, полна этой гармоніи, каждая женская и дѣтская головка, при красотѣ физической, полна красоты духовной. При этомъ нельзя пройдти молчаніемъ, что самая манера письма, выборъ деталей, ихъ выполненіе—все это у Шаплена изящно и художественно. Вотъ гдѣ тайна его успѣха, а не въ томъ угожденіи правамъ французовъ нашего времени. Противъ этого послѣдняго можно спорить еще и потому, что никогда первоклассные художники не гнались за тѣмъ, чтобы «угождать нравамъ», а Шапленъ въ наше время несомнѣнно первоклассный художникъ. Къ нашей картинкѣ, самымъ своимъ названіемъ указывающей на состояніе духа изображенной на ней матери такъ же могутъ быть образцомъ тѣ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія Я. П. Полонскаго, которые мы помѣстили въ прошедшемъ нумерѣ «Нивы» къ картинѣ «Корыстный поцѣлуй». Въ самомъ дѣлѣ, какъ не сказать при мысли о значеніи семьи въ государственномъ и общественномъ отношеніи, что

«Въ той странѣ, гдѣ раззоренъ твой домъ,
Города растлятся, какъ Содомъ...»

Орангъ-утангъ и горилла въ берлинскомъ аквариумѣ.

Едва ли можно найти въ какомъ нибудь другомъ отрядѣ млекопитающихъ такую уродливость формъ, какъ въ обезьянѣ: въ ней все неправильно, несоразмѣрно, и, несмотря на это, именно обезьяна, представляющаяся намъ олицетвореніемъ тѣлеснаго безобразія, служитъ связующимъ звеномъ между человѣкомъ и животнымъ міромъ. При взглядѣ на обезьяну, нельзя не признать ее человѣкообразнымъ звѣремъ. Такъ называемые «антропоиды» являются самыми человѣкообразными и въ то же время уродливѣйшими представителями всего семейства. Мы считаемъ обезьянъ каррикатурами людей: наружность человѣка представляетъ полную гармонію и прекраснѣйшее соотношеніе частей; въ обезьянѣ же видно только противное безобразіе, въ ней все искажено и негармонично. Довольно одного взгляда на тощее мохнатое туловище, длинныя болтающіяся руки, рукообразныя ступни, голову безъ шеи, тонкія бедра и голени безъ рукъ, согнутыя колѣни, выдающіяся челюсти, большіе кривые рѣзцы—довольно всего этого, для того, чтобы понять, почему невозможно перейти границу, которая отдѣляетъ человѣка отъ *антропоида*—но всѣ эти особенности все таки не въ состояніи уничтожить во внѣшности обезьяны сходства ея съ человѣкомъ.

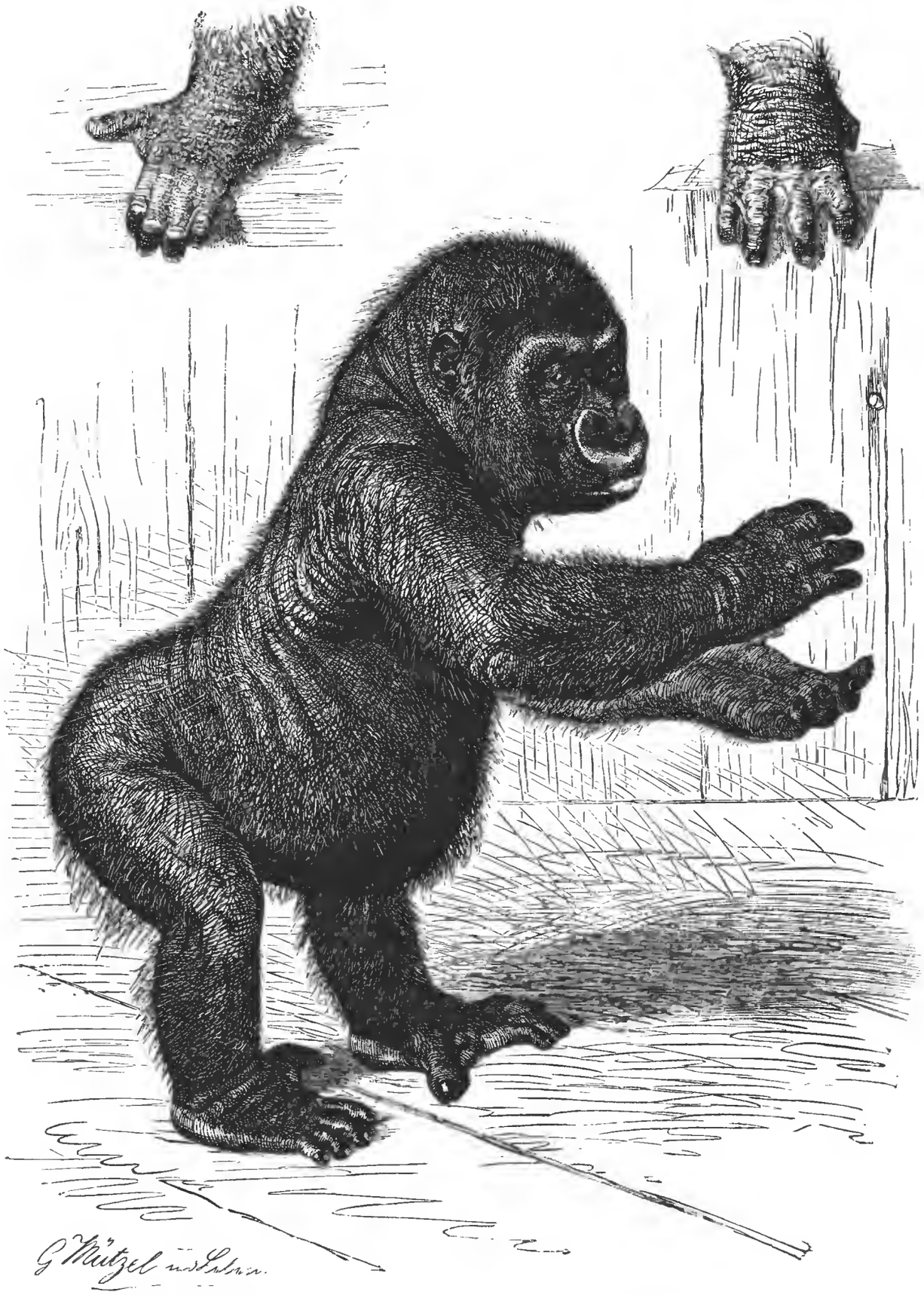
Великій естествоиспытатель Линней назвалъ «антропоидовъ» за ихъ сходство съ человѣкомъ «homo troglodytes» (человѣкъ, живущій въ пещерахъ) въ противоположность «homo sapiens» (мудрый человѣкъ).

Древніе народы считали человѣкообразныхъ обезьянъ за дикихъ людей, за полулюдей. Такъ, карѳагенянинъ Ганнонъ, начальствовавшій флотомъ, посланнымъ за 500 л. л. до Р. Х. къ западнымъ берегамъ Африки, разсказываетъ, что пройдя «Геркулесовы столбы» (нынѣшній Гибралтарскій проливъ), онъ открылъ на одномъ островѣ, неподалеку отъ африканскаго бере-

Библиотека "Руниверс"

Орангъ-утангъ. Съ натуры, рисов. Гофманъ.

Библиотека "Руниверс"



Первый живой горилла въ Европѣ. Съ натуры, рисов. Мютцель, грав. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

га, дикихъ людей, покрытыхъ волосами, которыхъ сопровождавшіе экспедицію толмачи называли *гориллами*. Послѣ долгихъ преслѣдованій удалось поймать трехъ самокъ, но увезти ихъ съ собою нельзя было, потому что эти дикія женщины кусались и царапались, вслѣдствіе чего онѣ и были убиты. Не подлежитъ сомнѣнію, что дикіе, покрытые волосами люди, о которыхъ говоритъ Ганнонъ, были именно обезьяны высшей породы.

Особенный интересъ, съ которымъ зоологи всегда изучали обезьянъ, значительно еще усилился со времени появленія теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ и человѣка. Однако до сихъ поръ любознательность нашихъ изслѣдователей не могла быть удовлетворена въ этомъ отношеніи, такъ какъ до послѣдняго времени перевозить въ Европу удавалось только самыхъ молодыхъ антропоидовъ. Много новаго и интереснаго доставляли наблюденія надъ ними нашимъ ученымъ изслѣдователямъ, но для полнаго знакомства съ умственною жизнью антропоидовъ необходимо наблюдать психическія явленія во взросломъ животномъ. Разсказы путешественниковъ о нравахъ и жизни обезьянъ часто противорѣчатъ одинъ другому; тутъ нерѣдко трудно бываетъ отличить вымыселъ отъ истины.

Директору берлинскаго акваріума, доктору Гермесу, удалось, наконецъ, добыть взрослаго орангъ-утанга и тѣмъ самымъ оказать важную услугу наукѣ.

Въ настоящее время извѣстны четыре вида антропоидовъ: горилла (Troglodytes gorilla), шимпанзе (Troglodytes niger), орангъ-утангъ (Pithecus satyrus) и гиббонъ (Hylobates). Свѣдѣнія наши объ образѣ жизни и нравахъ этихъ животныхъ самыя скудныя, далеко недостаточныя, чтобы составить полное понятіе объ умственныхъ способностяхъ «лѣсныхъ людей». Молодые шимпанзе, содержавшіеся въ европейскихъ зоологическихъ садахъ, обнаруживали обыкновенно живой, сангвиническій темпераментъ, понятливость и сообразительность, довѣрчивость къ людямъ и самую преданную любовь къ своимъ сторожамъ. Молодые орангъ-утанги, напротивъ, при всей своей довѣрчивости и кротости, производятъ впечатлѣніе печальныхъ, грустныхъ существъ. По цѣлымъ часамъ сидятъ они неподвижно, какъ бы раздумывая о чемъ-то, относясь совершенно безучастно ко всему окружающему; во время ходьбы движенія ихъ такъ вялы, медленны, что кажется, будто двигаются они поневолѣ, крайне неохотно.

Многолѣтнія наблюденія неоднократно подтверждали мнѣніе, что, съ возрастомъ, обезьяны тупѣютъ, но оказывается, что это мнѣніе въ послѣднее время встрѣтило большое противорѣчіе въ наблюденіяхъ.

Орангъ-утангъ, обитатель большихъ азіятскихъ острововъ Суматры и Борнео, достигаетъ четырехъ съ половиною футовъ роста. Голова у него клинообразно заострена на маковкѣ, лобъ выпуклый, носъ плоскій, челюсти сильно выдаются впередъ, губы толсты, выпячены и морщинисты, большіе каріе глаза отличаются необыкновенно кроткимъ выраженіемъ у молодыхъ животныхъ, но и у старыхъ не лишены добродушнаго выраженія. Чрезвычайно короткая шея, широкія плечи, боченкообразное брюхо, длинныя конечности съ длинными же кистями и пальцами, длинная, косматая, ржаво-коричневаго цвѣта шерсть, покрывающая животное, все это придаетъ ему отталкивающій, каррикатурный видъ.

Вмѣстѣ со старымъ орангъ-утангомъ, самцомъ, берлинскій акваріумъ пріобрѣлъ и маленькаго оранга. Строеніе черепа и физіономія у обоихъ животныхъ до того различны, что почти не вѣрится, что это близкіе родственники, особи одного и того же вида. Пока орангъ-утангъ молодъ, его черепъ весьма походитъ на черепъ нашего ребенка, но съ возрастомъ звѣриный образъ получаетъ такое преобладаніе, что черепъ старой обезьяны очень мало напоминаетъ черепъ молодой. На нашей картинкѣ ясно видно различіе физіономій у обоихъ животныхъ.

Когда орангъ-утангъ прибылъ въ Берлинъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней долженъ былъ жить въ слишкомъ тѣсной для него клѣткѣ, онъ производилъ впечатлѣніе дикаго звѣря. Яростными взглядами слѣдилъ онъ за всѣми, кто къ нему приближался, мускулистыя, сильныя руки его, казалось, были всегда готовы на расправу. Ни малѣйшихъ слѣдовъ разумной духовной жизни не было замѣтно. Всѣ разсказы путешественниковъ объ умственныхъ способностяхъ этого животнаго начали казаться сильно преувеличенными, просто—вымышленными. Разочарованіе было такъ велико, что многіе изслѣдователи упустили даже изъ виду то обстоятельство, что именно у существъ, стоящихъ на довольно высокой степени развитія, гораздо труднѣе узнать характеръ, если они находятся въ неволѣ, что тягость заключенія, чуждая обстановка, могутъ сильно вліять на расположеніе духа арестанта. Но какъ только перевели этого орангъ-утанга въ новую, удобно устроенную клѣтку, все существо его вдругъ измѣнилось. Дикость взгляда исчезла, а если въ глазахъ его по временамъ можно было замѣтить недовѣріе къ окружающей обстановкѣ, то съ другой стороны—въ нихъ ясно свѣтилось прирожденное добродушіе. Скоро всѣ убѣдились, что обезьяна рада была бы обществу, что она не прочь сойтись и съ человѣкомъ. Однако, сторожа все еще побаивались крѣпкихъ зубовъ и мускулистыхъ рукъ оранга и не довѣряли миролюбію его.

Когда, однако, орангъ-утангъ внушилъ большее довѣріе къ себѣ, доказалъ свой умъ и кротость, ему дали въ товарищи сначала небольшую собаку. Собачка, вообразивъ, что находится въ обществѣ человѣка, привѣтствовала обезьяну дружескимъ лаемъ, и начала лизать ей морду. Орангъ показалъ себя вполнѣ достойнымъ такой встрѣчи съ стороны собаки и обращался съ ней по-человѣчески.

Затѣмъ его свели съ шимпанзе, съ которымъ орангъ держалъ себя также великодушно. Съ чисто философскимъ спокойствіемъ онъ переносилъ возню и поддразниванія всегда готоваго на всевозможныя продѣлки шимпанзе.

Наконецъ, орангъ удостоился великой чести—его посѣтилъ человѣкъ. Животное вполнѣ оправдало оказанное ему довѣріе и показало себя достойнымъ человѣческаго сообщества. Приходитъ ли къ нему посѣтитель съ апельсинами (орангъ съѣдаетъ ихъ штукъ по пятнадцати въ день) или безъ нихъ—все равно, орангъ-утангъ одинаково радъ гостю. Орангъ совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ удостоилъ его своего общества. Онъ, котораго считали меланхоличнымъ и неприступнымъ, оказывается готовымъ на всякія продѣлки. Онъ выдѣлываетъ самые элегантные saltomortale, играетъ въ прятки, маскируется; для маскарадовъ своихъ онъ пользуется одѣяломъ или мѣшкомъ, пудрится опилками, которыми осыпанъ полъ его клѣтки, словомъ, доставляетъ зрителямъ много пріятныхъ часовъ. Съ наступленіемъ ночи онъ приготовляетъ себѣ изъ имѣющейся у него соломы постель и тщательно укрывается одѣяломъ. Спитъ онъ совершенно такъ, какъ спятъ люди; если его потревожить во время сна, то онъ ворчитъ и сердится, какъ человѣкъ, котораго разбудили не во время. Когда утромъ приходитъ сторожъ съ завтракомъ, орангъ-утангъ дружески протягиваетъ ему правую руку и подставляетъ губы, чтобы облобызаться, однимъ словомъ, выражаетъ свои чувства по человѣчески.

До сихъ поръ орангъ-утангъ этотъ совершенно здоровъ и можно надѣяться, что онъ проживетъ еще долго и послужитъ объектомъ для дальнѣйшихъ интересныхъ наблюденій. На свободѣ, въ своихъ роднымъ лѣсахъ, орангъ-утангъ смиренъ и спокоенъ. Онъ не робокъ и не бѣжитъ отъ человѣка, но равнодушно смотритъ на него. Усматривая близкую опасность или будучи преслѣдуемъ, онъ ищетъ убѣжища на вершинѣ дерева, гдѣ и прячется за толстую вѣтвь или забирается въ листву; если и тамъ онъ не считаетъ себя въ безопасности, то перебѣгаетъ съ дерева на дерево, но не съ бѣшеной стремительностью, какъ другія обезьяны, а медленно, осторожно, съ оглядкой. Раненый пулею и стрѣлою, онъ громко вскрикиваетъ, ломаетъ вокругъ себя вѣтви и бросаетъ ими въ непріятеля, съ цѣлью напугать его и заставить бросить преслѣдованіе.

Теперь обратимся къ гориллѣ. Горилла живетъ въ уединенныхъ и самыхъ темныхъ мѣстахъ глухихъ африканскихъ лѣсовъ, въ глубокихъ долинахъ, покрытыхъ рощами и на крутыхъ возвышенностяхъ. Онъ ведетъ жизнь постоянно бродяжническую; къ этому отчасти его побуждаетъ трудность находить свою любимую пищу. Хотя страшные клыки его могли бы давать ему возможность раздирать любое пойманное животное, однако горилла питается исключительно растительною пищею. Обезьяна эта — ужасная обжора. Ея большое брюхо, ясно обрисовывающееся, когда она поднимется на ноги, обличаетъ ея прожорливость; толстое тѣло гориллы и необыкновенное мышечное развитіе дѣйствительно требуютъ изряднаго количества пищи.

Эта африканская живая каррикатура на человѣка естественно заинтересовала собою не только ученый міръ, но и всю интелигентную часть европейской публики. Лѣтомъ въ прошломъ году пронесся слухъ, что находящійся въ дрезденскомъ зоологическомъ саду шимпанзе—вовсе не шимпанзе, а *горилла*. Слухъ этотъ распространялся все болѣе и болѣе, возникли споры и образовались даже партіи. Послѣ смерти шимпанзе «Мафука» и анатомическаго изслѣдованія трупа этой обезьяны, споръ не прекратился, и партія, утверждавшая, что то былъ горилла, усумнилась даже въ правильности анатомическаго изслѣдованія. Теперь, когда д-ру Фалькенштейну, члену африканской экспедиціи, удалось привезти съ береговъ Лоанго живого гориллу—вопросъ этотъ разрѣшенъ окончательно. Стоитъ только взглянуть на любого шимпанзе и сравнить его съ изображеніемъ берлинскаго гориллы, чтобы увидѣть, что эти двѣ обезьяны принадлежатъ къ двумъ различнымъ видамъ.

Горилла былъ открытъ въ 1847 году миссіонеромъ *Совэджемъ* на берегахъ рѣки Габуны. Обезьяна эта обратила на себя вниманіе своимъ высокимъ ростомъ, который у стараго самца превышаетъ ростъ человѣческій; разсказы о ея необыкновенной силѣ увеличили еще болѣе возбуждаемый ею интересъ. Чучелы, скелетъ и отдѣльныя заспиртованныя части тѣла гориллы были неоднократно доставляемы въ европейскіе музеи, но всѣ попытки привезти живого гориллу въ Европу до настоящаго времени были неудачны. Поймать взрослаго гориллу, при необузданной силѣ и дикости этой обезьяны, нечего было и думать; молодые же переносили неволю всего нѣсколько дней и затѣмъ умирали. Словомъ, д-ру Фалькенштейну первому удалось доставить благополучно живого гориллу въ Европу, именно въ Берлинъ. Эта обезьяна была поймана совсѣмъ маленькой въ первобытномъ

Библиотека "Руниверс"

лѣсу Понта-негра туземцами и продана ими негоціантамъ-путешественникамъ. Отъ этихъ послѣднихъ и получилъ ее д-ръ Фалькенштейнъ въ благодарность за леченіе (2-го октября 1875 г.). Маленькое животное находилось въ то время въ такомъ жалкомъ состояніи, что дни его, казалось, были уже сочтены; однако, благодаря раціональному и тщательному уходу д-ра Фалькенштейна, она поправилась, и выздоровѣвъ послѣ тяжкой болѣзни, сопровождавшейся мучительными судорогами, въ январѣ уже весело играла съ животными и людьми на станціи Хинхоксо, гдѣ маленькій «М'Пунго» (т. е. чортъ, какъ негры Лоанго называютъ гориллу), гулялъ на свободѣ. 5-го мая текущаго года д-ръ Фалькенштейнъ съ своими спутниками, гориллой и др. животными, между которыми былъ и шимпанзе съ коричневымъ цвѣтомъ лица, сѣли на пароходъ «Лоанда» и 21-го іюня благополучно прибыли въ Ливерпуль, гдѣ ихъ ожидала почетная встрѣча со стороны мужей науки и публики. Старикъ Дарвинъ, не могшій по болѣзни явиться самъ, письменно привѣтствовалъ д-ра Фалькенштейна. Отъ береговъ Лоанго до Гамбурга юный «М'Пунго», за котораго въ Англіи давали 2,000 фунтовъ стерлинговъ, путешествовалъ безплатно. Въ Гамбургъ путешественники прибыли 26-го іюня, а 29-го отправились въ Берлинъ. Въ Берлинѣ африканское общество помѣстило гориллу въ акваріумѣ и потомъ уступило ее этому заведенію за 20,000 марокъ.

«М'Пунго», изображенный на нашемъ рисункѣ, имѣетъ около 2 лѣтъ, ростомъ онъ въ два съ половиною фута и теперь уже широкоплечъ, толстъ, очень силенъ и обнаруживаетъ веселый, шаловливый нравъ; вѣситъ онъ около пуда. Короткая шерсть его черно-сѣраго цвѣта, мѣстами попадаются совершенно бѣлые волоски; голыя лицо и руки чернаго цвѣта. Замѣчательно выражаетъ онъ чувство удовольствія и радости, а именно въ такихъ случаяхъ онъ хлопаетъ въ ладоши или ударяетъ себя въ грудь. Разсказы Дю-Шалью о томъ, что старые гориллы въ гнѣвѣ тоже ударяютъ себя въ грудь—считались до сихъ поръ вымышленными, хотя знаменитый Оранъ и подтверждалъ это.

Относительно роста и тѣлосложенія горилла безспорно самая человѣкообразная обезьяна, но такъ какъ именно въ устарѣвшей гориллѣ рѣзче всего проявляется звѣрь, то профессоръ Бишофъ правъ, считая еще нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, кто изъ антропоидовъ: горилла, шимпанзе или орангъ-утангъ человѣкообразнѣе? Для рѣшенія этого вопроса недостаточно знакомства съ одною внѣшностью этихъ животныхъ, нужно познакомиться еще поближе съ умственными способностями и нравами этихъ животныхъ. Относительно образа жизни и нравовъ ихъ мы имѣемъ пока самыя ничтожныя данныя.

Разсказываютъ, что и маленькій горилла уже необыкновенно силенъ: четверо сильныхъ людей не могли удержать одного гориллу, которому было только $2^1/_2$ года. Взрослый горилла можетъ расплющить зубами ружейный стволъ и, какъ увѣряютъ, ломаетъ руками деревья отъ 4—6 дюймовъ въ діаметрѣ; горилла не употребляетъ для своей защиты искуственнаго оружія и сражается руками, причемъ пускаетъ въ дѣло и зубы. Дю-Шалью говоритъ, что часто видѣлъ черепа гориллъ, въ которыхъ огромные клыки ихъ были выломаны, и негры объяснили ему, что потеря эта произошла во время дуэлей самцовъ за преобладаніе самкою. Африканцы охотно ѣдятъ мясо гориллы. Шкура этого звѣря также толста и плотна, какъ бычачья кожа, но гораздо нѣжнѣе, чѣмъ у другихъ обезьянъ.

Политическое обозрѣніе.

Не смотря на то, что въ теченіе почти 2-хъ мѣсячной кровавой борьбы славянъ съ турками, мы переживали тяжелыя минуты томительной неизвѣстности относительно ея исхода, не смотря на то, что приходившія иногда съ театра войны извѣстія (часто фабрикованныя съ злонамѣренною цѣлью) изображали дѣло сербовъ въ мрачномъ свѣтѣ,—не смотря на все это, мы твердо сохраняли вѣру въ торжество праваго дѣла и надѣялись, что стойкость, энергія и храбрость, непокинутъ сербовъ въ тяжелую и рѣшительную минуту ихъ борьбы съ исконнымъ врагомъ. Ожиданія эти вполнѣ оправдались: (великая шестидневная борьба сербовъ съ турками, подъ Алексинацемъ, безпримѣрная по своей продолжительности, окончилась совершеннымъ пораженіемъ турокъ. Не смотря на отчаянныя усилія пробиться чрезъ Алексинацъ, съ цѣлью разграбить, разрушить, залить кровью всю сербскую землю, они не могли осуществить своихъ варварскихъ намѣреній и потерпѣли, напротивъ, совершенное пораженіе. Съ перваго же дня боя, (7-го августа), у турокъ со стороны Ниша было болѣе 50-ти тысячъ человѣкъ. Все показывало, что турки рѣшились во чтобы то ни стало овладѣть позиціей сербовъ. Турецкій генералъ стянулъ сюда всѣ свободныя силы, ослабивъ даже нѣкоторыя другіе болѣе или менѣе важные въ стратегическомъ отношеніи пункты. Генералъ Черняевъ, продолжая мужественную оборону Алексинаца, перешелъ по всей линіи Тимока къ энергическому нападенію. Двинутая имъ впередъ въ тылъ непріятеля бригада Хорватовича овладѣла снова Княжевацомъ и Тресибабьей Планиной, а затѣмъ, согласно опредѣленному плану, Хорватовичъ обошелъ, въ рѣшительный день битвы, лѣвый флангъ турецкой арміи. Въ этотъ же день турки, вынужденные принять сраженіе въ открытомъ полѣ, были окончательно опрокинуты и прогнаны за Мораву, гдѣ еще оставались въ окопахъ. Пораженіе это было бы еще рѣшительнѣе, если бы молодыя сербскія войска, выказавшія во все продолженіе этой неслыханной доселѣ бойни, блистательное мужество, не были слишкомъ утомлены, почему и не могли преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля. Но, послѣдняя депеша отъ 14 августа извѣщаетъ, что полковникъ Раевскій, довершивъ пораженіе праваго крыла турокъ, продолжалъ преслѣдованіе. Такимъ образомъ бой между Алексинацемъ и Нишемъ продолжается. Не дешево, конечно, обошлась побѣда сербамъ, русскихъ добровольцевъ въ этой шестидневной битвѣ пало 31 человѣкъ, но еще дороже стоятъ туркамъ ихъ попытки: они потеряли отъ 15-ти до 20-ти тысячъ убитыми и значительную часть артиллеріи.

Со стороны Черногоріи замѣтныхъ перемѣнъ еще не послѣдовало, Мухтаръ-паша продолжаетъ свое спокойное, но не вполнѣ свободное пребываніе въ Требинье, отрѣзанный почти отовсюду черногорцами, говоримъ «почти», такъ какъ ему любезно предоставлена возможность перейти на австрійскую границу, по направленію къ Рагузѣ. Положеніе его ухудшилось, конечно, вслѣдствіе пораженія, понесеннаго Махмудомъ Пашой подъ Кучимомъ, близь Подгорицы. Мушару (генералу) Мухтару, поэтому, остается только или сдаться, или уйти въ Австрію. Князь Николай окончательно основалъ свою главную квартиру въ Даниловградѣ.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, сербскій князь хотя и принялъ предложеніе консуловъ начать переговоры о мирѣ, но военныя дѣйствія не будутъ прекращены до соглашенія въ основаніяхъ мира. Теперь стало совершенно ясно, что съ ухудшеніемъ военныхъ шансовъ Турціи европейскіе ея друзья начинаютъ усиленно хлопотать въ пользу мира, надѣясь заключить его раньше, чѣмъ турецкія войска будутъ окончательно выброшены изъ предѣловъ Сербіи. Нельзя неудивляться этимъ хлопотамъ о мирѣ, какъ будто онъ можетъ къ чему нибудь повести послѣ того, что пришлось перетерпѣть многострадальнымъ славянамъ, будто возможно представить себѣ дальнѣйшее существованіе Турціи, той самой Турціи, правительство которой допустило такія неслыханныя, безчеловѣчныя звѣрства въ Болгаріи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ея дикія орды баши-бузуковъ и черкесовъ. Миръ, полагаемъ, возможенъ только на условіяхъ совершеннаго освобожденія изъ подъ власти Турціи всѣхъ христіанскихъ областей, такъ много отъ нея страдавшихъ.

Изъ Греціи идутъ слухи о томъ, что она вооружаетъ теперь всѣ свои военныя силы, чтобы быть, на всякій случай, готовой къ войнѣ. Порта между тѣмъ дѣлаетъ все, чтобы раздражить греческое населеніе. Еще въ то время, когда греческое правительство энергично протестовало противъ колонизаціи Ѳессаліи 80,000 черкесовъ, оно намекнуло довольно ясно, что ему, даже съ напряженіемъ всѣхъ силъ, невозможно будетъ удержать порывъ національнаго чувства грековъ. Не смотря на это, угнетеніе въ Македоніи возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Назначеніе извѣстнаго еще со времени критскаго возстанія генералъ-маіора Коронеоса начальникомъ національной гвардіи,—дало странѣ гарантію въ томъ, что искорѣ эта гвардія будетъ преобразована по образцу прусскаго ландвера. Въ настоящее время Коронеосъ занятъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ президентомъ министерства составленіемъ соотвѣтствующаго законопроэкта. Тѣмъ не менѣе, національная гвардія будетъ призвана къ оружію еще раньше открытія засѣданій палаты. Если дѣло дойдетъ до войны, то чрезъ нѣсколько дней Греція можетъ выставить до 100,000 человѣкъ войска.

Смѣсь.

Укрѣпляющая желудокъ эссенція изъ ежевики. Взять полфунта совершенно спѣлой ежевики и размять ее въ ступкѣ; затѣмъ истолочь $^1/_4$ фун. пряныхъ кореньевъ, 2 унц. корицы и 3 унц. гвоздики, перемѣшать все это вмѣстѣ съ ежевикой и медленно сварить эту массу на умѣренномъ огнѣ; потомъ пропустить сокъ чрезъ мѣшечекъ изъ чистаго холста и прибавить

Библиотека "Руниверс"

на каждую мѣру этого сока фунтъ сахару. Наконецъ эссенцію эту проварить вновь, снять ее съ огня и, давъ остыть, прибавить къ ней двѣ мѣры коньяку высшаго сорта. Взрослые могутъ принимать этой эссенціи одну рюмку, а дѣти, соображаясь съ возрастомъ ихъ, отъ одной чайной до столовой ложки. Будучи смѣшана съ водой эссенція эта служитъ пріятнымъ прохладительнымъ напиткомъ.

Краска для зданій. Недорогую желтую краску для зданій можно приготовить слѣдующимъ образомъ: известковое молоко нужно смѣшать съ растворомъ желѣзнаго купороса Первоначально зеленоватая краска, послѣ окраски ею зданія когда просохнетъ, — приметъ желтый цвѣтъ. Чѣмъ больше прибавлять къ извести раствора желѣзнаго купороса, тѣмъ темнѣе становится краска, которая, говорятъ, хорошо держится на стѣнѣ, и гораздо красивѣе, чѣмъ краска, смѣшанная съ известью или охрой; кромѣ того и приготовленіе описаннымъ выше способомъ желтой краски обходится недорого.

Новое изобрѣтеніе.

До сихъ поръ при игрѣ на роялѣ поднятіемъ фортовой педали всѣ тоны безъ различія получали одинаковое продолженіе, а опусканіемъ ея всѣ опять разомъ замолкали. Въ настоящее время фортепіанный мастеръ Фридрихъ Шиллеръ (Б. Морская № 17), изобрѣлъ новую педаль prolongement, допускающую фиксировать цѣлый рядъ тоновъ, аккордовъ, пассажей и пр., освобождая въ ту же секунду ноги и руки играющаго для украшенія фиксированнаго основного аккорда. И при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ новой педали, обогащая инструментъ небывалыми эффектами, механизмъ ея геніально простъ, употребленіе и примѣненіе ея къ дѣлу дается въ нѣсколько минутъ каждому.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Назначенное на этотъ номеръ окончаніе статьи «Взятіе Константинополя», по недостатку мѣста отложено до № 35 «Нивы».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Пенза. А. С. Б.** Стихи Ваши напечатаны не будутъ, собственно по обилію у насъ этого матеріала. На вопросъ же Вашъ о ихъ достоинствѣ отвѣчаемъ откровенно: такихъ стиховъ доставляются намъ массы и повѣрьте, Вы лучшее сдѣлаете употребленіе изъ свободнаго отъ Вашихъ домашнихъ обязанностей времени, если займетесь чтеніемъ полезныхъ книгъ.

2) **Ст. Медвѣденка. А. Н. М.** Присланные снимки намъ неподходятъ, какъ дающіе слишкомъ скудное понятіе о народной жизни.

3) **Нижній Новгородъ. Я. В. Богоявленскому.** Принять не можемъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Гора Синай и синайскій монастырь** (съ рисункомъ) — **Гимнъ славянамъ.** Стихотвореніе Людовика Джіакконе (съ французскаго) **Щ.** — **Золотошвейка** (Быль изъ недавняго прошлаго). **Н—ый.** — **Императоръ и императрица бразильскіе** (съ двумя портретами). — **Скандинавскій художникъ Петръ Арбо и его картина «Разсвѣтъ»** (съ рисункомъ). **Z.** — **Болгарскіе бѣглецы въ Балканахъ** (съ рисунками). — **Счастливые дни.** (Картина Шаплена) (съ рисункомъ). — **Орангъ-утангъ и горилла въ берлинскомъ акваріумѣ** (съ двумя рисунками). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Новыя изобрѣтенія. — Заявленіе. — Почтовый ящикъ — Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Съ іюля выходитъ въ Петербургѣ, по воскреснымъ днямъ,

новая политическая и литературная газета

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Издаваемая и редактируемая Г. К. ГРАДОВСКИМЪ (Гаммою).

СОДЕРЖАНІЕ послѣднихъ двухъ нумеровъ, вышедшихъ 25-го іюля и 1-го августа:

I. № 3. **ГОТОВЫ ЛИ МЫ КЪ ВОЙНѢ?**—Извѣстіе о военно-конской повинности.—**СЕРБСКОМУ НАРОДУ!**—Стихотвореніе **Н. В. Сим—скаго.**—**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.**—Борьба юго-славянъ, **Юрія Б.**—Послѣднія извѣстія съ театра войны.—**ФЕЛЬЕТОНЪ, Гаммы:** Какъ мы преуспѣвали, да не преуспѣли.—Ни взадъ, ни впередъ.—Пора оглядѣться, пока громъ не грянулъ.—Болѣзненныя впечатлѣнія морской газеты.—Какую помощь русскій народъ желалъ бы оказать славянамъ.—Что подѣлать съ «политикою».—Новые и старые друзья славянской идеи. **ОБЛАСТНЫЕ ОЧЕРКИ:** Исторія ливенскаго «лжеучителя» и «еретика».—Секретное отдѣленіе въ московской синодальной библіотекѣ.—«La rascol et les cectes en Russie»—Сторона религіозная и экономическая въ новомъ движеніи раскола.—Необходимость коренной реформы въ православномъ духовенствѣ.—Полемическая дѣятельность казанской духовной академіи противъ раскола.—Любопытный доводъ.—**ХРОНИКА.**—Изъ газетъ и журналовъ. **БИБЛІОГРАФІЯ** (пять новыхъ книгъ).

II. № 4. **РУССКІЙ НАРОДЪ И ЕВРОПА.**—Изъ внутренняго обозрѣнія: правила объ отпускѣ нижнихъ чиновъ въ запасъ.—Убытки отъ волковъ.—Пожертвованія.—**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.**—Борьба юго-славянъ **Юрія Б.**—Новѣйшія извѣстія съ театра войны.—**ФЕЛЬЕТОНЪ, Гаммы.**—Три письма.—Какъ заводится общественное настроеніе?—Вытѣсненіе образованныхъ людей изъ захолустныхъ уголковъ провинціи.—Ближайшія наши моды.—Помники русскимъ людямъ въ Западномъ краѣ.—Скитальческая жизнь.—За Богомъ правда не пропадаетъ.—Одинъ изъ оберегателей печатнаго слова.—Куда занесла насъ полиція?—Необходимая оговорка.—**ДЫХАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССЪ РАСТЕНІЙ, Н. М.—ХРОНИКА.**—Изъ газетъ и журналовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ, 5 руб., на 1/2 года, 3 руб., на 4 мѣс. (съ 1-го сентября) 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ главной конторѣ при «книжномъ магазинѣ для иногородныхъ» М. П. Надѣина (С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 44).

Иногородные адресуютъ исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «Русское Обозрѣніе» (Бассейная, № 8). № 52.

Продается имѣніе.

Минской губерніи, Борисоевскаго уѣзда, на рѣкѣ Березинѣ, въ 20-ти верстахъ отъ г. Борисова, гдѣ станція Московско-Брестской желѣзной дороги. Въ имѣніи находится жилой домъ въ 9 комнатъ, всѣ хозяйственныя постройки, выстроенныя большею частію вновь; кромѣ того два фольварка, мельница, суконвальня и двѣ корчмы. Оброчныя статьи могутъ приносить до 1000 руб. въ годъ дохода. Всей земли 2,332 десятины, изъ нихъ подъ усадьбами, садомъ и огородами 12 дес., пахотной 318 дес., сѣнокосу 162 дес., выгону 6 дес., неудобной 41 дес. и лѣсу бережепато 1793 дес. Лѣсъ при рѣкѣ Березинѣ и состоитъ изъ сосны, ели, дуба, ясени, ольхи, березы и осины. Отъ разчистки лѣса количество сѣнокосовъ легко можетъ быть удвоено. Все имѣніе, кромѣ лѣса, отдавалось въ аренду за 2000 р. въ годъ. Виленскимъ Земельнымъ Банкомъ имѣніе это съ лѣсомъ оцѣнено въ 35,998 руб., но по случаю продается за 30,000 руб. За подробнѣйшими свѣдѣніями слѣдуетъ обращаться ко владѣльцу имѣнія Владим. Александ. Максимову, въ г. Вильну, на Островоротной улицы, въ домѣ Баркенбергъ. № 51.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА
въ Ригѣ.

Имѣетъ честь увѣдомить гг. любителей, что новые иллюстрированные каталоги деревамъ, растеніямъ, цвѣточнымъ луковицамъ и проч., на 1876 г., изданы и разсылаются безплатно по требованію. 3—2

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—2

Вышла въ свѣтъ и разсылается подписчикамъ **новая книга,** составленная законоучителемъ 1-й гимназіи и 1-го реальнаго училища въ С.-Петербургѣ, священникомъ **Михаиломъ Соколовымъ,**

„ЗАКОНЪ БОЖІЙ“

(свящ. исторія, молитвы, богослуженіе, заповѣди, изрѣченія св. писанія) для одноклассныхъ и двуклассныхъ училищъ, народныхъ школъ, городскихъ училищъ, приготовительныхъ классовъ духовныхъ училищъ, гимназій и прогимназій, для полковыхъ школъ и для поступающихъ со льготами 4-го разряда. Цѣна книги 35 к., пересылка за 14 лотовъ.

Нагляднымъ пособіемъ къ этому курсу служатъ, **одобренныя** учебнымъ комитетомъ свят. синода и удостоенныя чести посвященія имени **ея императорскаго высочества государыни цесаревны Маріи Федоровны 50 картинъ по священной исторіи** (размѣръ 9—13 верш.), рисованныя художникомъ В. Крюковымъ и издаваемыя «Товариществомъ заведенія метахромотипіи Ракочій, Сидорскій и комп.»

3-й выпускъ картинъ печатается и будетъ разсылаться подписчикамъ въ концѣ августа этого года, вслѣдъ за 3-мъ выпускомъ приступлено будетъ немедленно къ печатанію 4-го выпуска, 5-й выпускъ выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ декабря мѣсяца этого года.

Подписка на картины и книги продолжается и принимается исключительно въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 27, въ конторѣ **заведенія метахромотипіи,** въ которомъ заготовлены въ значительномъ количествѣ **иконописныя лицевыя святцы,** состав. акад. Солнцевымъ, **образа двунадесятыхъ праздниковъ,** иконы для школъ, для благословеній и церквей. Принимаются **заказы:** на церковныя одежды, иконостасы, живописные мѣстные образа и вообще на всѣ церковныя принадлежности. Объ картинахъ изданія метахромотипіи въ журнальномъ постановленіи учебнаго комитета Св. Синода сказано: „Издаваемыя заведеніемъ метахромотипіи картины священной исторіи **вполнѣ заслуживаютъ одобренія и поощренія,** такъ какъ по красотѣ отдѣлки, размѣру картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ **не оставляютъ желать чего либо лучшаго;** поэтому учебный комитетъ находитъ весьма полезнымъ **преимущественно** предъ всѣми другими изданіями картинъ по закону Божію **рекомендовать** это изданіе во всѣ учебныя заведенія, какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ“.

Желающимъ прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 53.

Учебный географическій атласъ Іордана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно переделаннымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ нумеровъ (4 листа) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большой частью Азіятской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.

Также вышло **9** изданіе **„Историческій атласъ“** Іордана, цѣна **1** руб. **25** коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйлера, литографія у Каменнаго моста, д. Олнвье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 19 Августа 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. **Веллинга.** Англ. пр., № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 35 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 30 Августа 1876 г. — Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.
На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Іованъ Ристичъ.

Къ числу лицъ, пользующихся наибольшей извѣстностью въ настоящее время, безспорно принадлежитъ Іованъ Ристичъ. Благодаря рѣшительной силѣ воли, неустанному труду, непреклонному упорству и желѣзной послѣдовательности, Ристичъ, еще не достигнувъ пятидесятилѣтняго возраста, занялъ такое положеніе, которое сосредоточиваетъ на немъ вниманіе всей Европы. Подобно большинству выдающихся дѣятелей современной Сербіи, Ристичъ окончилъ свое образованіе въ Германіи и Франціи. Самыя основательныя познанія онъ пріобрѣлъ въ Берлинѣ. По своемъ возвращеніи на родину, Ристичъ, благодаря основательности своихъ познаній и умѣнью примѣнить ихъ къ дѣйствительной жизни, въ скоромъ времени успѣлъ поступить на государственную службу. Покойный князь Михаилъ тотчасъ же оцѣнилъ способности Ристича и послалъ его въ Константинополь, въ качествѣ представителя Сербіи. Ристичъ оправдалъ возложенное на него довѣріе и наиболѣе въ то время, когда возникли разногласія между Портой и Сербіей, кончившіяся бомбардированіемъ Бѣлграда, 17 Іюня 1862 года. Въ то время, какъ родственникъ Ристича, Магазиновичъ, (объявившій въ нынѣшнемъ году отъ имени Сербіи войну Турціи), сражался на баррикадахъ, воздвигнутыхъ при входѣ въ Бѣлградъ, противъ занятой турками крѣпости, самъ Ристичъ такъ искусно и такъ хитро исполнилъ тайныя порученія своего князя, что, въ концѣ концовъ, турки не только уступили, безъ всякаго дальнѣйшаго кровопролитія Бѣлградъ, но и предоставили князю, за небольшую выкупную сумму, весь турецкій кварталъ и отказались, отъ права, держать гарнизоны какъ въ Бѣлградѣ, такъ и въ другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ Сербіи, вслѣдствіе чего, страна была освобождена отъ послѣдняго видимаго знака подданства, и ей оставалось только платить дань, что во всякомъ случаѣ, не могло вредить ея внутреннему развитію. Ободренный подобнымъ успѣхомъ, князь Михаилъ далъ Ристичу, спустя нѣсколько лѣтъ, еще болѣе важное, еще болѣе труд-

Іованъ Ристичъ, сербскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

ное порученіе, а именно: постараться склонить Порту передать, управленіе Босніи, отъ имени султана, князю Михаилу, за что послѣдній обязывался, отъ имени Сербіи, ежегодно, уплачивать падишаху довольно значительную дань. Принадлежала-ли подобная мысль Ристичу или самому князю,—неизвѣстно; довольно того, что Ристичъ долженъ-былъ стараться привести ее въ Константинополѣ въ исполненіе, дѣйствуя отчасти золотомъ, а отчасти угрожая, что князь Михаилъ вступитъ въ Боснію съ войскомъ. Въ то время, какъ Ристичъ выказывалъ въ Константинополѣ необычайную дѣятельность, а Сербія уже совсѣмъ была готова къ начатію военныхъ дѣйствій, князь Михаилъ внезапно погибъ вблизи Бѣлграда отъ руки убійцы. Увѣдомленный объ этомъ, а также о томъ, что нѣтъ наслѣдника престола, Ристичъ поспѣшилъ въ Сербію и достигъ, вслѣдствіе своего личнаго вліянія того, что ему, вмѣстѣ съ Миливоемъ Блазнавачемъ и Іованомъ Гавриловичемъ, было поручено управлять страной, что онъ и продолжалъ, къ великой пользѣ Сербіи, до самаго совершеннолѣтія князя Милана. Большинство законовъ, и распоряженій, изданныхъ втеченіи четырехлѣтняго регентства Ристича, для приведенія въ порядокъ внутренняго устройства Сербіи, а также теперешняя политическая конституція страны обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, ему. Сербская-же армія была организована Блазнавачемъ и всего болѣе Захомъ. По вступленіи на престолъ князя Милана, въ составъ министерства вошли Блазнавачъ и Ристичъ; черезъ два года, Блазнавачъ скончался, и Ристичъ былъ затѣмъ долгое время единственнымъ руководителемъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ дѣлъ Сербіи. Въ паденіи кабинета Марковича, и двухъ слѣдовавшихъ за нимъ министерствъ Ристичъ не принималъ никакого участія; на кабинетъ-же Кальевича, Ристичъ оказывалъ большое вліяніе, хотя и не могъ, придать этому коалиціонному правительству той силы и энергіи, которую бы слѣдовало, для блага Сербіи, выказать осенью 1875 и весной 1876 года. Внутренніе раздоры и натянутость внѣшнихъ отношеній сдѣлали потомъ положеніе дѣлъ невыносимымъ. Руководящія сферы въ Бѣлградѣ не могли болѣе справиться ни съ внутреннимъ волненіемъ, ни съ внѣшними затрудненіями и потому въ маѣ, когда должно было послѣдовать рѣшеніе, князь снова поставилъ Ристича во главѣ кабинета. Надо замѣтить, что еще гораздо раньше происходили, частью черезъ посредниковъ, а частью лично, переговоры между княземъ Миланомъ и Ристичемъ, которые не повели тогда, однако, ни къ чему. Впрочемъ, каковъ-бы ни былъ исходъ теперешней борьбы для Сербіи, все-таки несомнѣнно, что главное участіе въ настоящихъ событіяхъ выпадаетъ на долю Ристича.

Золотошвейка.

(Быль изъ недавняго прошлаго).

(Окончаніе).

IV.

Всѣ жившіе въ имѣніяхъ князя Стародубскаго были въ полномъ подчиненіи матери.

Пользуясь этимъ княгиня-мать уговорила священника подгороднаго села, частью угрозою, частью подарками, огласить въ церкви, что ея дворовый человѣкъ, исполняющій должность кучера, Максимъ Ивановъ Селифонтовъ, сочетается бракомъ съ дѣвицею Ольгой Петровой Старонольской, но о званіи невѣсты не объявлять.

Хотя сельскій священникъ и понималъ, что такое требованіе не въ порядкѣ и не совсѣмъ законно, но принявъ въ соображеніе, что его прихожане и не подумаютъ обратить на это вниманія, а представятъ себѣ, что вѣроятно княгиня нашла невѣсту Селифонтову, согласился исполнить ея волю.

Молодой князь ничего объ этомъ не зналъ.

Въ день, назначенный для свадьбы, княгиня довольно рано потребовала къ себѣ и сына и объявила ему, что ея вчерашняя болѣзнь не только не уменьшилась, но даже усилилась и что по этому, волей неволей приходится отложить вѣнчанье.

— А какъ же Ольга, спросилъ князь. Я поѣду увѣдомить ее о случившемся.

— Не нужно, отвѣчала княгиня. Бѣдная дѣвочка можетъ пострадать отъ внезапнаго объявленія ей объ отсрочкѣ. Предоставь ужь это мнѣ. Я напишу баронессѣ X. Она уладитъ все. На время оставь меня... Мнѣ тяжело.

Спустя часъ времени, Максимъ пробрался въ кабинетъ князя.

Князь удивился.

— Что тебѣ нужно, спросилъ онъ.

Максимъ сдѣлалъ знакъ, чтобы князь говорилъ тише.

— Что случилось?

— А то, ваше сіятельство, что противу васъ строятся козни.

— Козни, говоришь ты. Но кѣмъ же?

— Вашей матушкой, ваше сіятельство.

— Максимъ, будь остороженъ!

— Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство. Мы знаемъ себя.

— Такъ объяснись.

— Ваше вѣнчаніе отложено?

— Да, пока не поправиться матушка.

— Но ихъ сіятельство изволятъ быть въ вожделѣнномъ здравіи.

— Ты лжешь!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство. Сію минуту матушка княгиня изволила говорить со мной и въ такомъ благополучномъ положеніи, какъ дай Богъ всякому.

— Что же все это значитъ?

— Не могимъ знать, ваше сіятельство. По моему глупому разумѣнію козни-съ:

— Да въ чемъ же онѣ состоятъ?

— Кабы я понималъ все досконально, я бы такъ и доложилъ вашему сіятельству. Извѣстно ли вашему сіятельству, что ваша матушка изволитъ сегодня женить меня, да такимъ манеромъ, что невѣсту увижу я только у аналоя.

— Женить тебя? Увидишь невѣсту только у аналоя? Что это значитъ?

— Не могимъ знать-съ? Полагательно, не Ольга-ли Петровна невѣста-съ?

— Ты съума сошелъ?

— Можетъ быть-съ, ваше сіятельство, желалъ бы того отъ души, да боюсь, что не такъ.

— Послушай, Максимъ, я самъ думаю, что дѣло не чисто. Вотъ что я тебѣ скажу: къ восьми часамъ будь въ церкви и если только увидишь тамъ Ольгу Петровну, то лети ко мнѣ. А тамъ ужь мое дѣло.

Около восьми часовъ вечера онъ явился.

— Бѣда, ваше сіятельство! моя догадка справедлива. Кромѣ барышни Ольги Петровны никого нѣтъ одѣтой невѣстой.

— Хорошо, сказалъ князь, отрывисто. Поди, найми мнѣ карету.

Карета была нанята и князь отправился въ пригородное село свое. Войдя въ церковь и увидя Ольгу въ брачномъ костюмѣ, онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и подвелъ къ аналою.

— Потрудитесь, батюшка, начинать обрядъ.

— Но, ваше сіятельство, оглашеніе было сдѣлано не о васъ, отвѣчалъ священникъ.

— Ну такъ чтожь? Это ужь мое дѣло. Я все беру на себя.

Священникъ все еще не рѣшался; но замѣтивъ суровый взглядъ князя и вспомнивъ, что настоящій то помѣщикъ онъ, рѣшился уступить.

Обрядъ начался и хотя шаферами были молодые крестьяне, но князь не обратилъ на это вниманія.

Послѣ обряда князь, принявъ поздравленіе отъ бывшихъ въ церкви, усадилъ свою молодую жену въ ка-

Библиотека "Руниверс"

рету и приказалъ ѣхать въ городъ на квартиру свою, гдѣ жилъ съ матерью.

Не того ожидала княгиня и потому, когда молодой князь въ сопровожденіи гостей вошелъ въ залу, она чуть не упала въ обморокъ.

V.

Отношенія тещи и невѣстки были сначала крайне натянуты. Старая княгиня долго не могла простить Ольгѣ, что она, по ея выраженію, отняла у нея сына. Но мало по малу кротость и снисходительность молодой женщины успѣли обезоружить гордую и своенравную, не терпѣвшую противорѣчія аристократку. Время отъ времени привязанность къ невѣсткѣ достигла въ старой княгинѣ того, что ей скучно становилось, если она не видѣлась съ нею въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Обыкновенно обѣ эти женщины вмѣстѣ, иногда въ сопровожденіи князя, а иногда и безъ него, посѣщали знакомыхъ своихъ; но бывало, что Ольга выѣзжала и одна. Въ такихъ случаяхъ старая княгиня, особенно если наступало позднее время, начинала безпокоиться, если невѣстка долго не возвращалась. Она даже посылала за ней.

— Васъ, maman, очень любитъ, говорили знакомые: она нѣсколько часовъ не можетъ пробыть безъ васъ.

— Это правда, отвѣчала Ольга: старушка скучаетъ въ одиночествѣ.

Рожденіе первенца внука, котораго такъ страстно желала имѣть старая княгиня, еще болѣе скрѣпило ея связь съ невѣсткой.

Такъ протекло около десяти лѣтъ. У Ольги было уже четверо дѣтей.

Старая княгиня скончалась, а за нею слѣдомъ померъ и мужъ Ольги.

Такія двѣ чувствительныя и почти одна вслѣдъ за другою послѣдовавшія потери, разумѣется, не могли не повліять на здоровье Ольги, но она перенесла свое горе и уже начала свыкаться съ своимъ положеніемъ, какъ вдругъ—новое горе. Прошло послѣ смерти мужа и его матери не болѣе полугода,—явились претенденты на наслѣдство послѣ умершихъ.

Къ Ольгѣ явился полицейскій чиновникъ съ понятыми и объявилъ, что онъ присланъ для производства описи и наложенія ареста на все имущество князя Стародубскаго, какъ движимое, такъ и недвижимое, такъ какъ она, Ольга, урожденная Старопольская, вовсе не законная супруга князя Стародубскаго, а прижитыя съ нимъ дѣти—незаконнорожденныя.

Все это произвело на молодую женщину такое сильное впечатлѣніе, что она упала въ обморокъ. Полицейскій чиновникъ приступилъ къ своему дѣлу. Ей дозволено было забрать лишь свой гардеробъ, какъ бы приданое и одежду дѣтей.

На все остальное наложены были печати и молодой женщинѣ назначенъ былъ трехдневный срокъ на выѣздъ изъ дома, со всѣмъ своимъ семействомъ, изъ дома, въ которомъ она провела счастливыхъ десять лѣтъ.

Къ кому не обращалась бѣдняжка, и къ губернатору, и къ предводителю дворянства, вездѣ получала отказъ и наконецъ двери сановниковъ навсегда закрылись для нея.

Хотя эти господа и были убѣждены въ правотѣ ея дѣла, но какъ обстоятельства были противъ нея, то они не могли ей помочь. Дѣло въ томъ, что изъ церковной книги о бракахъ дана была справка, что дѣвица Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ князя Стародубскаго Максимомъ Селифонтовымъ, и хотя метрическія свидѣтельства ея дѣтей гласили, что они рождены отъ князя Стародубскаго и его законной супруги, но въ виду данной вышеупомянутой справки, свидѣтельства эти признаны незаконносоставленными.

Одной только милости добилась Ольга: въ виду противорѣчія между обыскной книгой и метрическими, чтобы ей и ея дѣтямъ дозволено было проживать по виду, въ которомъ значилась ея дѣвическая фамилія.

Бѣдной женщинѣ оставалось одно: искать защиты у высшаго начальства въ Потербургѣ.

Она уѣхала въ Петербургъ.

Къ счастью она не продала своего маленькаго домика въ Колтовской, и онъ послужилъ большимъ подспорьемъ для нея.

Первымъ ея дѣломъ было подать, куда слѣдовало, прошеніе объ оказаніи ей правосудія въ дѣлѣ по неправильному отнятію родственниками мужа имѣнія у его законныхъ дѣтей.

На это послѣдовалъ отвѣтъ, что такъ какъ въ обыскной книгѣ Г* прихода за 182* годъ значится, что она, Ольга, урожденная Старопольская, законно вѣнчана съ крестьяниномъ Селифонтовымъ, а не съ княземъ Стародубскимъ, то ни она, ни ея дѣти не имѣютъ никакихъ правъ ни на княжескій титулъ ни на имѣнія князя Стародубскаго.

Затѣмъ ей посовѣтовали подать вновь прошеніе, въ которомъ, по подробномъ изложеніи всѣхъ обстоятельствъ, своего бракосочетанія съ княземъ Стародубскимъ и о совмѣстномъ въ теченіе десяти лѣтъ сожительствѣ съ нимъ, просить опроса какъ бывшихъ въ церкви при бракосочетаніи ея съ княземъ Стародубовскимъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ, при которыхъ князь представлялъ на дому своей матери ее, Старопольскую, какъ свою законную супругу.

Но и второе прошеніе имѣло тотъ же результатъ, какъ и первое,

Этотъ послѣдній отвѣтъ сломилъ всякую энергію бѣдной женщины; а между тѣмъ ея средства съ каждымъ днемъ все уменьшались, да уменьшались, и расходы увеличивались: нужно было воспитывать дѣтей.

Ольга ни съ кѣмъ не вела знакомства, кромѣ одной бывшей подруги своего дѣтства, которая вышла замужъ за одного небогатаго чиновника. Ей только одной повѣряла она всякое горе свое и у ней спрашивала обо всемъ совѣта.

Тетки ея, старушки Житеневой, уже не было въ живыхъ.

Чтобъ увеличить свои средства къ существованію, Ольга, какъ искусная рукодѣльница, прибѣгнула къ старинному источнику—работѣ для магазиновъ. Но ей, вопервыхъ, трудно было достать работу потому, что тѣ магазины, для которыхъ она работала десять лѣтъ тому назадъ, были въ вѣдѣніи новыхъ лицъ, вовторыхъ заботы о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи лишали ее возможности принимать на себя срочныя, то есть самыя выгодныя по цѣнѣ работы.

И вотъ однажды, въ раздумьи о горестномъ своемъ положеніи, Ольга надумалась прибѣгнуть къ защитѣ Пресвятой Матери Божіей.

Аккуратно каждый день, и въ будни, и въ праздники, ходила она въ сопровожденіи или старшаго сына, или старшей дочери въ церковь, и, ставъ на колѣни, со слезами на глазахъ молилась.

VI.

Нашелся нѣкій отставной чиновникъ, Ферапонтовъ, вступившійся за интересы Ольги. И слухи о ея несчастномъ положеніи, и сама она частыми слезами въ церкви обратила на себя его вниманіе, Познакомившись съ нею, онъ распрашивалъ?

— Вы росписывались въ обыскной книгѣ?

— Росписывалась.

— На дому или въ церкви?

— Въ церкви.

— Какъ же вы непрочли имени жениха?

— Потому что я была въ возбужденномъ состояніи.

Библиотека "Руниверс"

—Судите сами: въ церковь я была приглашена ѣхать не шаферомъ жениха, какъ обыкновенно дѣлается, а пріятельницей матери князя, баронессой Х*, которая объяснила мнѣ, что на подобныя мелочи не стоитъ обращать вниманія; потомъ въ церкви я тоже не была никѣмъ встрѣчена съ жениховой стороны, а дьячекъ указалъ мнѣ гдѣ стать; при входѣ мнѣ не пѣли концерта, по объясненію баронессы, на томъ основаніи, что князю и его матушкѣ угодно, чтобы свадьба была скромная. До обыскной ли книги было мнѣ, которую впрочемъ, у меня тотчасъ же вырвали изъ рукъ, какъ только я росписалась и унесли въ алтарь. Князь не являлся почти часъ спустя, и этотъ часъ показался мнѣ вѣкомъ. Онъ пріѣхалъ одинъ, быстро подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и подвелъ къ аналою, сказавъ отрывисто по пути, что матушка не совсѣмъ здорова.

— Все было отлично разсчитано на вашу неопытность, заключилъ Ферапонтовъ, когда она кончила. Но почему же князь не поправилъ дѣла впослѣдствіи, спросилъ онъ.

— Ни я, ни князь, никогда не вспоминали обстоятельствъ нашего бракосочетанія, ни въ присутствіи княгини, ни между собой. Да притомъ же и надобности въ томъ не было: въ метрическомъ свидѣтельствѣ старшаго моего сына сказано было, что онъ рожденъ отъ князя и меня, его законной супруги; и такъ составлены всѣ метрики моихъ дѣтей.

— Успокойтесь, матушка княгиня, и продолжайте молиться Богу. Дѣло не потеряно, проговорилъ онъ.

— Но какъ же вы этого достигнете?

— Это мой секретъ.

— Дай то Богъ, со вздохомъ сказала Ольга, и они разстались.

На деньги, данныя Ольгой, Ферапонтовъ отправился въ городъ М* и познакомился со всѣми чиновниками консисторіи, а съ нѣкоторыми и подружился.

Однажды: одинъ изъ его новыхъ пріятелей былъ дежурный по консисторіи. Ферапонтовъ сказалъ ему:

— Хочешь ли повеселѣе провести вечеръ въ дежурной комнатѣ, такъ я къ тебѣ приду и не одинъ, а съ другомъ ерофеичемъ.

Пріятель былъ охотникъ до ерофеича.

— Доброе дѣло, отвѣчалъ пріятель, приходи.

Сказано, сдѣлано.

Пакетовъ было немного и пріятелямъ удобно было бесѣдовать.

Толкуя о томъ, о другомъ, они коснулись разныхъ служебныхъ дѣлъ и подвѣдомственныхъ консисторіи лицъ. Дежурный доказывалъ множествомъ случаевъ, что у приходскихъ, особенно же сельскихъ священниковъ, встрѣчаются безпрестанно упущенія въ исполненіи обязанностей. Ферапонтовъ же съ нимъ не соглашался и нѣсколько разъ обзывалъ его клеветникомъ. Наконецъ дежурный разсердился и сказалъ ему: „не суйся, пожалуйста судить о нашихъ дѣлахъ, ты ничего не смыслишь. Да вотъ хоть бы въ дѣлѣ князя Стародубскаго, слыхалъ ты про это дѣло?

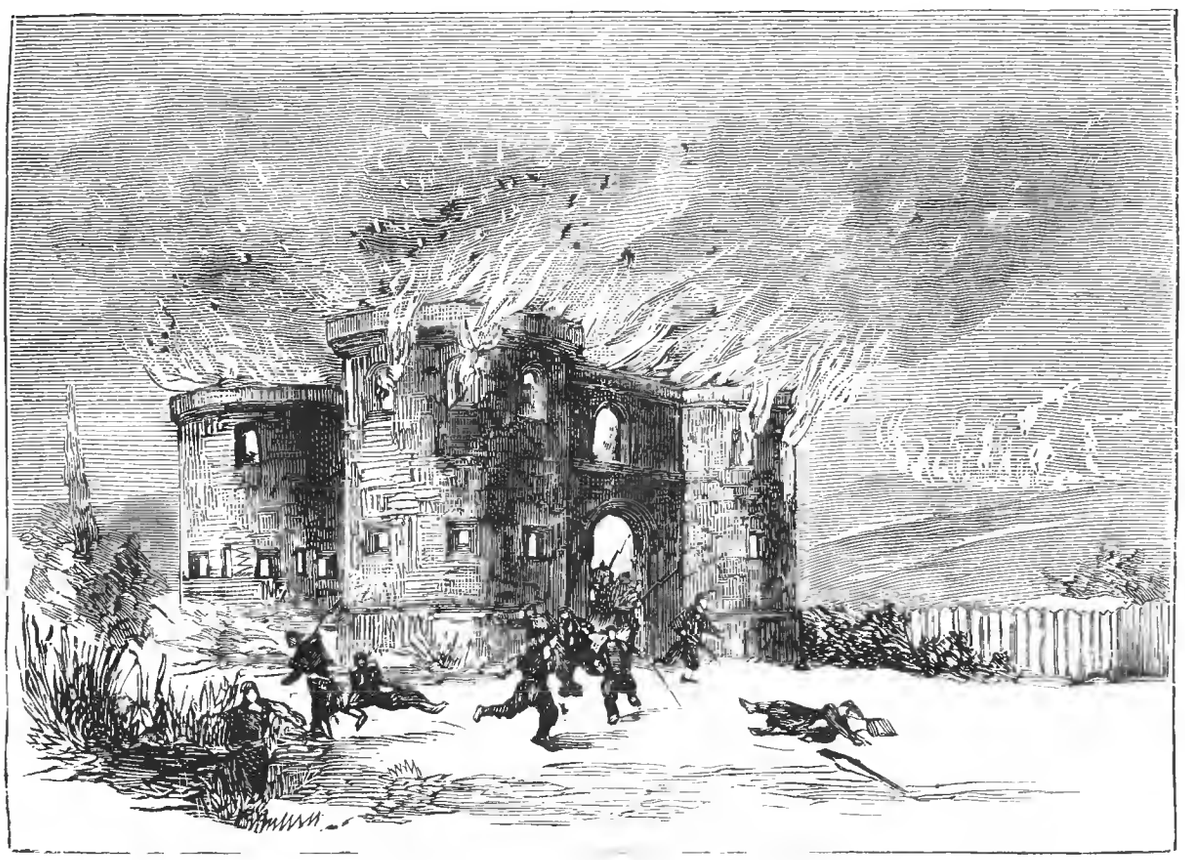
— Кое-что слышалъ.

— Что-жь, по твоему, и въ немъ нѣтъ никакого упущенія?

— Да какое же, примѣрно?

— А несогласіе метрикъ его дѣтей съ обыскной книгой. Въ обыскной значится, что Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ князя Стародубскаго, Максимомъ Селифонтовымъ; а между тѣмъ и по сей день найдется много свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что видѣли ее подъ вѣнцомъ съ княземъ Старубскимъ. Въ метрикахъ же положительно и ясно обозначено, что дѣти рождены отъ князя Стародубскаго и его законной супруги, той же Ольги, урожденной дѣвицы Старопольской.

Что же, по твоему, отъ чего произошло такое разно-



Бомбардированіе турецкаго караула изъ Суповаца. Съ наброска Теодоровича, рѣзалъ Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

гласіе? Небось тоже не отъ упущенія, а такъ себѣ. А по моему все произошло отъ того, что статья въ обыскной книгѣ писалась по приказанію старухи-княгини, желавшей во чтобы то ни стало, какъ увѣряютъ, недопустить сына до женитьбы на Ольгѣ Старопольской, а метрики—подъ надзоромъ и вліяніемъ князя. Вотъ тебѣ и весь сказъ.

— Да вѣдь это ты говоришь, такъ сказать, голословно. А по моему, коли въ метрикахъ значится, что дѣвица Старопольская законная супруга князя Стародубскаго, значитъ такъ прописано и въ обыскной.

— А хочешь я тебѣ докажу, что не такъ. Вѣдь книги то не за горами, а тутъ. По нимъ еще недавно справлялись и не успѣли отослать въ архивъ.

— Докажи.

— Каковъ ты парень. Стану я тебѣ даромъ доказывать.

— А чего-же ты хочешь? Зарокъ что ли какой?

— Зарокъ не зарокъ, а просто четвертную.

— Экъ хватилъ! Четвертную за пустое дѣло. Ну, да идетъ. Да постой. Ну, что коли не докажешь, такъ съ тебя то что.

— Тоже четвертную. Да не придется.

— Ужь это еще вилами писано. Денегъ то у тебя нѣтъ, чтобы купить четвертную; такъ ты дашь росписку на рубль съ четвертью. Водку куплю я, а записку представлю экзекутору для взысканія передъ жалованьемъ.

— Идетъ.

Вслѣдъ за этимъ дежурный отправился въ помѣщеніе канцеляріи за книгами.

Въ ожиданіи его Ферапонтовъ досталъ листъ чистой бумаги и началъ выводить по немъ толстымъ худо очиненнымъ гусинымъ перомъ (стальныя перья въ тѣ времена были почти не въ употребленіи) — *проба пера, проба пера* и т. д.... Заслышавъ шаги дежурнаго, Ферапонтовъ глубоко обмакнулъ перо въ чернильницу и положилъ его за ухо.

— Вотъ, проговорилъ дежурный торжественно, положивъ одну изъ принесенныхъ книгъ предъ Ферапонтовымъ, книга метрикъ за 183* годъ, въ которой записано о рожденіи и крещеніи самаго меньшаго сына князя Стародубскаго, и потомъ, открывъ объ этомъ статью, прибавилъ: читай.

Ферапонтовъ прочелъ.

— Ну что? все вѣрно, спросилъ его дежурный?

— Вѣрно, отвѣчалъ Фарапонтовъ.

— Гляди теперь въ обыскную книгу за 182* годъ, что въ ней значится?

Ферапонтовъ началъ читать медленно, какъ бы по складамъ, и когда прочелъ фамилію Селифонтова, то какъ бы въ изумленіи откинулся назадъ на стулѣ и затѣмъ какъ бы невольно схватилъ заткнутое за ухо перо и поднесъ его къ тому мѣсту книги, которое только что прочелъ. Отъ этого быстраго движенія чернила сбѣжали съ пера и упали на фамилію кучера.

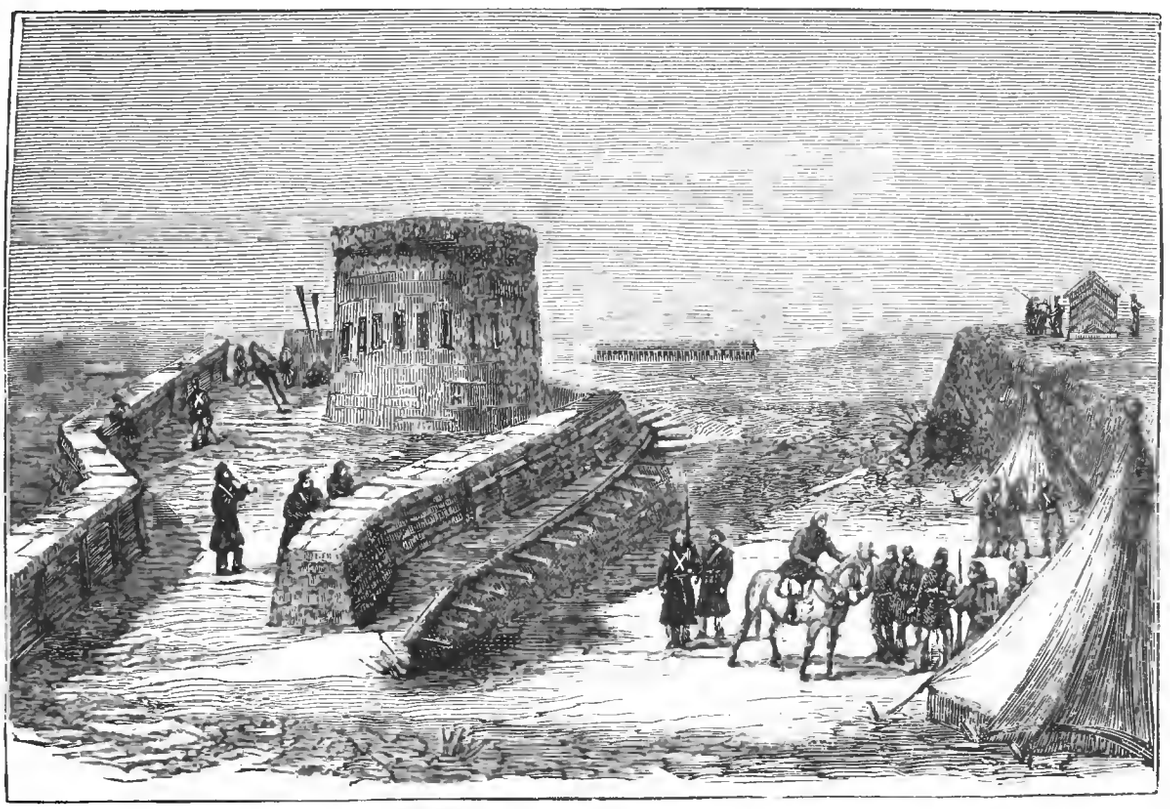
Увидѣвъ это, дежурный отпрянулъ назадъ. Потомъ, приблизившись къ книгѣ, въ отчаяніи проговорилъ:

— Чортъ! Дьяволъ! Анаѳема ты этакой! Что ты надѣлалъ? Вѣдь ты прямо подъ уголовный судъ меня подвелъ. Ну что, ежели узнаютъ, что пятно сдѣлано въ мое дежурство, вѣдь меня сошлютъ куда Макаръ телятъ не загонялъ. Господи! воскликнулъ онъ въ отчаяніи, пропали мои жена и дѣти, пойдутъ они нищими побираться по міру.

Въ теченіи всей этой тирады Ферапонтовъ, будто желая поправить бѣду, сталъ снимать чернила кончикомъ пера, но дѣлалъ это такъ неискусно, что размазалъ ихъ по всей строкѣ, гдѣ прописано было о званіи, имени, отчествѣ и фамиліи Селифонтова.

— Оставь, закричалъ на него дежурный, вырывая у него книгу.

— Не блажи, хладнокровно проговорилъ Фарапонтовъ, не давая книги. Пусть чернила просохнутъ и я сниму ихъ такъ искусно ножичкомъ, что самъ сатана не доищется, гдѣ было пятно.



Турецкое укрѣпленіе на Дунаѣ. Съ наброска Теодоровича, рѣз. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Предъ такимъ хладнокровіемъ дежурный невольно умолкъ.

Пользуясь этимъ, Ферапонтовъ снялъ лишнія чернила пропускной бумагой, а потомъ запачканое мѣсто погрѣлъ на свѣчкѣ, чтобы просохли остальныя чернила; затѣмъ, убѣдившись, что нѣтъ и признака влаги, онъ занялся счисткой ихъ между буквъ самымъ остріемъ кончика ножа. Операція производилась необыкновенно осторожно и медленно; но за то очищенное мѣсто выходило такъ чисто, какъ будто на немъ никогда не было чернильнаго пятна. Дежурный смотрѣлъ на его работу съ глубокимъ изумленіемъ и только изрѣдка, видя, что буквы какъ будто воскресаютъ, приговаривалъ: вотъ дьяволъ! вотъ сатана! Да гдѣ онъ этому учился? Господи! Какъ будто и замарано не было! Однако же при всей осторожности счищались иногда цѣлыя буквы, а иногда части ихъ. Дежурный это замѣтилъ.

— А какъ же ты не замѣтно подправишь подчистки въ буквахъ?

— Молчи! увидишь какъ. Не впервые упражняться въ этомъ.

И дѣйствительно: чрезъ нѣсколько времени все такъ искусно было поправлено, что нуженъ былъ опытный глазъ, чтобы замѣтить сразу подчистку.

Покончивъ свое дѣло, Ферапонтовъ возвратился въ Петербургъ и явился къ Ольгѣ.

— Побѣда, матушка княгиня! торжественно воскликнулъ онъ. Въ самое короткое время вы будете признаны за законную супругу князя Стародубскаго, а ваши дѣточки за его законныхъ дѣтей и наслѣдниковъ всѣхъ его имѣній. Дальнѣйшіе хлопоты объ этомъ я беру на себя, а вы снабдите меня только законной довѣренностью. Я снова уѣду въ городъ М*, денегъ же больше не понадобится потому, что я сберегъ бо́льшую половину изъ тѣхъ, которые вы мнѣ дали. Сосчитайте сами: триста пятнадцать рубликовъ экономіи, проговорилъ онъ, подавая деньги Ольгѣ изъ стараго замасленнаго бумажника.

— Оставьте ихъ у себя, сказала Ольга, онѣ понадобятся вамъ на вторичное путешествіе.

— Справедливо изволите говорить, отвѣтилъ онъ и спряталъ деньги.

— Чтоже, мнѣ ничего не нужно дѣлать?

— Какъ не нужно? Очень нужно! Немедля же подайте прошеніе на Высочайшее имя и просите пересмотра дѣла. Я самъ его вамъ сочиню.

Ольга подала прошеніе и на немъ воспослѣдовала всемилостивѣйшая революція: „строжайше разслѣдовать“.

Уже готовъ былъ докладъ, что такъ какъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи бывшей дѣвицы Ольги Старопольской нѣтъ никакихъ новыхъ обстоятельствъ, то оно подлежитъ отказу.

— Позвольте, господа, возразилъ Ферапонтовъ, хорошо ли вы справились въ книгахъ, особенно въ обыскной книгѣ?

— Съ этой книгой справлялись уже нѣсколько разъ и дальнѣйшей справки не требуется: тамъ положительно выражено, что Ольга Старопольская законно вѣнчана съ крестьяниномъ Максимомъ Селифонтовымъ. На основаніи то этой справки, по сличеніи ея съ подлинной статьей обыскной книги и судъ опредѣлилъ, что г. Старопольская и ея дѣти не имѣютъ права ни на княжескій титулъ, ни на имѣнія князей Стародубскихъ.

— Это еще не резонъ. Въ судѣ могли дать неправильное заключеніе.

— По осмотрѣ-то книги?...

— Да вѣдь Богъ вѣдаетъ: кто и какъ ее тамъ осматривалъ. Въ качествѣ повѣреннаго я покорнѣйше прошу допустить меня до осмотра документовъ, касающихся этого дѣла: метрикъ и обыскной.

Требованіе Ферапонтова было законно и ему нельзя было отказать.

Фарапонтовъ долго и внимательно осматривалъ въ поданныхъ ему книгахъ статьи, касавшіяся рожденія дѣтей и брака Ольги Старопольской. Онъ разглядывалъ листы даже черезъ свѣтъ. Для мистификаціи началъ онъ осмотръ съ метрикъ.

— Извините, господа, сказалъ онъ, окончивъ свой осмотръ, но съ вашимъ заключеніемъ я не согласенъ: посмотрите сами: въ обыской книгѣ имѣются подчистки и кто мнѣ послѣ этого поручится, что на мѣстѣ женпха не были написаны имя, отечество, фамилія и званіе какого нибудь другого лица.

Присутствовавшіе стали осматривать листъ черезъ свѣтъ и убѣдились въ существованіи подчистки.

Волей, неволей пришлось отвергнуть обыскную книгу какъ доказательный документъ и обратиться къ метрическимъ книгамъ и къ допросу свидѣтелей.

Всѣ оказавшіеся въ наличности свидѣтели, единогласно показали, что дѣйствительно видѣли дѣвицу Ольгу Старопольскую подъ вѣнцомъ съ княземъ Стародубскимъ, въ числѣ свидѣтелей былъ и старый церковный сторожъ, лично знавшій покойнаго князя.

Новый докладъ составленъ былъ на основаніи вновь собранныхъ свѣдѣній; одновременно съ нимъ состоялось и постановленіе суда о томъ, что бывшей дѣвицѣ Ольгѣ Старопольской, какъ законной супругѣ князя Стародубскаго и ея дѣтямъ, прижитымъ въ супружескомъ сожительствѣ съ упомянутымъ княземъ, возвращаются въ полное и потомственное пользованіе и владѣніе какъ княжескій титулъ, такъ и имѣнія князя Бориса Стародубскаго.

Копію съ этого постановленія Форапонтовъ привезъ Ольгѣ прежде, чѣмъ она получила оффиціальное извѣщеніе.

— Я уже не говорю, сказала она Фарапонтову, что мой домъ навсегда и вашъ домъ; но чѣмъ еще могу я васъ благодарить, спросила она его, за ту огромную, ничѣмъ неоцѣнимую услугу, которую вы мнѣ оказали?

— Ничего мнѣ не нужно, матушка-княгиня. Вѣдь я уже одной ногой стою въ гробу; а на тотъ свѣтъ ничего съ собой не возьмешь.

Но вдругъ, въ одинъ день, совершенно неожиданно доложили, что Создатель призвалъ къ себѣ грѣшную душу старика.

Съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія и глубокою скорбью кинула княгиня нѣсколько горстей земли на гробъ усопшаго друга.

На его могилѣ княгиня приказала поставить великолѣпный памятникъ съ надписью: „усопшему дорогому и неоцѣненному другу“. Глядя на этотъ памятникъ, посторонній думалъ, что подъ нимъ покоится прахъ какого нибудь богача; тогда какъ въ дѣйствительности тамъ тлѣли кости самаго нѣкогда бездомнаго и горькаго бѣдняка.

Н—ый.

Турецкія укрѣпленія на Дунаѣ.

Дунай, величайшая послѣ Волги рѣка Европы, имѣла еще въ періодъ могущества римлянъ, культурное и вмѣстѣ стратегическое значеніе. Культурное значеніе Дуная зависитъ отъ громадности протяженія теченія этой рѣки. Стратегическое же значеніе зависитъ отъ особеннаго характера береговъ Дуная въ его нижнемъ теченіи. Горная цѣпь Балкановъ, развѣтвляясь, обусловливаетъ возможность построенія здѣсь прекрасныхъ крѣпостей. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что Дунай въ нижнемъ своемъ теченіи усѣянъ крѣпостями, имѣющими весьма древнее происхожденіе. Бѣлградъ, Виддинъ, Рущукъ, Силистрія,

Библиотека "Руниверс"

Семендрія, Старая и Новая Оршовы, Кладово, Гирсово, Браиловъ, Галацъ и проч. Въ названіяхъ этихъ укрѣпленій вы уже замѣчаете ихъ классическое происхожденіе. И эти крѣпости расположены каждая при впаденіи въ Дунай какого-либо притока. Нужно было заградить путь смѣлымъ пловцамъ по Дунаю входъ въ его притоки. Возможность этого загроможденія облегчалась возвышенностью праваго берега Дуная (тогда какъ лѣвый отъ самаго Кладово низменъ) и отъ того большая часть дунайскихъ крѣпостей построена на правомъ берегу. Болотистая береговая низменность уже сама по себѣ представляетъ препятствія переплывшему рѣку врагу, тогда какъ твердый берегъ всегда опасенъ для нападенія и, въ стратегическомъ отношеніи, долженъ быть тщательно обсергаемъ и заграждаемъ, даже во время мира.

Собственно въ характеристикѣ укрѣпленій на Дунаѣ имѣетъ важное значеніе то обстоятельство, что Дунай весьма широкъ и быстръ, слѣдовательно труденъ къ переправѣ значительной части войска на противоположный, правый берегъ. Да и достиженіе лѣваго берега обширными болотами уже само по себѣ представляетъ почти неодолимое препятствіе. Въ нижней области Дуная до сихъ поръ военное искусство сдѣлало въ этомъ отношеніи весьма мало. И такъ, гдѣ совершались попытки во время войны перехода черезъ Дунай, тамъ берега имѣютъ *горно - известковый* характеръ. Въ геологическомъ отношеніи берега Дуная представляютъ мѣсто для крѣпостей тамъ, гдѣ оба берега горно-известковые, т. е. твердые и легко представляющіе возможность перехода черезъ рѣку, или же составляющіе естественный стратегическій и коммерческій путь. Такой путь, напримѣръ, представляется отъ Виддина чрезъ тимокскую долину до Ниша, т. е. тамъ, гдѣ огромное напластованіе горнаго известняка дѣлаетъ путь къ Дунаю удобопроходимымъ и углубленіе во внутрь странъ, лежащихъ по сю и по ту сторону рѣки, весьма возможнымъ. Тотъ же характеръ представляетъ стратегическій путь отъ Бѣлграда чрезъ Софію до Константинополя.

Такимъ образомъ относительное обиліе укрѣпленій на Дунаѣ находится въ прямомъ отношеніи къ строенію его береговъ. Берегъ тверже, т. е. имѣетъ горно-известковый характеръ, болотъ меньше на лѣвомъ берегу—рѣка дѣлается удободоступнѣе къ переходу, потребности въ укрѣпленіяхъ, стало быть, увеличиваются, напримѣръ, между Виддиномъ и Рущукомъ (на лѣвомъ берегу Дуная) на меньшую ширину чѣмъ, напримѣръ, ниже Рущука, и отъ того на протяженіи Дуная между Рущукомъ и Виддиномъ больше укрѣпленій, чѣмъ на пространствѣ отъ Рущука до самыхъ устьевъ Дуная.

Въ настоящее время относительное значеніе Дунайскихъ крѣпостей, въ военномъ отношеніи, изучено основательно. Между важнѣйшими изъ нихъ, требующихъ быстрыхъ сообщеній и подкрѣпленій, проведены желѣзныя и издавна существовали шоссейныя дороги. Турціи, въ отношеніи построенія стратегическихъ дорогъ для доставки припасовъ и подкрѣпленій крѣпостямъ, оказали величайшую услугу австрійцы. Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, австрійскій генеральный штабъ, «вкупѣ и любѣ» съ Мольтке (весьма содѣйствовавшемъ улучшенію военныхъ порядковъ въ Турціи) и Кипертомъ (знаменитымъ картографомъ) неутомимо работалъ въ этомъ отношеніи. Болгарію, въ которой построены сильнѣйшіе Дунайскія крѣпости, они назвали «имѣющимъ громадную важность бульверкомъ Турціи противъ Россіи». Никакое рѣшительное нападеніе на Турцію со стороны послѣдней невозможно безъ того, чтобы войска не встрѣтились другъ съ другомъ именно въ Болгарской области. Защищать Болгарію значитъ—держать въ заперти все царство Османлисовъ. Если бы Австрія вздумала сдѣлать военную прогулку въ Константинополь, она выбрала бы для этого путь отъ Землина черезъ Бѣлградъ, Нишъ (Ниссу), Софію и Трояновы ворота, черезъ западную часть Болгаріи. Оборонительныхъ линій, имѣющихъ чрезвычайно важное значеніе, здѣсь находится двѣ: самъ Дунай и Балканы. Если непріятель не успѣетъ прорвать дунайскую линію, то онъ ни шагу не сдѣлаетъ на болгарской почвѣ, если же онъ съ другой стороны, даже исполнивъ первое, не вытѣснитъ изъ укрѣпленій Балкана помѣщенныя тамъ войска, то опять таки не можетъ сказать, что Болгарія въ его рукахъ. Во всякомъ военномъ столкновеніи между Турціей и какой-либо изъ великихъ державъ, благоразуміе требуетъ овладѣть въ одно и то же время этими двумя громадно-важными операціонными линіями. Ширина Дуная въ Болгаріи составляетъ 1,000—2,000 шаговъ—ее нужно перейдти и затѣмъ вытѣснить непріятельскія войска изъ укрѣпленій на Балканахъ.

Таково мнѣніе лучшихъ австрійскихъ офицеровъ Генеральнаго штаба и, между прочимъ, Кипертa. Значеніе дунайскихъ крѣпостей въ этомъ мнѣніи опредѣляется само собою.

Два рисунка турецкихъ крѣпостей, помѣщенные въ настоящемъ нумерѣ «Нивы», представляютъ: одинъ — дунайское укрѣпленіе, имѣющее въ общей цѣпи операціонной линіи то значеніе для непріятеля, о которомъ мы сейчасъ говорили, а другой бомбардированіе турецкаго караула изъ Суповаца.

Въ объясненіе послѣдняго необходимо замѣтить, что Суповацъ—укрѣпленный пунктъ впереди Алексинаца и составляетъ, вмѣстѣ съ этою крѣпостью, Крушевацемъ и Делиградомъ неправильный треугольникъ укрѣпленій.

М. Стратилатовъ.

Паденіе Константинополя въ 1453 году *).

(Окончаніе).

Въ тотъ же день Мохамедъ собралъ военный совѣтъ въ Бешикташѣ, на этомъ совѣтѣ великій визирь, подкупленный императоромъ, всячески старался уговорить султана отказаться отъ осады, но не успѣлъ въ томъ, такъ какъ прибывшій въ лагерь съ 20,000 фанатическими дервишами Шейхъ Акъ-Шемсъ-Эддинъ рѣшительно тому противился. Рѣшено было продолжать осаду. Не имѣя возможности прорвать цѣпь замыкающую Золотой Рогъ султанъ распорядился переправить часть флота сухимъ путемъ во внутренній портъ.

Въ дальнемъ ущеліи, лежащемъ между Перою и сѣвернымъ берегомъ Золотого Рога, наскоро сооружено было желобообразное деревянное полотнище, смазали его бычачьимъ и бараньимъ жиромъ, и въ ночь на 22-е нѣсколько турецкихъ кораблей, съ помощью валиковъ и катковъ, доставлены были во внутренній портъ. Осуществленію этого вполнѣ удавшагося и, по всей вѣроятности, галатейцами внушеннаго плана не могли препятствовать императорскіе ратники. Точно также были тщетны разныя попытки сжечь турецкіе корабли; галатейцы и тутъ измѣнили, увѣдомили турокъ о замышленномъ ночномъ нападеніи, вслѣдствіе чего греческіе корабли встрѣчены были такимъ сильнымъ огнемъ, что часть ихъ погибла. Въ виду города, Мохамедъ приказалъ казнить попавшихъ при этомъ дѣлѣ въ плѣнъ; императоръ отвѣтилъ тѣмъ же; велѣлъ обезглавить 260 турецкихъ плѣнныхъ и головы ихъ выставить на зубцахъ городскихъ стѣнъ.

Бомбардированіе города между тѣмъ не прекращалось. Башня у Романовскихъ вратъ рушилась, но брешь вскорѣ была задѣлана; точно также и на другихъ пунктахъ турки имѣли мало успѣха. Въ ночь на 7-е мая 30,000 турокъ предприняли штурмъ, но были отбиты съ большимъ урономъ. Четыре дня спустя 50,000 войско, пытавшееся завладѣть Гебдомонскою стѣною, имѣло туже участь. Веденная до сихъ поръ морская и сухопутная война вступила въ другой фазъ: 15-го открыли мину, подведенную сербскими минёрами въ городъ. Императоръ немедленно приказалъ Гранту соорудить контръ-мину, и сербскіе кроты были задушены огнемъ и дымомъ.

18 мая, на разсвѣтѣ, удивленнымъ и испуганнымъ грекамъ предстало у Шарсіатскихъ вратъ сооруженіе, начатое и оконченное турками въ одну ночь. То были громаднѣйшихъ размѣровъ бастіоноподобныя деревянныя подмостки, обитыя бычачьими и верблюжими шкурами и отчасти наполненные землею. Повсюду къ нимъ придѣланы были лѣстницы и ступеньки, а со стороны города три дверцы. Задняя сторона подмостокъ соединена была съ главною квартирою крытою галлереею. Это сооруженіе имѣло цѣлью—разрушать пушечными выстрѣлами верхнія части стѣнъ и башень и наполнять ими рвы. Дѣйствіе этого бастіона было ужасно: одна изъ башень Романовскихъ вратъ была превращена въ груду развалинъ. Но императоръ и Гіустиніани не пали духомъ: они съумѣли парализировать дѣйствіе это страшной, всеразрушающей машины. Поврежденныя стѣны были поправлены, развалины удалены изъ рвовъ, павшая башня воздвигнута и, въ заключеніе грозный бастіонъ сожженъ. Все это было дѣло одной ночи. Съ разсвѣтомъ явились турки, и взорамъ ихъ предстала груда пепла; самъ султанъ удивился и заявилъ, что даже при ручательствѣ, всѣхъ пророковъ, онъ не повѣрилъ бы, что невѣрные способны въ одну ночь произвести что либо подобное. Не такъ счастливы были греки при другомъ предпріятіи турокъ, долженствовавшемъ служить началомъ всеобщаго штурма. 19-го мая турками сооруженъ былъ мостъ, длиною въ 500 локтей, перекинутый чрезъ Золотой Рогъ къ тому мѣсту, гдѣ командовалъ легатъ Исидоръ. Тысяча бочекъ, доставленныя по всей вѣроятности изъ Галаты попарно соединены были канатами и покрыты бревнами и досками, достаточно крѣпкими, чтобы выдержать тяжесть даже пушекъ. 21-го мая тронулся находящійся у Бешикташа турецкій флотъ и, при звукахъ трубъ и литавръ, подошелъ ко входу порта; осажденные ударили въ набатъ и собрали все наличное войско. Оказалось, что это было только демонстрація или рекогносцировка со стороны турокъ, и по прошествіи двухъ часовъ корабли ихъ, не произведя ни единаго выстрѣла, опять воротились къ прежнему мѣсту сто-

*) См. «Нива» № 33-й.

Библиотека "Руниверс"

яики. Въ тотъ же день вновь была открыта и уничтожена еще одна мина при Калигаріи, однакожъ туркамъ удалось разрушить значительную часть стѣнъ и одну башню. 22-го опять открыты были на томъ же мѣстѣ двѣ мины, ихъ также удалось уничтожить и избить находящихся въ нихъ землекоповъ.

Не смотря на геройскую и искусную оборону императорскихъ и вспомогательныхъ войскъ, осаждающіе имѣли значительный перевѣсъ. Стѣны отчасти были разрушены и многія башни уничтожены. Зять султана, Измаилъ Гамза, былъ отправленъ къ императору съ требованіемъ немедленной сдачи, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ и храбрые его защитники готовы умереть, но сдаться не могутъ. Тогда Мухамедомъ дано было приказаніе удвоить подкопныя работы и со всѣхъ сторонъ усилить обстрѣливаніе города, въ особенности съ сѣверной. Въ тоже время возвѣщено было въ лагерѣ, что 29-го мая послѣдуетъ всеобщій штурмъ, послѣ чего солдатамъ разрѣшено будетъ три дня грабить городъ. Вѣсть эта произвела въ войскѣ великую радость, и въ слѣдующую ночь весь лагерь и флотъ были иллюминованы. Этотъ огненный вѣнецъ, охватившій весь Босфоръ, греками принятъ былъ сначала за громадное пожарище; но по пляскѣ и радостнымъ восклицаніямъ, долетавшимъ до нихъ, они вскорѣ поняли настоящее значеніе этого явленія, и ужасъ объялъ весь городъ. Но Гіустиніани не робѣлъ. Выславъ весь гарнизонъ на стѣны для исправленія брешей, онъ потребовалъ отъ Луки Нотараса нѣсколько вушекъ для лучшей защиты ввѣреннаго ему поста, но тотъ отказалъ ему въ нихъ, подъ предлогомъ собственной надобности. Вслѣдствіе этого, между ними произошелъ сильный споръ, такъ что императоръ, во избѣжаніе личныхъ оскорбленій, вынужденъ былъ вмѣшаться въ дѣло. «Братья», сказалъ онъ, «теперь не время для ссоры и брани. Простимъ другъ другу и помолимся Богу о спасеніи нашемъ изъ пасти дракона».

Въ послѣдующіе дни бомбардированіе усилилось, подземный же бой, но уничтоженіи 25-го числа еще одной турецкой мины, окончательно прекратился. Вечеромъ того же дня турецкій лагерь вновь былъ иллюминованъ, и тысячи дервишей бродили по лагернымъ улицамъ, обѣщая райскія радости правовѣрнымъ бойцамъ. Однакожъ въ высшихъ кругахъ осаждающихъ вовсе не были такъ увѣрены въ счастливомъ исходѣ осады, или слухи о приближеніи большой венеціанской флотиліи и вторженіи венгерцевъ такъ, что султанъ, желѣзная воля котораго до сихъ поръ непреклонно слѣдовала къ избранной цѣли, началъ колебаться. 27-го онъ созвалъ военный совѣтъ, въ которомъ великій визирь, все еще преданный грекамъ, употреблялъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить султана въ необходимости снять осаду и вступить въ соглашеніе съ императоромъ. Но Цаганосъ-паша опровергъ всѣ его доводы, и ему удалось ободрить Мухамеда. Штурмъ былъ рѣшенное дѣло. Взбѣшенный Халиль-паша въ тотъ же вечеръ увѣдомилъ императора о результатѣ военнаго совѣта.

День 28-го числа съ обѣихъ сторонъ былъ употребленъ на приготовленія къ штурму. Съ турецкой стороны приготовлены были 2000 штурмовыхъ лѣстницъ, Бешикташскій флотъ, образуя полумѣсяцъ, подошелъ къ восточной оконечности города; стоявшіе въ Золотомъ Рогѣ корабли, также снабженные штурмовыми лѣстницами, заняли позицію между сѣверною частью города и портовою цѣпью. Императоръ и Гіустиніани съ утра дѣятельно занялись заготовленіемъ всего необходимаго для успѣшной обороны, въ особенности предохранительныхъ крышъ для гарнизона на стѣнныхъ зубцахъ. Около полудня императоръ обратился съ рѣчью къ командирамъ отдѣльныхъ постовъ, послѣ чего онъ со свитою отправился въ Софійскій соборъ, гдѣ всѣ причастились Св. таинъ—имперія вступала въ бой за дѣло, почти погибшее, оставалось умерсть со славою. По возвращеніи во дворецъ, Константинъ обращался къ каждому съ просьбою простить его. Весь дворъ былъ въ слезахъ.

Въ полночь императоръ еще разъ обошелъ посты, чтобъ освѣдомиться о расположеніи духа воиновъ и надлежаще ли они вооружены. Въ турецкомъ лагерѣ огни были потушены. Но въ 2 часа утра началось тамъ движеніе, и вслѣдъ за тѣмъ первая штурмовая колонна подступила къ стѣнамъ, приставила лѣстницы, и начался бой. Гарнизонъ храбро отбилъ нападеніе; булыжниками и греческимъ огнемъ истребилъ много нападающихъ и отбросилъ лѣстницы. Та же участь постигла и второй отрядъ, замѣнившій первый. Въ продолженіи этого времени крѣпостныя орудія не умолкали и производили страшныя опустошенія въ рядахъ осаждающихъ. Султанъ вынужденъ былъ выдвинуть резервъ, составленный изъ янычаръ. Такимъ образомъ бой продолжался до разсвѣта, не склоняя перевѣса ни на чью сторону. Особенно ожесточенъ онъ былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ венеціанцы защищали произведенный пушкою Орбана стѣнной проломъ, и со стороны внутренняго порта, гдѣ великій герцогъ Нотарасъ храбро и успѣшно оборонялся отъ нападенія Цаганосъ-паши; но главный бой происходилъ у Романовскихъ вратъ, тутъ самъ императоръ съ Гіустиніани противустали султану, одушевлявшему своихъ солдатъ обѣщаніями и угрозами, а по временамъ и желѣзнымъ пестикомъ своимъ. Въ это время исполинское ядро разрушило часть стѣнъ, прилегающихъ къ этимъ вратамъ, и менѣе чѣмъ въ четверть часа цитадель была занята непріятелемъ. Не смотря на градъ камней, пуль и дѣйствіе греческаго огня, сыпавшихся на нихъ со стѣнныхъ зубцовъ и изъ амбразуръ, турки нетаки подвигались впередъ, пока Ѳеофилъ Палеологъ и Дмитрій Контакизеносъ не подоспѣли съ резервами и отбросили ихъ. Въ то время, какъ императоръ ободрялъ и воодушевлялъ на новые подвиги подоспѣвшихъ къ нему на помощь ратниковъ, Гіустиніани раненъ былъ въ руку стрѣлою и вынужденъ удалиться для перевязки раны. Это само по себѣ незначительное событіе сильно подѣйствовало на грековъ, они упали духомъ, что и было замѣчено турками. Воспользовавшись этимъ, исполинскій янычаръ, Гассанъ Улубадскій, съ нѣкоторыми товарищами взобрались на стѣну, и начался страшный рукопашный бой. Не успѣли императорскіе ратники избавиться отъ этого непріятеля, частью избивъ его, частью сбросивъ въ ровъ, какъ съ другой стороны грозила имъ новая опасность: съ тылу ворвавшись чрезъ Ксилокерскія врата, нахлынуло на нихъ другое полчище турокъ и помогло другимъ наступающимъ взобраться на стѣну. Этому войску греки не въ состояніи были устоять, всѣ бросились къ гавани, въ надеждѣ спастись на корабляхъ. Одинъ императоръ съ своими приближенными не покинулъ поля брани и тщетно старался удержать напоръ непріятеля. Франциско де Толедо какъ левъ сражался и не отступалъ; Ѳеофилъ Палеологъ, воскликнувъ: «Лучше умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ!», вторгся въ ряды турокъ и разсѣялъ ихъ; Далматъ Іоаннъ творилъ чудеса храбрости. Все было тщетно. Будучи увлеченъ толпою бѣжавшихъ, императоръ, въ отчаяніи, воскликнулъ: «Нѣтъ-ли христіанской руки отсѣчь мнѣ голову?»—и въ тоже мгновеніе пораженъ былъ въ лице. Императоръ положилъ нападающаго турка, но другой турокъ напалъ на него сзади, сшибъ съ лошади и закололъ.

Съ императоромъ Константиномъ пала Византійская имперія, палъ послѣдній царь ея, геройскою и мученическою смертью.

Неудержимымъ потокомъ войско Мухамеда рванулось въ городъ, рубило и убивало все, что встрѣчалось на пути, съ публичныхъ зданій срывало императорскіе гербы и замѣняло ихъ знаменами съ изображеніемъ полумѣсяца; потомъ дикое полчище это разсѣялось по городу, производя ужасы и разрушенія. Находящіеся въ Золотомъ Рогѣ христіанскіе корабли большею частью спаслись, такъ какъ турецкій флотъ покинутъ былъ экипажемъ, высадившимся на берегъ для участія въ штурмѣ и грабежѣ. На одномъ изъ этихъ кораблей Гіустиніано удалось спастись на островъ Хіосъ, но онъ вскорѣ умеръ, оплакивая печальную кончину имперіи. Легатъ Исидоръ, попавъ въ рабство, былъ проданъ въ Галату, откуда впослѣдствіи ему удалось бѣжать. Орханъ, переодѣвшись, пытался избѣгнуть плѣна, но былъ пойманъ однимъ турецкимъ капитаномъ корабля, узнанъ и изрубленъ. Нотарасъ также былъ плѣненъ и представленъ султану, который сначала съ нимъ и его семействомъ обращался хорошо, но нѣсколько дней спустя, опоенный виномъ, приказалъ обезглавить его и всѣхъ сыновей его.

Между тѣмъ громадная толпа грековъ, мущины, женщины, дѣти заперлись въ Софійскомъ соборѣ и, молясь и дрожа отъ страха, ждали своей участи. Они надѣялись на пророчество, увѣрявшее, что Османлисы вторгнутся въ городъ только до столпа Константина Великаго, потомъ съ небесъ низойдетъ ангелъ, вручитъ стоявшему у сего столпа мужу мечь, которымъ невѣрные будутъ изгнаны и преслѣдуемы до предѣловъ Персіи. Но вскорѣ явились турки, разбили церковныя врата, мужей связали веревками, женщинъ—поясами и погнали всѣхъ въ рабство. Другія толпища турокъ занялись разрушеніемъ священныхъ сосудовъ, лампадъ и иконъ, съ алтарей срывали покрывала, ѣли и пили на нихъ, или кормили съ нихъ лошадей. Къ пополудню явился и султанъ, изъялъ христіанское богослуженіе изъ собора и передалъ его исламу. Взойдя, онъ засталъ турка, заступомъ разрушающаго мраморный помостъ. «Зачѣмъ портишь ты прекрасный помостъ?» спросилъ Мухамедъ. «Вѣры ради», отвѣтилъ турокъ. Возмущенный такимъ варварствомъ, султанъ отвѣсилъ ему полновѣсный ударъ саблею и сказалъ: «Въ плѣнныхъ и другой добычѣ вамъ нѣтъ недостатка, городскія же зданія принадлежатъ мнѣ». Полумертваго варвара за ноги вытащили изъ собора и бросили на улицу. Одному изъ присутствующихъ Мухамедъ приказалъ взойти на кафедру, произнести магометанское вѣроисповѣданіе и собрать вѣрующихъ для послѣобѣденнаго моленія, которое онъ, вскочивъ на алтарь, самъ началъ отправлять. Тогда только султанъ освѣдомился объ императорѣ. Ему представили двухъ солдатъ, изъ коихъ одинъ, какъ увѣряли, нанесъ ему первоначальную рану, другой же окончательно положилъ его. Ихъ отправили отыскивать трупъ, но работа была не легкая, пришлось осматривать многихъ убитыхъ и многимъ умывать облитыя кровью лица, пока не нашли его, и то благодаря башмакамъ вышитымъ императорскимъ орломъ. Царственному усопшему отрублена была голова и, по приказанію султана, до вечера выставлена на колоннѣ Августинской площади, тѣло же предано землѣ съ царскими почестями. Близь мечети Вефы, въ кварталѣ, занимаемомъ вынѣ сапожниками и сѣдельниками Стамбула, подъ тѣнью обнитой дикими розами ивы, падающею на безнадписную каменную плиту—покоются бренные остатки царственнаго мученика. Надъ могилою и до сего дня, каждый

Библиотека "Руниверс"

Тетуанская еврейка. Съ картины Портелья, рис. Шелень, грав. Домсъ.

Библиотека "Руниверс"

вечеръ, зажигается простая лампада, масло къ которой доставляется правительствомъ.

30-го мая султанъ вторично посѣтилъ и осмотрѣлъ городъ. На улицахъ все было спокойно, но за то въ домахъ свирѣпствовали грабежъ и разбой, грабители изъ-за добычи рѣзали другъ друга. На возвратномъ пути къ лагерю, Мухамеду пришлось проѣхать мимо императорскаго дворца, и, при видѣ опустѣвшихъ залъ и палатъ, ему по неволѣ вспомнились стихи персидскаго поэта:

«Наукъ замѣняетъ привратника въ Афразіабскихъ палатахъ, сова въ Афразіабскомъ дворцѣ испускаетъ воинственный кликъ».

Развалины стараго императорскаго дворца до сихъ поръ существуютъ, единственные жители коихъ суть науки и совы, да нѣсколько еврейскихъ семействъ, говорящихъ по испански и за бакшишъ всегда готовыхъ туристу указать дорогу, ведущую на кровлю зданія, откуда взорамъ открывается прелестнѣйшій видъ.

Но упомянутые стихи уже и теперь могутъ отнестись къ сералю, къ покинутому султанами дворцу при восточной оконечности Стамбула; Старонесламъ, здѣсь до сего господствовавшій и представившій свѣту столько потрясающихъ душу драмъ, сокрушенъ: юнонесламу остается вторить симъ унылымъ строкамъ. Еще нѣсколько десятилѣтій—врядъ ли больше и исторія скажетъ о дворцахъ и замкахъ юнонесламскихъ эпигоновъ:

«Наукъ замѣняетъ привратника въ Афразіабскихъ палатахъ, сова въ Афразіабскомъ дворцѣ испускаетъ воинственный кликъ».

П ли.

Тетуанская еврейка.

Нашъ цивилизующій вѣкъ, повсюду распространяя однообразно-европейскія формы общежитія, европейскія моды, повсюду «нивеллируя» и сглаживая мѣстныя особенности и стушевывая мѣстныя краски и колоритъ, успѣлъ уже вычеркнуть много оригинальнаго изъ жизни и обстановки современнаго человѣчества. Все бѣднѣе и тѣснѣе становится міръ художника. Но онъ еще не обѣднѣлъ окончательно—есть еще уголки, гдѣ жизнь пока не сбросила съ себя богатаго мѣстными оригинальными красками платья, гдѣ на всемъ еще лежитъ отпечатокъ чего-то особаго, своеобразнаго.

Прилагаемая гравюра напоминаетъ намъ объ одной изъ этихъ странъ. Извѣстный бельгійскій художникъ Портельсъ перенесъ на полотно тетуанскую красавицу-еврейку. Не говоря уже о красотѣ ея, самый костюмъ, по богатству и оригинальности,—достойная рамка прекрасной картины. Отдѣланная въ жемчугъ и драгоцѣнныя каменья повязка, окружающая колпакъ, (обыкновенно носимый евреями сѣверной Африки) напоминаетъ что-то въ родѣ древней герцогской шапки или короны царей, бархатъ, парча, серебромъ и золотомъ затканная матерія, вся эта живописно-роскошная смѣсь украшеній, составляя одно нѣчто своеобразно-цѣльное, чуждое намъ, чуждое нашей сѣрой, обыденной обстановкѣ — невольно переноситъ насъ въ ту знойную даль... Такъ и рисуется въ воображеніи красное зарево африканской вечерней зари, послѣднимъ багрянымъ отблескомъ освѣщающее стройный силуэтъ черноокой красавицы... И какъ понятна она тамъ, среди той величавой природы—такъ была бы чужда нашимъ «правильнымъ», дѣловымъ городамъ, съ ихъ обыденной физіономіей.

Всякая страна кладетъ свою печать на нравы и обычаи своихъ жителей, даже такихъ, которые составляютъ элементъ пришлый, не туземный. Такъ еще въ относительно недавнее время еврейки строго придерживались мусульманскаго покрывала, безъ котораго не смѣли выходить на улицу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ Дюмонъ-Дюрвиль, въ своемъ «всеобщемъ путешествіи» (1835 года). «Изъ женщинъ, говорилъ онъ, мы встрѣчали только жидовокъ; они были подъ покрывалами и тщательно оберегались своими мужьями», затѣмъ, онъ прибавляетъ: «ревновать мужьямъ не мѣшаетъ никакое вѣрованіе, какъ равно женщинамъ—кокетничать», и т. д. Дѣйствительно, еврейки сѣверо-африканскаго берега, судя по отзывамъ другихъ путешественниковъ, не слишкомъ удовлетворяютъ всѣмъ суровымъ требованіямъ строгой нравственности—онѣ, въ городахъ того побережья, играютъ, между прочимъ, часто роль аонскихъ гетэръ.

Тетуанскіе евреи испытываютъ общую участь своихъ собратій въ мусульманскихъ земляхъ. Они—не въ большомъ уваженіи у мѣстнаго природнаго магометанскаго населенія, живутъ въ особыхъ кварталахъ, и обязательно носятъ особый костюмъ, преимущественно черныхъ цвѣтовъ. Какъ всюду, они и здѣсь преимущественно сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ торговлю галантерейными и ювелирными вещами и промышляютъ отдачей денегъ въ ростъ.

Битва при Великомъ Изворѣ.

Селеніе Великій Изворъ находится на правомъ берегу рѣки Тимока, къ востоку отъ Зайчара и къ юго-западу отъ сильной турецкой крѣпости Виддина. 6-го іюля при Великомъ Изворѣ произошло кровопролитное сраженіе. Именно въ мѣстности между Вратарницей, Адліей и Зайчаромъ. Сербы наступали съ трехъ сторонъ. На правомъ флангѣ, шедшемъ отъ Салаша, былъ отрядъ, подъ командою Н. А. Кирѣева. Лѣвый флангъ былъ подъ командою Лѣшанина и наступалъ со стороны Зайчара, а центръ имѣлъ во главѣ генерала Черняева.

Кровопролитная битва началась съ шести часовъ утра, и до самаго полудня успѣхъ былъ на сторонѣ сербовъ, не смотря на то, что въ положеніи борющихся была огромная разница: сербы, какъ нападавшіе, были открыты выстрѣламъ турокъ, укрывшихся въ укрѣпленіяхъ и ретрашементахъ. Но съ полудня турки начали одолѣвать, чему причинами были во первыхъ смерть предводителя праваго фланга Н. А. Кирѣева. Послѣ усиленнаго обстрѣливанія изъ пушекъ, Кирѣевъ лично повелъ свои войска въ атаку, идя впереди войскъ съ обнаженной саблей. Проникнутые энтузіазмомъ сербы уже готовы были съ побѣдными криками ворваться въ турецкія укрѣпленія, какъ вдругъ храбрый ихъ предводитель пошатнулся. Онъ получилъ страшную рану въ грудь, во все еще продолжалъ вести отрядъ... Черезъ нѣсколько мгновеній другая пуля поразила Н. А. Кирѣева, уже смертельно, и онъ упалъ, приведя въ великое смущеніе сербовъ. Они дрогнули и остановились, чѣмъ турки тотчасъ же и воспользовались, ринувшись на сербовъ и оттѣснивъ ихъ назадъ.

Такъ было проиграно дѣло праваго фланга

На лѣвомъ флангѣ въ это же время отчаянно дрался Лѣшанинъ, но былъ отраженъ Османомъ-пашею, получившимъ огромное подкрѣпленіе въ тотъ моментъ, когда сербы были уже близки къ цѣли.

Прибытіе свѣжихъ силъ къ туркамъ рѣшило судьбу битвы, и Лѣшанинъ отступилъ, не имѣя силъ продолжать наступленіе съ утомленными уже войсками. Въ это время центръ сербскихъ войскъ, подъ командою генерала Черняева, взялъ уже три турецкія укрѣпленія и продолжалъ свое побѣдоносное шествіе далѣе. Турки обратили всѣ свои силы на центръ и устремились со стороны Адліе на правый флангъ корпуса Черняева. Десять часовъ бились сербы и были утомлены страшно. Свѣжія турецкія силы двинулись на центръ; сербы все еще стояли... но смерть бригаднаго начальника, маіора Петровича, заставила, какъ и на правомъ крылѣ, сербовъ отступить отъ Великаго Извора. Черняевъ отошелъ къ Вратарницѣ. Потери убитыми и ранеными съ обѣихъ сторонъ были громадны.

Битва при Великомъ Изворѣ представляетъ только неудавшееся нападеніе сербовъ, задуманное чрезвычайно находчиво. Не будь непредвидѣннаго сербами подкрѣпленія туркамъ—планъ ихъ, весьма вѣроятно, удался бы имъ блестящимъ образомъ. Неуспѣху сербовъ, содѣйствовали также косвенныя причины въ родѣ смерти любимыхъ начальниковъ Н. А. Кирѣева и Петровича.

14 іюля, т. е. черезъ восемь дней послѣ этой битвы, утромъ, турки предпринялн нападеніе на сербскія войска, сосредоточенныя у Зайчара, но были отбиты. 15-го числа зайчарскій отрядъ, въ свою очередь отразивши нападеніе турокъ, перешелъ въ наступленіе и выгналъ турокъ изъ Великаго Извора. Открывъ сильный артиллерійскій огонь по лагерю турокъ съ праваго ихъ фланга, сербская артиллерія, имѣя въ видѣ защиты отъ пѣхоты передъ собой два довольно глубокихъ оврага, продолжала пальбу до тѣхъ поръ, пока турки, неся значительную потерю отъ сербскихъ гранатъ, не были принуждены покинуть позиціи и отступить къ Адліе, очистивъ, такимъ образомъ, сербскую территорію отъ своихъ войскъ и потерявъ сербскій клочекъ земли, который она пріобрѣла съ такими большими жертвами.

Rus.

Взятіе Княжевца

Княжевацъ находится къ югу отъ Зайчара, къ сѣверо-востоку отъ Алексинца и къ востоку отъ Крушевца, недалеко отъ турецкой границы. 21-го іюня турецкая армія, сосредоточенная при Нишѣ и находящаяся подъ начальствомъ Ах-

Библиотека "Руниверс"

медъ-Эюба-паши, перешла сербскую границу при Громадѣ, пограничномъ пунктѣ по дорогѣ изъ Ниша въ Княжевацъ. Авангардъ нишской арміи столкнулся при Громадѣ съ сербскимъ авангардомъ, который занималъ это мѣстечко, а также и кое-какія укрѣпленія. Произошелъ шестичасовой кровавый бой.

Турки, вдвое превосходившіе сербовъ численностью, съ большимъ трудомъ взяли сначала укрѣпленія, а потомъ вступили и въ мѣстечко, причемъ тотчасъ же началось разрушеніе зданій и другія неистовства. Сербы отступили къ Пандрало, который иначе называется *Дервентъ*, что по турецки значитъ вообще горный проходъ. Турки, занявъ Громаду, продолжали преслѣдованіе сербовъ и выбили ихъ, наконецъ, изъ позицій при Пандрало.

30-го іюля, турецкій корпусъ подъ начальствомъ Сулейманапаши перешелъ сербскую границу у Пандрало и проникъ Черезъ Околиште до Княжевца. Сербскій полковникъ Хорватовичъ, услышавъ объ этомъ вторженіи, выслалъ свои войска черезъ Тресибабью Планину, по прикрытой лѣсомъ мѣстности. Сербы кинулись на турокъ сразу съ двухъ сторонъ: сбоку и съ центра. Произошло опять кровопролитное сраженіе, и турки были разбиты; три батальона ихъ были совершенно уничтожены, 173 черкеса взяты въ плѣнъ. Жители окрестныхъ деревень и селеній, опасаясь турецкихъ злодѣйствъ, бѣжали внутрь Сербіи, захвативъ сколько можно было имущества. Турки, подкрѣпивъ себя новыми силами, продолжали напирать на сербскія войска полковника Хорватовича, и ему становилось трудно. Хорватовичъ держался, какъ могъ. *Цѣлыхъ пять дней* отражалъ онъ нападенія турокъ, выдерживая по нѣскольку отчаянныхъ битвъ въ день. Не легко было сербамъ, но они покуда еще держались.

Между тѣмъ, до генерала Черняева дошла вѣсть о стѣсненномъ положеніи Хорватовича, стоящаго подъ Княжевцемъ. Черняевъ поспѣшилъ на выручку къ Хорватовичу и съ этою цѣлью выступилъ изъ Алексинца съ семью батальонами. Онъ счастливо пробился черезъ трудно проходимыя горы къ дорогѣ, ведущей изъ Громады къ Княжевцу. Планъ генерала Черняева заключался въ слѣдующемъ: Хорватовичъ долженъ былъ удержать свои позиціи при Княжевцѣ, тогда какъ генералъ Черняевъ намѣревался напасть изъ Дервента на тылъ турецкой арміи. Дойдя до высотъ Тресибабы, генералъ Черняевъ получилъ извѣстіе, что полковникъ Хорватовичъ *не могъ* держаться долѣе и началъ отступленіе къ горному проходу, лежащему между Баньей и Княжевцемъ.

Послѣ подобнаго оборота дѣла, Черняеву не осталось ничего больше, какъ возвратиться обратно въ Алексинацъ, ибо попытка снова отбить Княжевацъ, повлекли бы, по его соображеніямъ, еще большія потери для сербовъ.

Седьмого августа (по новому стилю) Княжевацъ былъ взятъ турками, преданъ огню и разграбленію, а жители, кто могъ, спаслись внутрь страны. Вторженіе это сопровождалось страшнымъ безчеловѣчіемъ: турки, посредствомъ петроля, жгли села, деревни, церкви и проч.; жителей, кто попадался, вѣшали или убивали инымъ способомъ.

Но не долго турки удержались на позиціяхъ у Княжевача и Тресибабы, взятыхъ ими съ неимовѣрными усиліями. Послѣдующія телеграммы приносятъ намъ извѣстія о томъ, что позиціи эти храбрый полковникъ Хорватовичъ взялъ обратно, оттѣснивъ самихъ турокъ за Мораву.

Не легко же достаются туркамъ даже самые маленькіе клочки сербской территоріи...

Rus.

Сербскій артиллерійскій литейный заводъ въ Майданпекѣ.

Пристанемъ къ хорошенькому окружному городку на Дунаѣ, Милановацу, и подымемся нѣсколькими змѣеобразными, дорогами на первое предгоріе, откуда открывается прелестный видъ на противоположный австрійскій берегъ, и на строгіе профили сербскихъ горъ Мирогъ и Штольбергъ, съ ущельемъ Бѣлебень и съ его опасными для судоходства порогами. Поднимаясь выше и минуя колонію дровосѣковъ, мы достигнемъ, наконецъ, послѣ двухъ часового пути, значительной высоты и увидимъ внизу котловину, на украшеніе которой природа не поскупилась. При подошвѣ этой котловины стоитъ княжескій сербскій плавильный заводъ Майданпекъ, при рудникахъ, лежащихъ по теченію рѣчки Пеки. Заводъ Майданпекъ представляется съ мѣста нашего обозрѣнія громаднымъ собраніемъ зданій, окруженныхъ многочисленными бѣлыми домиками рабочихъ. Домики эти тянутся до Кучапна на протяженіи цѣлаго часа ходьбы.

Не только преданія, но и вѣрныя, несомнѣнныя доказательство подтверждаютъ, что за долго до присоединенія Сербіи къ Турціи, разработывались эти рудники, и вѣроятно не разъ велась война изъ за приманчиваго ихъ богатства. Старинныя сербскія пѣсни воспѣваютъ сокровища «Кучаи», вблизи котораго находятся серебросные и золотоносные рудники, эксплуатируемые уже давно (съ 1868 года) однимъ нѣмцемъ. Знаменитому саксонскому заводчику, Гердеру, принадлежитъ устройство, этихъ и другихъ сербскихъ рудниковъ, послѣ того, какъ они подъ турецкимъ правленіемъ были совершенно запущены. Желающихъ ближе познакомиться съ исторіею самаго большого сербскаго рудника, Майданпека, просимъ обратиться къ сочиненію Каница, «Сербія».

Руда, разработываемая въ Майданпекѣ, мѣдная и желѣзная. Поверхность рудниковъ совершенно разработана старыми котловинообразными ходами, время постройки которыхъ относится ко временамъ римскаго владычества. Въ 1861 году, они находились въ арендѣ у французской компаніи, которая занималась, впрочемъ, больше продажею лѣсовъ, чѣмъ разработкою минъ. Производство полыхъ и литыхъ ядеръ для государства изъ оказавшагося на лицо матеріала, составляло тогда выдающійся заказъ въ обширныхъ мастерскихъ. Командированный сербскимъ военнымъ министерствомъ, бывшій офицеръ гессенской службы, по имени Крейцеръ, вмѣстѣ съ прикомандированными къ нему нѣсколькими военными, руководилъ устройствомъ моделей, формъ для отливки, самымъ литьемъ и отдѣлкою ядеръ. Сначала выработывалось 150 ядеръ въ день, затѣмъ нѣсколько сотъ и наконецъ значительныя количества, такъ что запасы, постоянно скопляемые въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ, представляютъ огромную массу.

Когда Сербія объявила Портѣ войну, то многія газеты, преимущественно туркофильскія, говорили, что Сербія не готова къ войнѣ, что она не имѣетъ, ни войска, ни оружія, ни пушекъ, ни достаточныхъ запасовъ боевыхъ снарядовъ. Какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ и здѣсь онѣ не имѣли точныхъ свѣдѣній. Сербское военное управленіе опубликовало на дняхъ состояніе сербскаго военнаго матеріала, который дѣйствительно значителенъ. По оффиціальнымъ сообщеніямъ въ распоряженіи военной администраціи находятся: 250,000 ружей, заряжающихся съ казенной части, 100,000 заряжающихся съ дула, 28 полевыхъ батарей, 5 горныхъ батарей, 25 батарей бронзовыхъ пушекъ. Сверхъ того въ резервныхъ магазинахъ находятся значительныя количества припасовъ (2,250,000 ядеръ и 50,000 артиллерійскихъ патроновъ). Особенное-же значеніе получаютъ эти числа, если принять въ соображеніе, что Сербія, не смотря на такое почтенное вооруженіе, умѣла обойтись безъ отягощенія страны новыми налогами и безъ увеличенія государственнаго долга.

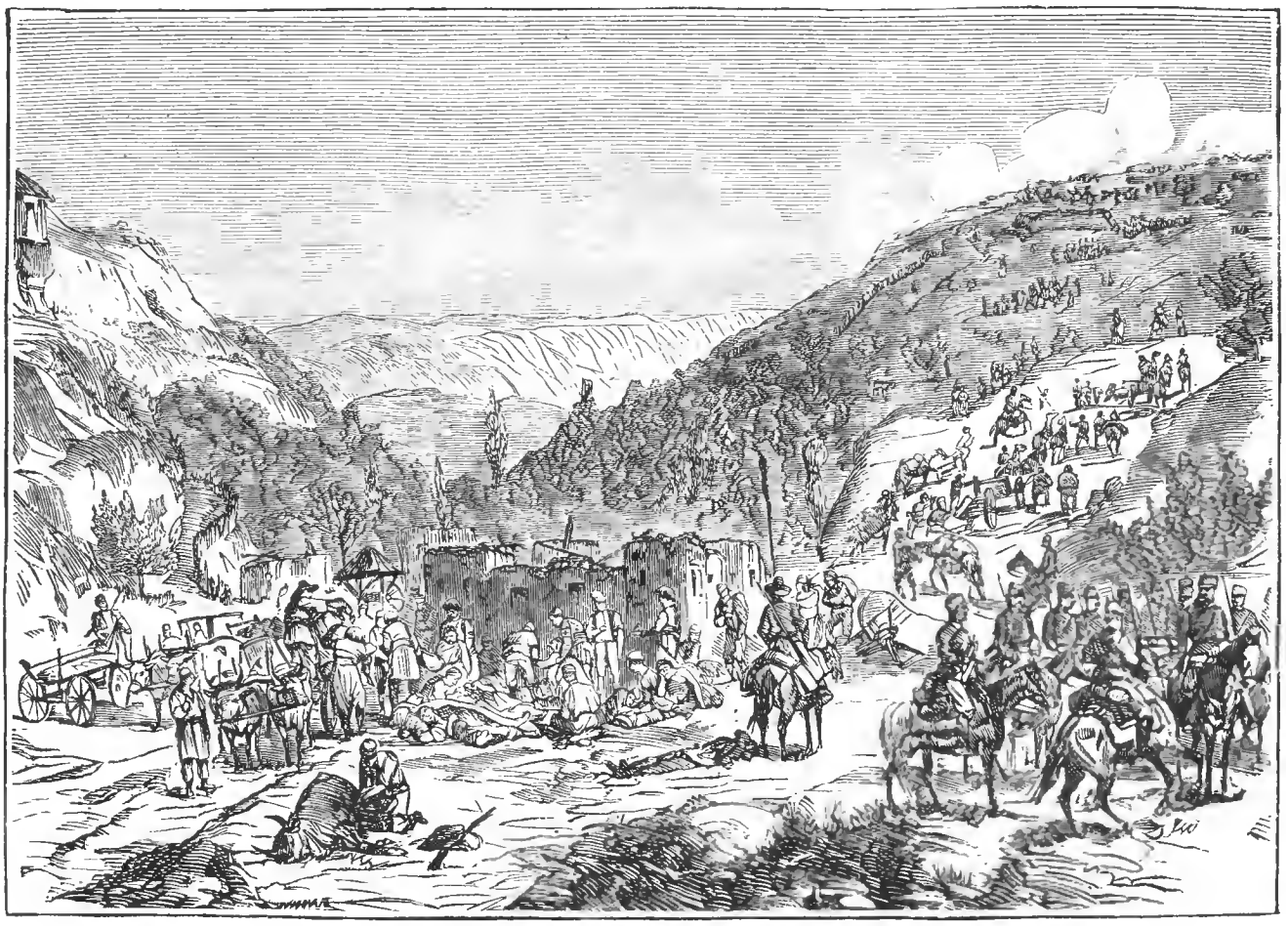
Путешествіе съ необыкновенною скоростью.

Въ воскресенье, 4-го іюня текущаго года, ровно въ четверть десятаго утра, тринадцать пушечныхъ выстрѣловъ, раздавшихся съ крыши «Palace Hôtel», возвѣстили о прибытіи *перваго* трансконтинентальнаго курьерскаго поѣзда (lightningtrain) изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско. Этотъ поѣздъ пролетѣлъ громадное пространство - болѣе 5.000 верстъ—въ 83 часа, 53 минуты, 15 секундъ. Такая быстрая ѣзда по желѣзной дорогѣ представляетъ въ наше время явленіе, единственное въ своемъ родѣ.

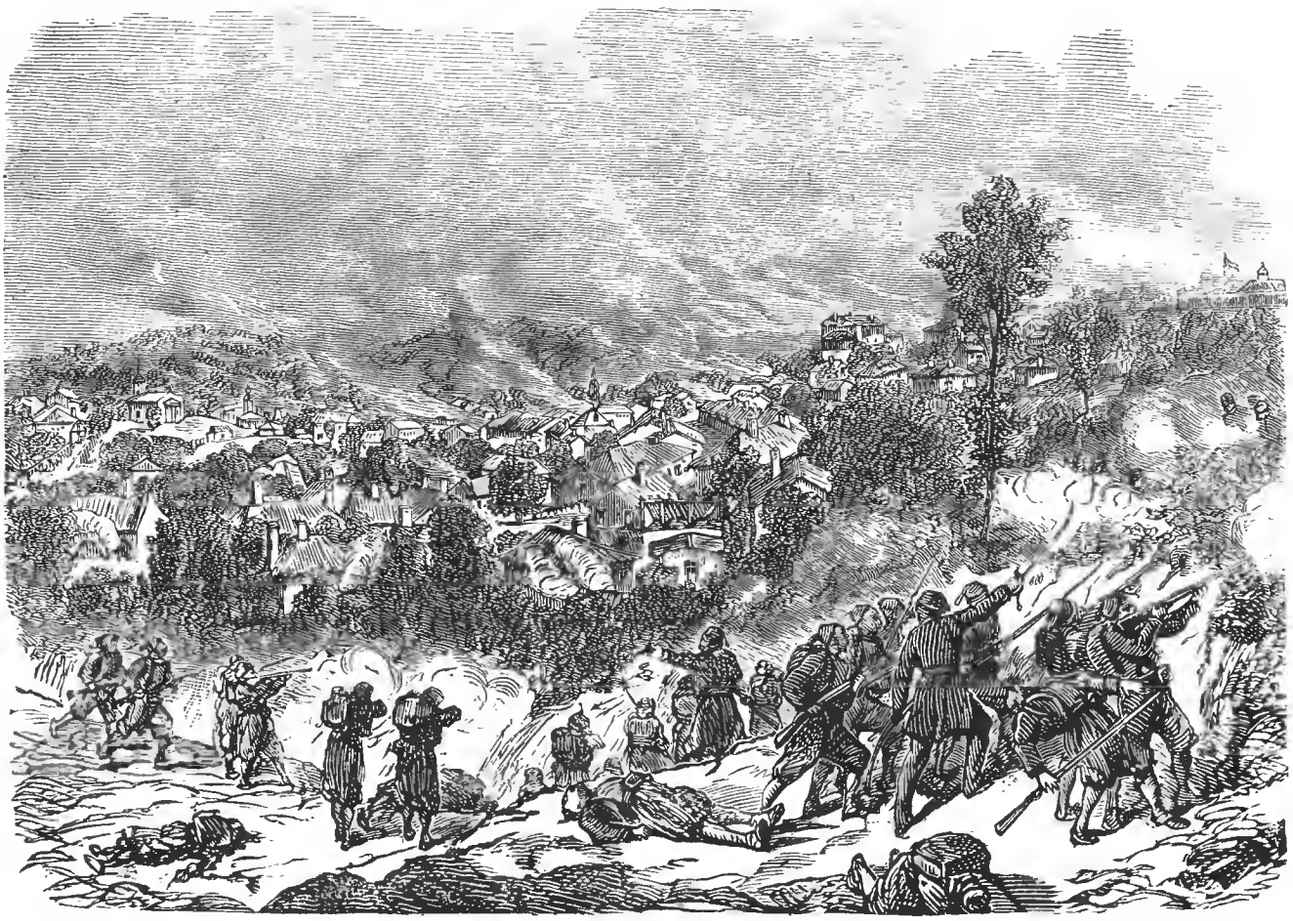
О ходѣ поѣзда, съ страшной быстротой мчавшагося, телеграфъ ежедневно, ежечасно сообщалъ свѣдѣнія по направленію движенія. Населеніе всей страны слѣдило съ жаднымъ любопытствомъ за ходомъ смѣлаго предпріятія, обращая серьезное вниманіе даже на ничтожныя обстоятельства, сопровождавшія эту бѣшеную ѣзду... То, что до сихъ поръ считалось почти невозможнымъ—осуществилось наиблестящимъ образомъ, изъ области фантазіи перешло въ міръ фактовъ. Гг. Джаретту и Пальмеру, директорамъ театральной труппы, прославившейся въ Америкѣ исполненіемъ драмы Шекспира «Генрихъ V», принадлежитъ честь инициативы въ дѣлѣ осуществленія этого грандіознаго предпріятія. Господа эти задумали устроить спектакль въ Санъ-Франциско, и для этого нужно было отправить туда актеровъ. Сказано—сдѣлано. Они наняли для проѣзда туда и обратно курьерскій поѣздъ, заплативъ по 500 долларовъ за каждаго пассажира.

Нью-Іоркскій «Herald» назвалъ это предпріятіе «историческимъ событіемъ». Ѣзда по желѣзнымъ дорогамъ въ Европѣ со скоростью 52 и 66 верстъ въ часъ—явленіе довольно обыкновенное, это правда, но за то разстоянія между конечными пунктами по желѣзнодорожнымъ линіямъ нашей части свѣта относительно коротки, да кромѣ того наши линіи имѣютъ почти вездѣ два рельсовыхъ пути и на всемъ протяженіи огорожены, чего въ Америкѣ нигдѣ нѣтъ; служебный персоналъ у насъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на американскихъ дорогахъ; мѣстныя затрудненія, которыя приходится преодолѣвать при движе-

Библиотека "Руниверс"

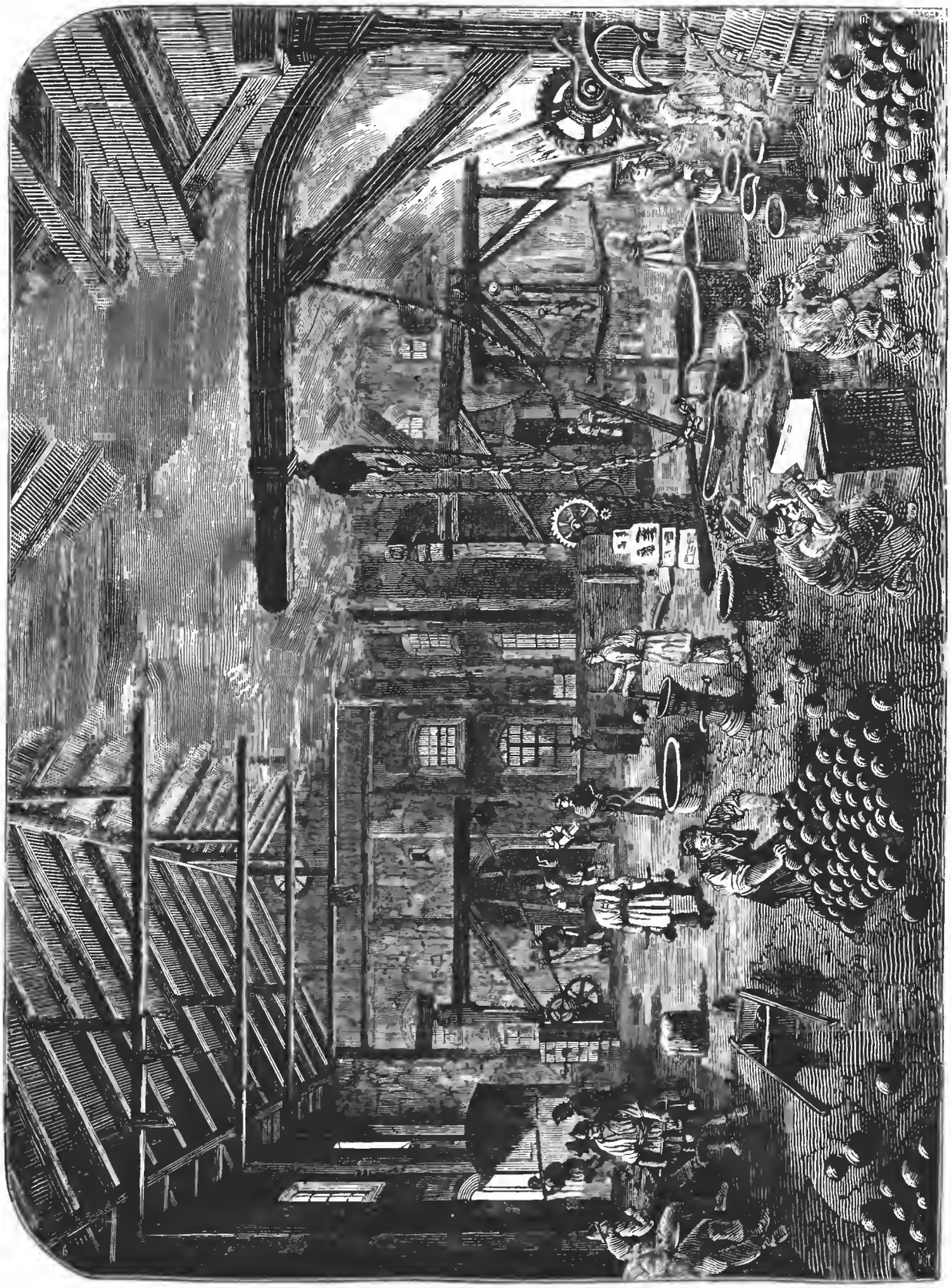


Битва при Великомъ Изворѣ. Съ наброска К. М. грав. Нанифъ.



Взятіе Княжевца. Съ наброска Н. К. рѣзалъ Боярскій.

Библиотека "Руниверс"



Сербскій артиллерійскій литейный заводъ въ Майданпекѣ. Рис. Канитц, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

ніи по главнымъ линіямъ европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, не могутъ быть и сравниваемы съ такими же затрудненіями въ Америкѣ. Кто настолько свѣдущъ, что въ состояніи взвѣсить всѣ обстоятельства, неблагопріятствующія успѣшному осуществленію такого предпріятія въ Новомъ Свѣтѣ, тотъ не можетъ не согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ «Herald'a». Для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить успѣхъ задуманной грандіозной поѣздки, нужно было всѣмъ активно-участвующимъ въ ней предварительно «спѣться», необходимо было полное единодушіе, согласіе въ дѣйствіяхъ разныхъ желѣзнодорожныхъ компаній востока и общества Союзной и Центрально-великоокеанской дорогъ, кромѣ того, непремѣнными условіями успѣха были: небывалая, страшная быстрота движенія, наистрожайшая аккуратность со стороны крупныхъ и мелкихъ желѣзнодорожныхъ агентовъ на всемъ громадномъ протяженіи пути, самые лучшіе и самые сильные локомотивы, безукоризненный подвижной составъ, отличные, опытные инженеры и кондуктора. Малѣйшее нерадѣніе могло быть причиною страшной катастрофы; незначительной проволочки, небрежности по службѣ было бы достаточно, чтобъ разрушить весь планъ. Понятно, что распорядители постарались ничего не упустить изъ виду, устроить все надлежащимъ образомъ. Чтобы достигнуть далекой цѣли — *золотыхъ воротъ* (Калифорніи)—нужно было проѣхать громадныя пространства, летѣть среди дремучихъ лѣсовъ, черезъ болота, преріи, гдѣ стада рогатаго скота безпрепятственно переходятъ черезъ полотно желѣзной дороги, гдѣ древесные стволы-великаны, опрокинутые бурей, нерѣдко загромождаютъ путь; по дорогѣ будутъ широкія, быстрыя рѣки, а черезъ нихъ длиннѣйшіе мосты; встрѣтятся высокіе горные хребты, на которые приходится взбираться локомотиву или, лучше сказать, взлетать на нихъ...

До открытія центрально-великоокеанской дороги на переѣздъ изъ Нью-Іорка въ С. Франциско на почтовыхъ требовалось около тридцати дней (ѣзда и днемъ и ночью); путешествовавшіе только во время дня совершали весь путь въ полтора мѣсяца, караванъ же эмигрантовъ изъ Нью-Іорка доходилъ до С. Франциско въ полгода. Съ открытіемъ движенія по рельсовому пути между океанами Атлантическимъ и Великимъ путешествіе изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско совершалось въ семь сутокъ, или въ продолженіи 168 часовъ.

Первый курьерскій поѣздъ, прибывшій 4-го іюня въ Санъ-Франциско, пролетѣлъ отъ Атлантическаго океана къ Великому, какъ сказано выше, менѣе чѣмъ въ 84 часа.

Поѣздъ этотъ тронулся въ далекій путь, перваго іюня, ровно въ часъ пополудни, изъ Джерсей-сити, что насупротивъ Нью-Іорка. Онъ состоялъ изъ четырехъ вагоновъ: буфетнаго, спальнаго, багажнаго и почтоваго. Въ почтовомъ вагонѣ для одного только Санъ-Франциско было 100,000 писемъ. Билеты на проѣздъ туда были вдѣланы въ изящныя серебряныя рамки. На всѣхъ пакетахъ съ корреспонденціей былъ такой штемпель: „Jarrett de Palmer's Special Fast Trans-Continental Train—New Iork, Lnne 1—1876—12. 10. A. M». Путешественникамъ предоставлены были всевозможныя удобства; буфетъ былъ снабженъ наилучшими кушаньями, отличными винами и разными тонкими, деликатными вещами изъ области прихотливой закуски и выпивки. До отхода поѣзда въ полчаса было отпечатано 15,000 экземпляровъ четверговаго номера нью-іоркскаго «Herald'a», которые нужно было роздать на пути въ далекій «золотой городъ», т. е. выкидывать «по принадлежности», согласно адресамъ.

На Пенсильванской центральной желѣзной дорогѣ, до города Питсбурга, въ ходу былъ одинъ и тотъ же локомотивъ, дѣйствовавшій безостановочно въ продолженіи 10 часовъ и 4 минутъ. Было сдѣлано 670 вер. На каждой станціи масса народа торжественно встрѣчала и провожала этотъ поѣздъ. Въ то время, какъ путешественники мчались по Пенсильваніи со скоростью десяти нѣмецк. миль въ часъ, въ буфетномъ вагонѣ былъ сервированъ первый завтракъ. Справа и слѣва, какъ бы въ бѣшеной пляскѣ, неслись одна за другой фермы, лѣса, города, луговыя полосы, иногда застилаемые летящими назадъ клубами дыма изъ трубы локомотива, а Уарренъ Джарретъ, виновникъ смѣлой экспедиціи, поднималъ бокалъ съ шампанскимъ и, подъ грохотъ чугунныхъ колесъ, провозглашалъ тостъ за успѣхъ предпріятія—за благополучное прибытіе въ Санъ-Франциско. Разумѣется, такой тостъ былъ принятъ съ восторгомъ всѣми спутниками его. Послѣ небольшой остановки, поѣздъ помчался далѣе по благословеннымъ равнинамъ Огіо, Индіаны и Иллинойса и въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго, вечеромъ, прибылъ на станцію Чикаго, Рокъ-Исландской желѣзной дороги, гдѣ густая толпа народа привѣтствовала мимолетныхъ гостей оглушительными, веселыми криками.

Разстояніе между Нью-Іоркомъ и Чикаго (слишкомъ 1,377 верстъ) было пройдено въ 20 часовъ.

Перемѣнивъ локомотивъ, поѣздъ полетѣлъ дальше и въ 12 часовъ 56 минутъ пополуночи былъ на берегахъ р. Миссисипи, а въ половинѣ десятаго онъ уже гремѣлъ по громадному мосту черезъ Миссури, близь Council-Bluffs'a, пройдя послѣднія 102 версты въ 60 минутъ. Несясь по равнинамъ, желѣзный конь дѣлалъ по 90½ верстъ въ часъ. Въ Омаху (слишкомъ 2112 в. отъ Нью-Іорка) поѣздъ пришелъ черезъ 32 часа, а въ Чейэнну, у подошвы скалистыхъ горъ (2915 в. отъ Нью-Іорка), онъ прибылъ черезъ 40 часовъ. По великой Ларамійской равнинѣ, лежащей на 7.000 фут. выше уровня моря, путешественники мчались со скоростью 126½ верстъ въ часъ. По ущельямъ (подъемъ ихъ 8,242 фут.) скалистыхъ горъ поѣздъ летѣлъ съ ужасающей быстротой. Послѣднія 113 верстъ по союзно-великоокеанской дорогѣ были пройдены въ 79 минутъ. Пространство между Омахой и Огденомъ (слишкомъ 1551 в.) поѣздъ прошелъ въ 25 ч. и 20 м. Въ самомъ Огденѣ, отстоящемъ отъ Нью-Іорка на 3,672 в., путешественники были черезъ пятьдесятъ пять часовъ послѣ выѣзда изъ Джерсей-Сити.

Самый трудный и опасный путь былъ еще впереди: транскоптинентальному курьерскому поѣзду слѣдовало идти съ тою же быстротою по дорогѣ, имѣющей мѣстами значительный подъемъ, именно по центрально-великоокеанской желѣзной дорогѣ, представляющей безчисленное множество кривыхъ (извиновъ). Великолѣпный локомотивъ № 149, прицѣпленный къ поѣзду въ Огденѣ, совершилъ подъ управленіемъ отважнаго инженера Генка Смэлля (Hank Small) почти *невозможное*. Этотъ желѣзный, колоссальный конь, вѣсящій 65,450 ф., пилъ воду, которая въ количествѣ 1367,52 ведеръ была влита въ резервуаръ. Локомотивъ № 149 дѣйствовалъ безостановочно на всемъ протяженіи пути отъ Огдена до Санъ-Франциско, а разстояніе между этими пунктами—1,332½ версты. По подъемамъ въ 45 и 65 фут. на 754 сажени поднимались со скоростью 68 верстъ въ часъ... Съ бѣшеной стремительностью мчался поѣздъ по пустынямъ «Невады», и за нимъ, словно хвостъ какой-то «черной кометы», неслись густыя облака пыли. Это было сказочное чудище, вдругъ вырвавшееся изъ міра чудесъ и загрохотавшее на страхъ и ужасъ всякому встрѣчному!.. На всѣхъ станціяхъ толпы народа, привѣтствуя этого желѣзнаго скорохода, кричали «ура!» Выстрѣлы изъ мортиръ салютовали этому блестящему дѣтищу XIX столѣтія.

Въ послѣднюю ночь путешествія поѣздъ шелъ среди опасной гористой мѣстности Сіерры-Невады (7,000 ф. надъ уровнемъ моря. По свидѣтельству суперинтендента Центрально-великоокеанской желѣзной дороги, на линіи ея находится 1,100 кривыхъ, которыя въ совокупности составляютъ 125 полныхъ окружностей. На главной линіи встрѣчается 14,800 подъемовъ и 10,700 уклоновъ; разность длины внутреннихъ и наружныхъ рельсъ равняется 4,000 футамъ. Бо́льшая доля этихъ неудобствъ, «необходимыхъ» препятствій, приходится на гористую часть пути. Любой опытный желѣзнодорожный агентъ легко усмотритъ, сколько затрудненій представляетъ такая дорога для быстрой ѣзды, но иная постройка полотна въ этой мѣстности невозможна, неосуществима, съ чѣмъ и нужно было примириться.

Несмотря, однако, на всѣ эти препятствія, поѣздъ быстро шелъ черезъ Сіерру-Неваду. На окраинахъ всѣхъ мѣстечекъ, лежащихъ по линіи желѣзной дороги, въ эту ночь горѣли костры и смоляныя бочки, а фейерверки тамъ и сямъ оспѣщали темное небо. Обыватели мѣстечекъ просто неистовствовали отъ восторга и радости, глядя какъ желѣзная лошадка, пыхтя и посвистывая, и фыркая, несется по горамъ. Извиваясь по кривымъ линіямъ, съ мѣрнымъ грохотомъ, мчался поѣздъ все впередъ и впередъ, то проходя подъ длинными снѣго-отводными навѣсами, то пролетая безконечные тунели, то гремя по исполинскимъ мостамъ.. Нерѣдко у зрителей сжималось сердце—вотъ, вотъ, казалось имъ, соскочитъ поѣздъ и мелькнетъ черной полоской въ пропасть...

Передъ разсвѣтомъ, когда луна еще освѣщала своимъ волшебнымъ сіяніемъ горные ландшафты, поѣздъ летѣлъ со скоростью 68 верстъ и, обогнувъ крутой склонъ Капъ-Горна на высотѣ 2,500 фут надъ уровнемъ американской рѣки, сверкавшей серебристой лентой изъ мрачной глубины, спустился въ зеленыя, благословенныя равнины прекрасной Калифорніи.

Вокзалъ Сакраменто еще съ полуночи осаждала масса публики, которая въ 6 ч. утра привѣтствовала отважныхъ путешественниковъ. Въ 9 ч. 20 м. поѣздъ въѣхалъ на громадный мостъ (болѣе трехъ верстъ длины), находящіяся поподалеку отъ Оакланда, гдѣ и былъ встрѣченъ бургомистромъ города Санъ-Франциск, чиновниками калифорнійской торговой метрополіи и толпой гражданъ обоего пола, которые восторженно махали шляпами, платками и бросали цвѣты.

Проѣхавъ съ неслыханною быстротою сѣверо-американскій континентъ во всю ширину его, нью-іоркскіе гости, въ девять часовъ и 53 минуты, при крикахъ «ура!» и пушечныхъ выстрѣлахъ, въѣхали въ экипажахъ Palace Hôtel'я во дворъ величайшей въ свѣтѣ гостинницы. Въ великолѣпно-разукрашенной цвѣточными гирляндами залѣ былъ сервированъ завтракъ, состоявшій изъ самыхъ изысканныхъ блюдъ и винъ богатой Калифорніи. Нью-іоркскіе гости, между которыми были и представители «London «Illustrated News» и «Joural des Débats», сѣли за столъ въ сообществѣ важнѣйшихъ чиновъ города, почтеннѣйшихъ гражданъ и представителей мѣстной прессы.

Библиотека "Руниверс"

Освященіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морского канала.

17-го августа, происходило открытіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морского канала и порта. Каналъ этотъ будетъ настолько глубокъ, что приходящіе къ намъ изъ за моря корабли съ грузомъ могутъ, минуя Кронштадтъ, направлять свой путь сюда для выгрузки товаровъ. Громадная важность для столицы такого порта сама по себѣ очевидна: перегрузка въ Кронштадтѣ заграничныхъ товаровъ съ кораблей и пароходовъ на лихтера обходится ежегодно въ 10,000,000 руб., и сумма эта, конечно, падаетъ на потребителей.

При стройномъ пѣніи пѣвчихъ придворной капеллы, въ присутствіи министра путей сообщенія, С.-П.-Бургскаго градоначальника и др., ректоръ С.-П.-Бургской духовной академіи о. Янышевъ освятилъ образъ Александра Невскаго. Вслѣдъ за симъ, къ пристани прибылъ Его Императорское Высочество генералъ-адмиралъ, Великій князь Константинъ Николаевичъ, сопровождаемый управляющимъ морскимъ министерствомъ, адмиралами Лѣсовскимъ и Поповымъ и г. Путиловымъ.

Его Высочество, по выслушаніи объясненія проэкта предполагаемыхъ работъ, направился къ часовнѣ, гдѣ и былъ встрѣченъ духовенствомъ. Послѣ краткаго молебствія о ниспосланіи успѣха предпріятію, былъ положенъ Его Высочествомъ первый камень зданія, въ которомъ будетъ помѣщенъ только что освященный образъ. Между тѣмъ, неподалеку отъ желѣзнодорожнаго моста, у пристани, выстроились пароходы, на которые Его Высочество и лица, сопровождавшія Его, отправились для осмотра мѣстности, гдѣ уже началось прорытіе канала

По возвращеніи изъ поѣздки, Его Императорское Высочество съ свитой своей обозрѣвалъ новую желѣзную дорогу, которая должна служить соединительною вѣтвью другихъ желѣзно-дорожныхъ линій, идущихъ къ столицѣ На возвратномъ пути Его Высочество посѣтилъ Путиловскіе желѣзные заводы, гдѣ и полюбопытствовалъ взглянуть на производство стальныхъ рельсъ. Для публики былъ приготовленъ особый поѣздъ, состоящій изъ платформъ, на которыхъ рядомъ стояли вѣнскіе стулья. По отъѣздѣ Его Высочества, г Путиловъ пригласилъ гостей своихъ къ обѣденному столу. За обѣдомъ г Полетика въ своей рѣчи напомнилъ, что еще Петръ Великій задумывалъ устроить здѣсь морской каналъ и поставить такимъ образомъ молодую столицу въ ряду первостепенныхъ морскихъ портовъ (войны, другія заботы и преждевременная смерть помѣшали первому преобразователю осуществить задуманную мысль), и что вотъ черезъ 160 лѣтъ проектъ этотъ началъ наконецъ осуществляться. Послѣ обѣда все общество отправилось обозрѣвать плавильные заводы, или вѣрнѣе—цѣлый городъ «Путиловъ» На этомъ громадномъ заводѣ работаетъ болѣе 3,000 человѣкъ. Не мало заводовъ у г. Путилова и въ Финляндіи. На всѣхъ его заводахъ состоитъ: 40 инженеровъ, не исключая механиковъ-техниковъ, 4,000 мастеровъ и до 6,000 чернорабочихъ. Все это громадное заведеніе обязано существованіемъ и развитіемъ своимъ единственно неусыпной, можно сказать геройской дѣятельности г. Путилова. Редакція «Нивы» постарается въ скоромъ времени помѣстить въ одномъ изъ ближайшихъ №№ своихъ планъ морского канала и рисунокъ (проэкцію), представляющій видъ будущаго петербургскаго порта.

Политическое обозрѣніе.

Телеграммы отъ 19 августа принесли изъ Константинополя извѣстіе, что трехмѣсячное царствованіе султана Мурада V, вступившаго на престолъ 18 мая, окончилось, и что громомъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣщено объ отреченіи его отъ престола въ пользу брата своего, Абдула Гамида, родившагося 22 сентября 1842 г.

Если судить по тѣмъ событіямъ, при которыхъ вступилъ на престолъ его предшественникъ, Абдулъ Гамидъ I, (въ 1774 г.), то Абдулъ Гамиду II предстоитъ не веселое царствованіе. Абдулъ Гамидъ I, призванный на царство османовъ, принялъ его въ совершенномъ упадкѣ: Египетъ, Сирія и Грузія стремились отложиться отъ Турціи, Россія давала тогда ей чувствовать свое могущество и по Кучукъ-Кайнарджинскому миру присоединила къ себѣ Керчь, Ениколь, Азовъ и Кинбурнъ и вскорѣ за симъ Крымъ Потомъ, впослѣдствіи, а именно въ 1787 году, когда Абдулъ Гамидъ I, вновь рѣшился на борьбу съ Россіей, Турція снова пострадала: флотъ ея былъ совершенно уничтоженъ, и крѣпость Очаковъ взята русскими.

Но, оставляя въ сторонѣ историческія примѣры изъ царствованія Гамида I, поучительные для Гамида II, не смотря на ихъ вѣковую отдаленность отъ настоящаго времени, нельзя ожидать чтобы царствованіе вновь вступившаго на турецкій престолъ султана принесло ему въ будущемъ что либо утѣшительное. Современное положеніе турецкихъ дѣлъ хорошо всѣмъ извѣстно и полагаемъ, что едва-ли у кого нибудь можетъ быть какая либо надежда, относительно возможности возстановить силы «больного человѣка».

Докторовъ около этого «больного», положимъ, ухаживаетъ много, но и сами они, какъ тоже всѣмъ давно извѣстно, заботятся только о томъ, чтобы побольше имъ самимъ досталось наслѣдства, а никакъ не о возстановленіи силъ умирающей Турціи.

До сихъ поръ переговоры, относительно перемирія съ Сербіей, не вступили еще въ свой рѣшительный фазисъ, дѣло идетъ пока въ подготовленіи обѣихъ сторонъ къ возможнымъ условіямъ мира. Въ возможность прочности этого мира, конечно никто не вѣритъ, ни даже сами ходатаи о немъ.

Возможенъ ли миръ, даже на непродолжительное время, еще тоже вопросъ, который нельзя теперь разрѣшить, именно потому, что неизвѣстны тѣ условія, при которыхъ желаютъ его возстановить. Будемъ ждать этихъ условій, чтобы имѣть возможность ближе обсудить, насколько отдаленъ слѣдующій актъ трагедіи, такъ страшно разыгрывающейся на Балканскомъ полуостровѣ.

Судя, однако, по только что полученнымъ депешамъ—мы едва ли скоро ознакомимся съ этими условіями. Перемиріе встрѣчаетъ значительныя затрудненія. Турція не соглашается включить въ переговоры вопроса о Герцеговинѣ и Босніи,—Сербія, съ своей стороны, объявила, что признаетъ только почетный миръ, въ противномъ случаѣ рѣшилась продолжать борьбу до крайности. Британская пресса даже полагаетъ, что попытки къ перемирію не приведутъ ни къ чему...

Согласно тѣмъ же свѣдѣніямъ, у Алексинца, послѣ непродолжительнаго затишья, снова начались битвы на лѣвомъ берегу Моравы. Мы надѣемся и, конечно отъ всего сердца желаемъ, чтобы онѣ имѣли такой же исходъ, какой имѣли уже предъ тѣмъ, т. е. чтобы турецкая орда была, наконецъ, совершенно изгнана изъ Сербіи.

Князю Николаю также скоро предстоитъ пустить въ ходъ, и навѣрное съ прежнимъ же успѣхомъ, страшные ятаганы храбрыхъ черногорскихъ орловъ. Турки противъ нихъ теперь сосредоточиваются у Подгорицы. Къ этой мѣстности теперь стянуто слишкомъ 50 батальоновъ редифовъ для нападенія на Черногорію.

Изъ Греціи пока еще не слышно ничего рѣшительнаго, хотя извѣстно, что греческое правительство снова заявило Портѣ протестъ противъ колонизаціи черкесами сосѣднихъ съ Греціей турецкихъ провинцій.

Въ свое время мы сообщили о полученіи сэромъ Дизраэли титула графа Биконсфильда, получившаго вмѣстѣ съ графствомъ спокойное кресло въ палатѣ пэровъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ газеты, политическое главенство въ консервативной партіи нижней палаты перешло отъ Дизраэли къ сэру Стаффорду Норткоту. Самъ Дизраэли желалъ имѣть его своимъ преемникомъ и съ этою цѣлью старался выдвинуть его на первый планъ но время преній о торговомъ флотѣ и народномъ образованіи. Судя по сообщаемымъ свѣдѣніямъ, почти вся англійская печать одобряетъ этотъ выборъ.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія намъ предстоитъ сообщить читателямъ печальное извѣстіе о смерти полковника Раевскаго, павшаго на полѣ битвы съ врагами христіанства. Телеграфъ отъ 21-го августа сообщилъ, что 19-го августа была произведена турками аттака на правое крыло, сербской арміи на лѣвомъ берегу Моравы. Сербы отбили эту аттаку и вотъ именно въ этой битвѣ палъ Раевскій. На сколько можемъ судить по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія удалось наскоро собрать о павшемъ героѣ, онъ былъ внукъ доблестнаго генерала Раевскаго, геройски положившаго жизнь за вѣру, царя и отечество въ 1812 году. Внукъ, подобно дѣду своему, палъ за святое дѣло. Въ числѣ тѣхъ русскихъ добровольцевъ, о геройской смерти которыхъ мы сообщили ранѣе, говоря о шестидневной битвѣ подъ Алексинцемъ, оказываются павшими: Дмитріевъ, Борашъ, Ерошенко и Куризовъ. Фамиліи другихъ пока неизвѣстны.

Миръ праху доблестныхъ защитниковъ угнетенныхъ христіанъ, вѣчная память имъ, положившимъ животъ свой за святое дѣло!

Смѣсь.

Удобреніе земли известью. Одна изъ лучшихъ методъ примѣненія извести состоитъ, по словамъ г. Шпренгеля, въ слѣдующемъ: сложить известь слоями съ хорошимъ черноземомъ въ кучу конической формы и употребить при этомъ отъ трехъ до

Библиотека "Руниверс"

четырехъ частей земли на одну часть извести, затѣмъ поливать исподоволь эту кучу водой, необходимой для гашенія извести; потомъ покрыть кучу дерномъ или густымъ слоемъ пыли, сверхъ коихъ насыпать еще немного земли и послѣ всего этого оставить кучу въ такомъ видѣ въ продолженіе трехъ или четырехъ недѣль. По прошествіи этого времени, перемѣшавъ хорошенько съ черноземомъ известь, превратившуюся въ порошокъ, можно приступить къ удобренію поля. Понесенные при составленіи этого удобрительнаго средства труды, будутъ съ избыткомъ вознаграждены произведеніями земли, удобренной известью.

СОДЕРЖАНІЕ: **Іованъ Ристичъ** (съ портретомъ).—**Золотошвейка** (Быль изъ недавняго прошлаго). (Окончаніе). **Н—аго.**—**Турецкія укрѣпленія на Дунаѣ** (съ двумя рисунками). **М. Стратилатова.**—Паденіе Константинополя въ 1453 году. **П—ли.** (окончаніе) —**Тетуанская еврейка** (съ рисункомъ).—**Битва при Великомъ Изворѣ** (съ рисункомъ) —**Rus.**—**Взятіе Княжев-а** (съ рисункомъ). **Rus.** — **Сербскій артиллерійскій литейный заводъ въ Майданпекѣ** (съ рисункомъ). — Путешествіе съ необыкновенной скоростью.—Освященіе работъ по устройству С.-Петербургскаго морского канала.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Объявленіе.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

МАГАЗИНЪ:
54, Казанская улица,
на углу Вознесенск. просп.

ФАБРИКА:
Петербургская сторона,
15, Больш. Вульфовая ул.

Первая премія на Всемірной Вѣнской выставкѣ: медаль преуспѣянія и орденъ Франца Іосифа.

К. М. ШРЕДЕРЪ,

Поставщика женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства

ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ,

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА,

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРІИ

и

ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО.

№ 1. **ПІАНИНО** 7 октавъ съ металлическою доскою, трехъструнное 375

№ 2. **САЛОНЪ-РОЯЛЬ** 7 октавъ, съ металлическою доскою, 4 стальными упорами и гармоническимъ притворомъ струнъ (прежн. конструкціи) 500

№ 3. **КАБИНЕТЪ-РОЯЛЬ** (американск. системы) 7 октавъ, съ металлическою рамкою и мѣдными аграфами 600

№ 4. **САЛОНЪ-РОЯЛЬ** (американской системы) 7 октавъ съ механизмомъ двойной репетиціи, съ металлическою рамкою и мѣдными аграфами 700

№ 5. **БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТЪ-РОЯЛЬ** (америк. системы) 7 октавъ съ механизмомъ двойной репетиціи, съ металлическою рамкою, соединенною съ 5 упорами, гармоническимъ притворомъ струнъ и мѣдными аграфами . . . . 800—1000

Такой же, испанскаго орѣховаго и чернаго дерева, съ рѣзбой и украшеніями . . . . . 1000—1500

Инструменты по этой цѣнѣ орѣховаго дерева.

Укладка въ деревянномъ ящикѣ . . . . . 15 руб.

Укладка въ металлическ. » . . . . . 50 »

За чахолъ . . . . . отъ 10—25 »

Принимается доставка съ ручательствомъ, по тарифамъ транспортныхъ компаній.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 27 Августа 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9. Тип. Вольфа, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 36 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 6 Сентября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *И. Гр. Соловьева, А. Линъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

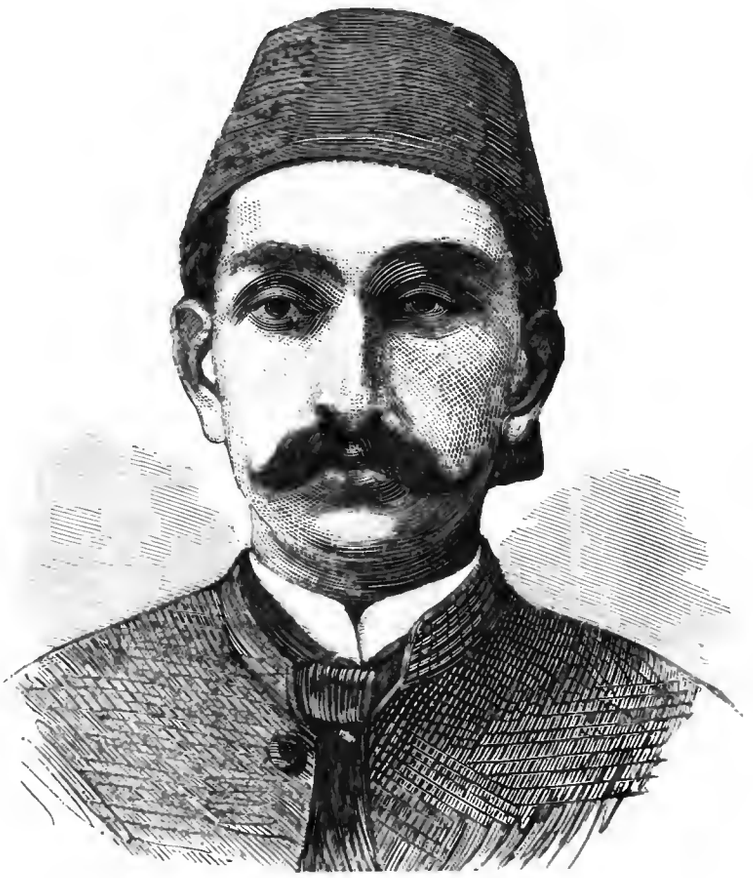
На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.

На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за СЕНТЯБРЬ съ 36 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертежомъ.

Новый турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ II.

19-го августа, въ совѣтѣ высшихъ сановниковъ «блистательной» Порты, Абдулъ-Гамидъ провозглашенъ султаномъ на мѣсто еще живого Мурада V. Этотъ послѣдній процарствовалъ ровно *три* мѣсяца. Новый падишахъ на другой день утромъ отправился въ сераль Топхану, гдѣ и былъ встрѣченъ высшими чинами имперіи. По прочтеніи манифеста, въ которомъ объявлялось, что султанъ Мурадъ V низложенъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, совершена была торжественная церемонія признанія и объявленія султаномъ Абдулъ-Гамида. Загремѣли стамбульскія пушки, и армія восторженно привѣтствовала новаго повелителя правовѣрныхъ. Больной Мурадъ отвезенъ на жительство во дворецъ Чараганъ. По однимъ извѣстіямъ, Мурадъ еще можетъ поправиться, по другимъ — онъ не изцѣлимъ, безнадеженъ. И такъ, султаномъ объявленъ старшій въ родѣ — Абдулъ-Гамидъ, что согласно съ основнымъ закономъ престолонаслѣдія въ Турціи. Послѣ смерти Абдулъ Меджида мечомъ опаясанъ былъ не сынъ



Новый турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ II. Грав. Боярскій.

его, а братъ Абдулъ-Азисъ, послѣ котораго наслѣдовалъ прежде обойденный племянникъ—Мурадъ, а не Юсуфъ-Иззединъ, сынъ Абдулъ-Азиса. Съ первыхъ же дней воцаренія Мурада V стали распространяться слухи о неспособности его управлять государствомъ. Состояніе ли здоровья молодого султана было причиной этой неспособности, или враждебная ему партія распространяла эти слухи — судить объ этомъ трудно, имѣя въ виду лживость турецкой печати и ту таинственность, которою облекаются гаремныя интриги. Какъ бы то ни было, но турки начали посматривать на брата Мурада, принца Абдулъ-Гамида, и, наконецъ, рѣшили препоясать его мечемъ Османа. Абдулъ-Гамидъ родился 22-го сентября 1842 г. Онъ принадлежитъ къ приверженцамъ «старо-турецкой» партіи, отличается крайнимъ фанатизмомъ, ненавистью и презрѣніемъ къ христіанамъ. Разсказываютъ, что Абдулъ-Гамидъ ежедневно удѣляетъ два часа на слушаніе корана, приказывая читать тѣ именно мѣста этой книги, гдѣ го-

Библиотека "Руниверс"

ворится о всемірномъ владычествѣ ислама. Новый султанъ не обладаетъ обширными познаніями. О немъ говорятъ, что онъ, будучи принцемъ, дурно обращался съ своимъ воспитателемъ и вообще любилъ, чтобы ему оказывали великій почетъ и рабски поклонялись. Кто *особенно* не кланялся, того онъ не прочь былъ подвергнуть тѣлесному наказанію. Абдулъ Гамидъ, какъ и покойный дядя его, имѣетъ пристрастіе къ дорогимъ постройкамъ; недавно еще онъ тратилъ свои (относительно небольшія) средства на сельско-хозяйственные опыты—по замѣчанію одной нѣмецкой газеты—опыты «безсмысленные». Конечно, за вѣрность всего этого поручиться нельзя; можетъ быть, такъ говорятъ нарочно, чтобы повредить ему (благо существуетъ партія Юсуфъ-Иззедина), но вотъ слова вѣнскаго знаменитаго психіатра Лейдерсдорфа, призваннаго лечить Мурада: «Если вы спросите меня, каково мое мнѣніе о султанѣ Мурадѣ и его братѣ, преемникѣ престола, то я, основываясь на знаніи характера и способностей обоихъ, скажу вамъ, что я безусловно въ пользу перваго. Правда, Мурадъ не особенно уменъ и развитъ, но онъ добродушенъ и доступенъ либеральнымъ идеямъ запада, а Гамидъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о самомъ себѣ и совсѣмъ не симпатиченъ». По слухамъ, и новый султанъ недолговѣченъ: онъ изъ чахоточныхъ.

Имя новаго падишаха знакомо Россіи: Абдулъ Гамидъ I, сто лѣтъ тому назадъ вступивъ на турецкій престолъ, испыталъ тяжесть русскаго оружія. Въ 1774 г. Порта принуждена была заключить миръ съ Россіей (Кучукъ-Кайнарджійскій); русскимъ кораблямъ предоставлено было свободное плаваніе черезъ Дарданеллы, да кромѣ того Молдавія, Валахія и Крымъ были отданы подъ покровительство Россіи. Въ 1783 г. князь Потемкинъ завоевалъ Крымъ—это встревожило Турцію. Желая избавиться отъ такого воинственнаго, побѣдоноснаго сосѣда, она снова затѣяла войну съ Россіей. Австрійскій императоръ Іосифъ II объявилъ себя союзникомъ русскихъ. Потемкинъ и Суворовъ, первый—взятіемъ Очакова, второй — Измаила, *открыли Россіи дорогу въ Константинополь*, но тутъ Англія и Пруссія подняли голову... Теперь на турецкомъ тронѣ сидитъ Абдулъ-Гамидъ II,—неужели онъ будетъ счастливѣе Абдулъ-Гамида I?.

Обжинки.

(Воспоминанія изъ южнорусской жизни *).

I.

Тому будетъ назадъ лѣтъ двадцать. Въ то время крѣпостное право на югозападѣ Россіи было во всей своей силѣ.

Бывало, лѣтомъ вся мужская половина нашей семьи любила спать въ „клуняхъ“ на сѣновалѣ. Клуни послѣ зимы—всѣ пустыя, вымолоченныя. Только нарочно привезутъ изъ лѣсу свѣжаго сѣна на подстилку, и вольный воздухъ безпрепятственно прорывается сквозь щели бревенчатыхъ стѣнъ, прохлаждая жаркія ночи удушливаго южнорусскаго лѣта. Но не скоро засыпаешь бывало на этомъ вольномъ воздухѣ.

Жаркое лѣто давно уже позолотило нивы благодатной ржи и пшеницы. Кой гдѣ еще бѣлѣла греча, да отливало темно-зеленою краскою просо. Одинъ только полевой горохъ зеленѣлъ во всей красѣ своей, заманивая въ свое богатое соблазнительными стручьями лоно взрослыхъ и малолѣтнихъ мальчиковъ. Но крѣпко преданіе, что за великое покушеніе на чужой горохъ можно сильно поплатиться, и только буйныя головы рѣшаются заходить на чужую ниву, полакомиться сочными стручьями.

Нашъ помѣщикъ давно уже нажалъ цѣлыя тысячи, уже бабы пошли жать его пшеницу, а мущины приступили къ свозкѣ ржи въ клуни. А у отца только положенъ былъ предпочинательный крестъ, изъ двухъ пучковъ ржи, сжатыхъ его сестрою мимоходомъ, при проѣздѣ около поля, для почину.

— А коли то, въ самомъ дѣлѣ, будемъ мы жать, грустно обратился однажды отецъ къ матери, въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца. Вчера былъ я на полѣ, тамъ жито начинаетъ сыпаться; и пшеница поспѣла, и ячмень пора косить, и овесъ дозрѣваетъ... Богъ его знаетъ что то будетъ!..

— А ты бы пошелъ, попросилъ пана уступить намъ хоть одинъ денекъ на „толоку“, отвѣчала мать. Прошлый годъ удалось же, такъ теперь почему-же не попробовать?

— А ты забыла развѣ, что во „дворѣ“ теперь наши лошади, пойманныя въ панскомъ овсѣ, съ усмѣшкой отвѣчалъ отецъ.

Молчаніе...

— Да хоть бы и такъ, какъ то упорно продолжалъ отецъ, я до Лозинскаго теперь не пойду. И безъ того въ прошломъ году сколько стыда я набрался, пока выпросилъ работниковъ. Ни за что не пойду...

И точно: въ прошломъ году отецъ долженъ былъ перенести цѣлую пытку терпѣливаго ожиданія въ панской прихожей, наравнѣ съ осаулами и десятниками, и глубоко нравственнаго униженія предъ панской прислугой и панянками, пока панъ Лозинскій, наконецъ, уломался и рѣшился дать свое милостивое разрѣшеніе — дозволить бабамъ отправиться жать на наше поле, а мущины все таки должны были возить снопы съ панской риги.

Отецъ припомнилъ, какъ говорилъ панъ:

— Безъ того не можна, мосці ксенже, а ну завтра дощь! Теды и мое и ваше пропало. Не дармо „Календаржъ Бердычовскій“ обѣцуе тілько трши дни погоды.

— Нѣтъ, Господь съ нимъ, съ его паномъ,—задумчиво говорилъ отецъ матери. У меня теперь другой планъ. Послѣ завтра „царскій день“: тогда панъ не погонитъ на панщину. Вотъ я и попрошу прихожанъ сойтись ко мнѣ въ этотъ день. Я увѣренъ, они не откажутся, и при помощи Божіей мы обдѣлаемъ дѣла безъ пана. Кстати надо поскорѣе послать за старостой!..

Надобно замѣтить, что въ нашихъ селахъ и небольшихъ мѣстечкахъ, главный, и можно сказать единственный совѣтникъ и помощникъ священника по сельскому хозяйству „церковный староста“. У моего отца старостою былъ бодрый старикъ, по фамиліи Мыхалко Горбыкъ. Въ своей долголѣтней сельской практикѣ Горбыкъ умѣлъ и предсказывать погоду по разнымъ сельскимъ примѣтамъ, и назначать время для снятія росады, льна или проса, и заговаривать кровь и пр. и пр.

Въ тотъ день, когда отецъ порѣшилъ отложить собраніе жнецовъ до предстоящаго „царскаго свята“, староста былъ въ полѣ на работахъ, и потому явился къ отцу только на другой день утромъ. Видно давно уже оба они вели оживленную бесѣду, потому что когда я всталъ съ постели и явился къ нимъ, отецъ только договаривалъ:

— Такъ распорядись, Мыхалку, кому идти куда за работниками. Пономарь обѣгаетъ широкую улицу, а дьячка пошлемъ къ лисовыкамъ на футори. Остальными улицами ты самъ подѣлись тамъ за сторожомъ, (т. е. церковнымъ), якъ знаетъ.

— И просить же вже людей гарненько, щобъ послухали, прибавила мать отъ своего имени; а то хлібъ пропаде на полі.

Староста выпилъ на прощаніе поданную ему отцемъ чарку водки, утерся полой и пошелъ себѣ, закусывая кускомъ пирога съ вишнями, поднесеннаго ему матерью.

II.

Теперь для отца предстояла самая главная забота, какъ бы подешевле добыть водки для жнецовъ. Въ то

*) *Обжинки*,—этимъ словомъ въ Волынской губерніи называется вообще окончаніе полевыхъ работъ по сбору озимаго хлѣба, и въ особенности конецъ жатвы на полѣ каждаго хозяина.

Библиотека "Руниверс"

время каждый помѣщикъ въ своемъ имѣніи отдавалъ водку на откупъ—жиду арендатору, и ужъ никто изъ живущихъ въ предѣлахъ его владѣній не имѣлъ права покупать водку въ другомъ мѣстѣ. Это же правило долгое время простиралось у насъ и на православное духовенство. Не только простые причетники, но даже высшія духовныя сельскія власти, какъ напр. благочинные—и тѣ не имѣли права покупать водку внѣ предѣловъ мѣстнаго владѣнія. Помнится, однажды арендаторскіе объѣздчики поймали съ контрабандной водкой самого благочиннаго и хотя тотъ и не уплатилъ опредѣленнаго штрафа, но за то лишился самой водки, которая такъ и погибла въ арендѣ за жидовскою печатью. Но искушеніе пріобрѣсть водку въ другомъ мѣстѣ пахнуло двумя-тремя рублями выгоды при покупкѣ пяти ведеръ, и отецъ мой, по обычаю, не могъ удержаться отъ контрабанды.

Не вдалекѣ отъ мѣстечка П*, въ небольшой деревушкѣ, Выдранкѣ, въ имѣніи сосѣдняго графа Р.....вскаго, еврей арендарь продавалъ водку едва-ли не вдвое дешевле, чѣмъ въ П*...нской арендѣ. Немедленно, по совѣщаніи со старостой, Мыхалко Горбыкъ заложилъ пару „стаенныхъ", кормленныхъ лошадей въ простой сельскій возъ, навалилъ полный возъ соломы, и положивъ подъ нее два боченка, вмѣстѣ со мною отправился за водкой въ Выдранку.

Пока, по обычаю, мы ѣхали большою дорогой. Въ силу того же обычая старый Выдранецкій Сруль встрѣтилъ насъ по жидовски радушно; благосклонно кивнулъ засаленной ермолкой—и съ отвѣтомъ, что „есть у него водка самая лучшая", флегматически потащилъ боченки въ погребъ, побрякивая длинною связкою ключей, висящихъ на изношенномъ шелковомъ поясѣ.

Меня всегда интересовали тогдашніе жидовскіе подвалы съ водкой. Въ огромномъ подземномъ пространствѣ, освѣщаемомъ почти всегда только нѣсколькими лучами, пробивающимися сквозь отворенныя низенькія двери, видишь длинный рядъ большихъ, пребольшущихъ бочекъ, наполненныхъ соблазнительной влагой. Почти подъ каждой изъ нихъ стоитъ то надломанное ведро, то надбитая миска или другое что либо подобное: то жидъ поставилъ препараты для стока водки, пробивающейся сквозь щели старыхъ или пересохлыхъ бочекъ, или попорченныхъ крановъ. Со стѣнъ течетъ гнилая слизь; какіе то дивные, и невѣдомые грибы растутъ по угламъ и простѣнкамъ. И среди всего этого, гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ, красуется боченокъ „полынной", которую услужливый Сруль непремѣнно угощаетъ всѣхъ своихъ посѣтителей, прежде чѣмъ допустить ихъ къ испробованію вкуса настоящей покупаемой водки.

Помню, какъ многіе тогда, наравнѣ со мною, считали это дѣломъ простого гостепріимства со стороны Сруля. А на самомъ дѣлѣ это было ничто иное, какъ таже своего рода еврейская плутня, имѣющая прямою цѣлію предварительно, такъ сказать, задобрить, вкусъ покупателей, дабы они, при пробѣ настоящей покупаемой водки, не могли сразу понять всей ея гадости; потому что Сруль всегда такъ или иначе всенепремѣнно надувалъ всѣхъ—и крестьянъ, и мелкую шляхту, и священниковъ, и проч. и проч.

Наконецъ Сруль отмѣрилъ для насъ, пополамъ съ грѣхомъ, требуемое количество; староста закупорилъ боченки, спесъ ихъ на возъ, еще плотнѣе покрылъ соломой, и мы тронулись въ обратный путь.

Но теперь мы уже ѣхали не большою, торною дорогою, какъ прежде. Путь намъ предстоялъ лѣсомъ, по извилистымъ тропамъ, пробитымъ крестьянскими возами, по которому крестьяне обыкновенно свозили домой сѣно, добываемое въ лѣсныхъ трущобахъ, называемыхъ тогда крестьянскими сѣнокосами. То погружаешься въ чащѣ густого лиственника, гдѣ не видно ни солнца, ни неба; колеса немилосердно скачутъ по обнаженнымъ корнямъ; вдругъ передъ глазами темная, грязная лужа; изумленныя лошади попятились назадъ; напуганныя лягушки съ шумомъ скачутъ въ воду; а надъ головою долбитъ дятель, да лѣсная горлица гдѣ-то вдали воркуетъ свою грустную пѣсню. По волей не-волей,—надо ѣхать чрезъ болото. Лошади понатужились, и вотъ подъ нами трепетно заколыхалась застоявшаяся грязь; какой-то спертый, запахъ наполнилъ воздухъ, а лошади по колѣно въ грязи медленно бредутъ къ берегу, чтобы чрезъ нѣсколько шаговъ снова вступить въ другую подобную, а можетъ быть, и еще большую лужу.

Но вотъ лужи наконецъ миновались—и предъ нами ясная свѣтлая поляна, обросшая кругомъ дубовою рощею. Лошади почуяли сухую, ровную почву, и весело чихая, быстро бѣгутъ по торной дорогѣ. За то солнце какъ разъ въ закатѣ и своими палящими лучами жжетъ немилосердно. Отъ страшнаго зноя все какъ будто обмерло кругомъ. Только назойливые оводы усердно впиваются въ спины и шеи лошадей, такъ что по мѣстамъ даже появляется кровь на ихъ лоснящейся шерсти.

Вскорѣ, впрочемъ, мы проѣхали послѣднюю береговую рощу и поворотили къ полянѣ. Вотъ нива юривскаго старосты, усѣянная цвѣтущею гречкой; тамъ посрединѣ зеленѣетъ горохъ, а на концѣ золотится спѣлый ячмень, да дозрѣваетъ роскошная чечевица съ кудрявымъ горошкомъ, перемѣшаннымъ по мѣстамъ красными головками полеваго будяка, высоко поднявшагося на просторѣ. Легко вздохнуть свѣжимъ полевымъ воздухомъ, въ которомъ такъ и отдаетъ запахомъ меда, кропотливо собираемаго съ гречки пчелами сосѣдней пасѣки. Лошади, освободившись отъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, бѣгутъ еще бодрѣе. Вдругъ на горизонтѣ показалось нѣсколько фигуръ верховыхъ всадниковъ. Это люди не обычные на сельской дорогѣ во время жнива: это объѣздчики П..скаго арендаря, досматривающіе дороги, чтобы никто не провозилъ чужой водки.

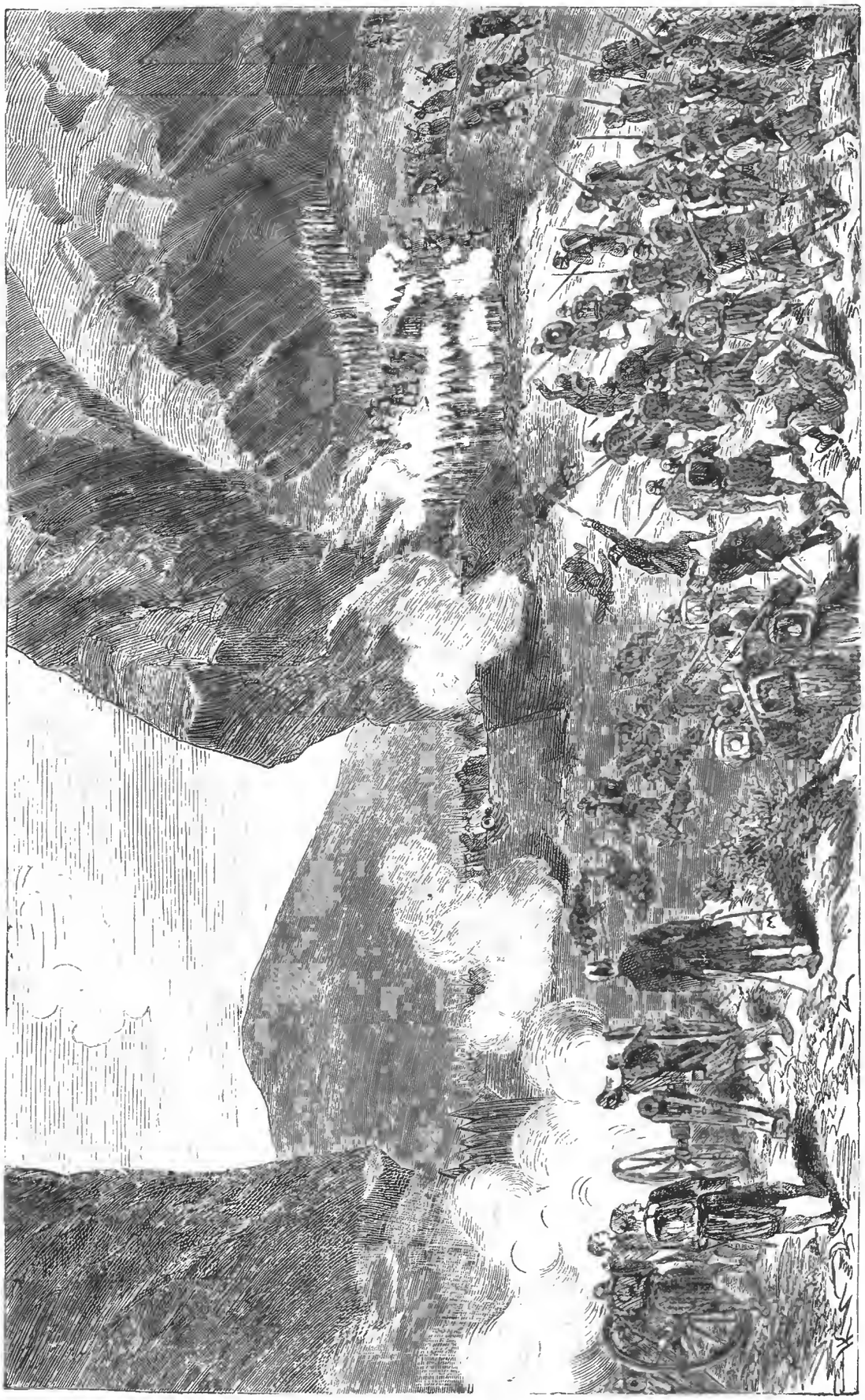
Нечего дѣлать, надо еще спасаться, и мы опять очутились въ лѣсной чащѣ, среди болота и насѣкомыхъ. Впрочемъ, такимъ образомъ мы ѣхали не долго. Старостѣ съ дѣтства были извѣстны всѣ малѣйшіе изгибы потаенныхъ лѣсныхъ дорогъ, и мы вскорѣ опять проѣхали къ полямъ, которыхъ теперь, впрочемъ, уже и нельзя было миновать, чтобы добраться домой.

Сердце у меня какъ-то странно защемило. Староста пытливо насторожилъ глаза и еще внимательнѣе покрылъ боченки. А лошади, почуявъ новый просторъ, быстро выпрямляютъ свои измученныя ноги и немилосердно рвутся впередъ. Но староста ихъ сдерживаетъ; и только убѣдившись, что никого не видно на дорогѣ, даетъ имъ полную волю. Наконецъ поднятъ кнутъ, и испуганныя лошади бѣгутъ, что есть силы. Вотъ промелькнуло Воздвиженское кладбище: староста набожно крестится по усопшимъ; вотъ церковь Срѣтенія; затѣмъ наша Крестовоздвиженская церковь: за нею еще церковь Георгіевская—и мы, наконецъ, на погостѣ этой церкви—у себя дома

III.

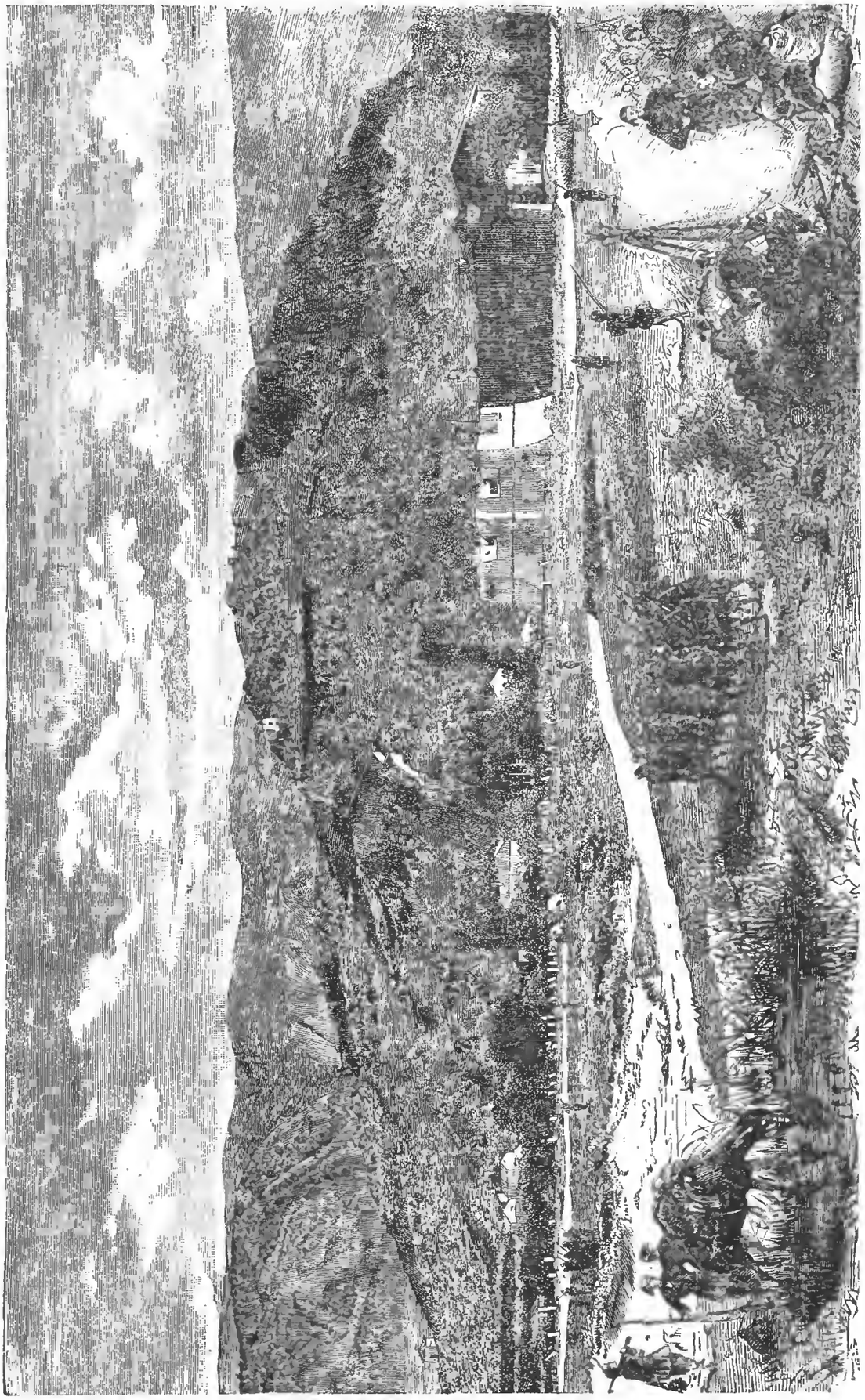
Солнце уже поднялось на значителеную высоту, когда мы на другой день тронулись съ подворья. Отецъ служилъ обѣдню и молебенъ, на которомъ, впрочемъ, кромѣ причта никогоне было; время съ молебномъ затянулось. На одномъ возу ѣхалъ отецъ со старостой; здѣсь положена была водка, мѣшокъ съ сухарями,—въ другомъ мѣшкѣ цибуля съ огурцами и другими принадлежностями сельской закуски; здѣсь же помѣстились и мы съ братомъ,—но какъ возъ былъ нагруженъ сполна, то мы могли только присѣсть, свѣсивъ ноги на наружную сторону, „за полудрабками".

Библиотека "Руниверс"



Битва при Янковой Клиссурѣ. Рисов. М. К. граф. Шпаръ въ.

Библиотека "Руниверс"



Турецкое укрѣпленіе Спуцъ. Рисов. М. К. грав. Самарскій.

Библиотека "Руниверс"

На другомъ возу размѣстились старостиха съ своими горшками, мисками, ложками и др. препаратами для приготовленія закуски для жнецовъ. Тутъ же на корточкахъ пріютилась одна изъ нашихъ служанокъ, отпросившаяся въ поле у матери, подъ предлогомъ вспомоществованія старостихѣ, а на самомъ дѣлѣ съ хитро-задуманною цѣлію, пожать вмѣстѣ съ „дивчатами та паробками".

Свѣжимъ, теплымъ, полевымъ воздухомъ повѣяло на насъ, когда мы выѣхали изъ мѣстечка. То тамъ, то сямъ по пути попадались намъ на встрѣчу кучи крестьянъ, одѣтыхъ въ чистыя бѣлыя рубашки; то жнецы спѣшили на отцовскую ниву. Повстрѣчавшись съ нами, они почтительно кланялись отцу.

— Слава Богу, Іисусу Христу, говорили обыкновенно крестьяне при встрѣчѣ.

— На вѣки вѣковъ,—отвѣчалъ отецъ, и снимая шапку, привѣтливо откланивался всякому.

Наконецъ, мы въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ своего поля. Сердце какъ-то странно забилось у каждаго изъ насъ, глаза насторожились, когда лошади мелкою рысью поднимались на послѣдній пригорокъ, съ котораго должна была открыться наша нива. „А ну, какъ тамъ нѣтъ никого,—подумали многіе изъ насъ: тогда къ чему всѣ эти приготовленія? Да и когда потомъ снова соберешь работниковъ?" Отецъ сдѣлался сосредоточенно внимательнымъ... Но лошади продолжали свое дѣло безъ всякихъ дальнихъ размышленій. Еще шаговъ нѣсколько, и вотъ наше поле, а на немъ около сотни, а можетъ быть и болѣе жнецовъ.

Дружно закидывая надъ головами пучками нажатой ржи, они колебающеюся, стройною волною подвигались впередъ. Другіе восело вязали нажатые снопы... А тамъ, подъ навѣсомъ изъ поставленныхъ сноповъ красивая молодка кормила дитя и убаюкивала его на рукахъ своихъ. Другая статная молодка возлѣ нея пила воду „изъ баньки", и должно быть что-то очень веселое было у нея въ головѣ, потому что отъ неудержимаго смѣха только брызги сыпались вокругъ; она обтиралась рукавомъ бѣлой „вышитой заполочью" рубашки, снова принималась пить... но здоровый смѣхъ опять овладѣвалъ всѣмъ существомъ ея, такъ что кормилица должна была наконецъ насильно отнять у нея „баньку" съ водой, чтобы она не разлила всей воды изъ нея.

Предоставляемъ читателямъ судить, съ какимъ удовольствіемъ всѣ мы въѣхали на поле. Намъ предстояло пробираться посреди частыхъ сноповъ, лежащихъ одни возлѣ другихъ;—потому лошади то и дѣло старались захватывать колосья въ свои зубы и не рѣдко такимъ образомъ тащили за собой цѣлые снопы туго связаннаго жита. Наконецъ, мы остановились на самомъ видномъ пунктѣ, отецъ перекрестился на востокъ и благосклонно привѣтствовалъ жнецовъ пожеланіемъ добраго дня и Божіей помощи.

— Спасыбі, дякцемо,—было общимъ отвѣтомъ жнущаго люда. Затѣмъ тутъ же воздвигнута была первая копна, которую отецъ сложилъ собственными руками. Здѣсь подъ ея тѣнью были сложены всѣ принадлежности полевого завтрака: водка, мѣшокъ съ хлѣбомъ, вязанка луку, торба огурцовъ и пр. Остальныя вещи подъ предводительствомъ старостихи межою были отправлены далѣе—въ терновую рощу, лежащую на концѣ нашего поля съ южной стороны отъ сѣнокоса.

Вскорѣ тамъ закурился дымокъ, гуще и шире становилась его сѣроватая струя надъ волнующеюся нивой; послышались удары топора—то Семенъ, старый слуга, рубилъ дрова для полевой кухни, на которой старостиха должна была готовить „полдникъ" для жнецовъ.

IV.

Вскорѣ жнецы веселою, живою гурьбою далеко отошли отъ первой копны, подъ которою былъ расположенъ нашъ утренній багажъ. Отецъ сидѣлъ подъ копною на снопѣ и откупоривалъ бутылку вишневки. Рядомъ съ нимъ сидѣли два священника, поля которыхъ сходились съ отцовскими полями межа съ межой. Они вели оживленную бесѣду о трудностяхъ предстоящей уборки хлѣба, и т. п.

— Да вотъ вчера, говорилъ одинъ, я насилу упросилъ пана отпустить мнѣ десятокъ косарей, покосить засыхавшую траву на сѣнокосѣ; но они еще не успѣли отобѣдать, какъ наѣхалъ „экипажъ" и насильно утащилъ ихъ на панщину. Остался одинъ только старикъ —но и тотъ самъ не захотѣлъ отправляться на сѣнокосъ: такъ трава сохнетъ и доселѣ.

— А у меня, сказалъ другой, управляющій надняхъ отнялъ мальчика, котораго я выпросилъ у одного прихожанина для присмотра за лошадьми. Теперь у меня одинъ только старикъ сторожъ церковный, такъ что я самъ долженъ кормить скотину, поить ее и пр. Некому даже, прости Господи, воды принести на дворъ.

— Э, дай-ка Боже здоровья, перебилъ ихъ отецъ, наливъ рюмку вишневки. У меня на дняхъ ночевалъ одинъ знакомый чиновникъ изъ Житоміра. Тотъ говорилъ за вѣрное, что Государь готовитъ особыя правила для облегченія крестьянскаго труда (дѣло было незадолго до объявленія инвентарей). Тогда и намъ будетъ лучше.

— Ахъ, дай, Боже, дай, Господи милосердный, заговорили сосѣди,—и уже одинъ изъ нихъ протянулъ руку за поданною ему чаркою,—какъ вдали на горизонтѣ показался всадникъ, видимо направлявшій своего коня къ нашему полю. Всѣ многозначительно перемигнулись, потому что всѣ вдругъ узнали въ этомъ наѣздникѣ пана Пьявкевича.

Онъ подъѣхалъ весь въ пыли. Изъ подъ длинныхъ, закрученныхъ усовъ его выглядывала коротенькая „файка" (которую онъ постоянно держалъ въ зубахъ своихъ, выпуская только тогда, когда ходилъ за „диспозиціей" до пана, и еще нѣсколько разъ въ годъ, когда приходилось бывать въ костелѣ. Учащать до Бога не было времени пану эконому

Пьявкевичу было лѣтъ за сорокъ. Онъ одѣтъ былъ въ коротенькую изъ простого сукна чамарку, обшитую кругомъ черными тесьмами, въ сѣрыхъ нанковыхъ брюкахъ и огромной длиннополой соломенной шляпѣ домашняго издѣлія. Въ народѣ его просто именовали „Пьявкою".

Онъ залихватски спрыгнулъ съ своего коня, поздоровался со священниками, и не заговоривъ ни съ кѣмъ ни слова, обратился къ жнецамъ:

— А на водку собрались,—а на панщыну не бось не ходятъ...

Потомъ заговорилъ къ отцу:

— А чы годыця, ксенже, работать въ царьске свято?

Отецъ закусилъ нижнюю губу, и какъ бы не слыша словъ пана Пьявкевича, предложилъ ему налитую рюмку вишневки. Тотъ, по обычаю, не отказался: но вишневка не могла удовлетворить гостя. Отецъ зналъ его натуру и не медля, поставилъ ему водки.

— Эге, дертецьки, ксенже, сказалъ онъ выпивъ залпомъ рюмку. Ей Богу заразъ пришлю на поле арендари; що тоді буде?

Отецъ еще разъ закусилъ губы, а задорливый панъ продолжалъ немилосердно.

— И въ царске свято роблятъ, и горилки зъ чужой экономіи; не гарно батьки. Та зъ рештого, що мини до того? сказалъ онъ, какъ бы опомнившись. Лепій выпіемы еще. А хто не выпіе, того въ два кіе. Отъ по!!!...

И рюмка за рюмкой „жваво" полилась въ ненасытное горло пана Пьявкевича. Уже трубка съ трудомъ держалась въ зубахъ его. По усамъ немилосердно текла густая слюна; широкій бритый подбородокъ лос-

Библиотека "Руниверс"

пился подъ ея влагою. Наконецъ панъ экономъ сообразилъ, что нагрузился вдоволь и началъ собираться въ обратный путь.

— Кохаймисе,—батькы, говорилъ онъ, зажигая непослушными руками угасавшую трубку.

— Жегномъ панство. Прощавайте, та другой разъ не возіть чужой горілкы, а то скажу незаводне пану Абрашку ..

И пошатываясь, медленными шагами побрелъ онъ къ своей лошади, поправилъ уздечку, подтянулъ сѣдло, и упершись на стремена всею тяжестію своего тѣла, взобрался на лошадь.

— А цо коникъ? Правда? сказалъ онъ, трепля по шеѣ своего до безобразія толстаго булантика А може еще ксендзъ-Добродзій позволи на браге дорогу?!.

Отецъ поднесъ бутылку, еще налилъ чарку; панъ Пьявкевичъ выпилъ, и только теперь, пришпоривъ лошадь, залихватски понесся по дорогѣ, покачиваясь на конѣ.

Всѣ вздохнули свободнѣе. Священники выпили по рюмкѣ вишневки, закусили кнытомъ, и простившись разошлись на свои пивы; а мы съ отцемъ спѣшно отправились къ жнецамъ просить на обѣдъ.

V.

Солнце было уже къ полудню, когда жнецы длинною вереницею направились въ терновую рощу. Здѣсь все уже давно было готово. Семенъ длинными полосами постелилъ на травѣ доморощенныя скатерти; тамъ гдѣ недоставало ихъ, положены были разныя свитки, „катапашки“ и другія подходящія одежды. По краямъ этихъ импровизированныхъ столовъ старостиха разложила сухари, прибавивъ къ нимъ для закуски соленыхъ и сырыхъ огурцовъ, луку и чесноку. Вмѣсто солонокъ—соль была разсыпана на зеленыхъ листкахъ калины собранныхъ по сосѣдству въ рощѣ. Соотвѣтственно количеству жнецовъ для каждаго положены были деревянныя ложки, и среди ихъ по мѣстамъ нѣсколько десятковъ простыхъ рюмокъ для водки.

Крестьяне ѣли и пили тихо, только по мѣстамъ прорывался одушевленнный смѣхъ отъ какой либо шутки, пущенной въ ходъ остроумными парнями или молодицами. Наконецъ жнецы выпили еще по рюмкѣ, и поблагодаривъ Бога и хозяина снова отправились къ работѣ.

Замѣтимъ мимоходомъ, что у насъ въ Малороссіи не отдыхаютъ послѣ обѣда, какъ въ губерніяхъ великорусскихъ. Народъ работаетъ цѣлый Божій день, оставляя для отдыха только одну ночь,

Теперь послѣ закуски предстоялъ животрепещущій вопросъ: „выжнутъ ли сегодня жнецы все жито и пшеницу, или нѣтъ?“ Отъ этого вопроса зависили всѣ дальнѣйшія распоряженія на счетъ ужина и самаго даже характера угощенія жнецовъ, потому что обжинки у насъ такая вещь, что требуетъ и особаго угощенія. Вслѣдствіе этого отецъ не медля созвалъ совѣтъ, состоящій изъ старосты, сторожа и нѣсколькихъ отборныхъ жнецовъ, и хотя самъ видимо склоняяся на сторону обжинокъ, но для болѣе точнаго обслѣдованія, предложилъ этотъ вопросъ на ихъ рѣшеніе.

Всѣ единодушно рѣшили, что „быть обжинкамъ по что бы то ни стало“. За доброе слово совѣтники получили по новой доброй чаркѣ водки, а старостиха тутъ же получила приказаніе отправляться обратно съ своимъ багажомъ и готовить жнецамъ ужинъ дома. На обратныхъ должна была пріѣхать мать, потому что обжинки никогда не могутъ быть безъ участія хозяйки.

На нивѣ, между тѣмъ среди жнецовъ зачиналась новая жизнь. Солнце хотя и жгло, но уже не съ прежнею, полуденною силою. Въ воздухѣ повѣялъ свѣжій вѣтерокъ. И скромная, тихая пѣсня мѣстами пробивалась „подъ постатью“. Какая-то „жвавая“, бодрая молодица запѣвала „хмеля“.

Ой рости хмѣлю то по-надъ водою
Та ровно съ тычиною!..

Другія сосѣднія дѣвушки и молодицы смиренно подпѣвали своей подругѣ. Но пѣсня пока не клеилась. Еще парубки, не освоились съ пѣніемъ и своими жиртами останавливали поющихъ.

Возлѣ бочки съ водою толпился цѣлый рой жаждущаго народа. Два дюжихъ парня съ ведрами на плечахъ спѣшили „къ сосѣдней безоднѣ“ за свѣжею водою. Въ остаткахъ соломы, торчащихъ отъ пожатой ржи громко стрекотали кузнечики и жужжали другія насѣкомыя. Дикіе „будяки“ обжатые кругомъ, и такимъ образомъ лишенные прежней своей тѣни, тихо склонили свои красные головки, и какъ бы молили о пощадѣ у палящихъ лучей солнца. Одинъ только подсолнечникъ, занесенный Богъ вѣсть откуда, и освобожденный отъ окружающей его ржи, весело засіялъ своими огромными желтыми цвѣтами.

Отецъ нѣсколько разъ прошелъ мимо жнецовъ посидѣлъ на снопахъ, покалякалъ съ народомъ. Наконецъ онъ высмотрѣлъ нѣсколько здоровыхъ парней, и вызвавъ ихъ изъ среды, позвалъ за собой сносить снопы для складыванія въ копны.

По обычаю отецъ самъ взялъ первую ношу. Потомъ выбравъ надлежащее мѣсто, сложилъ попавшійся подъ руки снопъ въ двое, перекрестился, и началъ класть копны. Вскорѣ на помощь къ нему подоспѣлъ староста, и поддерживаемые дружнымъ содѣйствіемъ носящихъ, они скоро поставили цѣлый рядъ копенъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и построенныхъ подъ одну линію. На мою долю выпало дѣлать шапки для копенъ, т. е. разламывать снопы около перевязи такъ, чтобы стеблями его можно было прикрыть копну въ видѣ зонтика.

А пѣсня между тѣмъ „подъ постатью“ росла все живѣе и живѣе. Солнце видимо клонилось къ западу и потому стало грѣть еще умѣреннѣе. Жужжаніе насѣкомыхъ и стрекотаніе кузнечиковъ замолкали. Будяки подняли свои головки. Вдали послышались первые голоса перепеловъ,—признакъ наступающаго вечера.

Полонскій Панычъ.

(Окончаніе будетъ).

Битва при Янковой Клиссурѣ.

Извѣстно, что сербское военное министерство возлагало очень большія надежды на горы, находящіяся на южной сербско-турецкой границѣ, какъ на природную защиту края. Негостепріимныя яворскія горныя цѣпи, дефилеи и проходы которыхъ могутъ способствовать къ быстрому передвиженію на операціонные пункты только небольшихъ отрядовъ, обратили на себя въ послѣднее время серьезное вниманіе. Въ этихъ мѣстностяхъ по цѣлымъ недѣлямъ происходили кровавыя стычки, въ которыхъ побѣду приписывала себѣ каждая сторона. Между высокими лѣсистыми горами Копавника, окаймляющими на востокѣ рѣку Ибаръ, и яворскими горами, лежитъ близь Рашки глубокая природная долина, та именно долина, которою воспользовался полковникъ Чолокантичъ при движеніи своемъ къ Новому Базару. Другія же продолжающіяся къ востоку и западу отъ Копавника горы имѣютъ совершенно одинаковый характеръ. Цѣпи эти, подъ названіемъ Великаго и Малаго Ястребца, только въ очень незначительной степени покрыты лѣсомъ, а потому очень неудобны для военныхъ операцій. Крайніе западные отроги ихъ вдаются у Алексинаца въ долину рѣки Моравы. Вотъ въ этихъ-то горахъ и находится проходъ подъ названіемъ *Янковой Клиссуры*.

Изъ долины рѣки Топлицы, именно отъ мѣстечка Куршумле

Библиотека "Руниверс"

идетъ проселочная дорога до первыхъ высотъ, откуда она, съузившись до тропинки, крутыми изворотами достигаетъ вершины прохода. На самой границѣ стоитъ сербскій блокгаузъ, окруженный нѣсколькими земляными постройками. Турки, зная очень хорошо, что со взятіемъ этого дефилея открывается свободная дорога въ Крушевацъ и вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность атаковать при благопріятныхъ условіяхъ правый флангъ моравской арміи, поставили себѣ задачей овладѣть во чтобы то ни стало этимъ ключемъ къ Сербіи. Съ этою цѣлію 27 іюля Мустафа-паша двинулся въ горы, атаковалъ сербскія позиціи и взялъ въ штыки небольшія укрѣпленія. За этотъ подвигъ онъ былъ произведенъ въ генералы.

Четырнадцать дней оставался проходъ въ рукахъ турокъ, послѣ чего сербскому отряду крушевацкаго корпуса удалось снова овладѣть укрѣпленіями. Событіе это осталось совершенно не разъясненнымъ и до сихъ поръ не имѣется никакихъ подробностей о немъ, хотя въ истинѣ его и нельзя сомнѣваться, такъ какъ извѣстно, что корпусъ Али-Саиба покинулъ совсѣмъ ястребецкія горныя цѣпи и направился къ Суновацу.

Турецкое укрѣпленіе Спуцъ

Турецкая граница въ сѣверной Албаніи покрыта довольно густою цѣпью укрѣпленій. Не говоря о Подгорицѣ, лагерь которой сплошь окруженъ сильными окопами, другіе сосѣдніе турецкіе форты, какъ напр. Жаблякъ, Медунъ и Спуцъ, располагаютъ тоже значительнымъ количествомъ орудій, между которыми есть даже и крупповскія. Черногорцы съ самаго начала войны оцѣпили тѣснымъ кольцомъ (кругомъ) эти укрѣпленія, съ намѣреніемъ отдѣлить ихъ отъ Подгорицы и по одиночкѣ принудить къ капитуляціи. Съ этою цѣлію они сосредоточили всѣ свои силы у Подгорицы (о Подгорицѣ помѣщена статья съ рисункомъ въ № 31 «Нивы») и употребили всевозможныя усилія, чтобы овладѣть непріятельскимъ укрѣпленіемъ, послѣ чего имъ было бы не особенно трудно занять и остальные форты. Но всѣ стычки, происходившія на албанской границѣ, не смотря на громкія отзывы газетъ, не имѣли никакого рѣшительнаго значенія. Послѣ дѣла при Подгорицѣ, 12-го іюля было сраженіе при Спуцѣ, гдѣ черногорцы хотя и овладѣли двумя орудіями, но не сохранили за собою позиціи. Къ туркамъ подоспѣли два баталіона низама и бой продолжался еще около двухъ часовъ безъ всякаго перевѣса для обѣихъ сторонъ. Въ тоже время происходили битвы при деревняхъ — Сѣнницѣ и Ерницѣ, расположенныхъ на самой черногорской границѣ на часъ пути къ юговостоку отъ Подгорицы. Турки, числомъ 4000, атаковали обѣ деревни въ то время, когда вблизи не было совсѣмъ черногорцевъ, и по своему обыкновенію, начали грабить. Чрезъ нѣсколько времени, однако, на помощь къ поселянамъ съ батальономъ черногорцевъ и отрядомъ волонтеровъ подоспѣлъ воевода Маню Жіуровичъ, и завязался жаркій бой, продолжавшійся до глубокой ночи и кончившійся бѣгствомъ турокъ въ Мурицу.

Затѣмъ 18-го августа происходила ожесточенная битва при Кучи. Черногорцы считаютъ и самою важною изъ всѣхъ стычекъ съ турками. Не смотря на то, что черногорцевъ было 6000, а турокъ 10000 изъ корпуса Махмуда-паши, сраженіе продолжалось цѣлый день и турки были разбиты. Ни въ одной битвѣ черногорцамъ не доставалось столько пушекъ, оружія, амуниціи и знаменъ, какъ въ этой. Но при всемъ томъ, дѣйствія ихъ на югѣ, были до сихъ поръ не болѣе, какъ выжидательныя. Причиной этому, конечно, то, что численный перевѣсъ на сторонѣ турокъ. Въ Цетиньѣ, впрочемъ, всѣ убѣждены, что такое положеніе дѣлъ продолжаться будетъ не долго, и что князь Николай рѣшится, наконецъ вступить въ сѣверную Албанію и обложить Скутари. (Видъ города Скутари и статья о немъ были помѣщены въ № 32 «Нивы») Не нужно забывать, что этотъ уголокъ сѣверной Албаніи составляетъ уже много столѣтій предметъ страстныхъ желаній черногорцевъ, и обладаніе имъ въ Цетиньѣ ставится несравненно важнѣе, чѣмъ присоединеніе всей Герцеговины. Пріобрѣтеніе одного только Антивари было бы для Черногоріи неоцѣненнымъ достояніемъ, потому что окруженные до сихъ поръ только одними горами, черногорцы имѣли бы тогда также доступъ и къ морю. Но подобныя намѣренія могутъ осуществиться только по мѣрѣ расширенія дѣйствій черногорцевъ противъ Скутари. Извѣстно, что около Подгорицы находится 15,000 турокъ, а общая численность всей черногорской арміи подъ командой Божо-Петровича простирается едва до 7 тысячъ человѣкъ.

При такихъ обстоятельствахъ, вѣрнѣе всего предположить, что турки гораздо скорѣе перейдутъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ черногорцы. Въ этой же самой мѣстности Омеръ-паша побѣдилъ черногорцевъ и овладѣлъ небольшою частью горъ. Теперь же время измѣнилось, во первыхъ потому, что какъ Махмудъ-паша, такъ и Гамди, или вѣрнѣе—Дервишъ-паша по способностямъ и энергіи далеко уступаютъ Омеру-пашѣ, и во вторыхъ, что черногорцы для защиты своей родины готовы отдать все до послѣдней капли крови.

Надо замѣтить, что въ началѣ войны въ Турціи сильно разсчитывали на поддержку миридитовъ, или албанцевъ католиковъ, нисколько ни уступающихъ въ храбрости черногорцамъ. Но миридиты въ замѣнъ своей помощи потребовали освобожденія ихъ законнаго князя Пренкъ-бея, который съ давнихъ поръ содержался въ Константинополѣ въ качествѣ заложника. Порта почему-то долго упрямилась, и только нѣсколько дней тому назадъ согласилась выдать молодого принца.

Вслѣдъ за симъ, какъ сообщаютъ телеграммы изъ Рагузы отъ 19 августа, среди миридитовъ началось довольно сильное волненіе, враждебное туркамъ. Турецкія селенія, сосѣднія съ территоріей, обитаемой миридитами, обратились въ Скутари съ просьбой выслать гарнизонъ низамовъ, чтобы защищать ихъ въ случаѣ нападенія. Просьба ихъ исполнена и гарнизонъ отправленъ, а князь миридитовъ задержанъ въ Скутари. По послѣднимъ извѣстіямъ отъ 22 августа наступательное движеніе турокъ на Черногорію началось изъ Подгорицы у Спуца.

Восточные отголоски *).

X.

Ночь. На койкѣ лазаретной
Блѣдный юноша лежитъ;
Тяжело онъ дышетъ, стонетъ,
Жажда бѣднаго томитъ.

* * *

И склонясь головкой русой,
У печальнаго одра,
Подаетъ больному кружку
Милосердія сестра.

* * *

Домъ родной въ Москвѣ покинувъ,
Совершая трудный путь,
Къ братьямъ страждущимъ стремилась
Эта доблестная грудь.

* * *

Жадно раненый глотаетъ
Подносимое вино, —
Съ ключевой водою чистой
Перемѣшано оно.

«Пуля вынута, а тяжко...
Неужели въ сторонѣ
Отъ товарищей придется
Здѣсь уснуть на вѣки мнѣ?..

* * *

За отца, за мать, за брата
Я въ долгу у мусульманъ!..
Эта рана—рана въ сердцѣ —
Тяжелѣй наружныхъ ранъ»...

* * *

Онъ вздохнулъ. Румянецъ слабый
Показался на щекахъ;
Жаръ усилился; въ блестящихъ,
Но сухихъ его глазахъ

* * *

Огонекъ опасный вспыхнулъ...
«Прочь! Ружье мое, кинжалъ!
Чу! Зоветъ насъ снова въ битву
Храбрый русскій генералъ...

* * *

Погляди—красна Морава...
Турки плѣнныхъ жгутъ живьемъ!
Кто связалъ меня? Пустите!
Душитъ дымъ... огонь кругомъ»...

* * *

Застоналъ онъ, заметался,
Вдругъ утихъ, и мутный взглядъ
На сестрѣ остановился...
«Успокойся, милый братъ!»

* * *

Голосъ женскій, голосъ нѣжный
Зазвучалъ въ тиши надъ нимъ —
«Не одни вы! Насъ—довольно,
Вмѣстѣ турокъ побѣдимъ!

* * *

Врагъ уйдетъ... Земля родная
Обновится, зацвѣтетъ;
Послѣ бури, непогоды
Солнца лучъ опять блеснетъ.

* * *

Тамъ, на сѣверѣ далекомъ —
Слышишь—крики, грозный гулъ?
Спи, до радостнаго утра!»...
И—навѣки онъ уснулъ...

Щ.

*) См. «Нива» № 30 и 33-й.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшительная минута. (Premier Impression). Картина А. Журдана, гравир. для «Нивы», Паннемакеръ сынъ.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшительная минута*)

Въ жизни каждаго изъ насъ бываютъ рѣшительныя минуты, когда предстоитъ намъ разрѣшать гамлетовскій вопросъ: быть или не быть? Вѣроятно одинъ изъ подобныхъ головоломныхъ вопросовъ заданъ задумавшейся дѣвушкѣ молодымъ парнемъ, нѣжно прижавшимся къ ея плечику и, затая дыханіе, ожидающимъ рѣшительнаго отвѣта. Да, надо серьезно подумать, прежде чѣмъ отдать свое сердце, въ полное владѣніе, хотя и любимому человѣку. Недаромъ дѣвушка, подъ гнетомъ своихъ думъ, даже выпустила изъ рукъ шитье, къ великой радости Васьки, любителя потеребить и покомкать своими лапками все, что въ нихъ попадется. На прелестномъ личикѣ дѣвушки ясно обрисовывается, что происходитъ въ сердцѣ; очевидно, что тамъ идетъ борьба подъ вліяніемъ жгучихъ вопросовъ.

Любить иль не любить?
Предаться ли души влеченью
Или холодному сужденью
Разсудка уступить?

Но можно сказать навѣрное, что еще нѣсколько мгновеній раздумья и колебанія, и разсудокъ—этотъ холодный резонеръ—потерпитъ полное пораженіе. Да и какъ же можетъ быть иначе, когда за спиной раздается вкрадчивая, страстная рѣчь и жжетъ васъ горячее дыханіе любимаго человѣка. Такія чудныя минуты, и послѣ разлуки съ милымъ, долго не забываются женщиной; спросите ее объ нихъ, и она разскажетъ вамъ хотя бы словами Фета, что

«Онъ былъ такъ нѣженъ и умснъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цѣловалъ.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ все такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердцѣ темно.
. . . . . .

Послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ въ законности увлеченія, приходится только развести руками и произнести подобно оффенбаховской прекрасной Еленѣ: «c'est la fatalite»!..

А. Н.

Крушевацъ.

Крушевацъ основанъ еще во времена первыхъ сербскихъ королей и считался главнымъ городомъ Крушевацкой нахіи (округа) въ Сербіи. По своему внѣшнему виду и численности населенія, Крушевацъ (по турецки Аладара-Гисаръ) ничѣмъ не отличается отъ другихъ городовъ Сербіи. Окруженный съ одной стороны довольно значительными горами, идущими въ разныя стороны отъ хребта Ястребаца, Крушевацъ защищенъ такимъ образомъ естественными укрѣпленіями отъ нападеній непріятельскихъ войскъ. Горы окружающія его съ западной стороны имѣютъ только одинъ удобный проходъ, извѣстный подъ именемъ Янковой Клиссуры, чрезъ который пролегаетъ небольшая дорога отъ мѣстечка Керпшумлу. Но съ другой стороны, составляя ключъ къ Сербіи, Крушевацъ съ давнихъ поръ при наступательномъ движеніи турецкихъ войскъ, былъ жертвою завоевательныхъ стремленій оттоманскихъ варваровъ. Это были ворота Сербіи, которыя нужно было сломать, если невозможно было иначе пройти чрезъ нихъ. Вотъ почему ни одинъ городъ на сербской землѣ не пережилъ столько тяжелыхъ историческихъ моментовъ, столько ужасовъ турецкаго необузданнаго насилія, какъ злополучный Крушевацъ. Несчастныя историческія событія съ такою ужасающею послѣдовательностью шли одно за другимъ, что поколѣнія вымирали и уничтожались прежде, чѣмъ могли уступить мѣсто другимъ за нимъ слѣдующимъ. Такъ въ 1453 году Крушевацъ былъ осажденъ и взятъ турецкимъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Не прошло и шести лѣтъ, какъ Магометъ II, (въ 1459) послѣ взятія Константинополя, взялъ Крушевацъ и превратилъ его въ развалины. Большая часть жителей были безчеловѣчно убиты, а молодыя женщины уведены въ гаремы. Въ 1805 году городъ былъ взятъ обратно сербами, подъ предводительствомъ князя Милоша Стояновича; въ 1809 году былъ снова потерянъ; черезъ годъ послѣ этого онъ былъ снова взятъ сербами, подъ начальствомъ воеводы Младена Миловиновича; въ 1813 г. взятъ и разрушенъ турками; въ 1833 году опять былъ занятъ сербскими войсками. Вотъ въ короткихъ словахъ исторія этого города. При такихъ обстоятельствахъ невозможно было правильное экономическое развитіе. Торговыя отношенія прекращались жители бѣднѣли и сиротѣли. Нужны были десятки лѣтъ, чтобы имъ снова оправиться и придти по крайней мѣрѣ въ прежнее положеніе; а тутъ подоспѣла новая бѣда,..

Одно только остается несокрушимымъ въ этой убійственной ломкѣ народнаго быта—это его нравственный міръ, который стоитъ незыблемо при всѣхъ превратностяхъ. Уничтожается имущество, вымираютъ люди, а вѣрованія и народныя преданія остаются живы по прежнему и еще съ большою силою проявляются. Какія тяжелыя минуты пережила Сербія, и все таки основныя черты быта сохранились до сихъ поръ во всей ихъ цѣлости. Путешественники послѣдняго времени и знатоки славянскаго міра единогласно утверждаютъ, что устойчивость въ религіозныхъ вѣрованіяхъ глубокая вѣрность старымъ традиціямъ семейнаго и общественнаго быта, привязанность къ народнымъ обычаямъ, благородство души суть тѣ черты, которыя рельефно выдаются и представляются каждому, кто посѣщаетъ Сербію. Чувство свободы, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, развито въ одинаковой степени у каждаго серба и глубокій патріотизмъ довершаетъ зданіе нравственнаго и общественнаго быта этого народа.

Въ Крушевацѣ, какъ говорятъ путешественники послѣдняго времени, до сихъ поръ, не смотря на такую перемѣнчивость историческихъ событій, сохранился въ полной цѣлости и простотѣ патріархальный бытъ и чистота нравовъ. «Проходя по некрасивымъ и далеко не чистымъ улицамъ этого города, нельзя подумать, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ, чтобы въ этихъ бѣдныхъ домахъ и мазанкахъ обитали существа съ такимъ могучимъ духомъ и съ такимъ твердыми, хотя и безъискусственными понятіями объ общественныхъ отношеніяхъ». Что же касается народныхъ празднествъ и удовольствій, то, по разсказамъ очевидцевъ, они все тѣ же, какіе были и сто лѣтъ тому назадъ. По берегу небольшой рѣчки Руссины, на которой построенъ г. Крушевацъ, въ праздники можно встрѣтить хороводы и другія игры, сопровождаемыя пѣснями, большая часть которыхъ отражаютъ на себѣ черты тяжелыхъ историческихъ событій и отличаются столько же мрачнымъ, сколько и отважнымъ «юначескимъ» характеромъ.

Въ Крушевацѣ, какъ и въ другихъ городахъ Сербіи, вовсе нѣтъ сословныхъ подраздѣленій. Ни въ одномъ городѣ Сербіи не развито въ такой степени демократическое равенство, какъ въ Крушевацѣ, вѣроятно вслѣдствіе историческихъ причинъ, которыя такъ часто пробуждали сознаніе гражданъ, сближая для одной и той же цѣли—освобожденія своей родины.

Но недолго пользовался спокойствіемъ Крушевацъ. Какой-то тяжелый рокъ лежитъ на немъ и давитъ его. Не прошло и трехъ четвертей столѣтія, какъ новая туча нависла надъ нимъ. Турецкія войска давно уже зорко слѣдятъ за тропинкою, которая идетъ и поднимается, извиваясь по возвышенностямъ горъ, отъ Куршумле къ Крушевацу. Въ концѣ іюля Муссафа-Паша двинулся по этой дорогѣ, атаковалъ сербскія позиціи и овладѣлъ ими, но затѣмъ снова долженъ быть уступить ихъ сербамъ (Крушевацкому корпусу). Теперь, говорятъ, собирается къ этому проходу сераскиръ Керимъ-Паша съ арміею въ 60,000 человѣкъ, съ цѣлію обойти Алексинцъ. Это извѣстіе въ газетѣ «Pester Lloyd» констатируется какъ фактъ рѣшенный... Что станется съ этимъ несчастнымъ городомъ, за которымъ открывается дорога въ Сербію къ Бѣлграду? Какъ бы ни были сильны естественныя укрѣпленія дефилеевъ ястребицкихъ горъ, все таки противустоять такому необузданному полчищу не легко; но взятіи дефилеевъ, лежащихъ на пути отъ Куршумле къ Крушевацу, легко взять и самый городъ, такъ какъ крѣпость Крушевацъ очень небольшая и построена нѣсколько столѣтій тому назадъ, правда укрѣпленная въ послѣднее время.

Въ Крушевацѣ считалось 10.000 жителей; но теперь едва-ли осталось и 4,000. Всѣ, и старый, и малый ушли на войну. Кто изъ нихъ воротится домой, какую принесетъ радость, найдетъ-ли, наконецъ, свою семью — вотъ вопросы, которые тяжелымъ камнемъ падаютъ на душу.

Н. Б—въ.

*) Обращаемъ вниманіе нашихъ подписчиковъ на помѣщенную въ этомъ номерѣ гравюру съ картины Журдана «Рѣшительная минута». Гравюра эта исполнена спеціально для нашего журнала въ Парижѣ Паинемакеромъ-сыномъ. Нельзя не удивляться тому совершенству гравировки, какое достигнуто въ исполненіи этой картины и, полагаемъ, что подобныя рѣдкія по своимъ художественнымъ достоинствамъ произведенія даютъ намъ право обратить на нихъ вниманіе нашихъ подписчиковъ. Тѣмъ болѣе необходимо вниманіе къ такимъ художественнымъ произведеніямъ, что они могутъ служить указаніемъ нашимъ русскимъ граверамъ на то совершенство, какого достигло это искусство на Западѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сербскіе добровольцы.

Большая часть добровольцевъ отправляющихся въ Сербію знаютъ очень хорошо куда и зачѣмъ они ѣдутъ, знаютъ, что не чины и награды ожидаютъ ихъ тамъ. Поэтому понятенъ энтузіазмъ, нашего общества которымъ сопровождаются проводы этихъ благородныхъ людей. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ окружаетъ ихъ толпа: всѣ благословляютъ ихъ на доброе дѣло и со слезами на глазахъ жмутъ имъ руки, сопровождая это пожатіе самыми искренними и горячими пожеланіями. Очевидно, что не своекорыстные цѣли и узкіе расчеты побуждаютъ въ нашемъ обществѣ эти порывы, а безкорыстная, чистая любовь нашей отчизны къ порабощеннымъ, униженнымъ и замученнымъ нашимъ братьямъ! Русскіе люди единодушно откликнулись на болѣзненный призывъ родственнаго намъ народа; они стали впереди храбраго но неопытнаго войска и повели ихъ къ побѣдѣ; воодушевивъ товарищей примѣромъ непоколебимаго мужества, они ложились костьми со словами: «впередъ, на бой!» И въ рядахъ этихъ благородныхъ людей мы недосчитываемся многихъ. А. Кнрѣевъ палъ, Раевскій, Ерошенко, Мусинъ-Пушкинъ и др., послѣдовали за нимъ и запечатлѣли кровію свои стремленія. А что будетъ дальше? Много ли изъ нихъ вернется на родину? Такіе подвиги самоотверженія, безъ сомнѣнія, не пройдутъ безплодно. Европа, убѣдившись на что способны русскіе люди, когда въ нихъ затронуто то высокое чувство, которымъ преисполнена теперь вся Россія, быть можетъ уступитъ необходимости улучшить тяжелое и безвыходное положеніе славянъ, находящихся столько вѣковъ подъ турецкимъ игомъ.

Приведемъ нѣсколько словъ изъ газеты «Siécle» о баталіонѣ добровольцевъ, снаряженныхъ на собственный счетъ сербской княгини Наталіи: «Надо было видѣть, все населеніе Бѣлграда покрывавшее берега Савы и вышедшее проститься съ батальономъ; надо было видѣть положеніе этихъ стариковъ, этихъ женщинъ, этихъ дѣтей, надо было видѣть, не смотря на дурныя вѣсти, приходившія то и дѣло изъ арміи, рѣшимость и энергію отъѣзжавшихъ, твердость, мрачное самоотверженіе остающихся, чтобы составить себѣ понятіе о страшномъ озлобленіи и ненависти противъ турокъ, одушевляющихъ это населеніе. Я близко и внимательно разсматривалъ этихъ людей; взоры всѣхъ выражали ясно, что они готовы всѣмъ пожертвовать для общаго дѣла. Безмолвная, сосредоточенная въ себѣ толпа разступилась, чтобы пропустить своихъ волонтеровъ. У всѣхъ на шляпахъ были цвѣты. Въ рукахъ женщинъ всѣхъ сословій были цѣлыя массы цвѣтовъ, и они раздавали ихъ тѣмъ, у кого ихъ не было. Каждый разъ, когда проходилъ другъ или родственникъ, его привѣтствовали безъ шума, вполголоса. Пожатіе руки, или поцѣлуй, смотря по обстоятельствамъ, сопровождали прощанье, неизмѣнно оканчивавшееся однимъ и тѣмъ же словомъ. Никто не говорилъ: «да хранитъ тебя Богъ!» или «желаю тебѣ счастья!» но говорили только: «мужайся, мужайся»—и болѣе ни слова. Глаза у всѣхъ были сухи; ни одной слезы не видно было на лицахъ, но какое выраженіе! Оно не изгладится изъ моей памяти, пока я живъ. Когда послѣдній волонтеръ перешелъ на палубу, гимнъ, или лучше сказать какое-то пѣніе неуловимое и потрясающее душу, раздалось на рѣкѣ.

Былъ ли то дѣйствительно гимнъ, или импровизація? Не знаю. Можетъ быть національная сербская пѣсня. Трепетъ пробѣжалъ по всей толпѣ. Всѣ головы обнажились, всѣ платки заколебались въ воздухѣ, и пѣніе повторилось на берегу. То была гармонія невыразимая, полная волненія и сдержанной страсти. Каждая строфа, каждая фраза, были какъ бы молніями гнѣва, потоками ярости, выраженіемъ глухого озлобленія. Было 8 часовъ. Солнце исчезло, обливая горизонтъ громаднымъ краснымъ сіяніемъ. Судно медленно двигалось, отражая свои черныя очертанія на этомъ огненномъ и кровавомъ фонѣ. Въ ту минуту, когда оно исчезло въ туманѣ, раздалось восклицаніе... нѣтъ, не восклицаніе, а крикъ, первый крикъ—и страшное грозное «ура» вырвалось изъ тысячи грудей, до того времени сдавленныхъ. Это должно было долетѣть до Землина. Затѣмъ толпа, еще болѣе мрачная, еще болѣе молчаливая, оставила рѣку и разошлась по домамъ».

Да, тяжелое время переживаютъ теперь славяне. Скажемъ словами поэта:

«Здѣсь предъ вами тяжкая недоля,
Горько', великое несчастье
На пространствѣ небольшой картины!
Писана картина та слезами—
И слезами вамъ я провѣщаю,
И она слезами вамъ промолвитъ
Про невзгоды нашего народа:
Вы слезами горькими зальетесь:
Не забыть вамъ образовъ печальныхъ».

(Поэзія славянъ. Изд. Гербеля. Стр. 273).

Нѣсколько словъ о Бразиліи и о литературѣ, имѣющей предметомъ изслѣдованіе этой страны.

По случаю пріѣзда въ нашу столицу императора Бразильскаго Донъ Педро II естественнымъ образомъ пробудился въ нашемъ обществѣ интересъ къ Бразиліи, къ ея государственному устройству, ея политическому, соціальному и экономическому характеру.

Надо сказать, что наша литература весьма бѣдна книгами, трактующими о Бразиліи въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ политическомъ, хозяйственномъ, соціальномъ и проч. отношеніяхъ знакомитъ насъ, правда, съ Бразиліей книга г. Смирнова, бывшаго секретаря нашего посольства въ Бразиліи. Далѣе слѣдуетъ книга г. Чуди, далѣе, у насъ есть переводъ прекрасной книги г. Уэлласа «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ», знакомящій съ Бразиліей и принадлежащими къ ней странами въ естественно-историческомъ отношеніи. И потомъ уже разсѣянныя тамъ и сямъ въ журналахъ статьи компилятивнаго характера, включая сюда и соотвѣтствующіе параграфы въ географическихъ учебникахъ.

Иностранная литература, имѣющая предметомъ Бразилію, напротивъ, весьма богата. И это понятно. Въ исторіи нѣкоторыхъ государствъ западной Европы есть тѣсная связь съ Бразиліей. Нѣкоторыя государства, напримѣръ, Голландія имѣли притязаніе на такой лакомый кусокъ какъ Бразилія, съ цѣлью эксплоатаціи ея богатствъ.

И исторія голландскихъ притязаній на Бразилію, ея войны съ бразильцами, принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ эпизодовъ всемірной исторіи. Этотъ эпизодъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ свою обширную литературу, представителями которой служатъ большею частью голландскіе историки; большая часть этихъ классическихъ произведеній написана на латинскомъ языкѣ. Далѣе слѣдуютъ сочиненія спеціально посвященныя дѣятельности іезуитовъ, насколько она касается Бразиліи. Изумительная дѣятельность этого ордена въ отдаленныхъ странахъ, въ самомъ дѣлѣ, заслуживаетъ особаго и огромнаго отдѣла въ всеобщей исторіи церкви и весьма значительное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ іезуиты миссіонеры въ Бразиліи.

Общая исторія Бразиліи, ея географіи, ея произведенія были описываемы издавна, и первымъ трудомъ (по времени) слѣдуетъ поставить трудъ Америко-Веспучи (отъ имени котораго и произошло названіе Америки). Твореніе *Веспучи* издано въ Миланѣ и озаглавлено «De ora Antarctica per Regem Portugalliae pridem inventa» 1505 г. Критически разобралъ и комментировалъ произведеніе Веспучи А. фонъ-Гумбольдтъ. Оно драгоцѣнно для первоначальной исторіи колонизаціи страны. Изъ него мы узнаемъ, напримѣръ, что *первый*, кто ступилъ на берегъ Бразиліи, былъ *Винцентъ-Янецъ Пинцонъ*, товарищъ Колумба въ его первомъ путешествіи въ Америку. Весьма интересно описаніе его путешествія у Веспучи. На суднѣ, снабженномъ четырьмя парусами, онъ оставилъ въ 1499 г. гавань Полосъ, свое отечество и направился къ юго-западу. Это первый европеецъ, отважившійся ѣхать въ эти широты. Съ трепетомъ сердца онъ потерялъ изъ вида полярную звѣзду. Наконецъ, онъ увидѣлъ на западѣ высокій мысъ. Онъ подъѣхалъ къ нему и высадился. Это былъ мысъ Св. Августина, самый крайній восточный мысъ южно-американскаго континента, въ теперешней провинціи Пернамбуко, и назвалъ его мысомъ «Утѣшенія Св. Дѣвы Маріи». Затѣмъ, съ теченіемъ времени, этотъ знаменитый мысъ носилъ разныя названія: то назывался онъ Кабо-Ростро-Гермозо, то Кабо-де-Санта-Круцъ.

Далѣе, такія знаменитости науки въ новѣйшее время, какъ французъ Изидоръ-Жоффруа-Сентъ-Илеръ и нѣмецъ А. фонъ-Гумбольдтъ не только описали Бразилію въ естественно-историческомъ отношеніи, но труды ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пролили свѣтъ на прошедшую культуру Бразиліи, о которой свидѣтельствуютъ намъ разсѣянныя въ этой странѣ памятники.

Но, разумѣется, эта богатая литература, спеціально посвященная Бразиліи и ея исторіи, для большинства читателей недоступна. Нужны книги, представляющія Бразилію въ сжатомъ, но по возможности полномъ очеркѣ. Въ этомъ отношеніи могутъ быть рекомендованы сочиненія Ваппеуса «Des Kaiserreich von Brasilien» и классическій трудъ Гейнриха Гандельмана «Geschichte von Brasilien». Трудъ Ваппеуса новѣе, книга Ме Гандельмана написана лѣтъ 15-ть тому назадъ, но благодаря своимъ достоинствамъ: богатой эрудиціи, ясности изложенія, широтѣ точки зрѣнія—она до сихъ поръ не потеряла своихъ достоинствъ. Исторія Бразиліи, Гандельмана, входитъ въ его общую программу «Geschichte der Americanischen Kolonisation un Unablangigkeit» какъ часть въ обширное цѣлое. Такъ исторія Бразиліи у него непосредственно примыкаетъ къ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» и «Исторіи острова Ганти». Соединяя

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ двѣ широкоразработанныя исторіи (о--ва Гаити и Соединенныхъ Штатовъ) мы получаемъ исторіи *бѣлой* и *черной* расъ за океаномъ, образующихъ совершенно отдѣльную группу государствъ; затѣмъ слѣдуетъ другая группа государствъ, образовавшихся въ обширной долинѣ Амазонской рѣки. Эта исторія носитъ общее названіе «Исторія государствъ красной и бѣлой расы». Авторъ признаетъ, что въ Бразиліи не могло образоваться того связывающаго цемента, который связалъ въ одно цѣлое народныя силы обусловливающія всякую цивилизацію. Цементъ этотъ одинъ для всѣхъ странъ за океаномъ: колонизація. Ей образованы бытіемъ и процвѣтаніемъ Соединенные Штаты; колонизаціи же обязана Мексика, хотя подъ другою формой и при другихъ условіяхъ. Но сама колонизація является въ трехъ формахъ: привозятъ рабовъ изъ Африки (это рабочая даровая сила), ѣдутъ за океанъ европейцы (это—сама цивилизующая, у которой рабы подъ руками), какъ бы въ награду за цивилизацію. Наконецъ, еще есть, такъ сказать, средняя форма переселенія въ Америку—это переселеніе китайцевъ, которыхъ индюстріальныя способности весьма пригодны для цивилизованія смѣшанныхъ расъ. И въ самомъ дѣлѣ, выселившіеся китайцы перевезли въ Бразилію чайныя деревья и научили бразильцевъ культурѣ чая... и т. д. Разумѣется, цивилизующая колонизація въ такой формѣ все-таки представляетъ нѣчто ненормальное, ведущее къ возмутительнымъ несправедливостямъ. Съ половины нынѣшняго столѣтія стало отправляться въ Бразилію много европейцевъ, съ цѣлію образованія колонизаціонныхъ товариществъ. Дѣло шло плохо, потому что многіе изъ агентовъ колонизаціи пріѣхали за океанъ съ хищническими инстинктами, и нельзя сказать, чтобы дѣло и теперь ушло впередъ въ этомъ отношеніи.

М. С.

Любовь, ненависть и ревность у рыбъ.

Существуетъ мнѣніе, что рыбы не способны чувствовать нѣжной взаимной любви, что онѣ равнодушны и къ икрѣ своей, и къ дѣтенышамъ. Такое мнѣніе оказывается несправедливымъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ наблюденій.

Самыя точныя наблюденія можно производить въ закрытыхъ садкахъ, устроенныхъ для разведенія форелей. Такой садокъ, какъ часть обыкновеннаго заведенія для размноженія рыбъ, долженъ имѣть водоемъ въ десять—пятнадцать футовъ ширины, въ пятнадцать или двадцать пять футовъ длины и въ два или въ три фута глубины. Кругомъ, по стѣнкамъ этого почти всегда крытаго водоёма съ проточной ключевой водой, помѣщаются деревянные, каменные или глиняные ящики для икры, похожіе на наши скворцовыя клѣтки, величиною отъ полутора до двухъ квадратныхъ футовъ. Эти аппараты для икры имѣютъ (съ передней части) внизу овальное отверстіе и двойное дно, въ родѣ комнатнаго пола. Верхній полъ, состоящій изъ проволочной сѣтки грубаго плетенія, находится на одинъ или полтора фута подъ водою, покрытъ слоемъ крупнаго кремня—голыша и предназначается собственно для метанія и, такъ сказать, для пропуска икры. Нижній полъ также изъ проволочной сѣтки, но болѣе плотнаго плетенія, назначенъ быть пріемникомъ икры, пропускаемой черезъ крупную сѣтку, верхнюю. Этотъ полъ выдвижной, а потому можетъ быть совсѣмъ вынутъ изъ ящика вмѣстѣ съ икрой. Пользуясь такимъ садкомъ, каждый внимательный наблюдатель можетъ съ октября мѣсяца до конца января видѣть ежедневно, какъ форели способны страстно любить и ненавидѣть, какъ самоотвержено и тщательно охраняютъ и прячутъ они свою икру.

Самка, извиваясь и какъ бы раскачиваясь, плаваетъ, лежа то на брюхѣ, то на боку, а иногда и на спинѣ, около избраннаго ею самца, выставляя въ это время на видъ свои особенно яркія, блестящія краски. Во время метанія икры движенія форелей граціозны, красиво-изящны. Самецъ, въ свою очередь извиваясь и изгибаясь, то ныряетъ подъ самку, то переплываетъ черезъ нее, причемъ прикасается къ ней самымъ осторожнымъ образомъ. Играя и выдѣлывая удивительныя штуки, влюбленная парочка удаляется отъ остальнаго общества и начинаетъ отыскивать укромное мѣстечко для метанія икры.

Но эта прелестная пара прекращается тотчасъ же, какъ только къ игривой парочкѣ приблизится другая рыба. Самецъ и самка съ быстротою молніи бросаются на незваннаго гостя и прогоняютъ его сильными толчками, причемъ нерѣдко наносятъ ему значительныя раны своими острыми зубами. Въ большинствѣ случаевъ, однако, самецъ одинъ вступаетъ въ борьбу, самка же, остается только зрительницей.

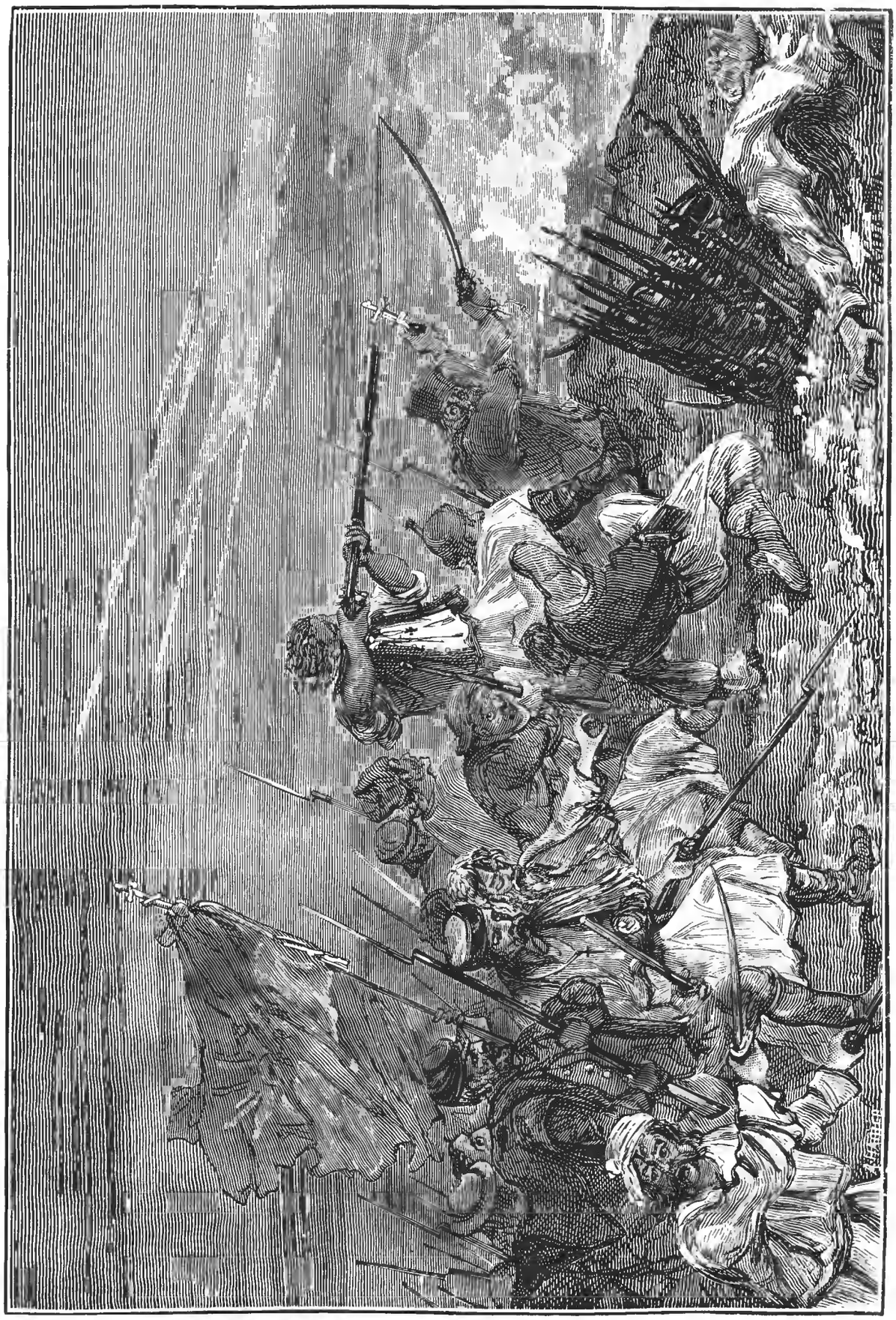
Когда, наконецъ, послѣ тщательныхъ поисковъ найденъ пустой ящикъ или же взятъ въ бою, самка, осмотрѣвъ его, тотчасъ же приступаетъ къ приготовленію ложа для икры. Для этого она начинаетъ быстро двигаться, перебрасываясь съ боку на бокъ, причемъ отбрасываетъ въ обѣ стороны брюхомъ мелкіе камешки, эта работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не получится углубленіе въ полтора или два дюйма глубины, въ два или три д. ширины и до двѣнадцати д. длины.

Въ то время, какъ самка изо всѣхъ силъ трудится надъ приготовленіемъ ложа для икры и время отъ времени роняетъ туда свои яички, самецъ *стоитъ* на стражѣ внутри у обильнаго отверстія икрянаго аппарата, однимъ глазомъ посматриваетъ на хлопотливую свою самку, другимъ же зорко слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается около избраннаго имъ жилища. Въ это время онъ остается совершенно равнодушенъ даже къ любимой своей пищѣ.

Горе неосторожному и дерзкому, постороннему самцу, осмѣлившемуся подойти слишкомъ близко къ отверстію! Съ невѣроятной силой бросается сторожъ на наглеца и яростно преслѣдуетъ его, далеко отгоняя отъ своего жилья; такое преслѣдованіе рѣдко обходится безъ кровавой драки. Случается тоже, что другой самецъ, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ законнаго супруга, защищающаго свою жену, домъ и ложе, пробирается

Видъ города Крушеваца. Съ фотогр. гравир. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"



Сербскіе добровольцы. Съ наброска нашего спеціальнаго корреспондента, рис. П. Карагинъ, грав. Наппръ.

Библиотека "Руниверс"

къ одинокой самкѣ въ ящикъ, съ намѣреніемъ побороться за право обладанія, сразиться съ самцомъ, который вернется уже нѣсколько утомленнымъ. Но тутъ самка немедленно присоединяется къ прибывшему супругу, и оба соединенными силами нападаютъ на донъ-жуана, рвутъ, кусаютъ его и почти всегда обращаютъ въ бѣгство непрошеннаго гостя.

Такая ожесточенная борьба между тремя форелями представляетъ интересный спортъ даже для практическаго разводчика рыбы, хотя въ пору метанія икры онъ можетъ видѣть такую картину ежедневно. При такой дракѣ зачастую можно видѣть, какъ форели глубоко запускаютъ свои необыкновенно острые зубы въ нѣжное тѣло своего соперника и, теребя по долгу, держатъ его подъ собой, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ дерущіеся бульдоги, гуси, лебеди и др. животныя.

Кто желаетъ составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о необузданной страстности форелей, кто хочетъ оцѣнить всю силу любви, ревности и ненависти, на какую способна эта рыба, пусть тотъ посѣтитъ закрытый садокъ въ такую пору, когда время метанія икры уже проходитъ; тутъ рѣдко можно видѣть самца, не покрытаго ранами, даже раненныя самки встрѣчаются очень часто. Зіяющія кровавыя раны (въ 1/4 и 1/2 дюйма длины) на спинѣ и около жаберъ свидѣтельствуютъ о горячей любви и ревности этой рыбы.

Всякій разъ, когда самка пріостанавливается въ процессѣ метанія икры, самецъ нѣжно и осторожно подталкиваетъ ее и заставляетъ покинуть ложе, которое и занимаетъ самъ, чтобы оплодотворить икру, т. е. онъ ложится на мѣсто, покинутое самкой, и быстро двигаясь взадъ и впередъ и изъ стороны въ сторону, плотно прижимается и трется о дно ложа, брызгаетъ свои молоки на яички самки, которая на это время становится сторожемъ у входа въ ящикъ.

По окончаніи этихъ возбуждающихъ и утомляющихъ актовъ оплодотворенія, форель не предается, какъ другія животныя покою и отдыху, напротивъ для нее тутъ то и начинается дѣятельность, требующая много силы и энергіи,—ей нужно „прикрыть" икряное ложе.

Быстрыми, сильными, порывистыми боковыми движеніями самецъ и самка, то попеременно, то оба одновременно, набрасываютъ на икряное ложе цѣлыя груды песку и мелкихъ камешковъ, причемъ дѣйствуютъ такъ энергично, что камешки далеко отлетаютъ въ сторону и съ такой силой ударяются о стѣнки ящика, что наблюдателю кажется, что возлѣ него кто-то барабанитъ пальцами по доскѣ. Осторожная и предусмотрительная форель прикрываетъ икру и вообще хлопочетъ до тѣхъ поръ, пока надъ икрянымъ ложемъ не образуется порядочный холмикъ овальной формы.

Извѣстно, что нѣкоторыя породы птицъ выщипываютъ у себя перья, а кролики вырываютъ у себя клочья шерсти, чтобы устроить по возможности мягкое и теплое гнѣздо для своихъ дѣтенышей, и если мы имѣемъ право предполагать, что не одинъ инстинктъ, но и извѣстная степень любви къ дѣтенышамъ и заботы о нихъ заставляютъ этихъ животныхъ терзать себя такимъ образомъ, то какже не признать за форелями благородной способности любить свое потомство и заботиться о немъ, въ особенности въ виду того, съ какой горячностью эта рыба подвергаетъ опасности свое нѣжное тѣло, не защищенное даже чешуей!..

Крупный песокъ и твердые острые камешки трутъ и рѣжутъ ея бархатистое тѣло, когда она устраиваетъ ложе для икры, а потомъ покрываетъ его цѣлой грудой этихъ же острыхъ камешковъ; но она, трудясь на пользу своего потомства, не обращаетъ вниманія на свои собственныя физическія страданія.

Въ ручьяхъ и озерахъ форель могла бы найти достаточное количество ила и мягкихъ, разложившихся растеній, могла бы обойтись безъ крупнаго песка и камешковъ, причиняющихъ ей невыносимыя муки, но она знаетъ, что ея икра лучше всего сохраняется въ очищенномъ ею пескѣ, что камешки послужатъ лучшей защитой для ея безпомощныхъ дѣтенышей, которымъ грозятъ тысячи опасностей, поэтому озабочиваясь о потомствѣ своемъ, она пренебрегаетъ ранами, страданіями и даже терпѣливо выноситъ голодъ.

Чтобы не быть несправедливыми къ другимъ породамъ рыбъ, замѣтимъ здѣсь, что весьма многія изъ нихъ обладаютъ такими же нравами и качествами, какъ и форели; у нѣкоторыхъ видовъ половая любовь, и любовь къ дѣтенышамъ развиты еще сильнѣе и проявляются рѣзче.

Хотя случается иногда, что рыба пожираетъ собственную икру и дѣтенышей, но этотъ фактъ до сихъ поръ также непонятенъ, какъ и истребленіе собственныхъ дѣтенышей домашними кошками, кроликами, свиньями, даже собаками и многими другими, животными любовь которыхъ къ своему потомству не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Политическое обозрѣніе.

Усилія турокъ заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы пробиться въ Моравскую долину, по которой они могли бы легко дойдти до Бѣлграда, съ цѣлію раззоренія и опустошенія Сербіи. Доступъ въ эту долину изъ Турціи открывается по 3-мъ болѣе или менѣе затруднительнымъ путямъ. Первый ведетъ изъ Зайчара, чрезъ Луково въ Чупрію; второй отъ Янковой Клиссуры, на Крушевацъ, въ Парачинъ и, наконецъ, третій—изъ Ниша чрезъ Суковацъ, Тешицу и Алексинацъ. Всѣ попытки турокъ проникнуть по первымъ двумъ дорогамъ остались какъ извѣстно, безъ успѣха. Османъ и Эюбъ-паши, желая пробиться первымъ направленіемъ, безплодно потеряли отъ 8 до 9 тысячъ солдатъ и далѣе оставленнаго сербами Зайчара не могли двинуться, что же касается дороги отъ Янковой Клиссуры, то здѣсь попытка Дервиша-паши окончилась пораженіемъ турецкихъ войскъ, которыя, въ числѣ 18 тысячъ человѣкъ, были совершенно разбиты Чолокъ-Античемъ, занявшимъ возвышенность Яворъ. Вслѣдствіе этихъ неудачъ, туркамъ остался только одинъ путь—именно на Суковацъ и Алексинацъ. Мы уже знаемъ, что предпринятое Абдулъ-Керимомъ-пашей нападеніе на эту укрѣпленную позицію не удалось на правомъ берегу Моравы: генералъ Черняевъ разбилъ его послѣ 6-ти дневныхъ кровопролитныхъ сраженій, а потому, оттоманскій главнокомандующій, вознамѣрившійся во что бы то ни стало пройдти въ Моравскую долину, перевелъ свою армію (отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ пѣхоты, 24 эскадрона кавалеріи и болѣе чѣмъ 60 орудій) на лѣвый берегъ и двинулъ ее мимо Алексинаца, на пункты, владѣющіе сообщеніемъ съ Крушевацемъ. Въ планъ турокъ входило, между прочимъ, также и намѣреніе обойдти Делиградъ. Черняевъ во время угадалъ турецкій планъ и, послѣ 4-хъ дневной (20, 21, 22 и 23-го августа) битвы съ значительно превосходившимъ численностью непріятелемъ, отвелъ свои силы къ Делиграду. Битва началась съ самаго утра, когда турки, переправившись чрезъ Мораву, нѣсколько ниже Буя, подошли къ Алексинацкимъ укрѣпленіямъ и зажгли Житковацъ. Здѣсь, однако, ихъ движеніе было остановлено, огнемъ сербскихъ баттарей, удерживавшихъ наступленіе съ 8-ми часовъ утра до 9-ти вечера. Убѣдившись въ невозможности взять укрѣпленія, оттоманскіе генералы рѣшили двинуться въ обходъ Делиграда. Нападеніе это было произведено 23-го и хотя сербы отступили (шагъ за шагомъ и нанося непріятелю страшный уронъ), но Черняевъ, занявъ позицію у Дюниса и Делиграда, поставилъ врагу новое препятствіе къ дальнѣйшему движенію впередъ.

Отъ 27-го августа (8-го сентября) изъ лагеря у Делиграда получены слѣдующія извѣстія: «Черняевъ стоитъ въ описанной уже позиціи и укрѣпилъ ее наскоро, особенно у Дюниса, шанцами для батарей и траншеями для пѣхоты. Турки, численность которыхъ превосходитъ 40,000 человѣкъ, господствуютъ надъ всей волнообразной мѣстностью, начиная отъ Ястребиныхъ Горъ на лѣвомъ берегу Моравы до рѣчки, впадающей въ Мораву, почти противъ Делиграда, на западѣ. Весь правый берегъ рѣки Моравы очищенъ турками. Алексинацъ покинутъ жителями; алексинацкія позиціи заняты 10,000 пѣхоты и 10 батареями артиллеріи, подъ командою маіора Іовы Поповича Турки, убѣжденные въ важности позицій генерала Черняева, оперируютъ неловко, медленно и безуспѣшно противъ Дюниса, который сильно укрѣпленъ. 5-го сентября турки предприняли незначительное нападеніе на эту позицію, но были принуждены отступить вслѣдствіе концентрическаго огня сербскихъ орудій 6-го сентября, утромъ, по всей линіи повторилось нападеніе, но также безуспѣшно, при сильнѣйшемъ огнѣ изъ орудій и оружій. Сербы до сихъ поръ имѣли незначительныя потери: 100 раненыхъ, которые были приняты въ лазаретъ русскаго санитарнаго отряда, устроенный въ деревнѣ Дюнисѣ. Турки, какъ атакующіе, по всей вѣроятности, имѣли громадныя потери, вслѣдствіе огня изъ орудій и оружій, открытаго на самомъ близкомъ разстояніи и весьма мѣткаго. Хорватовичъ изгналъ турецкіе аванпосты изъ Топольницы – и стоитъ между этою мѣстностью и Громадой. Звѣрства, совершаемыя турками, неслыханныя. Плѣнные, мирные жители селеній, истязуются самымъ изысканнымъ образомъ, а затѣмъ умерщвляются. Въ одномъ селеніи, на склонѣ Ястребиныхъ Горъ, турки, захвативъ въ плѣнъ цѣлое семейство, разрубили на куски груднаго младенца, изжарили его и принудили родителей съѣсть жареное мясо младенца; затѣмъ изрубили и ихъ. Старикъ священникъ былъ очевидцемъ этого звѣрства. Сербскій врачъ, Лука Поповичъ, котораго узнали по красному кресту, былъ взятъ въ плѣнъ турецкою кавалеріей: сначала ему отрубили руку, а потомъ умертвили. Художникъ Виллье, отъ журнала «Сгарhіс» нашелъ у Іезуки трехъ раненыхъ сербовъ, привязанныхъ къ деревьямъ: они были сожжены, причемъ огонь разложенъ былъ у ихъ ногъ. Ноги совершенно обуглились, тѣла представляли ужасное зрѣлище. Еще хуже турокъ, черкесовъ и баши бузуковъ свирѣпствуютъ египетскія войска».

Изъ всего этого мы можемъ вывести только то заключеніе, что турки болѣе отличаются жестокостями и тиранствомъ, чѣмъ военными успѣхами. Они не только не достигли важнаго стратегическаго успѣха, но находятся въ довольно опасномъ положеніи,

Библиотека "Руниверс"

имѣя противъ себя войска Черняева съ такими укрѣпленными позиціями какъ Делиградъ и Алексинацъ, далѣе—въ тылу полковника Хорватовича, а съ лѣваго фланга—полковника Челокантича, который имѣетъ возможность отдѣлить отъ своей ибарской арміи значительную часть для того, чтобы ударить съ своей стороны на непріятеля и отрѣзать его отъ Ниша, т. е. отъ его операціоннаго базиса.

Въ виду такого положенія дѣлъ на театрѣ войны, мы признаемъ преждевременными и весьма неосновательными ликованія турокъ, желающихъ заставить *Черногорію и Сербію принять самыя тяжелыя условія* мира. При томъ рискѣ, съ какимъ вторгаются турки внутрь Сербіи, всего скорѣе можетъ случиться нѣчто совершенно противоположное ихъ теперешнему ликованію. Во всякомъ случаѣ настоящее положеніе дѣлъ на театрѣ войны кажется подходитъ къ рѣшительному періоду. Ничего, конечно, мы такъ горячо не желаемъ, какъ того, чтобы турки получили справедливое и вполнѣ заслуживаемое ими наказаніе. Послѣднія депеши изъ Черногоріи опять принесли вѣсть о пораженіи турокъ. 27-го августа происходило сильное сраженіе у Требача и Долянской Гловичѣ, гдѣ были отражены три турецкія нападенія. 2,000 турокъ легли на полѣ сраженія, болѣе 1,000 потонули въ рѣкѣ Морачѣ, остальные бѣжали къ Подгорицѣ.

Въ настоящее время державы настойчиво требуютъ отъ Порты принятія ихъ «дружескихъ услугъ» (дипломатическій терминъ) для заключенія перемирія; на этихъ дняхъ послы 6 державъ вручили министру иностранныхъ дѣлъ «памятныя записки» (aide mémoires) по этому предмету. Энергичнѣе всѣхъ настаиваетъ предъ оттоманскимъ правительствомъ Британія. Говорятъ, даже, что британскій посланникъ заявилъ, что Турція, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, нечего разсчитывать на помощь его правительства, которое не будетъ препятствовать вооруженному вмѣшательству одной державы—т. е. Россіи. Такая настойчивость, такая энергія со стороны г. Эллiота объясняется крайнимъ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія Англіи противъ турокъ и противъ оказываемой имъ правительствомъ королевы помощи. Дѣло дошло до того, что глава парламентской оппозиціи (т. е. глава виговъ), маркизъ Гартингтонъ требуетъ созванія парламента. Слышатся даже голоса о томъ, чтобы лордъ Дерби и сэръ Эллiотъ были призваны къ отвѣту... Напомнимъ читателю, что мы постоянно сомнѣвались въ успѣхѣ разсчетовъ Дизраэли Биконсфильда.

Пребываніе Императора Бразильскаго въ Петербургѣ.

Донъ Педро II, императоръ Бразиліи, путешествуетъ какъ частный человѣкъ, подъ именемъ графа д'Алькантара. Онъ 17-го августа прибылъ въ нашу столицу и остановиася въ Европейской гостинницѣ, какъ обыкновенный туристъ, употребляя все свое время на осмотръ достопримѣчательностей столицы и на ознакомленіе съ нашимъ внутреннимъ бытомъ. Такъ, въ день своего пріѣзда, Донъ-Педро посѣтилъ Исаакіевскій соборъ и пробылъ въ немъ около двухъ часовъ, осматривая храмъ, ризницу и утварь. Затѣмъ въ тотъ же день посѣтилъ биржу и «Зоологическій садъ». На другой день, рано утромъ, императоръ отправился въ Александро-невскую лавру, гулялъ по кладбищу, на которомъ самъ отыскалъ памятники Ломоносова, Карамзина и Крылова,—причемъ очень сожалѣлъ, говорятъ, что не могъ найти памятниковъ Пушкина и Лермонтова, похороненныхъ, какъ извѣстно, не въ Петербургѣ. Въ тотъ же день посѣтилъ Императорскую публичную библіотеку; во время этого посѣщенія, продолжавшагося отъ 11 до 3 часовъ пополудни, императоръ удивлялъ всѣхъ своими обширными познаніями. Онъ нетолько читалъ свободно русскія названія залъ, заглавія русскихъ книгъ старинной печати, но обнаружилъ значительное знакомство съ латинскими, древнегерманскими, арабскими, еврейскими и самаританскими рукописями, находящимися въ библіотекѣ. Всего болѣе онъ интересовался изданіями, касавшимися русской исторіи, этнографіи, изображеніями національной русской архитектуры, костюмовъ, орнаментистики. Императоръ хорошо знакомъ съ именами русской исторіи, литературы и искусства. Нѣкоторыя сочиненія Карамзина и Крылова переведены имъ на португальскій языкъ. Обозрѣніе библіотеки Донъ-Педро закончилъ подробнѣйшимъ осмотромъ библій на всѣхъ языкахъ міра, а также осмотромъ средне-вѣковой комнаты (кабинетъ Фауста), которая поразила его своимъ изяществомъ и оригинальностью. Передъ отъѣздомъ ему поднесено было въ роскошныхъ переплетахъ собраніе разныхъ научныхъ изданій.

18 августа онъ посѣтилъ Академію Наукъ и Университетъ. Въ Университетѣ онъ пробылъ около 3 часовъ. Какъ въ публичной библіотекѣ, такъ и здѣсь онъ обнаруживалъ обширное знакомство съ науками; съ профессоромъ Васильевымъ императоръ много бесѣдовалъ о китайскомъ языкѣ. Вообще посѣщеніе императора произвело на профессоровъ университета глубокое впечатлѣніе. Сейчасъ же по отъѣздѣ императора всѣ единогласно рѣшили избрать его почетнымъ членомъ университета и поднести ему отъ имени университета нѣсколько сочиненій, между прочимъ «Исторію Университета», «Энциклопед. словарь» Березина и др.

19-го августа Донъ Педро въ сопровожденіи великаго князя Константина Николаевича осматривалъ царскосельскій арсеналъ и его рѣдкости. Въ арсеналѣ императоръ пробылъ 2 часа—и собственноручно вписалъ въ книгу посѣтителей «*Don Pedro II*», самъ нарушивъ тѣмъ инкогнито. Въ тотъ же день рано утромъ онъ посѣтилъ «Новодѣвичій монастырь», гдѣ слушалъ обѣдню; ему особенно понравилось церковное пѣніе монахинь, затѣмъ осматривалъ монастырскую библіотеку, и удостоилъ принять отъ игуменьи икону и нѣсколько рѣдкихъ книгъ. Вечеромъ онъ посѣтилъ александринскій театръ и сидѣлъ не въ особой ложѣ и не въ первомъ ряду креселъ, а въ самыхъ дальнихъ рядахъ. 20 числа императоръ присутствовалъ при открытіи съѣзда оріенталистовъ, въ зданіи университета. Вечеромъ, во время прогулки по островамъ, посѣтилъ дачи Утина и Громова.

Во вторникъ 21 числа императоръ принималъ депутаціи отъ академіи наукъ и университета. На привѣтствіи, сказанныхъ академикомъ Броссе и профессоромъ Бекетовымъ, императоръ Донъ Педро II въ самыхъ теплыхъ и дружественныхъ выраженіяхъ благодарилъ ученыя корпораціи за выраженное ему вниманіе. Того же числа онъ посѣтилъ «Пулковскую обсерваторію», на которой пробылъ долгое время. 26 августа императоръ посѣтилъ придворную капеллу и видимо былъ доволенъ пѣніемъ. Онъ нѣсколько разъ благодарилъ директора капеллы Бахметева, поднесшаго ему альбомъ духовныхъ піесъ своего сочиненія.

Своею выразительною наружностью и своимъ обращеніемъ императоръ на всѣхъ производитъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Онъ ведетъ самый простой и правильный образъ жизни. Въ 6 часовъ утра встаетъ, въ 7 часовъ завтракаетъ, послѣ чего отправляется въ простой коляскѣ осматривать окрестности и достопримѣчательности Петербурга.

Смѣсь.

Знамя для сербовъ.

Освященіе знамени, отправляемаго изъ Москвы въ Сербію, происходило въ обители св. Сергія 25 августа, послѣ литургіи: знамя и всѣ его принадлежности были положены на раку преп. Сергія; за обѣдней знаменосецъ и ассистенты исповѣдывались и пріобщились святыхъ таинъ. Послѣ торжественнаго соборнаго молебствія произошло освященіе по чину церковному. Минута освященія была такъ высокоторжественна, что большинство молящихся плакало на-взрыдъ.

Затѣмъ, по желанію больного настоятеля лавры, намѣстника Антонія, знамя было принесено къ нему въ покои. Старецъ приложился къ священной ткани, поддерживаемый послушниками. По дорогѣ отъ преосв. Антонія, встрѣчавшіеся на пути падали ницъ передъ знаменемъ.

17-го августа, въ 7½ часовъ вечера, по московско-брестской желѣзной дорогѣ, въ сербскую армію отправлены отъ русскихъ людей: походная военная церковь, колокола и знамя.

Церковь сопровождаютъ 8 человѣкъ пѣвчихъ изъ чудовскаго хора, а знамя—фельдфебель Щербина, два ассистента: Митрофановъ и Дубровскій, и офицеры: Соболевъ, Ватковскій и Шараповъ.

Публики, пришедшей проводить отважныхъ добровольцевъ, набралось до 10 тысячъ человѣкъ.

На одномъ изъ послѣднихъ митинговъ, созываемыхъ въ Англіи съ цѣлью протестовать противъ турецкихъ звѣрствъ, прочтено письмо Джона Брайта, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, *сколько стоило Англіи война съ Россіей въ 1854 г.*

«Война эта стоила Англіи 40,000 ч. и 100.000,000 ф. ст. Восточная война поглотила въ совокупности полмилліона людей. Съ тѣхъ поръ, всѣ издержки на военныя потребности увеличились ежегодно на 10.000,000 ф. ст., т. е. въ теченіи двадцатилѣтняго періода, на 200.000,000 ф. ст; помимо этого, Англіи пришлось выплатить до 100.000,000 ф. ст., по займамъ, заключавшимся неоднократно султанамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Англія на восточную войну пожертвовала въ общей сложности 400.000,000 ф. с. Что же касается до потери людьми, то она громадна».

Нынѣшняя *нижегородская ярмарка* по общимъ отзывамъ хуже

Библиотека "Руниверс"

прошлогодней. Окончательныхъ выводовъ пока неизвѣстно. Изъ свѣдѣній о ходѣ торговли за послѣдніе два года видно слѣдующее: Свидѣтельствъ и билетовъ на право торговли, по всѣмъ родамъ ея, взято было въ 1874 г. на 13,293 р., въ 1875 г. на 13,731 р. На нижегородскую ярмарку 1874 г. было привезено товаровъ на 180.201,000 р., продано на 164 805,000 р., не продано на 15 396,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1873 г. въ привозѣ было на 22.112.000 р., а въ сбытѣ на 26.992,000 болѣе. На нижегородскую ярмарку 1875 года было привезено товаровъ на 169,768.000 р., продано на 154.048,000 р., не продано на 15 720,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1874 г. въ привозѣ менѣе на 10.433.000 р., а въ сбытѣ менѣе на 10.757,000 р. Весь оборотный капиталъ ярморочной торговли 1874 г., включая размѣнную монету (193,000 р.), вышеченный хлѣбъ (573,000 р.) и выручку въ трактирныхъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ (504,000 р.) простирался до 346.276,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1873 г. на 48 625,000 р. болѣе. Весь оборотный капиталъ ярморочной торговли 1875 г., включая размѣнную монету (188,000 р.), вышеченный хлѣбъ (616,000 р.), и выручку въ трактирныхъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ (494,000 р.) простирался до 325.114,000 р., сравнительно съ ярмаркой 1874 года на 21 162,000 р. менѣе.

Въ теченіе нынѣшняго года артиллерійскимъ вѣдомствомъ израсходовано на приготовленіе огнестрѣльныхъ припасовъ и зарядовъ до 4,604,000 руб.; на приготовленіе и усовершенствованія артиллеріи—4,595,000 р. и на приготовленіе оружія до 3,575,000 р. Весь же расходъ по этимъ статьямъ будетъ простираться въ теченіе года около 17,667,500 рублей.

О клюквенномъ экстрактѣ Г. Мартенса. Всѣмъ, безъ сомнѣнія извѣстно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ напр., при постели больного, въ хозяйствѣ—клюквенный экстрактъ оказывается необходимостью. Клюквенные ягоды у насъ, въ Россіи—продуктъ находящійся въ изобиліи; но приготовленіе изъ него кислаго питья или *морса* сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями и довольно значительною тратою времени; кромѣ того, *морсъ* приготовленный обыкновеннымъ способомъ, дома, не имѣетъ всѣхъ требуемыхъ качествъ—онъ мутенъ, не вкусенъ, наконецъ, онъ сохраняется очень не долго. Всѣ эти затрудненія при приготовленіи очень нужнаго и полезнаго клюквеннаго кислаго питья—*морса*, вызвали попытки приготовить, посредствомъ перегонки или какихъ либо другихъ химическихъ операцій, изъ ягодъ клюквы такой продуктъ, который, обладая всѣми качествами свѣжихъ ягодъ и сохраняя всѣ потребныя составныя части ихъ, давалъ бы возможность быстро, во всякое время, хорошее питье и притомъ сохранялся бы, не портясь значительное время. Всѣ эти затрудненія отчасти разрѣшены Г. Мартенсомъ, приготовившимъ клюквенный экстрактъ, который удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Экстрактъ этотъ очень крѣпокъ, то есть заключаетъ въ себѣ значительное количество клюквенной кислоты, очень пріятенъ на вкусъ и сохраняется, даже незакупоренный, очень долгое время, не измѣняя своего вкуса и качества. Продается онъ по 65 коп. за полуфунтовую банку, во всѣхъ значительныхъ торговляхъ москотильными и аптекарскими товарами въ Петербургѣ.

Отъ редакціи „НИВЫ".

Печальное извѣстіе съ театра славяно-турецкой войны о смерти русскихъ героевъ, павшихъ на полѣ битвы за освобожденіе славянъ отъ магометанскаго ига, налагаетъ на редакцію обязанность помѣстить ихъ портреты и біографическія о нихъ свѣдѣнія на страницахъ «Нивы», въ память ихъ высокаго самоотверженія и святости принесенной ими, цѣною жизни, жертвы святому дѣлу.

Не имѣя возможности получить портреты и біографическія свѣдѣнія о павшихъ на полѣ брани герояхъ чрезъ посредство частныхъ сношеній съ ихъ родственниками (по затруднительности достать адресы послѣднихъ), редакція журнала проситъ родственниковъ павшихъ героевъ доставлять портреты сихъ послѣднихъ въ «Ниву», вмѣстѣ съ біографическими о нихъ свѣдѣніями, а также портреты и тѣхъ лицъ изъ числа русскихъ добровольцевъ, о смерти коихъ свѣдѣнія получатся позднѣе этого заявленія

СОДЕРЖАНІЕ: **Новый турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ II** (съ портретомъ). **Обжинки** (Воспоминанія изъ южнорусской жизни) **Полонскій Папычь. — Битва при Якковой Клиссурѣ** (съ рисункомъ).— **Турецкое укрѣпленіе Спуцъ** (съ рисункомъ) **Восточные отголоски** (стихотворенія). **Щ. — Рѣшительная минута** (съ рисункомъ). **А. Н.— Крушевацъ** (съ рисункомъ). **Н Б—въ.— Сербскіе добровольцы** (съ рисункомъ).—Нѣсколько словъ о Бразиліи и ея литературѣ, имѣющей предметомъ изслѣдованіе этой страны. **М. С.** - Любовь, ненависть и ревность у рыбъ.—Политическое обозрѣніе. — Пребываніе Императора Бразильскаго въ Петербургѣ.—Смѣсь. — Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за СЕНТЯБРЬ съ 36 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 21 чертежемъ.**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Компаньена - мужчину или даму, съ капиталомъ въ 6—8,000 р. с., ищутъ для весьма выгоднаго занятія. Просять доставлять предложенія въ контору журнала «Нива», съ адресомъ І. К. № 39.

Музыкальная школа Ѳ. И. Руссо объявляетъ, что занятія въ оной начнутся съ 1-го сентября, пріемъ же учениковъ будетъ продолжаться втеченіе всего учебнаго года ежедневно отъ 11 до 7 часовъ. Предметы преподаванія и преподаватели оныхъ въ школѣ: пѣніе solo—г. **Вителяро**; фортепіано—г. **Рейхардтъ** и г. и г-жа **Руссо**; скрипка и альтъ—**И. И. Михельсонъ**; віолончель—г. **Фишеръ**; теоріи и solfedgio—гг. **Зике** и **Руссо** Кромѣ того, при школѣ съ нынѣшняго курса открывается **безплатный классъ для дѣтей**. Подробныя свѣдѣнія можно получить въ школѣ—Вознесенскій проспектъ, д. № 47, противъ Ново-александровскаго рынка. № 55.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—3

Учебный географическій атласъ Іордана вышелъ 14-мъ изданіемъ, совершенно передѣланнымъ и усовершенствованнымъ, по самымъ лучшимъ и ученымъ источникамъ, состоящій изъ 27 хромолитографированныхъ нумеровъ карть) съ приложеніемъ большой карты Россіи съ большей частью Азіатской области и съ обозначеніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, въ весьма удобномъ форматѣ для употребленія.

Цѣна 1 руб. безъ перес.

Также вышло 9 изданіе **„Историческій атласъ"** Іордана, цѣна 1 руб. 25 коп. безъ пересылки.

Въ С.-Петербургѣ у Ф. Эйлера, литографія у Каменнаго моста, д. Оливье № 42—29, также у всѣхъ значительныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 4—4

Зубной врачъ БАРСЪ.

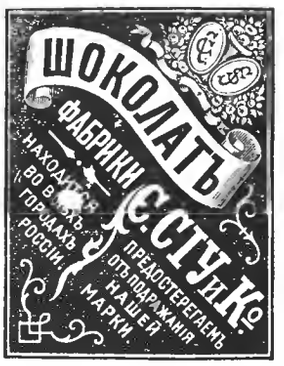
Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—19

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья волькодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.



45—41

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
КАРЛА ИВАНОВИЧА ВАГНЕРА
въ Ригѣ.

Имѣетъ честь увѣдомить гг. любителей, что новые иллюстрированные каталоги деревамъ, растеніямъ, цвѣточнымъ луковицамъ и проч., на 1876 г., изданы и разсылаются безплатно по требованію. 3—3

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгденъ. 50 49

26—17

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора**, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 3 Сентября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, д. № 9 Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 37 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Сентября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА" на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **„НИВЫ"** НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *И. Гр. Соловьева, А. Ланзъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

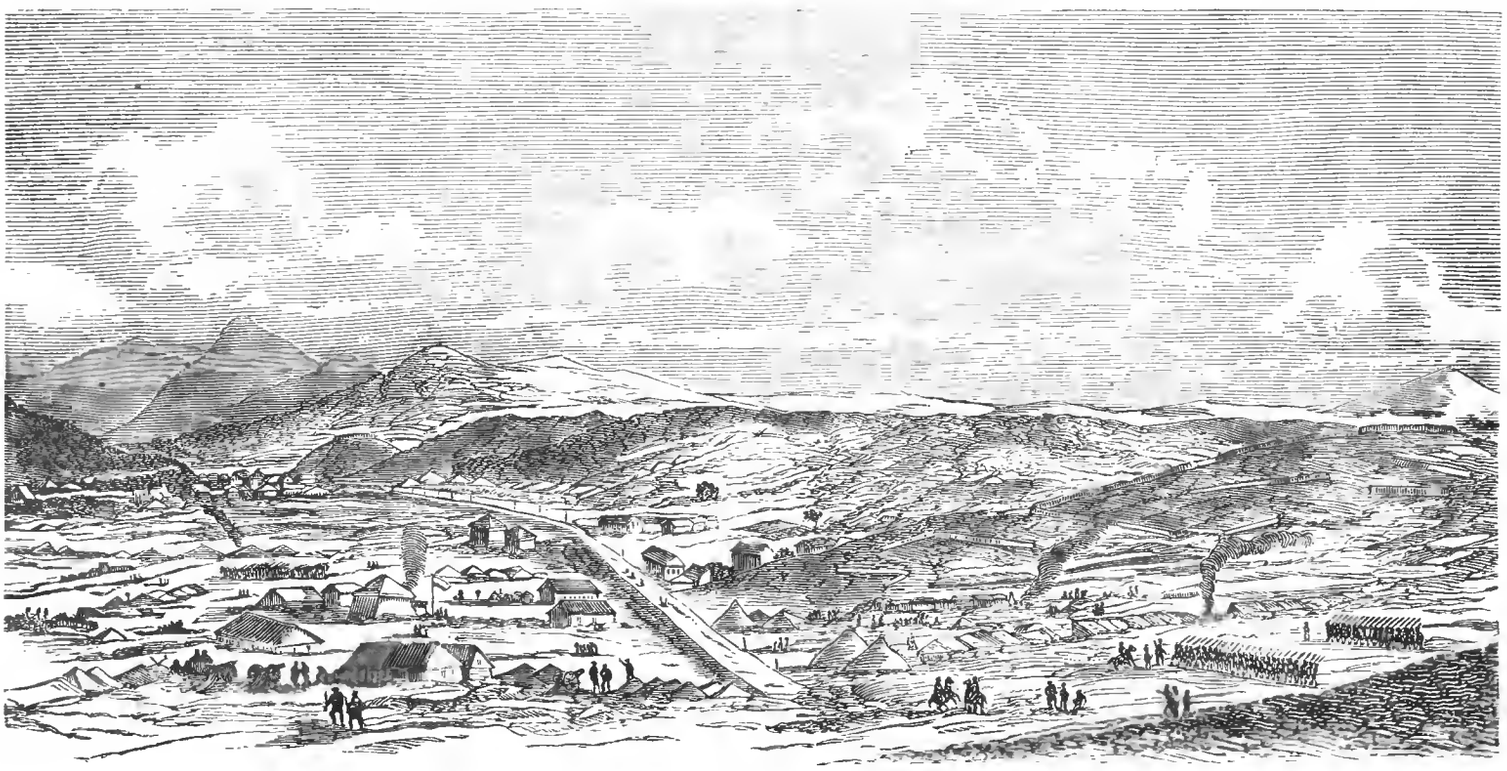
На полгода безъ доставки **2** руб., съ доставкою **2** р. **50** к., съ пересылкою иногороднымъ **3** руб.

На четверть года безъ доставки **1** р., съ доставкою **1** р. **25** к., съ пересылкою иногороднымъ **1** р. **50** к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера „Нивы".

Делиградскія укрѣпленія.

Делиградскія укрѣпленія составляютъ вторую фортификаціонную линію, воздвигнутую Сербіей для защиты Моравской долины; онѣ отстоятъ верстъ на 10 отъ Алексинца и заключаютъ въ себѣ девять редутовъ, располагающихъ почти сотнею пушекъ. Эта сильная позиція, примыкающая къ Крушевацу и къ горнымъ склонамъ Буковница, имѣетъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе, такъ что ее можно назвать ключемъ юго-восточной Сербіи.



Делиградскія укрѣпленія. Съ наброска нашего кореспондента, рѣзалъ Боярскій.

Делиградъ расположенъ на правомъ берегу Мораны, на довольно высокой горѣ, у подножія которой простираются об-

Библиотека "Руниверс"

ширныя равнины, покрытыя роскошною травою и не имѣющія недостатка въ водѣ. Большая дорога идетъ по самой вершинѣ горы; она совершенно открыта, но влѣво отъ нея находится, защищенный рвами и окопами, редутъ св. Николая, а на право, по небольшимъ возвышенностямъ, расположены главныя укрѣпленія, составляющія систематически организованное цѣлое. Въ первой фортификаціонной линіи заключается ограниченное окопами пространство, предназначенное для дѣйствій пѣхоты; потомъ нѣсколько редутовъ, съ засѣками во рву, а впереди съ волчьими ямами и съ проволочными сѣтями на гласисѣ, и, наконецъ, два большіе шанца, каждый для 16-ти орудій; всѣ эти укрѣпленія соединены между собою полисадами и рвами и составляютъ первую оборонительную линію. Вторая линія, извѣстная подъ названіемъ «Бѣлградскихъ шанцевъ», отстоитъ отъ первой на 8 или 10 километровъ; она занимаетъ возвышеніе, находящееся вправо отъ Делиградской дороги, и располагаетъ 30-ю отличными, крупповскими пушками, предназначенными для обстрѣливанія Моравской долины. Обѣ боевыя линіи прикрыты цѣпью баттарей; густая роща, находящаяся позади высотъ лѣваго фланга, тоже приготовлена къ оборонѣ засѣками и ложементами. Пространство, заключающееся между укрѣпленіями обѣихъ боевыхъ линій, имѣетъ около 1½ мили протяженія и допускаетъ сосредоточеніе значительнаго количества войскъ, такъ что главнокомандующій имѣетъ возможность, судя по ходу сраженія, или разсылать небольшія отряды на помощь тѣмъ пунктамъ, которымъ въ данную минуту грозитъ наибольшая опасность, или же, сдвинувъ всѣ наличныя боевыя силы, произвести общее нападеніе на непріятельскій лагерь. Во всѣхъ редутахъ имѣются магазины съ достаточнымъ количествомъ аммуниціи, сухарей, санитарныхъ принадлежностей и боевыхъ снарядовъ. Во время геройскаго сраженія полковника Хорватовича при Княжевацѣ, за окопами Делиградскаго лагеря находилось подъ ружьемъ не менѣе 35,000 человѣкъ. Въ настоящее время это главный пунктъ, изъ котораго исходятъ всѣ военныя дѣйствія сербской арміи и, такъ какъ несравненно слабѣйшая Алексинацкая крѣпость до сихъ поръ успѣшно сопротивляется всѣмъ усиліямъ непріятеля, то мы имѣемъ большое основаніе надѣяться, что и укрѣпленія Моравской долины не поддадутся туркамъ, но несокрушимою стѣною преградятъ имъ доступъ во внутренность страны. Судя по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, укрѣпленія Делиграда продолжены на значительное разстояніе. Исключая крѣпостныхъ орудій, Делиградъ снабженъ 150 пушками. Силы, находящіяся подъ начальствомъ генерала Чернясва, состоятъ изъ 55,000 человѣкъ пѣхоты, 3,000 кавалеріи и 25 батарей артиллеріи. Однакоже лучшіе полки, батальоны бѣлградскій и кружапскій, стоятъ еще въ Алексинцѣ.

Обжинки.

(Воспоминанія изъ южнорусской жизни).

(Окончаніе).

Я не могъ удержаться долѣе возлѣ отца, и поспѣшилъ къ поющимъ. Тамъ уже пѣли хоромъ, и чудными звуками раздавалась по полю наша родная, заунывная, малороссійская пѣсня, про „червоную калыпа“, про „дѣвчыну черноброву“, и проч. и проч. Самъ отецъ не разъ отрывался отъ работы чтобы послушать родной пѣсни.

Въ это время мать пріѣхала на поле. Уже Семенъ распрегъ и путалъ лошадей, когда я прибѣжалъ къ бричкѣ. Тамъ ждали меня разныя лакомства, приготовленныя матерью на закуску. Отецъ тоже собирался закусить, а мать пошла здороваться съ жнецами.

Наконецъ она присѣла на снопу противъ поющихъ. А пѣсня изъ заунывной перешла уже въ веселую. Еще на одномъ концѣ оканчивали „Грыця“, какъ на другомъ уже пѣли веселаго „Дидуся“:

Ой ріда, ріда, ріда,
Зарізала, баба діда,
Зарізала осмалила,
Щей у квасу намочыла.

— А чы незаспіватъ вже обжинки? отозвалась вдругъ, разбитная веселая дочка старосты, Мыланка, которая только прошлой осенью вышла замужъ за извѣстнаго П*...скаго коваля Митрофана.

И точно ржи оставалось дожинать немного. Другая половина жнецовъ обжала кругомъ почти всю пшеницу. Все предвѣщало желанный конецъ работѣ.

— А пора; почему не пора? подхватили другіе.

— А чы не буде рано? замѣтила мать.

— Эге рано, отвѣчала Мыланка. Або не бачете, якъ сонце ховасця за мисто?

— Та робитъ, якъ знаете, отвѣчала мать. Смотрите, если не выжнете, щобъ стыду не было.

— То вже наше дѣло, отвѣчали изъ подъ „постати“. Будемъ спивать; веселѣе буде.

И жнецы громко запѣли:

Ой обжинки, добродзѣю *), обжинки,
Постарайся добродзѣю, горилки.

Отецъ быстро поднялъ голову надъ копною, и перекрестился. Мать сдѣлала тоже, а жнецы на все поле подхватили дружнымъ хоромъ:

И жытечко, и пшеничку зіжали,
У сніпочки, докупочки связалы.

Допоможы милый Боже звозыты,
У скыргочки, до купочки сложиты.
А щобъ було та на столі якъ рожа,
Якъ натая добродзики хороша.

Между тѣмъ солнце видимо садилось за горы, бросая послѣдніе прощальные лучи свои на работниковъ. На горизонтѣ съ противоположной стороны медленно вылѣзалъ изъ-за лѣса огромный красный мѣсяцъ. На дорогѣ блеяло стадо овецъ, возвращающихся съ поля въ мѣстечко. По травѣ показались первые капли холодной росы Перепела запѣли безъ умолку. Дикій ястребъ неподвижно держался въ воздухѣ, наблюдая послѣднюю добычу. Вотъ онъ встрепенулся, пулею бросился внизъ, и исчезъ въ непочатой ржи сосѣдняго поля. На поставленныхъ копнахъ гнѣздились вороны, и чистили „на ночь“ носы свои о верхушки „шапокъ“.

Отецъ ходилъ между жнецами, давая магарычъ по утреннему, и ободрялъ жнецовъ къ работѣ. Но она сама уже не заставляла ждать себя. Еще нѣсколько усилій, еще два-три дружныхъ взмаха серпами, и ржи съ пшеницей какъ не бывало въ полѣ

— Та оставте „спасові на бороду“, закричала изъ другого конца Миланка, заложивъ серпъ на плечи и поспѣшая къ тому мѣсту, гдѣ стояли мы съ матерью

— Знаемо и безъ тебе, отозвались ближайшія молодицы,—и выбравъ горсть самаго лучшаго, высокаго жита, обжали его кругомъ и оставили на полѣ.

Замѣтимъ, что такъ называемая у насъ „Спасова борода“ дѣлается только тогда, когда обжинки бываютъ предъ Преображеніемъ Господнимъ. Послѣ этого она уже не дѣлается

Одна изъ старшихъ жницъ собрала оставленную рожь въ пучокъ, закрутила на ней сверху колосья, и свѣсивъ ихъ такъ, чтобы они приходились въ низъ въ срединѣ стеблей, состроила такимъ образомъ „Спасову бороду“.

— Теперь давай ораты, закомандовала строительница бороды.

Всѣ взялись за серпы и, присѣвъ на корточки, начали бороздить землю между стеблями бороды.

— Годи, буде! отозвались другіе. Теперь скородыти!

Всѣ засадили растопыренные пальцы въ бороду, и показывая видъ, будто они работаютъ боронами, водили пальцами по землѣ.

Затѣмъ одна изъ жницъ поднялась, натерла зерепъ изъ бороды, и снова присѣвъ, посѣяла ихъ на приготовленной землѣ, приговаривая: роды Боже на всяку

*) Добродзѣй,—мѣстное наименованіе православныхъ священниковъ, въ переводѣ на русскій языкъ значитъ благодѣтель.

Библиотека "Руниверс"

долю, и бидного и богатаго". Остальные снова заскородили пальцами, припѣвая:

До конца женчики, до конца
Пидемъ до дому до сонця:
Та хто кинца дожденця,
Горилки напьеця.

— Теперь хто полизе черезъ спасову бороду? спросила веселая Мыланка. Но это уже была операція не легкая. Надобно было пробираться ползкомъ между стеблями загнутой бороды, и при томъ такъ, чтобы не тронуть съ земли ни одной соломенки; потому вскорѣ веселая компанія расхохоталась на все поле, когда одна дюжая молодица застряла „въ бородѣ" и долго барахталась въ ней подъ ударами жницъ.

Затѣмъ полѣзла другая, третья и т. д., хохотъ и пѣсни не уставали, пока наконецъ отъ бороды не осталось ни одной соломенки, и высоко поднявшійся мѣсяцъ не напомнилъ, что пора наконецъ собираться домой.

— А ну-те ще на дорогу, кыдайте серпы назадъ себѣ, закомандовала строительница бороды.

Въ Малороссіи распространено повѣрье, что если на обжинкахъ бросить серпъ назадъ себя, то тотъ, чей серпъ воткнется остріемъ въ землю, на слѣдующій годъ тоже непремѣнно будетъ жать у того же хозяина на обжинкахъ.

Серпы быстро полетѣли и примѣтамъ и предсказаніямъ не было конца,—пока веселая компанія не сошла наконецъ съ поля и очутилась на дорогѣ.

VI.

Въ то время, когда молодицы такимъ образомъ подвязались около спасовой бороды,—на другомъ концѣ поля, подъ копнами, совершалась другая, не менѣе важная операція. Тамъ дѣвушки плели вѣнки изъ жита и пшеницы для поздравленія хозяина съ обжинками. Они весело пѣли, совершая свою работу.

Котыця жытечко въ снопочокъ,
Звійте дивоньки виночокъ.

Луна радушно свѣтила имъ, и какъ бы улыбалась, смотря на ихъ полныя, сіяющія здоровьемъ и силою лица. Нѣсколько паробковъ прятались за копнами въ ожиданіи конца работы, чтобы сопровождать дѣвушекъ. А главное теперь имъ предстоялъ вопросъ, на чью-то голову дѣвушки возложатъ ржаной вѣнокъ, потому что въ нашемъ мѣстечкѣ пшеничный вѣнокъ обыкновенно приноситъ хозяину на головѣ дѣвушка, а ржаной паробокъ.

А дівчата какъ будто не обращали на нихъ вниманія и весело продолжали пѣсню.

Всѣ парубоньки за дивками,
Несутъ виночокъ са квитками.

Но вотъ вѣнки уже готовы. Дѣвушки достали изъ-подъ „катанатокъ» цвѣты, нарочно запасенныя еще съ утра на случай обжинокъ,—другія вынули изъ своихъ котъ длинныя ленты, и перевивъ вѣнки лентами съ цвѣтами, начали примѣривать дружка къ дружкѣ, которой нести вѣнокъ къ хозяину.

Парни спрятались за копнами; ни слуху ни духу, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ихъ на полѣ.

— Та дѣжъ вы це подивалысь до лыха? отозвались дивчины. Якъ нетра було, то стерчалы передъ очьма якъ ти собакы; а теперь якъ треба, то й поховалысь.

— Попроситъ, такъ выйдемо.—не выдержалъ и проговорилъ одинъ изъ парней. Другіе послѣдовали его примѣру,—и вскорѣ на полѣ образовалась цѣлая веселая компанія парубковъ и дѣвушекъ, спорящихъ о томъ, кто долженъ нарядиться въ вѣнки.

Наконецъ подходящія личности были выбраны; вѣнки съ пѣснями возложены на голову—и парубки съ дѣвчатами спѣшно отправились на дорогу, догонять молодицъ, подвязавшихся надъ бородой.

Вскорѣ толпы начали соединяться одна съ другой. Пѣсни становились громче, жарче, и веселый смѣхъ оглашалъ окрестности.

Жнецы отправились къ намъ въ домъ, заранѣе запрошенные отцемъ и матерью „до господы, на вечеру".

VII.

Когда мы воротились отъ „спасовой бороды", лошади наши были уже запряжены. Отецъ докладывалъ послѣднюю копну, а староста считалъ количество поставленныхъ головъ, вынимая для этой цѣли по одному колоску изъ каждой копны, чтобы не ошибиться. Завтра отецъ самъ сочтетъ эти колоски и повѣритъ счеты.

Нѣсколько жнецовъ сторожили лошадей, чтобы тѣ не распряглись. Наконецъ пришелъ и самъ отецъ. Надѣвши подрясникъ, онъ „почевствовалъ" водкой тѣхъ жнецовъ, которые, живя по близости на хуторахъ, не хотѣли идти въ мѣстечко на ужинъ. Мы поблагодарили ихъ и скорою рысью отправились съ поля, чтобы опередить жнецовъ предъ своимъ домомъ.

Луна поднялась уже высоко и освѣщала даль своимъ тихимъ, ровнымъ блескомъ. Мы спѣшили, объѣзжая почти на каждомъ шагу веселыя толпы поющихъ. Вотъ парень съ дѣвкой носутъ вѣнокъ; колосья трясутся надъ ихъ глазами, а они весело идутъ, припѣвая „обжинки"...

Наконецъ, мы дома. Я тотчасъ отправился въ садъ къ старостихѣ, на кухню. Тамъ все было уже готово. Догадливая Горбычка напекла „опиканцивъ" съ макомъ и медомъ, которые у насъ въ Малороссіи составляютъ неизбѣжную принадлежность обжинокъ. Для жнецовъ была приготовлена каша, судачина и „сутыни".

На дворѣ стояла глубокая тишина. Только пѣсни крестьянъ, возвращающихся съ поля, нарушали повременамъ ея спокойствіе. Наконецъ послышались голоса и нашихъ „обжинокъ". Голоса все крѣпли и крѣпли, пѣсня становилась разборчивѣе; вотъ они на сосѣдней улицѣ, еще ближе,—наконецъ на подворьѣ у нашего дома.

Я поспѣшилъ въ комнату. Мать въ свѣтлицѣ накрыла столъ бѣлою скатертью, передъ образами зажжена лампада. Отецъ расчесалъ волосы и надѣлъ рясу. Жнецы пѣли уже подъ порогомъ. Отецъ послалъ брата просить ихъ въ комнату.

Здѣсь во главѣ съ лицами, принесшими вѣнки, веселая компанія еще разъ пропѣла „обжинки".

Отецъ подозвалъ къ себѣ дѣвушку съ ржанымъ вѣнкомъ, перекрестился на образа и снялъ вѣнокъ съ ея головы, приговаривая: „Дай же Господи забачить тебя пидъ винцемъ въ церкви.

Тоже самое сдѣлала мать съ пшеничнымъ вѣнкомъ у паробка,—и оба наградивъ „вѣнценосцевъ" деньгами и поподчивавъ ихъ компанію водкой, пригласили жнецовъ на ужинъ.

Веселый ужинъ шелъ такимъ же чередомъ, какъ и обѣдъ. Только къ концу вмѣсто водки отецъ подчивалъ жнецовъ вишневкою, да взаключеніе мать обдѣляла всѣхъ „опиканцями", омоченными медомъ.

Наконецъ всѣ поднялись, перекрестились, и поблагодаривъ хозяевъ начали собираться домой.

И точно было уже пора. Мѣсяцъ стоялъ почти на половинѣ неба.

Остались только староста, дьячекъ и еще нѣсколько особъ, прислуживавшихъ при ужинѣ. Но и тѣ закусили на скорую руку и собрались домой.

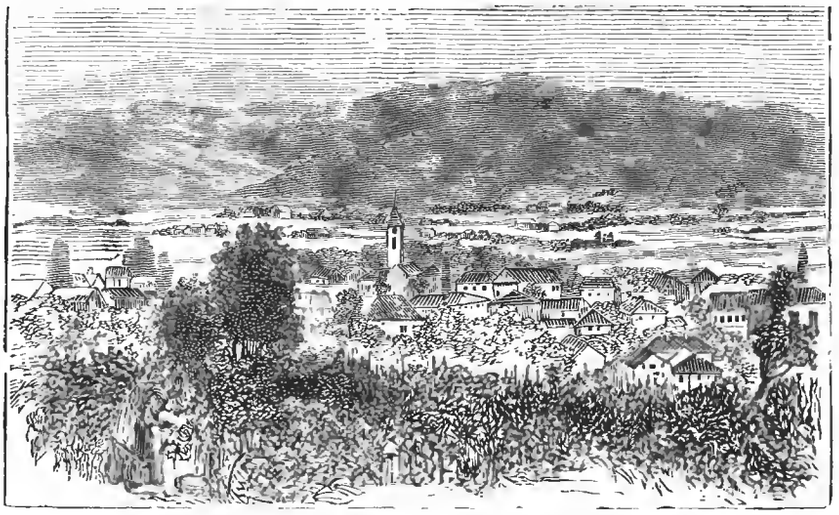
Наконецъ поужинали и мы съ братомъ и съ поспѣшностью усталой юности отправились на почлегъ въ клуню. Такъ кончились наши обжинки.

Полонскій Панычъ.

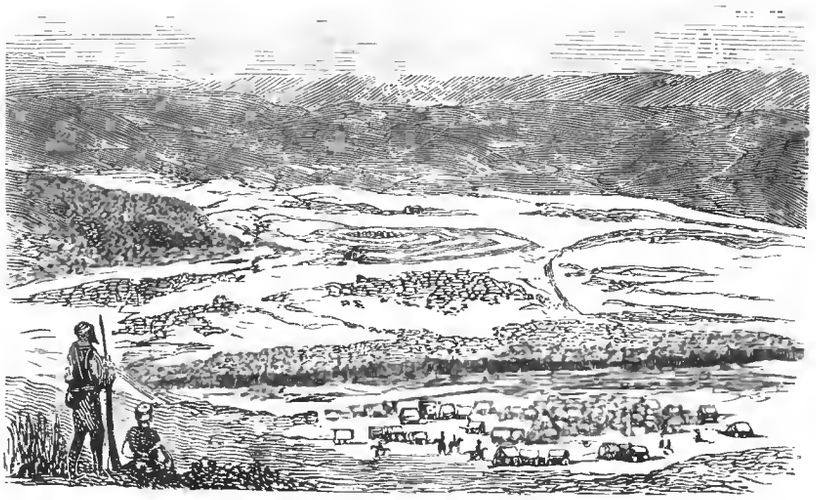
Библиотека "Руниверс"

Алексинацъ.

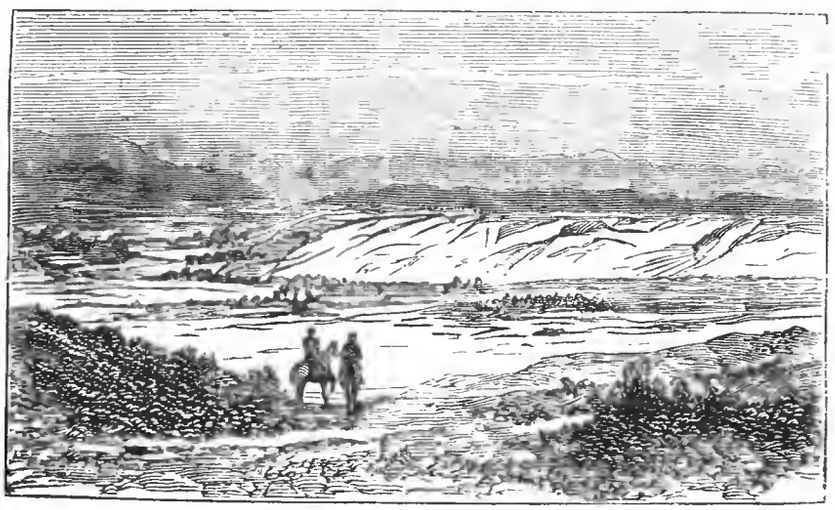
Алексинацъ—одинъ изъ 17 уѣздныхъ городовъ сербскаго княжества лежитъ въ долинѣ на лѣвомъ берегу Моравицы, впадающей неподалеку отъ города въ Бѣлградскую Мораву, съ правой ея стороны, и окруженъ горами. Путешественнику, спускающемуся съ этихъ горъ, Алексинацъ представляется чрезвычайно живописнымъ, разцвѣтающимъ, манящимъ къ себѣ; но какъ только онъ вступитъ въ него —очарованіе исчезаетъ. Тѣ же узкія улицы, однообразныя бѣдныя постройки, тоже отсутствіе оригинальности и красоты, какъ и въ другихъ небольшихъ городахъ сербскаго княжества, и трудно было бы сказать, что это городъ, а не большая деревня, если бы не было тамъ нѣсколькихъ неизбѣжныхъ казенныхъ зданій, встрѣчающихся во всѣхъ уѣздныхъ городахъ.



Видъ города Алексинца.



Лагерь Сербскихъ войскъ при Алексинцѣ.

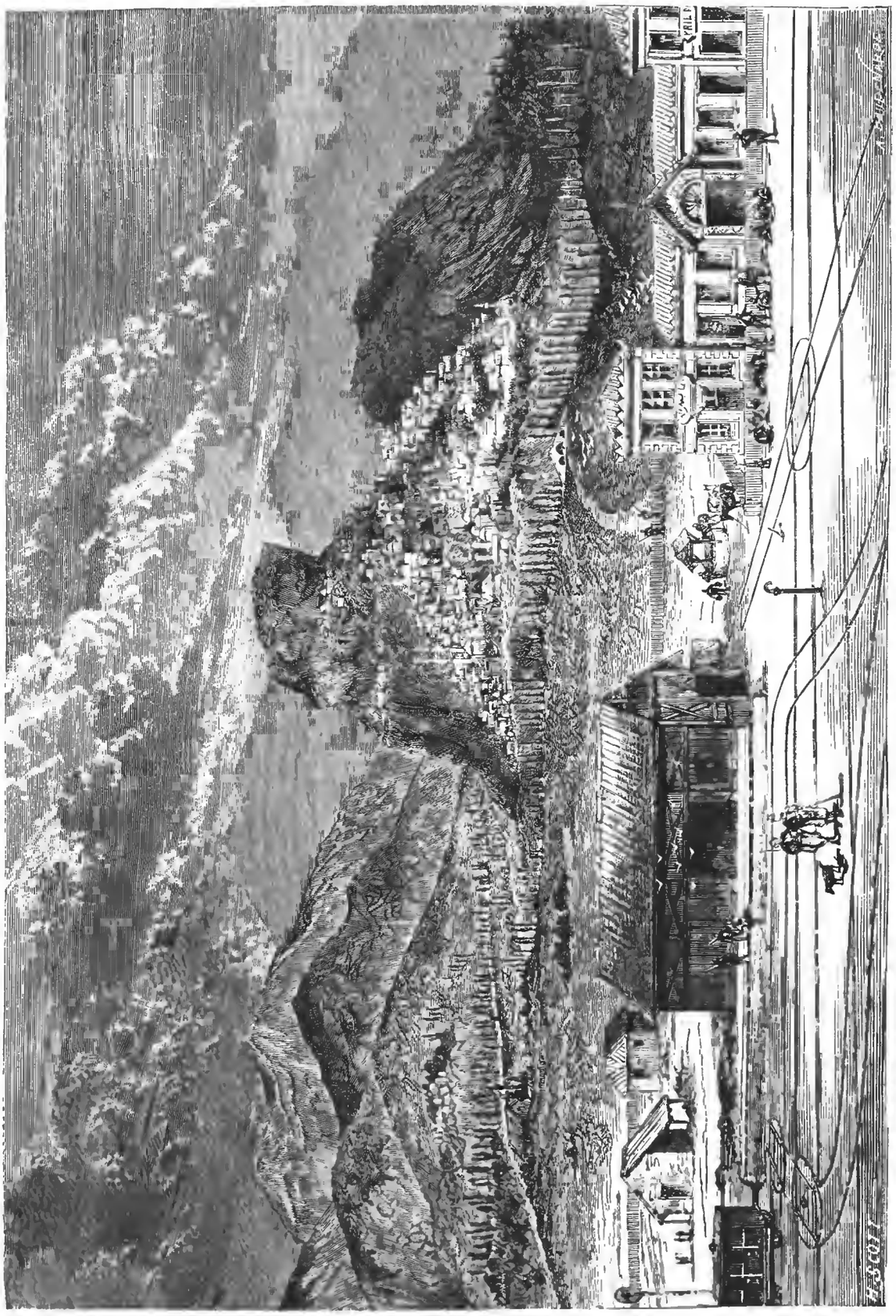


Мѣсто битвы при Мраморѣ (видъ главнаго пункта отъ Тополицы).

Исторія Алексинаца очень мало извѣстна. Судя по тѣмъ развалинамъ и остаткамъ укрѣпленій, сохранившихся около него, можно сказать, что онъ существовалъ еще въ средніе вѣка, въ періодъ независимости и самостоятельности сербскаго царства. Около этого города была расположена «паланка» сходная по своему устройству съ другими сербскими «паланками», которыя устраивались обыкновенно на границахъ и на большихъ дорогахъ, вблизи городовъ и селеній. Сербскія «паланки» представляли квадратъ изъ высокихъ земляныхъ стѣнъ, окруженный рвами и палисадами. Въ центрѣ квадрата обыкновенно находилась каменная или деревянная башня, назначаемая для убѣжища и наблюденія за окрестностями. Нѣкоторыя сербскія паланки устроены изъ толстыхъ деревьевъ, или балокъ, связанныхъ между собою желѣзомъ; впереди паланки находится ровъ, а за нею — валъ. Устройство подобныхъ паланокъ имѣло чисто стратегическое значеніе, хотя и не всегда удовлетворяло цѣли. Такъ въ 1737 г. австрійцы хотѣли воспользоваться алексинацкою паланкой для остановки движенія турецкихъ войскъ къ Бѣлграду; но незначительность ея укрѣпленій не могла остановить натиска турецкихъ войскъ.

Чрезъ Алексинацъ проходитъ большая дорога отъ турецкой крѣпости Ниша къ Бѣлграду и городу Семендріи на Дунаѣ, чрезъ города Парачинъ, Чуприю и Пожаровецъ и была извѣстна еще во времена Греко-Римской имперіи, какъ единственный торговый путь между средней Европой и Балканскимъ полуостровомъ. По этой дорогѣ болѣе тысячи лѣтъ тянулись караваны изъ средней Европы на Балканскій полуостровъ и обратно. По этой же дорогѣ совершали свой путь купцы и другіе путешественники на юговостокъ полуострова и въ другія его части. Но съ открытія пароходства по Дунаю торговое движеніе чрезъ Алексинацъ уменьшилось. И до сихъ поръ сырые продукты Болгаріи и Ѳракіи (кожа, ленъ, шерсть, дерево и т. п.) въ громадномъ числѣ ежегодно вывозятся чрезъ Сербію мимо Алексинаца къ Дунаю въ среднюю Европу, а изъ послѣдней идутъ, тою же дорогой въ Турцію промышленныя и фабричныя издѣлія. Но всѣ эти караваны проходили въ прежнее время чрезъ Алексинацъ, какъ чрезъ проѣздный пунктъ, лежащій на большой дорогѣ; но при образованіи и дальнѣйшемъ развитіи сербскаго княжества Алексинацъ сдѣлался главнымъ остановочнымъ пунктомъ для каравановъ, идущихъ изъ Турціи въ Европу и на оборотъ, чрезъ который и въ настоящее время нѣмецкіе и швейцарскіе купцы ѣздятъ на большія ярмарки Балканскаго полуострова. Они не могутъ избѣжать этого пути, такъ какъ въ Алексинцѣ находится главная и пограничная станція для почтовыхъ сношеній Сербіи съ Турціей. Сверхъ того чрезъ Алексинацъ совершается огромное передвиженіе народныхъ массъ: каждый годъ, весною, мимо этого города цѣлыми тысячами тянутся изъ Турціи въ Сербію, Австрію и дальше болгары, отправляющіеся за границу для работъ на поляхъ, въ садахъ и огородахъ.

Библиотека "Руниверс"



Видъ города Филиппополя. Рис. П. Скотть, рѣзалъ Доннарой.

Библиотека "Руниверс"

При всемъ этомъ Алексинацъ не обращалъ на себя вниманія до послѣднихъ событій и былъ извѣстенъ многимъ только по имени. Но теперь имя небольшаго сербскаго городка извѣстно каждому и произносится въ особенности русскими людьми съ трепетомъ и болѣзненнымъ волненіемъ. Центръ тяжести послѣднихъ событій сосредоточивается теперь въ Алексинацѣ и Деліградѣ, въ стѣнахъ которыхъ заключается судьба цѣлой страны. Подъ стѣнами Алексинаца 10 дней, безостановочно лилась кровь тысячи людей бьющихся за свободу своей родины; подъ стѣнами его пало не мало русскихъ, пожертвовавшихъ своею жизнію за святое дѣло освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига.

Въ стратегическомъ отношеніи Алексинацъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, какъ главный оборонительный пунктъ противъ вторженія своего вѣковаго и непримиримаго врага—Турціи, и рано обратилъ на себя вниманіе какъ сербовъ, такъ и турецкаго правительства. Остатки укрѣпленій, о которыхъ мы замѣтили выше, свидѣтельствуютъ, что онъ былъ для сербовъ мѣстомъ обороны отъ турецкаго нашествія. Сербы очень хорошо знали и понимали столь важное значеніе этого города и безъ сомнѣнія возвели бы еще предъ началомъ настоящей войны необходимыя укрѣпленія, если бы не помѣшала тому политическая зависимость сербовъ отъ Турціи, которая зорко слѣдила за ними и разумѣется попрепятствовала бы основанію въ Алексинцѣ какой бы то ни было крѣпости. Послѣ неудачныхъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Сербіи, сербскіе военачальники, опасаясь вторженія турокъ чрезъ ущелье въ Моравскую долину, обратили серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Результатомъ этихъ заботъ было то, что въ самое короткое время укрѣпили свой лагерь при Алексинцѣ и Деліградѣ, составляющія ключъ вторженія въ страну. Цѣлыхъ два мѣсяца, день и ночь работали сербы въ количествѣ 3000 человѣкъ. Работами въ Алексинацкомъ лагерѣ завѣдывалъ инженеръ Магдалевичъ, а въ Деліградскомъ—Оралевичъ. Благодаря этимъ усиліямъ имъ дѣйствительно удалось укрѣпить свои позиціи до такой степени, что всѣ старанія турокъ, несмотря на ихъ численное преносходство, были напрасны и разбивались объ эти искусственныя укрѣпленія сербовъ. Десять дней продолжалась эта ужасная битва съ перемѣннымъ счастіемъ для обѣихъ сторонъ. Грохотъ пушекъ, падающія и разбивающіяся гранаты, непрестающій ружейный огонь, стоны умирающихъ и раненыхъ—вся эта адская продолжительная музыка производила на жителей города ужасное впечатлѣніе, а падающія въ городъ гранаты иногда наводили паническій страхъ; въ сербскомъ лагерѣ господствовало крайнее напряженіе: почти никто не спалъ больше 3—4 часовъ въ сутки; казалось, что воины скованы изъ желѣза.

Были критическіе моменты для Сербовъ. Такъ 15-го августа туркамъ, благодаря численному превосходству, удалось проникнуть такъ близко къ Алексинцу, что Али-Санбъ-Паша занялъ Житковацкія высоты на лѣвомъ берегу Моравы, въ 3-хъ верстахъ отъ Алексинца, имѣя подъ своимъ начальствомъ 35.000 войска. Эта армія дѣйствовала противъ праваго фланга сербской арміи, между тѣмъ Эюбъ-паша съ 25,000 оперировалъ противъ лѣваго крыла и занялъ Шуматовицкія высоты, на правомъ берегу Моравы. Черняевъ открылъ огонь, а въ 8 часовъ вечера повелъ армію въ штыки и отбросилъ войска Сейба на Катунъ (8 верстъ отъ Алексинца).

Такимъ образомъ турецкія усилія овладѣть Алексинцемъ неосуществились. Убѣдившись, что съ этой стороны не возможно ждать успѣха, Турки отступили, перешли на лѣвый берегъ Моравы и сожгли мосты. Въ сербскомъ лагерѣ сначала ошиблись въ дальнѣйшемъ стратегическомъ планѣ Керим-паши. Послѣдній хотѣлъ обойти Алексинацъ и Деліградъ и направиться черезъ Крушевацъ къ Крагуевацу, и затѣмъ, овладѣвши этимъ зерномъ Сербіи, въ которомъ сосредочены всѣ военныя запасы, идти на Бѣлградъ. Съ этою цѣлію онъ перешелъ Ястребицъ западнѣе Ниша направился черезъ Крушевацъ къ Деліграду, и неожиданно напалъ на сербскія позиціи у Алексинца. Черняевъ отступилъ въ Деліградъ, куда перенесъ свой лагерь и пушки, оставивъ въ Алексинцѣ 10-тысячный корпусъ.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, турки снова терпятъ неудачу и сербская армія готовится къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Мѣсто битвы при Мраморѣ.

При началѣ военныхъ дѣйствій со стороны Сербіи, генералъ Черняевъ, какъ извѣстно, имѣлъ намѣреніе взять одну изъ лучшихъ турецкихъ крѣпостей—Нишъ, лежащую недалеко отъ границы Сербіи и по этому, движеніе было направлено къ Мрамору. Это—незначительная деревня на лѣвомъ берегу Моравы, въ полутора миляхъ отъ Ниша, по дорогѣ ведущей оттуда въ Прокопольѣ; она сильно укрѣплена и считалась самымъ лучшимъ изъ фортовъ, сооруженныхъ вокругъ Ниша въ прошломъ году англійскими инженерами. Въ бытность свою нѣсколько лѣтъ тому назадъ губернаторомъ Болгаріи, Митхадъ-паша построилъ здѣсь мостъ на каменныхъ быкахъ; для его прикрытія былъ сооруженъ двойной тетъ-де-понъ въ видѣ двухъ маленькихъ фортовъ, расположенныхъ по обѣ стороны Моравы. Вотъ сюда-то именно и направилъ Черняевъ свои войска. Они выступили изъ Дидулейцы и Сецынцы и напали на тетъ-де-понъ съ лѣваго берега Моравы. Моравская армія начала штурмовать Мраморъ 4-го августа и послѣ отчаянной битвы Мраморъ былъ занятъ Сербами, которые завладѣли турецкимъ лагеремъ и при этомъ 6-ю круповскими пушками; Сербы обнаружили при этомъ мужество и геройскую стойкость. Успѣшное сраженіе подъ Нишемъ возбудило большую радость въ Бѣлградѣ. Восторгамъ не было конца; крики «живіо», «да здравствуетъ армія», оглашали воздухъ.

Къ сожалѣнію, дальнѣйшія желанія Черняева не осуществились. Взятіе Мрамора могло имѣть серьезное значеніе только въ одномъ случаѣ, если бы одновременно аттака съ Мрамора на Нишъ совпадала съ энергическимъ наступленіемъ сербовъ со стороны Алексинца. Съ другой стороны вторженіе турецкихъ войскъ въ предѣлы Сербіи не позволяли ему продолжать своихъ дальнѣйшихъ операцій, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Алексинацъ и принять оборонительный образъ дѣйствій.

Филиппополь.

Филиппополь, лежащій близъ константинопольско - адріанопольской желѣзной дороги, есть главный городъ Софійскаго округа, въ которомъ черкесы совершали въ послѣднее время свои неслыханныя жестокости. Древній, построенный вблизи одной скалы, городъ, представляетъ значительное торговое мѣстечко: въ немъ насчитываютъ около 6000 жителей, и онъ служитъ мѣстопребываніемъ одного турецкаго каймакама и одного греческаго архіепископа. Три пятыхъ, христіанскаго населенія состоятъ изъ болгаръ, грековъ и армянъ; въ городѣ находится 8 православныхъ церквей, одна католическая часовня и много мечетей. Филиппополь имѣетъ видъ оживленнаго турецкаго торговаго города, со многими базарами, на которыхъ, рядомъ съ мѣстными произведеніями, шелковыми, хлопчатобумажными и кожевенными товарами, можно встрѣтить турецкія и англійскія издѣлія. Въ красивой и плодородной равнинѣ, окружающей городъ, воздѣлывается знаменитый турецкій ромъ, а также пшеница, и производится благодаря близости рѣчки, Марицы, значительная торговля. Вокругъ, Филиппополя лежало прежде много богатыхъ селъ и прекрасныхъ дачъ, которыя теперь всѣ превращены въ груды, дымящихся и упитанныхъ кровью развалинъ.

Враги христіанства.

(Уличные типы въ Турціи).

Объяснять содержаніе картинки нечего: лица сами за себя говорятъ. Вотъ онъ, истинный сынъ ислама, старый ага, съ своими воздыханіями къ аллаху о помощи въ дѣлѣ истребленія христіанъ. Вотъ онъ, поднявшій руки къ небу, полный чувства благодарности къ своему пророку за то удовольствіе, какое получаетъ его магометанская душа при видѣ отрѣзанной человѣческой головы. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его» произноситъ онъ. Этотъ длиннобородый старикъ есть вѣрный послѣдователь ученія корана, и чѣмъ онъ безукоризненнѣе исполняетъ предписанія своей вѣры, тѣмъ онъ ужаснѣе для христіанина, ибо главная заслуга предъ пророкомъ — избіеніе христіанъ. Остальные фигуры не менѣе отвратительны: торжество чернолицаго звѣря, и злорадное выраженіе физіономіи евнуха, и отталкивающая фигура черкеса — все это производитъ на сердце зрителя тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе. А эта несчастная голова, принявшей страдальческую кончину, невольно переноситъ насъ въ первые вѣка христіанства... Ужели въ самомъ дѣлѣ мы живетъ въ XIX вѣкѣ! Или это сонъ, или вѣрнѣе, вся эта шумиха словъ про блага цивилизаціи разлетается въ прахъ предъ картинами современной дѣйствительности.

Но мы безъ вниманія оставили еще одно лицо на картинкѣ.

Библиотека "Руниверс"

Можетъ быть это лицо, наравнѣ со старикомъ воздѣвшимъ руки къ Аллаху, готово повторить: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его»... Но не будемъ говорить объ этомъ лицѣ. Замѣтимъ только что онъ есть не болѣе, какъ жертва политическихъ заблужденій.

Россія можетъ по справедливости гордиться тѣмъ, что ея безкорыстная политика въ восточномъ вопросѣ настоящаго времени пробила, наконецъ, броню недовѣрія самого англійскаго народа и нашла такой сочувственный отголосокъ въ средѣ націи, для возбужденія которой противъ Россіи не жалѣли никакихъ средствъ. Этотъ сочувственный отголосокъ оказался до такой степени силенъ, что даже бывшій первый министръ Англіи, Гладстонъ, и главнѣйшія органы англійской печати прямо говорятъ, что Англія должна отказаться отъ заблужденія, въ которое она попала, благодаря ошибочной политикѣ Дизраэли.

Саксонскій садъ въ Варшавѣ и его исторія.

Съ тѣхъ поръ какъ научныя изслѣдованія доказали что сады и парки, кромѣ украшенія, служатъ еще по выраженію одного гигіениста, и магазинами чистаго воздуха оказывая при томъ самое благотворное вліяніе на климатическія условія городовъ—всѣ западные магистраты и даже многія наши думы стали съ особеннымъ усердіемъ заботиться о сохраненіи существующей растительности и устройствѣ новыхъ бульваровъ и скверовъ на всѣхъ свободныхъ городскихъ мѣстахъ.

Но врядъ ли тщательность ухода за городской растительностью, врядъ ли привязанность горожанъ къ своимъ садамъ и садикамъ развито гдѣ либо больше чѣмъ въ Варшавѣ, которая дѣйствительно можетъ гордится роскошными деревьями своихъ парковъ и въ особенности великолѣпными липами Саксонскаго сада.

Липы эти садилъ польскій король и вмѣстѣ съ тѣмъ саксонскій курфирстъ Августъ Сильный—основатель саксонскаго сада (1721—1724) и дворца.

На мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время Варшавяне наслаждаются тѣнистой прохладой старинныхъ аллей стоялъ нѣкогда монастырь Бонифратровъ, и нѣсколько десятковъ домовъ и домиковъ въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ и закоулкахъ. Августъ Сильный купилъ всѣ эти зданія отстроилъ монастырь на другомъ мѣстѣ и сломавъ всѣ постройки, очистилъ площадь, гдѣ и былъ устроенъ нынѣшній саксонскій садъ.

Со стороны Жобіей улицы въ садъ вели большія желѣзныя ворота съ толстыми каменными столбами, на вершинѣ которыхъ красовались двѣ исполинскія каменныя же короны: одна королевская—польская, другая курфирстовская—саксонская. Согласно вкусу эпохи, вездѣ были разсажены стриженные деревья въ видѣ шпалеръ и вереница цвѣтниковъ, а на каждомъ перекресткѣ разставлены были миѳологическія или аллегорическія изваянія, часть ихъ сохранилась до сихъ поръ. Со стороны Краковскаго предмѣстья воздвигнутъ былъ королемъ Саксонскій дворецъ. Устроивъ его по своему вкусу съ необыкновенной роскошью, онъ очень часто въ немъ живалъ во время пріѣздовъ своихъ изъ Дрездена.

Въ этомъ дворцѣ и саду, среди разгульной жизни короля, не мало разыгрывалось драмъ и комедій. Здѣсь жила его фаворитка, извѣстная своей красотой, турчанка Фатима, взятая въ плѣнъ поляками подъ Вѣной при Яцѣ III Собесскомъ. Король выдалъ ее впослѣдствіи замужъ за полковника саксонской арміи Шпигеля, а сыну ея далъ титулъ графа Рутовскаго.

Влюбившись въ княгиню Любомірскую, король старался устраивать для нея самыя разнообразныя увеселенія; съ этой цѣлью въ саксонскомъ саду былъ устроенъ великолѣпный театръ, выписаны изъ Франціи актеры, и придворный оркестръ изъ Дрездена. Балы, карусели и катанье по Вислѣ и ея берегамъ безпрерывно устраивались одинъ за другимъ. Но княгиня хотя и охотно принимала участіе во всѣхъ этихъ праздникахъ и увеселеніяхъ, дѣлаемыхъ въ ея честь, но не платила королю взаимностью за его пылкую страсть. Привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, король чувствовалъ въ глубинѣ души бѣшенство и терялъ съ каждымъ днемъ терпѣніе: княгиня оставалась непреклонной.

Случай открылъ ему ея любовь, таившуюся подъ наружнымъ равнодушіемъ.

Въ карусельныхъ состязаніяхъ и въ турнирахъ король былъ всегда первымъ и очень любилъ это развлеченіе, для котораго въ саксонскомъ же саду была устроена особая площадка.

Изъ Турціи къ этому времени были приведены дикія необъѣзженныя лошади и въ день, назначенный для каруссель, король приказалъ осѣдлать одну изъ нихъ для себя, на другой же выѣхалъ приближенный къ особѣ короля придворный по фамиліи—Фихтомъ. Во время бѣга лошадь короля понеслась вскачь и, неожиданно кинувшись въ бокъ, сбросила съ сѣдла своего сѣдока. Увидѣвъ это, княгиня упала въ обморокъ; король, обливаясь кровью, спѣшитъ къ ней на помощь. Приведенная въ чувство, княгиня вскрикиваетъ, открывъ глаза.

— Ахъ, Ваше Величество, вы живы, и я вижу васъ!

Слова эти выдали ея тайныя чувства и съ тѣхъ поръ княгиня сдѣлалась преданной подругой красиваго короля. Она поселилась въ саксонскомъ дворцѣ а потомъ переѣхала въ Дрезденъ, гдѣ и жила подъ фамиліей княгини Тошенъ. Не долго однако она пользовалась любовью непостояннаго короля. Король забылъ ее и увлекся молодой супругой графа Гойма, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ прелестной графини Розель. Красота ея произвела такое сильное впечатлѣніе на легкомысленнаго Августа, что онъ сдѣлался послушнымъ и вѣрнымъ рабомъ красавицы-графини и по выраженію современной рукописи: «Вся Саксонія и Польша были подъ ея башмакомъ въ теченіи девяти лѣтъ».

Король долго напрасно добивался ея милости. и гордая красавица тогда только согласилась отвѣчать взаимностью на его любовь, когда король обѣщался жениться на ней послѣ смерти королевы и обязался уплачивать ей ежегодно по сту тысячъ талеровъ и признавать дѣтей, прижитыхъ съ ней, своими законными дѣтьми.

При содѣйствіи короля бракъ графини съ мужемъ былъ расторгнутъ и за симъ, пріѣхавъ вмѣстѣ съ королемъ въ Варшаву, графиня по примѣру прежнихъ любимицъ короля, поселилась въ Саксонскомъ дворцѣ. Но не много прошло времени, какъ она должна была уступить свое мѣсто счастливой соперницѣ, Генріэтѣ Дюваль, дочери французскаго виногорговца, которую король, впрочемъ тоже потомъ и въ очень скоромъ времени замѣнилъ новой фавориткой.

Прошло много лѣтъ со времени основанія саксонскаго дворца, и сынъ короля отъ первой его обитательницы турчанки Фатимы,—графъ Рутовскій, успѣлъ уже вырости и возмужать, и король назначилъ его командиромъ кавалерійскаго полка. Графъ случайно какъ то узналъ, что дочь француженки Генріэты находится въ крайне бѣдственномъ положеніи, сжалился надъ единокровной сестрой своей и взялъ ее къ себѣ на воспитаніе.

Однажды послѣ смотра полка гр. Рутовскаго, король весьма довольный выдержкой солдатъ, весело разговаривалъ съ полковникомъ, гуляя по саксонскому саду. Полковникъ среди разговора сказалъ королю, что у него есть молоденькая дѣвочка, которая владѣетъ пикой и саблей столь же искусно, какъ самые старые его солдаты. Король выразилъ желаніе видѣть эту амазонку, и молодая сестра графа, одѣтая въ блестящій мужской мундиръ, предстала предъ королемъ.

Красивая дѣвушка была поразительно похожа на свою мать, и король призналъ ее за свою дочь. Восхищенный ея ловкостью и умѣніемъ владѣть оружіемъ, онъ обсыпалъ ее богатствами и построилъ для нея у саксонскаго сада Голубой дворецъ, а чрезъ нѣсколько времени затѣмъ выдалъ замужъ за Карла-Людвига Герцога Гольштинскаго. До замужества молодая дѣвушка, по имени Анна, носила титулъ графини Ожельской.

Въ главномъ архивѣ Царства Польскаго сохранились дарственная запись объ этомъ *Голубомъ* дворцѣ; въ ней между прочимъ говорится: «Мы Августъ II Божіей милостью король Польскій и пр, и пр. руководимые особенной отеческой любовью къ любезной дочери нашей, графинѣ Аннѣ Ожельской и желая оказать помощь ея удобствамъ и пользѣ, постановили: Голубой дворецъ со всѣми принадлежностями дать, подарить и на вѣчное время ей въ полную собственность предназначить».

Выйдя замужъ, графиня Ожельская продала этотъ дворецъ своему царственному отцу, провладѣвъ имъ всего четыре года. Купчая крѣпость хранится въ томъ же архивѣ.

Сынъ и пріемникъ Августа Сильнаго, Августъ III, очень любилъ Саксонскій Садъ. Въ немъ онъ гулялъ ежедневно и забавлялся стрѣльбой въ собранныхъ со всей Варшавы собакъ, которыхъ подгоняли къ спеціально для этой цѣли построенной въ саду бесѣдкѣ.

Садъ оставался собственностью Саксонской династіи до 1514 года. Послѣ занятія прусскими войсками города Варшавы, садъ, посредствомъ мѣны, былъ пріобрѣтенъ въ собственность прусскаго государства.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, любимымъ мѣстомъ beau-mond'a былъ садъ гр. Красинскихъ; Саксонскій въ это время былъ забытъ и мало посѣщался. Но за симъ, когда городъ сталъ обстраиваться и населеніе его увеличилось, садъ гр. Красинскихъ вновь началъ уступать первенство Саксонскому, который варшавяне стали все больше и больше посѣщать и теперь любятъ его и заботятся о его сохраненіи до того ревностно, что сломать тамъ вѣтку или сорвать цвѣтокъ считается чуть не святотатствомъ.

Существуетъ даже особая садовая коммисія изъ нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ магистрата, цѣль которой заботиться объ охраненіи и развитіи всѣхъ варшавскихъ садовъ вообще и саксонскаго въ особенности.

Садъ дѣйствительно заслуживаетъ того, чтобы его оберегала спеціальная коммисія. Тѣнистыя аллеи, старыя деревья, роскош-

Библиотека "Руниверс"

ныя лужайки, ароматъ цвѣтовъ и чудное пѣніе соловьевъ манитъ въ этотъ садъ даже жителей отдаленныхъ предмѣстій и щедро награждаютъ ихъ за пройденный путь чистотой воздуха и богатствомъ растительности.

Въ минувшемъ августѣ Его Величество Государь Императоръ изволилъ посѣтить Варшаву въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны, Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей и Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. По случаю пріѣзда высокихъ гостей весь городъ былъ торжественно иллюминованъ, и улицы его, по пути проѣздовъ Высочайшихъ Особъ, были наполнены народомъ.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ «Нивы» рисунокъ изображаетъ Саксонскій садъ во время иллюминаціи.

Баг—ій.

Тріумфъ Галатеи.

(Картина Доминикино).

Древніе греки преимущественно прославляли физическую красоту и силу. Она служила для нихъ предметомъ восторговъ славы и стремленій къ обладанію ею. Эта красота и сила, составлявшая въ то время народный идеалъ, несомнѣнно должна была служить идеаломъ художественныхъ произведеній. Такимъ образомъ изображеніе стройнаго, соразмѣрнаго во всѣхъ своихъ частяхъ нагого человѣческаго тѣла, какъ прямого выразителя физической красоты, болѣе всего служило предметомъ задачи для художниковъ древности. Такой взглядъ на задачи искусства находимъ потомъ и у Итальянцевъ, особенно въ эпоху Возрожденія.

Изображенная здѣсь картина принадлежитъ кисти итальянскаго художника Доминикино. Доминикино, или правильнѣе, Доменикино Зампіери, былъ сынъ одного очень бѣднаго болонскаго башмачника. Онъ родился въ 1581 г. Отданный отцомъ своимъ въ живописную школу нѣмцу Кальверту и несочувствующій тому направленію искусства, котораго держался его учитель, Доминикино всячески искалъ случая отдѣлаться отъ своего учителя и перешелъ затѣмъ въ школу тогдашнихъ реформаторовъ живописи Людовика Карачи съ братьями. Здѣсь онъ терпѣлъ много отъ своихъ товарищей, завидовавшихъ его успѣхамъ, и благодаря своей чрезмѣрной скромности лишался часто полученія заказовъ на работы. Въ то время, когда соученикъ его, Гвидо-Рени, блисталъ уже всѣмъ блескомъ своей славы въ Римѣ, обремененный заказами и почестями, скромный Доминикино оставался въ тѣни.

Женившись 39 лѣтъ на 17 лѣтней красавицѣ, Доминикино испилъ полную чашу горести, оскорбленій и полнаго разочарованія въ жизни. По роду своего характера онъ не могъ врагамъ своимъ не только мстить, но даже возражать, и по этой же причинѣ онъ мало довѣрялъ своему таланту, вѣчно просилъ у всѣхъ совѣта; къ несчастію его добродушіе встрѣчало только насмѣшку и злобу. Онъ отдавалъ за безцѣнокъ свои капитальныя произведенія, будучи убѣжденъ, что они никуда не годятся; такъ, напримѣръ, безсмертное «Причащеніе св. Іеронима» онъ продалъ за 50 ефимковъ (85 р.). Умеръ Доминикино скоропостижно 14-го января 1641 года. Смерть эта, недостаточно объясненная и теперь, даетъ поводъ предполагать, что онъ былъ отравленъ врагами, которыхъ онъ всю жизнь опасался и даже изъ опасенія отравы самъ себѣ готовилъ обѣдъ.

Общее число произведеній Доминикино нельзя съ точностью опредѣлить; извѣстно только, что ихъ число значительно болѣе сотни и разсѣяны они по всѣмъ европейскимъ музеямъ. У насъ въ Петербургскомъ Эрмитажѣ картинъ Доминикино 15, кромѣ того есть они въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Академіи Художествъ, въ коллекціи герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, во дворцѣ Великой Княгини Маріи Николаевны и въ галлереѣ Шувалова.

Начиная съ XVIII вѣка, когда слава Доминикино была провозглашена Пуссеномъ и признана цѣлымъ свѣтомъ, огромное количество граверовъ было занято воспроизведеніемъ рѣзцомъ и иголкой его произведеній. Рисунки Доминикино находятся также во многихъ галлереяхъ. Замѣчательныя произведенія этого рода сохраняются въ Миланѣ, Флоренціи и Парижѣ; въ послѣднемъ находятся двѣ капитальныя его картины, рисованныя краснымъ карандашемъ, а именно: «Епископъ, благословляющій народъ» и «Святая, возносящаяся на небо».

Настоящій рисунокъ изображаетъ «Тріумфъ Галатеи». Галатея была одна изъ нереидъ, любимая Полифемомъ и Асиромъ, она предпочла молодого и прекраснаго пастуха безобразному Циклопу. Оскорбленный этимъ преимуществомъ, Полифемъ сбросилъ на Асира скалу и раздавилъ его. Галатея въ горести кинулась въ море и тамъ соединилась съ своими сестрами, Нереидами (Иліада, 18. Энеида 9). Доминикино намъ рисуетъ Галатею на раковинахъ, везомую по морю дельфинами; одной рукой Галатея придерживаетъ драпировку, въ видѣ вѣнца раскинутую надъ нею. Крылатые шалуны амуры окружаютъ ее, одни изъ нихъ запутываются въ драпировкѣ, другіе сидятъ на дельфинахъ; одинъ колетъ дельфина стрѣлою, другой пріютился на колѣняхъ Галатеи. Тритонъ сопутствуетъ Галатеѣ и трубитъ побѣду. Круглые личики амуровъ такъ привлекательны и милы, а молодое тѣло Галатеи такъ красиво въ своихъ очертаніяхъ. Картина эта составляетъ собственность г. Агуадо и находится въ Парижѣ.

Пигмеи древнихъ.

найденные во внутренней Африкѣ.

(По поводу открытій д-ра Швейнфурта въ экваторіальной Африкѣ *).

Въ географическихъ сочиненіяхъ древнихъ находимъ одну черту, общую всѣмъ имъ: тамъ, гдѣ кончаются точныя свѣдѣнія, полученныя изслѣдованіями, о которыхъ память еще не успѣла изгладиться, начинается область баснословныхъ извѣстій, которыя съ перваго взгляда не представляютъ ничего такого, что̀ могло-бы доставить матеріалъ серіозному изысканію. Мы узнаемъ, что на окраинахъ обитаемой земли начинается область чудеснаго: здѣсь живутъ пигмеи, люди безъ рта, съ ушами, доходящими до колѣнъ, съ собачьими головами и другими уродствами. Такія извѣстія уже въ древности мало возбуждали довѣрія. Въ тѣ времена достовѣрность ихъ провѣрить было трудно, а еще труднѣе отдѣлить въ нихъ истину отъ баснословнаго, и потому многіе безусловно отвергали все, что̀ имѣло хотя малѣйшій признакъ необыкновеннаго и незнакомаго. Такимъ образомъ, отвергнуто было много такого, что̀ въ сущности имѣло основаніемъ истину и уже позднѣе облеклось въ личину басни, когда точное извѣстіе все болѣе и болѣе забывалось и переходило въ область смутныхъ преданій. Лишь немногіе ученые древности рѣшались поддерживать достовѣрность нѣкоторыхъ повидимому баснословныхъ извѣстій; большинство же писателей приводило ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ куріозы и какъ-бы въ оправданіе себя, когда они не могли сказать ничего точнаго о какой-либо странѣ. Этими преданіями нерѣдко пользовались поэты и украшали ихъ новыми фантастическими подробностями. Благодаря этому, баснословная географія со всѣми ея чудесными образами дошла до насъ въ томъ-же видѣ, какъ существовала въ древности.

Схоластическое направленіе средневѣковой учености, не затруднявшейся ничѣмъ, что̀ встрѣчалось у древнихъ писателей, не замедлило принять на вѣру все необыкновенное, что̀ передала ей древность. Элементъ чудеснаго легъ въ основаніе средневѣковой географіи и развился въ ней еще болѣе подъ вліяніемъ востока. Эпоха великихъ открытій, нанесшая рѣшительный ударъ старому схоластическому направленію и уничтожившая авторитетъ древнихъ географовъ, не могла однако искоренить кое-какихъ преданій о чудесномъ, которыя продолжали жить, а пробѣлы въ землевѣдѣніи все еще пополнялись изъ древнихъ источниковъ.

Серіозная разработка географическаго матеріала, наслѣдованнаго нами отъ древняго міра, началась только съ прошлаго столѣтія, когда землевѣдѣніе сдѣлало уже

*) The Heart of Africa, three years travels and adventures in the unexplored regions of central Africa by Dr G. Schweinfurth. 2. vol. London. 1874. — Это же сочиненіе вышло на нѣмецкомъ языкѣ и готовится къ печати на французскомъ.

Библиотека "Руниверс"

Враги христіанства (уличныя сцены въ Турціи). Рис. Н. Каразинъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

значительные успѣхи. Но и тогда, не смотря на проницательность и ученость такихъ личностей, какъ д'Анвиль, Госселенъ, Маннертъ и др., они не въ состояніи были объяснить нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ въ географіи древнихъ. Только теперь, когда пробѣлы въ нашихъ географическихъ познаніяхъ быстро пополняются, благодаря новымъ изслѣдованіямъ, мы получили право толковать то, что̀ прежде оставалось непонятнымъ. Мы можемъ проникнуть и въ баснословную часть древняго землевѣдѣнія, ища въ ней слѣдовъ истины, въ чемъ поможетъ намъ современная наука.

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій, встрѣчаемыхъ въ географіи древнихъ, есть преданіе о существованіи расы карликовъ или пигмеевъ. Преданіе это весьма древнее и встрѣчается уже у Гомера въ III-ей пѣснѣ Иліады (ст. 8), гдѣ говорится:

Крикъ таковъ журавлей раздается подъ небомъ высокимъ,
Если, избѣгнувъ и зимнихъ бурь и дождей безконечныхъ,
Съ крикомъ, стадами летятъ чрезъ быстрый потокъ Океана,
Бранью грозя и убійствомъ мужамъ малорослымъ пигмеямъ,
Съ яростью страшной на коняхъ съ воздушныхъ высотъ нападаютъ.

По этому отрывку нельзя еще заключить, гдѣ именно во времена Гомера полагали мѣсто обитанія пигмеевъ *). Преданіе о нихъ столь же распространено было какъ въ Азіи, такъ и въ Африкѣ. У Геродота имени пигмеевъ мы не встрѣчаемъ, но за то находимъ въ его исторіи весьма интересное и важное указаніе на маленькій народъ, обитающій близъ верховьевъ Нила, который долженъ быть тождественъ съ пигмеями **). Мы займемся ниже подробнымъ разборомъ этого указанія Геродота, теперь же прослѣдимъ все то, что̀ говорится о пигмеяхъ у другихъ древнихъ писателей. Аристотель, одинъ изъ научныхъ авторитетовъ древности, утверждаетъ, что существованіе пигмеевъ не есть басня, и это свидѣтельство для насъ весьма важно. Плиній, разсказывая, что на окраинахъ Эѳіопіи обитаютъ люди, неимѣющіе рта, другіе — съ собачьими головами и т. д. и объясняя эти уродства вліяніемъ сильнаго жара въ тѣхъ странахъ, прибавляетъ: „нѣкоторые разсказываютъ также о народѣ пигмеевъ, обитающихъ между болотами, изъ которыхъ беретъ начало Нилъ" ***). Отдѣльно отъ этого африканскаго племени пигмеевъ у древнихъ упоминается другое, схожее съ ними племя въ Индіи, описанное Ктезіемъ и упомянутое Мегасѳеномъ и Даймахомъ, посланниками Селевка Никатора при дворѣ индійскаго царя Сандрокотта. Впрочемъ, къ разсказамъ этихъ послѣднихъ относились съ недовѣріемъ. Страбонъ, считая существованіе пигмеевъ миѳомъ и отвергая, какъ басни, разсказы Мегасѳена и Даймаха,—въ то-же время говоритъ о существованіи малорослаго племени въ Эѳіопіи, которое, по его мнѣнію, могло дать поводъ баснѣ о пигмеяхъ. Наконецъ, одинъ только Мела, повидимому безъ всякаго основанія, помѣстилъ пигмеевъ внутри Аравіи, приводя о нихъ только легенду, упомянутую въ Иліадѣ и ничего болѣе ****). Вотъ, въ краткихъ чертахъ все, что̀ мы узнаемъ о пигмеяхъ изъ сочиненій древнихъ писателей. Отсюда можемъ вывести слѣдующее: 1) Древніе знали два совершенно различныхъ племени пигмеевъ, изъ которыхъ одно обитало въ Индіи и описано подробно у Ктезія, а другое населяло часть внутренней Эѳіопіи у верховьевъ Нила, и упомянуто у Геродота, Плинія, Страбона и др 2) Кромѣ легенды о борьбѣ пигмеевъ съ журавлями, которая встрѣчается у поэтовъ, все остальное, что̀ находимъ у древнихъ писателей объ этомъ племени, не представляетъ ничего неправдоподобнаго и скорѣе можетъ свидѣтельствовать о дѣйствительномъ ихъ существованіи.

Изъ словъ Ктезія и Геродота мы можемъ составить слѣдующее описаніе типовъ азіатскихъ и африканскихъ пигмеевъ.

Азіатскіе пигмеи, жившіе среди Индіи, были чернаго цвѣта, говорили на томъ-же языкѣ, какъ и индійцы и отличались весьма малымъ ростомъ: самые высокіе между ними не превышали двухъ локтей, обыкновенный же ростъ ихъ былъ $1^1/_2$ локтя. Волосы у нихъ были весьма длинны и спускались ниже колѣнъ; они имѣли весьма большую бороду. Когда она отростала, то они переставали пользоваться одеждою, такъ-какъ борода и волосы замѣняли имъ ее. Они были плосконосы и некрасивы. Вотъ ихъ существенные признаки по описанію Ктезія *). Malte-Brun, Boehr и другіе ученые допускаютъ, что подобная раса существовала, а можетъ быть существуетъ и донынѣ въ Индіи.

Въ Китаѣ мнѣніе о существованіи племени карликовъ весьма распространено.

Но перейдемъ къ африканскимъ пигмеямъ, которые составляютъ главный предметъ нашей статьи. Геродотъ описываетъ этихъ послѣднихъ маленькими людьми ниже средняго роста **) и чернаго цвѣта. Новѣйшія изслѣдованія во внутренней Африкѣ и въ особенности недавнее путешествіе д-ра Швейнфурта бросили новый свѣтъ на этнографію этого материка и тѣмъ самымъ повели къ болѣе совершенному пониманію нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстъ въ древней географіи. Они доказали, что существованіе антропофаговъ и расы пигмеевъ въ экваторіальной Африкѣ не есть басня, какъ думали до тѣхъ поръ.

Еще въ концѣ XVI столѣтія англичанинъ Андрей Баттель (Battel), случайно попавшій заложникомъ къ дикому племени Гіагасовъ, вторгшихся съ сѣвера въ область Конго, и проживший у нихъ нѣсколько лѣтъ, увѣрялъ, что въ разстояніи 8-ми дней къ сѣверо-востоку отъ границы Лоанго обитало племя карликовъ, которое онъ называетъ Матимба или Баке-Баке. Ростъ ихъ, говоритъ онъ, не превышаетъ роста 12-ти-лѣтнихъ дѣтей, но зато они весьма плотно сложены. Они живутъ въ своихъ лѣсахъ, гдѣ съ большею ловкостью охотятся на слоновъ, клыками которыхъ платятъ дань своему властелину, живущему въ разстояніи нѣсколькихъ дней къ востоку. Жены этихъ карликовъ охотятся на большихъ обезьянъ, которыхъ убиваютъ отравленными стрѣлами ***).

Malte-Brun обращаетъ особое вниманіе на имя Баке-Баке, кажущееся ему тождественнымъ съ именемъ Вакъ-Вакъ или Уакъ-Уакъ, которое арабскіе географы Едризи и Масуди даютъ странѣ, занимающей часть центральной Африки. Тѣмъ не менѣе, онъ отвергаетъ существованіе вышеописанной расы ****).

Въ нашемъ столѣтіи, еще до открытій Швейнфурта, нѣкоторые путешественники узнавали по слухамъ о существованіи въ Африкѣ расы карликовъ. Сначала такими пигмеями считали негрское племя Докко, обитающее къ югу отъ Абиссиніи. Путешественникъ д'Аббади, наслышавшись о карликахъ Докко, имѣлъ наконецъ случай видѣть нѣсколько представителей этого племени во время своей экспедиціи въ 1843 году. Онъ описываетъ ихъ людьми небольшаго роста, особенно при сра-

*) По объясненію Страбона (I, 2) Гомеръ говоритъ здѣсь о пигмеяхъ вообще, какъ африканскихъ, такъ и азіатскихъ.

**) Herodot. II. 32.

***) Plin. H. N. VI. 35; также у Solin. c. 30.

Petherik (Egypt, the Soudan and Central Africa. London. 1861. p. 376) слышалъ отъ негровъ разсказы, весьма схожіе съ тѣми, что разсказываетъ Плиній о чудовищныхъ народахъ. Поводъ такимъ извѣстіямъ могъ дать обычай нѣкоторыхъ племенъ обезображивать себѣ мягкія части лица.

****) Strab. I, 2, §§ 28, 30 35; II, 1, § 9; XV, 1, § 57.—Mela. de situ orbis l. III cap. 8.

*) Ctesiae reliquiae ed. C. Muller.

**) l. c. Μελρίων ἀνδρῶν ἐλάδδονας.

***) V. Purchas. Pilgrimage l. VIII; Histoire générale des voyages. IV. 601; Voyages aux sources du Sénégal et de la Gambie par Mollien. t. I. p. 219.

****) Malte-Brun. Histoire de la Géographie. p. 107; Géographie—universelle. ed. Hust. t. V. p. 682.

Библиотека "Руниверс"

внеціи ихъ съ другими негрскими племенами, по отнюдь не заслуживающими наименованія карликовъ. Это свидѣтельство опять разсѣяло всѣ предположенія о пигмеяхъ Докко, хотя въ 1848 году д-ръ Крафтъ, путешествовавшій въ странѣ Узамбара (близь о-ва Занзибара), привелъ новое свидѣтельство о существованіи такой расы *). Одинъ туземецъ, служившій ему проводникомъ, сообщилъ ему, что въ странѣ Узери (племени Джагга) обитаетъ маленькій народъ, носящій имя Убилькимо и имѣющій росту не болѣе 3½—4 футовъ. Эти карлики носятъ длинные волосы, падающіе имъ на плечи; они, по увѣренію очевидца, приходили въ страну Узамбара съ сѣверо-запада, вымѣнивая стеклянныя издѣлія на желѣзо.

Всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ было однако недостаточно, чтобы доказать несомнѣнное существованіе пигмеевъ: все это были одни слухи, и никто изъ современныхъ путешественниковъ не могъ подтвердить ихъ, какъ очевидецъ. Наконецъ, это важное этнографическое открытіе выпало на долю ученаго путешественника Швейнфурта.

Швейнфуртъ первый рѣшился уклониться отъ пути, по которому проникали въ экваторіальную Африку Спикъ, Бэкеръ и другіе изслѣдователи источниковъ Нила, и избрать болѣе западное направленіе, оставляя на востокъ Бѣлый Нилъ и Гондокоро. Именно по этому направленію долженъ былъ слѣдовать тотъ, кто желалъ бы провѣрить указанія древнихъ на пигмеевъ, обитавшихъ между болотами, среди которыхъ берегъ начало Нилъ, т. е. Бахръ-ель-Абіадъ, и его притоки. Слѣдуя по этому направленію, Швейнфуртъ прошелъ страну племени Дика и посѣтилъ живущіе нѣсколько восточнѣе по теченію рѣки Намъ-Роль земледѣльческія племена Діуръ, Бонго и Митту. Проживъ у Бонго довольно долго, онъ въ Январѣ 1870 года нашелъ случай посѣтить племя Ніамъ-Ніамъ, представляющее совершенно своеобразный типъ среди другихъ африканскихъ племенъ. Къ югу отъ нихъ онъ нашелъ племя Момбутту, гдѣ господствуетъ открытый каннибализмъ. Среди этого послѣдняго племени Швейнфуртъ встрѣтился, наконецъ, лицомъ къ лицу съ представителями расы пигмеевъ, существованію которой онъ самъ до тѣхъ поръ плохо вѣрилъ, хотя еще раньше слыхалъ о ней отъ своихъ нубійскихъ проводниковъ. Они разсказывали ему, что къ югу отъ Ніамъ-ніамъ живутъ люди весьма малаго роста, у которыхъ борода доходитъ до колѣнъ; что эти карлики весьма ловко и незамѣтно подползаютъ подъ слоновъ и пронзаютъ ихъ своими копьями. Кромѣ того, ему говорили, что карлики эти въ качествѣ шутовъ живутъ у нѣкоторыхъ князей племени Ніамъ-Ніамъ. Вскорѣ сомнѣнія его на этотъ счетъ разсѣялись. Заимствуемъ у Швейнфурта подробности о первой встрѣчѣ его съ народомъ карликовъ *).

(Продолженіе будетъ).

*) Dr. Kraft. Voyage.—Petherik (l. c.) видѣлъ въ Суданѣ одного бывалаго негра, который разсказалъ ему, что на югѣ встрѣтилъ народъ карликовъ съ весьма длинными ушами.

*) The heart of Africa etc.

Турецкіе генералы.

Абдулъ-Керимъ-паша, генералиссимусъ турецкихъ войскъ и бывшій военный министръ. Послѣдній постъ занималъ онъ со времени вступленія на престолъ Мурада V, которое, согласно общимъ, хотя и напраснымъ ожиданіямъ, должно было привести къ новому государственному строю. Керимъ-паша, семидесяти-лѣтній старикъ. Онъ представляетъ собою типъ чистокровнаго турка. Онъ получилъ военное образованіе въ Вѣнѣ.

Во время крымской компаніи, когда англичане и французы воевали противъ Россіи за независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи, Абдулъ-Керимъ начальствовалъ въ Анатоліи, набиралъ рекрутъ, организовалъ войска, которыя могли оказаться необходимыми въ томъ случаѣ, еслибы война продолжилась еще нѣкоторое время. Здѣсь онъ настолько отличился своимъ усердіемъ, дѣятельностью и ловкостью, что былъ назначенъ военнымъ министромъ, по смерти Али-паши.

Наканунѣ послѣднихъ важныхъ событій, обратившихъ на Турцію вниманіе всей Европы, Абдулъ-Керимъ былъ главнокомандующимъ 2-го корпуса арміи, стоявшей въ Шумлѣ. Онъ оставилъ этотъ постъ, чтобы принять въ свое вѣдѣніе военное министерство. Абдулъ-Керимъ прошелъ всѣ военные чины одинъ за другимъ.

Въ настоящее время онъ командуетъ арміею, находящеюся на лѣвомъ берегу Моравы, между Деліградомъ и Алексинцемъ и подъ его-то именно начальствомъ турки совершаютъ теперь свои безчеловѣчныя жестокости надъ христіанскимъ населеніемъ Сербіи.

Дервишъ-паша, командующій войскомъ на сторонѣ Босны, долго находился подъ начальствомъ Омеръ-паши и слѣдовалъ за нимъ въ его послѣднемъ походѣ въ Черногорію. Дервишъ принималъ участіе въ Крымской компаніи гдѣ, само собой разумѣется, не разъ бывалъ битъ, ибо кто же не знаетъ, что турокъ всегда и вездѣ бьютъ, а если имъ иногда удается одержать побѣду—то только благодаря какой-либо случайности или необычайно численному превосходству.

Дервишъ-паша особенно извѣстенъ какъ правитель Босніи, гдѣ населеніе было доведено до отчаянія варварскимъ судопроизводствомъ и безчеловѣчными налогами. Большая часть его служебной карьеры прошла въ этой провинціи. Слѣдовательно, главная вина угнетенія боснійскихъ христіанъ падаетъ на него, какъ правителя Босніи.

Мухтаръ-паша постоянно служилъ въ главномъ штабѣ. Онъ долго состоялъ въ чинѣ подполковника при военной школѣ въ Константинополѣ и преподавалъ тамъ астрономію и фортификацію. Отсюда отправленъ онъ въ Черногорію, гдѣ ему было поручено слѣдить за точнымъ и вѣрнымъ размежеваніемъ границъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ Геджасѣ въ Моккѣ съ 1-мъ армейскимъ корпусомъ. Въ качествѣ начальника главнаго штаба онъ находился подъ командой Гамедъ-Эюбъ-паши, занятаго тогда укрощеніемъ непокорнаго арабскаго населенія. Такого рода внутренніе смуты, какъ всѣмъ извѣстно, представляютъ постоянное явленіе въ Оттоманской имперіи, управленіе которой давно уже заслуживаетъ полнѣйшаго осужденія со стороны каждаго честнаго человѣка. Эюбъ-паша вскорѣ послѣ того оставилъ свою должность по болѣзни, и Мухтаръ-паша долженъ былъ взять на себя дѣло умиротворенія края. Онъ оставался два года въ Аравіи и ко времени его возвращенія въ Константинополь, въ 1871 г., въ провинціи Мока не оставалось и слѣда возстанія, т. е., говоря другими словами, онъ съумѣлъ задушить недовольство страны, съумѣлъ, вѣроятно, на стѣсняясь перевѣшать и перерѣзать нѣсколько тысячъ душъ, подобно тому, какъ это дѣлалось и дѣлается теперь въ Болгаріи и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда проникаютъ достойныя презрѣнія и проклятія турецкія орды. Засимъ Мухтаръ былъ посланъ въ Требинье, крѣпость, имѣющую значеніе первой важности, такъ какъ она обезпечиваетъ владычество турокъ въ этой мѣстности. О дѣятельности его здѣсь противъ герцеговинцевъ, конечно, говорить нечего: извѣстно всѣмъ, что онъ въ теченіи почти цѣлаго года съ ними дрался и ни разу не одержалъ побѣды.

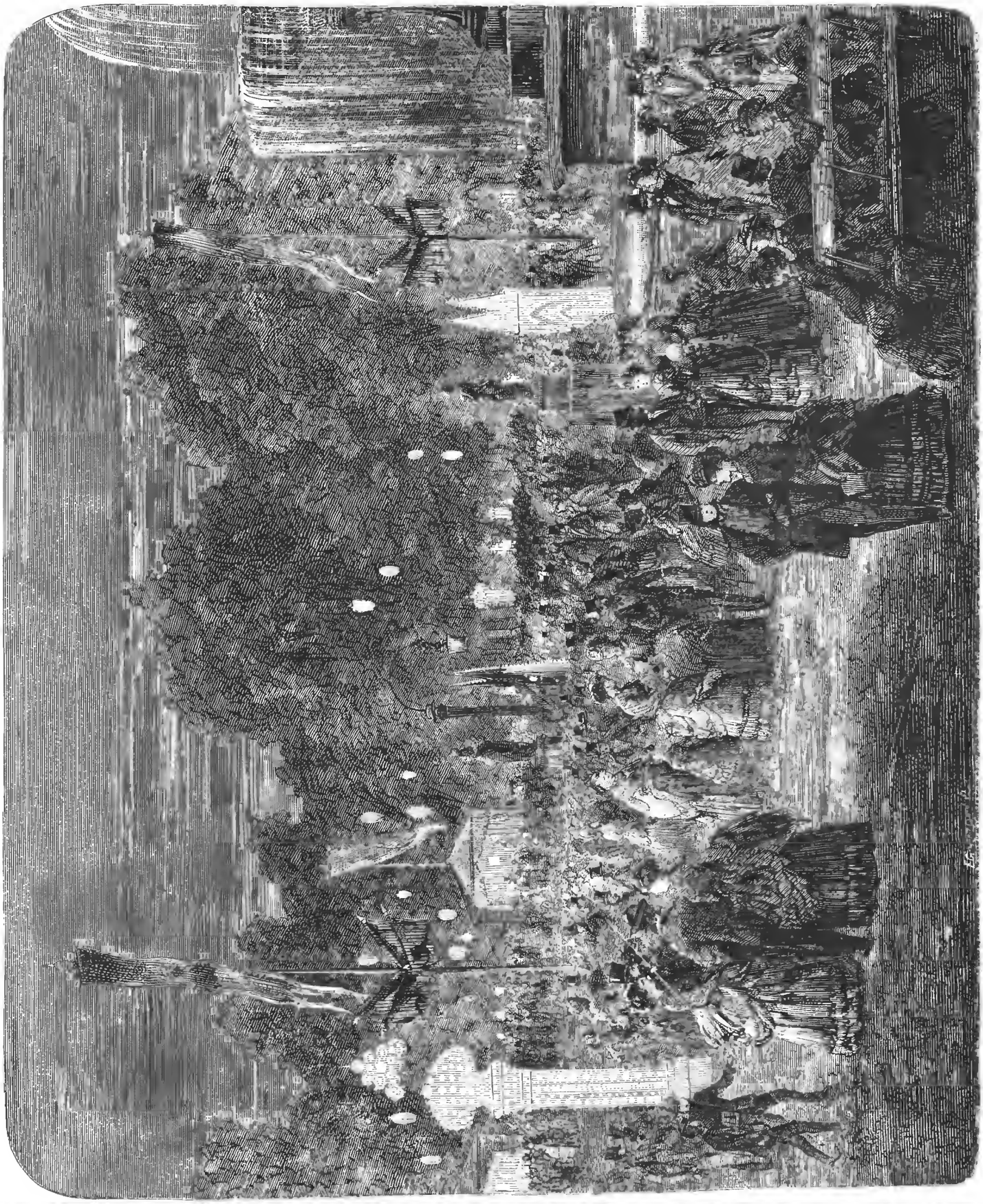
Абди-паша, бывшій черкесскій предводитель, долго воевалъ на Кавказѣ во времена Шамиля. Въ Крымскую кампанію онъ отстаивалъ Карсъ вмѣстѣ съ Омеръ-пашой. Абди-паша переселился на Босфоръ съ той поры, какъ Шамиль положилъ оружіе и сдался русскимъ. Переселившіеся сюда черкесы считаютъ его своимъ естественнымъ главой и повелителемъ. Слѣдовательно злодѣянія, совершаемыя черкесами и баши-бузуками въ христіанскихъ поселеніяхъ допущены были этимъ лицомъ.

Да свершится надъ ними и надъ остальными турецкими генералами справедливый судъ Божій за все то зло, которое они приносили и до сихъ поръ приносятъ христіанскому населенію Турціи.

Политическое обозрѣніе.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, уже извѣстно изъ телеграммъ, что Порта сообщила посланникамъ шести великихъ державъ свой отвѣтъ на тождественную ноту, полученную ею отъ каждаго посланника въ отдѣльности. Порта объявляетъ перемиріе невозможнымъ, но готова принять миръ, основанный на слѣдующихъ *шести* пунктахъ: a) занятіе сербскихъ крѣпостей, которыя турки занимали до 1857 г.; b) разрушеніе крѣпостей, построенныхъ Сербіей послѣ 1857 г.; c) назначеніе Ми-

Библиотека "Руниверс"



Саксонскій садъ въ Варшавѣ. Рис. и грав. Горандовскій.

Библиотека "Руниверс"

Тріумфъ Галатеи. Картина Доменикино, грав. Макатсо.

Библиотека "Руниверс"

лана княземъ зависитъ отъ Константинополя; d) сокращеніе дѣйствующей сербской арміи до 10,000 человѣкъ и *трехъ* батарей; e) постройка турецкой желѣзной дороги черезъ Сербію; и f) уплата Сербіей Турціи военныхъ издержекъ. Не правда ли, такихъ условій мира не предлагалъ кичившійся побѣдою древній Римъ своему сопернику Карѳагену? Но тамъ, по крайней мѣрѣ, если не силы, то моральное право соперничества было почти абсолютно равное съ обѣихъ сторонъ. Два государства терпѣть не могли другъ друга, и кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ уничтожить другое, обоимъ имъ на землѣ не было мѣста Въ примѣненіи къ Турціи высокомѣрныя предписанія мира болѣе чѣмъ комичны. И эти условія должны составлять, по вашему крайнему убѣжденію, пробный камень долготерпѣнія или равнодушія великихъ европейскихъ державъ. И дѣйствительно, въ телеграммѣ изъ Землина, напечатанной на слѣдующій же день послѣ обнародованія телеграммы, извѣщавшей о «турецкихъ» условіяхъ мира, сообщается, что державы-поручительницы выставили слѣдующія предложенія, при которыхъ долженъ состояться миръ: a) Сербія безусловно должна остаться неприкосновенною въ Status quo ante bellum, а для возставшихъ провинцій будетъ найденъ modus vivendi, *который предоставилъ бы христіанамъ возможность существованія, соотвѣтствующаго человѣческому достоинству.* (Подчеркиваемъ эти слова, потому что ими исчерпывается почти все содержаніе благопріятныхъ результатовъ для борющихся славянъ). Въ этомъ вопросѣ сербское правительство не имѣетъ рѣшающаго слова. Объ извѣстномъ «Vae victis» со стороны Турціи стало быть не можетъ быть и рѣчи. Хорошъ уже и этотъ результатъ, хотя разумѣется съ точки зрѣнія «справедливости и возмездія» онъ далеко не удовлетворителенъ. Гдѣ же возмездіе за тѣ десятки тысячъ звѣрски убитыхъ болгаръ, большею частью безоружныхъ, беззащитныхъ, дѣтей, женщинъ?.. Изъ-за какого нибудь португальскаго жида, Донъ-Пачифико, (англійскаго подданнаго) англійскій флотъ съ 1850 г. обстрѣливалъ берега Греціи до тѣхъ поръ, пока она не удовлетворила упомянутаго жида, за поврежденіе его дома во время народныхъ смутъ въ Греціи!.. Сопоставьте этотъ недавній историческій фактъ съ славянскимъ дѣломъ — и вы увидите, *чего*, же по аналогіи, вправѣ требовать, въ смыслѣ справедливости славяне!., И славяне, т. е. ихъ воюющая часть весьма хорошо сознаютъ это. Въ Бѣлградѣ всѣ единодушно говорятъ, что даже «Status quo ante bellum нисколько не искупаетъ всѣхъ усилій, да и не дастъ прочнаго мира». Телеграмма отъ 3 (15) сентября сообщаетъ, что сербское правительство рѣшило сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для продленія войны до послѣдней крайности. Полковнику Беккеру поручается организовать резервы, дѣлаются приготовленія для выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ, отъ одного до ста динаровъ и т. д., т. е.—энергія войны не на животъ а на смерть. Кто смѣетъ отказать этимъ борцамъ въ нравственномъ величіи ихъ борьбы, въ ея трагизмѣ?..

Ни кто, разумѣется, не откажетъ. Общественное мнѣніе всей Европы, прониклось сочувствіемъ къ славянамъ. Въ самой Британіи туркофильствующіе софизмы въ родѣ софизмовъ Дизраэли, замолкли. На сцену выступилъ мощный голосъ Гладстона, рѣчь котораго, недавно произнесенная имъ въ Блекгилѣ, въ общемъ минтингѣ, заключавшемъ до 12,000 человѣкъ, принадлежитъ можетъ быть, къ величайшимъ въ моральномъ смыслѣ, событіямъ нашихъ дней. И всѣ патетическія мѣста ея покрыты громомъ рукоплесканій 12,000 народа. Всѣмъ честнымъ людямъ не зараженнымъ туркофильствомъ, какъ тѣнь Банко, представляется Болгарія, измученная, истерзанная, истекающая кровью, и проситъ объ отмщеніи. Остальныя возмущающія душу картины отступаютъ уже естественно на второй планъ, и Гладстонъ, естественно, сдѣлалъ предметомъ своей рѣчи звѣрства совершенныя турками именно въ Болгаріи, и этимъ хотя косвенно, но весьма чувствительно кольнулъ политику теперешняго виконта Биконсфильда.

Въ этомъ смыслѣ, честный, негодующій Гладстонъ сказалъ въ своей рѣчи весьма много оригинальнаго и вѣрнаго. Благодаря энергіи своего негодованія на порядокъ вещей, созданный политикою Дизраэли, онъ часто измѣнялъ въ своей рѣчи объективному спокойствію государственнаго человѣка. Онъ, между прочимъ, выдѣлилъ турокъ, какъ кровожадныхъ варваровъ, изъ общаго понятія о мусульманахъ, безспорно внесшихъ свой вкладъ въ общечеловѣческую цивилизацію. Онъ замѣтилъ, что возвышенный поэтическій аравитянинъ завѣщалъ Европѣ нѣсколько великихъ идей, свою архитектуру, поэзію и другіе элементы цивилизаціи, и что даже современный индіецъ - мусульманинъ благороденъ и великодушенъ; турки же, это отребье ислама, всегда были дикими звѣрями, съ ними всегда шли рядомъ пожары, безчеловѣчныя убійства и опустошенія. Этимъ неожиданнымъ нападеніемъ — потому что съ этой стороны еще никто не нападалъ на турколюбіе—Гладстонъ нанесъ страшное пораженіе той формѣ туркофильства, которая соединена съ идеализаціей турокъ. Вотъ что значитъ смотрѣть на дѣло «зрячими очами» и безъ фальшиваго, скользящаго какъ угорь, промытаго въ семи водахъ еврейскаго остроумія Дизраэли.

Относительно общей политики своей страны, по отношенію къ восточному вопросу, Гладстонъ полагаетъ, что теперешнія обстоятельства требуютъ скорѣйшаго созванія парламента. Буржуазная англійская «Times» думаетъ, что изъ турецкихъ мирныхъ условій можно принять только *пятый* пунктъ, касающійся проведенія желѣзныхъ дорогъ черезъ Сербію (!?). Легкое, подумаешь, дѣло—и почему же этотъ пунктъ легче и удобнѣе для сербовъ, чѣмъ занятіе ихъ крѣпостей турецкимъ войскомъ.

Мы думаемъ, что участіе въ переговорахъ нашего посла въ Константинополѣ, генерала Игнатьева, повліяетъ на исходъ ихъ благотворнѣе и согласнѣе съ истинными интересами христіанскихъ подданныхъ Порты. Не въ томъ дѣло—принять или не принять какой либо пунктъ, а нужны ли вообще всѣ эти пункты, согласны ли они съ достоинствомъ самихъ державъ-поручительницъ?

Послѣднія извѣстія съ театра войны слѣдующія: Главныя военныя операціи турокъ, послѣ нѣкоторыхъ уже извѣстныхъ успѣховъ при Княжевцѣ, направлены были за это время на то, чтобы прорваться черезъ Мораву. Они упорно старались проложить себѣ путь черезъ эту рѣку, въ пунктѣ между Алексинцемъ и Делиградомъ, около деревни Бобовиште. Суммируемъ вкратцѣ рядъ пронешедшихъ здѣсь сраженій. Бой начавшійся 30-го августа (11-го сентября), упорно продолжался до половины слѣдующаго дня, не прерываясь даже ночью. Сраженіе обнимало всю линію отъ Вукарня до Нижняго Адровца, въ Моравской долинѣ. У Бобовиште турки безпрерывно старались навести мостъ, но вездѣ были отражены. При этомъ особенно отличились черногорцы, предводимые храбрымъ сенаторомъ Маша Врбицей, мнимая смерть котораго произвела столько волненій. Оказалось, однакожь, что Врбица только легко раненъ въ ногу. Хорватовичъ, по распоряженію генерала Чернаева, направленъ былъ, съ отдѣльнымъ отрядомъ, отъ Делиграда на Джунисъ, Каоникъ и дошелъ до Шелеговца, гдѣ, ударивъ туркамъ въ тылъ, оттѣснилъ ихъ до Кормака. На другой день послѣ этой упорной и счастливой битвы, сербы удачно навели мостъ черезъ Мораву, ниже Катуна. Горячее нападеніе на Турокъ произошло у Бужиміра. Послѣ этого, съ пяти часовъ утра до поздняго вечера, по всей линіи, отъ Туніана до Бобовиште продолжался упорный бой съ турками. Турки оттѣснены до ихъ артиллерійскихъ позицій, на три версты отъ берега Моравы. Турки покинули также Зайчаръ, оставивъ за собою только редутъ Великаго Извора. Османъ-паша сбитъ съ позиціи.

Нельзя сказать, чтобы оставленіе Зайчара—радостное извѣстіе для сербовъ. Армія Османа-паши, дѣйствовавшая у Зайчара, пошла на усиленіе армін Керима-паши, дѣйствующей въ Моравской долинѣ. Долгое время старанія турокъ прорваться въ долину Моравы у селенія Бобовиште были безуспѣшны. 4 (16-го) сентября турки двинулись къ селенію Гредетину, на Людакѣ, притокѣ Моравы, верстахъ въ 10 къ западу отъ Алексинаца, но здѣсь отражены сербами. Отъ того же числа телеграммы сообщили, что въ Сербскимъ военномъ министерствѣ получено извѣстіе о *большой* битвѣ у Алексинаца и Делиграда. Большая часть турецкой арміи, говорятъ, окружена, и что турки потерпѣли значительное пораженіе. Сѣвернѣе, между Чупріей и Парачинымъ, сербы начали устраивать линію ретраншементовъ.

На Дринѣ характеръ военныхъ дѣйствій измѣняется. Назначенный вмѣсто Алимпича главнокомандующимъ Дринскою арміей, Узунъ Мирковичъ, уже началъ дѣлать успѣхи: онъ отбросилъ турокъ на ту сторону Дрины и взялъ обратно два шанца у Малаго Зворника, покинутые сербами 2-го сентября. Съ другой стороны, турецкая армія, стоящая у Бѣлины, покинула свои позиціи, какъ говорятъ, изъ стратегическихъ соображеній.

Баши-бузуки, по обыкновенію, продолжаютъ неистовствовать. Этотъ родъ войска становится опаснымъ даже для самой Турціи. Такъ въ Босніи, въ Сераевѣ, баши-бузуки взбунтовались и ихъ должны были перевести, при помощи солдатъ, въ Вышеградъ.

По послѣднимъ донесеніямъ Хорватовича генералу Черняеву, Княжевацъ страшно опустошенъ. Варварство здѣсь достигло ужасающихъ размѣровъ. Вездѣ гніютъ трупы. Заражена вода и воздухъ. Запахъ отъ труповъ вездѣ такъ силенъ, что Хорватовичъ долженъ былъ тотчасъ же увести войска дальше.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Нѣжинъ, В. Ф. П—му.** Ваше «подражаніе Пушкину», но меньшей мѣрѣ, непростительно. Не говоря уже о безцеремонномъ обращеніи съ правилами стихосложенія, самая мысль стихотворенія достойна порицанія. Если даже вы коверкали стихи Пушкина съ цѣлію обличенія пьяницъ, то и это ни въ какомъ случаѣ не уменьшаетъ вашей вины предъ великимъ поэтомъ. Прочитайте и не разъ прочитайте то стихотвореніе, которое вы такъ исказили, вдумайтесь въ его глубокій смыслъ, и вамъ будетъ свыкнуть обидно читать эти строки:

«И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ трактирѣ-ли или на улицѣ въ бою,
Гдѣ преогромная дубина
Размозжетъ голову мою».

Остальные стихи, какъ напримѣръ:

«На заборъ пѣтухъ налетѣвши,
Крыльями хлопая, кричитъ...
Или: Парикмахеръ въ волосахъ
Не оставилъ слѣдъ искусства ..

можно напечатать только какъ образецъ неумѣнья правильно и понятно выражаться на родномъ языкѣ.

2) **Москва, по Садовой, д. Армянскаго. Ко—му.** Предложеніе ваше принять не можемъ, потому что статья въ 16—18 листовъ для «Нивы» очень велика.

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 21-й тиражъ 1-го Сентября 1876 г

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го сентября 1876 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербурской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛЕДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
27	37	500	4382	29	500	8654	26	500	13493	5	500	15828	26	500	17602	2	5000
45	40	500	4568	34	500	8847	1	5000	13703	31	500	15871	33	500	17639	49	1000
66	19	5000	4579	49	500	8889	12	500	13835	1	10000	15908	10	500	17670	30	500
74	18	500	4698	4	500	8945	47	500	13903	29	500	15975	46	500	17812	3	75000
119	44	500	4906	14	500	8975	2	500	13936	1	1000	15980	11	500	17825	49	500
199	48	500	4915	10	500	9254	27	500	13957	5	500	16043	14	500	17871	1	500
393	10	500	4947	7	500	9273	24	500	14148	38	500	16051	41	500	17897	39	1000
558	22	500	4985	42	5000	9364	10	500	14190	16	500	16114	27	500	17900	5	500
618	2	10000	5127	11	500	9408	19	500	14262	13	1000	16118	23	500	17953	20	500
640	37	1000	5191	2	500	9456	26	500	14337	34	500	16123	39	500	17957	27	10000
732	4	500	5199	21	500	9475	40	500	14535	4	8000	16138	46	500	17976	47	500
745	27	500	5246	28	500	9523	3	500	14668	31	500	16153	37	500	18021	1	500
748	16	500	5345	31	500	9554	32	500	14786	48	8000	16215	22	500	18030	21	8000
803	47	500	5364	17	500	9597	16	500	14932	42	500	16266	25	500	18209	24	500
862	17	500	5371	48	500	9729	7	500	15081	32	500	16393	45	500	18345	31	1000
935	41	500	5442	44	500	9755	41	500	15103	23	500	16509	42	500	18490	6	500
955	17	8000	5476	33	500	9860	49	500	15165	30	500	16531	48	500	18504	11	500
1003	34	500	5498	44	500	9886	46	500	15291	50	500	16579	46	500	18543	31	500
1063	25	500	5525	31	500	9894	33	500	15315	28	10000	16605	7	500	18595	11	500
1068	29	200000	5562	21	500	9919	20	500	15320	10	500	16706	5	500	18733	50	500
1202	36	500	5577	3	5000	10101	25	500	15346	49	500	16909	42	8000	18757	10	500
1262	3	500	5676	43	500	10132	46	500	15349	4	500	16974	3	500	18762	50	500
1267	2	500	5933	44	1000	10165	47	500	15363	17	500	16975	18	1000	18851	24	10000
1298	19	500	6072	22	500	10201	35	500	15388	27	500	16987	31	500	18955	3	500
1302	32	500	6093	12	500	10277	14	1000	15457	49	500	17227	23	500	19089	15	500
1321	11	5000	6131	44	500	10460	23	25000	15539	11	500	17234	14	500	19093	37	500
1391	44	500	6134	50	500	10467	4	500	15557	48	500	17247	12	500	19202	13	500
1400	39	500	6173	38	500	10510	44	500	15575	47	500	17359	30	500	19458	30	1000
1502	48	500	6173	41	500	10625	24	500	15577	36	500	17408	36	500	19581	7	500
1580	28	500	6187	48	500	10791	19	500	15581	43	500	17411	43	500	19585	5	500
1583	23	500	6241	15	500	10963	10	500	15594	41	1000	17477	19	500	19598	50	500
1662	15	500	6412	21	5000	10970	45	500	15610	29	500	17532	24	500	19646	35	500
1685	5	500	6421	42	500	11024	27	500	15683	31	500	17533	43	500	19860	13	500
1758	1	500	6436	33	500	11086	14	500	15708	14	500	17547	26	500	19875	39	500
1810	25	500	6488	22	500	11117	1	500									
1832	23	500	6521	31	500	11125	1	500									
1885	33	5000	6527	35	500	11176	22	500									
1947	49	500	6529	3	500	11207	7	500									
2043	21	500	6594	10	500	11263	19	500									
2066	2	500	6687	43	500	11620	50	500									
2080	15	500	6887	34	500	11704	7	500									
2097	1	500	6900	19	500	11729	8	500									
2166	45	500	6911	3	500	11753	30	500									
2216	45	500	7054	33	500	11928	27	500									
2305	28	500	7060	15	500	11876	29	500									
2423	26	500	7121	26	500	11983	13	500									
2426	3	500	7124	37	500	11985	31	500									
2619	29	500	7311	48	1000	11996	23	500									
2625	25	500	7322	15	500	12062	13	500									
2725	22	500	7352	21	500	12183	15	500									
2752	48	10000	7442	44	500	12196	36	500									
2967	37	500	7581	35	500	12203	41	1000									
3103	42	500	7628	50	500	12235	22	500									
3308	7	500	7673	41	500	12278	26	500									
3132	36	500	7745	17	500	12456	7	40000									
3199	48	500	7821	15	1000	12489	35	500									
3264	46	1000	7868	37	500	12548	18	500									
3318	50	500	7879	22	500	12614	10	500									
3342	45	500	7891	18	500	12625	21	10000									
3344	23	500	7964	1	500	12665	8	500									
3377	20	500	8151	15	500	12842	23	500									
3398	28	500	8163	46	500	13034	50	500									
3534	18	500	8185	41	500	13080	48	500									
4000	9	500	8236	33	1000	13099	26	500									
4159	14	500	8260	46	500	13139	28	500									
4269	14	500	8407	46	500	13256	32	500									

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1876 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го сентября 1876 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

17, 86, 106, 127, 1083, 1353, 2516, 2609, 2696, 2831, 3204, 3483, 3582, 3669, 3832, 3853, 4419, 4943, 5019, 5077, 6330, 6466, 6741, 7090, 7302, 7582, 8358, 8361, 8881, 9726, 10302, 10374, 11409, 12435, 13117, 13226, 13404, 14183, 14234, 14254, 14789, 15328, 15905, 16027, 16411, 16530, 16579, 16869, 17167, 17335, 17712, 17973, 18480, 19430.

Всего 54 серіи, составляющія 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1876 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

6-го Сентября 1876 г.

	Покупателн.	Продавцы.	Продано.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	194	194¼	193, 194¼
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	190	190⅞	190¼
5% банк. б. 1 вып.	99	99¼	99¾, 99
5% » » 2 »	98⅞	99⅛	99⅜
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	88¼	88½	88½ ⅜
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	86	86¼	—

АКЦІИ.	Покупателв.	Продавцы.	Продано.
125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ.	168½	169	—
125 » Рязско-Динаб.	—	128	—
100 » Моск.-Рязанск.	303	—	—
125 » Орловско-Вит.	—	131	—
16 ф. с. Вит.-Динаб.	—	132	—
100 р. Рыб.-Волог.	89½	90	89¼ ¾
100 » Тамб.-Козлов.	—	—	—
125 » Моск.-брест.	113½	114	113½

Библиотека "Руниверс"

ТУРЕЦКІЕ ГЕНЕРАЛЫ.

Абдулъ-Киримъ-паша.

Мухтаръ-Паша.

Дервишъ-паша.

Абди-паша, начальникъ черкесовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Контора журнала „Нива" считаетъ долгомъ предупредить гг. **полугодовыхъ подписчиковъ** журнала, что назначенная, **въ 1876 году, въ премію** олеографическая картина **„СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА"** будетъ выдана только гг. **годовымъ подписчикамъ**, а потому и проситъ гг. подписавшихся на вторую половину года и желающихъ получить названную **премію** (стоющую въ отдѣльной продажѣ **4 рубля**), подписаться на первое полугодіе; причемъ Контора журнала имѣетъ честь заявить, что подписавшіеся на первую половину года получатъ всѣ №№ журнала съ № 1-го. Желающіе должны ускорить высылку подписной суммы, слѣдующей за первую половину года, такъ какъ картина „Спящая красавица" будетъ разослана гг. годовымъ подписчикамъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Делиградскія укрѣпленія** (съ рисункомъ).—**Обжинки** (Воспоминанія изъ южно-русской жизни). (Окончаніе). **Полонскій Папычь.—Алексинацъ** (съ двумя рисунками).—**Мѣсто битвы при Мраморѣ** (съ рисункомъ).—**Филиппополь** (съ рисункомъ) —**Враги христіанства** (уличные типы въ Турціи (съ рисункомъ) – **Сансонскій садъ въ Варшавѣ и его исторія** (съ рисункомъ). **Б г—ній.—Тріумфъ Галатеи** (Картина Доменикино) (съ рисункомъ). —**Пигмеи древнихъ**, найденные во внутренней Африкѣ. **Ю. А,—Турецкіе генералы** (съ 4-мя портретами).—Политическое обозрѣніе.—Почтовый ящикъ.—Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—С.-Петербургская биржа.—Отъ издателя.—Объявленіи.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЕНЦЕЛЬ. МОЛОЧНАЯ МУКА ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—8

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—49

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:
на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.
Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—4

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 Сентября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, № 9. Тип. Безлинта, Англ. пр., № 10.

Библиотека Университет

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 38 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 20 Сентября 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I Безъ доставки въ С.-Петербургѣ: 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живаревъ 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

Старинное русское вооруженіе.

Огнестрѣльное оружіе въ Россіи не было въ употребленіи до временъ В. К. Дмитрія Іоанновича Донского. При нашествіи Тохтамыша на Москву (въ XIV в.) въ первый разъ упоминаются ружья, т. е. по тогдашнему *тюфеки*, съ турецкаго, такъ какъ ружье по-турецки «тю-фенкъ»; а также говорится и о *большихъ пищаляхъ*, т. е. пушкахъ, которыми защищались осажденные.

Въ XV вѣкѣ начали появляться ружья *самопалы*. Иностранные писатели XVI вѣка, и между ними въ особенности Герберштейнъ, говорятъ, что оружіемъ русскаго воина въ это время были: лукъ, стрѣлы, сѣкиры, *кистень* (желѣзный шаръ на упругой рукояти), длинный кинжалъ, сабля, копье и *пищаль* (длинное ружье, изъ котораго стрѣляли, ставя его на подставки). Знатнѣйшіе воины имѣли кольчуги, латы, нагрудники,

1) Протозанъ. 2) Булава. 3) Саадакъ. 4) Шестоперы. 5) Джидъ. 6) Самопалъ. 7) Бердышъ.

Старинное русское вооруженіе. Рис. Кофино, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

шлемы. Другой, позднѣйшій иностранный писатель, посѣщавшій Россію, именно Маржеретъ, говоритъ, что многіе воины русскіе вооружены тогда были худо; только пѣхота имѣла пищали; но, по истинѣ, этотъ огнестрѣльній снарядъ у Московитовъ, говоритъ Маржеретъ, не уступаетъ лучшему въ Европѣ.

При царяхъ съ 1612 года все войско русское дѣлилось на конницу, пѣхоту и *нарядъ*, т. е. артиллерію. Конницу составляли дворяне, боярскія дѣти, новокрещенные (татары, принявшіе православіе, мурзы (дворяне) и князья татарскіе, казаки (какъ городовые, набранные изъ вольнаго нетягельнаго люда, такъ и обязанные временною службою царю конники съ Дона, Волги, Яика, Терека, Днѣпра, Урала и пр.), рейтеры и драгуны (иноземные ратники-кавалеристы) и наконецъ *датвчные люди*, т. е. избираемые на время войнъ съ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ. Конница вооружена была: легкими пищалями, пистолетами, карабинами, *сагайдаками* и саблями. Пѣхоту составляли: стрѣльцы, собственно *солдаты* (получившіе образованіе военнаго нѣмецкаго строя и вообще ратной науки отъ иноземныхъ наемныхъ офицеровъ), пѣшіе городовые казаки, пѣшіе достаточные люди и вольные охочіе люди. Оружіе у «солдатъ» было казенное: оно состояло изъ мушкетовъ, пикъ, шпагъ и бердышей. Для нихъ сочиненъ былъ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воинскій уставъ, изданный въ 1647 году подъ заглавіемъ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенья пѣхотныхъ людей.*

Часть артиллерійская, или, попрежнему, *нарядъ*, уже въ XVII вѣкѣ состояла изъ нѣсколько сотъ пушекъ, которыя раздѣлялись на *верхнія* и *верховыя*, а «нарядныя» или артиллерійскія пищали были: *вѣстовыя* и *затинныя*, *долгія*, *полуторныя* и *короткія*. Сверхъ того, большія пищали носили различныя имена, напр. *вепрь*, *стрѣлка*, *волкъ*, *ахиллесъ* и т. д. И теперь еще сохранилась въ Кремлѣ огромная пищаль *единорогъ* и другія древнія орудія. Артиллерійскія орудія у насъ были мѣдныя и желѣзныя; одни изъ нихъ дѣлались у насъ въ Москвѣ и Великомъ Устюгѣ, а другія привозились изъ Голландіи, и потому въ употребленіи были извѣстны подъ именемъ голландскихъ. Артиллерія дѣлилась: на *крѣпостную*, которая имѣлась во всѣхъ городахъ, особенно въ пограничныхъ, на *осадную*, которая находилась въ обозѣ, при дѣйствующемъ войскѣ, для осады городовъ, и *полковую*, размѣщенную по пѣхотнымъ полкамъ. Артиллерійскія орудія и весь снарядъ въ военное время возили на *посошныхъ* лошадяхъ, т. е. на обывательскихъ подводахъ, которыя на случай войны, брались съ поселянъ *сошныхъ* вмѣстѣ съ другими повинностями, а иногда—и на наемныхъ подводахъ.

Въ вооруженіи оборонительномъ первое мѣсто занимали *брони* или *доспѣхи*, какъ главное прикрытіе воина. Они назывались: *панцырь*, *кольчуга*, *байдаръ*, *бахтеренъ* (все кольчуги изъ металлическихъ колецъ), *калантарь*, *юмшанъ*, *куякъ*, *зерцало* (доспѣхи изъ крупныхъ металлическихъ дощечекъ, плотно скрѣпленныхъ между ремнями и пряжками, съ внутренней стороны): *латы*—доспѣхъ подобный нынѣшнимъ кирасамъ. Въ Россіи латы весьма мало и рѣдко употреблялись; ихъ замѣняли *тишляи*. Дѣлался тишляй изъ сукна, а также изъ другихъ шерстяныхъ или бумажныхъ матерій; онъ толсто подбивался хлопчатою бумагою (иногда пенькою), иногда съ прибавленіемъ панцырныхъ или кольчужныхъ обрывковъ, и былъ насквозь простеганъ. Въ такомъ видѣ тишляй былъ почти столь же надежною защитой, какъ и металлическій доспѣхъ.

Холодное оружіе составляли: *ослопы* или *палицы*, *мечи* (въ родѣ короткаго палаша), *сабли* татарской формы, *кончары*—трехъ или четыртхгранныя шпаги, *тесаки* (короткіе мечи), *ножи* (*подсайдачные*, носимые съ боку около меча, и *засапожные* или *засапожники*, вкладывавшіяся въ правое голенище сапога), *кинжалы*, *копья* (пики нынѣшнія), *сулицы* (дротики), *джиды* (съ арабскаго джиртда). Джиды состояли изъ трехъ или болѣе сулицъ, которыя вкладывались въ гнѣздо ноженъ, имѣвшихъ металлическое устье, обоймицы и наконечникъ. Джидъ привѣшивался къ поясу, у лѣваго бока, и иногда, въ одномъ изъ гнѣздъ, имѣлъ длинный ножъ или тесакъ (рис. № 5); *кидени* (короткія гнущіяся эластическія палки съ свинцовою тяжестью на одномъ концѣ и темлякомъ на другомъ), *рогатины*, *совни*, *бердыши* (№ 7 нашихъ рисунковъ), *топоры* и *топорики*, *чеканы* (металлическій молотъ съ заостреніемъ у задней стороны и насаженный на топорищѣ съ наконечникомъ, въ видѣ копейнаго жала), *шестоперы* (черенъ съ металлическимъ наконечникомъ на одномъ и съ такими же шестью перьями глухими или прорѣзными на другомъ концѣ; на нашемъ рисункѣ № 4). Оружіе, подобное шестоперу, только съ большимъ числомъ перьевъ былъ *пересвѣтъ* или *быздыханъ*. Еще къ числу тогдашняго холоднаго оружія принадлежали: *булава* (рис. № 2). Впрочемъ оружіе это служило скорѣе всего знакомъ воеводы, въ родѣ нынѣшняго фельдмаршальскаго жезла. Далѣе, на нашемъ рисункѣ подъ № 3, изображено то оружіе конныхъ воиновъ, которое называлось *саадакъ* или *сагодакъ*, т. е. лукъ съ его принадлежностями и портупеею. У людей богатыхъ саадакъ снаружи обтягивался атласомъ, бархатомъ, парчею и украшался шитьемъ и каменьями. На походѣ, когда не было опасности отъ непріятелей, для сбереженія стрѣлъ отъ вліянія сырости и отъ безпрестаннаго ихъ между собою тренія, на весь саадакъ надѣвался сверху кожаный или иной чахолъ, съ круглымъ верхомъ или «кругомъ». Чахолъ этотъ завязывался внизу колчана и назывался *тохтуй*. У знатныхъ и у государей тохтуи эти дѣлались предпочтительно изъ атласа съ серебрянымъ и золотымъ шитьемъ и съ украшеніями изъ жемчуга и каменьевъ. Въ домашнемъ быту богатые саадаки съ столь же богатыми тохтуями сохранялись подъ покрывалами или «покровцами», которые также бывали высокой цѣны. Выраженіе: «снять тохтуи съ нашихъ саадаковъ»—значило собираться на войну.

Оружіе, изображенное подъ № 1, было преимущественно употребляемо «почетною стражею», т. е. дворцовыми гвардейцами тѣлохранителями.

Самопалъ или *ручница* (№ 6)—огнестрѣльное оружіе подобное *пищалѣ* и нынѣшнему ружью. Самопалъ состоялъ изъ желѣзнаго ствола, помощью щуруповъ или обоймицъ прикрѣпленнаго къ деревянному станку съ прикладомъ. Отверстіе, чрезъ которое всыпали порохъ, по тогдашнему *зелье*, называлось *устьемъ*; часть прилегающая къ устью—*дуломъ*; часть противуположная дулу—*казною*, а средняя между ними—*срединою*. У первоначальныхъ пищалей огонь сообщался пороху чрезъ отверстіе на казнѣ, или *запаль* помощью *огнива съ фитилемъ*, приводившимся въ движеніе *спускомъ*. Кремней въ то время еще не употребляли.

Б—ъ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

I.

Много было славныхъ и могучихъ вельможъ на Литовской Руси. Каждый горожанинъ, каждый бѣдный землепашецъ съ великимъ почтеніемъ произносилъ имена князей Радзивиловъ, Ходкѣвичей, Сапѣгъ, Воловичей, Олельковичей-Слуцкихъ. Но имя князя Константина Константиновича Острожскаго возбуждало повсюду даже благоговѣніе—всѣ литвины отъ Острога до самой Вильны не иначе называли его какъ *великимъ княземъ*.

Высокъ былъ родъ князей Острожскихъ — они вели его отъ Владиміра Святого; несмѣтно было ихъ богатство, обширны ихъ владѣнія на Волыни, Подоліи, и во всемъ юго-западномъ краѣ. Но не одной славой предковъ, не милліонами червонцевъ, не вотчинными городами, мѣстечками и деревнями сіялъ на всю Литву князь Константинъ Константиновичъ. Отъ своего родителя, знаменитаго великаго гетмана литовскаго, воеводы трокскаго и кастелана виленскаго, князя Константина Ивановича, онъ получилъ въ наслѣдье непоколебимую вѣрность церкви православной и народности русской. Крѣпко и бодро отстаивалъ онъ святую вѣру и ея неприкосновенность, на которую со всѣхъ сторонъ поднимались козни вражескія. Тяжелое то было время: протестанство и аріанство распространялись въ краѣ и церковь русская теряла не мало своихъ членовъ; иновѣрное правительство польское, если еще и не явно враждовало съ нею, то, во всякомъ случаѣ, равнодушно смотрѣло на ея бѣдствія и ничуть не заботилось о ея выгодахъ. Короли, основываясь на своемъ правѣ *подаванья*, жаловали монастыри православные въ управленіе свѣтскимъ людямъ: не мало тяжбъ и сваръ заводили между собою и духовныя лица. А съ запада надвигалась страшная, черная туча—въ Римѣ давно уже зорко слѣдили за Польшей и Литвою, давно уже рѣшили испробовать самыя вѣрныя средства, чтобы окончательно укрѣпить шатающуюся власть папы въ Польшѣ и подчинить той же власти и Литву православную. Сбирали дружину непобѣдимую для завоеванія восто-

Библиотека "Руниверс"

ка, дружину, невидимыя стрѣлы которой были насквозь пропитаны смертельнымъ ядомъ, дружину, созданную адскою силою и святотатственно носящую имя Іисуса...

Въ это-то трудное время приходилось жить и дѣйствовать князю Константину Константиновичу Острожскому. И онъ отдалъ всю жизнь свою на служеніе православію, на поддержаніе его и охраненіе. И все, что въ Литвѣ дорожило отцовской вѣрой, примыкало къ могучему князю, прибѣгало подъ его защиту, полагалось на него какъ на оплотъ надежный.

Оттого-то его имя и было на устахъ каждаго литвина и произносилось съ благоговѣніемъ.

Князь Константинъ имѣлъ свою резиденцію въ наслѣдственномъ городѣ Острогѣ, построенномъ на берегу рѣки Гарыни Здѣсь, на возвышенной мѣстности, спускавшейся прямо къ рѣчному берегу, среди благоухапныхъ садовъ и тѣнистой, вѣковой рощи высился огромный княжескій замокъ—величественное произведеніе итальянскаго зодчества XV вѣка.

У самаго замка, сквозь купы кудрявыхъ деревьевъ, бѣлѣлись главы замковой Богоявленской церкви, щедро изукрашенной благочестивыми владѣльцами и вмѣщавшей подъ своими тяжелыми сводами усыпальницу рода князей Острожскихъ. За церковью начинался длинный рядъ всевозможныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ строеній, отдѣленныхъ другъ отъ друга вымощенными каменными плитами дворами—это были помѣщенія для *придворныхъ*, которыхъ у князя Константина насчитывалось болѣе 2,000 человѣкъ. Къ задней сторонѣ замка примыкали многочисленныя службы.

Весь замокъ съ принадлежащими къ нему строеніями, садами и значительной частью рощи, былъ обнесенъ высокой, крѣпкой стѣною, дѣлавшей изъ него превосходно защищенную крѣпость. Гарнизонъ и артиллерія замка были настолько значительны, что всегда могли отразить сильное нападеніе. Иначе нельзя было и жить въ то время, когда частная ссора между двумя вельможами давала поводъ ко вторженію одного изъ нихъ во владѣнія другого. Еслибы князь Константинъ почелъ нужнымъ, онъ всегда могъ бы собрать такое войско, съ которымъ можно бы было идти на Краковъ. Ему принадлежало около 300 городовъ и мѣстечекъ, нѣсколько тысячъ деревень и несмѣтное число слободъ, хуторовъ и фольварковъ.

Кромѣ 2,000 человѣкъ, преимущественно принадлежавшихъ къ дворянскимъ и даже богатымъ и извѣстнымъ фамиліямъ, которые составляли его *дворъ*, многочисленная шляхта жила его милостями и готова была, по первому знаку, исполнять княжескія приказанья.

За оградой замка начинался самый городъ Острогъ, раскинувшійся на нѣсколько концовъ. довольно тѣсно настроенный деревянными жилищами, пересѣченный улицами, мощеными деревомъ. Между городскими зданіями обращала на себя вниманіе школа, выстроенная княземъ Константиномъ, а также его типографія, которою завѣдывалъ бѣжавшій изъ Москвы *первый* московскій типографъ Иванъ Ѳедоровъ. Въ городѣ шла жизнь, имѣвшая мало общаго съ роскошной жизнью замка; тутъ ютилась небогатая шляхта, многочисленный классъ горожанъ-ремесленниковъ и запуганные, но терпѣливые евреи продѣлывали свои неизмѣнные во всѣ времена гешефты.

Въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, т. е. въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, князь Константинъ Константиновичъ былъ еще далеко не старъ. Онъ былъ женатъ на дочери Станислава Тарновскаго. кастелана краковскаго и имѣлъ трехъ сыновей: Януша, Константина и Александра. Кромѣ того въ Острожскомъ замкѣ, подъ его родственной охраной, жила вдова его рано умершаго брата, Ильи, княгиня Беата съ единственной дочерью Еленой.

Звонъ колокольный разносился по улицамъ Острога. Всюду замѣчалось необычное движеніе. Народъ въ праздничныхъ одеждахъ собирался кучками и направлялся къ церкви Рождества Богородицы, гдѣ должно было происходить торжественное освященіе только что отстроеннаго придѣла во имя св. равноапостольныхъ Константина и Елены. Придѣлъ этотъ жители Острога соорудили на свои собственныя средства и посвящали его святымъ патронамъ князя Острожскаго и его племянницы, въ доказательство всеобщей любви и почтенія къ могучему, великому князю и прекрасной княжнѣ Еленѣ. Живо шла работа, чтобъ поспѣть къ торжественному дню 21-го мая. Епископъ Арсеній за недѣлю уже прибылъ въ городъ. Освященіе должно было совершиться со всевозможнымъ блескомъ. Въ замокъ со всѣхъ сторонъ съѣхались гости—тамъ готовился цѣлый рядъ роскошныхъ празднествъ.

Утро задалось свѣтлое, теплое, безоблачное. Праздничный шумъ города сливался съ ликованіемъ весенней природы, распустившейся во всей красотѣ своей и залившей Острогъ свѣжей, душистой зеленью фруктовыхъ садовъ, густо разросшихся почти у каждаго дома.

На улицахъ становилось все шумнѣе. Народъ со всѣхъ концовъ стекался къ церкви. По дорогѣ къ замку уже расположились пестрые ряды горожанъ, приготовившихся встрѣчать княжескій поѣздъ. Въ рукахъ женщинъ и дѣтей были букеты цвѣтовъ и зелени.

Вся стѣна замка была увѣшана разноцвѣтными коврами и флагами. Ворота стояли настежъ. Но поѣздъ еще не показывался.

Въ это время, по заславской дорогѣ, въ городъ въѣзжала блестящая кавалькада, состоявшая изъ девяти всадниковъ. Лихіе, на диво выхоленные кони сверкали легкой, золоченой сбруей, дорогими сѣдлами и яркими шелковыми кистями. Впереди, на ворономъ, лоснившемся и нервно вздрагивавшемъ жеребцѣ, красовался статный молодой человѣкъ, богатый нарядъ котораго показывалъ литовскаго вельможу, еще не успѣвшаго или не хотѣвшаго перенять западныя моды, царившія въ Краковѣ, при дворѣ Сигизмунда-Августа.

За нимъ слѣдовали, почти въ такихъ же одеждахъ какъ и онъ, розовый, красивый юноша лѣтъ семнадцати и два человѣка среднихъ лѣтъ, изъ которыхъ одинъ отличался значительной толщиною и замѣчательно длинными усами. Далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи, ѣхали пять служителей.

Молодой человѣкъ обернулся и остановилъ свѣтлые большіе глаза на красномъ, жирномъ лицѣ своего толстаго спутника.

— Эхъ ма, Иванъ Петровичъ, сказалъ онъ улыбаясь, вижу твое лютое мученіе и чуетъ мое сердце, что ты проклятію предаешь меня чуть ли не съ самыхъ Сорочей.

— Не то, князь; отвѣчалъ Иванъ Петровичъ густымъ басомъ; мнѣ что́—толстъ, толстъ, а не такіе концы могу отхватывать, а что не дѣло, такъ не дѣло. Ну гдѣ же это видано, чтобъ на такой праздникъ, да еще и на освященіе выѣзжать до восхода солнечнаго и гнать, словно за нами погоня, когда всѣ къ князю Константину за день, да за два съѣзжаются. Мало что-ль хоромъ у него понастроено...

— Такъ тебѣ небось хотѣлось, чтобъ я такъ, не дождавшись зову и поѣхалъ. Когда гонецъ-то отъ князя прискакалъ? вчера къ вечеру—ну, я и ѣду. А не прислалъ бы гонца, такъ и не поѣхалъ бы.

— И дѣло, вмѣшался въ разговоръ другой всадникъ, такъ и князь, родитель вашъ покойный, вашей милости передъ смертью наказывалъ: крѣпко держись, никому не позволяй наступать себѣ на ногу; будь близко къ князю Острожскому, но и отъ него требуй себѣ почтенія — Сангушки не хуже Радзивиловъ да Острожскихъ. Какъ покойника отца вашего

Библиотека "Руниверс"

Башни и статуи на мосту Карла IV въ Прагѣ (у лѣваго берега Молдавы).

Библиотека "Руниверс"

Башни и статуи на мосту Карла IV въ Прагѣ (у праваго берега Молдавы.

Библиотека "Руниверс"

князь Константинъ всегда звать почетнаго гонца посылалъ, такъ и къ сыну его и наслѣднику посылать долженъ.

— Такъ то оно, такъ, согласился Иванъ Петровичъ, да ужь больно жарко нонѣ, а въ церкви небось почитай, что до полдня выстоять придется.

Розовый юноша, давно ужь наслаждавшійся комическимъ положеніемъ, въ которое толщина ставила Ивана Петровича, не выдержалъ и разсмѣялся.

Улыбнулся и князь.

— А тебя, пострѣлъ Ѳедька, и брать вовсе не слѣдовало, пробасилъ толстякъ, притворяясь разсерженнымъ. И чего это ты, ваша милость, разбаловалъ такъ мальчишку, обратился онъ къ князю.

— Ну, не ворчи, не ворчи, старый, успокоивалъ князь; вѣдь самъ ты, небось, послѣ того какъ Ѳедя вытащилъ меня совсѣмъ безчувственнаго изъ Сорочскаго озера, назвалъ его моимъ храбрымъ оруженосцемъ— такъ оруженосецъ-то всюду долженъ слѣдовать за своимъ рыцаремъ, не баловства ради, а охраны.

— Ишь ты, хранильщикъ выискался, неунимался Иванъ Петровичъ;—а поди, приключись что, напади въ дорогѣ лихой человѣкъ, такъ Ѳедюша нашъ первый, какъ баба, со страху разрюмится.

Но такого обиднаго предположенія юноша снести ужь никакъ не могъ. Онъ даже поблѣднѣлъ и гнѣвно сверкнулъ глазами на обидчика.

— У меня только и дума одна, задыхаясь отъ волненія началъ онъ,—какъ бы по настоящему, не изъ подъ опрокинувшейся лодки, а отъ мечей вражескихъ, защищить и спасти моего князя и самому умереть за него, да и не знаю я, кто изъ насъ двухъ, я или Иванъ Петровичъ Галынской съ перепугу захнычетъ...

— Молчи, щенокъ! крикнулъ толстякъ, сердясь уже не на шутку.

— Никакъ вы и взаправду свару затѣяли, оглянулся князь съ недовольнымъ видомъ, нашли время!.. Слышите?..

Гулъ радостнаго народнаго крика раздался близко, за поворотомъ улицы. Иванъ Петровичъ и Ѳедя замолчали, только злобно взглянули другъ на друга.

Всадники дали шпоры конямъ и красивымъ галопомъ, звеня оружіемъ, поскакали впередъ. Черезъ двѣ минуты они были уже среди толпы народа, при поворотѣ на довольно широкую улицу зеленѣющую далеко раскиданной, свѣжей травою.

Народъ радостно кричалъ, подбрасывая кверху шапки. Слѣва гудѣлъ торжественный благовѣстъ. Справа, съ пригорка, на которомъ возвышался замокъ, медленно двигался блестящій княжескій поѣздъ.

Лицо князя Сангушки мгновенно преобразилось. Румянецъ залилъ его блѣдныя щеки. Глаза, широко открытые, сіяющіе какимъ-то блаженнымъ выраженіемъ, остановились не мигая на одной далекой точкѣ. Грудь дышала порывисто и рука нервно и безсознательно сжимала рукоятку осыпанной дорогими каменьями, отцовской сабли.

Не вѣликолѣпіе поѣзда поразило молодого князя— это былъ далеко еще не полный парадный поѣздъ Острожскаго, иногда выѣзжавшаго изъ города въ сопровожденіи тысячи провожатыхъ. Онъ даже и не замѣчалъ поѣзда. Онъ не видѣлъ какъ мимо него проскакали передовыя гайдуки, какъ важно проѣхалъ маршалъ двора Острожскаго, сверкая на солнцѣ своимъ золотомъ шитымъ костюмомъ. Онъ не видѣлъ толпу красивыхъ пажей и шляхетской молодежи, среди которой, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ гостей, подвигался князь Константинъ Константиновичъ на бѣломъ, словно серебрянномъ конѣ. Онъ не слышалъ восторженнаго крика, которымъ народъ привѣтствовалъ своего князя.

Онъ глядѣлъ не отрываясь, все съ тѣмъ же блаженнымъ выраженіемъ въ глазахъ... и ближе, ближе становилось то, на что глядѣлъ онъ, и сердце его замирало невольно, и туманилась голова его... За княземъ Константиномъ медленно подвигалась запряженная шестерикомъ, богатая, золоченая, обитая драгоцѣнной парчею колымага. Въ ней помѣщалась княгиня, супруга князя Константина, женщина лѣтъ сорока, съ красивымъ необыкновенно добродушнымъ и ласковымъ лицомъ, а рядомъ съ нею сидѣла молоденькая дѣвушка.

Восторженные крики народа возобновились. Женщины и дѣти бросали свои букеты сирени и другихъ душистыхъ цвѣтовъ. Взгляды всѣхъ были обращены на молодую дѣвушку. „Княжна наша! Красавица Галышка! День красный! Солнышко небесное!“ раздавалось кругомъ съ невольнымъ восторгомъ и благоговѣніемъ.

И этотъ восторгъ, и это благоговѣніе народа были совершенно понятны. Княжна Елена Никитична Острожская (или Гальшка, какъ ее всѣ называли) была необыкновенная, неслыханная красавица. Такая красота родится вѣками, пріобрѣтаетъ себѣ славу, подобно генію и память о ней сохраняется въ исторіи. Такая красота—высочайшій даръ природы—можетъ служить поводомъ и причиной великихъ и часто кровавыхъ событій.

Только вдохновенной фантазіи художника могъ пригрезиться этотъ образъ, совершенное воплощеніе котораго было теперь передъ народной толпою и выдѣлялось на блестящемъ фонѣ парчевыхъ подушекъ какъ бы окруженное золотымъ сіяніемъ.

Княжнѣ Гальшкѣ только что исполнилось семнадцать лѣтъ; но вотъ уже три года какъ по всей Литвѣ и даже Польшѣ разносилась вѣсть о чудесной красотѣ ея. Не мало людей, разумѣется людей молодыхъ и вольныхъ, нарочно пріѣзжало въ Острогъ, чтобъ только взглянуть на нее и потомъ говорить: „я видѣлъ красавицу Гальшку“. Какое же описаніе можетъ дать понятіе объ ея прелести, равно возбуждавшей восторгъ и въ мужчинахъ и въ женщинахъ, и даже въ дѣтяхъ, радостно бросавшихъ цвѣты ей на встрѣчу. Если бы закутать ей голову густымъ покрываломъ, то всякій взглянувъ на эту легкую, безконечно граціозную фигуру, на эти стройные, строго пропорціональные, словно изъ мрамора выточенные члены, не могъ бы усумниться, что это тѣло принадлежитъ безукоризненной красавицѣ, на лицѣ которой не могло быть никакого порока. И точно, здѣсь нельзя было ошибиться—ея небольшая головка, отягченная ниже колѣнъ спадавшими, блѣдно золотистыми и мягкими какъ шелкъ косами, заставила бы даже закоренѣлаго злодѣя выронить ножъ и отступить въ смущеніи и восторгѣ. Большіе, черные, съ длинными рѣсницами глаза казались еще прекраснѣе при свѣтлыхъ волосахъ и необычайно нѣжномъ цвѣтѣ лица. Благородный и строгій профиль смягчался выраженіемъ, которое поражало ясностью душевной чистоты и очевидной на все обращавшейся доброты. Но въ то же время въ этомъ лицѣ было что-то, какая то неуловимая черта, обличавшая присутствіе мысли и воли, а по временамъ, на немъ мелькало отраженіе не то грусти, не то серьезной задумчивости. Однимъ словомъ, поэты того времени говорили про нее, что это была красота, гармонически слившая въ себѣ и божественную прелесть мадонны и земную, обольстительную прелесть классической богини.

Княжна Гальшка на шумныя привѣтствія народа отвѣчала ласковыми, добрыми улыбками, и стыдилась возбуждаемаго ею восторга, и порою смущенно взглядывала на тетку будто желая за нею спрятаться и прося прощенія въ томъ, что она невольно обращаетъ на себя одну всеобщее вниманіе. Но добрая княгиня и сама очевидно гордилась племянницею.

Князь Сангушко едва сдерживалъ свое волненіе и глядѣлъ на Гальшку не отрываясь, какъ очарованный.

Библиотека "Руниверс"

Онъ видалъ ее и прежде, онъ помнилъ ее еще ребенкомъ; въ послѣднее время ея образъ преслѣдовалъ его всюду и даже на померкъ отъ глубокой, мучительной горести, въ которую повергла молодого человѣка смерть его отца, горячё имъ любимаго. Но никогда еще Гальшка не казалась ему такъ безконечно прекрасной. И онъ почувствовалъ, въ первый разъ почувствовалъ совершенно опредѣленно и ясно, что эта чудная красавица, которой всѣ любуются и которую всѣ прославляютъ, для него гораздо больше, чѣмъ красавица, что она дорога ему, что онъ любитъ ее, любитъ больше всего на свѣтѣ...

Ласковая улыбка не сходила съ устъ Гальшки; но глаза ея были скромно полуопущены передъ восхищенной толпою. Она подняла ихъ на мгновеніе и ея взглядъ встрѣтился съ взглядомъ Сангушки. Что-то быстрое, не то изумленіе, не то радость, мелькнуло въ этихъ глубокихъ глазахъ. Ея щеки вспыхнули румянцемъ... Золоченая колымага прокатилась мимо.

Сангушко тронулъ поводья и шагомъ поѣхалъ за нею, не вѣря себѣ, сомнѣваясь и боязливо поддаваясь новой надеждѣ. Онъ обернулся. Среди безчисленныхъ, окружавшихъ лицъ, его взглядъ упалъ на пораженное, восторженное молодое лицо Ѳеди, который растерянно глядѣлъ кругомъ и ничего не видѣлъ передъ собою.

— Ѳедя! крикнулъ князь.

Юноша вздрогнулъ, очнулся и молча поѣхалъ за нимъ смотря по тому же направленію, куда обращались взоры всего народа и горящіе взоры князя.

II.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, какъ мы уже сказали, былъ однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ православія. Его дѣятельность въ этомъ направленіи была неутомима; но и онъ уже съ ужасомъ начиналъ видѣть, что вся его энергія, всѣ его силы далеко недостаточны для веденія успѣшной борьбы съ разнородными и могучими врагами.

Хотя въ XVI вѣкѣ православіе было въ Литвѣ господствующей народной религіей; но огромная масса народа только по имени могла считаться христіанами. Не только въ глубинѣ страны, но и въ деревняхъ, находящихся вблизи городовъ и соприкасающихся съ городской жизнью, царили совершенно языческія понятія и вѣрованія, которыя въ теченіе долгихъ вѣковъ оставались неискорененными. Православныхъ церквей было много; но сельское духовенство не имѣло рѣшительно никакого вліянія на свою паству. Идолы и языческія празднества оставались нетронутыми—имъ только даны были христіанскія наименованія. Такъ, напримѣръ, видя въ церкви вербу съ повѣшенной на ней иконой, народъ поклонялся и вербѣ и иконѣ, воображая, что богиня Блинда была превращена въ дерево и именно въ вербу. Къ христіанскимъ праздникамъ примѣнялись всѣ прежніе языческіе обряды, отчасти сохранившіеся и до сихъ поръ; но въ то время имѣвшіе въ глазахъ народа чисто религіозное значенье. Праздникъ Рождества слился съ праздникомъ *коляды*, Новый Годъ съ языческимъ *щедрымъ вечеромъ*, Крещенье сопровождалось всевозможными обрядами, остатками культа Святовиту. Христова Пасха была ни что иное какъ празднество *волочиньня*. Георгіевъ день справлялся веселыми играми, пѣснями и плясками; въ Троицынъ день завивались вѣнки: въ день Рождества Іоанна Предтечи скакали черезъ огонь; въ день Петра и Павла строились качели. Но этого мало: въ иныхъ мѣстахъ на Троицу, послѣ крестнаго хода, собравшійся въ огромномъ количествѣ народъ, всю ночь завивалъ вѣнки, бросалъ ихъ въ воду и сопровождалъ эти обряды невѣроятными безчинствами.

Солнце и луна, подземныя божества, называвшіеся Баструками, и ихъ владыко Пушайтисъ почитались по прежнему. Имъ народъ молился, чтобъ они смягчали сердце жестокихъ господъ. Окончаніе жатвы, *дожинки*, праздновались по язычески. Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, на большой столъ клали сѣно, потомъ постилали его чистою скатертью, ставили, на столъ бочку пива и затѣмъ вводили быка или корову назначенныхъ въ жертву богу оплодотворенія. Всѣ присутствующіе яростно бросались съ дреколіемъ и оружіемъ на несчастное животное и убивали его до смерти припѣвая: „вотъ тебѣ жертва наша, о богъ земли. Слава тебѣ за сохраненье жизни нашей въ прошломъ году, защити насъ и въ наступающемъ отъ врага, огня, меча, мороваго повѣтрія!“ Мясо убитаго животнаго тутъ же жарилось и съѣдалось.

Но не съ одними остатками язычества приходилось бороться князю Острожскому и прочимъ ревнителямъ православія. Съ нѣкотораго времени въ высшія сословія, а затѣмъ и въ народъ начинали все больше и больше проникать новыя ученія, идущія съ запада Европы. Соперникомъ князю Константину по вліянію и могуществу былъ Николай Радзивиллъ Черный, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, двоюродный братъ королевы Варвары и одинъ изъ ближайшихъ и вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ Сигизмунда-Августа. Радзивиллъ Черный принялъ евангелическо-реформатское исповѣданіе и всѣми мѣрами началъ распространять его по государству. Онъ основалъ кирки въ Вильвѣ, Кельцкѣ, Несвижѣ, Оршѣ, Минскѣ, Брестѣ и во многихъ другихъ городахъ, число которыхъ простиралось до 160. Онъ выписывалъ извѣстнѣйшихъ въ то время проповѣдниковъ, и они разъѣзжали всюду и учили народъ. Онъ устроилъ типографіи и въ большомъ количествѣ печаталъ духовныя книги. Все, что нуждалось въ покровительствѣ могучаго Радзивила, получало это покровительство съ условіемъ отступить отъ православія или католичества и принять реформатство. Радзивиллу содѣйствовали и другіе вельможи: Сапѣги, Ходкевичи, Кишки, Вишневецкіе, Пацы, Войны и т. д. Король оставался совершенно равнодушнымъ къ этому движенію и будто не замѣчалъ паденія литовскаго православія и польскаго католичества.

Князь Константинъ Острожскій видѣлъ какъ съ каждымъ годомъ отрывались отъ церкви надежнѣйшіе сыны ея, какъ русско-литовскіе вельможи уходили въ станъ вражескій. Его покидали лучшіе друзья и союзники, онъ оставался почти одинъ во главѣ православія—а между тѣмъ годы шли и убавляли въ немъ его крѣпкія силы, энергію кипучей дѣятельности. Внимательно глядя кругомъ себя онъ съ ужасомъ убѣждался, что нѣтъ ему вѣрнаго друга и помощника, что умри онъ сегодня—и съ нимъ вмѣстѣ умретъ, пожалуй, и великое дѣло, которому и отецъ его и онъ самъ посвятили всю жизнь свою. Ревностныхъ православныхъ людей было еще не мало, но всѣ они были безсильны, не имѣли того вліянія и тѣхъ огромныхъ матерьяльныхъ средствъ, которыя требовались въ данныхъ обстоятельствахъ.

Только въ родномъ своемъ Острогѣ онъ поврайней мѣрѣ видѣлъ себя въ средѣ своихъ; здѣсь все вокругъ него дышало православіемъ и благочестіемъ. Съ нескрываемой радостью встрѣтилъ онъ вѣсть о рѣшенной городомъ постройкѣ новаго придѣла во имя св. Константина и Елены—ему были дороги и ревность горожанъ къ вѣрѣ и преданность ему самому и его любимой племянницѣ.

Давно уже не видали князя съ такимъ свѣтлымъ радостнымъ лицомъ какъ во время освященія придѣла. Окруженный блестящей толпою, стоя у клироса на небольшомъ возвышеніи, обитымъ малиновымъ бархатомъ, онъ внимательно слѣдилъ за торжественной службой и часто клалъ земные поклоны. Одѣтъ онъ былъ роскошно, въ свѣтломъ атласномъ кафтанѣ съ блестѣвшею

Библиотека "Руниверс"

драгоцѣнными камями цѣпью на шеѣ—но эта роскошь одежды не была плодомъ его собственной заботливости: онъ такъ одѣлся, потому что такъ одѣлъ его приставленный къ его гардеробу шляхтичъ. Еслибы ему принесли старое платье—онъ надѣлъ бы и его и никогда не замѣтилъ бы этого—онъ никакого вниманія не обращалъ на свою внѣшность. Но его фигура, его лицо были такого рода, что какъ бы онъ ни одѣлся, его нельзя было смѣшать съ толпою. Онъ былъ довольно высокаго роста и полонъ. Вокругъ большого, прекрасной формы лба порѣдѣли и посѣдѣли мягкіе волосы, длинная борода еще больше блестѣла сѣдиною; но въ открытыхъ, голубыхъ глазахъ, въ свѣжемъ цвѣтѣ лица и улыбкѣ было много еще жизни, силы и здоровья. Въ счастливыя минуты внутренняго довольства лицо князя поражало откровенной добротой и необыкновенной привлекательностью. Въ минуты гнѣва оно бывало грозно и врядъ ли можно было найти человѣка, который бы не поблѣднѣлъ, встрѣтясь тогда съ его блестящимъ взглядомъ. Всѣ близкіе люди, знавшіе характеръ князя, не могли не уважать его; но къ этому уваженію непремѣнно примѣшивалась большая доля страха. Всѣ знали, что только съ чистой совѣстью и съ разумнымъ словомъ на устахъ можно было смѣло приближаться къ князю, что отъ него можно было ждать справедливости, но ни въ какомъ случаѣ потачки. Онъ уважалъ всякую силу; но разжалобить его слабостью—было очень трудно. Строгій къ себѣ, неуклонно прошедшій серьезную школу нравственнаго самоулучшенія, онъ считалъ себя въ правѣ быть строгимъ къ другимъ и, со стороны, его строгость могла даже иногда показаться жестокостью. Къ тому же дѣятельная жизнь, посвященная всецѣло святой и великой для него цѣли; жизнь сопряженная со многими огорченіями и даже ударами, развили въ немъ нѣкоторую желчность, раздражительность, дѣлавшую его характеръ иной разъ тяжелымъ. Но кто зналъ его трудно разнѣживающееся, но горячее и благородное сердце, кто хоть разъ въ жизни видѣлъ его растроганнымъ, тотъ охотно прощалъ ему привычную суровость. Строгая его неподкупность, самостоятельность и справедливость въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ признавались даже злѣйшими его врагами...

Богослуженіе кончилось. Епископъ Арсеній, маленькій, блѣдный старичекъ, совершенно непричастный интригамъ и даже буйствамъ тогдашняго высшаго духовенства, едва держался на ногахъ подъ тяжестью массивнаго парчеваго одѣянія и тихо шепталъ послѣднія молитвы. Князь Константинъ, набожно приложившись ко кресту и поцѣловавъ руку владыки, выходилъ на паперть принимая поздравленія окружавшихъ.

На паперти стояли въ рядъ бурмистры, рядцы, лавники *) и прочіе почетные горожане. Они громко и радостно встрѣтили князя, который благодарилъ ихъ милостиво наклоняя голову. Затѣмъ онъ обратился къ толпѣ народа.

— Други мои, громко сказалъ онъ,—спаси васъ Богъ за ваше радѣніе къ сему святому храму, нынѣ украшенному и расширенному вашими щедротами. Благодарствую отъ сердца и за чувства ваши ко мнѣ и къ роду моему...

Громкіе крики народа не дали ему докончить. Снова шапки полетѣли въ воздухъ и не многіе успѣли разслышать какъ князь приглашалъ всѣхъ горожанъ къ себѣ въ замокъ, гдѣ на обширныхъ дворахъ, подъ навѣсами, была съ утра приготовлена, по обычаю, обильная трапеза.

Оглянувшись, князь Константинъ замѣтилъ пробиравшагося къ нему сквозь тѣсную толпу молодого Сангушку. Онъ обнялъ его и троекратно съ нимъ поцѣловался, отвѣчая на его поздравленія.

— Гордъ ты сталъ, гордъ, князь Дмитрій Андреевичъ, заговорилъ онъ улыбаясь. Думалъ, самъ обо мнѣ вспомнишь, да заглянешь—анъ ты зову нопѣ сталъ дожидаться .. Ну, да Богъ съ тобой — вишь какой выросъ—мнѣ и спорить съ тобой не приходится; не забудь только, что ты всегда мой гость желанный.

И онъ снова его обнялъ.

А Сангушко и не пытался отвѣчать князю, онъ мимо ушей пропустилъ его нѣсколько насмѣшливо произнесенную фразу: *вишь какой выросъ*... Онъ самъ теперь не могъ понять, зачѣмъ дожидался гонца княжескаго, какъ могъ онъ, изъ какихъ бы то ни было соображеній, пропустить два дня, два дня жизни подъ одной кровлей съ Еленой .. Онъ увидѣлъ ее въ толпѣ, рядомъ съ княгиней, окруженную блестящей молодежью.

Онъ подошелъ къ нимъ и снова ему показалось, какъ будто внезапная краска вспыхнула на щекахъ красавицы.

Онъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ дѣлалось. Имъ овладѣло какое-то опьяненіе и въ опьяненіи этомъ было столько никогда еще неизвѣданнаго имъ счастья, что онъ поддался ему всей душою. Онъ не зналъ, что такое онъ говорилъ княгинѣ, и что она ему отвѣчала Онъ видѣлъ только глубокій и смущеный взглядъ Елены, слышалъ, какъ она ему говорила.

— А мы уже, князь, и не чаяли тебя видѣть—думали—ты въ Краковѣ, а то, пожалуй, и въ Нѣмцы уѣхалъ...

Въ тонѣ словъ этихъ слышался такого рода упрекъ, который могъ бы возбудить великую зависть въ окружающей толпѣ молодыхъ людей, но княжна произнесла эту фразу какъ-то такъ тихо, что разслышалъ ее только одинъ Сангушко.

Князь Константинъ уже садился на коня. Расписная, блестящая колымага подъѣзжала къ церкви. Толпа разступилась. Нарядная прислуга и многіе гости бросились помогать княгинѣ садиться въ экипажъ. Нѣкоторые молодые люди воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ имѣть возможность хоть слегка прикоснуться къ платью красавицы.

Гальшка, садясь въ колымагу, снова невольно взглянула на Сангушку. На этотъ разъ ея взглядъ не былъ замѣченъ никѣмъ, даже самимъ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ. Подмѣтилъ его только одинъ человѣкъ, все время прятавшійся въ толпѣ, но тщательно наблюдавшій за княжною. Человѣкъ этотъ поражалъ своимъ видомъ и рѣзко отличался отъ всего собравшагося люда. Онъ былъ далеко еще не старъ, высокъ и очень худъ. Ростъ его выступалъ еще больше отъ длиннаго, чернаго, какого-то полумонашескаго одѣянія, на которое непріязненно косились проходившіе мимо него горожане. Лицо этого страннаго человѣка соотвѣтствовало его фигурѣ: сухое, блѣдное, съ правильными рѣзкими чертами, черные почти сросшіяся брови, глубокіе впалые глаза, съ тяжелымъ, слишкомъ внимательнымъ взглядомъ—это было какое-то фатальное лицо, нечаянно взглянувъ на которое можно было испугаться... А между тѣмъ оно было красиво и на немъ отражалась дѣятельная мысль и сильная воля.

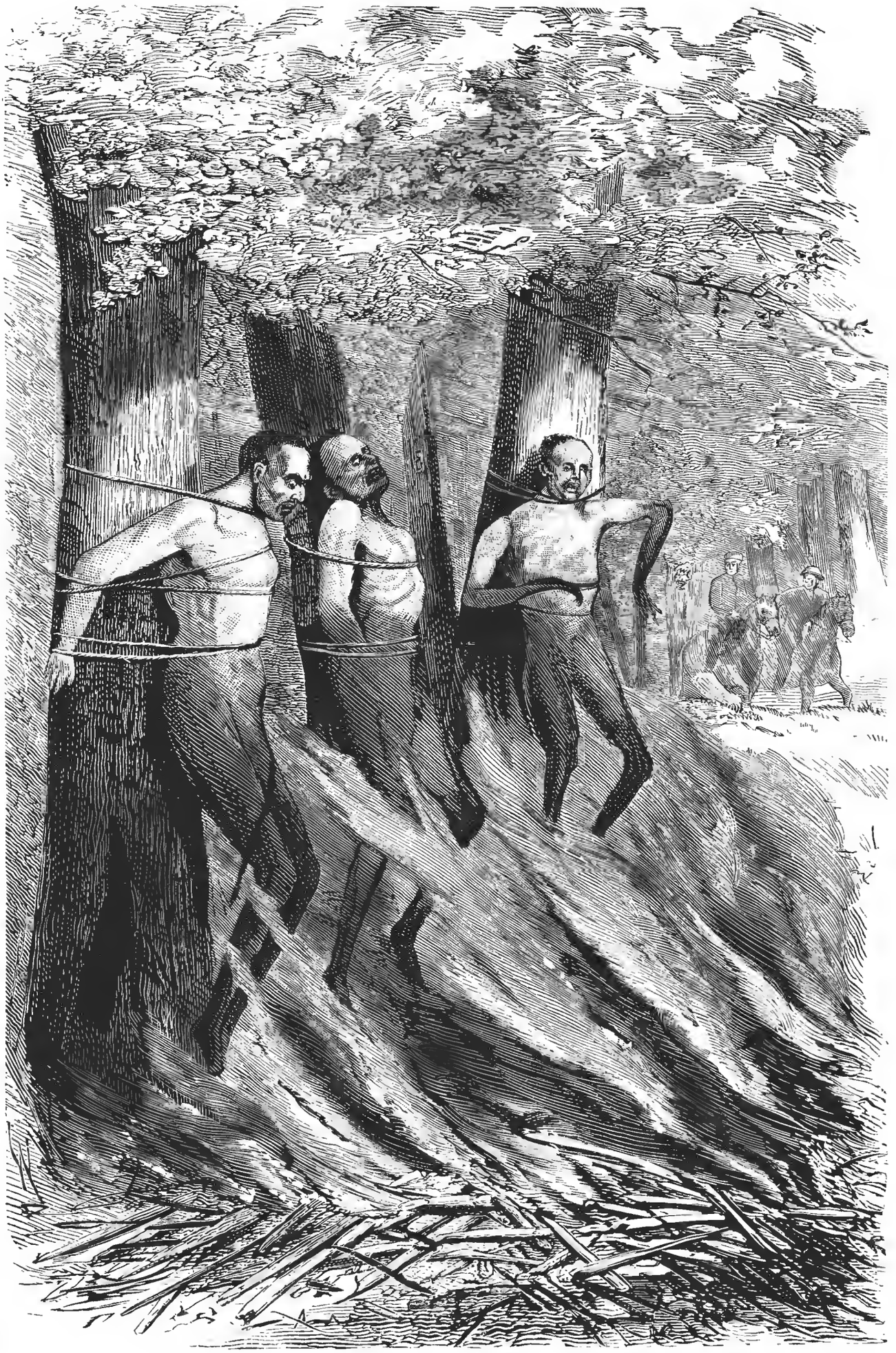
Княжескій поѣздъ, съ маршаломъ во главѣ и въ строгомъ порядкѣ, медленно подвигался по усыпанной травою и цвѣтами улицѣ. Народъ снова привѣтствовалъ его криками и стремился за нимъ, къ широко растворенным воротамъ замка. Вокругъ церкви пустѣло.

Черная фигура страннаго человѣка свернула въ переулокъ и по другой, совершенно пустынной улицѣ, тоже направилась къ замку.

Становилось душно; солнце жгло съ высоты безоблачнаго неба. Черезъ изгороди садовъ свѣшивались на улицу густыя вѣтки бѣлой акаціи, сирени и фруктовыхъ деревьевъ, всѣ усыпанныя сильнымъ, душистымъ цвѣтомъ. Ворота маленькихъ деревянныхъ домиковъ стояли на запорѣ. Была полная тишина и безлюдье.

*) Выборныя городскія должности.

Библиотека "Руниверс"



Сербскіе раненые, заживо сожженные турками. Съ наброска англійс. кор. грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Черная фигура медленно подвигалась по деревяннымъ мосткамъ, настланнымъ съ обѣихъ сторонъ улицы.

Вотъ изъ-подъ одной подворотни выглянула длинная морда собаки. Послышалось рычанье и затѣмъ оглушительный лай. Гдѣ-то вблизи ему завторилъ другой лай, еще пронзительнѣе. Хлопнула калитка, на улицу выбѣжали бѣлоголовые ребятишки, увидѣли черную фигуру...

— У-у-у! Чортъ идетъ, чортъ! закричали они и спрятались въ калитку.

Отворилась ставня, выглянула сѣдая голова старика и сжатымъ кулакомъ энергично погрозила прохожему.

Черный человѣкъ равнодушно взглянулъ на сѣдую голову, на угрожающій кулакъ. Ни одна черта не дрогнула въ лицѣ его. Онъ продолжалъ идти все тѣмъ же мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ, погруженный въ свои мысли.

Скоро онъ скрылся за поворотомъ къ замку.

(Продолженіе будетъ).

Вс. С. Соловьевъ.

Городъ Прага.

Какъ мы русскіе зовемъ нашу Москву матушкой и считаемъ ее хранительницей нашихъ народныхъ, завѣтныхъ воспоминаній, такъ и чехи величаютъ Прагу: «матушка Прага», и каждый камень этого древняго города говоритъ ихъ сердцу о славныхъ событіяхъ ихъ прошлой исторіи. Здѣсь каждое зданіе имѣетъ свою легенду, свою хронику, каждая мѣстность воскрешаетъ въ памяти какое-нибудь народное горе или имя мученика. Кто, посѣтивъ Прагу, не остановится въ нѣмомъ благоговѣніи передъ маленькимъ, въ четыре окна, каменнымъ домикомъ съ черепичной крышей, на стѣнѣ котораго красуется краткая, но краснорѣчивая надпись: «Въ этомъ домѣ впервые увидѣлъ свѣтъ учитель свѣта Янъ Гуссъ 6-го іюня 1469 года». А вотъ на стремнистой высотѣ стоитъ Вышеградъ, нѣкогда столица Чехіи, гдѣ по преданію жила вѣщая Любуша; тутъ же вблизи видна другая возвышенность, такъ называемая гора Жижки, гдѣ этотъ народный герой одержалъ побѣду надъ непріятелями, сваливая на нихъ съ горы огромные камни. Здѣсь же неподалеку возвышается знаменитая Бѣлая гора, на которой рѣшилась судьба Чехіи и погибла народная чешская свобода. Куда ни взглянешь, повсюду остатки почтенной древности, повсюду памятники, драгоцѣнные по своему историческому значенію. Но помимо своего археологическаго богатства, Прага можетъ еще обворожить путешественника красотою своего мѣстоположенія. Гумбольдъ называлъ Прагу въ живописномъ отношеніи четвертымъ городомъ въ Европѣ послѣ Константинополя, Неаполя и Лиссабона. И дѣйствительно — Прага красавица. Раскинутая на берегахъ широкой Влтавы (названной нѣмцами Молдавою), окруженная живописными возвышенностями, она утопаетъ въ зелени садовъ, а безчисленныя ея башни и куполы церквей придаютъ ей еще болѣе красоты и грандіозности. Старое мѣсто, т. е. старый городъ, составляетъ главную часть нынѣшней Праги. Около стараго раздвинулось «новое мѣсто», правильно и изящно обстроенное, и тутъ же пріютился жидовскій городъ, отличающійся, какъ слѣдуетъ быть, своею грязью, тѣснотою и мрачностью.

На Влтавѣ красуются живописные островки, заросшіе высокими деревьями. Изъ нихъ Софійскій напоминаетъ своимъ внѣшнимъ видомъ островъ Руссо въ Женевѣ и служитъ главнымъ мѣстомъ пражскихъ публичныхъ гульбищъ и увеселеній. Съ Градчина, пражскаго Кремля, открывается восхитительный видъ на весь городъ, а съ градчинскаго собора видна, какъ говорятъ, половина Богеміи. Любителю древнихъ, изящныхъ построекъ есть чѣмъ полюбоваться въ Прагѣ. Всевозможныя архитектурныя стили, какъ-то: романскій, готскій, ренессансъ, рококо, псевдо-классическій воплотились здѣсь въ грандіозныхъ и монументальныхъ зданіяхъ. Особенно богато украшалась имп Прага въ блестящую пору Карла IV, основателя пражскаго университета. При немъ она превзошла населенностью и богатствомъ всѣ города средней Европы и стала центромъ не только торговой и промышленной дѣятельности, но также замѣчательнаго творчества въ области изящныхъ искусствъ. Благодаря частымъ сношеніямъ съ Франціей, Чехія усвоила роскошный стиль французскихъ каѳедральныхъ храмовъ. Въ этомъ стилѣ Карлъ IV началъ въ Прагѣ постройку храма св. Витта и перестроилъ Градчинъ по образцу парижскаго Лувра. Карлъ IV, женатый на француженкѣ изъ дома Валуа, хотѣлъ сдѣлать изъ Праги Парижъ въ миніатюрѣ, и во время его царствованія французское вліяніе выражалось не только въ архитектурномъ стилѣ, но даже въ нравахъ, обычаяхъ и языкѣ чеховъ. Въ это блестящее для Праги время ее посѣщали и коронованные особы (Вольдемаръ Датскій и Казиміръ король польскій) и разныя знаменитости, между прочимъ, Колодія Ріенци и Петрарка. Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ этой эпохи—соборъ, построенный по плану архитектора Матвѣя Арра, присланнаго въ Прагу изъ Авиньона отъ папы Климента VI. Процвѣтаніе архитектуры продолжалось и при Вячеславѣ IV, но вскорѣ гусситскія войны прервали эту вѣковую дѣятельность зодчества и разрушили множество архитектурныхъ памятниковъ прежняго времени. Несмотря на такое разрушеніе, Эній Сильвій, посѣтившій Прагу послѣ гуситскаго погрома, еще удивлялся богатству и красотѣ пражскихъ зданій и особенно церквей. Въ мирный періодъ управленія Вячеслава городъ значительно обстроился. Къ этому времени относится постройка капеллы при Староградской ратушѣ съ замѣчательно красивыми хорами (1381 г.) Извѣстная порохова башня, которой описаніе и рисунокъ помѣщены въ «Нивѣ» прошлаго года (№ 42), также была заложена при Вячеславѣ. Съ конца XV ст. въ Чехію начинаетъ проникать новоклассическій «итальянскій стиль возрожденія». Въ этомъ стилѣ построенъ въ 1534 году, итальянцемъ Февабоско де-Ланьо, по приказанію Фердинанда I, изящный пражскій бельведеръ. Съ половины XVI вѣка много храмовъ сооружалось въ Чехіи вліятельными въ то время іезуитами, но эти храмы преимущественно отличаются безвкусіемъ и вычурностью постройки. При Іосифѣ II строительное искусство было взято въ руки правительства, и какъ храмы такъ и другія зданія стали строиться по одному образцу, въ какомъ-то казарменномъ стилѣ. Такова исторія пражской архитектуры, замѣчательной по своей плодовитости и разнообразію своихъ произведеній, но для полноты ея характеристики необходимо упомянуть, что кромѣ замѣчательныхъ зданій она украсила Прагу другими интересными сооруженіями. Къ такого рода сооруженіямъ безспорно принадлежитъ каменный мостъ черезъ Влтаву, или Молдаву, изображеніе котораго читатели найдутъ въ двухъ рисункахъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ № «Нивы». Этотъ мостъ построенъ Карломъ IV. Постройка его продолжалась отъ 1357 до 1507 г.; имѣетъ 16 арокъ; по обѣимъ сторонамъ его находятся двѣ древнія башни, служившія прежде для обороны города. Воздвигнутая въ 1451 г. противъ Мостовой площади, башня Стараго города украшена гербами странъ, находившихся нѣкогда въ соединеніи съ Богеміей, и каменными статуями Карла IV съ сыномъ Венцелемъ IV. На галлереѣ башни были выставлены, впродолженіи шести лѣтъ, головы казненныхъ въ 1621 г. Стоя на мосту, можно видѣть только находящійся на башнѣ гербъ Стараго Города. Въ 1648 г. эта башня служила защитой Старому и Новому городу отъ шведовъ, которые въ то время, вслѣдствіе измѣны ритмейстера Одовальскаго, почти безъ сопротивленія овладѣли восточной частью города; Шведы почти четырнадцать недѣль безуспѣшно осаждали и обстрѣливали башню.

При изгнаніи Пруссаковъ изъ Праги въ 1744 г., на этомъ мосту происходило самое кровопролитное сраженіе, а во время іюньскаго возстанія 1848 года студенты воздвигли здѣсь свои главныя баррикады.

Столбы на мосту украшены тридцатью статуями и группами святыхъ. Есть Распятіе съ надписью: «Трижды святъ, святъ, святъ! Воздвигнуто въ честь распятаго Христа на штрафныя деньги, взысканныя королевскимъ трибуналомъ въ 1606 г. съ косщунствовавшаго противъ св. Креста еврея». Небольшая мраморная доска съ крестомъ вдѣлана въ стѣнку моста, между 6 и 7 столбами и обозначаетъ мѣсто, откуда святой Іоаннъ, покровитель Богеміи, по повелѣнію императора Венцеля, былъ сброшенъ въ воду за то, что не хотѣлъ выдать тайну, ввѣренную ему королевой на исповѣди. По преданію, тѣнь святого нѣкоторое время носилась по волнамъ Молдавы, и вокругъ головы его виднѣлось пять блестящихъ звѣздъ. Башни моста въ свое время украшались статуями и орнаментами готическаго стиля, но теперь этихъ украшеній осталось весьма немного: часть изъ нихъ была разрушена шведами во время бомбардировки ими Праги, а часть уничтожило безпощадное время и столь же безпощадные къ пражскимъ древностямъ хозяева города—нѣмцы. Что же касается до украшающихъ мостъ статуй и фигуръ то онѣ преимущественно произведенія 17-го столѣтія и по своей многочисленности придаютъ мосту весьма красивый видъ, хотя многіе изъ нихъ очень плохи и по идеѣ и по исполненію. При постановкѣ этихъ статуй не могло быть общаго плана, такъ какъ они ставились въ различное время и на иждивеніе разныхъ частныхъ лицъ и корпорацій. Всѣ эти каменные фигуры носятъ на себѣ явные слѣды глубокаго упадка ваятельнаго искусства и многія изъ нихъ кажутся скорѣй произведеніями грубаго каменотеса, чѣмъ художника. Такое топорное зодчество, конечно, не можетъ нравиться человѣку, развившему свой вкусъ на античныхъ произведеніяхъ, но не слѣдуетъ забывать, что при сооруженіи этихъ статуй на первомъ планѣ была идея, а не исполненіе. Здѣсь ваятель старался всѣми силами, чтобы яснѣе выразить какую нибудь религіозную идею и, конечно, часто впадалъ въ весьма странную символистику. Образчикомъ этого рода мистическаго наянія можетъ служить статуя св. Каэтана, поставленная на мосту іезуитами. Въ ней, художникъ, желая наглядно изобразить, какъ сердце святого стремится къ небу, помѣстилъ это ярко вызо-

Библиотека "Руниверс"

лоченное сердце съ выходящимъ изъ него пламенемъ, внѣ главной фигуры, на высокомъ постаментѣ, окруживъ его рядами облаковъ и изображеніями ангеловъ и птичекъ. Вся эта скульптурная фантазія, своимъ общимъ видомъ производитъ на зрителя очень странное впечатлѣніе.

Заговоривъ о Прагѣ, нельзя оставить безъ вниманія ея общеславянское значеніе. Прага безъ сомнѣнія составляетъ умственный и нравственный центръ западнаго славянства. Здѣсь началось, сложилось и получило дальнѣйшее развитіе славянское движеніе, извѣстное подъ именемъ *панславизма*, столь ужасавшее, да и до сихъ поръ не перестающее ужасать австрійское правительство. Живучесть чешской національности не замѣтна съ перваго взгляда при посѣщеніи Праги. Напротивъ того, городъ весьма смахиваетъ на нѣмецкій: повсюду преобладаетъ нѣмецкій говоръ, всюду попадаются нѣмецкія вывѣски, и типъ кореннаго чеха, теряется между нѣмецкими типами. Только проживъ въ Прагѣ подольше, сойдясь поближе съ ея жителями, посѣщая театръ и многолюдные общественные собранія, можно убѣдиться, что Прага городъ чешскій и городъ славянскій. Долгую борьбу выдержали чехи, отстаивая свою національность противъ ея притѣснителей. Съ 1620 года начался неврерывный рядъ преслѣдованій и угнетеній, грозившихъ полнымъ уничтоженіемъ чешской народности. Іезуиты стали полными хозяевами страны, и всѣ непокорные ихъ волѣ некатолики подвергались изгнанію или силою обращались въ католичество; страшныя казни постигли многихъ чешскихъ патріотовъ и ревнителей народнаго просвѣщенія, возставшихъ противъ католическаго обскуратизма. Университетъ былъ отданъ іезуитамъ въ полное владѣніе, чешскія книги сжигались публично, какъ вредныя или по крайней мѣрѣ, безполезные. Іезуитъ Антоній Коніашъ умершій въ 1760 году хвалился, что онъ одинъ сжегъ 60,000 чешскихъ книгъ. Немудрено, что послѣ такого погрома и чешскій языкъ и чешская литература какъ бы исчезли съ лица земли. Народный говоръ сохранился лишь въ низшемъ классѣ; средній и высшій классъ народа считали свой родной языкъ плебейскимъ и усвоили себѣ нѣмецкую рѣчь. Императоръ Іосифъ II, ярый германизаторъ подвластныхъ ему народностей, употребилъ всѣ усилія чтобы окончательно онѣмечить чеховъ и съ этою цѣлью ввелъ нѣмецкій языкъ и въ школьное преподаваніе и въ администрацію страны. Но благодаря трудамъ ученыхъ патріотовъ и особенно Добровскаго, Ганки, Шафарика и Палацкаго, чешская рѣчь не погибла; обогащенная многими литературными и учеными трудами, она опять зазвучала въ устахъ всего народа, не исключая и высшаго сословія. Съ цѣлью еще болѣе укрѣпить народное самосознаніе, въ 1818 году положено было въ Прагѣ начало чешскому національному музею, болѣе всего обязанному своимъ развитіемъ и богатствомъ, долгое время имъ завѣдывавшему, страстному патріоту Ганкѣ. Нынѣ музей обладаетъ библіотекою въ 120,000 томовъ и богатыми кабинетами: минералогическимъ и естественно-научнымъ. При музеѣ, въ видахъ изданія чешскихъ книгъ, учреждена такъ называемую *матицу* имѣющую теперь до 146,000 гульденовъ капитала. Изъ частныхъ пражскихъ клубовъ и собраній, гдѣ происходятъ на родномъ языкѣ публичныя чтенія и даются спектакли, болѣе всѣхъ замѣчательны: гражданская бесѣда, собраніе художниковъ, и улей клубъ, посѣщаемый преимущественно простымъ и рабочимъ классамъ. Кромѣ того, для развитія въ народѣ любви къ родной музыкѣ, существуетъ нѣсколько обществъ музыкальнаго и хорового пѣнія, между коими первое мѣсто занимаетъ общество «Глаголъ» подъ управленіемъ талантливаго композитора Бенделя. Что же касается до чешской журналистики, то она честно и энергически отстаиваетъ народные интересы и не упускаетъ изъ виду частыхъ проявленій правительственнаго антогонизма ко всякому національному движенію. Что австро-венгерское правительство относится враждебно ко всякой взаимности между чехами и другими славянскими племенами, доказывается тѣмъ недавнимъ, возмутительнымъ фактомъ, что общество, образовавшееся въ Прагѣ для сбора пожертвованій въ пользу балканскихъ славянъ, было закрыто, какъ противузаконная ассоціація. Но всѣ эти насильственныя мѣры не могутъ нарушить умственной и нравственной связи между чехами и ихъ славянскими братьями, и каждое крупное событіе въ славянскомъ мірѣ, конечно, найдетъ отголосокъ и въ Прагѣ—этой древней столицѣ одной изъ главнѣйшихъ славянскихъ народностей.

А. Н—ой.

Сербскіе раненые, заживо сожженные турками.

Предъ нами ужасающая картина! Предъ нами изображеніе чудовищнаго, звѣрскаго факта, и къ сожалѣнію не выдуманнаго, а дѣйствительно совершившагося во время настоящей славяно-турецкой войны.

Мы уже сообщили въ № 36 „Нивы“ (см. въ политическомъ обозрѣніи телеграмму отъ 27 августа изъ лагеря у Делиграда) что „близь одного селенія на склонѣ Ястребиныхъ горъ, найдены три раненые серба, привязанные къ деревьямъ. Они были, по словамъ телеграммы, сожжены, при чемъ огонь разложенъ былъ у ихъ ногъ; ноги совершенно обуглились, тѣла представляли ужасное зрѣлище“.

И это война!? И послѣ этого можно вести переговоры о мирѣ!? Нѣтъ, это не война, это звѣрства исконныхъ враговъ христіанства, и великій грѣхъ возьмутъ на себя тѣ, кто въ интересахъ злобы дня смягчитъ этотъ потрясающій фактъ и непридастъ ему того ужаснаго значенія, какое онъ имѣетъ. И пусть эти несчастные, пріявшіе страдальческую кончину, стоятъ живымъ упрекомъ нашему времени, столь гордящемуся благами цивилизаціи.

Литературный альбомъ

«Страшная месть», разсказъ Н. В. Гоголя.

«Вечера на хуторѣ, близъ Диканьки», представляютъ одно изъ первыхъ литературныхъ произведеній Николая Васильевича Гоголя, обратившихъ на него вниманіе первоклассныхъ нашихъ литераторовъ,—Пушкина, Жуковскаго и др. Вечера изданы въ 1831 году, т. е. когда Гоголю былъ 21 годъ. Разсказъ, къ которому относится наша картинка, находится во второй части вечеровъ, и озаглавленъ «Страшная месть». Содержаніе его, заимствованное изъ старинныхъ легендъ, заключается въ слѣдующемъ: Въ давніе годы, жили два казака, Иванъ да Петро. Они жили дружно, какъ два брата, и обѣщались дѣлить пополамъ и горе, и радость, и богатство и бѣдность. Долго такъ жили они, но вдругъ одинъ изъ нихъ, Иванъ, неожиданно прославился и разбогатѣлъ. Раздѣлилъ онъ богатство съ названнымъ братомъ, Петромъ, но славы не могъ ему передать. И позавидовалъ Петро славѣ Ивана; стала мучить его тайная вражда къ брату, и вотъ Петро, улучивъ время, столкнулъ Ивана въ пропасть, вмѣстѣ съ его младенцемъ-сыномъ. Въ возмездіе за такое злодѣйство присудилъ Богъ убійцу: вѣчно мучиться послѣ смерти, грызть свои кости и смотрѣть, какъ потомки его совершаютъ злодѣянія. Племя его тоже обречено было нести наказаніе: послѣдній въ его родѣ долженъ былъ быть неслыханнымъ, небывалымъ грѣшникомъ, совершить множество преступленій и убійствъ. Дочь этого злосчастнаго послѣдняго въ родѣ, честная, невинная Катерина, вышла замужъ за храбраго казакаДанилу Бурульбаша. Послѣ долгаго скитанія по чужимъ землямъ, отецъ Катерины возвращается на родину и остается жить у зятя своего, Данилы. Вскорѣ Данило, и Катерина, убѣждаются, что старикъ отецъ не честный казакъ, а колдунъ и страшный злодѣй. Однажды Данило увидалъ, какъ тесть его подъѣхалъ къ старинному развалившемуся замку на другомъ берегу Днѣпра и скрылся въ немъ. Казакъ съ вѣрнымъ хлопцемъ захотѣлъ выслѣдить старика и узнать, что онъ дѣлаетъ въ пустой, никѣмъ не обитаемой развалинѣ, и для этого влѣзъ на дерево передъ окномъ, въ которомъ будто бы мелькнулъ слабый свѣтъ. Тутъ онъ увидалъ зрѣлище, отъ котораго кровь застыла въ его жилахъ, и онъ едва усидѣлъ на сучкѣ. Передъ его глазами колдунъ началъ дѣлать заклинанія и вызывать привидѣнія и духовъ. Наконецъ колдунъ вызвалъ душу Катерины, дочери своей. Данило увидѣлъ воздушную женщину, въ которой узналъ свою жену.

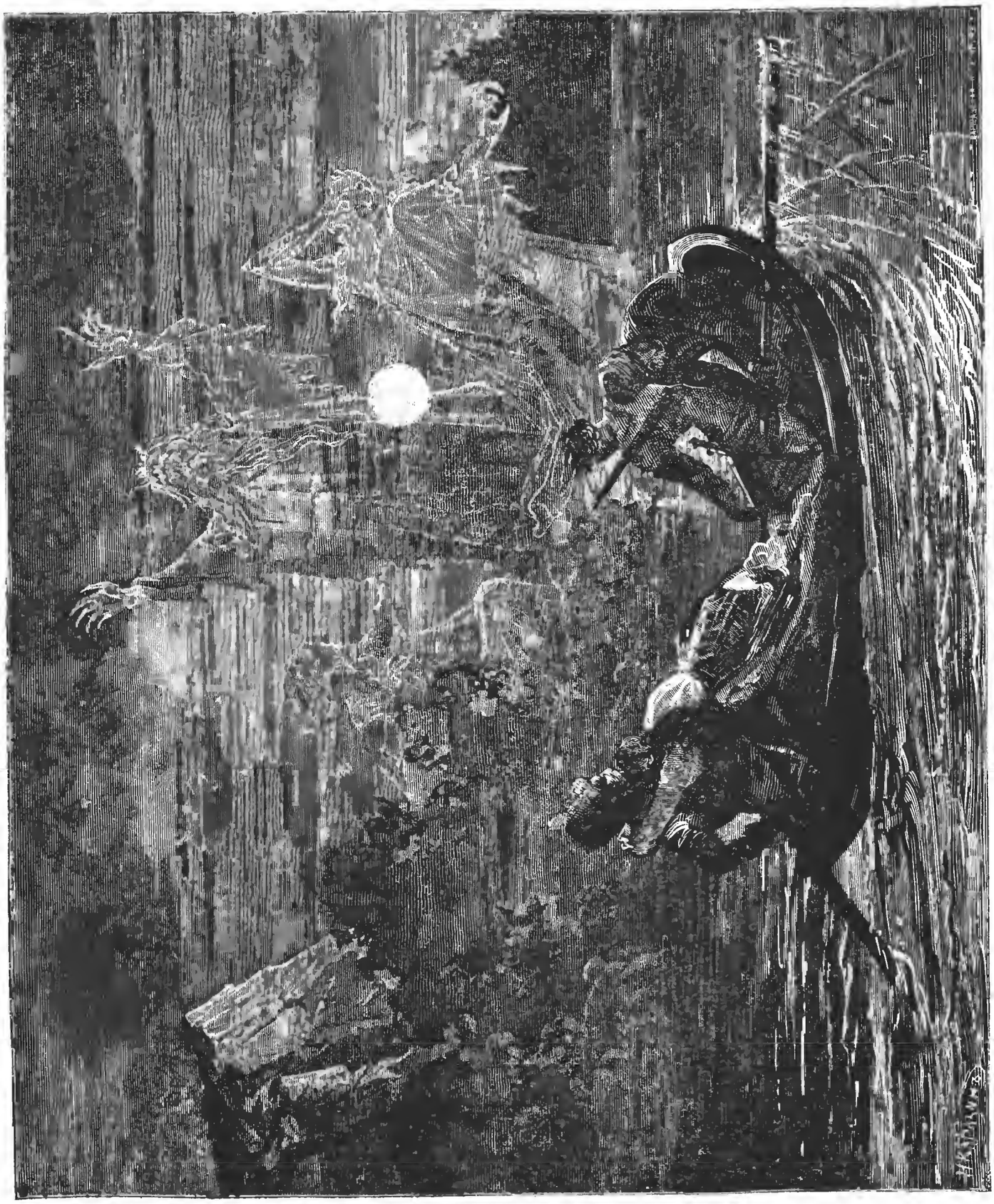
«Гдѣ теперь пани твоя?» спросилъ колдунъ.

«Пани моя, Катерина, теперь звснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать... зачѣмъ ты меня вызвалъ?»

«Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера?» спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разлушать.

«Помню, помню, но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многаго не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея»... «Покайся, отецъ! не страшно-ли, что послѣ каждаго убійства твоего, мертвецы, подымаются изъ могилъ?»

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ: „Страшная месть“. Н. В. Гоголя. Ил. Н. Каразина, грав. въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

Звѣрства баши-бузуковъ въ сербской деревнѣ. Рис. Шенбергъ, грав Цамарскій.

Библиотека Руниверс

«Ты опять за старое!» грозно прервалъ колдунъ «я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!..»

«О, ты чудовище, а не отецъ мой!» простонала она: «нѣтъ, не будетъ по твоему!» Данило Бурульбашъ въ ужасѣ слѣзаетъ съ дерева и идетъ домой, чтобы разсказать объ этомъ женѣ. Страшный колдунъ, наконецъ, пойманъ, уличенный въ измѣнѣ казачеству и посаженъ Бурульбашемъ въ подвалъ на цѣпь. Но наканунѣ лютой казни злодѣй украшиваетъ дочь свою, нарядитъ ея.

Катерина колеблется, но дочернее чувство беретъ верхъ, и она выпускаетъ преступнаго отца. Злодѣй пользуется этимъ, и убиваетъ Данилу, внука и дочь, отъ горя сошедшую съ ума. Наконецъ онъ убиваетъ святого схимника въ пещерѣ, и мѣра его преступленій переполняется. Наступилъ часъ возмездія за всѣ совершенныя имъ злодѣйства, и конь невольно подвозитъ убійцу къ огромному всаднику, много лѣтъ стоявшему неподвижно на горѣ, въ ожиданіи, когда провидѣніе приведетъ къ нему злодѣя. Фантастическій всадникъ, Петро, схватываетъ злодѣя громадною рукою высоко поднимаетъ его на воздухѣ и бросаетъ въ пропасть, гдѣ на него свирѣпо накидываются жертвы его злодѣяній, долго ожидавшія его, и вонзаютъ зубы въ его тѣло... Вотъ въ коротенькихъ слонахъ содержаніе поэмы «Страшная месть».

Картинка изображаетъ плывущаго въ лодкѣ Бурульбаша съ женою, сыномъ и двумя казаками. На другомъ берегу Днѣпра, на кладбищѣ, шатаются кресты и изъ земли подымаются мертвецы, убитые колдуномъ и ждущіе смерти своего злодѣя. Бурульбашъ съ тайнымъ смущеніемъ смотритъ на это ужасное зрѣлище и старается ободрить совсѣмъ оробѣвшихъ хлопцевъ и жену.

Звѣрства баши-бузуковъ въ сербской деревнѣ

Картина представляетъ одну изъ сценъ грабежа, убійства и насилія, которыя производитъ теперь разнузданный фанатизмъ турокъ въ средѣ балканскаго населенія одноплеменныхъ и единовѣрныхъ съ нами славянъ, съ презрѣніемъ называемыхъ турками райей, т. е. стадомъ—такъ слабы и беззащитны они въ глазахъ своего врага.

Баши-бузуки (что значитъ буквально: головорѣзы), напавъ на мирныхъ и беззащитныхъ жителей деревни, съ злорадствомъ предаютъ все огню и мечу: грабя, поджигаютъ крестьянскія хаты, рубятъ головы мужчинамъ, нагло оскорбляютъ и увозятъ женщинъ, тиранятъ и мученически убиваютъ дѣтей... Стоны, отчаянные вопли, неистовые крики и всепожирающее пламя!.. Защиты и спасенья ни откуда! Только вѣрный песъ (см. картину) защищаетъ трупъ своего обезглавленнаго хозяина.

Таково безвыходное положеніе нашихъ единовѣрныхъ одноплеменниковъ, болѣе 4 вѣковъ несущихъ на себѣ невыносимое турецкое иго!.. Мы, русскіе, до сихъ поръ очень мало знали объ этихъ нашихъ страждущихъ братьяхъ, до насъ не долетали ихъ тяжелые вздохи, не доносилась ихъ печальная, щемящая сердце пѣсня о своемъ горѣ и былой свободѣ. Только теперешніе стоны-вопли, выдавленные изъ мощной славянской груди страшнымъ напоромъ мусульманской силы, поразили нашъ слухъ и возмутили до глубины русскую душу. Только теперь! А прислушайтесь-ка къ пѣснѣ этого народа-страдальца, рисующей его житье-бытье.

«Поле Гацкое *) родное,
«Какъ бы ты привольно было,
«Еслибъ съ голодомъ не знялось,
«Еслибъ съ голодомъ не знялось,
«Съ злой неволей не встрѣчалось!
«На тебѣ сегодня пиръ кровавый,
«Палачи повсюду, да оружье,
«Боевые кони, да палатки,
«Тяжкія оковы, да фелеки. **)
«Что же тамъ за палачи такіе?
«Для чего тамъ свѣтлое оружье?

* * *

»Что за кони, и зачѣмъ шагры тамъ,
«Тяжкія оковы и фелеки?
«Смаилъ-ага тамъ сбираетъ подать
«И на Гацкомъ полѣ и за Гацкомъ.
«Середь поля онъ шагры раскинулъ,
«Разослалъ онъ сборщиковъ удалыхъ,
«Сборщиковъ—заѣли бы ихъ волки!
«Хочетъ онъ съ души взять по дукату,
«Со двора по жирному барану
«И добыть себѣ красотку на ночь...
. . . . . .

* * *

«Ѣдутъ турки сборщики съ востока,
«За собой ведутъ нагую райю;
«Показались сборщики съ заката,
«За собой ведутъ нагую райю;
«Ѣдутъ, змѣи, съ сѣвера и юга,
«За собой ведутъ нагую райю.
«По слѣдамъ коней ступаетъ райя;
«Связаны у райи бѣдной руки,
«За спиною связаны веревкой...
«Боже! въ чемъ же райя провинилась?
«Въ томъ ли, что нужда подъѣла турокъ?
«Въ томъ ли, что ихъ нечисть одолѣла?
«Провинилась—въ чемъ же? Въ томъ, что дышетъ,
«А не можетъ, по желанью турка,
«Дань давать ни золотомъ, ни хлѣбомъ.

* * *

«Вседержитель птицамъ отдалъ воздухъ,
«Дупла далъ, спокойныя далъ гнѣзда;
«Рыбамъ воду, глубины морскія,
«Свѣтлые, кристальные чертоги;
«Звѣрю далъ лѣса, крутыя горы,
«Тѣнь пещеръ и шолкъ луговъ зеленыхъ;
«Бѣдной райѣ не далъ корки хлѣба,
«Чтобъ ее слезами оросила.
«Нѣтъ! и ей онъ далъ удѣлъ отрадный,
«Да все отнялъ турокъ кровожадный»...

* * *

«Кто тутъ витязь, кто боецъ удалый?
«Опоясь скорѣе саблю востру:
«Часъ насталъ за крестъ свой заступиться,
«Воротить свободу золотую»...

(См. Поэзія славянъ. Изд. Гербеля, стр. 248, 256, 273, 275).

Н. К—овъ.

Пигмеи древнихъ,

найденные во внутренней Африкѣ.

(По поводу открытій д-ра Швейнфурта въ экваторіальной Африкѣ ***).

(Окончаніе).

Однажды во время его пребыванія у короля племени Момбутту — Мунзы, при немъ пришелъ къ королю начальникъ каравана, Абд-ес-Саматъ, держа на плечахъ странное человѣческое существо, которое мотало головою и съ испугомъ смотрѣло вокругъ себя. Это странное созданіе оказалось придворнымъ карликомъ короля изъ пигмейскаго племени Акка. Швейнфурту удалось его успокоить и съ помощью подарковъ хорошенько разглядѣть, смѣрить и срисовать. Его звали Адимоку и онъ оказался начальникомъ маленькой колоніи пигмеевъ, находящейся въ разстояніи часа пути отъ резиденціи короля Мунзы. На распросы относительно его страны карликъ отвѣчалъ вяло и неохотно. Все, что удалось узнать отъ него чрезъ переводчиковъ, заключалось въ томъ, что народъ Акка обитаетъ въ разстояніи трехъ дней пути къ юго-востоку и состоитъ изъ 9-ти племенъ.

Они частью подчинены племени Момбутту и охотятся для своихъ сосѣдей, за что пользуются ихъ покровительствомъ. Послѣ этого Штейнфурту не разъ приходилось видѣть пигмеевъ—Акка, и каждый разъ его поражала быстрота ихъ движеній и необыкновенная ловкость и увертливость. Но особенно хорошо ознакомился нашъ путешественникъ съ этою расою, благодаря тому, что получилъ отъ короля Мунзы, въ промѣнъ за свою собаку, одного такого карлика, котораго онъ изучалъ въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію, бѣдный Изевуэ (такъ звали карлика), умеръ на возвратномъ пути въ Египетъ въ Хартумѣ и главною причиною его смерти была необыкновенная обжорливость. Швейнфурту удалось пріучить къ себѣ своего пигмея, удовлетворяя всѣмъ его капризамъ. 19-ти лѣтъ, когда Швейнфуртъ пріобрѣлъ его, Изевуэ имѣлъ 1,34 метра росту. Разговаривать съ нимъ было не легко, такъ-какъ, кромѣ роднаго языка, произносимаго весьма невнятно, онъ не могъ выучиться никакому другому кромѣ нѣсколькихъ словъ на нарѣчіи Бонго, которыя онъ произносилъ съ трудомъ.

Еще во время пребыванія Швейнфурта въ Египтѣ, въ Декабрѣ 1873 г., въ Хартумъ прибыли двѣ барки, нагруженныя коллекціями и бумагами итальянскаго путешественника Міани, умершаго въ странѣ Момбутту. Въ

*) Въ Герцеговинѣ, на с.-з. отъ Черногоріи.
**) Орудіе, которымъ сдерживаютъ ноги при наказываніи по пятамъ.
***) См. «Ниву» № 37.

Библиотека "Руниверс"

этихъ коллекціяхъ находилось между прочимъ два живыхъ экземпляра пигмеевъ Акка. Они немедленно были доставлены въ Каиръ, гдѣ были тщательно изучены и описаны президентомъ египетскаго ученаго института Колуччи-пашей и англійскимъ натуралистомъ Ричардомъ Оеномъ. Въ настоящее время эти оба представителя расы пигмеевъ, еще недавно считавшейся баснословною, находятся уже въ Италіи, гдѣ профессоръ Панчери, привезшій ихъ изъ Египта, представилъ ихъ королю Виктору-Эмануилу. Оба они мальчики и могутъ имѣть, судя по ихъ зубамъ, одинъ отъ 9-ти до 10-ти, а другой отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ. Старшій имѣетъ 1,11 метра, а младшій ровно 1 метръ росту. Цвѣтъ ихъ кожи — шоколадный; они имѣютъ большіе, живые глаза и высокій лобъ, придающій ихъ лицу весьма смышлёное выраженіе, которое до сихъ поръ оказывается обманчивымъ. Волосы ихъ курчавы и шерстисты: у одного они черные, а у другаго — золотисто-каштановые. Они почти не имѣютъ губъ, и ихъ ротъ, особенно когда онъ закрытъ, кажется какъ-бы щелью и придаетъ имъ сходство съ обезьянами. Сходство это увеличиваетъ еще болѣе весьма выдающееся впередъ брюхо и вогнутая спина *). Носъ у нихъ вдавленъ, нѣсколько приплюснутъ и съ весьма широкими ноздрями: уши очень велики. Ноги, руки и шея весьма тонки и вмѣстѣ съ очень большою головою и безобразнымъ туловищемъ представляютъ весьма некрасивое цѣлое. Добавимъ къ этому описанію, что, по словамъ Швейнфурта, у взрослыхъ руки остаются совершенно дѣтскими, а борода отростаетъ мало.

Весьма интересно заключеніе д-ра Швейнфурта о найденной имъ расѣ, которое есть послѣднее слово этого важнаго открытія. Кажется, говоритъ онъ, что это племя Акка принадлежитъ къ цѣлому семейству народовъ — пигмеевъ, населяющихъ экваторіальную (неизвѣстную намъ) часть центральной Африки; оно представляетъ всѣ признаки первобытной расы. Акка напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ бушменовъ и между прочимъ своими большими ушами.

Сопоставляя это мнѣніе съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ путешественника Баттеля, который, впрочемъ, далеко не авторитетъ, можетъ возникнуть предположеніе, что область народовъ-пигмеевъ, занимая всю центральную часть экваторіальной Африки, достигаетъ западныхъ ея прибрежій **). Рѣшеніе этого интереснаго вопроса заставляетъ насъ желать, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія, какъ съ востока, такъ и съ запада, вскорѣ пополнили пробѣлъ, который представляетъ въ нашемъ землевѣдѣніи почти вся экваторіальная Африка.

При новыхъ данныхъ о несомнѣнномъ существованіи въ Африкѣ расы пигмеевъ, возможно стало болѣе точное и удовлетворительное объясненіе упомянутаго нами выше разсказа Геродота ***), который еще недавно видимо затруднялъ его толкователей.

Позволимъ себѣ привести здѣсь подлинный разсказъ, такъ-какъ для вѣрнаго его пониманія необходимо обратить вниманіе на каждую заключающуюся въ немъ подробность. Къ тому-же, это есть существенное мѣсто въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, упоминающее о дѣйствительной встрѣчѣ съ африканскими пигмеями: всѣ прочія указанія, встрѣчающіяся у нихъ, весьма кратки и передаютъ почти одно только имя этого племени. „Въ племени назамоновъ ****), говоритъ Геродотъ, нѣсколько смѣлыхъ молодыхъ людей знатнаго происхожденія, вздумали, по достиженіи совершеннолѣтія, прославить себя какимъ-нибудь подвигомъ. Они выбрали по жребію изъ своей среды пятерыхъ, которые должны были изслѣдовать пустыни Ливіи и попытаться сдѣлать открытія въ странахъ, которыхъ никто до тѣхъ поръ не достигалъ.“

При семъ Геродотъ считаетъ необходимымъ прибавить слѣдующее поясненіе: „Та полоса Ливіи, говоритъ онъ, которая омывается сѣвернымъ (средиземнымъ) моремъ, отъ Египта до мыса Солонсъ (cap Cantin), ея крайняго предѣла, вся населена ливіянами и многими ливійскими племенами, за исключеніемъ странъ занятыхъ финикіанами и греками. Но по мѣрѣ удаленія отъ берега и отъ обитаемыхъ мѣстностей Ливія превращается въ дикую страну, служащую притономъ хищнымъ животнымъ, а еще далѣе начинается песчаная и безводная пустыня“. Засимъ Геродотъ возвращается къ разсказу.

„Назамонскіе юноши, посланные въ странствіе своими товарищами и снабженные на долго водою и припасами, путешествовали сначала по населеннымъ странамъ. Пройдя ихъ, они вступили въ мѣстности, гдѣ обитаютъ одни хищные звѣри. Оттуда они перешли въ пустыню, направляясь къ зефиру (юго-западу). Перейдя чрезъ обширныя песчаныя пространства, и послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ пути, они увидѣли, наконецъ, нѣсколько деревьевъ, разсѣянныхъ по долинѣ. Они побѣжали къ нимъ и стали срывать съ нихъ плоды. Пока они были этимъ заняты, появились внезапно маленькіе люди ниже средняго роста, которые схватили и увели ихъ. Никто изъ назамоновъ не понималъ ихъ языка, а они не знали нарѣчія своихъ плѣнниковъ. Ихъ повели чрезъ обширныя болота въ городъ, гдѣ всѣ жители были такого-же роста, какъ тѣ, которые ихъ захватили; всѣ они были чернаго цвѣта. Около города протекала большая рѣка съ запада на востокъ, въ которой виднѣлись крокодилы. Назамоны вскорѣ возвратились на родину.“

Разсказъ этотъ Геродотъ слышалъ отъ киренеицевъ, которые, въ свою очередь, узнали его отъ Етеарха, царя аммоніицевъ. Къ этому послѣднему приходили назамоны и разсказали о своемъ путешествіи. Геродотъ приводитъ этотъ разсказъ въ подтвержденіе своего предположенія, что Нилъ течетъ съ запада на востокъ и принимаетъ „большую рѣку“ видѣнную назамонами за Нилъ, соглашаясь въ этомъ съ мнѣніемъ Етеарха аммонійскаго.

Мы предлагаемъ слѣдующее объясненіе путешествія назамоновъ, кажущееся намъ совершенно согласнымъ съ новѣйшими открытіями. По словамъ Геродота, назамонскіе изслѣдователи прошли сначала населенную прибрежную страну, а затѣмъ вступили въ область, обитаемую хищными животными, которая, вѣроятно, есть полоса оазисовъ. Они прошли ее по направленію къ оазису Юпитера Аммона (Сиахъ), а оттуда къ Шаргэ-Дахель. Такое направленіе подтверждаетъ и то обстоятельство, что самый разсказъ сообщенъ былъ аммонійцами. Затѣмъ они вступили съ юго-запада въ пустыню и прошли ее, направляясь къ границамъ нынѣшняго Дарфура. Пигмеевъ они встрѣтили въ водной области Бѣлаго Нила, гдѣ мы находимъ и болота, и большую рѣку, текущую на востокъ (Кеплакъ или Баръ-Джуръ — западные притоки Бахъ-ель-Абіада), упомянутыя въ разсказѣ. Племена пигмеевъ, найденныя теперь ближе къ экватору.

---

*) Дальнѣйшее изученіе этихъ африканскихъ пигмеевъ безъ сомнѣнія покажетъ, какая бездна отдѣляетъ орангъ-утанга и шимпанзе отъ расы, занимающей послѣднюю ступень человѣческаго развитія. Весьма интересны проявленія необыкновенной впечатлительности у обоихъ Акка.

**) Нѣмецкая экспедиція, стремящаяся проникнуть во внутренность материка со стороны *Лоанго*, обѣщаетъ много важныхъ открытій. Д-ръ Бастіанъ въ новой книгѣ, заключающей результатъ первыхъ изслѣдованій экспедиціи, говоритъ, что и здѣсь существованіе расы карликовъ подтвердилось. Страна ихъ, по слухамъ, находится въ разстояніи 15 дней отъ устья р. Луема. Ихъ зовутъ бабонго (или обонго). См. книгу: Die deutsche Expedition an der Loango-Küste v. Adolph Bastian. 1. Band. (2-й томъ еще не вышелъ) 1874.

***) Herodot. II. 32.

****) Многочисленное племя назамоновъ обитало по южному берегу Большаго Сирта у западной границы Киренаики. Лѣтомъ оно переселялось въ оазисъ Аугила для сбора финиковъ.

Библиотека "Руниверс"

вѣроятно, перешли туда впослѣдствіи, тѣснимые съ сѣвера болѣе сильными племенами пришельцевъ. Не забудемъ, что со временъ Геродота прошло уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, а въ такой періодъ времени внутри африканскаго материка могли произойти большія перемѣны. Тѣмъ не менѣе, пигмеи не много удалились отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ застали ихъ назамонскіе изслѣдователи.

Если пространство, пройденное назамонами, показалось бы слишкомъ большимъ, то припомнимъ, что римскіе центуріоны, непривыкшіе ни къ африканскому климату, ни къ странствіямъ по пустынѣ, проходили пространства почти столь же обширныя. Такъ, напримѣръ, военная экспедиція Юлія Матерна (между 86 и 90 по Р. Х.) достигла оазиса Аиръ или Азбенъ (Agisymba regio), находящагося въ самомъ сердце Сахары. Для туземцевъ всякое подобное путешествіе должно представлять несравненно меньше трудностей. Здѣсь весьма умѣстно будетъ привести свидѣтельство путешественника Пахо, посѣтившаго оазисъ Аугила въ 1825 году и составившаго его описаніе, единственное, которое мы до сихъ поръ имѣемъ.

„Жителямъ этого оазиса, бѣднаго и водою и растительностью, говоритъ онъ,—въ уединеніи, среди пустыни, поневолѣ приходится совершать частыя путешествія. По этому они съ дѣтства пріучаютъ себя къ странствіямъ и пріобрѣтаютъ въ этомъ необыкновенную опытность. Искусство находить дорогу въ пустынѣ для этихъ людей есть то-же, что для жителей безплоднаго острова—мореплаваніе. Знаніе звѣздъ составляетъ основаніе этого искусства; эти познанія тщательно сохраняются и передаются изъ рода въ родъ."

Это интересное указаніе нѣсколько объясняетъ странствіе назамоновъ по пустынѣ, исходнымъ пунктомъ котораго былъ, быть-можетъ, этотъ-же оазисъ Аугила.

Всѣ прежнія объясненія упомянутаго Геродотомъ путешествія назамоновъ, сводятся къ двумъ мнѣніямъ. Бо́льшая часть толкователей (между ними Rennel, Larcher, Ritter и др.) считали рѣку, видѣнную назамонами, за Нигеръ, имѣющій въ началѣ своего теченія восточное направленіе, и старались даже найти городъ на рѣкѣ, о которомъ упомянуто въ разсказѣ, въ нынѣшнемъ Тембукту, который по этому предположенію существовалъ-бы 2000 лѣтъ, что̀ трудно допустить.

Vivien de St. Martin *) весьма подробно разбираетъ эпизодъ путешествія назамоновъ и, отвергая предъидущее мнѣніе, высказывается за оазисъ Уаргла въ Алжирской Сахарѣ, гдѣ теперь обитаетъ выродившееся племя смѣшаннаго происхожденія, отличающееся малымъ ростомъ, и едвали очень древнее. Здѣсь есть и болота, и даже городъ; однако Вази-Уаргла не заслуживаетъ названія „большой рѣки", хотя она во время половодья и достигаетъ значительной ширины. Это объясненіе кажется намъ нѣсколько натянутымъ и не столь удовлетворительнымъ, какъ предложенное нами выше.

Юрій Арсеньевъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ отвѣтъ на унизительныя, предложенныя Турціей, условія мира, *моравская армія провозгласила князя Милана королемъ Сербіи*. Князь сербскій и министры, получивъ объ этомъ извѣщеніе, рѣшились не придавать дѣлу никакого значенія, находя и самое провозглашеніе «несвоевременнымъ» и самую форму его «неудобною» и «неумѣстною» для Сербіи. Въ концѣ концовъ дѣло сводится на то, что объявленіе князя Милана королемъ не можетъ влечь за собой серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ мотивы этого провозглашенія весьма почтенны т. е. выраженіе со стороны сербовъ глубокой преданности господствующей династіи. Сербія не думаетъ расширять свои предѣлы и господствовать надъ сосѣдними, родственными ей славянскими племенами, и названіе королевство или княжество въ территоріальномъ смыслѣ и въ смыслѣ объема власти Милана совершенно безразлично.

Перемиріе на восемь дней наступило; но Порта то и дѣло нарушаетъ это перемиріе, въ лицѣ своихъ необузданныхъ и безнравственныхъ войскъ. Главнокомандующій турецкихъ войскъ Абдулъ-Керимъ-Паша, правда, извинился передъ сербскимъ правительствомъ, что нарушеніе осьмидневнаго перемирія произошло со стороны Турціи отъ того, что ему только 7 (19) сентября передано было изъ Стамбула оффиціальное сообщеніе о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Настоящая турецкая уловка, тысячу первый разъ доказывающая, что для турокъ не существуетъ нравственной цѣны договоровъ и самыхъ элементарныхъ требованій чести!

Дипломатическіе переговоры о мирѣ, происходящіе въ Константинополѣ, ограничиваются до сихъ поръ тѣмъ, чтобы побудить Порту къ заключенію болѣе продолжительнаго перемирія. Самыя предложенія о мирѣ толкуютъ двоякимъ образомъ: Во первыхъ, Англія желаетъ для Сербіи и Черногоріи Status quo, а для возставшихъ провинцій, со включеніемъ Болгаріи, преобразованное мѣстное управленіе, непосредственно зависимое отъ порты. Во вторыхъ, три императорскія державы (Россія, Германія и Австро-Венгрія) желаютъ, напротивъ, для Сербіи status quo, а для Черногоріи—расширенія ея предѣловъ, для возставшихъ провинцій автономію, хотя бы и ограниченную, подъ властью Порты, но съ тѣми же правами, какими пользуется Сербія, и съ гарантіей великихъ державъ. Франція также склоняется къ толкованію великихъ державъ. Всѣ державы вполнѣ согласны въ томъ, что Сербія не должна ни платить военнаго вознагражденія, ни допускать занятія турками ея крѣпостей. Сербское правительство, въ то же время, увѣдомило представителей великихъ державъ, что турецкія войска нарушили перемиріе въ слѣдующихъ пунктахъ: у Алексинца и Янковой Клиссуры, у Явора и на Дринѣ, слѣдовательно, почти на всѣхъ операціонныхъ линіяхъ.

Отношеніе сербскаго народнаго представительства къ провозглашенію князя Милана королемъ—особаго рода. Такъ, изъ Бѣлграда сообщаютъ, что постоянная коммисія сербской скупщины, въ своемъ недавнемъ засѣданіи, приняла слѣдующую резолюцію: «Постоянная коммисія съ великою радостью принимаетъ къ свѣдѣнію національное дѣло провозглашенія князя Милана Обреновича первымъ королемъ Сербіи и проситъ высокое правительство возможно скорѣе сдѣлать это дѣйствительнымъ фактомъ. Турція своимъ требованіемъ условій мира нарушила Парижскій трактатъ, послѣдствіе чего никакія международныя обязательства, какого бы рода они ни были, не могутъ удержать ни сербское правительство, ни скупщину отъ самаго торжественнаго приведенія въ исполненіе этого желанія народа». По поводу этой резолюціи Сербское правительство выразило свое удовольствіе.

Генералъ Комаровъ телеграфируетъ въ Москву съ театра войны, что положеніе сербовъ вообще очень хорошо; напротивъ, уже совершенно несчастно положеніе турецкой арміи, въ которой распространился голодный тифъ, вслѣдствіе крайняго недостатка съѣстныхъ припасовъ. Турки намѣревались было, по послѣднимъ извѣстіямъ, бомбардировать Делиградъ, гдѣ теперь находится главная сербская квартира; но турецкій артиллерійскій паркъ, назначавшійся для этой бомбардировки, погибъ въ болотахъ.

De facto, такимъ образомъ, за прошлую недѣлю война продолжалась, несмотря на гласное заключеніе перемирія. Что будетъ дальше—увидимъ.

Почтовый ящикъ.

1) **Казань, Е П Л—ву.** Напрасно вы предполагаете, что картина «Рѣшительная минута» помѣщенная въ № 36, «Нивы» гравирована не на деревѣ, а на стали. Если желаете въ этомъ удостовѣриться, то покорнѣйше просимъ пожаловать въ контору «Нивы», полюбоваться на эту дѣйствительно замѣчательную гравюру на деревѣ и увидѣть изъ счетовъ конторы, что помѣщеніе такой гравюры въ «Нивѣ» стоитъ весьма солидной суммы, такъ какъ за одно только гравированіе уплочено нами Паннемакеру сыну около 400 руб. Соглашаемся вполнѣ съ вашимъ мнѣніемъ, что такая гравировка есть верхъ совершенства, и конечно, очень бы было пріятно, если бы подобныя заказы могли съ такою же тщательностью исполняться у насъ въ Россіи.

2) Поступившіе въ редакцію въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ войны въ Босніи и Герцеговинѣ: отъ В. С. Гусева, въ Павловскомъ посадѣ, 86 к., отъ служащихъ на химической фабрикѣ Шлефгорста и Комп. въ Петербургѣ, 65 р. 85 к., отъ В. Нивифорова, въ Городнѣ, 1 р., отъ г. Павлова, въ Городнѣ, 1 р., отъ М. Шройдеръ, въ Прохоровкѣ, 3 р. и отъ П. К. Арванити, съ Ялтѣ, 5 р., а всего 76 руб. 71 к. вданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, въ чемъ имѣется квитанція Управленія за № 1345.

*) Le Nord de l'Afrique. p. 15—22.

СОДЕРЖАНІЕ: **Старинное русское вооруженіе** (съ 7-ю рисунками). **Б—ъ.**—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.**—**Городъ Прага** (съ двумя рис.). **А. Н—ой.**—**Сербскіе раненые, заживо сожженные турками** (съ рис.).—**Литературный альбомъ.** «Страшная месть», разсказъ **Н. В. Гоголя** (съ рисункомъ).—**Звѣрства баши-бузуковъ въ сербской деревнѣ** (съ рисункомъ). — **Пигмеи** древнихъ, **найденные** во внутренней **Африкѣ. Ю. Арсеньевъ,**—**Политическое обозрѣніе.**—**Почтовый ящикъ.**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ книжнаго магазина Сергѣя Ильича Леухина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 17 Сентября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская, № 9. Гл. Контора: Лит. пр., № 10.

Библиотека "Руниверсум"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Сентября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *И. Гр. Соловьева, А. Ланъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

На полгода безъ доставки 2 руб., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 руб.

На четверть года безъ доставки 1 р., съ доставкою 1 р. 25 к., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера „Нивы“.

Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.

Имя всякаго дѣятеля, ревностно послужившаго для блага своего отечества, всегда получаетъ достойное мѣсто на страницахъ исторіи. Но есть такія имена, которыя не только сохраняются въ народной памяти, благодаря этой сокровищницѣ вѣковъ, но преемственно проходятъ чрезъ цѣлыя поколѣнія, возбуждая въ своихъ потомкахъ стремленія къ подвигамъ. Такія имена, можно сказать, сугубо безсмертны; они живутъ въ народной памяти, о нихъ съ любовію и гордостію вспоминаютъ потомки прославившихся героевъ и сами въ свою очередь идутъ ихъ славнымъ путемъ. Къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Николая Николаевича Раевскаго, нынѣ геройски павшаго за свободу угнетаемыхъ нашихъ братьевъ славянъ.

Родъ Раевскихъ извѣстенъ со временъ императрицы Екатерины II, когда прадѣдъ нынѣ павшаго героя, Николай Семеновичъ Раевскій, будучи еще только 30 лѣтъ отъ роду, умеръ отъ ранъ въ Яссахъ. Два сына его были герои вполнѣ достойные отца. Одинъ, полковникъ Александръ Николаевичъ Раевскій, котораго самъ Суворовъ называлъ храбрымъ, палъ въ битвѣ при взятіи Измаила. Другой, генералъ отъ кавалеріи Николай Николаевичъ Раевскій, участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года какъ защитникъ Смоленска, герой Бородина и Монмарта. Сынъ этого послѣдняго, генералъ-лейтенантъ Николай Николаевичъ Раевскій, отецъ нынѣ убитаго, еще юношею, если не отрокомъ, познакомился съ боевою жизнію, участвуя въ походахъ съ своимъ отцомъ. Онъ былъ одинъ изъ создателей черноморской береговой линіи, о чемъ свидѣтельствуетъ фортъ Раевскій, теперешняя станица. Братъ его, дядя нынѣшняго героя, Александръ Николаевичъ Раевскій, участвовалъ во всѣхъ войнахъ текущаго столѣтія и былъ раненъ подъ Бородинымъ на редутѣ своего отца.

Вотъ вкратцѣ славная родословная нынѣшняго славянскаго героя Николая Николаевича Раевскаго.

Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.
Съ фотогр. рис. и грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Изъ нея уже видѣнъ тотъ духъ, который руководилъ и руководитъ до сихъ поръ этимъ незабвеннымъ въ исторіи родомъ, видна и та семья, которая кладетъ неизгладимыя отпечатки на душу своего члена, обусловливая всю его дѣятельность.

Получивъ домашнее образованіе подъ руководствомъ профессора Грановскаго, покойный Николай Николаевичъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1862 году, онъ поступилъ въ военную службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій Его Императорскаго Величества полкъ, а въ 1869 г., достигнувъ чина ротмистра гвардіи, переименовался въ подполковники и перешелъ на службу въ Туркестанскій край, гдѣ поступилъ въ дѣйствующія войска.

Уже здѣсь онъ показалъ себя истиннымъ героемъ при штурмѣ и взятія города Шахрисябсъ. Полковникъ Соковнинъ, въ отрядѣ котораго онъ находился, былъ смертельно раненъ во время штурма; Раевскій самъ, на своихъ плечахъ, вынесъ его изъ пыла битвы, хотя при этомъ и получилъ рану пулею, которая осталась въ немъ навсегда. Штурмъ безъ начальника не удался. На другой день Николай Николаевичъ принялъ команду надъ отрядомъ и снова повелъ его на штурмъ, находясь самъ впереди солдатъ, ворвался въ городъ въ числѣ первыхъ и овладѣлъ имъ.

Живя въ Туркестанѣ, онъ заявилъ себя не одною только военною дѣятельностію, онъ показалъ въ себѣ также передоваго бойца и неусыпнаго дѣятеля и на аренѣ гражданской, радѣя о развитіи торговли и промышленности края. Онъ на собственныя средства завелъ тамъ хлопковыя плантаціи, шелкомотальни и виноградники.

По влеченію своему къ неутомимой дѣятельности и ратованію за общественные интересы, онъ сдѣлался членомъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ въ С.-Петербургѣ. Здѣсь неоднократно онъ возбуждалъ вопросы, какъ напр., «Объ орошеніи земель по р. Сыръ-Дарьѣ», «объ исторіи восточнаго Туркестана», «о торговой экспедиціи въ Индію» и проч. Находясь въ декабрѣ 1873 года въ Ялтѣ, онъ образовалъ тамъ отдѣленіе этого общества и былъ избранъ вице-предсѣдателемъ его. Здѣсь онъ много заботился объ увеличеніи развитія виноградія на южномъ берегу Крыма, столь важной мѣстной отрасли промышленности, и въ докладахъ своихъ какъ Ялтинскому отдѣленію, такъ и комитету общества въ С.-Петербургѣ, выставлялъ причины, тормозящія эту промышленность, и предлагалъ средства къ устраненію ихъ.

Польза его экономической дѣятельности какъ въ Туркестанѣ, такъ и въ Крыму была признаваема и оцѣниваема обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, которое съ глубокою скорбію отозвалось на печальное извѣстіе о смерти Николая Николаевича и сочло своимъ долгомъ собраться въ полномъ составѣ комитета на панихиду за упокой его души, отслуженную по желанію общества въ Казанскомъ Соборѣ.

Въ послѣднее время, до отъѣзда въ Сербію, Николай Николаевичъ служилъ въ одесскомъ военномъ округѣ при генералѣ Семеко и начальникѣ дивизіи Рихтерѣ, которые, цѣня его, оказывали къ нему больше вниманіе.

Дѣло славянства, за которое онъ палъ, было посѣяно и взлелѣяно въ его душѣ еще со студентическихъ лѣтъ, когда онъ посѣщалъ кружокъ И. С. Аксакова. Его пылкое сердце крѣпко запечатлѣло въ себѣ то тяжелое чувство, которое испытывали угнетаемые братья-славяне отъ несправедливости, презрѣнія и жестокости турокъ, на которыхъ наши родные страдальцы могли жаловаться только Богу. И за симъ, какъ только угнетенные подняли знамя возстанія во имя своей человѣческой свободы, Николай Николаевичъ возгорѣлъ страстнымъ желаніемъ помочь имъ въ этой неравной, но святой борьбѣ — и никакія убѣжденія, ни мольбы родныхъ, ни слёзы матери не могли удержать его отъ исполненія этого желанія: оно сдѣлалось необходимой потребностью его страстной натуры. Вотъ выдержки изъ его послѣдняго письма отъ 21 іюля изъ Одессы:

«Относительно событій въ Сербіи, я далекъ отъ иллюзій и ѣду туда именно потому, что дѣла идутъ не хорошо. Развѣ не для того я испортилъ свое существованіе, отказался отъ семейной жизни и провелъ лучшіе годы моей юности въ уединеніи, занятый устройствомъ своихъ дѣлъ, чтобы только въ данную минуту быть свободнымъ и имѣть возможность, безъ сожалѣнія, рисковать собою изъ-за дѣла, которымъ дорожу, и съ надеждою, быть можетъ, прославить имя, которое ношу. И вотъ, когда эта минута наступаетъ, я теряю время въ бездѣйствіи, въ ожиданіи... Я думаю только объ одномъ, какъ бы скорѣй отправиться и съ страшнымъ нетерпѣніемъ ожидаю той минуты, когда получится депеша объ увольненіи меня въ отпускъ или въ отставку».

Прибывъ на театръ войны 8 августа, Николай Николаевичъ, какъ извѣстный М. Г. Черняеву по своему мужеству и храбрости, получилъ командованіе сперва правымъ флангомъ его арміи, а потомъ авангардомъ ея. При этомъ необходимо замѣтить, что Николай Николаевичъ увезъ съ собой въ Сербію 50,000 рублей, для оказанія помощи нуждающимся. Не щадя нисколько своей жизни, лишь бы только поднять духъ борцовъ свободы, Николай Николаевичъ постоянно находился въ самомъ пылу битвы и въ 4 дня заслужилъ орденъ Такова *), данный ему за пораженіе турецкой арміи подъ Алексинацемъ. Сербскіе офицеры съ удивленіемъ смотрѣли на храбраго героя и очень сожалѣли, что онъ не знаетъ ихъ языка, этого духовнаго рычага къ поднятію героическаго воодушевленія войска, этой духовной связи между начальникомъ и солдатомъ. Недостатокъ этотъ сказался роковымъ образомъ 20 августа, въ жаркой битвѣ подъ Адровацемъ. Здѣсь изъ 2-хъ батальоновъ, которыми командовалъ Николай Николаевичъ, только 20 человѣкъ послѣдовали за нимъ, въ самый пылъ битвы, а остальные отъ града пуль обратились въ бѣгство. Въ эту критическую минуту пуля поразила его въ лѣвый високъ... Тѣло павшаго героя было похоронено со всѣми военными почестями въ монастырѣ св. Романа, на правомъ берегу р. Моравы, въ четырехъ часахъ пути на западъ отъ Алексинаца, но теперь оно уже перевезено въ Россію согласно желанія его матери и родныхъ и предано землѣ въ имѣніи Раевскихъ «Болтышки», близь Елизаветграда.

Такъ безвременно, въ цвѣтѣ лѣтъ, подобно своему прадѣду, на 36 году отъ рожденія погибъ полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій.

Погибъ, какъ жертва искупленья
Неправды запада дѣтей,
За ихъ позорное забвенье
Своихъ возвышенныхъ идей.

Онъ доказалъ намъ, что любилъ ближняго, какъ истинный послѣдователь ученія Христова, и другой болѣе высшей и болѣе самоотверженной любви, по слову евангельскому, выразить смертный не можетъ: «*Больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*».

Н. К—овъ.

М. Г. Черняеву.

Ты, Господи, дай силъ въ бореньи со врагами
Геройскому вождю Балканскихъ христіанъ,
Да защититъ онъ крестъ надъ сербскими полями
И вопли прекратитъ страдающихъ Славянъ!

***

Весь христіанскій міръ теперь къ тебѣ взываетъ,
Черняевъ, нашъ Танкредъ, безсмертный нашъ герой;
Какъ крестоносца Русь тебя благословляетъ
И шлетъ своихъ сыновъ къ тебѣ на ратный бой.

***

И борются, какъ львы, герои молодые
За дѣло правое, въ защиту христіанъ,
И русскихъ ратниковъ успѣхи боевые
Отъ варваровъ спасутъ измученныхъ Славянъ.

Ольга Пономарева.

Новая желѣзная дорога на гору Риги въ Швейцаріи.

(Артъ-Ригійская желѣзная дорога).

Между швейцарскими горами первое мѣсто безспорно принадлежитъ Риги. Желѣзная дорога на Риги сдѣлала этого каменнаго великана знаменитымъ. Съ невольнымъ чувствомъ удивленія и восторга смотритъ путешественникъ на дымящійся локомотивъ, который взбирается на страшную высоту. Станція «Риги-Кульмъ» находится на высотѣ 1,800 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ Альпійской желѣзной дорогой мы уже имѣли случай познакомить нашихъ читателей (См. «Ниву» 1870 г. №№ 5 и 41, и 1874 г. № 5), теперь намъ представляется случай разсказать объ Артъ-Ригійской желѣзной дорогѣ, этомъ новомъ чудѣ современной желѣзно-дорожной техники.

До постройки этой линіи число посѣтителей Риги простиралось, среднимъ числомъ, до 40,000 въ годъ. Съ открытіемъ ея число отправляющихся ежегодно на Риги удвоилось, да увеличились и средства для пріема гостей. Ригійскія гостинницы, всѣ вмѣстѣ, могутъ предложить 2,000 кроватей сразу.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ отправляющихся на Риги былъ всегда Цюрихъ—одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ, промышленныхъ городовъ и центръ умственной жизни нѣмецкой Швейцаріи. Городъ этотъ расположенъ на берегу Цюрихскаго озера,

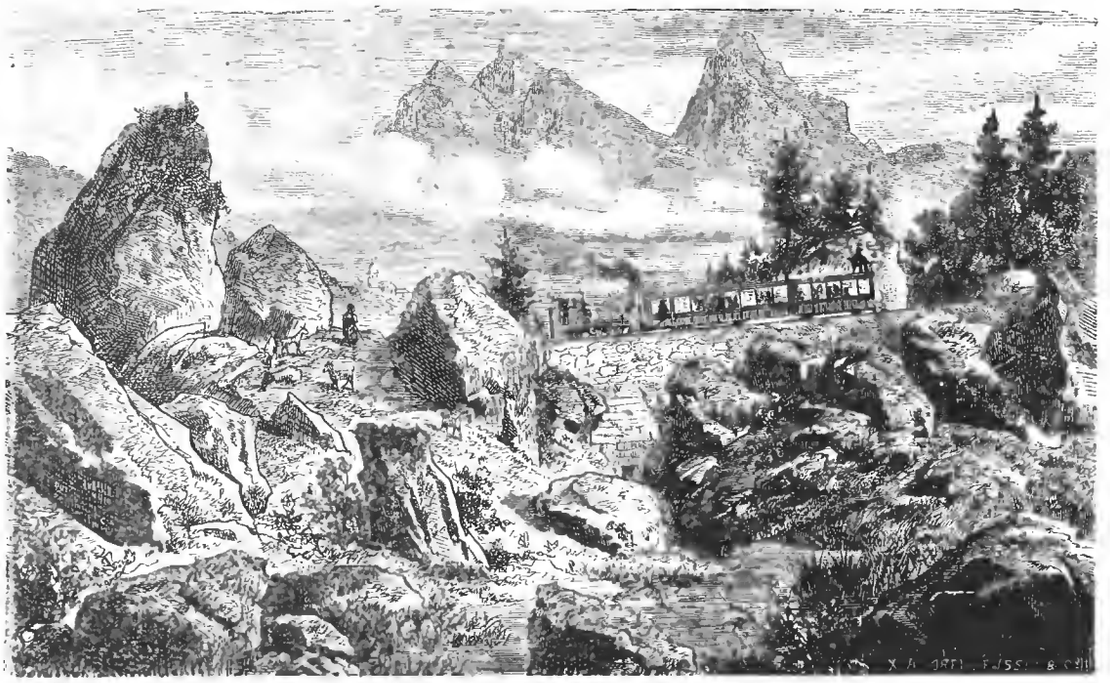
*) Орденъ «Такова» установленъ въ памятъ возстанія сербовъ въ 1815 г. и названъ «Таковскимъ» потому, что первый сигналъ къ возстанію поданъ былъ въ селеніи «Такою».

Библиотека "Руниверс"

среди живописной мѣстности. Въ Цюрихѣ выдаются билеты на какую угодно изъ станцій Ригійской желѣзной дороги, по которой лѣтомъ ежедневно отправляется шесть поѣздовъ. Оставивъ главную станцію (монументальное зданіе въ Цюрихѣ), поѣздъ идетъ среди картинной мѣстности. Миновавъ станціи Урдорфъ и Бирменсдорфъ, поѣздъ, дѣлая большой полукругъ, огибаетъ Югли и близко подходитъ къ этой горѣ (съ западной ея стороны). До ст. «Бонштэдтенъ» дорога идетъ въ гору, а отсюда до Цуга (на Цугскомъ озерѣ) подъ гору. На пути отъ Цюриха до Цугской станціи—цѣлая галлерея ландшафтовъ. За ст. «Кнонау» другая великолѣпная картина: Цугское озеро и величественная пирамида Риги; на право возвышаются Штанцергарнъ и Пилатъ, позади Шрекгорнъ и Эйгерамъ, по лѣвую—Россбергъ, пользующійся печальною извѣстностью вслѣдствіе страшнаго обвала, надѣлавшаго много бѣдъ въ 1806 году.

Со станціи желѣзной дороги въ Цугѣ путешественники отправляются на пароходную пристань, гдѣ ихъ уже ожидаетъ великолѣпный новый пароходъ, «Гельвиція». Плыть на пароходѣ по Цугскому озеру, значитъ—любоваться прелестными видами. Самое прелестное зрѣлище представляетъ гора Риги. При входѣ въ такъ называемое «Верхнее» или Артское озеро, по направленію къ югу, нельзя не замѣтить мѣстечко Артъ, принадлежащее кантону Швицъ. Доплывъ до Арта путешественники переходятъ въ вагоны Артъ-Ригійской желѣзной дороги (станція на самомъ берегу озера). Это *первая* станція названной дороги. М. Артъ имѣетъ 3,000 жителей. Здѣсь, въ красивой церкви, сооруженной въ 1694 г. хранятся серебряные кубокъ и чаша Карла Смѣлаго, захваченные въ пылу битвы при Грандсонѣ въ 1476 году. Артъ нѣсколько разъ погоралъ. 2-го сентября 1806 года страшный Гольдаускій горный обвалъ чуть не уничтожилъ совсѣмъ этого мѣстечка.

Поѣздъ катится сначала по артской долинѣ, среди гольдаускихъ развалинъ, направляясь къ западу, къ подошвѣ Риги-Шейдекъ, а затѣмъ медленно, шагъ за шагомъ, взбирается по правому склону Аабаха-Тобельса и, черезъ Клестерли, достигаетъ горваго хребта Риги-Штаффель, откуда поднимается на вершину Риги-Кульмъ. Линія Артъ-Риги-Кульмской желѣзной дороги имѣетъ 11,172 метра протяженія, изъ которыхъ 1,395 метр. приходятся на рельсовый путь въ долинѣ между Артомъ и Оберартомъ, остальные же *девять тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь* метровъ относятся собственно къ горной дорогѣ. Каждый локомотивъ снабженъ большимъ зубчатымъ колесомъ. Послѣдняя станція Артъ-Ригійской дороги лежитъ на 1330 метр. выше первой. На этой линіи находятся три тунеля и семь желѣзныхъ мостовъ. По устройству, конечно, горно-желѣзная дорога отличается отъ обыкновенной желѣзной; поверхъ поперечныхъ шпалъ, длиною въ 2,40 метр., отстоящихъ одна отъ другой на 0,75 метра, положена пара продольныхъ шпалъ, которыя надлежащимъ образомъ прикрѣплены къ первымъ. На этихъ продольныхъ шпалахъ утверждены рельсы, а между ними, по серединѣ, идетъ желѣзная зубчатая полоса, состоящая изъ прокатанныхъ шинъ съ заклепанными въ нихъ зубцами. Вышина зубца 36 миллиметровъ, ширина внизу 55 мм., вверху—36 мм. Зубчатая полоса прикрѣплена къ поперечнымъ шпаламъ винтами. Локомотивы горной дороги построены по системѣ г. Риггенбаха, директора машиннаго завода въ Ольтонѣ, и эти локомотивы—лучшіе изъ существующихъ нынѣ горнодорожныхъ машинъ. Сила каждаго локомотива равняется 160 лошадинымъ силамъ. Система тормазовъ такова, что можетъ одновременно троякимъ образомъ замедлить и остановить движеніе поѣзда. Такой локомотивъ тянетъ на гору два пассажирскихъ вагона, изъ которыхъ одинъ меньшаго размѣра. Въ этихъ двухъ вагонахъ могутъ свободно помѣститься 72 человѣка съ богажемъ. Поѣздъ, состоящій изъ пары вагоновъ и локомотива вѣситъ 600 центнеровъ, а скорость движенія его—8 километровъ въ часъ. Большое зубчатое колесо имѣетъ въ поперечникѣ 1,035 метр., въ окружности—3,3 м. и 33 зубца. Вращаясь, оно захватываетъ зубцы желѣзной полосы на полотнѣ дороги и, цѣпляясь такимъ образомъ, поднимаетъ весь поѣздъ на крутизну. Колесо это фабрикуется изъ лучшей литой стали; зубцы вырѣзываются на немъ; каждый зубецъ отстоитъ отъ другого на 0,10 метра, слѣдовательно, на одинъ метръ зубчатой полосы приходится десять зубцовъ колеса. Пассажирскіе вагоны, открытые съ обѣихъ сторонъ, снабжены занавѣсками на случай непогоды, а переднія и заднія стѣнки ихъ состоятъ изъ оконъ, такъ что желающему глядѣть куда угодно—препятствія не представляется. Каждый вагонъ у передней оси своей также имѣетъ зубчатое колесо, и онъ можетъ быть остановленъ во всякое время, такъ какъ на горножелѣзной дорогѣ вагоны не сцѣпляются съ локомотивомъ. На Артъ-Оберартской линіи всѣ вагоны слѣдуютъ за однимъ паровозомъ, но въ Оберартѣ поѣздъ разчленяютъ: къ каждымъ двумъ вагонамъ прицѣпляется горнодорожный локомотивъ, и такіе маленькіе поѣзды катятся одинъ за другимъ, причемъ разстояніе между ними—пять минутъ ѣзды.



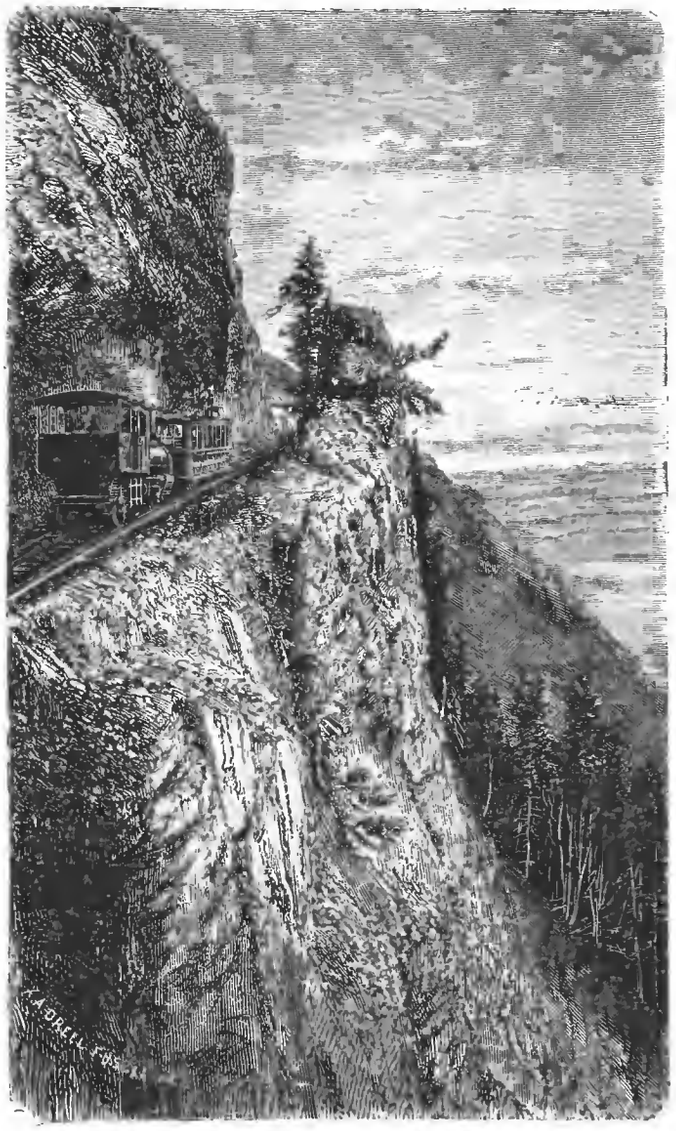
Артъ-Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи. (Слѣды обвала, бывшаго въ Гольдаускихъ горахъ).

Отъѣхавъ отъ Артской станціи, туристъ уже видитъ влѣво утесы неприступной съ этой стороны Риги, съ вершиною ея Кульмомъ. Направо возвышается Зонненбергъ, западный, лѣсистый склонъ Россберга. По выходѣ изъ Арта поѣздъ пересѣкаетъ очаровательную долину, похожую на громадный фруктовый садъ, и черезъ четыре минуты подходитъ къ Оберарту, откуда уже начинается собственно горно-желѣзная дорога. Тутъ къ каждой парѣ вагоновъ прицѣпляется особый локомотивъ. Миновавъ Оберартъ и первый мостъ (Аабахскій), поѣздъ входитъ въ Мюмфлюсскій тунель, затѣмъ путь лежитъ ему черезъ Артъ-Штейнбергъ, и второй Аабахскій мостъ. Отсюда хорошо видѣнъ восточный фасадъ кургауза Риги-Шейдекъ (онъ высоко надъ головой) и далѣе, въ томъ же направленіи, по серединѣ горы, блеститъ узкой ленточкой часть Артъ-Ригійской дороги, это именно тотъ участокъ ея, гдѣ она высѣчена въ голой скалѣ (Крэбельвандъ). За третьимъ Аабахскимъ мостомъ начинается страшная пустыня, поля, усѣянныя громадными обломками скалъ,—это все молчаливые памятники ужасной катастрофы 1806 г. По этой каменистой пустынѣ поѣздъ идетъ до Гольдауской станціи, гдѣ и принимаетъ пассажировъ изъ Эйнзильдена, Швица и Бруннена. На первой нашей картинкѣ изображена мѣстность у третьяго Аабахскаго моста. И

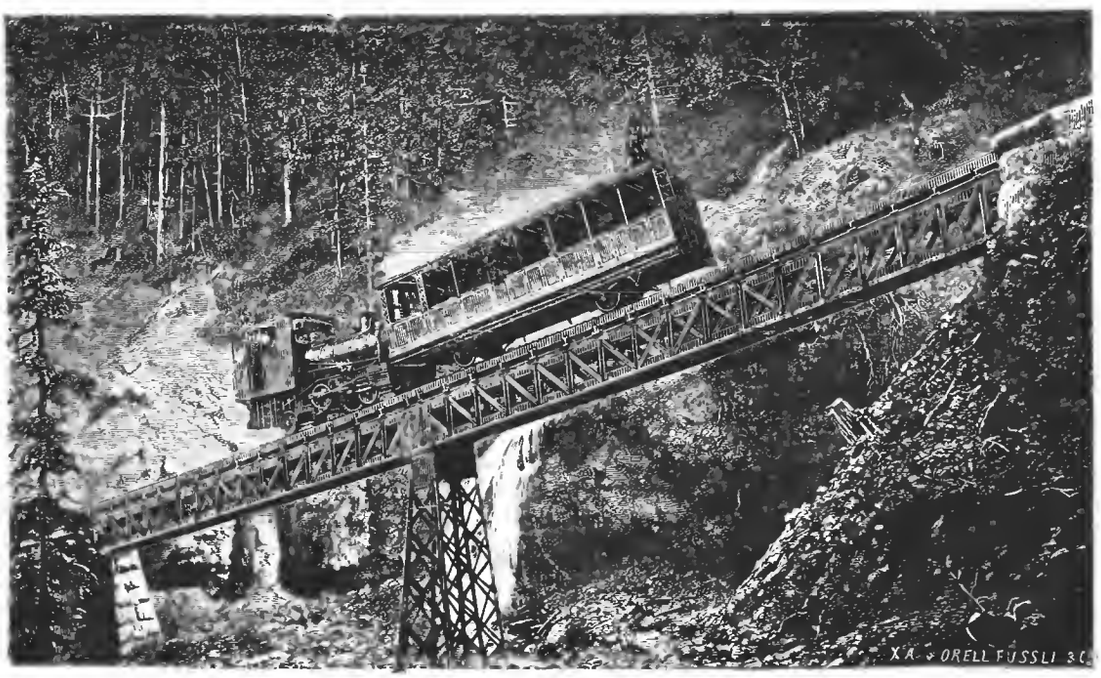
Библиотека "Руниверс"

тутъ уже хорошо видны слѣды грознаго обвала, бывшаго въ 1806 г. 2-го сентября. Громадныя глыбы скалъ съ страшнымъ трескомъ внезапно отдѣлились отъ Россберга и рухнули въ долину. Въ какія нибудь 3—4 минуты все было кончено... Пространство въ пять квадратныхъ километровъ, съ цвѣтущими деревеньками, было завалено камнями и засыпано щебнемъ. До 300 зданій (изъ нихъ 106 жилыхъ помѣщеній), 2 церкви, каплла и 457 человѣкъ похоронены подъ слоемъ щебня толщиною въ 50 метровъ. Погибшій городокъ Гольдау стоялъ на 35 метровъ ниже новаго Гольдау, имѣющаго теперь нѣсколько домиковъ и одну церковь.

Отъ Гольдау дорога идетъ въ гору, и чѣмъ выше взбирается поѣздъ, тѣмъ грандіознѣе становится панорама... Есть на что полюбоваться путешественнику! Величественные Крэбельвандъ и Риги-Кульмъ являются теперь во всей своей красѣ; у подошвы Риги блеститъ Цугское озеро, а прямо, напротивъ, вздымается суровый Россбергъ; тамъ, направо, вдали видна долина съ ущельемъ Кинцигъ, чрезъ которое прошли русскіе подъ начальствомъ Суворова въ сентябрѣ 1799 г. Далеко на горизонтѣ синѣютъ восточные Альпы... А локомотивъ дѣлаетъ свое дѣло: пыхтя и посвистывая, взбирается онъ по горѣ, направляясь къ Крэбельской станціи, стоящей на небольшой плоской возвышенности, среди зеленыхъ луговъ. Отъ этой станціи поѣздъ идетъ по дорогѣ, высѣченной въ скалѣ «Крэбельвандъ». Дорога эта — удивительное произведеніе современной техники. Крэбельвандъ—отвѣсная скала; высота ея 150 метр., длина — 530 метр. Поѣздъ (какъ видно на второй картинкѣ) идетъ по самому краю обрыва, надъ бездной... Любителю сильныхъ ощущеній такая поѣздка можетъ доставить своего рода наслажденіе. Для постройки рельсоваго пути на этой крутизнѣ пришлось довольно таки потрудиться; рабочихъ, напр., спускали на канатахъ, и что могли сдѣлать руки — сдѣлали, а труднѣйшее докончилъ динамитъ. Мѣстами надъ полотномъ дороги устроена желѣзная крыша, а въ самой скалѣ высѣчены желоба для стока горныхъ ручьевъ. Пройдя Ротенфлюсскій тунель, поѣздъ попадаетъ въ Аабахтобельское ущелье. Благодаря густому еловому лѣсу, здѣсь царствуетъ пріятная прохлада, а тишина прерывается гуломъ Аабаха, который сердито шумитъ въ глубинѣ ущелья. Поднимаясь все выше и выше, путешественники достигаютъ моста, перекинутаго чрезъ *Ротенбахъ — Красный ручей*, образующій въ этомъ мѣстѣ великолѣпный водопадъ. Локомотивъ (см. третью картинку) подталкиваетъ вверхъ вагонъ по наклонному Ротенбахскому мосту. И тутъ тоже любителю сильныхъ ощущеній представляется вдоволь насладиться опасной переѣздкой. Далѣе, у Фрутли, устроено два рельсовыхъ пути для разъѣзда встрѣчныхъ поѣздовъ. Отъ Фрутли до Кульма ландшафты оживлены стадами животныхъ, насущихся на южномъ склонѣ Риги-Кульма. Пройдя Пфедеривальдъ и Доссенбахскій мостъ, поѣздъ входитъ въ Пфедеривальдскій тунель. Впереди, между горами, Риги-Кульмомъ,



Артъ-Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи. (Отвѣсная скала Кребельвандъ).



Артъ-Ригійская желѣзная дорога въ Швейцаріи. (Движеніе поѣзда по наклонному Ротенбахскому мосту).

Библиотека "Руниверс"

Надпись подъ картиной, приписываемая самому Рубенсу:

„Кто запретитъ взять огонь отъ огня?
Если и тысяча возьметъ—ничего не убудетъ".

Женщина со свѣчёй. Картина Рубенса, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

Штофелемъ и Ритшокомъ, видны кургаузъ и пріютъ капуциновъ, посѣщаемый ежегодно сотнями богомольцевъ. Самымъ восхитительнымъ пунктомъ является Штофельская станція. Видъ отсюда поразительно хорошъ, особенно при закатѣ солнца, но и въ пасмурную погоду картина не дурна: поѣздъ какъ бы плыветъ среди клубящагося, туманнаго моря, изъ пучины котораго вздымаются, въ видѣ островов, горныя вершины.

Оставивъ Штофельскую станцію, паровой конь дѣлаетъ послѣднее усиліе и, фыркая, медленно поднимается въ гору, доходитъ наконецъ до послѣдней станціи Артъ-Риги-Кульмской дороги. Станція «Риги-Кульмъ» по мѣстонахожденію своему (1800 метр. надъ уровнемъ моря) единственная въ Европѣ. Неподалеку отъ станціи находятся гостинницы «для пріѣзжающихъ»; гостинницы эти не хуже парижскихъ.

Риги состоитъ изъ группы горъ, высочайшая вершина которыхъ Риги-Кульмъ. Ригійская горная группа имѣетъ въ окружности 57 километровъ. У подошвы ея ютятся мѣстечки (числомъ 13), омываемые водами Фирвальштэтскаго, Цугскаго и Ловерцскаго озеръ. На вершинахъ этихъ горъ болѣе 200 пастушьихъ хижинъ. Горныя пастбища прокармливаютъ слишкомъ 4,000 головъ скота. Риги-Кульмъ, эта пирамида, стоящая особнякомъ, имѣетъ на своей вершинѣ площадку, съ которой видны не только швейцарскіе и тирольскіе альпы, но и холмистая страна, лежащая между Юрою, Вогезами, Шварцвальдомъ и Швабскими альпами.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

III.

Мы видѣли княжну Гальшку вдвоемъ съ теткой, супругой князя Константина; ея же родной матери, княгини Беаты Острожской, не было въ торжественномъ поѣздѣ, не было и въ церкви, во время освященія придѣла. Такое отсутствіе княгини могло бы сразу показаться очень страннымъ и предосудительнымъ непосвященному человѣку и непремѣнно должно было возбудить толки и пересуды въ толпѣ собравшагося народа. А между тѣмъ никто не удивлялся, никто не спрашивалъ о княгинѣ Беатѣ. Народъ уже давно привыкъ къ ея постоянному отсутствію на всѣхъ религіозныхъ торжествахъ, на всѣхъ церковныхъ праздникахъ. Про нея знали, что она живетъ въ замкѣ, что она полька и католичка, что у нея есть своя домовая каплица и свой духовникъ. Все это, взятое вмѣстѣ, а также ея нелюдимость и непривѣтливость не могли снискать ей любви народной. Если ее не порицали и не бранили открыто, то единственно вслѣдствіе уваженія къ имени князей Острожскихъ, которое она носила.

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, семейные нравы литовской аристократіи были въ большомъ упадкѣ. По достовѣрнымъ свидѣтельствамъ современниковъ можно составить весьма непривлекательную картину. Стремленіе къ роскоши дѣлалось всеобщимъ. Литовскія женщины высшихъ слоевъ общества мотали деньги такъ, что мужчины могли жениться только съ большимъ приданымъ. Многимъ дѣвушкамъ изъ хорошихъ домовъ трудно было, поэтому, найти себѣ приличную партію, и они должны были или оставаться старыми дѣвами, или вступать въ предосудительные браки. Литовская женщина, по законамъ, имѣла многія права и пользовалась большою независимостью, но недостатокъ серьезнаго воспитанія развилъ въ ней полное отсутствіе самоуваженія — она стремилась только къ роскоши и неприличному кокетству.

Не мудрено послѣ этого, что благоразумные отцы семействъ предпочитали выбирать для своихъ сыновей женъ въ Польшѣ, гдѣ женщины были гораздо образованнѣе и высоко цѣнили свою родовую честь. Такъ поступилъ и покойный князь Константинъ Ивановичъ Острожскій—онъ женилъ своего сына Илью на полькѣ, Беатѣ Косцѣлецкой, дочери подскарбія короннаго. Беата была красива, богата и имѣла большія связи въ Краковѣ. Она была вѣрной и преданной женою князю Ильѣ, но рано овдовѣла, и съ тѣхъ поръ близкіе люди стали замѣчать въ ней большую перемѣну.

Строго воспитанная въ правилахъ католической религіи, она, и выйдя замужъ, осталась ревностной католичкой. Мужъ и его отецъ предоставляли ей въ этомъ отношеніи полную свободу и никогда даже не заводили съ ней религіозныхъ споровъ. Она привезла съ собой въ замокъ Острожскихъ старика духовника, человѣка весьма почтеннаго и сдержаннаго, имѣвшаго на нее большое вліяніе и никогда имъ не злоупотреблявшаго. Княгиня Беата не мало часовъ проводила съ нимъ въ религіозныхъ бесѣдахъ, послѣ которыхъ мужъ заставалъ ее иногда въ восторженномъ настроеніи, со слезами на глазахъ. Но эта восторженность скоро проходила, и молодая княгиня являлась въ общество съ любезной, веселой улыбкой, довольная своей молодостью, красотой и блестящимъ положеніемъ, далекая отъ всякаго религіознаго фанатизма. Родилась дочь—въ княгинѣ Беатѣ вспыхнули материнскіе инстинкты, и все свое свободное отъ удовольствій время она стала посвящать ребенку. Дѣвочка росла и уже съ первыхъ лѣтъ стала всѣхъ поражать своей необыкновенной красотой. Княгиня отовсюду слышала похвалы самыя восторженныя и не могла сомнѣваться въ ихъ искренности. Ея Гальшка сдѣлалась ея гордостью и радостью—она не могла на нее налюбоваться.

Въ это время отъ какой-то скоротечной и неизвѣстной тогдашней медицинѣ болѣзни умеръ князь Илья. Эта неожиданная утрата совершенно сразила Беату. Первое время она казалась помѣшанной. Она заперлась ото всѣхъ, она ушла въ себя и мѣсяца три выносила присутствіе только одного духовника. Даже къ дочери какъ-то охладѣла. Строгій постъ, молитва на могилѣ мужа, чтеніе духовныхъ книгъ—вотъ въ чемъ стала проходить жизнь ея, изо дня въ день, безъ всякихъ отступленій. Напрасно многочисленная родня, искренно ее любившая, старалась привести ее въ себя, убѣдить, что, не смотря на всю великость ея горя, жизнь еще не можетъ потерять въ глазахъ ея всякаго значенія, что ей рано еще совершенно отказываться отъ общества, что у нея, наконецъ, есть дочь, которая должна примирить ее съ жизнью.

Всѣ добрые совѣты, всѣ убѣжденія, пропадали даромъ. Княгиня молча, внимательно выслушивала все, что ей говорили, но, взглянувъ на нее' можно было сразу замѣтить, что она думаетъ о чемъ-то постороннемъ, своемъ, что вразумить ее нѣтъ возможности. Только при имени дочери она нѣсколько оживлялась; но оживленіе это было минутное и скоро переходило въ обычную апатію и замкнутость.

За нѣсколько недѣль до первой годовщины смерти мужа, она съѣздила съ духовникомъ своимъ въ Краковъ. Она пробыла тамъ не долго, не показалась при дворѣ и все время провела окруженная католическимъ духовенствомъ. Она вернулась въ Острогъ сильно возбужденная и оживленная. Во всей ея фигурѣ, въ ея движеніяхъ замѣчалась явная перемѣна—прежней апатіи не было и слѣда. Родные обрадовались сначала, думая, что поѣздка развлекла ее, что теперь она снова заживетъ своей прежней, естественной жизнью.

Но скоро всѣ поняли, что ошиблись. Княгиня Беата, не смотря на оживленность и признаки нравственной энергіи, осталась совершенно равнодушной къ интересамъ, ее окружавшимъ. Она была снова одна, толь-

Библиотека "Руниверс"

ко ужь не погруженная въ прежнюю тоску и задумчивость, а охваченная какою-то новой, таинственной дѣятельностью, которая въ первое время держалась въ тайнѣ отъ обитателей замка. Старый духовникъ остался въ Краковѣ, а на мѣсто его явился новый ксендзъ, державшій себя со всѣми какъ-то особенно предупредительно и льстиво. Онъ постоянно куда-то уѣзжалъ и возвращался, привозилъ княгинѣ Беатѣ какія-то письма, которыя она жадно читала и прятала въ свою завѣтную шкатулку вмѣстѣ со всѣми своими приданными драгоцѣнностями. Что-же все это значило? Значило это, что княгиня дѣйствительно съумѣла найти примиренье съ жизнью, найти дѣло, которому она отдалась порывисто и страстно. Дѣло это была религіозная пропаганда. Католическіе патеры въ тѣ времена, какъ и теперь, любили дѣйствовать черезъ женщинъ и всегда имѣли въ нихъ своихъ вѣрныхъ ученицъ, помощницъ и благодѣтельницъ. Мудрый сонмъ краковскихъ отцевъ въ короткое время совершенно забралъ въ руки княгиню Беату. Она поклялась посвятить всю жизнь свою дѣламъ вѣры и помогать духовенству своими посильными приношеніями. Въ первый же годъ она переслала въ Краковъ, при посредствѣ новаго духовника, весьма значительныя суммы денегъ. Взамѣнъ ихъ она получала благодарственныя письма святыхъ отцевъ, гдѣ ее провозглашали достойнѣйшей дочерью церкви. Эти краснорѣчивыя, пропитанныя тонкой лестью письма составляли ея отраду и гордость. Ей обѣщали, что ея добрыя дѣла скоро сдѣлаются извѣстными папѣ, что она получитъ и его благодарность. Она удвоила свое рвеніе и съ радостью жертвовала ловкимъ патерамъ гораздо больше половины всѣхъ своихъ доходовъ.

Поглощенная и затуманенная своей новой дѣятельностью, Беата уже не находила времени заниматься подроставшей дочерью. Вся ея прежняя любовь къ ней какъ-то расплылась въ охватившемъ ее фанатизмѣ. Иногда она забывала ее по цѣлымъ днямъ. Князь Константинъ Константиновичъ и его жена до глубины души возмущались этимъ. Они не разъ пробовали убѣдить, усовѣстить Беату.

— Я люблю ее гораздо больше, нежели вы всѣ думаете, во время одного изъ такихъ объясненій сказала княгиня Константину Константиновичу.—Я много думаю о ея будущемъ, о ея счастіи, но развѣ я виновата, что у меня руки связаны, что я хоть и мать, да не мать ей...

— Что это значитъ? спросилъ князь.—Неужели ты хочешь упрекнуть меня или жену въ томъ, что мы становимся между тобой и Гальшкой?...

— Я ни въ чемъ не хочу упрекать васъ, но скажи по совѣсти, развѣ она не больше принадлежитъ вамъ, нежели мнѣ? Развѣ ты не опекунъ ея, развѣ не въ твоихъ рукахъ ея состояніе, развѣ, наконецъ, моя дочь не чужда мнѣ по вѣрѣ, въ которой вы ее воспитываете?

— Но вѣдь ты все это хорошо знала, когда выходила за брата. Ты знала, что дѣти Ильи Острожскаго не могутъ быть католиками. Ты торжественно клялась покойному отцу и брату никогда не заводить и рѣчи объ этомъ

— Да, я клялась, отчаянно проговорила княгиня,— клялась, но сама не знала, что тогда дѣлала, не знала, какой грѣхъ, какое мученіе брала на свою душу... Вы заставили меня отступиться отъ моего собственнаго ребенка... Это ужасно!

Князь уже давно ожидалъ подобныхъ упрековъ, хотя Беата до сихъ поръ была очень сдержана. Онъ давно уже предвидѣлъ, что трудно ему будетъ обойтись безъ семейной драмы, подготовленной католическими патерами. Ему приходилось отстаивать православіе уже не въ одной Литвѣ, а и въ стѣнахъ собственнаго дома, приходилось начинать тяжелую, раздражающую борьбу съ фанатизмомъ женщины, которую онъ, не безъ основанія, иногда готовъ былъ считать помѣшанной...

Его лицо вспыхнуло, глаза блеснули недобрымъ блескомъ.

— Никто тебя не заставлялъ и не заставляетъ отступаться отъ Гальшки, гнѣвно сказалъ онъ.—Никто не заступаетъ тебѣ дорогу къ ея сердцу; но если тебѣ мало ея любви, если ты хочешь стать между ею и Богомъ, насильно навязывать ей свою вѣру, то ужь лучше тебѣ уѣхать отсюда. Я выдамъ все, что тебѣ завѣщано братомъ, но Гальшки тебѣ не выдамъ.

— Какъ! поднялась Беата, блѣдная и дрожащая.— Ты хочешь отнять у меня дочь, ты хочешь меня выгнать изъ дому?!... Или ты думаешь, что на тебя нѣтъ и закона, что король потерпитъ такое беззаконіе?..

Князь Константинъ едва себя сдерживалъ. Онъ побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Я не боюсь твоего короля, задыхаясь проговорилъ онъ.—Ты знаешь, что до сихъ поръ я тебѣ былъ добрымъ братомъ, но я былъ братомъ и твоему мужу— я не отдамъ его дочь на съѣденье твоимъ патерамъ, которые лишили тебя и разсудка, и сердца...

И онъ вышелъ своими тяжелыми шагами отъ княгини.

Беата безсильно опустилась въ кресло и залилась слезами.

Она еще недавно получила изъ Кракова письмо отъ епископа, въ которомъ онъ убѣждалъ ее въ необходимости вырвать дочь изъ „челюстей схизмы". Вѣрные слуги католической церкви давно уже всецѣло подчинили ее своему вліянію. Она жила ихъ мыслями. Но рядомъ съ этимъ въ ней оставалось нетронутымъ уваженіе къ князю Константину, какой-то благоговѣйный страхъ передъ нимъ. Борьба съ нимъ представлялась ей невозможной.

Она велѣла позвать своего духовника и излила ему душу. На другой день онъ ѣхалъ въ Краковъ за инструкціями.

Придя къ себѣ и нѣсколько успокоившись, князь Константинъ задумался объ Гальшкѣ. Ей уже былъ шестнадцатый годъ на исходѣ. Изъ прелестнаго ребенка она превратилась въ удивительную, неслыханную красавицу, въ дѣвушку кроткую и благочестивую. Князь души не чаялъ въ племянницѣ. Да могъ ли онъ и не любить ее. У него было трое сыновей, старшему изъ которыхъ только что исполнилось 12 лѣтъ. У него была и единственная, любимая дочь, сверстница и подруга Гальшки. Но дочь эта умерла три года тому назадъ и съ тѣхъ поръ вся его нѣжность къ ней перенеслась на Гальшку.

Молодая княжна и сама горяче любила дядю. Никто какъ она не умѣлъ ему прислуживать, никто не умѣлъ такъ разглаживать маленькой и нѣжной рукою морщины гнѣва и печали, выступавшія на лбу его. Она одна изъ окружавшихъ не боялась его въ страшныя его минуты. Она одна смѣло входила къ нему въ тѣ часы, когда всѣ трусливо обѣгали его покои.

Онъ любилъ тихо и ласково бесѣдовать съ ней въ свободныя минуты. Иногда по вечерамъ онъ собиралъ жену и дѣтей, а Гальшка отстегивала литыя золотыя застежки большой, тяжелой книги и своимъ звонкимъ голосомъ читала имъ житіе какого нибудь святого или главу изъ Евангелія. Князь Константинъ по временамъ прерывалъ чтеніе и объяснялъ ей то, что, какъ ему казалось, было неясно ея пониманію.

И эту-то добрую и ласковую, ангельски прекрасную дочку-племянницу желаютъ отнять и у него и у церкви, желаютъ сдѣлать полькой, католичкой. Невозможно допустить до этого, нужно еще больше слѣдить за нею, оберегать отъ вредныхъ вліяній—а слѣдить и наблюдать совсѣмъ некогда: большія дѣла на рукахъ, кипучая, непрестанная дѣятельность. Все чаще и чаще

Библиотека "Руниверс"

приходилось князю отлучаться изъ Острога, дѣла его звали то въ Краковъ, то въ глубину Литвы, то въ резиденціи другихъ магнатовъ литовскихъ.

Правда, безъ него оставалась жена.. она добра, она сама безъ души любитъ Гальшку; но князь Константинъ невольно долженъ былъ сознаться, что его добрая, вѣрная княгиня Анна Станиславовна плохой дипломатъ и руководитель. Ее обмануть и одурачить ничего не стоитъ—на это хватитъ самаго неопытнаго католическаго монаха.

Выдать бы поскорѣе Гальшку замужъ, пріискать жениха хорошаго и надежнаго, изъ доброй и вельможной семьи православной. Но на комъ остановиться? Гдѣ теперь, въ это смутное, шаткое время, надежные люди? Что за мелкое, жалкое племя народилось у стариковъ литовскихъ! За отличіе при дворѣ продаютъ и родину и вѣру Забыли стародавніе, дѣдовскіе нравы и обычаи—а имп-то крѣпко, несокрушимо стояла Литва родимая. Передразниваютъ поляковъ да нѣмцевъ, перенимаютъ ихъ непутныя, разорительныя моды... Стыдно сказать—малый лѣтъ въ двадцать съ чѣмъ нибудь ужь побывалъ въ разныхъ чужихъ странахъ, всего навидался, все ему опротивѣло, а пуще всего опротивѣли родные лѣса литовскіе. Такъ его и тянетъ изъ дому, все въ Краковъ, да въ Краковъ, за чужими женами польскими волочиться да своихъ же литвинокъ очумѣвшихъ вводить въ грѣхъ и безпутство. Совѣсть забыли, Бога забыли, родину губятъ...

Есть одинъ человѣкъ на примѣтѣ. Князь Константинъ давно въ него всматривался. И роду знаменитаго, и сынъ друга-товарища, и крестникомъ приходится. Воспитанъ строго, въ вѣрѣ и благочестіи, собою молодецъ и умомъ не обиженъ – могъ бы и для дѣла святого пригодиться князь Дмитрій Сангушко, можно бы было положиться на такого племянника пока свои дѣти не выростутъ. Да кто его знаетъ—какъ еще покажется самой Гальшкѣ. А неволить Гальшку, да настаивать въ такомъ дѣлѣ, князь Константинъ не рѣшился бы ни за что въ свѣтѣ.

Приходилось ждать да положиться на милость Божію. Князь только сталъ почаще бесѣдовать съ Гальшкой объ истинахъ православной вѣры и старался возбуждать въ ней патріотическія чувства...

Между тѣмъ краковское духовенство не дремало. По поводу княгини Беаты списались съ Римомъ. Тамъ приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе, заинтересовали княгиней Острожской даже папу Пія V. Онъ послалъ ей въ духовники итальянца монаха. Этотъ монахъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ, сильно покровительствуемому папой. Звали его Антоніо Чеккино. Ему даны были важныя инструкціи и полномочія.

Княгиня Беата встрѣтила его какъ посланника неба; онъ сразу успокоилъ ея взволнованную душу и не прошло и мѣсяца, какъ забралъ ее всю, со всѣми ея помыслами и чувствами, въ свои руки Явившись въ Острогъ, отецъ Антоніо сдѣлалъ все, чтобъ произвести выгодное для себя впечатлѣніе въ его обитателяхъ — онъ обошелъ не одну Беату, онъ обошелъ всѣхъ, но не могъ обойти князя Константина. Князь сразу почуялъ въ немъ врага ловкаго и хитраго. Между тѣмъ не было достаточной законной причины для его удаленія изъ замка. Такъ прошло около года.

IV.

Княгиня Беата сидѣла одна въ роскошно убранномъ покоѣ. Палящее солнце притупляло лучи свои о причудливыя итальянскія витрины высокихъ оконъ. Въ комнатѣ было прохладно, и массивное, во вкусѣ того времени, ея убранство казалось еще внушительнѣе въ мягкомъ полумракѣ. Княгиня только что вышла изъ своей молельни и старалась предаться религіознымъ размышленіямъ. Но чувства ея были взволнованы, она не могла спокойно мыслить о Богѣ, не могла побѣдить въ себѣ раздраженія. Ея утро началось дурно. Она имѣла непріятное объясненіе и не послушалась своего духовника и руководителя—отца Антоніо.

Онъ настоятельно убѣждалъ княгиню сохранять добрыя отношенія со всѣми въ замкѣ, а въ особенности быть почтительной и предупредительной съ княземъ Константиномъ. Онъ настоятельно совѣтовалъ ей никогда не вступать въ религіозные споры, никогда не хулить православную вѣру, посѣщать церковь вмѣстѣ съ семействомъ Острожскихъ. Но послушная и безгласная во всемъ остальномъ, въ этомъ пунктѣ княгиня Беата не могла совладѣть съ собою. Въ ея характерѣ была врожденная искренность, при которой ей трудно было идти окольными путями, лгать и притворяться. Ея религія, доводившая ее до фанатизма, была для нея такъ высока, что она считала унизительнымъ входить съ православіемъ въ какіе бы то ни было компромиссы. Отцу Антонію было еще трудно убѣдить ее въ ученіи, что цѣль оправдываетъ средства.

Прежде, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Беата была равнодушна къ "схизмѣ". Она охотно посѣщала русскую церковь и молилась въ ней по своему молитвеннику. Разговоры „отъ св. писанія" князя Константина не волновали ее и не возбуждали въ ней злобы. Но съ тѣхъ поръ, какъ она поставила цѣлью своей жизни католическую пропаганду, съ тѣхъ поръ какъ она отдалась въ руки духовенства и въ изобиліи стала принимать духовную пищу, посылаемую ей краковскими отцами, ея взглядъ на православіе совсѣмъ измѣнился. Теперь оно было для нея даже не просто чужая вѣра, а нѣчто ненавистное, крайне враждебное, столкновеніе съ чѣмъ приводило ее въ ужасъ. Она стала горячо ненавидѣть русскую церковь, русскіе обряды, русское духовенство, всѣхъ православныхъ людей. Но пуще всѣхъ она возненавидѣла князя Константина. Она еще продолжала его бояться, она еще не рѣшилась разорвать съ нимъ, еще исполняла клятву, данную ею мужу на смертномъ одрѣ его, то есть жила въ Острожскомъ замкѣ, подъ охраной князя. Но кромѣ чисто внѣшняго исполненія этой клятвы отъ нея ничего ужь нельзя было требовать.

Она все рѣже и рѣже стала выходить изъ своихъ покоевъ, очевидно избѣгала встрѣчь съ княземъ и домашними. Она никогда не показывалась въ народѣ. Уже давно никто не видалъ ее въ церкви.

Напрасно Антоніо, съ жаромъ и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, доказывалъ ей, что хоть на сегодня ей непремѣнно слѣдуетъ отправиться къ обѣднѣ, на освященіе придѣла, слѣдуетъ показаться вмѣстѣ съ дочерью имянинницей. Она упорно отказалась и объявила, что это свыше силъ ея. Какъ ни настаивалъ Антоніо—ему пришлось оставить ее непреклонной.

„Глупая женщина, помѣшанная женщина!—только портитъ дѣло..." про себя шепталъ онъ досадуя и волнуясь, въ то время какъ лицо его оставалось неизмѣнно спокойнымъ. И онъ пошелъ въ церковь подмѣчать все, достойное вниманія, прислушиваться къ народному говору. Обладая большими лингвистическими способностями, Антоніо въ короткое время выучился литовскому языку и понималъ каждое слово. Въ обществѣ же онъ говорилъ обыкновенно по итальянски, такъ какъ этотъ языкъ былъ тогда въ большомъ ходу и модѣ и даже многіе литовцы высшаго круга объяснялись на немъ очень порядочно. Княгиня Беата знала его въ совершенствѣ...

Сначала все было тихо въ замкѣ—дѣятельная жизнь кипѣла только на томъ дворѣ, гдѣ помѣщались кухни и гдѣ въ этотъ день, съ солнечнаго восхода, дѣлались приготовленія къ роскошному пиру. Но вотъ послышался гулъ и конскій топотъ, потомъ отдѣльные голоса и

Библиотека "Руниверс"

Страшное мгновеніе. Болгарка, спасающаяся отъ баши-бузуковъ. Рис нашъ спеціальный корреспондентъ Каразинъ, грав. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

народные крики. Княжескій поѣздъ, въ сопровожденіи толпы горожанъ, подъѣзжалъ къ замку.

Княгиня Беата прислушивалась къ этимъ звукамъ съ какимъ то даже отвращеніемъ. Эта православная толпа народа, эти православные гости князя казались ей вражескимъ, варварскимъ войскомъ. Много бы дала она, чтобъ провести этотъ день у себя, запершись съ Антоніо и дочерью. Но это было уже не возможно, это было бы такое оскорбленіе князю, послѣ котораго нужно было разойтись съ нимъ совсѣмъ и поднять цѣлый рядъ трудно разрѣшимыхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и денежныхъ. И она съ ужасомъ и мученьемъ думала о томъ, что предстоитъ выйти „на ту половину", принимать участіе въ пирѣ, выслушивать навѣрное такія рѣчи, отъ которыхъ огнемъ закипало ея сердце.

О, еслибъ она была одна, еслибъ не связывали ее Елена или, вѣрнѣе, еслибъ не было такъ сильно вліяніе и могущество князя Константина даже въ Краковѣ, гдѣ королю не съ руки было окончательно вооружать противъ себя могущественнаго литовскаго вельможу!...

— Чтожь это не идетъ Гальшка? Ее совсѣмъ отнимаютъ у матери!—княгиня Беата забывала, что она сама отнимала у себя дочь своимъ неровнымъ, страннымъ обращеніемъ съ нею. Сегодня Гальшкинъ праздникъ, ея имянины. Беата приготовила ей богатые подарки. Вотъ лежатъ они на столѣ: удивительное жемчужное ожерелье, которому могла бы позавидовать и королева; цѣпь тончайшей венеціанской работы... Какъ прекрасна должна быть Гальшка съ этимъ ожерельемъ на шеѣ... Да, Гальшка хороша неслыханно, она все хорошѣетъ...

Въ княгинѣ проснулась материнская гордость. Изъ сосѣдней комнаты послышались легкіе шаги, вошла Гальшка, сіяющая и цвѣтущая, въ своемъ бѣломъ платьѣ, обшитомъ золотой бахрамою, съ какою-то новой улыбкой и новымъ блескомъ во взорѣ.

Княгиня поднялась и на мгновеніе остановилась, пораженная необыкновенной красотой дочери, какъ бы освѣтившей собою нѣсколько мрачную и тяжелую обстановку комнаты.

Ея блѣдное, худощавое, но все еще прекрасное лицо оживилось. Она протянула руки и привлекла къ себѣ дѣвушку, покрывая ея глаза, губы, волосы горячими поцѣлуями...

— Гальшка! дитя мое! моя дорогая!—говорила княгиня растроганнымъ голосомъ, не въ силахъ да и не желая удержать вдругъ полившіяся слезы.

Княжна взглянула на мать, увидѣла эти слезы, эту мало знакомую ей нѣжность и съ легкимъ крикомъ радости и смущенія припала головою на грудь Беаты...

Такъ пробыли онѣ нѣсколько мгновеній. Потомъ княгиня взяла Гальшку за руку и подвела ее къ столу, на которомъ лежали подарки.

— А вотъ это я приготовила для сегодняшняго дня моей дѣвочкѣ,—ласково сказала она. Вотъ эта нитка жемчугу—ее подарилъ моей матери король Сигизмундъ I... посмотри, какія зерна—и всѣ на подборъ, одно къ одному... такого жемчугу не видала ни одна вельможная краковская панна... я надѣвала этотъ жемчугъ всего разъ, какъ подъ вѣнецъ шла. Какъ родилась ты, такъ для тебя его спрятала—не знала еще тогда, что такая красавица ты у меня будешь... Да съ этимъ жемчугомъ на шеѣ краше тебя и не сыскать никого во всемъ свѣтѣ...

И она надѣла драгоцѣнное ожерелье на тонкую, будто мраморную шею дочери и застегнула его алмазнымъ запястьемъ.

— Спасибо, матушка, спасибо, родная, — невольно восхищалась подаркомъ Гальшка, ловя и цѣлуя руку княгини.

— Ну, а вотъ цѣпь венецейская—ее я нарочно для тебя заказывала, только что прислали. Смотри, что за работа—словно паутина... Дай руку, я кругомъ обмотаю—увидишь, какъ будетъ красиво.

— Матушка, а вѣдь и тебѣ пора нарядиться, замѣтила княжна, обнимая мать за этотъ второй подарокъ. Всѣ гости собрались уже въ золотой залѣ... меня про тебя еще въ церкви спрашивали, о твоемъ здоровьи справлялись...

Лицо княгини мгновенно преобразилось; злая усмѣшка мелькнула на губахъ ея.

— Кому я нужна, что обо мнѣ справки наводятъ; кому я мѣшаю, что обо мнѣ забыть не могутъ... А ты меня и сегодня упрекнула... Что же ты думаешь—лежала я и спала все утро! Я о тебѣ молилась, о тебѣ плакала, просила Бога, чтобъ онъ просвѣтилъ тебя истиной, не далъ тебѣ погибнуть въ козняхъ вражескихъ...

Свѣтлые глаза Гальшки отуманились печалью. Она горько вздохнула. Чудная минута материнской ласки, горячей взаимной искренности мелькнула и исчезла. Она снова чувствовала ту вѣчную, непреоборимую преграду, которая стояла между ней и матерью, снова испытывала то раздражающее чувство, которое всегда возбуждалось подобными словами.

Это чувство до сихъ поръ составляло единственное мученіе ея жизни и избавиться отъ него она не была въ состояніи. Но теперь оно почему то быстро ослабѣло—его пересилило необыкновенное, никогда еще такъ чудно не испытанное ею счастіе, которымъ она была полна все утро. Выраженіе, бывшее на ея лицѣ когда она входила въ комнату матери, снова вернулось. Оно было такъ ново, оно такъ довершало красоту ея, что княгиня Беата не могла его не замѣтить.

— Какіе у тебя глаза сегодня! сказала она вглядываясь въ дѣвушку.—Что съ тобой?.. тебѣ весело, ты счастлива?...

— Да... да... мнѣ хорошо, мнѣ весело сегодня,—смущенно прошептала Гальшка.

— Много собралось? Кто еще пріѣхалъ? А Сангушко? здѣсь онъ?

— Здѣсь .. Я видѣла его въ церкви...

Еслибъ княгиня Беата продолжала глядѣть на дочь, она замѣтила бы, какъ та смутилась и покраснѣла.

— Ну, ступай туда, къ теткѣ, а мнѣ вели позвать дежурную панну—я стану одѣваться, разсѣянно проговорила княгиня.

Гальшка поцѣловала ее и направилась къ двери.

На порогѣ она почти столкнулась съ черной фигурой высокаго и блѣднаго человѣка. Онъ почтительно поклонился.

— Привѣтствую княжну Елену и приношу мое сердечное поздравленье, сказалъ онъ по итальянски.

— Благодарю васъ, отецъ Антоніо, равнодушно отвѣтила Гальшка и прошла мимо.

Только замолкли ея шаги, онъ быстро подошелъ къ княгинѣ.

— Я былъ въ церкви, заговорилъ онъ, вы очень дурно сдѣлали, что остались дома—это только всѣхъ вооружитъ противъ васъ и не поведетъ ни къ чему доброму .. Но теперь не то... есть опасность важнѣе. Скажите, княгиня, желаете-ли вы, чтобъ ваша дочь навсегда была для васъ потеряна, чтобъ всѣ ваши планы спасти ее немедленно рушились?!.

— Что вы говорите?! съ ужасомъ прошептала княгиня

— Я говорю, что все это легко можетъ случиться въ самомъ скоромъ будущемъ.

— Что же такое случилось—не томите ради Іисуса и Святой Дѣвы!

— Если княжна Елена полюбитъ русскаго и выйдетъ за него замужъ— будетъ ли это ея гибелью?

— О, это было бы ужасное, величайшее несчастіе.

Библиотека "Руниверс"

— Да, для нея это величайшее несчастіе, и для васъ тоже, и это несчастіе готово совершиться... Если только я могу довѣрять глазамъ своимъ, она уже любитъ одного изъ сильнѣйшихъ враговъ нашей святой вѣры...

— Моя дочь любитъ? Гальшка? да она еще ребенокъ, она такъ равнодушна ко всѣмъ своимъ поклонникамъ и искателямъ, воскликнула княгиня.

— Она ребенокъ,—съ горькой усмѣшкой проговорилъ Антоніо. Для васъ—да; но этому ребенку уже семнадцать лѣтъ... Одинъ часъ, одно мгновеніе превращаетъ ребенка въ женщину—и это мгновеніе пришло сегодня, и я его подмѣтилъ.

— Но кого же любитъ моя дочь? въ ужасѣ поднялась княгиня.

— Молодого князя Сангушко,—отвѣтилъ Антоніо еще болѣе блѣдный, чѣмъ когда либо.

(Продолженіе будетъ).

Женщина со свѣчей.

(Картина Рубенса).

Съ этой картиной Рубенса связана интересная исторія; передаемъ ее такъ, какъ разсказывалъ ее своимъ друзьямъ самъ Рубенсъ.

Знаменитый художникъ находился въ Генуѣ, когда къ нему пришла печальная вѣсть, что его мать, уже дряхлая и слабая старушка, сильно захворала. Извѣстно, что Рубенсъ отличался сыновней любовью; не теряя ни минуты, пустился онъ въ путь. Подъѣзжая къ Анверу, онъ узналъ, что мать его умерла.

Эта тяжелая потеря, и особенно то, что онъ не получилъ послѣдняго благословенія матери, которую обожалъ, повергло великаго художника въ глубочайшую тоску. Кромѣ того, длинное путешествіе безъ отдыха днемъ и ночью, сильно потрясло его здоровье. Совершенно упавъ духомъ, онъ рѣшился въ своемъ отчаяніи отказаться отъ славы и совсѣмъ удалиться отъ міра; онъ заперся въ стѣнахъ аббатства Св. Михаила, надѣясь найти тамъ тотъ покой и уединеніе. Раздѣляя строгую жизнь монаховъ, онъ сдѣлался почти невидимымъ ни для кого; тщетно друзья приходили къ нему въ надеждѣ уговорить его перемѣнить свое намѣреніе: онъ не принималъ ихъ. Не менѣе тщетны были просьбы многочисленныхъ его учениковъ. Онъ не хотѣлъ слушать даже самого настоятеля монастыря, когда тотъ напоминалъ ему, что онъ долженъ исполнять свое призваніе, что геній есть небесный даръ, возлагающій обязанности на того, кто получилъ его отъ Бога.

Между тѣмъ, здоровье Рубенса страдало все болѣе и болѣе отъ этой затворнической жизни; наконецъ онъ рѣшился выходить иногда изъ монастыря, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и то только съ наступленіемъ ночи, и тщательно закрывъ лицо капюшономъ. Въ одинъ вечеръ, когда онъ бродилъ на удачу по темнымъ и пустыннымъ закоулкамъ, вниманіе его было привлечено довольно яркимъ свѣтомъ, выходившимъ изъ полуотворенной двери одного мрачнаго домишка. Рубенсъ остановился и увидѣлъ старуху и маленькаго мальчика, которые довольно оживленно бранились между собой, при чемъ мальчикъ называлъ старуху колдуньей и скрягой.

Вскорѣ онъ понялъ причину ссоры: она происходила отъ того, что старуха не давала мальчику зажечь свѣчку у своей свѣчки. Художникъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на эту забавную сцену, и она такъ запечатлѣлась въ его памяти, что, возвратясь въ свою келью, онъ немедленно переложилъ всю картину на полотно.

Страшное мгновеніе. Болгарка, спасающаяся отъ Баши-бузуковъ.

Картина представляетъ одну изъ безчисленныхъ сценъ, совершающихся въ настоящее время въ многострадальной странѣ, такъ жестоко истерзанной и до сихъ поръ стонущей отъ безчеловѣчнаго звѣрства турокъ. Несчастная женщина съ маленькимъ ребенкомъ, видимо, благодаря какому то случаю, успѣла спастись отъ неистовства кровожадныхъ враговъ и укрывается среди густой растительности; она сознаетъ, что ея положеніе не безопасно, она чувствуетъ и можетъ быть уже слышитъ не вдалекѣ отъ своего убѣжища шорохъ злодѣевъ, вѣроятно ее отыскивающихъ. Но она, видимо, рѣшилась не отдавать своей жизни даромъ: по выраженію лица ея ясно, что она скорѣе покончитъ съ собой и съ своимъ ребенкомъ, чѣмъ отдастся въ руки изверговъ. Можно себѣ представить, какое страшное душевное состояніе она испытываетъ въ эту роковую минуту: пройдутъ-ли злодѣи мимо, или откроютъ ея убѣжище. Ужасное положеніе!

Намъ невольно припоминается при этомъ слова изъ недавней рѣчи Англійскаго премьера (Дизраэли-Биконсфильда), отзывающаго о туркахъ, какъ о великой націи. Да, это дѣйствительно великая нація, но великая только въ смыслѣ разбоевъ, грабежей, убійствъ и всякихъ звѣрствъ. Читая рѣчь Дизраэли, не знаешь чему удивляться: безстыдному ли его лганью, или же величайшей его безнравственности, въ томъ случаѣ, если онъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ турокъ представителями великой націи. И этотъ же самый Дизраэли беззастѣнчиво, во всеуслышаніе предъ тысячной толпой высказываетъ то убѣжденіе, что въ дѣлѣ политики государство должно руководствоваться не законами нравственности и справедливости, а экономическими выгодами страны. И его слушаютъ, и ему рукоплещутъ. Ужасное время! Ужасные нравы!

Нишъ.

Нишъ—крѣпость, весьма важная въ стратегическомъ отношеніи для турокъ и для сербовъ—такъ какъ она, заграждаетъ во первыхъ, дорогу изъ Сербіи, а во вторыхъ, составляетъ центръ турецкихъ войскъ, расположенныхъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова для наблюденія за Болгаріей и Сербіей. Кромѣ того, Нишъ хорошо-укрѣпленный лагерь, изъ котораго войска могутъ быть легко отправлены, на границы имперіи, независимо отъ того, что Морава представляетъ близь этой крѣпости единственный пунктъ, гдѣ черезъ нее могутъ переправиться большія массы войскъ. Понятно, поэтому, что сербы желаютъ занять Нишъ, а турки стараются удержать его за собой съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ.

Самый городъ состоитъ изъ цитадели, въ которой находятся государственныя зданія; ниже цитадели, лежитъ сначала турецкій кварталъ съ своими мечетями и минаретами, защищенный сильными, высокими земляными окопами, потомъ болгарскій кварталъ, состоящій изъ бѣдныхъ лачужекъ; далѣе расположенъ лагерь черкесовъ, а по ту сторону рѣки Нишавы, находится цыганская колонія, тоже защищенная однимъ фортомъ. Въ болгарско-сербскомъ кварталѣ, высится надъ хижинами, словно насмѣшка, надъ славянскимъ населеніемъ, памятникъ, турецкихъ жестокостей, а именно, башня вышиною въ 200 футовъ, внутри которой стояла прежде пирамида, сложенная изъ человѣческихъ череповъ. Пирамида эта была воздвигнута въ 1809 году, когда начальникъ одного сербскаго отряда проникъ до Ниша, чтобы взять его, но былъ окруженъ турками и взорвалъ себя на воздухъ вмѣстѣ со всѣми своими воинами. Турки отрѣзали тогда головы 1400 трупамъ и соорудили изъ нихъ внутри башни пирамиду, на вершинѣ которой была поставлена голова сербскаго вождя, Сингелича. Въ настоящее время замѣтны только углубленія отъ лежавшихъ череповъ, такъ какъ сербы въ продолженіе многихъ лѣтъ тайкомъ уносили изъ башни отдѣльныя головы и погребали ихъ. Голова Сингелича была предана землѣ въ 1866 году. Эта башня и еще одна строющаяся теперь болгарско-сербская церковь, представляютъ единственныя достопримѣчательности грязной крѣпости, которая, благодаря контрасту яркихъ цвѣтовъ, странной архитектурѣ жилищъ, смѣшенію дворцовъ съ лачужками, невымощеннымъ улицамъ, бродячимъ собакамъ и, съ важностью проходящимъ по улицамъ мулламъ — производитъ впечатлѣніе чисто восточнаго города. Болгарскій кварталъ нѣсколько чище, тамъ улицы вымощены, есть гостинница, и нѣсколько большихъ зданій, въ томъ числѣ и упомянутая уже церковь. Въ христіанскомъ кварталѣ насчитываютъ около 1000, въ турецкомъ—около 1500 домовъ.

Атака турецкой кавалеріей сербскихъ добровольцевъ при Мрзолѣ (около Алексинца) 22 августа.

Турки разбитые, какъ извѣстно, Черняевымъ на правомъ берегу Моравы, перешли затѣмъ на лѣвый. Главнокомандующій Абдулъ-Керимъ, собравъ всѣ свои силы, имѣлъ намѣреніе разомъ взять Алексинацъ и отрѣзать сообщеніе сербской арміи

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ города Ниша. Съ фотогр. грав. Пенгтъ.

Библиотека "Руниверс"

Аттака турецкой кавалеріей сербскихъ добровольцевъ при Мрзолѣ (около Алексинца).

Библиотека "Руниверс"

съ Делиградомъ. Наступленіе началось 20-го августа, и битвы продолжались включительно по 22-е число. Несоразмѣрность силъ съ той и съ другой стороны была громадна: въ то время турки ввели въ дѣло отъ 60-ти до 70-ти тысячъ ч. пѣхоты, стянутой отъ Прокопля, Коршумли, Янковой Клиссуры, и даже Новаго Базара и болѣе 60-ти орудій при 24-хъ эскадронахъ кавалеріи, сербы могли противопоставить имъ только 20 батальоновъ пѣхоты, 12 орудій и 12 эскадроновъ кавалеріи, которые, собственно, составляли войска центра и праваго фланга. Понятно, вслѣдствіе того, что турки просто на просто ломили численностью геройски отстаивавшихъ свои позиціи сербовъ. Въ первый и самый жестокій день боя оттоманскія войска повели наступленіе отъ Буймира, внизъ по лѣвому берегу Моравы, но были остановлены у высотъ Катуна, откуда ихъ встрѣтилъ убійственный огонь сербской баттареи. Численный перевѣсъ, однако, сдѣлалъ свое дѣло—турки продолжали массами напирать и достигли деревни Ситковацъ. Тутъ они наткнулись на лѣвый флангъ сербовъ, который отразилъ аттаку. Центръ арміи Черняева и его правое крыло были расположены у Мрзола и Бѣлы. Сюда, на оконечность праваго фланга и были направлены главныя аттаки турецкихъ войскъ Гафиса-Паши, которыя послѣдовали, впрочемъ, только тогда, когда турки, усиленнымъ наступленіемъ на своемъ правомъ флангѣ успѣли привлечь все вниманіе сербовъ на бой, кипѣвшій противъ лѣваго фланга ихъ у Ситковаца. Самая жаркая битва происходила на сербскомъ правомъ флангѣ. Здѣсь турки рѣшились двинуть заранѣе приготовленную атаку въ обходъ высотъ, на которыхъ стояло сербское правое крыло, и въ этотъ-то моментъ генералъ Черняевъ, поддержалъ его, давъ ему безошибочное, по отзывамъ знатоковъ военнаго дѣла, направленіе къ отступленію и удержавъ дальнѣйшій напоръ турокъ резервами у Перчиновца и атаками своего центра, сопровождавшимся сильнымъ и хорошо направленнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Во время ожесточенныхъ атакъ у Мрзола особенно отличился со стороны сербовъ ихъ отрядъ волонтеровъ. Надо замѣтить, что отрядъ этотъ — нѣчто въ родѣ нашихъ прежнихъ безмертныхъ гусаръ (нынѣшній Александрійскій гусарскій полкъ). Онъ, также, рѣшился не давать и не просить пощады въ бою и избралъ своей видимой эмблемой мертвую голову, которая изображена на его знамени. Въ дѣлѣ подъ Мрзолемъ отрядъ не посрамилъ своего знамени и показалъ, что вполнѣ стоитъ на высотѣ своей геройской рѣшимости. Не одинъ разъ, въ этотъ день, опрокидывалъ онъ бѣшено кидавшихся на него турокъ, не одинъ разъ врубался онъ въ самую середину враговъ и гналъ ихъ предъ собой. Только объясненное выше стратегически необходимое отступленіе къ Делиграду остановило его отъ дальнѣйшихъ подвиговъ.

Лордъ Элліотъ

(Англійскій посланникъ въ Константинополѣ).

Элліотъ—именно такой человѣкъ, какой былъ необходимъ Дизраэли (нынѣшнему Биконсфильду) при недавнихъ событіяхъ въ Турціи. Во всю «сумятицу» нагрянувшихъ, чрезвычайныхъ обстоятельствъ этой весны и лѣта—британскій посланникъ не измѣнилъ себѣ ни на минуту и ни въ чемъ; во все время, среди всеобщаго волненія, среди страшныхъ потрясеній, онъ продолжалъ дѣлать свое дѣло съ безчувственною непреклонностью машины, ходъ и дѣйствіе которой направлены и разсчитаны заранѣе. Весьма характернымъ, въ этомъ отношеніи, является, напримѣръ, его образъ дѣйствій съ бывшимъ военнымъ министромъ, Гуссейномъ-Авни-Пашей, убитымъ, какъ извѣстно, черкесомъ Гассаномъ. Элліотъ былъ весьма близокъ съ энергичнымъ генераломъ, ихъ дружба сдѣлалась еще тѣснѣе какъ въ дни, непосредственно предшествовавшіе низложенію Абдула-Азиса, такъ и во время самаго переворота. Понятно—заговоръ связываетъ заговорщиковъ. Однако Гуссейнъ-Авни, какъ дознано теперь, не желалъ допустить смерти своего бывшаго повелителя. Когда до него дошло извѣстіе о «самоубійствѣ» несчастнаго падишаха, онъ бросился къ своему «другу» —посланнику королевы.

— Что вамъ угодно?» былъ первый вопросъ, спокойно предложенный растерянному сераскиру. Тотъ, какъ могъ и насколько позволяло ему чрезвычайное волненіе, высказалъ Элліоту свое негодованіе.

— Мнѣ *оффиціально* сообщено, что е. в. Абдулъ-Азисъ самъ прекратилъ свою жизнь, и я болѣе ничего не знаю», съ тою же холодностью отвѣтилъ Элліотъ.

Сераскиръ только тутъ понялъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло...

Десятки иностранцевъ, пораженные извѣстіями, приходившими изъ Болгаріи, отправились на мѣсто, чтобы собственными глазами провѣрить слухи. Они нашли, что дѣйствительность превосходитъ то, что разсказывалось, и подали всѣмъ посланникамъ въ Константинополѣ коллективную записку обо всемъ, чему сами были очевидцами. Сэръ Элліотъ, получившій также экземпляръ этой записки, возвратилъ ее назадъ, отвѣтивъ, что не имѣетъ права составлять свое сужденіе на основаніи «не оффиціальныхъ документовъ».

Оффиціальные документы могли исходить только отъ турецкаго правительства! А между тѣмъ надъ несчастной Болгаріей стояло багровое зарево, бросавшее свой зловѣщій образъ на рѣки крови и попрежнему доносились оттуда стоны и рыданія...

Пробудилась, наконецъ, «гуманная» Европа XIX столѣтія, увидала и услышала и потребовала объясненій. Г. Элліотъ попробовалъ было «отписаться», но общественное мнѣніе (даже въ самой Англіи), слишкомъ возмущенное неистовствами турокъ и недостойнымъ образомъ дѣйствій посланника, не удовлетворилась голословными увѣреніями. Вслѣдствіе того былъ посланъ въ Болгарію секретарь британскаго посольства, Барингъ, который, дѣйствуя въ духѣ своего начальника, хотя и старался смягчить факты, но все же былъ принужденъ донести, что убито 12 тысячъ?! Согласно же другимъ, достовѣрнымъ свѣдѣніямъ—Барингъ (постоянно окруженный турками и людьми имъ преданными) объѣхалъ только 3 округа и не заглянулъ въ другіе. Русско-американская слѣдственная коммисія (Скайлеръ и князь Цертелевъ) во многомъ пополнили дознаніе агента Элліота и Порты, или лучше сказать, возстановили многое изъ того, что было имъ скрыто, и представили на судъ Европы полную картину опустошеній, совершенныхъ злодѣйскими руками...

Исторіи не трудно будетъ произнести свой судъ надъ такими личностями, какъ сэръ Элліотъ. То слово, которое скажетъ о немъ исторія, уже и теперь всюду слышится.

По поводу съѣзда оріенталистовъ въ Петербургѣ.

Недавно въ Петербургѣ состоялся съѣздъ оріенталистовъ (представителей науки о Востокѣ и интересующихся развитіемъ этой науки). Этотъ съѣздъ былъ формулированъ названіемъ *третьей* (по числу) сессіи оріенталистовъ. Засѣданія съѣзда происходили въ зданіи С.-Петербургскаго Императорскаго Университета, въ большой университетской залѣ. Съѣздъ закрылся 31-го августа.

Прежде чѣмъ познакомиться съ сущностью вопросовъ, обсуждавшихся на засѣданіяхъ этого съѣзда, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касающихся основной мысли и цѣли съѣзда оріенталистовъ, потому что цѣль подобнаго съѣзда спеціальнѣе и самый предметъ обсужденій отвлеченнѣе,—тогда какъ, напримѣръ, цѣль съѣзда естествоиспытателей, сама по себѣ, весьма рельефна и осязательна.

Первый вопросъ, представляющійся въ настоящемъ случаѣ: *для чего* нужна наука о Востокѣ, хотя бы и въ смыслѣ спеціальной науки и какіе результаты возможны при ея развитіи?

Интересъ изслѣдованій Востока—чисто научный, теоретическій. Въ извѣстномъ смыслѣ оріентологію можно считать прикладною частью исторіи; тѣмъ не менѣе эта отрасль знанія существуетъ самостоятельно и цѣль ея, самоизысканіе, каковы бы ни были его результаты. Относительно средствъ и способовъ изслѣдованія оріенталисты ограничены изученіемъ древнихъ восточныхъ надписей, изъясненіемъ и критикой всѣхъ древнихъ документовъ, касающихся Востока. Данныя геологіи, палеонтологіи и проч. могутъ служить въ этомъ случаѣ только побочнымъ вспомогательнымъ средствомъ.

Но Востокъ интересенъ для оріенталиста только самъ по себѣ, и по связи съ западнымъ міромъ, съ Европой. Идея, найдти и подробно прослѣдить связь между Европой и Азіей, была первымъ мощнымъ импульсомъ къ научному изслѣдованію Азіи, которую, по справедливости, считаютъ колыбелью всего человѣческаго рода. Нашъ языкъ, или точнѣе наша вѣтвь языковъ, извѣстная подъ именемъ индо-европейскихъ (греческій и латинскій языки и различныя славянскія нарѣчія и проч.) имѣетъ колыбель тоже въ Азіи, потому что уже несомнѣнно доказано, что родоначальникъ индо-европейскихъ языковъ есть языкъ санскритскій, существовавшій и процвѣтавшій еще за 2,000 лѣтъ до нашего времени, въ обширной области между рѣками Индомъ и Гангесомъ, да и теперь еще существующій въ Индіи въ формѣ ученаго языка браминовъ, находящійся въ такомъ же отношеніи къ живой народной рѣчи, въ какомъ у средневѣковыхъ схоластиковъ находился языкъ латинскій. Ученый изслѣдователь Гриммъ доказалъ, что первичные элементарные миѳы индо-европейской расы находятся въ своей первобытной наивной формѣ среди населенія Швабіи и Гарца. Въ языкѣ литвиновъ санскритскій элементъ очевиденъ до высшей степени. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что все теперешнее и бывшее населеніе Европы, состоявшее изъ грековъ, латинянъ, славянъ, германцевъ и пр. имѣютъ общую колыбель

Библиотека "Руниверс"

происхожденія и общій источникъ своихъ языковъ. Первоначальные предки грековъ, латинянъ, славянъ, германцевъ и пр. происходящихъ отъ кавказскаго поколѣнія, называются *арійцами*, а происходящія отъ нихъ племена—арійскими племенами. Совершенно особый самобытный корень, тоже кавказскаго племени, составляютъ *семиты*, а происходящія отъ нихъ племена, суть племена семитическія. Это: евреи, арабы, сирійцы. Эти племенныя группы, несомнѣнно, жили въ незапамятный періодъ вмѣстѣ, конечно еще до временъ Авраама, потому что въ періодъ Авраама еврейское племя уже выдѣлилось изъ другихъ родныхъ ему, и сдѣлалось самобытнымъ избраннымъ народомъ. И такъ, семиты и арійцы суть первоначальныя племенныя группы, суть первоначальныя, говоря сравненіемъ, ячейки, изъ которыхъ развилось громадное цѣлое человѣчество, дѣйствовавшаго на сценѣ исторіи и завѣщавшаго міру результаты своей цивилизаціи. Совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ исторіи стоятъ тюрко-татарскія племена. Происходящія отъ самостоятельнаго монгольскаго племени, татарскіе языки ждутъ еще своего анализа; исторія и взаимное отношеніе ихъ, а также отношеніе къ семитическимъ и индо-европейскимъ языкамъ весьма темны, точно также темны и древнія отношенія арійскихъ племенъ къ туранскимъ (или тюркскимъ), а они несомнѣнно должны были сталкиваться на обширной площади азіатскаго материка, называемаго Средней Азіей. Мало того, по многимъ вѣроятнымъ соображеніямъ, можно видѣть, что первою колыбелью арійцевъ была Средняя Азія, что они потомъ выселились отсюда въ Европу и Индію. Въ Индіи они могли не перейдти черезъ горный хребетъ Гиндукушъ; въ Европу же переходъ этихъ племенъ могъ совершиться чрезъ Малую Азію и греческій архипелагъ, минуя Кавказъ съ юга или обойдя его съ сѣвера. Древніе скиѳы, сарматы, аланы—вотъ названія этихъ переселявшихся изъ Средней Азіи въ Европу племенъ. Но какъ скоро арійскія племена оставляли Среднюю Азію (теперешній Туркестанъ), ихъ мѣсто занимали народы тюркскіе.

Вопросъ о древней цивилизаціи, насколько онъ характеристично отличается у арійцевъ вообще и индо-европейцевъ въ частности, у семитовъ вообще и у арабовъ, евреевъ, сирійцевъ и проч. въ частности, имѣетъ интересъ высокій, и онъ-то составляетъ, такъ сказать, центръ научныхъ изслѣдованій Востока. Его основательное изслѣдованіе дастъ возможность охранить основные элементы цивилизаціи какого-либо народа и относительную способность цивилизоваться у какого либо племени. Письменныхъ памятниковъ, въ смыслѣ исторіи, какъ мы ее теперь понимаемъ, у этихъ народовъ не было, да и не могло быть. Не могъ же у нихъ явиться Геродотъ, какъ у высоко-развитыхъ гелленовъ. Въ замѣнъ исторіи въ такой формѣ, изслѣдователю остаются два, какъ показалъ опытъ, весьма надежныя средства: *сравнительное языкознаніе* и *сравнительная миѳологія*.

Другія средства, напримѣръ: чтеніе отрывковъ документовъ, и цѣлыхъ документовъ представляются второстепенными—разъ потому, что изслѣдователю, читающему документъ, нужно неутомимо стоять на стражѣ во всеоружіи критики; во вторыхъ, при болѣе или менѣе значительныхъ обобщеніяхъ, документы имѣютъ слишкомъ частное значеніе.

Затѣмъ, различая двѣ эти части общаго метода изслѣдованія, т. е. сравнительное языкознаніе и сравнительную миѳологію, нужно сказать, что вторая часть значительно труднѣе и требуетъ огромной критической проницательности, какою обладали, напримѣръ, братья Гриммы: надо войдти въ міросозерцаніе совершенно чуждаго намъ народа. Область сравнительнаго языкознанія общедоступнѣе и, примыкая къ филологіи, примѣнима шире и популярнѣе.

Собственно обсужденіе различныхъ вопросовъ на Петербургскомъ съѣздѣ оріенталистовъ происходило при помощи чтенія древнихъ, имѣющихъ важность документовъ съ ихъ критическимъ разборомъ; разбирались этнографія и бытовыя стороны восточныхъ народовъ; сравнительное языковѣдѣніе служило средствомъ для критики документовъ. Сравнительная миѳологія могла очень мало входить въ разсчетъ съѣзда, — развѣ только въ вопросѣ о религіяхъ, гдѣ коснуться миѳологіи неизбѣжно.

Разбиралось, напримѣръ, извѣстное арабское сочиненіе «*Ризалетъ-Абу-Долефъ*», приписываемое арабскому поэту X вѣка Абу-Долефъ-Мисеару-Ибнъ-Мохалилю. Ставился вопросъ: не подложное ли это сочиненіе напр., чья-нибудь компиляція, — или подлинное. На основаніи грубыхъ ошибокъ и несообразностей, и именно несообразностей этнографическихъ, г. Григорьевъ (предсѣдатель конгресса) рѣшилъ, что это сочиненіе—просто компиляція.

Общее обсужденіе вопросовъ было направлено преимущественно къ изученію русской Азіи, восточной и западной, русскимъ среднеазіатскимъ владѣніямъ, Кавказу вмѣстѣ съ Крымомъ и другими странами Европейской Россіи, населенными азіатскими народностями, и Закавказью. Такимъ образомъ петербургскій съѣздъ оріенталистовъ имѣлъ по преимуществу этнографическій и отчасти историческій характеръ, и именно въ тѣсномъ отношеніи къ Россіи. Съ этой точки зрѣнія, заѣданіе конгресса отъ 21 августа, посвященное исключительно Россіи, нужно назвать однимъ изъ самыхъ интересныхъ по содержанію обсуждавшихся на немъ вопросовъ.

Г. Оппертъ въ одномъ изъ засѣданій сообщилъ о такъ называемыхъ *клинообразныхъ* текстахъ, не принадлежащихъ ни къ арійскимъ ни къ семитическимъ нарѣчіямъ, Это сообщеніе интересно въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію Опперта, нарѣчіе, на которомъ написаны надписи, не принадлежало ни арійцамъ, ни семитамъ, а особому племени, которое Оппертъ называетъ сузо-мидійскимъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ это племя господствовало въ нынѣшнемъ Ирапѣ и Хузистанѣ еще до владычества персовъ, народа арійскаго племени. Одинъ изъ этихъ языковъ—мидійскій, другой—языкъ Сузіаны.

За недостаткомъ мѣста здѣсь излишне приводить множество интересныхъ обсужденій, предложеній, указаній, разъясненій. Наша цѣль была только указать на *идею* съѣздовъ оріенталистовъ вообще и таковаго же съѣзда въ Петербургѣ въ особенности.

Знаменитый французскій оріенталистъ, авторъ «Жизни Іисуса», Ренанъ, прислалъ письмо, съ выраженіемъ сожалѣнія, что не можетъ участвовать въ работахъ Петербургскаго конгресса.

М. С.

Политическое обозрѣніе.

Перемиріе, вѣроломно и нѣсколько разъ нарушенное турками, какъ и слѣдовало ожидать, не могло долго продолжаться даже формально. Сербское правительство должно было заявить въ томъ или другомъ смыслѣ свое рѣшеніе представителямъ великихъ державъ въ Бѣлградѣ. И дѣйствительно, Ристичъ 15-го (27-го) сентября передалъ представителямъ державъ въ Бѣлградѣ пространную ноту, опредѣляющую взглядъ Сербіи на перемиріе и рѣшеніе ея касательно этого пункта. Этою нотою весьма деликатно отклонено перемиріе, тѣмъ болѣе, что оно было разсчитано несомнѣнно къ выгодѣ турокъ, на что уже давно и указалъ генералъ Черняевъ. Сербы рѣшились продолжать свою геройскую борьбу. Нота Ристича формально освободила ихъ отъ стѣснительныхъ обязательствъ, внушенныхъ турколюбіемъ. Тѣмъ не менѣе переговоры о мирѣ все-таки продолжаются. Въ прошлое воскресенье (19-го сентября) державы ожидали отвѣта Порты на ихъ представленія. Порта, какъ утверждаютъ, желаетъ того, чтобы въ мирномъ договорѣ не были названы тѣ провинціи, которыхъ касаются требуемыя реформы. Великія державы, напротивъ, настаиваютъ на томъ, чтобы Босція, Герцеговина и Болгарія были упомянуты въ договорѣ. Князь Черногорскій съ своей стороны заявилъ, что онъ пріостановитъ военныя дѣйствія до 1-го октября, но затѣмъ дальнѣйшаго промедленія онъ не приметъ. Слѣдовательно, въ эту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, и для Черногоріи кончился срокъ перемирія.

Чрезъ два дня послѣ составленія ноты Ристича, 14-го (26-го) сентября, уже произошли битвы въ *двухъ* важныхъ пунктахъ военныхъ дѣйствій, причемъ въ Моравской долинѣ начался цѣлый рядъ военныхъ успѣховъ. Въ Моравской долинѣ, между Алексинцемъ и Делиградомъ, сербы сожгли два турецкіе моста. Въ то же время на Дринѣ турки напали на островъ Буюкли и сожгли Малый Зворникъ. 16-го (28-го) сентября, генералъ Черняевъ, въ 6 часовъ утра перешелъ Мораву близь Бобовиште и ударилъ на турецкія позиціи. Въ одно время съ этою атакою, Іованъ Поповичъ взялъ Вальевскую и Шабацкую бригады изъ Алексинца, переправился черезъ Мораву при Буймірѣ (въ 5 верстахъ отъ Алексинца) и аттаковалъ турокъ, овладѣвъ ихъ позиціями при Нозринѣ (верстахъ въ 8 отъ Алексинца); двинувшись далѣе, онъ завладѣлъ двумя шанцами при Тѣшицѣ (въ 10 верстахъ отъ Алексинца), гдѣ расположенъ центръ турецкой арміи. Затѣмъ утомленный отрядъ Іована Поповича отступилъ къ Нозрину. Но въ 2 часа пополудни Хорватовичъ вышелъ изъ Шелеговца и ударилъ туркамъ въ тылъ около Вукавьи. Эта битва кончилась въ 8 часовъ вечера. Происшедшій взрывъ въ порховыхъ турецкихъ складахъ произвелъ между турками большое смятеніе При этой битвѣ турки пытались перейдти Мораву и врѣзаться въ мѣстность между Делиградомъ и Алексинцемъ, но мостъ черезъ Мораву у Тріана былъ взорванъ и этимъ отрѣзанъ путь туркамъ.

Генералъ Черняевъ намѣревается напасть на турокъ 26 сентября (8 октября) по всей линіи; вслѣдствіе этого ожидаютъ рѣшительнаго сраженія. Въ Делиградѣ дѣлаются приготовленія къ зимней кампаніи. Въ настоящую минуту, какъ мы пишемъ эти строки, изъ телеграфа извѣстно, что сербскій отрядъ, подъ командою полковника Іована Поповича, напалъ на турецкія позиціи при Тѣшицѣ и корпусъ полковника Хорватовича стоитъ при Великомъ Шельговацѣ. Порта увѣдомила представителей великихъ державъ, что она дала своему военному начальству предписаніе начать наступательныя военныя дѣйствія.

Къ числу имѣющихъ большую важность фактовъ принадлежатъ отъѣздъ генерала Комарова въ Россію и непрерывающійся при-

Библиотека "Руниверс"

ливъ въ Сербію русскихъ. Такъ, въ одинъ день 18 (30) сентября, на пароходѣ «Делиградъ» пріѣхали въ Бѣлградъ изъ Турн-Северина, чрезъ Кладово, 500 чел. русскихъ. Въ положеніи дѣлъ на Дринѣ, замѣтно что-то очень странное: начальство дринскою арміей послѣ кратковременнаго начальства Узуна Мирковича и предполагавшагося начальствованія Ноноселова, вручается тому же Алимпичу, котораго единодушно порицали даже сербы въ лѣности, бездѣятельности, неспособности и т. п. Но Алимпичъ возвращается на прежній постъ, съ нимъ ѣдетъ и Лѣшанинъ. Очень странно!..

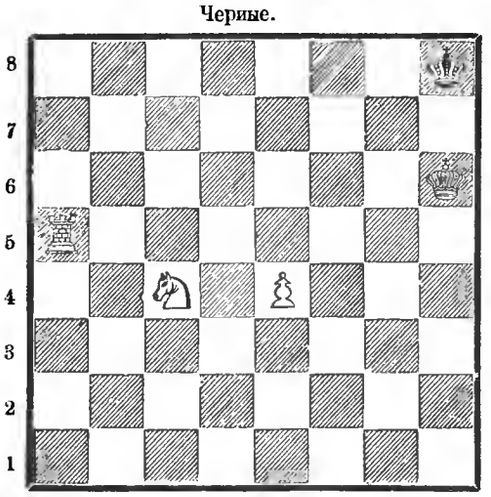
И такъ формальное и гласно заявленное начатіе военныхъ дѣйствій съ обѣихъ воюющихъ сторонъ (уже и со стороны Турціи) и—не прерывающіеся переговоры о мирѣ, при посредничествѣ великихъ державъ—вотъ запутанный политическій узелъ настоящей минуты

Лордъ Элліотъ.

(Англійскій посланникъ въ Константинополѣ). Съ фотогр. рис. Боярскій.

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

3) **Петербургъ, Н В Су—ину.** Въ стихахъ вашихъ есть строка:

«Теперя каждый разъ порой ..

И за симъ, въ письмѣ въ редакцію вы говорите, что «это еще цвѣточки, а ягодки будутъ впереди: запасъ стиховъ, и прозы неистощимъ».

Похвально! значитъ, за словомъ *теперя*, послѣдуютъ въ стихахъ: теперича и т. п. и все это ради угожденія размѣру стиховъ и въ погонѣ за рифмой! Нѣтъ, ужь избавьте и отъ цвѣточковъ и отъ ягодъ.

1) **Москва, Алек. Солом. Разм—е.** Васъ видимо увлекаетъ, будто-бы, новая мысль. Въ сущности, что же въ ней новаго? Выходитъ нѣчто въ родѣ либретто въ стихахъ—только! Но считаемъ нужнымъ замѣтить, что стихи ваши очень звучны и не безъ достоинствъ новтическихъ. Мы ими воспользуемся, хотя, можетъ быть, и не очень скоро. Увѣдомьте объ условіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

20-го Сентября 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Предано.		Покупатели.	Продавцы	Предано.
5% заемъ съ выигр.				АКЦІИ.			
1-го выпуска .	183½	184½	185,	183½	125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ. .	169	169¾	169
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска .	178½	179	179		125 » Рижско-Динаб.	126	127	—
5% банк. б. 1 вып.	98¼	98½	98½		100 » Моск.-Рязанск.	—	304	—
5% » » 2 »	98¼	98½	98½		125 » Орловско-Вит.	—	128	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. . .	87½	87¾	87¾		16 ф. с. Вит.-Динаб.	—	132½	—
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	84½	85	85,	84¾	100 р. Рыб.-Болог. . .	86½	87	—
					100 » Тамб.-Козлов. .	—	—	—
					125 » Моск.-брест. .	—	79	—

СОДЕРЖАНІЕ: **Полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій** (съ портретомъ) **Н. К—ов—ъ**—**М. Г. Черняеву** (стихотворенію) **Ольга Пономарева.**—**Новая желѣзная дорога на гору Риги въ Швейцаріи** (Аргъ-Рнійская желѣзная дорога) (съ 3-мя рисунками)—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Продолженіе).—**Женщина со свѣчей** (Картина Рубенса) (съ рис.).—**Страшное мгновеніе. Болгарка спасающаяся отъ Баши-бузуковъ** (съ рисун.)—**Нишъ** (съ рисункомъ)—**Атака турецкой кавалеріей сербскихъ добровольцевъ при Мрзолѣ** (около Алексинца) **22 августа** (съ рисункомъ).—**Лордъ Элліотъ** (англійскій посланникъ въ Константинополѣ) (съ портретомъ).—По поводу съѣзда оріенталистовъ въ Петербургѣ. **М. С.**—Политическое обозрѣніе.—Шахматная задача.—С.-Петербургская биржа—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ 7%;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—5

Вышло второе, дополненное изданіе книги:

Руководство къ уходу **за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача,** съ 41 рис., сост. Мих. Залуговскій. Прод. въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы и у автора: Москва, Пречистенскіе вор та, д Антышевскаго, адр. Михаилу Сами. Залуговскому.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ.

Этимъ способомъ всякій безъ малѣйшей подготовки можетъ копировать всевозможные рисунки, фотографіи, эстампы, а также съ натуры: цвѣты, минералы и т п. Рисованіе этимъ способомъ можетъ доставить большое раз леченіе и пользу дѣтямъ, пріучая ихъ къ соблюденію перспективы и вообще техническихъ условій рисованія. Цѣна за приборъ (съ приложеніемъ **новаго способа умноженія** посредствомъ сложенія) 2 руб. съ пересылкою. Адр. въ контору объявленій Невскій пр., домъ Ергенса въ С.-Петербургѣ. № 56. 1

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р 80 к. съ пересылкою.

ПРОДАЕТСЯ ПАРОХОДЪ

небольшой отличный, желѣзный винтовой пароходъ. 19 фут. длин 5 ф. шир. 1½ ф въ водѣ, дешево продается у Фрид. Шнейпхена В. О. 4 линія д № 9. № 57.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней. Б. Морская д. 35. 26—20

При этомъ № для гг. иногор. подписч. приложено объявленіе отъ чайнаго магазина Ф. Аплаксина

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 24 Сентября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 40 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕНЪ.

Выдана 3 Октября 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ: 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ОКТЯБРЬ съ 33 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 28 чертежами.

Генералъ М. Г. Черняевъ на редутѣ при Шуматовацѣ.

Доблестный герой! Энергическій дѣятель, создавшій въ глазахъ непріятеля изъ простыхъ земледѣльцевъ армію. Ревностный и безкорыстный защитникъ угнетенныхъ славянъ! Храбрый полководецъ! Вотъ восклицанія, слышимыя всюду при имени генерала М. Г. Черняева. Кто незнаетъ теперь этого имени, откуда не шлются теперь искреннія пожеланія успѣха этому доблестному сыну Россіи, служащему безкорыстно славянскому дѣлу и этимъ своимъ необычайнымъ подвигомъ поднявшему еще на большую чѣмъ прежде высоту значеніе русскаго имени на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Гордость своей страны, честь и слава ея, генералъ М. Г. Черняевъ, конечно, вполнѣ достоинъ тѣхъ необычайныхъ выраженій восторговъ и благопожеланій, какіе постоянно и неизмѣнно сопровождаютъ теперь вездѣ его имя. Да хранитъ его Богъ среди опасностей боевой жизни!

Главн. штабъ Черняева. Капитанъ Протичъ. Генералъ Черняевъ.

Генералъ М. Г. Черняевъ на редутѣ при Шуматовацѣ становится при орудіи самъ взамѣнъ раненаго капитана Протича. Рис. Фердинандусъ, грав. Боярскій.

Помѣщенная здѣсь гравюра изображаетъ тотъ моментъ, когда, во время сраженія при Шуматовацѣ, капитанъ Протичъ

Библиотека "Руниверс"

былъ раненъ, и М. Г. Черняевъ, осматривавшій въ это время въ сопровожденіи своего штаба боевую линію, самъ бросился на редутъ къ орудію на мѣсто раненаго, забывая о той странной опасности, какой онъ подвергается и не обращая вниманія на предостереженія окружающихъ.

Такова сила страстнаго стремленія къ дѣятельности, такова неустрашимость человѣка, забывающаго о себѣ ради того святого дѣла, какое онъ взялся защищать.

Герой, вполнѣ достойный славы, восторговъ и благодарности не только отъ современниковъ, но и отъ отдаленныхъ потомковъ. И конечно, всякій согласится съ нами, что одно чувство славолюбія не могло бы дать высокоучтенному М. Г. Черняеву столько твердости, энергіи, неустрашимости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ громадной важности дѣлѣ, которое онъ принялъ на свои плечи и понесъ на нихъ почти одинъ. Нѣтъ, тутъ не чувство славолюбія, тутъ нѣчто въ высшей степени знаменательное, возвышающее человѣческій духъ до необычайной высоты, тутъ именно самопожертвованіе, именно прелесть этого самопожертвованія, обояніе при мысли послужить великому дѣлу, отдать себя всего ему. Да, на такое дѣло могутъ идти только чистые сердцемъ, каковымъ и извѣстенъ Михаилъ Григорьевичъ всѣмъ, имѣющимъ высокую честь быть знакомымъ съ нимъ.

Д. С.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Княгиня Беата отчаянно схватила свою голову руками. Она хорошо знала покойнаго Сангушко, знала и сына. Она знала, что оба были православными и русскими до мозга костей. Она помнила, какъ еще недавно князь Дмитрій Андреевичъ на пиру у Острожскаго горячо и прямо порицалъ католицизмъ и польское вліяніе, польскіе нравы и обычаи. Съ того дня она почувствовала злобу къ молодому человѣку. И вотъ этотъ врагъ ея вѣры, ея родины, этотъ любимецъ и крестникъ князя Константина теперь отнимаетъ у нея навѣки ея Гальшку... Понятно, что князь Константинъ не только ничего не будетъ имѣть противъ этого брака, но даже будетъ радъ ему, употребитъ всѣ усилія, чтобы его устроить. Но когда же все это могло случиться? когда же Гальшка успѣла полюбить его—онъ въ послѣднее время, послѣ смерти отца, нѣсколько мѣсяцевъ не бывалъ въ замкѣ...

— Этого быть не можетъ! Это было бы слишкомъ ужасно... вы ошибаетесь, отецъ мой! пробовала она отогнать отъ себя увѣренность въ несчастіи.

— Я не ошибаюсь, княгиня, я не сталъ бы говорить вамъ, еслибъ не убѣдился въ справедливости моихъ подозрѣній. Ваша дочь дѣйствительно еще очень молода—она не умѣетъ скрыть своихъ первыхъ волненій—ея лицо, ея глаза выдали мнѣ ея тайну ..

— Ея лицо, ея глаза!.. Да, правда, правда—у нея странное лицо сегодня! – прошептала Беата.

— А! и вы замѣтили.

— Я даже спросила ее, что съ ней? Она отвѣтила, что ей хорошо, весело сегодня..

— Быть можетъ она сама еще не понимаетъ, не сознаетъ ясно своего чувства, сказалъ Антоніо. Быть можетъ все только и началось сегодня... Но развѣ для этого нужно время...

— Но что же дѣлать, Боже, что дѣлать? ломала руки княгиня.

— Наблюдать и употреблять всѣ силы, чтобы не допустить этого брака. Въ случаѣ крайности нужно рѣшаться на все—и, къ тому же, не забывайте, что вы мать, что какъ бы ни былъ силенъ и могучъ князь Константинъ—если вы останетесь тверды, то безъ вашего согласія, при вашемъ прямомъ запрещеніи, не могутъ выдать вашу дочь замужъ...

— Спасите, отецъ мой! Идите, идите, наблюдайте—я сама сейчасъ туда буду—торопилась княгиня.

Отецъ Антоніо вышелъ своими тихими, мѣрными шагами и направился длинными коридорами и переходами на половину князя Константина, откуда уже доносились говоръ и звуки музыки.

По его мрачному и утомленному лицу скользило выраженіе съ трудомъ подавляемой сердечной боли.

V.

Антоніо Чеккино принадлежалъ къ одному изъ старыхъ родовъ Италіи. Онъ выросъ въ самомъ блестящемъ обществѣ, отличался красотой и ловкостью. Уже въ первые годы молодости онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность какъ храбрый рыцарь и покоритель сердецъ дамскихъ. Онъ былъ совершеннымъ представителемъ рыцарства того времени, полагавшаго все призваніе и цѣль благороднаго человѣка въ военно-театральныхъ подвигахъ и чувственной любви, прикрытой платонической маской.

Въ два, три года молодой Чеккино насчитывалъ больше десятка поединковъ, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Не мало южныхъ темныхъ ночей были свидѣтелями его подвиговъ болѣе мирнаго свойства. Не мало ревнивыхъ мужей клялись кровавой ему местью и трусливо оставались при этихъ грозныхъ, но безсильныхъ клятвахъ, надъ которыми откровенно смѣялся самоувѣренный счастливецъ.

Жизнь его проходила какъ сонъ, причудливый и волшебный. Постоянныя удачи и лесть баловали его плохо направленное, мелкое самолюбіе. Мысль бездѣйствовала... А между тѣмъ въ его природѣ лежали зародыши такой силы, которая не могла удовлетвориться слишкомъ узкой ареной. Онъ не успѣлъ еще превратиться въ зрѣлаго мужа, какъ уже безотчетная грусть и скука начали врываться въ его веселье. То, что такъ недавно считалъ онъ за счастье, переставало казаться ему счастіемъ. Рыцарскія забавы теряли свою прелесть; ласковые взоры благосклонныхъ дамъ уже не сулили блаженства.

Но между этими дамами была одна—молодая графиня Риччи, умная и ловкая кокетка, не почерпавшая силу своихъ чаръ въ общепринятомъ маленькомъ кодексѣ, гдѣ по пунктикамъ значилось все, чѣмъ прекрасная дама должна была побѣждать сердца благородныхъ рыцарей. Графиня Риччи была самостоятельна и оригинальна въ дѣлѣ кокетства. У нея были свои пріемы—постоянно неожиданные и разнообразные, которыми она весьма искусно уловляла въ сѣти. Скучающій и жаждавшій новаго интереса Антоніо самъ незамѣтилъ какъ горячо полюбилъ ее.

Она долго его мучила, чтобъ окончательно закрѣпить власть за собою. Но она сама была имъ нѣсколько увлечена и подъ конецъ тронулась его страстью. Блаженству его не было границы. Ему казалось, что онъ возродился къ новой жизни. Во славу своей возлюбленной онъ готовъ былъ на всевозможные подвиги. Онъ создалъ изъ своихъ дней и ночей огромный романъ во вкусѣ эпохи, и тайно отъ чуждыхъ взоровъ переживалъ всѣ его тончайшія перипетіи.

Избалованный всѣми женщинами, съ которыми сталкивался, привыкшій только возбуждать ревность, но никогда ея не испытывать—онъ не боялся и за свою графиню. Ему даже и въ голову не приходила мысль о возможности съ ея стороны измѣны. Ему только хотѣ-

Библиотека "Руниверс"

лось какъ нибудь навсегда отдѣлаться отъ ея соннаго и разжирѣвшаго мужа, присутствіе котораго становилось черезчуръ скучнымъ.

А между тѣмъ привыкшая къ разнообразію графиня уже искала новой жертвы и, разумѣется, скоро нашла ее. Услужливые друзья постарались анонимно предупредить объ этомъ Антоніо. Онъ сразу не повѣрилъ; но и одного сомнѣнія было достаточно, чтобъ возбудить въ немъ адъ, поднять всѣ его страсти. Ему недолго пришлось находиться въ неизвѣстности—онъ еще не успѣлъ придумать способа убѣдиться въ измѣнѣ графини, какъ она сама предложила ему отставку. Она не знала своего рыцаря. Она шутила и смѣялась; но смѣхъ и шутка замерли на губахъ ея—одно мгновеніе—и она плавала въ крови своей, а Антоніо, съ искаженнымъ, безумнымъ лицомъ, блѣдный какъ смерть спускался шатаясь съ потаенной лѣстницы, по которой онъ такъ часто крался счастливый и блаженный... Онъ не помнилъ какъ вскочилъ на своего привязаннаго въ саду коня, какъ примчался домой. На другой день таинственная исторія убійства графини была у всѣхъ на устахъ. Антоніо, придя въ себя, не захотѣлъ явиться съ повинной—онъ только казался мрачнымъ и задумчивымъ; многіе его подозрѣвали, но ясныхъ уликъ не было. Нѣкоторые даже говорили, что убійцей былъ самъ графъ, убѣдившійся въ невѣрности жены. Какъ бы то ни было—дѣло кончилось ничѣмъ—молодую женщину торжественно похоронили въ фамильномъ склепѣ, а мрачный Антоніо скоро неизвѣстно куда скрылся.

Его не мучило раскаяніе—онъ какъ-то съумѣлъ потопить и любовь свою и злобу въ крови графини. Но тоска и скука томили его невыносимо. Общество, въ которомъ онъ жилъ, жизнь, которую велъ, опротивѣли ему. Нужно было покончить съ ними, искать какого нибудь новаго существованія, новой дѣятельности.

Онъ вспомнилъ одного человѣка, который когда-то произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Человѣкъ этотъ былъ Діего Лайнецъ, генералъ ордена іезуитовъ.

Къ нему рѣшился идти Антоніо, чтобы навсегда отказаться отъ прошлаго и начать новую дѣятельность, которая привлекала его своей таинственностью и очевиднымъ могущественнымъ значеніемъ.

Въ одеждѣ послушника явился блестящій рыцарь передъ генераломъ іезуитовъ. Онъ принесъ съ собою все свое золото, всѣ драгоцѣнности и просилъ принять ихъ въ даръ на нужды общества. Онъ умолялъ не выдавать его имени и дать ему какое нибудь порученіе вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ его знали... онъ клялся посвятить всю жизнь на службу Богу и ордену...

Проницательный Діего сразу увидѣлъ съ какимъ человѣкомъ онъ имѣетъ дѣло. Ему нужны были подобные люди. Но прежде необходимо было испытать Антоніо. И Діего провелъ его черезъ долгую школу испытаній.

Удивительная перемѣна произошла въ Антоніо. Онъ, бывало не признававшій ничьей воли кромѣ собственной, привыкшій къ поклоненіямъ и лести, превратился въ самаго почтительнаго и безотвѣтнаго исполнителя чужихъ приказаній. Его самолюбіе и честолюбіе получили совершенно новое направленіе—ему хотѣлось удивить отцовъ іезуитовъ подвигами своего смиренія.

Тоска и скука, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, замерли въ немъ. Онъ испытывалъ какое-то новое, страстное наслажденіе въ самобичеваніи, въ умерщвленіи плоти, въ фанатическихъ грезахъ. Здоровый и сильный — онъ могъ вынести многое, но все же, когда черезъ полгода онъ явился къ Діего, строго исполнивъ свой искусъ, генералъ едва узналъ его. Онъ былъ страшно худъ, съ углубившимися и лихорадочно блестящими глазами, съ новымъ выраженіемъ въ лицѣ.

„Вотъ человѣкъ, какого намъ нужно, подумалъ Лайнецъ,—онъ можетъ сломить въ себѣ все, и ни передъ чѣмъ не остановится, — онъ не упадетъ духомъ и не измѣнитъ“.

И генералъ торжественно объявилъ Антоніо, что изъ разряда *достойныхъ похвалы учениковъ* (scholastici approbati), онъ переведетъ его, не въ примѣръ прочимъ, прямо въ высшую степень „профессовъ“ или „исповѣдниковъ“, т. е. дѣятельныхъ, исполняющихъ важныя порученія членовъ общества Іисуса. Онъ оставилъ его при себѣ, обращался какъ съ другомъ и скоро посвятилъ во всѣ тайны іезуитства.

Передъ Антоніо открылось многое, чего онъ не подозрѣвалъ. Мало по малу, въ бесѣдахъ увлекательно краснорѣчиваго Діего, выяснилась оборотная сторона дѣйствій ордена, давшихъ ему въ короткое время такую силу и значеніе и возбуждавшихъ противъ него страхъ и ненависть большей части общества. Антоніо увидѣлъ, что школа умерщвленія плоти и безпрекословнаго послушанія не только папѣ, но и волѣ ближайшаго орденскаго начальства, должна была привести человѣка не къ высшему служенію Богу, а имѣла единственной цѣлью сдѣлать изъ іезуита сильное орудіе для достиженія совершенно земныхъ цѣлей. Обращеніе народовъ въ латинство, полное владычество „общества Іисуса“ надъ умами и матеріальными средствами ближнихъ—вотъ въ чемъ состояла программа, повѣданная Антоніо генераломъ.

Но все, что въ этой программѣ могло смутить совѣсть рыцаря было совершенно сглажено тѣмъ вліяніемъ, которое Діего уже получилъ надъ Антоніо. Пламенныя рѣчи, блестящіе софизмы, ловкія обѣщанія могущества и власти въ близкомъ будущемъ, сдѣлали свое дѣло. Посвященный во всѣ тайны, Антоніо превратился въ истиннаго, безукоризненнаго іезуита. Онъ съ большимъ еще жаромъ и искренностью поклялся генералу быть вѣрнымъ слугой папѣ и отдать всю жизнь на благо ордена.

Передъ нимъ заманчиво рисовалась благодарная, увлекательная дѣятельность. Ему предстояло уловлять сердца не ловкостью и физической силой, не красотою и блескомъ, а силой разума; предстояло приходить къ владычеству надъ людьми тайными, ловко перепутанными путями. Его самолюбію открывалась обильная пища.

Скоро ему представился случай испытать свои силы.

Онъ былъ посланъ миссіонеромъ въ Бразилію и въ теченіе трехъ лѣтъ присылалъ генералу ордена огромные списки новообращенныхъ; кромѣ того, черезъ него орденъ получилъ и значительныя денежныя средства. Антоніо имѣлъ огромное вліяніе въ мѣстности, гдѣ дѣйствовалъ; безпрекословно и постоянно удачно исполнялъ всѣ приказанія, высылаемыя изъ Рима и благосклонный Діего Лайнецъ обратилъ на его дѣятельность вниманіе папы. Рѣшено было вызвать Антоніо въ Римъ и поручить ему какое нибудь важное дѣло, требующее осторожнаго и ловкаго человѣка.

Антоніо явился съ апломбомъ испытаннаго и знающаго себѣ цѣну дѣятеля. Онъ былъ дружески встрѣченъ генераломъ и имѣлъ продолжительную аудіенцію у Пія V, который разстался съ нимъ, благословивъ его на новый „подвигъ“.

„Подвигъ“ этотъ дѣйствительно былъ важенъ. Римъ давно уже жадно слѣдилъ за Польшей и Литвой. Оттуда начинали приходить все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. Необходимо нужно было утвердить шатающееся латинство въ Польшѣ и сдѣлать „схизматическую“ Литву достояніемъ „истинной“ церкви. Такое дѣло было только по плечу іезуитамъ. Но явиться сразу и дѣйствовать прямо они, разумѣется, не хотѣли—имъ нужно было подготовить себѣ почву, очистить путь, явиться на мѣсто съ такими свѣдѣніями, которыя бы не допустили возможности ошибки.

Особенно въ православной Литвѣ, имѣвшей такихъ

Библиотека "Руниверс"

вождей какъ князь Константинъ Острожскій, нужно было хорошенько осмотрѣться и найти себѣ сторонниковъ и учениковъ въ средѣ вліятельныхъ, вельможныхъ семействъ русскихъ.

А тутъ, какъ нарочно, представлялся самый удобный случай начать тайныя, враждебныя дѣйствія въ самомъ центрѣ литовскаго православія, въ семьѣ Острожскихъ. Княгиня Беата, вѣрная дочь римской церкви, жертвовавшая на католическую пропаганду значительныя суммы, просила у папы духовника и руководителя по его личному выбору и съ его благословенія.

Папа избралъ отца Антоніо.

Мы видѣли, что іезуитъ ловко приступилъ къ исполненію своей миссіи. Онъ получилъ огромное вліяніе на княгиню Беату, онъ очаровалъ всѣхъ въ замкѣ. Онъ аккуратно посылалъ въ Римъ очень важныя и интересныя донесенія. Кромѣ того, два старшихъ сына князя Константина были въ его рукахъ. Мальчики очень боялись отца и этотъ страхъ, основанный на его строгости и раздражительности, лишалъ ихъ дѣтской откровенности съ нимъ. Князь, удрученный дѣлами и заботами, неимѣлъ никакой возможности постоянно слѣдить за дѣтьми. Антоніо сталъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ перекинуться съ ними нѣсколькими словами и скоро такъ обворожилъ ихъ своей добротой и участіемъ, что они считали его своимъ лучшимъ другомъ. Онъ съумѣлъ внушить имъ увѣренность, что для нихъ лучше, если эта дружба останется въ тайнѣ отовсѣхъ. И дѣти дорожили этой тайной, свято хранили ее и мечтали о блаженной жизни мальчиковъ въ той странѣ, откуда пріѣхалъ ихъ другъ и куда они сами могутъ попасть, если будутъ умными и станутъ слушаться его совѣтовъ. Съ каждымъ днемъ укрѣплялись эти таинственныя отношенія. Дѣти, иногда за неимѣніемъ возможности увидаться съ Антоніо, пересылали ему записочки, кладя ихъ въ дупло заранѣе условленнаго дерева въ паркѣ: они жаловались своему другу на притѣсненія и наказанія, которымъ они подвергались, и добрый другъ всегда являлся ихъ сторонникомъ, осуждая тѣхъ, кто причинялъ имъ непріятности. Мало по малу онъ развивалъ въ мальчикахъ недовольство отцомъ, его строгостью...

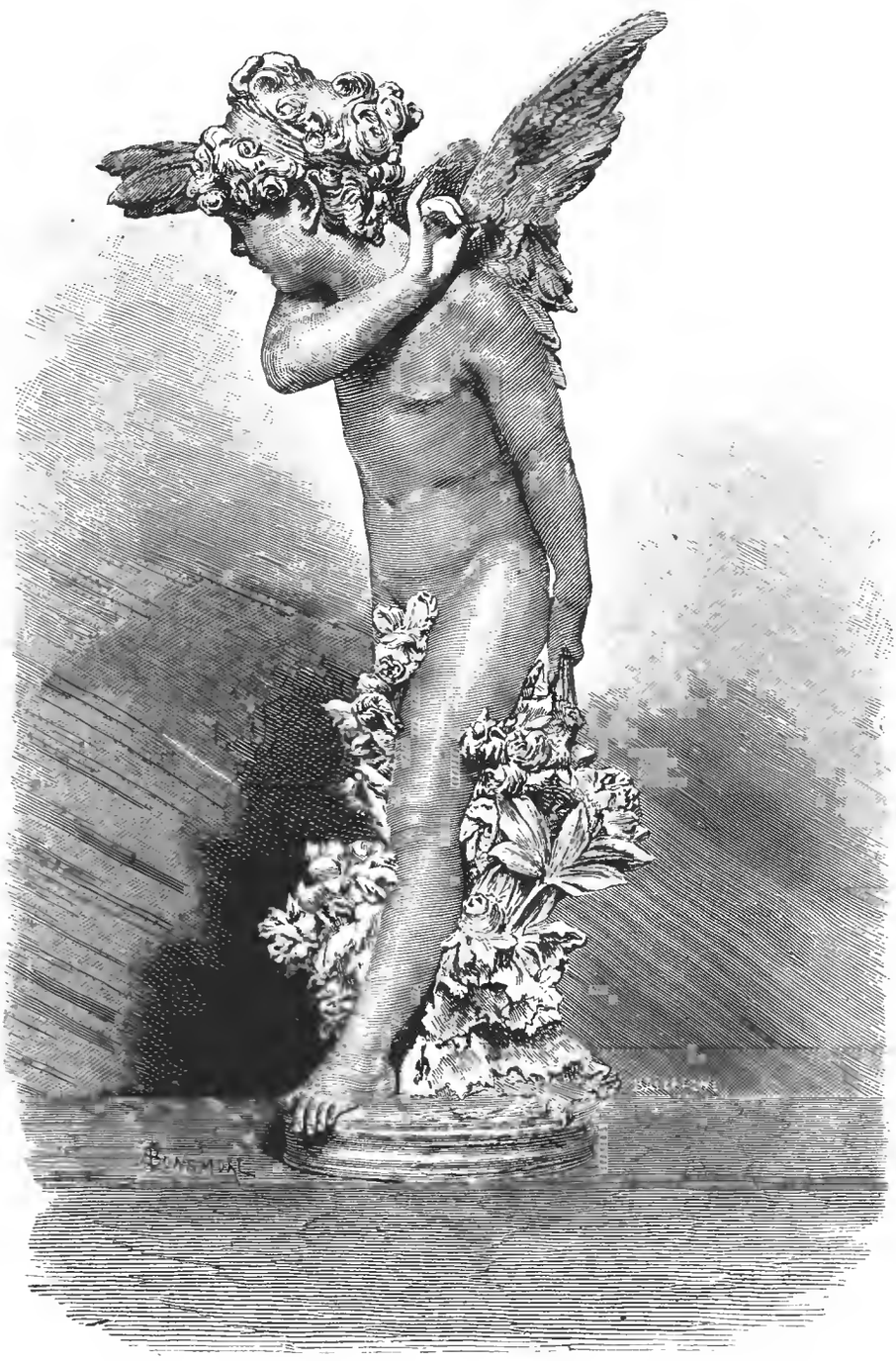
Изумленная Психея. Статуя Антоніо Россетти. Рис. Бонаморе, грав. Балларини.

А дѣятельный князь Константинъ, хоть и глядѣлъ на Антоніо какъ на тайнаго врага, все же не замѣчалъ ничего, не подозрѣвалъ, что этотъ тайный врагъ успѣшно отнимаетъ у него сыновей, подготовляетъ въ нихъ, въ князьяхъ Острожскихъ, отступниковъ отъ православія...

Одно только никакъ неудавалось отцу Антоніо. Ему неудавалось получить вліянія надъ Гальшкой. Князь, увѣренный въ ея благочестіи и искренности, насколько возможно слѣдящій за нею, дозволилъ Антоніо давать ей уроки итальянскаго языка. Эти уроки не могли повредить ученицѣ: но они вызвали адъ въ душѣ учителя. Отецъ Антоніо, давно позабывшій всѣ соблазны міра, прошедшій долгую и страшную школу лишеній и умерщвленія плоти, искренно отказавшійся отъ всего, чѣмъ когда-то была полна жизнь его, неустоялъ передъ соблазномъ внѣшней и нравственной красоты княжны Елены и полюбилъ ее безумно, со всѣмъ жаромъ своей страстной натуры, крѣпко подавленной, но не убитой силою воли.

Эта вторая любовь принесла монаху гораздо болѣе тайныхъ мученій, чѣмъ первая. Онъ ясно видѣлъ, что она безнадежна, что Гальшка не будетъ отвѣчать ему, что она смотритъ на него какъ на учителя, какъ на монаха чуждаго ей вѣроисповѣданія и какъ-то даже совсѣмъ не видитъ въ немъ мужчину. Это сознаніе было для него ужаснымъ. Не прошло еще и шести лѣтъ

Библиотека "Руниверс"



Защищающійся амуръ. Статуя Антоніо Россетти. Рис. Бонаморе, грав. Балларини.

съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ блестящимъ рыцаремъ, любимцемъ женщинъ... Неужели онъ съ тѣхъ поръ такъ страшно измѣнился? Да, онъ блѣденъ, онъ худъ, глаза его впали, манеры и обращеніе свѣтскаго человѣка перешли въ сдержанность и скромность служителя церкви... Но, Боже, развѣ молодость ушла навсегда, развѣ черная одежда положила на него несмываемую печать, стерла всѣ признаки былой красоты его!? Онъ замѣчалъ, какъ одна изъ хорошенькихъ *паненокъ*, приближенныхъ княгини Беаты, смущалась и краснѣла встрѣчаясь съ нимъ. Эту шляхтянку звали панна Зося, она была полька и католичка. Онъ исповѣдывалъ ее, потупивъ глаза, и говорилъ съ ней только о религіи... Но и изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ онъ видѣлъ, какъ она, неотрываясь, смотрѣла на него, краснѣла и блѣднѣла... Ея голосъ дрожалъ, грудь высоко поднималась. Однажды, не въ силахъ будучи владѣть собою, она залилась слезами, упала передъ нимъ на колѣни и призналась ему въ любви своей. Отецъ Антоніо хорошо зналъ, что одинъ параграфъ тайныхъ іезуитскихъ наставленій, составленныхъ самимъ Діего Лайнецомъ, допускаетъ дѣлать все, пріятное женщинамъ, преданнымъ душою обществу Іисуса, и только требуетъ осторожности и избѣжанія соблазна... Панна Зося была молода, красива; пользуясь благосклонностью не только Беаты, но даже и Гальшки, она годилась для роли шпіона...

Но полный страстной любви къ Гальшкѣ, онъ не плѣнялся красотой и слезами своей духовной дочери. Онъ ласково поднялъ ее и сталъ успокоивать... Онъ говорилъ ей, что нужно бороться съ соблазнами, говорилъ увлекательно и долго... Тонъ его словъ и ихъ намеки не поощряли, но и не внушали безнадежности. Молодая дѣвушка ушла отъ него съ твердымъ намѣреніемъ не отгонять отъ себя соблазновъ и въ концѣ концовъ добиться любви прекраснаго монаха...

И не одна панна Зося находила его прекраснымъ—онъ встрѣчалъ не мало поклонницъ. Для нихъ онъ и въ черной одеждѣ, говорящій объ обѣтѣ цѣломудрія и полнаго отреченія отъ міра, не терялъ своей привлекательности, а даже напротивъ — манилъ къ себѣ какъ плодъ запретный... Но Гальшка была слишкомъ далека отъ подобныхъ взглядовъ. Его наблюдательный умъ вѣрно выяснилъ ему ея характеръ. Она была еще такимъ чистымъ, невиннымъ ребенкомъ... И, однако, эта чистота чувства и помысловъ являлась не единственно признакомъ крайней молодости—она была присуща ея натурѣ и побѣдить ее врядъ ли предстояла возможность. На всѣ венцы Гальшка смотрѣла прямо. Еслибъона узнала, что кто нибудь изъ ея сверстницъ влюбился въ отца Антоніо, она бы глубоко изумилась возможности этого и во всякомъ случаѣ признала бы такое чувство позорнымъ для женщины и глубоко оскорбительнымъ для Антоніо. Онъ монахъ, онъ отказался отъ міра, торжественно принялъ обѣтъ безбрачія—полюбить какъ мужчину подобнаго человѣка—грѣхъ позорный и возмутительный. Если же бы она узнала, что онъ самъ полюбилъ кого нибудь—она почувствовала бы къ нему глубочайшее презрѣніе, какъ къ осквернителю своего сана, недостойному носить его. Такой взглядъ не былъ привитъ ей извнѣ, она носила его въ себѣ и измѣнить не была въ состояніи.

Антоніо хорошо понималъ все это. У него безповоротно отнято было право всякаго мужчины добиваться любви горячо любимой имъ дѣвушки. Онъ не смѣлъ ничѣмъ выказать ей своего чувства. Напротивъ, онъ долженъ былъ всячески скрывать его, глубоко хоронить въ себѣ, чтобы не заслужить ея презрѣнія. Эти неожиданныя имъ обстоятельства, эта глухая,

Библиотека "Руниверс"

невыносимая борьба окончательно отравляли жизнь его.

А, между тѣмъ, онъ не желалъ смерти. Онъ не могъ умереть съ мыслью, что Гальшка достанется другому, что она будетъ любить, будетъ счастлива... Нѣтъ, если судьба такъ жестоко надъ нимъ посмѣялась, если для него погибло все,—пусть же и никто не прикоснется къ его недосягаемой святынѣ... Его тайныя чувства сходились съ цѣлями пославшаго его Лайнеца. Княжна Гальшка должна принадлежать только Богу, ея удѣлъ—монастырь...

Горькія мысли Антоніо переходили въ видѣнія и галлюсинаціи. Ему являлась чудная красавица окруженная блескомъ храма, облаками благоухающаго ладана... Вотъ ея нѣжные пальцы касаются органа... раздаются дивные, божественные звуки... ея чистый невинный голосъ поетъ пѣснь Богу... „Святая Цецилія! святая Цецилія!" шепчетъ потрясенный монахъ, падая въ изнеможеніи и обливаясь никому невѣдомыми слезами...

И всѣ свои силы напрягалъ Антоніо, чтобы подѣйствовать своимъ краснорѣчіемъ на душу Гальшки, чтобы внушить ей сознаніе необходимости исповѣдывать одну вѣрусъ матерью, чтобы доказать истину и превосходство этой вѣры передъ православіемъ. Нужно было дѣйствовать хитро и осторожно, нужно было тщательно скрывать свои цѣли. Всякій сколько нибудь прямой намекъ смущалъ Гальшку; она прерывала Антоніо простымъ замѣчаніемъ, что она православная.

Княгиня Беата тоже не могла помочь, и исполненіе предписаннаго Лайнецомъ образа дѣйствій было невозможно. Княгиня и рѣшилась бы пожалуй, въ виду благой цѣли, притѣснять и мучить Гальшку; но князь Константинъ никогда бы не допустилъ этого.

Слѣдовательно оставалось добиваться удаленія Беаты и Гальшки изъ дома Острожскаго. Княгиня, несмотря на все вліяніе Антоніо, еще не могла на это рѣшиться. Однако въ послѣднее время она уже стала колебаться. Іезуиту оставалось выждать случая, когда бы можно было приписать починъ разрыва князю Константину и затѣмъ обставить дѣло такъ, чтобы князь, несмотря на все свое могущество и вліяніе, не былъ въ силахъ удержать при себѣ Елену...

Рѣшеніемъ этого вопроса и занятъ былъ отецъ Антоніо, когда его проницательный взглядъ подмѣтилъ зародившееся въ Гальшкѣ чувство къ молодому князю Сангушко.

Ужасъ и отчаянная ревность наполнили сердце монаха. Онъ отдалъ бы все, онъ подвергъ бы свою душу вѣчнымъ мученіямъ ада, чтобы только имѣть возможность, какъ въ былые дни, вскочить на коня и сразиться съ счастливымъ княземъ. О, онъ убилъ бы его, онъ растопталъ бы его конскими копытами...

И въ то время какъ эти отчаянныя, безумныя мысли вихремъ клубились въ головѣ его, какъ его грудь изнывала отъ боли, его блѣдное лицо не выражало ничего, кромѣ мрачнаго спокойствія...

Черезъ часъ онъ уже совладѣлъ съ своей болью и рѣшился дѣйствовать хладнокровно и обдуманно. Онъ уже начиналъ предвидѣть, что ужасное обстоятельство, открытое имъ, можетъ послужить къ достиженію его цѣли, къ окончательному разрыву между княземъ Константиномъ и Беатой.

VI.

Солнце закатилось за извивомъ рѣки Гарыни. Наступали прохладныя и душистыя сумерки. Пиръ князя Острожскаго былъ въ полномъ разгарѣ. Зажигались яркіе огни въ замкѣ; въ цвѣтникахъ и паркѣ приготовлялась роскошная иллюминація. Многочисленный итальянскій оркестръ князя, подъ управленіемъ талантливаго маэстро Скорцо, далеко оглашалъ безвѣтряный и прозрачный воздухъ. Толпы разряженныхъ мужчинъ и женщинъ двигались по параднымъ заламъ, выходили на терассу и разсыпались по дорожкамъ сада отдохнуть и освѣжиться въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ.

Огромный бѣлый замокъ съ своей причудливой итальянской архитектурой, весь залитый свѣтомъ, музыкой и движеніемъ производилъ среди яснаго, весенняго вечера волшебное впечатлѣніе. Онъ казался заколдованнымъ дворцомъ могучаго чародѣя, созданнымъ его служебными духами. Очарованіе не исчезало и при входѣ во внутренніе покои. Съ обширной терассы, вымощенной драгоцѣнной мозаикой, огромныя рѣзныя двери вели въ цѣлую анфиладу залъ, поражавшихъ своей роскошной обстановкой. Главная зала, въ два свѣта и съ хорами, на которыхъ помѣщался оркестръ, была обтянута золотой парчею съ ярко малиновымъ по ней рисункомъ; полъ былъ въ ней мраморный, мозаичный; глубокій потолокъ уходившій куполомъ, поражалъ причудливой лѣпной работой. Были залы обитыя бархатомъ, были небольшіе покои для отдыха женщинъ, устланные дорогими коврами, сверкавшіе вдѣланными въ стѣны безчисленными зеркалами венеціанскаго издѣлія. Всюду мраморъ, серебрянныя массивныя вещи огромной стоимости. Обширныя столовыя съ длинными, заставленными кушаньями и винами, столами, со стѣнами, скрытыми до потолка серебряной фамильной посудой, выставленной на полкахъ. Стоимость этой посуды равнялась многимъ сотнямъ тысячъ.

Много было въ этотъ день званыхъ, почетныхъ гостей у князя Константина, но число ихъ терялось въ массѣ гостей незваныхъ и непочетныхъ, явившихся по обязанности и частью живущихъ въ зданіяхъ, окружавшихъ замокъ. Здѣсь можно было встрѣтить сотни шляхтичей съ семействами, живущихъ милостями князя. Тутъ были офицеры, духовные, писатели. Большинство изъ нихъ имѣло при замкѣ свои отдѣльныя помѣщенія, содержало свою прислугу, лошадей, экипажи. Кромѣ того эти люди получали отъ князя жалованье въ нѣсколько тысячъ и безплатно арендовали у него фольварки. Еще больше было здѣсь шляхты, состоявшей на княжескомъ жалованьѣ и обязанной являться въ Острогъ по торжественнымъ днямъ, а также сопровождать князя на сеймы.

У князя Константина былъ также свой домашній почетный караулъ, въ которомъ числилось нѣсколько сотенъ казаковъ, валаховъ, венгерской пѣхоты и нѣмецкихъ драгунъ. Около восьмисотъ молодыхъ шляхтичей, пажей и панненокъ дополняли придворный штатъ замка, содержаніе котораго поглощало половину громадныхъ доходовъ князя Острожскаго, другая же половина отдавалась имъ на дѣло распространенія и поддержанія православія.

И вся эта масса разнообразнаго, разнохарактернаго люда была теперь въ сборѣ и предавалась часто необузданному веселью. Безчисленной прислугѣ то и дѣло приходилось выносить изъ столовыхъ почтенныхъ гостей, слишкомъ усердно оказавшихъ честь сокровищамъ княжескихъ погребовъ. Маршалъ то и дѣло отдавалъ своимъ помощникамъ приказанія возстановлять тишину то въ одномъ, то въ другомъ покоѣ...

Подальше отъ толпы, отъ блестящей молодежи, окружавшей нарядныхъ женщинъ, въ укромномъ углу прохладной столовой, собралось человѣкъ двадцать шляхтичей и военныхъ. Тяжелые серебряные кубки то и дѣло наполнялись темнымъ, душистымъ венгерскимъ. Собесѣдники очевидно были увлечены равно для всѣхъ интереснымъ разговоромъ.

Между ними обращала на себя вниманіе толстая, нѣсколько комичная фигура шляхтича Галынскаго, приближеннаго и любимца молодого князя Сангушка. Круглое, добродушное лицо его было еще краснѣе обыкновеннаго; онъ молодецки закрутилъ свои безконечные усы, сдвинулъ брови и сверкалъ глазами.

Библиотека "Руниверс"

— Подумайте, люди православные, до чего у насъ нонѣ доходитъ стало! горячился онъ, стуча краснымъ, жирнымъ кулакомъ по столу, такъ что густое вино колыхалось въ стопахъ и кубкахъ.—Что мы такое? вольные люди или рабы короля польскаго? Что такое наша вѣра святая, что отдаютъ ее на посмѣшище и позоръ великій? Только и слышишь, что король такой-то, да такой-то монастырь отдалъ своему холопу, дьяку канцелярскому... А то и сами наши пастыри чинятъ всякія беззаконія... И годъ отъ году все хуже да хуже. Сначала одинъ волкъ былъ, львовскій епископъ Арсеній, тотъ что грабилъ и въ раззоръ ввелъ монастырь Уневскій; а теперь, прости Господи, почитай каждый епископъ, каждый архимандритъ—звѣрь лютый и раззоритель... Наѣдетъ, это, епископъ на монастырь, награбитъ все добро запасенное, да еще и гнѣвомъ королевскимъ стращаетъ: вотъ, молъ, пикните только, такъ отдадутъ васъ папу польскому, тотъ съ васъ по семи шкуръ драть станетъ...

— Это точно, это такъ! вмѣшался другой шляхтичъ. И срамъ-то какой: духовенство православное такъ и лѣзетъ въ Краковъ съ жалобами другъ на друга... Случилось мнѣ недавно, по дѣлу пана моего милостивца, съѣздить въ Краковъ... Ну и навидался же я соблазновъ... Это пастыри наши духовные, столпы нашей вѣры ругаются какъ псы, тайно задариваютъ дьяковъ королевскихъ, ищутъ какъ бы извести другъ друга. Чего ужь тутъ ждать путнаго—того гляди продадутся всѣ не то папѣ римскому, не то нѣмецкаго монаха апостоломъ признаютъ.

— А слыхали?—робко и оглядываясь по сторонамъ заговорилъ какой-то маленькій, невзрачный старикъ.—Наша то княгинюшка Слуцкая—опять позабыла гнѣвъ королевскій Ну вотъ не можетъ спокойно жить, да и только. Послала намедни грамоту Трифону Огольскому, своему намѣстнику. Такъ и пишетъ: ты, говоритъ, митрополита не бойся, не тѣ времена, что прежде, король въ мои дѣла не станетъ ужь вступаться. Провинился въ чемъ передъ тобой попъ—ты и суди его своей властью; въ тюрьму, такъ и въ тюрьму его—и то разрѣшаю. А если, говоритъ, мужъ на жену, али тамъ жена на мужа жалобу принесутъ, то ты жалобу ту выслушай, да и учини расправу, дозволяй и разводъ—коли нужно... Вѣрите-ли—самъ, своими вотъ этими глазами читалъ грамоту—вѣдь ее сочинялъ то Матвѣй Петровичъ, другъ мой и благопріятель...

И маленькій старикъ обвелъ присутствующихъ удивленными гласами.

— Дѣла, дѣла! снова закричалъ Иванъ Петровичъ Галынскій, волнуясь и растегивая на всѣ пуговицы кафтанъ, въ которомъ ему становилось черезчуръ уже тѣсно.—Дѣла! какъ послушаешь—инда тошно становится... Но пуще всего бѣда намъ отъ королевскаго права подаванья—ну и статочное ли это дѣло, монастырь православный отдавать свѣтскому, да зачастую еще и католику—ляху! Вѣдь это что-жь такое! Вѣдь этому нужно конецъ положить на сеймѣ... неужто же князь Константинъ Константиновичъ допуститъ далѣе такое посрамленіе!!.

Никто не замѣтилъ, что самъ хозяинъ стоялъ у двери и прислушивался къ разговору.

— Думаю я, другъ, думаю, какъ бы пресѣчь это зло, да много ли тутъ сдѣлаешь, коли люди горазды стали по угламъ шептаться—а до дѣла дойдетъ—отмалчиваются, сказалъ князь Константинъ, подходя къ столу.

Собесѣдники вздрогнули отъ неожиданности, быстро и почтительно встали передъ княземъ.

Галынскій тщетно пробовалъ застегнуть кафтанъ и даже оторвалъ одну пуговицу.

Князь не обратилъ никакого вниманія на признаки почтительнаго страха, возбужденные его появленіемъ.

Да врядъ ли онъ ихъ и замѣтилъ—онъ такъ давно привыкъ ужъ встрѣчать ихъ повсюду.

Онъ продолжалъ:

— Мы ужь не мало толковали съ митрополитомъ Іоной. Порѣшили такъ: для начала я молчать буду, а все возьметъ на себя митрополитъ. Онъ готовитъ къ королю много просьбъ и непремѣнно представитъ на сеймѣ убѣдительное прошеніе, чтобы власть духовную не отдавать людямъ свѣтскимъ... Если же король отдастъ духовную должность свѣтскому человѣку и этотъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ не приметъ санъ духовный, то дабы дано было право владыкѣ отбирать отъ такого человѣка достоинство и хлѣбы духовные и отдавать ихъ людямъ духовнымъ. Авось король одумается и исполнитъ нашу просьбу. Ну а нѣтъ, такъ придется дѣйствовать иначе... Радуюсь, друзья мои, видя, что вамъ близки дѣла эти, только будьте тверды, не забывайте, что дѣло церкви Божіей—прежде всего, прежде всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. А это теперь совсѣмъ стали забывать православные люди. Много зла не отъ насъ, но главное зло отъ насъ, въ душахъ нашихъ пустило оно свои корни... Зло тяжелое и истинная погибель наша—оскуденіе въ насъ вѣры и благочестія...

И князь, грустно опустивъ голову, прошелъ дальше.

Онъ подходилъ то къ одной, то къ другой кучкѣ. Здѣсь и тамъ бросалъ свое слово, прислушивался къ разговорамъ, подмѣчалъ господствовавшее настроеніе передъ открывавшимся въ скоромъ времени сеймомъ, наблюдалъ за своими гостями..

Эти наблюденія были далеко неутѣшительны.

Разговоровъ о дѣлахъ настоятельныхъ и важныхъ было слышно мало. Передавались сплетни, хвастались и лгали безбожно, втихомолку подсмѣивались другъ надъ другомъ; иные гости едва ворочали языкомъ и тупо глядѣли помутившимися отъ вина глазами.

Женщины кокетничали напропалую. Летали страстные взгляды, намеки. Здѣсь и тамъ, среди шума и движенія толпы, внимательный взглядъ могъ замѣтить то робкія, то страстныя пожатія рукъ, чуткое ухо могло подслушать любовныя признанія, многія тайны обманутыхъ мужей и женъ, зарожденіе семейныхъ драмъ и скандаловъ...

Мы знаемъ изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ современниковъ печальныя подробности литовской общественной жизни того времени. Мы знаемъ, что на роскошныхъ пирахъ и балахъ вельможъ литовскихъ царствовали уже самые испорченные нравы, что женщины высшаго общества, по словамъ одного лѣтописца, соперничали не въ добродѣтеляхъ, а въ безстыдствѣ. Дѣвушка вельможнаго рода, жена знаменитаго князя часто втихомолку заводили интриги съ ничтожными шляхтичами, услужниками своихъ отцовъ и мужей. Это было дѣло вовсе не понятій о равноправности всѣхъ сословій не протестъ противъ кастовыхъ взглядовъ—литовская женщина XVI вѣка была чрезвычайно мало развита и образована,—это было дѣло необыкновенной испорченности нравовъ, отсутствія всякихъ твердыхъ правилъ. Цинизмъ проглядывалъ не только въ поступкахъ, но даже и въ рѣчахъ. Женщины перестали стыдиться и отказались отъ всякой хотя бы чисто внѣшней скромности...

Въ огромномъ „золотомъ“ залѣ замка танцовали безчисленныя пары. Неутомимый оркестръ переходилъ отъ одной мелодіи къ другой, отъ одного темпа къ другому. Здѣсь оживленіе достигало своего высшаго предѣла. Одно за другимъ быстро мелькали разгоряченныя лица. Молодыя женщины и дѣвушки были буквально залиты драгоцѣнными камнями, сіяли дорогими, причудливыми нарядами. Летучія фразы, остроты, насмѣшки, улыбки и откровенный смѣхъ перекрещивались въ общемъ вихрѣ...

Хорошенькій Ѳедя изъ свиты Сангушко танцовалъ

Библиотека "Руниверс"

съ панной Зосей. Къ нему такъ шелъ его шитый золотомъ кафтанъ и маленькіе пушистые усики, оттѣнявшіе румяныя губы. Она была тоже очень красива съ длинными косами, переплетенными жемчугомъ, съ своими черными выразительными глазами. Оба они были такъ молоды, такъ полны жизни... они крѣпко держались за руки, были такъ близко другъ къ другу... Имъ ли не наслаждаться этимъ быстрымъ, увлекательнымъ танцемъ, этими влюбленными звуками нѣжной итальянской музыки, имъ ли не глядѣть въ глаза другъ другу и читать въ нихъ первыя строки зарождающейся страсти...

А между тѣмъ и хорошенькій, статный Ѳедя, и хорошенькая Зося были разсѣяны и только изъ приличія едва перекидывались нѣсколькими фразами. Зося глядѣла по сторонамъ не мелькнетъ ли гдѣ черная, высокая фигура блѣднаго человѣка. Не смотря на всю свою молодость она сегодня не могла наслаждаться баломъ, она даже не замѣчала весь день обращенныхъ на нее, влюбленныхъ взглядовъ болѣе чѣмъ десятка красивой молодежи, не слушала самыхъ лестныхъ комплиментовъ. Ей хотѣлось уйти изъ этихъ залъ въ самую глубь покоевъ княгини Беаты, въ тихую каплицу, гдѣ, одѣтая въ бѣлое атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, съ золотою маленькой короной въ волосахъ, стояла точеная изъ дерева, раскрашенная статуя Мадонны. Ей хотѣлось у ногъ этой статуи слушать тихія рѣчи прекраснаго исповѣдника, чувствовать его тонкую руку на головѣ своей... Ея страсть къ Антоніо разгаралось все сильнѣй и сильнѣе...

Ѳедя тоже жадно слѣдилъ за кѣмъ то, за далекой, свѣтлой фигурой, отъ которой весь день не могъ онъ отвести своихъ глазъ и своего сердца.

Эта свѣтлая фигура, эта царица праздника, чудная княжна Гальшка теперь танцовала въ сторонѣ съ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ Сангушко. Весь день она была предметомъ всеобщаго вниманія и восторга. Вокругъ нея образовалась блестящая свита самыхъ красивыхъ и знатныхъ дѣвушекъ, пріѣхавшихъ изъ литовскихъ и польскихъ замковъ. Но вся ихъ красота, молодость и свѣжесть совершенно терялись передъ ея неслыханной красотою. Она возбуждала зависть; но въ то же время влекла къ себѣ неодолимо. Ея обращеніе съ сверстницами было полно искренней доброты и ласки.

Знатные и богатые молодые поляки, несмотря на свою тайную ненависть къ князю Константину Острожскому, собрались изъ Кракова въ его замокъ, забыли придворныхъ красавицъ и неотрываясь слѣдили жадными глазами за Гальшкой. Всѣ они безсовѣстно льстили князю Константину, прикидывались друзьями русской національности и воображали, что могутъ обмануть его.

(Продолженіе будетъ).

Постройка новаго каменнаго моста чрезъ Неву.

(Между Литейнымъ проспектомъ и Медико-хирургической академіей).

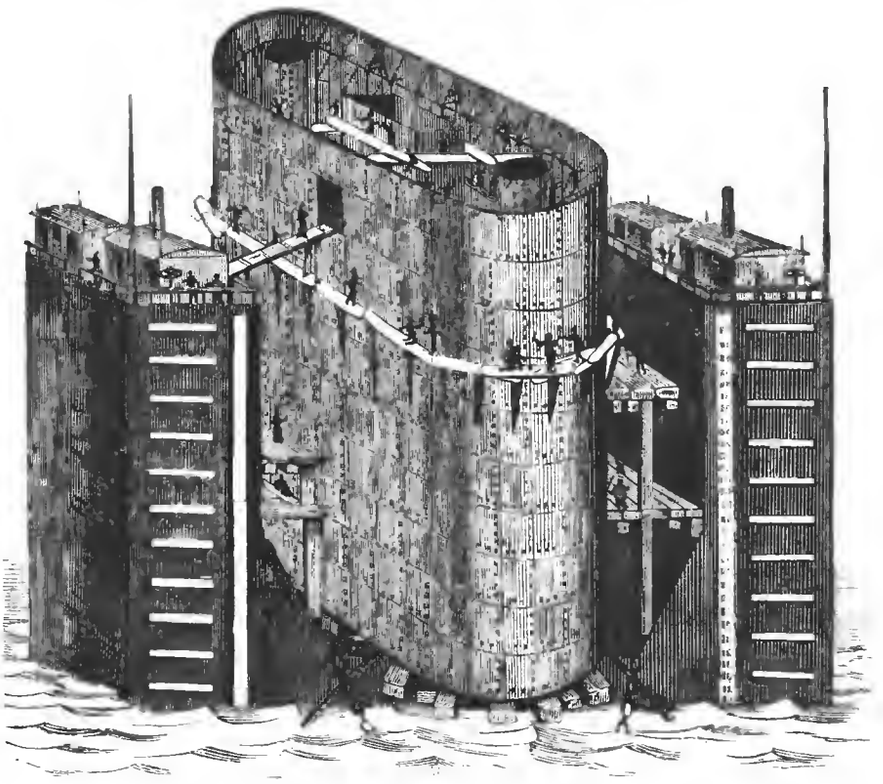
Въ настоящее время, какъ извѣстно, производится на Невѣ, противъ Литейнаго проспекта и Медико-хирургической академіи работы по устройству постояннаго моста чрезъ эту рѣку. Главная и самая трудная часть этихъ работъ заключается собственно въ погруженіи быковъ (устоевъ будущаго моста) особымъ (пневматическимъ) способомъ на дно рѣки, и, говоря болѣе точно и опредѣленно, даже не на дно рѣки, но до *материка* рѣки, т. е. до того грунта ея, на которомъ эти быки должны быть поставлены.

Работа эта, по громадности своей заслуживаетъ особаго интереса, тѣмъ болѣе, что размѣры желѣзнаго кессона подъ основаніе перваго быка (отъ лѣваго берега т. е. со стороны Литейнаго проспекта), или такъ называемаго толстаго быка, превышаютъ все, до сихъ исполненное въ этомъ родѣ.

Свойство грунта дна Невы, какъ сказано выше, требуетъ заложенія фундамента быковъ на значительной глубинѣ ниже дна рѣки. Наносный илъ и слабый глинистый грунтъ, находящіеся непосредственно подъ глубиною воды въ 45 футъ, не могутъ принять столь значительнаго груза, какой заключаютъ въ себѣ каменные массивные быки. Необходимо прорыть эти слабые грунты и заложить фундаменты на слои плотной синей глины, которая находится на глубинѣ въ 92 фута ниже поверхности воды. Достигнуть этого предполагается при помощи сжатаго воздуха, посредствомъ сплошныхъ желѣзныхъ кессоновъ въ которыхъ должна производиться кладка камня подъ устои моста и подъ которыми (т. е. подъ кессонами) должна производиться выемка земли со дна рѣки для того, чтобы устои моста (быки) соприкасались непосредственно съ грунтомъ дна рѣки.

Этотъ способъ первый разъ употребленъ былъ въ Россіи инженеромъ А. Е. Струве въ 1867 году, при сооруженномъ имъ мостѣ черезъ Днѣпръ у города Кіева. Самый способъ производства этихъ затруднительныхъ подводныхъ работъ, устройство многосложныхъ приспособленій и аппаратовъ и т. п. имъ самостоятельно разработанъ при постройкахъ какъ Кіевскаго, такъ и Кременчугскаго мостовъ черезъ Днѣпръ, такъ, что этотъ способъ вполнѣ выросъ и усовершенствовался на нашей русской почвѣ, примѣняясь къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ.

Толстый или крайній опорный быкъ будущаго моста располагаемый со стороны Литейнаго проспекта (у лѣваго берега) имѣетъ длину въ 115 футъ, при ширинѣ въ 51 ф., и плоскости основанія въ 5,880 квад. футъ. Желѣзный кессонъ образуетъ подводную камеру во всю величину быка.



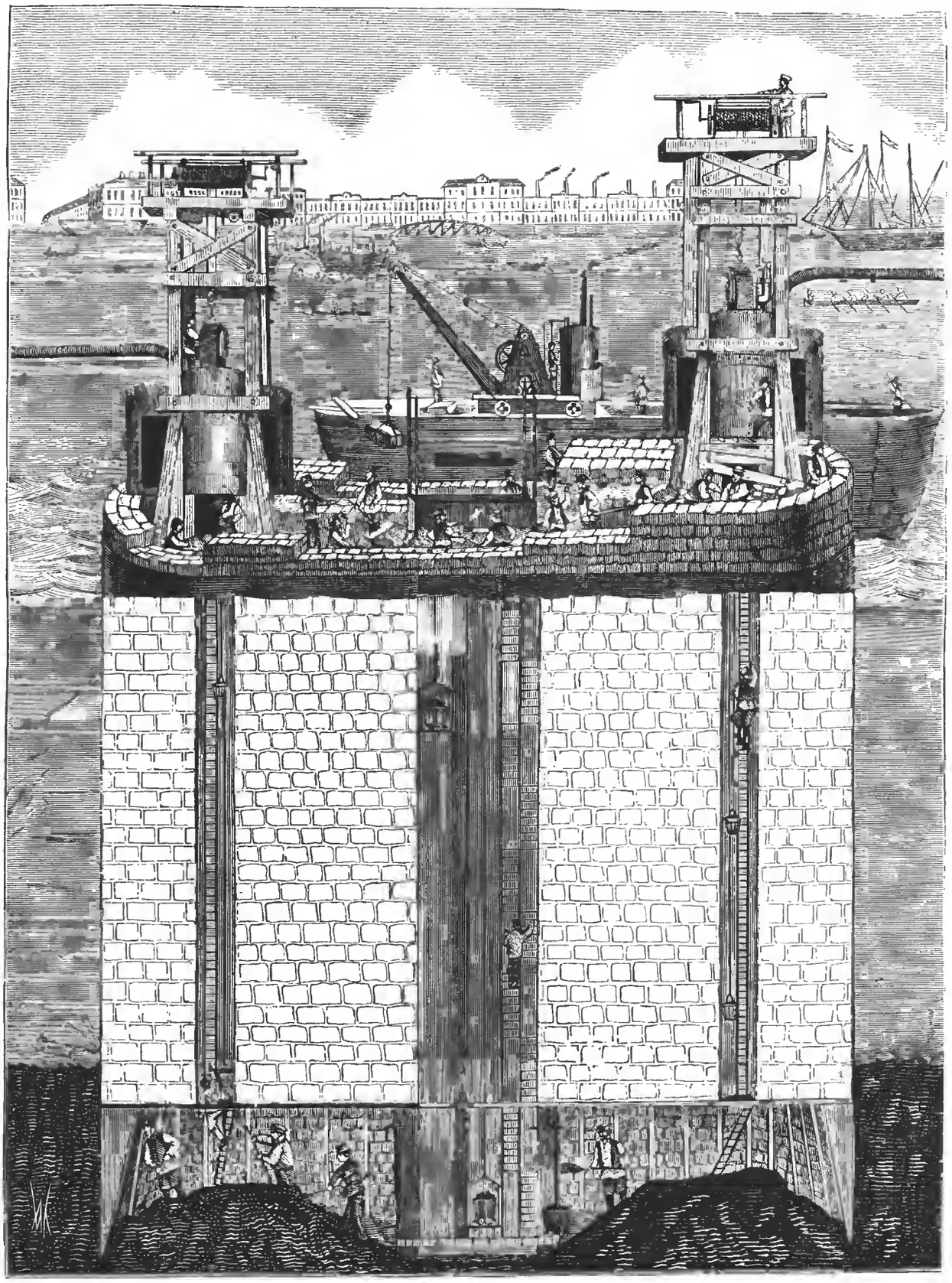
Желѣзный кессонъ для устоевъ (быковъ) строющагося Литейнаго моста. (Время нахожденія кессона въ пловучемъ докѣ). Рис. Ваньюра, грав. Боярскій.

Разскажемъ по порядку съ чего и какъ начинаются работы.

Желѣзный кессонъ (см. рисунокъ) послѣ совершеннаго окончанія работъ по устройству его, подводится на пловучемъ докѣ къ тому мѣсту, гдѣ предполагается закладка быка (мосто-

Библиотека "Руниверс"

ПОСТРОЙКА НОВАГО ЛИТЕЙНАГО МОСТА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.



Разрѣзъ кессона, наполненнаго каменною кладкою на мѣстѣ мостоваго устоя (быка), подъ которымъ производится выемка земли. Рис. съ натуры Ваньюра, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

ваго устоя), и спускается на воду. Имѣя у себя плотное, желѣзное-же дно, кессонъ, такимъ образомъ, оказывается въ пловучемъ состояніи. Для дальнѣйшихъ подробностей нужно запомнить, что дно кессона отстоитъ отъ нижнихъ краевъ его почти на три аршина, и такимъ образомъ, края кессона по достиженіи дна рѣки, упираются въ это дно и образуютъ внутри себя, т. е. подъ дномъ кессона, камеру которая потолкомъ имѣетъ дно кессона, а краями упирается въ дно рѣки, служащей въ тоже и поломъ. Въ эту подводную камеру могутъ чрезъ особыя отверстія входить рабочіе для выемки земли (см. на рисункѣ разрѣзъ кессона, въ которомъ производятся работы по устройству Литейнаго моста). По спускѣ кессона на рѣку, онъ, какъ замѣчено выше, находится нѣкоторое время въ пловучемъ состояніи, т. е. не достигаетъ еще дна рѣки. Тотчасъ же по спускѣ его, въ немъ начинается каменная кладка и по мѣрѣ этой кладки кессонъ отъ тяжести погружается все ниже и ниже и наконецъ упирается краями въ дно рѣки. Послѣ этого начинаютъ въ подводную камеру кессона, при посредствѣ паровыхъ машинъ, нагнетать воздухъ и нагнетаютъ его постоянно день и ночь, непереставая ни на одну минуту, и это дѣлается для того, чтобы воздухъ, нагнетенный въ эту подводную камеру, былъ въ состояніи вытѣснить изъ нея всю воду. Посредствомъ особыхъ желѣзныхъ шахтъ рабочіе спускаются въ подводную камеру кессона и начинаютъ подкапывать дно рѣки; вынутая ими земля и илъ поднимается паровыми машинами чрезъ шахты наружу и такимъ образомъ кессонъ, въ которомъ не перестаетъ въ то же время производится каменная кладка, постепенно опускается все ниже и ниже, пока не достигнетъ такого грунта, какой необходимъ для прочности мостовыхъ устоевъ, такъ называемыхъ быковъ. Для ясности скажемъ другими словами: Для погруженія кессоновъ, долженствующихъ служить основаніемъ устоевъ Литейнаго моста, на глубину ниже дна рѣки, одновременно производятся двѣ работы, а именно: внизу, въ камерѣ кессона, куда накачивается сжатый воздухъ, производится постепенная выемка грунта, а вверху, надъ потолкомъ камеры внутри желѣзной обшивки, дѣлается каменная кладка (нагрузка кессона). Конечно, при этомъ необходимо наблюдать, чтобы выемка земли изъ-подъ кессона производилась правильно и при замѣчаемыхъ его наклонахъ въ сторону, могущихъ быть отъ неравномѣрной выемки изъ-подъ него земли, выемка должна быть направлена тотчасъ же на сторону, противоположную той, на которую кессонъ слишкомъ наклонился. Иловатый и притомъ чрезвычайно неодинаковый грунтъ, составляющій верхній слой ложа рѣки, представляетъ чрезвычайныя трудности для выполненія этой работы и угрожаетъ многими случайностями—предотвратить и даже предвидѣть которыя не всегда возможно.

Такъ кессонъ второго быка (со стороны Литейной) при совершенно уравненной нагрузкѣ камнемъ, нѣсколько времени назадъ, погрузился одною стороною глубже и пришелъ въ наклонное положеніе. Вслѣдствіе чего рабочіе втеченіи нѣсколькихъ дней подкапывали ту сторону кессона, которая погрузилась менѣе. Надпяхъ случилось, что эта сторона осѣла и кессонъ пришелъ въ вертикальное положеніе, но съ этимъ иловатый, разжиженный грунтъ такъ подался, что кессонъ сразу осѣлъ на 2 фута. Это обстоятельство само по себѣ не имѣло бы особенной важности, такъ какъ подъ потолкомъ кессона оставалось бы еще свободное пространство; но такъ какъ илъ, разрыхленный силою давленія воздуха, поднялся гораздо выше 2 футовъ, то онъ быстро наполнилъ камеру до потолка. Изъ 28 человѣкъ рабочихъ, тамъ находившихся, 18 человѣкъ успѣли спастись и выйдти изъ шахты, остальные 10 человѣкъ были къ несчастію задержаны однимъ рабочимъ, который оступился въ шахтѣ и тѣмъ преградилъ выходъ изъ нея прочимъ, которые были прижаты къ потолку кессона. Изъ этихъ несчастныхъ 5 ч. были спасены и отправлены въ больницу, находящуюся при постройкѣ Литейнаго моста. Остальные же 5 человѣкъ очевидно погибли, такъ какъ первые трое отрытые изъ илу оказались уже мертвыми. Но при такихъ громадныхъ работахъ, въ самомъ дѣлѣ, трудно уберечься отъ несчастій.

Когда выемка земли будетъ окончена, т. е. когда работы достигнутъ до твердаго грунта (находящагося на 90 футъ ниже воды), тогда рабочіе, прекративъ выемку земли, начнутъ закладывать камеру камнемъ и подвигаясь все ближе и ближе къ шахтѣ, чрезъ которую сами имѣли входъ въ подводную камеру, заложатъ, наконецъ, и эту шахту каменною кладкой до самаго верха быка, и тѣ другіе шахты, чрезъ которые вынимались до того времени наружу изъ-подъ кессона илъ и земля. Достигнувъ такимъ образомъ до самаго верху, т. е. до той высоты, на которой предполагается укрѣплять мостовыя арки, каменная кладка быка будетъ окончена.

При значительной глубинѣ погруженія быка сжатый воздухъ доходитъ до 3-хъ атмосферъ давленія, что требуетъ особо привычныхъ рабочихъ, которыхъ приходится часто смѣнять, до того работа эта утомительна. Кессонъ подъ толстые быки составленъ изъ желѣзныхъ потолочныхъ балокъ и боковыхъ стѣнъ, усиленныхъ желѣзными ребрами. Онъ вѣситъ 28,500 пудовъ. Такимъ же образомъ построены кессоны прочихъ рѣчныхъ быковъ—размѣры ихъ нѣсколько меньше, а именно: ширина 30 футовъ и длина 123 фута. Литейный мостъ будетъ имѣть въ длину 200 саж. и состоять изъ пяти арочныхъ пролетовъ и одной разводной части для пропуска судовъ, располагаемой со стороны Литейнаго проспекта. Желѣзныя арочныя формы имѣютъ весьма значительные пролеты, а именно: по 175 фут., слѣдующіе два по 213 фут. а средній пролетъ въ 245 футовъ. Мостъ будетъ имѣть ширину въ 77 футъ. По ширинѣ моста расположено 13 арочныхъ формъ, соединенныхъ между собою желѣзными связями и на верху сплошными желѣзными балками, на которыхъ расположится мостовая. Размѣры арокъ разсчитаны такимъ образомъ, что они могутъ съ безопасностью выдерживать нагрузку не только въ видѣ сплошной массы людей и экипажей, но и цѣлыхъ поѣздовъ желѣзнодорожныхъ съ паровозами и полнымъ грузомъ. По этимъ условіямъ строющійся Литейный мостъ будетъ принадлежать къ числу самыхъ монументальныхъ сооруженій нашего времени. Полковникъ Струве обязался исполнить его къ іюлю мѣсяцу 1879 года, что, при нашихъ климатическихъ условіяхъ и крайне короткомъ рабочемъ времени—весьма немного. Тѣмъ не менѣе, судя по первому году работъ, есть основаніе предполагать, что окончаніе работъ послѣдуетъ ранѣе назначеннаго контрактомъ срока.

Работы, нужно замѣтить, идутъ весьма дѣятельно: движутся паровыя колеса, безконечные ремни съ паровымъ шипѣньемъ, люди съ тачками, нагруженными пескомъ и илитой; сидятъ каменотесы и громятъ пудовыми молотами гранитныя глыбы; на большомъ быкѣ, на юго-восточномъ углу быстро сбѣгаетъ въ полулодокъ, по деревянной ложбинѣ, илъ, добываемый изъ-подъ кессона, въ четырнадцать саженъ высоты. Всего до настоящаго времени погружено въ воду только три кессона, а четвертый будетъ готовъ, вѣроятно, не раньше конца сентября. Тотъ злополучный кессонъ, который спущенъ не совсѣмъ удачно въ Неву первымъ, поставленъ совершенно правильно на мѣсто и уже нагруженъ поколемъ и прочими камнями до самыхъ краевъ; но илъ и земля изъ-подъ него еще не выбраны. Кессонъ этотъ непосредственно будетъ примыкать къ береговому устою, который уже начатъ постройкой и на немъ будетъ утверждена разводная часть. Какъ извѣстно, въ первомъ планѣ этого моста, отвергнутаго Думою нѣсколько лѣтъ назадъ, разводная часть предполагалась на Выборгской сторонѣ моста, а г. Струве предпочелъ отнести ее къ сторонѣ Литейнаго проспекта. Большой быкъ, второй по счету, поглощаетъ теперь все вниманіе строителя, такъ какъ только въ немъ производятся подводныя работы. Рабочіе, по 20 человѣкъ партія, работаютъ тамъ въ двѣ перемѣны, по шести часовъ каждая, и получаютъ за это плату не такъ, какъ обыкновенно принято разсчитывать рабочихъ—въ недѣлю разъ; имъ платятъ каждой перемѣнѣ за каждый разъ и несравненно дороже, нежели работающимъ на воздухѣ. Въ подводную часть избираются люди болѣе здоровые, выносливые и ловкіе, потому что слабо-здоровая комплекція не выноситъ той атмосферы, какая находится въ этой подводной части и производитъ въ ушахъ глушь съ колотьемъ. Нѣсколько паровыхъ машинъ, размѣщенныхъ на отдѣльныхъ соминахъ, безпрестанно день и ночь накачиваютъ туда воздухъ черезъ нѣсколько широкихъ рукавовъ. Рукава эти перекинуты черезъ нѣсколько лодокъ, стоящихъ съ матеріаломъ, отъ своихъ резервуаровъ соединены непосредственно съ объемистыми желѣзными барабанами, (см. рисунокъ, изображающій разрѣзъ кессона, въ которомъ производится каменная кладка), изъ которыхъ воздухъ стремительно обращается внизъ по широкой желѣзной трубѣ съ такою силою, что вся скопляющаяся въ нижнихъ частяхъ кессона вода съ быстротой пожарной трубы выбрасывается въ Неву по гуттаперчевымъ и желѣзнымъ рукавамъ. Этотъ въ 14 саженей высоты кессонъ опущенъ на глубинѣ шести саженей; но онъ будетъ опущенъ въ землю, т. е. въ русло рѣки, тоже на шесть саженъ, и для этой цѣли изъ-подъ него выбирается и выбрасывается въ Неву илъ и земля, которыхъ успѣваютъ добывать и выбрасывать до четырехъ кубическихъ саженей въ сутки. Способъ вытаскиванія ила изъ земли также паровой; къ одному изъ движущихся валовъ съ колесами придѣланъ приводъ, въ родѣ самотасокъ на русскихъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницахъ. Приводъ этотъ вытаскиваетъ паровой силой множество мѣшковъ, нагруженныхъ землей и иломъ, и наверху они разгружаются въ досчатый широкій желобъ, круто обращенный къ стоящей у кессона баржѣ. Самый же быкъ уже наваленъ гранитными глыбами и до извѣстной высоты приведенъ въ порядокъ, хотя онъ еще вновь получитъ вокругъ себя чистую гранитную обшивку: теперь-же на немъ устраивается косая плитная кладь, для упора будущему своду съ другого быка. Послѣдній, т. е. третій кессонъ, представляетъ собою видъ погруженнаго въ волны неоснащеннаго судна и хотя внизу, т. е. на днѣ, начаты работы, въ немъ сдѣланы распорки, чтобы предохранить его стѣнки отъ давленія внѣшней воды. Понятно, что въ продолженіи того времени, пока эта статья приготовляется къ печати, работы въ этомъ третьемъ кессонѣ подвинутся далеко впередъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время они производятся даже и ночью, при электрическомъ освѣщеніи, въ тѣхъ видахъ, чтобы вывести каменную кладку выше поверхности рѣки. Если остальные кессоны будутъ благополучно опущены, то къ сентябрю будущаго года всѣ быки будутъ на мѣстѣ, что значитъ самая главная и

Библиотека "Руниверс"

важная задача будетъ разрѣшена. Съ выборгской стороны также возводится береговой устой и уже поднятъ на значительную высоту. Всего на работахъ теперь занято до 1500 чел. Стоимость работъ опредѣляется по смѣтѣ въ 3.650.000 рублей.

Къ статуямъ Россетти.

Пластика (ваяніе, отъ греческаго слова: образовать) имѣетъ предметомъ образованіе различныхъ фигуръ изъ гипса, камня, дерева и различныхъ металловъ.

Пластика преимущественно обращается къ воспроизведенію высшей формы творенія, а именно формъ человѣка. въ нихъ она находитъ полное выраженіе физической красоты. Она изучаетъ во всѣхъ частяхъ строеніе человѣческаго тѣла, измѣряетъ пропорціи членовъ и, вѣрно подражая природѣ, воспроизводитъ въ мраморѣ, гипсѣ и т. п. человѣческій образъ во всей его красотѣ и величіи.

Одежда, какъ продуктъ культуры, выведшій человѣка изъ его естественнаго состоянія, можетъ имѣть мѣсто въ пластикѣ только при томъ условіи, если не совсѣмъ скрываетъ тѣло и не обезображиваетъ очертаній членовъ.

Задачу скульптора составляетъ всего чаще изображеніе одиночной фигуры, ибо въ группѣ многія части закрываютъ одна другую и каждая отдѣльно не можетъ производить полнаго пластическаго впечатлѣнія. Вылѣпленная группа, только взятая въ цѣломъ, сливается въ одно стройное, художественное произведеніе. Нужно замѣтить, что скульптура, прежде чѣмъ дойти до своего современнаго состоянія, должна была пережить много тяжелыхъ испытаній. Было время, когда она находилась въ совершенномъ загонѣ и почти въ презрѣніи. Это время непосредственно наступило послѣ ея торжества въ до-христіанскую эпоху, когда красота формъ человѣческаго тѣла служила единственнымъ идеаломъ художниковъ. Со временъ христіанства это торжество физической красоты начинаетъ утрачивать свое значеніе и окончательно утрачиваетъ его подъ вліяніемъ гнетущихъ историческихъ обстоятельствъ, и внутреннихъ неурядицъ, жестоко отражавшихся на экономическомъ бытѣ общества.

Подъ вліяніемъ этихъ событій первенствующею какъ въ глазахъ общества, такъ, конечно, и въ идеалахъ художника, сдѣлалась уже не красота физическая въ полномъ смыслѣ этого слова, а красота духовная, идеаломъ которой являлось стремленіе къ небу. Духовное содержаніе этой эпохи особенно полно выразилось въ произведеніяхъ живописи. Въ картинахъ того времени мы видимъ страдальческія лица, всецѣло поглощенныя одной только мыслью о загробной жизни, или же, напротивъ, лучезарныя и до того слабыя, что имъ очевидно нельзя уже жить: они обречены небу.

Въ это время и пластика также терпѣливо и настойчиво стала достигать возможности выражать въ своемъ неподатливомъ матеріалѣ внутреннюю жизнь человѣка.

Но улучшается судьба человѣка, поднимается приниженный общественнымъ и политическимъ порядкомъ духъ его, и пластика снова вспоминаетъ завѣщанные ей скульпторами древняго міра законы и возвращается къ здоровому, настоящему возрѣнію на свою задачу. Прекрасныя греческія статуи снова являются на свѣтъ и дѣлаются предметомъ изумленія и изученія; и вотъ послѣ этого то времени въ пластическихъ произведеніяхъ стало замѣтно новое направленіе къ лучшему, ибо вліяніе религіознаго мистицизма дало новые, неожиданные плоды. Пластика преоборола трудности передачи въ мраморѣ выраженія душевныхъ движеній, и создаваемые ею фигуры стали являтся уже не только въ строгомъ спокойствіи фигуръ міра античнаго, но и оживленныя разнообразными душевными состояніями. Стиль, выработавшійся подъ вліяніемъ перемѣнъ, конечно, значительно сталъ отличаться отъ строгаго, пластическаго стиля древнихъ.

Для пластики во всякомъ случаѣ необходимо изученіе антиковъ, необходимо очищать свой эстетическій вкусъ на художественныхъ произведеніяхъ древнихъ скульпторовъ, работы которыхъ запечатлѣны образцовымъ совершенствомъ.

Въ изображенныхъ въ настоящемъ № «Нивы» фигурахъ представлены Психея и Амуръ. Статуи эти работы миланскаго художника Антоніо Россетти.

Извѣстный миѳъ грековъ о любви Амура къ Психеѣ знакомъ каждому. хотя бы даже изъ повѣсти Богдановича «Душенька».

Въ статуяхъ Россетти Психея представлена удивленной, скрывающійся въ цвѣтахъ, а Амуръ какъ бы защищается.

Антоніо Россетти считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ скульпторовъ Италіи. Имя его пользуется громкою славою. и каждый пріѣзжающій въ вѣчный городъ непремѣнно посѣщаетъ его мастерскую. Нѣсколько работъ Россетти есть въ нашемъ Императорскомъ дворцѣ и въ галлереѣ Герцога Виртембергскаго; на нѣмецкой выставкѣ Россетти, за представленныя имъ три фигуры, получилъ премію. Россетти 50 лѣтъ. Кромѣ славы артиста, за нимъ имя добраго патріота. Въ 1848 и 1849 годахъ онъ сражался вмѣстѣ съ другомъ своимъ и собратомъ по искусству Страцца, уже умершимъ, о которомъ до сихъ поръ слышатся горькія сожалѣнія.

Дѣти мстители.

Чудомъ какимъ-то ребята спаслись —
Марко съ сестрою Еленой,
Крѣпко напуганы были они
Страшной, кровавою сценой.

Тамъ, гдѣ родная деревня была —
Теплый лишь пепелъ остался...
Мальчикъ оружье успѣлъ захватить,
На гору съ нимъ онъ взобрался.

Дышетъ порывисто Марко; глаза
Гнѣвомъ не-дѣтскимъ сверкаютъ;
Плачетъ Елена... «Ахъ, въ лѣсъ убѣжимъ!
Тамъ они насъ не поймаютъ»...

* * *

—«Нѣтъ, Елена! Мы отсюда
Будемъ въ нихъ стрѣлять.
Стыдно - въ лѣсъ! Всегда успѣемъ
Въ лѣсъ-то убѣжать.

Горы эти мнѣ знакомы,
Рыскалъ я по нимъ!
Тамъ, внизу, пройдутъ черкесы —
Мы имъ зададимъ!

* * *

Бѣдный нашъ отецъ повѣшенъ,
Хата сожжена...
Мать связали, и въ телѣгу
Брошева она...
Не во снѣ все это было!...
Что-жь, спустить все имъ?...
Скоро явятся злодѣи —
Мы имъ зададимъ!

* * *

Что ты плачешь? Жалко маму?
Ну, не плачь... Постой!
Что бояться—порохъ, пули
И ружье со мной.
Если маму ты любила—
Мстить должна врагамъ!..
Вонъ они!.. Тамъ пыль клубится...
Зададимъ мы вамъ!»...

* * *

Брозки сдвинула Елена,
Слезъ ужь нѣтъ слѣда...
—«Значитъ, больше не увижу
Маму .. никогда?...
Хорошо-же!... Слышишь, Марко,
Конскій топотъ тамъ?...
Подъѣзжайте-ка поближе —
Будетъ праздникъ вамъ!»...

Щ.

Сербскіе монахи и офицеры Генеральнаго Штаба, обсуждающіе подробности военнаго маршрута.

Передъ нами сцена весьма интересная, патріархальная, невольно переносящая насъ въ древній періодъ нашей отечественной исторіи, когда въ монашескихъ рясахъ дрались Пресвѣтъ и Ослябя.

Для насъ, пользующихся выгодами высокой военной организаціи. при которой и въ мирное время Генеральный Штабъ работаетъ съ неусыпною энергіей надъ составленіемъ и исправленіемъ точныхъ и подробныхъ картъ—для насъ представляется страннымъ: чѣмъ же собственно могутъ затрудняться сербскіе офицеры Генеральнаго Штаба въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Сербія, гдѣ достаточно одного—двухъ наблюдательныхъ путешествій, чтобы изучить страну вдоль и поперегъ? Отвѣтъ на это заключается въ самыхъ фактахъ текущей турецко-сербской войны. Факты эти говорятъ, что относительно знанія мѣстности, т. е. научнаго знанія. Сербія стоитъ почти на первобытной ступени. Да если для всего-то Балканскаго полуострова, вообще весьма мало изслѣдованнаго въ топографическомъ отношеніи, карты составлялись до сихъ поръ австрійскими офицерами Генеральнаго Штаба, то почему же Сербія должна была составлять въ этомъ особое исключеніе?

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ монастырѣ, въ одномъ изъ келій котораго происходитъ сцена, помѣщенная на нашемъ рисункѣ.

Это монастырь св. Аріанделя, находящійся на юго-западѣ Сербіи, въ весьма живописной мѣстности, такъ сказать въ естественномъ паркѣ. Каскадъ чистой свѣтлой воды протекаю-

Библиотека "Руниверс"

Сербскіе монахи и офицеры генеральнаго штаба, обсуждающіе подробности военнаго маршрута въ одной изъ келлій монастыря Св. Аріанделя. Съ наброска К. П. грав. Боярскій.

Бивуакъ корпуса Харватовича у монастыря Св. Аріанделя. По наброску К. П. гр. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Дѣти мстители. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Каразинъ, грав. Пугцъ.

Библиотека "Руниверс"

щаго близь монастыря ручья, меланхолически-однообразно журчитъ свою неумолкающую пѣсню. Бѣлая церковь выдается рельефно изъ окружающей ее густой зелени. Рядомъ съ церковью стоитъ деревянная колокольня, довольно грубой постройки, а неподалеку отъ церкви, напротивъ ея, расположена маленькая школа для юношества всей этой мѣстности. Въ этой школѣ и дѣти сербскихъ крестьянъ пріобрѣтаютъ элементарныя познанія. Монастырь, а равно и принадлежащая ему школа, весьма древнія, и основаніе ихъ относится къ эпохѣ великаго Сербскаго царства. Въ 1863 г., по повелѣнію князя Михаила, монастырь реставрированъ инженерами Княжевацкаго округа. И въ настоящемъ видѣ его можно причислить къ лучшимъ сохранившимся памятникамъ старо-сербской архитектуры.

Что касается до времени, къ которое происходитъ сцена, помѣщенная на нашемъ рисункѣ, то она относится къ времени удачнаго движенія корпуса полковника Хорватовича. Припомнимъ ходъ военныхъ дѣйствій, три недѣли тому назадъ. Вслѣдствіе натиска турокъ на лѣвомъ берегу Моравы, правое крыло сербской арміи было оттѣснено къ Делиграду; такимъ образомъ сербскія войска расположились дугообразно въ двухъ позиціяхъ у Алексинца и Крушеваца. Алексинацкую позицію занималъ корпусъ Хорватовича. Онъ занялъ редуты на Моравѣ, защищая ихъ, ему, наконецъ, удалось завладѣть путемъ, вслѣдствіе чрезъ Тресп-бабу, и результатомъ этого былъ цѣлый рядъ успѣховъ сербскаго оружія. На этомъ пути, въ одну ночь, войска Хорватовича расположились бивуакомъ у монастыря Св. Арандіеля, что, между прочимъ, и дало случай художнику познакомить насъ, какъ съ мѣстностью, окружающей монастырь, такъ и съ сценами бивуачной жизни.

М. С.

На возстаніе славянъ.

Возсталъ народъ Европу спасшій
Отъ дикихъ полчищъ мусульманъ
И пять вѣковъ въ цѣпяхъ страдавшій,
Возсталъ несчастныхъ родъ славянъ.
Нѣтъ мѣры всѣмъ его страданьямъ,
Сосудъ терпѣнья разлился—
И за оружье, съ упованьемъ
На Божью помощь, онъ взялся.
Лишенъ семейства, крова, пищи,
Ограбленъ турками кругомъ,
Въ лохмотьяхъ, блѣдный, жалкій нищій,
Въ горахъ онъ борется съ врагомъ.
И на развалинахъ селеній
Видны, въ отчаяньи нѣмомъ,
Лишь старцы, дѣти, точно тѣни:
Кто ищетъ сына—кто свой домъ.
И взоръ надежды обращая
Къ Европѣ, ранѣ день и ночь,
Въ тюрьмахъ, на кольяхъ умирая
Въ несчастьи просятъ имъ помочь.
Но не дождался отъ Европы
Народъ несчастный ничего,
И дипломаты—филантропы
Еще клевещутъ на него;
И помощь тайную злодѣю
Они стараются подать
И на страдальческую шею
Хотятъ ярмо надѣть опять...
Но не страшись, страдалецъ бѣдный,
И правды солнышко взойдетъ:
Вдали ужь слышенъ крикъ побѣдный—
Свободный братъ къ тебѣ идетъ!

А. Я.

Политическое обозрѣніе.

Судя по телеграфнымъ сообщеніямъ, въ дипломатическихъ кружкахъ ходитъ слухъ, что Австрія, Россія и Германія согласились, между прочимъ, представить Портѣ ультиматумъ, въ которомъ будетъ объяснено, что въ случаѣ если Турція, въ теченіе шести дней не приметъ берлинскаго меморандума, то Россія займетъ своими войсками Болгарію, а Австрія— Босніи и Герцеговину, и только тогда, очистятъ отъ войскъ эти земли, когда заключающіяся въ берлинскомъ меморандумѣ реформы станутъ совершившимся фактомъ. Къ этому ультиматуму присоединились уже Англія и Франція. Въ оффиціальныхъ кружкахъ Сербіи это извѣстіе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Но этотъ слухъ, очевидно, пущенъ изъ австрійско-венгерскихъ устъ. Давно былъ погребенъ блаженной памяти берлинскій меморандумъ, какъ документъ, не обезпечивающій славянскихъ нуждъ. Въ меморандумѣ пять пунктовъ, излагающихъ требованія отъ Порты уступокъ, гораздо болѣе умѣренныхъ, чѣмъ какія по самой меньшей мѣрѣ могутъ быть предложены теперь. Мы сейчасъ увидимъ, что сама Турція предлагаетъ теперь больше, чѣмъ требуетъ отъ нее берлинскій меморандумъ. И въ самомъ дѣлѣ, теперь понемногу стало выясняться, какія реформы намѣрена дать славянамъ Порта, отвергнувъ англійско-европейскія предложенія мира. Она обѣщала учредить нѣчто въ родѣ парламента изъ 120 депутатовъ въ Константинополѣ и нѣчто въ родѣ областныхъ представительныхъ собраній въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи; національное собраніе, судя по этимъ извѣстіямъ, должно находиться въ Константинополѣ и состоять на половину изъ христіанъ и на половину изъ мусульманъ. Босція должна отправить въ это національное собраніе 6 депутатовъ (3 мусульманъ и 3 христіанъ), Герцеговина – 4, а Болгарія – восемь. Можно всему этому не вѣрить, можно смѣяться или плакать отъ умиленія, по поводу этой хвастливой «бумажной лжи»,— но въ принципѣ славянамъ дается все-таки больше, чѣмъ требуетъ для нихъ берлинскій меморандумъ. Это настоящая конституція съ парламентомъ, которая восхитила бы покойнаго Гизо, великаго поклонника всякаго рода конституціямъ, хотя бы онѣ были только насмѣшкою надъ здравымъ смысломъ.

Изъ Константинополя (отъ 25 сентября) телеграфъ извѣстилъ, что отвѣтъ Порты на предложенія великихъ державъ уже сообщенъ представителямъ этихъ державъ въ Константинополѣ, далѣе, что проектъ демонстраціи флотомъ, находившимся, какъ извѣстно, до сихъ поръ въ Безикской бухтѣ, признанъ въ Парижѣ и Лондонѣ неудобнымъ и потому устраненъ. Въ скоромъ времени ожидаютъ *рѣшительнаго шага всѣхъ европейскихъ державъ*, въ видѣ давленія на Турцію и Сербію для заключенія перемирія на болѣе продолжительное время. Это послѣднее извѣстіе также сильно окрашено австро-венгерскою окраской, и ему что-то плохо вѣрится.

Англійскій дипломатическій агентъ, Додсонъ, добился согласія Черногоріи на болѣе продолжительное прекращеніе военныхъ дѣйствій до заключенія правильнаго перемирія. Но это согласіе дано подъ довольно тяжелымъ для турокъ условіемъ: именно снабженіе провіантомъ окруженныхъ турецкихъ фортовъ и войскъ будетъ совершаться подъ контролемъ черногорцевъ. Турки и дня колебались, но потомъ приняли-таки эти условія. Надо прибавить еще, что командующій турецкими войсками въ Черногоріи Мухтаръ-паша отрѣзанъ отъ Требинья четырьмя батальонами инсургентовъ подъ начальствомъ Пейко Павловича, такимъ образомъ отрѣзанъ и привозъ провіанта изъ Требинья въ войска Мухтара-паши. Далѣе, инсургенты угрожаютъ еще отрѣзать дорогу въ Требинье изъ Рагузы.

Генералъ Черняевъ вновь телеграфируетъ отъ 25 сентября (7 октября) дипломатическимъ агентамъ о звѣрствахъ и жестокостяхъ турокъ. Зайчаръ сожженъ турками, вся мостовая, всѣ камни брошены въ р. Тимокъ, и по распоряженію турокъ *болгары должны вспахать всѣ улицы*. (!!?) Эта варварская насмѣшка надъ изнуреннымъ населеніемъ уже показываетъ, чего ждать славянамъ отъ турецкой конституціи, если бы она осуществилась. Изъ послѣднихъ извѣстій съ театра войны видно, что турки собираютъ въ Виддинѣ восьмитысячный корпусъ. Движеніе турецкихъ войскъ направлено къ пограничной крѣпости Неготину (на востокѣ Сербіи). Неготинъ защищается сербскимъ отрядомъ полковника Здравковича.

Англійское сочувствіе къ славянамъ и Россіи (сочувствіе народа, а не правительства) растетъ все болѣе и болѣе. На прошлой недѣлѣ Петербургскій отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго комитета принималъ англичанина г. Александера, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ спеціальною цѣлью *выразить защитникамъ славянъ—Россіи сочувствіе англійскаго народа*. Г. Александеръ привезъ съ собою привѣтъ Россіи отъ Гладстона и его брошюру, съ просьбою перевести ее на русскій языкъ и продавать въ пользу пострадавшихъ славянъ. Въ засѣданіи славянскаго благотворительнаго комитета прекрасная рѣчь г. Александера была покрыта рукоплесканіями и брошюра уже переведена на русскій языкъ.

Все это отрадные и знаменательные факты, доказывающіе нравственное пріобрѣтеніе Россіи,—а между тѣмъ, съ другой стороны скопляющіяся на политическомъ горизонтѣ тучи растутъ и растутъ. Всеобщее ожиданіе рѣшительныхъ событій до такой степени напряжено, что мысль о какомъ либо политическомъ компромиссѣ, о мирныхъ дипломатическихъ сдѣлкахъ, всѣмъ кажется просто невѣроятною.

Извѣстія, сообщенные газетами, объ отъѣздѣ генерала Комарова въ Россію и о назначеніи Ранко-Алимпича на прежнюю должность командующаго Ибарскою арміей, оказались ложными. На Ибаръ отправился уже (изъ Бѣлграда отъ 4-го сентября) генералъ Повоселовъ. Считаемъ нужнымъ сообщить, что генералъ Повоселовъ имѣетъ за собой большую военную извѣстность. По службѣ онъ старше даже М. Г. Черняева и имѣетъ *всѣ* знаки отличія за храбрость. Такой воинъ для сербовъ, конечно, теперь громадное утѣшеніе.

Сравнительныя военныя силы европейскихъ государствъ.

Si vis pacem, para bellum! (Если хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ!) Принципъ вооруженнаго мира, на который такъ сильно нападаютъ съ идеальной точки зрѣнія, будетъ торжествовать до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будутъ войны, пока

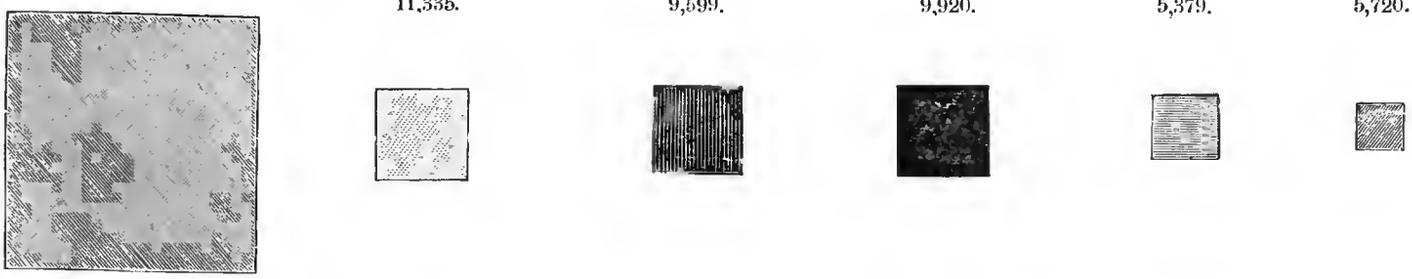
(Продолженіе на стр. 682).

Библиотека "Руниверс"

Военныя силы великихъ европейскихъ государствъ.

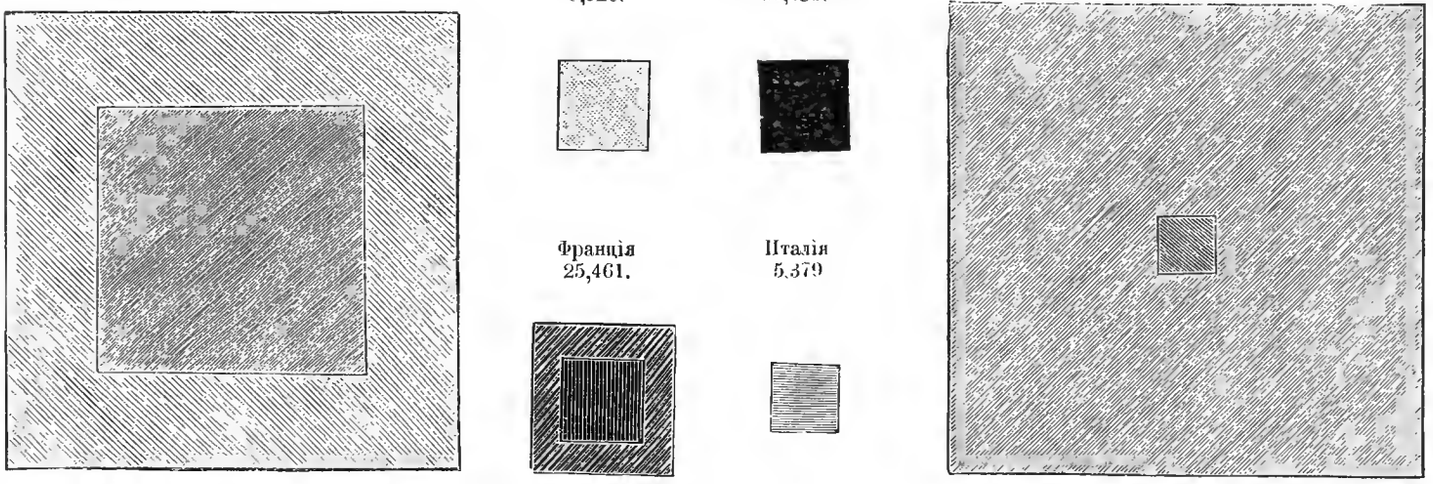
Величина государствъ по числу географическихъ квадратныхъ миль (безъ колоній).

Россія 97,210. Австро-Венгрія 11,335. Франція 9,599. Германія 9,920. Италія 5,379. Англія 5,720.



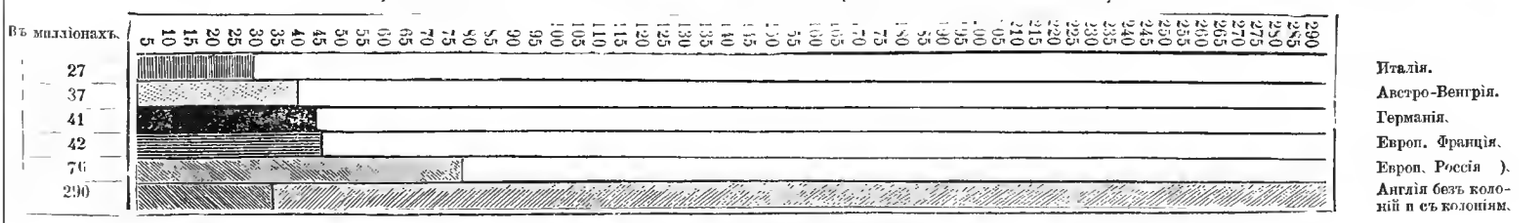
Величина государствъ съ колоніями.

Россія 369,830. Германія 9,920. Австро-Венгрія. 11,335. Великобританія и Ирландія 374,000.

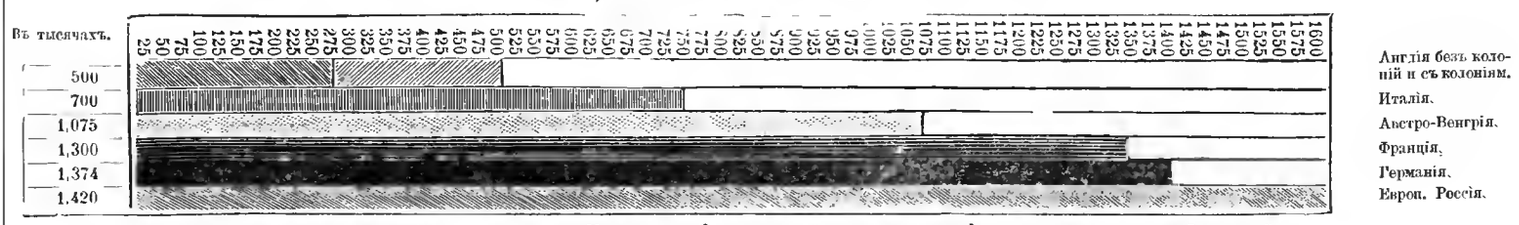


Франція 25,461. Италія 5,379

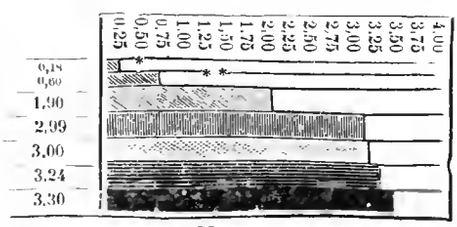
Сравнительное народонасеніе (включая колоніи).



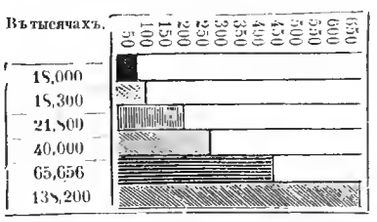
Военныя силы армій.



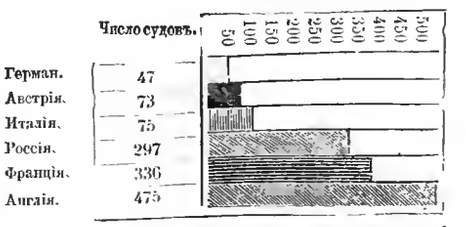
Процентное отношеніе арміи къ народонасенію.



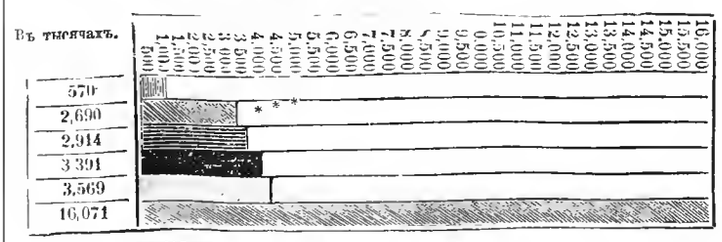
Паровая сила (въ количествѣ лошадиныхъ силъ).



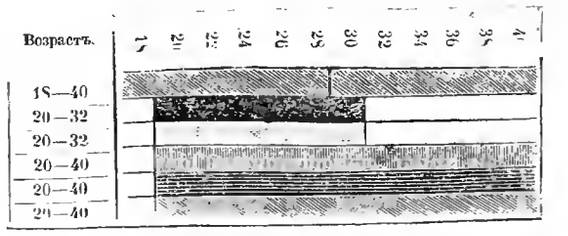
Военный флотъ



Число лошадей въ странѣ.



Продолжительность срока службы.



*) Цифра народонаселенія въ Россіи показана невѣрно. Извѣстно, что въ настоящее время Россія имѣетъ болѣе 80.000.0000.
**) За исключеніемъ колоній.

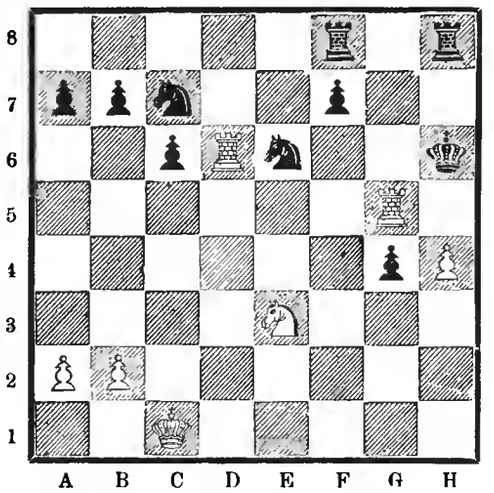
Библиотека "Руниверс"

истребленіе другъ друга и пролитіе человѣческой крови на войнѣ не будетъ вещью совершенно немыслимой, непонятной. Но вообще сбудется ли это когда-нибудь, трудно сказать, во всякомъ случаѣ мы неошибемся если скажемъ, что много пройдетъ времени, пока человѣчество додумается до возможности осуществленія всеобщаго мира.

Этотъ грозный вооруженный миръ поглощаетъ между тѣмъ въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ отъ 30 до 35% общихъ государственныхъ расходовъ. Военный бюджетъ Европы равняется 738,577,000 руб., а съ Соединенными Штатами Америки 788.587.000 руб. Цифры эти сами по себѣ такъ краснорѣчивы, что не требуютъ дальнѣйшихъ комментарій; прилагаемая же нами таблица объяснитъ наличныя силы каждаго государства.

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

Задачи въ «Нивѣ» № 39.

Бѣлые.	Черные.
1) Л. А 5 — Е 5	1) Н 8 — G 8
2) Л. Е 5 — Е 8×	2) G 8 — F 7
3) Конь С 4 — D 6×	3) F 7 — F 6
4) Е 4 — Е 5×× и Матъ.	

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

24-го Сентября 1876 г.

	Покупателн.	Продавцы.	Продано.		Покупателн.	Продавцы.	Продано.
				АКЦІИ.			
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска .	180	181	181	125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ. .	167¾	168½	168
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска .	175½	175½	175,176½	125 » Рижско-Динаб.	—	126	—
5% банк. б. 1 вып.	97½	97¾	97⅔	100 » Моск.-Рязанск.	—	303	—
5% » » 2 »	97½	97¾	97⅞	125 » Орловско-Вит.	—	128	—
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ. . .	86¾	87½	87,80⅞	16 ф. с. Вит.-Динаб.	132	—	—
				100 р. Рыб.-Болог. . .	84	84½	85,84
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	83½	83⅞	—	100 » Тамб.-Козлов. .	-	—	—
				125 » Моск.-брест. .	—	77	—

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Калуга, г-ну Ф. Селив—ву.** Ваше замѣчаніе справедливо. Картинъ, о которыхъ вы говорите, мы имѣемъ не мало уже гравированныхъ и готовыхъ для печати, но теперь, когда всѣ симпатіи и интересы русскаго общества сосредоточены на славяно-турецкой войнѣ, мы не можемъ помянутымъ картинамъ удѣлить много мѣста и считаемъ своимъ долгомъ помѣщеніе возможно полныхъ свѣдѣній и возможно разнообразныхъ рисунковъ, знакомящихъ, какъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій, такъ равно и съ характеромъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ происходятъ. Современемъ и по мѣрѣ возможности желаемыя вами картины будутъ помѣщаться на страницахъ «Нивы».

2) **Стопкица, Кѣлецк. губ., П. Льв—ому.** Мы можемъ позавидовать той душевной безмятежности, какою вы пользуетес , судя по вашимъ стихамъ; но къ сожалѣнію, душевной безмятежности недостаточно для того, чтобы стихи были удобны для печати. Вы пишете:

«Иду по рвамъ, и по горамъ,
И по полямъ, и по лѣсамъ,
И все иду, бѣгу, бѣгу,
Бѣгу, пою, все пѣснь свою».

Остановитесь пожалуйста и спросите сами себя, куда же это вы бѣжите.

3) **Елецъ, П. Е. Б.** Стихи ваши ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть напечатаны. Такія строки, какъ

«Кто-то *тонетъ*—пыль видна»,

ясно указываютъ, насколько вы знакомы съ грамотой; кромѣ того, нельзя не замѣтить вамъ, что предметомъ поэтическаго произведенія не можетъ служить ваша собственная персона. Вы пишете:

«Лежу на диванѣ вверхъ брюхомъ
Съ гаванской сигарой въ зубахъ».

Кому нужно знать, *какъ* вы лежите и *что* вы курите. Васъ, очевидно, сбиваетъ съ толку поэзія Гейне, который часто говоритъ о себѣ, но прочтите-ка внимательнѣе, ограничивается ли онъ описаніемъ того, *какъ* лежитъ и *что* куритъ, —и нѣтъ ли въ его стихотвореніяхъ, которыя вы хотите пародировать, чего-нибудь другого, чего вы и многіе подобные вамъ охотники до стиховъ никакъ не можете уловить. Тамъ поэзія, тамъ жизнь души, ея тоска и вѣчное томленіе подъ тяжестію тѣхъ оковъ, которыя она несетъ на себѣ въ формѣ тѣлесной оболочки и всевозможныхъ житейскихъ неурядицъ. Ничего этого не замѣчая, вы хватаетесь за подражаніе Гейне, и хватаетесь, не владѣя пряниками языка, выходитъ, конечно, Богъ знаетъ что.

4) **Николаевъ, Н Явол—ву.** Замѣтьте, что во всякой человѣческой рѣчи, устной или письменной, прежде всего необходимъ смыслъ. Какой же смыслъ въ этихъ словахъ:

«Ваше счастье все въ замужествѣ
Чтобъ рожать дѣтей, давно,
Вѣдь не надо мозгу много
Было сказано умно».

Что это за наборъ словъ?

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ М. Г. Черняевъ на редутѣ при Шуматовацѣ** (съ рисункомъ) —**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Продолженіе).—**Постройка новаго каменнаго моста чрезъ Неву** (съ 2-мя рисунками).—**Къ статуямъ Россетти** (съ двумя рисунками).—**Дѣти мстители** (стихотвореніе). **Щ.** (съ рисункомъ) **Сербскіе монахи и офицеры Генеральнаго Штаба, обсуждающіе подробности военнаго маршрута** (съ двумя рисунками). **М. С.**—**На возстаніе славянъ** (стихотвореніе). **А Яковлева.**—Политическое обозрѣніе.—**Сравнительные военные силы европейскихъ государствъ** (съ таблицей).—Шахматная задача.—Почтовый ящикъ.—С. Петербургская биржа.—Объявленія. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ОКТЯБРЬ съ 33 рисунками и большой листъ выкроенъ съ 28 чертежами.**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—5

26—18

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

40—42

2 руб. 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50 50

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Цѣна жестянки **85 к.** безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—9

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 30 Сентября 1876 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ Спб., Больш. Морская № 9. Тип. **Безлинга** Анич. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 41 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выдавъ 11 Октября 1876 г. Цѣна втого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА" на 1876 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1876 ГОДЪ:

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и Живарева 4 р. 50 к. IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи 5 р. 50 к. На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ въ 1876 году.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При слѣдующемъ № 42 будетъ разослана въ картонномъ футлярѣ обѣщанная гг. городскимъ и иногороднымъ годовымъ подписчикамъ «НИВЫ» ПРЕМІЯ — олеографическая картина «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА». Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 42 такого футляра съ преміею, Издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, непозже какъ съ полученіемъ № 43 «Нивы».

Э. Ф. Направникъ.

Нынѣшней осенью, при открытіи русской оперной сцены, посѣтители Маріинскаго театра были удивлены, встрѣтивъ на мѣстѣ г. Направника другое лицо—и неудовольствіе, даже болѣе уныніе овладѣли всѣми. То общее уваженіе, которое умѣлъ заслужить Эдуардъ Францовичъ своими трудами на пользу и процвѣтаніе русской оперной сцены, заставляло многихъ удивляться замѣнѣ его другимъ лицомъ, теряться въ многочисленныхъ догадкахъ и высказывать различныя предположенія по части недовольства на дѣйствія имѣющихъ власть въ управленіи театрами. Оказалось, что отсутствіе г. Направника объяснялось оканчаніемъ срока его прежняго контракта и замедленіемъ заключенія новаго, замедленіемъ, послѣдовавшимъ вслѣдствіе заявленнаго г. Направникомъ предложенія о необходимости прибавки жалованья оркестру за время великопостныхъ спектаклей. Такое великодушное отстаиваніе интересовъ оркестра, рекомендующее его капельмейстера, со стороны душевныхъ качествъ, заставляло тѣмъ не менѣе многихъ опасаться за исходъ этого великодушнаго поступка г. Направника, опасаться именно въ виду трудности увеличенія всякой прибавки расходовъ на русскую оперу, какъ извѣстно не пользующуюся особымъ расположеніемъ дирекціи театровъ. Въ печати и въ обществѣ не разъ высказывалось, что съ оставленіемъ г. Направникомъ капельмейстерства, русская опера должна сильно пострадать, ибо замѣнить другимъ такого замѣчательнаго и добросовѣстнаго мастера своего дѣла весьма трудно и, думаемъ, что даже едва-ли въ настоящее время возможно.

Эдуардъ Францовичъ Направникъ. Капельмейстеръ Русской оперы въ С.-Петербургѣ. Рис Вѣжеинъ, грав. Боярскій.

Отъ капельмейстера, какъ извѣстно, зависитъ не только указать темпъ, подать тотъ или другой знакъ усиленія или ослабленія тона и т. п. но главнѣйшимъ образомъ зависитъ передача оркестру значенія музыкальнаго произведенія, его идеи въ общемъ и въ каждой частности,

Библиотека "Руниверс"

уясненія, такъ сказать, философіи музыкальнаго произведенія. Отъ капельмейстера зависитъ такъ или иначе фразировать мотивы. Недаромъ говорится, что «дирижеръ уноситъ за собою оркестръ». Извѣстно всѣмъ знакомымъ съ дѣятельностью г. Направника, что онъ превосходный знатокъ музыки, что онъ умѣетъ вдохнуть въ свой оркестръ и уяснить ему внутреннюю жизнь каждой музыкальной фразы.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что любители русской оперы имѣли основанія тревожиться въ виду возможности оставленія г. Направникомъ своей должности, съ такою честію имъ занимаемой; но къ общему удовольствію тревога была напрасной: дирекція уступила ходатайству г. Направника и онъ снова остался на нашей сценѣ.

Э. Ф. Направникъ родился въ Богеміи, въ Бейштѣ, (близъ Кенигсгреца). Отецъ его былъ учителемъ. Музыкальныя способности обнаружились въ немъ весьма рано. Онъ, начиная съ пятилѣтняго возраста уже занимался изученіемъ музыки и занятія эти продолжались до 12 лѣтъ, подъ руководствомъ товарища и помощника отца его, г. Пугоннаго, занимавшаго должность помощника учителя. Въ 1850 году Направникъ поступилъ въ Реальное училищѣ въ Пардубицѣ, а чрезъ нѣсколько времени перешелъ въ высшее отдѣленіе этого училища, находящееся въ Прагѣ.

Изученіе научныхъ предметовъ мѣшало ему заниматься музыкой и только по праздничнымъ днямъ ему дозволяли играть на органѣ во время литургіи. Въ училищѣ пробылъ онъ два года; у него умеръ отецъ. Оставленный безъ всякихъ средствъ своимъ опекуномъ, Направникъ долженъ былъ, не окончивъ курса, выйти изъ училища.

Страстно любя музыку, ему удалось опредѣлиться въ органную школу. Здѣсь онъ вскорѣ сдѣлался первымъ ученикомъ; кромѣ органной школы, Э. Ф. посѣщалъ фортепіанный институтъ Майделя, и вскорѣ изъ ученика былъ сдѣланъ преподавателемъ.

Желая ближе и основательнѣе ознакомиться съ тайнами инструментальной музыки, онъ занялся инструментовкою и чтеніемъ партитуръ у директора пражской консерваторіи, композитора Кителя.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, къ изумленію Кителя, онъ прочелъ (съ листа) нѣсколько симфоній и увертюръ, присланныхъ въ рукописи разными лицами для исполненія въ концертахъ консерваторіи.

Не пропуская по возможности оперныхъ представленій и концертовъ, Э. Ф, употребилъ все свое свободное время на усовершенствованіе себя въ музыкальномъ отношеніи, и не разставался съ мыслію перейти съ педагогической карьеры на другую, не столь однообразную. Случай этотъ представился, а именно: г. Направника пригласилъ князь Юсуповъ управлять его домашнимъ оркестромъ. Принявъ предложеніе, онъ заключилъ съ княземъ условіе на два года и, разставшись съ родиной, прибылъ въ С.-Петербургъ въ августѣ 1864 года.

Въ Петербургѣ Направникъ приступилъ къ изученію характеристики русскихъ народныхъ напѣвовъ, которые самобытностью своею произвели на него большое впечатлѣніе; оно усилилось особенно послѣ того, какъ онъ въ первый разъ услышалъ геніальное произведеніе Глинки «Жизнь за Царя», построенное на тѣхъ же народныхъ мотивахъ.

Поступленіемъ на занимаемую въ настоящее время должность капельмейстера русской оперы, Эдуардъ Францовичъ обязанъ слѣдующему обстоятельству: разсказываютъ, что однажды, во время представленія оперы Русланъ и Людмила, когда г. Направникъ по предложенію князя Юсупова управлялъ его оркестромъ и посѣщалъ русскую оперу въ качествѣ слушателя, участвующій въ первой сценѣ оперы піанистъ почему-то не явился. и дирекція очутилась въ затруднительномъ положеніи; скрипачъ Пиккель увидѣлъ въ партерѣ г. Направника и предложилъ капельмейстеру Лядову попросить Направника исполнить партію піаниста. Направникъ не отказался, и этотъ шагъ сблизилъ его съ Лядовымъ, который вскорѣ убѣдился, какими музыкальными способностями обладаетъ г. Направникъ.

По окончаніи двухлѣтняго условія съ княземъ Юсуповымъ, г. Направникъ поступилъ въ сентябрѣ 1863 года въ русскую оперную труппу помощникомъ капельмейстера.

Въ маѣ 1867 года онъ былъ назначенъ вторымъ, а съ 15-го мая 1869 года онъ дѣлается первымъ капельмейстеромъ русской оперной труппы.

Съ 1867 года по настоящій 1876 г. Направникъ дирижировалъ до 950 оперныхъ представленій; кромѣ того онъ управлялъ и теперь управляетъ концертами при Высочайшемъ дворѣ, симфоническими собраніями Имп. Русск. Музык. Общества и другими многими концертами.

Какъ композиторъ, г. Направникъ написалъ множество талантливыхъ произведеній: много фугъ, четырехъ голосныхъ мужскихъ хоровъ, балладу для баритона съ акомпаниментомъ для оркестра (на чешскомъ языкѣ), двѣ фантазіи для фортепіано и увертюру для оркестра на чешскіе народные напѣвы, сонату для скрипки и фортепіано, мессу, симфонію, торжественную увертюру съ русскимъ національнымъ гимномъ. Въ 1867 г. написана имъ опера Нижегородцы (либретто Калашникова) поставленная на сцену въ первый разъ 28-го декабря 1869 г. въ его бенефисъ. Объ этой оперѣ были въ свое время даны музыкальными критиками отзывы въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. изъ которыхъ видно, что эта опера имѣла на сценѣ большой успѣхъ. Кромѣ того, имъ написаны: квартетъ для струнныхъ инструментовъ (E dur op. 16) и 2 симфоніи для оркестра (C dur op 17) въ 1874—симфоническая поэма Демонъ (Emoll op. 18) и квинтетъ для струнныхъ инструментовъ (R dur op. 10), серія народныхъ танцевъ для оркестра, польскій, казачекъ, русская пляска, вальсъ, тарантелла, мазурка и русскіе романсы.

Участвуя два раза въ конкурсахъ, Эдуардъ Францовичъ оба раза получилъ 1-ю премію.

Много цѣнныхъ подарковъ имѣетъ онъ отъ Государя Императора, Императрицы, Великихъ Князей и Великихъ Княгинь. Въ 1875 году Государь Императоръ пожаловалъ ему большую золотую медаль на Анненской лентѣ. Въ 1873 году Императоръ Германскій пожаловалъ орденъ прусской короны 4 ст.

Публика, хоръ, оркестръ, артисты русской оперной труппы, многія музыкальныя общества и частныя лица постоянно свидѣтельствуютъ ему дань своего уваженія; въ богатой коллекціи дирижерскихъ жезловъ ему подаренныхъ, особенно замѣчателенъ жезлъ подаренный сестрою Глинки въ день возобновленія оперы Русланъ и Людмила, 26 января 1871 г. На немъ изображены между прочимъ ноты и слова пѣсни Баяна: «Про славу русскія земли брящайте струны золотыя».

Мы съ своей стороны, руководимые тѣмъ же чувствомъ уваженія къ таланту г. Направника, какимъ онъ заслуженно пользуется отъ всѣхъ, сознающихъ важность его дѣятельности въ развитіи нашей русской оперы, смѣемъ высказать желаніе, видѣть его на занимаемомъ теперь мѣстѣ долгіе годы.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Но больше всѣхъ льстилъ, больше всѣхъ лгалъ, больше всѣхъ увивался за Гальшкой графъ Гурко, воевода познанскій, полякъ и лютеранинъ. Это былъ человѣкъ еще молодой, но невзрачный съ виду, съ темнокожимъ, усѣяннымъ веснушками лицомъ, съ зеленоватыми глазами, съ черною, жесткой какъ войлокъ, подстриженной щетиной волосъ. Онъ давно приглядывалъ себѣ подходящую невѣсту. Его безалаберное управленіе своими помѣстьями, неслыханныя жестокости съ крестьянами, отъ которыхъ они приходили въ крайнюю нищету и массами бѣжали въ непроходимыя дебри Полѣсья, мало по малу сильно разстроили дѣла его. У него были сильныя связи въ Краковѣ, за него стояли Радзивиллы, ему съ родни приходились многіе польскіе магнаты. Онъ добился назначенія познанскимъ воеводой и тотчасъ же приступилъ къ системѣ всевозможныхъ лихоимствъ и вымогательствъ; говорили даже, что онъ не стыдился входить въ дѣла съ жидами. Но и это еще не могло дать ему такихъ средствъ, о которыхъ мечталъ онъ...

И вотъ вельможный графъ Гурко рѣшился искать невѣсты, которая бы обладала огромнымъ состояніемъ. Онъ уже давно намѣтилъ Гальшку и твердо рѣшился добиться руки ея. Разумѣется онъ не могъ не видѣть всей красоты ея, онъ сознавалъ всю ея прелесть; но холодное его сердце молчало. Ему были нужны только деньги и деньги; онъ даже заранѣе разсчитывалъ, что и изъ красоты Гальшки можно будетъ извлечь многія выгоды при изнѣженномъ, сластолюбивомъ Сигизмундѣ-Августѣ. Теперь онъ преслѣдовалъ Гальшку своими довольно пошлыми любезностями и хвастливыми разсказами, правдивость которыхъ, даже для самаго наивнаго

Библиотека "Руниверс"

слушателя, представлялась весьма сомнительной. Онъ притворялся безумно влюбленнымъ и въ тоже время выслѣживалъ нельзя ли кого нибудь подкупить въ интересѣ затѣваемаго имъ дѣла.

Онъ не могъ себѣ представить ни одного предпріятія безъ подкупа.

Не въ натурѣ Гальшки было кого либо ненавидѣть —она ко всѣмъ обращалась съ одинаковой добротою. Но графъ Гурко былъ ей инстинктивно противенъ. И она ни какъ не могла побѣдить въ себѣ этого чувства.

Другимъ явнымъ искателемъ ея руки былъ родственникъ Острожскихъ, князь Олельковичъ-Слуцкій, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ литовскихъ. Онъ представлялъ изъ себя совершенную противуположность Гуркѣ. Это былъ высокій, толстый увалень лѣтъ 35-ти съ безцвѣтнымъ и добродушнымъ лицомъ, не обличавшимъ особенныхъ умственныхъ способностей. Онъ чистосердечно былъ влюбленъ въ Гальшку и даже говорилъ объ этомъ съ княземъ Константиномъ. Тотъ далъ ему отвѣтъ очень уклончивый, сказалъ, что не станетъ вмѣшиваться въ это дѣло и вполнѣ предоставляетъ выборъ самой Гальшкѣ. Князь Константинъ не могъ ничего имѣть противъ ближайшаго родства съ Олельковичами-Слуцкими. Такая партія даже и для Елены была прекрасной. Къ тому же князь Слуцкій оставался вѣренъ православію. Но онъ былъ слишкомъ безличенъ, слишкомъ не далекъ и не о такомъ женихѣ мечталъ Константинъ Острожскій для своей любимой племянницы.

Тутъ же въ числѣ гостей, находился еще одинъ горячій поклонникъ Гальшки, богатый польскій панъ Зборовскій, храбрый рубака и кутила, весельчакъ и говорунъ. Но онъ хорошо сознавалъ, что не смотря на все свое богатство, все же онъ недостаточно знатенъ, чтобы смѣло явиться искателемъ руки княжны Острожской. Его не безъ основанія пугала возможность отказа со стороны ея родственниковъ. А потому онъ и рѣшился дѣйствовать прямо на Гальшку, покорить ее своею удалью, своими веселыми шутками.

Расчетъ его, однако, былъ невѣренъ. Гальшка слушала его иногда только слабо улыбаясь, и то изъ приличія и чтобъ не обидѣть самолюбивого пана...

Гальшка весь день была въ сильно возбужденномъ состояніи, чего съ ней прежде никогда не случалось. Ей было скучно среди многочисленныхъ, смѣлыхъ и робкихъ поклонниковъ. Она разсѣянно слушала болтовню подругъ... Но только подходилъ Сангушко—и сердце ея начинало усиленно биться, и не могла она одолѣть волненія. Къ вечеру между ними установилось безмолвное общеніе, они видѣли въ толпѣ только другъ друга и при всякой возможности оказывались рядомъ.

Теперь они танцовали вмѣстѣ.

Они остановились, переводя горячее дыханіе, и пропускали мимо себя несущіяся пары.

Музыка то замирала, почти обрываясь, то вдругъ новые, страстные звуки рождались на мѣсто прежнихъ и лились съ хоръ, возбуждая усиленную быстроту въ танцующихъ.

Гальшкѣ начинало казаться, что она несется куда-то, въ какомъ-то безбрежномъ, блестящемъ пространствѣ... а между тѣмъ Сангушко тихо говорилъ ей, указывая въ окна:

— Взгляни, княжна, ужь разноцвѣтные фонари горятъ въ саду, тамъ прохладно, сегодня такой славный, душистый вечеръ въ честь твоего Ангела... А здѣсь стало жарко и душно, голова кружится отъ этой толкотни и шума... Не сойти ли намъ въ садъ, освѣжиться немного...

VII.

Въ цвѣтникѣ и по аллеямъ сада была зажжена блестящая иллюминація. Разноцвѣтные фонари, узорчатые щиты съ замысловатыми девизами, сверкали и переливались огнями. Высоко били фонтаны. Толпы гуляющихъ тѣснились на площадкѣ передъ замкомъ, откуда была видна внутренность „золотого" зала. Здѣсь многочисленная прислуга разносила меды и всевозможные прохладительные напитки. Нѣсколько паръ удалялось въ потемнѣвшую глубь парка.

Гальшка повела Сангушку къ своему любимому, маленькому гроту, едва замѣтному сквозь густо разросшіяся вѣтки сирени.

Въ гротѣ было поставлено двѣ мраморныхъ скамейки. Въ глубинѣ его, изъ пасти каменнаго дракона, сочились струйки прозрачной ключевой воды, стекавшія въ большую вазу, сдѣланную въ видѣ раковины. Здѣсь было прохладно и въ самый жаркій полдень. Теперь же замѣчалась значительная сырость.

Но молодые люди были слишкомъ далеки отъ подобныхъ наблюденій. Гальшка оставила руку князя и опустилась на холодный мраморъ скамьи. Она не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, но ей почему-то становилось страшно. Она предчувствовала, что навѣрное и сейчасъ должно совершиться что-то, что-то неизбѣжное и огромное своимъ значеніемъ. И эта увѣренность подавляла ее, наполняла ужасомъ и какимъ-то восторгомъ. Она чувствовала себя слабой и дрожала, голова ея кружилась.

Одинъ только фонарь, блѣдно-розоваго цвѣта, освѣщалъ внутренность грота.

Прелестное лицо Гальшки, мгновенно поблѣднѣвшее, казалось еще прелестнѣе въ тихомъ полусвѣтѣ.

Сангушко безумными, восторженными глазами глядѣлъ на нее и не могъ оторваться.

Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ высказать ей все, но мысли его путались, языкъ не слушался.

Безъ словъ упалъ онъ передъ ней на колѣни...

— Гальшка! дорогая! когда бы ты только могла знать, какъ я люблю тебя! вырвалось наконецъ изъ груди его.

Она приподнялась было; но не смогла и неподвижно сидѣла—только грудь высоко поднималась.

Какъ будто молнія ударила въ нее... потомъ наступило затишье... потомъ вдругъ приливъ безконечнаго блаженства наполнилъ ея душу. Она не могла вмѣстить въ себѣ этого блаженства, оно сдавливало ей дыханіе, оно поднималось все выше и выше и разрѣшилось потокомъ слезъ, неудержимыхъ и счастливыхъ...

Сангушко съ испугомъ взглянулъ на нее.

— Ты плачешь?! я оскорбилъ тебя?!..

Онъ взялъ ея похолодѣвшія, дрожащія руки, онъ покрылъ ихъ поцѣлуями: она не сопротивлялась, а тихія слезы все лились по щекамъ ея.

— Не плачь, успокойся,.. скажи мнѣ, любишь-ли ты меня? скажи мнѣ, моя ненаглядная красавица,—шепталъ князь, сознавая свое счастье, но все же еще боясь потерять его.

— Люблю...

Гальшка сама не знала, какъ сказалось это слово. Оно вырвалось у нея безсознательно, помимо ея воли.

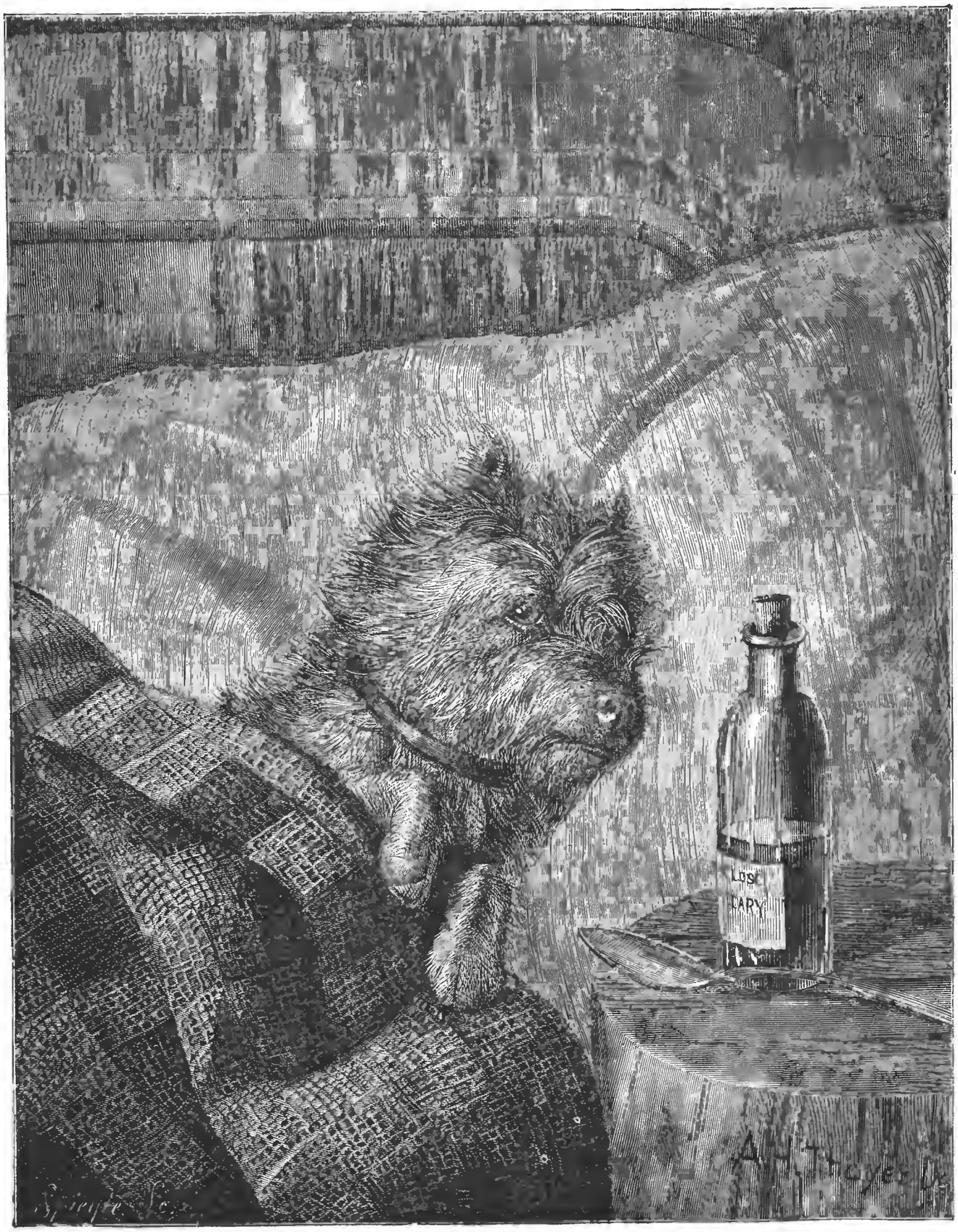
И тутъ она сразу поняла все, она поняла, что дѣйствительно любитъ его, что эта любовь и есть то счастіе, выше котораго нѣтъ на свѣтѣ.

Онъ кинулся къ ней. Онъ обнялъ ее. Она припала къ нему на плечо и не нашла въ себѣ силы сопротивляться его поцѣлуямъ.

Приливъ такъ быстро пришедшаго, такого полнаго счастья, на нѣсколько мгновеній отрѣшилъ ихъ отъ дѣйствительности. Они не могли понять—гдѣ они и что съ ними. Первымъ очнулся Сангушко. Ему показалось, что онъ проснулся послѣ какого-то чуднаго, волшебнаго сна. Но и пробужденіе было также чудно, также блаженно.

Гальшка ужь не плакала. Обезсиленная и счастливая, она неподвижно сидѣла прижавшись къ плечу его, погруженная какъ будто въ дремоту.

Библиотека "Руниверс"



Крыселовка. Картина Тейера, грав. Шпигель.

(—Я больна, и мнѣ вовсе не до крысъ...)

Библиотека "Руниверс"

Крыселовка. Картина Тейера, грав. Шпигель.

(— А! Крыса! Гдѣ крыса?!)

Библиотека "Руниверс"

Сангушко начиналъ мало по малу соображать, что эти минуты въ полутемномъ гротѣ съ тихо журчащей струйкой воды не могутъ долго продолжаться. Того и гляди войдетъ кто-нибудь изъ гостей. Исчезновеніе Гальшки изъ залы навѣрное было всѣми замѣчено, навѣрное ее уже ищутъ и ихъ продолжительное отсутствіе, прогулка вдвоемъ Богъ знаетъ гдѣ, сейчасъ же возбудятъ сплетни и во всякомъ случаѣ покажутся неприличными.

Нужно какъ можно скорѣе вернуться въ залъ. Нужно казаться совсѣмъ спокойнымъ. Нужно притворяться, тщательно скрывать отъ всѣхъ свое счастье...

Это притворство, это скрываніе казались ему тяжелы невыносимо. Уходить отъ Гальшки, оставлять ее, не глядѣть на нее, говорить съ другими—да развѣ это возможно! Онъ рѣшился сейчасъ же, помимо всѣхъ приличій и обычаевъ, переговорить съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, сказать ему все и просить у него руку Гальшки. Къ тому же ему казалось, что онъ будетъ спокойнѣе, когда все станетъ извѣстно князю Константину, въ согласіи котораго онъ не сомнѣвался.

Нужно идти. Ему хотѣлось еще разъ обнять Гальшку, но какое-то инстиктивное чувство остановило его. Онъ уже владѣлъ собою и всякая горячая ласка теперь, въ этой обстановкѣ, когда еще ни Острожскій, ни княгиня Беата ничего не знаютъ, казалась ему профанаціей его чистаго, благоговѣйнаго отношенія къ невѣстѣ.

Онъ нѣжно отстранилъ Гальшку и поднялся съ мѣста.

Она тоже очнулась. Она въ смущеніи взглянула на него и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— Князь... Дмитрій Андреевичъ... это правда? прошептала она.

— Пойдемъ, моя дорогая... успокойся... Я отыщу князя Константина, я скажу ему, что ты хочешь быть моей женой. Вѣдь да? вѣдь ты согласна?..

— Дядя! да, иди къ нему, скажи ему... скажи ему, что я люблю тебя... Мнѣ самой къ нему хочется... онъ такъ любитъ меня, онъ такъ будетъ радъ за меня. Я его знаю, моего дорогого, добраго дядю.. Но теперь, сейчасъ—этотъ шумъ, эти гости—я бы убѣжала отъ нихъ подальше...

Они сдѣлали шагъ къ выходу изъ грота. Передъ ними блѣдный, смущенный, съ отчаяннымъ и виноватымъ выраженіемъ въ лицѣ, стоялъ Ѳедя.

Онъ окончилъ свой танецъ съ Зосей. Онъ всюду искалъ глазами Гальшку и нигдѣ ее невидѣлъ. Разсѣянно спустился онъ въ садъ, ушелъ отъ толпы и нечаянно набрелъ на маленькій гротъ. Онъ слышалъ послѣднюю фразу Гальшки, увидѣлъ ее съ своимъ княземъ, увидѣлъ, какъ они смотрѣли другъ на друга и вдругъ какъ будто что ударило его въ сердце—онъ понялъ все. Онъ понялъ, что чуждые другъ другу люди никогда такъ не смотрятъ въ глаза одинъ другому...

Еще день, одинъ только день тому назадъ, онъ бы всей своей преданной душой радовался за горяче любимаго покровителя. Отчего же теперь не радость, а тоска смертная охватила его, и онъ вдругъ почувствовалъ себя самымъ несчастнымъ, самымъ погибшимъ человѣкомъ...

А между тѣмъ князь и Гальшка, узнавъ его, успокоительно переглянулись. Сангушко еще незадолго до этого указалъ ей Ѳедю въ залѣ и разсказалъ про него.

Она улыбнулась юношѣ своей чудной улыбкой.

— Я знаю тебя, Ѳедя, сказала она. Я очень рада тебя видѣть. Князь разсказалъ мнѣ, какъ ты его любишь и какъ ты спасъ его въ Сорочахъ.

Ѳедя молчалъ. Онъ не былъ въ силахъ говорить въ эту минуту. Ему показалось, что его грудь разрывается на части.

Гальшка заслышала чьи-то приближавшіеся шаги. Она пугливо прислушалась, и не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, быстро повернула къ крутому извиву садовой дорожки.

Съ другой стороны показалось нѣсколько человѣкъ гостей, весело и громко болтавшихъ. Они узнали князя Сангушку и почтительно обойдя его прошли мимо.

Князь и Ѳедя были одни.

— Ѳедя, что съ тобою? спросилъ князь, ласково кладя свою руку на плечо юноши.—Отчего ты такъ смущенъ? отчего ты не глядишь на меня? Ты что нибудь слышалъ—говори!

Ѳедя молчалъ, тяжело дыша.

— Да, я тебя знаю, негодный!—еще ласковѣй, въ обаяніи своего счастья, въ страстномъ желаніи подѣлиться имъ съ близкимъ человѣкомъ, продолжалъ князь.—Ну, ужь не хочу на тебя сердиться. Слушай—я тебѣ первому повѣдаю... слушай... я женюсь скоро, княжна Елена—моя невѣста... Только тише... до поры до времени ни гу-гу... никому, какъ есть никому—понимаешь?.. Ну что же ты меня не поздравляешь?.. Развѣ ты не радъ?.. обними же меня, мой добрый мальчикъ!

Ѳедя бросился на шею князя и неудержимо, какъ малый ребенокъ, залился горькими, отчаяннымъ слезами. Удивленный Сангушко не зналъ что и подумать. Онъ постарался его успокоить и спѣшилъ въ замокъ, розыскивать въ толпѣ князя Константина. Въ другое время онъ очень заинтересовался бы слезами Ѳеди, котораго зналъ за далеко не слезливаго юношу; онъ, можетъ быть, даже отгадалъ бы истинную причину слезъ этихъ. Но теперь онъ былъ до того поглощенъ своимъ счастьемъ, что весь міръ не существовалъ для него. Черезъ минуту, онъ ужь и не думалъ о слезахъ Ѳеди, совсѣмъ даже забылъ ихъ...

Пиръ продолжался. Въ просторныхъ столовыхъ дѣлались приготовленія къ обильному ужину. Группы мужчинъ, не принимавшихъ участія въ танцахъ, съ раскраснѣвшимися лицами и растегнутыми кафтанами, весело и шумно болтая, въ то же время съ явнымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ посматривали въ двери, откуда нарядная прислуга вносила кушанья и вина.

Князь Константинъ, уставшій и недовольный своими наблюденіями, окруженный вліятельными магнатами толковалъ о предстоящемъ сеймѣ. Порою онъ недовѣрчиво взглядывалъ на графа Гурку, который былъ тутъ же и, почтительно выслушавая князя, каждую его фразу сопровождалъ одобрительнымъ кивкомъ головы, или льстивымъ восклицаніемъ.

Сангушко, долго искавшій хозяина, обрадовался, замѣтивъ его, и тотчасъ подошелъ къ говорящимъ. Рѣчь шла о предметѣ, близкомъ его сердцу и, до сихъ поръ, его чрезвычайно волновавшемъ. Еще на-дняхъ онъ рѣшилъ, что нужно серьезно и обстоятельно переговорить съ княземъ Острожскимъ о дѣлахъ литовскихъ, дѣйствовать съ нимъ за одно и руководиться его совѣтами. Онъ вспомнилъ, что хотѣлъ сообщить князю о своемъ рѣшеніи учредить въ многолюдныхъ Сорочахъ, бывшихъ его любимой резиденціей—русскую школу, а, если можно, то и типографію; хотѣлъ просить князя помочь ему въ выборѣ учителей для этой школы и указать мастеровъ типографскаго дѣла... Онъ и теперь постарался вслушаться въ разговоръ, въ горячіе доводы князя Константина. Но онъ былъ удивительно разсѣянъ и даже едва отвѣтилъ на какой то вопросъ, ему предложенный. Ему вдругъ показалось, что всѣ эти дѣла, такія существенныя и настоятельныя, теряютъ для него свое прежнее значеніе. У него было только одно теперь дѣло, и отъ успѣха этого дѣла зависѣла вся дальнѣйшая жизнь его.

Онъ улучилъ удобное мгновеніе и шепнулъ князю Константину, что ему нужно поговорить съ нимъ, наединѣ и немедленно.

Князь съ удивленіемъ взглянулъ на Сангушку. Что за дѣло такое? Лицо крестника высказывало всѣ при-

Библиотека "Руниверс"

знаки сильнаго волненія. И онъ, воспользовавшись первой возможностью прервать разговоръ, положилъ свою руку на плечо Сангушки и вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

Они прошли цѣлую анфиладу освѣщенныхъ и людныхъ покоевъ и вышли на слабо озаренную матовымъ фонаремъ, веранду. Тутъ никого не было.

— Ну, говори, что такое вдругъ такъ загорѣлось?— въ недоумѣніи спросилъ Острожскій.

Князь Дмитрій Андреевичъ не зналъ какъ и начать. Это объясненіе, нѣсколько минутъ тому назадъ, казалось ему такимъ простымъ, легкимъ Теперь же вдругъ появилась мысль о возможности отказа со стороны князя Константина. Къ тому же его строгое и вдобавокъ еще утомленное и недовольное лицо не располагало къ нѣжной откровенности.

— Да не мямли ты, ради-Христа, крестникъ—раздражительно торопилъ князь. — Съ утра ужь я замѣчаю, что съ тобой неладное что-то—ну такъ и говори все прямо и по ряду. .

Сангушко тряхнулъ кудрями и открыто взглянулъ въ глаза крестному. Чего ему было, въ самомъ дѣлѣ, робѣть этого грознаго человѣка, передъ которымъ всѣ трепещутъ. Онъ пришелъ не за худымъ дѣломъ. Онъ пришелъ за своимъ счастьемъ, на которое имѣлъ полное право.

— Князь, сказалъ онъ, не откажи мнѣ въ своемъ благословеніи. Я и княжна Елена любимъ другъ друга ..

Константинъ Константиновичъ никакъ не ожидалъ такого объясненія. Оно отвѣчало его душевнымъ желаніямъ, но его, какъ человѣка старыхъ нравовъ и обычаевъ, невольно смутила его форма. Онъ сдвинулъ свои густыя брови.

— А ты какъ это знаешь, что Гальшка тебя любитъ? Видно отецъ училъ, да мало... Вотъ какое нынче время! Литовскимъ князьямъ трудно и посвататься по дѣдовскому обычаю! Они теперь плевать хотятъ на опекуновъ и родителей... Имъ съ руки смѣяться надъ стыдомъ и честью дѣвичьей...

Сангушко весь вспыхнулъ. Гнѣвъ подступалъ ему къ сердцу и душилъ его.

— Замолчи, князь, замолчи, ради-Бога! — вскричалъ онъ, хватая за руку Острожскаго. — Тебѣ, какъ отцу крестному, какъ другу отца моего, я позволяю бранить меня сколько душѣ твоей угодно. Но оскорблять меня я и тебѣ не позволю...

— А *меня* оскорблять, оскорблять мою племянницу ты можешь? — сдержанно проговорилъ князь, тоже краснѣя.

— Я люблю Гальшку, я жизнь готовъ отдать за нее—гдѣ же тутъ оскорбленіе?

— А вотъ гдѣ, еще сдержаннѣе продолжалъ князь Константинъ Константиновичъ. — До сихъ поръ мы, литвины, пуще глазу берегли честь и стыдливость дочерей нашихъ. Спаряжая невѣсту подъ вѣнецъ, мы знали, что она войдетъ въ домъ мужа непорочною даже въ своихъ помыслахъ, сохраненною отъ всякихъ соблазновъ. Человѣкъ, честно ищущій руки нашей дочери, приходилъ къ намъ за согласіемъ и, если мы давали его, то тогда только сближался съ невѣстой, да и то на глазахъ нашихъ. Бракъ—дѣло Божіе, и къ нему нужно относиться свято, нужно въ чистотѣ душевной приступать къ великому таинству. Постой, не перебивай меня... Вотъ ты говоришь, что Гальшка тебя любитъ. Значитъ, ты самъ говорилъ съ ней о любви, самъ смущалъ ее, просилъ отвѣтить. Тебѣ и не жалко было ея чистоты и невинности! Да взгляни на нее — вѣдь она еще почти ребенокъ. Она довѣрчиво тебѣ отвѣтила... и повѣрю ли я, что за этотъ отвѣтъ, если только была возможность, если кругомъ никого не было, ты не поцѣловалъ ее... Ну, а если я, ну, а если ея мать, у которой надъ нею больше правъ, чѣмъ у меня, не захочетъ ее отдать за тебя? если сама Гальшка поплачетъ, да успокоится и пойметъ, что ошибалась въ себѣ—вѣдь она тогда во всю жизнь не смоетъ съ себя твоего поцѣлуя...

Сангушко самъ былъ воспитанъ въ подобныхъ взглядахъ и они не показались ему ложными.

— Прости меня, князь, сказалъ онъ, быть можетъ я точно не правъ; но ужъ дурнаго умысла во мнѣ не было. Я просто не могъ разбирать, не могъ владѣть собою... Да и то скажу тебѣ: мой поцѣлуй не опозоритъ Гальшки—я твердо вѣрю, сердце говоритъ мнѣ, что ни мнѣ ни ей не идти подъ вѣнецъ съ другими...

— А коли такъ—зачѣмъ же ты и пришелъ ко мнѣ? все еще съ суровой миной, но уже внутренно смягчаясь замѣтилъ князь.—Ну и рѣшайте промежъ себя все дѣло—пожалуй хоть и на свадьбу не зовите ..

Сангушко понялъ, что гроза миновала.

— Преложи гнѣвъ на милость! радостно улыбаясь протянулъ онъ къ князю руки.

— Что ужъ съ тобой дѣлать—теперь некому на тебя жаловаться, просвѣтлѣвъ взоромъ и обнимая его, сказалъ Острожскій.—А ужъ покойникъ батюшка задалъ бы тебѣ гонку. Только вотъ что я скажу тебѣ, крестникъ. Гальшка мнѣ какъ дочь родная и разстаться мнѣ съ ней трудно; но ужъ коли отдавать ее кому, такъ, по крайности, своему, православному литвину. Я твоему дѣлу противиться не стану... Но вѣдь я не отецъ ей... иди, говори съ матерью...

Въ тонѣ этихъ послѣднихъ словъ Сангушкѣ послышалось что-то, что заставило его тревожно вздрогнуть.

— Князь, скажи мнѣ по душѣ, быстро спросилъ онъ, неужели мнѣ нужно бояться отказа княгини Беаты Андреевны? Я ее такъ мало знаю, да кто ее, кромѣ тебя, и знаетъ хорошенько...

— И я ее не лучше другихъ знаю, мрачно проговорилъ князь. — Не она откажетъ, такъ, пожалуй, ея духовникъ, это черное римское пугало, застращаетъ ее муками ада... Чай норовятъ Гальшку за католика выдать, а то и въ манастырь упрятать... Ну, да ужъ коли на то пошло, такъ мы еще посмотримъ — чья возьметъ... Завтра утромъ я самъ буду говорить съ княгиней. А ты пока молчи да веди себя какъ подобаетъ мужу, а не бабѣ.

Увѣренный и рѣшительный тонъ Острожскаго успокоилъ молодаго человѣка Ему хотѣлось горяче обнять и благодарить отца крестнаго. Но князь не любилъ излишнихъ нѣжностей — онъ сдержалъ его порывъ и они молча вернулись въ парадные покои замка.

Сангушко бросился отыскивать Гальшку, но ее нигдѣ не было. Танцы кончились. Вереница гостей парами проходила въ столовыя.

— Куда же это дѣлась красавица Гальшка — ее не видно! — говорилъ одинъ изъ гостей своей нарядной и утомленной дамѣ.

— Ваша красавица вдругъ почувствовала себя нездоровой и ушла спать. Какъ вы думаете, что должно скрываться подъ этимъ нездоровьемъ? не безъ ядовитости спросила дама.

— Да я думаю—ничего, просто усталость...

— А я такъ этого не думаю. Тутъ, непремѣнно, что нибудь — да есть. Святая, да святая — всѣ только и знаютъ. А я своими глазами видѣла какъ эта святая мелькнула въ темную аллею рука въ руку съ молодымъ княземъ Сангушкой. А теперь вдругъ это нездоровье...

И нарядная дама выразительно подмигнула.

Сангушко все слышалъ. Ему хотѣлось растерзать эту женщину, которая представилась ему отвратительной фуріей. Онъ едва сдержалъ себя, едва сообразилъ, что всякое его слово, всякое движеніе съ его стороны только повредитъ Гальшкѣ. На его счастье спутникъ наблюдательной гостьи молчалъ и этимъ помогъ ему вовремя остановиться.

Библиотека "Руниверс"

— Подлые, грязные люди—думалъ онъ.—Да, князь Константинъ правъ былъ когда бранилъ меня за мой поступокъ. Но, съ Божьей помощью, скоро я буду прямымъ и законнымъ защитникомъ моей Гальшки.

VIII.

Тихо теплились лампады въ каплицѣ княгинѣ Беаты. Прямо передъ входомъ стояла фигура Богоматери съ розовымъ лицомъ, въ золотой коронѣ и бѣломъ атласномъ платьѣ. На возвышенномъ мраморномъ пьедесталѣ и кругомъ, по ковру, были разбросаны вѣнки и букеты свѣжихъ душистыхъ цвѣтовъ. У маленькаго, открытаго и блестящаго драгоцѣнной парчой алтаря, изъ рѣзной серебряной курильницы медленно и едва замѣтно уносилась вверхъ ароматная струйка дыму. Странное и таинственное впечатлѣніе производила капелла въ мягкомъ полусумракѣ лампадъ. Послѣднія краски догоравшаго вечера едва проникали въ темныя, расписныя витрины. Несмотря на точеное изъ слоновой кости распятіе, поставленное на алтарѣ на теперь едва виднѣвшееся изъ-за пышныхъ гирляндъ и букетовъ, трудно было вообразить себя въ христіанской молельнѣ. Каплица княгини скорѣе походила на языческую божницу, посвященную какой-нибудь богинѣ.

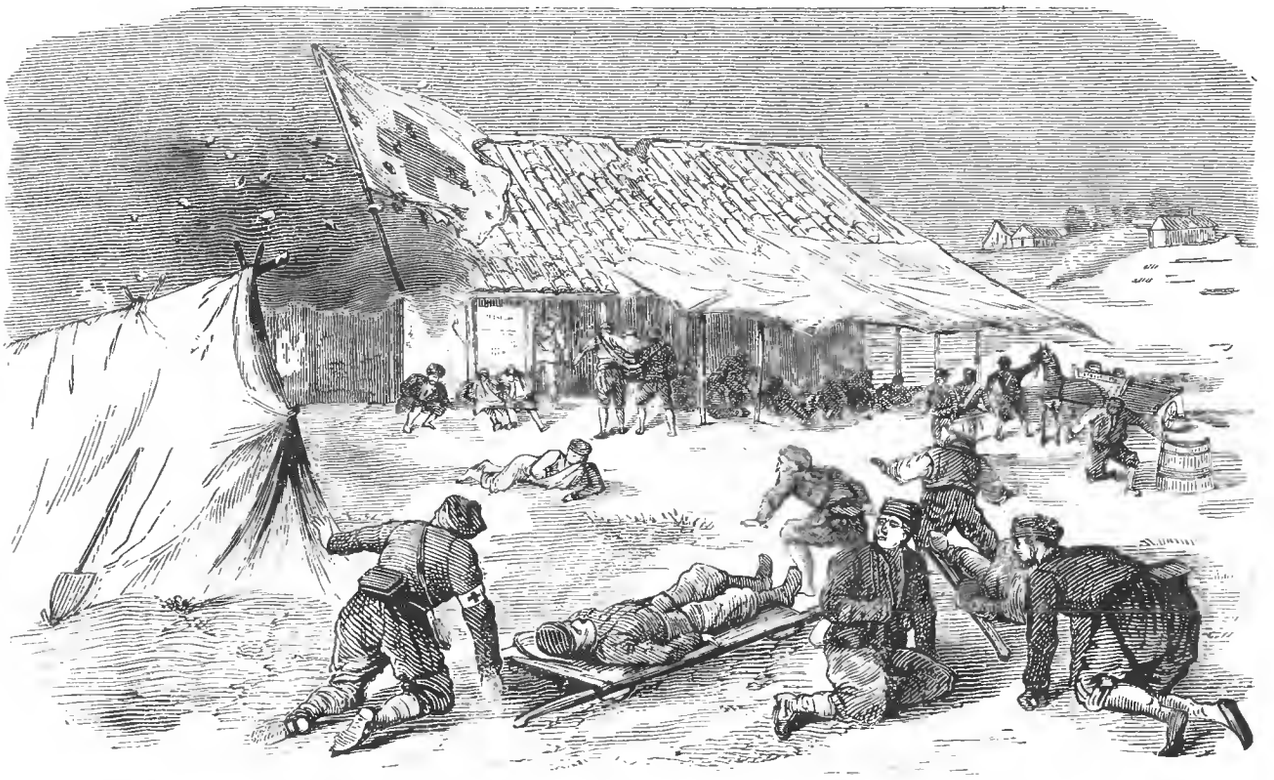
Особенно непріятно поражала фигура, стоявшая на пьедесталѣ, и составлявшая гордость княгини Беаты. Это была присланная ей изъ Италіи кукла, почти въ ростъ человѣческій, необыкновенно искусно вылѣпленная изъ какой-то плотной массы, художественно раскрашенная со всѣми оттѣнками человѣческой кожи. Изъ подъ длинныхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ глядѣли стеклянные глаза своимъ неподвижнымъ взглядомъ. Настоящіе, пепельнаго цвѣта и удивительной длины волосы просвѣчивали сквозь легкую ткань покрывала. Бѣлое, съ огромнымъ шлейфомъ платье, сшитое самой княгиней, было богато отдѣлано золотымъ кружевомъ и сверкало драгоцѣнными камнями. Лицо было нѣжной, идеальной красоты, съ нѣсколько блѣдными и полуоткрытыми губами. Въ полусумракѣ эта фигура казалась призракомъ. При свѣтѣ дня всякій посторонній непремѣнно принялъ бы ее за покойницу, роскошно убранную и кощунственно поставленную на пьедесталѣ. Первымъ и невольнымъ движеніемъ каждаго было отшатнуться отъ этой фигуры съ чувствомъ ужаса и жалости. Самая красота лица, самая художественность работы, усиливали сходство съ мертвецомъ...

И эта страшная кукла называлась Богородицей, и княгиня Беата гордилась ею и не замѣчала ея святотатственнаго безобразія. Князь Константинъ какъ-то вошелъ въ каплицу, увидѣлъ куклу и тотчасъ же вышелъ вонъ, полный негодованія...

Еще далекіе звуки музыки слабо доносились съ противуположной стороны замка. Уже болѣе часу какъ княгиня Беата скрылась изъ залъ и удалилась на свою половину. Она прямо прошла въ каплицу, опустилась на мягкія подушки и стала горяче молиться. Ея щеки пылали, во всѣхъ чертахъ видно было возбужденіе. Молитва не успокаивала, да и какъ могла успокоить ее молитва. Она молилась какому-то богу злобы и мести, она призывала его гнѣвъ и кару на этотъ пиръ еретиковъ и схизматиковъ, одинъ видъ которыхъ возбуждалъ въ ней ненависть. Она во весь день незамѣтила ничего особеннаго между Гальшкой и Сапгушко; но вѣрила наблюдательности Антоніо и теперь посылала всѣ проклятія на голову молодого князя.

Если ужъ долженъ совершиться этотъ ненавистный бракъ, пусть лучше погибнетъ дочь—и ей начинало казаться, что дочь недостойна любви ея, что она ея врагъ и мучитель. Ея сердце разгаралось все больше, въ голову стучало; члены онѣмѣли въ колѣнопреклоненной позѣ... Поднявъ свою похолодѣвшую руку, она била себя въ грудь, обливаясь слезами. Съ нею начинался нервный припадокъ.

Въ это время она услышала за собою шаги. Въ каплицу входилъ Антоніо. Она съ трудомъ поднялась съ колѣнъ и бросилась ему навстрѣчу.



Сербскій походный лазаретъ въ Моравской долинѣ, бомбандируемый турками. Съ наброска П. П. рѣз. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Мститель. Картина, Дока Миловановича, съ фотогр рѣзалъ Мара.

Библиотека "Руниверс"

Онъ стоялъ спокойный и холодный, только губы его едва замѣтно дрожали.

— Отецъ мой, что новаго? не случилось ли еще чего? страшно волнуясь заговорила княгиня.

— Новаго много, тихо отвѣтилъ Антоніо.—Я все время слѣдилъ за княжною и всѣ ея поступки подтверждали мою догадку. Съ полчаса тому назадъ она танцовала съ княземъ Сангушко... Они вышли въ садъ... Я послѣдовалъ за ними... Вы знаете любимый гротъ княжны... съ каменнымъ дракономъ... Тамъ, въ этомъ гротѣ...

Антоніо остановился. Казалось, что-то сдавило ему дыханіе. Во рту у него было сухо, языкъ не слушался. Княгиня смотрѣла на него съ ужасомъ.

— Тамъ... они признались въ любви другъ другу... наконецъ прошепталъ онъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ... его ноги подкашивались.

— Боже мой! вскрикнула княгиня, обливаясь слезами.

Она не могла думать и соображать въ эту минуту. Ей казалось, что случилось худшее и уже непоправимое.

Антоніо спѣшилъ ее успокоить. Его собственнаго волненія какъ не бывало. Проговоривъ страшную для себя фразу, звуки которой терзали его, онъ уже снова овладѣлъ собою.

— Развѣ я для того сказалъ вамъ это, чтобы вы пришли въ отчаяніе и поддались слабости. Именно теперь вамъ нужно быть какъ можно болѣе спокойной и твердой. Особенно дурного еще ничего нѣту. Напротивъ—чѣмъ кажется хуже, тѣмъ лучше. Теперь пора дѣйствовать, пора показать вамъ князю Константину, что вы не раба его, что у васъ есть своя воля и что вы никому не позволите распоряжаться судьбой вашей дочери.

— Нѣтъ, теперь ужь кончено! вся волнуясь и останавливая свои слезы заговорила княгиня. Я слишкомъ долго терпѣла... я постою за себя...

— Тѣмъ болѣе, что всѣ права на вашей сторонѣ. Помните это. Но я все же боюсь... мнѣ иногда кажется, что князь Константинъ опуталъ васъ какими-то чарами... я боюсь, что вы даже въ такомъ рѣшительномъ дѣлѣ не успѣете поставить на своемъ и уступите. Но знайте, что если теперь уступите, если отдадите княжну за схизматика, то мало того, что это будетъ вѣчная погибель ея души,—это будетъ смертный грѣхъ на васъ самихъ и его вы ничѣмъ и никогда не замолите. Богъ не проститъ этого... святой отецъ отвернется отъ васъ и я самъ прощусь съ вами.

Послѣднія слова онъ произнесъ громко и торжественно, какъ судья и прорицатель.

Княгиня снова опустилась на подушки передъ статуей.

— Матерь Божія пошлетъ мнѣ силы... она внемлетъ моей молитвѣ... она спасетъ мою душу...

— Клянитесь же не уступать, клянитесь разорвать опутавшіе васъ ковы... клянитесь въ случаѣ упорства князя и его самовольства немедленно уѣхать и увезти съ собою княжну. Вы явитесь къ королю въ Краковъ. Онъ заступится за оскорбленную мать... онъ не дастъ васъ въ обиду... клянитесь.

— Клянусь Господомъ Іисусомъ и Пречистой Дѣвой Маріей! торжественно и набожно произнесла Беата крестять и цѣлуя конецъ платья Мадонны.

Это была жалкая сцена. Но главный актеръ ея зналъ что дѣлалъ.

— Amen! воскликнулъ онъ.

И вдругъ онъ вздрогнулъ, вспомнивъ что-то позабытое имъ и очень важное.

— Но знайте, княгиня, внушительно сказалъ онъ; что дочь ваша не должна подозрѣвать моего участія въ этомъ дѣлѣ. Ее не слѣдуетъ вооружать противъ меня. Напротивъ, пусть она видитъ во мнѣ друга... До сихъ поръ она избѣгала бесѣдъ со мною. Теперь мнѣ нужно получить возможность заслужить ея довѣріе и только при этомъ довѣріи я съумѣю раскрыть ея сердце и разумъ къ принятію истины. Понимаете вы меня, княгиня?

— Да, вы правы, отецъ мой, я ничего не скажу ей о томъ, что вы слѣдили за нею... Она сама мнѣ во всемъ признается, а если и не признается, такъ вѣдь не сейчасъ же ее обвѣнчаютъ, вѣдь придутъ же за моимъ согласіемъ хоть для виду...

Отецъ Антоніо убѣдился, что княгиня настроена какъ слѣдуетъ и что съ этой стороны опасаться нечего. Разумѣется, онъ все-же будетъ слѣдить за каждымъ ея шагомъ, будетъ подливать масла въ огонь, если надо.

Онъ простился съ Беатой и ушелъ къ себѣ, въ свою скромную, чисто монашескую келью, помѣщавшуюся въ одной изъ башенъ замка. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ и взволнованнымъ, ему нужно было отдохнуть и осмотрѣться...

Княгиня не ошиблась, предположивъ, что дочь сама къ ней придетъ и все скажетъ. Вернувшись въ залъ, молодая дѣвушка тщетно старалась казаться спокойной. Молодежь то и дѣло подходила къ ней, приглашая на танцы. Со всѣхъ сторонъ ее снова обступила толпа мужчинъ и женщинъ. Ей приходилось выслушивать ненужную и скучную болтовню, отвѣчать на вопросы, говорить и смѣяться. Это было свыше силъ ея. Она кое-какъ дождалаеь сигнала къ ужину, сказала кому то, что нездорова и устала и быстро направилась длинными корридорами и переходами къ себѣ, на половину матери.

Все тяжелое и мучительное, что лежало между ей и княгиней Беатой, теперь забылось. Она была такъ счастлива, что кромѣ самой нѣжной любви ко всему и ко всѣмъ, ничего и не было въ ея сердцѣ. Она шла теперь прямо къ матери, подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ, безъ всякихъ тревогъ и сомнѣній. Только лютый звѣрь могъ теперь возстать на нее и пожелать разбить ея счастье. А мать развѣ звѣрь? Нѣтъ, она хоть и странная, но все же она хоть немного, да любитъ же Гальшку. Она иногда бываетъ такъ нѣжна и ласкова... вотъ и сегодня утромъ...

Княгиня уже раздѣвалась въ своей спальнѣ, когда къ ней вошла Гальшка. Она тотчасъ же отпустила дежурную шляхтянку и трехъ прислужницъ и, по ихъ уходѣ, обратилась къ дочери.

— Ну что, Гальшка, веселилась?—спросила она почти ласковымъ голосомъ, сдерживая себя на сколько возможно.

Княжна, безъ всякаго отвѣта, повинуясь невольному внутреннему движенію, бросилась къ ней на шею и залилась слезами.

— Что съ тобой? о чемъ ты плачешь.

— Матушка, родная моя, поцѣлуй меня, благослови меня... я вырвалась оттуда, я бѣжала къ тебѣ сказать, что̀ случилось со мною...

— Что? говори! говори!

Княгиня уже дрожала отъ волненія и гнѣва.

— Князь Дмитрій Андреевичъ просилъ меня быть его женою... и я люблю его,—съ врожденной ей простотой и искренностью прямо сказала Гальшка, глядя въ глаза матери.

Красивое лицо княгини Беаты исказилось и сдѣлалось страшно... Порывистымъ движеніемъ она оттолкнула отъ себя пораженную и ничего непонимающую дочь.

— Князь Дмитрій Андреевичъ! Кто это такой? а! — должно быть Сангушко... Это онъ тебя прислалъ ко мнѣ за тебя же свататься! А ты его вѣрно отъ моего имени ужъ и за честь поблагодарила... Скажи мнѣ, давно ли ты выучилась позорить свое имя, заводить любовныя исторіи? Или, можетъ быть, ты все это не

Библиотека "Руниверс"

сама выдумала и заранѣе получила позволеніе отъ дяди?.. а о матери позабыла..

Испуганная, оскорбленная Гальшка не хотѣла вѣрить ушамъ своимъ. Того ли она ждала... она еще ни отъ кого не слыхала такихъ рѣчей... и вотъ, ей говоритъ это мать родная... Дрожа и захлебываясь слезами постаралась она передать все—какъ было.

(Продолженіе будетъ).

Крысоловка.

(Картины Тейера).

Задача искусства, во всѣхъ областяхъ его проявленія, заключается, какъ извѣстно, не въ одной только вѣрности изображенія предмета, не въ одной только передачѣ существенныхъ его сторонъ, но главнѣе всего въ оживотвореніи идеи въ формѣ. Только въ силу этого послѣдняго условія художникъ имѣетъ право сказать про свое произведеніе, что оно есть результатъ его художественнаго творчества, только въ такомъ случаѣ слово *творчество* получаетъ истинное значеніе и ни въ какомъ другомъ случаѣ оно къ художественнымъ произведеніямъ не можетъ быть примѣнимо, да и самое произведеніе при отсутствіи творчества не можетъ назваться художественнымъ.

Какъ, напримѣръ, стихи, написанные по всѣмъ правиламъ стихосложенія, и имѣющія звучные рифмы, не могутъ быть результатомъ творчества поэта, если мысли, въ нихъ высказываемыя не проникнуты силою поэтическаго дара, если образы, въ нихъ рисуемые, не оживотворены этимъ даромъ. Такъ точно въ живописи не та картина можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ, въ которой предметъ изображенъ съ совершенною точностію, съ совершенною правильностію расположенія всѣхъ линій, всѣхъ тоновъ и всѣхъ мелочей. Есть нѣчто другое, что даетъ картинѣ право называться художественнымъ произведеніемъ, есть нѣчто такое, что дается только таланту, что недостаточно для простаго техника, хотя бы и безконечно трудолюбиваго. Это нѣчто есть именно способность оживотворять предметъ, способность выражать отвлеченную идею въ живой, такъ сказать, дышащей формѣ. Лермонтовъ, напримѣръ, рисуетъ горы надъ Терекомъ: «И скалы тѣсною толпой, таинственной дремоты полны, предъ нимъ склонялись головой, слѣдя мелькающія волны». Мы читаемъ и дивимся: какая сила образности, какое богатство жизни въ изображеніи природы! Онъ оживилъ мертвый камень! Другой, мастеръ писать стихи, Богъ знаетъ съ какими подробностями опишетъ эти же самые скалы надъ Терекомъ, не забудетъ ни малѣйшей частности, изобразитъ и ихъ размѣръ, и ихъ цвѣтъ, и ихъ взаимныя отношенія, но жизни имъ не придастъ, и выйдетъ въ результатѣ скучное описаніе—и только.

Тоже можно сказать и по отношенію представленныхъ въ этомъ номерѣ «Нивы» двухъ рисунковъ, изображающихъ крыселовку.

Здѣсь важно не то, что собачка вѣрно изображена, что незабыты всѣ подробности обрисовывающія и ея фигуру и ея положеніе въ избранный моментъ. Главное достоинство не въ одномъ только этомъ, это частности, положимъ, нужныя, положимъ въ нѣкоторой степени необходимыя; но главное, выражена жизнь, воплощена идея художника, внутренній міръ животнаго переданъ во всей своей силѣ и правдѣ и, слѣдовательно, во всей красотѣ, такъ какъ художественная красота этимъ именно и обусловливается. Стоитъ всмотрѣться въ первую картину: собачка лежитъ, она, видимо, больна: это чувствуется не только по обстановкѣ, ее окружающей, это чувствуется по выраженію ея глазъ, по положенію головы; но внимательно всматриваясь, дѣлается ясвымъ, что, при всемъ своемъ болѣзненномъ состояніи, она къ чему-то прислушивается, что ея слухъ напряженъ, что мускулы около уха вздрагиваютъ; она уже, кажется, готова привскочить, но еще шорохъ, долетѣвшій до ея слуха, такъ не ясенъ, еще слабость ея физическихъ силъ такъ властвуетъ надъ ея духомъ и властвуетъ, тѣмъ болѣе, потому, что она сама неувѣрена, дѣйствительно-ли это шорохъ производитъ крыса. Но вотъ шорохъ послышался яснѣе. Куда дѣвалась слабость физическихъ силъ, куда дѣвалась недавняя истома — полетѣли прочь и стклянка съ лекарствомъ и одѣяло и ложка. Духъ восторжествовалъ и царитъ надъ физическою стороною организма. Вотъ это-то именно торжество духа и составляетъ силу картинки и не въ томъ именно, что такой моментъ взятъ художникомъ для изображенія, а исключительно въ томъ, что художникъ умѣлъ передать его въ такой полнотѣ и правдѣ жизни и въ такомъ богатствѣ экспрессіи каждой жилки, каждаго мускула собачки. Видно, что предметъ, взятый имъ для изображенія знакомъ ему во всѣхъ подробностяхъ.

Сераево.

Сераево, или Босна-Серай одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Босніи. Онъ имѣетъ до 70.000 населенія, въ томъ числѣ 6.000 христіанъ православныхъ, до 200 католиковъ и до 2000 евреевъ. Турки считаютъ Сераево лучшимъ послѣ Стамбула и называютъ сѣвернымъ Дамаскомъ. Небольшая рѣчка «Милячка», узкимъ русломъ пробивается между скалистыми горами, и наконецъ вытекаетъ въ небольшую долину, на которой и расположенъ городъ, весь потонувшій въ зелени и представляющій собой какъ бы одинъ сплошной садъ, съ возвышающимися изъ-за его вершинъ сотнями мечетей. На лѣвой сторонѣ Милячки, на склонѣ хребта Требевича, вершина котораго поднимается надъ всѣми окрестными горами, построены амфитеатромъ часть домовъ, между тѣмъ какъ другая часть словно гигантской рукой втиснута въ ущелье. Такимъ же амфитеатромъ дома и сады раскинулись по откосамъ Бѣлявскаго хребта; въ серединѣ, тамъ, гдѣ начинается долина, расположились турецкія жилища, лѣпящіяся подобно гнѣздамъ, по склону горъ. Нѣсколько ниже тянутся ряды лавокъ, на подобіе нашего гостиннаго двора, съ тою только разницею, что эти ряды носятъ исключительно турецкій характеръ, отличаются крайнею нечистотою и отсутствіемъ всякихъ санитарныхъ приспособленій; такъ, напр. нижній кварталъ города оказывается рядомъ кожевенныхъ лавокъ, которыя распространяютъ нестерпимое зловоніе. При всемъ томъ городъ, съ его выбѣленными домами, разбросанными въ зелени, множествомъ минаретовъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ скалами и скалистыми горами, представляетъ въ общемъ дѣйствительно очаровательный видъ.

Городъ этотъ возникъ и развился подъ вліяніемъ турецкаго владычества. Босно-Серай, или Сераево, получилъ свое названіе отъ Сарая, дворца, какъ прозвали турки выстроенную тутъ первымъ визиремъ Босніи крѣпость. Во время же сербской независимости тутъ были только села, которыя назывались: «Быстрикъ, Бѣляна и Вратникъ»; эти названія удержались до сихъ поръ въ кварталахъ города. Съ паденіемъ этой независимости христіанское населеніе постепенно исчезало подъ гнетомъ турецкаго деспотизма и на перекресткѣ трехъ дорогъ образовался торговый городъ Сераево. Исторія его очень не многосложна. Какъ извѣстно, Магометъ II въ 1463 г. покорилъ всю Боснію, умертвилъ болѣе десяти тысячъ христіанъ, изъ оставшихся въ живыхъ одна часть эмигрировала въ Далмацію, а другая приняла мусульманскую вѣру. Въ 1697 году австрійское войско заняло и сожгло Сераево и всѣ найденные тамъ христіане переселены въ Австрію. Такимъ образомъ во всѣ эпохи, не исключая и настоящаго времени, Сераево составляло центръ мусульманскаго населенія.

Православные боснійскіе христіане составляютъ зажиточную буржуазію, въ рукахъ которой сосредоточена внѣшняя торговля. Они называются гражданами, по мѣстному «торговцами» (не нужно однако смѣшивать ихъ съ нашими купцами: боснійскіе «торговцы» составляютъ привиллегированный классъ, и стоятъ по положенію выше духовенства, вслѣдствіе чего они свысока смотрятъ на сельчанъ). Вотъ какъ описываетъ образъ ихъ жизни Гильфердингъ: «въ домѣ сараевскій купецъ христіанинъ живетъ согласно съ дѣдовскимъ *адетомъ* (обычаемъ), чуждый умственныхъ потребностей, чуждый понятія и чувства народности, которая для него, какъ и для босника простолюдина, вся заключается въ томъ, что онъ православный. Когда онъ сидитъ, жена и дочери должны стоять передъ нимъ; придетъ къ нему гость—жена и дочери подходятъ къ рукѣ, подносятъ варенье, водку, кофе. Въ пищѣ соблюдается экономія, которая переходитъ всѣ границы нашихъ представленій. Только разъ въ годъ развертывается сераевецъ. именно въ свое «крно имя» (крестное имя), т. е. въ день, когда празднуется, по сербскому обычаю, святой, покровительствующій роду и дому. Тутъ сзывается весь міръ. Гостей усаживаютъ по турецки, на корточкахъ, передъ низенькими столами, или домами, едва возвышающимися надъ уровнемъ дивановъ. Баранина и *пита* (слоеное тѣсто) играютъ главную роль въ угощеніи. Пьютъ здравицы (тосты) сопровождая ихъ привѣтствіями и пожеланіями, сложенными въ эпической формѣ; пьютъ они, нужно замѣтить, много и до излишка даже. Христіанскія дамы и дѣвицы (т. е. купчихи и купеческія дочки) въ будни стряпаютъ или шьютъ, а въ праздники разряжаются. Обыденные турецкіе шаровары, короткая мѣховая кацавейка, въ праздники замѣняются узкимъ платьемъ, скроеннымъ въ видѣ какого-то обрубка изъ нидной полосатой матеріи. Голову покрываетъ

Библиотека "Руниверс"

обыкновенно красная феска съ синей кистью; вокругъ фески повязывается платокъ, надъ платкомъ возвышается нѣчто въ родѣ новойника изъ вощеной холстины и наконецъ все это зданіе покрываетъ другой платокъ, съ разными украшеніями, червонцами, лентами и т. п. На шеѣ на снуркахъ нанизаны ряды червонцевъ и имперіаловъ, иногда въ большомъ количествѣ. Хороводы и игры составляютъ одно изъ необходимыхъ удовольствій праздника. Католики въ Сераевѣ не имѣютъ никакого значенія по своей малочисленности и по тѣмъ узкимъ интересамъ, которыя ими преслѣдуются.

Сераевскіе евреи — самое богатое населеніе города. Они — потомки тѣхъ евреевъ, которые бѣжали изъ Испаніи въ XV и XVI столѣтіяхъ во время господствовавшей тамъ инквизиціи. Главное богатство они нажили нѣсколько лѣтъ тому назадъ цѣлой системой злостнаго банкротства. Не смотря на этотъ всѣмъ извѣстный фактъ, они служатъ переводчиками и банкирами турецкихъ властей.

Церквей православныхъ въ Сераевѣ одна (въ послѣднее время, кажется, еще построена церковь); да и можетъ ли быть иначе, если, какъ устройство ея, такъ и разрушеніе, зависятъ отъ воли и фантазіи какого-нибудь мѣстнаго администратора. Церковь въ Сераевѣ построена въ XVII стол. Въ 1644 г. она сгорѣла и затѣмъ вновь построена. Постройка ея обошлась въ 106,700 аспръ, изъ которыхъ на самое зданіе пошла сравнительно незначительная часть—42,000 и остальные деньги употреблены на подарки «господи турецкой», при этомъ самое разрѣшеніе постройки было дано турками въ такой формѣ, которая равносильна отказу: разрѣшено было строить только въ теченіи 40 дней. Въ теченіе этихъ дней въ Сераевѣ всѣ, отъ старика до ребенка работали безъ отдыха, чтобы окончить постройку въ назначенный срокъ, и наконецъ, къ удивленію турокъ, сводъ и крыша были готовы. Внутри церковь украшена не бѣдно, но безъ всякаго вкуса. «Множество образовъ, большею частью старинной греческой работы, принесенныхъ изъ другихъ мѣстъ, составляютъ ея украшеніе.» Сераевская обшина, по замѣчаніямъ Гильфердинга, гордится бархатною завѣсой, съ богатыми, вышитыми изъ золота украшеніями, ее выносятъ изъ ризницы только въ самые торжественные праздники.

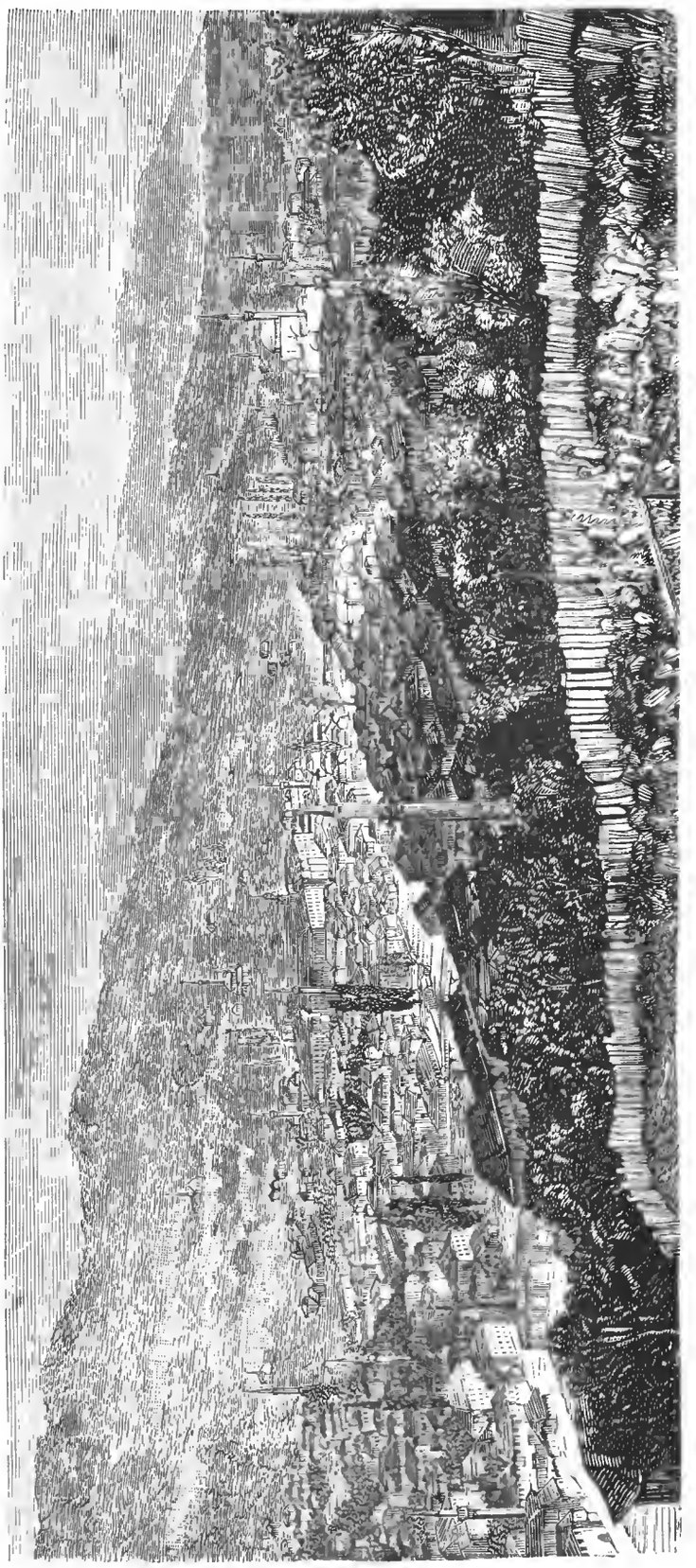
Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ Сераевѣ нѣтъ ни одной книжной лавки. Одинъ купецъ хотѣлъ устроить нѣчто въ родѣ лавки, но ему запретили мѣстныя власти. Въ городѣ существуетъ казенная типографія, которая печатаетъ только элементарные учебники, календари, пѣсенники и двѣ газеты на турецкомъ и сербскомъ языкахъ.

Въ дополненіе этого очерка необходимо сказать о положеніи поселянъ и отношеніи къ нимъ православныхъ гражданъ города Сераева, тѣмъ болѣе, что эти отношенія проливаютъ достаточный свѣтъ на уясненіе многихъ нравственныхъ сторонъ сераевскихъ христіанъ. Извѣстно, что боснійскіе христіане не имѣютъ вовсе земли и турецкое правительство при этомъ еще обременяетъ ихъ безчеловѣчными налогами. Оно мало того, что беретъ съ несчастнаго народа все, что можетъ взять —проценты съ земли, съ жилища, съ жатвы и съ каждаго новорожденнаго младенца (войнина), но что всего хуже—это сборъ осьмины съ жатвы и хуже всего именно вслѣдствіе формы взиманія. Взиманіе этого налога турецкое правительство отдаетъ на откупъ, по большей части фанаріотскимъ грекамъ и другимъ аферистамъ, для которыхъ не существуетъ ни чувства, ни человѣколюбія, ни религіи. Они требуютъ этотъ налогъ нерѣдко въ то время, когда крестьянинъ еще не убралъ хлѣба съ поля и слѣдовательно произвольно по приблизительному расчету, берутъ подать съ большаго количества, чѣмъ оказывается въ дѣйствительности. Въ случаѣ неуплаты подвергаютъ злополучныхъ поселянъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Англійскіе путешественники (Эвансъ, Ирби и др.) разсказываютъ, что сборщики податей иногда намазываютъ крестьянина медомъ и оставляютъ на съѣденіе насѣкомымъ; другихъ запираютъ въ избу или баню, гдѣ раскладываютъ огонь и несчастные страдальцы едва не задыхаются отъ дыма и проч. Выведенные изъ терпѣнія боснійскіе поселяне нерѣдко убѣгали отъ своихъ притѣснителей, оставляя все свое имущество въ злополучной странѣ. Такъ, въ 1865 г. 500 райевъ ушли въ Австрію отъ притѣсненій сборщиковъ податей.

Вотъ почему, 25 августа 1875 г. нѣкоторые изъ боснійскихъ поселянъ, доведенные до отчаянія сборщиками податей, жестокими вымогательствами откупщиковъ осьмины, подняли оружіе. Въ Баньялукѣ поселяне убили 8 откупщиковъ и тѣмъ положили начало возстанію, которое быстро распространилось.

Въ настоящее время возстаніе въ Босніи приняло рѣшительный характеръ, благодаря стараніямъ полковника Десповича, назначеннаго отъ сербскаго правительства губернаторомъ Босніи. Подъ его управленіемъ разрозненные шайки возставшихъ сплотились теперь въ крѣпкіе отряды, всего до 30.000 чел. и держатъ въ постоянномъ страхѣ турецкія войска, сосредоточенныя у Сераева.

Н. Б—овъ.



Сераево, главный городъ Босніи. Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Черногорско-турецкая война. Доставка провіанта черногорскими женщинами своимъ роднымъ воинамъ, охраняющимъ горные пути отъ турокъ. Съ наброска К. М. грав. Боярскій.

Черногорско-турецкая война. Черногорцы, отбивающіе нападеніе турокъ на ихъ деревню. Съ наброска К. М. рѣзалъ Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Настоящее положеніе болгаръ и краткія замѣтки изъ ихъ прошедшей исторіи.

А. Ф. Теохарова. (Изд. въ пользу пострадавшихъ болгаръ. 1876 г.).

Цѣль, разбираемой нами книжки, преимущественно благотворительная, т. е. книжка есть обращеніе къ сердцу единоплеменниковъ болгаръ, каковы мы, русскіе. Историческія и географическія свѣдѣнія о болгарахъ сообщаются кратко, составляя вторую главу въ брошюркѣ (состоящей изъ 2-хъ главъ). Изъ этой главы ми узнаемъ, что нынѣшняя Болгарія занимаетъ территорію древней римской провинціи, называвшейся Мизіей, что древнее болгарское царство составилось изъ тюркскаго и славянскаго элементовъ: именно, съ 668 года камскіе болгары, народъ тюркскаго племени, предводительствуемые Аспарухомъ, двинулись съ рѣки Камы и, переправившись черезъ Дунай, покорили живущихъ тамъ, въ разсыпную, славянъ, и положили основаніе болгарскому царству. Названіе свое болгары получили отъ своего эпическаго царя Болга. Болгары-завоеватели вскорѣ слились съ завоеванными славянами въ одно политическое тѣло и составили одинъ болгарскій народъ. Но славянская стихія въ этомъ сліяніи оказалась сильнѣе; потому что тюркскій элементъ со временемъ совершенно стушевался, религія, языкъ и нравы славянъ сдѣлались общими для побѣдителей и побѣжденныхъ. Раннія столкновенія и сношенія съ Византіей способствовали тому, что христіанство распространилось въ Болгаріи (или, по тогдашнему, въ Мизіи) еще въ VII вѣкѣ по Р. Х. Въ IX вѣкѣ Борисъ, царь болгарскій принялъ крещеніе отъ грековъ и принудилъ также свой народъ къ принятію его. Вотъ при этомъ-то царѣ Борисѣ и переведено св. Кирилломъ и Меѳодіемъ Священное Писаніе съ греческаго языка на древне-болгарскій, извѣстный у насъ теперь подъ именемъ древне-славянскаго и который употреблялся въ богослуженіи до XVI вѣка у всѣхъ православныхъ христіанъ. Послѣ Бориса, причисленнаго болгарскою церковію къ лику святыхъ, царствовалъ сынъ его Симеонъ, поставившій Болгарію на высокую ступень славы и могущества, и время его правленія называется въ болгарской исторіи *Золотымъ вѣкомъ царя Симеона*. При немъ весь болгарскій полуостровъ былъ въ рукахъ болгаръ; въ составъ болгарскаго государства входили всѣ южно-славянскія племена. Послѣ успѣшной борьбы съ мадьярами, вторгнувшимися въ предѣлы болгарскаго царства, Симеонъ получилъ отъ папы титулъ «императора и самодержца болгаръ». Но при сынѣ Симеона, Петрѣ Симеоновичѣ, нашъ русскій князь Святославъ, раззоряетъ столицу Болгаріи, Переяславецъ, а греческій императоръ Василій («болгаробецъ») въ 1019 году окончательно овладѣваетъ всею Болгаріей. Въ концѣ XII вѣка, два брата, Петръ и Асель, родомъ изъ Тернова, освобождаютъ всю Болгарію отъ византійскаго ига и столицею избираютъ, окруженный со всѣхъ сторонъ горами, городъ Терновъ. Болгарское царство оставалось на время съ цвѣтущемъ состояніи. Но вотъ византійскій императоръ Эммануилъ, не могшій самъ отразить болгаръ, опустошавшихъ его владѣнія, вызвалъ противъ нихъ изъ Азіи турокъ, и болгарское царство пало подъ ударами султана Баязида II, въ 1393 году—и вотъ уже скоро *пять* вѣковъ, какъ болгарскій народъ стонетъ подъ игомъ турокъ. Въ церковномъ отношеніи болгары зависѣли отъ грековъ. Эти послѣдніе старались слить болгарскую національность съ греческою и вывести изъ богослуженія славянскій языкъ. Имъ это удалось, потому что до 30-хъ годовъ нашего вѣка всѣ болгары-горожане говорили, читали и писали по гречески. Возстановленію болгарской національности много способствоналъ нашъ ученый соотечественникъ Венелинъ въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія, ѣздившій въ Болгарію по порученію нашей археологической коммисія для изслѣдованія языка болгаръ, на основаніи сохранившихся документовъ. Весь ученый славянскій міръ возлагалъ на Венелина большія надежды и молодой ученый оправдалъ ихъ. Плодомъ его путешествія въ Болгарію были: «Болгарская грамматика» и два объемистые тома «Исторіи болгаръ». Приготовляясь къ изданію 3-го тома, авторъ скончался Послѣ Венелина, у насъ, къ несчастію, въ изученіи болгарской литературы не являлось ничего подобнаго, и самъ Венелинъ, какъ будто, забытъ.

Желающихъ, подробнѣе и научнымъ образомъ ознакомиться съ Болгаріей, отсылаемъ къ прекрасной книгѣ Венелина, потому что отослать больше некуда. Спѣшимъ только оговориться, что самый методъ изслѣдованій Венелина не совсѣмъ способенъ удовлетворить строгую критику. Венелинъ принадлежитъ къ числу рьяныхъ этимологистовъ, дѣлающихъ свои заключенія по аналогіямъ созвучій и случайнымъ сходнымъ чертамъ. Это, конечно, далеко не то, что философскій методъ изслѣдованія языка, который нуженъ въ наше время.

О новѣйшихъ интересныхъ событіяхъ, касающихся болгарской церкви, читатели могутъ узнать изъ самой брошюры, которая для элементарныхъ свѣдѣній о Болгаріи, благодаря ясности изложенія, весьма удовлетворительна.

М. С.

На полѣ битвы.

Усѣяно трупами поле...
Замолкла пальба наконецъ.
Вотъ, рядомъ съ конемъ своимъ вѣрнымъ
Лежитъ пораженный боецъ.
И быстро проносятся мимо
Начальники пестрой толпой...
Вотъ, гордый побѣдою новой,
Самъ князь, съ обнаженной главой.
Онъ плачетъ надъ жертвами боя,
И тѣхъ не скрываетъ онъ слезъ:
«Миръ тѣмъ, кто за дѣло святое
Себя безкорыстно принесъ»...

* * *

А тамъ, гдѣ родимая хата,
Сидитъ у порога отецъ:
«Сынокъ-то нашъ лихо. знать, бьётся,
Да, скоро и горю конецъ!»
Въ родной, хоть далекой, Россіи,
Услышали братьевъ призывъ:
Идутъ къ намъ бойцы дорогіе,
Для насъ все свое позабывъ»...
И плачетъ восторга слезами
Отрадную слушая вѣсть;
И плачетъ, что силъ нѣтъ, съ друзьями,
Побиться за родины честь...

Г. Лиш—ъ.

Къ рисункамъ.

Сербскій походный лазаретъ въ Моравской долинѣ, бомбардируемый турками.

Передъ нами на рисункѣ тысяча первая сцена турецкихъ звѣрствъ Передъ нами находится сербскій лазаретъ, раскинутый наскоро въ Моравской долинѣ. Носилки съ тяжело-ранеными еще лежатъ на землѣ. Видно, что раненые вынесены изъ горячаго, ожесточеннаго боя. Всѣ прислуживающіе суетятся: кому нужно подать самую первоначальную помощь, сдѣлать немедленную перевязку какой-либо важной вѣны или артеріи, инымъ нужно сдѣлать ампутацію, третьихъ, по окончаніи первоначальной помощи, слѣдуетъ отправить въ болѣе удобный лазаретъ въ Алексинацъ. Легко ранеными наполнены цѣлыя телѣги, и одна изъ этихъ телѣгъ виднѣется на заднемъ планѣ рисунка, направо. Но вотъ вдругъ, налѣво за бараками, мелькнулъ зловѣщій смертоносный огонь, и глухой, тяжелый рокотъ кононады потрясъ окрестность. Густой дымъ застлалъ горизонтъ. Летятъ осколки раскаленныхъ ядеръ... Иному страшно изувѣченному воину предстоитъ новое увѣчье и сугубыя мученія, изъ которыхъ смерть—лучшій исходъ. Всѣ группы на рисункѣ полны движеній, неопредѣленныхъ, рефлективныхъ, выражающихъ крайнее безпокойство и страхъ за себя и, можетъ быть, еще болѣе за тяжело раненыхъ собратьевъ-страдальцевъ.

Съ самаго начала текущей войны турки не упускали случая «мучить» тяжело-раненыхъ ужасными истязаніями. Недавній эпизодъ сожженія живыми сербовъ въ Княжевцѣ уже извѣстенъ читателямъ. Но это только одинъ эпизодъ изъ сотни другихъ.

Моравской долинѣ, свидѣтельницѣ этихъ безпримѣрныхъ звѣрствъ, суждено вѣчно жить въ исторіи и напоминать нашимъ потомкамъ о томъ ужасномъ времени, когда эти звѣрства были допущены европейскими державами.

М. С.

Мститель.

Сербскій художникъ, Дока Милованычъ, занимающій въ настоящее время должность преподавателя въ одномъ изъ учебныхъ заведеній въ Бѣлградѣ, весьма удачно изобразилъ одинъ изъ моментовъ, часто вызываемыхъ въ настоящее время на Балканскомъ полуостровѣ турецкими варварствами. Картина представляетъ фигуру человѣка, находящагося, видимо, въ выжидательномъ положеніи. По выраженію лица этой фигуры и по по самой ея постановкѣ можно безошибочно заключить, чѣмъ кончится это выжиданіе. Хотя картина имѣетъ подъ собою надпись «*Мститель*». объясняющую этимъ словомъ ея содержаніе, но полагаемъ, что надпись эта совершенно лишняя, ибо ясно, въ чемъ тутъ дѣло. Нельзя не замѣтить, что въ этой картинѣ всего удачнѣе сдѣлана постановка фигуры. Не говоря уже о ея красотѣ въ смыслѣ художественномъ, она, кромѣ того, даетъ опредѣленное понятіе о характерѣ избраннаго художникомъ момента; но конечно, одно положеніе фигуры, какъ бы она не

Библиотека "Руниверс"

была удачно поставлена, не можетъ еще опредѣленно и точно выразить внутреннее состояніе избраннаго лица; правда, исключенія бываютъ, такъ, напримѣръ, выраженіе горя при совершенномъ закрытіи лица руками и т. п. Этотъ недостатокъ предусмотрѣнъ художникомъ: взятое имъ лицо такъ полно жизни и мысли, такъ точно выражаетъ тѣ душевныя движенія, которыя присущи человѣку такого характера, поджидающему своего врага, что объ этомъ намъ распространяться нечего.

Черногорско-турецкая война.

Въ настоящемъ № «Нивы» мы помѣщаемъ двѣ картинки изъ современныхъ событій въ Черногоріи. Первая изъ нихъ: доставка провіанта черногорскими женщинами своимъ роднымъ воинамъ, охраняющимъ горные пути отъ Турокъ.

Несмотря на свое тяжелое положеніе вѣчной работницы, черногорская женщина не менѣе героиня какъ и мужчины Черногоріи. Нерѣдко случается, что женщины участвуютъ въ битвѣ вмѣстѣ съ мужчинами и своей храбростью еще болѣе воодушевляютъ войска.

Во время войны на долю женщинъ выпадаетъ обязанность приносить войскамъ съѣстные и военные припасы, ухаживать за ранеными, словомъ, нести всю нестроевую службу.

Вторая картина наглядно показываетъ степень храбрости и безстрашной энергіи черногорцевъ, отбивающихъ нападеніе турокъ на ихъ деревню. Разсказывать объ этомъ нечего, ибо храбрость черногорцевъ давно извѣстна. Напомнимъ для примѣра газетныя извѣстія о томъ, какъ черногорцы, въ числѣ 3.000 человѣкъ, разбили 11,000 турецкое полчище. Въ этой отчаянной схваткѣ, по словамъ очевидца, всѣ черногорцы дрались въ рукопашную; даже 14 лѣтнія дѣти душили руками исконныхъ враговъ своей родины—турокъ. Конечно, только такою энергіею и можно объяснить побѣду 3,000 надъ 11.000.

Политическое обозрѣніе.

Вопросъ о перемиріи между Сербіей и Турціей успѣлъ вступить теперь въ новый фазисъ и почти существенно измѣнился. И это произошло отъ того, что Порта требуетъ *болѣе продолжительнаго* перемирія, чѣмъ оно предполагалось по смыслу рѣшеній европейскихъ державъ. Не шесть недѣль, а *пять мѣсяцевъ* перемирія непремѣнно нужны Портѣ. Для чего нужны? Теперь уже выяснилось, что Порта предлагаетъ такое продолжительное перемиріе единственно *для того, чтобы избѣжать зимней кампаніи*, которая была бы гибельна для ея войскъ, но выгодна для ея противниковъ. Пятью зимними мѣсяцами Турція желаетъ воспользоваться для того, чтобы вызвать изъ Азіи и Африки свои войска; такъ какъ вызовъ ихъ зимою принесъ бы Турціи на театрѣ войны больше вреда, чѣмъ пользы. Сербія же, дѣйствующая армія которой состоитъ изъ милиціи, должна будетъ, на это время, распустить значительную часть своей арміи, а въ это время, очевидно, ослабнетъ военная организація, которую въ теченіи четырехъ прошедшихъ мѣсяцевъ создалъ генералъ Чернаевъ—изъ простодушной, не привыкшей къ правильнымъ военнымъ дѣйствіямъ милиціи.

Порта предъявляетъ, кромѣ того, весьма оскорбительныя для славянъ требованія. Она требуетъ, чтобы *русскимъ добровольцамъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Сербію*. Это дерзкое требованіе уже не можетъ никого удивить послѣ многочисленныхъ подвиговъ Блистательной Порты, въ которыхъ азіатское коварство и недобросовѣстность равнялись дикому звѣрству. Телеграмма изъ Землина отъ 1 (13) октября добавляетъ еще къ этимъ извѣстіямъ, что порта желаетъ *удержать за собою всѣ до сихъ поръ занятыя войсками мѣстности* на время перемирія. Извѣстно уже однако, что великія державы не намѣрены принять эти условія, и агенты державъ производятъ въ Стамбулѣ давленіе въ этомъ смыслѣ, чтобы турецкое правительство отказалось отъ подобныхъ условій.

Противъ сербскаго премьеръ-министра Ристича существуетъ множество интригъ. Противная ему, консервативная партія обвиняетъ его въ раззореніи Сербіи войною, какъ будто рѣшимость Сербовъ «кровью купить» для себя и для своихъ балканскихъ собратьевъ свободу зависѣла отъ Ристича! Соперникомъ Ристичу на премьерство является Маринковичъ. Эта интрига представляется впрочемъ весьма ничтожною по самой сплѣ вещей. Настроеніе всей Сербіи не измѣнило своей воинственности и рѣшимости «биться за свободу до послѣдней капли крови». И въ оффиціальныхъ сербскихъ кружкахъ господствуетъ настроеніе, рѣшительно противящееся принятію шестимѣсячнаго перемирія, такъ что отверженіе его весьма вѣроятно.

Къ невыгодѣ турокъ, которая можетъ возрасти до громаднаго бѣдствія, принадлежитъ энергическое возстаніе въ Босніи. Появившееся уже давно отдѣльными вспышками, оно теперь организовалось и приняло большіе размѣры. Для усмиренія возстанія изъ Бѣлины посланъ таборъ низамовъ и шесть полевыхъ орудій, а изъ Сараева два табора редифовъ.

Относительно боснійскихъ повстанцевъ извѣстны теперь слѣдующія подробности: главный корпусъ Деспотовича, состоящій изъ 2,500 человѣкъ, находится противъ Куленвакупо. Петровичъ владѣетъ Ключемъ. Другіе предводители тоже стоятъ во главѣ значительныхъ отрядовъ. Между ними попъ Давыдовичъ предводительствуетъ 1,000 человѣкъ. Число инсургентовъ, однакожь, не постоянно; въ послѣднее время оно начало усиливаться боснійскими бѣглецами. Въ травникскомъ санджакѣ образовались небольшія четы, рекрутированныя изъ сельскаго населенія, которое стало подъ знамена инсургентовъ, побуждаемое голодомъ и жестокостью мусульманъ. Крайній недостатокъ въ вооруженіи и снарядахъ мѣшаетъ, однакожь, дружнымъ дѣйствіямъ боснійскихъ инсургентовъ. Изъ Кипка телеграфъ сообщилъ отъ 29 сентября (11 октября), что отрядъ Деспотовича взялъ въ Босніи турецкую крѣпость Лискне, къ югу отъ Ливно, а въ турецкомъ мѣстечкѣ Бускобрато захвачены военные снаряды и пушки.

Что касается борющихся силъ, то они непрерывно подкрѣпляются. Изъ Бѣлграда телеграфируютъ, что русскіе прибываютъ ежедневно въ Сербію сотнями. Лучшій выборъ прибывающихъ доставляютъ комитеты. Изъ Москвы получаются обмундировка, а также, въ виду предстоящей зимы, полушубки и сапоги. Недавно прибыло 500 человѣкъ прусскихъ уланъ. Организуется прусская батарея.

Ибарская армія, во главѣ своего достойнаго предводителя, генерала Новоселова, дѣйствуетъ успѣшно. Такъ, турки, напавшіе на ибарскую армію 12 (30) октября были отброшены, причемъ сраженіе продолжалось около часу.

На черногорскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій произошло въ теченіе прошлой недѣли нѣсколько нападеній турокъ на черногорскіе шанцы. Цѣль этого нападенія выяснилась. Это былъ просто маневръ, назначеніемъ котораго было прикрыть отступленіе турокъ къ Требинью. Маневръ разсчитанъ былъ довольно ловко. Но черногорцы поняли его значеніе. Они отбросили турецкій отрядъ, посланный для демонстраціи, и потомъ перешли къ полному встрѣчному нападенію на турокъ. Черногорцы гнали и преслѣдовали Мухтара-пашу до самой черногорской границы близъ Клобука, гдѣ обѣ стороны заняли шанцовыя позиціи, на протяженіи 10 верстъ по фронту.

Затѣмъ, на прошлой недѣлѣ происходила 25 сентября (7 октября) кровопролитная битва при Янковой Клиссулѣ, продолжавшаяся цѣлый день. Лазарь Чолакъ-Античъ, командовавшій сербскими войсками, велѣлъ ударить турокъ въ штыки и прогналъ ихъ со всѣхъ ихъ позицій. Затѣмъ, турки были вытѣснены изъ всѣхъ деревень, расположенныхъ въ долинѣ Топлицы. Также взяты сербами деревни: Чукале, Музачъ, Гургунсъ, Пратица, Сольточево, Влакинья, — которыя, большею частью, уже укрѣплены. Эти укрѣпленныя теперь деревни находятся въ разстояніи 6 часовъ отъ турецкой территоріи.

Въ эту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, получено извѣстіе, что турки сосредоточиваютъ огромныя силы у Болевца и Зайчара. Результатъ предстоящихъ здѣсь упорныхъ, по всей вѣроятности, битвъ—впереди.

Придворныя извѣстія.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, 30-го сентября въ 7½ час. утра, благополучно разрѣшилась сыномъ, наименованнымъ при святой молитвѣ Кирилломъ. Состояніе здоровья Ея Высочества, какъ равно и высоконоворожденнаго Великаго Князя Кирилла Владиміровича удовлетворительно.

Смѣсь.

Рѣчь профессора Вирхова. При открытіи лекцій въ берлинскомъ лицеѣ Викторіи, профессоръ Вирховъ сказалъ рѣчь, содержаніе которой мы въ сокращеніи приведемъ, имѣя въ виду развивающееся у насъ стремленіе женщинъ къ высше-

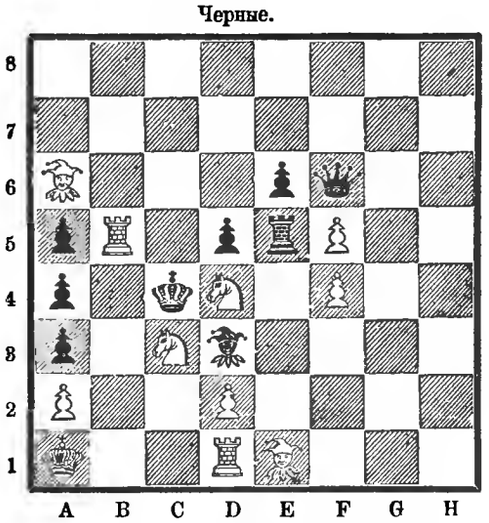
Библиотека "Руниверс"

му образованію. Вышеупомянутый институтъ, основанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣетъ многочисленныхъ слушательницъ и справедливо можетъ считаться высшей женской школой, такъ какъ читаемыя въ немъ лекціи на манеръ университетскихъ, удовлетворяютъ самымъ серьезнымъ требованіямъ женскаго образованія. При открытіи его присутствовало около 400 женщинъ. Сначала Вирховъ изобразилъ въ своей рѣчи опасности, какія встрѣчаетъ въ наше время распространеніе истинныхъ, глубокихъ познаній. Наука, постоянно расширяя свои предѣлы, тѣмъ самымъ легко можетъ подвергнуть учащагося опасности разбрасываться; онъ выучиваетъ всего по немногу, но ничего основательно, и ему недостаетъ широкой научной основы, которая позволила бы ему съ пользой употребить пріобрѣтенныя знанія. Эта разбросанность есть результатъ современнаго образованія и современной жизни. У кого нѣтъ случая продолжать своего ученья, такъ чтобы сосредоточить свои познанія въ одно научное цѣлое, тотъ начинается перебрасываться съ одного предмета на другой, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни—и вотъ вамъ готовъ разочарованный человѣкъ. Для внутренняго сосредоточенія, говоритъ далѣе ораторъ, есть одно удобное средство, восхваляемое церковью—молитва. Онъ далекъ отъ того, чтобы осуждать такое направленіе, могущее удовлетворять многія натуры. Но во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, не можетъ не показаться страннымъ, какъ въ настоящее время многіе отъ удовольствій переходятъ къ молитвѣ и изъ церкви спѣшатъ къ новымъ удовольствіямъ. То же самое сосредоточеніе пусть достигается распространеніемъ знаній. Средствомъ къ этому долженъ служить лицей—пусть это будетъ не семинаріей, а высшей школой, служащей тѣмъ же цѣлямъ, какъ университетъ. Лицей долженъ расширять знанія, при этомъ естественнымъ наукамъ отведено въ немъ обширное мѣсто.

Дальше ораторъ развилъ значеніе этихъ наукъ и отношеніе ихъ къ другимъ отраслямъ знанія. Напримѣръ, въ настоящее время изученіе исторіи безъ знакомства съ естественными науками невозможно, но точно также естествоиспытатель долженъ изучить исторію своей науки. Назначеніе лицея,—давать высшее общее образованіе, а не выпускать ученыхъ дамъ. Во враждебныхъ кружкахъ говорятъ, что лицей устроили для синихъ чулокъ; но синимъ чулкомъ можно назвать только такую женщину, которая избрала себѣ какой нибудь безплодный предметъ, но заведеніе не дастъ возможности къ строгой спеціализаціи занятій. Пусть современная наука черезъ посредство высшихъ образовательныхъ заведеній для женщинъ, пріобрѣтаетъ себѣ въ женщинахъ союзницъ въ борьбѣ за цивилизацію. Пусть же современныя общественныя условія будутъ таковы, чтобы человѣкъ становился въ нихъ нравственнѣе и лучше и не переставалъ стремиться къ своему усовершенствованію.

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Черные начинаютъ и бѣлые имъ даютъ матъ на 4 своемъ ходѣ.

РѢШЕНІЕ

Задачи въ «Нивѣ» № 40.

Бѣлые.	Черные.
1) К. Е 3 — F 5×	1) Кр. Н 6 — Н 7.
2) Л. G 5 — G 7×	2) Конь Е 6—беретъ Ладья G7.
3) Л. D 6 — Н 6×	3) Кр. Н 7 — G 8.
4) К. F 5 — Е7×× и Матъ.	

СОДЕРЖАНІЕ: **Э. Фр. Направникъ** (съ рисункомъ).—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Продолженіе).—**Крысоловка.** Картина Тейера (съ рисункомъ).—**Сераево** (съ рисункомъ).—**Настоящее положеніе болгаръ и краткія замѣтки** изъ ихъ прошедшей исторіи. — На полѣ битвы (стихотвореніе).—**Къ рисункамъ: Сербскій походный лазаретъ въ Моравской долинѣ, бомбардируемый турками** (съ рисункомъ). — **Мститель** (съ рисункомъ). — **Черногорско-турецкая война** (съ двумя рисунками). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь.—Придворныя извѣстія.—Шахматная задача. — Объясненія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Черезъ контору журнала „НИВА" можно выписывать слѣдующія книги:

	Цѣна съ пересылкой.
Стахѣевъ. Наслѣдники. Повѣсть. Два тома.	2 р. 30 к.
Вамбери. Исторія Бухары или Трансоксаніи	2 » 50 »
Костенко. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. Съ картою	2 » 50 »
Петерсонъ. Венгрія и ея жители	3 » — »
Сѣверцовъ. Путешествіе по Туркестанскому краю	2 » — »
Знаніе. Сборникъ для юношества	1 » — »
Гейлеръ. Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ	5 » — »
Рейнботъ. Счетоводство	— » 90 »
Жаровка. Пчелы. О томъ какъ онѣ живутъ и какъ ихъ размножать	— » 80 »
Наумовъ. Молочное хозяйство	1 » 50 »
Глинка. Наука о человѣческомъ обществѣ	2 » — »
Гете. Сочиненія 5 томовъ (Фаустъ, Клавиго, Рейнеке Лисъ, Германъ и Доротея, Ученическіе годы Вильгельма Мейстера и проч.	6 » 75 »
Руссильонъ. Военныя силы Сѣверо-Американскихъ штатовъ	2 » — »
Фиялинсъ. Добыча золота и серебра (съ атласомъ)	7 » — »
Хлыстовъ. Карманная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ	1 » 50 »
Снегиревъ. Біографія	2 » — »
Храповицкій. Дневникъ 1782—1793 г.	3 » 50 »
Чужбинскій. Петербургскіе игроки. 2 тома	3 » 50 »
Смирнова. Попечитель учебнаго округа	2 » — »
— Соль земли	3 » — »
Бомонъ-де-Васси. Тайны царствованія Наполеона III.	1 » 50 »
— Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ	1 » 50 »
Кущевскій, Ив. Николай Негоревъ или благополучный россіянинъ	2 » 50 »
— Маленькіе разсказы	1 » 25 »
Крестовскій, В. На западѣ и на востокѣ	1 » 25 »
— Изъ походныхъ очерковъ	1 » 25 »
Лѣсковъ. Захудалый родъ	1 » 25 »
— Запечатлѣнный ангелъ. Монашескіе острова на Ладожскомъ озерѣ	1 » 25 »
— Павлинъ. Дѣтскіе годы	1 » 25 »
Милюковъ. Доброе старое время	1 » 25 »
— Разсказы и путевыя воспоминанія	1 » 25 »
Богдановъ. Очерки, разсказы и сцены	1 » 25 »
Достоевскій, Ѳ. Бѣдный мужъ	1 » 25 »
Засодимскій. Грѣшница. Болтица. А ей весело—она смѣется	1 » 25 »
Авсѣенко. Изъ-за благъ земныхъ 2 тома	2 » 50 »
Авсѣенко и Григоровичъ. Окольнымъ путемъ. Въ морѣ житейскомъ. Столичный воздухъ	1 » 25 »
Боборыкинъ. Въ чужомъ полѣ	1 » 25 »
Боевъ. Въ четырехъ стѣнахъ.	1 » 25 »
— Заозерье	1 » 25 »
Успенскій, Глѣбъ. Очерки и разсказы	1 » 25 »
— Разворенье. Старьевщикъ. Идиллія. Заронъ не пить	1 » 25 »
— Нравы Растеряевой улицы. Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ. Прогулка. Бойцы	1 » 25 »
— Лѣнтяй. Про одну стируху.	1 » 25 »
Никитинъ, В. Вѣкъ пережить, не поле перейдти. Женитьба нищихъ. Нѣтъ худа безъ добра	1 » 25 »
Чужбинскій. Фаня	1 » 25 »
— Дуэлисты. Городъ Смуровъ	1 » 25 »
Маститый беллетристъ. Разсказы въ современномъ вкусѣ.	1 » 25 »

ДЛЯ ПРИСУТСТВЕННЫХЪ МѢСТЪ И ШКОЛЪ:

ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО ВСѢХЪ ОЛЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

новые портреты Е. И. В. Государя Александра II.

19¾ × 14½ верш., въ общ. ген. мунд. съ рам. короною и вр. по 21 упак. 23 р.
13¼ × 10 » » » » » » 11 » 12½ р.

Картины: писанныя отъ 4 до 150 руб.; олеографическія » 20 коп. до 45 руб.

Иконы, религіозн., истор. картины, портреты, пейзажи и сцены изъ жизни.
Каталогъ съ эскизами для иногородныхъ по полученіи 4 почт. мар. по 8 копѣекъ.

Магазинъ единственно во 2-мъ этажѣ, входъ рядомъ съ Юнкеромъ, не смѣшивать съ иными магазинами эстамповъ.
20 Невскій проспектъ, д. Голландской церкви.
Фабрика вызол. орѣх. к черн. **Багетъ и Рамъ всякаго рода.**
Большой выборъ Снегаръ отъ 3 до 50 руб. за сотню.
№ 63 Э. Г. Дезлеръ.

СОВѢТЪ БОЛЬНЫМЪ И ЗДОРОВЫМЪ.

«Пора знать каждому, что такое медицина и какъ она исцѣляетъ». Ц. 20 коп., съ пересылкою 30 коп. Продается въ г. Новгородѣ, въ складѣ изданій учители гимназіи К. Клоссе и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 59

Абонементъ на чтеніе нотъ въ музыкальномъ магазинѣ М. Васильева,
по Михайловской улицѣ, д. № 4, противъ «Европейской гостиницы».
Отъ 1 руб. за мѣсяцъ и отъ 5 р. за годъ. Огромный выборъ классическихъ и салонныхъ сочиненій для пѣнія, фортепьяно, фисгармоники и др. инструментовъ. Большой выборъ нотъ для тріо, квартетовъ и т. д. Магазинъ пополненъ всѣми новостями, вышедшими въ послѣднее время здѣсь и заграницей. Дешевыя ноты въ изданіяхъ Петерса, Литольфа, Юргенсона и другихъ. Пересылка нотъ въ провинцію. Дешевыя цѣны. № 62

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней.
Б. Морская д. 35. 26—21

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 8 Октября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Реллинга. Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 18 Октября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 годъ.

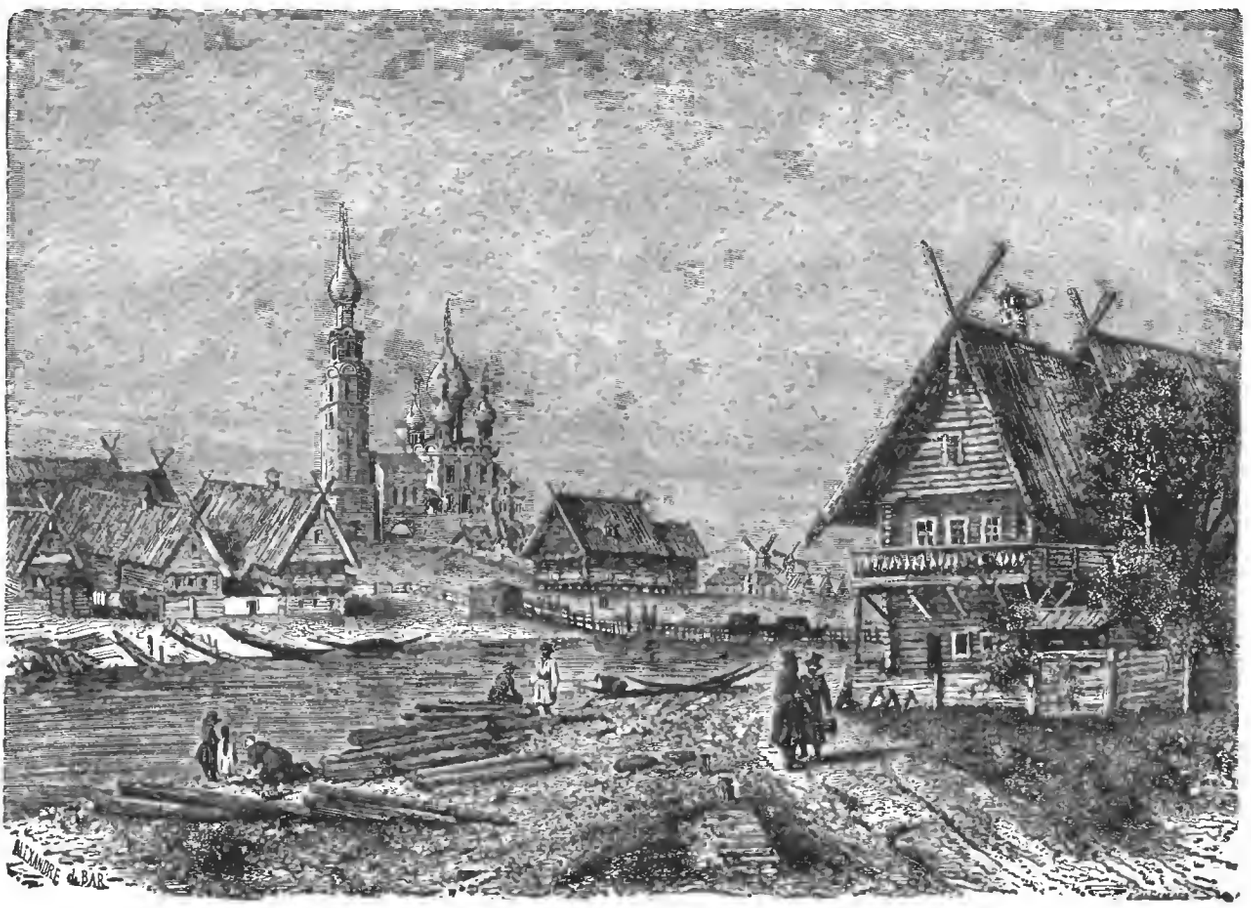
Въ виду приближенія времени подписки на 1877 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ,** въ виду того, что приготовленіе около 18,000 печатныхъ адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени. При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей,** въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ" въ нынѣшнемъ 1876 году.

Подписная цѣна «Нивы» на 1877 г.				
	I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины	4 р. 50 к.
	II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города	5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера и премію.

При этомъ № особо высылается въ картонныхъ футлярахъ нашимъ годовымъ подписчикамъ ПРЕМІЯ за 1876 годъ: «СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА». Картина эта, длиною въ 16 и шириною въ 12½ в., отпечатанная олеографическимъ способомъ 20 тонами красокъ, соединяетъ въ себѣ превосходный колоритъ, красоту рисунка, экспресію лицъ и живописную характерность взаимнаго соотношенія фигуръ. Не распространяясь болѣе о достоинствахъ этой картины, считаемъ тѣмъ не менѣе нужнымъ замѣтить, что отпечатаніе ея было сопряжено съ большими трудностями, вслѣдствіе большого числа тоновъ красокъ, требовавшихся для ея исполненія, и что до сихъ поръ ни одинъ въ Россіи журналъ не далъ своимъ подписчикамъ такой, какъ по цѣнѣ, такъ и по достоинствамъ преміи. Разсылая эту премію нашимъ подписчикамъ, мы вполнѣ надѣемся заслужить ихъ вниманіе и позволяемъ при этомъ дать совѣтъ, осторожнѣе вынимать картину изъ футляра.



Село въ тверской губерніи. Рис. съ натуры, А. де-Баръ, грав. Пашемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

По поводу картины „Спящая красавица".

Творчество народовъ, выражающееся въ миѳологіи, или олицетвореніе понятій отвлеченныхъ, можетъ принимать различныя формы: мы знаемъ главнѣйше три формы такого народнаго миѳа: сказку, пѣсню, былину. Эти элементы миѳа составляютъ содержаніе общечеловѣческой миѳологіи. Еще недавно явилась наука, такъ называемая сравнительная миѳологія, достигшая уже богатыхъ результатовъ. Она доказала, что въ общей колыбели индо-европейскихъ народовъ, въ Азіи, родились тѣ первые поэтическіе мотивы, въ которыхъ высказываются вѣрованія, понятія и міросозерцанія первоначальнаго единичнаго арійскаго народа. Арійцы переселились въ Европу и перенесли туда съ собою миѳы, родившіеся въ азіатской ихъ родинѣ. При новыхъ вліяніяхъ эти миѳы получили въ Европѣ своеобразную форму и развитіе, сохранивъ, однакожъ, вездѣ коренныя черты своей первоначальной основы.

Существуютъ въ Европѣ главнымъ образомъ *двѣ* теоріи происхожденія миѳовъ, т. е. сказокъ и былинъ, теорія перехода и заимствованія ихъ отъ опредѣленнаго центра, гдѣ они зародились, и теорія ихъ самобытнаго происхожденія у каждаго народа. Въ защиту, а такъ же и для опроверженія той или другой теоріи писано очень много, особенно братьями Гриммами и ученымъ Ганомъ (теорія противоположная заимствованію и странствованію миѳовъ). Ганъ составилъ даже огромную таблицу для опровержанія теоріи заимствованія и недавно, почти надняхъ, вышелъ въ свѣтъ его капитальный трудъ по этому предмету. Не пускаясь въ характеристику воззрѣній Гана и Гриммовъ и противуположныхъ имъ, что заняло бы много мѣста, замѣтимъ, что мифы могли и странствовать изъ своей центральной колыбели, Индіи, доказательство чего мы видимъ въ томъ, что многія сказанія у разныхъ народовъ Европы носятъ будистскій отпечатокъ. Затѣмъ, творческая сила какого либо народа уже перерабатывала пришедшій къ нему мифъ по своему, налагала на него самобытный колоритъ, и это какъ нельзя болѣе понятно въ силу моральнаго единства человѣческаго рода. Въ богословскомъ ученіи буддистовъ весьма осязательно лежитъ, напримѣръ, нравственная идея о *всеобщемъ братствѣ*. Затѣмъ важную роль въ восточныхъ сказаніяхъ играетъ младшій братъ къ старшимъ, своею безграничной къ нимъ любовью. Мы знаемъ, что младшій братъ играетъ важную роль, напримѣръ, и въ нашихъ сказаніяхъ. Такимъ образомъ становится весьма вѣроятнымъ, что азіатскіе мифы перешли изъ Индіи путемъ широко распространеннаго въ Азіи буддизма въ Европу. Но здѣсь онъ во многомъ утратилъ свой восточный колоритъ, особенно у насъ. Элементъ роскошно-фантастическаго, переливы красокъ, яркость—у насъ утратились; у тевтонскихъ племенъ, какъ доказали Гриммы, элементъ чудеснаго получилъ сурово-важный оттѣнокъ; наша же, русская народная фантазія любитъ реальность и перерабатываетъ въ этомъ смыслѣ все фантастическое; и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ сказкѣ о „Садко купцѣ, богатомъ гостѣ", который сходитъ къ подводному царю, дѣйствіе въ нашихъ сказкахъ и былинахъ совершается на землѣ, при реальныхъ условіяхъ. Какой-нибудь конь, у котораго „изъ поздрей пламя пышетъ, поднимается выше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго"—но вотъ почти и только фантастическаго въ нашихъ сказкахъ. Остальное—реально или по крайней мѣрѣ близко къ реальности. Надо, однакожъ, сказать, что куда бы мы, при анализѣ миѳовъ, ни обращались: въ Индію, въ Германію, на югъ—въ Италію или Испанію и проч., нашли бы, что собственно первобытный *остовъ* миѳа вездѣ одинаковъ. Ни романскіе, ни тевтонскіе народы, ни славяне, не построили его каждый по своему; въ этомъ смыслѣ существуетъ полнѣйшее единство миѳовъ у всѣхъ народовъ.

Обращаемся затѣмъ къ занимающему насъ предмету, т. е. къ „красотѣ" или точнѣе къ „спящей красавицѣ", къ тому смыслу, который ей придается въ общенародныхъ миѳахъ. Идея красоты, какъ существенный жизненный элементъ, проникаетъ всѣ миѳы вообще, и чѣмъ больше народъ представляетъ данныхъ для своего духовнаго развитія, тѣмъ поэтичнѣе, изящнѣе, трогательнѣе эта сторона народной миѳологіи. Соотвѣтственно реальнымъ воззрѣніямъ, напримѣръ, нашей русской миѳологіи, *„спящая красавица"*—обыкновенно въ нашихъ народныхъ сказкахъ „царевна" — созданіе реальное, роскошно раскинувшееся во время сна, съ ярко-румяными щеками, съ волосами заплетенными косой, съ полуоткрытыми глазами.

Поэтъ можетъ объектировать народное воззрѣніе на извѣстное явленіе, но онъ можетъ и возвысится надъ міросозерцаніемъ своего народа, которое часто весьма наивно и не полно и въ которомъ трудно указать связь съ общечеловѣческимъ міросозерцаніемъ, но которое несомнѣнно существуетъ, какъ скоро существуетъ единство нравственной идеи въ человѣчествѣ. Съ этой точки зрѣнія, наивное народное сказаніе о „спящей красавицѣ" вступаетъ въ область „общечеловѣческой миѳологіи", и идея этого миѳа получаетъ свою законную глубину. Для объясненія народныхъ миѳовъ съ этой точки зрѣнія, нужны Платоны, Лессинги и проч. и творческія силы въ родѣ Софокла въ древнемъ мірѣ, Шекспира, Гете и Байрона въ новомъ.

Съ этой точки зрѣнія сказаніе о „спящей красавицѣ" заключаетъ въ себѣ идею о вѣчности красоты—пусть погибнетъ извѣстная форма красоты, но сама красота, какъ абсолютная сущность прекраснаго, умереть не можетъ. Она вѣчно открываетъ свои чарующіе, всепокоряющіе очи, одушевитъ многихъ на трудной житейской дорогѣ, будетъ вѣчнымъ спутникомъ человѣчества, покамѣсть существуетъ это человѣчество. Формы красоты быстро смѣняются, но сама она, — не какъ отвлеченное понятіе, а какъ квинтъ - эссенція формъ, доступныхъ нашему созерцанію, отчасти закрѣпленная въ мраморѣ, на полотнѣ, въ созданіяхъ поэтовъ—она будетъ вѣчно возникать какъ Фениксъ изъ пепла, въ безконечномъ разнообразіи все новыхъ, и новыхъ роскошныхъ формъ. Это неизбѣжный жребій красоты.

М. С.

Нѣсколько словъ о способѣ печатанія картинъ красками.

Для тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которые не знакомы со способомъ печатанія картинъ масляными красками, мы находимъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ о громадныхъ трудахъ, сопряженныхъ съ этой работой.

Мы уже, въ № 21 журнала, сказали, для отпечатанія 25,000 экз. нашей преміи, въ 20 тонахъ красокъ, нужно сдѣлать 500,000 оттисковъ: такимъ образомъ литографу приходится пускать въ печать каждую картину 20 разъ, наблюдая при этомъ, чтобы картина ложилась на камень каждый разъ совершенно точно. Нужно замѣтить, что для достиженія этого требуется необыкновенная аккуратность. Бумага, прежде наложенія на ней какой-либо изъ красокъ, должна быть доведена до извѣстной степени сырости, вслѣдствіе чего она удлиняется отъ 1 до 2 линій и болѣе (смотря по размѣру бумаги). По отпечатаніи картины одной краской, необходимо дать ей высохнуть и только тогда приступать къ наложенію второй краски, доведя бумагу опять до состоянія прежней сырости, чтобы увеличеніе ея подъ машиной вполнѣ согласовалось съ прежнимъ. Весьма понятно, что приведеніе бумаги въ извѣстную степень сырости, при наложеніи каждой краски, очень трудно, такъ какъ при этомъ необходимо при-

Библиотека "Руниверс"

нимать въ разсчетъ и степень влажности атмосфернаго воздуха, часть влаги котораго поглощается бумагой, или наоборотъ, поглощеніе воздухомъ влажности бумаги. Кромѣ того, неправильность наложенія бумаги возможна и оттого еще, что двѣ иглы, показывающія мѣсто, на которое должна быть наложена бумага печатающейся картины, могутъ отъ постояннаго наложенія и сниманія ея расширить на ней тѣ отверстія, гдѣ они прикрѣпляются, и отъ этого бумага можетъ принять неправильное положеніе, а вслѣдствіе этого можетъ получиться и неправильный оттискъ. Достаточно ничтожнаго расширенія того отверстія, гдѣ находится игла—и оттискъ испорченъ.

Засимъ, очень трудно опредѣлить, съ математическою точностью и то количество краски, какое необходимо наложить на камень для печатанія картины: краски легко можно наложить болѣе или менѣе, потому что она накладывается на камень ручнымъ способомъ, а не такъ какъ въ большой типографской машинѣ, гдѣ краска, переходя съ вала на валъ, ложится на наборъ совершенно ровно и въ требуемомъ количествѣ. Въ ручной машинѣ, наложеніе на камень краски представляетъ большія трудности и при недостаточномъ навыкѣ мастера можетъ очень дурно отразиться на достоинствѣ картины. Это тѣмъ болѣе трудно, что въ самый моментъ наложенія красокъ нельзя рѣшить, въ томъ ли количествѣ они кладутся, какое нужно, ибо только по наложеніи на картину всѣхъ красокъ можно судить, что той или другой изъ нихъ взято ненадлежащее количество, и что, слѣдовательно, картина не вполнѣ удалась.

Изъ всего этого выходитъ, что то число картинъ, которое мы при этомъ № разсылаемъ, въ общемъ итогѣ, должно было пройти болѣе милліона разъ черезъ руки исполнителей, и что, только благодаря строгой регулярности веденія работы и массѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, картина эта могла въ настоящемъ ея видѣ и своевременно быть представленной на благосклонный судъ читателей «Нивы».

Тверская губернія и ея промыслы.

Прежде чѣмъ разсказать читателямъ о сельскихъ жителяхъ и ихъ промыслахъ въ Тверской губерніи, считаемъ нужнымъ замѣтить, что Тверская губернія одна изъ среднихъ великороссійскихъ, находится между Новгородской, Ярославской, Владимірской, Московской и Смоленской. До своего преобразованія въ 1776 году въ одно изъ первыхъ намѣстничествъ имперіи, она составляла часть огромной, Новгородской губерніи и также часть Московской.

Всѣ нынѣшніе уѣзды Тверской губерніи входили въ составъ ея съ прибавленіемъ еще Красно-Холмскаго уѣзда, который впослѣдствіи былъ упраздненъ. Теперь Тверская губернія имѣетъ 12-ть уѣздовъ: Тверской, Весьегонскій, Бѣжецкій, Вышневолоцкій, Карчевскій, Кашинскій, Новоторжскій, Осташковскій, Ржевскій, Зубцовскій и Старицкій. Пространство Тверской губерніи до 56,500 кв. верстъ.

Эта губернія весьма замѣчательна въ гидрографическомъ отношеніи; въ ней беретъ начало и протекаетъ по восьми уѣздамъ Волга, съ многочисленными притоками, въ ней разсѣяны во множествѣ озера, питающія рѣки; наконецъ заключается главное средоточіе системы водянаго сообщенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ. Богатство водъ доставляетъ Тверской губерніи выгоды удобнаго сообщенія съ различными частями имперіи, чрезъ Тверскую губернію водянымъ путемъ провозятся въ Петербургъ произведенія большой части юго-восточнаго и восточнаго края Россіи.

Но богатая въ гидрографическомъ отношеніи, эта губернія бѣдна естественными произведеніями. Почва ея наполнена болотами, мхами, озерами, съ сѣвера до Волги поверхность усѣяна булыжникомъ, иногда валунами огромныхъ размѣровъ, преимущественно изъ гранита; къ Волгѣ они постепенно уменьшаются. По уѣздамъ Ржевскому, Старицкому, Новоторжскому проходятъ цѣпи холмовъ. Самый возвышенный изъ всѣхъ уѣздовъ Осташковскій, въ которомъ находятся верховья Волги и Западной Двины. Кромѣ обширныхъ болотъ въ Тверской губерніи много песковъ. Почва глинисто-песчаная и очень бѣдная.

Климатъ въ сѣверной полосѣ губерніи сходствуетъ съ Петербургскимъ, въ южной—съ Московскимъ. Вообще очень непостояненъ. Вѣтры чаще—сѣверо-восточные и сѣверо-западные.

Лѣтомъ земледѣльцы жалуются на засуху или на дожди. Осенніе холодные проливные дожди также оказываютъ вредное вліяніе на всходы озими. Болѣе хлѣбороднымъ въ сравненіи съ другими считается Бѣжецкій уѣздъ. Сѣются: рожь обыкновенная и яза, овесъ русскій и англійскій многоплодный, ячмень, пшеница, горохъ и гречиха. Посѣвъ льна и конопли незначительный. Главный пунктъ для пеньковой промышленности есть Ржевъ. Ржевъ на Волгѣ самый богатый въ губерніи городъ и рѣчная пристань. Скотоводство по незначительности луговъ не важно. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ занимаются изготовленіемъ сыра. Сыръ, приготовляемый въ имѣніи князя Мещерскаго, считается лучшимъ и извѣстенъ всей Россіи. Плотно ткутъ по деревнямъ не только для собственнаго употребленія, но и для сбыта купцамъ. Въ Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ уѣздахъ изготовляется значительное количество холщевыхъ мѣшковъ.

Кожевенные заводы въ губерніи доставляютъ возможность сельскимъ обывателямъ сбывать древесную кору въ большомъ количествѣ, которой особенно изобилуетъ Осташковскій уѣздъ. Судостроеніе въ губерніи весьма дѣятельно и обиліе въ лѣсахъ способствуетъ развитію этой промышленности. Въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, въ селѣ Есиповичахъ и окрестныхъ деревняхъ производится большая выдѣлка деревянной посуды.

Число жителей Тверской губ., безъ различія пола до 1,939,580.

Купечество Тверской губерніи производитъ огромные обороты. Самые значительные капиталы сосредоточены въ рукахъ купцовъ, которые извлекаютъ большіе выгоды торгуя хлѣбомъ и пенькою, и гораздо менѣе занимаются другой какой-либо промышленностью. Въ частной жизни большая часть купцовъ удержали во всей чистотѣ старинныя преданія, пища ихъ самая простая, убранство комнатъ блеститъ золотомъ и поражаетъ безвкусіемъ; купеческія жены и дочери ведутъ почти затворническую жизнь. Многіе изъ богатыхъ купцовъ, особенно ржевскихъ и новоторжскихъ, старообрядцы.

Въ Тверской губерніи живутъ Корелы и небольшое число цыганъ. Корелы народъ финскаго происхожденія и говорящій однимъ изъ нарѣчій финскаго языка. Неизвѣстно положительно, когда и почему они переселились въ Тверскую губернію, но можно доказать несомнѣнными фактами, что это переселеніе случилось ранѣе временъ Петра Великаго. Въ образѣ жизни, въ одеждѣ и степени образованія, корелы, живущіе въ Тверской губерніи, ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ своихъ сосѣдей и хотя между собою не употребляютъ другого языка, кромѣ корельскаго, но всѣ умѣютъ хорошо говорить по русски.

Изъ городовъ Тверской губерніи, одинъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ Россіи городъ Тверь, при впаденіи въ Волгу рѣки Тверцы, торговый и фабричный городъ. Огромныя бумагопрядильни и кожевенные заводы. Въ Тверской соборной церкви Преображенія Господня почиваютъ мощи великаго князя Михаила. Въ Отроч-монастырѣ былъ заточенъ знаменитый Максимъ грекъ и кончилъ жизнь св. Филиппъ митрополитъ.

Сельскіе жители Тверской губерніи наружнымъ видомъ похожи болѣе на финское чѣмъ на славянское племя. Вообще они средняго роста, чаще переходящаго въ низкій, чѣмъ въ высокій, цвѣтъ волосъ болѣе рыжеватый, глаза сѣрые, носъ рѣдко правильный. Всѣ эти характеристическія признаки племени особенно явственны между женщинами. Близость обѣихъ столицъ, множество торговыхъ путей, пересѣкающихъ губернію и, наконецъ, большое стеченіе народа со всѣхъ концовъ Россіи—все это имѣло большое вліяніе на умственный уровень тверскихъ крестьянъ. Между ними встрѣчается менѣе предразсудковъ и менѣе предубѣжденій противъ нововведеній, чѣмъ между жителями другихъ губерніи. Хотя Тверская губернія преимущественно земледѣльческая, но наклонность къ другимъ отраслямъ промышленности обнаруживается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Можно сказать, что крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ только для прокормленія себя; для уплаты же повинностей и удовлетворенія прочимъ потребностямъ, они добываютъ деньги различными промыслами.

Бѣдная природа края требуетъ тяжкаго труда, чтобы вознаграждать земледѣльца жертвою; тамъ, гдѣ земля плодороднѣе, жители трудолюбивѣе; гдѣ она скудна, тамъ—получаютъ отвращеніе къ работѣ. Это можно видѣть въ Осташковскомъ уѣздѣ, въ части, прилегающей къ Псковской и Новгородской губерніямъ, составляющей самую неплодородную сторону. Единственнымъ занятіемъ, которымъ осташковцы охотно занимаются, есть рыбная ловля. Осташи обыкновенно уходятъ добывать деньги въ города — Ревель, Нарву, Ладогу, Кронштадтъ. Въ уѣздахъ, лежащихъ по теченію рѣки Волги, сельскіе жители нанимаются работать на проходящихъ судахъ. Они распредѣляютъ свои полевыя работы такъ, чтобы быть свободными при проходѣ судовъ и на это время цѣлыя деревни пустѣютъ.

Особенное развитіе умственныхъ способностей тверскихъ поселянъ рѣзко выражается въ самомъ образѣ ихъ разговора. Народный языкъ большею частію правиленъ и способенъ къ передачѣ понятій, не рѣдко чуждыхъ поселянамъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Особенности въ нарѣчіи слѣдующія: въ Осташковскомъ и частію въ Новоторжскомъ буква *ч* вездѣ замѣняется *ц* (цѣловѣкъ). Въ Новоторжскомъ и частію въ Вышневолоцкомъ *ѣ* произносится какъ *и* (мни, гди, вмѣсто мнѣ, гдѣ). Въ Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ произношеніе сходствуетъ съ вологодскимъ въ частомъ употребленіи гласной *о*. Вообще языкъ чище въ деревняхъ, находящихся на торговыхъ путяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Торжество Ермака. (Пріемъ взятаго имъ въ плѣнъ царевича Магметъ-Кула, въ октябрѣ 1581 г).
Рисов. Медвѣдевъ, грав. Швальскій.

Библиотека "Руниверс"

Участь Ермака. (Потѣхи татаръ и остяковъ надъ его трупомъ, вытащеннымъ изъ воды въ августѣ 1584 г.).
Рис. Медвѣдевъ, грав. Хельницкій.

Библиотека "Руниверс"

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Княгиня, несмотря на все свое бѣшенство, ее выслушала.

— Ну что-жь! ну такъ и есть! позоръ и срамъ... бѣжитъ съ пиру, при всемъ народѣ, на глазахъ всѣхъ, съ молодымъ мужчиной въ темный гротъ... выслушиваетъ признанія, сама отвѣчаетъ... быть можетъ цѣлуется...

— Да, онъ поцѣловалъ меня и я его тоже,—вдругъ сказала Гальшка.

Ярость княгини дошла до высшаго предѣла. Она не помнила себя, она забыла всѣ приличія. Она не могла понять, что передъ нею чистая и невинная дѣвушка, непривыкшая ко лжи и обману, невидѣвшая преступленія въ поцѣлуѣ любимаго человѣка, которому беззавѣтно рѣшилась отдать всю жизнь свою.

— Прочь отъ меня, негодная!—закричала княгиня.— Я должна краснѣть за тебя, ты меня позоришь. А твоему Сангушкѣ, неотесанному литовскому медвѣдю я покажу какъ издѣваться надо-мною! Знай, что тебѣ не бывать его женою, я не допущу этого! Я мать твоя, слышишь,—мать, и ты должна мнѣ повиноваться. . А тебя твой дядя научилъ пренебрегать мною, — но я положу предѣлъ этому. Довольно...

Гальшка бросилась на колѣни. Она пробовала говорить, умолять, она обливалась слезами. Но все было тщетно. Княгиня даже ее не замѣчала. Переведя дыханіе она заговорила снова, нѣсколько сдержаннѣе, но, съ еще большей жестокостью:

— Вотъ мое послѣднее тебѣ слово: одумайся. Тебѣ еще слишкомъ рано распоряжаться собою. Рано еще и замужъ. Выбрось изъ головы Сангушку — онъ тебѣ не пара, я не отдамъ тебя за него—клянусь тебѣ, въ этомъ, Богомъ... Оставь меня и ложись теперь спать—я тебѣ приказываю—слышишь?!

Гальшка горько взглянула на мать и ничего не увидѣла въ глазахъ ея кромѣ злобы и рѣшимости. Она слабо вскрикнула и шатаясь вышла въ сосѣднюю комнату, которая была ея спальней.

Всю ночь, напролетъ, проплакала она горькими, отчаянными слезами. Только утромъ вздремнула и поднялась съ надеждой на помощь и заступничество дяди Константина...

Около полудня князь Константинъ вышелъ къ своимъ гостямъ сумрачный и молчаливый. Онъ посылалъ за Гальшкой, но княгиня Беата ее не пустила — такъ и велѣла передать ему. Посланный шляхтичь убѣжалъ состраху къ себѣ и не смѣлъ вернуться, не смѣлъ передать князю такой отвѣтъ. Второй посланецъ доложилъ, что княжна нездорова и не выходитъ изъ комнаты.

Теперь князь Константинъ спѣшилъ показаться гостямъ и, затѣмъ, рѣшился идти самъ къ Беатѣ.

Между ними давно уже не было родственныхъ и искренныхъ отношеній, но все-же она, до сихъ поръ, соблюдала внѣшнюю любезность и даже нѣкоторую почтительность. Но на этотъ разъ она необыкновенно сухо и холодно встрѣтила князя.

— Что съ Гальшкой? мнѣ сказали — она больна?.. спросилъ Константинъ Константиновичъ.

— Нѣтъ, она не больна, но надѣлала глупостей, и я сочла нужнымъ не пускать ее туда, гдѣ только потворствуютъ этимъ глупостямъ.

Князь разсудилъ, что, самое лучшее, не обращать вниманіе на тонъ и рѣзкости взбалмочной женщины. Онъ рѣшился говорить спокойно и обстоятельно. Онъ передалъ о предложеніи Сангушки и сталъ доказывать всѣ доводы подобной партіи. Онъ, по возможности, старался сдерживать княгиню, но скоро увидѣлъ, что съ нею не легко справиться. Она рѣшительно объявила, что и слышать ничего не хочетъ объ этой свадьбѣ, что Гальшка еще молода, что Сангушко не по сердцу ей, княгинѣ Беатѣ, что, наконецъ, она мать и вправѣ одна и по своему рѣшить это дѣло. Кончилось тѣмъ, что князь разгорячился. Объясненіе привело къ полному разрыву. Княгиня Беата сказала, что не намѣрена больше оставаться въ Острогѣ, что теперь, разумѣется, не станетъ дѣлать шуму, во время празднествъ въ замкѣ, но только что разъѣдутся гости, возьметъ съ собою Гальшку и переселится въ Вильну, гдѣ у нея былъ свой домъ и помѣстья. Если же князь Константинъ вздумаетъ дѣлать какія нибудь затрудненія, то она увидитъ себя вынужденной вмѣшать въ ихъ семейныя дѣла короля и просить у него защиты.

Это были рѣчи, совсѣмъ непохожія на прежнюю Беату. Князь увидѣлъ, что она хорошо обучена ловкимъ учителемъ и легко ему было догадаться, кто этотъ учитель. Онъ понималъ, что со стороны закона — она права, что, какъ опекунъ, онъ можетъ вмѣшаться въ распоряженія относительно состоянія Гальшки, наслѣдства его брата, но удерживать силой Беату въ своемъ домѣ, не выдавать матери родную дочь — онъ не можетъ. Правда, Илья Острожскій, передъ смертью, поручилъ ему жену и дочь, наказывалъ Беатѣ жить съ семействомъ брата, взялъ даже съ нея торжественное обѣщаніе. Но, во всякомъ случаѣ, законъ тутъ не причемъ и если нельзя подѣйствовать убѣжденіемъ, то нельзя также дѣйствовать и силой.

Между тѣмъ, не могъ же онъ отдать Гальшку на вѣрную погибель, равнодушно смотрѣть на ея мученія. Чтобы спасти ее, онъ рѣшился на смѣлый поступокъ.

— Ну, если такъ, то дѣлай какъ знаешь — сказалъ онъ Беатѣ.—Разумѣется, если ты смотришь на меня какъ на врага, то намъ нельзя жить вмѣстѣ. Только помни, что ты отвѣтишь передъ Богомъ за несчастіе Гальши.

— Это ужь мое дѣло, рѣзко замѣтила княгиня.

Константинъ Константиновичъ вышелъ отъ нея, едва сдерживая бѣшенство. Еслибъ, теперь, съ нимъ встрѣтился Антоніо, то бывшему рыцарю, навѣрное, пришлось бы узнать на своей спинѣ силу могучаго кулака литовскаго князя. Но Антоніо былъ остороженъ — не изъ трусости, а изъ благоразумія, онъ давно ужь тщательно избѣгалъ встрѣчъ съ Острожскимъ.

Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ Гальшка, блѣдная и заплаканная бросилась къ дядѣ.

— Родной мой, голубчикъ, спаси меня, шептала она съ надеждой, глядя ему въ глаза.

Онъ не могъ видѣть эту блѣдность, эти слезы на прелестномъ лицѣ ея Онъ не могъ подумать, что такъ или иначе, а скоро ему придется разстаться съ своей любимицей.

У него дрогнули губы и вдругъ все мужественное, грозное лицо выразило умиленность и слабость.

Онъ нѣжно, какимъ-то даже почти женскимъ движеніемъ обнялъ племянницу и нетвердымъ голосомъ шепнулъ ей:

— Сдѣлаю все, что могу, моя дѣвочка. Положись на меня, будь спокойной и молись Богу. Не противорѣчь матери...

И онъ быстро прошелъ мимо, подавляя свое волненіе.

Библиотека "Руниверс"

Онъ спросилъ перваго попавшагося изъ „придворныхъ", гдѣ отведено помѣщеніе князю Сангушкѣ и велѣлъ проводить себя къ нему.

Сангушко былъ одинъ. Онъ ждалъ, по условію, извѣстій отъ князя, ждалъ его зова. Взглянувъ на лицо входившаго Константина Константиновича, онъ вздрогнулъ—оно не предвѣщало ничего добраго.

— Ну, крестникъ, былъ я плохимъ сватомъ. Не только что дѣло твое пропало, да и себѣ нажилъ горе большое...

И князь разсказалъ все какъ было.

— Что же теперь дѣлать? спросилъ блѣдный какъ полотно Сангушко.

— А самое лучшее тебѣ позабыть Гальшку, да поискать другую невѣсту...

— Не время, князь, смѣяться? Какъ отца спрашиваю—что прикажешь дѣлать?

— Крѣпко ты любишь Гальшку? будешь добрымъ мужемъ? будешь какъ слѣдуетъ беречь ее?

Сангушко даже и не отвѣтилъ—онъ только рукой махнулъ на безполезность подобныхъ вопросовъ.

— Ну такъ вотъ что, продолжалъ Острожскій.—Видѣлъ ты мой замокъ, видѣлъ укрѣпленія? Крѣпкая, надежная защита! А сколько, примѣрно, воиновъ можешь ты на приступъ?

Сангушко сразу и сообразить не могъ, зачѣмъ это говоритъ князь.

А князь уже съ улыбкой смотрѣлъ на него.

— Много не нужно. Человѣкъ триста, четыреста за глаза хватитъ. Время мирное, я нападеній не ожидаю. Люди мои спать горазды, особенно коли вечеромъ хлебнутъ чарку, другую. Караульщикъ и боковыя ворота иной разъ плохо запираетъ. Можно совсѣмъ въ расплохъ застать, даже безъ особаго шуму...

Сангушко бросился на шею князю

— То-то вы, молокососы—все учить васъ нужно, самому бы и въ умъ не пришло—признайся! ласково отстранилъ его князь.

— Сразу точно что не пришло, спасибо тебѣ; отецъ родной—и тотъ не могъ бы мнѣ большаго сдѣлать.

Затѣмъ они порѣшили, какъ всему быть, и князь взялъ на себя успокоить и уговорить Гальшку. Онъ только наказывалъ Сангушкѣ, чтобы тотъ заранѣе сговорился съ священникомъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ селѣ, чтобы ни на часъ одинъ не откладывать вѣнчанья.

Сангушко отправилъ своего преданнаго Голышскаго въ Сорочи, вооружить отрядъ, а самъ, чтобы не подать никакого виду, еще на сутки остался въ Острогѣ.

Ему такъ и не пришлось увидѣться съ Гальшкой. Всѣмъ говорили, что она больна и не выходитъ изъ комнаты.

VIX.

Изъ Острога, по различнымъ направленіямъ, тянулись болѣе или менѣе многолюдные поѣзды гостей княжескихъ.

Многіе изъ приглашенныхъ были встревожены извѣстіями о разбойничьихъ шайкахъ, появившихся въ разныхъ мѣстахъ Полѣсья. И какъ нарочно, зная объ огромномъ съѣздѣ въ замкѣ, большинство гостей явилось только съ необходимой свитой. Женщины надоѣдали отцамъ и мужьямъ своими страхами и толковали объ опасностяхъ возвратнаго пути. Князь Константинъ Константиновичъ, замѣтивъ эти толки и волненіе, любезно предлагалъ всѣмъ своихъ ратныхъ людей въ провожатые до безопаснаго пункта.

Кончилось тѣмъ, что весь почетный караулъ князя былъ распредѣленъ между гостями. Черезъ нѣсколько дней замокъ сравнительно опустѣлъ и въ немъ воцарилось какое-то уныніе. Всѣ ясно видѣли, что недоброе что-то творится въ княжескомъ семействѣ. Гальшка почти все время проводила у себя въ комнатахъ и немногіе, видѣвшіе ее, разсказывали, что она очень грустна и кажется нездоровой.

Княгиня Беата рѣшительно приготовлялась къ отъѣзду, но никто не зналъ, куда она собирается.

Константинъ Острожскій понемногу и незамѣтно дѣлалъ свое дѣло. Ему удалось наединѣ переговорить съ Гальшкой. Онъ и не ожидалъ отъ нея сопротивленія его плану, но все же былъ пораженъ ея спокойствіемъ и рѣшимостью. Вообще онъ увидѣлъ, что передъ нимъ уже не прежняя робкая и наивная дѣвочка. Она очевидно многое пережила въ нѣсколько безсонныхъ ночей. Она хорошо понимала свое положеніе. На другой день послѣ сцены съ матерью, она снова пробовала уговорить ее и умилостивить, но встрѣтила еще болѣе жесткій отпоръ и увидѣла, что съ этой стороны не остается никакой надежды.

Тогда и въ Гальшкѣ проснулась энергія и рѣшимость. Она знала о ссорѣ матери съ дядей; знала, что Беата хочетъ увезти ее въ Вильну. Ей было страшно подумать о томъ, что съ нею тамъ будетъ. Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь, вдали отъ всего родного и близкаго, безъ всякой надежды на счастье. Разумѣется, будучи еще почти ребенкомъ, совершенно незнакомая съ исторіями о разныхъ романическихъ приключеніяхъ, она никогда не могла бы придумать для себя плана спасенія. Она, нѣсколько успокоенная дядей, ждала отъ него и отъ Сангушки себѣ помощи. Дядя объяснилъ ей ясно и во всѣхъ подробностяхъ, что другого исхода ей нѣту, кромѣ побѣга и тайнаго вѣнчанья. Нападеніе на замокъ, увозъ Гальшку силой, снимали и съ него, какъ съ опекуна, всякую отвѣтственность. А ужь если она будетъ обвѣнчана съ Сангушкой, то ее трудно будетъ разлучить съ нимъ и врядъ ли король вступится въ это дѣло. Долго толковали они. Гальшка рѣшилась. Она любитъ князя Дмитрія Андреевича. Только съ нимъ и можетъ быть ея счастье. А если дядя самъ ее благословляетъ, такъ что же ей сомнѣваться. Къ назначенному часу она будетъ готова.

Разумѣется ей страшно передъ этимъ неизвѣстнымъ будущимъ, передъ грозящими опасностями. Ей больно, что мать родная стала врагомъ ея... Но пусть будетъ, какъ совѣтуетъ дядя, пусть будетъ, что угодно Богу.

Княгиня Беата изумлялась, видя спокойствіе дочери. Она ждала сценъ, отчаянья, плача. А тутъ ничего такого не было, только строгое, поблѣднѣвшее лицо, молчаливость и покорность. Она совѣтовалась съ Антоніо. Онъ самъ былъ удивленъ не меньше. Онъ не сомнѣвался, что князь Константинъ успѣлъ успокоить Гальшку и подать ей надежду. Но въ чемъ состояла эта надежда? Что замышляютъ Острожскій и Сангушко? Монахъ останавливался на всевозможныхъ предположеніяхъ, но до истины, какъ это всегда почти бываетъ, не могъ дойти. Онъ только торопилъ Беату отъѣздомъ. Съ переѣздомъ въ Вильну всѣ планы противной стороны становятся неопасны. И въ тоже время Антоніо писалъ подробныя донесенія Лайнецу. Его миссія была исполнена; онъ уже сообщилъ все, чѣмъ интересовались въ Римѣ, онъ успѣлъ совратить въ латинство многихъ изъ жителей замка, завелъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ шляхтичей, сильно подѣйствовалъ на душу сыновей князя Константина. Въ Острогѣ, при рѣшительномъ характерѣ владѣльца, при его враждебномъ расположеніи къ іезуиту, трудно было сдѣлать больше и дальнѣйшее пребываніе даже оказывалось опаснымъ. Вырвавъ Беату изъ подъ вліянія Острожскаго, забравъ въ руки Гальшку, слѣдовало непремѣнно ѣхать какъ можно дальше. Вильна была удобна во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ того, онъ уже зналъ, что съ этого пункта начнется дѣятельность въ Литвѣ его орденскихъ собратій...

Отъѣздъ Беаты былъ назначенъ черезъ три дня. Княгиня не рѣшалась запирать дочь, и Гальшка все это

Библиотека "Руниверс"

послѣднее время проводила на половинѣ князя, съ теткой и двоюродными братьями. Мальчики не могли понять ея слезъ и ужасно завидовали ей, что она уѣзжаетъ изъ Острога, который, подъ вліяніемъ дружбы Антоніо, начиналъ казаться имъ скучнымъ и ненавистнымъ...

Вечеромъ, передъ закатомъ солнца, Константину Константиновичу доложили, что пріѣхалъ гонецъ съ письмомъ отъ князя Сангушки. Онъ велѣлъ его звать. Вошелъ Ѳедя, разгорѣвшійся отъ скорой ѣзды, взволнованный и смущенный. Онъ подалъ князю письмо.

Вотъ что писалъ Сангушко:

„Стою съ своими людьми на часъ разстоянія отъ Острога. Если все ладно, буду о полуночи Обо всемъ передай на словахъ моему Ѳедѣ. Онъ малый толковый".

Князь помнилъ Ѳедю еще маленькимъ мальчикомъ въ Сорочахъ. Не безъ изумленія онъ взглянулъ на него.

— Видно мало людей у твоего князя, что онъ тебя съ такимъ дѣломъ посылаетъ, проворчалъ онъ.

Ѳедѣ было очень обидно слышать слова эти. Онъ чуть не на колѣняхъ умолялъ Сангушку послать именно его. Посвященный во всѣ тайны онъ находилъ теперь мучительное наслажденіе способствовать счастью Дмитрія Андреевича и Гальшки. Ему хотѣлось только опасностей, жаркаго бою, хотѣлось умереть за нихъ обоихъ...

— Дѣлать нечего— приходится и съ тобою вести дѣло, все также сурово замѣтилъ Острожскій.

И онъ передалъ ему, что нужно. Калитка у боковыхъ воротъ замка, со стороны лѣса, будетъ открыта. Люди Сангушки должны входить какъ можно тише. Пусть захватятъ съ собой лѣстницу — княжна будетъ ожидать на своемъ балконѣ.

Черезъ четверть часа Ѳедя уже мчался изъ замка. Сознаніе его важной роли нѣсколько помогало ему забыться. Онъ свернулъ въ лѣсъ и внимательно изучалъ всѣ тропинки...

А въ это время князь Константинъ Острожскій прощался съ своей Гальшкой Несмотря на вѣроятный успѣхъ дѣла, онъ зналъ какимъ случайностямъ она подвергалась. Долго не могъ онъ отъ нея оторваться. Набожно крестилъ онъ ее и шепталъ молитву. А свѣтлые глаза его застилали непослушныя слезы.

— Да хранитъ тебя Богъ, Гальшка, наконецъ сказалъ онъ.—При первой возможности присылай вести— иначе не буду спокоенъ. И такъ ужъ много беру на себя; но другаго тебѣ спасенія не могъ придумать.

Княжна, вся въ слезахъ обнимала его и съ дочерней нѣжностью цѣловала его руки.

Они разстались.

Князь мѣрными шагами отправился на свою обычную вечернюю прогулку. Всѣ въ замкѣ знали, что онъ любилъ гулять передъ сномъ въ ясный вечеръ и встрѣчные почтительно давали ему дорогу. Онъ подошелъ къ зданію, въ которомъ помѣщались люди его отряда. Большая часть ихъ еще не вернулась съ провода гостей. Князь остановился и прислушался. Доносились веселыя пѣсни и шумный говоръ. Воины пировали, и на этотъ разъ не безъ вѣдома князя. Константинъ Константиновичъ довѣрился старому, преданному слугѣ, занимавшему въ замкѣ должность главнаго, почетнаго ключника, тотъ горячо вошелъ въ интересы Гальшки и теперь отлично обдѣлывалъ дѣло. Храбрые воины и многіе изъ „придворныхъ" самымъ мирнымъ образомъ „пробовали" только что полученныя вина и старый медъ изъ погребовъ замка...

Князь видѣлъ какъ нѣсколько фигуръ сходило пошатываясь съ крыльца и разбредалось въ разныя стороны, во свояси. Онъ пошелъ дальше и скоро очутился у такъ называемыхъ „лѣсныхъ воротъ". Солдатъ караульный спалъ крѣпкимъ сномъ, мертвецки пьяный. Константинъ Константиновичъ осторожно отодвинулъ тяжелые засовы и медленно вернулся къ себѣ. Черезъ часъ мертвая тишина водворилась въ замкѣ. Всѣ спали...

Княжна Гальшка вышла на балконъ своей спальни. Душистая, влажная ночь обступила ее сумракомъ. Она оперлась на холодныя перила балкона и не замѣчала какъ слезы ея капали одна за другою. Ей было и горько и страшно. Она пробовала молиться, но мысли ея не могли сосредоточиться на словахъ молитвы. Тоска щемила ей сердце. Она ждала и слушала, и минуты казались ей часами...

Между тѣмъ, у опушки безконечнаго, дѣвственнаго лѣса, подходившаго почти къ самому замку, замѣтно было осторожное движеніе. На небольшую полянку, съ которой видѣнъ былъ замокъ, съ двухъ сторонъ съѣзжалась тѣсная толпа всадниковъ. Вотъ почти половина

Водопадъ Ніагара. Рис. Н. Гердеръ, грав. Земанъ.

Библиотека "Руниверс"

Этюдъ съ натуры (Время отдыха). Картина Рюдо, граф. Кохъ.

Библиотека "Руниверс"

ихъ, человѣкъ триста, спѣшились и отдали коней отварищамъ. Все уже заранѣе было условлено между ними. Сангушко отдавалъ послѣднія приказанія.

Спѣшившіеся воины стали строиться въ ряды и попарно выходили изъ лѣсу, направляясь къ воротамъ замка. Все было тихо. Пропустивъ мимо себя человѣкъ двѣсти, Сангушко выѣхалъ вслѣдъ за ними съ Ѳедей и Галынскимъ.

Передовые воины были уже у калитки. Они почти неслышно отворили ее и стали проходить во дворъ замка. Караульный даже и не пошевелился—онъ храпѣлъ на всѣ лады, растянувшись поперегъ тропинки, такъ что воинамъ приходилось обходить его. Они шопотомъ отпускали на его счетъ шутки. Стараніями предусмотрительнаго ключника кругомъ не было ни одной собаки, а огромный волкодавъ, постоянно привязанный на цѣпи у калитки, лежалъ безъ дыханія въ конурѣ, попробовавъ чего-то страннаго въ своей вечерней пищѣ.

(Продолженіе будетъ).

Ермакъ покоритель Сибири.

Имя Ермака стоитъ надъ всею Сибирью, сохранятся въ названіяхъ урочищъ, живетъ во всей Руси православной въ пѣсняхъ народныхъ. Богатырь этотъ родился въ вотчинѣ именитыхъ Строгановыхъ. Дѣдушка Ермака, Аѳанасій Григорьевъ Аленинъ, жилъ очень бѣдно, былъ онъ посадскимъ въ городѣ Суздалѣ и занимался извозомъ, возилъ даже разбойниковъ въ Муромскомъ лѣсу, да въ не добрый часъ и попался съ ними въ тюрьму, изъ тюрьмы ему удалось бѣжать въ Юрьевъ-Повольскій, да тамъ онъ и умеръ, а дѣти его Родіонъ и Тимоѳей переѣхали въ земли Строгановыхъ, дарованныя Строгановымъ самимъ государемъ между Камой и Чусовой рѣками *).

Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобы Строгановы сами и города строили, и разныхъ людей бы имѣли и сами отъ лихихъ сосѣдей, дикихъ инородцевъ, оборонялись бы. Вотъ въ этихъ-то мѣстахъ и родился отъ Тимоѳея Аленина нашъ знаменитый Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ермакъ было только прозвище, данное ему товарищами, когда онъ въ первое время своей юности служилъ кошеваромъ на стругахъ и плавалъ по Волгѣ и Камѣ, и означаетъ оно «таганъ артельный», а на самомъ-дѣлѣ имя ему было Василій, и былъ онъ малый красивый и статный, волосы имѣлъ темныя, а бороду черную; былъ онъ силенъ и рѣчистъ, и сердце имѣлъ великое и волю могучую. Не долго выдержалъ Ермакъ жизнь въ работникахъ, захотѣлось ему поискать другой доли, разманила его жизнь удалая, Волга матушка — широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, высоко держатъ они свою голову; съ бусурмавами сражаются, да казной своей похваляются.

Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Сколько годовъ онъ прогулялъ на Волгѣ, сколько онъ чего понадѣлалъ за это время доподлинно неизвѣстно, только какъ разъ взбунтовалась черемиса и татарва казанская, и царь посылалъ на нихъ своихъ воеводъ, то Ермакъ помогалъ воеводамъ и усмирили они тѣхъ бунтовщиковъ, а какъ усмирили, такъ Ермакъ снова загулялъ по Волгѣ, пока не стряслась надъ нимъ бѣда горемычная. Ѣхалъ въ ту пору персидскій посланникъ. Ермаковы ребята во хмѣлю и напали на нихъ, да посланника въ дракѣ и убили. Какъ узналъ это грозный царь, такъ и отправилъ изловить ослушниковъ, а главныхъ изъ нихъ велѣлъ вѣшать безъ всякаго разговора. Ермакъ заслышалъ такія вѣсти и съ товарищами любимыми скрылся. Пробрался онъ въ прикамскія мѣста и напала тамъ на него такая тоска, что хоть въ монастырь пойти. Былъ онъ добрый молодецъ, а теперь ему никуда показаться нельзя.

Думали думушку все единую;
А на Волгѣ ходить намъ ворами слыть,
Подъ Казань—градъ идти, да тамъ царь стоитъ,
Какъ грозный то царь Иванъ Васильевичъ,
У него тамъ силы много-множество.
Да тебѣ Ермакъ быть повѣшану,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ.

Такъ говорится въ народной пѣсни о положеніи Ермака съ товарищами въ это время.

Побился, помучился такъ Ермакъ, да должно быть и повѣдалъ свою тоску кручину родичамъ, а тѣ сказали просто Строгановымъ. Строгановымъ тогда руки были нужны, они и стали звать къ себѣ Ермака съ дружиною. «У насъ про тебя было есть, писали они ему, а ты послужилъ бы этимъ царю вѣрой правдою и прежніе грѣхи свои заслужилъ бы. Идите къ намъ оборовять великую Пермь и восточный край христіанства». Прослезился Ермакъ, читая грамоту, и всѣ его товарищи храбрые есаулы, Иванъ Кольцо, Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Матвѣй Мещерякъ, всѣ возрадовались и пошли на зовъ Строгановыхъ. Строгановы приняли ихъ съ великою честію, снарядили ихъ всякими запасами и воинскими доспѣхами, дали имъ еще людей разныхъ 300 человѣкъ, отслужили молебенъ и отправили въ далекій путь, въ неизвѣстную землю сибирскую. Пошли казаки по рѣкѣ Чусовой, по Серебряной, сдѣлали тутъ казаки земляное укрѣпленіе и назвали его Кучуй городъ, поплыли Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку и Тулу рѣку. Время стояло ясное, Сентябрь мѣсяцъ (1581 г.). Шли казаки скоро и весело: на рѣкахъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Эхъ, сторона то богатая! Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоитъ. Грянули казаки изъ ружей, все войско и попадало отъ страху. Подошли казаки, стали разспрашивать, оказалось, что войско это сибирскаго царя Кучума, а велъ его Мурза Таузакъ. Разспросилъ ихъ Ермакъ обо всемъ и отпустилъ домой: а, Мурза прибѣжалъ къ Кучуму, да такой страхъ нагналъ на всѣхъ, что Кучумъ переполошился, и на первыхъ порахъ заперся въ *городкѣ* Сибирь или Искеръ, а сыну или племяннику Магметъ-Кула назначилъ идти съ большей ратью на Ермака. Магметъ-Кулу считался самымъ славнымъ богатыремъ сибирскимъ и былъ онъ съ головы до ногъ одѣтъ въ звѣриныя шкуры. Встрѣтилась рать съ казаками, и хоть сибирцы уже не падали отъ грома выстрѣловъ, но все-таки не выдержали и убѣжали. Ермакъ поплылъ дальше по Тоболу, спѣша къ Иртышу, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой еще былъ бой; разбили казаки Кучумова мурзу, Карачу, и взяли богатую добычу и золота и меду. А Магметъ-Кулъ не терялъ казаковъ изъ виду, и при впаденіи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ преслѣдователей, причалилъ къ берегу, напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ у Ермака не было, но почти всѣ казаки были ранены. Стала призадумываться дружина Ермака, какъ-бы гдѣ остановиться, да отдохнуть. Увидѣли они по Иртышѣ какое-то старое городище удобное для привала, и расположились въ немъ. Оказалось, что это городище была устроенная Кучумомъ засада; на высокой горѣ, Чувашевой, близъ городища расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска, а другая половина подъ начальствомъ Магмета-Кула укрылась съ другой стороны городища. Казаки стали себѣ уже пищу варить и готовились на ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ въ засѣкѣ людей видимо невидимо. Взбунтовались казаки, требуютъ сейчасъ же на суда садиться и ѣхать обратно. Есаулы ихъ уговариваютъ, да нѣтъ — куда! И страхъ и отчаянье напали на казаковъ. Больно ужь притомились они. Молчалъ сначала Ермакъ, ни слова—далъ всѣмъ наговориться, а потомъ и обратился къ казакамъ съ такою рѣчью: «Время теперь позднѣе—октябрь стоитъ—рѣки скоро станутъ, не догребемъ до дому, придется зимовать Богъ вѣсть гдѣ, пожалуй еще замерзнемъ всѣ. Да и стыдно вамъ, братцы, всѣ вы казаки христіане православные, забываете вы, сколько отъ этихъ поганыхъ нехристей избито народу русскаго, сколько добра нашего сожжено и разграблено, церквей Божіихъ поругано; усумнились вы, казаки, въ помощи Господней: и не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ». Много такъ говорилъ Ермакъ. Казаки не дали ему кончить рѣчи и всѣмъ казацкимъ кругомъ дали свое согласіе во всемъ полагаться на своего вожатаго. На утро, какъ только освѣтило солнце, вывелъ Ермакъ свою дружину и съ крикомъ «съ нами Богъ!» они побѣжали на приступъ. Завязался бой не на животъ, а на смерть, стали въ рукопашную драться, на одного казака по десяти, по двадцати татаръ приходилось. Проявилась тутъ страшная сила богатырская, и Магометъ-Кулъ былъ раненъ—еле живого его отвезли на другую сторону Иртыша, а разстроенное его войско бѣжало. Самъ Кучумъ, добѣжавъ до своей столицы, захватилъ кое-что изъ богатой казны своей, отправился скитаться въ Ишимскія степи. Тамъ, скитаясь въ горѣ, онъ впослѣдствіи ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная. Въ битвѣ этой пало 107 казаковъ, но она рѣшила господство Россіи до береговъ великой Оби и Тобола. На другой же день, 26 октября, Ермакъ пошелъ къ Искеру, кучумовой столицѣ и вошелъ въ оставленный всѣми городъ. Много тутъ они нашли и каменьевъ дорогихъ, и тканей рѣдкостныхъ, и мѣховъ, и серебра, и золота и явствъ недоѣденныхъ—видно было, что люди въ переполохѣ все побрасали и захватить съ собою богатствъ своихъ не успѣли. Расположились казаки, поустроились, отдыхать начали. Вскорѣ явились къ Ермаку съ данью Остяки съ своимъ княземъ Боаромъ и множество татаръ съ женами и дѣтьми. Со всѣми Ермакъ обошелся ласково и приглашалъ всѣхъ жить по прежнему въ городѣ. Полюбился Ермакъ, и городъ опять наполнился людьми, стали туземцы даже радоваться, что избавились отъ Кучума и принимали присягу на вѣрность Ермаку. Въ это время Магметъ-Кулъ, оправившись отъ раны сталъ пріискивать

*) (О Строгановыхъ см. статью «Городъ Соликамскъ» въ № 27 «Нивы»).

Библиотека "Руниверс"

случай какъ-бы врасплохъ напасть на русскихъ, да разбить ихъ, но не удалось это ему, и онъ попалъ въ плѣнъ къ Ермаку. Подъ крѣпкую стражу посадилъ Ермакъ царевича, но обходился съ нимъ ласково и чтилъ его.

Вскорѣ изъ дальнихъ улусовъ на оленяхъ и собакахъ стали пріѣзжать всякіе владѣтели и изъявляли покорность Ермаку. Народы несли ему дань, кучумовъ вѣнецъ былъ въ рукахъ его, но Ермакъ былъ русскій, а сердце русскаго не отрывается отъ родины, и куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою славою не возвеличился бы—онъ не перестанетъ думать о святой Руси. Принималъ Ермакъ почести, а думалъ о другомъ. Зазвалъ онъ къ себѣ попа, заперся съ нимъ и велѣлъ попу писать грамоты. одну къ Строгановымъ, другую къ самому царю Ивану Васильевичу, и ни слова Ермакъ въ этихъ грамотахъ не говоритъ о себѣ, ничего не указываетъ, а просто пишетъ, что изволеніемъ Всемогущаго Бога и праведною царскою молитвою царство Сибирское взято, и царь Кучумъ побѣжденъ подъ высокую Государеву руку. Отправился съ этими грамотами Иванъ Кольцо, поѣхалъ онъ съ пятьюдесятью казаками, а Ермакъ съ товарищами остался дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Это было уже въ 1582 году. Не веселое время было тогда на Руси православной и въ матушкѣ Москвѣ первопрестольной.

Въ большомъ горѣ былъ народъ московскій, мраченъ былъ Государь, когда пріѣхалъ Иванъ Кольцо. Оскорбленный миръ съ Польшею былъ тогда только что заключенъ. По этому миру Царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливоніи, земли берега Балтійскаго моря, Полоцкъ и другіе города. Мучилъ Государя этотъ постыдный миръ. Пришлось ему въ письмѣ къ Стефану Баторію королю польскому, величать его *братомъ*, и отправляя къ нему пословъ своихъ, наказывать имъ: «а буде учнутъ укорять, или безчествовати, лаяти, или бити... ино отвѣчивати слегка, а не бранитеся, а *противъ бою терпѣти*».

Мучило Государя раскаяніе за сдѣланныя имъ прегрѣшенія. Женитьба его въ седьмой разъ безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, убійство старшаго своего сына. Разсказываютъ, будто царевичъ пришелъ къ Государю и сталъ просить отправить его съ войскомъ, освобождать Псковъ. Іоанну во всемъ видѣлись измѣна, да коварство и подумалъ онъ, что царевичъ затѣваетъ противъ него не доброе. — Какъ вскочитъ Государь да кинется на царевича съ своимъ острымъ жезломъ. Борисъ Годуновъ хотѣлъ было удержать его руку, а Государь и на него замахнулся и ему сдѣлалъ нѣсколько ранъ, а царевича сильно, сильно ударилъ въ голову. Четыре дня страдалъ царевичъ и скончался 19 ноября 1582 года въ слободѣ Александровской, гдѣ много пролито было крови и другихъ невинныхъ жертвъ. Какъ умиралъ царевичъ, такъ передъ смертію цѣловалъ руки отца и все увѣрялъ его въ любви своей. Говорилъ, что умираетъ онъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ, убѣждалъ Государя не предаваться отчаянію.

Нѣсколько дней просидѣлъ у трупа Іоаннъ неподвижно, безъ пищи, безъ сна. Ненаходилъ онъ нигдѣ спокойствія, ѣздилъ онъ и по монастырямъ, служилъ панихиды, самъ писалъ имена имъ казненныхъ, каялся. рѣшился въ монастырскомъ уединеніи дни свои окончить, схиму хотѣлъ принять. Отъ душевныхъ мукъ сталъ онъ страдать падучей болѣзнею.

Въ такое-то непривѣтное время явился гонецъ отъ Строгановыхъ и съ ними казаки изъ Сибири. Велѣлъ Государь позвать ихъ. Ввели Ивана Кольцо съ товарищами. Палъ Иванъ ницъ передъ Государемъ, а грамоту положилъ себѣ на голову. Царь приказалъ дьяку взять грамоту и прочитать. Какъ прочитали, такъ Государь сталъ Ивана распрашивать и узналъ отъ него всю правду, истинную: и какъ явились они на зовъ Строгановыхъ, и какъ Сибирь брали, и что они сами за люди, и объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Выслушалъ все Государь и объявилъ казакамъ, что всѣ вины ихъ онъ снимаетъ и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ.

«А къ храброму воеводѣ нашему,—заключилъ онъ—князю сибирскому, Ермаку Тимоѳѣевичу помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту. Давно не было такого веселья въ Москвѣ, колокола, какъ въ торжественный праздникъ звонили, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливые время Іоаннаго царствованія, завоеваній астраханскаго и казанскаго царствъ. Повсюду раздавались восклицанія, что «Богъ послалъ новое царство Россіи». Строгановымъ за службу и радѣніе Государь отдалъ два мѣстечка на Волгѣ, а казакамъ дозволилъ набирать охотниковъ переселенцевъ въ новую землю. Весною 1583 года Иванъ Кольцо, князь Болховскій и съ нимъ 500 человѣкъ стрѣльцовъ, 10 священниковъ съ семействами вручили Ермаку богатые дары царскіе: двѣ брони, шубу съ царскаго плеча, серебрянный кубокъ, а въ милостивой грамотѣ своей Государь поручалъ Ермаку начальство надъ всею покоренною страною. Плѣннаго Магметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Но нѣтъ на землѣ прочной радости, и снова и много пришлось Ермаку бороться и выпало ему на долю много невзгодъ, да непріятностей. Открылась болѣзнь — цынга, обыкновенная для новыхъ пришельцевъ въ странахъ сырыхъ и холодныхъ, заболѣли стрѣльцы, отъ нихъ заболѣли и казаки; многіе силы лишились, многіе жизни. Умеръ и князь Болховскій. Наступила морозная зима, вьюги и мятели были такіе, что мѣшали казакамъ рыбу ловить и хлѣбъ доставать изъ сосѣднихъ юртовъ.—Начался голодъ. Лишась, можетъ быть, половины воиновъ, Ермакъ по веснѣ отправилъ царевича Магметъ-Кула въ Москву и написалъ Государю—просилъ его дать вспоможеніе. Не весело было Ермаку, а тутъ еще Мурза-Кароча вздумалъ быть избавителемъ отечества и подъ видомъ дружбы и какъ-бы для защиты отъ ногайцевъ заманилъ въ свой улусъ Ивана Кольцо и 40 казаковъ и убилъ ихъ; поднялся мятежъ и бунтъ всѣхъ данниковъ, татары и остяки соединились съ Карочей и необозримыми обозами окружили Искеръ. Тяжко пришлось Ермаку. Пришлось рѣшиться на отчаянную попытку. Матвѣй Мещерякъ сдѣлалъ ночью вылазку и напалъ на сонныхъ татаръ. Татары бѣжали. Сдѣлалъ и еще одинъ походъ Ермакъ вверхъ по Иртыму, взялъ нѣсколько улусовъ и городокъ Ташатканъ, да въ концѣ концовъ все-таки попалъ онъ въ засаду слѣпаго и хитраго Кучума. Въ свое двухлѣтнее пребываніе въ Сибири русскіе завели торговлю съ бухарцами, вотъ Кучумъ и распустилъ слухъ, будто къ казакамъ бухарскіе купцы ѣдутъ, а Кучумъ не даетъ имъ дороги къ Вагайской степи. Пылкій Ермакъ и поспѣшилъ для прикрытія съ пятьюдесятью казаками. Купцовъ на мѣстѣ не оказалось. Казаки, на возвратномъ пути, расположились ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки у берега, близь Вагайскаго устья на Иртышѣ. Ночью поднялась буря, дождь какъ изъ ведра лилъ. Но казаки спали богатырскимъ сномъ, татары напали на нихъ и перерѣзали ихъ всѣхъ, не успѣли казаки и за оружіе взяться, только одному изъ нихъ удалось бѣжать и добраться до Искера. Самъ Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, но перепрыгивая съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурныя волны Иртыша; подаренныя царемъ кольчуги стѣсняли его и были причиной его погибели. Такъ вотъ каковъ былъ горькій конецъ героя. 13 августа 1584 г. татаринъ, Янинъ, ловя рыбу, замѣтилъ въ водѣ человѣческія ноги; онъ закинулъ петлю и притянулъ къ берегу трупъ. По желѣзнымъ латамъ, украшеннымъ на груди золотымъ орломъ, сбѣжавшіеся татары узнали Ермака. Вытащили его изъ воды и впродолженіе шести недѣль не хоронили его. Ругались они надъ нимъ и пускали въ него свои стрѣлы. Самъ Кучумъ пріѣзжалъ увѣриться, что Ермакъ умеръ, и казаки и стрѣльцы остались какъ безъ головы. Похоронили Ермака и въ честь его съѣли 30 быковъ, а одежду и вооруженіе его раздѣлили между собой.

Но не долго, впрочемъ, процарствовалъ Кучумъ въ своей вновь занятой столицѣ, на казацкихъ могилкахъ—царскіе воины уже шли въ Сибирь, ибо путь къ ней былъ уже проложенъ.

Къ рисункамъ.

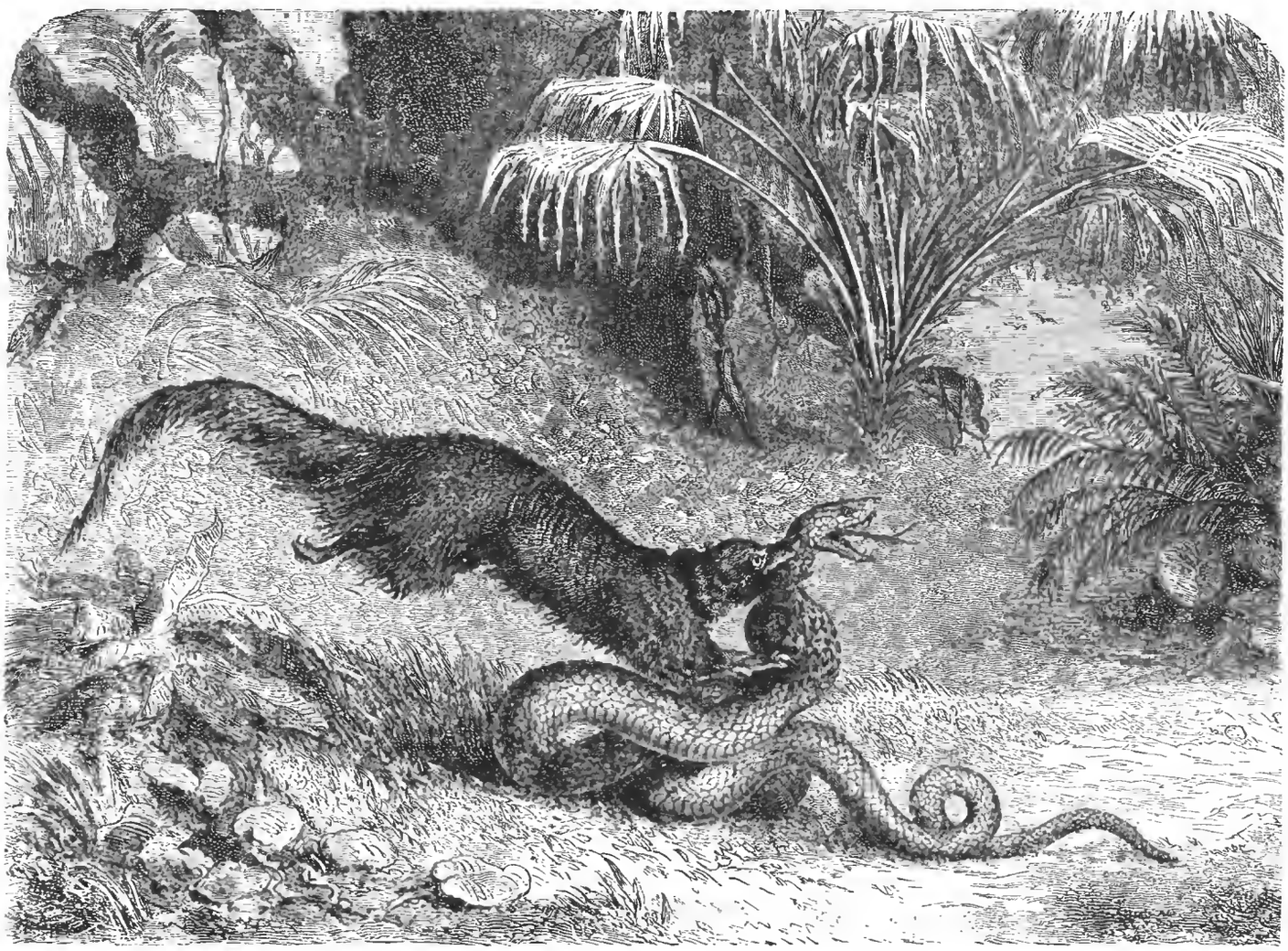
Ихневмонъ и очковая змѣя.

Въ Египтѣ и въ Индіи живетъ одна изъ самыхъ опасныхъ и большихъ ядовитыхъ змѣй, а именно *Найя* или *Очковая* змѣя, которую первые португальскіе поселенцы въ Индіи прозвали Pobra de capeha (Шляночная змѣя). Такое названіе получила она потому, что было замѣчено, какъ это пресмыкающееся, будучи въ раздраженіи, раздувало грудную полость до того, что его маленькая треугольная головка высовывалась изъ раздутаго мѣста какъ-бы изъ-подъ шляпки. Спинныя чешуйки этой змѣи украшены однообразнымъ темнымъ рисункомъ, напоминающимъ цифру 8 или очки—отсюда и названіе гадины «Очковая». Найя и въ настоящее время водится во множествѣ въ Египтѣ и во всей Индіи. Найю очень боятся, такъ какъ ядъ ея, черезъ укушеніе попавшій въ кровь, дѣйствуетъ чрезвычайно быстро и сильно: укушенный обыкновенно умираетъ. Индійскіе фигляры, «заговариватели змѣй», конечно, возбуждаютъ большое удивленіе въ зрителяхъ, когда преспокойно начинаютъ играть съ страшной Найей, имѣющей въ длину отъ 4—5 футовъ. Они обвертываютъ шею себѣ этой змѣей и даже заставляютъ ее плясать «по-змѣиному» подъ звуки монотонной музыки. Однако, пресмыкающееся это имѣетъ свирѣпаго и неустрашимаго врага въ особѣ, такъ сказать, маленькаго животнаго, которое въ разрядѣ млекопитающихъ занимаетъ среднее мѣсто между кошкой, куницей и крысой; животное это принадлежитъ къ семейству, или вѣрнѣе, къ одному изъ видовъ семейства Курмовъ (Курмы, Herpestes) изъ рода енотовыхъ кошекъ или виверръ. Это—ихневмонъ (Herpestes Ichneumon). Взрослый ихневмонъ гораздо больше нашей домашней кошки, такъ какъ длина его, вмѣстѣ съ хвостомъ, 3 фута, а вѣсъ обыкновенно 15 и даже 18 фунтовъ. Ноги у него короткія, подошвы голы, пальцы почти до половины соединены перепонкой; длинный хвостъ у корня очень толстъ, потому что въ этомъ мѣстѣ его покрываютъ волосы значительной длины;

Библиотека "Руниверс"

хвостъ является какъ бы продолженіемъ туловища. Шерсть ихневмона довольно густа, въ особенности отдѣльные волосья очень длинны и жестки. Глазная область голая, вслѣдствіе чего маленькіе блестящіе глаза животнаго, съ круглымъ зрачкомъ, рѣзче обрисовываются. Мѣхъ его—имѣетъ зеленовато-сѣрый цвѣтъ, очень подходящій къ окружающей мѣстности. На головѣ и спинѣ цвѣтъ шерсти болѣе темный. Ихневмонъ извѣстенъ былъ египтянамъ, которые считали его святымъ животнымъ и называли «Фараоновою мышью». Геродотъ разсказываетъ что ихневмоновъ вездѣ бальзамировали и погребали на заповѣдныхъ мѣстахъ. Стребонъ доказываетъ, что ихневмонъ трусоватъ и одинъ никогда не нападетъ на змѣю, Юліанъ же считаетъ Фараонову мышь храбрымъ звѣрькомъ, не боящимся ехидны. Фараонова мышь распространена во всей сѣверной Африкѣ. Животное это никогда не удаляется отъ низменныхъ мѣстъ и преимущественно обитаетъ на рѣчныхъ побережьяхъ. Скрываясь въ продолженіи дня въ камышахъ или тростниковыхъ чащахъ, ихневмонъ продѣлываетъ себѣ между камышевыми стволами узкія, но чрезвычайно аккуратно прочищенныя дорожки, ведущія къ глубокимъ, но тѣснымъ норамъ. Звѣрекъ этотъ какъ нельзя лучше оправдываетъ названіе свое «ихневмонъ», т. е. «сыщикъ». Онъ ужасно боязливъ, остороженъ и недовѣрчивъ, и всегда почти крадется, осматривается, принимая большія предосторожности. Походка этого четвероногаго сыщика замѣчательна: вы видите, что онъ двигается по землѣ, не шевеля ни однимъ членомъ; короткія ножки и длинная шерсть даютъ ему возможность двигаться незамѣтно. Люди, знающіе ихневмона, утверждаютъ, что чутье у него такое же отличное, какъ и у собакъ. Звуковъ онъ никакихъ не издаетъ.

А. Брэмъ, давая оцѣнку нравственной физіономіи ихневмона, заявляетъ, что звѣрекъ этотъ въ высшей степени опрятенъ хитеръ и храбръ; онъ, живя въ домѣ, безбоязненно бросается даже на большихъ собакъ, безпощадно душитъ кошекъ, крысъ, мышей, а попавъ въ курятникъ, производитъ тамъ страшныя опустошенія. Вообще ихневмоны очень дѣятельны, въ покоѣ оставаться не любятъ. Домъ, въ которомъ пріютили этого звѣрька, навѣрно свободенъ отъ крысъ и мышей, потому что этого маленькаго хищника правило — безостановочно вести войну съ длиннохвостыми грызунами. Замѣчателенъ еще одинъ видъ изъ семейства курмовъ, это *муно* или *мунгосъ*, представитель фараоновой мыши въ Азіи. Онъ въ половину меньше африканскаго ихневмона; цвѣтъ шерсти красновато-бурый съ желтыми крапинками, отчего весь мѣхъ мунго имѣетъ золотистый отливъ. Этотъ ихневмонъ самый годный для приученія, поэтому на родинѣ его можно встрѣтить въ любомъ домѣ, такъ какъ услуги, оказываемыя имъ человѣку, очень важны. Мало того, что мунго истребляетъ крысъ и мышей, онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ нападаетъ на разныхъ гадинъ южныхъ странъ (очковыхъ змѣй, скорпіоновъ) и душитъ ихъ безпощадно.



Ихневмонъ и очковая змѣя. Рис. Менелъ, грав. Гюйо.

Гаремъ и его обитательница.

Чѣмъ-то страннымъ, чѣмъ-то ненормальнымъ представляется, въ нашъ вѣкъ, таинственное убѣжище мусульманина, его гаремъ, жилище земныхъ, никѣмъ кромѣ него незримыхъ гурій и лишь наше воображеніе, или кисть художника открываетъ намъ, европейцамъ, завѣтныя двери. На этотъ разъ, любопытство наше удовлетворяетъ извѣстный живописецъ Кармонъ. Силою своего таланта снялъ онъ тяжелые запоры и замки, усыпилъ аргусовъ-евнуховъ и ввелъ насъ въ одинъ изъ укромныхъ уголковъ святилища, и вотъ предъ нами, въ небольшомъ устланномъ и обитомъ коврами покоѣ, на низенькомъ оттоманѣ, полулежитъ красавица-одалиска. При первомъ уже взглядѣ на помѣщенный въ этомъ № «Нивы» рисунокъ, изображающій гаремную женщину, читатель видитъ, что эта красивая фигура говоритъ только о жизни, полной лишь лѣнивой нѣги... Ласка господина, его подарки, соперничество съ своими сожительницами—вотъ весь кругъ интересовъ одалиски, вотъ все содержаніе ея жизни, т. е. ея прозябанія.

Прежде чѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о гаремѣ, замѣтимъ, что слово «гаремъ», или правильнѣе «харемъ» (арабское сло-

Библиотека "Руниверс"

во), значитъ мѣсто, или что либо другое, воспрещенное, неприкосновенное, святое; между прочимъ гаремами называются два священные для мусульманъ города Мекка и Медина—они носятъ названіе «двухъ высокихъ гаремовъ», и султанъ Турціи гордится званіемъ «слуги и сторожа двухъ гаремовъ».

Гаремъ обыкновенно помѣщается въ покояхъ, выходящихъ на дворъ, въ тѣхъ же случаяхъ, когда окна его выходятъ на улицу, на рѣку, озеро или море, то они всегда закрыты рѣшетками, сквозь которыя женщины могутъ видѣть все, оставаясь сами невидимы. Иногда гаремъ бываетъ отдѣленъ дворомъ отъ мужскаго жилья и имѣетъ свой собственный дворъ: онъ почти всегда соединяется съ садомъ, окруженнымъ высокими стѣнами, что даетъ обитательницамъ его возможность выходить на свѣжій воздухъ безъ покрывалъ. Кромѣ комнатъ женъ, въ гаремѣ помѣщаются дѣтскія, дѣвичьи, швальни и т. д.

Турки, не смотря на свое давнишнее пребываніе въ Европѣ, остались и продолжаютъ оставаться точно такими же, какими были во времена Махмуда II, какими явились подъ стѣнами Константинополя. Самымъ нагляднымъ признакомъ этого застоя служитъ между прочимъ, гаремное затворничество женщины и всѣ строгости гаремныхъ порядковъ. И теперь еще, по понятіямъ мусульманъ, никто въ свѣтѣ изъ постороннихъ, даже изъ домашнихъ, кромѣ самого хозяина и дѣтей его, даже никакая власть ни духовная, ни свѣтская, не могутъ переступить порога завѣтнаго отдѣленія, гдѣ живутъ женщины.

Для одного только шаха или султана дѣлается исключеніе: когда царственное лицо посѣщаетъ домъ своего подданнаго, то хозяинъ проситъ его осчастливить и гаремъ «раба своего благополучнымъ присутствіемъ», потому что, по общему мнѣнію азіатцевъ, (существовавшему, впрочемъ, и у римлянъ временъ имперіи), особа государя всегда приноситъ счастіе. Обычай этотъ особенно силенъ въ Персіи. Хозяинъ въ подобномъ случаѣ, старается поставить на видномъ мѣстѣ красивѣйшую изъ своихъ невольницъ; если она понравилась шаху, и онъ похвалитъ ея лицо, хозяинъ молитъ государя принять ее въ подарокъ (часто это не болѣе какъ разсчетъ, такъ какъ доставля-

Мавританка въ Гаремѣ. Картина Корманъ, съ фотогр. Гуиля, грав. Путцъ

Библиотека "Руниверс"

етъ ему покровительницу въ шахскомъ гаремѣ). Понятіе мусульманъ о стыдѣ и неприкосновенности женщинъ простирается до того, что самъ хозяинъ не смѣетъ войдти въ гаремъ, когда въ гостяхъ у его жены есть чужіе и если онъ войдетъ случайно, всѣ женщины, какъ его такъ и посторонніе, закрываютъ лица покрывалами. Правила вѣжливости требуютъ, чтобы онъ вышелъ немедленно же, не заводя разговора. Покрывало у турчанки иногда играетъ роль вѣера испанки—оно служитъ ей для языка любви: когда она, напримѣръ, предъ посторонимъ мужчиной откинетъ добровольно свое покрывало—то говоритъ этимъ, что отвѣчаетъ его чувству... Существуетъ мнѣніе, что турчанки, не смотря на рѣшетчатыя окна—нерѣдко ведутъ такой разговоръ съ посторонними мужчинами...

Долго ли еще рѣшетчатымъ окнамъ этимъ глядѣть въ Босфоръ? Не думаемъ. Грозное зарево, стоящее теперь надъ Балканскимъ полуостровомъ, является предвѣстникомъ, зарею новаго, лучшаго дня. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы какъ возможно скорѣе разрушились формы этой полудикой азіатской жизни, при которой высокое призваніе женщины, какъ матери семьи, какъ воспитательницы подрастающихъ поколѣній, не можетъ быть осуществленно. Нельзя не пожелать по крайней мѣрѣ, чтобы эта азіатская жизнь была снова отброшена изъ Европы въ тѣ страны, откуда она, непрошенная, ворвалась не въ свое мѣсто и такъ долго въ немъ держится.

Водопадъ Ніагара.

Первый изъ европейцевъ, увидѣвшій Ніагару, былъ французскій монахъ Геннепенъ; въ 1679 году онъ случайно наткнулся на этотъ феноменъ и пришелъ отъ него въ такой восторгъ, что тотчасъ же оповѣстилъ объ немъ всю Европу — приглашая всѣ народы насладиться чудеснымъ, невиданнымъ до тѣхъ поръ зрѣлищемъ. Шатобріанъ, знаменитый соотечественникъ Геннепена, посѣтилъ Ніагару, также восхитился ея водопадами и въ поэтическомъ описаніи своего путешествія называетъ главный изъ нихъ столпомъ подобнымъ тому, который падалъ на землю во время всемірнаго потопа. Постараемся представить ніагарскій водопадъ такимъ, какимъ онъ является у новѣйшихъ, болѣе хладнокровныхъ путешественниковъ.

Рѣка Ніагара, какъ извѣстно, вытекаетъ изъ озера Эри. Лѣсистый островъ, носящій названіе Козьяго острова (Goat Island), раздѣляетъ его на два потока, низвергающіяся въ этомъ мѣстѣ съ обрыва въ 20 саженъ вышины. Вода, дойдя до этого обрыва, светлозелеными струями обрушивается внизъ пѣнистыми, широкими потоками, и образующееся при этомъ паденіи облако брызгъ застилаетъ собою даже вершину дальняго лѣса, покрывающаго низменные берега рѣки Ніагары. За обрывомъ форма этихъ береговъ совершенно измѣняется; они становятся высокими скалистыми и сдавливаютъ стремнистый потокъ своими отвѣсными стѣнами. Чтобы достигнуть большаго водопада, надо часть дороги пройти по почвѣ, состоящей изъ известковыхъ камней, на которыхъ валяются остатки рыбъ, бѣлокъ и лисицъ, застигнутыхъ потокомъ выше раіона водопадовъ, сброшенныхъ имъ въ бездну и потомъ выкинутыхъ на берегъ. Чѣмъ ближе приближаешься къ водопадамъ, тѣмъ путь дѣлается болѣе затруднительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутой берегъ обрушился, а потому необходимо прочищать себѣ дорогу и лѣпиться по скользкимъ скаламъ, постоянно обливаемымъ брызгами водопада. Подходить слишкомъ близко къ краю стремнины бываетъ иногда не совсѣмъ безопасно: въ 1850 году обрушилась огромная масса берега шириною въ 100 футовъ и длиной въ 200, на которой за нѣсколько времени до паденія стояла толпа человѣкъ въ 50. Въ настоящее время, туристъ желающій видѣть водопадъ во всемъ его величіи, такъ сказать съ высоты птичьяго полета, можетъ избрать самый безопасный наблюдательный пунктъ на новомъ висячемъ проволочномъ мосту сооруженномъ въ саженяхъ ста отъ паденія водопадовъ и соединяющемъ два берега, канадскій и американскій, отстоящіе здѣсь другъ отъ друга на разстояніи 1,240 футовъ. Это сооруженіе, при всей своей видимой легкости, замѣчательно прочно и можетъ служить образцомъ смѣлости и изобрѣтательности американскихъ строителей. Въ двухъ миляхъ отъ этого моста внизъ по рѣкѣ, сооруженъ въ 1352 году другой двухъярусный висячій мостъ. По его верхнему ярусу движутся локомотивы съ длинной вереницей вагоновъ, а по нижнему переходятъ пешеходы и медленно проѣзжаютъ экипажи. Этотъ мостъ длиною въ 114 саженъ, вышиною онъ уровня воды 35 саженъ а стоимость его простирается до 500,000 долларовъ. Налюбовавшись вдоволь съ моста чудной панорамой всѣхъ трехъ водопадовъ, туристъ можетъ тутъ же успокоить свой взоръ зрѣлищемъ тихой и безмятежной природы. Здѣсь, за мостомъ, ниже водопада, онъ увидитъ какъ тихо течетъ рѣка похожая на озеро, и какъ это общее безмолвіе нарушается лишь шумомъ близкаго потока, да криками дикихъ птицъ. При всемъ богатствѣ и разнообразіи живописныхъ окрестностей Ніагары, Козій островъ, имѣющій видъ роскошнаго парка съ красивыми мостиками и удобными дорожками, предпочитается всѣми путешественниками. На Козій островъ переходятъ по желѣзному мосту перекинутому здѣсь надъ бурнымъ и быстро несущимся потокомъ. Американцы съумѣли воспользоваться силою теченія и эта сила теперь приводитъ въ движеніе машины бумажной фабрики. Гуляя по Козьему острову подъ тѣнью кедровъ, каштановъ и орѣшниковъ, можно подойти къ самому краю обрыва, съ котораго плотная струя воды низвергается въ глубину около 23 саженъ. Съ Козьяго острова по мостику перебираются на другой островъ отдѣляющій центральный водопадъ (Central fall), отъ такъ называемаго американскаго водопада (American fall), падающаго съ высоты 164 футовъ. Хотя и здѣсь можно подойти къ самому обрыву и любоваться безъ помѣхи паденіемъ бурнаго потока, но многіе любители сильныхъ ощущеній недовольствуются этимъ зрѣлищемъ, спускаются внизъ по крутой лѣстницѣ къ подножію водопада, въ сопровожденіи опытнаго проводника карабкаются по скользкимъ камнямъ, обливаемые съ головы до ногъ водяными брызгами и оглушаемые страшнымъ шумомъ. Не смотря на трудность и даже на опасность подобныхъ экскурсій, охотники на нихъ всегда являются въ большомъ количествѣ, особенно изъ американцевъ записныхъ любителей такихъ смѣлыхъ и эксцентрическихъ похожденій.

Нельзя не упомянуть о нелѣпомъ извѣстіи, обнародованномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ многими газетами объ исчезновеніи ніагарскаго водопада. Такое событіе если и можетъ совершиться, то только въ весьма далекомъ будущемъ. По вычисленію американскихъ геологовъ водопадъ отступаетъ къ озеру Эри на одинъ футъ въ каждое столѣтіе. Это явленіе зависитъ отъ того, что верхняя часть скалъ, съ которыхъ онъ низвергается, состоитъ изъ твердаго известняка, способнаго выдерживать болѣе напоръ водяной массы, чѣмъ лежащій подъ нимъ непрочный и легко вымываемый сланецъ. Такимъ образомъ, вершина скалъ, ненаходя опоры въ нижнемъ слоѣ, частицы котораго постоянно уносятся теченіемъ, обламывается и весь водопадъ, измѣняя свой наружный видъ, подступаетъ болѣе и болѣе къ озеру Эри. Геологи предрѣкаютъ, что весь водопадъ, потерявъ все свое величіе, обратится со временемъ лишь въ рядъ быстрыхъ стремнинъ, но они-же прибавляютъ, что это совершится черезъ нѣсколько тысячелѣтій.

Рисунокъ ніагарскаго водопада, приложенный при нашей статьѣ, взятъ изъ одного очень изящнаго и полезнаго изданія, только что начавшаго выходить въ Германіи подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Die Erde und ihre Völker. Ein geographisches Hausbuch». Все изданіе будетъ состоять изъ 50-ти выпусковъ, изъ которыхъ первые, до сихъ поръ вышедшіе, заключаютъ въ себѣ описаніе Америки. Множество рисунковъ, прекрасно исполненныхъ (образчикомъ которыхъ можетъ служить прилагаемая нами гравюра Ніагарскаго водопада), ясно доказываетъ, что издатели задались благотворной задачей: дать за дешевую цѣну драгоцѣнное пособіе для элементарнаго знакомства съ наукой землевѣденія.

А. Н.

Этюдъ съ натуры.

Молодой художникъ-пейзажистъ захотѣлъ отдохнуть полчасика и вотъ, положивъ палитру, улегся подъ деревомъ и закурилъ папироску. «Этюдъ съ натуры» можетъ подождать, да и денекъ выдался жаркій. *Переносить на полотно природу*—занятіе хотя и пріятное, но все-таки требующее извѣстнаго напряженія, причемъ устаютъ и глаза, и руки, особенно правая. Тоже дѣла строить воздушные замки! И легче, и пріятнѣе. Въ какіе нибудь двѣ-три минуты готово великолѣпное палаццо, съ обширнымъ паркомъ, фонтанами и изящно-бѣлѣющими мраморными статуями среди зеленой чащи... Какъ хорошо быть обладателемъ такого жилища!..

Вьется синій дымокъ отъ папироски, тянется чуть замѣтною полоскою за изгородь и исчезаетъ... Исчезаетъ и великолѣпное палаццо: паркъ съ фонтанами и статуями куда-то проваливается, во рту ощущается непріятная горечь, а въ сердце закрадывается тоска...

Но вотъ, новый клубъ дыма и новый воздушный замокъ — лучше прежняго.

Чудные, томные голубые глазки привѣтливо улыбаются ему... Онъ беретъ золотисто-бѣлокурую прядь волосъ и прижимаетъ ее къ своимъ губамъ, страстнымъ голосомъ декламируя стихи Баратынскаго:

О, вѣрь: ты, нѣжная, дороже славы мнѣ!
Скажу-ль? Мнѣ иногда докучно вдохновенье:
Мѣшаетъ мнѣ его волненье
Дышать любовью въ тишинѣ!

И вдругъ языкъ его ощущаетъ нѣчто ужасное—папироска догорѣла до ваты, а онъ незамѣтилъ этого, поднесъ къ губамъ папироску и потянулъ дымъ!.. Ахъ, какъ скверно! Окурокъ полетѣлъ въ траву, а съ нимъ улетѣла и голубоокая красавица...

За изгородью сдержанный смѣхъ.

Библиотека "Руниверс"

Художникъ поворачиваетъ голову налѣво.

— А, это ты, Лиза. Ну, здравствуй.

Передъ нимъ стоитъ молодая дѣвушка и лукаво улыбается.

— Здравствуйте. Хорошо же вы работаете!

— Отдыхаю. Чего же ты смѣешься?

— Чего? А я смотрѣла, какъ вы мечтали, строили воздушные замки—вѣдь правда? и потомъ обожгли себѣ языкъ докуренной папироской... Развѣ не смѣшно.

— Пожалуй, смѣшно.

Онъ вынулъ изъ портсигара папироску и, закуривъ ее, улегся попрежнему.

— А странное это дѣло, вздохнувъ заговорила Лиза и оперлась поудобнѣе на изгородь:—вотъ я посмѣялась надъ вами, поймала васъ на мечтаніяхъ, а сама-то какъ иногда заношусь въ мечтахъ, какіе замки разчудесные строю! Чтобы надъ собой посмѣяться? Нѣтъ! И въ голову тогда не придетъ, только вотъ загрустишь крѣпче... Отчего это? Ну-ка, объясните.

— Оттого, что мы къ себѣ всегда деликатнѣе, вѣжливѣе относимся, это во-первыхъ, а во вторыхъ—въ чужомъ глазу сучекъ для насъ виднѣе, чѣмъ —

— Знаю, знаю дальше. А вотъ, интересно бы подслушать чужія мечтанія, да никто вслухъ не мечтаетъ...

— Что-жь, покажи примѣръ.

— Благодарю-съ! Однако, мнѣ нѣкогда... Дѣло ждетъ. Прощайте. Что-жь, мечтать еще будете или рисовать?

— А вотъ, докурю и снова примусь за работу.

Молодая дѣвушка затянула пѣсню и скрылась за изгородью, а художникъ долго еще пролежалъ подъ деревомъ, строя замки уже по проще—въ родѣ, можетъ быть, казенной квартиры въ четыре комнаты, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Политическое обозрѣніе.

Политическій горизонтъ Европы до такой степени подернулся грозовыми тучами, «вѣроятныя» соображенія исхода настоящаго положенія вещей до такой степени усложились, что становится труднымъ различать степени различныхъ вѣроятностей. Въ исторіи государствъ, по отношенію къ которой политическій ходъ вещей составляетъ какъ-бы систему кровообращенія, какъ и въ исторіи вообще, *ничего не повторяется*. Каждое событіе имѣетъ свою собственную физіономію и, существуя въ огромной цѣли другихъ событій, существуетъ и само для себя. Общій результатъ борьбы между исламизмомъ-поработителемъ и порабощенными, но борющимися на жизнь и смерть за свою свободу *должна быть побѣда славянъ* надъ ихъ поработителями. Таковъ былъ всегда непреложный законъ исторіи, что побѣдителемъ оставался народъ, на сторонѣ котораго была нравственная идея, правое дѣло. Путь къ побѣдѣ можетъ быть терниетъ, многотруденъ, отроченъ судьбою на десятки, сотни лѣтъ, но въ итогѣ онъ все-таки ведетъ и приведетъ въ обѣтованную землю свободы.

Для борющихся балканскихъ славянъ упомянутая «отсрочка» не имѣетъ никакого разумнаго оправданія; врагъ, съ которымъ они борются, не смотря на огромное матеріальное превосходство, въ нравственномъ смыслѣ ничтоженъ и безсиленъ самъ по себѣ, если бы его не поддерживали «нѣкоторые». Вотъ въ этихъ-то «нѣкоторыхъ» и состоитъ вся суть дѣла, отъ этого и происходитъ все большая и большая запутанность Гордіева узла въ современной политикѣ.

«Благожелатели» «радѣтели» разлагающагося трупа Турціи, какъ извѣстно, Англія и Австрія, и именно «изъ политическихъ» видовъ. Чего-жь онѣ хотятъ, чего достигнутъ даже съ своей *политической* точки зрѣнія, стоящей, въ настоящемъ случаѣ, въ діаметральной противоположности съ нравственною? Австріи дорогъ ея политическій квіетизмъ, кое-какъ сдерживающій ея сшитую изъ разношерстныхъ кусковъ имперію. Пусть постоитъ Турція еще хоть *десять* или, по крайности, *пять лѣтъ*, вѣдь въ эти пять лѣтъ въ политикѣ европейскихъ державъ могутъ произойти весьма существенныя перемѣны; интересы, желанія и проч. могутъ ослабнуть, видоизмѣниться и т. д. Австрія можетъ сказать о смерти Турціи какъ Клерхенъ въ извѣстной драмѣ Гёте «Эгмонтъ»: «Пусть придетъ время умереть, заранѣе думать о смерти—страшно!..» Съ общей точки зрѣнія не имѣя ничего противъ паденія Турціи, Австрія имѣетъ многое противъ возстановленія славянъ, идущаго неизбѣжнымъ слѣдствіемъ паденія Турціи, а тогда и весь славянскій элементъ Австріи неизбѣжно придетъ въ броженіе и потребуетъ себѣ автономіи. Что же, однако, можно сдѣлать, если Турція продержится еще 10 — 20 лѣтъ?.. О, многое! отвѣтятъ вамъ австрійскіе нѣмцы вѣдь не даромъ же гласитъ поговорка: „Zeit gewonnen ist fast Alles gewonnen“ *). Можно придумать, отыскать новые устои для распадающагося зданія, вѣдь придумалъ же Бейстъ пресловутый дуализмъ!..

Даже въ устахъ государственныхъ людей Австріи не представляется утопическою фраза, что „Турція пала“, какъ и все на свѣтѣ падаетъ, начиная съ классической Трои и Рима и кончая свѣтскимъ владычествомъ папы — „Турція пала“, но мы мы должны, хотя на время, въ нашихъ собственныхъ интересахъ поддержать ее - «грустное и вмѣстѣ комическое паденіе».

Обращаясь теперь къ Британіи, мы находимъ, что и сыны «Туманнаго острова» ничего не имѣютъ противъ освобожденія Балканскихъ христіанъ, но только желаютъ, *чтобы никто не выступалъ открыто противъ господства турокъ* и чтобы не было энергическаго военнаго вмѣшательства въ пользу освобожденія славянъ. Странное желаніе. Если желанія Австріи, при всемъ ихъ довольно ясномъ формулированіи заключаютъ въ себѣ *много темнаго*, то желанія Англіи уже положительно *темны*. Одно только ясно: коммерческія выгоды. Но вѣдь это недостойно великой націи, изъ которой вышелъ великій Байронъ, сражавшійся за свободу Греціи!

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время царитъ томительная тишина и неизвѣстность: война или миръ?

А между тѣмъ кровь все льется да льется. Телеграфъ привезъ намъ извѣстіе объ упорныхъ битвахъ на Ибарѣ, гдѣ, какъ извѣстно, теперь командуетъ Новосселовъ. Сербы атакуютъ здѣсь турецкія позиціи. 6-го октября происходило сраженіе подъ Луковымъ. На восточной границѣ Сербіи, у Зайчара, тоже начались энергическія военныя дѣйствія. Медвѣдовскій съ 3-мя бригадами бьется у Любницы, Келлеръ съ 2-мя бригадами напаетъ съ Кралевицкихъ высотъ. Бой жаркій и упорный. Сербы уже успѣли взять нѣсколько позицій.

Смѣсь.

Численность турецкихъ и сербскихъ войскъ, дѣйствующихъ въ Моравской долинѣ: «По самому умѣренному разсчету, турецкая армія состоитъ изъ 70,200 человѣкъ пѣхоты, 4,500 кавалеріи, 4,500 полевой и 1,200 осадной артиллеріи и 1,000 человѣкъ въ инженерной части, всего—83,150 человѣкъ. Но, сверхъ того, сюда слѣдуетъ еще прибавить 8,000 баши-бузуковъ и 4,000 черкесовъ,—итого 95,000 человѣкъ испытанныхъ и хорошо обученыхъ войскъ. Генералъ Черняевъ располагаетъ всего на всего, по самому широкому исчисленію, 65,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и 3,000 артиллеріи, инженеровъ, со включеніемъ людей и санитарной части. Численное превосходство, слѣдовательно, на сторонѣ турокъ; но извѣстно, что турокъ искони били русскіе,—Богъ дастъ побьютъ и сербы.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ «С.П.-Бургск. Вѣд,» извѣстно, что въ настоящемъ году (по 23 сентября) въ монетѣ и слиткахъ, золотыхъ и серебряныхъ: привезено въ Россію 2.791.429 р. (менѣе противъ 1875 г. на 1.122.138 руб.), вывезено же изъ Россіи 80.219.702 (болѣе противъ 1876 г. на 65.308.154 р.).

Небьющееся стекло Въ № 17 «Нивы» за 1875 годъ мы извѣщали объ изобрѣтеніи новаго стекла, отличающагося отсутствіемъ хрупкости. Въ настоящее время уже находятся въ продажѣ стаканы, розетки для подсвѣчниковъ и т. п., сдѣланныя изъ такого стекла.

Вещи эти можно пріобрѣтать въ швейцарскомъ магазинѣ Брудереръ (Малая Конюшенная, домъ Реформатской церкви), тутъже, конечно, можно убѣдиться въ ихъ прочности и видѣть, что они дѣйствительно остаются цѣлыми при бросаніи ихъ на полъ.

Такого свойства стекло, по преданіямъ, было открыто за 30 лѣтъ до Р. Х., а именно въ царствованіе римскаго императора Тиверія, но онъ, будто-бы, велѣлъ лишить жизни изобрѣтателя, опасаясь, что новое стекло понизитъ цѣнность золота и серебра. На сколько это преданіе достовѣрно, теперь судить почти невозможно, но что стекло, небьющееся при паденіи на твердыя тѣла и безъ вреда выдерживающее рѣзкій переходъ отъ жара къ холоду изобрѣтено—въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ только зайдти въ вышеупомянутый магазинъ.

Полярный климатъ въ прошломъ и настоящемъ. Этотъ вопросъ разматривается подробно профессоромъ Норденскіольдомъ въ длинной статьѣ, помѣщенной въ «Geological Magasine». Профессоръ говоритъ въ этой статьѣ, что находки Мак-Клинтока въ силурійской формаціи американскаго полярнаго архипелага и находки германской и шведской экспедицій на Новой-Землѣ и Шпитцбергенѣ въ деванской формаціи служатъ достаточнымъ доказательствомъ тожества сѣверныхъ полярныхъ странъ въ тѣ отдаленныя времена съ другими въ геологиче-

*) Выигравшій время выиграетъ почти все.

Библиотека "Руниверс"

скомъ отношеніи извѣстными странами земнаго шара. Послѣ деванскаго періода образоналась обширная полярная страна, гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, процвѣтала роскошная растительность сигилларій, каламитъ и лепидодендровъ каменноугольной формаціи. Вслѣдствіе этого представляется несомнѣннымъ, что въ тѣ геологическія времена климатъ былъ одинаконъ и у экватора и у полюсовъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы жаръ вездѣ былъ тропическій, но, по всей вѣроятности, климатъ тогда былъ теплый, благопріятный дла растительности.

Жестокіе опыты. Недавно въ Парижѣ производили жестокіе, но на случай войны очень нажные опыты надъ лошадьми, а именно: сколько времени можетъ прожить лошадь безъ пищи? Эти опыты дали слѣдующіе интересные результаты. Лошадь можетъ прожить безъ твердой пищи, но получая достаточное количество воды, 25 дней, безъ воды же, при одной твердой пищѣ, животное умираетъ черезъ пять дней; лошадь, которую поили недостаточно, а кормили разъ въ десять дней — пала на одинадцатый день; лошадь, лишенная въ продолженіи трехъ сутокъ воды, выпивала въ 3 минуты слишкомъ 12 штофовъ. Лошадь, не получившая твердой пищи въ теченіи 12 дней, была еще въ силахъ поднять тяжесть въ 580 фунтовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „Нива" имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались **только на II полугодіе** „Нивы", премія „Спящая красавица" выслана не будетъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось на страницахъ „Нивы" и между прочимъ въ № 26.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Ник. Лук. Гер—ову.** Стихи ваши не могутъ быть напечатаны, потому что въ нихъ, вмѣстѣ съ благими вашими намѣреніями, безцеремонно перепутываются, не согласуясь между собой, и хореи, и ямбы, и дактили, и анапесты. Благія намѣренія, къ сожалѣнію, этой путаницы исправить не могутъ, да вѣроятно, вамъ самимъ извѣстно, что съ одними благими намѣреніями далеко не уѣдешь. Говорятъ, весь адъ наполненъ благими намѣреніями.

2) **Одесса. Студенту Ал. Бун—ову.** Можетъ быть и помѣстимъ: такого содержанія теперь очень много имѣемъ.

3) **Епифань. А. Н. Сав—ву.** Напишите кому-либо изъ частныхъ лицъ, покровителей искусства: печатная статья въ этомъ случаѣ послужитъ только къ удовлетворенію праднаго любопытства.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

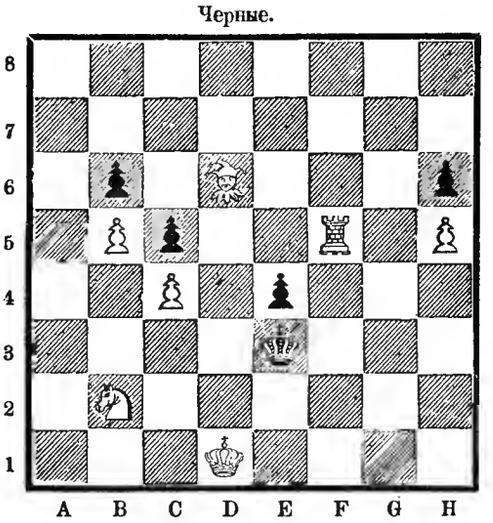
9-го октября 1876 г.

	Покупатели.	Продавцы.	Проданно.
5% заемъ съ выигр. 1-го выпуска	171	172½	166½
5% заемъ съ выигр. 2-го выпуска	169	170½	166
5% банк. б. 1 вып.	93¾	94½	93¾
5% » » 2 »	93½	94½	93¼
5% обл. Спб. Гор. Кред. Общ.	80	80¾	80
5% облигаціи Моск. Гор. Кред. Общ.	80	—	—

АКЦІИ.	Покупатель.	Продавцы.	Проданно.
125 р. Гл. Общ. Росс. Жел. Дорогъ.	166½	166¾	—
125 » Рижско-Динаб.	—	127	—
100 » Моск.-Рязанск.	—	300	—
125 » Орловско-Вит.	—	—	—
16 ф. с. Вит.-Динаб.	—	—	—
100 р. Рыб.-Волог.	76½	77½	75¾
100 » Тамб.-Козлов.	—	—	—
125 » Моск.-брест.	—	76	—

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

РѢШЕНІЕ

Задачи въ «Нивѣ» № 41.

Бѣлые.	Черные.
1) E 6 — F 5°	1) D 4 — C 2
2) D 3 — C 2° *)	2) D 2 — D 4
3) E 5 — E 1°	3) B 5 — C 4+
4) C 4 — B 4	4) C 3 — D 5×

При всякомъ другомъ 1 ходѣ черныхъ они получаютъ матъ скорѣе.

*) 2) F 6 — A 5° C 2 — A 3+ 3) C 4 — D 4 E 1 — F 2+ 4) E 5 — E 3 B 5 — D 5×

СОДЕРЖАНІЕ: **По поводу картины „Спящая красавица".** — Нѣсколько словъ о способѣ печатанія картинъ красками. — **Тверская губернія и ея промыслы** (съ рисункомъ). — **Княжна Остроженская** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Продолженіе). — **Ермакъ—покоритель Сибири** (съ 2-мя рисунками) **М. С.** — **Къ рисункамъ: Ихневмонъ и очковая змѣя** (съ рисункомъ).—**Гаремъ и его обитательница** (съ рисункомъ). — **Водопадъ Ніагара** (съ рисункомъ). — **Этюдъ съ натуры** (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Заявленіе.—Почтовый ящикъ.— С.-Петербургская биржа. — Шахматная задача. — Объявленія. **Отдѣльное приложеніе: Премія годовымъ подписчикамъ „Нивы", въ картонномъ футлярѣ картина: „СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА".**

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № «Нивы» прилагаются для удобства гг иногородныхъ подписчиковъ подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ «Ниву» въ 1877 г.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находятся СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна ЖЕСТЯНКИ **85 к.** безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—10

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.
№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.
Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.
Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.
КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:
на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.
Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—6

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.
Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интересенъ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р. 80 к. съ пересылкою.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ 6—6
КАРЛЪ БАУХЪ,
по Большой Морской домъ № 17,
приготовляетъ искусственные зубы, по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство, и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., на умѣренныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ. № 42

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 14 Октября 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Воскрес. Арсенала пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 43 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выдана 25 Октября 1876 г. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1877 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ланга* и *А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера и премію.

Генералъ Семенъ Корниловичъ Новоселовъ.

Въ лицѣ генерала Семена Корниловича Новоселова сербская армія въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ пріобрѣла новаго дѣятеля изъ среды русской, новаго героя, а генералъ Черняевъ — новаго сподвижника на столь тяжеломъ поприщѣ, какъ настоящая война съ неравнымъ врагомъ.

Семенъ Корниловичъ получилъ образованіе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ Павловское училищѣ) и затѣмъ Высочайшимъ приказомъ 15-го августа 1836 г. по экзамену, изъ унтеръ-офицеровъ 2-го кадетскаго корпуса произведенъ въ прапорщики, имѣя отъ роду 24 года и отправленъ прямо изъ корпуса въ 4-й саперный батальонъ; затѣмъ по распоряженію высшаго начальства, 22-го ноября 1838 г. былъ прикомандированъ къ 5 артиллерійской бригадѣ для испытанія по службѣ. Большую часть своей боевой жизни Семенъ Корниловичъ провелъ на Кавказѣ, неутомимо сражаясь съ горцами. Изъ безчисленнаго числа его геройскихъ подвиговъ укажемъ на нѣкоторые.

Генералъ Семенъ Корниловичъ Новоселовъ.
Рис. съ фотогр. Вѣженинъ, грав. Боярскій.

Одно изъ замѣчательныхъ боевыхъ дѣлъ, въ которомъ Семенъ Корниловичъ геройски отличился, происходило 15 іюня 1843 года. Здѣсь онъ былъ ковтуженъ въ правый високъ ружейною пулей. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ получилъ высочайшее благоволеніе 4-го іюля 1844 года.

25 іюля Семенъ Корниловичъ отличился при штурмѣ непріятельской позиціи на хребтѣ Тлія, занятой скопищемъ въ 7.000 человѣкъ, при чемъ непріятель былъ совершенно разбитъ, при этомъ Семенъ Корниловичъ былъ раненъ въ ногу, съ поврежденіемъ общихъ покрововъ. Въ 1846 г., при возвращеніи въ долину Самура и расположеніи войскъ на зимнія квартиры, за отличіе, оказанное въ дѣлахъ противъ горцевъ, произведенъ въ капитаны. Въ особенности отличился онъ при наведеніи моста чрезъ Илинчукъ, за что получилъ въ награду имѣніе.

1847 года 14 сентября, прибылъ онъ въ укрѣпленіе Ахты съ

Библиотека "Руниверс"

5-ю гренадерскою ротою пѣхотнаго князя Варшавскаго полка. 22-го сентября онъ участвовалъ при отраженіи скопищъ вблизи селенія Мисседжи Дагестанскимъ отрядомъ и освобожденіи крѣпости Ахты отъ осады непріятеля, послѣ семидневнаго славнаго для ахтынскаго гарнизона боя, гдѣ 16 сентября былъ контуженъ камнемъ въ лѣвое колѣно, во время штурма непріятельской крѣпости. За примѣрное отличіе противъ горцевъ во время осады укрѣпленія Ахты былъ произведенъ въ маіоры, и за принятіе командованія ахтынскимъ гарнизономъ послѣ раненаго тамошняго военнаго начальника и за оказанное при осадѣ ахтынскаго укрѣпленія геройское мужество и самоотверженіе—въ подполковники. 21 октября того же года, за защиту укрѣпленія противъ многочисленныхъ скопищъ Шамиля и за оказанное мужество въ этомъ дѣлѣ (съ 500 гарнизона онъ разсѣялъ 20.000 полчищъ Шамиля), пожалованъ орденомъ Георгія 4-й степени. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ онъ былъ зачисленъ въ санерный лейбъ-гвардіи батальонъ и назначенъ плацъ-маіоромъ въ Царское село, а затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ исправлялъ должность (1853 г.) коменданта, по случаю увольненія послѣдняго въ отпускъ за границу. Въ промежуткѣ этого времени былъ вторично на Кавказѣ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ при завоеваніи Западной части Кавказа, гдѣ еще разъ былъ раненъ. Отчисленный отъ должности плацъ маіора С.-Петербургской Петропавловской крѣпости въ чинѣ полковника, состоялъ при генералѣ Муравьевѣ въ западныхъ губерніяхъ; затѣмъ былъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ въ Шавляхъ и начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ противъ польскихъ мятежниковъ и былъ снова раненъ.

Послѣ этого Семенъ Корниловичъ былъ назначенъ Каменецъ-Подольскимъ воинскимъ начальникомъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ состоялъ при Генеральномъ штабѣ Московскаго военнаго округа, но здѣсь онъ былъ не долго; утомленный своей трудной и долговременной боевой службой онъ поселился въ своей усадьбѣ около Чернигова. Будучи раненъ восемь разъ, онъ около двухъ съ половиной лѣтъ лѣчился отъ этихъ ранъ и съ этою цѣлью отправился въ Пятигорскъ.

Несмотря на свое разстроенное здоровье, не смотря на то, что этотъ человѣкъ быть можетъ болѣе чѣмъ кто-либо другой нуждается въ спокойствіи и отдыхѣ, онъ не въ состояніи былъ равнодушно смотрѣть на событія, совершающіяся нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ, на безвыходное положеніе нашихъ братьевъ славянъ и рѣшился оказать помощь своимъ непосредственнымъ участіемъ въ судьбѣ ихъ. Ужь болѣе мѣсяца, онъ ходится въ Сербіи, гдѣ принялъ начальство надъ Ибарскою арміей. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе два опытные генерала, горячо преданные дѣлу, за которое имъ приходится сражаться, окажутъ несомнѣнную услугу настоящей славяно-турецкой войнѣ.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что условія, при которыхъ оба генерала вступили въ сербскую службу, не совсѣмъ одинаковы. Генералъ Черняевъ пріѣхалъ въ Сербію во то время, когда тамъ не было арміи, и нужно было ее создавать и организовать. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, было причиною первыхъ неудачъ сербской арміи. Семенъ Корниловичъ Новоселовъ явился уже къ болѣе или менѣе организованной арміи, подкрѣпленной русскими силами, знакомыми съ лишеніями и трудностями боевой жизни, явился къ арміи, уже понюхавшей пороху, получившей извѣстный закалъ и военную выправку. Это различіе условій, разумѣется, не можетъ остаться безъ вліянія на успѣхъ той и другой арміи.

Генералъ Новоселовъ въ приказѣ къ русскимъ офицерамъ и оберъ-офицерамъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Не будемъ, господа, забывать, что мы пришли бороться за святое дѣло, что, вступивъ на сербскую территорію, мы уже не принадлежимъ себѣ, а потому каждый изъ насъ обязанъ смотрѣть на сербское дѣло, какъ на свое собственное. Мы должны, такъ сказать, слиться съ кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ сербскимъ, должны имъ показать, что мы искренніе ихъ друзья и братья, что мы, оставивъ наши дома и семейства, пришли за нихъ драться, за нихъ умереть. Честнымъ и безукоризненнымъ своимъ поведеніемъ, почитаніемъ мѣстныхъ обычаевъ, законовъ страны—заслужимъ ихъ уваженіе. Вамъ, господа офицеры, какъ и во всемъ принадлежитъ первый починъ. Будьте примѣромъ для солдатъ, которыми вамъ придется командовать». На мѣсто Дохтурова, который теперь сдѣланъ начальникомъ штаба въ арміи Черняева, генералъ Новоселовъ назначилъ прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ полковника Сытенко, бывшаго въ послѣднее время инженеромъ путей сообщенія и строителемъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ.

Отъ души желаемъ полнаго успѣха этимъ мужественнымъ бойцамъ за вѣру и свободу нашихъ братьевъ-славянъ!

Изъ путевой книжки.

Пройденъ утомительный, тягостный путь:
Проникли ужь въ даль безконечную взоры,
Внизу присмирѣли кичливые горы —
Какъ здѣсь хорошо отдохнуть!

* * *

Свободную думу не могутъ спугнуть
Далекіе отзывы шума людского,
Отъ жизни горячечной міра больного
Какъ здѣсь хорошо отдохнуть!

* * *

Вливается свѣжесть въ усталую грудь,
Совсѣмъ затихаютъ тоска и сомнѣнья. .
И съ ясной лазури летятъ сновидѣнья
Улыбкой на сердце дохнуть...

W. W.

Княжна Острожская

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Сангушко и два его спутника оставили коней по ту сторону калитки. Вошедшіе воины заняли назначенныя княземъ мѣста и приготовились, если нужно, защищаться.

— Лѣстницу—и за мною! сказалъ Сангушко.

Пятдесятъ человѣкъ окружили его ..

Гальшка еще болѣе блѣдная и трепещущая, стояла прислонившись къ перилямъ балкона. Она слышала шаги, шорохъ, лязгъ оружія. Ея голова кружилась... Шаги становились слышнѣе. Съ мягкой травы перваго двора люди перешли на каменныя плиты. Ближе, ближе... Вотъ ужъ она различаетъ движущіяся тѣни. Она закрыла глаза и прижала руку къ сердцу — такъ оно сильно и даже больно билось...

Шумъ и шепотъ уже подъ самымъ балкономъ. Вотъ что-то слабо стукнуло внизу перилъ, у самымъ ногъ Гальшки. Она едва подавила невольный крикъ. .

— Гальшка, дорогая... услышала она шепотъ знакомаго голоса.

Она открыла глаза. На верхнихъ перекладинахъ приставленной къ балкону, неуклюжей, но крѣпкой, только что сдѣланной въ лѣсу, лѣстницы, стоялъ Сангушко.

Онъ протягивалъ къ ней руки.

Радость свиданія съ любимымъ человѣкомъ, быстро мелькнувшая мысль, что теперь для нихъ не будетъ больше разлуки заставили Гальшку очнуться и собрать послѣднія силы. Она протянула Сангушкѣ свои холодныя дрожащія руки и поднялась на стоящій у самыхъ перилъ табуретъ. Крѣпкая рука Дмитрія Андреевича помогла ей перешагнуть за перила. Они стали тихо спускаться съ лѣстницы, которую внизу поддерживали Галынскій и Ѳедя.

Громкій, отчаянный крикъ раздался съ высоты одной изъ башенъ замка, откуда видѣнъ былъ весь внутренній дворъ, и балконъ Гальшки.

— Вставайте, къ оружію! къ оружію! — неправильно произнося слова кричалъ сильный мужской голосъ. Еще нѣсколько мгновеній — и этотъ крикъ слышался уже внизу и ему вторилъ другой, третій голосъ.

Въ нѣкоторыхъ зданіяхъ замка хлопнули и раствори-

Библиотека "Руниверс"

лись двери. Гдѣ то послышался женскій плачъ и визги. Тревога, крики и движенія быстро распространились по замку.

Елена и Сангушко были уже на землѣ Тяжелая лѣстница грузно упала на каменныя плиты.

Воины тѣсно сомкнулись кругомъ князя и его почти безчувственной невѣсты. Всѣ обнажили сабли и быстро двинулись къ калиткѣ. На перерѣзъ имъ бѣжала толпа почти раздѣтыхъ людей, вооруженныхъ чѣмъ попало.

— Княжну уводятъ—видите... не пропускайте, рубите! дико ревѣлъ голосъ, поднявшій тревогу.

При этихъ словахъ люди Острожскаго окончательно очнулись и стремительно бросились на тѣлохранителей Сангушки. Весь дворъ наполнился народомъ. Майская ночь свѣтлѣла.

Сангушко поднялъ на руки обезумѣвшую Гальшку. Ѳедя, Галынскій и десятка два ближнихъ воиновъ составили кругомъ ихъ живую стѣну. Въ нѣсколькихъ шагахъ уже рубились... оружіе звенѣло, послышался стонъ...

Воины Сангушки, оберегавшіе калитку, подали сигналъ. Изъ лѣсу раздался конскій топотъ.

Сангушко уже переступилъ съ своей ношей черезъ два тѣла. Калитка была близко. Черная фигура блѣднаго Антоніо, съ саблей на голо, ожесточенно рубя на право и на лѣво, стремилась прямо къ князю. Сверкая глазами, монахъ желѣзной рукой отбрасывалъ отъ себя воиновъ, забылъ все и видѣлъ только Гальшку. Вотъ ужь онъ близко. За нимъ прочищаютъ себѣ дорогу и другіе.

Ѳедя, стиснувъ зубы, махнулъ своей саблей и рука монаха опустилась выронивъ оружіе.

Еще мгновеніе и Сангушко былъ за калиткой. Его конь билъ копытами и храпѣлъ. Одной рукой охвативъ Гальшку, князь съ помощью Галынскаго вскочилъ на сѣдло и стрѣлой помчался къ лѣсу. Молодая дѣвушка крѣпко сжала его шею руками и окончательно потеряла сознаніе.

Только минутъ черезъ десять первые всадники показались изъ замка. Они бросились въ лѣсъ. Тамъ нестройный гулъ доносился издали и слабѣлъ съ каждой минутой. Скоро они поняли, что погоня невозможна.

Въ замкѣ царило необычайное смятеніе. Беата кинулась къ князю Константину и прямо обвиняла его во всемъ. Она рвала на себѣ платье, проклинала, грозилась. Онъ едва вырвался отъ нея и вышелъ на мѣсто схватки.

Человѣкъ двадцать мертвыхъ и раненыхъ лежало на плитахъ

Съ мрачнымъ и блѣднымъ лицомъ князь Константинъ велѣлъ скорѣе убрать ихъ и осмотрѣть раны.

Со всѣхъ сторонъ стояли замковые люди, ожидая страшной вспышки княжескаго гнѣва.

Два три человѣка дрожащимъ голосомъ передавали ему подробности нападенія.

Онъ упорно молчалъ. Въ его крѣпкій замокъ, наполненный хорошо вооруженнымъ и дисциплинированнымъ людомъ, крѣпко запиравшійся каждый вечеръ, съ караульными и лихими собаками, прокрался чуть ли не цѣлый полкъ, украли его племянницу, княжну Острожскую—и все это было замѣчено только случайно, когда уже враги сдѣлали свое дѣло. И княжну не отняли, не отбили во время, когда еще она была въ стѣнахъ замка. А князь Константинъ, гнѣвный и грозный—молчалъ, опустивъ глаза въ землю. Онъ не въ силахъ былъ играть комедію. Онъ махнулъ рукою и вернулся въ свои покои...

Придя нѣсколько въ себя, княгиня Беата приказала звать къ себѣ отца Антоніо. Онъ явился съ только что перевязанной рукой. Кровавыя пятна во многихъ мѣстахъ покрывали его платье.

Беата даже и незамѣтила его раны. Она снова разразилась потокомъ бѣшеныхъ проклятій и жалобъ. Она призывала гнѣвъ Божій на князя Константина и кончила тѣмъ, что упрекнула даже Антоніо.

— Я положилась на вашу бдительность, я поступала по вашимъ совѣтамъ—и вотъ у меня украли дочь, погубили мою Гальшку, надсмѣялись надо мною!

— Всего невозможно предвидѣть, уставшимъ, глухимъ голосомъ проговорилъ монахъ. Еслибъ я не подошелъ къ окну, заслышавъ какой-то подозрительный шумъ, до утра никто бы и не зналъ о похищеніи. Здѣсь навѣрное все было заранѣе и хорошо устроено —даже собаки не лаяли...

— Но какъ же вы могли отдать ее, какъ вы ее не отняли!? рыдала княгиня.

— Я сдѣлалъ, что могъ, я навѣрное и убилъ бы Сангушку, если бы какой-то проклятый мальчишка не ранилъ мнѣ руку такъ, что я невольно выронилъ саблю. Удивляюсь только, какъ они меня не убили—а я уложилъ троихъ на мѣстѣ...

Только тутъ княгиня замѣтила рану Антоніо. Она бросилась къ нему, увидѣла что рука дурно перевязана, позвала своихъ женщинъ и сама помогала имъ дѣлать перевязку.

Это занятіе на нѣсколько минутъ поглотило ее, но когда все было кончено. она снова предалась отчаянію.

— Гдѣ дочь моя!?. Вотъ мы здѣсь сидимъ, а этотъ извергъ теперь уже далеко съ нею! Боже праведный! неужели такъ мой позоръ, мое горе и останутся безъ отплаты? Неужели я должна молчать и не могу отнять у нихъ дочь мою?!

— Я только что хотѣлъ сказать вамъ, началъ Антоніо,—что намъ съ вами нужно сейчасъ же ѣхать въ Краковъ и принести жалобу королю. И нечего терять времени, нечего ожидать новыхъ здѣсь оскорбленій.,.

Княгиня съ жадностью ухватилась за этотъ совѣтъ и такъ какъ у нея все было уже почти готово къ отъѣзду, то часа черезъ три, въ сопровожденіи Антоніо и небольшаго числа слугъ, она уже была на дорогѣ въ Краковъ.

X.

Если замокъ князя Константина Острожскаго и жизнь его двора поражали своей роскошью и широтою, то покрайней мѣрѣ въ Острогѣ нельзя было замѣтить распущенности нравовъ, царившей въ тогдашнемъ обществѣ. Князь Константинъ, человѣкъ благочестивый и нравственный, строго относился къ окружающему. Разумѣется онъ не могъ передѣлать людей, не могъ искоренить порчу нравовъ; но, во всякомъ случаѣ, все темное и грязное пряталось подальше отъ его взоровъ и страшилось его гнѣва. Въ безчисленныхъ закоулкахъ его огромнаго замка, обитаемаго сотнями мужчинъ и женщинъ, необходилось безъ пороковъ и двусмысленныхъ исторій, но стоило только какой-нибудь исторіи достигнуть его слуха — и виновные или наказывались, или, если они не подлежали наказанію, навсегда лишались княжескихъ милостей и изгонялись изъ замка.

Только подчиняясь неизбѣжной крайности, князь Константинъ дѣлалъ уступки. Такъ, напримѣръ, его глубоко возмущали вошедшіе въ моду балы съ новыми и, какъ ему казалось, непристойными танцами, съ полной свободой обращенія между мужчинами и женщинами, свободой, доходившей до непристойности. Онъ выросъ въ семействѣ благочестивомъ, свято хранившемъ традиціи, гордившимся своими предками, берегшимъ родовую честь пуще зеницы ока. Онъ еще хорошо помнилъ патріархальную жизнь стараго времени, и такая жизнь была его идеаломъ. Отчегожь и не попировать съ друзьями и сосѣдями—но въ мужскомъ обществѣ не мѣсто женщинѣ. Негодится и мужчинамъ вѣчно торчать въ женскихъ покояхъ. Новые обычаи только соблазнъ заводятъ, вселяютъ раздоры и непотребства въ честныя семьи... А попробуй жить по старому, попро-

Библиотека "Руниверс"

Шекспиръ читающій свою трагедію „Макбетъ“ въ присутствіи королевы Елизаветы и ея двора. Картина Ендера, грав. Кладіусъ.

Библиотека "Руниверс"

буй завести строгость—всѣ отшатнутся, никто и глазъ не покажетъ, разведутся недоброжелатели. Тогда будетъ трудно имѣть вліяніе на дѣла, и на сеймахъ какъ дома, очутишься одинокимъ. Вотъ и приходилось по неволѣ задавать пиры на новый ладъ, допускать нѣсколько разъ въ годъ въ своемъ домѣ вавилонское столпотвореніе...

Но только что гости разъѣзжались, разъ заведенная, строгая и благопристойная жизнь начиналась снова. Всѣми живущими въ замкѣ соблюдались посты, исправно посѣщалась церковь, неутомимо преслѣдовалось пьянство. Князь Константинъ видѣлъ только скромныхъ женщинъ, приличныхъ и почтительныхъ мужчинъ. Онъ не могъ непонимать, что многіе его обманываютъ и тяготятся его присутствіемъ и надзоромъ; но онъ зналъ, что имъ употреблены всѣ мѣры, что онъ самъ подаетъ добрый примѣръ и что даже враги его не могутъ сказать, что въ домѣ князя Острожскаго безнаказанно и открыто терпится развратъ и безчинство.

Не то было у другихъ вельможъ литовскихъ—носились самые соблазнительные разсказы о томъ, что творится въ ихъ резиденціяхъ. Но даже и все это было ничто сравнительно съ распущенностью нравовъ королевскаго двора въ Краковѣ.

Король первый подавалъ примѣръ своимъ подданнымъ. Сигизмундъ-Августъ воспитывался подъ вліяніемъ матери, королевы Боны, честолюбивой интриганки, бывшей во всѣхъ отношеніяхъ достойною соотечественницей Катерины Медичи. Она, ради своихъ цѣлей, для обезпеченія за собою власти, всячески постаралась ослабить въ немъ мужество, энергію и твердость характера. Она удаляла его отъ серьезныхъ занятій и окружала только женщинами. Вступивъ на престолъ послѣ Сигизмунда I, онъ явился новымъ Сарданапаломъ. Онъ проводилъ жизнь въ пирахъ и забавахъ, въ любовныхъ интригахъ, постоянно откладывалъ дѣла и медлилъ въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ—его прозвали за это *король-завтра*. Только разъ въ жизни король выказалъ удивительную энергію и настойчивость. Онъ страстно полюбилъ молодую красавицу, вдову Гастольдъ, урожденную Радзивиллъ. Схоронивъ свою первую супругу, онъ тайно обвѣнчался съ своей возлюбленной. Такой бракъ казался неприличнымъ, къ тому же не безъ основанія опасались вліянія семьи Радзивилловъ. Сенатъ и сеймъ стали настойчиво требовать развода. Постоянно слабый и малодушный Сигизмундъ-Августъ не только не подчинился этому требованію, но заставилъ торжественно признать свой бракъ и короновать Варвару. Впрочемъ его счастье длилось не долго — королева скоро умерла, и послѣ ея смерти онъ снова предался самой распущенной жизни. Третья жена его, принцесса Австрійскаго дома, для него какъ бы не существовала. Многочисленныя фаворитки царили въ Краковѣ и держали въ своихъ рукахъ всѣ правительственныя нити.

Понятно, что при такомъ королѣ государство не могло процвѣтать и крѣпнуть. Скоро оказалось полнѣйшее внутреннее разстройство. Роскошь и изнѣженность овладѣли поляками. Знаменитый князь Курбскій записалъ о тогдашнихъ польскихъ вельможахъ и королѣ такія строки: „Здѣшній король думаетъ не о томъ, какъ бы воевать съ невѣрными, а только о пляскахъ да о маскарадахъ; также и вельможи знаютъ только пить да ѣсть сладко; пьяные они очень храбры: берутъ и Москву и Константинополь, и если бы даже на небо забился турка, то и оттуда готовы его снять. А когда лягутъ на постели между толстыми перинами, то едва къ полудню проснятся, встанутъ чуть живы, съ головною болью. Вельможи и княжата такъ робки и истомлены, что, послышавъ варварское нахожденіе, забьются въ претвердые города и, вооружившись, надѣвъ доспѣхи, сядутъ за столъ за кубки и болтаютъ съ своими пьяными бабами; изъ воротъ же городскихъ ни на шагъ. А если выступятъ въ походъ, то идутъ издалека за врагомъ, и походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бѣдные жители успѣли спасти отъ татаръ въ лѣсахъ, какое-нибудь имѣніе или скотъ—все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ“. Отношеніе высшихъ сословій къ сельскому населенію было ужасно—крестьянинъ почитался наравнѣ со скотомъ, шляхтичъ безнаказанно убивалъ его и говорилъ, что убилъ собаку.

Во дворцѣ краковскомъ балы смѣнялись балами, постоянно придумывались новыя и разнообразныя увеселенія. Король съ каждымъ днемъ все меньше и меньше обращалъ вниманія на дѣла государственныя. Когда близкіе люди, выведенные наконецъ изъ терпѣнія, спрашивали его, почему онъ не займется дѣлами, онъ постоянно отвѣчалъ: „Ради этихъ соколовъ (т. е. придворныхъ женщинъ-любимицъ) ни за что не могу взяться“. Онъ особенно пристрастился къ маскарадамъ и по цѣлымъ днямъ придумывалъ себѣ и приближеннымъ костюмы. Безумная роскошь поражала пріѣзжихъ иностранцевъ. Деньги лились рѣкою и совершенно истощались королевскія средства. Въ сокровищницѣ Сигизмунда-Августа не оставалось почти ни одной драгоцѣнности — все было раздарено фавориткамъ. Къ тому-же съ нѣкотораго времени во дворецъ стали появляться какіе-то темные люди. Это были колдуны и колдуньи, всевозможные шарлатаны, которые брались своими чарами вернуть королю здоровье, возстановить его разрушенныя силы. Сигизмундъ-Августъ, какъ малый ребенокъ, вѣрилъ ихъ росказнямъ, осыпалъ ихъ деньгами и дѣлалъ съ собою всевозможныя нелѣпости...

Въ такую-то обстановку и къ такому-то королю мчалась за судомъ и помощью княгиня Беата. Загнавъ до смерти не одинъ шестерикъ лошадей, она, наконецъ, пріѣхала въ Краковъ и остановилась въ домѣ одного изъ многочисленныхъ своихъ родственниковъ. Былъ уже вечеръ, но отдыхать княгиня не хотѣла—дѣло ея нельзя было откладывать ни минуты. Ей необходимо было немедленно увидѣть короля и уговорить его, принять всѣ мѣры для возвращенія Гальшки. Доступъ къ королю не представлялъ никакихъ затрудненій. Княгиня Беата, мать которой была приближенной и любимицей Сигизмунда I, почти все свое дѣтство и дѣвичество провела во дворцѣ, росла вмѣстѣ съ Сигизмундомъ-Августомъ и пользовалась его дружбой. Онъ не иначе называлъ ее, какъ своей маленькой сестрою. Правда—вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ она съ нимъ совсѣмъ не видалась, но онъ очень добръ и ласковъ—онъ непремѣнно долженъ принять участіе въ старомъ другѣ...

Беата, едва переодѣвшись, отправилась во дворецъ. Антоніо пошелъ къ папскому послу, кардиналу Коммендоне, который зналъ его лично. Коммендоне, энергичный и настойчивый, умѣлъ заставлять короля дѣлать по своему и могъ въ данномъ случаѣ очень помочь своимъ вліяніемъ.

Дворецъ былъ освѣщенъ a giorno. На площадкѣ передъ главнымъ въѣздомъ толпился народъ и медленно подвигалась вереница тяжеловѣсныхъ экипажей. Княгиню впустили безъ всякихъ затрудненій и она въ первыхъ же комнатахъ встрѣтила многихъ знакомыхъ. Ей тяжело было разсказывать постороннимъ о своемъ горѣ и она старалась скрыть настоящую причину своего пріѣзда.

Въ этотъ вечеръ былъ назначенъ блестящій маскарадъ. Приглашенные, въ пестрыхъ и причудливыхъ костюмахъ уже съѣхались. Король не выходилъ еще изъ внутреннихъ покоевъ. Княгиня просила доложить ему о ней и сказать, что она умоляетъ его принять ее наединѣ, по очень спѣшному дѣлу. Ей довольно долго пришлось дожидаться отвѣта. Она постаралась найти

Библиотека "Руниверс"

болѣе уединенный уголокъ и проходила черезъ всѣ муки ожиданія и нетерпѣнія. Наконецъ къ ней подбѣжала очень странная фигура. Это была молодая женщина въ маскѣ и костюмѣ амура. Высоко взбитые бѣлокурые волосы перевитые жемчугомъ и алмазами, голая шея и руки, коротенькая и почти прозрачная юбочка, низкій корсажъ, обтянутыя шелкомъ тѣлеснаго цвѣта ноги, бѣленькія крылышки за спиною, лукъ и колчанъ со стрѣлами на золотой перевязи. Амуръ снялъ маску и оказался молоденькой двоюродной племянницей Беаты. Княгинѣ стало противно и стыдно за почти обнаженную дѣвушку, но она подавила въ себѣ эти чувства и любезно отвѣчала на привѣтствія амура.

Амуръ, свободно вертясь и болтая безъ умолку, объявилъ, что король готовъ принять княгиню и поручилъ проводить ее къ нему.

Беата, не обращая никакого вниманія на проходившія толпы гостей, быстро направилась чрезъ амфиладу знакомыхъ ей съ дѣтства, сверкавшихъ огнями и дорогимъ убранствомъ покоевъ.

Въ небольшой комнатѣ, устроенной въ видѣ какой-то фантастической бесѣдки, амуръ остановился.

Передъ княгиней стоялъ человѣкъ, далеко уже не молодой, но очевидно подрумяненный, съ довольно красивымъ, утомленнымъ и нѣсколько дряблымъ лицомъ. Онъ былъ одѣтъ, или вѣрнѣе, *раздѣтъ* какимъ то миѳологическимъ божествомъ. Его полное, обтянутое шелкомъ тѣло. мѣстами прикрывали складки пурпурной, театрально накинутой тоги. Вѣнокъ изъ зелени украшалъ его голову. Вся фигура была крайне комична. Нѣсколько венеръ и нимфъ окружали его весело и шумно болтая, сверкая драгоцѣнностями и роскошными, обнаженными формами.

Это былъ король Сигизмундъ-Августъ и его свита фаворитокъ.

Княгиня на мгновеніе остановилась, пораженная и смущенная. Когда-то она была очень привязана къ королю, какъ къ другу дѣтства. Когда-то она была повѣренной его любви къ Варварѣ Гастольдъ. Она знала его человѣкомъ слабымъ, но добрымъ, любезнымъ и остроумнымъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она видѣла его, хоть постарѣвшимъ и нѣсколько истомленнымъ, но все же сохранившимъ свою привлекательность. Кромѣ того, даже во всѣхъ своихъ слабостяхъ, среди пировъ и вѣчнаго ухаживанья за женщинами, онъ умѣлъ оставаться королемъ и сохранялъ внѣшніе признаки своего величія. Онъ бѣжалъ всего вульгарнаго и смѣшного. Княгиня, вспоминая о немъ, всегда представляла себѣ истиннаго короля и, какъ королю, готова была простить ему многое.

Теперь же—развѣ это король былъ передъ нею. На дрябломъ и нарумяненномъ лицѣ едва сохранились прежнія черты. Въ своемъ безобразномъ, шутовскомъ костюмѣ онъ напоминалъ стараго уличнаго фигляра.

Но онъ очевидно никакъ не могъ замѣтить производимаго имъ впечатлѣнія. У него явились замашки старой кокетки. Ему казалось, что никто не видитъ его румянъ, его преждевременной дряблости, которая такъ ужасала его передъ зеркаломъ. Никогда еще, даже въ самые лучшіе дни своей молодости. не считалъ онъ себя такимъ красавцемъ, какъ именно теперь, когда онъ становился безобразенъ. Одѣвшись мифологическимъ божествомъ, выставивъ свои жирныя руки и ноги, онъ былъ увѣренъ, что всѣ красавицы восхищаются имъ. А онѣ всѣ, разумѣется, тотчасъ же бѣжали бы отъ него, еслибъ онъ не назывался Сигизмундомъ-Августомъ, еслибъ онъ не помогалъ ихъ интригамъ и непозволялъ себя грабить...

— Добро пожаловать, княгиня Беата, сказалъ король, становясь въ граціозную позу. — Я думалъ, что ты ужь въ монастырь пошла, хотѣлъ писать тебѣ, просить, чтобъ ты молилась за меня грѣшнаго. Да признаться, ты и то на монахиню стала похожа... Это не хорошо, княгиня; жизнь намъ дана для веселья, нужно пользоваться ею... Но, однако, мнѣ сказали—у тебя до меня дѣло? Жаль. Я смерть не люблю дѣлъ, мнѣ кажется, всякое дѣло отнимаетъ у меня день моей жизни... Но ужь если дѣло, такъ говори скорѣе—и лучше будемъ веселиться...

— Есть у меня большое дѣло, Государь; но я хотѣла бы передать его наединѣ вашей милости, отвѣтила княгиня, чувствуя на себѣ насмѣшливые, недоумѣвающіе взгляды всѣхъ этихъ нимфъ и венеръ.

— Наединѣ?! Зачѣмъ же? Да меня и не пустятъ эти соколики съ тобой шептаться — ревновать станутъ! — кокетливо улыбнулся король, указывая на окружающихъ женщинъ.—Къ тому же я отъ нихъ ничего не скрываю, и мы всѣ дѣла рѣшаемъ вмѣстѣ. Все это мои лучшіе друзья и совѣтники...

Дѣлать нечего — Беата разсказала о похищеніи Гальшки.

Король слушалъ ее съ видимымъ интересомъ.

— Молодецъ князь Сангушко, воскликнулъ онъ,—я, на его мѣстѣ, непремѣнно сдѣлалъ бы тоже. Говорятъ про твою княжну, что она хороша, какъ день Божій. Ну вотъ тебѣ и наказаніе за то, что ты держала ее взаперти, не привезла ее къ намъ въ Краковъ. Отсюда бы ее ужь не украли, да и сама бы бѣжать не захотѣла. Здѣсь, слава Богу, не то, что этотъ вашъ, Острогъ съ волками да медвѣдями. Удивляюсь, какъ еще тамъ такая красавица не утопилась съ тоски да скуки!

— Государь! мое сердце обливается кровью отъ позора и обиды... я пришла просить у васъ суда и наказанія моему оскорбителю, просить, чтобы мнѣ вернули дочь мою, а вы, — вы смѣетесь! отчаянно и не скрывая своего негодованія произнесла княгиня.

— Я не смѣюсь, клянусь Іисусомъ и Маріей, не смѣюсь! — заторопился король, пуще всего боявшійся слезъ и отчаянія. — Напротивъ, я сочувствую твоему горю, я готовъ сдѣлать для тебя, что хочешь... Но погоди — что-жь бы такое сдѣлать... Какъ вы думаете, соколы мои ясные, что теперь сдѣлать?—обратился онъ къ нимфамъ..,

— Сейчасъ-же запрягать лошадей и ѣхать всѣмъ маскарадомъ отнимать княжну! улыбнулась одна полная и красивая блондинка.

Беата смѣрила ее горделивымъ и въ тоже время яростнымъ взглядомъ. Она бы съ радостью растерзала ее на части.

— Ну, нѣтъ, это не годится — къ ужину опоздаемъ, весело замѣтила другая красавица.

Княгиня Беата быстро повернулась и направилась къ двери. Она вся дрожала...

— Куда-жь ты, куда ты, сестрица! закричалъ Сигизмундъ-Августъ.

Беата обернулась.

— Когда-то въ присутствіи короля меня бы оскорблять не посмѣли... Но теперь ужь вѣрно здѣсь позабыли, что я дочь Катерины Тельничанки, проговорила она.

— Ну, полно, полно, зачѣмъ сердиться... онѣ добрыя, онѣ вовсе не хотѣли оскорбить тебя—имъ просто весело, успокоивалъ король, останавливая ее за руку.

Въ это время въ комнату вошелъ маршалъ — все было готово, королю слѣдовало открыть маскарадъ.

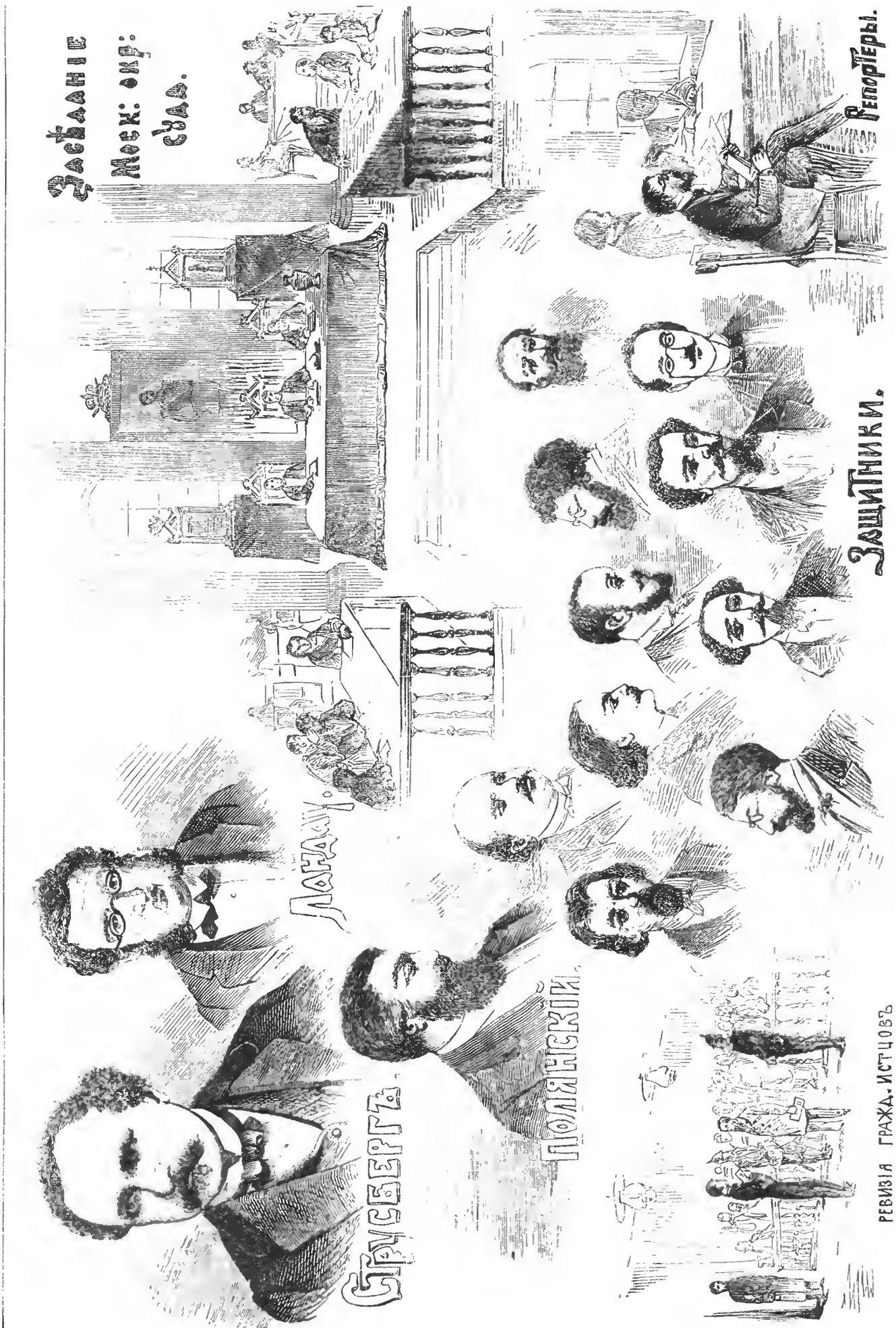
Сигизмундъ—Августъ засуетился.

— Меня ждутъ, мнѣ давно пора, сказалъ онъ княгинѣ.—Погоди, мы протанцуемъ только одинъ танецъ. Я не забуду о тебѣ, я посовѣтуюсь съ кѣмъ надо и, что можно сдѣлать, будетъ сдѣлано...

И онъ быстро вышелъ, нѣжно взявъ подъ руку какую-то юную богиню.

Беата въ отчаяніи остановилась на порогѣ. Ей хотѣлось бѣжать отсюда. Ей хотѣлось проклинать этого

Библиотека "Руниверс"



Процесъ Московскаго коммерческ. суда. Банка и Грусберга въ Московскомъ Окружномъ судѣ. (Обвиняющіе, обвиняемые, судьи, защитники, истцы и т. д.).

Библиотека "Руниверс"

„Въ тихой пристани". Картина Пальмера, грав. Сеттенъ.

Библиотека "Руниверс"

короля, превратившагося въ стараго фигляра. Но куда бѣжать, у кого просить помощи? Если король не поможетъ, кто-же поможетъ? И она пошла, опустивъ голову, туда, куда шли и другіе. На нее смотрѣли съ любопытствомъ и недоумѣніемъ. Иные ей кланялись. Многіе ее не знали. Ея блѣдное, печальное лицо съ мрачно горѣвшими глазами казалось какимъ-то пятномъ среди этой толпы—шумной, нарядной и веселой.

— Покажите мнѣ пожалуйста, гдѣ здѣсь княгиня Острожская? донеслось до ея слуха.

Она оглянулась. Къ ней направлялась живая, энергичная фигура кардинала Коммендоне.

— Радуюсь случаю лично познакомиться съ вами, княгиня, и только мнѣ грустно, что приходится видѣть васъ при такихъ тяжелыхъ для васъ обстоятельствахъ, заговорилъ изысканно любезный итальянецъ. Я сейчасъ видѣлся съ отцомъ Антоніо — онъ все передалъ мнѣ... Что-же король... на чемъ вы рѣшили?

Тщетно Беата искала въ свою очередь любезной фразы. Она только проговорила:

— Король? Королю, кажется, не до меня — онъ теперь занятъ танцами.

Кардиналъ сдѣлалъ жестъ, выражающій, что онъ вполнѣ понимаетъ ее и раздѣляетъ ея взглядъ на короля.

— Да, вы правы, онъ занятъ танцами; но это ничему не мѣшаетъ. Сегодня, во всякомъ случаѣ, уже поздно приступать къ дѣйствію, но я вамъ ручаюсь, что все будетъ сдѣлано своевременно. Вашу жалобу нужно представить сенату, сенатъ не откажетъ издать на Сангушко декретъ Captivationis, по которому онъ будетъ арестованъ, гдѣ бы онъ ни находился...

— Но, Боже, сколько времени ждать! Онъ завезетъ мою дочь Богъ вѣсть куда... они будутъ имѣть время двадцать разъ обвѣнчаться...

— Въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно постараться разсуждать хладнокровно, княгиня. Въ то время, какъ вы ѣхали сюда, они уже вѣроятно успѣли обвѣнчаться. Дѣло сдѣлано. Но, какъ я понялъ изъ словъ отца Антоніо, вы не желаете признавать этотъ бракъ ни въ какомъ случаѣ, желаете вернуть къ себѣ княжну, наказать ея похитителя...

— Да! я хочу вернуть мою дочь, хотя бы ее обвѣнчали разомъ всѣ еретическіе попы въ мірѣ.

— Въ такомъ случаѣ декретъ сената сдѣлаетъ свое дѣло, Сангушку арестуютъ, а бракъ его, какъ основанный на преступленіи, насиліи, и вопреки вашей родительской воли, будетъ признанъ недѣйствительнымъ... Успокойтесь, княгиня: можно сдѣлать только то, что можно...

И Коммендоне, сказавъ еще нѣсколько любезныхъ фразъ, откланялся Беатѣ.

Она вернулась къ себѣ, пылая местью и проклиная Сангушку.

Коммендоне отлично обдѣлалъ дѣло. Онъ подговорилъ извѣстнаго Станислава Чарнковскаго, и тотъ въ первомъ же собраніи сената сказалъ пламенную рѣчь, гдѣ въ самомъ ужасномъ видѣ выставлялъ поступокъ Сангушки и краснорѣчиво толковалъ о поруганныхъ правахъ княгини Беаты. Сенатъ издалъ немедленно декретъ Captivationis. Сангушко объявлялся преступникомъ и подлежалъ строгому осужденію. Одинъ только изъ сенаторовъ, Воловичъ, старый другъ князя Константина Острожскаго и покойнаго отца Сангушки, пробовалъ было образумить расходившееся собраніе. Но его голосъ одиноко замеръ. Король былъ вполнѣ согласенъ съ рѣшеніемъ сената...

Беата добилась правосудія, но все же оставалось самое главное—отыскать и захватить Сангушку, отнять у него княжну Елену. Гдѣ были для этого средства? У князя Сангушки было много имѣній въ самой глубинѣ Полѣсья. Много было у него ратнаго люда. Наверное, онъ даромъ не дастся. Требовалось войско и хорошій предводитель... Беата не пожалѣла бы, разумѣется, никакихъ средствъ, но найти войско тогда было трудно—поляки не любили драться.

Сообразительный Антоніо помогъ въ этомъ. Онъ вспомнилъ о панѣ Зборовскомъ, который такъ ухаживалъ за Гальшкой въ Острогѣ. Онъ отправился къ нему и объявилъ, что княгиня готова выдать свою дочь за человѣка, который отниметъ ее у Сангушки. Услышавъ это, загрустившій Зборовскій воспылалъ новой надеждой и отвагой. У него былъ свой собственный очень значительный отрядъ, отлично вооруженный и обученный. Онъ самъ былъ завзятый рубака. Принять рѣшеніе было для него дѣломъ минуты. Онъ просилъ Антоніо передать княгинѣ Беатѣ, что, или въ скоромъ времени ей будетъ возвращена дочь, или онъ, панъ Зборовскій, никогда уже больше не увидитъ не только Кракова, но даже и солнца небеснаго.

Въ то же время старикъ Воловичъ писалъ Константину Острожскому: „А о томъ, что ты просилъ извѣстить тебя о дѣйствіяхъ княгини Беаты Андреевны, увѣдомляю: сенатъ приговорилъ князя Дмитрія, а отпѣтая голова Зборовскій собралъ ужъ своихъ молодцевъ въ погоню. Народъ все—не трусъ и числомъ ихъ изрядно. Твори какъ вѣдаешь“.

Съ этимъ письмомъ скакалъ гонецъ по дорогѣ къ Острогу.

XI.

Во времена глубокой древности на обширномъ пространствѣ, занимаемомъ Полѣсьемъ, было море. Объ этомъ морѣ упоминаетъ и Геродотъ, о немъ ходятъ разсказы и въ народѣ. Еще до сихъ поръ, по вязкимъ и опаснымъ болотамъ, запрятаннымъ въ глубинѣ лѣсовъ, время отъ времени находятъ обломки костей морскихъ животныхъ, янтарь, якоря и тому подобные предметы.

Но точныхъ свѣдѣній относительно этого моря не сохранила исторія. Отъ него осталась только низкая, громадная впадина да страшныя, непросыхаемыя болота. Многочисленныя рѣки въ различныхъ направленіяхъ опоясываютъ Полѣсье. Среди болотъ разсѣяны большіе и малые острова — роскошные оазисы. Здѣсь растетъ трава выше роста человѣческаго, родится хлѣбъ отборный, здѣсь много груши, яблони, различныхъ ягодъ. Трудна дорога къ этимъ оазисамъ—до нихъ добраться можно только на волахъ, да и то не всегда безопасно. Въ самое жаркое, сухое лѣто непросыхаютъ полѣсскія болота, а среди нихъ предательски бѣлѣются сыпучіе, наносные пески, медленно и неизбѣжно засасывающіе въ себя все, попадающее на ихъ поверхность.

Въ послѣдніе годы топоръ безжалостно прошелся по Полѣсью и образовалъ огромные просѣки. Картина края начинаетъ измѣняться. Но въ XVI вѣкѣ необозримые лѣса тянулись на сотни верстъ и скрывали въ своей непроходимой чащѣ дикую жизнь природы и мѣстнаго люда.

А людъ былъ совершенно дикій. Онъ сохранилъ въ себѣ нетронутыми всѣ черты первобытныхъ нравовъ. Неприступный въ своей лѣсной чащѣ, самою природою отдѣленный отъ возможности всякихъ благотворныхъ вліяній, онъ жилъ только охотой да рыбной ловлей и жарко молился своимъ лѣснымъ и рѣчнымъ божествамъ, чтобъ они послали ему удачу...

Лѣнивый и добродушный, этотъ людъ былъ способенъ, однако, на самыя звѣрскія преступленія, къ которымъ побуждали его суевѣрія и глубоко почитаемые имъ колдуны и колдуньи.

Не мало страшныхъ, отвратительныхъ тайнъ хранитъ въ себѣ Полѣсье...

Не много было и поэзіи въ этой дикой жизни, среди мрачной, величественной природы...

Библиотека "Руниверс"

Былъ вечеръ 22-го іюня, канунъ праздника Купалы, одного изъ самыхъ любимыхъ и торжественныхъ праздниковъ языческаго славянства.

Солнце давно уже скрылось за лѣсами. Звѣзды, одна за другою, загорались на потемнѣвшемъ небѣ. Не слышно было ни легкого дуновенія вѣтра. Безъ движенія, торжественной громадой, стояли вѣковыя деревья. И все это—и деревья, и мигающія звѣзды отражались въ водахъ рѣки, будто пріостановившихъ свое теченіе. Соловьи—исконные обитатели Полѣсья, оканчивали свои пѣсни. Среди болотъ, на обширномъ, покрытомъ дивной растительностью, островѣ — оазисѣ, мелькали огоньки въ маленькихъ хаткахъ—шалашахъ. Это были не осѣдлыя жилища, а только лѣтнее пребываніе нѣсколькихъ полѣскихъ семей, перебравшихся сюда для того, чтобъ запастись на зиму хлѣбомъ, овощами и плодами. До сихъ поръ еще такъ поступаютъ бѣлоруссы — весною они покидаютъ свои бѣдныя безплодныя деревни и перебираются на оазисы, гдѣ всего произростаетъ въ изобиліи.

(Продолженіе будетъ).

Шекспиръ и сценическое искусство его времени.

Не касаясь біографіи Шекспира, довольно извѣстной всѣмъ и каждому, мы ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ интересныхъ фактовъ, которые обрисовываютъ его время и ту роль, которую онъ игралъ въ современномъ ему обществѣ. Шекспиръ, по всей справедливости, былъ феноменальнымъ явленіемъ своей эпохи. Стоитъ только ознакомиться съ состояніемъ драматическаго искусства и литературы въ Англіи до его появленія, чтобы видѣть всю великость его генія. Первыя его произведенія были только передѣлками старыхъ піесъ, піесъ его предшественниковъ и товарищей, но вскорѣ онъ является самостоятельнымъ мастеромъ и неизмѣримо возвышается надъ своими образцами. Новизна драматическихъ пріемовъ, невиданная геніальность въ развитіи характеровъ своихъ героевъ скоро завоевали Шекспиру извѣстность и славу и отличили его между товарищами по искусству. Нужно сказать, что Шекспиръ явился въ эпоху благодатную для драматическаго писателя. Славный вѣкъ Елизаветы, полный трагизма и великихъ политическихъ событій достоинъ былъ отразиться въ геніальныхъ твореньяхъ такого поэта, какъ Шекспиръ. Этотъ вѣкъ вопреки своей прогрессивности и приторной общественной вѣжливости переполненъ былъ жестокостями и лукавствомъ, которые и должны были несомнѣнно вліять на характеръ драматической литературы. Въ это время чѣмъ выше стоялъ человѣкъ, тѣмъ болѣе было въ немъ испорченности. Вѣроломство, убійство и подлость не считались постыдными средствами для добыванія могущества или богатства. Во главѣ такого безнравственнаго общества стояла королева Елизавета, принесшая столько жертвъ эшафоту, правившая съ инквизиціонною жестокостью и сама игравшая безъ всякаго стѣсненія человѣческою жизнью и совѣстью. Жестокость была общимъ явленіемъ; никого не смущала ни кровь, ни страданіе. Въ 1586 году Лондонъ былъ очевидцемъ лютой казни Бабингтона и его сообщниковъ по заговору; а въ слѣдующемъ году была обезглавлена Марія Стюартъ. Въ такое то исполненное драматизма время явился Шекспиръ, и немудрено, что по впечатлительности своей натуры всѣми этими страшными событіями онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для своихъ піесъ, въ которыхъ подъ другими формами и образами представилъ лица и дѣяніе своей эпохи. Эти ужасающія сцены казней и убійствъ не мѣшали, однако, толпѣ съ жадностью посѣщать театральныя зрѣлища, и полюбовавшись вдоволь настоящими ужасами жаждать еще ужасовъ театральныхъ. Страсть къ театру развивалась все болѣе и болѣе; народъ такъ полюбилъ театральныя зрѣлища, что англійскому духовенству стоило большого труда оградить воскресный день отъ подобныхъ представленій. Новое искусство, опираясь на народное сочувствіе, не страшилось никакихъ нападковъ со стороны могущественныхъ властей, а напротивъ того часто бичевало ихъ самихъ оружіемъ своей необузданной сатиры. Профессія актера стала очень выгоднымъ ремесломъ, и люди этого класса начали мало-по-малу пріобрѣтать уваженіе общества. Не слѣдуетъ забывать, что не далѣе какъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ того же столѣтія актеры упоминаются еще въ англійскихъ юридическихъ памятникахъ въ числѣ тѣхъ бродягъ и негодяевъ, которыхъ предписывалось властямъ всюду останавливать, препятствуя ихъ мерзостнымъ играмъ и зрѣлищамъ. Но такія узаконенія не могли остановить развитіе сценическаго искусства, и народъ, не смотря на запрещеніе, отовсюду стекался, чтобы смотрѣть эти мерзостныя игры и зрѣлища. Публика того времени была далеко не взыскательна; сценическія представленія давались въ деревянныхъ сверху открытыхъ балаганахъ; на сцену допускались и постороннія зрители изъ привилегированнаго класса, которыя ни мало не стѣсняясь ходомъ піесы, оборачивались спиною къ партеру и къ актерамъ, курили и играли въ карты; народъ, тѣснясь и толкаясь въ партерѣ, ѣлъ яблоки, грызъ орѣхи, а шелуху бросалъ на сцену. Декорацій не существовало, все это замѣнялось занавѣсью изъ грубой ткани, на которой крупными буквами было написано «мѣсто дѣйствія». Воображеніе зрителей должно было усиленно работать и пополнять недостатки сценическаго убранства. Не при лучшей обстановкѣ игрались и геніальныя произведенія Шекспира. Въ прологѣ къ Генриху пятому онъ самъ совѣтуетъ зрителямъ, чтобы они дополняли своимъ воображеніемъ недостатки сцены: «пополняйте наши недостатки вашимъ воображеніемъ, говоритъ онъ, дѣлите одного человѣка на тысячу; создавайте цѣлыя арміи; воображайте, когда мы говоримъ о лошадяхъ, что вы видите какъ онѣ оттискиваютъ гордыя копыта свои на воспріимчивой почвѣ». При такой мизерной сценической обстановкѣ и при отсутствіи декорацій личность актера должна была болѣе выдаваться, и зрители исключительно на него обращали все свое вниманіе. Замѣчательно, что женскія роли въ піесахъ Шекспира игрались въ то время мальчиками. Строго-нравственная Англія долго не соглашась допустить на сцену женщинъ и съ презрѣніемъ относилась къ французскимъ актерамъ, въ числѣ которыхъ были и женщины. Шекспиръ не обладалъ большимъ сценическимъ талантомъ: онъ вообще игралъ второстепенныя роли. Истолкователей его великихъ характеровъ и типовъ былъ его другъ и товарищъ по сценѣ Бурбеджъ.

Въ 1598 году слава Шекспира достигла высшаго своего предѣла. Критики уже величаютъ его англійскимъ Плавтомъ и Сенекой и отдаютъ ему пальму первенства между драматическими писателями того времени. Въ числѣ друзей Шекспира мы видимъ представителей высшей англійской знати, графа Эссекса и графа Соутгемптона. Только великому таланту онъ обязанъ былъ такими связями при напыщенности и недоступности тогдашней аристократіи. Что же касается до отношеній его ко двору, то они не могли быть близки; скупая и подозрительная королева не особенно благоволила поэту и ограничивалась только одними похвалами. Оффиціальнымъ поэтомъ двора, такъ называемымъ увѣнчаннымъ поэтомъ, состоялъ какой-то Друммондъ и никто не подумалъ, что въ то-же время, въ Англіи, жилъ величайшій поетъ всѣхъ временъ и народовъ. Шекспиръ былъ подъ постояннымъ тяготѣніемъ своего званія актера. Въ то время актеръ могъ нажить большое состояніе, но оставался отлученнымъ отъ общества и нравственно запятнаннымъ; въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, онъ самъ сравниваетъ ремесло актера съ ремесломъ красильщика, какъ тотъ такъ и другой, по его словамъ, занимаясь грязнымъ ремесломъ, пачкаютъ себя невыводимыми пятнами. Послѣ гибели своихъ высокопоставленныхъ друзей, такое горькое чувство должно было еще болѣе овладѣть поэтомъ и только имъ можно объяснить то обстоятельство, что пользуясь богатствомъ и славой онъ неожиданно удалился въ родной свой Стратфордъ и поселившись тамъ, сорока семи лѣтъ отъ роду, закончилъ свою литературную дѣятельность. Вѣрно поэту слишкомъ надоѣли придирки цензорной, цензуры, нападки завистниковъ и враговъ и чванство напыщенной собой аристократіи. Не радовало его даже и то, что въ царствованіе ученаго Іакова I, преемника Елизаветы, онъ пользовался большими милостями. Посѣщалъ ли онъ дворъ и читалъ ли тамъ свое произведеніе объ этомъ ничего не говорится въ его біографіяхъ, но нельзя отрицать возможности подобнаго факта, послужившаго темой прекраснаго, художественнаго произведенія, изображающаго, какъ великій поэтъ декламируетъ въ присутствіи королевы и блестящаго двора. Вся его фигура дышетъ здѣсь спокойствіемъ и какимъ то олимпійскимъ величіемъ, его умное и прекрасное лице полно мысли и вдохновенія. Но только онъ одинъ спокоенъ; остальныя лица выражаютъ сильное душевное волненіе и даже какой-то ужасъ. Не возбудили ли его вдохновенныя строфы угрызенія совѣсти въ этихъ безчувственныхъ и жестокихъ людяхъ этого мрачнаго времени. Видно, что у всѣхъ ихъ есть кое-что на совѣсти; всѣ они были свидѣтелями или дѣйствующими лицами самыхъ раздирательныхъ драмъ и трагедій. Можетъ быть каждому изъ нихъ чудится близость эшафота или Тоуера. Не причастный страстямъ и низкимъ чувствамъ этихъ людей, Шекспиръ, какъ человѣкъ другого міра, передаетъ имъ свои страшныя и яркія видѣнія.

Онъ читаетъ имъ свою трагедію «Леди Макбетъ» и потрясаетъ ихъ чувства, можетъ быть, слѣдующими словами:

. . . . . И воронъ
Охрипъ, закаркавъ на пріѣздъ Дункана.
Сюда-жь, сюда, о демоны убійства!
Въ мой женскій духъ вселите лютость звѣря!

Библиотека "Руниверс"

Сгустите кровь мою, загородите
Путь сожалѣнію въ моей груди!
И будетъ замыселъ мой твердъ; природа
Не пошатнетъ его, и духи міра
Моей руки не отклонятъ. Сюда,
Убійства ангелы, гдѣ-бъ ни витали
Вы въ этотъ часъ, на гибель естеству—
Сюда къ грудямъ моимъ! Смѣните желчью
Ихъ молоко! Скорѣй, глухая ночь!
Спустись на міръ и въ мрачномъ дымѣ ада
Укрой мой ножъ! Пусть онъ не видитъ раны.
И небо не пронзитъ покрова тьмы
Словами: «стой! остановись!»

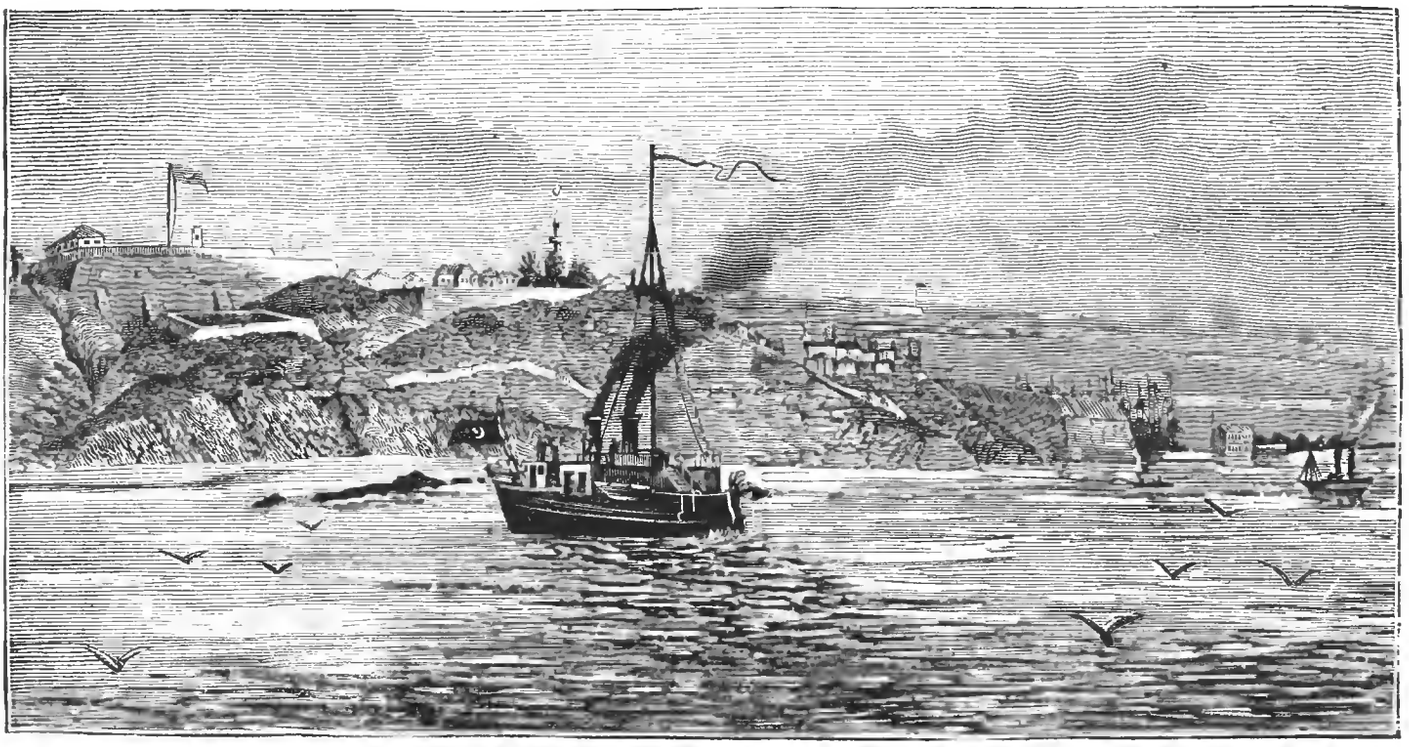
(Макбетъ. Дѣйствія I, сцена V. Пер. Кронсберга).

Со смертью Шекспира надолго умерло и сценическое искусство въ Англіи. Подъ вліяніемъ пуританизма, пустившаго уже тогда глубокія корни въ этой странѣ, театръ былъ закрытъ и съ 1640 по 1660 годъ театральныя зрѣлища не существовали. Лишь при Карлѣ II совершилось возрожденіе театра, но Шекспиръ былъ тогда не въ модѣ, англичане, очарованные французской сценой, смотрѣли на піесы Шекспира, какъ на несовременныя и отжившія. Лордъ Шефтбюри прямо называлъ Шекспира «умомъ вышедшимъ изъ моды». Въ 1757 году нѣкто Нахумъ Тетъ издалъ своего короля Лира оговариваясь въ предисловіи, что онъ взялъ мысль изъ піесы неизвѣстнаго автора прочитанной имъ совершенно случайно. И этотъ, въ то время, неизвѣстный авторъ былъ никто другой какъ Шекспиръ! Не болѣе успѣховъ имѣлъ онъ и за предѣлами Англіи. Вольтеръ съ увѣренностью авторитета прямо заявлялъ, что піесы Шекспира ни болѣе, ни менѣе какъ чудовищныя фарсы, и весь образованный міръ соглашался съ этимъ мнѣніемъ и не хотѣлъ признать никакихъ достоинствъ «у такого мужика и дикаря какъ Шекспиръ». Русскій переводчикъ издавшій въ Петербургѣ, въ 1787 году «Жизнь и смерть Ричарда III короля англійскаго, господина Шакеспера», почелъ своею обязанностью, приложить къ книгѣ, вмѣсто предисловія, дикія мнѣнія Вольтера. Нужно, при этомъ, замѣтить, что, не смотря на тогдашній авторитетъ Вольтера, у насъ, въ Россіи, и именно у насъ первыхъ, нашелся великій знатокъ и цѣнитель драматическихъ произведеній Шекспира, заявившій совершенно противуположное существовавшимъ тогда о немъ мнѣніямъ, а именно, что драмы Шекспира есть замѣчательныя въ литературномъ отношеніи произведенія, долженствующія занять первокласное мѣсто въ ряду высоко-художественныхъ произведеній. Такое мнѣніе о Шекспирѣ высказано было нашимъ знаменитымъ исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ.

Трудно и медленно Шекспиръ добывалъ вновь свою старую славу; много прошло времени пока онъ ее упрочилъ за собой, сдѣлавъ всемірной и вѣчной. Нынѣ Англія высоко цѣнитъ своего геніальнаго поэта. Карлейль, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, высказалъ слѣдующую блестящую тираду «о значеніи для Англіи Шекспира». Если бы насъ спросили «хотите вы, англичане, уступить ваши индѣйскія владѣнія или вашего Шекспира?» Вопросъ былъ бы, въ самомъ дѣлѣ, очень важный. Оффиціальныя особы, конечно, отвѣтили-бы оффиціальнымъ языкомъ, но мы, съ своей стороны, отвѣтили-бы такъ: «съ индѣйскими ли владѣніями или безъ нихъ, но безъ Шекспира мы не можемъ обойтись. Индѣйскія владѣнія, во всякомъ случаѣ, когда нибудь отойдутъ отъ насъ, но этотъ Шекспиръ никогда не отойдетъ отъ насъ; онъ всегда останется съ нами... Нѣтъ, мы не можемъ отдать нашего Шекспира!»

Это выраженіе національнаго сознанія и гордости прекрасно, но Карлейль забываетъ въ своемъ патріотическомъ восторгѣ, что такіе геніи, какъ Шекспиръ, не составляютъ достоянія какой нибудь отдѣльной націи: они принадлежатъ всему человѣчеству, и каждый членъ этой великой семьи въ правѣ сказать тоже самое: «я не отдамъ моего Шекспира».

А. Н.



Рущукъ. Съ наброска нашаго спеціальнаго корреспондента рѣзалъ Воярскій.

Въ тихой пристани.

(Къ рисунку).

— Чего, братъ, нахмурился? Пей—славное вино, да и славныя ручки его наливаютъ...

Красивый молодой морякъ взглянулъ на говорившаго товарища, на молодую дѣвушку, подошедшую къ нему съ бутылкой, и протянулъ ей свой стаканъ.

Она наполнила его плохимъ виномъ, которое морякъ выпилъ залпомъ, а сама сѣла рядомъ на скамейку.

Кругомъ было шумно и дымно. Десятка три подгулявшихъ матросовъ размѣстились за столами въ закоптѣлой тавернѣ. Всѣ они съ азартомъ затягивались дымомъ изъ трубокъ и дрянныхъ сигаръ и любезничали съ разносившими вино женщинами.

Утромъ корабль ихъ бросилъ якорь. Для черезъ два, три имъ предстояло снова пускаться въ далекое плаваніе. Они рѣшились воспользоваться нѣсколькими часами свободы и спѣшили провести ихъ въ свое удовольствіе.

Молодой матросъ, котораго товарищъ упрекнулъ въ нахму-

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ ВЪ СЕРБІИ.

К. Н. Богдановъ. († 23 авг. 1876 г.) Рис. Важанинъ, грав. Боярскій.

Н. Д. Долматовъ. († генв. 1876 г.) Съ фотогр. грав. Боярскій.

рсности, тоже развеселился. Выпитое имъ вино произвело уже свое дѣйствіе. Голова немного кружилась. Отдѣльные голоса, брань, шутки—все это начинало для него сливаться въ общій гулъ и уходило куда-то дальше. Вотъ онъ уже пересталъ видѣть и слышать товарищей, совершенно забылъ объ ихъ присутствіи. Онъ видѣлъ только красивые черные глаза, блестѣвшіе передъ нимъ, широкую улыбку, показывавшую бѣлые, ровные зубы.

Дѣвушка говорила какой-то вздоръ и громко смѣялась. Онъ наклонился къ ней и обнялъ ее за талію. Она крѣпко ударила его по рукѣ; но въ то же время не ушла отъ него, а придвинулась еще ближе.

Онъ поднесъ стаканъ къ губамъ. Она дернула его за руку—вино расплескалось, полилось ему на грудь, стекало каплями съ усовъ его. Онъ привлекъ къ себѣ дѣвушку и сталъ цѣловать ее... На лицѣ ея были капли вина, кругомъ было розлито вино, пахло виномъ и табакомъ, густой дымъ ходившій по комнатѣ клубами, ѣлъ глаза...

И вдругъ что-то внезапное и неожиданное потрясло молодого матроса. Онъ отклонился отъ ласкъ женщины и задумался, мрачно понуривъ голову. Среди тумана и дыма, среди дикаго шума безобразной попойки въ его воображеніи нарисовалась позабытая картина...

Маленькій, бѣдный домикъ, У домика садикъ, густо разросшійся, душистый и тѣнистый. Теплый, лѣтній вечеръ. Солнце заходитъ и съ запада тихо плывуютъ и таютъ въ глубинѣ небесной легкія розоватыя облачка, ежеминутно мѣняющіе свои причудливыя формы. Кругомъ все такъ тихо, такъ полно счастливаго, убаюкивающаго спокойствія.

Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село. Съ наброска, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Подъ кустомъ жасмина, залитаго обильнымъ, душистымъ цвѣтомъ, на низенькой скамейкѣ сидитъ, молоденькая дѣвушка.

Молодой матросъ только что отворилъ калитку садика и неслышными шагами приближается къ скамейкѣ. Онъ одѣтъ въ свою праздничную куртку, его кудри тщательно расчесаны, въ рукахъ у него букетъ красивыхъ, свѣжихъ цвѣтовъ. Дѣвушка еще не замѣтила его—она вся ушла въ свою работу, а, быть можетъ, и въ свои думы...

О, какъ забилось его сердце, какъ глаза его смотрятъ неотрываясь на это свѣжее, невинное личико...

Вотъ она наконецъ его замѣтила, вся оживилась и радостно протянула ему руку.

Онъ бросился къ ней, онъ припалъ къ ея рукѣ, покрывая ее поцѣлуями, а она склонилась къ нему на плечо съ довѣріемъ и нѣжной лаской.

— Милый мой, женихъ мой, вѣрный спутникъ на всю жизнь...

— Ну, что же ты сидишь, какъ истуканъ какой! Что за кислая мина! пробудилъ его отъ грезы рѣзкій голосъ. Дай, я налью тебѣ еще вина, да будь по любезнѣй—а то я и къ другимъ пойду: не въ молчанку же намъ играть съ тобой...

Волоса говорившей растрепались, на корсажѣ смятаго платья были видны пятна отъ вина, черные глаза глядѣли дерзко и безстыдно.

Онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее отъ себя и выбѣжалъ какъ сумасшедшій изъ таверны...

Вода и небо, небо и вода въ однообразномъ, безпредѣльномъ кругѣ. Быстро мчится корабль, полнымъ ходомъ идетъ онъ днемъ и ночью, и никакъ не выйти ему изъ заколдованнаго водянаго круга. Какъ ни гляди—все кажется, что стоитъ онъ неподвижно, въ самомъ центрѣ необъятнаго горизонта.

Вода и небо, небо и вода. Небо ясно и безоблачно—и вода отливаетъ бирюзовымъ цвѣтомъ. Тихо и мѣрно, какъ огромная полная чаша, колышется море и только отъ корабля во всѣ стороны разбѣгаются быстрыя волны, искрясь на солнцѣ серебряными гребешками...

Но вотъ потемнѣло небо, потянулъ холодный вѣтеръ; налетѣли откуда то и заклубились черныя тучи—потемнѣла и вода, заплескалась и застонала чаша моря. Расходилась грозная, слѣпая, неумолимая сила. Поднимаются волны все выше и выше, принимая чудовищные формы, взлетая на палубу и обдавая матросовъ холодною пѣной.

На кораблѣ лихорадочное движеніе. Порывистый вѣтеръ относитъ въ сторону слова команды. Трещатъ, скрипятъ и стонутъ снасти. Все сдѣлано, что можно сдѣлать; но много ли можетъ человѣкъ передъ расходившейся силой природы... Часы проходятъ, а буря неутихаетъ. Опасность грозитъ все больше и больше. Вотъ уже съ вышины мачты сорвало матроса и несчастный, описавъ дугу въ воздухѣ, полетѣлъ въ бѣснующіяся волны. Нечего и думать о его спасеніи...

Бываютъ минуты, когда корабль отъ напора волнъ принимаетъ почти вертикальное положеніе. Люди дѣлаютъ отчаянныя усилія, хватаются за что попало, катятся по мокрому дереву, расшибаются и стонутъ отъ боли. Наступаетъ роковая минута. Всѣ думаютъ, что теперь погибель.

Молодой матросъ на мачтѣ; силы его оставляютъ, онъ едва держится руками за обледенѣлую снасть... Но въ воображеніи воскресаютъ милые, дорогіе сердцу образы, и онъ снова собираетъ всю свою энергію, снова жажда жизни овладѣваетъ имъ. Въ то самое мгновеніе, когда его пальцы уже готовы были разжать веревку, за которую онъ держался, теряя послѣднія силы, въ воображеніи рисовалась бѣдная, но уютная комната. Все въ ней дышетъ заботливостью и чистотою. На всемъ замѣтенъ зоркій, опытный глазъ хорошей хозяйки. Вотъ и сама эта хозяйка. Она еще лучше, пожалуй, чѣмъ въ тѣ дни, когда невѣстой сидѣла въ душистой тѣни маленькаго садика. Когда онъ глядѣлъ въ послѣднее время на это милое лицо — его сердце ужь не било тревогу, губы не искали жадно ея поцѣлуевъ. Но все же это лицо было ему дорого, было несравненно дороже и милѣе прежняго. Это было лицо вѣрнаго, надежнаго друга, друга, который не продастъ и не измѣнитъ. Память хранила въ себѣ многія размолвки, бурныя ссоры, порою ѣдкіе упреки — но все это проходило безслѣдно и не въ силахъ было затуманить сознанія ея много, много разъ доказанной горячей привязанности, ея любви самоотверженной. И зналъ онъ одно: какія бы неудачи ни приготовила ему жизнь—всѣ оставятъ, всѣ отвернутся, всѣ отойдутъ съ холоднымъ безучастіемъ — одна она не оставитъ, не отвернется, одна она успокоитъ его, раздѣлитъ съ нимъ и горе его, и радость...

А вотъ въ той же комнаткѣ, въ уголку, за пологомъ кровати, спятъ безмятежно двое дѣтей. О! какъ онъ любитъ ихъ маленькія, розовыя лица. Съ какимъ блаженствомъ онъ слѣдилъ за ними, когда только что начинало проявляться въ нихъ сознаніе, когда нерѣшительно дѣлались первые шаги, произносились первыя слова, еще такъ похожія на птичій лепетъ. Съ какимъ ужасомъ, съ какой надеждой подходилъ онъ къ нимъ во время ихъ первыхъ болѣзней, съ какою радостью встрѣчалъ едва замѣтные признаки выздоровленія...

Вѣтеръ стучится въ окошко, крупныя капли дождя бьются о стекла. Молодая женщина тоскливо прислушивается къ этимъ звукамъ. «А что, если и тамъ и буря, думаетъ она,—что если и тамъ, въ открытомъ море, также свиститъ, еще больше свиститъ вѣтеръ!»

— Боже, спаси его! шепчетъ она и начинаетъ горячо молиться. Тихія слезы текутъ изъ глазъ ея, и они ихъ незамѣчаетъ.

Дѣти проснулись, взглянули на мать.

— Мама! О чемъ ты? шепчетъ одинъ изъ нихъ.

— Дѣти, помолитесь за отца, помолитесь, чтобы Господь спасъ его...

И дѣти, широко раскрывъ свои большіе глаза и набожно скрестивъ ручонки, шепчутъ молитву...

Крѣпче, крѣпче уцѣпились пальцы матроса за веревку...

Долго еще стояла буря, но ея порывы становились все медленнѣе и слабѣе. Черезъ часъ всѣ поняли, что корабль спасенъ.

Прошло нѣсколько дней счастливаго плаванія и вотъ раннимъ утромъ показалась въ туманѣ родная пристань..,

Матросъ кинулся къ себѣ домой.,. Восторги... объятія...

— Спасительница моя, шепчетъ онъ рыдая въ объятіяхъ жены и долго долго потомъ лились изъ его глазъ тихія, чистыя слезы радости и счастія!..

Къ рисункамъ.

Процессъ московскаго коммерческаго ссуднаго банка и Струсберга

Въ № 48 «Нивы» прошлаго года была помѣщена довольно подробная біографія доктора Струсберга. Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что читателямъ уже извѣстно прошедшее этого человѣка, съумѣвшаго силой своего спекулятивнаго ума изъ бѣдняка сдѣлаться обладателемъ милліоновъ. Подорванный въ кредитѣ въ своемъ отечествѣ и постоянно нуждаясь въ деньгахъ, Струсбергъ обратилъ свои взоры на Россію. Ему удалось, благодаря знакомству съ директорами ссуднаго московскаго банка, Ландау и Полянскимъ, опустить руки въ кассу этого банка и взять изъ него въ ссуду семь милліоновъ.

До струсбергскаго погрома московскій ссудный банкъ, открытый въ 1870 году, велъ свои дѣла благополучно. Директора всевластно въ немъ хозяйничали, а акціонеры составляли панургово стадо, вполнѣ полагавшееся на умъ и честность высокихъ людей, управлявшихъ ихъ деньгами. Безотвѣтственность и безконтрольность получили въ банкѣ правильную организацію. Сами члены правленія мало понимали свои прямыя обязанности, а если находили безпорядокъ, то ничего не предпринимали къ ихъ устраненію. На такой-то благоустроенный банкъ счастливая судьба натолкнула Струсберга. Благодаря содѣйствію Ландау и Полянскаго, онъ совершилъ безъ затрудненій свой грандіозный заемъ. Подкупая благорасположенія директоровъ значительными купонами, Струсбергъ такую операцію считалъ совершенно честнымъ и безкорыстнымъ дѣломъ. Въ число бумагъ, обезпечивающихъ его долгъ онъ беззастѣнчиво навязалъ банку акціи нѣмецко-богемской желѣзной и стальной промышленности, съ которыми на берлинской биржѣ никакихъ дѣлъ никогда не происходило, и несуществующей линіи парижско-нарбонской желѣзной дороги, которыя, самъ Струсбергъ, въ письмѣ къ доктору Штерну, называлъ ничего не стоющимъ тряпьемъ. Но словамъ же Струсберга, онъ дѣйствовалъ самымъ законнымъ образомъ, даже часто измѣнялъ своей натурѣ, лицемѣрилъ и выражалъ благодарность и любовь тамъ, гдѣ могъ питать лишь глубокое отвращеніе, въ виду лишь того, что по данная ему банкомъ помощь дастъ ему средства расплатиться со всѣми и спасти свое доброе имя. Далѣе, онъ выражаетъ такое мнѣніе, что если банкъ и не былъ въ правѣ дѣлать подобнаго рода операціи, то онъ, Струсбергъ, всегда былъ въ правѣ занимать и платить за это, и что онъ, давая взятки, хотя и сознавалъ, что это не нравственно и не честно, но въ то же время думалъ, что это мѣстный обычай, и что онъ, какъ иностранецъ, не обязанъ облагороживать русскіе нравы. 5-го октября 1875 года члены совѣта московскаго ссуднаго банка по ихъ собственному признанію, къ ужасу своему узнали, что Струсбергъ получилъ изъ банка семь милліоновъ, безъ всякаго цѣннаго обезпеченія, но въ виду личныхъ цѣлей не остановили операцій банка и продолжали принимать вклады, хотя выдавали ихъ только своимъ членамъ и лицамъ, имѣющимъ съ ними родственныя или торговыя связи. Въ то же время, убѣдясь въ отчаянномъ положеніи банка, совѣтъ послалъ депутацію къ министру финансовъ съ тѣмъ, чтобы просить его помощи подъ обезпеченія Струсберга, но получивъ отказъ, долженъ былъ 11-го октября закрыть банкъ окончательно. Прокурорскій надзоръ, которому было донесено, что банкъ раззоренъ мошенническими дѣйствіями лицъ, стоявшихъ во главѣ его управленія,

Библиотека "Руниверс"

тотчасъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе, какъ противъ Струсберга, главнаго виновника раззоренія банка, такъ и противъ директоровъ и членовъ совѣта, какъ лицъ способствовавшихъ банкротству и закрытію ввѣреннаго имъ учрежденія. Процессъ по этому уголовному дѣлу теперь разсматривается въ московскомъ окружномъ судѣ. Помѣщаемъ въ этомъ № «Нивы» рисунокъ, дающій понятія о дѣйствующихъ въ этомъ процессѣ личностяхъ, приговоръ же суда сообщимъ своевременно.

Рущукъ.

Рущукъ, по болгарски Руссе, лежитъ на правомъ берегу Дуная и замѣчателенъ, какъ важный стратегическій пунктъ и какъ центръ турецкой административной власти надъ всей несчастной Болгарской провинціей. Жителей считаютъ въ Рущукѣ до 30.000; по національности они турки, болгары, греки, евреи и армяне, но турецкое населеніе здѣсь значительно преобладаетъ и состоитъ преимущественно изъ рабочаго класса. Турки здѣсь лодочники, водоносы, носильщики, мясники и торговцы мелкимъ товаромъ. Болгаръ въ Рущукѣ очень немного и они большею частью скучены въ одномъ восточномъ кварталѣ. Евреи сходятся съ ними по наклонности къ торгашеству. Армяне занимаютъ выгодные профессіи банкировъ, маклеровъ и ростовщиковъ. Торговля здѣсь весьма значительна, особенно по вывозу въ Вѣну шерстяныхъ издѣлій, производствомъ которыхъ Рущукъ особенно славится Десять лѣтъ тому назадъ это былъ жалкій городишко. Нынѣ же онъ значительно обстроился и въ немъ много греческихъ и армянскихъ церквей, девять мечетей, синагога, бани и нѣсколько гостинницъ, устроенныхъ на европейскій ладъ (а ла франка), т. е. нѣсколько удобныхъ и опрятныхъ. Большинство его домовъ, принадлежащихъ туркамъ, имѣетъ весьма печальный и однообразный видъ. Это сплошныя, голыя, кругомъ замурованныя стѣны, плохо оштукатуренныя и совершенно не бѣленыя. Столь обыденныя въ Константинополѣ деревянныя рѣшетки, за которыми скрываются и смотрятъ на улицу гаремныя затворницы, здѣсь почти не встрѣчаются; для прогулокъ гарема отведенъ внутренній дворъ, высокія деревья котораго часто виднѣются изъ-за масивной стѣны дома. Вся мелкая промышленность здѣсь совершается въ глазахъ прохожихъ: въ маленькихъ, открытыхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ, вы увидите, какъ работаютъ портные, сапожники; тутъ же брадобреи декорируютъ физіономіи и головы своихъ посѣтителей. а мелкіе торговцы раскладываются съ своимъ разнообразнымъ товаромъ. Тутъ же цѣлыми массами бродятъ или лежатъ въ разныхъ позахъ, мѣшая прохожимъ, бездомныя собаки, которыхъ въ каждомъ турецкомъ городѣ великое множество. Санитарныя мѣры здѣсь не извѣстны, и близкое сосѣдство могилъ съ городскими зданіями не возбуждаетъ еще никакихъ опасеній турецкой администраціи.

Заговоривъ о Рущукѣ, нельзя не вспомнить, что это укрѣпленіе стоило много крови нашему русскому воинству. Еще въ 1773 году Суворовъ, по приказанію главнокомандующаго графа Салтыкова, отправился съ небольшимъ отрядомъ для взятія Рущука, считавшагося тогда первоклассной крѣпостью. Бурная погода разсѣяла лодки съ десантомъ и тѣмъ кончилось это рискованное предпріятіе. Въ 1774 году Салтыковъ самъ обложилъ Рущукъ, но Кучукъ-Кайнарджійск-й миръ не дозволилъ ему довести до конца осады. Въ компаніи 1810 и 1811 года Рущукъ снова былъ осажденъ русскими войсками подъ начальствомъ графа Каменскаго. Первый штурмъ его неудался и стоилъ огромныхъ потерь, но послѣ побѣды у Батина, одержанной надъ турками, Бошнякъ-Ага, комендантъ Рущука, не могъ болѣе держаться, и 15 сентября 1810 года городъ былъ занятъ русскими войсками. Въ послѣднюю войну съ Турціей наши войска хотя и стояли около Рущука но военныя дѣйствія ограничивались здѣсь лишь небольшими и неважными стычками.

Русскіе добровольцы въ Сербіи К. Н. Богдановъ и Н. Д. Далматовъ.

Н. И. Богдановъ сынъ полковника, потомственный дворянинъ, родился въ г. Симбирскѣ въ 1847 г. 16-го декабря. Образованіе получилъ въ Казанской гимназіи, по окончаніи курса въ 1864 г. поступилъ въ 17 артиллерійскую бригаду юнкеромъ. Произведенный въ прапорщики въ 1869 году въ Бутырскій пѣхотный полкъ,онъ перешелъ въ Калужскій Императора Германскаго, Короля Прусскаго полкъ и въ немъ былъ произведенъ въ подпоручики и поручики, занимая должность батальоннаго адъютанта. Женившись въ 1872 году и выйдя затѣмъ въ отставку, онъ служилъ мировымъ судьей въ г. Царевококшайскѣ. Засимъ, оставивъ коронную службу, въ 1876 году былъ бухгалтеромъ у одного торговаго товарищества въ Казани. Возмущенный звѣрскими поступками турокъ, К. Н. рѣшился ѣхать въ Сербію на защиту угнетенныхъ христіанъ. Отъ 14 (26) августа онъ написалъ изъ Кладова корреспонденцію, помѣщенную въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ», въ № 70. Она была первая и послѣдняя. 20-го августа при Алексинцѣ тяжело раненый въ животъ, онъ умеръ 23-го августа въ парачинскомъ военномъ госпиталѣ.

Н. Д. Далматовъ отправился изъ Россіи въ Сербію однимъ изъ первыхъ волонтеровъ, еще въ октябрѣ прошлаго года, а въ первыхъ числахъ января мѣсяца былъ убитъ въ Босніи. Онъ служилъ въ военной службѣ и въ 1865 году вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика и уѣхалъ въ Нижній Новгородъ, чтобы въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца принять участіе въ земскихъ дѣлахъ. Тутъ онъ даритъ бывшимъ своимъ крестьянамъ весь оброкъ, слѣдовавшій съ нихъ за землю, а оставшіяся за надѣломъ 300 десятинъ жертвуетъ земству на устройство сельскихъ школъ. Когда началось Кандійское возстаніе, въ немъ вспыхнула страсть къ борьбѣ за правду и свободу съ братьями славянами противъ турецкаго деспотизма, и онъ рѣшилъ отправиться въ Сербію; но убѣдившись что не дождаться въ Сербіи войны, Долматовъ вернулся въ Россію. Здѣсь за періодъ времени съ 1869 по 1876 годъ. онъ былъ сначала помощникомъ управляющаго въ Катаво-Ивановскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, Уфимской губерніи, потомъ управляющимъ въ разныхъ имѣніяхъ: на Кавказѣ, въ Уфимской губерніи, въ Тверской, затѣмъ агентомъ рѣчнаго общества на Маріинской системѣ. Съ началомъ Герцеговинскаго возстанія въ 1875 г., въ немъ опять проснулась жажда борьбы за святое дѣло: онъ отправился въ Бѣлградъ, чуть ли не первымъ русскимъ добровольцемъ. Отъ 18-го декабря 1875 года онъ увѣдомлялъ, что былъ раненъ въ стычкѣ съ турками и не оправившись хорошенько отъ раны, вновь участвовалъ въ экспедиціи, но послѣ нея такъ ослабѣлъ, что едва дотащился до мѣста стоянки...

Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село.

Настоящая славяно турецкая война представляетъ намъ безпрерывный рядъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ, совершающихся въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. Это – не война, а великая кровавая драма, не на сценѣ, а въ дѣйствительной жизни, съ безчисленнымъ количествомъ дѣйствій и подраздѣленій; каждый эпизодъ составляетъ отдѣльный актъ этой великой драмы, и каждый актъ запечатлѣнъ кровью. Эта драма тѣмъ замѣчательна, что число актовъ или дѣйствій въ ней постоянно ростетъ и прибавляется, оставляя зрителя въ самомъ напряженномъ и мучительномъ ожиданіи: „когда же будетъ конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ?“ Не успѣетъ онъ задать себѣ этого вопроса, какъ новое дѣйствіе уже передъ его глазами; и такъ идутъ они поочередно, какъ въ калейдоскопѣ, съ ужасными возмущающими душу картинами, отъ которыхъ болитъ и надрывается сердце.

Но среди всѣхъ отдѣльныхъ ужасныхъ сценъ, есть еще тысячи драматическихъ положеній, невидимыхъ простыми глазами. Не всѣ люди падаютъ подъ ударами баши-бузукскаго ятагана; остается не большая часть, которымъ удалось такъ или иначе избѣгнуть ужасной участи; но что это за жизнь? Кто можетъ узнать, что совершается въ душѣ этихъ людей, какая драма происходитъ тамъ? Какія мысли и чувства овладѣваютъ человѣкомъ, у котораго въ жизни не осталось никакихъ привязанностей, ни одного дорогого существа.

Одинъ изъ такихъ эпизодовъ представленъ въ сегодняшнемъ номерѣ нашего журнала. Молодой дѣвушкѣ удалось, какимъ-то чудомъ, убѣжать отъ неистовства турокъ и спасти съ собою вмѣстѣ маленькую сестру. Спустя нѣкоторое время она возвращается въ свое родное село. Она, быть можетъ, смутно чувствовала, что безполезно идти туда, гдѣ нѣтъ болѣе никого изъ близкихъ, дорогихъ сердцу людей; она, быть можетъ, инстинктивно сознавала, что уже не встрѣтитъ ее болѣе мать, что нѣтъ и брата на свѣтѣ. Она видѣла даже, какъ зажгли баши-бузуки ея родное село, въ которомъ она провела лучшіе свои годы, съ которымъ у нее связаны дорогія воспоминанія жизни; но она все-таки пошла. Какая-то смутная, туманная надежда таилась въ душѣ и повела ее туда, гдѣ она хотѣла бы встрѣтить кого-нибудь изъ живыхъ, увидѣть свой домъ... И вотъ она приходитъ, только не нъ прежнее, веселое, утопавшее въ зелени село, а на то мѣсто, гдѣ было оно. Глазамъ ея представилось зрѣлище потрясающее. Безпорядочные дымящіяся груды домовъ и построекъ, обуглившіеся человѣческія скелеты, по которымъ не возможно опредѣлить—кому они принадлежать, кого долженствовали такъ недавно изображать! А гдѣ отецъ, мать, братья? Увы, напрасные поиски! Все предано огню и разрушенію безжалостными варварами. Кругомъ безмолвіе, и—пустота во всѣ стороны! Смерть нъ самомъ ужасномъ значеніи этого слова царила здѣсь на просторѣ. Тяжко на сердцѣ дѣвушки, и только маленькая сестра ея не сознаетъ значенія окружающей ея обстановки... но на долго-ли? Бѣдныя дѣти!

Политическое обозрѣніе.

Нашъ посолъ при Константинопольскомъ дворѣ, генералъ Игнатьевъ, при врученіи 13 (15) октября султану Гамиду II своихъ вѣрительныхъ грамотъ, высказалъ слѣдующее: «Императоръ Александръ понимаетъ затруднительное положеніе и не

Библиотека "Руниверс"

скрываетъ своихъ симпатій къ славянамъ Турціи. Онъ желаетъ, чтобы нынѣшнее затрудненіе было устранено, и чтобы султанъ приступилъ къ улучшенію участи своихъ подданныхъ». Султанъ на это отвѣчалъ, что сожалѣетъ о событіяхъ, затрудняющихъ его реформаторскіе проекты, что разсчитываетъ на поддержку Провидѣнія въ достиженіи новой эры мира, которая дозволитъ ему сдѣлать свой народъ счастливымъ и что надѣется на помощь со стороны Императора Александра въ дѣлѣ осуществленія своихъ задачъ. Что послѣдуетъ за симъ—теперь ничего сказать нельзя. Есть слухъ, что генералъ Игнатьевъ, послѣ оффиціальнаго представленія Султану своихъ вѣрительныхъ грамотъ, будетъ имѣть съ нимъ еще свиданіе.

Къ числу немаловажныхъ политическихъ новостей прошлой недѣли нужно присоединить и разнесшійся повсюду слухъ объ отставкѣ графа Андраши. Если даже слухъ этотъ не осуществится, то во всякомъ случаѣ видно то, что въ принципахъ иностранной политики Австріи предстоитъ существенное измѣненіе. Весьма понятно, почему газеты вопросъ объ отставкѣ Андраши поставили въ зависимости отъ вопроса о союзѣ Россіи съ Австро-Венгріей. Политика Андраши, насколько она выяснилась въ теченіе *пяти* лѣтъ его премьерства, есть политика *мадярская*, уже по самому своему существу несовмѣстная съ интересами славянъ, да и съ истинными интересами самой Австріи.

Что касается сербско-турецкой войны, то на прошлой недѣлѣ телеграфъ доставлялъ намъ весьма противорѣчивыя извѣстія, которыя волновали наше общество, такъ близко принимающее къ сердцу интересы борющихся славянъ. Дошло, напримѣръ, вѣроятно по нѣкоторому недоразумѣнію корреспондентовъ, печальное извѣстіе, что турки съ успѣхомъ пробиваются къ Алексинцу, что Дюнишскія позиціи взяты. Эта вѣсть поразила наше общество, потому что со взятіемъ Дюнишскихъ позицій положеніе сербской арміи становится почти отчаяннымъ.

Въ дѣйствительности дѣло происходило такъ: турки съ большими силами напали на Дюнишъ. Сербы сначала отступили, но потомъ имъ удалось, 13-го (25) октября, послѣ упорнаго боя и при значительныхъ потеряхъ съ обѣихъ сторонъ принудить турокъ къ отступленію. Еще значительнѣе было нападеніе турокъ на Дюнишскія высоты 21 октября въ 9½ часовъ вечера. Турки, послѣ огромныхъ усилій были отброшены назадъ, такъ что не имѣли времени убрать убитыхъ и раненыхъ. Что касается военныхъ операцій на Ибарѣ, то онѣ также неудачны для турокъ. Такъ, 25 (13) октября, турки, узнавъ, что генералъ Новоселовъ послалъ отрядъ войскъ противъ Новаго Вароша, съ значительными силами аттаковали сербскія позиціи, чтобы прорвать сербскія линіи. Тогда сербскій правый флангъ (это движеніе въ стратегическомъ отношеніи весьма важно), попалъ на турецкія позиціи съ ихъ лѣваго фланга. Послѣ упорнаго боя сербами былъ взятъ одинъ шанецъ; турки же понесли значительный уронъ отъ сербскаго артиллерійскаго огня.

Князь Карлъ румынскій телеграфировалъ князю Милану, что онъ становится во главѣ своей арміи. Въ Добруджѣ произошли серьезные безпорядки и ожидаютъ поголовнаго возстанія. Англія отправила въ Варну корабль. Въ Травникскомъ санджакѣ (къ сѣверо-западу отъ Сераева) усиливается возстаніе; въ этомъ возстаніи принимаютъ уже участіе и славяне-католики. Изъ Кіппа извѣщаютъ отъ 12 (24) октября, что двѣ четы изъ инсуррекціоннаго корпуса Деспотовича напали 20 октября на турецкій городъ Петровичъ и взяли его. Цитадель этого города окружена.

Турки уже нарушили три раза неприкосновенность австрійской территоріи. Первый случай нарушенія былъ 12 (24) октября. Турецкій отрядъ, около Салине, близь Рагузы, *угналъ* на австрійской территоріи скотъ, принадлежащій австрійскимъ подданнымъ; *второй* случай при Стравцѣ, третій разъ — при Осойникѣ, близь Рагузы, при чемъ населеніе Осойника прогнало турокъ. Это троекратное нарушеніе австрійской границы совершено летучими отрядами, высланными Мухтаръ-пашею для угона всего скота, опустошенія полей и обращенія въ пепелъ уцѣлѣвшихъ мѣстностей долины Шумы, Попона поля и вдоль австрійской границы. Изъ сожженнаго здѣсь селенія Китра, близь Гребцовъ, турки увели женщинъ и *перерѣзали въ немъ всѣхъ дѣтей*. Это турецкое варварство выдается особенно тѣмъ, что, въ ослѣпленіи турки даже нисколько не замѣчаютъ всей важности послѣдствій нарушенія австрійской территоріи.

Нельзя не упомянуть и о блестящихъ подвигахъ черногорцевъ. Въ числѣ ихъ геройскихъ подвиговъ на прошлой недѣлѣ нужно отмѣтить взятіе турецкой крѣпости Медуна, которая сдалась на капитуляцію. При этомъ 400 турокъ, составлявшихъ горнизонъ, а также орудія и снаряды достались въ руки черногорцевъ. За блестящую храбрость, герою взятія Медуна, воеводѣ Ильѣ Пламенацу, князь черногорскій пожаловалъ высшій черногорскій орденъ, св. Петра, и другому герою, воеводѣ Марку Миляновцу, звѣзду ордена Данилы.

Нельзя не остановиться также на одномъ весьма отрадномъ сообщеніи газеты «l'Italie», имѣющемъ громадное значеніе для успѣховъ нашего флота, на случай могущей быть войны. Именно: итальянское правительство соглашается на *зимовку* нашей панцырной эскадры подъ командою вице-адмирала Бутакова въ одной изъ южно-итальянскихъ гаваней. Благодаря этому, наши морскіе боевыя силы, въ случаѣ надобности, будутъ готовы къ отправкѣ на Востокъ.

РѢШЕНІЕ
шахматной задачи № 42.

1) D 6 — F 8	1) E 3 — D 4
2) F 8 — G 7×	2) D 4 — E 3
3) F 5 — F 6	3) E 3 — D 4
4) F 6 — F 3××	

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **С.-Пбургъ. Кронн. пр. А. Г—ку.** Не имѣя окончанія, опредѣленнаго сказать нельзя.

2) **Царское село. О. Д. Аф—ной.** Очень юно, много «сочиненія» и нѣтъ простоты. Считаемъ нужнымъ замѣтить вообще, какъ по отношенію къ вашей повѣсти, такъ равно и другихъ очень, очень многихъ авторовъ, что если ужь такъ сильна страсть къ литературѣ, то лучше заняться такой работой, которая полегче, а «художественную» литературу оставить въ покоѣ. Если-же браться за нее, то необходимо серьезно къ этому подготовиться.

(3 Поступившіе въ редакцію въ пользу семействъ пострадавшихъ отъ войны въ Босніи и Герцеговинѣ: собранные М. Монаховымъ, въ с. Владимірскомъ 21 р., г. Цегеромъ, въ с. Залибаховкѣ 20 р.; отъ г. Новскаго, въ д. Козубовъ 1 р., Пожарскаго, въ Уфѣ 5 р., Богомолова, въ Омскѣ 6 р., подписчика «Нивы», въ Тулѣ 1 р., Шомова, въ Ново-Григорьевкѣ 50 к., подписчика «Нивы», на ст. Панфилово 5 р., К. Я. Холкиной и Н. Н. Власовой, въ Екатеринбургѣ 6 р., Шемтанова, изъ х. Коннаго 2 р., А. Зыбина, изъ Иваново-Вознесенска 3 р. и Нейландъ изъ Тулы 50 коп., всего 71 р.; а также отъ гг. Симонова, изъ Плоцка, ящикъ съ корнію, Тарасова два свертка холста—сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, подъ квитанцію управленія за №№ 875, 978 и 1868.

СОДЕРЖАНІЕ: **Генералъ Семенъ Корниловичъ Новоселовъ** (съ портретомъ).—Изъ путевой книжки (стихотв.) **W. W.**—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Продолженіе).—**Шекспиръ и сценическое искусство его времени** (съ рисункомъ).—**Въ тихой пристани** (съ рисункомъ). — **Къ рисункамъ: Процессъ московскаго коммерческаго ссуднаго банка** (съ рисункомъ).—**Рущукъ** (съ рисункомъ). — **Русскіе добровольцы К. Н. Богдановъ и Н. Д. Далматовъ** (съ 2-мя портретами)—**Возвращеніе сербскихъ дѣтей въ родное село** (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Рѣшеніе шахматной задачи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ».

Годъ восемнадцатый.

Журналъ **«Странникъ»** будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней программѣ, имѣющей въ виду удовлетворить потребностямъ большинства читающей публики. Въ составъ журнала входятъ: 1) Біографическіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ приложеніемъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Библіографія, въ предѣлы которой входитъ краткій *разборъ всѣхъ* вновь выходящихъ *духовно-нравственныхъ книгъ*; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; правительственныя распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Замѣтки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 книжекъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и *пять* руб. съ пересылкою во всѣ почтовыя мѣста имперіи. Адресоваться: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургѣ*, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, *кому* и *куда* посылать книжки журнала. Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: *Невскій проспектъ*, домъ *№ 108, близъ Знаменья*.

3—1 Редакторъ-издатель *Священникъ С. Протопоповъ.*

3-мъ изданіемъ вышло изъ печати:

ГДѢ Я, И КТО Я?

Соч. **Новаковскаго** Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства нар. просвѣщенія для народныхъ училищъ и для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній при слѣдующемъ отзывѣ: «Направленіе, которымъ проникнута вся книга, вполнѣ нравственно и религіозно, и клонится къ тому, чтобы внушить юному поколѣнію высокое понятіе о человѣкѣ вообще и о русскомъ человѣкѣ въ особенности и развить въ немъ чувство уваженія и любви къ своей родинѣ». Цѣна 60 коп. № 65.

Вышла новая книга: «Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ», — сочиненіе профессора Кіевской Академіи, К. И. Скворцова. Цѣна 2 рубля съ пересылкой. Адресъ: Кіевъ, уголъ Жилянской и Кузнечной улицъ, собственный домъ. № 64.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—7

НАСЛѢДНИКИ. 2—2

Повѣсть въ двухъ частяхъ, заключающая въ себѣ подробное и обстоятельное описанія жизни, дѣятельности, страданій, радостей, увлеченій и доблестныхъ поступковъ одного весьма почтеннаго и весьма ученаго, но отчасти легкомысленнаго статскаго совѣтника и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, достойныхъ вниманія читателя.

Д. И. Стахѣева.

Два тома, болѣе 600 стр. убористой печати. Цѣна 2 руб. пересылка за два фунта. Критическій разборъ этой повѣсти въ Русскомъ Вѣстникѣ за іюнь 1875 года.

Дозволено цензурою. СПБ. 21 Октября 1876 г. Изданіе **А. Ф. МАРКСА.** Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Веллинга. Англ. пр., № 10

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 44 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 1 Ноября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Ір. Соловьева, А. Ланъ* и *А. Живарева* . . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

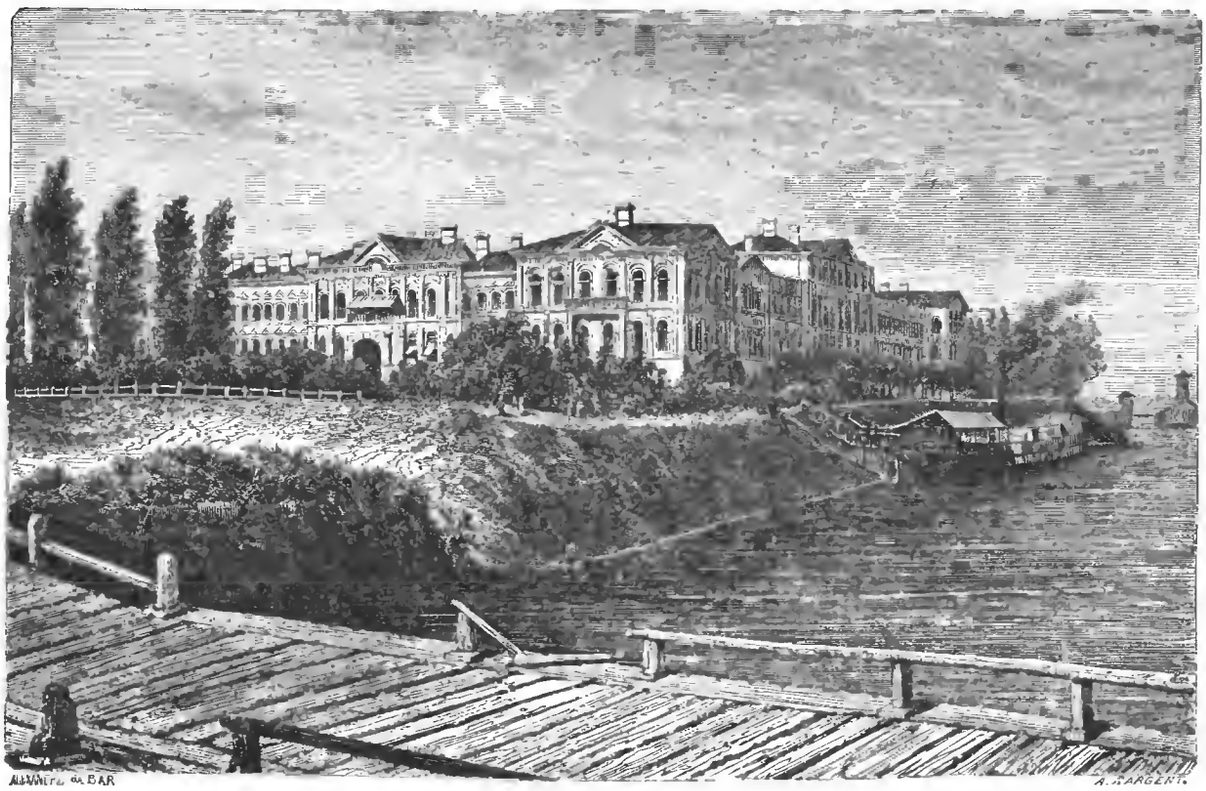
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени, мы просимъ покорнѣйше гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Митавскій дворецъ.

На мѣстѣ нынѣшняго митавскаго дворца въ 1264 г. гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена Кондратъ ф.-Мандернъ, называвшійся также Медемъ, построилъ укрѣпленный замокъ, извѣстный въ то время подъ именемъ замка *Митовъ*. Преемникъ его, ф. Мангеймъ, увеличилъ это зданіе, укрѣпилъ его и окружилъ рвами. Впослѣдствіи, въ 1340 г, подъ защитою этого укрѣпленія, неподалеку отъ него былъ заложенъ городъ. Изъ Риги сюда перебрались ремесленники и купцы—и такимъ образомъ



Дворецъ въ Митавѣ. Рис. А де Баръ, грав. Саржанъ.

Библиотека "Руниверс"

возникъ городъ *Митава*. Прежній замокъ—нынѣшній дворецъ—отдѣляется отъ самаго города лугами и рѣчкой Дризомъ, притокомъ Аа.

Во время правленія герцога Якова Курляндскаго (1648—1681 года), супруга котораго Луиза Шарлотта, была дочерью Курфистра, Герцога Вильгельма Бранденбургскаго, замокъ былъ укрѣпленъ по всѣмъ правиламъ крѣпостной фортификаціи. Не смотря на это, во время сѣверной войны, въ 1703 г., укрѣпленный такимъ образомъ замокъ Митавъ не могъ устоять противъ русскихъ и долженъ былъ сдаться Петру Великому. Преданіе гласитъ, что отступавшіе шведы выбросали въ то время изъ гробовъ тѣла герцоговъ, погребенныхъ въ замкѣ и совершенно ограбили гробницы; русскіе же, напротивъ, оставили по себѣ добрую память; извѣстно, что въ войскѣ Петра была строгая дисциплина. Послѣ сдачи замка всѣ укрѣпленія по повелѣнію Петра были срыты.

4-го мая 1737 г. въ Данцигѣ умеръ герцогъ Фердинандъ Курляндскій—послѣдній представитель дома Кеттлеровъ, и съ его смертью герцогскій тронъ остался вакантнымъ. Курляндское дворянство на собраніи 11-го іюня избрало имперскаго графа Эрнеста Іоанна Бирона наслѣдственнымъ герцогомъ. Биронъ велѣлъ тотчасъ же сломать старый замокъ и на мѣстѣ его возвести новое, величественное зданіе во вкусѣ того времени. На постройку этой резиденціи затрачивались громадныя суммы, архитекторы и рабочіе были выписаны изъ Петербурга. Постройка быстро подвигалась впередъ, но зданіе не было еще окончено, когда по кончинѣ императрицы Анны въ 1740 году въ судьбѣ Бирона произошла перемѣна—его всемогуществу наступилъ конецъ—герцогъ вмѣстѣ съ женою былъ сосланъ въ Сибирь. Во все время ссылки Бирова замокъ стоялъ недостроеннымъ и только въ 1763 году за него принялись снова и благополучно окончили постройку въ 1772 году. Дворецъ вышелъ великолѣпный и герцогъ въѣхалъ въ свою резиденцію при звонѣ колоколовъ и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Все зданіе и особенно второй этажъ были роскошно отдѣланы. Замковая капелла, стѣны, колонны и кафедры которой были сдѣланы изъ гипсоваго мрамора, великолѣпныя парадная и танцовальная залы производили впечатлѣніе чего-то грандіознаго. О роскоши отдѣлки можно и теперь еще судить по плафоннымъ работамъ, печамъ, каминамъ, люстрамъ и пр., сохранившимся въ царскихъ комнатахъ. Герцогу, однако, суждено было прожить не долго въ своемъ богатомъ дворцѣ: черезъ нѣсколько недѣль послѣ его пріѣзда, въ декабрѣ 1772 года, колокольный звонъ возвѣстилъ жителямъ Митавы о смерти Эрнста Іоанна Бирона, родившагося простымъ бюргеромъ и съумѣвшаго добиться почти неограниченной власти въ Россіи и герцогской короны въ Курляндіи. Биронъ умеръ 82 лѣтъ. Преемникъ его, герцогъ Петръ, избралъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ загородный замокъ Вюрцау, а дворецъ въ Митавѣ предоставилъ въ распоряженіе государственныхъ чиновъ.

Изъ бумагъ, хранящихся въ дворцовомъ архивѣ, узнаемъ, что въ 1782 году роскошная капелла была обращена въ жилые покои, при передѣлкѣ этой обрушился потолокъ и провалился въ подвалъ; далѣе хроника повѣствуетъ о большомъ пожарѣ, который зимою 1788 года разрушилъ весь сѣверный флигель и часть средняго корпуса зданія; разсказывается также объ осадѣ дворца взбунтовавшимися мельниками, но событіе это очевидно, сильно преувеличено.

Въ 1795 г. Курляндія была присоединена къ Россіи. Въ зданіи Литовскаго дворца помѣщены присутственныя мѣста; тутъ же находятся царскіе покои, комнаты для губернатора, вице-губернатора и квартиры для чиновниковъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія литовскій дворецъ пришелъ въ сильный упадокъ, нецелѣсообразныя постройки и пожары почти обезобразили его, кромѣ того дворцовыя залы не разъ были обращаемы въ казармы и лазаретъ. Однако послѣ 1812 г. приступили къ капитальной поправкѣ дворца, уничтожили неподходящія пристройки и вообще старались сохранить остатки прежняго великолѣпія. И дѣйствительно, зданіе получило свой прежній величавый видъ—стоитъ взглянуть на рисунокъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Митавскій дворецъ—самое великолѣпное и большое зданіе въ Курляндіи. Архитектурный стиль его—стиль Зимняго Дворца въ Петербургѣ. Главный фасадъ имѣетъ 86 саженъ длины, окрашенъ свѣтлой краской и въ цѣломъ очень изященъ. Оба боковыя корпуса имѣютъ 66 саженъ длины. Четвертая сторона зданія отведена подъ конюшни. Зданіе выведено на высокомъ фундаментѣ и построено въ два, мѣстами въ три этажа; главный фасадъ обращенъ къ востоку.

Въ лѣзомъ флигелѣ внизу находится склепъ бывшихъ герцоговъ Курляндіи. Въ склепѣ хранится 30 гробовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оловянные, другіе мѣдные. Наружный видъ этихъ гробницъ свидѣтельствуетъ о томъ, что во время войны съ ними обошлись очень безцеремонно. Въ первомъ по порядку гробѣ покоится прахъ Готтгарда Кетлера, послѣдняго гроссмейстера нѣмецкаго ордена въ Лифляндіи и перваго Курляндскаго герцога. Кеттлеръ родился въ 1517 г., умеръ 17-го мая 1587 г. Возлѣ него лежитъ супруга его Анна, принцесса Мекленбургская. Далѣе слѣдуютъ герцогъ Фридрихъ, свякъ Готтгарда, супруга его Елизавета-Магдалена. Въ двухъ послѣднихъ гробахъ покоятся тѣла Герцога Эрнеста Іоанна Бирона и супруги его, урожденной фонъ-Тротте или Трейденъ. Въ настоящее время публикѣ показываютъ только бальзамированный трупъ герцога Бирона, который, если судить по останкамъ его, ни отличался ни красотою, ни статностью.

Жена Бирона, урожденная ф.-Тротте или Трейденъ, состояла въ родствѣ съ домомъ германскаго канцлера ф.-Бисмарка, такъ какъ основательницей митавскаго Екатерининскаго института была Катерина ф.-Бисмаркъ, урожденная ф.-Тротте или Трейденъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, сохранившаяся на доскѣ этого заведенія.

Прежній митавскій замокъ былъ далеко не такъ красивъ, какъ современный дворецъ. Замокъ стоялъ среди безлѣсной мѣстности, окруженный болотомъ, въ настоящее же время зданіе это окружаютъ прекрасные сады и паркъ.

Такимъ украшеніемъ дворецъ обязанъ прежнему губернатору Курляндіи, нынѣшнему министру Государственныхъ Имуществъ Валуеву. Теперешній губернаторъ ф.-Лиліенфельдъ сдѣлалъ также очень много для украшенія и увеличенія дворцоваго парка. Теперь сады и паркъ не только окружаютъ дворецъ, но простираются далеко за плотину замка.

У входа въ паркъ находится плита, надпись на которой свидѣтельствуетъ о томъ, что и крестьяне митавскаго округа принимали дѣятельное участіе въ разбивкѣ садовъ и парка; они подвозили песокъ, землю и совершали другія работы безплатно.

Дворцовый паркъ служитъ ежедневнымъ мѣстомъ сборища и прогулки городскихъ обывателей. Лѣтомъ по вечерамъ здѣсь играетъ военный хоръ музыкантовъ, а иногда городскіе или заѣзжіе музыканты оглашаютъ воздухъ веселыми звуками.

Въ саду существуетъ довольно хорошій ресторанъ. Вообще дворецъ съ своими садами служитъ украшеніемъ города

Х. Р.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть первая.

(Продолженіе).

Осенью жизнь среди болотъ, вступающихъ во всѣ свои права, становится окончательно невозможной, и тогда они возвращаются во свояси...

Время близилось къ полуночи; съ острова по болотистой дорогѣ къ рѣчному берегу что-то подвигалось, какое-то шествіе. Доносилась тихая, заунывная пѣсня. Въ одномъ мѣстѣ лѣсъ доходилъ до самой воды, постепенно рѣдѣя. Образовывалась небольшая поляна. Сочная, роскошная трава, цвѣты и причудливые листья папоротника покрывали ее.

У этой полянки остановилось шествіе. Не прошло и полчаса, какъ уже ярко пылало десятка два костровъ, озаряя людскія лица. Вокругъ костровъ расположились группы мужчинъ и женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей. У каждаго на головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Вотъ поднялось нѣсколько дѣвушекъ и направилось въ чащу. Здѣсь онѣ, въ глубокомъ молчаніи, соберутъ девять различныхъ цвѣтковъ, свяжутъ ихъ вмѣстѣ и, ложась спать, положатъ ихъ себѣ подъ голову. Тогда онѣ непремѣнно увидятъ во снѣ всю судьбу своей жизни.

Вотъ молодой парень пробирается глубже въ лѣсъ. Тамъ, въ темнотѣ и тишинѣ, онъ найдетъ кустъ папоротника и станетъ смотрѣть на него, не отрываясь. Этою ночью папоротникъ непремѣнно зацвѣтетъ яснымъ цвѣтомъ, свѣтлымъ и блестящимъ какъ звѣздочка. Нужно сорвать этотъ цвѣтокъ и бѣжать не оглядываясь. Добѣжишь—цвѣтокъ этотъ дастъ тебѣ все, чего ни пожелаешь. Оглянешься — заѣстъ тебя дѣдъ лѣсовикъ, защекочутъ свѣтлыя, холодныя русалки.

Вотъ парни и дѣвушки, высоко подвязавъ рубашки,

Библиотека "Руниверс"

которыя составляютъ всю ихъ одежду, собираются прыгать черезъ огонь...

Изъ дальней группы отдѣляется молодая дѣвушка, за ней слѣдуютъ другія. Онѣ направляются по рѣчному берегу. Всѣ въ вѣнкахъ, у всѣхъ въ рукахъ цвѣты... Некрасива вообще бѣлорусская женщина; но иной разъ и тамъ можно встрѣтить красавицу. Дѣвушка, шедшая впереди всѣхъ, была чрезвычайно красива. Высокая и стройная, съ блѣднымъ лицомъ и глубокими, карими глазами. Съ круглыхъ плечъ спускалась длинная бѣлая рубашка. Распущенные темные волосы падали ниже колѣнъ. Она вся, съ головы до ногъ, была убрана цвѣтами.

Медленно подошла она къ рѣкѣ и остановилась.

Ея глаза были опущены. Она бросила въ воду вѣнокъ, заломила руки и запѣла.

Грустные, надрывающіеся звуки „купальной пѣсни" огласили тишину лѣса:

Если бы зналъ ты, Купало,
Какъ я по Грицѣ тоскую,
Сколько ужь слезъ моихъ горькихъ
Капуло въ землю сырую.

* * *

Ты такой добрый, Купало,
Ты бы помогъ мнѣ, дѣвицѣ,
Все про меня разсказалъ бы
Злому мучителю Грицѣ.

* * *

Глянь, кругомъ вода и лѣсъ,
Глянь, Купало милый!
Мою хатку вѣтеръ снесъ,
Меня кинулъ милый!

* * *

Еслибы зналъ ты, какъ бьется
Сердце что птица на вѣткѣ —
Ты такой добрый, тыбъ не далъ
Грица злодѣйкѣ сосѣдкѣ.

* * *

Я вѣдь сиротка, Купало,
Нѣтъ ни отца, ни милого!
Кто же меня приголубитъ,
Скажетъ сердечное слово?!

* * *

Глянь, кругомъ вода и лѣсъ,
Глянь, Купало милый,
Мою хатку вѣтеръ снесъ,
Меня кинулъ милый! *)

Далеко, далеко, въ самую глубь вѣковѣчнаго лѣса уносились эти звуки, повторяясь на безчисленныхъ отголоскахъ и постепенно замирая. Они уносились туда, въ свѣтлое жилище Купалы, гдѣ за высокимъ тростникомъ, за непроходимыми болотами, топями и бочагами раскинулась благоухающая вѣчно зеленая поляна. Густыя тѣни невиданныхъ деревьевъ обрамляютъ ее; огромные сѣдые звѣри стерегутъ ее. Тамъ никогда не заходитъ солнце, тамъ земля также прекрасна какъ и небо... Купальныя игры оживлялись. Вотъ уже началось прыганье черезъ костры, пляска и громкіе крики, визги и веселый хохотъ... Но что это? Въ лѣсу какой то гулъ, будто конскій топотъ. Все ближе да ближе. Старики и женщины стали унимать расходившуюся молодежь и прислушиваться. Точно: приближается что-то огромное, какъ будто какой-то ураганъ ломаетъ сучья. Вотъ запыхавшись, внѣ себя отъ волненія, изъ лѣсу выбѣжалъ парень, ходившій наблюдать за папоротникомъ. Онъ громко кричитъ и объявляетъ, что въ лѣсу конные, много конныхъ и мчатся они прямо сюда, къ рѣчному берегу. Всѣ въ смятеніи. Что это за люди? по своему дѣлу какому или враги лютые—разбойники? Всѣ вспоминаютъ, какъ третьимъ лѣтомъ наѣхали тоже всадники, человѣкъ съ сорокъ, накинулись на островокъ, обобрали все дочиста, послѣднюю рубашку отняли, захватили съ собой трехъ молодыхъ дѣвушекъ—да и были таковы. Ужь и теперь не тѣ-же ли злодѣи...

Еще встревоженный людъ не зналъ на что рѣшиться, какъ изъ-за деревьевъ показались всадники. И было ихъ видимо невидимо, нѣсколько сотенъ. Но съ виду они не были похожи на прежнихъ разбойниковъ. Тѣ оборванцы, съ грязными, страшными рожами, на неосѣдланныхъ, шаршавыхъ лошадяхъ, съ топорами да разнымъ дреколіемъ. Теперь же передъ дрожащими, обезумѣвшими отъ страха поселянами, храпѣли лихіе, взмыленные кони. Всадники блестѣли разнымъ невиданнымъ оружіемъ, красивой, чудною одеждой.

Многіе изъ поселянъ бросились бѣжать черезъ болото на свой островъ. Другіе не шевелились, будто окаменѣвъ со страху. Вотъ изъ толпы, тѣсно прижавшейся другъ къ другу, робко вышло нѣсколько стариковъ. Они приблизились къ всадникамъ и бросились имъ въ ноги, моля пощадить животы ихъ.

— Дурачье! дурачье! крикнулъ на нихъ только что слѣзшій съ коня и привязывавшій его къ дереву тучный человѣкъ съ огромными усами. Никто васъ и пальцемъ не тронетъ; но только, чуръ—всѣ вонъ отсюда! И безъ васъ намъ мѣста мало на этой полянкѣ...

Старики быстро встали на ноги, вернулись къ своимъ и скоро вся праздничная, обвитая цвѣтами толпа молчаливо двинулась по подсохшему болоту.

— Эки, прости Господи, мѣста окаянныя, ворчалъ между тѣмъ толстякъ. Эки проклятыя болота! во весь-то день первое удобное мѣсто сыскалось.

— Ну, что-жь, Иванъ Петровичъ, здѣсь ночевать нужно, а то и кони напи, да и мы сами изъ силъ выбьемся,—подъѣхалъ къ нему молодой всадникъ.

— А то какъ же, князь, разумѣется—ночевать. Сейчасъ прикажу тебѣ съ княгиней шатеръ изготовить, да и ужинъ найдется, отвѣтилъ толстякъ.

Князь спрыгнулъ съ коня и быстро подошелъ къ сопровождавшему его всаднику. Это былъ юноша, почти ребенокъ. Его лицо, насколько можно было разглядѣть сквозь сумракъ едва побѣлѣвшей ночи и потухающій огонь костровъ, поражало необычайной красотою. На юношѣ былъ красивый бархатный костюмъ, какой обыкновенно носили тогда пажи вельможъ литовскихъ.

Князь ловкой и сильной рукою помогъ юношѣ сойти съ коня и нѣжно обнялъ его за талію.

— О, какое мученье! отчаянно проговорилъ онъ.— Какъ ты должно быть устала, какъ ты разбита, моя Гальшка...

— Нѣтъ, ничего... теперь отдохнемъ,—стараясь улыбнуться прошептали прекрасныя, поблѣднѣвшія губы...

Скоро воины устроили нѣчто въ родѣ шатра подъ огромнымъ, развѣсистымъ дубомъ. На мягкую траву положили нѣсколько ковровъ. Князь Сангушко дѣлалъ распоряженія. Онъ приказалъ небольшому отряду воиновъ разсыпаться въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу и чутко прислушиваться. Лошади у всѣхъ пусть останутся осѣдланными, никто не долженъ снимать оружія.

Вернувшись въ шатеръ, князь увидѣлъ Гальшку, лежавшую на коврѣ и спавшую крѣпкимъ сномъ. Она не притронулась къ ужину. Ея лицо было блѣдно, губы пересохли. Онъ склонился надъ нею и молча сидѣлъ, смотря на нее, не отрываясь, и думая свои нерадостныя думы.

Ужь около мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ похитилъ ее изъ Острога, а ни одного еще дня спокойнаго не выдалось за все это время. Выбравшись изъ замка скакали они тогда нѣсколько часовъ въ густотѣ лѣса. Ѣхать въ Сорочи князь не рѣшался, но у него было небольшое помѣстье, затерявшееся среди лѣсовъ и болотъ, верстахъ въ семидесяти отъ Острога. Тамъ стояла старая, деревянная церковь и ветхая усадьба Отецъ его наѣзжалъ иногда въ это помѣстье для охоты. Здѣсь рѣшился Сангушко обвѣнчаться съ Гальшкой и провести первое время не прерывая сношеній съ княземъ Константиномъ.

Онъ привезъ Гальшку почти полумертвую отъ волненія и усталости и сдалъ ее на попеченіе своей ста-

*) Это почти буквальный переводъ старинной полѣсской „Купальной пѣсни".

Библиотека "Руниверс"

Русская исторія: Разинскій бунтъ I. Стенька Разинъ, на вершинѣ своего могущества, опьяненный удачами, бросаетъ въ Волгу любимую имъ персидскую княжну. Рис. Медвѣдевъ, грав. Р. Бонгъ.

Библиотека "Руниверс"

Русская исторія: Разинскій бунтъ II. Смертная казнь Стеньки Разина, на Красной площади въ Москвѣ.
Рис. Медвѣдевъ, грав. Р. Бонгъ.

Библиотека "Руниверс"

рой няньки, которая пріѣхала изъ Сорочей и теперь представляла собою все женское населеніе позабытой усадьбы. Къ вечеру княжна нѣсколько отдохнула, и няня провела ее черезъ запущенный, весь заросшій густою травою садъ въ низенькую, покосившуюся на бокъ церковь. Старикъ священникъ, робкій и запуганный, съ грубыми, мозолистыми руками, привыкшими къ земледѣльческой работѣ, встрѣтилъ невѣсту. Онъ взглянулъ на нее и потупилъ глаза свои. Никогда еще не видалъ онъ такой красавицы, даже не думалъ, что и бываютъ такія.

А она стояла блѣдная и трепещущая, въ своемъ простомъ, домашнемъ платьѣ, съ душистыми бѣлыми розами въ волосахъ, принесенными ей изъ саду старухой няней.

Черезъ нѣсколько минутъ въ церковь вошелъ Сангушко. За нимъ Галынскій и Ѳедя. Тяжелыя, ржавыя двери, ведшія на паперть, со скрипомъ и визгомъ затворились за ними. Старуха няня помѣстилась въ уголку и, упавъ на колѣни передъ иконой, горяче молилась, бія себя въ грудь и обливаясь тихими, умиленными слезами. Женихъ и невѣста взялись за руки и подошли къ налою. За ними слѣдовали Галынскій и Ѳедя. Священникъ, надѣвъ почернѣвшую отъ времени ризу, началъ молитву.

Въ открытыя окна вливались длинные, косые лучи вечерняго солнца, прорѣзывали бѣдную церковь отъ стѣны до стѣны и дрожали и искрились миріадами тонкихъ, мечущихся пылинокъ. Густыя, зеленыя вѣтки смотрѣлись въ окна. Тихо было кругомъ, только звонкія птицы перекликались въ кустахъ, рѣяли въ синевѣ яснаго вечера. Издали доносилось мычаніе стада, возвращавшагося съ пастбища. Слабо и тускло мигали желтыя восковыя свѣчи; тихій, разбитый голосъ священника медленно произносилъ слово за словомъ.

Склонивъ головы, не глядя другъ на друга, Сангушко и Гальшка внимательно, всею душою вслушивались въ то, что читалъ священникъ. Гальшка не плакала; ея чудное лицо было серьезно; она чувствовала усталость, а внутри ея водворялось какое-то глубочайшее, торжественное спокойствіе. Галынскій едва сдерживалъ проклятое желаніе громко откашлянуться и сплюнуть въ сторону, которое всегда преслѣдовало его въ самыя неподходящія минуты. Ѳедя думалъ только о томъ, какъ бы ему не разрыдаться. Онъ самъ не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Въ немъ перемѣшивались и жгучая боль отчаянья и блаженство любви, охватившей его всецѣло. Никогда еще онъ не любилъ такъ Гальшку, никогда еще не любилъ такъ и князя. О, пусть они будутъ счастливы, пусть только будутъ счастливы, а онъ всю жизнь свою посвятитъ имъ и никогда они не узнаютъ, какъ онъ ихъ любитъ и какъ разбилось его сердце...

Такъ совершалось вѣнчаніе одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ литовскихъ и красавицы Гальшки, о которой мечтали всѣ лучшіе женихи Литвы и Польши...

Первые дни послѣ свадьбы прошли быстро, въ тишинѣ укромной усадьбы, въ душистой тѣни запущеннаго сада. Но почти каждый день приносилъ тревожныя извѣстія. Князь Константинъ увѣдомлялъ, что Беата уѣхала въ Краковъ... Что будетъ изъ этого? чего опасаться? Черезъ недѣлю Острожскій прислалъ гонца съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ князю бѣжать на время заграницу. Это бѣгство оказалось неминуемымъ, когда получилось извѣстіе о декретѣ сената и предпріятіи Зборовскаго.

Гальшка выказала необычайную рѣшимость. Она объявила, что одѣнется въ мужское платье и будетъ сопутствовать мужу верхомъ, чтобъ не затруднять бѣгства и не возбуждать во встрѣчныхъ подозрѣній. На развѣдки Зборовскаго будутъ отвѣчать, что видѣли всадниковъ, но между ними не было женщины. Она такъ убѣждала князя, такъ мило, краснѣя, доказывала ему, что ей будетъ очень удобно и ловко превратиться въ пажа, что онъ, обдумавъ все, согласился. Гальшка была отъ природы очень крѣпкаго здоровья. Къ тому же она съ дѣтства любила лошадей и считалась отличной наѣздницей. Рѣшено было снова собрать надежный отрядъ, изрядную казну и пробраться въ Богемію. Сангушко уже прежде былъ въ странѣ этой и зналъ какъ ему тамъ устроиться.

Передъ самымъ отъѣздомъ князь Константинъ прислалъ сказать, что мѣшкать нечего, что Зборовскій не далеко и съ нимъ большое войско. Опасность становилась близкой.

Выѣхали рано утромъ и стали пробираться глухими дорогами, въ лѣсахъ и болотахъ. Вотъ уже три дня какъ ѣхали неутомимо, останавливаясь только чтобы покормить коней, почуя подъ открытымъ небомъ. На вопросы встрѣчныхъ давали осторожные отвѣты. Впрочемъ и встрѣчныхъ было мало. Дикій полѣшукъ, завидѣвъ толпу всадниковъ, быстро сворачивалъ съ дороги и скрывался въ лѣсу. Повстрѣчались одинъ разъ съ толпой людей подозрительнаго вида, сильно смахивавшей на шайку разбойниковъ; но эти люди, увидя превосходство силъ и отличное вооруженіе отряда Сангушки, предупредительно объяснили дорогу и поскорѣе скрылись. Отъ развѣдчиковъ, посылаемыхъ княземъ во всѣ стороны, не получалось тревожныхъ извѣстій. Авось пройдетъ благополучно и эта ночь—а завтра къ вечеру они будутъ ужь далеко. Только усталость Гальшки сильно тревожила князя. Какъ ни храбрилась его дорогая красавица, но онъ ясно видѣлъ ея блѣдность, ея волненіе. Она сама признавалась, что у нея болятъ руки и ноги. Мужское сѣдло и три дня пути въ связи съ душевной тревогой не могли не оказать на нее своего дѣйствія...

Сангушко думалъ обо всемъ этомъ и съ горячей любовью глядѣлъ на спящую Гальшку.

Прошло часа два, а, можетъ, и больше. Онъ не могъ заснуть. Какая-то страшная тоска, что-то давящее, тяжелое заползало въ его сердце. Онъ еще никогда не испытывалъ такого ощущенія. Ему становилось душно, какъ-то даже страшно.

На полянѣ все было тихо. Только временами храпѣли кони и били копытомъ, да кое-гдѣ позвякивало оружіе воиновъ. Уже совсѣмъ свѣтало. Глаза князя стали смыкаться...

Вдругъ онъ быстро вскочилъ на ноги. Что это? Шумъ, голоса, торопливые шаги... Въ шатеръ вбѣжалъ Ѳедя.

— Князь, говорилъ онъ запыхавшись—сейчасъ прискакалъ нашъ Никита. Верстахъ въ трехъ отсюда онъ видѣлъ большой отрядъ поляковъ... Нѣтъ сомнѣнія, что это войско Зборовскаго—оно напало на слѣды наши.

Сангушку кольнуло въ сердце. Онъ съ отчаяннымъ ужасомъ взглянулъ на свою Гальшку.

— Скорѣй подавать мнѣ лошадь, крикнулъ онъ. А коня княгини пусть кто нибудь возьметъ съ собою.

Онъ разбудилъ Гальшку. Она взглянула на его взволнованное лицо и сразу поняла все.

— За нами погоня! Да? Они близко? прошептала она.

Князь хотѣлъ ее успокоить.

— Еще нельзя сказать, что погоня. Видѣли только какой то отрядъ, не очень далеко отсюда. Но мало ли кто это можетъ быть, да еще по какому направленію поѣдутъ эти люди—можетъ совсѣмъ въ другую сторону...

Но его голосъ дрожалъ. Онъ не обманулъ Гальшки.

— Не успокоивай меня, мой милый, печально сказала она. Лучше скажи прямо, что за нами погоня. Я не боюсь ничего, покуда ты со мною... если суждено намъ даже умереть, такъ и умремъ вмѣстѣ. Только вотъ объ чемъ попрошу я у тебя—не оставляй меня

Библиотека "Руниверс"

одну, возьми меня къ себѣ на сѣдло. Твой гнѣдой такъ силенъ—онъ меня и не почувствуетъ. А я хочу быть съ тобою: и въ двухъ шагахъ мнѣ будетъ казаться, что я одна, и станетъ мнѣ страшно.

— Я ужъ такъ и распорядился, отвѣчалъ обнявъ жену Сангушко.

Конь былъ подведенъ и минутъ черезъ десять весь отрядъ снялся съ мѣста. Скакали быстро, насколько позволяла густота лѣса; старались держаться вмѣстѣ, объѣзжали болота. Проводникъ былъ отлично знакомъ съ мѣстностью. Онъ обѣщалъ часа въ два вывести на хорошую дорогу. По временамъ останавливались и прислушивались къ лѣсному гулу.

Ѳедя первый заслышалъ зловѣщіе звуки. Отрядъ Сангушки оставлялъ за собою помятую траву, сломанныя вѣтки. Погоня становилась не только возможной, но и легкой. Кони мчались быстро. Лѣсъ то рѣдѣлъ, то снова сходился въ трудно проникаемую чащу. Необходимы были нѣкоторыя остановки. Повернули направо — болото. Одна изъ передовыхъ лошадей стала сильно вязнуть, такъ что ее пришлось вытаскивать.

А между тѣмъ гулъ приближался. Проводникъ объявилъ, что онъ немного ошибся въ поворотѣ. Нужно вернутся назадъ, а то тутъ все пойдетъ болото, а съ другой стороны такая чащоба, что не только коннымъ, да и пѣшему нельзя продраться.

Галынскій задыхался отъ бѣшенства.

— Что-жь это ты, предатель, собака! Губить насъ вздумалъ!?.. кричалъ онъ. Братцы—топить его въ болотѣ—пускай себѣ околѣваетъ!

Сангушко едва удержалъ своихъ людей, которые уже кинулись на проводника, побѣлѣвшаго со страху. Возвращаться назадъ не стоило—погоня была близко, уйти отъ нея теперь не представлялось возможности. Нужно было защищаться. Князь приказалъ своимъ людямъ занять позицію у лѣса, передъ болотомъ. Но они еще не успѣли исполнить этого, какъ за ними показались всадники.

Не оставалось никакого сомнѣнія—это было войско Зборовскаго. Слышался польскій говоръ. Начались переговоры. Вотъ и самъ панъ Зборовскій, весь закованный въ желѣзо. Онъ издали узналъ Сангушку. Онъ требовалъ, чтобъ ему отдали княжну Острожскую, объявилъ, что онъ посланъ княгиней. Ему отвѣчали звукомъ обнажаемыхъ мечей. Завязалась ожесточенная битва.

Поляки съ паномъ Зборовскимъ во главѣ старались прорваться къ Сангушкѣ. Литвины обступили его плотной стѣною и отражали нападеніе. Съ обѣихъ сторонъ дрались ожесточенно и стойко. Но поляковъ было много, по крайней мѣрѣ раза въ три больше, чѣмъ всѣхъ людей Сангушки

Князю Дмитрію Андреевичу оставалось одна надежда—пробраться въ лѣсъ и бѣжать одному, въ сопровожденіи только двухъ, трехъ всадниковъ. Онъ и попытался сдѣлать это, еще крѣпче охвативъ Гальшку, которая съ ужасомъ глядѣла на битву и горячо шептала молитвы.

Но движеніе Сангушки было замѣчено врагами. Онъ неуспѣлъ отъѣхать и тридцати саженъ, какъ со всѣхъ сторонъ послышался трескъ ломавшихся вѣтокъ. Его окружали поляки.

Онъ крикнулъ своимъ. Приспѣла подмога. Битва перешла въ глубь лѣса. Раздались отчаянные крики, проклятья... Все смѣшалось. Вѣтки хрустѣли. Кони безъ всадниковъ ржали и метались. Слышались стоны раненыхъ и умирающихъ.

Сангушко не зналъ что дѣлать. Онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. На каждомъ шагу грозила встрѣча съ врагомъ. Онъ выхватилъ свою саблю и остановился. Передъ нимъ, за деревомъ, какъ бѣшеный рубился Галынскій. Глаза его налились кровью и, казалось, готовы были выскочить. Шапка слетѣла, по красному лицу струился потъ. Онъ былъ одинъ—а на него наступало нѣсколько человѣкъ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ Сангушку.

— Князь, назадъ! крикнулъ онъ охрипшимъ голосомъ. Отсюда эти черти какъ горохъ посыпались... Назадъ, говорю тебѣ... авось Богъ поможетъ...

Въ это время подоспѣло два литвина, а изъ кустовъ показалось нѣсколько всадниковъ въ кольчугахъ и между ними панъ Зборовскій.

Галынскій кинулся на него и ударилъ со всего размаха саблей. Но сабля не пробила кольчуги. Зборовскій только покачнулся и нанесъ мѣткій ударъ противнику.

Оружіе выпало изъ рукъ толстяка. Еще ударъ, другой—и Галынскій, свалившись съ лошади, тщетно силился подняться. Онъ обливался кровью. Раны его были смертельны.

— Прости, князь,—привелъ Господь умереть за тебя и княгиню, едва внятно прошепталъ Галынскій...

Но князь не слыхалъ предсмертныхъ словъ своего пѣстуна и друга—передъ нимъ мелькнула фигура Зборовскаго. Одной рукой держа Гальшку, другою онъ отбивался отъ яростнаго противника. Онъ звалъ къ себѣ на помощь; но въ горячей схваткѣ никто не разслышалъ его зова. Какой-то глухой ударъ потрясъ его. Предметы закружились. Ему казалось, что онъ летитъ куда-то . вотъ какъ будто пронзительный крикъ Гальшки, вотъ еще что-то, какъ будто гулъ колоколовъ или бурные всплески моря...

Князь Сангушко лежалъ на травѣ безъ движенія, съ закрытыми глазами. По его блѣдному лбу стекала струйка крови. Зборовскій, крѣпко охвативъ мечущуюся и безумно-кричащую Гальшку, мчался изъ чащи. Къ нему со всѣхъ сторонъ приставали его поляки. Среди кустовъ и деревьевъ валялись трупы, слышались стоны раненыхъ Почти всѣ литвины были перебиты. Остальные бѣжали въ ужасѣ и падали, изнемогая отъ усталости. Изъ войска Зборовскаго осталось не больше четверти. Литвины дорого продали жизнь свою.

Разноцвѣтныя, красивыя бабочки летали надъ мертвыми и полуживыми. Здѣсь и тамъ были сломаны сучья, смята трава, свѣжіе цвѣты обагрены кровью. Солнце лило свои жаркіе, отвѣсные лучи и сушило лужи крови.

Разлетѣвшіяся со страху птицы снова слетались и заводили свои пѣсни. Проворная бѣлка перескакивала съ вѣтки на вѣтку и изумленно, недовѣрчиво поглядывала блестящими, зоркими глазами.

XII.

Въ то время какъ Сангушко отражалъ Зборовскаго и упалъ, раненый въ голову, оставляя Гальшку въ рукахъ противника, Ѳедя также выдерживалъ сильное нападеніе. На него наступало два поляка, которымъ, очевидно, очень нравилось его богатое оружіе—они хотѣли подѣлить его между собою. Уже лошадь Ѳеди, тяжело раненая, не въ силахъ была его сдерживать. Онъ соскочилъ на землю и ловко увертывался отъ ударовъ. Поляки, наступая, загоняли его все дальше и дальше въ глубину лѣса.

Эта травля, наконецъ, истощила все терпѣніе Ѳеди. Онъ рѣшился или умереть или убить своихъ враговъ и спѣшить на помощь князю. Ловкимъ движеніемъ онъ вдругъ сдѣлалъ оборотъ и въ свою очередь напалъ на поляковъ. Они, никакъ не ожидая этого, сразу растерялись. Ѳедя быстро воспользовался ихъ замѣшательствомъ и въ одно мгновеніе уложилъ одного изъ нихъ. Борьба съ другимъ уже не была особенно затруднительна. Полякъ, видя силу и ловкость противника, очевидно, струсилъ—это его погубило. Ѳедя отбросилъ свою саблю, выхватилъ кинжалъ и набросился на него

Библиотека "Руниверс"

съ бѣшенствомъ. Они оба упали на землю. Борьба длилась нѣсколько мгновеній. Полякъ выпустилъ Ѳедю, застонала и опрокинулся навзничь извиваясь всѣмъ тѣломъ и хватаясь за грудь—кинжалъ попалъ ему почти прямо въ сердце.

Ѳедя поднялся тяжело дыша и нашелъ свою саблю. У него только на рукѣ была небольшая царапина. Его платье было разорвано. Смоченные потомъ, волнистые волосы прилипали къ щекамъ.

— Теперь бѣжать къ князю! Быть можетъ ему плохо! что съ нимъ? что съ Гальшкой? И какъ это онъ могъ хоть на шагъ отойти отъ нихъ, какъ могъ допустить себя увлечься битвой!? Скорѣе, скорѣе—времени терять нечего...

кое тѣло, быстро извиваясь, шмыгнуло въ сторону. Нѣтъ, онъ рѣшительно здѣсь не былъ, да тутъ и не проберешься—только время потеряешь.

Назадъ, назадъ, а тамъ, вѣрно, на право—вонъ, кажется, рѣдѣютъ деревья. Ѳедя бросался изъ стороны въ сторону. Въ иныхъ мѣстахъ онъ даже саблей обрубалъ вѣтки и, такимъ образомъ, разчищалъ себѣ дорогу. Но всѣ его усилія были напрасны. Онъ попалъ въ какую-то заколдованную чащу, изъ которой не было выхода. Прошло не мало времени. Въ лѣсу стояла тишина. Юноша отчаянно боролся съ обступавшими его врагами —деревьями и уже начиналъ чувствовать сильную усталость. Наконецъ, онъ вырвался на поляну. Пе-

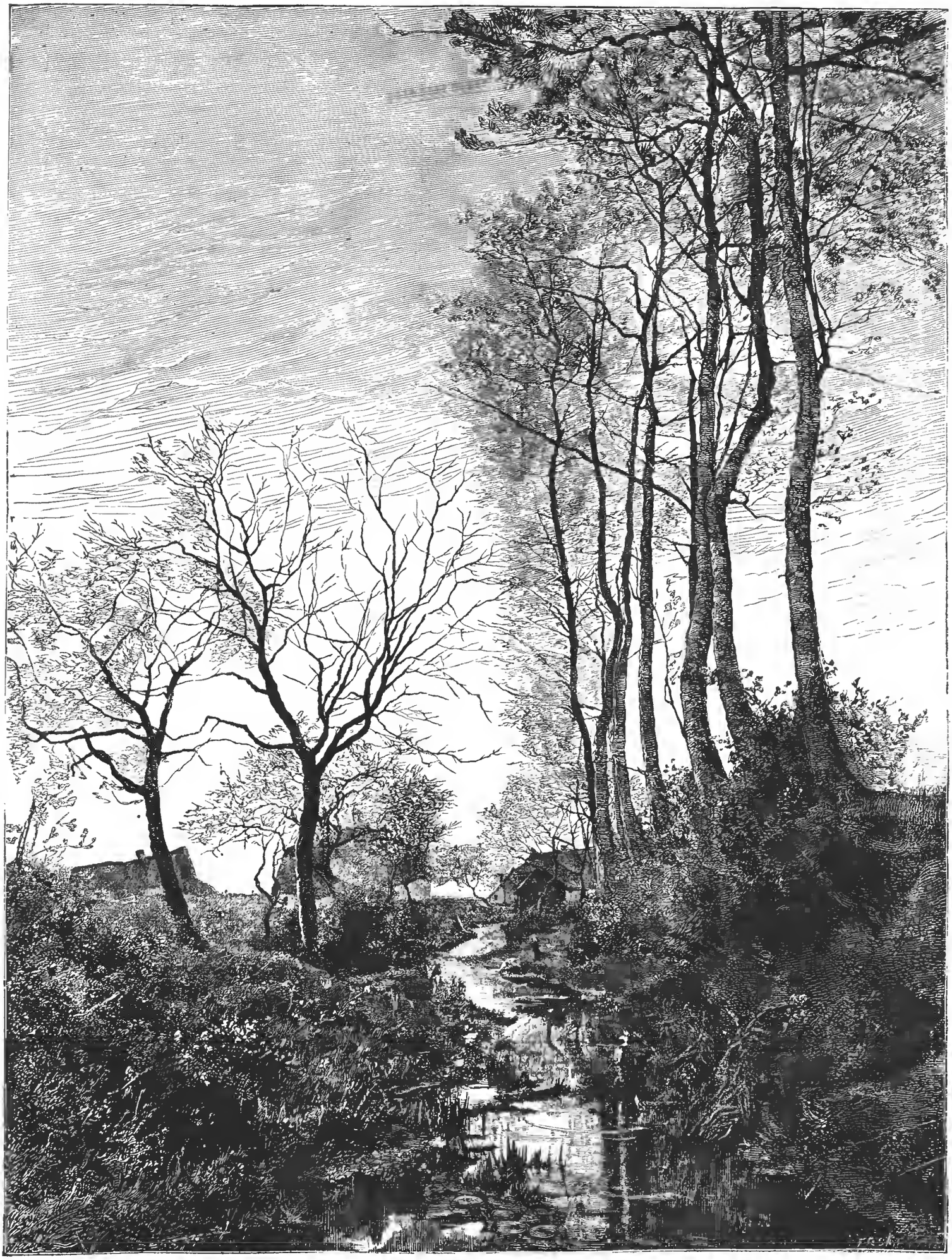
Графъ фонъ Вальбургъ-Цейль-Траухбургъ. Докторъ Отто Финшъ. Докторъ Альфредъ Бремъ.

Бременская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири.

И Ѳедя бросился назадъ, по тому направленію откуда онъ бѣжалъ, какъ ему казалось. Одно его удивляло—тишина лѣса. Разгоряченный борьбою, онъ не замѣтилъ времени, не сообразилъ, какъ далеко преслѣдовали его поляки. Онъ прислушался. Гонъ, кажется, какой-то шумъ—что-то похожее на ржаніе коней, на человѣческій голосъ. Нужно бѣжать туда. А, между тѣмъ, какая густота лѣса! Нѣтъ, онъ здѣсь не былъ—ни одна былинка не примята. Трава почти въ ростъ человѣческій, какіе-то невиданные имъ цвѣты и растенія. Кусты переплетаются. Могучія древесныя вѣтки низко, низко наклоняются и загораживаютъ дорогу. Что-то зашипѣло подъ ногами, какое-то длинное, тонредъ нимъ лежало болото, скрывавшееся между деревьями и пересѣченное песчаной полосою. Кажется, онъ видѣлъ это болото—оно должно быть очень близко отъ мѣста битвы. Только странно, что ничего не слышно. Неужели ужь все кончено. Кто побѣдилъ? Спасенъ ли князь и Гальшка? А что, а что если они убиты, а что если Зборовскій отнялъ княгиню! При этой мысли отчаянье захватило душу Ѳеди. И къ тому же онъ остался одинъ; какъ теперь найти своихъ, какъ узнать объ нихъ... Онъ пустился бѣжать по болоту, держась ближе къ песчаной полосѣ, чтобъ не такъ вязли ноги...

Вотъ какъ будто опять что-то слышно—да, это точно людской голосъ. Скорѣе!

Библиотека "Руниверс"



Ручеекъ. Картина Буланже, грав. Фромантъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако, какъ онъ усталъ! Онъ не можетъ бѣжать скоро, онъ съ трудомъ подпимаетъ ноги... какая тяжесть въ ногахъ, какъ трудно идти. Ѳедя на мгновеніе остановился. Что это? нога ушла въ землю. Да, это топкое болото. Нужно идти по песку. Онъ своротилъ на песчаную полосу, ярко залитую свѣтомъ солнца. Ноги все также вязнутъ, вязнутъ еще больше... Мелкій блестящій песокъ посыпался въ сапоги...

Ѳедя вспомнилъ что-то ужасное и даже вскрикнулъ. Ужъ не наносный-ли это песокъ, о которомъ онъ слышалъ столько страшныхъ разсказовъ. Подъ этимъ пескомъ всегда бездонная топь, и изъ нея нѣтъ никакого спасенія.

Назадъ, въ сторону, опять къ болоту, къ тѣмъ деревьямъ, откуда онъ вышелъ.

Онъ повернулъ, онъ ступилъ шагъ — нога ушла въ песокъ по колѣно; въ другую сторону—еще того хуже. Что теперь дѣлать, гдѣ искать спасенія? При каждомъ движеніи нѣмая, безпощадная пучина все глубже и глубже всасываетъ свою жертву. А кругомъ тишина—только знойно свѣтитъ солнце, только едва шевеля вершинами, стоятъ вѣковыя деревья, а на ихъ вѣткахъ чирикаютъ и заливаются птицы. Неужели смерть, неужели нѣтъ пощады?!...

Холодный потъ струился по лицу несчастнаго Ѳеди. Черты обезобразились ужасомъ. Онъ попробовалъ не шевелиться и потомъ медленно, медленно приподнять ногу. Можетъ быть тутъ, въ этой вотъ сторонѣ, не такъ вязко. Но нѣтъ — при первомъ движеніи ноги ушли глубже: холодная, влажная, отвратительная бездна тянула въ себя съ новой силой. Ѳедя отчаянно зарыдалъ ломая руки. Онъ сталъ громко молиться впиваясь взоромъ въ голубое, глубокое небо; онъ звалъ Божью помощь, просилъ оттуда, съ высоты спасительной руки, которая-бы вырвала его изъ бездны. Онъ просилъ чуда, и была минута, когда онъ вѣрилъ, жадно и отчаянно, что чудо это совершится. Онъ примѣтилъ въ синевѣ маленькое, бѣлое облачко. Ему казалось, что это облачко сейчасъ станетъ спускаться, спускаться, что онъ за него схватится и полетитъ выше и дальше отъ этого ужаснаго мѣста. Но облачко расплылось, растаяло. Ѳедя сталъ молиться еще громче, еще отчаяннѣе. Онъ собралъ всѣ силы, подпрыгнулъ — и ушелъ въ песокъ почти по поясъ. Стонъ и проклятіе вырвались изъ груди его. Онъ кричалъ, звалъ къ себѣ на помощь, онъ сбросилъ все оружіе, сбросилъ кафтанъ, чтобы легче было...

Песокъ дѣлалъ свое дѣло медленно, но безпощадно.

Ѳедя понялъ, со всѣмъ ужасомъ этого сознанія, что онъ обреченъ гибели, что никто уже не спасетъ его. О! зачѣмъ не убили его поляки, зачѣмъ наконецъ, онъ самъ отбросилъ отъ себя кинжалъ вмѣсто того, чтобы заколоться. Самая мучительная смерть, но смерть быстрая представлялась ему теперь высочайшимъ блаженствомъ. Что такое минута страданій передъ той отвратительной смертью, которая его ожидала. Быть можетъ пройдутъ еще цѣлые часы, прежде чѣмъ песокъ его окончательно задушитъ. Онъ будетъ стоять здѣсь, въ этой холодной, густой могилѣ, будетъ стоять здоровый, сильный, зная, что никакая сила не спасетъ его.

На него стало находить оцѣпенѣніе. Мысли, одна за другой, сбиваясь и переплетаясь, роились въ головѣ его. Онъ слышалъ, какъ колотилось его сердце, какъ кровь стучала въ вискахъ. Его горло пересохло отъ отчаяннаго крика и томившей его жажды. Въ глазахъ мутилось.

Вотъ мысли стали обрываться, наплывали грезы, проносились отрывки воспоминаній. Вспоминались Сорочи — красивое богатое помѣстье князя Сангушки, въ которомъ Ѳедя провелъ все свое дѣтство. Онъ рано лишился родителей, принадлежавшихъ къ шляхетскому и далеко не бѣдному роду. Старый Сангушко былъ крестнымъ отцомъ и опекуномъ Ѳеди. Онъ взялъ его къ себѣ въ замокъ и обращался съ нимъ какъ съ сыномъ. И Ѳедя любилъ его, но больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ онъ молодого князя Дмитрія Андреевича. Это было какое-то обожаніе. Ему казалось, что въ князѣ соединились всѣ доблести человѣческія. Подражать ему во всемъ, заслужить его вниманіе и ласку, было для Ѳеди высочайшимъ счастіемъ.

Вотъ ему вспомнился одинъ лѣтній вечеръ прошлаго года. Онъ вышелъ тогда погулять на берегъ озера. По гладкой поверхности воды тихо качалась лодка. Князь Дмитрій Андреевичъ сидѣлъ въ ней едва шевеля весломъ, погруженный не то въ задумчивость, не то въ полудремоту. Ѳедя издали глядѣлъ на него и думалъ: „Вотъ онъ ѣдетъ мимо меня и не обращаетъ на меня никакого вниманія. Онъ не знаетъ какъ я люблю его, да и любовь то моя ему ни на что не пригодна Ахъ, еслибъ сдѣлать что нибудь такое, чтобъ доказать ему эту любовь, еслибъ понадобиться ему, спасти его отъ какой нибудь опастности. Вотъ еслибъ поднялась теперь буря — вонъ вѣдь какая туча съ той стороны заходитъ—еслибъ князь сталъ тонуть; я бросился-бы въ воду и спасъ его...“ Такъ думалъ Ѳедя, а лодка удалялась отъ берега. Тишина наступала полная—вода не шелохнется. Становилось душно. Вдругъ пронесся вѣтеръ, туча, казавшаяся сначала только далекой, темной полоской, стала быстро расти и надвигаться. Не прошло и десяти минутъ какъ сильный вихорь промчался по озеру. Ѳедя въ ужасѣ остановился—ему казалось, что онъ накликалъ эту бурю и долженъ принять на себя всѣ послѣдствія.

Между тѣмъ князь повернулъ лодку къ берегу и гребъ изъ всѣхъ силъ. Волны заходили—озеро покрылось пѣной. Легкую лодку подбрасывало какъ щепку. Вотъ она уже довольно близко, но ее постоянно относитъ въ сторону—очевидно князь не можетъ справиться... Ѳедя сбросилъ кафтанъ и кинулся въ воду. Не малаго труда ему стоило бороться съ волнами—буря разыгрывалась съ каждой минутой. Онъ смотрѣлъ все впередъ, на лодку. Вотъ она взлетѣла кверху, вотъ нырнула, почти стоймя въ воду; сильная волна плеснула и лодка въ одно мгновеніе опрокинулась. Съ миниту ничего небыло видно—князь не показывался. Потомъ оказалось что его ударило въ голову краемъ лодки и ошеломило. Ѳедя былъ отличный пловецъ—онъ напрягъ всѣ усилія и былъ возлѣ лодки. Между тѣмъ князь очнулся отъ удара и, захлебнувшійся, едва сохраняющій сознаніе, показался на поверхности. Ѳедя схватилъ его и поплылъ къ берегу...

Съ тѣхъ поръ самая тѣсная дружба завязалась между нимъ и княземъ—они стали неразлучны. Даже образъ Гальшки, овладѣвшій юношей, не могъ измѣнить его чувства къ Дмитрію Андреевичу. Въ послѣднее время Ѳедя только тогда и былъ нѣсколько спокоенъ, когда могъ оказать имъ какую нибудь серьезную услугу. И вотъ теперь— гдѣ они и что съ ними? Неудалось даже умереть за нихъ честной смертью храбраго воина, а приходится медленно задыхаться здѣсь, въ этомъ ужасномъ болотѣ. И никто даже не передастъ имъ его послѣднее, прощальное слово...

А что тамъ внизу—подъ ногами? Бѣдный Ѳедя весь задрожалъ отъ ужаса и отвращенія... Песокъ, какая-то полувода, дальше липкая, черная грязь, жидкая и зловонная—и конца ей нѣту, и уходитъ она въ самую середину земли .. О! какой ужасъ!!

Снова отчаянный, пронзительный вопль огласилъ пустынное болото. Ѳедя опять сталъ биться въ пескѣ, ломать руки, кричать и звать на помощь. Онъ пробовалъ ложиться, садиться, скакать и выпрямляться—ничто не помогало — песокъ безвучно, непреодолимо тянулъ его въ бездну... Вотъ неподалеку у крайнихъ деревьевъ показалось нѣсколько всадниковъ. Въ сердцѣ Ѳеди проснулась надежда. Онъ закричалъ изо всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

силъ и замахалъ имъ руками. Они услышали его, они придутъ къ нему на помощь... Вотъ они остановились; оглядываются во всѣ стороны.

— Я здѣсь, здѣсь въ наносномъ пескѣ, я гибну, онъ мнѣ подходитъ уже подъ плечи. Спасите, спасите. Христа ради, спасите, добрые люди, не дайте мнѣ погибнуть, сжальтесь надо мною!—кричалъ Ѳедя.

Всадники его увидѣли. Они что то говорятъ, очевидно совѣщаются. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ его сторону. Но вотъ конь сталъ вязнуть... Всадникъ взялъ на право, взялъ на лѣво—вездѣ топко! Онъ махнулъ рукою и вернулся назадъ.

Ѳедя замеръ отъ ужаса. Потомъ горькія, отчаянныя слезы полились изъ глазъ его. Онъ рыдалъ какъ безумный, онъ кричалъ дикимъ, хриплымъ голосомъ.

— О Боже, Боже! неужели въ васъ нѣтъ и капли жалости! Неужели вы такъ и оставите меня околѣвать, какъ собаку? Братцы, голубчики, родные мои! — помогите, наломайте хоть вѣтокъ да свяжите ихъ покрѣпче. Не близко подъѣзжайте, а только бросьте мнѣ конецъ этихъ вѣтокъ... я ухвачусь за него—авось меня можно будетъ вытащить...

Но всадники уже не слышали. Они рѣшили, что спасать его — значитъ самимъ гибнуть и быстро уѣзжали отъ страшнаго, тяжелаго зрѣлища ..

Ѳедя задыхался. Онъ рвалъ на себѣ волосы, царапалъ себѣ лицо, кричалъ и визжалъ въ изступленіи.

Песокъ былъ уже близко. Вотъ онъ щекочетъ ему шею. Несчастный отгребаетъ его руками, корчится, силится прыгнуть. Ноги и все тѣло поледенѣли. Какъ будто гири привѣшены къ ногамъ, какъ будто чьи-то тяжелыя, холодныя руки тянутъ ихъ внизъ...

А солнце все свѣтитъ, птицы поютъ, наступаетъ тихій, душистый вечеръ. Такъ хорошо, такъ чудно хорошо тамъ, среди этихъ деревьевъ, на сочной травѣ, гдѣ пестрѣютъ цвѣты, гдѣ жужжатъ пчелы... Такъ чудно хорошо на свѣтѣ, такъ сладка жизнь со всѣми своими радостями, со всѣмъ своимъ горемъ. Ѳедѣ безумно, отчаянно захотѣлось жизни—хоть день одинъ, хоть часъ одинъ... Только бы еще пожить, еще посмотрѣть на солнце.

Песокъ уже у рта—несчастный запрокинулъ голову... лицо посинѣло, глаза широко открытые выражаютъ безумство и ужасъ. Онъ реветъ какъ звѣрь, онъ въ кровь искусалъ себѣ губы и руки. . Песокъ посыпался въ ротъ и задушилъ крикъ. Вотъ и глаза исчезли. Видѣнъ только лобъ... волосы стоятъ дыбомъ. Еще двѣ, три минуты—ничего не видно. Изъ глади песка вырвалась рука съ искривленными пальцами, но вотъ и она безсильно исчезла...

Все тихо... только птицы-рыболовки съ жалобнымъ пискомъ кружатся надъ страшной могилой.

(Конецъ первой части).

Разинскій бунтъ.

Народное движеніе, охватившее въ концѣ XVII столѣтія значительную часть восточной Россіи, тѣсно связано съ возникновеніемъ казачества.

Первое время роль казаковъ въ Московскомъ государствѣ была ограниченна: они оставались надежными сторожами русскихъ предѣловъ, не ссорясь и не имѣя причинъ ссориться съ сильной державой. Порядокъ, заведенный ими у себя, напоминалъ старый вѣчевой: все зависѣло не отъ воли одного лица, а отъ голоса *громады* (народнаго собранія). *Громада*, *кругъ*—были тѣмъ же, чѣмъ теперь является *міръ* въ нашемъ крестьянскомъ быту.

Въ смутное время Московскаго государства, когда явился подкрѣпленный Польшей самозванецъ Дмитрій I и сталъ народу предъявлять свои права на престолъ, обѣщая вольности и иные порядки, казаки, чуя наживу, наводнили Русь и примкнули къ новоявленному царю. Событія начала XVII столѣтія показали имъ, что пользуясь обстоятельствами, можно хозяйничать въ Московскомъ государствѣ, играть роль въ его дѣлахъ: внутренней и внѣшней политикѣ.

Потоки крови пролились въ смутное время, заявившее себя на первыхъ порахъ лишь одной безшабашной удалью, звѣрствомъ и полнѣйшей разнузданностью инстинктовъ. Московское государство въ свою очередь сознало, какая опасность можетъ грозить въ будущемъ отъ этихъ дѣтей степи, что за сила въ нихъ бьется. «Порадѣвши своимъ зипунамъ и пожиткамъ«, по просту, награбивши довольное количество всякаго добра, казацкая вольница на время притихла, вошла въ сдѣлки съ правительствомъ, согласилась, хотя далеко не вся, служить ему за жалованье.

Москва нашла для себя выгоднымъ утилизировать казацкую силу, бывшую дотолѣ оплотомъ на Украйнѣ; казацкая стража могла хорошо исполнять свое дѣло и внутри государства. Явилась легкая конница изъ казаковъ, особое военное сословіе, такое же какъ стрѣльцы, воротники, пищальники, пушкари и пр.

Помѣщичьи крестьяне, бѣжавшіе въ смутное время отъ своихъ господъ и ходившіе отдѣльными шайками уже подъ именемъ *казаковъ*, разбойничали то особо отъ своихъ соименниковъ, то за одно. Все XVII столѣтіе было рядомъ разбоевъ и рядомъ правительственныхъ безплодныхъ мѣръ противъ ихъ насилій. И такъ, мы видимъ, что кромѣ *вѣрныхъ* казаковъ, вошедшихъ въ извѣстныя соглашенія съ правительствомъ, по лицу земли русской шатались *воровскіе* казаки, нехотѣвшіе никакихъ соглашеній, никакихъ уступокъ: они то и состояли главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крестьянъ и проч.

Тихій Донъ, получившій это прозвище, понятное дѣло, не отъ характера сидѣвшаго по его берегамъ населенія, продолжалъ быть вольнымъ Дономъ. На немъ съ давнихъ поръ рѣзко выдѣлялось двѣ партіи: *кармазинниковъ* (богатыхъ) и *голутвы*, или голытьбы (бѣдныхъ, голяковъ). Подобное раздѣленіе является во всякомъ обществѣ; появилось оно и въ казацкомъ порядкѣ. По присягѣ, данной въ царствованіе Михаила Федоровича (1634) казаки признали власть московскаго царя и стали отъ него въ прямой зависимости, удерживая однако свои казацкія вольности. Присяга эта часто нарушалась *голытьбой*, которая, не стѣсняясь, грабила и на Дону и на близкой Волгѣ, гдѣ безпрепятственно плавала удалая вольница изъ сброднаго люда. Такой непосѣдной «наволоки» было много на великорусской рѣкѣ. Разбои совершались въ широкихъ размѣрахъ и получали названіе удалыхъ подвиговъ; складывался типъ удалаго добраго молодца, который не считался въ народѣ «ни воромъ, ни разбойничкомъ».

На разбои жаловались купцы и посадскіе люди и служилые. *Вѣрные* казаки ставились этимъ въ неловкое положеніе къ московскому правительству, ссылались на то, что съ голытьбой не сговоришь, и что они сами ни въ чемъ не причинны. Изъ атамановъ разбойничьихъ шаекъ того времени памятны имена Баловня и Калбака, изъ которыхъ послѣдній грабилъ въ низовьяхъ Волги и на Каспійскомъ морѣ. Донъ имѣлъ постоянное общеніе съ Волгой и не было проѣзда внутри государства. Посылались воеводы съ войскомъ, сыщики, но зло не уменьшалось.

До 1592 года русскіе крестьяне были вольны, они имѣли право переходить съ земли одного владѣльца на землю другого. Для этого назначался опредѣленный срокъ, именно Юрьевъ осенній день. Когда царь Борисъ, въ угоду окружающимъ боярамъ, прикрѣпилъ крестьянъ къ той землѣ, на которой они застали указъ, сложилась сама собой пословица: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день», а положеніе народа ухудшилось. Начались побѣги со стороны крестьянъ, розыски со стороны ихъ владѣльцевъ.

Видя произведенную путаницу, законъ вынужденъ былъ сдѣлать уступки въ пользу народнаго недовольства. Сначала срокъ для нахожденія бѣглецовъ и водворенія ихъ на старое жительство былъ пятилѣтній, затѣмъ девяти, а подъ конецъ пятнадцатилѣтній (1647). «Уложеніемъ» Алексѣя Михайловича *всякій срокъ былъ уничтоженъ*. Одновременно съ уступкой сдѣланной народу, Борисъ сдѣлалъ уступку и богатому классу: прикрѣпленіе удержалось въ боярскихъ, патріаршихъ и другихъ имѣніяхъ, а отъ мелкихъ землевладѣтелей крестьяне могли свободно переходить и шли опять таки, понятное дѣло, къ крупному собственнику, такъ какъ у него не было той тяготы.

Положеніе крестьянъ было, какъ видимо, далеко незавидно: къ концу XVII столѣтія рѣзкая разница между крестьяниномъ и холопомъ исчезла. *Холопъ* значило—рабъ, невольникъ. Его называли также *человѣкомъ*. *Люди* были холопы.

Въ холопство продавались нерѣдко цѣлыми семьями; за долгъ имѣли обыкновеніе отдавать въ залогъ себя. У бѣднаго человѣка не было никакой собственности. Холопство было или вѣчнымъ (тогда человѣкъ становился вещью), или временнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ давались срочныя записи — *закладныя кабалы*. Отсюда—слово *закабалить*.

Въ концѣ XVI столѣтія (1597), всякій прослужившій у кого либо безъ всякой кабалы полгода, считался холопомъ. Этотъ законъ повелъ за собой страшную неурядицу: вольные люди,

Библиотека "Руниверс"

боясь попасть въ *люди*, бѣжали въ разныя стороны, уходили толпами въ казаки, впадали въ *воровство*. Законъ вынужденъ былъ опять сдѣлать уступку и не преслѣдовалъ ушедшихъ. Пытались ограничить холопство, потому что въ него стали часто переходить и тяглые люди, несшіе государственныя повинности. Это было невыгодно для правительства. Населеніе тогдашней Руси грозило разбѣжаться врозь...

Сильно распугала обнищавшій народъ дорого стоившая польская война.

Ровно двадцать лѣтъ, съ 1648—1668 годъ тянулась охота за бѣглыми. Разбои были въ полной силѣ. Помѣщики постоянно жаловались на то, что бывшіе ихъ крѣпостные раззоряютъ усадьбы. «Оборони государь, писали они, «воры ѣздятъ многолюдствомъ, съ огненнымъ оружіемъ, многія селы раззоряютъ и жгутъ, помѣщиковъ мучатъ и до смерти побиваютъ».

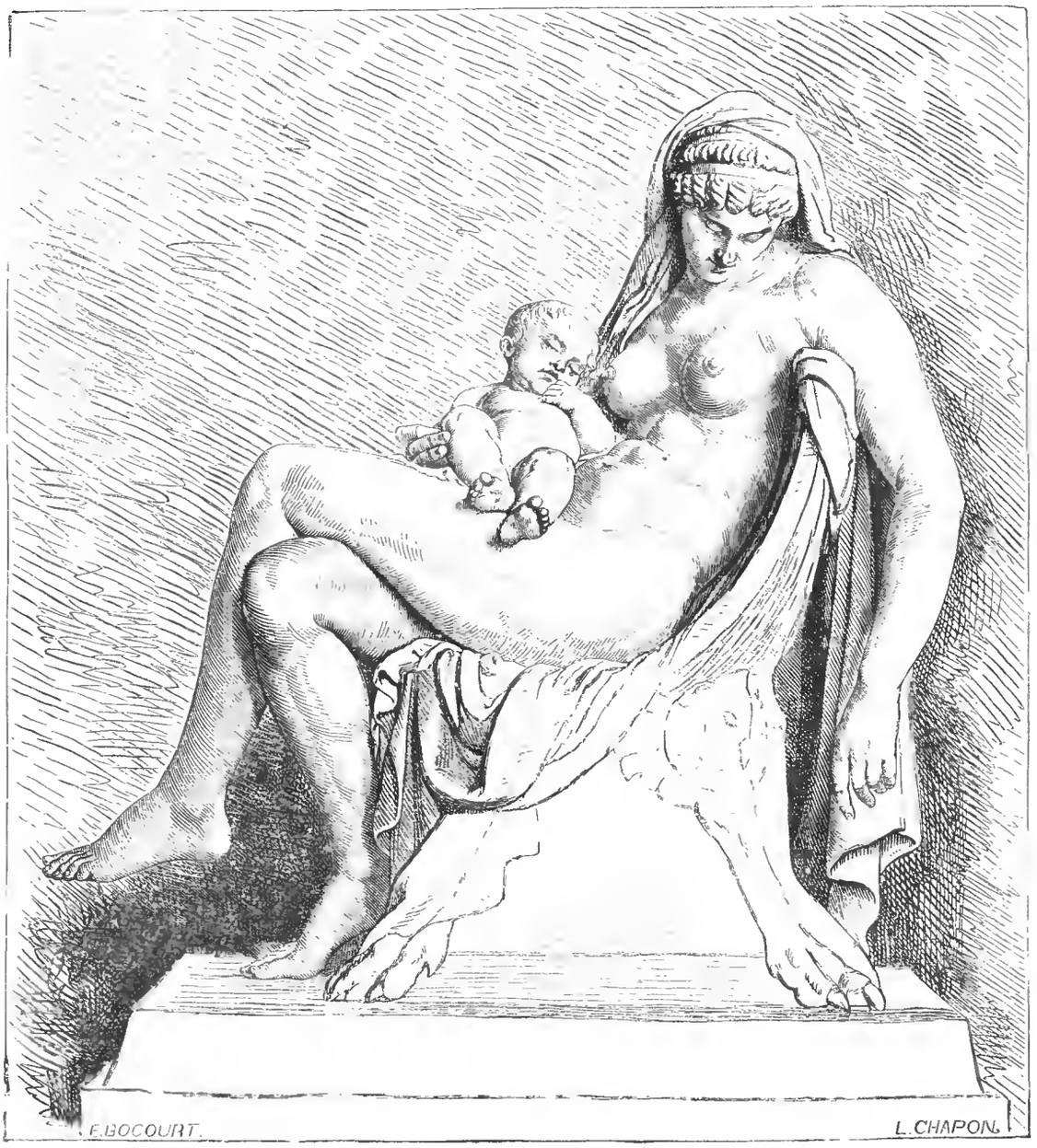
Разсылаемые сыщики только объѣдали и раззоряли народъ, который продолжалъ попрежнему выдѣлять изъ своей среды разбойниковъ и укрывать ихъ во время розысковъ, хотя за это грозила страшная казнь.

Въ 1659 году на Волгѣ грабили атаманы *Ивашка* и *Петрушка* съ своими шайками; по Донцѣ Грицко Торцскій обиралъ проѣзжихъ пословъ, не разбирая, чьи они. Въ 1664 году старецъ Святогорскаго монастыря Іовъ объявилъ, что приходили въ Святыя горы черкесы, восемь человѣкъ и сказали, что они съ атаманомъ своимъ, *Безперстымъ*, въ числѣ 70-ти человѣкъ, ходили въ Мордву, а теперь дожидаются въ окрестностяхъ горъ крымскихъ гонцовъ и посланниковъ государевыхъ, чтобы обобрать ихъ».

Въ Воронежской Украйнѣ грабилъ помѣщиковъ Васька Усъ съ толпою бѣглыхъ крестьянъ. Въ пѣснѣ позднѣйшаго времени *усами* прозывали вообще разбойниковъ. Послѣдніе преслѣдовались не только на украйнахъ Россіи, но и въ центральныхъ, и въ сѣверныхъ областяхъ. Сыщики боролись съ разбоемъ въ Нижнемъ, Казани, Алатырѣ, Курмышѣ, Пошехоньѣ, Унжѣ. Тотьмѣ и другихъ мѣстахъ.

Притономъ русскихъ отщепенцевъ XVII столѣтія былъ «темный лѣсъ», о которомъ такъ часто поминается въ разбойничьихъ пѣсняхъ, мѣстомъ ихъ подвиговъ, была главнымъ образомъ Волга. По ней правительство разсылало стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей; окрестнымъ жителямъ приказывало держать у себя огнестрѣльное оружіе. Всякій подозрительный человѣкъ подлежалъ аресту и пыткѣ. Наказаніе самое тяжелое полагалось за пристанодержательство; не избѣгалъ наказанія и тотъ, кто, слыша крикъ, не выходилъ на помощь.

Въ 1667 году розбои приняли небывалые размѣры. Жители мирнаго настроенія были настолько запуганы удалой вольницей, что не смѣли сказать ей ни одного слова на перекоръ, не только что думать о доносѣ.



Сонъ. Мраморная группа, Матюренъ Моро, рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

II.

Намъ уже извѣстно, что въ шестидесятыхъ годахъ XVII-го столѣтія, Алексѣй Михайловичъ, прозванный за характеръ *тихайшимъ* велъ войну съ Польшей, и что война эта была отяготительна для народа. Какъ легкая конница, удобная для быстраго перваго натиска, въ числѣ войскъ, порученныхъ началь-

Библиотека "Руниверс"

ству воеводы Юрія Долгорукова, было и казацкое войско съ Дона. Атаманомъ донцевъ былъ нѣкто Разинъ. Онъ сталъ просится у воеводы домой, признавая за собой, какъ за казакомъ, право служить и не служить, по желанію. Казаковъ не пустили. Они самовольно ушли. Ихъ догнали, воротили, а атамана повѣсили. По народному преданію этого Разина звали Иваномъ.

У казненнаго было два брата: Степанъ и Фролъ (Стенька и Фролка, по тогдашнему обыкновенію). Они оба видѣли, какъ вѣшали брата Ивана. Желаніе отомстить могло зародиться въ эту минуту, особенно въ сердцѣ Стеньки, который рѣзко отличался отъ Фролки во всемъ. «Необыкновенно предпріимчивый и дѣятельный, человѣкъ непреодолимой воли, которая уже одна могла

Бѣгство турецкой батареи при Яворѣ. Съ наброска нашего корреспондента, рисалъ Мукаровскій.

Библиотека "Руниверс"

заставить преклониться передъ нимъ толпу; своенравный и непостоянный и вмѣстѣ съ тѣмъ неуклонный въ принятомъ разъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія,—то нѣкогда ходившій на богомолье въ далекій Соловецкій монастырь, то, впослѣдствіи, пренебрегавшій посты и нехотѣвшій знать ни таинствъ, ни священниковъ. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное. Толпа чуяла въ немъ какую-то небывалую силу, передъ которой нельзя было устоять и называла его колдуномъ. Жестокій и кровожадный, онъ забавлялся какъ чужими, такъ и своими собственными страданіями: законъ, общество, церковь—все, что стѣсняетъ личныя побужденія человѣка, стали ему ненавистны. Состраданіе, честь, великодушіе были ему незнакомы. Это былъ выродокъ неудачнаго склада общества; местью и ненавистью къ этому обществу было проникнуто все его существо (Костомаровъ. Русская Исторія, в. V-й). Такимъ былъ Стенька. Дальнѣйшій ходъ дѣла, которое задумалъ онъ, ясенъ изъ одной пѣсни, гдѣ поется, что

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу недумывалъ,
Ходилъ гулять Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпко думушку съ голытьбою.

Сближеніе съ казацкой вольницей, которой сразу полюбился такой человѣкъ, какъ Стенька, повело къ тому, что весной 1667 года шайка удалыхъ съ «батюшкой» Степаномъ Тимофеевичемъ, сѣла на четыре струга и поплыла вверхъ по Дону, къ тому мѣсту, гдѣ эта рѣка близко подходитъ къ Волгѣ. По численности шайка могла назваться войскомъ: народу было въ ней до двухъ тысячъ. Она дѣлилась на сотни и десятки, признала атаманомъ Разина, а въ есаулы выбрала Ивашку Черноярца. За ходомъ торговыхъ судовъ разбойники имѣли обыкновеніе наблюдать съ какой-нибудь возвышенности и вотъ на одномъ изъ высокихъ поволжскихъ бугровъ расположилась и Стенькина ватага въ ожиданіи поживы. Случай представился скоро: ограбили мимо шедшій караванъ съ хлѣбомъ, а ссыльныхъ, которыхъ везли стрѣльцы въ Астрахань, выпустили на волю, развѣсивъ начальство по мачтамъ. Стенька всѣмъ рабочимъ на судахъ и стрѣльцамъ давалъ свободу идти куда хотятъ, говоря кто съ нимъ пойдетъ, тоже будетъ вольный казакъ. Слова «вольный *казакъ*» были соблазнительны и всѣ перешли къ Стенькѣ. Мимо Царицына плыло уже 30 казацкихъ струговъ. Изъ города палили, но пушкари были вѣроятно неискусны въ своемъ дѣлѣ, или порохъ отсырѣлъ; только вреда не сдѣлали и приписали все тому, что Стенька колдунъ, о чемъ отписали въ Москву. По дорогѣ пристали къ Стенькѣ еще стрѣльцы. Разбойничья флотилія вышла черезъ одинъ изъ Волжскихъ протоковъ въ Каспійское море, достигла устья рѣки Яика (нынѣшняго Урала) и остановилась недалеко отъ Яицкаго городка. Стенька вошелъ въ послѣдній обманомъ. Начальныхъ людей безжалостно перерѣзали, простымъ объявлена была вольная воля.

Все лѣто пробылъ атаманъ въ Яицкомъ городкѣ; осенью погромилъ сосѣднихъ татаръ, а опять къ зимѣ вернулся назадъ. Хилковъ, тогдашній Астраханскій воевода, посылалъ къ Стенькѣ казаковъ, съ просьбой отпустить полоненныхъ людей. Стенька отвѣчалъ, что не отпуститъ и требовалъ себѣ милостивой царской грамоты.

Правительство, недовольное нерѣшительнымъ Хилковымъ, послало на его мѣсто Прозоровскаго, который не оказался въ этомъ случаѣ лучше своего предшественника. Увѣщанія на Стеньку не дѣйствовали.

Въ 1668 году казацкіе струги выплыли въ море и на долго запали о Стенькѣ всѣ слухи. Не знали, куда дѣвалась вольница больше года. Между тѣмъ число разинцевъ росло: удалыя головы шли и изъ великой и изъ Малой Руси, присоединялись къ Стенькѣ, который успѣлъ погромить много персидскихъ поселеній, обогатиться награбленнымъ отъ жителей добромъ. Персидскій шахъ собирался выслать на Стеньку войско—надо было подниматься на хитрость и послѣдняя дѣйствительно удалась. Атаманъ объявилъ, что охотно приметъ подданство. Трое были посланы съ такимъ предложеніемъ въ Испагань. Взамѣнъ ихъ взяты были конечно заложники. Послѣ этого произошло разграбленіе казаками Фарабаха; Стенька укрѣпился на небольшомъ фарабахскомъ полуостровѣ и дѣлалъ отсюда частые набѣги.

Шахъ, узнавъ о вѣроломствѣ казаковъ, выслалъ противъ нихъ войска на 70 судахъ, но Стенька уже успѣлъ переплыть на восточный берегъ Каспійскаго моря. Свиной островъ сталъ пристанищемъ его ватаги; берегъ подвергался опустошительнымъ набѣгамъ. Персидской флотиліей, которая была разбита на голову, командовалъ Менеды-ханъ. Дочь его, красавица-персіянка, досталась Стенькѣ. Побѣда обошлась казакамъ очень дорого: кромѣ 500 чел. убитыхъ, много умерло отъ болѣзней, отъ непривычнаго климата, дурной воды и пр. Стенька вынужденъ былъ бросить свои морскіе промыслы и двинулся къ Астрахани, ограбивъ по дорогѣ нѣсколько судовъ. Одинъ изъ ограбленныхъ первый привезъ въ городъ вѣсть, что атаманъ снова появился и уже недалеко.

Прозоровскій послалъ на встрѣчу Стенькѣ Львова съ стрѣльцами. Уставши гоняться за казаками, Львовъ послалъ къ нимъ гонца, который долженъ былъ заявить требованіе о возвратѣ пушекъ и струговъ съ находящимися на послѣднихъ плѣнниками и затѣмъ дозволеніе ѣхать на Донъ, по исполненіи сказанныхъ условій. Обстоятельства вынудили и Стеньку и казаковъ согласится на предложеніе. Казацкіе струги потянулись за Львовымъ къ Астрахани, гдѣ Стенька, дѣлая видъ что покоряется, сложилъ въ приказѣ свой бунчукъ, знакъ власти. Нѣсколько бывшихъ на стругахъ орудій были тоже отданы; суда Стенька неуступилъ, потому что надо же было по Волгѣ плыть на чемъ нибудь.

Астраханскіе начальники, видя богатство казаковъ, дружили со Стенькой, принимали отъ него всякіе подарки и вообще смотрѣли на все сквозь пальцы. У Стеньки было столько дорогихъ персидскихъ тканей, ковровъ, драгоцѣнностей всякаго рода, дорогихъ винъ, что нельзя было съ нимъ непображничать. Жалобы ограбленныхъ Стенькой лицъ оставались безъ послѣдствій. Жадные люди были эти воеводы. Народное преданіе говоритъ, что кто-то изъ крупныхъ астраханскихъ начальниковъ, увидавъ у Стеньки богатую шубу, сталъ ее просить себѣ: подари, да подари! Стенька почему то не соглашался. Пристававшій пригрозилъ, что онъ можетъ такому человѣку какъ Стенька, сдѣлать много зла. Атаманъ съ сердцемъ сбросилъ шубу съ плечъ и сказалъ: «На, только какъ бы отъ этой шубы да не было шуму».

Десять дней онъ выжилъ въ Астрахани и все время пьянствовалъ и сорилъ народу деньги. Разъ, сильно выпившій Стенька сидѣлъ на своемъ изукрашенномъ стругѣ; рядомъ сидѣла красавица персіянка, вся въ атласѣ, золотѣ и жемчугахъ. Подслушавъ мимоходомъ брошенное кѣмъ то замѣчаніе, что видно полюбилась ханская дочка «батюшкѣ атаману», онъ въ припадкѣ ярости вскочилъ и схвативъ княжну въ свои мощныя руки, принесъ ее въ жертву Волгѣ: «*Ахъ ты, Волга матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра и всею добраго; какъ отецъ и мать славой и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не отблагодарилъ; на-же тебѣ, возьми*»! Таково было обращеніе Стеньки къ Волгѣ. Какъ казаку, ему показалась постыдной любовь къ женщинѣ, и онъ принесъ послѣднюю въ жертву товарищамъ, вліяніе на которыхъ было ему нужно.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Бременская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири.

Извѣстные естествоиспытатели, доктора Финшъ и Бремъ, при содѣйствіи Бременскаго общества нѣмецкихъ сѣверо-полярныхъ экспедицій, предприняли путешествіе для производства научныхъ изслѣдованій Западной Сибири. Къ нимъ присоединился графъ Карлъ ф.-Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ.

6-го марта экспедиція оставила Бременъ и поѣхала черезъ Петербургъ въ Нижній-Новгородъ на Тюмень и далѣе въ Семипалатинскъ, имѣя въ виду быть на Алтаѣ въ Барнаулѣ и затѣмъ проѣхать на лодкѣ рѣку Оби до ея устья.

Графъ Вальдбургъ имѣетъ цѣлью опредѣленіе гидрографическихъ отношеній земли и метеорологическія наблюденія; д-ръ Бремъ—виды мѣстностей и животный міръ, д-ръ Финшъ — кромѣ научныхъ изслѣдованій, собраніе естественныхъ предметовъ и энтомологическія изысканія.

Альфредъ Брэмъ, извѣстный авторъ сочиненія «Жизнь животныхъ», родился 3-го февраля 1829 г. въ Рентендорфѣ, въ Тюрингіи. Онъ сынъ знаменитаго орнитолога Христіана Людвига Брэма. Съ 1847 по 1852 г. онъ объѣздилъ всю сѣверную Африку, путешествовалъ много по Европѣ и въ особенности по Испаніи и Лапландіи. Въ 1862 г. онъ сопровождалъ герцога Эрнста фонъ-Саксенъ-Кобургъ-Гота въ страну *Богосъ*, около сѣверной границы Абиссиніи. Въ 1863 г. получилъ мѣсто директора Гамбургскаго зоологическаго сада: но не сошелся съ зоологическимъ обществомъ и въ 1867 г. переселился въ Берлинъ, гдѣ основалъ аквариумъ.

Отто Финшъ, сынъ купца, родился 8-го августа 1839 г. въ Вармбрунѣ. Онъ путешествовалъ по Турціи, Голландіи, Англіи и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій по естествознанію. Боннскій университетъ въ 1868 году призналъ его докторомъ; въ 1872 году онъ путешествовалъ въ Соединенные Штаты, въ 1873 г.—въ Норвегію и Лапландію.

Виртембергскій графъ Карлъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль, съ 1862 по 1865 годъ изучалъ лѣсоводство и сельское хозяйство. Въ 1870 году онъ отправился на Шпицбергенъ съ знаменитымъ путешественникомъ и орієнтологомъ Теодоромъ Гейглинъ. Послѣднее время онъ былъ назначенъ командиромъ замковой стражи въ Штутгартѣ, но по просьбѣ уволенъ отъ этого мѣста съ отпускомъ на 2 года, для путешествія по Россіи и Норвегіи. Можно, конечно, надѣяться, что эти три лица, одинаково одаренные любовью къ естествознанію и богатые общими по этому предметами свѣдѣніями, принесутъ несомнѣнную пользу наукѣ своимъ путешествіемъ.

Въ Петербургѣ они были приняты весьма радушно. Въ Николаевской залѣ городской думы происходило по случаю ихъ

Библиотека "Руниверс"

прибытія, экстренное собраніе двухъ соединенныхъ ученыхъ обществъ: содѣйствія русской промышленности и торговлѣ и содѣйствія русскому торговому мореходству.

Въ благодарность за любезный пріемъ, одинъ изъ членовъ экспедиціи, а именно д-ръ Брэмъ, читалъ въ залѣ гостиницы Демута, въ пользу германскаго благотворительнаго общества и кассы для выдачи пособій недостаточнымъ университетскимъ слушателямъ, лекцію о «путешествіяхъ по степямъ.

Съ одинаковымъ радушіемъ принимали ученыхъ гостей и въ другихъ городахъ: въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и др. Въ Тюмени Брэмъ оставилъ программу, въ числѣ 55-ти вопросныхъ пунктовъ, по которой, къ обратному пути его, представители города должны составить отвѣты. Онъ спрашиваетъ о ввозѣ и вывозѣ, о состояніи скотоводства, сельскаго хозяйства, рыболовства и т д. Засимъ: хорошо ли нѣмцамъ переселяться въ Сибирь, кого болѣе требуютъ: земледѣльца или маленькаго ремесленника, какія ремесла имѣютъ будущность, какія выгодны, имѣли ли бы аптекаря хорошій доходъ, достаточно ли число аптекъ, нашли ли бы врачи хорошій доходъ, есть ли ветеринары, нужны ли гувернеры: русскіе, французы и нѣмцы, могутъ ли гувернантки надѣяться скоро найти себѣ мужа? Отвѣты, которые послѣдуютъ на эти вопросы, мы, конечно, узнаемъ въ будущемъ трудѣ Брэма въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, или же можетъ статься, въ обратномъ переводѣ съ нѣмецкаго на русскій. Въ настоящее время Бременская экспедиція находится уже на обратномъ пути и на дняхъ пріѣздъ ея ожидается въ Петербургѣ. О результатахъ ея изслѣдованій русскому обществу предстоитъ познакомиться впослѣдствіи при переводѣ трудовъ экспедиціи съ нѣмецкаго языка на русскій.

Къ рисункамъ.

Ручеекъ.

(Картина Буланже).

Классическіе художники пейзажисты въ своихъ картинахъ представляли намъ совсѣмъ иное, что мы видимъ теперь у пейзажистовъ новѣйшей школы. Въ классическомъ пейзажѣ существовали правила распредѣленія линій, скалы получали архитектурную точность, въ глубинѣ непремѣнно рисовался или храмъ или рядъ колоннъ; люди представлялись или ввидѣ боговъ или пастушковъ. Ничего такого мы не находимъ у пейзажистовъ новѣйшей школы: природа побѣдила искуственность и новѣйшіе художники поняли, что красоту нужно искать въ природѣ, она, неисчерпаемая властительница, на каждомъ шагу представляетъ готовый матеріалъ и нужно рисовать съ натуры просто, безъ затѣй, чтобы заимствовать у природы частичку ея величія.

Но необходимо замѣтить, что такое отношеніе къ искуству есть только, такъ сказать первый шагъ на поприщѣ художественнаго творчества, дальнѣйшій путь иной, болѣе дивный и величественный по своимъ таинственнымъ способамъ проявленія. Достигаютъ его не всѣ, но тѣ, кто достигаетъ его несомнѣнно должны идти этимъ-же путемъ. Вотъ что говоритъ по этому случаю поэтъ (А. Н. Майковъ), то что онъ говоритъ о поэзіи вполнѣ примѣнимо и къ живописи:

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шепотанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрные октавы
Польются звучные, какъ музыка дубравы.

Z.

„Сонъ."

(Снимокъ съ мраморной группы М. Моро).

Особенную прелесть этой прекрасной группы составляетъ ея классическая красота, заключающаяся, какъ въ самой позѣ задремавшей женщины, такъ равно въ общей гармоніи спокойствія и строгости линій, въ силѣ и жизненности формъ. Группа М. Моро заслужила громкія похвалы на Парижской выставкѣ 1874 г. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь: мать и сынъ какъ-бы окружены сіяніемъ покоя, вѣрнаго признака невинности; какими, можетъ быть, тихими и сладкими видѣніями полонъ сонъ этихъ двухъ существъ, одинаково цѣломудренныхъ и, пожалуй, въ одинаковой степени простосердечныхъ. Ростъ и вообще сильное физическое развитіе придаютъ фигурѣ матери еще больше граціозности. Ребенокъ, какъ видно, недавно насытился и потомъ уснулъ у груди — у этого перваго источника пищи. Мальчикъ, повидимому, обѣщаетъ сдѣлаться со временемъ крѣпкимъ и могучимъ мужемъ, достойнымъ сыномъ своей матери. Въ этихъ двухъ типахъ есть единство, есть что-то общее, и художникъ, уловившій именно эту черту, вдохнулъ жизнь въ кусокъ мрамора; представилъ все, что есть въ природѣ самаго идеальнаго, привлекательнаго: вы видите во-очію тѣсную связь между матерью и ея ребенкомъ.

Бѣгство турецкой батареи въ сраженіи при Яворѣ.

Въ трехдневномъ сраженіи при Яворѣ, турецкіе войска, какъ извѣстно, потерпѣли сильный уронъ. Нашъ рисунокъ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ этой отчаянной битвы, когда цѣлая батарея турецкой конной артиллеріи была неожиданно окружена Сербами. Въ поспѣшномъ отступленіи своемъ или лучше сказать бѣгствѣ эта батарея въѣхала на узкую дорогу, окаймленную возвышенностями, за которыми скрывалась засада—часть сербскаго войска. Лишь только первое турецкое орудіе показалось на извилистой тропинкѣ, какъ сербскія застрѣльщики до тѣхъ поръ закрытыя высотами открыли губительный огонь; отважнѣйшіе изъ Сербовъ, выйдя изъ засады съ остервененіемъ бросились на оторопѣвшихъ турокъ, пустившихся въ отчаянное бѣгство: верховые съ ожесточеніемъ стегали коней тщетно стараясь пустить ихъ во весь опоръ. Всѣ ихъ усилія были напрасны; подъ мѣткимъ огнемъ сербскихъ стрѣлковъ, почти недававшихъ промаха, конь падалъ за конемъ, всадникъ за всадникомъ. Тѣ изъ турокъ, которымъ удалось выдти живыми изъ этого убійственнаго огня были окружены и взяты въ плѣнъ. Пять турецкихъ орудій достались въ руки побѣдителей.

Вспомнимъ при этомъ, что артиллерія безъ всякаго сомнѣнія составляетъ лучшую часть турецкаго войска. Со времени введенія въ 1843 году въ турецкой арміи европейской организаціи, артиллерія всегда составляла предметъ самыхъ усиленныхъ заботъ правительства Порты. Нынѣ турецкая артиллерія раздѣляется на полевую, крѣпостную и береговую. Полевая артиллерія состоитъ изъ шести полковъ и въ каждомъ изъ нихъ заключается по пятнадцати батарей. Девять батарей снабжены пушками французской системы Ла Ритта (La Hitte) заряжающимися съ казенной части въ другихъ шести батареяхъ стальныя крупповскія орудія старой системы. Кромѣ того войска снабжены еще горными орудіями системы Витворта предназначенными для веденія военныхъ дѣйствій въ гористыхъ мѣстностяхъ. Во время войны каждый артиллерійскій полкъ имѣетъ 69 офицеровъ и 1609 солдатъ; при каждой батареѣ состоитъ четыре офицера, восемь ундеръ-офицеровъ и 12 или 16 человѣкъ прислуги. Какъ матеріальная часть, такъ и лошади содержатся въ довольно хорошемъ состояніи. Офицеры хотя и не очень учены, но за то знаютъ свое дѣло практически и ведутъ стрѣльбу весьма недурно. Такая успѣшная организація велась при посредствѣ прусскихъ офицеровъ, которые, устроивъ турецкую артиллерію, долго ею завѣдывали.

Политическое обозрѣніе.

Какъ освѣжающую, радостную вѣсть, вся Россія прочла текстъ ультиматума, посланнаго русскимъ кабинетомъ къ Турціи: «18 октября Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы генералъ-адъютантъ Игнатьевъ объявилъ Портѣ, что въ случаѣ если она въ двухдневный срокъ не приметъ перемирія на *шесть* недѣль или на *два* мѣсяца и если не дастъ немедленно приказанія пріостановить военныя дѣйствія, то онъ со всѣмъ посольствомъ выѣдетъ изъ Константинополя и дипломатическія сношенія будутъ прерваны.» Отвѣтъ Порты, въ смыслѣ принятія перемирія, послѣдовалъ 21 октября. Судя потому, что предложенный Россіей срокъ ультиматума истекалъ 20 октября 1) ноября) а Порта доставила свой отвѣтъ нашему послу только 21 октября (2 ноября) въ часъ ночи, нужно заключить, что Порта дала свое согласіе на перемиріе неохотно, послѣ разныхъ бурныхъ сценъ, горячихъ споровъ и пререканій въ турецкомъ совѣтѣ министровъ. Трудность положенія Турціи увеличивалась еще тѣмъ, что около этого времени открытъ въ Константинополѣ заговоръ, грозившій перевернуть вверхъ дномъ все турецкое государственное устройство. Софты пытались-было остановить коляску Султана Гамида, чтобы вынудить у него обѣщаніе отвергнуть ультиматумъ.

При обсужденіи русскаго ультиматума, представителями «туркофильскихъ» кабинетовъ Англіи и Австро-Венгріи былъ преслонутый сэръ Генри Элліотъ и графъ Зичи. Имъ говорятъ, стоило многихъ усилій склонить Порту «избрать благую часть», т. е. покориться русскимъ требованіямъ. Англія и Австрія тотчасъ-же присоединились къ русскому ультиматуму.

Для дѣла сербовъ и другихъ балканскихъ славянъ ультима-

Библиотека "Руниверс"

тумъ Россіи послѣдовалъ весьма своевременно. Масса турецкихъ войскъ стала одолѣвать борцовъ, которыя по сравнительной малочисленности, могутъ назваться только горстью. Послѣдніе десять дней предъ ультиматумомъ были цѣлымъ рядомъ отчаянныхъ и упорныхъ битвъ. Ожесточенность боя увеличилась съ субботы 16 (28) октября. Въ этотъ день происходила сильная кононада на всѣхъ сербскихъ позиціяхъ Перевѣсъ въ этотъ день былъ все-таки еще на сторонѣ сербовъ; но на другой день 17 (29) октября былъ взятъ турками Джунисъ. Корпусъ Хорватовича и армія генерала Черняева были разъединены. Вслѣдствіе паденія Джуниса Черняевъ отступилъ къ Крушевацу (на сербской Моравѣ), а Хорватовичъ укрѣпился нъ Гаглонѣ и Капиціи, 19 (31) октября турки начали бомбандировать Алексинацъ и Делиградъ. Уже въ среду 20 октября (1 ноября) разнеслась вѣсть, что Алексинацъ взятъ турками штурмомъ. (Дѣло происходило уже послѣ передачи Турціи русскаго ультиматума). Послѣ истребительной для обѣихъ сторонъ битвы при Джунисскихъ высотахъ, большая часть сербскихъ войскъ, которыми можно было еще располагать, послана въ Паратчинъ и Делиградъ. Какъ всегда бываетъ при крайней ожесточенности боя, число павшихъ съ обѣихъ сторонъ въ сраженіи при Джунисскихъ высотахъ опредѣлить трудно. Считаютъ вѣроятнымъ, что потери турокъ простираются до *10,000* убитыми и ранеными; сербовъ *1,500*, и русскихъ *2.500* человѣкъ. Раненыхъ было мало Одновременно съ Джунисомъ былъ взятъ и сожженъ и Шельеговацъ. Говорили потомъ, что Шельеговацъ сожгли сами сербы, чтобы отнять у турокъ опорный пунктъ.

Произведенная этими событіями паника въ Сербіи, поминутное ожиданіе наводненія этого маленькаго государства дикою ордою турокъ, со всѣми ужасами пожаровъ и кровопролитія — и была кажется *первою* и *единственною* причиною тревожныхъ и преувеличенныхъ извѣстій объ арміи генерала Черняева. Чорная зависть и злоба на безкорыстнаго и великодушнаго генерала вдругъ, во всѣхъ мѣстахъ, къ сожалѣнію отчасти и въ нашей петербургской прессѣ, подняла свою стоглавую голову, подобно Гидрѣ. Говорили о томъ, что сербская артиллерія, въ рѣшительную минуту, подъ Джунисомъ, отказалась повиноваться Черняеву; что одни русскіе добровольцы выдержали на своихъ плечахъ упорный и кровопролитный, но, къ сожалѣнію, безполезный бой, что пораженіе сербовъ было полное, что генералъ могъ бы предвидѣть безполезность этой битвы и неставить на вѣрную смерть своихъ соотечественниковъ и т. д. Но не говоря уже о томъ, что обстоятельства Джунисскаго дѣла далеко еще не выяснились,—критики Черняева забываютъ, что рѣшать дѣло чернилами на бумагѣ гораздо легче, чѣмъ дѣлать настоящее. Теперь уже, однако, выяснилось, что такъ называемый бунтъ сербской артиллеріи есть просто наглая выдумка разныхъ инсинуаторовъ, что сербская артиллерія, какъ всегда, такъ и теперь безусловно повинуется своему главнокомандующему, что орудія и снаряды для Моравской арміи не были доставлены во время и сербская армія въ страшную рѣшительную минуту была такъ сказать безпомощною. Точно также распространившаяся молва о дуэли генерала Черняева съ сербскимъ военнымъ министромъ Николичемъ оказалась издорною.

Однакожъ на ряду съ неудачами, совершено на прошлой недѣлѣ одно истинно-геройское дѣло богатырями—черногорцами. 19 (31) октября они окружили и бомбандировали Подгорицу, хотя городъ былъ сильно вооруженъ; но одна турецкая батарея была сбита дѣйствіемъ черногорской артиллеріи. Затѣмъ посредствомъ большихъ динамитовыхъ снарядовъ, взорвали крѣпость Медунъ и сравняли ее съ землею. Этимъ дана была возможность черногорскому гарнизону, занимавшему вновь пріобрѣтенную турецкую крѣпость, углубиться во внутрь Албаніи. Такимъ образомъ *туркамъ отрѣзано всякое сообщеніе съ Подгорицею.*

Свѣдѣнія съ театра войны, теперь, послѣ оффиціальнаго объявленія восьмидедѣльнаго перемирія, весьма неопредѣленны и полны противорѣчій. Даже по заключеніи перемирія разнесся слухъ, что турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ-Паша хочетъ *перебраться съ Алексинацъ и Делиградъ на зимнія квартиры* (?!). Вступленіе турокъ въ Делиградъ, однакожъ, теперь опровергнуто телеграфомъ Вообще, теперь, положеніе дѣлъ на театрѣ войны представляется въ слѣдующемъ видѣ:

а) Крушевацъ *не занятъ турками*, вопреки прежнему сообщенію тенденціозныхъ корреспондентовъ. Въ Крушевацѣ стоитъ Хорватовичъ, и главныя силы сербской арміи находятся въ Делиградѣ.

б) Алексинацъ также *не взятъ штурмомъ*, вопреки сообщеніямъ такого же характера. Но остается вѣрнымъ то, что при бомбардированіи онъ *сожженъ*, потому что турки бросили въ него болѣе *2000 гранатъ*. Алексинацъ очищенъ отъ гарнизона.

с) Главная квартира генерала Черняева находится въ Чупріи.

д) Черногорія и Сербія *единодушно согласились на перемиріе до конца декабря.* Обѣимъ арміямъ о заключеніи перемирія сообщено оффиціально въ четвергъ 21-го октября (2-го ноября), въ три часа пополуночи. Съ этого момента *военныя дѣйствія безусловно прекратились на всемъ театрѣ войны.*

е) Не смотря на взятіе Джунисскихъ высотъ, войска сербской арміи все-таки до тихъ поръ держатся въ Делиградскихъ позиціяхъ (сообщ. московской телеграммы).

Посмотримъ далѣе—что будетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что событія теперь болѣе выяснятся, и мы получимъ руководящую нить для сужденія объ истинномъ положеніи дѣлъ.

СМѢСЬ.

Счастливымъ государствомъ можно считать маленькую республику Санъ-Марино въ Италіи. Она находится между провинціями Форли и Пезаро, на одномъ изъ отроговъ апеннинскихъ горъ. На пространствѣ въ 62 квад. вилом. обитаютъ 7,080 жителей, изъ числа коихъ 1,584 человѣка родились внѣ предѣловъ этой республики. Число землевладѣльцевъ и лицъ, составляющихъ ихъ семейства, составляетъ 3,040 душъ, лицъ. не владѣющихъ землей 2,622, арендаторовъ 1,418. Законодательный совѣтъ состоитъ изъ 60 членовъ; исполнительная власть возложена на двухъ капитановъ, полномочія которыхъ продолжаются полгода. Государственные доходы простираются до 42,000 лиръ, расходы—до 40,000 лиръ. Дефицитъ и долги — предметы неизвѣстные въ Санъ-Марино Республика эта существуетъ съ четвертаго столѣтія, въ ней никогда не происходили кровавыя революціи; всѣ дѣла идутъ мирно и спокойно у этихъ прилежныхъ людей, которые отъ плодовъ своихъ трудовъ продаютъ кое-что и на сторону, напр.: скотъ, шелкъ, вина и фрукты. Народныя училища въ отличномъ состояніи; пролетаріенъ и солдатъ въ Санъ-Марино не существуетъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Москва. Никольская. Руд—у Грос—у.** Приводимъ здѣсь цѣликомъ присланное вами прелестное стихотвореніе:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною;
Мнѣ грустно и легко, печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

Автора этого стихотворенія мы тысячу разъ готовы признать первоклассимъ, но съ стыду вашему, не вы авторъ его, а нашъ безсмертный Пушкинъ. Это стихотвореніе слово въ слово напечатано въ 1-мъ томѣ сочиненій Пушкина (изд. Исакова 1859 г. стр. 411). Какъ назвать вашъ поступокъ — предоставляемъ судить вамъ-же самимъ.

2) **Гадячъ.** (Полтав. Губ.) Мее. Лосіев—у. Помѣстить не можемъ, ибо это очень напоминаетъ напечатанный у насъ очеркъ «Обжинки».

3) **Николаевъ** Н. Я. З—ой. Зачѣмъ складывать въ рифмы слова, въ которыхъ нѣтъ ни какого смысла. Вы пишете:

У кого мозги могучи,
У того видны въ словахъ,
Въ мысляхъ вашихъ-же летучихъ
Вѣеровъ видѣнъ въ лѣсахъ.

И такими стихами наполнить цѣлую тетрадь! Побойте ъ Бога

Въ с. Прасковею. **А. Г. М—ову. Въ С.-Петербургѣ.** Учителю Ѳ. М. С. Стяхову не напечатаемъ и совѣтуемъ ихъ не писать.

4) **Острогожскъ. С. Сл—у.** Поручите кому либо изъ знакомыхъ своихъ какъ передачу рукописи въ Редакцію, такъ и переговоры о ней. Стихи и издательство не подходятъ.

5) **И. Грохоту.** Стихи запоздали. При посылкѣ другихъ сообщите свои адресъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Митавскій дворецъ** (съ рисункомъ) **Х. Р.** — **Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Конецъ 1-й части).—**Рязинскій бунтъ** (съ 2-мя рисунками).—**Бременская ученая экспедиція для изслѣдованія Западной Сибири** (съ 3-мя портретами). — **Къ рисункамъ: Ручеекъ** (съ рисункомъ). — **Сонъ** (съ рисункомъ) — **Бѣгство турецкой батареи при Яворѣ** (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Редакторъ **Д. Стахѣевъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КАЛЕНДАРИ НА 1877 Г. ИЗД. А. ГАТЦУКА:

КРЕСТНЫЙ цѣна 15 коп.
съ большимъ колич. рисунковъ, хромолитограф. картой Россіи, картой Балканскаго полуострова и Мѣсяцесловомъ славянскихъ святыхъ.

КРЕСТОВЫЙ цѣна 10 коп
Предупреждаемъ о существованіи поддѣлокъ. На настоящемъ Крестовомъ смотрите фамилію редактора.

Черезъ почту иногороднымъ высылается:
Въ мѣста до 1,000 в.: на 1 р.—6 экз., 2 р.—12 экз., 3 р.—18 экз., 7 р.—50 экз., 15 р.—110 экз.
Въ мѣста свыше 1.000 в.: на 1 р.—5 экз., 2 р.—10 экз., 3 р.—16 экз., 7 р.—43 экз., 15 р.—100 экз.
До 1,000 в.: на 1 р.—8 экз., 2 р.—17 экз., 3 р.—27 экз., 5 р.—53 экз., 10 р.—110 экз.
Свыше 1,000 в.: на 1 р.—6 экз., 2 р.—15 экз., 3 р.—23 экз., 5 р.—42 экз., 10 р.—100 экз.

☞ ЧРЕЗЪ ПОЧТУ гг. иногор. за календар. прошу адресоваться въ МОСКВУ, къ издателю-книгопр. Алексѣю Дмитр. СТУПИНУ (адресъ почтамту извѣстенъ), и посылаю съ первой почтой.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:
на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоих внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—8

При этомъ № прилагается объявленіе отъ книжнаго магазина А. И. Манухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою, СПБ 29 Октября 1876 г. Изданіе **А. Ф. МАРКСА.** Въ Спб., Больш. Морская д. № 9. Тип. Веддинга, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 45 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 8 Ноября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ланъ и А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что приготовленіе около **18.000 печатныхъ адресовъ** для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ **много** времени, мы просимъ покорнѣйше гг. иногородныхъ подписчиковъ **возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.**

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

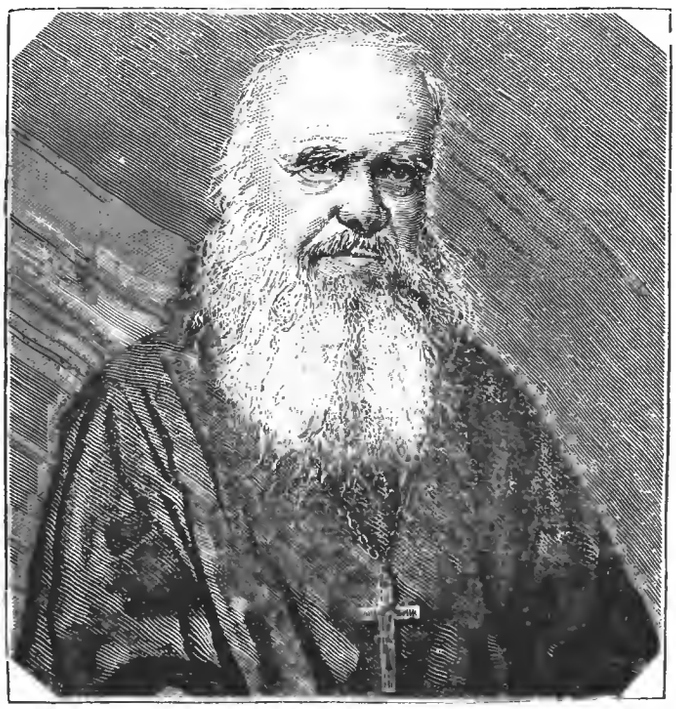
При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за НОЯБРЬ съ 146 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.

Александръ Васильевичъ Горскій.

Если утрата ученаго и въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ наука въ истинномъ строгомъ значеніи этого слова, очень ощутительна, то у насъ, при недостаткѣ въ людяхъ, посвятившихъ себя наукѣ, потеря такого человѣка, какъ Александръ Васильевичъ Горскій, особенно тяжело должна отразиться и особенно въ сферѣ духовно-ученаго вѣдомства, гдѣ служилъ покойный.

Замѣчательный ученый, писатель, у котораго самъ митрополитъ Филаретъ, во многихъ важныхъ вопросахъ церковнаго управленія, просилъ совѣтовъ и ученыхъ указаній, ректоръ Московской духовной академіи, протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій скончался въ обители преподобнаго Сергія 11 октября 1875 г. на 64 году отъ рожденія.

Приводимъ нѣсколько строкъ изъ надгробнаго слова архимандрита Михаила, сказаннаго при погребеніи о. Горскаго: «Съ самыхъ юныхъ лѣтъ до самой смерти онъ (Горскій) былъ неутомимымъ тружеником науки, ради удобнѣйшаго пріобрѣтенія этого блага презрѣвшій многое, считающееся благомъ въ жизни, отвергшій даже всякія считающіеся невинными удовольствія житейскія. Нельзя было недивиться многообъемлемости и глубинѣ его учености. Эта глава была какъ бы богатѣйшею сокровищницей знаній, изъ которой каждый могъ почерпать сколько могъ и сколько хотѣлъ».



Александръ Васильевичъ Горскій † 11 октября 1875 г.
Рис. Божѣинъ, грав. Боярскій.

Какъ высоко цѣнились достоинства и заслуги А. В. Горскаго представителями русской науки доказываетъ ихъ общее желаніе избрать его почетнымъ членомъ разныхъ обществъ и учрежденій.

Въ 1863 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Моск. Общ. любителей духовнаго просвѣщенія; въ 1864 г. почетнымъ членомъ Моск. университета; въ 1867 г. докторомъ русской исторіи отъ совѣта С.-Петерб. университета; въ 1869 г. почетнымъ членомъ Общества любителей русской словесности и Кіевской духовной академіи; въ 1873 г. почетнымъ членомъ Петербургскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія и Казанской духовной академіи.

Если можно такъ выразиться о познаніяхъ А. В. Горскаго—это была живая энциклопедія богословскихъ наукъ: какъ будто онъ перебывалъ на всѣхъ кафедрахъ академіи поочередно и по каждому предмету пріобрѣлъ свѣдѣнія.

Мы нерѣшаемся перечислить всѣ ученыя труды А. В. Горскаго, что было бы утомительно для читателей, и поэтому ограничиваемся указаніемъ лишь на нѣкоторыя изъ

Библиотека "Руниверс"

нихъ, такъ напр.: Описаніе славянскихъ рукописей синодальной (патріаршей) библіотеки—сочиненіе, содержащее драгоцѣнные матеріалы для изученія исторіи славянскаго текста св. Писанія—сдѣланное совмѣстно съ покойнымъ Капитономъ Ивановичемъ Невоструевымъ и, къ сожалѣнію, оставшееся неоконченнымъ; Памятники духовной литературы временъ Ярослава; Изслѣдованіе о св. первоучителямъ славянскихъ, и мн. др.

Нравственныя качества А. В. Горскаго были никакъ не ниже его ученыхъ достоинствъ. Много было въ его сердцѣ любви, и ученики его, разсѣянные по русской землѣ, несомнѣнно, на всю жизнь сохранятъ признательную память къ своему наставнику.

Много было въ немъ величайшаго смиренія, и въ тоже время это смиреніе не исключало въ немъ праведнаго гнѣва при видѣ дѣлъ, направленныхъ противъ чести и спокойствія церкви. Возвышенныя черты характера, вмѣстѣ съ любовью къ наукѣ, удерживали его противъ настойчивыхъ приглашеній и полной возможности ступить на привлекательный путь честолюбія и уклоняться отъ такихъ предложеній, которыя для многихъ были бы верхомъ желаній. Разсказываютъ фактъ, что однажды въ Петербургѣ ему передано было приглашеніе одного очень важнаго лица и съ этимъ приглашеніемъ соединялось другое, еще болѣе лестное, болѣе обѣщающее; но Александръ Васильевичъ отвѣчалъ словами изъ св. писанія, что «къ князю силы я не имѣю слова, ибо живу посреди моего народа».

А. В. Горскій родился 15-го августа 1812 г. въ Костромѣ, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ, воспитывался сначала въ мѣстной семинаріи, но замѣченный при ревизіи семинаріи баккалавромъ Московской духовной академіи, нынѣ астраханскимъ архіепископомъ Аѳаніасіемъ, взятъ былъ въ Московскую духовную академію съ философскаго курса, 16 лѣтъ. По окончаніи курса на 20 году, онъ былъ назначенъ профессоромъ церковной и гражданской исторіи въ Московской семинаріи, откуда черезъ годъ переведенъ баккалавромъ въ Московскую духовную академію и въ 1839 году достигъ званія ординарнаго профессора церковной исторіи, въ которомъ оставался до назначенія въ ректоры Академіи, до 23 октября 1862 года. Въ 1860 году онъ былъ посвященъ въ санъ іерея, безъ предварительнаго вступленія въ бракъ. Посвященіе его въ санъ іерея было первымъ примѣромъ изъятія изъ частнаго постановленія русской церкви, не допускавшаго до степени священства людей безбрачныхъ. Онъ былъ посвященъ на 49 году своей жизни, когда митрополитъ Филаретъ, по своей къ нему любви и высокому уваженію, рѣшился наконецъ отступить отъ неправильнаго, но укоренившагося обычая, примѣнить къ нему лично вселенскій канонъ, бездѣйствовавшій цѣлыя столѣтія въ нашей церкви. Одновременно съ званіемъ профессора, онъ занималъ должность библіотекаря Академіи. Говорятъ, что библіотеку онъ зналъ такъ, что въ чрезвычайномъ случаѣ, когда надобна была ночью какая нибудь книга, онъ въ темнотѣ (вносить огонь въ библіотеку недозволялось) отыскивалъ ее только при помощи памяти и осязанія.

Ученыя достоинства Александра Васильевича поражали многихъ, казалось бы не менѣе его богатыхъ знаніями. Такъ извѣстный аббатъ Стенли, посѣтивъ Московскую академію и познакомившись съ Александромъ Васильевичемъ, былъ пораженъ познаніями нашего богослова, безъ приготовленія, прямо изъ запасовъ своей памяти, высказывавшаго самыя точныя и мѣткія сужденія о разнаго рода темныхъ и мало изслѣдованныхъ вопросахъ въ исторіи англиканской церкви.

Въ заключеніе замѣтимъ, что къ Александру Васильевичу Горскому, отличавшемуся, при его высокомъ умственномъ развитіи, необыкновеннымъ, истиннымъ смиреніемъ, вполнѣ примѣнимы слова, что «дерево, обремененное плодами, всегда клонитъ свои вѣтви внизъ».

Z.

Три пѣсни.

(Изъ А. Петёфи).

I.

Какъ дитя заплачетъ ночью темной —
Колыбель качая,
Усыпляетъ нянюшка малютку,
Пѣсни распѣвая;
Такъ свои проснувшіяся муки
Усыплять хочу я —
Пѣснь за пѣснью, горе заглушая,
Въ ночь свою пою я...

II.

Не плакалъ я, участья не просилъ
Чѣмъ болѣнъ я — другимъ не говорилъ,
Но выдаетъ, блѣдная, скорбный ликъ
Все, что въ душѣ скопилось въ этотъ мигъ
Боюсь, они прочтутъ въ моихъ словахъ,
Въ болѣзненно-блистающихъ глазахъ —
Все, все: проклятіе, что рвется такъ невольно.
Прочтутъ, что сердцу тяжело и больно!

III.

Дождь идетъ, идетъ, идетъ —
Поцѣлуй милой
Жажду губъ моихъ поятъ
Съ неустанной силой.
Льется дождь, шумитъ и льетъ,
Молніи трепещутъ:
Не твои-ли, другъ, глаза
Во тьмѣ ночи блещутъ?
Какъ и громъ уже гремитъ?
Господи помилуй!
Онъ идетъ, стучитъ ворчитъ...
Ну, прощай мой милый!..

Ѳ. Бергъ.

Княжна Острожская

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

I.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія столица Литвы, Вильна, была однимъ изъ знаменитѣйшихъ городовъ въ Европѣ. Ея населеніе превышало двѣсти тысячъ. Кромѣ того, сюда стекались люди со всѣхъ краевъ Литовскаго Великаго Княжества.

Расположенный въ красивой мѣстности, широко раскинувшійся городъ представлялъ самую оживленную и пеструю картину. Роскошные замки вельможъ, дома богатой шляхты и горожанъ просвѣчивали сквозь листву садовъ, освѣжавшихъ городской воздухъ. По праздничнымъ днямъ разноплеменное населеніе стекалось въ многочисленныя церкви, соборы, костелы, кирки, мечети и синагоги. Богатые рынки кипѣли движеніемъ и торговлей.

Хорошо и мирно жилось въ Вильнѣ—какъ будто какая-то благодѣтельная рука удалила отсюда всѣ смуты и страсти, всѣ религіозныя волненія и вражду, бушевавшія въ то время во всѣхъ центрахъ Европы. Пришлецъ съ запада, навидавшійся всякихъ ужасовъ, поражался неожиданной картиной: русскіе, поляки, литвины, греки, армяне, татары, евреи и нѣмцы, представители самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій, не питали другъ къ другу никакой вражды: не ссорились, жили дружно и спокойно предавались своимъ занятіямъ. Всѣхъ соединяла самая широкая вѣротерпимость. Городъ процвѣталъ и богатѣлъ съ каждымъ годомъ. Мирные жители ни откуда не ждали себѣ напасти. Только однажды, именно осенью 1569 года, они были встревожены слухомъ о томъ, что въ городъ должны въѣхать отцы іезуиты, о которыхъ составилось въ народѣ самое ужасное представленіе. Этотъ слухъ незамедлилъ подтвердиться. Дѣйствительно, епископъ Виленскій, Валеріанъ Протасевичъ—Сушковскій, просилъ прислать ему надежныхъ помощниковъ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія шатающагося католицизма. Іезуиты, уже давно намѣтившіе Вильну, поспѣшили откликнуться на

Библиотека "Руниверс"

этотъ зовъ. Пять избранныхъ отцовъ извѣстили епископа о своемъ пріѣздѣ. Проташевичъ, видя народное настроеніе, побоялся допустить ихъ въѣздъ открыто и они пробрались въ городъ тайно, въ темный ненастный осенній вечеръ, въ епископской каретѣ, посланной къ нимъ навстрѣчу съ надежнымъ конвоемъ.

Жители Вильны только черезъ нѣсколько дней узнали о пребываніи въ ихъ городѣ новыхъ гостей и пришли въ крайнее смущеніе:—нельзя же было силою, безъ всякихъ достаточныхъ уликъ, выгнать ихъ изъ епископскаго замка, гдѣ они поселились на первое время. Положено было тщательно слѣдить за ними и, при первомъ же незаконномъ ихъ дѣйствіи, настоятельно требовать ихъ удаленія. Но іезуиты отлично понимали свое положеніе. Они почти никогда не показывались на улицахъ, а если выходили, то поражали своимъ необычайнымъ смиреніемъ и скромностью.

Вильна снова успокоилась и перестала обращать на нихъ вниманіе. Чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малюютъ..

Тогда по одиночкѣ, также тихо и незамѣтно, стали являться новые отцы съ удивительными комплиментами епископу, съ хитро-подготовленными, краснорѣчивыми фразами, отъ которыхъ Проташевичъ проливалъ слезы умиленія. Скоро для отцовъ-іезуитовъ былъ приготовленъ, заранѣе купленный епископомъ, домъ, напротивъ его собственнаго замка. Домъ былъ большой и вполнѣ удобный для устройства въ немъ коллегіума. Тутъ же, черезъ улицу, находилось два другихъ прекрасныхъ дома съ обширными плацами. И эти дома купилъ для іезуитовъ растроганный епископъ. Здѣсь должна была произойти въ скоромъ времени закладка іезуитскаго костела. На содержаніе отцовъ Проташевичъ обязался ежегодно выдавать 2,000 копъ литовскихъ грошей и обезпечилъ эту сумму однимъ изъ своихъ имѣній. На устройство школы онъ подарилъ нѣсколько деревень, такъ что сразу можно было содержать сорокъ воспитанниковъ. Кромѣ того, для ловли рыбы въ постное время все тотъ же благодѣтельный епископъ пожертвовалъ іезуитамъ большое и прекрасное озеро Рыконты.

Скоро и многія частныя лица послѣдовали примѣру Проташевича и мѣсяца черезъ четыре у первыхъ виленскихъ іезуитовъ оказались богатѣйшія имѣнья съ весьма внушительною цифрою доходовъ.

Отцы не дремали—они сразу выказали удивительную, всестороннюю дѣятельность. Для управленія коллегіумомъ пріѣхалъ Станиславъ Варшевицкій, человѣкъ замѣчательный по уму, энергіи и учености. Еще недавно Варшевецкій былъ посланникомъ Сигизмунда-Августа въ Турціи, потомъ, въ должности королевскаго секретаря, онъ пользовался при дворѣ огромнымъ вліяніемъ и былъ любимцемъ сестры короля, Анны Ягеллонки, будущей жены Стефана Баторія. Но онъ не удовольствовался своимъ блестящимъ положеніемъ, онъ жаждалъ другой дѣятельности. Три года тому назадъ онъ отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и званій, явился въ Римъ и поступилъ въ іезуиты. Здѣсь его сразу оцѣнили и генералъ ордена, помимо всѣхъ долгосрочныхъ испытаній, сразу сдѣлалъ его *профессомъ*. Варшевицкій начерталъ превосходный планъ для виленскаго коллегіума и быстро принялся приводить его въ исполненіе.

Меньше чѣмъ въ годъ коллегіумъ былъ готовъ и происходило его торжественное открытіе. Знаменитый іезуитъ Магіусъ, провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ, пріѣхалъ благословить начинавшееся дѣло. Въ день открытія епископъ Проташевичъ былъ встрѣченъ отцами торжественной рѣчью. Роскошная обстановка, смиреніе и ученость наставниковъ поразили не только епископа, но и весь капитулъ, духовенство и многочисленныхъ приглашенныхъ. Всѣ видѣли въ этомъ открывающемся коллегіумѣ восходящую звѣзду литовскаго просвѣщенія. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ тутъ же рѣшились отдать своихъ сыновей іезуитамъ—провозглашенный ректоромъ коллегіума Варшевицкій былъ именно такимъ наставникомъ, о которомъ только и могло мечтать чадолюбивое литовское шляхетство.

Между тѣмъ остальные отцы іезуиты дѣлали все, чтобы заслужить любовь обитателей Вильны. Въ это время надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе. Неурожай и голодъ послѣдняго года породили моровую язву. Народъ въ огромномъ количествѣ погибалъ отъ ужасной болѣзни. Въ городѣ царило всеобщее уныніе и паника. Кто могъ - бѣжалъ, запирая свой домъ и покидая почти все имущество. Скоро уѣхалъ епископъ съ капитуломъ, за нимъ потянулось и остальное духовенство. Дошло до того, что некому было совершать богослуженія, отпѣвать и хоронить мертвыхъ. Одни только іезуиты были всѣ на лицо. Они ходили по улицамъ съ крестомъ, евангеліемъ и Святыми Дарами, входили въ дома, лечили и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, исповѣдовали и пріобщали. Нѣкоторые изъ нихъ погибли отъ заразы, во время исполненія священныхъ обязанностей, у одра умиравшихъ. Такіе поступки, такое удивительное самоотверженіе не могли не подѣйствовать на народъ. Его подозрительность и ненависть, покуда ни на чемъ не основанныя, исчезли и уступили мѣсто полному уваженію. Не мало православныхъ людей, получившихъ отъ нихъ денежную помощь и духовное утѣшеніе, спасшись отъ моровой язвы, перешли въ католицизмъ и сдѣлались ихъ ревностными учениками. Только немногіе продолжали относиться къ нимъ съ недовѣріемъ.

Когда ужасное бѣдствіе и народная паника миновали, когда городъ снова зажилъ своей здоровой и дѣятельной жизнью, іезуиты очутились въ совершенно новомъ положеніи. Они уже не скрывались, не избѣгали народа; они мало по малу начинали явно проповѣдывать на площадяхъ, устраивали торжественныя процессіи, поражавшія и увлекавшія воображеніе. Іезуитскія средства для достиженія своихъ цѣлей прежде всего были: школа, исповѣдь, проповѣдь, обрядность и пріобрѣтеніе денегъ и имѣній. Изъ этихъ средствъ *обрядность* приносила имъ великую пользу. Никогда еще виленскіе жители не видали такого блестящаго богослуженія, какъ въ іезуитскомъ костелѣ. Роскошное убранство храма, драгоцѣнныя ризы и утварь, чудныя иконы, выписанныя изъ Италіи, торжественная музыка, благоуханіе фиміама, поразительная, вдохновенная рѣчь проповѣдника—все это доводило присутствовавшихъ до самозабвенія и религіознаго восторга.

Въ первое время дѣйствія іезуитовъ главнымъ образомъ были направлены противъ реформатовъ. Для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли отцы вздумали даже давать нѣчто вродѣ представленій, собиравшихъ толпу празднаго люда..

Передъ нами одинъ изъ населеннѣйшихъ кварталовъ Вильны. Весь рынокъ запруженъ всевозможными сельскими продуктами, привезенными изъ ближнихъ деревень. Солидные литвины, закусывая свои длинные усы, медленно прохаживаются по рядамъ и прицѣниваются къ предметамъ, необходимымъ для домашняго обихода. Женщины льнутъ подъ навѣсы, гдѣ черномазые греки и армяне разложили свои пестрые товары и различныя сласти. Юркіе, быстроглазые евреи, съ длинными пейсами и въ ермолкахъ, шныряютъ между народомъ, треща на своемъ жаргонѣ, прищелкивая и похлопывая себя по поламъ длинныхъ засаленныхъ кафтановъ. Они носятся съ какою-нибудь дрянью, которую въ концѣ концовъ имъ все же удается продать за возмутительно высокую цѣну. Несчастный покупщикъ, оглушенный градомъ увѣреній, росказней и отчаянныхъ клятвъ съ біеніемъ себя въ грудь и подниманіемъ глазъ къ небу,

Библиотека "Руниверс"

только тогда приходитъ въ себя, когда негодная вещь ужь у него въ рукахъ и за нее заплачены бѣшеныя деньги. Онъ понять не можетъ, гдѣ былъ его разумъ, гдѣ были глаза, когда онъ покупалъ эту дрянь и платилъ за нее такую цѣну. Но дѣло уже сдѣлано—еврей позвякиваетъ полученными деньгами и теперь его можно исколотить, оплевать, вырвать всѣ его пейсы и бо-

продалъ ее себѣ въ убытокъ. Легкомысленному покупщику остается только плюнуть и крѣпкою бранью отвести свою душу...

Вотъ пріѣзжіе нѣмцы собрались въ небольшую кучку. На нихъ широкополыя шляпы съ перьями, кургузыя темныя куртки, перехваченныя толстымъ кожаннымъ ремнемъ, въ который зашита казна и изъ-за котораго

вѣйшей европейской постройки и богатыми церквами, имъ кажется, что они находятся въ совершенно дикой странѣ, среди дикаго люда, едва отличающагося отъ животныхъ. Но этотъ людъ богатъ и сговорчивъ, радушенъ и хлѣбосоленъ, въ городѣ много всякаго дѣла, всякой выгодной работы—и нѣмцы рѣшаются жертвовать собой и наживать деньги. Они хвастаются другъ

ся тѣни отъ навѣсовъ. Оживленнѣе идетъ торговля, больше и больше разнаго люда прибываетъ на рынокъ. При входѣ на площадь, въ прохладной тѣни каменной церковной паперти, появляется фигура кальвинскаго сеньора. Этотъ сеньоръ какъ двѣ капли воды похожъ на іезуитскаго патера, который въ прошлое воскресенье говорилъ проповѣдь въ костелѣ и отчаянно нападалъ

Клеопатра. Картина Макарта, съ фотографіи Ф. Ганфштенгель, грав. Гальбергеръ.

роду, но денегъ онъ уже не вернетъ ни за что въ мірѣ. Въ крайнемъ случаѣ онъ возьметъ ихъ въ ротъ, онъ готовъ проглотить ихъ съ явной опасностью для своей жизни; онъ клянется Богомъ и всѣми своими чадами и домочадцами, призываетъ на себя самыя невѣроятныя и неслыханныя бѣдствія въ доказательство того, что проданная вещь—перлъ созданія, и что онъ

выглядываетъ оружіе. На ногахъ крѣпкіе башмаки и длинные чулки въ обтяжку. Они лопочутъ между собою на непонятномъ для толпы діалектѣ. Они посматриваютъ кругомъ себя съ видомъ превосходства и даже презрѣнія: но обращаясь къ кому нибудь выказываютъ большую любезность. Несмотря на то, что Вильна прекрасный, живописный городъ, съ большими зданіями по-

передъ другомъ своими родными городами и блестящимъ положеніемъ, которое тамъ занимали. И въ то же время мысли ихъ невольно возвращаются къ покинутымъ на роднѣ семействамъ, къ черной нуждѣ и обидамъ, отъ которыхъ они бѣжали въ далекія литовскія земли...

Жаръ безоблачнаго полдня спалъ. Длиннѣе становят-

на ученіе Кальвина. Теперь же у него всѣ ухватки, всѣ манеры суроваго кальвиниста. Къ нему на встрѣчу, сквозь самую густоту толпы пробирается другой іезуитъ, направо и налѣво объявляя, что онъ идетъ къ церкви, чтобъ завести споръ съ кальвинскимъ сеньоромъ и оспорить всѣ его доводы, разъяснить чистоту вѣры.

Библиотека "Руниверс"

Народъ, жадный до всякихъ сценъ и бурныхъ преній, отрывается отъ своихъ дѣлишекъ и слѣдуетъ за іезуитомъ.

Отцы подходятъ другъ къ другу и важно раскланиваются

Разноплеменная толпа, перешептываясь, обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и приготовляется слушать.

Іезуиты, отличные лингвисты, уже хорошо познакомились съ литовскимъ языкомъ и начинаютъ свой споръ на общепонятномъ нарѣчіи. Они относятся другъ къ другу съ видомъ глубочайшаго уваженія.

Говоритъ начинаетъ іезуитъ непереодѣтый. Онъ униженно кланяется мнимому кальвинисту и спрашиваетъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Пресвѣтлый учитель новѣйшаго богословія! Вѣрите ли вы въ преданія церкви и св. отцовъ?

— Вѣруемъ,—отвѣчаетъ сеньоръ.—А вы, отче, скажите мнѣ, гдѣ Христосъ?

— Христосъ вездѣ, звучнымъ голосомъ провозглашаетъ іезуитъ, набожно крестясь и поднимая взоры къ небу.—Вездѣ Христосъ—и на небѣ, и на землѣ, и въ алтарѣ, по Его же слову: „Сіе есть тѣло Мое!"

Кальвинистъ приводитъ тексты изъ св. Писанія. Но въ устахъ іезуита, на одинъ текстъ противника, появляется пять, шесть текстовъ, цѣлая фаланга краснорѣчивѣйшихъ фразъ, образовъ, сравненій, произносимыхъ одушевленнымъ, вдохновеннымъ голосомъ, съ блескомъ глазъ и театральными, эффектными движеніями.

Съ каждою минутой усиливается вниманіе слушателей. Католики не могутъ воздержаться отъ громкихъ возгласовъ одобренія.

Кальвинисты окружаютъ сеньора и жадно прислушиваются къ словамъ его.

Преніе продолжается. Отецъ іезуитъ то какъ будто начинаетъ уступать противнику, сдается на нѣкоторые его доводы, то вдругъ ловко нападаетъ на него и однимъ словомъ разбиваетъ его краснорѣчиво запутанное положеніе. Вотъ мало по малу кальвинистъ какъ будто утомляется и затихаетъ. Онъ возражаетъ вяло, запинается, смущается. Онъ волнуется и всѣмъ очевидно, что онъ начинаетъ себя чувствовать побѣжденнымъ. Іезуитъ уже громко, торжественно нападаетъ и громитъ самымъ неопровержимымъ образомъ. Сеньоръ уже окончательно не въ силахъ защищаться—онъ долженъ молчаливо признавать справедливость доказательствъ патера, ошибки своего ученія и торжество истины въ лицѣ католицизма...

Въ толпѣ поднимается волненіе. Вотъ ужь въ нѣсколькихъ шагахъ католикъ горожанинъ съ торжествующей миной наступаетъ на своего сосѣда кальвиниста. Тотъ весь побагровѣлъ и сверкаетъ глазами. Они силятся перекричать другъ друга. Еще минута—и завязывается кулачная потасовка.

— Нѣтъ, такъ нельзя! съ сердцемъ говоритъ толстый шляхтичъ кальвинистъ, подходя къ переодѣтому сеньоромъ іезуиту. Спорить такъ спорить. Этакъ всякій тебя побьетъ словами, отче, коли ты самъ поддаешься парочно. Не о томъ совсѣмъ говоришь, о чемъ нужно, да и слова-то твои словно у неразумной бабы! Этакъ нельзя, говорю,—этакъ только срамота на насъ и на вѣру нашу!..

— Чего кипятишься, старина! останавливаетъ расходившагося шляхтича молодой его единовѣрецъ.—Это не въ церкви, не въ серьезъ... люди такъ себѣ, толкуютъ забавы ради, а ты сейчасъ въ обиду! Отчего-же не поспорить отцамъ—тоже вѣдь не зазорный споръ какой, а все отъ божественнаго... Умную рѣчь умно и послушать...

Толстый шляхтичъ отходитъ, увлекаемый товарищами, но продолжаетъ ворчать и даже ругаться.

Нѣкоторые отъ души смѣются, глядя на смущенную фигуру и ужимки побѣжденнаго сеньора.

Онъ ужь окончательно разбитъ по всѣмъ пунктамъ и только руками отмахивается отъ потока краснорѣчія, извергаемаго противникомъ.

Толстый шляхтичъ не въ силахъ больше вытерпѣть. Онъ снова подвигается къ спорящимъ и вдругъ бросается съ кулаками на сеньора.

Перепуганный сеньоръ пятится и старается оттолкнуть наступающаго шляхтича.

Но тотъ уже вошелъ въ азартъ и себя не помнитъ. Онъ замахивается кулакомъ и звучная затрещина оглашаетъ воздухъ.

— Ратуйте! ратуйте! кричитъ сеньоръ.

Собравшіеся ребятишки, на радостяхъ поднявъ цѣлое облако пыли, начинаютъ орать и визжать невыносимо.

Нѣсколько человѣкъ схватываютъ шляхтича за руки; но у него оказываются защитники. Начинается возня и драка. Раздается нѣсколько крупныхъ ругательствъ, обращенныхъ противъ іезуитовъ. Отцы, воспользовавшись суматохой, благоразумно скрываются за церковной оградой.

И долго еще гогочетъ толпа и не хочетъ расходиться. Одни смѣются, другіе наступаютъ другъ на друга.

И снова ожесточенная драка, подбитыя скулы, изорванное платье.

И нѣту уже прежней тишины и спокойствія, нѣту прежней вѣротерпимости, которою такъ отличалась и и славилась Вильна. Бывало, и еще такъ недавно, всякъ зналъ свое дѣло и дружески сходился съ сосѣдомъ. Никто не спрашивалъ другъ друга о вѣрѣ, никто не спорилъ и не злобствовалъ. Всякъ шелъ въ свою церковь, молился своему Богу, какъ понималъ его; но въ тоже время съ уваженіемъ, безъ насмѣшки относился къ чужой церкви. Правда, подъ вліяніемъ Радзивилловъ и ихъ клевретовъ, совершилось не мало переходовъ изъ православія и католичества въ протестанство; но все это дѣлалось тихо, это было дѣло совѣсти обращаемыхъ и не возбуждало противъ нихъ всеобщей ненависти.

Не даромъ видно боялся народъ іезуитовъ, предчувствовалъ недоброе при ихъ появленіи. Пришли эти смиренные служители церкви, солдаты Іисусова воинства, стали дѣйствовать не страхомъ и трепетомъ, а добротою, кротостью, наукою и милосердіемъ. Стали для досуга народнаго, ради умственной пользы, устроивать зрѣлища, примѣрные споры, а зло ядовитое такъ сразу и брызнуло во всѣ стороны изъ всего ихъ добра лицемѣрнаго.

Не смущались отцы іезуиты, что толпа иногда смѣялась надъ ними и даже ихъ била. Они продолжали свои уличныя драматическія представленія и неустанно дѣлали свое дѣло. Чтожь такое, что иные бранились и дрались—зато не мало разнаго люду вслушивалось въ ихъ пренія и дѣлалось вѣрными сынами католицизма, удобнымъ орудіемъ въ рукахъ ихъ благоразумныхъ. Не по днямъ, а по часамъ прибывало новообращенной паствы. Заводились широкія сношенія, учреждалась дѣятельная, тайная іезуитская полиція. Таинственной, несокрушимой сѣтью опутывался человѣкъ, поддавшійся іезуитамъ. Для него уже не было возврата... Время отъ времени въ Вильнѣ стали ходить слухи о пропадающихъ людяхъ. Въ водахъ Виліи находили обезображенныхъ утопленниковъ, сохранившихъ всѣ слѣды страшной пытки.

Въ одномъ мѣстѣ, между іезуитскимъ костеломъ, быстро разростающимся въ большой монастырь, и рѣчнымъ берегомъ по ночамъ слышались какъ будто глухіе, подземные стоны... Но ни одной явной улики не было противъ отцевъ. Народное мнѣніе успокоилось на томъ, что, молъ, мало ли о чемъ съ дуру брешутъ глупые люди...

Библиотека "Руниверс"

II.

Такъ быстро создавшійся виленскій коллегіумъ былъ роскошное зданіе, устроенное со всѣми удобствами. Здѣсь было собрано все, что только могло благопріятно дѣйствовать на воображеніе, умъ и чувства. Громадный транспортъ всевозможныхъ предметовъ прибылъ изъ Италіи: большая библіотека, коллекція прекрасныхъ картинъ и статуй, лабораторія, физическій кабинетъ, музей рѣдкостей. Все это обязательно показывалось и разъяснялось многочисленнымъ посѣтителямъ коллегіума. Свѣтлыя, высокія классныя комнаты, столовыя и дортуары сулили поступающимъ ученикамъ всевозможныя удобства и полное довольство. Серьезныя, но ласковыя лица наставниковъ, ихъ любезное, мягкое обращеніе сразу располагали къ себѣ и внушали довѣріе.

Но была и не показная половина дома, куда не допускались посѣтители. Тамъ помѣщались покои самого отца ректора и прочихъ іезуитовъ. Всѣ эти покои выходили въ садъ съ задняго фасада зданія. Высокія окна съ разноцвѣтными стеклами скрывали отъ непосвященнаго взора эти уединенныя кельи. Въ нихъ царствовала вѣчная тишина, говорившая о серьезныхъ научныхъ занятіяхъ, размышленіяхъ и молитвѣ. Однако внутренность монашескихъ покоевъ не соотвѣтствовала всѣмъ этимъ внѣшнимъ признакамъ. Здѣсь царствовала еще бо́льшая роскошь чѣмъ на лицевой сторонѣ дома. Уже прошло то время, когда первые послѣдователи Лойолы считали своимъ главнѣйшимъ долгомъ умерщвленіе плоти, строгій постъ и даже самоистязанія. Съ тѣхъ поръ нравы и привычки іезуитовъ значительно измѣнились. Человѣкъ, прошедшій школу испытаній и лишеній, и торжественно принятый въ лоно ордена получалъ разрѣшеніе на многое такое, что никакъ не допускалось ни въ одномъ изъ орденовъ монашескихъ. Іезуиты отлично поняли, что дѣло не въ постѣ и молитвѣ, не въ чистотѣ жизни, а только въ лицемѣріи. Монахи только по имени, они были искуснѣйшими дипломатами и администраторами, могущественной политической силой, охранявшей престолъ римскаго первосвященника. Ихъ труды на пользу латинства, ихъ заслуги были дѣйствительно такъ велики, что они считали себя за все это вправѣ пожить въ полное удовольствіе. Всюду, гдѣ ни устроивались они, сейчасъ же появлялась роскошь. Они любили хорошо поѣсть и выпить, держали отличныхъ поваровъ, а въ погребахъ ихъ хранились лучшія вина. Они могли удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, лишь бы это дѣлалось прилично и безъ шуму. Все допускалось безъ исключенія, недопускался только скандалъ, явное безчинство, за которое виновный подвергался строгой карѣ. Всякая тайна, все, могущее хоть сколько нибудь компрометтировать орденъ, портить его репутацію замирало и скрывалось невыходя изъ среды іезуитской. Если же находился іезуитъ, способный выдать орденскую тайну, приподнять передъ посторонними завѣсу внутренней жизни ордена—онъ немедленно подлежалъ изгнанію, а въ болѣе важныхъ случаяхъ долженъ былъ проститься даже съ жизнью. Святые отцы никогда не задумывались надъ убійствомъ если оно было въ видахъ ордена.

Виленскій коллегіумъ былъ окончательно устроенъ. Все было отлично распредѣлено, одного только недоставало — достаточнаго количества учениковъ. Православные и протестанты сначала не пускали туда дѣтей своихъ. Виленскій капитулъ запрещалъ и католикамъ отдавать дѣтей къ іезуитамъ, боясь чтобы не упало его кафедральное училище. Однако Варшевицкій и отцы — наставники не унывали. Они убѣдительно приглашали всѣхъ присутствовать на ихъ урокахъ, наглядно доказывали превосходство своего преподаванія предъ остальными школами, указывали на богатство и удобства коллегіума, проникали въ богатые дома иновѣрцевъ, неутомимо обращали въ латинство. Мало по малу коллегіумъ сталъ наполняться. Принимали всѣхъ безплатно — и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и простолюдиновъ. Только отношеніе наставниковъ къ этимъ дѣтямъ было далеко не равное...

Гулко раздался звонокъ по высокимъ, просторнымъ комнатамъ и корридорамъ коллегіума. Звонокъ этотъ извѣщалъ объ окончаніи классовъ. Десятка три мальчиковъ отъ двѣнадцати до шестнадцати-лѣтняго возраста вышли, сопровождаемые надзирателями, въ залу рекреаціи. Ученики, одѣтые въ черное, красивое и удобное платье, держали себя чинно и не заводили шалостей. Они знали, что въ это время обыкновенно коллегіумъ показывается посѣтителямъ и имъ было строго внушено вести себя примѣрно. Вечеромъ по окончаніи всѣхъ занятій, они могли дѣлать что угодно; но теперь при возможности появленія постороннихъ, они должны выказывать удивительное послушаніе и скромность. Отцы—наставники заранѣе пріучали дѣтей къ лицемѣрію и быстро достигали своихъ цѣлей.

На этотъ разъ ректоръ далъ знать надзирателямъ, чтобы они особенно позаботились о порядкѣ, такъ какъ онъ ожидаетъ посѣщенія одной знатной и очень богатой женщины, которая уже много пожертвовала въ пользу іезуитовъ, и отъ которой ожидаются еще болѣе крупныя пожертвованія.

Мальчики ходили парами по огромному залу и тихо разговаривали. Трое изъ нихъ, подъ наблюденіемъ учителя, въ сосѣдней комнатѣ собирались дѣлать копію съ только что привезенной изъ Италіи картины, изображавшей Св. семейство.

Массивныя двери, ведшія въ залу, растворились и вошелъ Варшевицкій въ сопровожденіи двухъ женщинъ и высокаго, блѣднаго іезуита, не принадлежащаго къ коллегіуму. Одна изъ посѣтительницъ была уже не молода; но сохранила еще слѣды красоты. Что то порывистое, экзальтированное замѣчалось въ ея движеніяхъ. Это была княгиня Беата Острожская. За нею слѣдовала Гальшка. Кто не видалъ красавицы впродолженіи двухъ лѣтъ непремѣнно долженъ былъ поразиться происшедшей въ ней перемѣной. Куда дѣвалась ея свѣжая юность, ея веселая, дѣтская улыбка?! Въ девятнадцать лѣтъ она казалась старше своего возраста; на блѣдныхъ, матовыхъ щекахъ лежала тѣнь неизмѣнной, сосредоточенной грусти, даже страданія. Глаза стали какъ будто еще больше, еще глубже. Она безучастно останавливала загадочный, ушедшій въ себя взоръ на окружающихъ предметахъ. Очевидно ничто не интересовало ее, ничто не нарушало печальную нить ея мыслей. Она похудѣла и какъ бы выросла. Но вся эта перемѣна нисколько не уменьшала красоты Гальшки, напротивъ—красота ея получила теперь еще высшее, поразительное обаяніе. Это была красота не ребенка, не ангела, а женщины много страдавшей и пережившей тяжелую школу...

Въ долгія безсонныя ночи до сихъ поръ все грезилась Гальшкѣ страшная сцена въ густотѣ лѣса. Какъ сейчасъ раздавались въ ушахъ ея стоны раненыхъ, звукъ мечей, дикіе крики. У самыхъ глазъ своихъ видѣла она лезвіе оружія, постоянно направляемаго Зборовскимъ въ грудь ея любимаго мужа, который, крѣпко обнявъ ее, ожесточенно защищался. Не могла забыть она его искаженнаго ужасомъ лица, его тщетныхъ усилій или убить противника, или какъ нибудь отъ него отвязаться. Что-то ужасное творилось тогда съ нею— потомъ она понять не могла какъ не умерла въ тѣ минуты, какъ не сошла съ ума... А дальше?!... воспоминанія становились все страшнѣе и невыносимѣе: она закрыла глаза, чтобъ ничего не видать больше, она кричала сама себя не помня, но никто не являлся на по-

Библиотека "Руниверс"

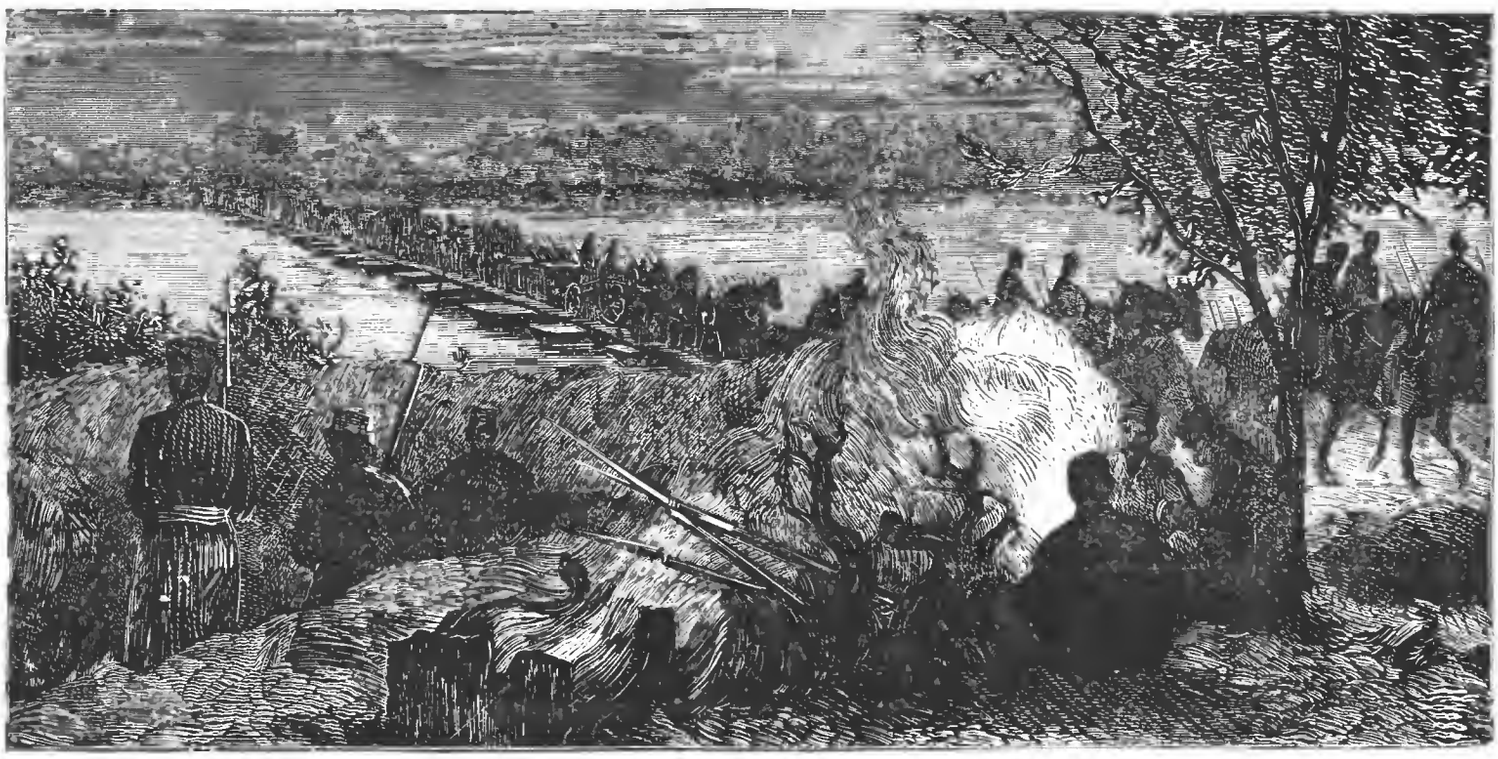
мощь. И вдругъ обнимавшая ее рука князя какъ будто дрогнула и ослабѣла. Горячая кровь брызнула ей въ лицо... Она взглянула—князь выпустилъ ее и, покачнувшись на сѣдлѣ готовъ былъ упасть. Вся голова его была въ крови... Онъ падалъ. Она хотѣла къ нему кинуться, хотѣла убить себя его кинжаломъ; но уже чьи-то сильныя, будто желѣзныя руки, обвились вокругъ ея стана. Ее схватили... она кричала и билась, хотѣла задушить себя собственными руками. Ей осторожно, но крѣпко связали руки. Дальше она ужъ ничего не помнила...

Въ ближайшемъ городѣ Зборовскаго дожидались княгиня и Антоніо. Гальшка не узнавала матери. Она бредила и стонала. Ея болѣзнь продолжалась мучительно долго. Выписанный изъ Кракова медикъ нѣмецъ только пожималъ плечами. Всякій день ожидали смерти. Княгиня дни и ночи не отходила отъ постели больной, плакала и молилась. Она просила у Бога выздоровленія дочери; но ни разу не созналась себѣ самой, ни на минуту не поняла, что сама причиной всего преображалось. Выраженіе ужаса и отчаянья смѣнялось радостью. Сухія, запекшіяся губы счастливо улыбались. Она глядѣла пристально передъ собою и протягивала впередъ свои тонкія, обезсилѣвшія руки.

— Это ты?! ты! шептала она сладкимъ ласкающимъ шепотомъ. Тебя не убили, ты живъ... я знаю, что ты живъ, что ты придешь ко мнѣ... Зачѣмъ же ты не приходилъ такъ долго? зачѣмъ ты такъ долго оставлялъ меня одну, въ этомъ ужасномъ, ледяномъ лѣсу, съ этими страшными мертвецами?!... О, еслибы ты зналъ, какъ они отвратительны... Вотъ, посмотри, посмотри, вотъ этотъ все на меня смотритъ, все смотритъ прямо въ мое сердце... какіе у него глаза! И знаешь ли—онъ не мертвецъ, онъ дьяволъ!... Спаси меня отъ него, убей его, а то онъ скоро загрызетъ меня до смерти!...

Она съ ужасомъ впивалась глазами въ Антоніо, закрывала лицо руками и, изнеможенная, упадала на подушки.

Княгиня рыдала и молилась. Антоніо опускалъ глаза. Его пальцы судорожно сжимались и разжимались.



Переходъ сербскихъ войскъ черезъ Дрину. Съ наброска нашего корреспондента, рѣзалъ Боярскій.

несчастія. Она призывала Антоніо, требовала чтобъ онъ умолилъ Бога спасти Гальшку, чтобъ онъ утѣшилъ, успокоилъ ея разрывающееся отъ горя сердце. Но Антоніо не могъ найти словъ утѣшенія. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ молча, съ блѣднымъ и страшнымъ лицомъ, и не отрываясь смотрѣлъ на мечущуюся, стонавшую и бредившую Гальшку.

Она все говорила, отрывисто и задыхаясь, о черномъ, страшномъ, безконечномъ лѣсѣ, о деревьяхъ съ косматыми, длинными руками. Ей казалось, что желѣзные когти выростаютъ на рукахъ этихъ. Страшныя руки тянутся къ ней со всѣхъ сторонъ, острые когти впиваются въ ея тѣло...

Она вскакивала дико озираясь широко раскрытыми, неестественно блестящими глазами.

— Кровь! кровь!—кричала она. Вотъ здѣсь, здѣсь, у меня на лицѣ! Это его кровь! Что они съ нимъ сдѣлали? гдѣ онъ? гдѣ онъ? Пустите меня къ нему! отдайте мнѣ его, дайте мнѣ умереть съ нимъ!...

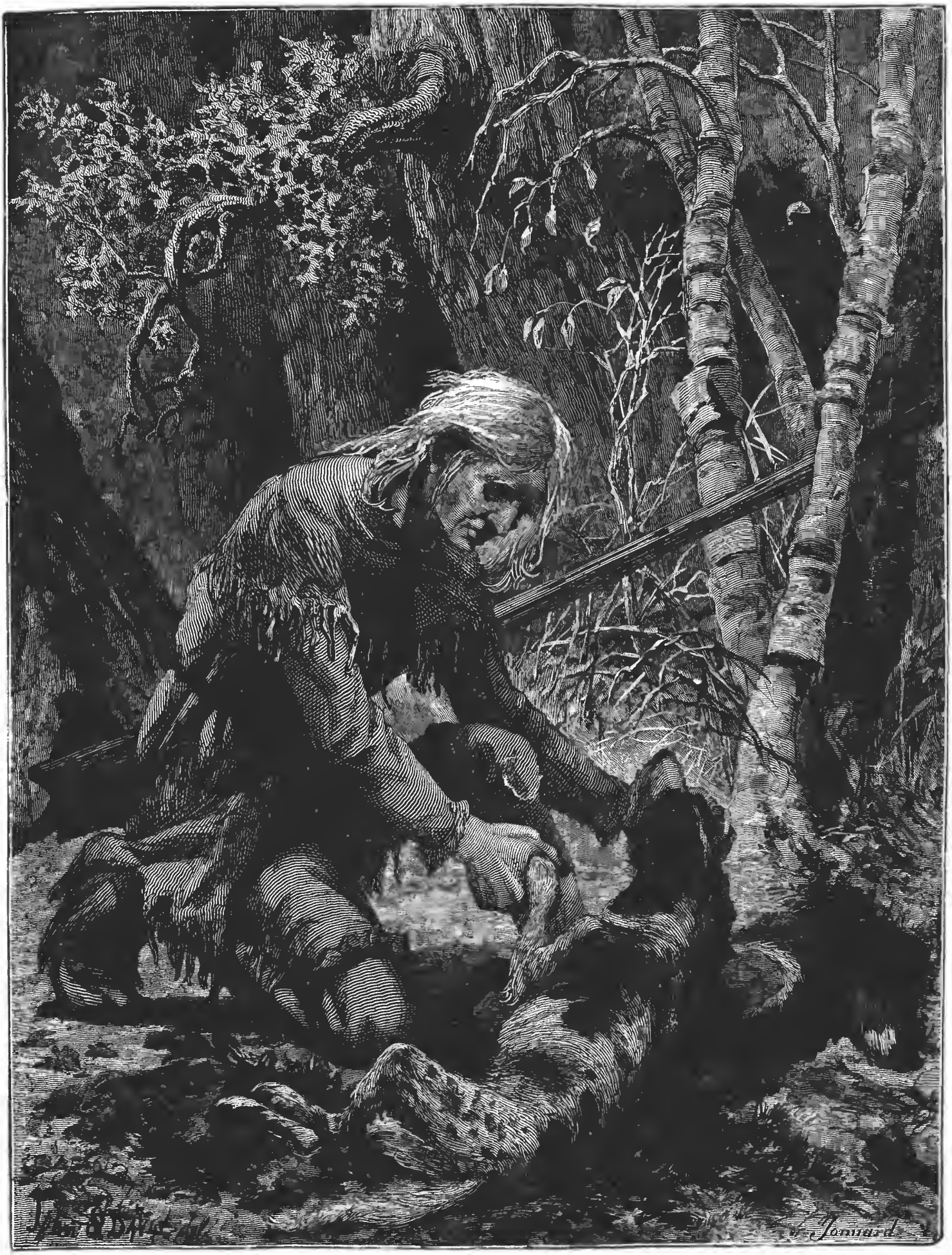
Но иногда ея горящее, осунувшееся лицо вдругъ

Капли холоднаго пота выступали на лбу его.

Гальшка снова силилась приподняться, снова манила къ себѣ кого-то. Сьова раздавался ея слабый шопотъ:

— Милый мой, милый! вѣдь ужъ теперь ты не уйдешь отъ меня? вѣдь ужъ теперь все кончено и мы навѣки съ тобою! Что это такое было? скажи мнѣ, что сонъ! О, какъ во снѣ мнѣ было тяжело и душно, какъ было страшно! Мнѣ казалось, что тебя нѣтъ со мною, что тебя убили! .. Но теперь все прошло... пойдемъ въ садъ—знаешь мою любимую яблоню—я покажу тебѣ какъ быстро на ней растутъ яблоки, они ужъ и теперь больше самаго крупнаго орѣха. Ѳедя говорилъ, что это очень вкусныя яблоки—сладкія и съ янтарнымъ наливомъ... Ѳедя добрый, славный мальчикъ, только отчего онъ все такъ печально на меня смотритъ? вѣрно у него есть какое горе — спросилъ бы ты его, онъ тебѣ скажетъ... Митя, голубчикъ мой, какъ мнѣ хорошо съ тобой... одно меня мучитъ—матушка. Но неужели она такъ и не проститъ меня?! Нѣтъ—проститъ, проститъ

Библиотека "Руниверс"



Сѣверо-Американскій охотникъ и его умирающая собака. Рис. Девисъ, рѣзалъ Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

—не можетъ быть, чтобъ она была такая злая—вѣдь я не виновата, что люблю тебя, что жизнь мнѣ безъ тебя хуже самой смерти... А знаешь что?! — я видѣла нынче во снѣ отца Антоніо, и будто онъ такой блѣдный, блѣдный и страшный, еще страшнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Будто онъ подходитъ ко мнѣ, а глаза у него горятъ какъ огонь, и будто говоритъ, что мать моя отдала ему мою душу, что онъ не монахъ, а самъ дьяволъ ..

(Продолженіе будетъ).

На перевязочномъ пунктѣ.

(Изъ походныхъ записокъ).

Кононада слышалась все сильнѣе и сильнѣе.

Я вышелъ изъ барака, который можно было скорѣе назвать землянкою, потому что надъ поверхностью земли возвышалась только одна конусообразная крыша строенія, и сѣлъ на лошадь.

Утро было ясное, прохладное. Джуниссскіе холмы отчетливою волнистою линіею рисовались на голубомъ небѣ—холмы эти, покрытые сплошь дубовымъ лѣсомъ и кустарникомъ, тянулись съ сѣвера на югъ, паралельно Моравѣ, и на самомъ высокомъ изъ нихъ виднѣлись прямыя очертанія недоконченнаго еще редута, господствовавшаго надъ всею остальною мѣстностью; за этими холмами возвышался второй хребетъ горъ, надъ гребнемъ котораго неслись легкіе облачка, окрашенныя розоватыми лучами восходящаго солнца.

Долина Моравы, съ извилистою, серебристою лентою рѣки, обрамленной зелеными берегами, съ зеленѣющими лѣсками и садами, съ множествомъ бѣленькихъ, крытыхъ черепицею домиковъ, пріютившихся въ массахъ зелени, съ ярко желтыми плантаціями созрѣвшей и давно уже готовой къ жатвѣ кукурузы—раскидывалась передъ глазами роскошнымъ пейзажемъ, дышащимъ довольствомъ и миромъ. Всматриваясь пристально, особенно съ помощью превосходнаго бинокля, во все, что творилось въ этой, повидимому мирной мѣстности, можно было легко замѣтить, что въ характерѣ движенія и жизни этой долины не было ничего, что напоминало бы вамъ миръ, напротивъ—все дышало войною, все носило на себѣ самый боевой характеръ. По дорогамъ тянулись конные и пѣшіе отряды войска, рыскали одинокія всадники, медленно катились повозки съ крытымъ верхомъ, дымились бивуачные костры, словно изгороди виднѣлись тамъ и сямъ рогатые ряды ружейныхъ козелъ...

Надъ гребнемъ Джуниссскихъ холмовъ поминутно поднимались бѣлые клубы дыма и словно облачка неслись по вѣтру—это были пушечные выстрѣлы съ турецкихъ батарей — самыхъ батарей не было видно, ихъ заслоняли склоны холмовъ, за которыми и происходило сраженіе. Эти холмы, что были пониже, скоро сплошь покрылись клубами пороховаго дыма, звуки отдѣльныхъ выстрѣловъ слились въ сплошной гулъ, расходящійся по всѣмъ окружающимъ горамъ глухими перекатами; болѣе возвышенный холмъ, тотъ что виднѣлся правѣе, былъ молчаливѣе: онъ отвѣчалъ на грохотъ турецкой батареи рѣдкими выстрѣлами, ясно и отчетливо доносившимися до слуха, это уже такая манера сербскихъ артиллеристовъ: отвѣчать рѣдко да мѣтко. Сербы артиллеристы терпѣливо выжидаютъ удачнаго момента для выстрѣла, тщательно наводятъ свои орудія и выпускаютъ снарядъ только тогда, когда убѣждены въ хорошемъ результатѣ его дѣйствія.

Положивъ въ карманъ свою записную книжку и маленькій походный альбомъ, осмотрѣвъ на всякій случай оружіе, я тронулъ шпорами свою лошадку и рысцею поѣхалъ по шоссированной дорогѣ, ведущей въ Рожанъ.

Лагерь въ Делиградѣ замѣтно опустѣлъ, только у кофаны, довольно большого каменнаго строенія—съ дворикомъ, обращеннымъ въ настоящее время въ лазаретъ и аптеку, стояло множество *колъ* (повозокъ), запряженныхъ волами и лошадьми. Эти таборы тянулись почти сплошь, версты на двѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги, и тутъ же виднѣлись и вьючныя лошади, уныло повѣсившія головы; усталыя, полузаморенныя животныя давно уже были подъ своими тяжелыми сѣдлами, давно уже не знали покоя и отдыха, какъ и ихъ владѣльцы, въ фескахъ и большихъ круглыхъ бараньихъ шапкахъ, сидящіе вокругъ огонька, или въ тѣни одинокаго дерева, или просто пріютившись подъ тѣнь повозки. . Больше всего виднѣлось ихъ у тріумфальной арки, воздвигнутой ради ожидаемаго пріѣзда *короля* Милана, при въѣздѣ въ Делиградскій лагерь. Эта арка построена была недѣли три тому назадъ: дубовыя вѣтви, украшавшія ее и гирлянды, давно уже успѣли поблекнуть и потерять свой темнозеленый цвѣтъ, пожелтѣлая, запыленная высилась она довольно безобразною на видъ грэмадою, а остроконечныя, полинялыя отъ дождя и солнца тряпки, когда-то бывшіе яркіе флаги, вѣнчающіе это сооруженіе, придавали ему еще болѣе идеальный видъ, не мѣшавшій, впрочемъ, воронамъ пользоваться древкомъ и флагами, какъ удобными позиціями, а *комарамъ* обозникамъ пользоваться внизу роскошною тѣнью, отбрасываемою на всю ширину ярко блестѣвшей на солнцѣ шоссейной дороги.

Проѣхавъ подъ этою аркою я свернулъ влѣво. Дорога стала уже извиваться по гребню довольно крутого ската въ долину Моравы. Скоро я подъѣхалъ къ пологому спуску, свернулъ еще лѣвѣе и полною рысью поѣхалъ по мягкой, пыльной тропинкѣ, проложенной напрямикъ къ новому понтонному мосту черезъ рѣку.

Здѣсь были заложены небольшіе ложементы, неглубокіе ровики для стрѣлковъ, а на площадкѣ бивакировалъ сербскій батальонъ, оберегающій переправу.

Солдаты занимались кто стиркою бѣлья на отмели рѣки, кто варкою около костровъ, мѣстами виднѣлись группы, покойно разговаривающіе и покуривающіе свои трубочки—бой, повидимому, занималъ ихъ очень мало—ибо въ разговорахъ прорывались и доносились до слуха самые обыденные фразы, относящіяся къ дому, къ хозяйству и т. п., непимѣющему ничего общаго съ текущими событіями—что дѣлать—сила привычки. Вѣдь вотъ уже четвертый мѣсяцъ какъ они оторваны отъ семьи и своихъ домовъ, четвертый мѣсяцъ, какъ чуть не ежедневно слышатъ они и гулъ пушекъ и трескотню ружейной перестрѣлки,—все это уже успѣло порядочно наскучить, и то, что оставлено тамъ, въ ихъ домахъ и семьяхъ, представляетъ для нихъ гораздо больше живого, заманчиваго интереса.

Шагомъ проѣхалъ я по зыбкому, скрипучему мосту; моя лошадь осторожно переступала по легкой настилкѣ, боязливо настороживъ свои уши. За мостомъ мнѣ указали тропинку, ведущую прямо къ позиціямъ, слѣдуя которой я могъ почти на часъ сократить разстояніе, отдѣлявшее мостъ отъ мѣста боя. Тутъ же обязательный сербскій офицеръ сообщилъ мнѣ, что бой начатъ самими сербами, которые что-то, зачѣмъ-то хотятъ отнять у турокъ, куда-то не пустить турокъ, предупредить ихъ, или что-то въ этомъ родѣ. Офицеръ положительно не зналъ обстоятельствъ и плана задуманнаго дѣла и говорилъ по догадкамъ и своимъ собственнымъ предположеніямъ.

— Дерутся ва Кревегѣ, сообщилъ онъ мнѣ въ концѣ своей рѣчи, а Кревегъ—это вотъ тамъ!..

И онъ мнѣ, протянувъ руку, указалъ на пологую сѣдловину, отдѣлявшую гору, занятую сербами, отъ передовыхъ турецкихъ позицій.

Я поблагодарилъ офицера за указаніе и поѣхалъ дальше.

Скоро я попалъ между двумя задворками смѣжныхъ *кучъ* (домовъ), подъ тѣнью грушевыхъ деревъ лежали распряженныя волы, стояла телѣга, на которую поспѣшно укладывали разныя мѣшки и сундуки—хозяева жилищъ очевидно спѣшили убраться по добру по здорову заблаговременно и увезти, спасти отъ турецкихъ баши-бузуковъ хотя часть своего имущества. Въ сторонѣ отъ дороги, за новою изгородью, торопливо убирали кукурузу и складывали тоже на возы: растерявшіяся, всполошившіяся до нельзя куры и разная домашняя живность сновали съ крикомъ по всевозможнымъ направленіямъ, путаясь между ногами. Тревога начала уже охватывать мирное населеніе этой долины, а за тревогою и неизбѣжная паника... Вдали изъ-за кудрявыхъ вершинъ дубовой рощицы поднимался къ небу густой столбъ тяжелаго дыма... самаго пламени впрочемъ не было видно.

— Это проклятые запалили Маркову кучу, кричала всхлипывая и вытирая глаза рукавомъ шитой рубахи черноглазая, черноволосая сербка, тащившая за руку дѣвочку лѣтъ четырехъ, а другой ребенокъ ея сидѣлъ у ней за спиною, подхваченный шейнымъ платкомъ, уцѣпившійся ручонками за шею матери. Старый сербъ съ сѣдыми усами, съ длиннымъ допотопнымъ ружьемъ въ рукахъ, стоялъ прислонившись къ возу и слушалъ, что кричалъ ему мальчикъ, забравшійся на конекъ черепичной крыши...

И много еще видѣлъ я подобныхъ тревожныхъ, наводящихъ на самое тяжелое раздумье сценъ, пока не выбрался къ подножью склоновъ Джуниссскаго холма, пока не выбрался изъ густо населенной, обстроенной полосы Моравской долины.

Здѣсь мнѣ пересѣкла дорогу небольшая группа пѣхотинцевъ, человѣкъ пятнадцать не болѣе—нѣкоторые изъ нихъ были въ синихъ сербскихъ курткахъ и въ такихъ же шапочкахъ, нѣкоторые въ длиннополыхъ полукафтанахъ, одинъ или два даже въ знакомыхъ красныхъ кумачевыхъ рубахахъ русскаго покроя, въ родныхъ косоворотахъ, большинство было съ бородами и по типу лицъ легко было узнать въ нихъ земляковъ, добровольцевъ—русская рѣчь, отрывочные фразы, брошенныя на бѣгу, подтверждали эту догадку.

— Куда, братцы? спросилъ я.

— А вотъ, туда въ кусты... Тамъ баши-бузуки прорвались и деревни жгутъ—турнуть ихъ оттуда хорошенько!

И это горсть людей, не справляясь о числѣ врага, быстро, то шагомъ, то въ подбѣжку — прошла *турнуть* баши-бузуковъ,

Библиотека "Руниверс"

самыхъ ненавистныхъ враговъ, одинъ видъ которыхъ способенъ взбудоражить всю кровь добровольца, привести его въ ярость, за которою немыслима никакая пощада, никакая уступка.

Однако бой все разгорался и разгорался—дробные перекаты ружейной пальбы показывали, что враги сходились уже на болѣе близкое разстояніе—поминутно въ лѣсу слышался трескъ лопавшихся гранатъ и шрапнелей... Тропинка поднималась въ гору крутыми зигзагами, между деревьями въ пожелтѣвшихъ уже дубовыхъ кустарникахъ чаще и чаще замелькали синія шинели и блузы сербскихъ пѣхотинцевъ. На лицахъ всѣхъ встрѣчныхъ отражалась какая-то сдержанность, сосредоточенность, ожиданіе чего-то, Богъ вѣсть, худого или добраго.

Скоро я выѣхалъ къ маленькой зорной батареѣ, совершенно замаскированной засѣками и грудами дубовыхъ вѣтвей отъ глазъ турокъ. Крохотныя пушки этой батареи молчали, прислуга сидѣла въ рвикахъ и ямахъ, укрываясь отъ могущихъ долетать сюда турецкихъ гранатъ. Разстояніе между этою батареею и турками было настолько еще велико, что выстрѣлы отсюда не могли бы достигать до цѣли, а потому артиллеристы и выжидаютъ покойно очереди, когда и имъ придется вступить въ *пушечную перебранку*—какъ здѣсь называютъ канонаду.

На батареѣ я слезъ съ лошади, чтобы осмотрѣться и дать отдохнуть своему гнѣдку, порядкомъ таки уставшему отъ длинной и трудной дороги, особенно отъ крутого и продолжительнаго подъема на гору.

Было уже уже далеко за полдень, когда я, набросавъ что было интереснаго въ свой альбомъ, тронулся дальше.., Проѣхавъ съ версту, я долженъ былъ остановиться и прижавшись въ сторону—пропустить мимо себя печальную процессію. На носилкахъ, на ружьяхъ, просто на рукахъ, а то и волокомъ на дубовыхъ вѣтвяхъ несли и тащили раненыхъ. Блѣдныя, искаженныя страданіями лица несомыхъ, строгія, суровыя лица несущихъ—окровавленное тряпье одежды, лужи крови на размокшей глинистой тропинкѣ—стоны, тонкіе, замирающіе, то рѣзкія болѣзненныя вскрикиванія—все это вмѣстѣ потрясало душу, разстроивало нервы, производило невыносимо тяжелое впечатлѣніе...

Я услышалъ свое имя и вздрогнулъ...

Вотъ съ носилокъ медленно приподнялась какая то фигура: я съ трудомъ могъ узнать въ этой забрызганной кровью и грязью—фигурѣ знакомаго русскаго офицера. Вопросъ замеръ у меня на губахъ.

— Плохо! простоналъ раненый... кажется кончу компанію.

— Куда?...

— Въ животъ... въ ногу... незнаю... Охъ какъ больно...

Несчастный заметался на своихъ носилкахъ и заскрипѣлъ судорожно стиснутыми губами...

— Выручай... братцы... заходи справа... навались...! бормоталъ другой раненый, очевидно въ бреду, безсознательно.

— Убитыхъ и тѣхъ даже выволокли... не надъ чѣмъ будетъ *имъ* теперь издевку творить—довольно весело разсказывалъ какой то бѣлокурый парень въ полушубкѣ поверхъ рукава котораго повязана была широкая бѣлая тѣсьма съ нашитымъ на ней краснымъ четвероконечнымъ крестомъ...

— Эхъ не поддержали насъ! а то бы мы лихо отработали эту сволочь — говорилъ совершенно покойно одинъ изъ раненыхъ сѣдой ундеръ съ георгіевскимъ крестомъ на синей сербской шинели—мы бы *имъ* задали... Полегче братцы, обращался онъ къ его носильщикамъ—ровной иди—въ ногу! разъ, два, разъ, два!..

— Коли я помру, землякъ, а ты, дастъ Богъ, вернешься... скажи ты Прасковьѣ Васильевнѣ...

— Ладно ничего, выживешь...

— Ой ой ой, маты моя, маты родная!... кричалъ и метался сербъ, хватаясь безпрестанно за свою безжизнено мотавшуюся, свѣшившуюся съ носилокъ окровавленную ногу.

— Не ори! чего надрываешься, душу воротишь! слышался озлобленный попрекъ.

— Въ ногу, въ ногу!... разъ, два, разъ, два!...

Я повернулъ коня и медленно поплелся шагомъ въ хвостѣ печальной процессіи.

Долго ѣхалъ я такимъ образомъ.

Гулъ выстрѣловъ, стонъ доносится все тише и тише—по временамъ онъ совсѣмъ даже замолкалъ — тѣни въ лѣсу удлинились, мѣстами сливаясь въ сплошной мракъ. Тамъ и сямъ замигало красное зарево костровъ, освѣщая нижніе вѣтви развѣсистыхъ деревьевъ.

На скатѣ горы, въ лощинѣ виднѣлись палатки, повозки, волы, лошади, множество народу на длинной жерди, подвязанный къ дубу наискось висѣлъ флагъ съ краснымъ крестомъ, обозначавшій назначеніе этого мѣста.

Процессія прибыла наконецъ на перевязочный пунктъ, передовой, расположенный почти у самыхъ боевыхъ позицій у подножья главнаго Джунисскаго холма.

Группа докторовъ и носильщиковъ, стоя у откинутой входной рогатки, встрѣтила новоприбывшихъ паціентовъ.

— Сколько? послышался лаконическій, многозначительный хотя и совершенно обычный вопросъ.

— А кто его знаетъ! довольно!... за сегодняшній день тысячи полторы извели народу... что то завтра будетъ!...

Результаты боя, какъ оказалось впослѣдствіи, на этотъ разъ были для сербовъ не совсѣмъ удачны.

Н. Каразинъ.

Разинскій бунтъ.

(Окончаніе).

4-го сентября вольница сидѣла уже на стругахъ и плыла на Донъ. Воевода астраханскій выхлопоталъ Стенькѣ прощеніе, принявъ во вниманіе многія обстоятельства: ту значительную и страшную силу, которая была на сторонѣ казаковъ и пригодность персидскихъ погромовъ для славы не бывшаго въ ладу съ Персіей государствъ.

Въ Царицынѣ Стенька учинилъ самовольную расправу надъ воеводой Унковскимъ, Унковскій заперся въ избѣ, дверь въ которую казаки стали выбивать бревнами. Воевода выскочилъ въ окно и чуть не сломалъ ноги. Стенька долго искалъ его, но не могъ найти и оставилъ Царицынъ, наведя страхъ на жителей, боявшихся что онъ исполнитъ обѣщаніе—перебить всѣхъ приказныхъ людей и пустить *краснаго пѣтуха*.

На перешейкѣ, между Волгой и подходящимъ къ ней Дономъ, Стенька поставилъ городокъ Кагальникъ, нарылъ землянокъ и привлекъ къ себѣ много бродячаго люду. Съ нимъ было теперь около 3,000. Подчиненнымъ нравилось, что атаманъ щедро ихъ всѣхъ надѣляетъ, а самъ живетъ въ такой же сырой землянкѣ, какъ и всѣ. Фролка тоже прибѣжалъ изъ Черкасска въ Стенькинъ городокъ.

Дѣйствіями Прозоровскаго правительство осталось не довольно: Стеньку надо было заманить въ ловушку обѣщаніями и строго наказать: милостивая грамота послана была для виду. Въ Москвѣ хотѣли разузнать, что затѣваютъ разницы и съ этой цѣлью послали на Донъ съ царской грамотой Евдокимова. Стенька какъ-то угадалъ, зачѣмъ явился посланецъ изъ Москвы и прибылъ съ своей шайкой прямо въ Черкасскъ, зная, что донской атаманъ (Корнило Яковлевъ) собирается посылать свою станицу съ отвѣтомъ великому государю.

Въ маѣ мѣсяцѣ пустились внизъ по Волгѣ къ Царицыну. Попавшійся на встрѣчу Васька Усъ сдѣланъ былъ есауломъ. Напуганные жители Царицына впустили Стеньку; воевода съ небольшимъ числомъ преданныхъ людей сталъ защищаться, въ башнѣ Воеводою былъ не Унковскій, а Тургеневъ. Башню взяли приступомъ, а воеводу утопили.

Плывшіе внизъ стрѣльцы, которыхъ московское правительство послало для защиты низовья отъ казацкихъ погромовъ, были разбиты Стенькой на голову. Въ теченіи мѣсячнаго пребыванія въ Царицынѣ, онъ ввелъ въ городѣ казацкое устройство и вмѣсто воеводы посадилъ городового атамана. Къ народу были разосланы письма зажигательнаго содержанія; былъ взятъ Камышинъ.

Изъ Астрахани послали противъ Стеньки военную силу въ 3,000. Стенька съ десятью тысячами двинулся на встрѣчу высланному воеводѣ (С. И Львову). Въ войскѣ послѣдняго случилась измѣна: всѣ передались Разину, и строгие разсказами его посланцевъ.

Всесильнаго атамана, бывшаго нѣсколько мѣсяцевъ простымъ *голутвеннымъ* казакомъ, ждали въ Астрахани со страхомъ, Городъ находился въ невыгодномъ положеніи: за дальностью разстоянія отъ Москвы нельзя было ждать и помощи, а на стрѣльцовъ была плохая надежда.

Въ лѣто, 1670 года, въ Астрахани происходили необычныя явленія, по понятіямъ того времени, не предвѣщавшія ничего хорошаго: шли сильные дожди съ градомъ, на небѣ переливались огненные столбы, земля колебалась и проч. Все это еще болѣе усиливало тревогу жителей.

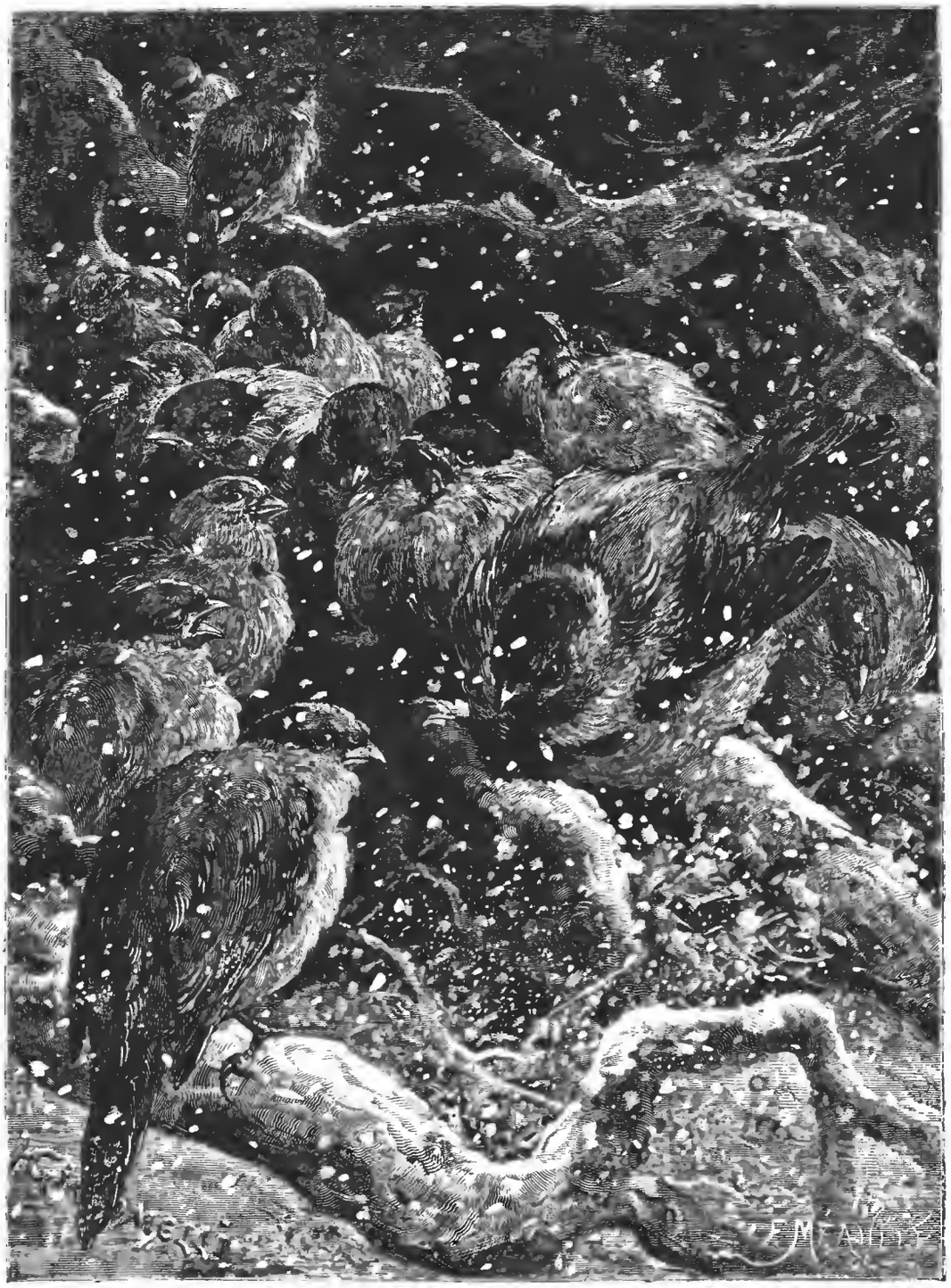
18-го іюня 1670 года воевода Прозоровскій и митрополитъ Іосифъ были извѣщены, что Стенька недалеко. Митрополитъ обошелъ съ образами городскія стѣны, а воевода велѣлъ всѣ ворота заложить кирпичемъ, осмотрѣлъ пушки, стражу, приказалъ готовить камни для бросанья въ осаждающихъ и кипятокъ для ихъ ошпариванья. Черезъ два дня послѣ этого казаки уже стояли подъ стѣнами Астрахани и подтаскивали къ нимъ свои длинныя, осадныя лѣстницы. О приходѣ Стеньки дали знать жителямъ церковные колокола.

Въ то время, какъ воевода сосредоточилъ всѣ силы у Вознесенскихъ воротъ, думая, что осада будетъ производиться отсюда, Стенька съ товарищами свободно перелѣзалъ черезъ стѣну какъ разъ на противоположномъ концѣ города. Надъ Астраханью раскатилось пять пушечныхъ выстрѣловъ: городъ сдался. Раненый Прозоровскій отнесенъ былъ въ соборъ и положенъ на коверъ. Въ кровавой свалкѣ не различали ни пола ни возраста; искали спасенія въ соборѣ; но ни

Библиотека "Руниверс"

что не могло спасти ихъ отъ звѣрства побѣдителей. Казаки ворвались въ соборъ, сломавъ желѣзную рѣшетку запиравшую входъ, вытащили полумертваго воеводу и положили подъ соборной колокольней, затѣмъ, вытащивъ и остальныхъ, стали дожидаться своего атамана: онъ долженъ былъ судить, рѣшить участь этихъ несчастныхъ.

«Всѣ дѣла у государя въ Москвѣ такъ же сожгу!» говорилъ Стенька, сжигая на площади ненавистный приказный архивъ: онъ не любилъ все писанное. Эта была казнь надъ дѣловыми бумагами. Въ Астрахани тѣмъ временемъ стрѣльцы и сами жители грабили лавки, церкви, дома... Все награбленное дѣлили между собой: дуванили.



Зимой. Рис. Жіакомелли, грав. Молэ.

Первый подвергшійся Стенькиной расправѣ былъ Прозоровскій. Стенька вывелъ его за руку на колокольню и столкнулъ оттуда, сказавъ передъ этимъ что-то на ухо, на что воевода отрицательно покачалъ головой. Остальныхъ присужденныхъ къ смерти (около 500 человѣкъ) велѣно изрубить. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ Прозоровскимъ зарыли въ общей ямѣ.

Стенька пробылъ въ городѣ три недѣли и кутилъ также какъ въ первый пріѣздъ. Казаки совершали неслыханныя неистовства; тотъ, кто какимъ-либо словомъ перечилъ ихъ буйному произволу, кидался въ воду, подвергался всевозможнымъ пыткамъ. Едва ли не послѣдними жертвами гнѣва Стеньки были сыновья Прозоровскаго, которыхъ онъ призвалъ и допра-

Библиотека "Руниверс"

Перевязочный пунктъ на Джуликской позиціи. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Каразинъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

шивалъ наечетъ сборовъ, говоря, что они утаили у себя деньги. Ихъ повѣсили за ноги: старшій умеръ, а младшій (8 лѣтъ) остался живъ.

Изъ Астрахани, въ которой оставленъ былъ атаманомъ Васька Усъ, Стенька двинулся на 200 судахъ, съ десятитысячнымъ войскомъ. Конница ѣхала берегомъ. Города стоявшіе на дорогѣ: Саратовъ и Самара потерпѣли одну участь съ Астраханью. Всѣ жители ихъ были обращены въ казачество, а дворяне съ приказными перебиты.

Разинскій бунтъ принималъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Стенька былъ близко отъ цѣли: въ Москвѣ уже ходили его *«прелестныя письма»*, народъ начиналъ волноваться. Въ столицѣ московскаго царства шелъ грабежъ, богатыхъ людей обирали на улицахъ среди дня. Памятны были народу Стенькины слова: «я не хочу быть царемъ, хочу жить съ вами какъ братъ». Зная, однако, какъ русскій народъ любитъ царя, Стенька себя выставлялъ какъ защитника царскихъ интересовъ, распустивъ слухъ, что съ нимъ ѣдетъ царевичъ Алексѣй, противъ котораго, будто-бы, злоумышляли въ Москвѣ бояре. «Иду возводить царевича на престолъ московскій!» говорилъ Стенька. Всѣ горючіе элементы, входившіе въ составъ русскаго государства, зажегъ Стенька: старообрядцевъ, язычниковъ-инородцевъ, татаръ, холоповъ. Все это двинулось.

Разинцы разсчитывали на помощь крымскаго хана и персидскаго шаха... но одна неудача сгубила Стенькино дѣло.

5-го сентября разинцы стали подъ Симбирскомъ. Жители впустили ихъ въ посадъ, а воевода Ив. Милославскій засѣлъ въ нагорномъ Кремлѣ и рѣшилъ выдерживать осаду. Около мѣсяца Стенька стоялъ подъ Симбирскомъ и не могъ его взять. Городъ, поставленный долгой осадой въ очень затруднительное положеніе, получилъ, наконецъ, помощь изъ Казани: пришелъ съ свѣжимъ войскомъ Юрій Барятинскій, который далъ Стенькѣ битву и разбилъ его на берегу Свіяги. Атаманъ дрался отчаянно: ему прострѣлили ногу и нѣкто Степановъ повалилъ Стеньку въ рукопашной схваткѣ, но былъ убитъ подоспѣвшимъ на помощь разинцемъ. Пришлось отпустить.

На другой день былъ второй тоже неудачный приступъ къ Симбирску. Стенька, потерявъ, на этотъ разъ, вѣру, въ свое счастье, обманулъ нестройную толпу набѣжавшихъ крестьянъ и посадскихъ: сѣлъ съ донцами на лодки и уплылъ внизъ. Все это онъ продѣлалъ тайкомъ, ночью. Положеніе оставленныхъ было ужасно: тысячи безоружнаго люда кинулись къ лодкамъ, которыхъ осталось у берега очень не много, толкали, топили другъ друга... Барятинскій выслалъ ратныхъ людей добивать остатки возмутившейся черни. Уцѣлѣвшихъ казнили. Весь берегъ около Симбирска усѣялся длинными рядами висѣлицъ, на которыхъ качались обезображенные трупы разинцевъ...

О Стенькѣ осталась память въ Симбирскѣ: прострѣленный имъ во время церковной процессіи крестъ хранится до сихъ поръ въ соборѣ. Бѣжавшіе изъ подъ Симбирска разинцы сложили невеселую пѣсню, которая ясно указываетъ на неудачи постигшія Стеньку послѣ роковой осады.

Вы лѣса мои лѣса, братцы, лѣсочки, лѣса темные!
Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые!
Вы станы ли мои, вы мои братцы, станочки всѣ поразорены
Какъ и всѣ мои, братцы, лѣсочки всѣ порублены,
Какъ и всѣ то мои, братцы, кусточки всѣ повыжжены,
Какъ и всѣ то мои братцы товарищи, всѣ половлены!
Не поймалъ изъ насъ, братцы, товарищъ нашъ Стенька
Разинъ сынъ и т. д.

Неизвѣстно, чтобы было если бы Разинъ взялъ Симбирскъ, но по всей вѣроятности, тогда бы мятежъ охватилъ всю Русь, потому что и теперь уже востокъ ея волновался поголовно. Возстали инородцы, всѣ помѣщичьи крестьяне; мирное населеніе старалось раздражить и поднять поджогами, всякими средствами. Разсчитывали такъ, что кто голоденъ и погорѣлъ, тотъ пристанетъ къ Разину. Въ Алатырскомъ уѣздѣ скопилось до 15,000 бунтовщиковъ, возстали жители села Лыскова, стала подниматься Нижегородская земля. Разбойники бродившіе по ней шайками осаждали Макарьевскій монастырь, разогнали тамошнихъ монаховъ; ходили подъ Нижній и пробовали, но безуспѣшно взять его приступомъ. Нынѣшнія: Симбирская, Пензенская, Тамбовская губерніи были охвачены мятежемъ. Какой-то попъ Савва и старица Алена, переодѣтая мужчиной, ходили по Темниковскому уѣзду, возмущали крестьянъ. Города переходили въ руки разинцевъ также легко, какъ и отходили. Симбирская неудача подорвала главную силу: поколебала увѣренность бунтовщиковъ въ свою мощь. Правительственныя войска съ успѣхомъ отбивали назадъ оказаченные города: Пензу, Саранскъ, Корсунь и проч.

Въ Арзамасѣ шла главная расправа съ бунтовщиками. Въ Арзамасѣ казнено было около 11,000 человѣкъ разинцевъ.

Въ южной Руси возстаніе не имѣло той силы, какъ въ средней. Разинское возстаніе отразилось и на сѣверѣ, но было скоро подавлено. Народъ ждалъ только, что вотъ явится опять Стенька. Но Стенька медлилъ: онъ бѣжалъ на Донъ и собирался съ силами. Іосифъ проклялъ его на первой недѣлѣ поста.

Стенька, вернувшійся на Донъ, потерялъ уже прежнее обаяніе въ глазахъ своихъ товарищей — казаковъ. Корнило Яковлевъ успѣлъ нерасположить донцевъ къ потерпѣвшему неудачу атаману. Угрозъ послѣдняго, разорить Черкасскъ, теперь уже не боялись, и Разинъ удалился въ свой городокъ, продолжая сзывать къ себѣ народъ. Весной на него напали донцы и взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ Фролкой, а каталькикъ разорили.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Стенька былъ взятъ какимъ-то обманомъ; народъ, считающій его за колдуна, винитъ въ этомъ дѣлѣ «астраханскую дѣвку Машку», которая,

«Стеньку Разина прельщала,
Стеньку Разина прельстила,
Къ себѣ въ гости заманила,
За убранъ столъ посадила
И до пьяна напоила
. . . . . .
И начальству объявила.

Стенька, по понятію народа, слово такое зналъ, что его и пуля не брала. Послѣ симбирской осады слово это отошло отъ Стеньки, а съ нимъ—и удача. Ну, и взяли его живого.

Братьевъ привезли въ Черкасскъ, гдѣ Стенька высидѣлъ нѣсколько дней на цѣпи, въ церковномъ притворѣ: все боялись, что онъ убѣжитъ съ помощью какой нибудь нечистой чародѣйской силы. Но Стенька не убѣжалъ, Фролка тоже. Ихъ повелъ въ Москву самъ Корнило Яковлевъ.

Тихій Фролка унывалъ, говорилъ брату, что онъ во всемъ виноватъ; Стенька, какъ-бы въ утѣшеніе, замѣчалъ ему, что бѣды никакой нѣтъ а въ Москвѣ примутъ ихъ обоихъ почестно. До Москвы Разинъ ѣхалъ въ своемъ богатомъ атаманскомъ нарядѣ; недоѣзжая до столицы нѣсколько верстъ, Стеньку одѣли въ лохмотья. Народъ повалилъ ему на встрѣчу, но уже не столько изъ сочувствія, сколько изъ любопытства.

Въ первыхъ числахъ іюня 1670 года въ Москву выѣзжала большая телѣга съ укрѣпленной на ней висѣлицей. Къ перекладинѣ, послѣдней, былъ за шею привязанъ Стенька, руки и ноги—прикованы къ телѣгѣ. Сзади бѣжалъ, привязанный на цѣпь, какъ собака, Фролка.

Равнодушно смотрѣлъ Стенька на то, что творилось кругомъ, глаза его были опущены. Въ земскомъ приказѣ стали допрашивать и пытать—Стенька молчалъ. Пытка не вызвала у него ни одного восклицанія, не смотря на всѣ свои ужасы. Начали съ того, что стали бить толстой ременной полосой въ палецъ толщины и пять локтей (2½ арш.) длины; встряхивали тѣло на дыбѣ, причемъ, попеременно, связаны были то руки, то ноги. Палачъ ѣздился на связки и вывихивалъ суставы, другой его товарищъ полосовалъ спину Стеньки кнутомъ. Послѣ сотни такихъ ударовъ никто не слыхалъ ни одного стона. Не произвели надлежащаго дѣйствія и горячіе уголья съ раскаленнымъ желѣзомъ, которымъ водили по обнаженному тѣлу. Ни одинъ мускулъ въ лицѣ не дрогнулъ у Стеньки.

Стали пытать Фролку, тотъ закричалъ послѣ перваго удара.

— Баба! сказалъ ему Стенька—вспомни былое: у насъ подъ началомъ были тысячи. Терпи! Развѣ больно? Словно баба иглой ткнула!..

Пытавшіе вернулись къ оставленному на время въ покоѣ атаману. Стенькѣ обрили макушку и стали по каплѣ лить на нее холодную воду; но онъ выдержалъ и это мученье. Такое геройское терпѣніе озлобило палачей, и они стали окровавленное, покрытое пузырями тѣло Стеньки бить палками. Стенька упорно молчалъ и во все время пытокъ отъ него не могли добиться никакихъ отвѣтовъ.

6-го іюня должна была совершиться казнь. Братьевъ Разиныхъ вывели на лобное мѣсто и при громадномъ стеченіи народа, прочли приговоръ. «Простите», сказалъ Стенька, перекрестясь на церковь Василія Блаженнаго и обратившись къ толпѣ. Стеньку положили между двухъ досокъ и начали четвертовать. Палачъ отсѣкъ сначала правую руку, потомъ лѣвую ногу—рубили крестъ на крестъ. Стенька не подалъ и вида, что ему больно. Фролка, видя мученія брата, испугался и крикнулъ, что знаетъ «слово и дѣло государево».

— «Молчи, собака!» были послѣднія слова Стеньки. Ему отрубили голову, туловище изрубили и вмѣстѣ съ головой насажали на колья, внутренности кинули собакамъ.—Фролка умеръ въ заточеніи.

Казаки присягнули въ вѣрности Москвѣ и выразили желаніе идти усмирять воровскихъ людей въ Астрахани.

Городъ этотъ оставался во власти у вольницы: атаманомъ былъ Усъ. Этого крайне жестокаго человѣка Іосифъ старался всѣми способами склонить къ повинной. Митрополита казаки не взлюбили за это и стали оговаривать передъ атаманомъ. Онъ, говорили они, сносится съ нашими недругами, переписывается съ ними (складываетъ какія то грамоты), хочетъ насъ боярамъ выдать. Въ добавокъ митрополитъ не всегда былъ сдержанъ и разъ, говоритъ народное преданіе, сказалъ Васькѣ Усу слѣдующее: «Надо тебѣ покаяться: вонъ у тебя на головѣ шапка- царскій подарокъ... За твои дѣла слѣдуетъ наградить другимъ—кандалами». Такія рѣчи не могли быть по сердцу атаману. «Пойдемъ, передаетъ тоже преданіе, покаемся!» отвѣчалъ онъ, взошелъ съ митрополитомъ на колокольню (раскатъ)

Библиотека "Руниверс"

и сбросилъ его оттуда, какъ Стенька — Прозоровскаго. На самомъ же дѣлѣ Іосифа сначала пытали, жгли на медленномъ огнѣ и измученнаго разбили съ колокольни, 11 мая 1670 года.

Послѣ вскорѣ умершаго Уса, атаманомъ сдѣлался Федька Шелудякъ. Онъ, съ пришедшимъ на подмогу Алешкой Каторжнымъ, попытался опять взять Симбирскъ, сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ приступовъ и вынужденъ былъ бѣжать назадъ, въ Астрахань. Городъ этотъ скоро увидалъ подъ своими стѣнами Милославскаго съ царскимъ войскомъ. Воевода обѣщалъ прощеніе. Жители колебались, наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Днемъ сдачи было 27 ноября 1670 года.

Воевода, дѣйствительно никого не казнилъ и не пыталъ. Шелудякъ жилъ на волѣ.

Прошло около года, лѣтомъ, 1671 года въ Астрахань прибылъ князь Яковъ Одоевскій и началъ сыски и допросы. Главные коноводы были повѣшены, остальные высланы въ верховые города, служить.

Долго не могли усмирить взволнованный Стенькой народъ: разбушевавшееся море затихаетъ не сразу. Долго еще разбойничали въ разныхъ концахъ Руси сынки Разина,. Мирные жители, видя отъ шаекъ нерѣдко одно разоренье, сами старались ихъ уничтожить, оберегая себя.

Rus.

Къ рисункамъ.

Клеопатра.

(Картина Ганса Макарта)

Извѣстный вѣнскій живописецъ Гансъ Макартъ нарисовалъ недавно большую картину «Клеопатра», снимокъ съ которой помѣщенъ въ настоящемъ № нашего журнала. Художникъ уже въ третій разъ изображаетъ эту излюбленную имъ египетскую царицу: первая картина его представляетъ фигуру Клеопатры почти во весь ростъ, на второй изображена смерть этой царицы и двухъ рабынь ея, а для созданія третьей (Клеопатра, ѣдущая на свиданіе съ Антоніемъ) Г. Макартъ видимо воспользовался поэтическимъ описаніемъ поѣзда Клеопатры изъ трагедіи Шекспира «Антоній и Клеопатра».

Вотъ какъ эта картина изображена Шекспиромъ:

Какъ пышный тронъ, сіяла на рѣкѣ
Ея галера кованной кормою
Изъ золота; на парусахъ былъ пурпуръ,
Благоуханный до того, что воздухъ
Какъ будто млѣлъ отъ страсти къ нимъ. Всѣ разомъ
Подъ звуки флейтъ, серебряныя весла
Воды касались и вода съ любовью,
Лобзая ихъ, стремилась вслѣдъ за ними.
А Клеопатра .. Нѣтъ? слова безсильны
Изобразить ее во всемъ величьи.
Покоясь подъ навѣсомъ парчевымъ,
Она была прекраснѣе Венеры,
Фантазіей художника рожденной.
По обѣ стороны ея стояли,
Точь-въ-точь амуры, съ ямками на щечкахъ,
Прелестнѣйшіе мальчики, держа
Узорныя, цвѣтныя опахала,
Которыми прохладу навѣвали
Они на щеки нѣжныя ея,
И этимъ увеличивали только
Ихъ яркій пылъ, и тѣмъ уничтожали
Свой собственный же трудъ. Ужь точно было
На что взглянуть Антонію! Ея
Прислужницы, подобныя сиренамъ,
Иль нереидамъ, не спускали глазъ
Съ нея, благоговѣйно къ ней склоненныхъ.
Одна изъ нихъ, точь-въ-точь жилица моря,
Держала руль; серебряныя снасти
Вились, какъ бы гордясь прикосновеньемъ
Лилейныхъ рукъ, которыя умѣли
Искусно ими управлять. Съ галеры
Неслось чудесное благоуханье
На недалекій берегъ, на которомъ
Все населенье города тѣснилось.
Среди пустынной площади Антоній
Сидѣлъ одинъ на тронѣ одинокомъ...

(Дѣйствіе II. Сцена II. Пер. Корженевскаго).

Трагедія великаго британскаго поэта «Антоній и Клеопатра» явилась въ печати въ первый разъ въ 1623 г., слѣдовательно уже послѣ смерти Шекспира. Пьеса эта, какъ драматическая хроника, съ другими двумя, написанными имъ прежде, «Коріоланъ» и «Юлій Цезарь», составляетъ великолѣпную трилогію. Сюжетъ трагедіи «Антоній и Клеопатра»—крайности, увлеченія Антонія, этого талантливаго римлянина, но человѣка безшабашнаго, его любовь—или скорѣе страстное увлеченіе Клеопатрой, хитрой женщиной, кокеткой, употреблявшей красоту свою для достиженія своекорыстныхъ, политическихъ цѣлей, которая подъ конецъ выдала его врагамъ. Послѣ смерти Антонія, Клеопатра старается уловить въ свои сѣти Октавіана, но это ей не удается, и она рѣшается покончить съ собой: въ корзинѣ съ плодами и цвѣтами ей приносятъ пару змѣекъ, ядовитыхъ аспидовъ. Царица прикладываетъ одну змѣйку къ груди, другую къ рукѣ и умираетъ, уязвленная ими. Является Октавіанъ-Августъ и приказываетъ воздать царскія почести «умершей парочкѣ»—Антонію и Клеопатрѣ. Этимъ монологомъ Августа, полусерьезнымъ, полунасмѣшливымъ, заканчивается трагедія.

Щ.

Переходъ сербскихъ войскъ чрезъ Дрину.

Согласно сербскому плану компаніи, военныя силы княжества были раздѣлены на 4 отдѣльные корпуса или арміи. На западной, боснійской границѣ была расположена армія, извѣстная подъ именемъ Дринской, на юго-западной—Ибарская армія, на восточной границѣ—Тимокская, а на южной—Моравская. Какъ извѣстно обѣ послѣднія, не измѣняя своему назначенію, были соединены въ одну, подъ главнымъ командованіемъ нашего доблестнаго М. Г. Черняева.

Дринская армія, находясь въ сѣверо-западномъ углу княжества, поставила турокъ въ необходимость держать здѣсь довольно значительныя силы, которыя и отвлекла отъ дѣйствій въ другихъ мѣстахъ и пунктахъ, какъ Босніи и Герцеговины (что послужило въ пользу Черногоріи), такъ и сербскихъ границъ.

Дринской арміей сначала командовалъ генералъ Алимпичъ, замѣненный потомъ полковникомъ Узунъ-Мирковичемъ. Этотъ послѣдній перевелъ Дринскую армію на сербскій берегъ, опасаясь, между прочимъ, начавшихся въ ту пору разливовъ, которые угрожали лагерю.

Помѣщаемъ рисунокъ, изображающій этотъ переходъ войскъ чрезъ Дрину и знакомящій насъ съ характеромъ той мѣстности, чрезъ которую протекаетъ эта рѣка.

Сѣверо-Американскій охотникъ и его умирающая собака.

Охотники за мѣхами населяютъ далекій западъ сѣверной Америки. Промыселъ ихъ самый жестокій, утомительный, полный лишеній и опасностей. Это вѣчная борьба съ природой, кровожадными животными и дикими индѣйскими племенами. Но за то жизнь ихъ свободна и полна приключеній. Она привлекаетъ не только кочующій народъ изъ восточныхъ странъ Америки, но даже европейцевъ изъ образованныхъ классовъ. Они изъ нужды или по своей собственной волѣ, облекаютъ себя на эту кочующую жизнь.

Вся ихъ одежда состоитъ изъ выдѣланной оленьей шкуры. Шерстяное одѣяло замѣняетъ имъ плащъ и постель. При себѣ они постоянно имѣютъ одноствольное ружье, большой мясничный ножъ, полъ-дюжины желѣзныхъ ловушекъ, (trops) для ловли бобровъ и выдръ, и охотничій мѣшокъ. Отправляются они на косматыхъ лошадкахъ, сопровождаемые нѣсколькими вьючными животными и собакой, въ обществѣ отъ 3—6 человѣкъ, къ подножію скалистыхъ горъ, чтобы въ стекающихъ водахъ ловить бобровъ, которыхъ мѣха они сбываютъ потомъ на далекомъ западѣ; олени, антилопы, буйволы и медвѣди, даютъ охотнику мясо одежду и постель. Питается такой охотникъ исключительно мясомъ. Зимой и лѣтомъ онъ борется съ природой и индѣйскими разбойниками. Когда онъ собираетъ столько шкуръ сколько можетъ навьючить на своихъ животныхъ, тогда отправляется въ большой торговый городъ и промѣниваетъ свои мѣха на деньги. Тамъ онъ остается до тѣхъ поръ, пока истрачиваетъ на увеселенія и разгулъ весь свой, такъ трудно пріобрѣтенный капиталъ. За симъ, лишившись денегъ, онъ съ большими трудностями, пріобрѣтаетъ себѣ порохъ, свинецъ и другіе необходимыя вещи и отправляется назадъ, чтобы опять приняться за свое опасное ремесло. Рѣдкій изъ нихъ достигаетъ глубокой старости и умираетъ естественною смертью. Зачастую бываетъ такъ, что все добытое у охотника отбивается индѣйцами, и самъ онъ погибаетъ отъ ихъ стрѣлы. Конечно, и здѣсь, какъ и вездѣ не безъ исключеній: и изъ такихъ, отчуждающихся отъ благоустроеннаго человѣческаго общества лицъ изрѣдка выдѣляются такія, для которыхъ истинное занятіе нужно только для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое независимое экономическое положеніе. Достигнувъ его, при посредствѣ благополучной и удачной добычи отъ своего промысла, они снова возвращаются въ человѣческое общество.

Нашъ рисунокъ изображаетъ охотника возлѣ своей умирающей собаки. Тутъ представляется цѣлое драма: человѣкъ теряетъ своего единственнаго близкаго друга, съ которымъ онъ дѣлилъ горе и радость, опасность и удачи. Можетъ быть этотъ другъ и жизнь свою положилъ за него, спасая его жизнь въ моментъ нападенія индѣйцевъ. Можетъ быть индѣйцы напали, собака неистово бросалась на нихъ, хватала ихъ за горло, да-

Библиотека "Руниверс"

вала своему господину возможность удалиться въ чащу лѣса — и вотъ теперь, когда спасшійся охотникъ возвращается назадъ, другъ его уже при послѣднемъ издыханіи...

Зимой.

Рисунки Жіакомелли уже знакомы нашимъ читателямъ. Мы имѣли случай помѣстить въ нынѣшнемъ году два его рисунка: «Весна и Лѣто» къ разсказу «Круговоротъ жизни» (см № 25 Нивы). Въ настоящемъ № мы помѣщаемъ еще одинъ не менѣе интересный, какъ и выше упомянутые два. Превосходное мастерство автора при совершенномъ знаніи жизни изображаемаго имъ міра и при богатствѣ его поэтической фантазіи — дѣлаютъ произведенія Жіакомелли художественными, полными красоты. Разсказывать содержаніе этой картинки, конечно, незачѣмъ. Припомнимъ стихи нашего безсмертнаго поэта:

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуявъ, конь дорожный
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Негонитъ ужь коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный, въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.

Приблизьтесь къ окну и взгляните что дѣлается на улицѣ. Завяли, осыпались листья кудряваго дерева и вѣтви его поникли подъ тяжестью снѣга. Веселыя щебетуньи лѣта—птички сжались и непоютъ свои голосистые пѣсенки; мрачный видъ имѣютъ рѣзвыя шалуньи, оцѣпенѣли ихъ гибкія крылушки. Грустно смотрѣть на нихъ! Снѣгъ падаетъ и падаетъ и медленно, мягко ложится на поля, на кровли, на древесныя вѣтви... Если и свѣтитъ солнышко, то мало оно грѣетъ и недолго остается на небѣ, а дальше хуже: поднимется вьюга, сильный вѣтеръ понесетъ хлопья снѣга, и свистя и завывая, закрутитъ его въ воздухѣ. Тогда еще тяжелѣе нашимъ бѣднымъ птичкамъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поступившіе въ Редакцію въ пользу пострадавшихъ славянъ: отъ гг. Яхонтова, 26 к., Кіевскаго, 8 р., Бачина 10 р., Г. Х., въ Петербургѣ, 30 р., а всего 48 руб. 26 к. сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, подъ квитанцію управленія за № 2035.

Политическое обозрѣніе.

Государь Императоръ, при пріемѣ Московскаго дворянства и городскаго общества, въ Гіоргіевской залѣ кремлевскаго дворца въ Москвѣ, 29-го октября 1876 года, изволилъ сказать слѣдующее:

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали Мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась Моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, истинными героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло.

«Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со Мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего, и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ. На-дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ, для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы Мы могли придти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и Я увижу, что Мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, что Мы въ правѣ требовать отъ Порты, то Я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда Я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе!»

Имѣетъ ли средства Россія вести войну, каковъ будетъ исходъ этой войны, падетъ ли эта война экономическою тяжестью на наше государство—вопросъ этотъ въ виду высшей нравственной важности и величія совершающихся и имѣющихъ совершиться событій—не имѣетъ и не долженъ имѣть мѣста и имъ могутъ заниматься только наши добрые австрійскіе сосѣди. Не была богата Россія до 1812 года, не была богата и до Крымской войны; послѣдняя была въ особенности для нея убыточна, но это не поколебало ея нравственной силы.

Истинное отношеніе великихъ державъ къ восточному вопросу еще не выяснилось: выяснить это дѣло имѣющая вскорѣ открыться конференція. Зато мадьяры весьма прямо уже выразили, свое горячее сочувствіе Портѣ, студенты-венгры военной школы въ Константинополѣ сдѣлали овацію извѣстному венгерскому генералу Клапкѣ. Послѣдній выразился, что союзъ мадьяръ съ турками обезпечитъ существованіе турецкой Имперіи.

Политическія извѣстія прошлой недѣли оправдали сдѣланное нами въ предшествовавшемъ 44 № «Нивы», предположеніе что распространившіеся слухи о возмущеніи и не повиновеніи своему главнокомандующему со стороны сербской артиллеріи не имѣютъ основанія. Корреспонденты изъ Бѣлграда категорически заявляютъ (телегр. отъ 24 октября) что «сербская артиллерія никогда не оказывала *никакого не повиновенія*, что этого неповиновенія даже и не могло быть потому что генералъ Черняевъ лично не участвовалъ въ дѣлѣ при Джунисѣ, что «болгарскій батальонъ», о трусости котораго распространилась молва, здѣсь также ни причемъ, потому что находился на другой позиціи, а бѣжали одни только *валахскіе батальоны*, оставивъ сербовъ безъ поддержки. Тѣже корреспонденты сообщаютъ теперь, что потеря людьми сильно преувеличена. Русскихъ считается при Черняевѣ всего 2,100 человѣкъ, изъ которыхъ *только половина* принимала участіе въ дѣлѣ. Вообще потери при Джунисѣ не превышаютъ обыкновенной нормы.

Турки намѣрены зимовать въ крѣпости Нишъ, и намѣреніе Абдулъ-Керимъ-паши занять зимнія квартиры въ Делиградѣ и Алексинацѣ пока не оправдывается.

До какой степени напрасно ждать отъ турокъ соблюденія перемирія—достаточно привести слѣдующій фактъ. Покамѣсть военные уполномоченные державъ отправлялись въ Зайчаръ, для опредѣленія Зайчарской демаркаціонной линіи, турки фактически уже нарушили перемиріе. На *второй день* послѣ обнародованія перемирія они пытались занять ущелье Баньи хотя безполезно, потому что были отброшены Делиградскою дивизіей.

О выбранномъ новомъ президентѣ Амер. Соед. Штатовъ сообщаютъ:

«Самуилъ Тильденъ не участвовалъ въ междоусобіи, потому что его симпатіи были на сторонѣ южанъ-рабовладѣльцевъ; онъ нажилъ свое колоссальное состояніе (около 12-ти милліоновъ долларовъ) не совсѣмъ безупречнымъ путемъ. Въ качествѣ адвоката, имя его фигурировало во главѣ всѣхъ смѣлыхъ, акціонерныхъ затѣй.»

Тильденъ принадлежитъ къ демократической партіи. Извѣстно что американскіе демократы соотвѣтствуютъ такъ называемой «правой сторонѣ» европейскихъ парламентовъ, или консервативной партіи; либеральною-же партіею считается республиканская. Кончившій свое президентство генералъ Грантъ, по принадлежности къ партіи, есть республиканецъ. Но онъ имѣлъ несчастіе видѣть, что поклоненіе доллару, продажность, взяточничество, вообще денежный развратъ достигъ въ его двухсрочное президентство небывалыхъ, ужасающихъ размѣровъ. Утверждаютъ, что будто, по самому свойству этихъ учрежденій, первыя мѣста въ Соединенныхъ Штатахъ мотутъ лишь въ видѣ исключенія доставаться лучшимъ людямъ.

Программа новаго президентства вырисовывается въ избирательной прокламаціи, съ которою сенаторъ Кери, обратился къ населенію черныхъ избирателей. Приводимъ этотъ замѣчательный документъ:

«Мы симъ сообщаемъ неграмъ, что мы намѣрены вновь господствовать. Мы не домогаемся голосовъ негровъ; *но горе имъ, если они будутъ вотировать противъ насъ* Мы объявляемъ, что первыми жертвами сдѣлаются вожди нашихъ противниковъ. Я лично, если окажется нужнымъ, застрѣлю радикальнаго губернатора, и затѣмъ готовъ убить негодныхъ бѣлыхъ демагоговъ и, въ концѣ концовъ, положить на мѣстѣ черныхъ собакъ. Знайте же, что мы пойдемъ къ избирательнымъ урнамъ въ полномъ вооруженіи и что мы добьемся побѣды силою. Если сдѣлана будетъ попытка оспаривать побѣду Тильдена, то мы съумѣемъ сразиться съ нашими противниками».

Не подумайте, однако, чего-нибудь худого о свободѣ американскихъ выборовъ: противники тоже могли явиться къ урнамъ съ дреколіемъ и пистолетами.

СОДЕРЖАНІЕ: **Александръ Васильевичъ Горскій** (съ портретомъ). **Z.—Три пѣсни** (Изъ Петефи). **Ѳ. Берга.—Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** (Часть 2-я). Продолженіе. **На перевязочномъ пунктѣ** (съ рисункомъ). **Н. Каразина.—Разинскій бунтъ** (окончаніе). **Rus — Клеопатра** (съ рисункомъ) **Щ — Переходъ сербскихъ войскъ черезъ Дрину** (съ рисункомъ). **— Сѣверо-американскій охотникъ и его умирающая собака** (съ рисункомъ). **—Зимой** (съ рисункомъ)— Политическое обозрѣніе. — Почтовый ящикъ. — **Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за НОЯБРЬ съ 46 рисунками и большой листъ выкроекъ съ 24 чертежами.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

При этомъ № прилагаются для гг. иногор. подписч. объявленія: отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ, и отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 5 Ноября 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская д. № 9. Тип. Вольфа, Адм. пр., № 10.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 46 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 15 Ноября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Р. Іг. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что приготовленіе около 18.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ потребуетъ много времени, мы просимъ покорнѣйше гг. иногородныхъ подписчиковъ возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Въ Константинополѣ.

(Изъ путевыхъ записокъ К. Л.)

Константинополь, какъ извѣстно, не соединенъ желѣзною дорогою съ остальною Европой, а потому въ настоящее время, чтобы попасть въ столицу Турецкой имперіи, нужно проѣхать

Мостъ черезъ Золотой Рогъ.

черезъ Тріестъ или отправиться внизъ по Дунаю. Первое впечатлѣніе при видѣ этого удивительнаго города (со стороны сѣверной или южной—все равно) весьма благопріятное: передъ путешественникомъ развертывается грандіозная, почти волшебная панорама; чувствуешь, что приближаешься къ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей на земномъ шарѣ и ощущаешь тутъ біеніе пульса Европы и Азіи, такъ какъ всюду видны слѣды живой связи между обѣими частями свѣта. Около горделивыхъ фрегатовъ, тяжело нагруженныхъ пароходовъ и кра-

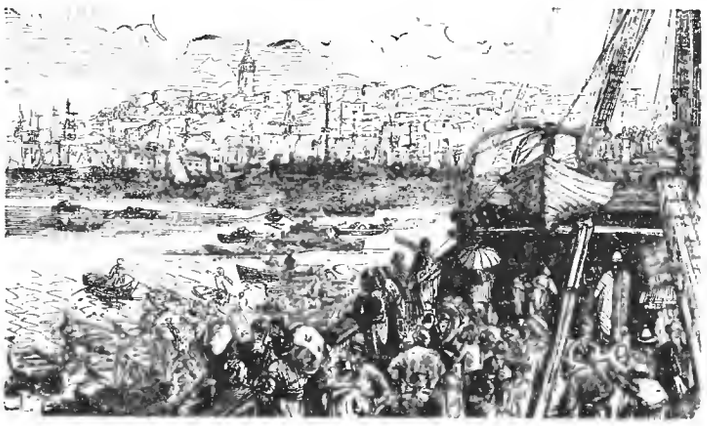
Библиотека "Руниверс"

сивыхъ бриговъ, плаваетъ и шмыгаетъ множество маленькихъ судовъ и стройныхъ каикъ. Какими чудесно-зелеными представляются намъ эти берега, какое обиліе тамъ лѣсистыхъ холмовъ, очаровательныхъ долинъ, средневѣковыхъ башенъ, кіосковъ, виллъ въ современномъ стилѣ и турецкихъ деревянныхъ домовъ! Отъѣдешь нѣсколько сажень—и новые виды, новыя картины лучше прежнихъ; на всѣхъ главныхъ пунктахъ береговой полосы грозныя форты, укрѣпленія, созданныя военнымъ искусствомъ временъ былыхъ и эпохи новѣйшей. Наконецъ, мы причаливаемъ къ берегу, около котораго снуютъ сотни лодокъ; тутъ пріѣзжихъ окружаютъ зазывальщики въ гостиницы; приходится зорко поглядывать за своимъ багажемъ, а между тѣмъ не хочется оторвать глазъ отъ этой великолѣпной картины, ближайшіе и дальніе планы которой заняты высокими минаретами и красиво освѣщенными куполами мечетей Стамбула.

Стамбулъ имѣетъ несомнѣнно важное значеніе, какъ центръ торговыхъ и иныхъ сношеній Европы съ Азіей и магометанской частью Африки.

Городъ этотъ представляетъ треугольникъ, обнесенный стѣнами и башнями и омываемый съ двухъ сторонъ моремъ. Число жителей доходитъ до 600,000. Стамбулъ имѣетъ нѣсколько предмѣстій, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Золотаго Рога. Это, можно сказать, цѣлое море крышъ, садовъ, кипарисовыхъ лѣсовъ, конусообразныхъ горъ, долинъ, остроконечныхъ башенъ и куполовъ, крытыхъ свинцовыми листами и сверкающихъ золотыми украшеніями. Константинополь съ предмѣстьями своими имѣетъ въ длину шесть миль, а въ ширину двѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, раздѣленныхъ гаванью. Гавань эта—длинный, узкій заливъ Босфора, такъ называемый «Золотой Рогъ», глубоко врѣзавшійся въ землю. По формѣ этого залива дано ему и названіе *рога*. Собственно Стамбулъ лежитъ на южномъ берегу залива, а къ востоку и сѣверо-востоку, близь Босфора, раскинуты предмѣстья. Со стороны Европы: Галата, Пера, Топ-хане (т. е. пушечный литейный заводъ) съ красивыми мечетями, турецкій кварталъ Фанда улицы эти являются подобіемъ горныхъ потоковъ.

Уличная жизнь представляетъ много интереснаго: волы медленно тащутъ повозки, ихъ обгоняютъ ведроносцы, которые сталкиваются съ погонщиками ословъ, продавцами хлѣба, носильщиками крытыхъ экипажей (въ экипажахъ—турецкія дамы); тутъ же прогуливается верхомъ какой-нибудь паша съ своею многочисленною свитой. Молящіеся или праздношатающіеся дервиши составляютъ такую же принадлежность улицъ, какъ и бездомныя собаки и торговцы дынями. Направо и налѣво—открытыя настежь лавки и мастерскія ремесленниковъ. Сапожное, шорное, кожевенное, слесарное, кузнечное и т. п. мелкія ремесла находятся въ рукахъ турокъ. Усидчивость, серьезность, извѣстная солидность и честность являются отличительными и похвальными чертами турецкихъ хозяевъ заведеній; противуположными качествами обладаютъ торговцы изъ евреевъ, грековъ и армянъ. Въ турецкихъ лавкахъ для насъ, европейцевъ, много привлекательнаго, особенно есть чѣмъ соблазниться любителю «восточной всякой всячины». Картинныя лавки отличаются удивительной пестротой, и турки съ видимымъ удовольствіемъ разсматриваютъ картины. Въ былыя времена изображать человѣка считалось у нихъ грѣхомъ, преступленіемъ противъ корана, но теперь на это смотрятъ уже не такъ строго, да и вообще многіе старотурецкіе обычаи постепенно исчезаютъ; такъ, напримѣръ, чалма уже уступила мѣсто простой фескѣ. Во время оно булочника, пойманнаго въ продажѣ легковѣснаго хлѣба, ставили затылкомъ къ двери булочной, къ которой и прибивали гвоздями оба уха его: въ блаженныя старыя времена провинившихся женщинъ зашивали въ мѣшокъ и среди бѣла-дня швыряли въ волны Босфора... Теперь турки этого не дѣлаютъ, т. е. *у себя дома*, за то въ Болгаріи и Сербіи они доказали, что живутъ еще въ XVI вѣкѣ, а не въ XIX. Портняжныхъ заведеній на базарѣ довольно мало, за то мѣняльныхъ лавочекъ съ маленькими столиками, украшенными кучками монетъ, чрезвычайно много, пожалуй не менѣе табачныхъ и ювелирныхъ. Драгоцѣнными вещами торгуютъ преимущественно евреи. «Восточные человѣки», какъ извѣстно, очень любятъ камни самоцвѣтные, а особенно пристрастны къ нимъ гаремныя красавицы, поэтому на базарѣ вы увидите кучи жемчуга, изумруда и всякихъ бездѣлушекъ филигранной работы. Негритянки, какъ надзирательницы, сопровождающія своихъ легкомысленныхъ, закутанныхъ барынь, быстро раскупаютъ блестящія вещицы, что доставляетъ сынамъ Израиля изрядный барышъ. Табачныхъ торговцевъ—цѣлый легіонъ; лавочки ихъ всюду — и въ гавани, и возлѣ Софійской мечети и даже около дворцовъ. Но особенное вниманіе чужестранца привлекаютъ фруктовые магазины; тамъ вы видите цѣлыя груды финиковъ, винныхъ ягодъ, фисташекъ, кокосовыхъ орѣховъ, апельсиновъ, винограда, гранатовъ и т. п. съѣдобныхъ вещей; тутъ же продаются разныя варенья и желе; далѣе слѣдуютъ овощные ряды (прекрасные артишоки, громадныя дыни) и лавки съ продуктами моря: великолѣпными рыбами, устрицами, омарами и т. п. снѣдью.



Прибытіе парохода въ Константинополь.

Мѣняльная лавочка.

дикли, новый дворецъ Долма-Бахче и старый Башикташъ. Со стороны азіятской: Скутари, Кусгундшукъ и Дженгелькій. Черезъ Золотой Рогъ перекинуто три моста; для сообщенія со Скутари и другими предмѣстьями на азіятской сторонѣ служатъ пароходы и сотни лодокъ (каикъ). Осмотримъ теперь самый городъ.

Прежде всего въ глаза бросается грязь, а потому ей и первое мѣсто. Это *грязь востока*, грязь присущая всѣмъ восточнымъ городамъ. Даже Пера, мѣстность населенная иностранцами, не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Отъ Галаты къ Перѣ ведетъ крутая, узкая дорога; по обѣимъ сторонамъ ея торчатъ развалины—это дома, разрушенные пожаромъ въ 1870 г. и до сихъ поръ не обновленные. Безъ проводника не слѣдуетъ забираться въ лабиринтъ константинопольскихъ улицъ и переулковъ, во первыхъ потому, что обыватели говорятъ только на своемъ языкѣ (а его мало кто знаетъ изъ иностранцевъ), во вторыхъ, улицы, переулки и закоулки составляютъ дѣйствительно мудреный лабиринтъ. Хорошаго плана-путеводителя нѣтъ. Ѣздить тутъ обыкновенно верхомъ; легковыхъ извощиковъ не имѣется, такъ какъ большая часть улицъ гористы и мѣстами представляются въ видѣ лѣстницъ. Съ трудомъ, но можно достать иногда наемную карету. Въ послѣднее время, впрочемъ, и Константинополь обзавелся конно-желѣзными дорогами. Двѣ самыя длинныя улицы — тѣ, которыя ведутъ къ гипподрому (теперь Атмейданъ) и къ мечети Ая-Софія. Тротуаровъ нѣтъ, номеровъ на домахъ тоже нѣтъ, какъ нѣтъ дощечекъ съ названіемъ улицъ. Мостовыя, если можно такъ выразиться, состоятъ изъ каменныхъ обломковъ, не всегда плотно лежащихъ одинъ возлѣ другого. Послѣ проливного дож-

Но вотъ и главная площадь города — старый гипподромъ, нынѣ Атмейданъ, т. е. «лошадиная площадь». Во время оно тутъ былъ громадный циркъ. Въ эпоху кровавыхъ революцій въ Византіи онъ игралъ важную роль, да и въ нынѣшнемъ столѣтіи на этой площади пролилось много крови (избіеніе 20.000 янычаръ по приказанію султана Махмуда II). Три колонны, возвышающіяся на окраинѣ Атмейдана, принадлежатъ къ почтеннымъ памятникамъ древности, изъ нихъ замѣчателенъ древне-египетскій обелискъ царя Тутмозиса II изъ Геліополиса, имѣющій 80 фут. высоты. На сѣверной сторонѣ этой площади—драгоцѣнность Константинополя: Софійскій соборъ, теперь—магометанская мечеть. Чтобъ осмотрѣть эту хра-

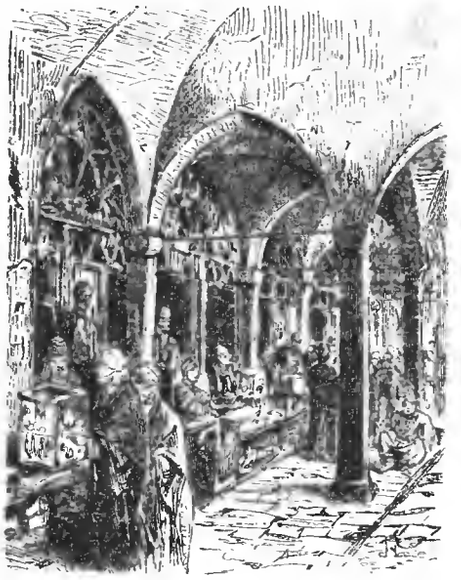
Библиотека "Руниверс"

мину, нужно заручиться формальнымъ пропускомъ (фирманомъ), который стоитъ около 50 франковъ. Храмъ этотъ построенъ императоромъ Юстиніаномъ (538 г.), который, конечно, и не думалъ, что въ эту церковь въѣдетъ верхомъ на лошади падишахъ (1453 г.), собственноручно уничтожитъ эмблемы христіанской вѣры и воскликнетъ: «Нѣтъ иного Бога, кромѣ Аллаха, и пророка его, Магомета!»... На куполѣ бывшаго Софійскаго храма красуется теперь полумѣсяцъ, но... быть можетъ, не далекъ тотъ день, когда крестъ снова заблеститъ на этомъ памятникѣ Юстиніанова царствованія, а четыре минарета, поставленные турками около храма, обратятся въ колокольни. Ая-Софія, со своимъ исполинскимъ куполомъ, послужила моделью для большинства мечетей, которыхъ въ Константинополѣ очень много (болѣе 600). Упоминаемъ здѣсь объ одной изъ нихъ—мечети Эюба. Въ ней происходитъ церемонія опоясанія новаго падишаха мечемъ пророка. Эюбова мечеть внѣ городской стѣны, къ сѣверо-востоку отъ Стамбула, въ одномъ изъ предмѣстій его. Этотъ храмъ магометанскій одна изъ великихъ святынь ислама. Построилъ его Магомегъ II въ честь «Эюба, знаменосца пророка, павшаго въ битвѣ съ невѣрными» подъ стѣнами Константинополя. Въ эту мечеть доступъ открытъ только магометанамъ.

Вамъ уже извѣстно изъ газетъ объ открытомъ здѣсь заговорѣ противъ правительства. Считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя о немъ подробности. Главныхъ руководителей 4: Шерифъ-эффенди, Гурджу (грузинъ), Нуги-Эддинъ-эффенди, Рамизъ-паша (черкесъ) и Зіа-бей. Двое первыхъ—казаскиры, т. е. они занимаютъ въ духовной іерархіи положеніе равное католическимъ кардиналамъ. Казаскиры стоятъ непосредственно за шейхъ-уль-исламомъ. Шерифъ-эффенди—неспокойный честолюбецъ, не отличающійся особенными талантами. Нуги-Эддинъ-эффенди, бывшій наставникъ Иззедина-эффенди; ему сильно желалось бы возвести на престолъ своего прежняго воспитанника. Рашидъ-паша изъ отпущенниковъ Неджиба-паши, отца бывшаго великаго визиря, Мабмуда-паши. Его сестра была замужемъ за Селимъ-беемъ, камергеромъ Абдула-Меджида. Человѣкъ этотъ былъ преданнѣйшимъ слугою Махмуда-паши, во время его визирства. Зіа-бей, великій мастеръ въ дѣлѣ всевозможныхъ интригъ, занималъ при Абдусъ-Азисѣ высокія должности и между прочимъ должность директора государственныхъ архивовъ, равную посту министра. За этими главными дѣятелями заговора стояло множество соучастниковъ, принадлежавшихъ по большей части къ классу софтъ и къ арміи. До сихъ поръ уже арестовано 230 человѣкъ. Впрочемъ, порядокъ не былъ нарушенъ въ Константинополѣ, гдѣ произведены аресты. Надняхъ я видѣлъ, какъ жандармы вели по улицѣ 5 софтъ и не замѣтилъ никакого особаго выраженія сочувствія къ нимъ въ народѣ, хотя и было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, смысль которыхъ слѣдующій: «Мы вѣримъ, что они преступны, потому что правительство утверждаетъ это. Но къ чему же тутъ краткая расправа, а не публичный судъ надъ ними?» Но, по собраннымъ мною справкамъ, оказывается, что Порта имѣла основаніе примѣнить къ нимъ систему краткой расправы—заговорщики имѣли цѣлью не только опрокинуть правительство, они настолько же мѣтили и противъ христіанъ, сколько противъ него. По слухамъ, они замышляли поджечь Пэру и Галату. Мы счастливо избѣгли большой опасности, такъ какъ, говорятъ, что въ заговорѣ участвовали командиры нѣкоторыхъ изъ военныхъ кораблей, стоящихъ на Босфорѣ. Прибавляютъ, что одинъ изъ нихъ даже будто бы уже разстрѣлянъ. Какъ бы то ни было, но заговоръ имѣлъ сообщниковъ во всѣхъ слояхъ общества, и если бы онъ удался, то, подъ руководствомъ негодяевъ, о которыхъ сказано мною выше, имѣлъ бы ужасныя послѣдствія. Вожди эти разжалованы, какъ извѣстно, и сосланы—Шерифъ-эффенди—на Родосъ, Нуги-эддинъ-эффенди и Рамизъ-паша—на Тенедосъ, Зіа-бей—на Лемносъ. Много менѣе значительныхъ соумышленниковъ отправлено по провинціальнымъ крѣпостямъ.

Въ концѣ октября были сосланы послѣдніе заговорщики. Съ тѣхъ поръ аресты прекратились, но число недовольныхъ все еще велико. Лица, успѣвшія спастись отъ преслѣдованія властей, продолжали возбуждать мусульманъ всѣми возможными средствами. Такъ, они распространяли среди населенія брошюру, въ которой нападаютъ на министровъ и обвиняютъ ихъ въ томъ, что они сослали безъ суда заговорщиковъ, бойцовъ за религію и честь имперіи. Въ заключеніе, порицается образъ дѣйствій министровъ, которые, уступая давленію Россіи, хотятъ дать христіанамъ неслыханныя преимущества и ввести реформы, послѣдствіемъ коихъ будетъ уничтоженіе мусульманской вѣры, отмѣна шери и уничтоженіе калифата. Въ теченіи послѣднихъ трехъ недѣль распространились въ Константинополѣ слухи о безпорядкахъ и даже рѣзнѣ христіанъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи. Говорили о возмущеніяхъ въ Ямболи и Казанлики, о безпорядкахъ въ Монастырѣ и Призрендѣ и объ угрожающей рѣзнѣ въ Добруджѣ. Хотя правительство и старалось опровергнуть всѣ эти слухи, но тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что внутри имперіи почти не существуетъ общественной безопасности.

Главная улица въ Галатѣ.



Базаръ ювеливеровъ.

Всѣ находящіеся въ Константинополѣ полки въ настоящее время одѣты въ новую форму. Вмѣсто широкихъ шароваръ и накидокъ солдаты носятъ узкія штаны и куртки. Офицеры, чинъ которыхъ обозначался прежде звѣздочками на воротникѣ и шитьемъ на рукавахъ, носятъ теперь эполеты. Что же касается до генераловъ, то отличительными признаками ихъ чина являются красные штаны, съ широкими черными галунами. Въ настоящее время идетъ вопросъ объ обмундированіи моряковъ, которые будутъ одѣты въ форму, схожую съ формой англійскихъ матросовъ. Говорятъ, что морской министръ уже имѣлъ по этому поводу совѣщаніе съ султаномъ и представилъ на разсмотрѣніе послѣдняго различные образчики морской формы.

Вѣсть о русскомъ ультиматумѣ быстро распространилась по городу и, конечно, произвела чрезвычайное паденіе на биржѣ и всеобщую тревогу. Въ русскомъ посольствѣ, согласно дипломатическимъ обычаямъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, были приняты всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы все было готово къ отъѣзду въ моментъ, когда окончится 48 часовой срокъ ультиматума. Пароходъ разводилъ пары, и въ то же время поспѣшно упаковывались архивы и мебель консульства и посольства; больные, находившіеся въ русскомъ госпиталѣ, переводились въ другія больницы, а тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые оставались въ Константинополѣ, послано было извѣщеніе, что они поставлены подъ покровительство германскаго посольства. Тревога, поднявшаяся въ Пэрѣ и Константинополѣ, возбудила всевозможные толки и слухи, болѣе или менѣе невѣроятные, какъ, напримѣръ, о томъ, что британскій флотъ уже плыветъ къ Константинополю, что русскіе вступаютъ въ Румынію; за-

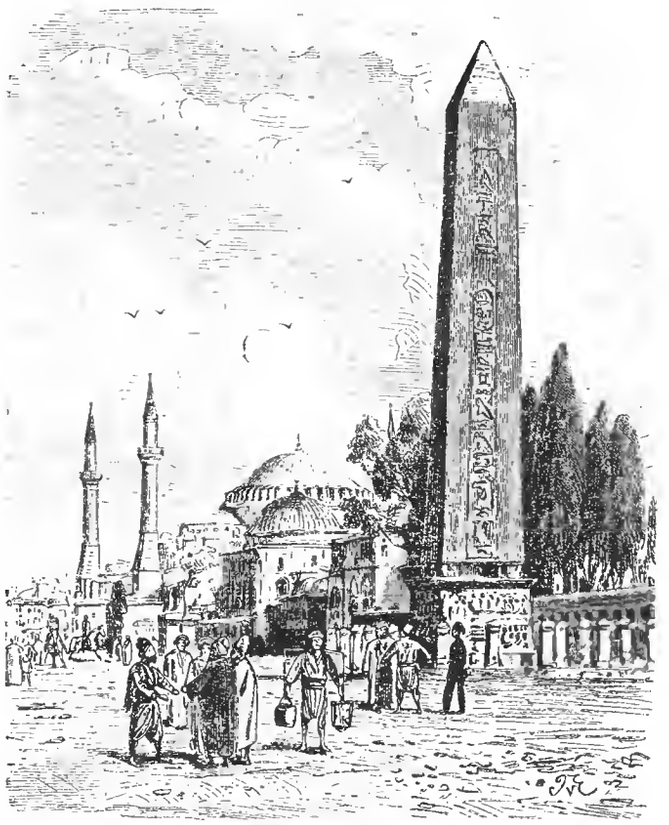
Библиотека "Руниверс"

мѣтимъ, мимоходомъ, что дѣловой міръ обрадовался всѣмъ этимъ слухамъ. Положеніе здѣсь сдѣлалось до такой степени непрочно и жизнь, въ матеріальномъ отношеніи, столь загруднительна, по причинѣ почти совершеннаго отсутствія платежей, что всякая, какая бы ни была, перемѣна настоящаго порядка вещей, конечно, будетъ принята всѣми съ величайшимъ удовольствіемъ.

Событія и усложненія настоящаго времени совершенно сбили съ толку турецкія газеты. Однѣ, объявляя, что будутъ трактовать о перемиріи, приходятъ къ заключенію о необходимости поправить финансы имперіи; другія, говоря о своевременности реформъ, кончаютъ тѣмъ, что совѣтуютъ войну; третьи, наконецъ, сами не знаютъ, сами не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего хотятъ. Но всѣ газеты, однако, настроены въ равной степени въ воинственномъ тонѣ и единогласно обратились къ народу съ воззваніемъ о матеріальной помощи правительству въ дѣлѣ войны. Особенный пылъ въ этомъ отношеніи выказала газета «Вакитъ». Возбуждая то религіозный фанатизмъ, то національное чувство мусульманъ, она говоритъ, что отечество находится въ опасности, что только пожертвованія правовѣрныхъ спасутъ его отъ неизбѣжной гибели. Газета «Вакитъ» возвѣщаетъ священную войну, взываетъ къ фанатизму мусульманъ. Между тѣмъ, она настаиваетъ на томъ, чтобы нація жертвовала шерстяные чулки, фланель, теплую одежду для солдатъ, которые проведутъ зиму на поляхъ битвъ. Въ статьѣ, озаглавленной «Анмседенъ - Файдемосъ - Гокъ» (Намъ нечего разсчитывать на другихъ»), «Вакитъ» приводитъ очеркъ турецко-славянской войны, бранитъ русскихъ, расхваливаетъ мужество и доблести предковъ, основавшихъ столь великую имперію, и заканчиваетъ, говоря, что всѣ тѣ, кто не пожертвуетъ нѣсколько паръ чулокъ (чорабъ) или нѣсколькихъ теплыхъ куртокъ на ватѣ (памуклс - майтанъ), — «не достойны имени мусульманъ, будутъ прокляты въ этомъ мірѣ, и низвергнуты въ томъ мірѣ въ преисподнюю».

Увѣщанія эти произвели нѣкоторое дѣйствіе на турокъ. Пожертвованія приносятся, но они чрезвычайно незначительны. Какой нибудь бей или ага, богатый помѣщикъ, присылаетъ десятокъ паръ чулокъ, всего на 20 франковъ, или кусокъ полотна, на ту же сумму. Турецкія газеты, хорошо знающія эгоизмъ національнаго характера, довольствуются этими скудными приношеніями и наполняютъ свои столбцы восторженными похвалами, обращенными къ великодушнымъ жертвователямъ.

Пришло извѣстіе о взятіи Алексинца, газеты схватились за это событіе, чтобы возбудить героизмъ арміи. Разсказываютъ, между прочимъ, что когда султанъ Абдулъ-Гамидъ получилъ извѣстіе о взятіи Алексинца, то онъ отъ удовольствія сталъ плясать по комнатѣ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ. По поводу занятія Алексинца (какъ извѣстно теперь оспариваемаго сербами) турецкія газеты изобрѣли самые фантастическіе разсказы, въ которыхъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ изображалось мужество турецкихъ солдатъ и офицеровъ. Они величаются въ напыщенныхъ фразахъ этимъ успѣхомъ, утверждая, что въ немъ турецкое оружіе восторжествовало не надъ сербами, но надъ русскими, такъ какъ Турція сражалась собственно съ ними, а сербы играли только второстепенную роль. Ни одна изъ турецкихъ газетъ съ точностью не знаетъ числа убитыхъ и плѣнныхъ русскихъ и сербовъ. Каждая изъ нихъ опредѣляетъ эту цифру по своему. Газета «Джериден-Гавадисъ», на основаніи какого-то чрезвычайнаго разсчета, исчисляетъ потери выбывшими изъ строя въ 20 тысячъ человѣкъ и столько-же плѣнныхъ, а что касается снарядовъ и оружія, доставшихся въ руки турокъ, то всему этому—нѣтъ числа. «Джериден» дѣлаетъ очень быстро разсчетъ взятымъ у сербовъ пушкамъ. Вокругъ Алексинца было столько-то редутовъ и бастіоновъ. На такомъ-то редутѣ было столько-то орудій, на такомъ-то — столько-то. Слѣдовательно, говоритъ «Джериден»—взяты цѣлыя сотни орудій. Газета «Иттигадъ» держится совершенно иного взгляда, чѣмъ его турецкіе собраты. Она полагаетъ, что не слѣдуетъ особенно хвастаться побѣдами, одержанными войсками падишаха. «Теперь, говоритъ она, необходимо заняться вопросомъ о перемиріи и мирѣ». Надѣясь на то, что перемиріе приведетъ къ мирному рѣшенію дѣла, газета, однако, говоритъ, что необходимо все таки быть готовымъ къ войнѣ съ Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимы также умѣренность и дальновидность. Россія потребуетъ привиллегіей и автономіи для возставшихъ славянскихъ провинцій. Высокая Порта, по мнѣнію газеты, имѣетъ только одно средство выйдти изъ этого затрудненія—дать всѣмъ провинціямъ болѣе широкія права, чѣмъ тѣ, какъ ихъ требуетъ сама Россія. «Необходимо пожертвовать одной гроздой винограда, говоритъ она, чтобы спасти весь виноградникъ». «Державы потребуютъ гарантій, прибавляетъ «Иттигадъ», и будутъ совершенно правы. До сихъ поръ политика Порты была политикой лжи. Она много обѣщала но ничего не исполняла, лжецъ, наконецъ, попался. Никто уже теперь не повѣритъ однимъ только обѣщаніямъ, захотятъ фактовъ. Если мы желаемъ избѣгнуть оскорбительнаго для насъ вмѣшательства Европы—то *дадимъ реформы* и приступимъ къ ихъ быстрому и искреннему примѣненію. Въ этомъ наше единственное спасеніе».



Атмейданъ и Мечеть Ая-Софія.

На этомъ сто разъ неисполненномъ турками обѣщаніи дать *реформы* ея христіанскимъ подданнымъ, оканчиваю свои замѣтки, не давая себѣ труда объяснять вамъ, что значатъ турецкія реформы, ибо увѣренъ, что вы очень хорошо и безъ меня объ этомъ знаете.

Куликовская битва.

Куликовская битва представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ моментовъ русской исторіи; ея громадное значеніе состоитъ не столько въ самомъ свершившемся фактѣ свержения татарскаго ига,—ибо освобожденіе было кратковременно и не дало возможности окончательно избавиться отъ татарскаго ига,—сколько въ томъ поднятіи народнаго духа, въ той увѣренности въ своихъ силахъ, которые дали впослѣдствіи возможность на всегда освободиться изъ подъ ига татаръ, какъ извѣстно, властвовавшихъ надъ русскою землею съ первой половины XIII вѣка, а именно съ 1241 года.

Царство Батыя въ то время далеко не представляло уже того грознаго вида, какой оно имѣло при Узбекѣ: внутреннія междоусобія, интриги, неурядица, изнѣженность быстро смѣнявшихъ другъ друга хановъ,—все это подорвало значеніе орды и до того ее ослабило, что уже съ 1367 года она стала распадаться на отдѣльныя царства. Въ Золотой Ордѣ возникли два независимыя государства: одно находилось на Волгѣ, въ Сараѣ, другое было основано Мамаемъ между Волгой и Дономъ.

Въ тоже время возникли орды: Мордовская, Булгарская (впослѣдствіи—Казанское царство), Астраханская, Перекопская, Яицкая и другія. При такихъ условіяхъ: мысль о свержении татарскаго ига не могла уже казаться неосуществимою молодому князю московскому, Димитрію Іановичу.

Въ Золотой Ордѣ происходили тогда раздоры, между партіей Мюрида и Абдуллы, возведеннаго на престолъ княземъ Орды, Мамаемъ. Эти междоусобія окончательно подорвали значеніе татарскаго царства, такъ что уже въ 1377 году Димитрію удалось одержать надъ отдѣльными силами татаръ довольно значительную побѣду при рѣкѣ Вожѣ. Раздраженный успѣхами русскихъ и опасаясь, чтобы Димитрій окончательно не отказалъ ему въ покорности, Ма-

Библиотека "Руниверс"

Куликовская битва. Инокъ Пересвѣтъ выѣзжаетъ на единоборство съ татарскимъ богатыремъ Телебегомъ (8 Сентября 1380 г.) Рис. Медвѣдевъ, грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

май назвалъ себя ханомъ, собралъ огромныя полчища, состоявшія, кромѣ татаръ, еще изъ наемныхъ войскъ, (такъ напр., тамъ были Фляги изъ Кафы, Черкесы, Ясы и другія), вторгнулся въ Рязанскую землю и окончательно опустошилъ ее. Устрашенный князь рязанскій, Олегъ, поспѣшилъ изъявить Хану свою полную покорность и, сверхъ того, послалъ великому князю Литовскому Ягеллу, грамоту, призывая его идти вмѣстѣ съ татарами на Русь.

Весной 1380 года Димитрій получилъ извѣстіе, что Мамай идетъ на него и находится уже въ Воронежѣ; вслѣдъ за тѣмъ прибыли въ Москву послы Мамая, требуя изъявленія покорности и выплаты огромной дани. Димитрій, по словамъ лѣтописи, сильно опечалился и послалъ просить совѣта у митрополита Кипріяна, родомъ Серба. Пастырь посовѣтовалъ ему воздерживаться, пока возможно, отъ кровопролитія, и предложить Мамаю дары. Великій князь послушался и послалъ въ Орду, Захарія Пулчева съ покорной грамотой и данью, но Мамай ея не принялъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, грозилъ, что перебьетъ князей русскихъ и обратитъ народъ въ мусульманство. Распространеніе этого слуха придало предстоявшей войнѣ значеніе борьбы за вѣру, и Димитрій уже не хотѣлъ и не могъ уклоняться отъ нея.

Великій князь дѣятельно занялся приготовленіями къ войнѣ, онъ разослалъ гонцовъ во всѣ концы земли русской, приглашая князей и бояръ стать подъ его знамена противъ общаго врага; сборнымъ пунктомъ была назначена Коломна, и все войско должно было стянуться туда къ 15-му августа. Князья поспѣшили откликнуться на призывъ Димитрія, иные, напр. князь Тверской, забыли старую вражду, сознавая, что идутъ на общее дѣло. Пріѣхали князья Бѣлозерскіе, Глѣбъ Каргопольскій, князья Устюжскій, Ярославскій, Ростовскій, Прозоровскій, Серпейскій и другіе,—и собралась рать, какой не видала еще земля русская.

Передъ выступленіемъ въ походъ, Димитрій, вмѣстѣ съ другими князьями, отправился къ преподобному Сергію, настоятелю Троицкаго монастыря, который принялъ гостей съ почетомъ и предложилъ имъ трапезу въ монастырѣ. Преподобный сначала совѣтовалъ Димитрію почтить Мамая дарами, чтобы избѣгнуть войны, но получивъ отвѣтъ, что князь уже дѣлалъ это, и дары его были отвергнуты, благословилъ Димитрія на брань и предрекъ ему побѣду.

Во время трапезы, Димитрій обратилъ вниманіе на двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый прежде былъ боярномъ. Оба они были высокаго роста, могучаго тѣлосложенія, съ черными волосами и бородой; до поступленія своего въ монахи, они были ратными людьми, извѣстными своею храбростью. Димитрій сказалъ Сергію: «отдай мнѣ, отче, этихъ иноковъ на войну: мы знаемъ, что они люди свѣдущіе въ ратномъ дѣлѣ.» Сергій подозвалъ монаховъ, надѣлъ на нихъ схимы съ вышитыми на нихъ крестами и благословилъ ихъ на брань за вѣру.

20-го августа войска московскія должны были выступать изъ Москвы, Димитрій молился въ Успенскомъ соборѣ, прикладывался къ мощамъ Петра митрополита и ходилъ ко гробамъ отцовъ своихъ. Войска стояли на Красной площади, вдоль кремлевской стѣны. Ворота Фроловскія, Константино-Еленинскія и Никольскіе были настежь открыты, въ нихъ стояли священники въ полномъ облаченіи и кропили святою водою уходившихъ. Великая княгиня, Евдокія, и прочія княгини и боярыни плакали голосомъ и, заливаясь горькими слезами, смотрѣли съ вершины златоверхаго терема на исчезавшее вдали войско. Самъ Димитрій съ трудомъ удерживался отъ слезъ; по разсказамъ лѣтописцевъ, онъ былъ высокъ, широкоплечъ, красивъ, но слишкомъ тученъ.

28-го августа русское войско сошлось въ Коломнѣ, а на слѣдующій день былъ произведенъ смотръ на лугу, называвшемся Дѣвичьимъ Полемъ. Двинулись въ Рязанскую землю, переправились черезъ Оку и 6-го сентября были уже у береговъ Дона. Получивъ извѣстіе, что Мамай съ несмѣтными толпами стоитъ на Кузьминой Гати, нѣкоторыя князья совѣтовали Димитрію не переправляться черезъ Донъ, чтобы, въ случаѣ пораженія, былъ свободенъ путь къ бѣгству; но храбрые Ольгердовичи, Андрей Псковскій и Димитрій настаивали, что необходимо переправиться, чтобы оставался выборъ только между смертью или побѣдой; великій князь согласился съ ихъ мнѣніемъ, и 7-го сентября войско переправилось. Передъ русскими простиралось теперь широкое, ровное поле; позади войска синѣлъ Донъ, впереди вилась небольшая рѣчка Непрядва, впадающая въ Донъ: это было незабвенное въ русской исторіи Куликово поле.

Въ русскомъ войскѣ былъ тогда волынецъ Боброкъ, пришедшій съ Ольгердовичами; это былъ человѣкъ опытный въ ратномъ дѣлѣ, храбрый и, сверхъ того, знавшій множество примѣтъ и слывшій за знахаря. Разсказываютъ, что въ ночь передъ сраженіемъ (съ 7-го на 8-е сентября) Димитрій выѣхалъ вмѣстѣ съ Боброкомъ на поле битвы, и послѣдній, указаніемъ на нѣкоторыя счастливыя примѣты, возбудилъ въ князѣ увѣренность въ побѣдѣ.

Наступило наконецъ утро роковаго дня; солнце взошло, но сильный туманъ не позволялъ различать предметовъ. Димитрій воспользовался этимъ обстоятельствомъ; отдѣлилъ отрядъ отборнаго войска и послалъ его въ засаду, въ лѣсъ, вверхъ Дона. Отрядъ прошелъ незамѣченнымъ; начальство надъ нимъ поручено было Владиміру Андреевичу Серпуховскому и Димитрію Боброку, о которомъ мы уже упомянули.

Передъ началомъ битвы, Димитрій объѣхалъ ряды войскъ; онъ говорилъ всѣмъ: «Отцы и братья! ради Господа подвизайтесь за вѣру Христову и святую церковь. Смерть тогда будетъ вамъ не въ смерть а въ животъ вѣчный.» Громкіе единодушные клики были ему отвѣтомъ. Димитрій не захотѣлъ издали распоряжаться битвой, какъ ему совѣтовали бояре, но спѣшился, надѣлъ свою приволоку, т. е. княжескій плащъ на воеводу Михаила Бренка, посадилъ его на своего боеваго коня и велѣлъ носить передъ нимъ свое черное великокняжеское знамя съ изображеніемъ образа Нерукотвореннаго Спаса. (См. рисунокъ въ этомъ же номерѣ Нивы). Потомъ Димитрій поѣлъ освященнаго хлѣба, присланнаго ему, вмѣстѣ съ благословенной грамотой, преп. Сергіемъ и помолился, прилагая руку ко кресту, висѣвшему у него на груди.

Туманъ наконецъ разсѣялся, и оба войска стали спускаться съ противоположныхъ одна другой возвышенностей въ долину. Татары были одѣты въ темные цвѣта, они шли сомкнутою македонскою фалангой, то есть копья у заднихъ рядовъ были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ и лежали у послѣднихъ на плечахъ, такъ что войско представляло видъ движущейся стальной щетины. Русскіе, напротивъ, имѣли нарядный видъ; кони ихъ были украшены металлическими колонтарами, вооруженіе состояло изъ кордовъ, длинныхъ сабель и колчаръ; остроконечные шлемы ихъ и выкрашенные въ красную краску щиты блестѣли на солнцѣ. Вдругъ, впереди татарскаго войска показался всадникъ огромнаго роста; похваляясь своею силою и мужествомъ, онъ, по обычаю азіатскихъ народовъ, сталъ вызывать изъ враждебнаго стана противника, чтобы помѣряться силами. Между русскими произошло нѣкоторое замѣшательство, потому что этотъ всадникъ былъ Телибегъ, извѣстный своею непомѣрной силою, и сражаться съ нимъ значило идти на вѣрную смерть. Въ эту минуту инокъ Пересвѣтъ, съ накинутою поверхъ шлема схимою, испросивъ благословенія у священника, вскочилъ на боеваго коня и съ крикомъ: «Отцы и братья, простите меня грѣшнаго. Брать Ослябя моли за меня Бога! Преподобный Сергій, помогай мнѣ своею молитвою», кинулся на Телебега. Оба противника неслись вскачь на встрѣчу другъ другу, одновременно поразили другъ друга копьями, и упали смертельно раненные подъ своихъ, взвившихся на дыбы, лошадей.

Вслѣдъ за этимъ начался бой. Русскіе и татары, призывая, первые Бога христіанскаго, вторые Магомета, кинулись въ свалку. Жесточе и кровопролитнѣе этой битвы трудно себѣ вообразить, — кровь лилась потоками, трупы загораживали дорогу, отъ тѣсноты многіе погибали подъ копытами лошадей. Татары увидѣли великокняжеское знамя, прорвались впередъ, изрубили въ куски знамя и убили Михаила Бренка, котораго приняли по одеждѣ за великаго князя. Димитрій въ это время сражался пѣшій, молодой князь Новосильскій находился при немъ, защищая его. Часа черезъ два, татары стали одолѣвать, и русскіе обратились въ бѣгство. Димитрій, отбиваясь отъ татаръ, ушелъ въ лѣсъ и отъ изнеможенія упалъ какъ мертвый подъ новосрубленную березу. Смятеніе дѣлалось ужаснымъ, татары били и преслѣдовали бѣгущихъ русскихъ.

Владиміръ Андреевичъ и Боброкъ смотрѣли изъ лѣсу на происходившее. Владиміръ со слезами порывался на помощь русскимъ, но Боброкъ удерживалъ его, говоря, что еще не приспѣло время,—а такъ какъ волынецъ считался знахаремъ, то русскіе не смѣли его ослушаться. Причиною медлительности Боброка по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ сильный вѣтеръ дувшій тогда русскимъ прямо въ лицо. Наконецъ, когда гибель Руси казалась неизбѣжной, Боброкъ подалъ нетерпѣливо ожидаемый знакъ, и свѣжій отрядъ Владиміра стрѣлою ринулся изъ засады и ударилъ въ тылъ врагамъ.

Татары смутились, увидавъ новыхъ, неожиданныхъ враговъ, не устояли и обратились въ бѣгство, крича: «Бѣда намъ! худшихъ мы побили, а лучшіе теперь идутъ на насъ!» Русскіе кололи, рубили бѣгущихъ и преслѣдовали ихъ до самой Непрядвы, въ волнахъ которой погибло множество татаръ пытавшихся спастись вплавь. Мамай, видя пораженіе своихъ, тоже обратился въ бѣгство, оставляя въ добычу русскимъ свой обозъ. Побѣда была полная, великій фактъ, предвѣстникъ будущаго полнѣйшаго освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, совершился.

Подъ вечеръ замѣтили отсутствіе великаго князя, и Владиміръ сталъ его розыскивать съ тревогой и слезами. Долго не могли найти князя и полагали уже, что онъ убитъ и лежитъ между трупами. Наконецъ, два простые ратника, Сабуровъ и Холопищинъ зашли нечаянно въ дубраву и наткнулись на лежащаго безъ чувствъ подъ деревомъ Димитрія; радостная вѣсть, что Князь живъ, тотчасъ же разнеслась по рядамъ русскихъ войскъ. Димитрій не скоро очнулся и пришелъ въ себя; онъ былъ оглушенъ ударами, но на тѣлѣ его не оказалось ранъ. Услышавъ, что татары разбиты, Димитрій воскликнулъ: «День, его же сотвори Господь, да возвеселимся въ онъ!» Въ сопровожденіи князей и бояръ поѣхалъ онъ осматривать поле битвы, покрытое трупами и залитое кровью.

Много пало тутъ князей и людей ратныхъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію историковъ, число всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

убитыхъ простиралось до 200.000. Нужно замѣтить, что Ягелло въ день битвы находился всего въ 30—30 верстахъ отъ Мамая и узнавъ ея слѣдствія, въ ужасѣ бѣжалъ.

Видѣлъ тутъ князь и трупъ инока Пересвѣта, замѣтный издали по накинутой на шлемъ схимѣ, и лежавшій вмѣстѣ съ сраженнымъ Телебегомъ. «Вотъ нашъ починальникъ, указавшій намъ путь къ побѣдѣ!» сказалъ князь, указывая на трупъ Пересвѣта. Въ знакъ признательности къ сподвижникамъ, павшимъ въ Куликовской битвѣ онъ установилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Дмитровскую субботу (между 18 и 26 октября).

Великій князь Димитрій Іоановичъ получилъ прозваніе Дмитрія Донскаго; имя его неразрывно связано съ незабвенной Куликовской битвой и никогда не изгладится изъ народной памяти, наравнѣ съ именами Владиміра-Красное-Солнышко, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго и другихъ героевъ древняго періода русской исторіи.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

Антоніо не можетъ вынести. Онъ поднимается и шатаясь выходитъ изъ комнаты...

Наконецъ здоровый организмъ Гальшки справился съ болѣзнью. Внутренній жаръ, наливній ее, уменьшился, бредъ прошелъ. Больная пришла въ себя. Сначала она ничего не помнила изъ происшедшаго съ нею; но когда сознаніе окончательно вернулось, положеніе ея сдѣлалось опаснѣе, чѣмъ въ страшныя минуты горячки. Невозможно изобразить того горя, которое охватило бѣдную Гальшку. Она была окончательно подавлена тяжестью своей потери. Она не проклинала своихъ враговъ, изъ которыхъ первымъ была ея родная мать. Она не выказывала ненависти къ княгинѣ Беатѣ, но относилась къ ней совершенно безучастно. По цѣлымъ днямъ она молчала и лежала не шевелясь, слабая и изнуренная. Ее едва можно было уговорить принимать пищу. Выздоровленіе подвигалось медленно; но когда она уже стала ходить, первой ея мыслью было умолять мать пустить ее къ дядѣ Константину. Княгиня и слышать не хотѣла объ этомъ. Напротивъ, она и Антоніо употребили всѣ старанія, чтобы предотвратить всякую возможность сношеній Гальшки съ Острогомъ. Князь Константинъ ѣздилъ въ Краковъ и требовалъ возврата въ Острогъ племянницы, основываясь на завѣщаніи князя Ильи и на православіи Гальшки. Краснорѣчивый Чарыковскій, по порученію короля, доказалъ ему незаконность его требованій. Въ городѣ ходили слухи, что князь вышелъ изъ себя и даже ударилъ Чарыковскаго. Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что онъ уѣхалъ изъ Кракова съ большими непріятностями и ничего не добившись. Княгиня очевидно успѣла привлечь на свою сторону и всю партію Радзивиловъ, всегда враждовавшихъ съ Острожскимъ, и вліятельныхъ фаворитокъ Сигизмунда-Августа. Такое непріятельское войско было не по силамъ князя Константина. Онъ былъ герой въ открытомъ бою, но не былъ въ состояніи интригой побѣдить интригу. Онъ пробовалъ посылать своихъ людей розыскивать мѣсто битвы, приказывалъ имъ во что бы то ни стало найти трупъ князя Сангушки, чтобъ предать его честному погребенію. Одни изъ этихъ людей пропали безъ вѣсти, другіе вернулись и объявили, что въ глухомъ лѣсу, среди болотъ, напали на множество разлагавшихся труповъ. Задыхаясь отъ смрада, эти люди обошли всѣхъ мертвецовъ, но князя Сангушки не было между ними. А его легко бы было отличить по многимъ признакамъ.

Это извѣстіе подало князю слабую надежду. А что, если Сангушко живъ, что, если онъ спасся какимъ-нибудь образомъ, находится гдѣ нибудь въ безопасномъ мѣстѣ и вотъ, вотъ явится... Правда, декретъ captivationis былъ въ своей силѣ, но только бы явился Дмитрій Андреевичъ, только бы былъ онъ живъ—тогда еще можно многое сдѣлать! Князь Константинъ самъ поѣхалъ къ Гальшкѣ, чтобы внушить и ей свою надежду; но Беата заперлась и на отрѣзъ отказалась принять его. Онъ бы не задумался пожалуй и силой увидаться съ племянницей, да къ нему выбѣжала пся въ слезахъ панна Зося и разсказала о томъ, что *княжна* все еще безъ памяти (Гальшку всѣ продолжали называть княжной). Старикъ Острожскій не рѣшился шумомъ тревожить больную и уѣхалъ, оставивъ Зосѣ записку, которую просилъ ее тайно и осторожно передать Гальшкѣ, когда она будетъ поправляться. Молодая полька, любившая Гальшку, исполнила эту просьбу. Записка князя Константина была единственнымъ свѣтлымъ проблескомъ въ невыносимой жизни Гальшки. Теперь она знала, что добрый дядя не забылъ ее, заботится объ ней попрежнему; она создала себѣ цѣлый міръ мечтаній, основанный на возможности возвращенія ея дорогаго мужа. Она только хотѣла скорѣе увидѣться съ дядей, выплакать передъ нимъ свое горе... Но это свиданіе было невозможно. Княгиня, Антоніо и всѣ въ домѣ по пятамъ слѣдили за нею. Только одна надежда и оставалась на Зосю. Гальшка передала ей письмо къ князю Константину, прося ее уговорить кого-нибудь отвезти его въ Острогъ. Зося черезъ два дня таинственно и съ сожалѣніемъ объявила ей, что исполнить ея порученія невозможно, такъ какъ князь уѣхалъ воевать съ турками. Бѣдная Гальшка и не замѣтила, что Зося краснѣла и потупляла глаза говоря это.

Это уже было въ то время, когда княгиня Беата со всѣмъ домомъ переселилась въ Вильну. Скоро явился сюда и панъ Зборовскій за полученіемъ награды, т. е. обѣщанной ему руки Гальшки. Княгиня даже и не сказала объ этомъ дочери. Она любезно приняла жениха и объявила ему, что къ несчастью Гальшка не можетъ быть его женою. Она все еще не поправилась; но главное, не можетъ даже и слышать имени Зборовскаго, клянется наложить на себя руки если ее станутъ принуждать выходить за него замужъ. Княгиня не въ силахъ неволить дочь, да и врядъ ли самъ панъ Зборовскій захочетъ имѣть жену, которая его ненавидитъ. Храбрый воинъ объявилъ на это, что ему нѣтъ никакого дѣла до ненависти Гальшки—онъ убилъ Сангушку, доставилъ княжну матери и требуетъ исполненія условія. Тогда Беата нѣсколько измѣнила тонъ и сказала, что въ такомъ случаѣ онъ можетъ жаловаться королю, а дочери она ему даже и не покажетъ. Зборовскій понялъ, что пойманъ въ ловушку, и уѣхалъ разражаясь проклятіями и клянясь местью Беатѣ.

Гальшка никуда не показывалась, да мать и не неволила ее къ этому. Она понимала, что теперь нужна осторожность, что только время исцѣлитъ Гальшку. Она никогда не позволяла себѣ ни одного намека на прошлое и упорно не признавала дочь княгиней Сангушко. Этого имени никто никогда не слыхалъ въ домѣ. Была княжна Острожская, которую похитили было какіе-то разбойники и которая теперь едва, едва поправлялась отъ тяжкой болѣзни. И всѣ бережно обращались съ *княжной*, старались ничѣмъ ее не тревожить.

И жила красавица Гальшка жизнью затворницы, по долгу молясь и отъ молитвы переходя въ міръ своихъ грезъ, гдѣ только и была ея отрада. Она внутренно какъ то все больше и больше начинала вѣровать въ то, что князь Дмитрій Андреевичъ живъ, что въ концѣ

Библиотека "Руниверс"

концовъ онъ пріѣдетъ за нею и спасетъ ее отъ ея лютаго горя. Такая увѣренность иногда доводила ее даже до оживленія. Но проходила свѣтлая минута и снова весь міръ покрывался мракомъ. Оставалась одна молитва. И Гальшка молилась горячё, и спасала себя этой молитвой.

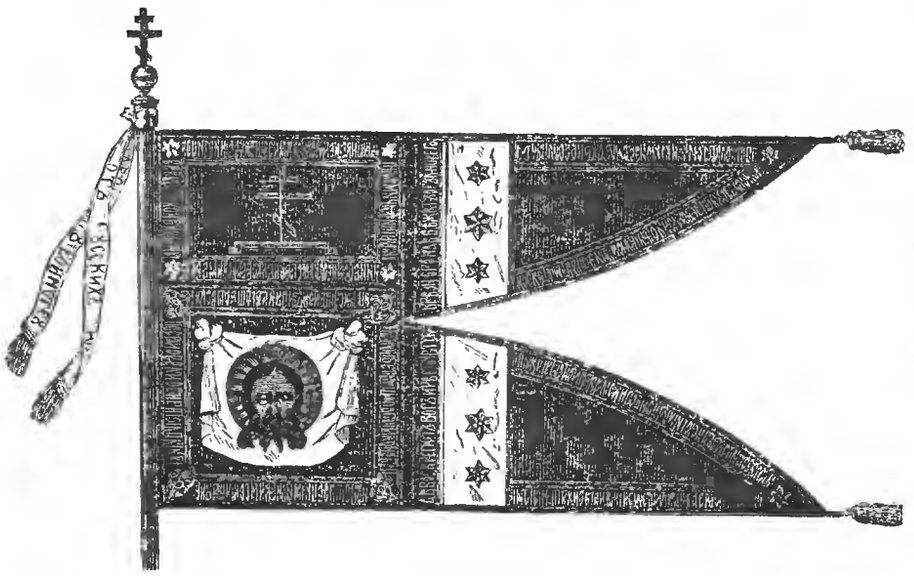
А между тѣмъ время шло; проходили недѣли, мѣсяцы. Прошелъ годъ, начался другой. Князь Константинъ какъ въ воду канулъ ни письма отъ него, ни вѣсточки. И спросить то не у кого—о немъ, какъ и о Сангушкѣ, шепнуть никто не смѣетъ въ домѣ. Идетъ время... и начинаетъ чувствовать Гальшка, что надежды ея и грезы были тщетны—не вернется мужъ ея любимый, убитъ онъ и тлѣетъ подъ вѣковыми деревьями Полѣсья. Въ душѣ ея ужь нѣту жгучей боли, ядовитаго, разрушающаго страданія. Время и молитва спасаютъ ее. Горячая вѣра въ Бога и чтенія житій святыхъ отгоняютъ ея черныя мысли, соблазнительныя мысли о самоубійствѣ. Нѣтъ, нужно жить коли Богъ не хочетъ послать смерти, нужно стараться безропотно нести свою долю, несмотря на всю ея тяжесть. И Гальшка живетъ день за днемъ. Она не ропщетъ. Только ужь ничто въ мірѣ не занимаетъ ее—жизнь потеряла всякое значеніе. Хотѣлось бы уйти куда нибудь подальше, въ какой-нибудь уединенный монастырь, гдѣ никто и ничто не потревожило бы ея уединенія.

Но и это невозможно. Княгиня слышать ничего не хочетъ. Напротивъ, съ нѣкотораго времени она стала приставать къ ней, уговаривая бросить свою замкнутую жизнь. Не вѣкъ же быть больной, не вѣкъ отъ людей прятаться. Вотъ скоро соберется она въ Краковъ, повезетъ съ собою дочь, представитъ ее ко двору. И кто знаетъ, какая еще судьба ожидаетъ Гальшку. Княжна Острожская не кто нибудь—и женихи королевской крови не погнушаются ею. Но если Гальшка не хочетъ до конца губить мать свою и заслужить ея справедливое проклятіе, она должна присоединиться къ истинной, римско-католической церкви... Чаще и чаще заводятся подобные разговоры. Неизмѣнно сопровождающій княгиню отецъ Антоніо изощряетъ передъ Гальшкой весь свой умъ, все все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить ее въ истинахъ латинства. Онъ старается постоянно возбудить въ ней интересы къ религіозному спору и вооружается всѣми аргументами своихъ богословскихъ знаній.. Въ послѣднее время его тактика измѣняется. Онъ очень ловко доказываетъ Гальшкѣ, что все ея спасеніе въ католицизмѣ. О, онъ отлично понимаетъ, какъ должна страдать она; если бы онъ только могъ думать, что она дѣйствительно любитъ Сангушку, онъ конечно никогда бы не допустилъ княгиню жаловаться королю. Но вѣдь теперь ужь дѣло сдѣлано, прошлаго не воротишь. Она никогда не забудетъ своей утраты, она хочетъ навсегда удалиться изъ міра, посвятить себя Богу. Рѣшеніе естественное и похвальное, и ужь конечно онъ можетъ только уважать его. Но вѣдь она знаетъ, что княгиня никогда не позволитъ ей уйти въ монастырь православный. Можетъ быть очень плохо, можетъ быть, и даже навѣрное, мать вздумаетъ ее выдавать замужъ, а пользуясь своей властью и выдастъ насильно... Такъ не лучше ли ей перейти въ католицизмъ и обратиться къ папѣ. Онъ ей поможетъ. Мать не осмѣлится запретить ей идти въ католическій монастырь. Только этимъ способомъ она и будетъ имѣть возможность исполнить свое задушевное желаніе...

Такъ соблазнялъ Антоніо свою жертву.

Матери Гальшка отвѣчала слезами. Іезуиту она отвѣчала негодованіемъ. Она давно ужь видѣла въ немъ врага, она понимала, что онъ главнѣйшій виновникъ ея горя, что княгиня Беата послушное орудіе въ рукахъ его. Она помнила, какъ онъ поднялъ тревогу въ ночь похищенія, помнила какъ онъ мчался рубя направо и налѣво, какъ онъ жаждалъ сдѣлаться убійцей ея князя. Къ чему ей его оправданія, его увѣренія, что онъ не зналъ чувствъ ея, что онъ думалъ только объ ея спасеніи. Его присутствіе было для нея пыткой, она отшатывалась отъ него съ ужасомъ и отвращеніемъ.

А между тѣмъ и онъ, и мать мучили ее все больше и больше. Беата лишила ее православной церкви, стала почти силой, угрозами и сценами брать ее съ собою въ костелъ іезуитскій. Вотъ и теперь ее заставили пріѣхать осматривать этотъ новый коллегіумъ, о которомъ бредили всѣ у нихъ въ домѣ. Зачѣмъ это? какъ будто ей не все равно, какъ будто что нибудь можетъ развлечь ее, показаться ей интереснымъ...



Знамя, отправленное изъ Москвы въ Сербскую армію.

Гальшка молча слѣдовала за матерью и не слыхала объясненій Варшевицкаго. Когда онъ обращался къ ней, почтительно склоняясь и называя ее *княжною*, она удивленно взглядывала на него и почти не отвѣчала. Развѣ ей не все равно, что ее почтутъ дурой или сумасшедшей, развѣ есть ей какое дѣло до мнѣнія людского...

Въ большомъ рекреаціонномъ залѣ княгиня остановилась. Варшевицкій представлялъ ей учениковъ коллегіума.

Гальшка машинально прошла въ сосѣднюю комнату гдѣ занимались живописью.

Въ комнатѣ было пусто—учитель и мальчики вышли въ залъ по зову ректора. Только одинъ изъ учениковъ въ уголку спѣшно оканчивалъ свою работу.

Гальшка подошла къ нему. Онъ поднялъ свою кудрявую голову и смущенно взглянулъ на нее свѣтлыми глазами.

Она слабо вскрикнула и отшатнулась въ сторону. Ее поразило сходство этого мальчика съ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ.

— Кто ты? какъ зовутъ тебя? задыхаясь спросила Гальшка.

— Левъ Сапѣга, тихо отвѣтилъ мальчикъ краснѣя и изумленно смотря на эту блѣдную красавицу, почему то такъ его испугавшую.

Библиотека "Руниверс"

На одну минутку. Картина Вастага, грав. **Ульрихъ.**

Библиотека "Руниверс"

— Сапѣга! повторяла Гальшка. И она вспомнила, что Сапѣги были въ родствѣ съ Сангушками. Неодолимое чувство влекло ее къ мальчику. Она жадно всматривалась въ черты его лица, ища въ немъ намековъ на милый образъ. Но сходство поражало только сразу, это было простое фамильное сходство.

— Скажи мнѣ, мой милый мальчикъ, только скажи скорѣе и тише, не слыхалъ ли, не слыхалъ ли ты чего про князя Дмитрія Андреевича Сангушку?...

Бѣдная Гальшка вся дрожала произнося это имя. На глазахъ ея выступали слезы.

А мальчикъ, пораженный красотой молодой женщины, спѣшилъ исполнить ея желаніе, то есть заговорилъ какъ можно тише и скорѣе:

— Дмитрій Андреевичъ! я его помню... бѣдный дядя—онъ умеръ, его убили... Онъ укралъ себѣ жену, король разсердился и велѣлъ убить его...

— Но можетъ быть... можетъ быть онъ живъ... никто не говорилъ тебѣ, что онъ живъ, что онъ какъ нибудь спасся?!...

— Нѣтъ, гдѣ-жъ живъ—вѣдь ужь давно его убили... я знаю, что и Сорочи—отличный такой домъ и садъ, и городъ—я былъ тамъ—теперь ужь достались другому моему дядѣ... Да, дядя Дмитрій умеръ, моя мать по немъ панихиды служила — всѣ знаютъ, что онъ умеръ... это правда...

Гальшка и сама ужь потеряла всякую надежду. Въ послѣднее время она даже и не мечтала: она знала, что на землѣ ей не видать своего милаго мужа. „Убитъ! убитъ! и нѣтъ его могилы!“ часто повторяла она въ безсонныя ночи, тщетно борясь съ своей безъисходной тоскою. Маленькій Сапѣга не сказалъ ей ничего новаго и неожиданнаго. Но она еще ни отъ кого не слыхала такого прямого, рѣшительнаго слова: „гдѣ-жъ живъ—вѣдь ужь давно его убили... всѣ знаютъ, что онъ умеръ“.

И видно до сихъ поръ еще, несмотря на всю ея увѣренность, помимо ея воли, помимо ея сознанія, жила въ ней безумная надежда.

„Всѣ знаютъ—его давно убили!“ Она сама себѣ часто повторяла это. Но это сказалъ посторонній, сказалъ такъ увѣренно, тѣмъ грустно спокойнымъ тономъ, какимъ говорятъ о давнемъ, почти позабытомъ покойникѣ.

Безумная надежда, неизвѣстно чѣмъ жившая и питавшаяся уже больше года, улетѣла въ одинъ мигъ, отъ одного слова. И только теперь, когда ужь воротить ее не было возможности, Гальшка поняла, что значила для нея эта надежда.

Она отчаянно вскрикнула, зашаталась и безъ чувствъ упала на полъ.

Изъ зала услышали этотъ крикъ. Княгиня, Антоніо, Варшевицкій, іезуиты и ученики бросились въ рисовальную комнату.

Гальшка лежала безъ движенія. Маленькій Левъ Сапѣга стоялъ надъ нею перепуганный, дрожащій, заливаясь слезами.

— Я не знаю, что это! шепталъ онъ сквозь рыданія. Она только спросила, правда ли, что убитъ дядя Дмитрій Сангушко. И я сказалъ, что правда .. вѣдь это правда, вѣдь всѣ знаютъ...

Варшевицкій сдѣлалъ недовольную гримасу. Какъ могъ онъ такъ оплошать—онъ зналъ всѣ подробности семейной исторіи Острожскихъ, зналъ о родствѣ Сапѣгъ съ Сангушками, Онъ долженъ былъ все предвидѣть, долженъ былъ на этотъ день удалить мальчика. Непріятная исторія... скандалъ въ коллегіумѣ... сплетни...

Но вотъ Гальшка пошевелилась. Онъ велѣлъ всѣмъ выйти и скорѣе увести Сапѣгу.

III.

Холодная, снѣжная зима стояла надъ Вильной. Морозная бурая мгла глядѣла въ высокія окна палатъ княгини Беаты Острожской. По временамъ доносился откуда-то слабый благовѣстъ, далекіе отзвуки затихавшаго городскаго шума.

Гальшка сидѣла одна въ своей комнатѣ. Она закрыла тяжелую книгу, которую читала пока не смерклось, и теперь въ долгихъ, медленно наползавшихъ сумеркахъ отдавалась своей грусти. Она мысленно упрекала себя за то, что вчера, въ коллегіумѣ, не съумѣла совладѣть съ своимъ ужасомъ... Какъ бы горько ей не было, люди не должны знать объ этомъ. Она твердо рѣшилась отнынѣ все хоронить въ себѣ и казаться спокойной при постороннихъ. Но чего стоитъ это притворство, эта необходимость, на которой такъ настаиваетъ княгиня, выходить къ пріѣзжающимъ гостямъ, говорить съ ними, быть любезной. Всѣ люди казались Гальшкѣ такими скучными, такими ненужными. Но скучнѣе и ненужнѣе всѣхъ были для нея нѣкоторые знатные вельможи, очевидно искавшіе ея благосклонности, желавшіе на ней жениться.

Выйти замужъ!.. не только теперь, но когда либо, за кого бы то ни было—эта мысль представлялась Гальшкѣ самой невѣроятной безсмыслицей. Она не могла смотрѣть на бракъ иначе, какъ на союзъ по сердцу, а ея сердце было ужь разъ навсегда и беззавѣтно отдано ея князю Князя погубили, погубили изъ за нее, самымъ страшнымъ, несправедливымъ образомъ. И съ тѣхъ поръ ея сердце разбито и никогда оно не забудетъ свою потерю, потому что больше этой потери ничего быть не можетъ. А между тѣмъ мать все чаще и чаще заговариваетъ съ ней о замужествѣ. Еще счастье, что всѣ наѣзжающіе въ Вильну женихи кажутся ей недостойными Гальшки. Она говоритъ, что княжна Острожская, обладающая необыкновенной красотой и огромнымъ богатствомъ, должна сдѣлать самую блестящую партію. Она не хочетъ и знать, что вотъ уже больше года какъ нѣтъ никакой княжны Острожской, а есть только безутѣшная вдова убитаго князя Сангушко.

Но главное, что требуетъ Беата отъ будущаго мужа Гальшки—это его принадлежности къ римско-католической религіи. Она ни за что не выдастъ дочери ни за православнаго, ни за лютеранина, ни за кальвиниста.

И всѣ знаютъ рѣшеніе княгини, да никому оно не мѣшаетъ бывать у нихъ въ домѣ, преслѣдовать Гальшку любезностями, мучить ее влюбленными взглядами, прозрачными намеками. Больше всѣхъ ее мучаютъ и преслѣдуютъ два старыхъ, неизмѣнныхъ ухаживателя—князь Слуцкій и графъ Гурко. Вотъ уже годъ какъ отъ нихъ нѣтъ проходу. У Слуцкаго огромное богатство и родство съ домомъ Острожскихъ; но онъ православный. У Гурки связи въ Краковѣ, блестящее положеніе, но онъ лютеранинъ.

Князь Олельковичъ-Слуцкій добрый, простой и недалекій малый. Гальшка пожалуй бы ничего противъ него не имѣла, еслибъ онъ являлся въ домъ какъ родственникъ. Но онъ ухаживаетъ, онъ очевидно страстно влюбленъ, онъ всякую рѣчь оканчиваетъ вздохомъ—и Гальшкѣ тошно съ нимъ, невыносимо его слушать. Гурко еще того хуже—что-то фальшивое, что-то злое въ немъ видно и вдобавокъ онъ еще ко всѣмъ ее ревнуетъ, будто не видитъ, что можетъ ревновать только къ тяжкому ея горю... А что же впереди? впереди Краковъ, дворъ, опять женихи, шумъ, невыносимая жизнь, въ которой видятъ такое блаженство всѣ люди. Попадется человѣкъ, который покажется подходящимъ княгинѣ Беатѣ —и выдадутъ Гальшку замужъ, выдадутъ насильно, въ силу того, что они называютъ своимъ правомъ...

Страшныя, черныя мысли! И эти мысли стучались долго, долго въ голову Гальшки. Эти мысли, съ каждымъ днемъ все болѣе страшныя и томительныя, сдѣлали наконецъ свое дѣло. Гальшка стала доходить до состоянія полной апатіи, полнаго безучастія къ внѣшней судьбѣ своей. Она отказывалась отъ борьбы, для

Библиотека "Руниверс"

которой не была создана. Она знала только одно—что никому и ни за что въ мірѣ не отдастъ своей вѣры, своего православія и своей горькой, священной памяти о погибшемъ мужѣ А затѣмъ, пусть дѣлаютъ съ ней, что хотятъ, пусть распоряжаются ею. Она даже и на замужество стала смотрѣть иначе—и въ этомъ заключалась послѣдняя степень ея отчаянья, ея безнадежности. Она думала: ну что-жь—если мать непремѣнно хочетъ по своему распорядиться ею, пусть приходитъ этотъ женихъ, кто бы онъ ни былъ, и чѣмъ онъ хуже, тѣмъ даже лучше. Она скажетъ ему, что онъ беретъ не ее, не ея сердце, которое совсѣмъ безучастно къ жизни и радости, которое давно умерло и никогда не воскреснетъ—онъ возьметъ только бѣдное, больное тѣло. И если онъ будетъ такимъ звѣремъ, если мать будетъ настаивать, прикажетъ ей вѣнчаться—что-жь! она и замужъ выйдетъ... Развѣ не все равно, Боже! развѣ не все равно—лишь бы жизнь кончилась скорѣе:..

И она была одна, одна, и некому было ей открыть свою душу, не съ кѣмъ было поплакать. Все же ей было девятнадцать лѣтъ и хоть безсознательно, а искало участія ея сердце. Изъ всѣхъ окружающихъ только одна Зося къ ней ласкалась, выражала свою преданность.

Но Зося какая то странная дѣвушка—сегодня одна, а завтра совсѣмъ другая. То утѣшаетъ, успокоиваетъ, совсѣмъ, кажется, понимаетъ ее, то вдругъ начинаетъ давать такіе совѣты, что не лучше отца Антоніо.

Засю дѣйствительно разобрать было трудно. Самъ проницательный іезуитъ ошибся въ ней и послѣдствія были для него горьки. Панна Зося чувствовала себя очень несчастной. Мучительный бѣсъ поселился въ ней и не давалъ ей покою. Этотъ бѣсъ была ея страсть къ отцу Антоніо. Она не разсуждала хорошо или дурно, грѣховно или нѣтъ поддаваться такой страсти. Она чувствовала себя не въ силахъ совладать съ нею — и для нее этого было достаточно, чтобъ оправдать себя и успокоить свою совѣсть. Гдѣ бы она ни была, чтобы она ни дѣлала—прекрасный монахъ былъ въ ея мысляхъ и сердцѣ. Не было такой затруднительной задачи, такого даже преступленія, на которое бы она не пошла закрывъ глаза, по одному его требованію. Но ея чувство было далеко не безкорыстно—ей нужна была награда, ей нужна была любовь монаха, его ласка. И она рѣшилась во что бы то ни стало этого добиться. Оставаясь съ нимъ наединѣ, приходя къ нему исповѣдываться во всѣхъ грѣхахъ своихъ, она пускала въ ходъ всѣ уловки кокетства.

Но Антоніо былъ закованъ въ броню неуязвимую — нося въ душѣ своей чудный образъ Гальшки, весь ушедшій въ свои мысли, поглощенный своими цѣлями, онъ не былъ уже въ состояніи отзываться на другія чувства. Хорошенькая Зося, не смотря на все свое кокетство, на всю страсть, только надоѣдала ему. Она расчитала очень дурно—ей слѣдовало бы носить маску величайшей неприступности, чистоты и святости. Тогда она, быть можетъ, обратила бы на себя вниманіе Антоніо, расшевелила застывшую кровь его. Только то, что представляло ему рѣшительное, могучее сопротивленіе, чего достигать нужно было съ тысячами преградъ, трудной и запутанной борьбою—только то и было достойно его вниманія. Онъ давно ужь убѣжалъ отъ легкихъ побѣдъ и игра въ любовь надоѣла ему даже прежде, чѣмъ онъ надѣлъ платье іезуита.

Но Зося была ему полезна и нужна — всѣ считали ее любимой наперсницей Гальшки. Онъ вынытывалъ отъ нея на исповѣди все, что Гальшка ей повѣряла! Такимъ образомъ онъ узналъ и о доставленномъ Зосей письмѣ князя Константина Это обстоятельство указало ему на необходимость нѣсколько измѣниться въ отношеніи къ Зосѣ. Молодая дѣвушка могла быть очень полезной; но могла и принести большой вредъ, причинить много затрудненій. Слѣдовало забрать ее въ руки совершенно, слѣдовало отнять или купить у нея ея привязанность къ Гальшкѣ...

И вотъ отецъ Антоніо началъ ласковѣе глядѣть на духовную дочь свою. Выслушивая ея исповѣдь и благословляя ее, онъ какъ будто забывалъ свою руку на горящей головѣ ея. Иногда въ его глазахъ она замѣчала нѣжность. Обмануть Зосю было нетрудно. Она была вполнѣ увѣрена, что ея красота и кокетство подѣйствовали наконецъ на суроваго монаха. Она не только забыла Гальшку и ея интересы—она забыла весь міръ при этомъ сознаніи. Не мало писемъ, переданныхъ ей тайно посланными отъ князя Константина, перешли къ Антоніо. Кончилось тѣмъ, что мѣсяца черезъ три, не получая никакой вѣсти отъ Гальшки, Острожскій понялъ, что Зося его обманула и прекратилъ съ ней всякія сношенія. Между тѣмъ Зося все больше и больше сближалась съ Гальшкой, увѣряла ее въ любви своей и выпытывала ея мысли. Скоро она стала внушать ей то же, что и отецъ Антоніо. Она краснорѣчиво описывала всѣ прелести жизни въ католическихъ монастыряхъ, увѣряла, что скоро сама пойдетъ въ монастырь, что рѣшила это неизмѣнно...

— Уйдемъ вмѣстѣ въ монастырь, коханая моя *княгиня*, сладко говорила Зася, засматривая въ глаза Гальшки. Вѣдь въ русскій православный тебя все равно не пустятъ, да у насъ и не въ примѣръ лучше—а Богъ одинъ, и молимся мы ему одинаково.. Ну чего тебѣ стоитъ, золото ты мое ненаглядное, хоть для виду одного перейти въ католичество—и матушку свою успокоишь, и желанію твоему найдешь исполненіе... Не упрямься, голубка моя, не мучь себя понапрасну...

Гальшка строго приказывала ей замолчать и не заводить подобныя рѣчи.

И Зося замолкала, но только до перваго удобнаго случая.

Вдругъ съ ней произошла какая-то перемѣна. Она стала говорить совсѣмъ другимъ тономъ. Причина такой перемѣны заключалась въ томъ, что Зося наконецъ убѣдилась въ холодности къ ней Антоніо. Онъ не только не сказалъ ей, что ее любитъ, но даже упорно избѣгалъ всякаго рѣшительнаго объясненія. Удивительно скучна и несносна казалась ему эта ластившаяся, нескромная Зося. Онъ еще не предвидѣлъ отъ нея настолько важной услуги, чтобъ рѣшиться на нѣжныя отношенія съ нею...

Но онъ жестоко ошибался, не смотря на всю свою хитрость и мудрость. Еслибъ онъ могъ предвидѣть то, что скоро приготовитъ ему Зося, онъ забылъ бы всю свою къ ней антипатію, забылъ бы свое положеніе, свои обѣты, и былъ бы у ногъ ея, и цѣловалъ бы ея руки, и клялся бы ей въ вѣчной любви и вѣрности...

Мучительная страсть Зоси, разжигаемая сопротивленіемъ Антоніо, достигла своего высшаго предѣла. Еслибъ Антоніо полюбилъ ее, она сдѣлалась бы его рабою, умерла бы по первому его знаку. Но онъ ее не любитъ, онъ ее обманываетъ, смѣется надъ нею—и въ кипѣвшую страсть стала вливаться дикая ненависть. И Зося подъ конецъ сама не знала—обожаетъ ли она или ненавидитъ Антоніо. Когда она замѣчала его ласковый взглядъ, она замирала отъ блаженства, она рвалась къ нему всѣмъ существомъ своимъ. Но вотъ свѣтлый лучъ исчезалъ съ его блѣднаго, таинственнаго лица: онъ можетъ быть самъ того не замѣчая и не желая, дѣлался разсѣянъ, уходилъ въ свои мысли. Отъ него такъ и вѣяло ледянымъ холодомъ на трепещущую въ волненіи Зосю... И отчаянная тоска схватывала ея сердце, порывъ ожесточенной ненависти потрясалъ ее, душила глухая злоба. И вотъ Зося начинала—начинала понимать, что все это не спроста... не разсудокъ, не наблюденія, а инстинктъ уязвленнаго сердца выдалъ ей тайну отца Антоніо. Онъ любитъ Гальшку! вдругъ открыла Зося, и удивилась этому открытію, и все же, не задумываясь, сразу въ него увѣровала.

Библиотека "Руниверс"

„Да, иначе и быть не можетъ! А если такъ, если такъ, — что же дѣлать ей?!“ Сотни плановъ мщенья, одинъ другаго нелѣпѣе и неожиданнѣе, роились въ головѣ ея. Когда она нѣсколько пришла въ себя, то стала видѣть яснѣе. Она безъ затрудненія поняла все, что таилъ въ своихъ мысляхъ Антоніо. Она поняла, что замужество Гальшки будетъ для него жесточайшимъ ударомъ. Она готова бы была теперь хоть цѣною собственной жизни воскресить Сангушку. Но онъ умеръ— и Гальшка должна выйти замужъ за кого бы то ни было.

Зося стала пристальнѣе вглядываться въ постоянныхъ посѣтителей и намѣтила Гурку. Онъ, съ своей стороны, тоже обратилъ вниманіе на молодую дѣвушку. Рѣшеніе во что бы то ни стало жениться на Гальшкѣ было принято имъ неизмѣнно. Ему нужна была очень богатая невѣста. До ея любви, равнодушія или даже ненависти къ нему, ему не было никакого дѣла. Но разумѣется, слѣдовало постараться расположить въ свою пользу кого нибудь, кто бъ имѣлъ вліяніе на Гальшку. Панна Зося, хитрая, ловкая, сговорчивая и очевидно болѣе остальныхъ близкая къ неутѣшной красавицѣ, была совершенно по мыслямъ Гурки. Онъ переговорилъ съ ней наединѣ и сразу убѣдился въ ея согласіи дѣйствовать въ его пользу. Онъ обѣщалъ ей, въ случаѣ удачи, свою неизмѣнную благодарность, роскошную и веселую жизнь въ его замкѣ. Но ей вовсе и не нужны были его обѣщанія. Она бы и говорить съ нимъ не стала, если бъ не замѣтила, по многимъ признакамъ, его непоколебимую настойчивость завладѣть рукой Гальшки. Она думала только о томъ, какъ бы отплатить хорошенько іезуиту, насладиться его неудачей, его отчаяніемъ...

Цеко Петковичъ. (Организаторъ многихъ возстаній славянъ противъ турецкаго ига). Съ фотогр. Майконера, рѣзалъ Марковъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Библіографія.

I. *Баянъ. 150 одноголосныхъ и двухголосныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ.* Въ 2-хъ частяхъ. Составили *Г. В. Дольдъ* и *А. Р. Фаминцынъ.* Спб. 1876.

II. *Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсенъ съ народными напѣвами. Сост. Александръ Фаминцынъ.* (2 части).

Нельзя не привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ появленіе этихъ двухъ сборниковъ. Не говоря о томъ, что народные напѣвы всѣхъ странъ составляютъ интересъ всеобщій, наравнѣ съ народною поэзіей, наше музыкальное образованіе въ народномъ общемъ смыслѣ страдаетъ до сихъ поръ привиллегированностью, исключительностью. У насъ укоренилось мнѣніе, что музыка есть достояніе привиллегированнаго класса, обладающаго средствами. По нашему мнѣнію пѣсня—вѣчная подруга всякаго народа, и составляетъ существенный элементъ его духовнаго развитія. Не можемъ не напомнить при этомъ случаѣ извѣстныхъ словъ поэта:

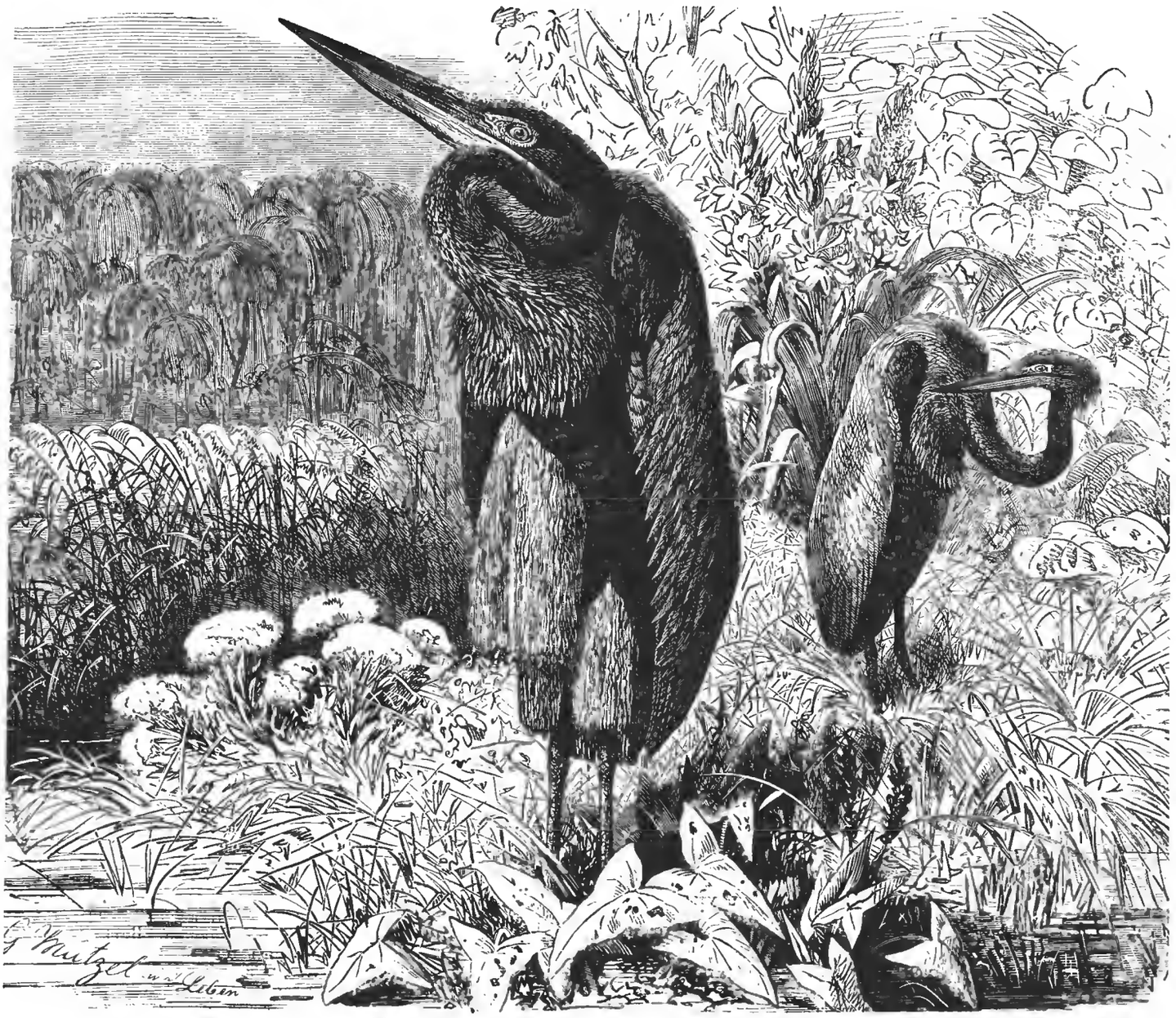
«О пѣсня, пѣсня! Ты ковчегъ,
Куда народъ во дни печали
Кладетъ свой рыцарскій доспѣхъ
И мечъ, и славныхъ дней скрижали.

«Дѣтскій пѣсенникъ» разсчитанъ на школьное употребленіе. Первыя его 60 пѣсенъ (1 часть) поются всѣмъ хоромъ въ *одинъ голосъ.* Нѣкоторыя написаны для одного высокаго голоса, напримѣръ для сопрано. Нѣкоторыя пѣсни, представляющія разговоръ между двумя лицами (напримѣръ «Дитя и птичка») требуютъ исполненія *двумя группами* дѣтскаго хора.

Гг. авторы дѣтскихъ сборниковъ составили не исключительно русскій, а такъ сказать, «*сравнительный*» сборникъ мелодій разныхъ народовъ. Слѣдовательно, автору, этимъ путемъ, удалось избѣжать, съ одной стороны, утомительнаго однообразія, а съ другой—восполнить недостатокъ великороссійскихъ мелодій, напримѣръ, малороссійскими. Изъ нашихъ же народныхъ мелодій авторъ *второго* сборника, говоря его собственными словами, «имѣлъ въ виду только *красивые* народные напѣвы», да и изъ этихъ «красивыхъ» сдѣлалъ тщательную выборку, ни на минуту не упуская изъ виду, что сборникъ составляется для дѣтей. Я имѣлъ въ виду, говоритъ авторъ, сдѣлать сборникъ не *русскихъ* народныхъ пѣсенъ, но *дѣтскихъ пѣсенъ, основанныхъ на народныхъ напѣвахъ.*

Сборники гг. Фаминцына и Дольда, составленные съ знаніемъ дѣла, вкусомъ, добросовѣстностью, составляютъ дорогое пріобрѣтеніе для педагоговъ и родителей, желающихъ дать дѣтямъ музыкальное образованіе. Цѣна же имъ очень дешевая. (1-я часть, наприм.,) объемистой книжки «Баяна» стоитъ 60 коп., а 2-я 80 коп.). «Дѣтскій пѣсенникъ (тоже 2 части) печатанъ за границей и по типографскому изяществу стоитъ выше «Баяна», хотя цѣна той и другой книжкѣ тоже крайне дешева (1-я часть 35 коп., 2-я 40 коп.).

III Книжка, «Чтеніе для дѣтей», Щербинской не безъ пользы и интереса можетъ быть прочитана дѣтьми.



Цапля Голіафъ. Рис. Швервиль, грав. Дидо.

Библиотека "Руниверс"

Первый разсказъ «Катя» въ «Чтеніи для дѣтей» служитъ выраженіемъ той мысли, что каждый долженъ избрать себѣ занятіе. Героинею его является крестьянская дѣвочка, Катя. Состояніе Кати во время болѣзни ея матери, за симъ, жизнь послѣ ея смерти въ семействѣ богатой барыни, изображены весьма недурно. Разсказъ «Ночь на Ивановъ день», переноситъ насъ въ міръ фантастическій. Мальчикъ, наслушавшись дѣдушкиныхъ разсказовъ, уходитъ въ Иванову ночь съ табуномъ въ поле. Тамъ онъ собираетъ двѣнадцать травъ, срываетъ листъ папортника и садится подъ дубомъ, вполнѣ увѣренный въ томъ, что ему откроются волшебныя тайны, упомянутыя дѣдушкой. Воображеніе его разыгрывается, ему грезится, что съ нимъ говоритъ вся природа; наконецъ, на утро его будитъ пастухъ, и оказывается, что всѣ чудеса мальчикъ видѣлъ во снѣ. Остальные разсказы менѣе удачны, но нельзя сказать, чтобы они не заслуживали вниманія читателей—дѣтей.

Смѣсь

По дѣлу Московскаго Ссуднаго Банка и Струсберга Окружной судъ постановилъ слѣдующій приговоръ: Директоровъ Банка: Полянскаго и Ландау, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ Ландау отлучки изъ назначеннаго мѣста въ теченіи двухъ лѣтъ и, затѣмъ, выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи четырехъ лѣтъ. Струсберга, лишивъ тѣхъ же правъ и преимуществъ, выслать за границу, съ воспрещеніемъ въѣзда въ Россію; если же, по собраннымъ свѣдѣніямъ, окажется, что онъ не можетъ быть принятъ за границей, то сослать его на житье въ Олонецкую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста ссылки въ теченіи четырехъ лѣтъ. Членовъ совѣта Банка: Шумахера, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ тюрьму на мѣсяцъ; Борисовскаго, лишивъ того же, сослать на житье въ Олонецкую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства въ теченіи одного года. Въ удовлетвореніе гражданскихъ истцовъ судомъ признана взаимная отвѣтственность членовъ совѣта.

Работы по сооруженію россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. О ходѣ работъ по сооруженію новыхъ россійскихъ желѣзнодорожныхъ линій получены слѣдующія извѣстія:

Привислянская жел. дорога окончила VIII вѣтвь отъ Ивангорода до Лукова. Въ близкомъ будущемъ откроется движеніе по этой дорогѣ. На прочихъ 7 вѣтвяхъ уже выполнено 75 проц. земляныхъ работъ и построено нѣсколько малыхъ мостовъ, а также окончена почти половина большихъ сооруженій. Рельсовъ проложено на протяженіи 256 верстъ. Наготовѣ стоитъ 20 Борзигскихъ и 20 русскихъ локомотивовъ, товарныхъ вагоновъ — 873. Большіе мосты черезъ Вкру, Нарову, Вепрпъ и Бугъ еще не готовы; тамъ погружаются кессоны. Всѣ работы по постройкѣ мостовъ предположено окончить къ концу 1877 г.

Уральская горная дорога, вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія поверхности почвы, встрѣчаетъ множество препятствій, такъ что земляныя работы мало подвинулись впередъ, за то большія станціонныя постройки идутъ успѣшно; такъ станція „Пермь" готова вчернѣ. Доставка рельсовъ и прочихъ матеріаловъ производится по Волгѣ довольно быстро, аккуратно, но объ окончаніи этой дороги ранѣе 1878 г. нечего и думать.

Фастовская дорога почти окончена; составъ служащихъ эксплоатаціи уже опредѣленъ и мѣста заняты (начальникъ эксплоатаціи инженеръ Ганъ). Въ скоромъ времени послѣдуетъ открытіе движенія.

Рижско-Тукумская дорога тоже почти готова и къ концу текущаго года будетъ открыта.

На *Оренбургской* дорогѣ къ 1-му сентября были окончены всѣ земляныя работы и сооруженія; не готовъ только мостъ черезъ Волгу. Рельсы у станцій и на протяженіи всего пути уже положены; телеграфъ работаетъ вездѣ; окончена и постройка зданій; остались кое-какія мелкія работы. На готовѣ 77 локомотивовъ и 1060 товарныхъ вагоновъ. Водопроводы на пути между Самарой и Оренбургомъ совершенно окончены, а между Самарой и Сызранью еще не совсѣмъ готовы. Мостъ черезъ Волгу будетъ отстроенъ не ранѣе 1879 г. — Остальныя дороги: *Дерптско-Тапская* (107) верстъ) и *Мерефо-Ворожбянская* (223 в.) строятся; первая изъ нихъ — обществомъ Балтійской дороги, вторая—Харьково-Николаевской жел дорогой. Обѣ откроются въ будущемъ году.

Одесская жел. дорога все еще не можетъ справиться съ Корнешти-Прутскимъ мостомъ, а ему слѣдовало-бы быть готовымъ еще въ 1872 г — Совершенно неосновательно сдѣланъ обходъ тоннеля у Пирлицы, что повело къ неудачнымъ сооруженіямъ исполинскихъ дамбъ, а именно: для того, чтобы наполнить одну только дамбу емкостью въ 6,700 куб. саж. потребовалось уже 40,000 куб. саж. насыпнаго матеріала—и все понапрасну. Такое замедленіе относительно соединенія Одесской дороги съ линіями Румынской повело къ тому, что хлѣбные транспорты изъ южной Россіи должны идти черезъ Кенигсбергъ, поэтому акціи Одесской дороги упали съ 102 руб. на 33 р.

Въ Финляндіи, послѣ открытія Або-Таммерфорсъ—Тавастгустской жел. дороги, новыхъ линій не прокладывается.

Предварительныя работы по постройкѣ Сибирской дороги, послѣ окончательнаго выбора линіи южнаго направленія, идутъ весьма успѣшно. Путь идетъ отъ Нижняго-Новгорода вдоль сѣвернаго берега Волги къ Казани (420 в.); отъ Казани дорога пойдетъ или по правому берегу Камы до Николо-Березовскаго становища (377 в.), или по лѣвому берегу ея до того-же пункта черезъ Чистополь и Мензелинскъ (422 в.) и, затѣмъ, отъ Николо-Березовска до Екатеринбурга (455 в.), а оттуда до Артамоновскаго становища на Тоболѣ (450 в.), такъ, что все протяженіе дороги будетъ 1,657 в. или 1,702 в., смотря потому, по правому или лѣвому берегу Камы пойдетъ желѣзнодорожный путь.

Къ рисункамъ.

Сербское знамя.

Отправленное въ армію генерала Черняева знамя (см. смѣсь въ № 36 «Нивы»), рисунокъ котораго здѣсь помѣщенъ, сдѣлано по образцу той хоругви, предъ которой молился Димитрій Донской на Куликовомъ полѣ, изъ черной шелковой ткани, посрединѣ его—нерукотворенный образъ Спасителя; оно утверждено на красномъ древкѣ, увѣнчанномъ сіяющимъ золотымъ крестомъ. По краямъ знамени вышиты золотомъ слова псалма: »*Богъ намъ прибѣжище и сила*»; при основаніи раздвоенныхъ крыльевъ знамени вышиты слова молитвы: «*Да воскреснетъ Богъ*». На бантѣ знамени изъ сербскихъ національныхъ цвѣтовъ слѣдующая вышитая золотомъ надпись: «отъ русскихъ людей славянскому воинству»?

На одну минутку.

Кто эта дѣвушка? А это не болѣе, какъ жалкая, оборванная цыганская дѣвушка; зовутъ ее Ниникой. У Ниники, какъ и у каждаго члена цыганскаго табора, есть тоже свое ремесло, свой заработокъ. Она—маляръ; она занимается красильнымъ дѣломъ, т. е. бѣлитъ стѣны крестьянскихъ домиковъ, окрашиваетъ красной краской придорожные кресты, а потолокъ въ кухняхъ, надъ очагомъ,—замазываетъ черной. Работы вообще у нея маловато, но за то передъ Пасхой—о, дѣла Ниники—маляра процвѣтаютъ. Вѣдь всякому хочется обновить, подкрасить свое жилище, чтобы и окружающее соотвѣтствовало праздничному костюму. И вотъ, Нинику зовутъ, и она бѣжитъ на зовъ, захвативъ краску и кисти. Въ такое горячее время бѣдная дѣвушка особенно бываетъ грязна и жалка на видъ... Но чтоже дѣлать? Куски хлѣба вѣдь не падаютъ съ неба!... Ниникѣ всего-то 20 лѣтъ, а уже сердце ея занято: она уже любитъ... Впрочемъ, у цыганъ чувство это развивается рано, такъ что хорошо еще, что въ эту пору она можетъ любить. Да, и Ниника безъ памяти влюблена въ Пети. Чтобы повидаться съ нимъ—она бѣжитъ за нѣсколько верстъ, не жалѣя ногъ, не обращая вниманія на ревейникъ и острые камни; чтобъ свидѣться съ «милымъ», она работаетъ вдвое усерднѣе самаго прилежнаго труженика, спѣшитъ окончить пораньше работу и до ночи добраться до мѣстечка, гдѣ чернокудрый Пети возится съ мѣдными котлами. Вотъ сегодня Ниникѣ удалось засвѣтло пошабашить, да ужъ и поработала-же она, какъ лошадь, безъ передышки. Теперь она бѣжитъ какимъ-то пустыремъ, черезъ холмистую мѣстность, туда — къ другу милому, Пети. Сердце ея далеко впереди, оно летитъ на встрѣчу «къ нему»; быстрыя, сильныя ноги не поспѣваютъ за нимъ. Э, что же это такое? Глазамъ не вѣрится! Да, Ниника вдругъ остановилась. Бездна разверзлась у ея ногъ или на волка наткнулась она?... Статочное-ли дѣло терять золотое время—и кому же?—такой пылковлюбленной, нетерпѣливой дѣвушкѣ?... А Ниника опускается на камень (корзина и кисти уже брошены), вынимаетъ поспѣшно трубочку, табакъ, спички и — закуриваетъ. Съ трубочкой въ зубахъ побѣжитъ она дальше, ноги понесутъ ее еще быстрѣе туда, къ возлюбленному. Табакъ—единственная вещь на свѣтѣ, которая могла пріостановить на минутку бѣгъ Ниники!... «*Только на одну минуточку!*» Молодое сердце еще беретъ верхъ надъ табакомъ, а черезъ годъ или два, быть можетъ, десятокъ чернокудрыхъ Пети уже будетъ не въ состояніи удержать Нинику, если она только завидитъ табачную лавочку. Въ этомъ невольномъ порывѣ удовлетворить желаніе *покурить* сказывается вся натура цыганки — дѣвушки, которую Вастагъ, первѣйшій живописецъ Зибенбюргена и первоклассный художникъ современной Венгріи, изобразилъ на полотнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Цеко Петковичъ.

Въ народныхъ возстаніяхъ противъ чужеземнаго ига и въ борьбѣ за національную независимость проявляются дѣятели двоякаго рода: одни изъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаиваютъ свободу и честь своего племени; другіе служатъ своему отечеству какъ организаторы, какъ люди, умѣющіе влiять на народную массу, возбуждая въ ней патріотизмъ и ожесточеніе противъ ненавистныхъ притѣснителей.

Цеко Петковичъ, портретъ котораго помѣщенъ въ настоящемъ № «Нивы», принадлежитъ къ числу послѣднихъ; его организаторскій талантъ и доблестная дѣятельность въ дѣлѣ болгарскаго освобожденія, давно заслужили ему признательность его соотечественниковъ, между которыми имя его пользуется огромной популярностью.

Цеко Петковичъ родился въ Ломъ-Паланкѣ, небольшомъ мѣстечкѣ, лежащемъ на Дунаѣ близь Виддина. Цеко принималъ горячее участіе въ болгарскомъ возстаніи 1851 года, вспыхнувшемъ вслѣдствіе поборовъ турецкихъ чиновниковъ, спагіевъ и Виддинскаго епископа, родомъ грека.

Въ началѣ турки старались подавить возстаніе обѣщаніемъ различныхъ льготъ, какъ-то: выбора епископа изъ болгаръ, пониженія дани, полной равноправности и, при обязательствѣ платить подать, устройство особаго болгарскаго княжества подъ управленіемъ Степана Богорида, сынъ котораго и понынѣ состоитъ турецкимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Но всѣ эти льготы и реформы остались безо всякаго исполненія, когда наводнили страну турецкія войска, низамъ, арнауты и баши-бузуки, подавившіе возстаніе послѣ страшной бойни при Грцахъ и Власиновицахъ. Цеко, разочаровавшійся въ своихъ планахъ, убѣжалъ въ Сербію. Когда же въ 1851 году вспыхнула Крымская война, и русскіе, занявъ Валахію, приблизились къ самымъ границамъ Сербіи, онъ немедленно организовалъ болгарскій легіонъ, который, къ сожалѣнію, частію погибъ, частію разсѣялся, при поспѣшномъ отступленіи русскихъ войскъ изъ Валахіи. Большая часть болгарскихъ поселянъ, служившихъ въ легіонѣ, или имѣвшихъ какія-либо сношенія съ русскими или Петковичемъ, должны были пріискать себѣ болѣе безопасное убѣжище и переселились въ Россію.

Послѣ Крымской войны надежды несчастныхъ райевъ на русскую помощь сильно повысились. 16 февраля 1856 г., султанъ, по инициативѣ западныхъ державъ, объявилъ пресловутый Гатти-гумаюнъ, которымъ было много обѣщано въ отношеніи религіознаго и національнаго равенства христіанъ съ его магометанскими подданными. Но исключая нѣкоторыхъ незначительныхъ реформъ, турецкое правительство ничего не дало своимъ болгарскимъ райямъ, а еще болѣе усилило ихъ страданія, переселивъ въ 1864 году въ ихъ среду черкесовъ съ Кавказа и отведя имъ мѣсто для поселенія на Балканахъ, Дунаѣ и преимущественно на сербской границѣ, чтобъ онѣ вкупѣ съ албанцами образовали родъ живой стѣны между болгарами и сербами. Немудрено что Цеко, проживавшій въ это время то въ Крагуенацѣ, то въ Бѣлградѣ, не могъ остаться равнодушнымъ при такомъ несчастномъ положеніи своей родины и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ покушеніяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы свергнуть ненавистное иго.

Такъ въ 1866 году, когда возстаніе кандіотовъ и румынскія событія возбудили между болгарами революціонное движеніе, онъ участвовалъ въ снаряженіи отряда гайдуковъ, посланныхъ на Балканы изъ Сербіи и Валахіи. Всѣ эти попытки болгарскихъ патріотовъ (а въ томъ числѣ и Цеко Петковича) увлеченныхъ мечтою создать въ союзѣ съ Сербіей свободное, юго-славянское, федеративное государство, окончились полнѣйшей неудачей. Малочисленные отряды гайдуковъ, посылаемые нѣсколько разъ на Балканы, большею частью погибали, принужденные почти на каждомъ шагу вступать въ неравный бой съ низамомъ, баши-бузуками и черкесами. Но эти невзгоды не могли поколебать энергію такого пламеннаго патріота, каковъ Цеко, и въ послѣднее время онъ снова является какъ участникъ въ подготовленіи болгарскаго возстанія сражается въ рядахъ сербскаго войска при Зайчарѣ и Бѣлой Паланкѣ и наконецъ пробирается по Балканамъ до самой Берковицы; но здѣсь недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и порохѣ, а также наступленіе ненастнаго и холоднаго времени заставляютъ его воротиться обратно въ Сербію.

Дай то Богъ, чтобы доблестный Цеко Петковичъ могъ увидѣть, что труды его были не напрасны, и что несчастная его родина, благодаря усиліямъ какъ его, такъ и другихъ подобныхъ ему патріотовъ, достигнетъ болѣе счастливой будущности.

А. Н.

Цапля Голіафъ.

Между животными, также какъ и между людьми, попадаются особи непривлекательныя въ нравственномъ отношеніи или, какъ говорятъ, «дурного права». Вотъ къ такимъ-то могутъ быть причислены всѣ вообще цапли, а въ особенности цапля *Голіафъ*. Она—уроженка Абиссиніи, слѣдовательно — дикарка, тварь достаточно свирѣпая. Два экземпляра этихъ цаплей были наблюдаемы въ саду акклиматизаціи (въ Булонскомъ лѣсу); результатъ наблюденій такой: обѣ птицы не обнаруживали чувства доброты, и кротости не было въ нихъ; физически онѣ очень сильны, такъ что на свободѣ врагамъ ихъ бываетъ плохо. Голова цапли Голіафа покрыта каштановаго цвѣта подвижными перьями, которыя она беспрестанно поднимаетъ; взглядъ у нея угрюмый, непріятно-пристальный, злой, какъ вообще у всѣхъ птицъ этой породы. Голіафъ всегда держитъ клювъ наготовѣ, какъ бы ожидая нападенія; зачастую стоитъ онъ на одной ногѣ. Хорошій взрослый самецъ достигаетъ вышины 18—19 вершковъ. Перья на груди у него сѣрыя, испещренныя крапинками бѣловатаго и свѣтлобураго цвѣта; спина горбатая и вся фигура вообще неуклюжа. Животное это почти безостановочно щелкаетъ своимъ клювомъ, который для него составляетъ великолѣпное оружіе, какъ страшный штыкъ для пѣхотинца. Нелестные отзывы объ этой птицѣ подтверждаются многими фактами. Такъ, напр., въ Булонскомъ саду акклиматизаціи былъ такой случай: какой-то господинъ усѣлся на скамейкѣ около загородки, за которой расхаживала цапля Голіафъ. Господинъ этотъ, сидя спиною къ Голіафу, углубился въ чтеніе газеты. Темная неподвижная фигура посѣтителя на скамейкѣ не понравилась, повидимому цаплѣ, и вотъ она, осторожно просунувъ голову въ одно изъ широкихъ отверстій проволочной рѣшетки, вытянула длинную свою шею, прицѣлилась и такъ ударила клювомъ въ спину-гостя политика, что его пальто, сюртукъ, жилетъ и рубашка оказались пробитыми—и на тѣлѣ ссадина. Послѣ этого случая проволочная рѣшетка, конечно, была сдѣлана съ болѣе густымъ переплетомъ. Многія изъ хищныхъ, свирѣпыхъ звѣрей, очутившись въ клѣткѣ звѣринца, привыкаютъ къ своимъ надсмотрщикамъ, даже относятся къ нимъ дружелюбно, но цапля Голіафъ, при видѣ сторожа, приходитъ въ ярость, такъ что ничку, человѣку постороннему плохо бы пришлось, если бы онъ попалъ въ гости къ цаплѣ Голіафу. Не въ одной Абиссиніи водятся цапли, способныя защищаться и даже нападать. Одинъ охотникъ спугнулъ цаплю и ударомъ ружья довольно далеко отбросилъ ее. Поднявшись, птица неуклюже, но быстро заковылляла по лугу, тогда другой охотникъ, съ собакой своей, погнался за нею. При видѣ враговъ, цапля навзничь опрокинулась на землю, расправила когти, подняла клювъ и стала страшно ворочать глазами, ожидая нападенія. Храбрая собака сейчасъ же бросилась на птицу и, въ то же мгновеніе съ визгомъ отскочила, получивъ сильный ударъ клювомъ, какъ бы остріемъ шпаги; кровь брызнула изъ раны. Охотники палками добили разъяренную цаплю, которая имѣла намѣреніе броситься и на нихъ.

Много надо ловкости и терпѣнія, чтобы пріучить цаплю жить въ неволѣ, а особенно Голіафа, непривычнаго къ нашему климату. Пойманная цапля обыкновенно упорно отказывается отъ даровой пищи, даже и тогда, если насильно вложить ей кусокъ въ клювъ. Свойственная этой птицѣ меланхолія увеличивается, наступаетъ полнѣйшая апатія, цапля видимо чахнетъ отъ тоски и, черезъ недѣлю или двѣ, умираетъ тихо, безъ стонъ, какъ бы не сожалѣя о погибшей своей жизни.

Политическое обозрѣніе.

Всеподданнѣйшіе адресы, уже поднесенные Государю Императору въ древней и новой столицѣ выражаютъ готовность всѣхъ сословій на жертвы, если война дѣйствительно начнется. Въ виду теперь уже прямо и ясно поставленнаго вопроса о войнѣ, нѣкоторые заграничные капиталисты сдѣлали Россіи предложенія о внѣшнемъ займѣ, но эти предложенія были отвергнуты министромъ финансовъ, какъ несогласныя съ достоинствомъ кредита такой державы, какъ Россія. Общее мнѣніе теперь — то, что деньги для веденія войны найдутся внутри Россіи. Говорятъ, напримѣръ, объ установленіи новыхъ налоговъ, которыя, конечно, будутъ охотно вноситься всѣми сословіями.

Россіи, во всякомъ случаѣ, предстоитъ испытаніе. Что она готова къ этому испытанію — доказывается тѣмъ, что она три мѣсяца сряду посылала лучшихъ сыновъ своихъ на поле брани, и русская кровь уже успѣла въ изобиліи обагрить поля битвы за свободу нашихъ братьевъ.

По вопросу о предполагающейся въ Константинополѣ конференціи изъ представителей 6-ти великихъ державъ Порта еще до сихъ поръ не дала своего отвѣта. Она считаетъ конференцію униженіемъ для себя. Возраженіе противъ конференціи Порта послала не только Англіи, но и другимъ европейскимъ державамъ. Въ случаѣ если конференція состоится, Англія пошлетъ своимъ уполномоченнымъ маркиза Салисбери, Германія, судя по извѣстіямъ изъ Парижа, также оффиціально присоединяется къ конференціи, и первое конференціонное засѣданіе, какъ утверждаютъ, состоится 4 декабря (по нов. стилю). Въ виду важности предстоящихъ событій, лордъ Биконсфильдъ (Дизраэли) внезапно приглашенъ изъ своего обычнаго мѣстопребыванія, Бирмингема, въ Лондонъ, для «обсужденія положенія дѣлъ».

Въ началѣ прошлой недѣли когда отношенія великихъ дер-

Библиотека "Руниверс"

жавъ къ восточному вопросу и грядущему его рѣшенію еще представлялись далеко не ясными, Англія неожиданно, въ лицѣ своего премьера, Дизраэли, высказала свои воззрѣнія на дѣла Востока въ рьяно-туркофильскомъ смыслѣ, въ смыслѣ пресловутаго сохраненія принципа независимости и территоріальной цѣлости Турціи. Рѣчь свою Дизраэли произнесъ на «банкетѣ, данномъ въ честь лорда Мэра. Рѣчь англійскаго премьера до того искусна, что уже граничитъ съ безтактностью,—крайности сходятся. Осторожныя и буржуазныя лондонскія газеты «Times» и «Daily News» рѣшительно не одобряютъ этой рѣчи. Главное, что придаетъ Дизраэлевской рѣчи особый колоритъ — это намекъ на какое-то правое «дѣло» за которое во всеоруженіи постоитъ Англія, пока это «правое дѣло» не восторжествуетъ. Это правое дѣло—цѣлость турецкой Имперіи и гарантіи противъ завоевательныхъ стремленій Россіи на Востокѣ, взятіе Константинополя и даже завоеваніе Индіи (?!). Говорится также объ уваженіи къ трактатамъ (т. е. о парижскомъ трактатѣ, заключенномъ послѣ крымской войны). Высказывается, далѣе тонкій комплиментъ графу Андраши, за его знаменитую ноту; намекается на причины, почему Англія не могла присоединиться къ берлинскому меморандуму — эти причины опять таки состоятъ въ нѣжномъ опасеніи по поводу посягательства на не прикосновенность турецкой территоріи! Всякому, однакожъ, понятно что лордъ Биконсфильдъ не сталъ бы такъ тщательно отряхать пыль съ архивныхъ трактатовъ, утратившихъ теперь свое значеніе—если бы эти трактаты не были выгодны для Англіи и ея традиціонной политики, унаслѣдованной съ крымской войны. Теперь считаютъ очевиднымъ что Турція ободрена рѣзкимъ воинственнымъ голосомъ Англіи, и дастъ отвѣтъ на циркулярную депешу нашего Государственнаго Канцлера подъ диктовку Англіи и ея премьеръ-министра.

Замѣчательно, что въ самый день произнесенія англійскимъ премьеръ-министромъ рѣчи, турецкій посолъ въ Лондонѣ Музурусъ-паша получилъ отъ Порты приказаніе заявить С. Джемскому кабинету, что Турція *высказывается противъ конференціи*, и что она убѣдительно проситъ Англію взять назадъ свое предложеніе и, вмѣсто его формулировать какую либо *программу мира*. Но уже можно предвидѣть, на какихъ основаніяхъ Англія выработаетъ эту мирную программу.

Вопросъ, такимъ образомъ, въ настоящемъ видѣ представляетъ нѣчто вродѣ бѣличьяго колеса. Трактаты, цѣлость Порты автономія балканскихъ христіанъ и т. д. все подобные пустые звуки.

Изъ Сербіи есть извѣстія, что сербскій военный министръ полковникъ Николичъ, подалъ въ отставку, которая и принята княземъ. На мѣсто его назначенъ военнымъ министромъ начальникъ сербской артиллеріи Тимокско-Моравской арміи, полковникъ Савва Груичъ. Сначала прошлой недѣли много говорили о министерскомъ кризисѣ въ Сербіи; но кризисъ уже устраненъ.

Кардиналъ Антонелли 25 † Окт. 1876 г. стар. ст. *)

Но между тѣмъ, какъ коммисія хлопочетъ объ установленіи демаркаціонной линіи, на западной границѣ Босніи и Герцеговины продолжаютъ практиковаться турецкія варварства. Тамъ три батальона турецкихъ войскъ изъ Гламоча *продолжаютъ избивать христіанъ и производить грабежи* въ Унацѣ. Это въ то время когда лордъ Биконсфильдъ высказываетъ нѣжную заботливость о неприкосновенности Османской Имперіи... Это варварство турокъ, вызвало предводителя боснійскихъ отрядовъ, Деспотовича, къ оборонительнымъ дѣйствіямъ. Онъ теперь двинулся изъ Розановца, по направленію къ Грахову полю.

Мобилизація нашихъ войскъ на югѣ Россіи теперь приняла, повидимому, полный ходъ. Товарныя и пассажирскія движенія на большей части нашихъ южныхъ дорогъ прекращены. Войска поспѣшно отправляются къ мѣсту своего назначенія.

Главнокомандующій дѣйствующей арміей, Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій отправится въ Кишиневъ 11-го сего ноября.

Вскорѣ по всей вѣроятности произойдутъ важныя и рѣшительныя событія.

*) Біографія кардинала Антонелли за недостаткомъ мѣста отложена до слѣдующаго номера.

СОДЕРЖАНІЕ: **Въ Константинополѣ** (Изъ путевыхъ записокъ К. Л.) (съ 6-ю рисунками).—**Кулиновская битва** (съ рисункомъ).—**Княжна Острожская**. Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева**. (Часть 2-я). Продолженіе.—Библіографія. Смѣсь.—**Сербское знамя** (съ рисункомъ).—**На одну минутку** (съ рисункомъ).—**Цеио Петновичъ** (съ рисункомъ). **А. Н.**—**Цапля Галіафъ** (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе.—Заявленіе.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ № нашего журнала мы прилагаемъ большое объявленіе о подпискѣ на «Ниву» въ 1877 году. Это объявленіе заключаетъ въ себѣ образцы гравюръ, помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ и указанія на тѣ цѣли, какія въ теченіи семилѣтняго своего существованія преслѣдуетъ журналъ, стремящійся къ доставленію читателямъ интереснаго и полезнаго чтенія. Но такъ какъ наши постоянные читатели конечно знакомы достаточно съ направленіемъ и статьями «Нивы», то мы покорнѣйше ихъ просимъ распространять въ окружающей ихъ средѣ прилагаемыя объявленія о подпискѣ на «Ниву» въ 1877 году и способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ цѣлью и способомъ веденія нашего журнала, предназначеннаго для семейнаго чтенія и въ теченіи семи лѣтъ прилагающаго значительныя усилія для выполненія этой задачи.

Кромѣ того предлагаемъ обратить вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, которыя мы для нашихъ подписчиковъ отдаемъ съ значительною уступкою.

ВЫШЛА НОВАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА:
Скоромный и постный столъ.

Руководство для приготовленія 2,800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ до самыхъ простыхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, и приготовленія запасовъ въ прокъ.

Съ 20-ю раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса; какъ и съ средствъ указаніемъ для сбереженія припасовъ и исправленія испорченныхъ—при чемъ находится также реестръ порядка обѣдовъ, съ нѣкоторыми примѣрами, раздѣляемыхъ на 3 главные разряда.

Составлено и издано **О. Павловсиой.**

Рисунки исполнены художникомъ **П. Борелемъ**. Текстъ состоитъ изъ 45 печатныхъ листовъ. **Цѣна 4 руб.**

Продается книга въ С.-Петербургѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а въ Москвѣ у г. г. книгопродавцевъ Мамонтова, Солонцева и Саласвыхъ.

Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, по Офицерской улицѣ, домъ № 16, квар. № 9 и въ книжномъ магазинѣ г. Мамонтова на Невскомъ проспектѣ д. № 46.

За пересылку ничего не платится, исключая въ—Сибирь и Кавказъ, за 4 фунта.

Одобренная Министерствомъ Нар. Просвѣщенія; «какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей.» **Бухгалтерія** по двойной системѣ. 2 части (520 стр.) съ 6 листами чертежей и таблицъ. Сост. Ѳ. Журовъ. М. 1874. Ц. 3 р. съ перес. Адресъ: «Въ с. Тейково, Влад. губ., Ѳ. Г. Журову. Тамъ же **Кратиая Бухгалтерія** (68 стр.) Ѳ. Журова. М. 1875. Ц. 25 к. съ перес.

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ.

Для истребленія насѣкомыхъ вообще и клоповъ въ особенности, во всѣхъ мѣстахъ ихъ нахожденія—примѣненіемъ пара. Громадный спросъ на аппараты дозволяетъ мнѣ смѣло рекомендовать каждому „Ручной паровой аппаратъ" какъ самое вѣрное средство для уничтоженія насѣкомыхъ, скоро, безъ запаха, и не пачкая вещей и обоевъ. Цѣна съ пересылкою 2 руб. Магазинъ **А. Штейнбергъ**, Невскій просп., д. Казанскаго собора, № 25. № 72.

!!Гг. Иногороднымъ для Елки!!

Получено въ громадномъ выборѣ елочные принадлежности какъ-то: всевозможныхъ сортовъ **бонбоньерки, картонажи, украшенія, костюмы, хлопушки**, а также бенгальскихъ огней, зажигательныхъ нитокъ, бѣлыхъ и цвѣтныхъ свѣчей, лучшія французскія конфеты и шеколадъ.

Предлагая гг. иногороднымъ свои услуги, прошу при этомъ обязательно писать, для сколькихъ дѣтей, какого возраста, мальчиковъ или дѣвочекъ и проч. чтобы имѣть возможность выслать вещи полезные, забавные и практичные. Цѣна съ пересылкою полнаго собранія украшеній съ бонбоньерками, свѣчами, подсвѣчникамъ и проч. въ 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 руб. и дороже.

Также получено въ числѣ самыхъ полезныхъ подарковъ для дамъ: большая партія отличныхъ французскихъ перчатокъ: лайковыхъ, замшевыхъ, шведскихъ и проч. изящные ящики французской и китайской работы съ 6—12 парами перчатокъ отъ 7, 10, 15, 20 до 50 рубл.

Магазинъ **А. Штейнберга** Невскій пр. д. Казаненаго Собора № 25.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» 1877 г. и прейсъ-курантъ торговаго дома Германа Корпуса въ С.-Петербургѣ,—и для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ фабрики роялей Я. Беккера въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 12 Ноября 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская д. № 9. Тип. Болдинъ, Анг. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 47 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 22 Ноября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ БЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ланге и А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Въ виду того, что приготовленіе около **18.000 печатныхъ адресовъ** для гг. **иногородныхъ подписчиковъ** потребуетъ **много** времени, мы просимъ покорнѣйше гг. **иногородныхъ** подписчиковъ **возобновлять подписку на 1877 годъ заблаговременно.**

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Э. Скайлеръ, Американскій генеральный консулъ въ Константинополѣ.

Родъ Скайлеровъ очень древній, давшій заатлантической республикѣ много патріотовъ и государственныхъ людей, игравшихъ важную роль въ соціальныхъ политическихъ и колоніальныхъ движеніяхъ, которыми такъ обильна исторія Соединенныхъ Штатовъ. Въ юности Скайлеръ съ особеннымъ усердіемъ изучалъ международное право, а также древніе и новые языки. Затѣмъ, получилъ степень доктора философіи и посвятилъ себя адвокатурѣ. Но адвокатская дѣятельность вскорѣ смѣнилась дипломатическою.

Первымъ важнымъ дипломатическимъ назначеніемъ Скайлера было назначеніе консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Москву, въ 1876 г. На этомъ постѣ Скайлеръ пробылъ три года. за тѣмъ сдѣланъ секретаремъ американскаго посольства въ Петербургѣ. На этомъ постѣ оставался до настоящаго года; онъ сопровождалъ также нашу экспедицію въ Хиву – и плодомъ этого было двухтомное сочиненіе о Туркестанѣ.

Въ настоящемъ году въ качествѣ генеральнаго консула Соединенныхъ Штатовъ Скайлеру суждено играть важную и благородную роль—разоблачителя турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, дѣятельнаго члена спеціальной коммисіи, назначенной для изслѣдованія «болгарскаго избіенія».

Э. Скайлеръ, Американскій генеральный консулъ въ Константинополѣ. Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

Скайлеръ воспользовался своими полномочіями генеральнаго консула и горячо содѣйствовалъ изслѣдованію. Составленъ былъ планъ путешествія по Болгаріи, къ югу отъ рѣки Марицы отъ Татаръ-Базарджика до Батака. Раскаленныя скалы, недвижный знойный воздухъ, извилистыя тропинки, которыя не стоитъ называть дорогами — такъ онѣ первобытны. Вотъ гдѣ лежалъ путь мужественному, честному Скайлеру и его товарищамъ.

Одинъ изъ спутниковъ Скайлера, г. Бэрингъ, нѣсколько разъ заболѣвалъ отъ нестерпимаго солнечнаго зноя, но Скайлеръ, самъ едва выносившій тяжесть пути, своимъ примѣромъ ободрялъ товарищей. Всѣ эти затрудненія можно было бы вынесть, говоритъ одинъ изъ спутниковъ Скайлера, — только вотъ что вскорѣ сдѣлалось для насъ невыносимымъ: раздирающіе крики отчаянія, раздававшіеся въ дымящихся селеніяхъ. Толпы женщинъ

Библиотека "Руниверс"

и дѣтей, безпомощныя, трепещущія, безпріютныя, голодныя.

Свѣдѣнія о турецкихъ звѣрствахъ, добытыя Скайлеромъ, составляютъ результатъ дѣятельности всей коммисіи и содержатся въ двухъ объемистыхъ томахъ съ рисунками. Эта книга появилась, говорятъ, уже и въ петербургскихъ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ. Правда, 21 рубль за два тома—цѣна, для большинства недоступная, но нѣтъ сомнѣнія, что книга, въ виду громаднаго интереса и достоинства изслѣдованія, найдетъ, конечно, свой кругъ читателей.

Результаты своего путешествія въ Хину, г. Скайлеръ, сопровождавшій наши войска въ этомъ походѣ, изложилъ тоже въ 2-хъ объемистыхъ великолѣпно изданныхъ томахъ, съ прекрасными рисунками.

Какъ и изслѣдованія о турецкихъ звѣрствахъ, книга Скайлера о Туркестанѣ, не особенно доступна по цѣнѣ, (цѣна тоже 20 рублей). Но она, по нашему мнѣнію, должна быть настольною книгою всякаго интересующагося нашими дѣлами въ Средней Азіи.

Замѣтимъ теперь, въ заключеніе, что Э. Скайлеръ одинъ изъ тѣхъ просвѣщенныхъ американцевъ, которые горячо интересуются внутреннею жизнію Россіи, нашимъ духовнымъ развитіемъ, нашею литературою. Скайлеръ перевелъ на свой родной языкъ извѣстную повѣсть Тургенева «Отцы и дѣти», показавшуюся ему весьма вѣрнымъ изображеніемъ нашей семейной, общественной и соціальной жизни. Затѣмъ онъ крайне интересовался бытомъ, матеріальнымъ и духовнымъ развитіемъ и литературою финновъ; перевелъ «Калевалу» финскаго поэта Вайнемайнена, эту «Чухонскую» Иліаду, имѣющую, говоря безъ шутокъ, первоклассныя красоты, потому что Вайнемайненъ—самобытный финскій геній, воспользовавшійся сокровищами своего родного языка съ такимъ же блестящимъ успѣхомъ, съ какимъ Гомеръ или авторъ «Нибелунговъ» воспользовались сокровищами языковъ древне-греческаго и древнегерманскаго. Судить о достоинствѣ перевода Скайлера съ финскаго предоставляется, конечно, спеціалистамъ, но самый фактъ перевода «Калевалы» обнаруживаетъ въ Скайлерѣ весьма многостороннюю образованность.

М. С.

О чемъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона.

«Ниневія будетъ Помпеею Малой Азіи, неисчерпаемымъ, богатымъ мѣстомъ раскопокъ для нашихъ потомковъ (и, вѣроятно, въ самомъ близкомъ будущемъ). Среди этихъ потомковъ, найдется свой Шамполіонъ — толкователь ассирійскихъ надписей»—такъ сказалъ Нибуръ въ 1829 г., и предсказаніе этого знаменитаго ученаго сбылось буквально. Ниневія дѣйствительно сдѣлалась *второй* Помпеей: она возстала изъ пепла и развалинъ, а французъ Шамполіонъ, разобравшій египетскіе іероглифы, нашелъ себѣ преемника въ лицѣ Г. Смита, англичанина, около котораго группируются теперь всѣ ассиріологи, изслѣдователи древностей въ Азіи.

До Нибура, когда еще вышеприведеннаго предсказанія не было, Ассирія была извѣстна лишь по немногимъ указаніямъ Библіи и разсказамъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ, греческихъ писателей, а затѣмъ начались тамъ ученыя изслѣдованія, и вотъ только нашимъ современникамъ суждено было поднять завѣсу, скрывавшую въ продолженіи двадцати вѣковъ это нѣкогда могущественное государство въ Средней Азіи, и проникнуть въ мракъ до историческаго прошлаго.

Перенесемся теперь мысленно въ ту страну, о которой Іезекіиль сказалъ: «Ассуръ уподобляется кедру вѣтвистому и густолиственному. Всѣ птицы небесныя вили гнѣзда въ вѣтвяхъ его, всякая тварь полевая плодилась подъ вѣтвями его, и подъ сѣнью его жили всѣ великіе народы»... Но что мы тамъ видимъ? На мѣстѣ когда-то знаменитыхъ своею цивилизаціею городовъ—чернѣютъ земляныя руины да жалкія дерсвушки изъ нѣсколькихъ палатокъ; тамъ, гдѣ волновались когда-то роскошныя нивы—тянутся заброшенныя поля, лежатъ почти безплодныя пустыни и, наконецъ, встрѣчаемъ вмѣсто образованнаго ассирійца, которому Азія казалась тѣсной—грязнаго, скотоподобнаго араба, кочевника, разбивающаго свою палатку гдѣ придется... Какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ этою страной, и пустынникъ невольно вспоминаетъ грозныя пророческія слова Цефанія: «Въ полночь протянетъ Онъ десницу свою и уничтожитъ Ассуръ, а Ниневію—опустошитъ, и будетъ она безплодной, какъ пустыня»... Пророчество это сбылось.

Знаменитый путешественникъ Генри Лэйардъ въ описаніи путешествія своего въ Ниневію (1845 г.) говоритъ между прочимъ: «Непроницаемый мракъ окутываетъ Ассирію, Вавилонъ и Халдею. Съ этими именами связаны великія націи; видишь мрачныя тѣни когда-то большихъ, оживленныхъ городовъ; громадныя развалины, эти безформенные груды камня и земли среди степей, какъ-бы смѣются надъ усиліемъ человѣка представить себѣ нѣчто стройное, цѣлое. Жалкіе потомки нѣкогда великихъ предковъ бродятъ еще по странѣ, кое-какъ оживляя безлюдныя равнины, которыя и евреями, и язычниками признаются колыбелью своего племени. Всюду, куда не взглянешь—раззореніе и пустошь: сначала это удивляетъ, поражаетъ, а потомъ душу охватываетъ священный ужасъ... Да, тутъ нѣтъ ничего, что могло бы успокоить путника, вселить надежду или поразсказать ему о давно минувшемъ»!...

А это минувшее—воскресло, ожило, благодаря наукѣ, этому новому солнцу, посылающему теперь животворные лучи свои съ запада на востокъ: оно разогнало тамъ тѣни и мракъ, которые въ продолженіи тысячелѣтій окружали Ассуръ и Вавилонъ. Все освѣщая и оживляя, проникаетъ это свѣтило въ нѣдра громадныхъ земляныхъ холмовъ, въ груды развалинъ когда-то цвѣтущихъ городовъ, разсыпаетъ лучи свои по заламъ, комнатамъ и самымъ отдаленнымъ уголкамъ древнихъ царскихъ дворцовъ, озаряя даже внутренность могилъ легендарныхъ существъ. Среди развалинъ, среди хаоса начинаетъ что-то двигаться, формы то обрисовываются, то снова расплываются, и вотъ, наконецъ, онѣ выступаютъ цѣлою массою, на подобіе необозримаго моря построекъ, зданій разной архитектуры. Открываются улицы, площади, появляются и люди въ характеристичныхъ своихъ одеждахъ; одни безъ оружія, другія съ мечомъ, пикой и лукомъ—это воины великаго Сарданапала, а тѣ—чиновники, художники, ремесленники; иныхъ мы видимъ за работой, другія, вѣроятно, идутъ по дѣлу... Мы среди оживленнаго города, принадлежащаго народу, достигшему полнаго своего соціальнаго развитія, мы въ сердцѣ большаго, благоустроеннаго государства, мы въ Ниневіи—столицѣ Ассиріи.

Теперь, чтобы познакомиться поближе съ этою картиною, нужно взглянуть на тѣ работы, которыя по изслѣдованію историческихъ древностей заслужили неувядаемые лавры. Прежде всего нѣкоторыя мѣста св. писанія оказали неоцѣненную услугу ассиріологамъ, послуживъ имъ исходнымъ пунктомъ и путеводною нитью при ихъ изслѣдованіяхъ. Въ книгахъ Ветхаго Завѣта встрѣчаются первыя извѣстія объ Ассиріи, указанія на ея географическое положеніе и отчасти кое что изъ исторіи ея (книга Моисея 1. 10. 6—22); дальнѣйшія извѣстія объ этой странѣ мы находимъ у Іезекіиля (21. 31), Исаіи, Даніила, Іова и въ первой книгѣ царей, а также классическихъ писателей — Діодора Сицилійскаго, Страбона и Геродота. Наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ Ассиріи можно почерпнуть изъ книги армянскаго исторіографа Моисея изъ Хорены и книги Александра Полигистора. Этотъ послѣдній много позаимствовалъ у халдейскаго священника Берозуса, который при Селевкіѣ Никаторѣ (260 л. до Р. Х.) перевелъ вавилонскія сказанія на греческій языкъ. По свидѣтельству преданій, владычество первыхъ десяти ассирійскихъ царей продолжалось 43200 лѣтъ. При послѣднемъ изъ нихъ, Ксизотросѣ, богъ Ваалъ послалъ на землю потопъ, чтобы уничтожить родъ людской, но самъ Ксизотросъ не погибъ и былъ взятъ, послѣ потопа, на небо, въ обитель боговъ. Вавилонъ, разрушенный наводненіемъ, впослѣдствіи отстроился, обновился. Затѣмъ, въ продолженіи 30000 лѣтъ царствовали еще 86 царей. Беразусъ свидѣтельствуетъ, что послѣ этихъ (миѳическихъ) царей вавилонскій тронъ занимали халдейскіе цари. Покоривъ обывателей страны, они основали (2400—2000 л. до Р. Х.) по нижнему теченію Ефрата и Тигра могущественное государство. Около 1500 г. халдейскихъ царей смѣнила новая династія—*арабская*, которая, впрочемъ, была вытѣснена ассирійцами въ половинѣ XIII в. до Р. Х.—Таковы историческія данныя объ Ассиріи, дошедшія до насъ.

Въ сказаніяхъ этихъ особенно интересно повѣствованіе Берозуса о всемірномъ потопѣ. Разсказъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, совершенно сходенъ съ библейскимъ разсказомъ о томъ-же. Сказаніе это напечатано подъ общимъ заглавіемъ «Сказаніе Индубара», и, какъ теперь оказывается, и этотъ «оригиналъ»—текстъ—не былъ подлинникомъ, а только копіей съ него. Куда-же дѣвался подлинникъ? Кѣмъ и когда былъ онъ написанъ? На эти вопросы отвѣтъ даютъ намъ «примѣчанія», сдѣланныя ассирійскими копіистами на поляхъ текста. «Сказаніе Индубара», найденное въ Ниневіи, было списано, по приказанію царя Ассурбаниала или Сарданапала (въ VII в. до Р. Х.), съ весьма древней рукописи, находившейся въ Урукѣ (Эрехъ). Лепорманъ относитъ урукскую рукопись къ XVIII вѣку до Р. Х., и очень можетъ быть, что новѣйшія изслѣдованія обнаружатъ, что и этотъ документъ былъ только копіей или переводомъ съ рукописи, древность и происхожденіе которой опредѣлить невозможно. Урукская рукопись это трудъ, предпринятый въ то время, когда тысячелѣтнія египетскія мумміи еще не обертывались пеленой.

Какимъ-же, однако, образомъ удалось сдѣлать переводъ съ рукописи на совершенномъ чуждомъ, неизвѣстномъ языкѣ, не имѣя ни словаря, ни грамматики этого языка, не зная даже азбуки его? Разгадка іероглифовъ—дѣло достойное удивленія, но еще болѣе удивленія заслуживаетъ находка ключа къ ассиро-

Библиотека "Руниверс"

рійскимъ письму и языку. Это новое торжество науки стоило многолѣтнихъ трудовъ и усилій.

Въ Ассиріи были, вѣроятно, одновременно въ употребленіи два рода письма: клинообразное и курсивное или іератическое. Клинообразное письмо, какъ указываетъ и самое названіе его, состоитъ изъ буквъ, имѣющихъ форму клина или подковнаго гвоздя. Первѣйшая форма этихъ знаковъ, какъ кажется, напоминала молотокъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ Ниневійскихъ надписей указываютъ на это. Изъ сочетанія этихъ-то клинчиковъ, поставленныхъ вертикально, горизонтально, параллельно другъ къ другу и наклонно—образуется отдѣльное слово. Рисунокъ письма поэтому довольно однообразенъ.

Клинообразное письмо, по мнѣнію Лэйарда, было во всеобщемъ употребленіи въ Ассиріи, Вавилоніи, а также въ разныя эпохи въ Персіи, Мидіи и Арменіи; однако не во всѣхъ этихъ государствахъ оно было одинаково: клинъ являлся только элементомъ, соединеніе же клиновъ, группировка ихъ въ буквы, было разнообразно. Клинообразное письмо распадалось на три категоріи: было ассирійское письмо (вавилонское), персидское и мидійское, слѣдовательно—каждая данная надпись принадлежитъ къ одной изъ этихъ трехъ категорій, всѣ же онѣ вмѣстѣ названы *письмомъ Ахеменидовъ*—по имени персидскихъ властителей, издававшихъ свои прокламаціи разомъ на нѣсколькихъ языкахъ, т. е. рядомъ съ подлинной прокламаціей помѣщались точные переводы съ нея. Знаніе одного изъ этихъ языковъ и должно было послужить ключемъ къ уразумѣнію прочихъ.

Ганноверецъ Гротефендъ, еще вначалѣ нынѣшняго столѣтія, разобралъ въ одномъ персидскомъ клинообразномъ текстѣ царскія имена: «Ксерксъ», «Дарій» и «Гистаспъ». Послѣ него Раскъ и Сенъ-Мартенъ очень много сдѣлали для объясненія этихъ клинообразныхъ знаковъ, а въ новѣйшее время Бюрнуфъ и Лассенъ, пользуясь открытіями предшественниковъ своихъ и обладая обширными лингвистическими познаніями, довели объясненіе и пониманіе клинообразнаго текста до того, что англійскій ученый Роулинсонъ могъ уже составить словарь персидскаго клинообразнаго письма. При составленіи этого драгоцѣннаго лексикона существенную помощь оказала Раульсону знаменитая надпись на трехъ языкахъ, найденная на скалахъ близь Бегистуна, или Бицитуна, въ Персіи. Подобныя надписи, въ древности, высѣкались на горныхъ склонахъ и на значительной высотѣ—съ цѣлью предохранить рельефный текстъ отъ случайнаго поврежденія и разрушенія. Благодаря такой предосторожности, нѣкоторые изъ документальныхъ памятниковъ превосходно сохранились до настоящаго времени. Наиболѣе интереснымъ и самымъ важнымъ для науки является вышеупомянутая *Бегистунская* надпись. Она покрываетъ болѣе десятка каменныхъ плитъ, которыя (какъ это видно на нашемъ рисункѣ) окружаютъ барельефъ, также высѣченный въ скалѣ. На барельефѣ этомъ изображенъ царь Дарій; онъ въ коронѣ; въ лѣвой рукѣ держитъ лукъ, правую—протягиваетъ къ плѣнникамъ, закованнымъ въ цѣпи. Позади царя—два персидскихъ воина, а подъ всею этой группой—изображеніе бога Ормузда (Аурамазда) и нѣсколько меньшихъ плитъ съ надписями, содержаніе которыхъ—перечисленіе именъ и титуловъ попавшихся въ плѣнъ. Въ главномъ текстѣ (на окружающихъ плитахъ), уже неоднократно переведенномъ, воспѣваются геройскія подвиги Дарія и прославляется обширность его царства. Это древніе гимны.

По тщательномъ сравнительномъ изученіи письменъ Ахеменидовъ нашли, что многія буквы, по формѣ весьма различныя, или вовсе даже непохожія одна на другую—просто варіанты одного и того же знака. Кромѣ того узнали, что ассирійцы, высѣкая надпись, никогда не разчленяли слова переносомъ, если оно не уписывалось въ строкѣ, а чтобъ избѣгнуть переноса, рѣзчикъ вырѣзывалъ конецъ слова за гранью плиты, или же оставлялъ пустое мѣсто въ концѣ строки. Дошли и до того, что въ персидскомъ клинообразномъ текстѣ каждое слово отдѣляется отъ послѣдующаго наклонно поставленнымъ клиномъ, а это очень важно было знать при разборѣ текста. Въ ассирійско-вавилонскихъ и въ мидійскихъ текстахъ этого нѣтъ. Такого рода изслѣдованія и открытія дали возможность уже Лэйарду отдѣлять ассирійскія слова одно отъ другого и разбирать географическія названія и имена людей въ монументальныхъ надписяхъ на трехъ языкахъ. Такимъ образомъ изъ 40 буквъ древне-персидской азбуки постепенно составили около 400 ассирійско-вавилонскихъ знаковъ, которые и явились настоящимъ ключемъ къ уразумѣнію языка и литературы ассирійцевъ.

Этотъ краткій историческій очеркъ изслѣдованія ассирійскаго языка слѣдуетъ пополнить именами выдающихся современныхъ ассиріологовъ. Первое мѣсто принадлежитъ г. Смиту, знаменитому переводчику Индубарскихъ таблицъ, затѣмъ идутъ: преемникъ Смита — Коксъ, проф. Берлинскаго университета Шрадеръ, Оппертъ, Менанъ и Ленорманъ, пріобрѣтшій еще извѣстность превосходнымъ сочиненіемъ «Начало культуры». Эти ученые открыли, такъ сказать, Ассирію.

Англичанинъ Лэйардъ, какъ было выше упомянуто, первый принялся за обширныя раскопки въ Ниневіи, и вотъ результатъ его трудовъ: найдено множество скульптурныхъ произведеній, рѣзныхъ вещей изъ слоновой кости и, наконецъ, открыта *библіотека Сарданапала*. Все это теперь составляетъ собственность британскаго музея. Какая, однако, удивительная библіотека Сарданапала, какое оригинальное собраніе книгъ ассирійскаго царя! Библіотека эта вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 10,000 глиняныхъ табличекъ или плитокъ; каждая плитка имѣетъ въ длину одинъ дюймъ, а въ ширину—полдюйма; обѣ стороны ея покрыты буквами странной формы. По содержанію эта масса «глиняныхъ книгъ» раздѣляется на два большіе отдѣла: *государственный архивъ* и собственно—*библіотека*. Въ первомъ отдѣлѣ заключаются: доклады царю высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и военачальниковъ, письмо царя Эламскаго; прокламація къ вавилонянамъ, разные указы, манифесты, чиновничьи списки, постановленія о податяхъ и географическія статьи. Собственно библіотека состоитъ изъ статей историко-политическаго содержанія, параллельной хроники Ассиріи и Вавилоніи отъ 1400 г. д. Р. Х. по IX в. (до Р. Х.). генеологическихъ списковъ вавилонскихъ царей, астрономико-астрологическаго сочиненія «Глазъ Ваала» (70 плитокъ) и множества статей по математикѣ, географіи и естествовѣдѣнію. Въ примѣчаніяхъ, выставленныхъ на каждой плиткѣ (и на опредѣленномъ мѣстѣ) обозначено имя переписчика и имя обладателя плитокъ. Въ «библіотекѣ», какъ видно, господствовалъ величайшій порядокъ, ибо всѣ плитки занумерованы. За вѣрность, точность копіи переписчикъ ручается такого рода оговоркой на поляхъ таблички: *«Изготовлено и написано согласно со старымъ экземпляромъ»*. На каждомъ сочиненіи штемпель библіотеки съ такими словами: *«Собственность Ассурбанапала* (Сарданапала), *царя ассирійскаго»*. Штемпелеванныя глиняныя плитки доказываютъ, что ассирійцы *первые* изобрѣли книгопечатаніе и печатаніе стереотипомъ.

И такъ, благодаря трудамъ Лэйарда по раскопкамъ и филологическимъ изслѣдованіямъ Смита, рамки древней исторіи раздвинулись далеко, захвативъ нѣсколько тысячелѣтій. Факты и событія, о которыхъ говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ, подтвердились, извѣстія, переданныя намъ греческими писателями, дополнены новыми данными, такъ что въ настоящее время собраны почти всѣ матеріалы для исторіи Ассиріи и Вавилоніи, нужно только привести ихъ въ порядокъ и обработать, чтобы вышло стройное, законченное сочиненіе. Что касается провѣрки фактовъ и дополненій къ нимъ, то этимъ историкъ обязанъ надписямъ на скалахъ.

Развалины повѣствуютъ намъ о томъ, что искусства и науки процвѣтали въ древней Ассиріи; онѣ показываютъ намъ остатки дворцовъ изящной архитектуры, свидѣтельствуютъ въ пользу того, что ваяніе, служившее главнымъ образомъ архитектурнымъ цѣлямъ, было доведено до высшей степени совершенства; руины эти знакомятъ насъ съ такой богатой литературой, какой не имѣлъ никакой другой народъ въ древности, не исключая и египтянъ. Литература эта состояла не только изъ научныхъ, но и изъ поэтическихъ творній; у ассирійцевъ была своя національная эпопея (разсказъ о всемірномъ потопѣ только одинъ изъ отрывковъ ихъ эпоса) и множество религіозныхъ гимновъ, богатыхъ яркими образами.

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ нѣсколько строкъ изъ религіознаго гимна, который былъ переведенъ Ленорманомъ. Гимнъ этотъ посвященъ богу *Мардуку*. Подлинникъ пѣсни хранится въ британскомъ музеѣ.

«Кто можетъ избѣгнуть отъ ударовъ Твоего градобоя?
Воля Твоя—великій законъ и ему повинуются небо и земля.
Я видѣлъ бушующее море, но оно все таки утихло;
Я видѣлъ цвѣтокъ, и онъ потомъ завялъ;
Я видѣлъ запруды Ефрата... Ты опустошилъ русло его.
Ты великъ, о, Господи. Кто сравнится съ Тобой?
Между богами—Мордукъ источникъ всякой славы!»...

Пер—ъ.

Изъ Гейне.

Когда повѣрялъ я вамъ всѣ свои муки,
Вы слушали молча, зѣвая отъ скуки,

Но выразилъ я эти муки стихами —
И вы забросали меня похвалами.

П. В. В.

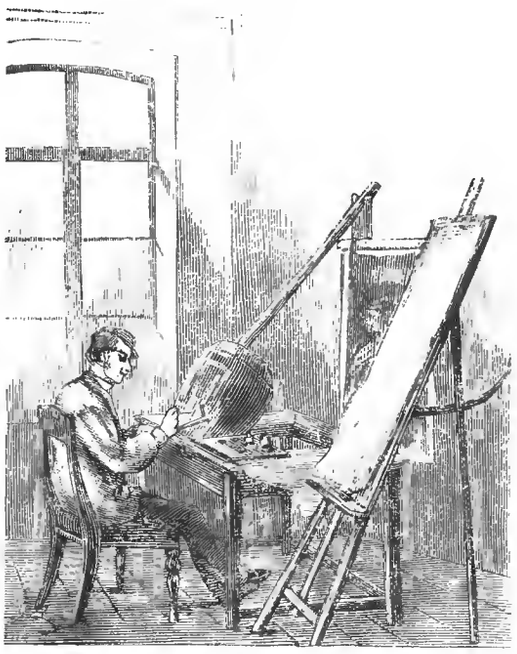
Библиотека "Руниверс"

Императорскій фарфоровый заводъ.

Императорскій фарфоровый заводъ основанъ въ 1744 году Императрицей Елизаветой Петровной и находится на 10-й верстѣ по Шлиссельбургскому тракту, на берегу рѣки Невы. Въ первое время своего существованія онъ употреблялъ для производства матеріалы, исключительно добываемые въ Россіи; но опытъ показалъ, что однихъ этихъ матеріаловъ недостаточно особенно при томъ плохомъ положеніи въ котор мъ находится у насъ разборка и изслѣдованіе отечественныхъ глинъ; находящихся въ изобиліи во многихъ мѣстностяхъ. Для вещей, достоинство которыхъ, независимо отъ изящества формы и отдѣлки, заключается въ легкости и прозрачности, представилось необходимымъ дѣлать примѣсь, въ извѣстной пропорціи англійской глины (каолина).

Въ 1765 г. по докладу бывшаго директора завода, секундъ-ротмистра Щепотьева, Императрица Екатерина II назначила изъ своего кабинета на содержаніе завода по 15 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ. Деньги эти были переведены впослѣдствіи на Государственное Казначейство, изъ котораго и отпускались.

Составляя собственность Его Императорскаго Величества, это учрежденіе обращаетъ главную дѣятельность на снабженіе фарфоровыми вещами всѣхъ Императорскихъ Дворцовъ и на исполненіе экстренныхъ заказовъ по Высочайшимъ повелѣніямъ. Сверхъ того, два раза въ годъ заводъ представляетъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ образцы своихъ произведеній, свидѣтельствующіе предъ Августѣйшими владѣльцами о состояніи и успѣхахъ завода. Плата за всѣ эти вещи производится, по ихъ оцѣнкѣ изъ кабинета Его Императорскаго Величества, каждый разъ съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора. Сбытъ предметовъ въ частныя руки весьма незначителенъ: продается преимущественно бракъ. Такимъ образомъ, получаемые заводомъ доходы изъ года въ годъ обращаются на его обороты простирающіеся до 90 тыс. р. въ годъ и большею частью употребляются на исполненіе заказовъ къ Высочайшему Двору. Не имѣя другой посторонней поддержки, за исключеніемъ положенной изъ Кабинета суммы и доходовъ, получаемыхъ отъ заказовъ, заводъ долго находился въ невозможности привести свое помѣщеніе въ такой видъ, который бы удовлетворялъ современнымъ требованіямъ. Съ нѣкотораго времени заводъ часто удостоивался посѣщеніемъ любителей искусствъ, художниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Любопытство ихъ и не могло быть удовлетворено, такъ какъ небыло постоянной выставки издѣлій, свидѣтельствующей о постепенномъ развитіи производства на заводѣ. Въ настоящее время собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ многія изъ заводскихъ произведеній, выработывавшихся на немъ съ первыхъ лѣтъ существованія по настоящее время, мастерскія возобновлены и распредѣлены съ большимъ удобствомъ, какъ для художниковъ и мастеровыхъ заводскихъ, такъ равно и для желающихъ обозрѣвать заводъ. Мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ заводомъ и съ порядкомъ производства работъ.

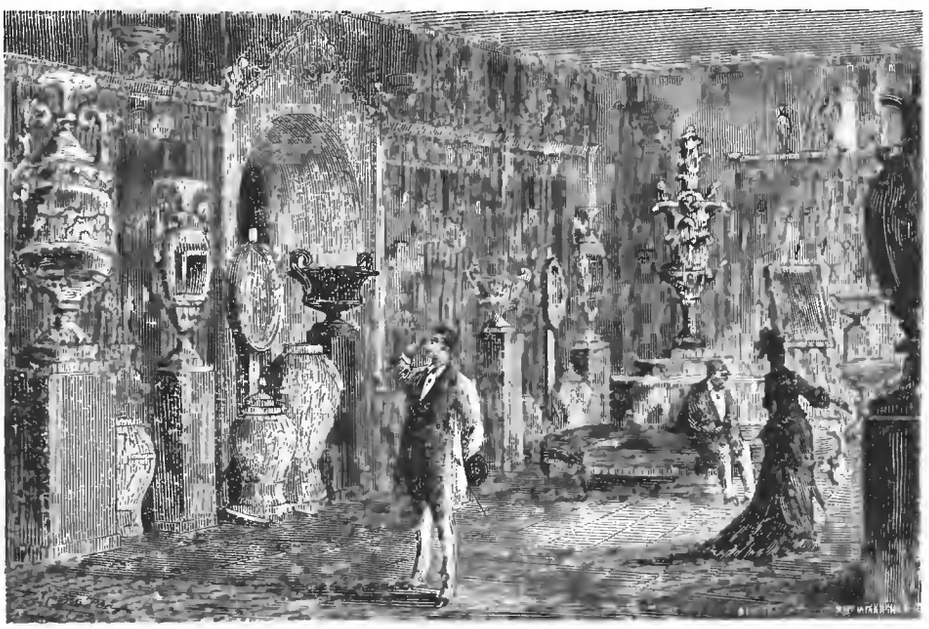


Живописная работа на фарфорѣ.

Фарфоровая масса (тѣсто) получается изъ соединенія въ извѣстной пропорціи слѣдующихъ элементовъ: полеваго шпата, кварца, глуховской глины (употребляется также англійская глина). Всѣ эти вещества, предварительно измѣльченныя, помощью особой машины растираются съ водою и смѣшиваются. Затѣмъ эта жидкая масса наливается въ особо приготовленные небольшіе мѣшки и поступаетъ въ цѣдильную, гдѣ съ помощію пресса приводится въ нужное для выдѣлки вещей состояніе; Въ 1835 г. прессовъ не было, а взамѣнъ ихъ были сушильныя печи, которыя оказались неудобными, какъ потому, что требовали большихъ расходовъ на дрова, такъ и потому, что распространяли сырость въ зданіяхъ. Весь этотъ процессъ происходитъ въ такъ называемомъ *отдѣленіи состава массы* *).

Въ *гончарномъ отдѣленіи* занимаются изготовленіемъ такъ называемыхъ «капселей», составляющихъ необходимую и весьма важную статью въ фарфоровомъ производствѣ. Они выдѣлываются изъ особой массы, въ составъ которой входятъ глины—Вытегорская и Андомская, добываемыя въ Олонецкой губерніи, съ примѣсью шамота, изготовляемаго изъ старыхъ капселей, раздробляемыхъ довольно мелко особыми чугунными бѣгунами. Назначеніе этихъ капселей состоитъ въ томъ, что приготовленныя къ обжогу фарфоровыя вещи вставляются въ нихъ, для предохраненія отъ прикосновенія пламени, силу котораго фарфоръ не могъ бы выдержать безъ этого пособія, а также отъ дыма и копоти.

Въ этомъ же отдѣленіи приготовляются особые для устройства горновъ кирпичи, выдерживающіе невыносимый никакимъ металломъ, жаръ, достигающій приблизительно до 1800° R, необходимый для обжига фарфора.



Залъ образцовыхъ издѣлій.

По приведеніи фарфоровой массы въ состояніе удобное для выдѣлки вещей, она поступаетъ въ *«отдѣленіе выдѣлки вещей въ бѣломъ видѣ»*. Отдѣленіе это состоитъ изъ многихъ частей: токарной, модельмейстерской, скульптурной, глазурной, рѣзной, формовской и подтачивальной Масса, поступивъ въ это отдѣленіе, употребляется въ дѣло по назначенію модельмейстера.

Для каждаго издѣлія составляется особый рисунокъ, по которому предпринимается работа; при этомъ соблюдается слѣдующее условіе: если нужно сдѣлать вещь одинаковой величины съ моделью, то на все протяженіе модели прибавляется 6-я часть ея величины; если же нужно сдѣлать вещь въ большемъ или меньшемъ видѣ, то дѣлается съ модели рисунокъ въ ту величину, какая требуется; но при точеніи во всѣ протяженія модели прибавляется все-таки 6-я часть противъ рисунка, такъ какъ опытъ показалъ, что эта часть угараетъ въ огнѣ.

Всѣ безусловно-круглыя, гладкія фарфоровыя вещи вытачи-

*) Всѣхъ отдѣленій 6: 1) отдѣленіе состава массы, 2) гончарное, 3) выдѣлка бѣлыхъ вещей, 4) обжигъ вещей, 5) лабораторное, и 6) живописное.

Библиотека "Руниверс"

ваются (въ сыромъ видѣ) на токарномъ станкѣ; имѣющія другую какую либо форму, вылѣпливаются въ алебастровыхъ формахъ, вылитыхъ съ глиняныхъ моделей, сдѣланныхъ для того предварительно изъ зеленой глины, добываемой въ Тоснѣ. Такимъ образомъ, на круглыя вещи, съ крупными украшеніями, накленваются эти послѣднія, предварительно изготовленныя въ сыромъ видѣ; всѣ же мелкія украшенія вырѣзываются въ сдѣланной для вещи алебастровой формѣ. Каждая бѣлая вещь поступаетъ по выдѣлкѣ ея въ первый обжигъ, и затѣмъ въ глазурную и потомъ во второй обжигъ, чѣмъ и заканчивается выдѣлка вещей по этому отдѣленію.

Для поливы фарфора изготовляется особый составъ изъ кварца, шпата, глуховской глины, фарфороваго черепа и мѣлу. Составъ этотъ, называемый глазурою, плавится прежде въ горнѣ, въ самомъ сильномъ огнѣ, и затѣмъ, будучи обращенъ въ порошокъ, употребляется, съ примѣсью воды, для поливы вещей послѣ перваго обжига.

Обжигъ вещей въ бѣломъ видѣ производится 2 раза, въ особо для сего устроенной печи, называемой горномъ, которая раздѣляется на 3 части или этажа Въ среднюю поступаютъ вещи сырыя для перваго обжига, потомъ поступаютъ въ нижнюю часть горна, поливаются глазурью и откуда передаются уже въ живописную. Въ верхней части горна обжигаются капселя. На одной изъ нашей картинокъ изображаетъ моментъ, когда обожженныя вещи подлежащіе обработкѣ, вынимаются изъ горна.

Выемка изъ горна вещей послѣ обжига.

Горны устроены такъ, что 1 и 2-й обжиги производятся въ одно и тоже время. Самый сильный огонь, потребный для плавки глазуры, находятся въ нижней части горна; въ срединѣ, гдѣ обжигаются сырыя вещи, безъ глазуры, огонь гораздо слабѣе, простираясь только до 600 — 800° R въ верхней же части обжигаются капселя и сила огня простирается въ немъ не болѣе 400°. Обжиганіе вещей, производится сосновыми мелкими дровами и продолжается отъ 16 до 26 часовъ. Замѣчено, что при сырой погодѣ обжиганіе продолжается долѣе и небываетъ столь удачно, какъ при сухой погодѣ и большихъ морозахъ. Чтобы узнать, какъ продолжителенъ долженъ быть обжигъ, чтобы вещи пришли въ настоящій ихъ видъ, ставятся въ 3-хъ разныхъ мѣстахъ горна пробы, которыя, будучи вынимаемы отъ времени до времени показываютъ степень обжига. Горнъ

Общій видъ Спб Имп. фарфороваго завода (близъ Села Александровскаго). Рис. съ натуры Бролингъ, рѣз. Коонацкій.

Библиотека "Руниверс"

остываетъ около двухъ сутокъ; послѣ этого посаженныя въ него вещи выбираются и сортируются въ присутствіи директора.

Затѣмъ, обожженныя вещи поступаютъ въ *живописное отдѣленіе*, въ которомъ производятся работы подъ руководствомъ главнаго мастера живописи. Краски для живописи приготовляются въ лабораторіи, въ которой составляются *флюсы* для примѣси въ металлическія краски и въ золото; посредствомъ этихъ флюсовъ краски и золото, будучи обожжены, соединяются съ фарфоромъ. Краски получаютъ отъ нихъ гладкую, стекловидную поверхность. Флюсы составляются изъ извѣстнаго количества буры, сурика, кварца или песку. Приготовленными такимъ образомъ красками и производится живопись: фигурная, пейзажная и перспективная, цвѣточная и орнаментная. (Смотри рисунокъ изображающій производство живописи).

Живописныя вещи поступаютъ для обжига красокъ въ особо устроенныя для сего печи, называемыя муфелями, и обжигаются съ обыкновенною орнаментною живописью одинъ разъ, а съ ландшафтною и какою либо другою два и три раза. Такимъ образомъ, каждая фарфоровая вещь, до совершеннаго ея окончанія, проходитъ чрезъ болѣе или менѣе высокую степень огня до 3 разъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ *залъ образцовыхъ издѣлій*. Здѣсь посѣтители могутъ ознакомиться съ послѣдовательнымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ фарфороваго производства на заводѣ. (Смотри рисунокъ). Внутренняя сторона двери, ведущей въ залъ, обдѣлана фарфоромъ, съ украшеніемъ и живописью въ помпейскомъ вкусѣ. Стѣны украшены шкафами, въ которыхъ заключаются произведенія, обнимающія періоды времени отъ 1744 по 1876 г. Въ одномъ изъ шкафовъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ первый опытъ у насъ фарфороваго издѣлія, солонка. Кромѣ разныхъ недостатковъ въ первоначальной выдѣлкѣ фарфора, на этой вещи можно видѣть, что составъ глазури почти вовсе не былъ извѣстенъ тогда заводу.

Формованіе фарфоровыхъ вещей въ сырому видѣ и обтачиваніе ихъ на токарномъ станкѣ.

Въ другихъ шкафахъ хранятся фарфоровыя вещи, служившія въ то время (1762 — 1796) украшеніемъ царскихъ столовъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ чайный сервизъ исполненный по собственноручному заказу Императрицы Екатерины Алексѣевны, съ собственноручнымъ же назначеніемъ, какія украшенія должны быть на сервизѣ. Въ томъ же шкафу хранится маленькая чашечка, бывшая въ числѣ игрушекъ малолѣтняго тогда Великаго Князя Александра Павловича. Въ вещахъ, сдѣланныхъ въ царствованіе Александра Павловича съ 1801—1825 г. уже замѣтны значительныя успѣхи въ фарфоровомъ производствѣ. Здѣсь особенно замѣчательны два сосуда для цвѣточныхъ луковицъ. Они сдѣланы по собственноручному заказу покойнаго Императора. Онъ обращалъ особенное вниманіе на развитіе фарфороваго производства и приведеніе завода въ лучшее состояніе. Съ этою цѣлью онъ выписалъ изъ Франціи лучшихъ мастеровъ, особенно по скульптурной части. Теперь этихъ мастеровъ давно уже нѣтъ и всѣ работы производятся русскими.

Въ одномъ изъ шкафовъ въ числѣ другихъ находятся фарфоровыя вещи, отданныя французскою Севрскою фабрикою, взамѣнъ подаренныхъ ей съ Высочайшаго соизволенія, издѣлій Императорскаго фарфороваго завода, около 30-ти лѣтъ тому назадъ, равно какъ и пріобрѣтенныя заводомъ вещи собственно для образца изъ другихъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ фабрикъ.

Въ шести простѣнкахъ залы, развѣшаны писанныя на фарфоровыхъ пластахъ лучшими заводскими мастерами и учениками картины, а на подоконникахъ разставлены разныя столовыя украшенія и вазы. Въ среднемъ простѣнкѣ между оконъ, помѣщается горка уставленная вещами, назначенными въ продажу. На срединѣ залы (см. рис.) находится старинная ваза съ лѣпными цвѣтами. Вокругъ нея устроенъ диванъ для посѣтителей. Вообще, всѣ вещи, относящіяся къ послѣднему времени, поражаютъ посѣтителя своимъ изяществомъ и художественнымъ выполненіемъ. Одна изъ огромныхъ фарфоровыхъ вазъ была на Вѣнской всемірной выставкѣ и заслужила почетный дипломъ г. е. высшую награду. Фарфоровые цвѣты, сдѣланныя отъ руки (находящіеся теперь подъ стекломъ) замѣчательно хороши; трудно представить, что онѣ сдѣланы изъ фарфора. Прямо противъ двери помѣщенъ портретъ Императрицы Елизаветы Петровны во весь ростъ, онъ снятъ съ портрета, находящагося въ Академіи Художествъ, и скопированъ ученикомъ Поповымъ. Подъ портретомъ находится столъ съ письменнымъ фарфоровымъ приборомъ, въ которомъ хранятся Высочайшіе указы и собственноручный заказъ Императрицы Екатерины II на чайный сервизъ. Налѣво отъ двери находится арка, ведущая въ магазинъ готовыхъ и бѣлыхъ бракованныхъ фарфоровыхъ вещей, въ которомъ для продажи принятія заказовъ, равно какъ и для укладки ихъ находится особый чиновникъ и укладчики.

Нельзя не замѣтить, что фарфоровое производство Императовскаго завода, въ послѣднее время достигло высшей степени развитія, благодаря людямъ, которые руководятъ дѣломъ и которые заботятся, чтобы достигнуть того художественнаго уровня, на которомъ находится фарфоровое производство лучшихъ иностранныхъ фабрикъ. Если прослѣдить произведенія послѣднихъ 10 лѣтъ, то легко замѣтить постепенный прогрессъ фарфороваго производства на Императорскомъ заводѣ. Теперь это единственный образцовый заводъ въ Россіи, который достигъ того совершенства, что можетъ соперничать въ изяществѣ своихъ издѣлій съ лучшими иностранными фабриками. Это тѣмъ пріятнѣе, что всѣ мастера русскіе. При заводѣ имѣется двѣ школы для дѣтей заводскихъ. Дѣти поступаютъ въ приходскую 9—10-ти лѣтняго возраста откуда лучшіе по успѣхамъ и способнѣйшіе къ живописи, переходятъ въ техническую школу, гдѣ и обучаются 4 года преимущественно живописи, орнаментаціи и скульптурѣ.

При окончаніи техническаго курса ученики распредѣляются по разнымъ частямъ завода, пріобрѣтая, въ послѣдствіи званіе подмастерьевъ и мастеровыхъ сообразно ихъ успѣхамъ и способностямъ. Лучшіе изъ нихъ продолжаютъ образованіе въ Академіи Художествъ. Работы на фарфорѣ нѣкоторыхъ учениковъ еще весьма юныхъ, находящихся на практическихъ занятіяхъ въ живописной мастерской, указываютъ на ихъ необыкновенныя способности къ этого рода живописи. Желаемъ ихъ превзойти, если это только возможно, своихъ отцовъ художниковъ.

Н. Б—ъ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

И вотъ Зося повела новые разговоры съ Гальшкой. Она перестала намекать на монастырь и переходъ въ католичество. Она теперь толковала о томъ, что самое лютое горе проходитъ съ годами, что въ девятнадцать лѣтъ нельзя отказываться отъ жизни, что вся жизнь еще впереди и самое лучшее для „ея золотой княгини“ уйти отъ домашнихъ сценъ и утѣсненій, найдя себѣ добраго, хорошаго мужа...

— Мнѣ? замужъ? воскликнула Гальшка. Ты не знаешь, что говоришь, Зося!... Мнѣ идти замужъ, когда я безъ тоски и тошноты не могу смотрѣть на всѣхъ этихъ жениховъ постылыхъ!?

— Эхъ, княгиня моя, княгиня, ластилась Зося.—Да вѣдь все равно найдутъ тебѣ жениха, и не спросятъ тебя, а силой выдадутъ. Такъ ужь лучше сама выбери...

Бѣдная Гальшка плечами только пожимала, удивляясь на Зосю.

А та не унималась.

— Ну вотъ возьмемъ для примѣра хоть графа Гурку...

— Гурку!? да онъ самый ужасный, самый противный изъ всѣхъ этихъ моихъ мучителей...

— Не знаю, княгиня, почему онъ тебѣ противенъ, а замѣчаю одно, что онъ больше всѣхъ тебя любитъ...

— Оставь это, оставь Зося... И такъ—тоска, а ты про графа Гурку...

Такъ постоянно кончались ихъ разговоры. Зося ничего утѣшительнаго не могла передать Гуркѣ. Одно только она видѣла—это, что на Гальшку все больше и больше находитъ равнодушіе... Она хорошо запомнила какъ та одинъ разъ безнадежно сказала ей: „Ахъ, да

Библиотека "Руниверс"

мнѣ право все равно—пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ. Ни хуже, ни лучше не будетъ.“ Зося совѣтовала Гуркѣ дѣйствовать рѣшительно и просить согласія княгини Беаты— если мать прикажетъ, Гальшка не станетъ перечить...

Гурко такъ и сдѣлалъ. .

Зимніе сумерки совсѣмъ сгустились, когда въ комнату Гальшки вошла Зося и объявила, что княгиня поскорѣе зоветъ ее къ себѣ, въ пріемные покои

— Опять гости—кто такіе? устало спросила Гальшка.

— Только графъ Гурко, да князь Слуцкій...

Зося была въ большомъ смущеніи. По раздражительному тону княгини Беаты, которымъ та ее кликнула и приказала позвать Гальшку, она поняла, что происходитъ что нибудь особенное. А она, какъ нарочно, только что вернулась домой изъ гостей и даже не успѣла узнать, кто первый пріѣхалъ—Гурко или Слуцкій. Не зная обстоятельствъ, она рѣшилась лучше промолчать теперь, чтобъ какъ нибудь не испортить дѣла.

Она только послѣдовала за Гальшкой и остановилась, притаивъ дыханіе, въ темномъ углу сосѣдней комнаты, чтобы все видѣть и слышать.

Когда Гальшка вошла къ матери, та порывисто ходила по комнатѣ, какъ она всегда это дѣлала въ непріятныя минуты. Гурко и Слуцкій сидѣли тутъ же. Гурко казался спокойнымъ—онъ только поблѣднѣлъ не много и на лицѣ у него была какая-то непріятная, злая мина. Толстякъ Слуцкій не скрывалъ своего волненія. Онъ тяжело дышалъ и свирѣпо глядѣлъ на Гурку.

— Я позвала тебя, сказала Беата увидя дочь — для того, чтобы ты сама рѣшила дѣло, которое до тебя касается. Эти паны просятъ у меня твою руку... что ты имъ отвѣтишь на это?

И княгиня злорадно взглянула на жениховъ. Она была увѣрена въ отвѣтѣ дочери. Она знала, что Гальшка станетъ говорить о томъ, что вовсе не хочетъ идти замужъ.

Гальшка молчала, едва держась на ногахъ. Ея сердце ныло. Тоска и скука давили ее. И вдругъ она почувствовала, совершенно ясно и рѣшительно, что ей все равно, все равно, что бы ни случилось съ нею. .

— Что же ты ничего не говоришь, Гальшка? повторила Беата. Скажи имъ сама... а то вѣдь меня считаютъ какой-то тигрицей... Не хочу я, чтобъ думали, что я тебя принуждаю, или, что я отказываю женихамъ, которые тебѣ любы...

Гальшка взглянула своимъ равнодушнымъ взоромъ на Слуцкаго и Гурку, и вдругъ слабо улыбнулась совсѣмъ растерянной, полупомѣшанной улыбкой.

— Мнѣ все равно, тихо сказала она, — я выйду за того, за кого прикажетъ матушка.

Беата быстро обернулась.

— А! за кого *прикажу*! Ну такъ я тебѣ ничего не приказываю... а васъ, мои дорогіе гости, я не хочу обидѣть—оба вы обладаете такими достоинствами, что мнѣ нельзя выбирать между вами... Ищите же себѣ другихъ невѣстъ—мало ли ихъ и здѣсь, и въ Краковѣ .. а я... я всегда рада васъ видѣть въ моемъ домѣ...

— Княгиня! это рѣшительное слово? какимъ то шипящимъ голосомъ спросилъ Гурко.

— Рѣшительное... извините меня паны, мнѣ нездоровится, и я должна васъ оставить.

И княгиня, взявъ Гальшку за руку, вышла изъ комнаты.

Женихи поневолѣ должны были послѣдовать ея примѣру. Они и не взглянули другъ на друга, только Гурко пропустилъ впередъ пыхтѣвшаго, смущеннаго Слуцкаго, а самъ замѣшкался въ комнатѣ. Онъ поджидалъ, не пробѣжитъ ли Зося...

Она тихонько вышла изъ своего угла.

— Я все слышала, прошептала она, успокойся графъ, еще можно кое что сдѣлать...

— Что такое можно?! проскрежеталъ Гурко. Можно одно: собрать войско и поступать такъ, какъ поступилъ покойный Сангушко. Врядъ ли этой безумной бабѣ удастся и на меня добыть декретъ сенатскій—въ Краковѣ меня не выдадутъ...

— Ничего этого не нужно, все также тихо шепнула Зося, сверкая глазами. Не нужно войска, не нужно битвы, безъ крови и шума достигнешь ты цѣли... мнѣ кажется я что-то придумала...

— Что такое? говори скорѣе!

— Нѣтъ, теперь не скажу, дай срокъ... все нужно хорошенько обдумать... дня черезъ три, много четыре я дамъ тебѣ знать, а покуда ничего не предпринимай и не выѣзжай изъ Вильны...

Гурко хотѣлъ допроситься, узнать непремѣнно въ чемъ дѣло; но Зося покачала головой и, чутко прислушавшись, скрылась въ полутьму пустыхъ комнатъ.

IV.

Рождественскій морозъ заглянулъ въ Полѣсье, да такъ расходился, что даже земля въ иномъ мѣстѣ вдругъ съ гулкимъ трескомъ лопалась отъ его напора. Закутаны вѣковыя деревья въ хрустальный иней—и стоятъ не шелохнутся. Непробудная мертвая тишь легла повсюду. Короткій день быстро поблѣднѣлъ, нахмурился и расплылся въ морозномъ туманѣ. На черное небо высыпали звѣзды и запестрѣли, запестрѣли, замигали переливчатымъ блескомъ. Только и свѣту, что отъ этихъ звѣздъ далекихъ, да отъ яркаго, крѣпкаго, густо выпавшаго снѣга. Передъ глазами хотятъ какіе-то красные круги, то удаляясь, то приближаясь. Пробыть одному въ этой тиши морозной — покажется, что остановилось время, замерла жизнь, а соблазнительный, опасный сонъ такъ и клонитъ...

Посреди высокаго снѣга слабо виднѣется полоса дороги. Вотъ какая-то темная масса быстро движется по ней къ раскинувшемуся недалеко селенію. Ближе, ближе—вотъ уже можно распознать нѣсколько широкихъ, самодѣльныхъ пошевней, запряженныхъ маленькими, лохматыми, но бойкими лошаденками. Вотъ ужь на блѣдномъ фонѣ снѣга выдѣляются закутанныя фигуры. Визгъ и смѣхъ быстро наполняютъ ледяное, безжизненное пространство. То святочный поѣздъ молодыхъ крестьянокъ, отправляющихся повеселиться въ сосѣднюю деревню...

Весело, удивительно весело дѣвушкамъ, онѣ перекликаются, переговариваются и никакъ не могутъ удержаться отъ безумнаго, раскатистаго хохота, вспоминая, какъ парни хотѣли было увязаться за ними, навалиться къ нимъ въ сани... А онѣ ихъ и давай хлестать заранѣе приготовленными, спрятанными до поры до времени за пазухой жгутами!... Инда взвыли парни—жгутъ не разбираетъ: хлещетъ себѣ по чему попало—лицо попадетъ, такъ и по лицу—ужь не прогнѣвайся. Теперь дѣвкамъ своя воля—святки. Наработались, насидѣлись—довольно. Такъ ужь надо теперь свое взять—до сыта нагуляться, до сыта натѣшиться въ двѣ святочныхъ недѣльки...

— Нѣтъ, парни, теперь ужь шалишь!—не пустимъ васъ въ сани. А хотите, ступайте за нами рысцою на своихъ на двоихъ—авось перегоните...

И вотъ лихія дѣвушки изо всей мочи погоняютъ лошадокъ...

— Аленка! держи правѣя—не то прямо на тебя такъ и наѣду! кричитъ здоровенная, курносая Аниска, стоя въ пошевняхъ и обгоняя передовую тройку.

За Аниской цѣлая куча дѣвушекъ—штукъ семь навалились въ пошевни. А посреди нихъ какая-то мужская фигура.

Аниска гаркнула, передернула вожжами, хлестнула своихъ лошадокъ и перегнала Аленку.

— Ха, ха, ха! залилась Аленка и ея спутницы. —

Библиотека "Руниверс"

Ишь какъ жаритъ—того гляди въ сугробъ угодитъ—невытащишь! А вы бы вотъ что, дѣвки, вы бы своего *дурачка* править поставили—все же мушина...

— Нѣтъ, ты *дурачка* не тронь, дурачка мы не дадимъ въ обиду, мы вотъ его промежъ себя посадили, да укрыли, чтобъ тепленько ему было... Что, хорошо тебѣ, родненькій, тепло?...

— Хорошо, тепло, спасибо вамъ, дѣвушки—раздался изъ саней мужской голосъ.

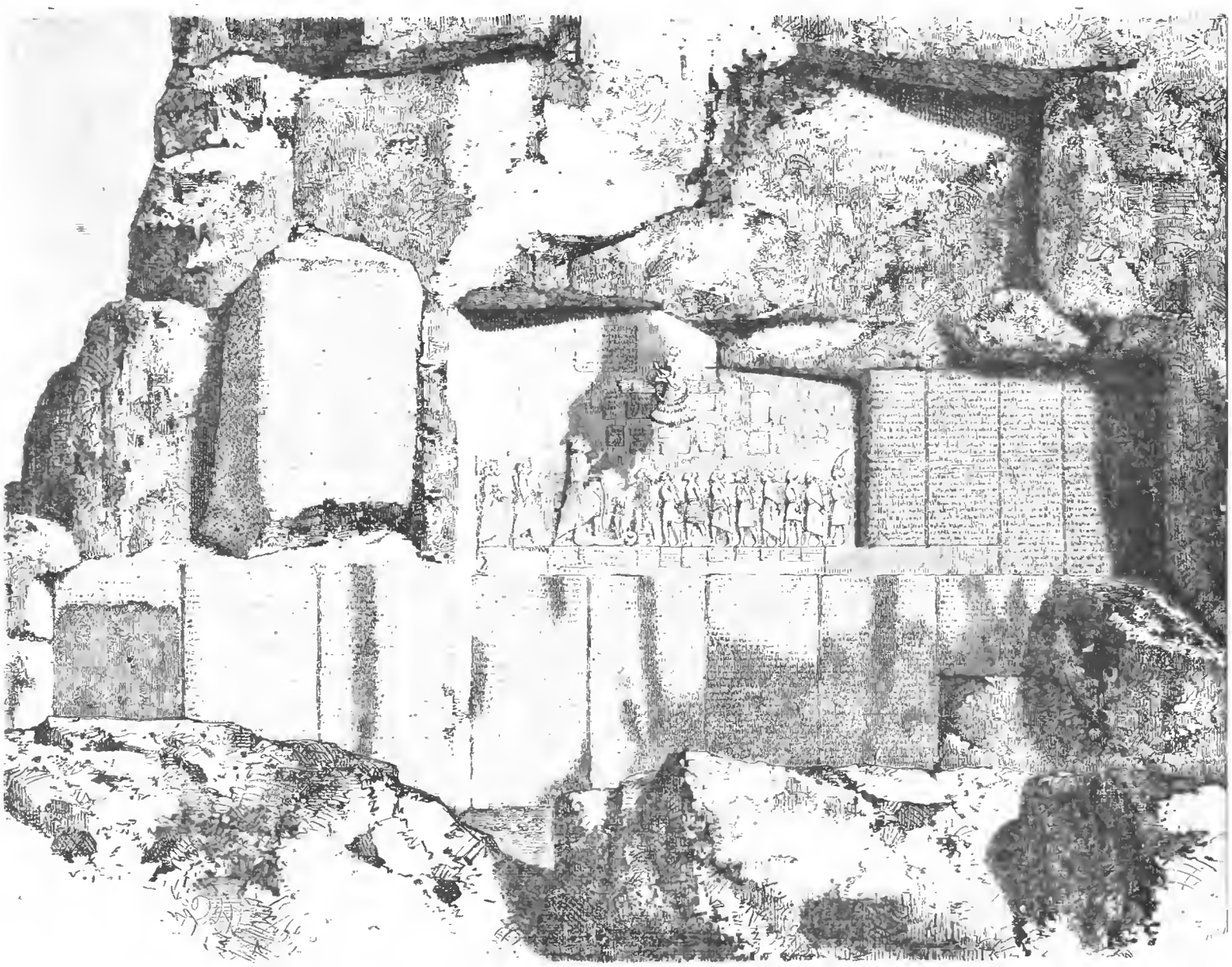
— А мы вотъ тебѣ и пѣсенку споемъ... послушай-ка, хорошая пѣсенка, святочная... Запѣвай-ка, Маруська!...

Маруська была красивая, блѣдная дѣвушка, извѣстная всему окрестному населенію запѣвала, которая вотъ уже два года съ ума сводила всѣхъ парней, но ни зачто въ мірѣ не хотѣла покидать своего дѣвичества. Отецъ даже билъ ее за это сначала, да ничего не подѣлаешь съ упрямой дѣвкой—къ тому же и одна она у него—другихъ дѣтей нѣтъ, старуху тоже похоронилъ; да и любитъ онъ Марусю,—по своему, грубо любитъ, а крѣпко.

Маруська подняла голову, блеснула въ полумракѣ своими карими глазами, глянула на звѣзды небесныя, на дурачка, сидѣвшаго рядомъ съ нею—и запѣла звонкимъ, чистымъ голосомъ.

И еще звонче, еще чище понеслась ея пѣсня по морозному воздуху:

За Припятью, за быстрою
Лѣса стоятъ дремучіе,
А въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Кругомъ огней все пни стоятъ,
Все пни стоятъ дубовые;
На пняхъ тѣхъ хлопцы—молодцы,
Молодки, дѣвки красныя
Поютъ колядки—пѣсенки.
Въ среднѣ ихъ старикъ сидитъ,
Сидитъ себѣ, на всѣхъ глядитъ—
И самъ запѣлъ колядочку!...



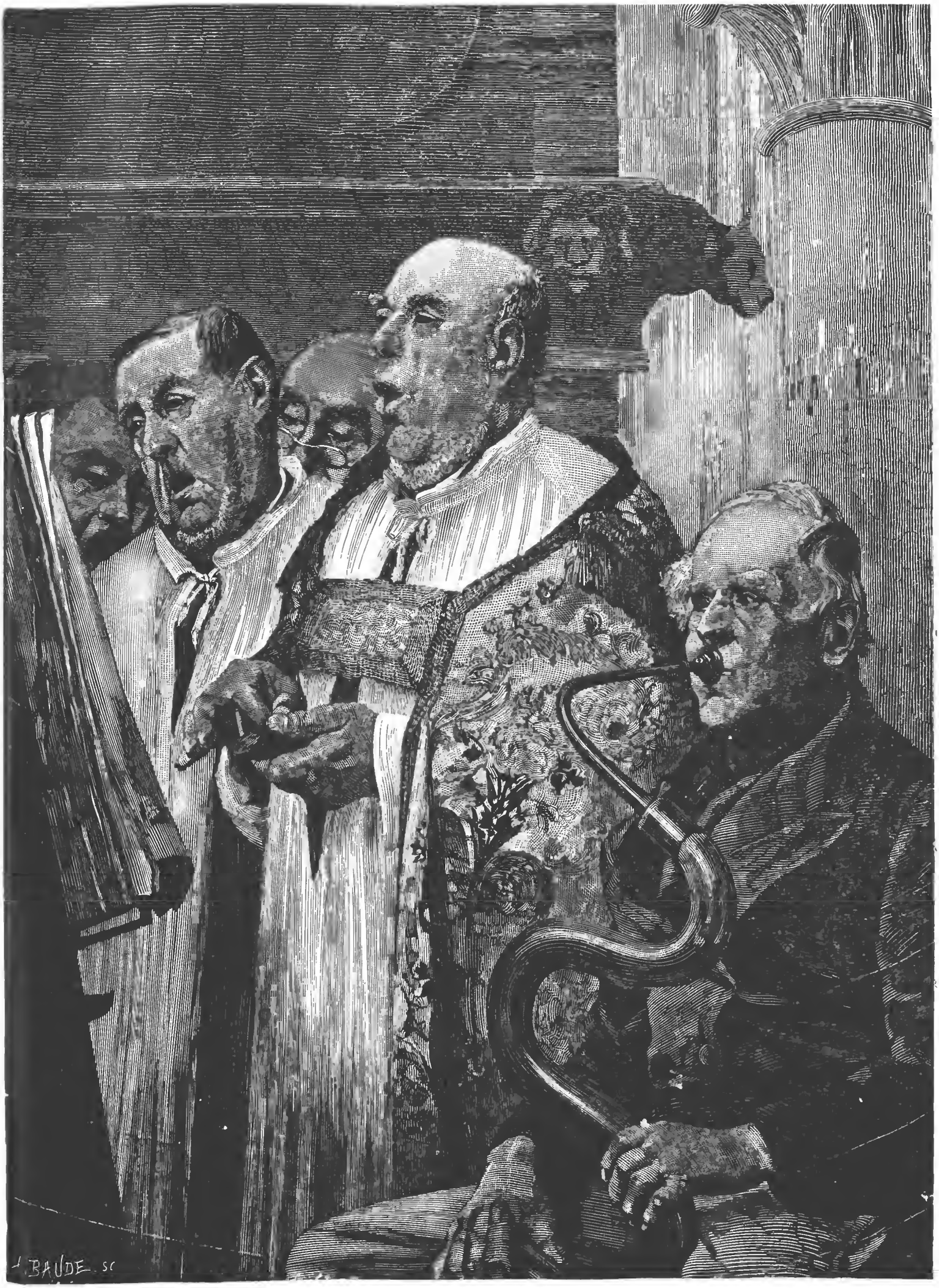
Барельефъ и надписи на горныхъ скалахъ близъ Бегистуна въ Персіи. (Къ статьѣ: „О чемъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона“). Рис. Е. Тайеръ. грав. Фурнье.

— Вотъ и ты, мой пригожій, погляди, погляди на насъ, да и самъ запой тоже колядочку... А то что хорошаго—все молчишь, да смотришь такъ жалостно, что ажно жутко становится...

Такъ говорила красивая Маруська, окончивъ пѣсню и наклоняясь къ своему дурачку—сосѣду. И откуда только взялся у этой дикарки полѣсской такой сладкій, ласкающій шепотъ, такая женственная грація... Но *дурачекъ* какъ будто ее не слышалъ—онъ запрокинулъ голову и не отрываясь, не мигая, смотрѣлъ въ высокое небо...

Быстро мчались пошевни—и вотъ въ сторонѣ зачер-

Библиотека "Руниверс"



Пѣвчіе. Картина Генри Брино, грав. Боц.

Библиотека "Руниверс"

пѣлась деревня .. запахло дымомъ. Поѣздъ подкатилъ къ одной изъ мазанокъ—избушекъ. Она была обширнѣе и выше остальныхъ. У маленькой двери виднѣлись люди. Вотъ вынесли ярко пылавшую лучину. Громкіе веселые голоса и крики привѣтствовали пріѣзжихъ.

Дѣвушки выпрыгивали изъ пошевней, здоровались, смѣялись и, перебивая другъ друга, разсказывали все о томъ же, какъ онѣ отдѣлали парней.

Нѣсколько мужчинъ взяли вожжи и, отворивъ вѣтхія ворота, заводили тройки на довольно обширный дворъ, подъ соломенные навѣсы.

— А! и *дурачекъ* вашъ съ вами! Ну, хорошо что привезли, чего ему съ стариками оставаться—пускай и онъ повеселится на святки, говорилъ какой-то молодой голосъ.

И всѣ стали входить въ избу, освѣщенную нѣсколькими лучинами.

Не приглядна была обстановка избы этой. Бѣдно и печально жилище полѣсскаго крестьянина. Въ наши дни, какъ и триста лѣтъ тому назадъ, совершенно первобытна эта жизнь, скудны средства... Прошли вѣка, не тронувъ и не измѣнивъ лѣсного захолустья. Смѣнился цѣлый рядъ поколѣній, все кругомъ преобразилось и зажило новой жизнью, а здѣсь—тѣ же люди, тотъ же глубокій мракъ невѣжества, дикихъ суевѣрій, тотъ же отъ пращуровъ сохранившійся бытъ, тѣ же убогія лачуги. Но не смотря на всю свою дикость, народъ полѣсскій самый добродушный народъ въ мірѣ. Онъ ничего не видалъ кромѣ своей тяжелой доли, совершенно доволенъ ею, и въ рѣдкія минуты отдыха предается беззавѣтному веселью. Онъ свято хранитъ всѣ древніе обряды и обычаи и никакъ не можетъ понять того, что эти остатки языческаго культа, несовмѣстимы съ исповѣдуемымъ имъ христіанствомъ. Да и христіанинъ-то полѣшукъ только по имени. Вся природа кажется ему населенной добрыми и злыми духами. И онъ отдаетъ себя подъ покровительство первыхъ и ведетъ ожесточенную борьбу съ послѣдними. Въ своемъ сердцѣ онъ безсознательно хранитъ одинъ кладъ, который краситъ его тяжелую жизнь. Кладъ этотъ — поэзія. Прекрасны полѣсскія пѣсни, и много говорятъ онѣ душѣ человѣка. Онѣ затрогиваютъ лучшія чувства, питаютъ и возбуждаютъ жалость ко всему несчастному, угнетенному, больному...

Именно съ этой жалостью и добротою отнеслась молодежь къ дурачку, привезенному дѣвушками. Его очень рѣдко видѣли въ этой деревнѣ. Знали только, что онъ уже второй годъ живетъ у отца Маруськи, все больше молчитъ, не любитъ показываться въ люди... Полно, да ужь дурачекъ ли это? Можетъ, просто какой больной, *порченый* человѣкъ... И откуда онъ явился? О томъ дядя Семенко никому не говоритъ — просто, молъ, подобралъ на дорогѣ... Дядя Семенко знахарь, человѣкъ зажиточный, хлѣба вдоволь—богаче всѣхъ онъ въ деревнѣ. Ему человѣка прокормить не трудно, да и дурачекъ то, говорятъ, сталъ всякую работу исполнять, помогать хозяину...

Ну вотъ теперь и посмотримъ, что за дурачекъ такой, може и не дурачекъ совсѣмъ, а такъ только слава прошла такая. А вдругъ это, прости Господи, не человѣкъ, а лѣсовикъ въ образѣ человѣческомъ—вѣдь и такое бываетъ! При этой мысли не то что дѣвки, а даже парни и тѣ побаивались дурачка, и тихонько отъ него сторонились. Но при внимательномъ взглядѣ на него всякій страхъ проходилъ, поднималась жалость.

Дурачекъ былъ молодъ и статенъ. Его красивое, тонкое лицо рѣзко отличалось отъ типа мѣстнаго населенія. Всѣ дѣвки въ одинъ голосъ говорили, что такого пригожаго парня онѣ и во снѣ не видали. Даже завидовали Маруськѣ, что живетъ съ нимъ подъ однимъ кровомъ. Не будь онъ *дурачекъ*, навѣрное сплели бы цѣлую исторію, да и была бы исторія. Маруська всѣхъ парней отъ себя отгоняетъ—а дѣвка ужь на возрастѣ... Но нельзя же чего подумать про дурачка, да и Маруську стыдно обидѣть... Всякій видитъ, какой онъ—и слова то отъ него трудно добиться.

И добродушные, простые люди, твердые въ своихъ понятіяхъ, неизвращенные въ своихъ чувствахъ, отказывались отъ всякихъ сплетней.

— Ишь, Маруська-то, скажетъ кто-нибудь,—словно за малымъ ребенкомъ, за своимъ дурачкомъ ходитъ.

— Извѣстно—жалко небось, вѣдь тоже человѣкъ, да пригожій такой, тихій—какъ и не пожалѣть-то.

И на томъ успокоивались люди.

Теперь дурачекъ стоялъ среди избы и безучастно глядѣлъ на всѣхъ своими свѣтлыми, грустными глазами. Его грубая, сермяжная одежда была опрятна. Густая русая борода еще больше отличала его отъ этихъ полѣшуковъ съ жидкими, почти бѣлыми бороденками. Въ лицѣ не замѣчалось того ужаснаго, отталкивающаго выраженія, которое такъ поражаетъ въ настоящихъ дурачкахъ, въ несчастныхъ идіотахъ отъ рожденія. Только глаза смотрѣли слишкомъ пристально, слишкомъ странно. Дурачекъ, на задаваемые ему вопросы, иногда вовсе ничего не отвѣчалъ, иногда ограничивался словомъ, другимъ... Но этотъ краткій отвѣтъ всегда показывалъ, что онъ все понимаетъ. Только когда его спрашивали—кто онъ, откуда,—съ нимъ дѣлалось что-то странное. Онъ начиналъ говорить какія-то несообразности, на какомъ-то непонятномъ даже нарѣчіи. Иное слово и скажетъ какъ слѣдуетъ—да что въ томъ толку—все равно сообразить ничего не могутъ добрые люди...

Вотъ теперь посадили его на лавку, подчуютъ лепешками, заговариваютъ съ нимъ... Отвѣтитъ онъ: да, нѣтъ! да и замолчитъ. А лепешки ѣстъ исправно. Скучный такой право... а всежь его жалко...

Молодежь начинаетъ затѣвать гаданья и игры. Подоспѣли и парни—хохочутъ, въ шутку ругаются.

Только одинъ дурачекъ не принимаетъ ни въ чемъ участія, молча сидитъ онъ въ углу да посматриваетъ равнодушными глазами.

Есть тутъ одна молодка—Настюха. Взялъ ее недавно себѣ въ жены со стороны откуда-то Павлюкъ—сынъ хозяина избы этой. Настюха—„молодица" славная и пришлась она по сердцу Маруськѣ. Ушли онѣ теперь изъ большой избы. Настюха повела ее къ себѣ—тутъ, въ двухъ шагахъ Павлюхина избенка. Подобрались онѣ къ огню, отъ холода разведенному, и бесѣдуютъ обѣ втихомолку.

— А что я тебя спросить хотѣла, говоритъ молодка. Скажи ты мнѣ всю правду про дурачка вашего: что онъ за человѣкъ, откуда вы его взяли? спрашивала я, спрашивала, да ни отъ кого толку недобиться. Право чудные у васъ люди—ни до чего имъ дѣла нѣту—былъ бы кусокъ хлѣба во рту, а тамъ хоть трава не рости...

— Вотъ что, таинственно начала Маруся. Напрасно его всѣ дурачкомъ кличутъ—совсѣмъ онъ не дурачекъ, а думаю я такъ, что это болѣсть у него такая. А отчего она ему приключилась — вотъ послушай... Давно это было ужь—позапрошлымъ лѣтомъ, въ самый Купальный вечеръ. Мы тогда съ нашего островка болотнаго ходили къ рѣкѣ игры справлять, вѣнки въ воду кидали. Какъ сейчасъ помню—пропѣла это я купальную пѣсенку, бросила въ воду вѣнокъ, смотрю: потонетъ онъ, али поплыветъ въ свою сторону... Вдругъ, откуда ни возьмись, наѣхали ратные люди, на коняхъ. Мы перепугались было, да они ничего намъ не сдѣлали, только прогнали насъ—такъ мы и побросали наши костры; игръ не кончили... Со страху едва добѣжали до дому, забились въ шалашики, всю ночь глазъ не сомкнули. А изъ лѣсу подъ утро гулъ шелъ. Должно тутъ сѣча недалеко—бьются, говорили наши.

— Прошелъ день цѣлый—никого не видно, ничего

Библиотека "Руниверс"

не слышно... И собрался это батька мой подъ вечеръ въ лѣсъ. Чай, знаешь ты—батька-то знахарь—отъ трясовицы, да отъ колтуна травы такія знаетъ. А растутъ эти травы въ лѣсу далеко, въ одномъ только мѣстѣ, и сбирать ихъ надо на закатѣ, на другой вечеръ послѣ Купалы... Жутко мнѣ было пускать батьку, да онъ не послушалъ, говоритъ: травы всѣ вышли, на весь годъ запасъ нужно сдѣлать... И пошелъ. Жду я, жду—нѣту батьки. Стала я плакать. Сижу себѣ и плачу. Вдругъ вижу — батька: согнулся весь, а за спиной у него человѣкъ. Обмерла я. Ну, думаю, лѣсовикъ это вскочилъ ему на спину... не отпускаетъ...

— Ой, что ты, родная! Ой, страшно! не вытерпѣла Настюха, съ ужасомъ озираясь, будто боясь увидѣть лѣсовика вотъ тутъ, сейчасъ, передъ собою.

— Да ты слушай—чего бояться, слабо улыбнулась Маруся. Не лѣсовикъ то былъ, а дурачекъ нашъ...

Вошелъ батька тихонько и мнѣ головой замоталъ: молчи, молъ! Свалилъ онъ человѣка, меня подозвалъ. Ужь свѣтать начинало—ночь-то короткая... глянула я —ахти мнѣ! парень молодой, голова вся, лицо въ крови, одежа чудная, алая да мягкая—тоже въ крови, изодрана. Самъ парень еле дышетъ, глазъ не раскрываетъ. Приказалъ мнѣ батька за водой сбѣгать, да какъ принесла воды, онъ ужь и раздѣлъ парня, зипунъ свой на него накинулъ—и грозно такъ говоритъ мнѣ: „никому, Маруська, не моги сказывать того, что видѣла... Одёжу я эту спрячу до поры до времени, а какъ поставлю молодца на ноги, такъ онъ намъ съ тобою большое спасибо скажетъ ..“ Я и молчала; что сосѣди спрашивали—одинъ у меня отвѣтъ: не знаю...

— Ну, и что же парень?

— Парень лежитъ да слабо такъ, жалобно стонетъ. Батька ему лицо и голову вымылъ, кровь сталъ заговаривать, травы прикладывать. Много денъ лежалъ парень—куска хлѣба съѣсть не могъ, только пилъ все. Умаялась я, его сторожимши. Вотъ и голова зажила; всталъ парень на ноги, да дурачкомъ и вышелъ. Страшенъ онъ мнѣ сначала казался: ничего не говоритъ, только упрется глазами въ одно мѣсто, да вдругъ какъ захохочетъ! Ажно морозъ по кожѣ подираетъ... И батька съ нимъ говорить пробовалъ: бывало сидитъ, сидитъ, толкуетъ—нѣтъ никакого проку. И сказалъ мнѣ тогда батька, что это съ нимъ отъ крови, да отъ раны въ голову, такое приключилось... Какъ ударили, говоритъ, ему въ голову, такъ у него мысли и спутались... Може, говоритъ, пройдетъ, а може и нѣтъ—Богъ его вѣдаетъ, только травами поить его надо каждый вечеръ...

— Ну и что-жь, и ничего, такъ дуракомъ и остался? съ соболѣзнованіемъ спросила Настюха.

— Такъ и остался—чай сама видѣла! горько прошептала Маруся. А ужь я ли не ходила за нимъ, я ли не берегла его... по вечерамъ травы настаивала — горькія такія травы... Сталъ онъ тише, пересталъ страшно смѣяться... Иной разъ и слово молвитъ, и понимаетъ все, что его ни спросишь, а всежъ таки *порченый*, порченый, и о себѣ ничего не знаетъ — забылъ видно все, совсѣмъ забылъ...

Маруся опустила голову и смигнула набѣжавшія слезы.

— Да какъ же звать-то его?

— Кто-жь его знаетъ—что самъ говоритъ—не разберешь. Мы съ батькой Ванюшей прозвали, а народъ *дурачкомъ* величаетъ—при томъ онъ и остался... Теперь, никакъ ужь съ осени, кажись, другое стало. Началъ онъ работать, батькѣ во всемъ помогать, каждое дѣло справить умѣетъ, иной разъ самъ заговоритъ со мною... Вонъ вчерась подошелъ, по головѣ сталъ гладить: добренькая ты, говоритъ, добренькая...

И Маруся вдругъ залилась слезами.

— Что ты, что ты—о чемъ? Чего плачешь? встрепенулась удивленная Настюха.

— Жалко мнѣ его, жалко; сердце болитъ на него, безталаннаго, глядючи...

— Вѣстимо жалко ..

— И вотъ думаю я, думаю, сквозь слезы продолжала Маруся,—неужто-жь этому и конца не будетъ, неужто такъ онъ дурачкомъ на всегда и останется.. Вѣдь вотъ развѣ мало времени прошло—а все тоже! Да хоть бы знать—кто онъ такой, откуда...

— Я такъ смекаю—не изъ тѣхъ ли онъ ратныхъ людей, что къ вамъ тогда въ купальную ночь понаѣхали, замѣтила Настюха.

— Это-то вѣрно, что изъ тѣхъ—и одежа на немъ была такая же какъ на нихъ, и даже мнѣ думается не набольшій ли онъ ихній... Може кралевичъ какой—ужь больно пригожъ... А руки-то у него, руки! Какъ лежалъ тогда—гляжу я—бѣлыя да нѣжныя такія руки, ровно у ребенка. А на шеѣ крестъ у него большой, золотой, на золотой же толстой ниткѣ... Батька на немъ такъ этотъ крестъ и оставилъ... Кралевичъ, какъ есть кралевичъ!

Маруся замолчала, охваченная своими мыслями о заколдованномъ ея королевичѣ.

— Ишь дѣла-то, дѣла какія! шептала Настюха, глубокомысленно качая головою.

И она стала торопить Марусю въ большую избу—послѣ этихъ разсказовъ ей не терпѣлось, хотѣлось скорѣе посмотрѣть на дурачка, взглянуть на его руки. „Може и впрямъ кралевичъ!“ думала она и начинала чувствовать къ дурачку и жалость и какое-то благоговѣніе.

Въ большой избѣ дымъ стоялъ коромысломъ. Парни и дѣвки очевидно помирились и сидѣли по парно. Хоромъ пѣли пѣсни и подъ шумокъ перешептывались другъ съ дружкой. Многія дѣвки хоть и не гадали еще въ этотъ вечеръ, а ужь заранѣе и навѣрно знали, кто ихъ суженый-ряженый.

Тепло, даже душно было въ избѣ. Ярко горѣли лучины, рдѣли румянцемъ щеки дѣвушекъ. Только дурачекъ въ своемъ уголку былъ блѣденъ и грустенъ по прежнему. Къ нему подсаживались и дѣвки, и парни, заговаривали съ нимъ, угощали его своими незатѣйливыми лакомствами. Но ни что не выводило его изъ задумчивости.

Настюха и Маруся были встрѣчены шутками и догадками—видно онѣ гдѣ нибудь ворожили... Маруськино это дѣло, недаромъ тятька—знахарь. А Настюхѣ не годилось бы—и чего Павлюкъ смотритъ, не учитъ какъ надо свою бабенку.

Настюха удовлетворила свое желаніе — разсмотрѣла дурачка, убѣдилась въ красотѣ его рукъ; но заговорить съ нимъ не посмѣла.

— А дурачекъ то твой вѣдь тебя спрашивалъ, сказали Марусѣ. Сидѣлъ это онъ, молчалъ, молчалъ, да вдругъ: Маруся, говоритъ, спой пѣсню!...

Дѣвушка взглянула на своего любимца. Онъ ничего не слышалъ—если и были у него какія мысли, то видно онѣ ушли далеко.

Она вошла въ кружокъ и приготовилась пѣть. Всѣ замолчали.

Маруся запѣла.

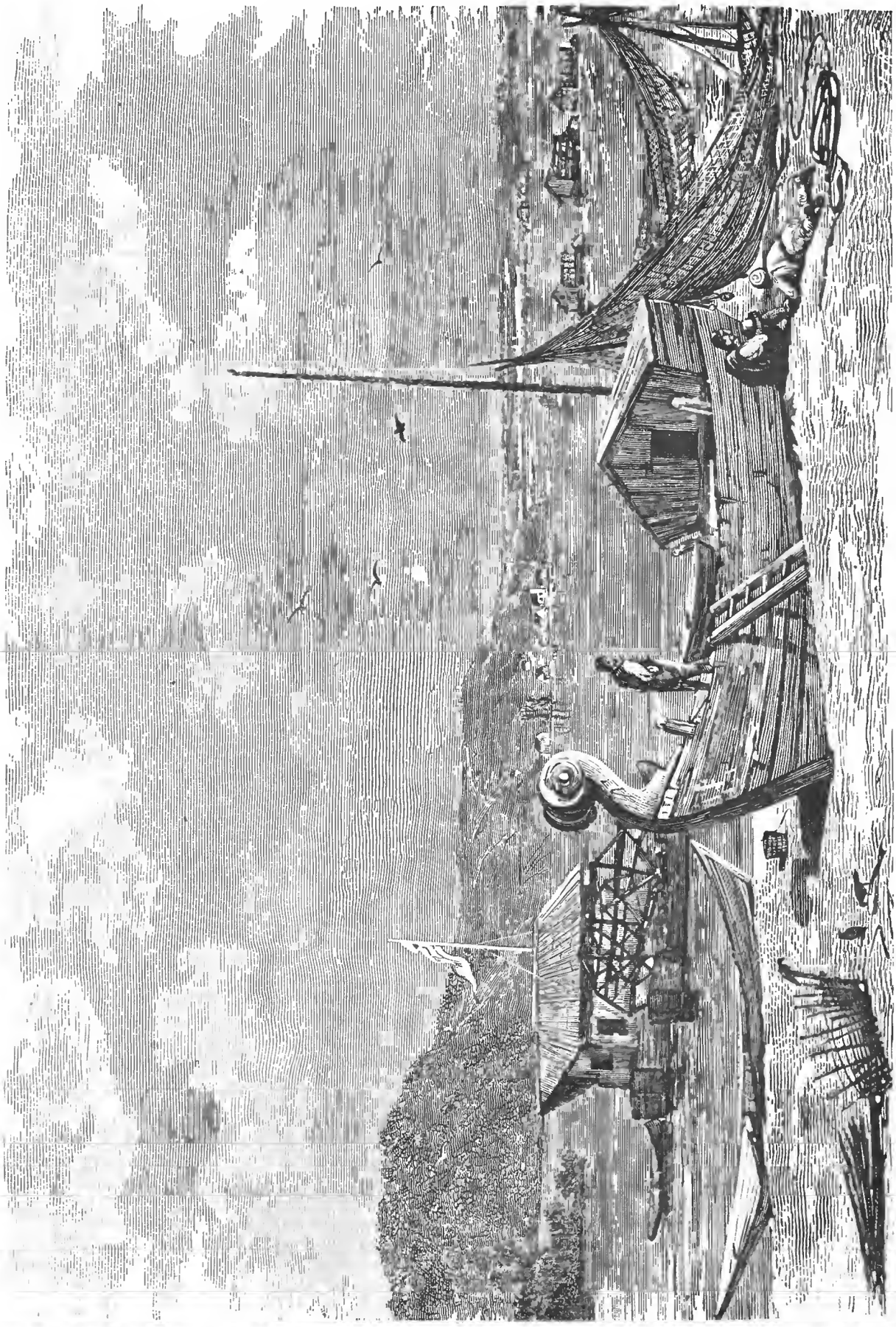
Не цвѣтокъ въ лѣсу душистый
Рано увядаетъ,
А меня, дѣвчину, горе
Горе сокрушаетъ.

* * *

Яснымъ утромъ выйдетъ солнце,
Цвѣтикъ приголубитъ....
А меня, меня, дѣвчину,
Милый мой не любитъ...

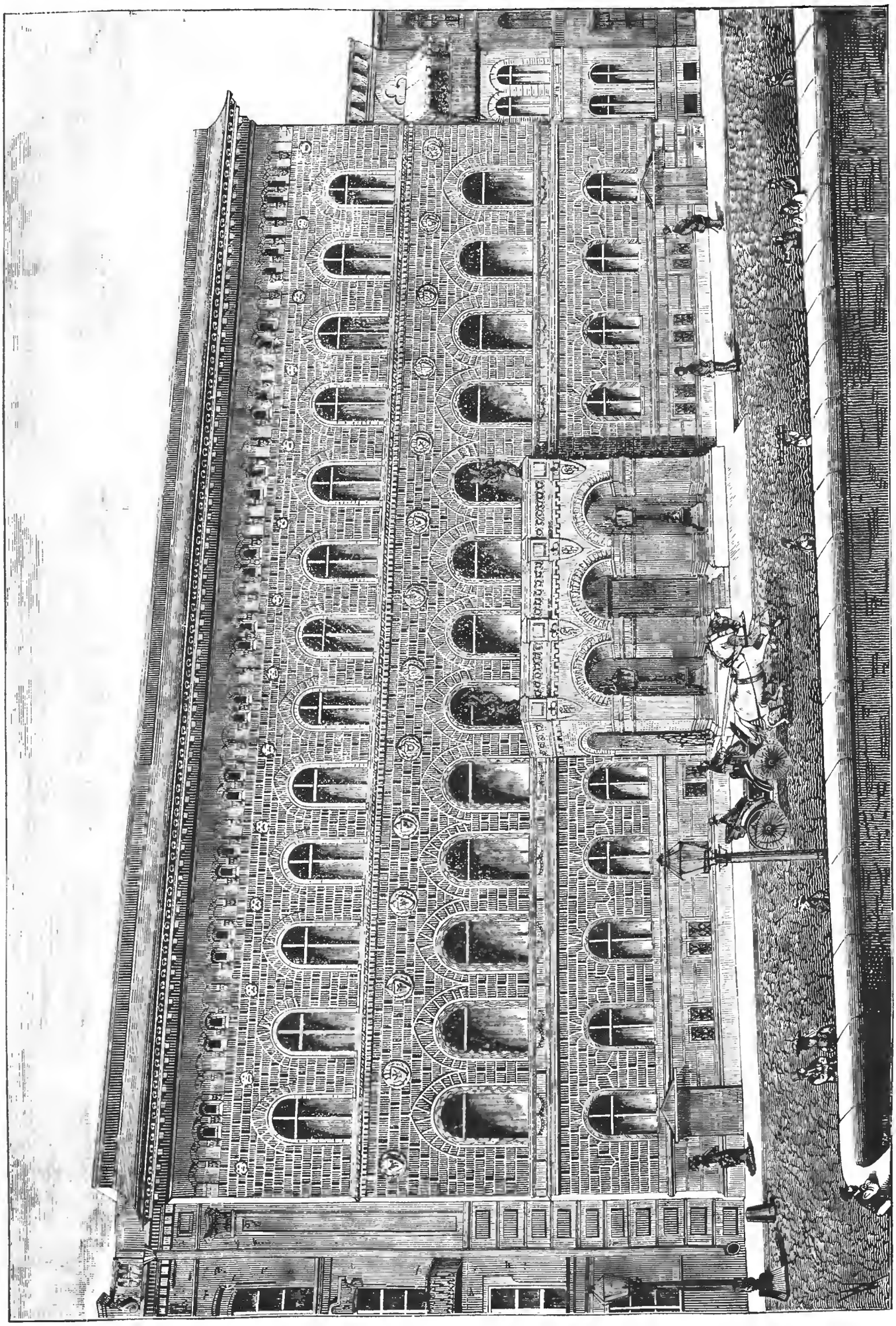
Никогда еще не пѣвала такъ полѣсская дикарка. Не даромъ нѣкоторые парни начинали считать ее чаровницей. Ея пѣсня сразу всѣхъ заворожила, никто не

Библиотека "Руниверс"



Рыбачьи лодки и водяныя мельницы на Дунаѣ. Рис. нашъ спеціальный корреспондентъ Н. Каразинъ, рѣз. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"



Видъ дворца Вел. Князя Владиміра Александровича, по набережной рѣки Невы въ С.-Петербургѣ Рис. съ натуры Ванъ-Ура, грав. Траппо.

Библиотека "Руниверс"

рѣшился подтянуть ей... Всѣ слушали не переводя дыханія, боясь пропустить хоть одинъ звукъ чудной пѣсни. И плакали, плакали звуки, и говорила въ нихъ безъисходная боль души дѣвичьей...

Чудно хороша была и сама пѣвица. Въ этой душной, закоптѣлой избѣ, среди не особенно красивыхъ, грубоватыхъ лицъ, въ грязи и бѣдности еще болѣе поражало ея вдохновенное лицо, ея глаза — глубокіе и темные.

Вдругъ дурачекъ поднялся съ своего мѣста и сталъ жадно слушать. Онъ тяжело дышалъ, выраженіе безжизненности, безучастности, поражавшее въ немъ, пропало.

Вотъ онъ кинулся къ Марусѣ и впился въ нее глазами.

— Не то, не то! прошептали его губы.

Онъ горько, отчаянно зарыдалъ и упалъ на грязный полъ, къ ногамъ Маруси.

V.

Что же такое случилось съ *дурачкомъ*? отчего на него такъ подѣйствовала пѣсня Маруси? Никогда еще, ни разу, во всѣ эти долгіе мѣсяцы онъ не плакалъ, ни разу не вышелъ изъ свой апатіи. А тутъ вдругъ волненіе, отчаянье, слезы и рыданія!...

Ужь конечно не полѣсскій знахарь Семенко могъ отвѣтить на эти вопросы. И въ наши дни, при развитіи науки и тончайшихъ, добросовѣстнѣйшихъ наблюденіяхъ психіатровъ, такіе вопросы остаются безъ отвѣта. Душевная болѣзнь, поражающая человѣка, составляетъ самое изумительное, таинственное явленіе...

Какъ бы то ни было, что-то могущественное потрясло *дурачка* когда онъ вслушивался въ горькіе, страстные звуки Марусиной пѣсни. Быть можетъ эти звуки, эти рыданія и стоны, раздавшіеся въ нихъ, пробудили какое-нибудь далекое, заснувшее воспоминаніе. Быть можетъ само лицо пѣвицы, преображенное силой поэтическаго вдохновенія и душевнаго порыва, напомнило ему другое лицо, черты котораго, едва пронесшись передъ нимъ, должны были вызвать къ дѣятельности его пораженную умственную жизнь и жизнь его сердца.

Онъ упалъ и такъ долго не могъ прійти въ себя что Маруся, а за нею и остальные стали думать, что онъ уже умеръ. Всеобщее веселье было нарушено. Маруся плакала, стараясь привести въ чувство своего дурачка. Вотъ наконецъ онъ пошевелился и открылъ глаза. Онъ быстро, жадно сталъ всматриваться въ окружающіе предметы, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ; не узнавалъ Марусу, не понималъ—гдѣ онъ и что съ нимъ такое.

Старики и старухи, призванные на совѣтъ молодежью, взглянули на дѣло очень просто. Они прежде всего хорошенько выбранили дѣвушекъ за то, что тѣ привезли съ собою *порченаго*. Если дядя Семенко взялъ его къ себѣ, пусть за нимъ и смотритъ. А тутъ, чего добраго, случится съ нимъ что нибудь. . Нѣтъ, ужь лучше, подальше отъ бѣды, везти его скорѣе обратно... На томъ и порѣшили.

Павлюкъ заложилъ пошевни и обѣщался доставить дурачка къ дядѣ Семенко. Марусю упрашивали остаться, но она и слышать ничего не хотѣла—живо собралась и тоже уѣхала. Потужили парни, да нечего дѣлать. Ну и Богъ съ ней, съ этой Маруськой - славная дѣвка и поетъ что твой соловей, да больно что-то мудрена, съ ней не сговоришься... Аниски да Аленки лучше—эти неотвертываются отъ парней...

Когда Маруся и Павлюкъ привезли дурачка, дяди Семенко не было дома—онъ тоже отправился попировать куда-то по сосѣдству. Павлюкъ спѣшилъ вернуться во свояси. Маруся заперла за нимъ дверь хатки, развела огонь и подошла къ кучѣ соломы, на которую прилегъ дурачекъ. Она сѣла съ нимъ рядомъ, приподняла его голову и положили ее къ себѣ на колѣни. Онъ не сопротивлялся. На него нашло какое-то забытье, только нервная судорога иногда пробѣгала по лицу.

Маруся гладила его мягкіе волосы; ея грудь высоко поднималась, а изъ глазъ то и дѣло капали тихія слезы. Она никогда не задумывалась надъ вопросомъ: дорогъ онъ ей, или нѣтъ, и какъ дорогъ?... Она просто любила его всею жалостью своего сердца. Теперь, когда его голова лежала у нея на колѣняхъ, когда она слышала его горячее дыханіе, смотрѣла на его блѣдное, прекрасное лицо—ей было и сладко, и больно... „Жалко его, жалко!"—твердила она и себѣ и другимъ.

Минуты шли за минутами. Отецъ не возвращался. Все было тихо въ хаткѣ—только трещали зажженные сухіе сучья. Маруся въ полголоса запѣла какую-то длинную, жалобную пѣсню. Она сама забылась. Она не замѣчала, какъ дурачекъ приподнялъ голову съ ея колѣнъ, съ какимъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на нее.

— Кто ты? кто ты? вдругъ спросилъ онъ, хватая ея руки.

Она вздрогнула. Она взглянула на него и отшатнулась—передъ ней былъ совсѣмъ новый человѣкъ. Неуловима была перемѣна, происшедшая съ нимъ; но она поразила Марусю. Теперь ужь никто не назвалъ бы его дурачкомъ—въ его глазахъ была мысль, былъ огонь.

— Кто ты? кто ты? повторялъ онъ.

— Ванюша, что съ тобой? развѣ ты не узнаешь меня, Ванюша? Посмотри хорошенько—вѣдь я Маруська... кѣмъ же мнѣ и быть то!.. жалобно заговорила дѣвушка.

(Продолженіе будетъ).

Кардиналъ Антонелли.

(Некрологъ).

6-го ноября н. с. (25-го октября) умеръ въ Римѣ кардиналъ Антонелли, родившійся въ 1806 году въ Сонніо, близь Террачино. Джіакомо Антонелли происходилъ изъ древней фамиліи Романьи, но это, впрочемъ, еще спорный вопросъ. Отецъ кардинала былъ пастухомъ. Попавъ въ римскую семинарію, молодой Антонелли обратилъ на себя вниманіе начальства *удивительнымъ послушаніемъ*, а извѣстно, что такого рода качество имѣетъ высокую цѣну въ глазахъ іезуитовъ. Начальство «отмѣтило» его, а впослѣдствіи и самъ папа Григорій XV заинтересовался молодымъ воспитанникомъ семинаріи, проявившимъ далеко недюженныя способности. Сынъ пастуха сдѣлалъ блестящую карьеру. Тридцатипятилѣтній Антонелли былъ уже товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ папской области; въ 1845 г. его назначили министромъ финансовъ, а черезъ два года, вскорѣ по полученіи Мастаи Феретти папской тіары, папа Пій IX пожаловалъ ему кардинальскую шляпу, сдѣлавъ его въ тоже время статсъ-секретаремъ, главою правительства его святѣйшества. Пій IX, какъ извѣстно, имѣлъ въ то время склонность къ либеральнымъ идеямъ, увлекался, желалъ многое пересоздать и вообще обнаруживалъ благія намѣренія,—это, конечно, не укрылось отъ хитро-умнаго статсъ-секретаря. Антонелли никогда не былъ прогрессистомъ, либераломъ, но желая во чтобы то ни стало добиться власти, на первыхъ порахъ поддакивалъ Пію IX, прикидывался ревнителемъ прогресса и достигъ желанной цѣли. Папа почти подружился съ нимъ, серьезно въ то время помышляя стать во главѣ національнаго движенія. Антонелли, какъ человѣкъ проницательный, хорошо видѣлъ, что изъ папскаго либерализма ничего не выйдетъ и что рано-ли, поздно-ли самъ Пій IX выброситъ за окно всѣ свои «либеральныя стремленія». Такъ и случилось. Папа испугался революціоннаго движенія, а когда министръ его, графъ Росси, былъ убитъ, Антонелли уговорилъ Пія бѣжать въ Гаэту. По возвращеніи изъ Гаэты (1850 г.) его святѣйшества, кардиналъ Джіакомо Антонелли былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, каковымъ и оставался до конца своей жизни. За все время своего 26-лѣтняго управленія кардиналъ не измѣнилъ себѣ ни разу и сошелъ въ могилу ярымъ консерваторомъ. Реформы, обѣщанныя папой, конечно, не осуществились, потому что Антонелли не выпускалъ изъ рукъ своихъ намѣстника апостола Петра. На дѣлѣ папой былъ не Пій IX, а самъ Ан-

Библиотека "Руниверс"

тонелли, который и говорилъ не стѣсняясь: «папа—это я!» Такая политика весьма вредно вліяла на благосостояніе страны, тормозя всякое развитіе; торговля упала, промышленность стала чахнуть, словомъ—явились признаки разоренія, а между тѣмъ разбойничьи шайки, вовсе не боясь папскихъ жандармовъ, безчинствовали и тамъ и сямъ. Итальянцы не только не любили, но даже ненавидѣли кардинала Антонелли, усматривая въ немъ личнаго своего врага, и разъ даже (1855 г.) покушались умертвить его. Получивъ довольно опасную рану кинжаломъ, кардиналъ выздоровѣлъ и все-таки остался такимъ, какимъ былъ, угроза эта вовсе не подѣйствовала на него. Безспорно умный, талантливый человѣкъ, Антонелли принадлежалъ къ разряду тѣхъ, которыхъ называютъ «черствыми», эгоистами: онъ не былъ даже религіознымъ; собственно интересы церкви вовсе не занимали его; властолюбіе и честолюбіе—вотъ главный рычагъ дѣятельности покойнаго министра-кардинала. Люди, хорошо знавшіе его, говорятъ, что онъ былъ скорѣе свѣтскимъ кавалеромъ, чѣмъ духовнымъ лицомъ, скорѣе *Донъ-жуаномъ*, чѣмъ монахомъ. Въ кабинетѣ его, вмѣсто статуи Мадонны, красовалось мраморное изваяніе Венеры... Антонелли любилъ дамское общество и особенно внимательно относился къ супругамъ посланниковъ. «Металломъ звенящимъ» онъ также не пренебрегалъ, такъ что послѣ смерти его осталось громадное состояніе—почти до ста милліоновъ. Покойный кардиналъ, какъ и покойный Потемкинъ-Таврическій, имѣлъ особенное пристрастіе къ драгоцѣннымъ камнямъ; онъ оставилъ богатую коллекцію этихъ драгоцѣнностей, которая и разойдется по рукамъ многочисленныхъ его наслѣдниковъ.

Къ рисункамъ.

Пѣвчіе.

(Картина Генри Брино).

Въ католическомъ храмѣ служится месса. Молящіяся, и особенно женщины, которыхъ втрое болѣе мужчинъ, набожно слѣдятъ по молитвеннику за ходомъ службы. Нѣкоторыя изъ нихъ, спустившись со скамейки, стоятъ на колѣняхъ, склонивъ голову на руки; на лицахъ другихъ благоговѣніе, смиреніе, кротость, словомъ, что-то такое, чего внѣ храма, въ обыденной жизни не увидишь на этихъ самыхъ лицахъ. Стройное, звучное пѣніе, дрожащіе густые аккорды органа, видъ открытаго алтаря—все это уноситъ душу куда-то далеко, отдѣляетъ набожнаго человѣка отъ земли грѣховной, отъ суеты земной. И посмотрите, какъ стараются эти почтенные пѣвчіе хорошо исполнить молитвенный гимнъ, зная, что согласное, пріятное пѣніе ихъ, въ связи съ окружающей обстановкой, производитъ на молящихся глубокое впечатлѣніе! Французскій художникъ съумѣлъ уловить физіономію поющихъ, и вы какъ будто слышите звуки пѣнія, гармонію молитвеннаго гимна. Прямо передъ вами—толстогубый басъ, почтенный мужъ, спускающій бархатную октаву: еще нѣсколько тактовъ — и низкая нота замретъ въ темныхъ сводахъ храма, а октавистъ, сдѣлавъ свое дѣло, вслѣдъ зарядитъ носъ табачкомъ, благо табакерка уже открыта и между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки его сжата здоровенная порція зелья, услаждающаго слизистую оболочку носа.

Рыбачьи лодки и водяныя мельницы на Дунаѣ.

На нашемъ рисункѣ, на первомъ планѣ, вытащенная на песчаный, пригрѣтый южнымъ солнцемъ берегъ лодка; всмотритесь въ ея оригинальныя формы: этотъ возвышенный носъ, украшенный красиво-выгнутымъ грифомъ, высокіе, массивные уключины для большихъ, двуручныхъ веселъ, эта рубка на тяжелой кормѣ, прямо отсѣченной сзади, не напоминаетъ ли все это формы древнѣйшихъ судовъ Греціи, сохранившихся только въ барельефахъ и фрескахъ на древнихъ памятникахъ? Корабль Арго, на которомъ плавали за золотымъ руномъ, корабль Улисса, извѣдавшій столько интересныхъ и разнообразныхъ приключеній, корабль носившій на себѣ Телемака и Мевтора и др. отошедшіе даже отъ историческаго времени, составляющіе аттрибуты и детали легендъ и преданій.

Безспорно, что первобытнѣйшій типъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ почти исчезъ—наука, изучивъ теорію плавучести и движенія, создала цѣлый рядъ типовъ, въ высшей степени интересный рядъ, пока не достигла современныхъ результатовъ—и если вы сопоставите «Арго» съ какимъ-нибудь «Петромъ Великимъ» или «Тюндереромъ», то увидите, поразительный контрастъ, въ которомъ немыслима никакая сравнительная параллель.

А видѣть этотъ контрастъ въ высшей степени интересно. Только на Дунаѣ путешественникъ можетъ встрѣтиться съ такими контрастами. Скромный народъ, не гонявшійся за изобрѣтеніями науки, довольствуясь самыми скромными потребностями, остался почти чуждъ прогрессу—положимъ, хоть судостроенія, и сохранилъ изъ рода въ родъ первобытную форму своихъ рыболовныхъ лодокъ.

Здѣсь, на Дунаѣ, рядомъ съ новѣйшими пароходами самыхъ изящныхъ, приспособленныхъ къ дѣлу типовъ, рядомъ съ этими колоссальными, плавучими салонами, рядомъ съ могучими буксирными судами, диже съ хитроумными, окованными желѣзомъ канонерками—вы встрѣчаете и скромныя формы корабля Арго, формы цѣликомъ позаимствованныя у извѣстнаго молюска и его жилища—*раковины перловки—ботика*, и простоватый, добродушный донельзя рыбакъ сербъ, сидя на борту такого кораблика, спокойно и равнодушно смотритъ на мимоидущіе колоссы, чудеса прогресса и современной науки. Его занятіе не сложно, потребности тоже, и онъ совершенно доволенъ тѣмъ, что имѣетъ и изъ рода въ родъ передаетъ свое судно, со всѣми его древними формами.

Подобные суда плаваютъ тихо—рыбакъ не дорожитъ особенно своимъ временемъ, и это его не безпокоитъ нисколько. Суда эти довольно устойчиво сидятъ на мѣстѣ—это ему на руку и онъ основываетъ на палубѣ и въ каютѣ своего кораблика чуть не постоянное свое жилище.

Если ему удается завести двѣ такихъ лодки, онъ часто устраиваетъ въ нихъ мельницу, приносящую ему уже порядочный заработокъ, несравненно большій, чѣмъ рыбная ловля. Подобныя плавучія мельницы часто встрѣчаются на Дунаѣ; мѣстами такъ онѣ положительно усѣеваютъ всю поверхность рѣки, близь береговъ, образуя цѣлыя плавучія селенія.

Эти мельницы тоже изображены на нашемъ рисункѣ; онѣ устраиваются такимъ образомъ:

На одной лодкѣ, нѣсколько большей, ставится самый простой мельничный механизмъ изъ двойнаго жернова, проводной шестерни, качающагося резервуара для ссыпки зерна и пріемника для муки. Отъ этого механизма идетъ валъ, конецъ котораго тянется къ слѣдующей лодкѣ, рядомъ стоящей, гдѣ и закрѣпляется въ скобу. На этомъ валѣ устроены, на тонкихъ спицахъ, досчатыя лопасти водяного колеса, которое и вертиться такимъ образомъ между двухъ лодокъ, приводясь въ движеніе теченіемъ воды. Незамысловато и дешево.

Если почему либо выбранное для стоянки мельницы мѣсто окажется неудобнымъ, или здѣсь появятся опасные конкуренты, мельникъ-рыбакъ снимается съ якоря и переплываетъ на другое мѣсто—лучшее.

Онъ собственникъ, и это выражается довольно очевидно его именемъ, крупно написаннымъ на стѣнѣ мельницы, онъ платитъ исправно свои повинности и гордо выставляетъ на флагштокѣ свой національный флагъ. Онъ честно зарабатываетъ свой хлѣбъ—хлѣба этого достаточно—и онъ совершенно покоенъ, доволенъ собою и знать не хочетъ никакихъ улучшеній и усовершенствованій.

Н. Каразинъ.

Дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича.

Изображенный здѣсь рисунокъ представляетъ дворецъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, главнымъ фасадомъ своимъ выходящій на рѣку большую Неву.

Стиль его нѣсколько подходитъ къ стилю флорентинскихъ дворцовъ. Цоколь вышиною болѣе 4 арш. сложенъ изъ сильно профилеваннаго сѣраго сердобольскаго гранита; стѣны по преимуществу кирпичныя и сложены по раствору изъ сѣрой тосненской извести, а всѣ архитектурныя части и украшенія, напр. колонны, карнизы, наличники и проч. отлиты изъ цемента въ большихъ кускахъ и вставлены на мѣста вмѣстѣ съ кирпичною кладкою стѣнъ.

Главная входная дверь ведетъ въ небольшія сѣни. На цвѣтномъ окнѣ надъ входомъ написанъ В. Д. Сверчковымъ великокняжескій гербъ. Изъ сѣней на лѣво передняя (Style Henri IV) съ каминомъ изъ бременскаго песчаника. Парадная лѣстница въ стилѣ французскаго ренесансъ времени Франциска I, сдѣлана изъ сѣраго гранита и мрамора по камеввымъ стѣнкамъ; стѣны убраны лѣпными скульптурными работами на золотомъ фонѣ. Въ срединѣ богатаго потолка помѣщена картина профессора В. П. Верещагина «Геній искусствъ на берегахъ Невы». Перила лѣстницы составлены изъ мотивовъ буквы В. (Владиміръ). На нижней площадкѣ, въ стѣнной нишѣ поставленъ слѣпокъ съ автичной группы «Амуръ и Психея», на верхней: мраморная группа художника Бродскаго «*Первые нашепты любви*»; здѣсь же устроена подъемная машина. Подъемныхъ машинъ во дворцѣ 3: 1-я по парадной лѣстницѣ—гидравлическая съ вертикальнымъ поршнемъ, для подъятія въ бель-этажъ людей; 2-я механическая для подъема чемодановъ, дровъ и проч. и 3-я ручная, при буфетѣ, для кушанья.

Дворецъ отапливается голландскими изразчатыми печами, каминами и пневматическими калориферами (сѣни и парадныя комнаты).

Библиотека "Руниверс"

Всѣ нагрѣватели способствуютъ и провѣтриванію комнатъ. Въ кухняхъ же и буфетахъ имѣются особые вытяжные каналы, расположенные между постоянно горячими дымовыми трубами и снабжены отчасти газовыми горѣлками. Къ очагамъ подъ поломъ проведенъ наружный воздухъ.

Полы въ жилыхъ кухняхъ и подвалахъ сдѣланы изъ асфальта, въ прочихъ мѣстахъ, смотря по ихъ назначенію—изъ булыжника, мозаики, мрамора, терракотовыхъ, плитокъ дубоваго и сосноваго паркета и щитовые.

Зданіе дворца состоитъ изъ трехъ частей: изъ главнаго собственно двоцоваго корпуса, изъ должностного, выходящаго на Милліонную улицу, съ надворными, служительскими флигелями и изъ конюшеннаго, поставленнаго въ срединѣ главнаго двора, между дворцомъ, должностнымъ и служительскими флигелями.

Постройка дворца начата была архитекторомъ профессоромъ А. И. Резановымъ въ 1867 г. и окончена при содѣйствіи архитекторовъ академиковъ В. А. Шретера, Л. А. Гуна и І. С. Китиера въ 1872 г. Вся постройка, съ омеблировкою, коврами, драпировками, бронзами стоила 820,000 рублей.

Собственныя Его Высочества комнаты расположены во дворцѣ на право отъ парадного входа; нѣсколько ступеней изъ сѣней ведутъ въ нихъ. Помѣщеніе его состоитъ изъ передней, пріемной (она же и бильярдная), гостиной, кабинета, библіотеки, гардеробной, уборной и комнатъ для прислуги. Непосредственно съ половиною Его Высочества находится и баня, отдѣланная въ русскомъ стилѣ. Изразцовая каменка вся расписана Подъ баней устроена механическая пароная прачешная и паромъ изъ котла можетъ пользоваться и баня.

Въ бельэтажѣ налѣво съ площадки входъ въ покои Ея Высочества Великой Княгини Маріи Павловны, а прямо — въ парадныя комнаты дворца.

Будуаръ Великой Княгини отдѣланъ въ мавританскомъ стилѣ. Стѣны опочивальной обиты лиловымъ атласомъ, съ мягкою стежкою по низу. Мебель бѣлая, лакированная съ атласною свѣтло-зеленоватой обивкой.

Пріемная въ парадныхъ комнатахъ съ большимъ балкономъ на Неву, обставлена черной мебелью съ малиновой шелковой обивкой; съ чернымъ мраморнымъ каминомъ Банкетный залъ декорированъ въ русскомъ стилѣ, съ хорами для музыкантовъ. На стѣнахъ помѣщаются картины, содержаніе которыхъ взято изъ русскихъ сказокъ, такъ напр. Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ—работы В. П. Верещагина

Люстры сдѣланы изъ красной полированной мѣди; занавѣсы изъ небѣленаго полотна, убраны русскимъ шитьемъ; въ глубинѣ поставлена изразцовая расписная печь. Вокругъ потолка, по фризу написаны славянскими буквами русскія поговорки, относящіяся къ хлѣбу—соли.

Дѣтская половина и комнаты фрейлинъ помѣщаются въ 3-мъ этажѣ. А надъ третьимъ этажемъ, представляя въ планѣ прямоугольникъ, устроена дворцовая церковь. Иконостасъ въ церкви одноярусный, дубовый съ образами на золотомъ фонѣ.

Библіографія.

Календарь съ отрывающимися листками. Ежедневникъ на 1877 годъ. Изданіе Эдуарда Гоппе. Цѣна 75 коп.

Календарь этотъ изданъ весьма опрятно и имѣетъ довольно изящный видъ. Книжка съ отрывающимися листками прикрѣплена къ куску толстаго картона, разрисованному въ русскомъ вкусѣ (длина картона около 8 вершковъ). На лицевой сторонѣ, подъ книжкой, указаны цѣны вексельной гербовой бумаги, а сзади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и такса почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На отрывающихся листкахъ, кромѣ дня, числа и мѣсяца, можно найти различныя указанія, напр., на листкѣ «*Январь, 3 (15), понедѣльникъ*», кромѣ церковныхъ свѣдѣній, указано на тиражъ акцій и облиг. шуйско-иванов. желѣзной дороги. Въ этотъ день, по народному повѣрью, можно *отчитать* коженниковъ (меланхоликовъ) (?). Ярмарка въ Переяславѣ. Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика наверху въ картинѣ сдѣлано отверстіе. Указанный ежедневникъ полезная и недорогая вещь.

Картины по священной и церковной исторіи. Главнѣйшіе праздники православной церкви, съ текстомъ и примѣрными уроками. Подъ редакціей свящ. В. Я. Михайловскаго, рисов. Барвитовъ, рѣзалъ на деревѣ Герасимовъ. Цѣна 1 р. 75 к, съ перес. 2 руб. Это изданіе можетъ быть, по нашему мнѣнію, весьма полезно для дѣтей, такъ какъ въ памяти ихъ сильнѣе останется впечатлѣніе разсказа изъ священной исторіи, когда этотъ разсказъ сопровождается рисункомъ, что и сдѣлано въ этомъ изданіи.

Смѣсь.

Высшее духовенство въ Англіи получаетъ огромное жалованье. Примасъ Англіи получаетъ 375,000 франковъ жалованья (въ годъ) архіепископъ іоркскій 250,000 фр.; епископы отъ 100—200 т. фр.; но это вознагражденіе еще удваивается доходами съ епископствъ (лондонское епископство приноситъ полмилліона фр.). Понятно послѣ этого, съ какою энергіей домогаются этихъ выгодныхъ должностей и какую роскошную жизнь ведутъ семейства высокихъ сановниковъ англійской церкви! И потому англійское духовенство, имѣющее, конечно, въ своей средѣ людей очень образованныхъ и почтенныхъ, сдѣлалось, однакоже, убѣжищемъ всѣхъ интригановъ и посредственностей.

Число пассажировъ, перевезенныхъ парижскими омнибусами, простиралось въ 1874 году до 115 милліоновъ Въ 1855 г. число этихъ пассажировъ составляло 40 милліоновъ; въ 1860 г.—72 милліона, а въ 1867 г., во время всемірной выставки, достигло до 121 милліона. Въ 1869 г. число пассажировъ, воспользовавшихся проѣздомъ въ парижскихъ омнибусахъ, было 119 милліоновъ; въ 1871 г., во время осады, число это уменьшилось до 78 милліоновъ; въ 1872 г. возвысилось опять до 111 милліоновъ, а въ 1874 г. достигло уже помянутой выше цифры.

Число локомотивовъ на земномъ шарѣ. На основаніи статистическихъ давныхъ, обнародованныхъ во французскихъ журналахъ, число всѣхъ локомотивовъ, находящихся въ дѣйствіи на желѣзныхъ дорогахъ стараго и новаго свѣта, простирается до 50,000, стоимостью до 2½ милліардовъ франковъ. Означенное количество локомотивовъ распредѣляется между различными государствами слѣдующимъ образомъ: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 14.200, въ Англіи 10.900, въ Германіи 5.900, во Франціи 4.900, въ Россіи 2.600, въ Австріи 2.400, въ Венгріи 500, въ Италіи 1,200. Остальное количество локомотивовъ находится въ употребленіи во второстепенныхъ государствахъ.

Съѣдобная земля. Нѣкоторые народы питаются землистыми веществами и находятъ эту пищу не только безвредною, но и вкусною. Плиній говоритъ, что между Неаполемъ и Пуццолою находился *холмъ бѣлой земли*, изъ котораго жители этой мѣстности добывали какую-то бѣлую землю и варили изъ нея кашку. Плиній очень хвалилъ это кушанье, но только натуральное, а не поддѣльное. Существовали различныя мнѣнія о томъ, что такое пуццольская земля, пока ученый Эненбергъ не представилъ Берлинской Академіи Наукъ своихъ изслѣдованій по этому предмету, изъ которыхъ оказывается, что пуццольская земля есть стекловидный порошокъ, состоящій изъ частицъ особаго рода пемзы, въ крошечныхъ ячейкахъ которой находятся измѣненные остатки микроскопическихъ животныхъ, также иглообразные кристаллы, подобные кристалламъ гипса Русскій путешественникъ Крашенинниковъ писалъ, что во многихъ мѣстахъ Камчатки добывается особый родъ легкой земли, сходной вкусомъ со сметаною и что камчадалы и тунгусы употребляютъ эту землю какъ пищу и какъ лекарственное средство. Другой путешественникъ, Стелларъ, говоритъ, что это землистое вещество не иное что, какъ нѣжная глинистая земля. Ямы этой земли, глубиною въ полторы и двѣ сажени, находятся въ большомъ числѣ по берегамъ рѣки Марекана, впадающей въ Охотское море. Путешественникъ Эйріе говоритъ, что въ заленскомъ краѣ, по рѣкамъ Доддо и Иостаху, находятся также мѣстности, изобилующія землистымъ жирнымъ веществомъ, употребляемымъ тунгусами въ пищу и какъ лекарство. Гумбольдтъ разсказываетъ о землѣдахъ тропическихъ странъ между прочимъ слѣдующее: въ 1800 г., плывя по Ореноко, мы прибыли въ деревню Отомаковъ, питающихся землей. Употребляемая въ пищу земля есть не иное что, какъ нѣжная и жирная горшечная глина сѣрожелтаго цвѣта. Отомаки скатываютъ ее шариками и поджариваютъ на слабомъ огнѣ, пока эти шарики не покраснѣютъ, а затѣмъ уже ѣдятъ ихъ, смачивая водою. Этимъ веществомъ индійцы питаются во время 2, 3 мѣсяцевъ, когда прекращается ловля рыбы; но и съ открытіемъ ловли пристрастіе ихъ къ землѣ не ослабѣваетъ, и послѣ своего обѣда они лакомятся нѣсколькими поджаренными кусками земли.

(Прод. на стр. 795 и 796).

При этомъ № прилагаются объявленія для гг. иногородныхъ подписчиковъ:

1) **Отъ книжнаго магазина Д. Ѳ Ѳедорова въ С-Петербургѣ.**
2) **Отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.**
3) **Отъ книжнаго магазина А. Д. Ступина въ Москвѣ.** NB. Послѣднія объявленія А. Д. Ступина по желанію его не высылаются Московскимъ подписчикамъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Изъ политическихъ фактовъ прошлой недѣли, въ смыслѣ разъясненія положенія дѣлъ, первое мѣсто занимаетъ депеша нашего государственнаго канцлера князя Горчакова къ графу Шувалову, нашему послу въ Лондонѣ (отъ 7-го ноября). Депеша эта вызвана депешею графа Дерби къ лорду Лофтусу, англійскому посланнику при Петербургскомъ дворѣ, заключавшею въ себѣ перечисленіе сдѣланныхъ лондонскимъ кабинетомъ условій для возстановленія мира на востокѣ. Изъ депеши нашего Государственнаго Канцлера видно, что еще въ августѣ прошедшаго года князь Горчаковъ, предвидя опасности зарождавшагося тогда возстанія, поручилъ графу Дерби обратить на начинающееся тогда на Балканахъ движеніе вниманіе англійскаго кабинета, но британское правительство не придало тогда надлежащаго значенія, какъ самому факту начинавшагося тогда возстанія, такъ и замѣчанію русскаго государственнаго канцлера. Напротивъ, Австро-Венгрія, болѣе Англіи заинтересованная положеніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, условилась съ русскимъ правительствомъ относительно предложенія великимъ державамъ умиротворительныхъ мѣропріятій. Плодомъ этого былъ извѣстный проектъ графа Андраши, получившій поддержку и со стороны Англійскаго кабинета. Но опытъ доказалъ потомъ, что проектъ этотъ не выполнимъ по недостатку практическихъ средствъ осуществленія. Въ виду этого, три Императорскія двора предложили великимъ державамъ развить и дополнить программу Андраши, съ *установленіемъ гарантій*, изложенныхъ потомъ въ извѣстномъ берлинскомъ меморандумѣ. Но Лондонскій кабинетъ, какъ извѣстно, отвергъ эти предложенія, не входя въ ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе и не замѣнивъ ихъ никакимъ другимъ предложеніемъ. И такъ трудъ умиротворенія былъ прерванъ.

Но затѣмъ, по общему духу и смыслу депеши нашего государственнаго канцлера, явствуетъ, что Петербургскій и Лондонскій кабинеты искренно желаютъ умиротворенія на Востокѣ. Тотъ и другой расходятся только въ мнѣніи относительно средствъ къ осуществленію этой цѣли, общей для цѣлой Европы. Что же касается до парижскаго трактата, за неприкосновенность котораго такъ горячо стоитъ Англія, то вмѣшательства великихъ державъ въ дѣла Сиріи и Кандіи фактически доказали уже неизбѣжность отступленія отъ предписаній этого трактата. Личные же виды Россіи, въ дѣлѣ улучшенія положенія христіанскихъ подданныхъ Порты, чужды всякой затаенной и исключительной мысли, чему доказательства были не однократно даны Русскимъ Императорскимъ кабинетомъ.

Частное письмо нашего Государственнаго Канцлера къ графу Шувалову изъ Ливадіи, обнародованное одновременно съ депешею, еще болѣе уясняетъ положеніе дѣлъ и искренность Россіи въ великомъ дѣлѣ умиротворенія Востока.

Государь Императоръ изволилъ удостоить лорда Лофтуса аудіенціей и передать ему мирныя намѣренія Россіи, послѣ чего Лофтусъ послалъ въ Лондонъ депешу, которая, однакожъ, до сихъ поръ не обнародована.

Прошло затѣмъ не болѣе двухъ трехъ дней со времени обнародованія депеши и частнаго письма нашего государственнаго канцлера, какъ стало извѣстнымъ, что *Англія поспѣшно вооружается*, что британскія войска, снаряженныя для Остъ-Индіи, приказано остановить въ Гибралтарѣ и на островѣ Мальтѣ. Въ Великобританіи уже мобилизованъ 1-й корпусъ ея арміи, состоящій изъ 21 батальона пѣхоты, 7 полковъ кавалеріи и 80 орудій. Для чего это дѣлается? Отвѣтъ заключается въ лаконической фразѣ, стереотипируемой во многихъ англійскихъ газетахъ: «*на пути къ Константинополю Россія встрѣтитъ англійскія войска*!» И такъ всѣ усилія со стороны Россіи къ искреннему мирному улаженію дѣлъ на Востокѣ повидимому разбиваются о недовѣрчивость и подозрительность Британіи, не могущей переварить простой мысли: «Да зачѣмъ же Россіи Константинополь?» Англія уже предвидитъ какой-то *дѣлежъ* и беззастѣнчиво предлагаетъ свои проекты этого дѣлежа.

Въ этихъ приготовленіяхъ къ какому-то обширному спору, который можетъ быть сдѣлаетъ, на нашихъ глазахъ, эпоху во всемірной исторіи,—повидимому, стушегываются недавно бывшіе героями дня, доблестные борцы за общую свободу славянъ, съ генераломъ Черняевымъ во главѣ,—но это только повидимому,—потому что интересъ, возбуждаемый героями славянскаго дѣла, все также живъ, какъ и прежде. Къ утѣшенію истинныхъ друзей славянства, дерзкія инсинуаціи противъ генерала Черняева, приведшіе нѣкоторыхъ простодушныхъ даже въ смущеніе и недовѣрчивость, падаютъ и рушатся сами собою. Адресъ генералу Черняеву, поднесенный ему 8 ноября, находящимся въ Бѣлградѣ русскими, по случаю именинъ генерала, доказываетъ что лучшая часть друзей славянства такъ же предана Черняеву, какъ и прежде. Отвѣтъ Черняева на адресъ, этотъ образецъ искренности, доказываетъ съ другой стороны, съ какими элементами мы имѣемъ дѣло, когда читаемъ обвиненія Тимокско-Моравскаго главнокомандующаго. Затѣмъ, прекрасная рѣчь Ристича на обѣдѣ, данномъ сербскими и русскими офицерами въ честь Черняева, могла бы открыть глаза на истинное положеніе дѣлъ тѣмъ людямъ, которые увлечены не достойными инсинуаторами благороднаго начинателя славянскаго дѣла. Словомъ: во время перемирія, настали, къ несчастію, личные счеты обвиненія и разбирательства, не избѣжные, конечно, при потерпѣнныхъ въ послѣднее время сербскою арміей неудачахъ.

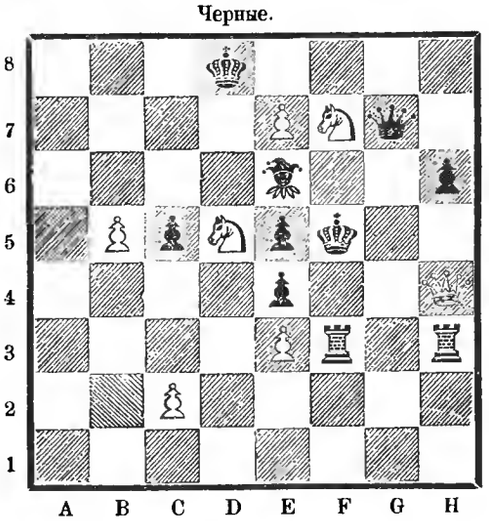
Относительно имѣющей вскорѣ собраться въ Константинополѣ конференціи, телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, отъ 10 (22) ноября изъ Константинополя, что тамъ въ субботнемъ засѣданіи чрезвычайнаго совѣта *рѣшено безусловно согласиться на конференцію*. Поведетъ ли, однако, къ чему либо эта конференція—это вопросъ иной, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о согласіи Порты на конференцію, телеграфъ говоритъ и о приготовленіи въ Стамбулѣ казармъ для помѣщенія англійскихъ войскъ, что морской министръ назначенъ главнокомандующимъ турецкимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

То, что мы говорили въ прошломъ обозрѣніи относительно нарушеній турками перемирія, къ сожалѣнію, приходится сказать и теперь. Такъ что, въ виду многократныхъ нарушеній, генералъ Игнатьевъ получилъ приказъ объявить Портѣ, *что Россія сочтетъ бесполезнымъ продолжать дипломатическіе переговоры, если Турція не будетъ соблюдать условія перемирія, и будетъ вынуждена отозвать изъ Константинополя своего представителя и всѣхъ чиновъ русскаго посольства.*

Правительственный Вѣстникъ въ продолженіи прошлой недѣли опубликовалъ всеподданнѣйшіе Адресы Государю Императору отъ многихъ городскихъ обществъ съ выраженіемъ вѣрно-подданническихъ чувства и готовности на всякія жертвы: за вѣру, царя и отечество.

ЗАДАЧА

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Іевлевская ст., Тобольс, губ. Устюжанинову.** Рисунки къ сожалѣнію, неудобны. Времени помѣщенія статьи точно опредѣлить не можемъ.

2) **Новгородъ-Сѣверскъ, Ѳ И. Доч—ому.** Если вы заранѣе предугадываете, что стихотворенія ваши могутъ попасть въ почтовый ящикъ, то зачѣмъ же напрасно тратить время на ихъ сочиненіе.

3) **Слобода Старохоперская, свящ. П. Я. Полни—ву.** «Нива», какъ еженедѣльный журналъ, не можетъ давать политическаго обозрѣнія одновременно съ газетными извѣстіями; притомъ, условія печатанія иллюстрированныхъ журналовъ вообще требуютъ времени больше, чѣмъ печатаніе изданій безъ рисунковъ, и кромѣ того, иллюстрированныя журналы издаются при предварительной цензурѣ—припомнивъ все это и принявъ во вниманіе, что печатаніе 25,000 экземпляровъ изданія съ рисунками занимаетъ 8 дней, вы конечно согласитесь, что свѣдѣнія въ нашемъ политическомъ обозрѣніи должны появляться позже газетныхъ на недѣлю; но за то они даются за цѣлую недѣлю, а не за одинъ минувшій день.

4) **Холмъ, Ст. Осип. Вѣки—ому.** Присланное неудобно.

5) **Петербургъ, Н. Мер—ву.** Мы такъ же бы охотно приняли вашъ совѣтъ, давать нашимъ подписчикамъ гравюры на стали, если бы исполненіе этого совѣта еженедѣльно такъ же легко было сдѣлать, какъ легко высказать его въ письмѣ.

6) **Тифлисъ. станція Лебединская, Егору и Ефиму Тар—овымъ пятымъ.** Полезнѣе будетъ заняться вмѣсто стиховъ чѣмъ нибудь другимъ.

7) **Петербургъ.** Приславшему № 44-й Нивы. Благодаримъ за указанія. Такому отличному корректору могли-бы предложить мѣсто.

СОДЕРЖАНІЕ: **Э Скайлеръ, Американскій генеральный консулъ въ Константинополѣ** (съ портретомъ) **М. С.** — **О чемъ повѣствуютъ развалины Ассиріи и Вавилона** (съ рисункомъ) **Пер—ъ.** — Изъ Гейне (стих.) **П. В. Б.** — **Императорскій фарфоровый заводъ** (съ 5-ю рисунками) **Н. Б—ъ.** — **Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Часть 2-я. (Продолженіе). — Кардиналъ Антонелли (Некрологъ). — **Пѣвчіе** (Картина Генри Брино) (съ рисункомъ). — **Рыбачьи лодки и водяныя мельницы на Дунаѣ** (съ рисункомъ) **Н. Каразинъ.** — **Дворецъ Великаго Князя Владиміра Александровича** (съ рисункомъ). — Библіографія. — Смѣсь. — Политическое обозрѣніе. — Шахматная задача. — Почтовый ящикъ. — Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

въ 1877 году.

Съ іюля 1876 года выходитъ въ Петербургѣ, по воскреснымъ днямъ, «Русское Обозрѣніе», политическая и литературная газета, издаваемая и редактируемая Г. К. Градовскимъ (Гаммою).

«**Русское Обозрѣніе**» имѣетъ цѣлью давать, въ каждомъ нумерѣ, обстоятельный и осмысленный обзоръ важнѣйшихъ и почему-либо замѣчательныхъ событій и явленій въ области политической и общественной жизни и литературы, какъ въ Россіи, такъ и заграницею.

«**Русское Обозрѣніе**» служитъ, такимъ образомъ, полезнымъ дополненіемъ ежедневныхъ газетъ и можетъ замѣнить ихъ тѣмъ лицамъ, которыя, по условіямъ пространства или по недостатку времени, лишены возможности пользоваться, своевременно, ежедневною печатью.

Не ограничиваясь событіями и явленіями общерусской политической и общественной жизни, редакція приняла мѣры, чтобъ на страницахъ „Русскаго Обозрѣнія" отражалась, періодически, и областная жизнь, не исключая и нашихъ окраинъ и вообще мѣстностей, находящихся въ болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на политическую и литературную газету

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

на 1877 годъ.

Въ 1877 году, «Русское Обозрѣніе» будетъ выходить, по воскреснымъ днямъ, по слѣдующей программѣ:

1. **Внутреннее Обозрѣніе:** отчеты и статьи по важнѣйшимъ явленіямъ и вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни Россіи.
2. **Иностранное Обозрѣніе**: Періодическіе отчеты и статьи по политической и общественной жизни за границею; обсужденіе явленій и вопросовъ изъ области международнаго права.
3. **Хроника**: юридическая (законодательныя мѣры и важнѣйшіе судебные процессы), провинціальная (земство, городское управленіе, явленія мѣстной жизни) театральная, художественная и музыкальная.
4. **Отдѣлъ литературный**: оригинальныя беллетристическія произведенія, критика и библіографія.
5. **Фельетонъ**—общественно-политическій и литературный

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки.	Съ достав. и перес.
На годъ	4 руб	5 руб.
» ½ года . .	2 »	3 »
» 1 мѣсяцъ . .	— 60 коп.	1 »

Иногородные подписчики адресуютъ: въ Петербургѣ, въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія» (Надеждинская, № 16).

Сверхъ того, можно подписываться: въ **Петербургѣ**, въ книжномъ магазинѣ *Н. Н. Мамонтова* (Невскій пр., домъ № 46, куда переведена главная контора «Русскаго Обозрѣнія»; въ **Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ *Н. Н. Мамонтова* (Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова) и въ **Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ *Гинтера и Маленцкаго* (на Крещатикѣ, домъ бывш. Заводскаго)

На тѣхъ же условіяхъ можно подписываться на «Руссное Обозрѣніе» и въ 1876 году, со дня появленія газеты (11-го іюля) и съ другихъ сроковъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ

„БУДИЛЬНИКА".

Сатирическаго журнала съ хромо-литографированными рисунками и карикатурами

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ:		на полгода:	
Безъ доставки . .	6 р. — к.	Безъ доставки . .	3 р. 50 к.
Съ доставкой . .	7 » — »	Съ доставкою . .	4 » — »
Съ перес. въ города	7 » 50 »	Съ пересылкою . .	4 » 50 »

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 к. с.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ *Москвѣ*—въ редакціи (на Большой Никитской) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы, подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: *С.-Петербурге, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Орлѣ, Мценскѣ и Воронежѣ.*

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія вблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременную высылку нумеровъ журнала.

ГОДЪ 3-Й. Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжн. и бумажн. магаз. С.-Петербурга ГОДЪ 3-Й.

РУССКІЙ КАРМАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

На 1877 годъ.

Заключающій въ себѣ всевозможныя справочныя свѣдѣнія, какъ-то: астрономическія, желѣзнодорожныя, пароходныя, почтовыя, телеграфныя; цѣны мѣстамъ во всѣхъ театрахъ въ С.-Петербургѣ; свѣдѣнія о новомъ гербовомъ сборѣ; цѣны гербовой бумаги, вексельной и актовой; формы векселей, и проч. и проч.

Кромѣ того, къ календарю приложенъ

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ С.-ПЕТЕРБУРГА,

содержащій въ себѣ адресы высшихъ государственныхъ учрежденій, министерствъ, спеціальныхъ комитетовъ, кредитныхъ и другихъ учрежденій, разныхъ присутственныхъ мѣстъ и посольствъ, библіотекъ, музеевъ, ученыхъ учрежденій и обществъ, правленій желѣзныхъ дорогъ, банковъ, страховыхъ обществъ, благотворительныхъ учрежденій и обществъ, больницъ, лечебницъ и проч. и проч.

Цѣна календаря **15** коп., съ пересылкою **20** коп. № 71.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ **КАРЛА РИККЕРА.**

Невскій просп. домъ № 14, гг. С.-Петербургѣ продается:

Монассеиной. О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни. 2-а исправл. и дополненное изданіе 1874 г. Цѣна 2 руб. № 69.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оные въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 и до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—9

СОЧИНЕНІЯ В. НОВАКОВСКАГО

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ:

Гдѣ я? и кто я? Книга для чтенія родителей и наставниковъ съ дѣтьми. Ц. 60 к.
Царь-богатырь Петръ Великій. Ц. 75 к.
Ученый Ломоносовъ. Ц. 50 к.
Генералиссимусъ Суворовъ. Ц. 75 к.
Митрополитъ Платонъ. Ц. 40 к.
Администраторъ Сперанскій. Ц. 60 к.
Поэтъ Пушкинъ. Ц. 40 к.
Предварительный курсъ для I-го класса. Ц. 30 к.
Къ нему **Хрестоматія** для I кл. Ц. 60 к.
Этимологическій курсъ для II кл. Ц. 40 к.
Этимологическій курсъ съ методическимъ преподаваніемъ. Ц. 80 к.
Къ нему **Хрестоматія** для II кл. Ц. 60 к.
Синтаксическій курсъ для III кл. Ц. 60 к.
Къ нему **Хрестоматія** для III кл. Ц. 60 к.
Высшій курсъ для IV кл. Ц. 40 к.
Краткая Русская Грамматика (общепонятная). Ц. 50 к.

народныя изданія:

Дизенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ. Ц. 10 к.
Дары Божіи, потребности и трудъ человѣка. Ц. 8 к.
Рассказы о животныхъ и растеніяхъ. Ц. 20 к.
Русская Исторія для начал. учил. Ц. 8 к.
Съ нами Богъ или подвигъ Русскихъ людей. Ц. 5 к.
Двѣнадцатый годъ. Ц. 10 к
Разсказы о Петрѣ Великомъ. Ц. 25 к.
Разсказы о Ломоносовѣ. Ц. 10 к.
Разсказы о Суворовѣ. Ц. 20 к.
Новый способъ обученія дѣтей грамотѣ. Ц. 15 к.
Русская Азбука. Съ картин. Ц. 15 к.
Русская Грамматика для прост. Ц. 20 к
Изборникъ (христом.) для нар. уч. Ц. 60 к.
Для знакомства крестьянъ съ законами. Ц. 20 к.

Продаются въ Санктпетербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Фену и Товарищества «Общественная Польза:» причемъ просятъ гг. иногородныхъ покупателей обращаться съ требованіями на эти книги **исключительно** въ вышеупомянутые магазины: Фену и Товарищества «Общественная Польза.»

5% ВЫИГРЫШНЫЕ ЗАЙМЫ.

По случаю **временнаго пониженія** биржевой цѣны билетовъ

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 88.

Чтобъ доставить случай публикѣ воспользоваться дешевою цѣною билетовъ, контора продаетъ ихъ съ **задаткомъ по 20 руб.** на билетъ, разсрочивая остальныя деньги на ежемѣсячные взносы. Со времени взноса задатка, выигрышъ, курсовыя повышенія и купоны принадлежатъ покупателю.

Исполняетъ всѣ биржевыя и банкирскія операціи по **понупкѣ, продажѣ и залогу** проц. бумагъ; отъ гг. **иногородныхъ** по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Подробную программу можно получить въ Конторѣ.

Вышла въ свѣтъ новая книга:

«Жизнь Іисуса Христа по Евангеліямъ и народнымъ преданіямъ.» Сочиненіе ординарнаго профессора Кіевской Академіи **К. И. Сиворцова.** 1876 г. Цѣна 2 руб. Гг. иногородные благоволятъ обращаться, по случаю смерти **К. И. Сиворцова главнымъ образомъ** въ «Редакцію Трудовъ Кіевской Духовной Академіи,» а также въ книжные магазины: 1) Н. Я. Оглоблина (бывш. Литова) въ Кіевѣ и С.-Петербургѣ, и 2) А. П. Ожаровскаго—въ Москвѣ. № 70.

РАМКИ ВСЯКАГО РОДА,

ГОТОВЫЯ И НА ЗАКАЗЪ.

РАМКИ ЗОЛОЧЕНЫЯ

для преміи „Нивы" „Спящая красавица", съ вставкою отъ 2-хъ руб.
Въ Пассажѣ, Швейцарскій магазинъ, № 27 и 29.

НАСТОЯЩАЯ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—11

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Ключникова.* Повѣсть эта знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ парес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шмильзина.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

26—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

извѣщаетъ о перемѣнѣ квартиры въ Большую Морскую, д. Малахова, № 17, рядомъ съ магазиномъ Кумберга.

Приготовляетъ искусственные зубы по новѣйшей американской методѣ, съ многолѣтнимъ ручательствомъ за прочность и удобство и принимаетъ всякаго рода починку искусственныхъ челюстей, зубовъ и проч., при скромныхъ условіяхъ и въ кратчайшій срокъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:

Мосиаа и Тверь, истор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсіева и Клюшникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ намышахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ парес. 2 р.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ парес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Маррьятта. Ц. съ пар. 2 р., для подписч. 1 р. 40 к.
Двуногій волкъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 рис Автора П. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 80 к. для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к.

Дозволено цензурою. СПБ. 19 Ноября 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская д. № 9. Тип. Болдина, Аптек. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 48 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 29 Ноября 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Линъ* и *А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

☞ Въ виду того, что печатаніе около 12000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени. Редакція покорнѣйше проситъ, воизбѣжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку въ возможно скорѣйшемъ времени. ☜

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Инженеръ-полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве.

Инженеръ - полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве, воспитанникъ Николаевской Инженерной Академіи, окончилъ курсъ въ ней въ 1857 г. съ чиномъ поручика и записанъ на мраморной доскѣ Академіи. Такого рода отличіе предъ другими воспитанниками весьма, нужно замѣтить, рѣдкое, конечно вполнѣ было заслужено Амандомъ Егоровичемъ, какъ одареннымъ отъ природы замѣчательными способностями и стремленіемъ къ знанію. Въ томъ же году и тотчасъ по окончаніи курса, Амандъ Егоровичъ поступилъ для техническихъ занятій въ образовавшееся тогда Главное Общество Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ и вслѣдъ засимъ вскорѣ назначенъ былъ на Нижегородскую желѣзно - дорожную линію, гдѣ три года производилъ изысканія и работы. Здѣсь онъ имѣлъ случай быть такъ сказать лицомъ къ лицу къ дѣлу. Здѣсь главнѣйшимъ образомъ дѣятельность его была сосредоточена. какъ сказано выше, на производствѣ изысканій и работъ, давшихъ ему такимъ образомъ случай примѣнить и провѣрить свои знанія на практической сторонѣ желѣзно - дорожнаго дѣла Въ 1861 году Амандъ Егоровичъ былъ приглашенъ въ Общество Московско-Рязанской (тогда Саратовской) желѣзной дороги: ему поручены были изысканія участка при переходѣ черезъ рѣки Москву и Оку. Составивъ проекты этихъ мостовъ, Г. Струве построилъ мостъ черезъ Москву рѣку, длиною въ 115 саж., въ качествѣ инженера начальника дистанціи. Предстоявшая затѣмъ въ 1863 году постройка моста черезъ Оку — величайшаго въ то время въ Россіи, длиною въ 250 саженъ, вызвала многочисленную конкуренцію заграничныхъ заводовъ, которыми мостъ этотъ былъ оцѣненъ въ 1.000.000 рублей и болѣе. Тогда г. Струве предложилъ Обществу передать ему это сооруженіе по его проекту за оптовую сумму въ 750.000 руб. Получивъ на это со-

Инженеръ-полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве.
Съ фотогр. рис., Вѣженнъ. грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

гласіе, онъ устроилъ на мѣстѣ работъ мастерскія, въ которыхъ впервые началось производство въ Россіи желѣзнодорожныхъ частей мостовъ, до сихъ поръ исключительно выписывавшихся изъ за границы за высокія цѣны. Этотъ первый шагъ на самостоятельномъ строительномъ поприщѣ не мало принесъ труда и потребовалъ значительныхъ матеріальныхъ пожертвованій со стороны энергическаго предпринимателя. Менѣе чѣмъ въ два года, къ февралю 1865 года, мостъ былъ оконченъ. Весною того же года г. Струве приступилъ къ работѣ моста черезъ Оку у Серпухова на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, (длиною въ 250 саженъ), переданный ему Министерствомъ Путей сообщенія также на правахъ оптоваго строителя. При постройкѣ этого моста все желѣзное строеніе было сдѣлано на мѣстѣ во временныхъ мастерскихъ. Мастерскія эти приняли болѣе обширные размѣры и въ нихъ начато сооруженіе желѣзнодорожныхъ вагоновъ.

Къ февралю 1867 года и этотъ мостъ былъ оконченъ къ полнѣйшему одобренію Министерства Путей Сообщенія, ранѣе контрактнаго срока. Такимъ образомъ заложенная въ Коломнѣ механическая мастерская само-собою обратилась въ заводъ, выдѣлывая вагоны и желѣзные мосты, которыми г. Струве снабдилъ всю Московско-Курскую дорогу, вытѣснивъ изъ Россіи на этомъ поприщѣ заграничныхъ заводчиковъ. Тотчасъ по окончаніи моста въ Серпуховѣ, г. Струве принялъ на себя сооруженіе моста черезъ Днѣпръ у Кіева на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Не смотря на громадныя затрудненія, сооруженіе это было окончено въ два года, и 19-го февраля 1870 года торжественно праздновалось открытіе этого моста, составившаго вмѣстѣ съ тѣмъ звѣно соединенія желѣзнаго пути отъ Одессы къ центру Россіи. Государь Императоръ произвелъ г. Струве за отличіе изъ капитана въ подполковники и полковники и лично выразилъ свое спасибо за скорое и хорошее исполненіе—сооруженія величайшаго въ Европѣ моста, имѣющаго въ длину 505 саженъ.

Незадолго до этого времени, а именно съ 1867 года, на заводѣ въ Коломнѣ началось производство другого рода работъ, а именно, паровозовъ. Нужно замѣтить, что къ этому производству со стороны г. Струве было приступлено именно съ цѣлію самостоятельнаго развитія этого дѣла въ Россіи. Никто заказа на паровозы не дѣлалъ, и предприниматель затрачивалъ капиталъ и трудъ въ полной увѣренности только въ ту истину, что добросовѣстное исполненіе дѣла непремѣнно само себя вознаградитъ. Съ 1868 г. производство паровозовъ и вагоновъ сдѣлалось болѣе спеціальнымъ занятіемъ Коломенскаго завода, выпустившаго по настоящее время уже не одну тысячу вагоновъ и не одинъ десятокъ локомотивовъ.

Въ томъ же году въ августѣ мѣсяцѣ г. Струве принялъ на себя, по контракту съ министерствомъ путей сообщенія, сооруженіе моста черезъ Днѣпръ у города Кременчуга такой же величины, какъ и Кіевскій, и уже къ 1-му марту 1872 года сдалъ для движенія, вполнѣ оконченный мостъ, проработавъ всего 18 мѣсяцевъ надъ этимъ сооруженіемъ. Вездѣ, куда переносился г. Струве съ своими работами, ему приходилось перенести свои приспособленія—механическія мастерскія; тысячи рабочихъ изъ года въ годъ провожали его на новыя работы, пріобрѣтая новую опытность въ строительномъ дѣлѣ. Съ 1872 г. Струве переселился въ Севастополь и руководилъ въ продолженіи трехъ лѣтъ работами по сооруженію труднаго участка лозово-севастопольской желѣзной дороги, между Симферополемъ и Севастополемъ, прорывая пять тоннелей въ скалахъ близъ Инкермана и Севастополя.

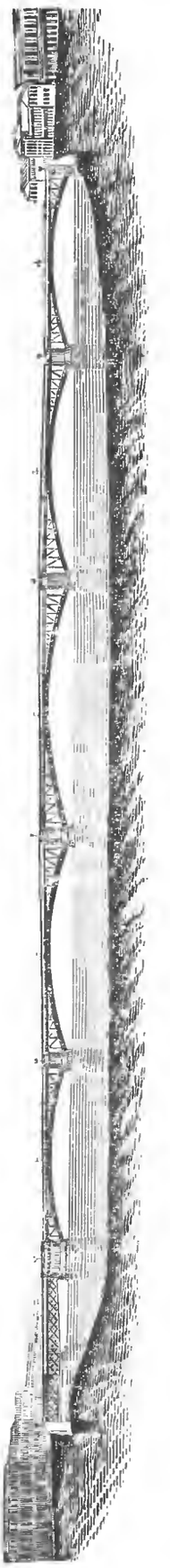
Нужно замѣтить, что заслуги г. Струве заключаются не только въ томъ, что всѣ тѣ работы, исполненіе которыхъ онъ бралъ на себя, были исполняемы имъ съ тщательностію, добросовѣстностію и полнѣйшимъ знаніемъ дѣла,—это, конечно, заслуга не маловажная, въ особенности въ наше время, необычайно падкое до всякаго рода наживы, не стѣсняясь ея средствами; но есть еще не малая заслуга г. Струве въ томъ, между прочимъ, что во всѣхъ своихъ работахъ онъ постоянно стремился къ раціональному производству ихъ при непосредственномъ отношеніи къ рабочему, кромѣ того, въ томъ, что всякое дѣло и всякая его незначительная частность знакома лично самому г. Струве, понимаема имъ до мельчайшихъ подробностей. При такомъ близкомъ отношеніи къ дѣлу, понятно, г. Струве не можетъ не быть знакомымъ и съ бытомъ того люда, при посредствѣ котораго производятся имъ работы и въ этомъ случаѣ нельзя не отличить его отъ другихъ крупныхъ дѣятелей, которые, наслаждаясь удовольствіями жизни, стоятъ къ дѣлу, ихъ именемъ исполняемому, также близко, какъ ко всякому чужому, о которомъ иной разъ они даже и свѣдѣній никакихъ не имѣютъ. Совершенно обратное видится въ дѣятельности г. Струве, работающаго несравненно болѣе, чѣмъ тѣ лица, которые находятся у него въ услуженіи.

Въ 1875 году г. Струве, переселившись въ Петербургъ, былъ приглашенъ въ коммисію по составленію проекта постройки Литейнаго моста, и занявшись спеціально разработкою его, удостоился представить лично таковой на воззрѣніе Государя Императора, и Его Величеству благоугодно было назначить г. Струве строителемъ моста.

Относительно производимыхъ работъ по постройкѣ новаго Литейнаго моста, мы уже имѣли случай дать читателямъ подробное и обстоятельное ихъ описаніе. Неможемъ незамѣтить здѣсь, что работы эти, въ виду своей громадности, заслуживаютъ особаго интереса, тѣмъ болѣе потому, что и мѣсто, назначенное для постройки моста, представляетъ несравненныя трудности въ сравненіи съ другими мѣстами рѣки Невы, какъ напримѣръ, мѣстомъ, занимаемымъ Николаевскимъ мостомъ. При постройкѣ этого послѣдняго было менѣе затрудненій, во-первыхъ, теченіе Невы въ этомъ мѣстѣ значительно спокойнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ строится Литейный мостъ: тамъ Нева еще не отдѣлила отъ себя рукава и несетъ всю свою воду въ одномъ руслѣ, вовторыхъ, материкъ рѣки, т. е. крѣпкій грунтъ, на которомъ поставлены быки Николаевскаго моста потребовалъ выемки земли со дна рѣки въ меньшемъ количествѣ, противъ того, какое требуется на мѣстѣ постройки Литейнаго моста. Эта работа, несоставляющая никакихъ трудностей при производствѣ своемъ въ шахтахъ или другихъ тому подобныхъ мѣстахъ, здѣсь, на днѣ рѣки, и даже точнѣе говоря, *ниже дна рѣки*, представляетъ невѣроятныя затрудненія, ибо одновременно съ ея производствомъ предстоитъ громадная борьба съ водой, просасывающеюся со всѣхъ сторонъ. Нужно было изобрѣсти особый способъ для преодолѣнія этихъ затрудненій, и этотъ способъ былъ изобрѣтенъ.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, здѣсь, что открытіе производства этихъ работъ особымъ (пневматическимъ) способомъ принадлежитъ точно также самому г. Струве, какъ видно неутомимо трудящемся на избранномъ имъ полѣ дѣятельности.

Въ дополненіе нашей статьи о способѣ постройки новаго Литейнаго моста, помѣщенной въ № 40 «Нивы» съ приложеніемъ двухъ рисунковъ, изображающихъ кессонъ во время нахожденія его въ плавучемъ докѣ и разрѣзъ кессона, наполненнаго каменною кладкою на мѣстѣ мостоваго устоя (быка), прилагаемъ къ этой статьѣ фасадъ строющагося Литейнаго моста. Не лишнимъ считаемъ присовокупить къ нашимъ свѣдѣніямъ о томъ, что С.-Петербургская городская Дума, въ видахъ производства г. Струве работъ по постройкѣ Литейнаго моста въ значительно большемъ количествѣ противъ того, сколько опредѣлялось произвести ихъ къ настоящему времени контрактными условіями, постановила возвратить ему изъ суммы его залоговъ по обезпеченію правильной постройки моста, 200,000 руб. Само собою разумѣется, что постановленіе Думы вызывалось давно доказанною добросовѣстностью г. Струве. Въ заключеніе считаемъ своимъ долгомъ высказать, что мы наравнѣ со всѣми, умѣющими цѣнить истинные заслуги и труды г. Струве, искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшая его дѣятельность была такъ же плодотворна и продолжалась бы какъ можно долѣе.



Общій видъ будущаго Литейнаго моста.

Горы Казбекъ и Эльборусъ на Кавказѣ.

I.

Гора Казбекъ представляетъ собою, какъ извѣстно, одну изъ вершинъ Кавказскаго горнаго хребта. Съ сѣверной стороны она возвышается надъ Дарьяльскимъ ущельемъ. Трудно представить себѣ картину болѣе суровую, угрюмую и величественную.

Крѣпость Дарьялъ (даръ-ворота), отъ которой получило свое

Библиотека "Руниверс"

названіе и ущелье, стоитъ на крутой вершинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ узкое ущелье не имѣетъ даже ста футовъ въ ширину... Здѣсь возвышается квадратная башня огромнаго размѣра, относящаяся, повидимому, ко временамъ римскаго владычества, та «старинная» башня, о которой Лермонтовъ говоритъ:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла.
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Казбекъ даетъ начало двумъ рѣкамъ,—Терску, текущему на сѣверъ отъ него, и Арагвѣ, текущей на югъ. Въ этомъ мѣстѣ проложена такъ-называемая военно-грузинская дорога.

Временами, чрезъ извѣстный промежутокъ лѣтъ, съ горы Казбека падаютъ громадные ледяные завалы; въ продолженіе послѣдняго двадцатипятилѣтія минувшаго и перваго тридцатилѣтія настоящаго столѣтія такихъ заваловъ обрушилось шесть. Вотъ краткое описаніе одного изъ нихъ, случившагося въ 1832 году. Завалъ обрушился 13 августа въ 5 ч. утра. Громадная, сплошная масса льда, снѣга и каменьевъ хлынула внизъ и на протяженіи около двухъ верстъ покрыла ущелье Терека, запрудивъ эту рѣку до такой степени, что во Владикавказѣ (разстояніе 45 верстъ), въ первые часы послѣ обвала можно было перебираться съ одного берега на другой по дну Терека. Въ высоту завалъ имѣлъ почти 50 саж., а объемъ его былъ опредѣленъ въ 1,600,000 куб. саж. Такова была громада ринувшагося внизъ обвала! На скорое таяніе льда и снѣга не могли разсчитывать, а потому тотчасъ же приступили къ разработкѣ временной тропы сверхъ завала. И дѣйствительно, только въ августѣ 1834 года, т. е. ровно черезъ два года, масса льда стаяла настолько, что представилась возможность возобновить дорогу на твердомъ грунтѣ. Пушкинъ такимъ образомъ вполнѣ точно выразилъ паденіе обвала:

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

У подошвы Казбека, на самой военно-грузинской дорогѣ, расположилась маленькая—не болѣе 50 дворовъ—деревенька Гвелети, съ жителями чеченскаго племени. Жители этой деревеньки, значительно утративъ прежнюю патріархальность нѣтыхъ горцевъ, занимаются въ настоящее время извозомъ, торговлею или работами на военно-грузинской дорогѣ и вообще пользуются большимъ или меньшимъ благосостояніемъ. Но есть среди нихъ нѣсколько смѣльчаковъ, которые до сихъ поръ не могутъ забыть и оставить прежній образъ жизни своихъ предковъ,—жизни охотничьей, съ вѣчнымъ лазаньемъ по обрывамъ, голымъ скаламъ и утесамъ, въ безпрерывной погонѣ за турами или горными баранами, шныряющими въ ущельяхъ Казбека. Такихъ охотниковъ и не много: не болѣе десяти человѣкъ во всей деревушкѣ Гвелети. За то ихъ жизнь наполнена особаго рода прелестями, которыхъ они не согласятся промѣнять на тихую, покойную осѣдлую жизнь... И какъ не прикоснуться къ этимъ суровымъ горнымъ трущобамъ, къ этимъ скаламъ и ледникамъ, представляющимъ собою волшебный міръ, полный поэтическихъ красотъ! Вонъ то, памятное для горца мѣсто, гдѣ горный духъ, раздосадованный на него за постоянное смѣлое похищеніе туровъ изъ его владѣній, въ наказаніе бросилъ на смѣльчака цѣлую груду камней и снѣга, отъ которой онъ успѣлъ спастись какимъ-то чудомъ... Здѣсь опрометчиво, стремглавъ гонясь за раненымъ туромъ, онъ вдругъ оборвался, чуть-чуть сломя голову не полетѣлъ въ кручу, но... удержался и снова помчался за раненымъ туромъ. Тамъ дальше изъ подъ массы льда высовывается черная, неприступная скала, на которую охотникъ первый изъ смертныхъ взобрался по узкой, скользкой и опасной тропинкѣ и съ гордостью, въ доказательство своего подвига, сложилъ на ней кучу изъ камней на удивленіе другимъ охотникамъ... Сколько несокрушимой энергіи и силы потрачено на эти подвиги! Сколько разнороднѣйшихъ чувствъ, ощущеній переиспытано въ это время! Какъ же можетъ онъ разстаться съ этими дорогими его сердцу мѣстами, для того, чтобы заняться извозомъ или работами на дорогѣ, не заключающими въ себѣ ничего привлекательнаго?

Между гвелетцами существуетъ повѣрье, что на Казбекѣ или Бешламъ-Кортѣ, какъ они называютъ эту гору, живетъ нѣкій злой духъ, въ образѣ непривлекательной женщины Мягкинсенъ, которая стережетъ вершину Казбека и никого изъ смертныхъ не допускаетъ туда. Ни одинъ изъ жителей Гвелети никогда не видѣлъ Мягкинсенъ, но очень многіе слышали ея пѣтушиный крикъ, которымъ она пугаетъ всѣхъ, дерзающихъ приблизиться къ волшебному кругу, который начертанъ ею вокругъ Бешлама и за который никому изъ людей не позволяется перешагнуть. И низверженіе массъ льда во время обваловъ есть дѣло злой Мягкинсенъ. Чтобы умилостивить злого духа, горцы приносятъ ему въ жертву турьи рога, и одинъ разъ въ году устраивается общее пиршество въ честь Мягкинсенъ и всѣ жители въ этотъ день собираются къ дабѣ—мѣсто жертвоприношеній и здѣсь проводятъ время въ пляскахъ и пѣніи.

Встрѣчается вокругъ Казбека много развалинъ церквей, по которымъ можно судить, что здѣсь въ оны времена существовало христіанство. Болѣе всѣхъ уцѣлѣлъ отъ силы времени одинъ монастырь, или вѣрнѣе, нѣсколько келій въ скалѣ, расположенныхъ почти на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Вблизи ихъ стоитъ высѣченный изъ камня крестъ аршина въ два высоты. Когда вы проѣзжаете по военно-грузинской дорогѣ и разговоритесь съ ямщикомъ, онъ не упуститъ случая сообщить вамъ, что вотъ-де, гдѣ-то высоко, очень высоко на Казбекѣ есть монастырь, до котораго добраться никто не въ состояніи.

Въ 1868 году англичанинъ Френшильдъ, съ двумя товарищами, вздумалъ попытать свои силы и взобраться на нѣкоторые, высочайшіе пункты Казбека, до того времени считавшіеся недоступными. Попытка неустрашимаго англичанина удалась. Путь на Казбекъ изъ Тифлиса шелъ вдоль новой русской военной дороги. Нанявъ въ деревнѣ «Казбекъ» четырехъ посыльщиковъ, путешественники пустились въ путь и первую ночь провели въ пещерѣ, возвышавшейся на 11,000 фут. надъ уровнемъ моря. На высотѣ 14,800 фут. глазамъ ихъ представились очертанія Кавказскаго горнаго хребта. Начиная съ этого мѣста и до вершины приходилось обходить безчисленное множество обрывовъ: при одномъ такомъ обходѣ одинъ изъ спутниковъ поскользнулся и скатился головою внизъ, но такъ какъ остальные крѣпко держались на ногахъ, то упавшаго немедленно вытащили. Впродолженіе четырехъ часовъ путешественникамъ пришлось взбираться по скользкой ледяной поверхности, за которою они цѣплялись руками и ногами. Наконецъ они благополучно достигли высочайшей вершины горы, имѣющей 16,546 футовъ. Долина Терска, простирающаяся на сѣверъ, лежала у ногъ ихъ, но обширная сѣверная равнина была покрыта облаками. Спустились путешественники съ нѣкоторыми затрудненіями по другому склону и, переночевавъ въ избѣ пастуха козъ, вернулись затѣмъ обратно въ деревню Казбекъ, жители которой, рѣшивъ, что путешественники погибли и вдругъ увидѣвъ ихъ цѣлыми и невредимыми, были необычайно удивлены ихъ геройскимъ подвигомъ и свое удивленіе выражали тѣмъ, что обнимали и цѣловали смѣльчаковъ въ знакъ своего сочувствія къ нимъ.

II.

Гора Эльборусъ, также какъ и Казбекъ, представляетъ собою одну изъ высочайшихъ вершинъ Кавказскаго горнаго хребта. Вотъ какъ путешественникъ Радде описываетъ свое восхожденіе на Эльборусъ. «Со стороны деревни Учкулонъ гора Эльборусъ представляется тупымъ, бѣлымъ конусомъ, съ двумя слегка закругленными верхушками, раздѣленными небольшою сѣдловиною. Черная обрывистая часть горы, свободная отъ льда и снѣга, представляющаяся передъ сѣдловиною, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, ясно свидѣтельствуетъ о бывшемъ здѣсь когда-то кратерномъ провалѣ. Къ сѣверо-западу отъ передней вершины, на контурѣ конуса, около половины его высоты, видѣнъ уступъ». Поднявшись до рѣчки Улькамъ, путешественники встрѣтили безчисленное множество альпійскихъ воронъ (fregilus grasulus), которыя подняли страшный крикъ при ихъ появленіи. Далѣе на высотѣ 6,500 фут. надъ моремъ, на сухихъ и безлѣсныхъ мѣстахъ, живутъ въ огромномъ количествѣ маленькіе альпійскіе суслики. Въ этомъ мѣстѣ горы поросли уродливыми кустами сосны; почвы для обработки вовсе нѣтъ и только кое гдѣ пиднѣются прекрасныя, огороженныя покосныя мѣста. Затѣмъ, карабкаясь по обрывамъ праваго берега ручья, путешественники очутились на великолѣпномъ альпійскомъ лугу... Колоссъ стоялъ уже совсѣмъ передъ ними.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ, огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

На высотѣ 9,500 фут. группы малорослыхъ высоко-альпійскихъ растеній виднѣлись все рѣже и рѣже... На высотѣ 12,000 фут. встрѣчались послѣдніе экземпляры великолѣпнаго вида роговика (cerastium) вмѣстѣ съ очень разбросанными и слабыми экземплярами яснотки (lamium). Наконецъ, поднимаясь выше, путешественники достигли высоты въ 14,259 фут. и дальше не въ состояніи были идти: «головокруженіе и слабость въ ногахъ увеличивались, овладѣвала невыносимая усталость. Только двое проводниковъ чувствовали себя еще хорошо; одинъ изъ нихъ былъ старикъ, испытанный охотникъ на туровъ, человѣкъ безцѣнный веселостью нрава. Остальные были совсѣмъ истомлены. Туманъ между тѣмъ спустился очень низко. Путники двигались постоянно въ густыхъ облакахъ, къ вечеру наткнулись на стадо кавказскихъ туровъ, которые пустились отъ нихъ, противъ своего обыкновенія, по вѣтру, карабкаясь съ поразительною скоростью и ловкостью по обрывистымъ горамъ.

Библиотека "Руниверс"

Для достиженія высшей вершины Эльборуса въ 18,000 фут., при благопріятной погодѣ, необходимо имѣть съ собой запасъ угольевъ, теплыя одѣяла, достаточное количество провизіи, нѣсколько тонкихъ досокъ и веревокъ на всякій случай, для устройства переправъ черезъ трещины; для переноски всего этого достаточно взять отъ 10 до 12 сильныхъ носильщиковъ.

В—овъ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

— Маруська!... я не знаю Маруськи,.. Боже мой, да гдѣ же я? Скажи мнѣ, гдѣ я? что это такое?

— Какъ гдѣ? дома, дома ты, Ванюша...

— Ты меня называешь Ванюшей... постой, постой...

Онъ схватилъ руками свою голову и силился что-то припомнить. Онъ ужасался тому мраку и туману, который былъ въ его мысляхъ... Маруська!—да, эта молоденькая крестьянка какъ будто ему знакома, да, онъ знаетъ ея грустное, красивое лицо... и эта бѣдная хата, все тоже знакомо... Но отчего она его называетъ Ванюшей... Онъ сталъ жадно припоминать. Въ его голову разомъ стучалось столько мыслей, столько воспоминаній..

И вдругъ одно страшное, ужасное воспоминаніе поглотило всѣ остальныя. Его мысли разомъ прояснились. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Гальшка, Гальшка! крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, бросился къ двери и почти выбилъ ее однимъ ударомъ.

Клубы морознаго пару хлынули на него... ночь непроглядная, снѣгъ, зима!

Онъ попятился въ ужасѣ.

И вотъ человѣкъ, къ которому только что вернулся разсудокъ послѣ долгаго сумасшествія и безпамятства, подумалъ, что онъ съ ума сходитъ.

Онъ подбѣжалъ къ перепуганной, трясущейся какъ въ лихорадкѣ Марусѣ и схватилъ ее за руку такъ, что у нея кости затрещали.

— Кто ты? кто ты—человѣкъ или дьяволъ? кто ты вѣдьма, чаровница проклятая?! Это ты видно опоила меня зельемъ какимъ, что все у меня въ глазахъ мутится?! Что это? что это? говори—вѣдь это зима?!

— Зима! едва прошептала Маруся.

Онъ, себя не помня, метался по хатѣ. Онъ схватился за поясъ, хотѣлъ выхватить кинжалъ и убить эту заколдовавшую его, превратившую лѣто въ зиму вѣдьму. Кинжала нѣтъ... Что это?! при вспышкахъ угасавшаго огня онъ увидѣлъ, что на немъ надѣта какая-то грубая, хлопская сермяга...

Еще нѣсколько такихъ мгновеній, и онъ, можетъ быть

Гора Эльборусъ. Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"

вторично сошелъ бы съ ума... но испуганное, умоляющее жалкое лицо Маруси утишило его бѣшенство. Она кинулась передъ нимъ на колѣни и обливалась слезами.

— Сядь, родной мой, сядь, успокоися... Что я тебѣ сдѣлала?! слыхалъ ли ты когда отъ меня дурное слово. . развѣ зиму и лѣто не ходила я за тобою какъ за малымъ ребенкомъ, рыдала и причитала Маруся.

— Зиму и лѣто! зиму и лѣто! и ему точно начинало какъ будто казаться, что онъ здѣсь ужь давно. Но ясно онъ ничего не помнилъ. Онъ только невольно какъ ему разсказывать, какъ ея отецъ принесъ его раненаго въ голову, какъ онъ былъ боленъ, а она за нимъ ходила...

— Да когда-жь это было?..

Услышавъ ея отвѣтъ, несчастный застонадъ въ невыразимомъ отчаяніи. Его ноги подкосились и онъ почти упалъ на солому.

— Боже мой! Боже мой! думалъ онъ,—за что Ты такъ наказалъ меня? Полтора года я былъ. значитъ, какъ во снѣ, и вышло изъ моей памяти все, что было за это время. Полтора года прошло съ тѣхъ поръ, какъ

Гора Казбекъ. Съ фотогр. рисов. Подбѣльскій, грав. Вольскій.

то отказался отъ своихъ мыслей, что передъ нимъ вѣдьма. Онъ зналъ уже теперь почему-то, что эта дѣвушка близка ему, но только никакъ не могъ понять, не могъ вспомнить, кто она и почему онъ съ нею.

— Когда я пришелъ сюда, что со мной было? разскажи мнѣ все—я ничего не помню...

Маруся сразу и понять не могла, что дурачекъ дѣйствительно пришелъ въ себя. Она видѣла только, что съ нимъ дѣлается что-то страшное... Онъ чуть не убилъ ее, бранить сталъ; но вотъ теперь утихъ и задаетъ такіе удивительные вопросы. И она принялась мы бились въ лѣсу, какъ у меня отняли мою Гальшку. Что теперь съ нею? жива ли она? что мнѣ дѣлать?!...

И онъ сталъ распрашивать Марусю о томъ, что неужели никто не искалъ его, не спрашивалъ о немъ... Нѣтъ—никто! Всѣ считаютъ его, значитъ, убитымъ, и она—его Гальшка! Куда бѣжать? гдѣ теперь искать ее?

Онъ былъ еще полонъ своимъ ужасомъ и не могъ справиться съ возникавшими одинъ за другимъ вопросами, когда въ хату вошелъ дядя Семенко. Добродушный старикъ въ себя не могъ прійти отъ радости, убѣдившись въ чудномъ исцѣленіи спасеннаго имъ чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣка. Онъ тотчасъ же принесъ ему его платье и оружіе, его поясъ съ зашитой въ немъ казною.

Онъ разсказалъ ему, какъ напалъ, бродя въ лѣсу, на мѣсто битвы, какъ осмотрѣлъ всѣ трупы...

— Всѣ до одного побывшились—одинъ ты только шевелился, да стоналъ полегоньку. Поглядѣлъ я тебѣ голову—здорово тебя рубанули, сердешнаго... Знаю я одну траву такую—всякіе порѣзы, обжоги, какъ рукой снимаетъ... Вотъ я и взвалилъ тебя на плечи, да и до дому съ тобой добрался... Думалъ — поправишься ты черезъ недѣлю, другую, анъ у тебя Господь разумъ и отнялъ! Ну, да что теперь толковать объ этомъ...

И старикъ снова радовался и спрашивалъ, какъ по настоящему звать—величать ихъ богоданнаго Ванюшу.

— Дмитрій Андреевичъ — вотъ мое имя, отвѣтилъ князь Сангушко.

Онъ не зналъ какъ и выразить свою благодарность этимъ добрымъ людямъ. Онъ предложилъ Семенкѣ всю его казну, зашитую въ поясѣ, просилъ оставить ему только на дорогу. Но старикъ упорно отказался отъ этого —не изъ корысти взялъ онъ къ себѣ умирающаго воина, не объѣлъ тотъ его, не обездолилъ—и своего добра довольно, да и куда здѣсь дѣваться съ деньгами, на что онѣ въ глуши полѣсской, гдѣ ничего не покупается и не продается, гдѣ живутъ люди только тѣмъ, что даетъ земля кормилица. Одежа—такъ и ту Маруська изо льну да изъ овечей шерсти сама мастеритъ...

Обѣщалъ Семенко и коня добыть Дмитрію Андреевичу.

Только куда теперь поѣдетъ добрый молодецъ. Тоска навалилась ему на сердце—и давитъ, не отпускаетъ. Чай въ лѣсу теперь только кости бѣлыя остались отъ его храбрыхъ ратниковъ, за него животъ свой положившихъ. Гдѣ жена—голубка, ненаглядная красавица? Надругалась, натѣшилась надъ нею и мать злодѣйка, и злодѣйка кручина... Быть можетъ и она ужь въ землѣ сырой... А старый пѣстунъ, Галынскій, а Ѳедя?!.. Болѣло, болѣло бѣдное сердце Дмитрія Андреевича, лютая тоска къ самому горлу подступала, душила — а слезъ нѣту, не вылились онѣ, не выплакались, а камнемъ тяжелымъ канули въ глубину душевную...

Одна надежда—князь Константинъ Острожскій: къ нему теперь ѣхать—онъ и правду скажетъ, и наставитъ, и поможетъ.

Заторопился Дмитрій Андреевичъ, спрашиваетъ дядю Семенко про дорогу къ Острогу. А старый знахарь никогда изъ своего лѣсу и не выглядывалъ... правда, слыхалъ онъ отъ прохожихъ людей про Острогъ городъ; но этотъ Острогъ-городъ представляется ему чѣмъ-то сказочнымъ, далекимъ.

Какъ бы тамъ ни было—положилъ Дмитрій Андреевичъ на другой день выѣхать. Онъ сообразилъ, что Острогъ не можетъ быть ужь очень далеко отсюда — дня въ четыре, въ пять можетъ и найдетъ его.

Посмотрѣлъ коня— конь не казистый, но крѣпкій, надежный.,.

Всю ночь напролетъ горѣлъ огонь въ хатѣ знахаря Семенки. Не до сна было ея обитателямъ. Судьба тѣсно сблизила этихъ двухъ дикарей темныхъ и блестящаго литовскаго князя. Для Семенко и Маруси онъ былъ все тотъ же ихъ Ванюша безталанный, а онъ въ нихъ видѣлъ не грязныхъ, презрѣнныхъ хлоповъ, а лучшихъ своихъ друзей и благодѣтелей. И хоть никакъ не могъ онъ припомнить подробностей всего этого времени, когда Господь отнялъ у него и разумъ и память, но все же онъ чувствовалъ горячую привязанность къ старику и дѣвушкѣ. Онъ даже изумился, какъ ему вдругъ жалко ихъ стало... А они! Семенко былъ старикъ, путемъ долгой жизни и близости къ природѣ выработавшій въ себѣ своеобразные философскіе взгляды и необычайное душевное спокойствіе. Разъ убѣдившись въ неизбѣжности чего бы то ни было, онъ молчаливо и покорно принималъ эту неизбѣжность. Такъ онъ отнесся и къ отъѣзду своего Ванюши. Вѣдь такъ оно и нужно было, чтобы парень пришелъ въ себя и вернулся во свояси. Такъ чего же тутъ кручиниться.. вѣстимо жалко, и свыклись тоже... ну, да ничего не подѣлаешь съ этимъ, а теперь скорѣе снаряжать его надо въ путь дорогу...

Не то было съ Марусей—она ни о чемъ не разсуждала. Она знала только, что ея Ванюша уѣзжаетъ и на всегда уѣзжаетъ, что она теперь остается одна одинешенька. Вотъ и батьку старика она любила, и пѣсни свои любила, любила и хатку свою бѣдную, и ночку морозную, звѣздную... А теперь вдругъ какъ будто ни батьки, ни пѣсенъ, ни хатки, ни звѣздъ небесныхъ не стало. Все куда-то пропало—никого и ничего нѣту. Пусто вокругъ Маруси, постыло ей все на свѣтѣ...

И вотъ она блѣдная, блѣдная, съ затуманившимися глазами, сидитъ тихонько на пыльной, старой соломѣ. Глядитъ она на своего Ванюшу, то бишь—Дмитрія Андреевича, и не можетъ отъ него оторваться.

Запало ей въ сердце слово его, которое онъ крикнулъ: „Гальшка! Гальшка!“ Что такое? Кто такая Гальшка? Неужто онъ такъ и уѣдетъ, ничего не сказавъ про себя, не повѣдавъ имъ правды?!

И она рѣшилась спросить его. Къ ея просьбѣ присоединился и знахарь. Князь не сталъ отъ нихъ таиться. Стараясь говорить какъ можно проще, яснѣе для ихъ пониманія, онъ разсказалъ имъ всю свою исторію.

Они молча слушали этотъ разсказъ изъ далекой, невѣдомой имъ жизни. Многое такъ и осталось для нихъ непонятнымъ. Маруся хорошо поняла одно, да и то не разсудкомъ, а сердцемъ, что, только будучи дурачкомъ, онъ и былъ ея Ванюшей, а теперь онъ такъ же далекъ отъ нея, такъ же высокъ какъ и свѣтлый Купала, живущій на своей заколдованной, вѣчно зеленой полянѣ. Но еще лучше поняла она, что у него есть милая жена, которая должно быть краше солнца небеснаго, которая для него дороже всего міра, и которую отыскивать онъ теперь такъ спѣшитъ, что не хочетъ пропустить и часочка...

И вотъ онъ уѣдетъ и забудетъ Марусю, и никогда о ней не вспомнитъ... А она какъ же? какъ жить будетъ безъ своего пригожаго кралевича. И быстро, быстро переживала она въ мысляхъ и въ сердцѣ всѣ эти полтора года. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ милѣе казалось ей прошлое, тѣмъ больнѣе щемило ей сердце.

Ей хотѣлось хоть на послѣдокъ приласкать да приголубить своего любимца; но не смѣла она этого.,. Горькія, долго подавляемыя слезы полились изъ глазъ ея.

Дмитрій Андреевичъ печально взглянулъ на дѣвушку. Онъ зналъ теперь, что она была ему заботливой доброй сестрою, что она ходила за нимъ, поила, кормила, берегла его во все время его несчастнаго состоянія. И вотъ она плачетъ, ей жалко разстаться съ нимъ, она къ нему привязалась...

Онъ попробовалъ ее успокоить, взялъ ея руки, заговорилъ съ ней нѣжно и ласково. Онъ обѣщалъ ей и Семенкѣ, если только Богъ поможетъ ему найти свою жену и побороть вражескія козни, взять ихъ къ себѣ, не разлучатся съ ними до смерти. Онъ говорилъ о томъ, какъ добра и прекрасна его Гальшка, какъ она полюбитъ ихъ за то, что они для нее сдѣлали.

Старикъ сидѣлъ молча и какъ-то загадочно, слабо улыбался—видно онъ никакъ не разсчитывалъ покидать своего лѣса, въ которомъ родился и гдѣ и умереть ему слѣдовало.

Маруся тоже слушала разсѣянно—не то чтобъ она не вѣрила Дмитрію Андреевичу, но ей просто казалось невозможной эта новая, обѣщанная имъ жизнь. Она чувствовала и мучительно чувствовала, что вотъ

Библиотека "Руниверс"

онъ сядетъ на коня, уѣдетъ—и въ этотъ мигъ все кончится, порвется всякая связь между ними.

И ей хотѣлось бы, чтобъ какъ можно, какъ можно дольше тянулось время. А время, какъ нарочно, шло быстро и наступилъ часъ отъѣзда.

Сангушко настоялъ на своемъ и оставилъ часть зашитыхъ въ поясѣ денегъ хозяину — лошадь нужна въ хозяйствѣ и не даромъ же добудетъ ее Семенко

Забѣлѣлось морозное утро—пора было ѣхать. Маруся приготовила князю на дорогу все, что только было у нея съѣстного. Семенко снарядилъ лошадку. Потеплѣе запахнулъ Дмитрій Андреевичъ овчиный тулупчикъ, прицѣпилъ свое оружіе Помолились Богу, стали прощаться...

Не выдержала Маруся—съ отчаяннымъ воплемъ бросилась она на шею своему кралевичу и покрывала его поцѣлуями. и мочила слезами горькими. Семенко стыдить ее пробовалъ, да и махнулъ рукою—сама не въ себѣ Маруся. Подъ конецъ силой пришлось оторвать ее отъ князя. Тогда она упала лицомъ на солому и вся трепетала отъ глухихъ, сдавливаемыхъ рыданій.

Растроганный, грустный и смущенный сѣлъ Дмитрій Андреевичъ на коня и выѣхалъ на лѣсную дорогу. За нимъ оставалась темная, бѣдная жизнь, изъ которой онъ невольно унесъ единственную отраду. Передъ нимъ была такая страшная неизвѣстность, такая возможность неисходнаго горя и несчастія, что его сердце заранѣе содрогалось отъ ужаса. Но онъ твердо рѣшился отгонять отъ себя мучительныя мысли и думать теперь только о томъ, какъ бы не заблудиться, какъ бы скорѣе добраться до Острога. Указаній, данныхъ Семенкомъ было достаточно на первое время — верстахъ въ пятидесяти былъ небольшой городокъ—тамъ авось укажутъ ему прямую дорогу...

И вотъ онъ ѣхалъ на мохнатой лошаденкѣ, въ домодѣльной одежѣ крестьянина полѣсскаго. И никто во всей землѣ Литовской не вѣдалъ, что такъ ѣдетъ убитый въ кровавой битвѣ и вновь воскресшій князь Дмитрій Сангушко. Родовыми его помѣстьями, всѣмъ его огромнымъ состояніемъ владѣлъ его братъ двоюродный. Нѣсколько его добрыхъ родственниковъ да друзей-товарищей давно служили по немъ панихиды и поминали его въ своихъ молитвахъ, какъ усопшаго...

VI.

Уныло и пасмурно глядѣлъ Острожскій замокъ—не было ужъ въ немъ замѣтно прежняго оживленія. Состояніе духа хозяина отражалось на всѣхъ многочисленныхъ придворныхъ Только во время отлучекъ князя Константина и дышалось привольно жаждавшей удовольствій челяди. Тогда по вечерамъ, въ широко разбросанныхъ строеніяхъ, раздавались звуки музыки; въ цвѣтникѣ и по аллеямъ виднѣлись толпы гуляющихъ, слышался веселый смѣхъ, завязывались ссоры, а иногда даже и драки. Но стоило появиться въ замкѣ князю Константину, какъ все это куда то исчезало, физіономіи вытягивались, всѣ прятались по домамъ. Въ обширныхъ палатахъ и корридорахъ замка люди молчаливо и неслышно скользили какъ тѣни, и у каждаго была только одна забота, какъ-бы не попасться на глаза князю.

А Константинъ Константиновичъ и не замѣчалъ всего этого, не подозрѣвалъ внушаемаго имъ и довольно неосновательнаго страха. Онъ и не думалъ налагать обѣта тишины и молчанія на свой дворъ, не думалъ запрещать веселья. Онъ только самъ не былъ способенъ веселиться. Онъ весь ушелъ въ свои разнообразныя заботы, въ свои печальныя мысли и чувства.

Послѣ похищенія Гальшки и отъѣзда княгини Беаты ему удалось открыть въ Острогѣ многое такое, относительно чего онъ неимѣлъ никакихъ подозрѣній. Нѣкоторые изъ приближенныхъ, молчавшіе, какъ это всегда бываетъ, когда еще было время принять мѣры, вдругъ рѣшились и донесли ему, что въ замкѣ не совсѣмъ ладно: эта римская вѣшалка—духовникъ княгини Беаты понастроилъ не мало каверзъ. Онъ сманилъ въ латинство нѣкоторыхъ придворныхъ, а тѣ теперь, въ свою очередь, смущаютъ кого могутъ. И все это подтверждалось самыми очевидными доказательствами и убѣдительными разсказами...

Князь Константинъ пришелъ въ ужасъ. Не даромъ онъ съ самаго начала сталъ глядѣть на Антоніо, какъ на вреднаго гада. Но какъ могъ онъ ничего до сихъ поръ не замѣтить, какъ могъ допустить въ своемъ домѣ торжество вражескихъ козней! И нѣтъ, значитъ, у него надежныхъ друзей и помощниковъ—всѣмъ лишь-бы наживаться на его счетъ, лишь-бы жить въ свое удовольствіе его милостями—а тамъ хоть трава не рости, никому ни до чего нѣтъ дѣла. Не догляди онъ, не дослушай, такъ чего добраго и его самого изведутъ, въ пищу ему подсыплютъ отраву А гдѣ-жь ему одному за всѣмъ усмотрѣть, все предвидѣть—вѣдь только два глаза, двѣ руки только, одна голова на плечахъ, да и та отъ заботъ и черныхъ мыслей къ землѣ клонится. Со всѣхъ сторонъ приходятъ недобрыя вѣсти; рознь, полное равнодушіе къ вѣрѣ, къ старымъ литовскимъ правамъ и вольностямъ царствуютъ въ государствѣ. И приходится князю работать рукъ не покладая, всѣми средствами: и головою, и деньгами поддерживать, оживлять свое заповѣдное дѣло Не работай онъ, не будь лично и тамъ и здѣсь, вездѣ, гдѣ нуженъ его примѣръ, его вліяніе, его казна неистощимая—такъ что же отъ всей Литвы православный останется?! Вѣдь и такъ ужь всѣхъ его трудовъ и усилій оказывается далеко недостаточно, да иной разъ и самымъ яснымъ разумомъ невозможно взвѣсить всѣхъ послѣдствій своихъ дѣйствій... Для примѣра взять хоть Люблинскую унію: какъ онъ для нея работалъ, сколько надеждъ возлагалъ на нее А вышло совсѣмъ не по его мыслямъ, вышло такъ, что того и гляди, все чаемое благо превратится во зло и ни къ чему окажутся всѣ положенныя въ дѣло усилія...

Такое сознаніе тяжелой грустью ложилось на сердце князя Константина. А тутъ еще въ своемъ собственномъ домѣ, въ его любимомъ Острогѣ заводятся и торжествуютъ латинскія козни. Нельзя этого терпѣть, нужно вырвать зло съ корнемъ. И вотъ князь нарядилъ строгое слѣдствіе, самъ велъ его безъ отдыху и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не уличилъ всѣхъ совращенныхъ отцомъ Антоніо. Подъ конецъ они сами не стали запираться. Они уже находились подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, который постоянно съ такимъ успѣхомъ развиваетъ въ своихъ неофитахъ римская пропаганда Всѣ эти шляхтичи и шляхтянки вдругъ почувствовали величайшее блаженство въ сознаніи, что они гонимы за правую вѣру, что они мученики...

Не мало труда стоило князю Константину воздержаться отъ гнѣва, не злоупотребить своимъ положеніемъ могучаго и почти безотвѣтственнаго властелина. Онъ заперся у себя въ покояхъ на цѣлый день и отдалъ приказъ, чтобъ въ 24 часа всѣ семейства, значившіяся по его списку, выѣхали изъ Острога и остальныхъ княжескихъ владѣній. Приказъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе—всѣ знали, что князь повторять своихъ словъ не любитъ.

Но этою бѣдою не ограничились домашнія невзгоды Константина Константиновича. Его ожидало новое, ужасное испытаніе. Какъ то, улучивъ добрую минуту и взявъ съ мужа обѣщаніе, что онъ отнесется къ словамъ ея по возможности благоразумно и хладнокровно, добродушная княгиня передала ему нѣкоторыя свои опасенія. Со слезами на глазахъ разсказала она о томъ, что ихъ два старшихъ сына, Янушъ и Константинъ, совсѣмъ отъ рукъ отбились. Они пользуются всякимъ предлогомъ и даже рѣшаются явно лгать, чтобъ только не ходить въ церковь. Если же пойдутъ, то не молятся какъ слѣдуетъ, а глядятъ по

Библиотека "Руниверс"

сторонамъ, шепчутся другъ съ другомъ и ежеминутно жалуются на усталость. Янушъ недавно такъ прямо и говоритъ ей: „Отчего, говоритъ, отецъ не прикажетъ поставить въ церкви скамеекъ и стульевъ—развѣ не все равно Богу, что молятся ему стоя или сидя? Человѣкъ не можетъ не устать, когда служба наша такъ долго тянется. А если устанешь, такъ какая тутъ молитва на умъ придетъ—только досадно становится. Нѣтъ, говоритъ, у католиковъ не въ примѣръ лучше: въ ихъ костелахъ только и можно молиться какъ слѣдуетъ“. Досказавъ слова Януша, княгиня взглянула на лицо мужа — и сердце у ней упало.

Ужъ лучше бы она молчала, сама попробывала бы какъ нибудь образумить дѣтей...

Князь страшно поблѣднѣлъ. Всѣ черты его исказились отъ страданія и ужаса.

— Боже! Боже! только этого еще не доставало! — прошепталъ онъ какимъ то безсильнымъ, старческимъ, жалкимъ голосомъ.

Но вдругъ кровь ударила ему въ голову, залила все лицо его, лобъ и шею багровымъ румянцемъ. Онъ поднялся во весь ростъ и съ сжатыми кулаками кинулся къ двери.

— Гдѣ они, гдѣ они, эти щенки негодные?! Дайте мнѣ ихъ сюда, дайте! Я убью ихъ своими руками прежде чѣмъ онѣ меня уложатъ въ могилу! Позоръ, позоръ всему нашему роду!..

Онъ кричалъ, не помня себя, задыхаясь отъ бѣшенства и отчаянія. Онъ могъ вынести и побѣдить въ себѣ все. Но одна мысль о томъ, что его собственныя дѣти готовятся сдѣлаться отступниками православія, подавляла его и разрывала болью его сердце.

Княгиня, вся въ слезахъ, упала предъ нимъ на колѣни, вцѣпилась руками въ его платье, не пускала...

— Убей, убей лучше меня! рыдала она. Я не могу слышать твоихъ словъ—подумай, что ты сказалъ, что ты хочешь сдѣлать! Вспомни, вѣдь что бы ни было, они еще дѣти... вѣдь Янушу всего пятнадцать лѣтъ... на нихъ можно подѣйствовать лаской, образумить ихъ... Успокойся, князь, не гнѣви Бога, не испытывай Его...

Но князь ничего не видѣлъ и не понималъ. Грубымъ движеніемъ онъ готовъ былъ отбросить жену... Она выпустила его, стремительно бросилась впередъ и вся блѣдная, дрожащая, съ остановившимися слезами и рѣшительнымъ, строгимъ, непривычнымъ ей, выраженіемъ въ глазахъ, прислонилась къ запертымъ дверямъ.

— Я не пущу тебя, сказала она.

— Прочь! крикнулъ князь дикимъ голосомъ.

— Убей меня, но я не пущу тебя! почти даже спокойно повторила княгиня.

Съ неестественно расширившимися глазами, весь багровый и страшный, онъ кинулся было на нее... И остановился... руки его опустились, глаза наполнились слезами...

— Прости меня, прости! прошепталъ онъ, безсильно опускаясь на стоявшую возлѣ парчевую скамейку.

Княгиня подошла къ нему и положила ему на плечи свои руки. На ея лицѣ и слѣда не осталось отъ недавняго ужаса, отчаянія и смѣнившей ихъ строгой рѣшимости. Вся она олицетворяла собою любовь и жалость. Она всѣмъ сердцемъ своимъ понимала, что долженъ испытывать князь въ эти минуты.

А ему было стыдно за свой безумный порывъ, ему было совѣстно поднять глаза на нее. Давящая тоска овладѣвала имъ больше и больше.

— Оставь меня одного, чуть слышно сказалъ онъ.

Княгиня припала къ нему и поцѣловала его сѣдѣющую, смоченную холоднымъ потомъ голову.

— Успокойся, Богъ поможетъ! нѣжно и ободрительно сказала она и быстро вышла изъ комнаты.

Она хорошо знала своего князя: теперь ей ужь нечего бояться: его страшный, но минутный гнѣвъ прошелъ, онъ не сдѣлаетъ ничего жестокаго и неблагоразумнаго. Но все же—какъ онъ встрѣтится съ дѣтьми, что имъ скажетъ, какія мѣры приметъ?...

А князь Константинъ опустилъ голову и долго сидѣлъ неподвижно. Еслибъ его теперь увидѣли его враги и сподвижники, всѣ кто зналъ его на сеймахъ, во дворцѣ королевскомъ и въ ратномъ полѣ—съ какимъ бы изумленіемъ они на него взглянули. Это былъ не

Типы Восточной Сибири. Женщина въ Иркутскѣ. Рис. Фукье, грав. Дешанъ.

Библиотека "Руниверс"

Сикстинская капелла и фрески: „Страшный Судъ" Микель-Анжелло, въ Ватиканѣ.
Съ фотогр. рис. Подбѣльскій, грав. Бароновскій.

Библиотека "Руниверс"

могучій, грозный и гордый вельможа литовскій, „великій князь“ какъ звали его въ народѣ. Это былъ не мужъ совѣта съ честнымъ, горячимъ и смѣлымъ словомъ, не сановникъ, всю жизнь свою не унизившійся до лести, въ глаза прямо и рѣзко говорившій королю горькую правду; не безстрашный военачальникъ—герой, примѣръ котораго возбуждалъ мужество и отвагу въ воинахъ. Это былъ жалкій, какъ-то въ одинъ мигъ состарившійся человѣкъ, подавленный страшнымъ горемъ и сознающій свое безсиліе...

Всякій, даже самый посторонній и равнодушный человѣкъ, взглянувъ на него теперь, почувствовалъ бы къ нему сожалѣніе. Не могло быть для него большаго несчастія какъ тò, о которомъ возвѣстила ему княгиня. Она говоритъ — Янушъ и Константинъ еще дѣти... Такъ чтожь, что дѣти!—тѣмъ хуже, тѣмъ хуже, что съ этихъ лѣтъ они уже такъ испорчены, способны на такія мысли... И откуда берется все это? опять тотъ же проклятый іезуитъ?! Но вѣдь ничего общаго не могло быть между ними—онъ никогда не показывался на эту половину замка, а дѣти не ходили къ Беатѣ. Разумѣется они гдѣ нибудь могли встрѣчаться — мальчики рѣзвы, бѣгаютъ всюду, нельзя же слѣдить по пятамъ за ними... Но въ такомъ случаѣ это были тайныя сношенія... И если ни отецъ, ни мать, никто изъ приближенныхъ и приставленныхъ къ дѣтямъ до сихъ поръ ничего не зналъ объ этихъ сношеніяхъ и разговорахъ, такъ значитъ мальчики скрывались, прятались. . Они должны были прійти къ отцу съ матерью, ну, наконецъ, къ дядькамъ и мамкамъ что-ли, и сказать, что этотъ монахъ заговариваетъ, учитъ совсѣмъ не тому, чему учатъ родители...

„Боже мой! — за что мнѣ такое наказаніе? думалъ князь Константинъ,—развѣ я не люблю дѣтей своихъ, развѣ не заботусь о ихъ благѣ, развѣ не старался я постоянно внушать добрыя правила, развивать въ нихъ благочестіе. Развѣ они видѣли во мнѣ или въ женѣ дурной примѣръ?“ И вспомнились ему тѣ тихіе, вечерніе часы, когда, въ присутствіи мальчиковъ, Гальшка читала вслухъ Евангеліе, или Житія Святыхъ, или другія выбранныя имъ книги. Онъ постоянно прерывалъ Гальшку и дѣлалъ разъясненія, и постоянно говорилъ, приноравливаясь къ дѣтскому пониманію. Онъ всегда и неустанно слѣдилъ за собою, чтобъ при дѣтяхъ не сказать лишняго слова, чтобъ не дать имъ возможности превратно истолковать смыслъ и истинное значеніе словъ своихъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что и княгиня поступала точно также... да и можетъ ли она что нибудь сказать или сдѣлать такое, что было бы для дѣтей дурнымъ примѣромъ!!... О! онъ не хочетъ величаться и фарисействовать—онъ знаетъ и чувствуетъ, что во многомъ грѣшенъ передъ Богомъ. грѣшенъ и гнѣвомъ, и гордостью, и ропотомъ... Но все же онъ всю жизнь свою боролся съ собою и старался поступать такъ, чтобъ уважать себя и по праву требовать отъ людей къ себѣ уваженія. Никто не можетъ указать дѣтямъ такой его поступокъ, за который имъ краснѣть пришлось бы. Въ этомъ отношеніи чиста его совѣсть... За что же, за что ему такое наказаніе, за что черезъ дѣтей, Богъ хочетъ покарать его?!...

И вотъ откуда то, съ самаго дна глубины душевной, почти безсознательно для него и неясно шепталъ, обвиняющій голосъ: Да, онъ любитъ дѣтей, онъ всегда старался заботиться о ихъ благѣ, онъ оставитъ имъ въ наслѣдство, кромѣ богатства земного, свое ничѣмъ незапятнанное имя, громкую память о себѣ, какъ о честномъ, мужественномъ дѣятелѣ, бойцѣ за святое дѣло... Всего этого много, очень много; но все же недостаточно для отца, желающаго исполнить относительно дѣтей всѣ свои обязанности. Правда, онъ подавалъ имъ добрый примѣръ, онъ старался наставлять ихъ словомъ и говорилъ передъ ними такъ, чтобъ они могли понимать его... Но старался ли онъ убѣдиться, произвелъ или нѣтъ его примѣръ на нихъ впечатлѣніе, дѣйствительно ли доступно имъ его слово и горячо ли оно принято? Зналъ ли онъ мысли и чувства своихъ дѣтей, ясна ли была для него ихъ глубина душевная, врожденныя особенности ихъ характеровъ, указывающія на необходимость тѣхъ или другихъ средствъ для того, чтобы успѣшно вліять на нихъ? Установилъ-ли онъ съ первыхъ лѣтъ между собою и дѣтьми то сердечное, откровенное и невольное общеніе, при которомъ только и возможно полное пониманіе другъ друга и благотворное вліяніе старшаго на младшихъ?

Вѣдь вотъ—объясняя прочитанное, разсуждая о догматахъ православія, говоря о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, онъ хоть и имѣлъ въ виду присутствіе своихъ мальчиковъ, но все же преимущественно обращался къ Гальшкѣ. Ему необходимо было парализовать вліяніе Беаты, утвердить племянницу въ православіи. Онъ вслушивался въ ея вопросы и отвѣты, слѣдилъ за ея мыслями. Между ними велась живая, откровенная бесѣда. Иной разъ Гальшка выказывала и нѣкоторое непониманіе; но это его не раздражало. Ему достаточно было взглянуть на ея чудное лицо, на ея свѣтлые глаза, устремленные на него съ довѣріемъ и любовью—и раздраженіе мигомъ проходило... А мальчики были въ сторонѣ и они отлично понимали себя простыми слушателями. Онъ говорилъ понятно и для нихъ, но никогда не убѣждался, слѣдятъ ли они за его словами, заинтересованы ли они ими, все ли понимаютъ и со всѣмъ ли согласны. Онъ рѣдко обращался къ нимъ съ вопросами, и если они чего не понимали или не знали, онъ сердился и не старался скрывать этого. Поэтому они краснѣли и путались, когда имъ говорить приходилось. Они боялись его гнѣва. Они не знали его ласки, потому что ласка была не въ его характерѣ. Если онъ ласкалъ кого, такъ только Гальшку. А съ мальчиками что за нѣжности, къ чему эти лизанья да по головкѣ глаженіе—не въ нихъ любовь выражается. Да, не въ нихъ выражается любовь; но вѣдь дѣти не могутъ жить безъ ласки. Они охотно забудутъ всякій гнѣвъ, всякую грозу, простятъ всякую обиду, если знаютъ, что и до гнѣва была нѣжная ласка, и послѣ гнѣва ее опять заслужить можно. Но гнѣвъ никогда не ласкающаго отца возбуждаетъ только страхъ, поселяетъ въ сердцѣ ребенка тяжелое, нездоровое чувство. При такихъ отношеніяхъ немыслима откровенность, немыслимо полное пониманіе другъ друга...

Зачѣмъ же считаетъ онъ себя невиннымъ передъ дѣтьми и ропщетъ на Бога?!..

Ему невольно и ясно вспоминается теперь, какъ часто онъ замѣчалъ, что мальчики прекращали свой смѣхъ и живой говоръ при его появленіи. Тотъ же Янушъ бывало не разъ подходилъ къ нему съ явнымъ желаніемъ приласкаться, разсказать о какомъ-нибудь своемъ дѣтскомъ горѣ или своей дѣтской радости. И всякій разъ отецъ, занятый своими мыслями и заботами, сухо отстранялъ его ласку, не выслушивалъ его лепетъ. И Янушъ уходилъ, не высказавшись, уходилъ униженный, оскорбленный въ своемъ лучшемъ чувствѣ и самомъ естественномъ порывѣ. Онъ даже не зналъ, что этотъ Янушъ необыкновенно впечатлителенъ и самолюбивъ. Теперь ужь онъ не придетъ больше къ отцу, онъ горько плачетъ и жалуется брату, что отецъ его не любитъ. „Да, онъ насъ не любитъ—онъ любитъ только сестрицу Гальшку—она шутитъ съ нимъ, смѣется, цѣлуетъ его, и онъ ей все позволяетъ, самъ ее ласкаетъ“—такъ рѣшаютъ мальчики и между ними и отцомъ встаетъ непреодолимая преграда. И вотъ пройдутъ года, и они отлично поймутъ, что поцѣлуи и ласки не всегда служатъ доказательствами любви, но никогда не поймутъ, что мальчики должны рости въ почтительномъ отдаленіи отъ отца и не помнить ни од-

Библиотека "Руниверс"

ной его ласки, ни одного его горячаго, невольнаго поцѣлуя.

И если когда-нибудь имъ придется ошибаться и падать, и если въ трудную, критическую минуту жизни они не рѣшатся прійти къ нему за совѣтомъ и помощью, боясь, что онъ холодно, по обычаю, отстранитъ ихъ откровенность или, еще того хуже, легко, съ высоты своего сѣдого благоразумія отнесется къ ихъ скорбямъ и сомнѣніямъ, неосторожно, неумѣло прикоснется къ ихъ ранамъ—развѣ онъ будетъ въ правѣ винить ихъ за это, развѣ будетъ въ правѣ, безъ всякаго упрека себѣ, карать ихъ за ихъ ошибки?!

Но что же ему дѣлать?! нельзя же ему разорваться на части! Кипучая, священная дѣятельность, въ которую онъ погруженъ, наполняетъ почти все его время; онъ часто долженъ отлучаться изъ замка, да и дома всегда много всякой работы. Ему нѣтъ времени, рѣшительно нѣтъ времени заниматься дѣтьми, слѣдить за ними, изучать ихъ характеры, сближаться съ ними. Онъ живетъ не для своего удовольствія, не пируетъ, не бражничаетъ. Онъ живетъ для всей страны, для святого дѣла православія; своею дѣятельностью онъ вѣдь и дѣтямъ же своимъ расчищаетъ широкую дорогу!. Все это такъ, и его труды не пропадутъ даромъ, и исторія почтительно запишетъ его имя на свои страницы. Но вѣдь человѣкъ, совершающій даже самое великое дѣло, не въ правѣ отговариваться этимъ дѣломъ отъ исполненія своихъ первыхъ, неизбѣжныхъ, непреложныхъ обязанностей. Если же у него не хватаетъ на это ни силъ, ни сознанія, то онъ долженъ одного себя винить въ послѣдствіяхъ и ниже опускать свою голову...

И ниже, ниже опускается голова князя Константина, и внятнѣе, понятнѣе звучитъ для него внутренній, обвиняющій голосъ. Ему тяжело, ему горько, но онъ уже не ропщетъ, не негодуетъ на дѣтей, а горячо молится. И вотъ къ мысли о дѣтяхъ примѣшивается мысль о дорогой, несчастной Гальшкѣ.

Съ ней онъ не могъ быть суровымъ. При одномъ взглядѣ на это свѣтлое Божье созданіе разглаживались его морщины и теплѣло у него на сердцѣ. И она знала это, и довѣрялась ему, и любила его откровенной, дочерней любовью. Она не боялась его гнѣва и смѣло требовала отъ него ласки. И у него находилась для нея ласка. Онъ едва, едва сдержался отъ рыданій, отъ отчаянія, разставаясь съ нею, благословляя ее на неизвѣстную будущность. Эта будущность оказалась непредвидѣнно страшной и печальной. И онъ не могъ и не можетъ спасти ее. Его многочисленные враги сдѣлали свое дѣло—они поставили между нимъ и племянницей такую непреоборимую преграду изъ своихъ жестокихъ правъ и законностей, что ему приходится положить оружіе. По рѣшенію короля и сената ее непризнаютъ княгиней Сангушко и какъ несовершеннолѣтнюю отдаютъ въ полную власть матери. Приходится ждать еще такъ долго до тѣхъ поръ, пока можно будетъ вырвать ее отъ мучителей... И что они теперь дѣлаютъ съ нею?... Ему невыносима была эта неизвѣстность. Много разъ пытался онъ письменно уговаривать Беату—допустить его свиданіе съ Гальшкой, но та каждый разъ отвѣчала ему, что между ними все кончено, что она хозяйка у себя въ домѣ и принимать его не намѣрена. Если же онъ захочетъ ворваться силой, то встрѣтится съ ея вооруженными людьми. Вильна не Острогъ—здѣсь разбойничать и затруднительно и опасно. Беата дѣйствительно содержала вооруженный отрядъ и неусыпно слѣдила за Гальшкой. Всѣ попытки тайныхъ сношеній оказывались неудачными—отецъ Антоніо учредилъ безупречную, безсонную тайную полицію въ домѣ княгини.

Острожскому оставалось только со стороны слѣдить за Гальшкой, и въ случаѣ какого нибудь насилія надъ нею, вмѣшаться въ дѣло—все равно будетъ ли это законно или незаконно...

Но какъ же быть съ сыновьями, какъ предотвратить ужасное несчастіе? Порывъ дикаго гнѣва давно утихъ и подъ вліяніемъ жены, и подъ вліяніемъ собственныхъ, неожиданныхъ мыслей... Наказанія, строгія мѣры не приведутъ ни къ чему, только пожалуй окончательно погубятъ дѣло. Нужно узнать всю правду, всѣ подробности и дѣйствовать убѣжденіемъ и кротостью. Въ этомъ поможетъ княгиня.

И дѣйствительно, она скоро узнала про многое. Она узнала, что у дѣтей подъ великой тайной и въ сокровенномъ мѣстѣ хранится рѣзное католическое распятіе и нѣкоторыя книги, подаренныя имъ на память отцемъ Антоніо. Точно, дѣти какъ-то и гдѣ-то встрѣчались съ нимъ, бесѣдовали и считаютъ его святымъ человѣкомъ и лучшимъ своимъ другомъ. Онъ имъ насказалъ о Римѣ, о папѣ, о чудесахъ и блаженствѣ, которыя ждутъ ихъ, если они откажутся отъ православія и сдѣлаются сынами католической церкви. Они уже строятъ разные планы и продолжаютъ мечтать о своемъ іезуитѣ...

Получивъ такія свѣдѣнія, князь Константинъ чуть было опять не предался бѣшенству; но теперь его справедливый гнѣвъ былъ направленъ на Антоніо. Князь поклялся умертвить его собственными руками, если когда нибудь встрѣтитъ. Мальчиковъ же онъ призвалъ къ себѣ и долго, внушительно, спокойно бесѣдовалъ съ ними. Они слушали его внимательно и даже казались растроганными. Они торжественно обѣщались посѣщать церковь и молиться Богу. Затѣмъ князь приставилъ къ нимъ священника, на котораго могъ положиться. Онъ долженъ былъ слѣдить за ними и наставлять ихъ въ Законѣ Божіемъ.

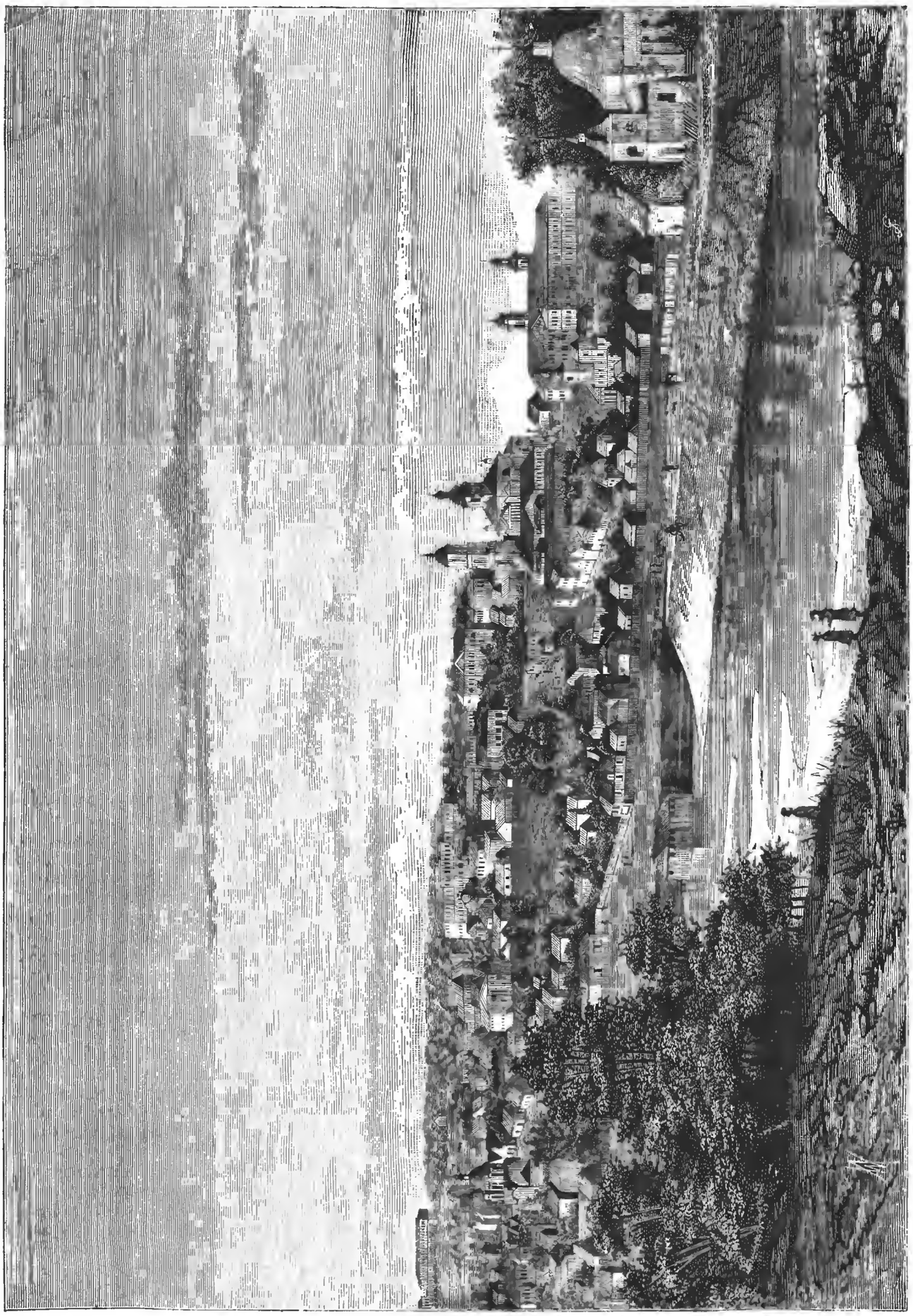
Устроивъ все это и успокоившись, князь снова и всецѣло отдался своей общественной дѣятельности. Время было кипучее, тревожное. Отъ него требовалось все больше и больше усилій; борьба становилась труднѣе и труднѣе. Чаще и чаще приходилось выѣзжать изъ Острога, дѣйствовать то тамъ, то здѣсь, то въ Краковѣ, то въ какой нибудь глуши литовской.

Среди заботъ и трудовъ князь забывался отъ своей грусти, но возвращаясь въ Острогъ, онъ чувствовалъ невыносимую сердечную тяжесть.

Время шло, проходили мѣсяцы, прошло полтора года съ тѣхъ поръ какъ опустѣла половина замка, занимаемая княгиней Беатой. Въ замокъ рѣдко наѣзжали гости; о пирахъ не было и помину. Все, что прежде тщательно скрывало свои враждебныя чувства къ князю ради возможности видѣть княжну Гальшку и добиваться руки ея—все это теперь стрѣмилось въ Вильну, осаждало домъ Беаты. Да и кромѣ того, не радостно было теперь посѣщать острожскій замокъ. Все въ немъ какъ то пусто и мрачно. Хозяйка—женщина добрая и радушная, но она не умѣетъ оживлять общества, очевидно даже тяготится имъ, она вся ушла въ домашнія хлопоты и заботы, вся отдала себя младшему сыну, который еще былъ на рукахъ у нея. Хозяинъ рѣдко дома и кажется такимъ мрачнымъ и грознымъ.

А князь былъ очень доволенъ этой тишиной и спокойствіемъ. Онъ всегда пріѣзжалъ въ Острогъ утомленный и раздраженный. Онъ полюбилъ теперь въ зимнее время бродить по опустѣвшей половинѣ замка. Здѣсь все ему напоминало Гальшку; здѣсь, невидимо для постороннихъ взоровъ, выступала наружу вся нѣжность, на какую только было способно его сердце. Онъ иногда заставалъ себя на самыхъ несбыточныхъ грезахъ: то мечталъ онъ о томъ, что Гальшка снова и навсегда переселится къ нему, и не разстанется онъ съ нею до самой смерти; то начинало ему казаться возможнымъ появленіе Сангушки... Но онъ быстро останавливалъ свою расходившуюся фантазію и горько усмѣхался. Дѣйствительная жизнь вступала во всѣ права—онъ на-

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Пензы. Съ фотогр. рис. Ванъра, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Кромвель и его семейство, намѣревающіеся оставить Англію. (Къ разсказу „Роковой приказъ"). Картина профессора Крейціуса; грав. Шмидтъ.

Библиотека "Руниверс"

чиналъ строить возможные планы, онъ задумывалъ изданіе въ своей типографіи полной Библіи, помышлялъ воздвигнуть новые православные храмы въ мѣстностяхъ, гдѣ это могло помѣшать распространенію латинства и реформатства...

Незамѣтно набѣгали раннія зимнія сумерки, а онъ все ходилъ одиноко по опустѣвшимъ покоямъ. Только въ случаѣ особенно важнаго дѣла приближенные рѣшались тревожить его уединеніе...

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда особенно тяжело было у него на сердцѣ, когда вьюга особенно злилась, и снѣжныя хлопья такъ и бились, такъ и бились о стекла, ближній шляхтичъ смущенно доложилъ князю, что въ замокъ явился какой-то хлопъ. Онъ ни за что не хочетъ сказать, чего ему надо и настоятельно требуетъ чтобъ его немедленно провели къ князю...

— Что за вздоръ! раздражительно крикнулъ князь Константинъ.

Шляхтичъ замялся.

— Прости меня, князь—государь, волнуясь и даже заикаясь, началъ онъ,—дѣло такое, что и ума приложить трудно... Или всѣхъ насъ бѣсъ попуталъ и глаза намъ отводитъ или... этотъ хлопъ — самъ покойный князь Дмитрій Андреевичъ Сангушко...

— Что? что!! гдѣ онъ, гдѣ онъ, гдѣ?! веди скорѣе, веди...

И князь, боясь вѣрить, боясь радоваться, слѣдомъ за шляхтичемъ бѣжалъ, забывъ свои годы, бѣжалъ какъ мальчикъ...

— Скорѣй, сюда, ко мнѣ... живо!...

Онъ остановился и нетерпѣливо сталъ шагать по комнатѣ.

Вотъ двери растворились...

Сомнѣнія не оставалось—въ грязной, мокрой отъ снѣгу, закорузлой одеждѣ, блѣдный, измѣнившійся, постарѣвшій—но все же это былъ Сангушко.

Они бросились другъ къ другу, обняли и, невыдержавъ, оба зарыдали, какъ отецъ съ сыномъ, свидѣвшіеся послѣ долгой, казавшейся вѣчной, разлуки.

— Голубчикъ, голубчикъ! живъ ты, живъ! могъ только выговорить князь Константинъ съ радостью и счастьемъ вглядываясь въ лицо Сангушки...

(Продолженіе будетъ).

Типы Восточной Сибири.

(Женщина въ Иркутскѣ).

При словѣ *сибиряки* нельзя представить себѣ какой-н будь отдѣльный народъ, который носилъ бы это имя: такъ называютъ всѣхъ вообще жителей нашей обширной Сибири, принадлежащихъ къ 4 племенамъ: славянскому, финскому, татарскому и монголо-манчжурскому. Впрочемъ ихъ обозначаютъ также только двумя общими названіями—русскихъ и инородцевъ; первые состоятъ изъ переселенцевъ Европейской Россіи, а послѣдніе—туземцы. Русскіе по преимуществу живутъ осѣдло, большая же часть инородцевъ до сихъ поръ ведутъ жизнь кочевую или бродячую.

Приложенный здѣсь рисунокъ *сибирячки* представляетъ собственно русскую женщину изъ зажиточнаго класса. Желая показать суровость климата Сибири и малую ея населенность, художникъ представилъ Сибирячку въ зимней одеждѣ, среди зимней и пустынной природы.

Въ Западной Европѣ смотрятъ на сибиряковъ чуть ли не какъ на бѣлыхъ медвѣдей, для которыхъ холодъ—ихъ стихія. О морозахъ Сибири ходятъ тамъ такіе баснословные разсказы, что будто бы въ нѣкоторыя зимы цѣлыя населенія деревень, селъ и городовъ вымерзаютъ, а отъ суровости климата, непривѣтливости и бѣдности природы сибиряки, будто бы, грубы, необщительны, безсердечны, жалки...

Конечно, окружающая природа кладетъ рѣзкій отпечатокъ на человѣка, проявляющійся на физической и духовной сторонѣ его, но совсѣмъ не таково вліяніе сибирской природы, какъ представляютъ это себѣ иностранцы, мало знающіе Сибирь. Въ этой странѣ бываетъ лѣтомъ 30, даже 40 градусовъ тепла; среди этой непривѣтливой природы есть ландшафты, которые не уступятъ по красотѣ швейцарскимъ, а вѣковые хвойные великаны своею грандіозностью восторгаютъ душу, окрыляя ее нравственною мощью; среди этой, будто бы, бѣдной природы, есть мѣстности, отличающіяся лучшимъ, здоровѣйшимъ климатомъ... Можетъ ли тутъ, послѣ этого, родиться какой-нибудь кретинъ?! Даже въ самомъ сердцѣ Сибири, среди холодной тундры, мы встрѣчаемъ подвижного, беззаботно-веселаго тунгуса, ловкіе остроты и юморъ котораго пріобрѣли ему прозваніе француза тундры.

Собственно же русскіе въ Сибири одарены хорошими физическими и духовными качествами. Женщины довольно стройны, съ хорошо развитою грудью, большею частію бѣлокуры и съ голубыми глазами. Общее впечатлѣніе, какое производитъ ихъ наружность, это солидность, степенность, составляющіи діаметральную противоположность съ французскимъ *труля-ля*. Поверхностный наблюдатель могъ бы подумать, смотря на сибирячку, что въ ней застыло чувство, что она не можетъ любить; но нашъ великій поэтъ, умѣющій проникать въ глубокій тайникъ человѣческаго сердца, вотъ что говоритъ о розѣ сѣвера въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ:
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ! *)

Въ семьѣ сибирячка все: добрая жена, любящая мать, хорошая хозяйка, замѣняющая нерѣдко мужа въ управленіи домомъ и дѣлами. Гостепріимство ея и радушное угощеніе хорошо извѣстны всѣмъ. Какъ на особенную характеристику, слѣдуетъ указать на обиліе пословицъ, составляющихъ для сибирячекъ какъ бы кодексъ нравственныхъ правилъ, которыми онѣ руководятся въ практической жизни. Пословицы эти постоянно слышатся изъ устъ женщинъ преимущественно средняго и низшаго сословія, когда онѣ, толкуютъ между собою о какой-нибудь невзгодѣ или *оказіи, встрясшейся* вадъ семьей. «Да матушка, пословица говоритъ: вѣкъ прожить — что рѣку перебресть: не знаешь, гдѣ остунишься!» заключаетъ въ подобномъ случаѣ сибирячка своей знакомкѣ. Соболѣзнуя же своей подругѣ въ ея горѣ, которому помочь нельзя, сибирячка говоритъ: «Что подѣлаешь, милая?! не даромъ пословица-то говоритъ: зимой солнышко и свѣтитъ, а не грѣетъ»! Трудолюбіе сибирячки есть, кажется, общая характерная черта вообще русской женщины, которая въ среднемъ и низшемъ классѣ работаетъ и хлопочетъ чуть ли не больше мужчины; нравственность между сибирячками сохранилась лучше, чѣмъ между женщинами Европейской Россіи. Грамотность и образованіе больше и больше проникаютъ въ Сибирь, такъ что многіе изъ сибирячекъ ищутъ уже высшаго образованія, отправляясь для этого въ Москву и Петербургъ. Имѣющій открыться въ Сибири университетъ окажетъ, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, благодѣтельное вліяніе на эту отдаленную страну.

Одежда сибирячекъ въ настоящее время уже не носитъ на себѣ мѣстнаго отпечатка: парижскія моды зашли и сюда; но все таки можно еще найти кое-гдѣ прежній капотъ, обшитый бобромъ, соболемъ или бѣлкою, смотря по состоянію; украшеніе бусами также еще держится. На рисункѣ сибирячка представлена въ прежней своей одеждѣ.

Сикстинская капелла и фрески „Страшный Судъ" Микель Анджелло.

Давно уже пало политическое могущество Рима, пошатнулось въ послѣднее время его религіозное значеніе, уменьшается, наконецъ, мало по малу вліяніе римскаго права, а памятники римскаго искусства-произведенія великихъ мастеровъ съ Рафаелемъ и Микель Анджелло во главѣ, все еще привлекаютъ и долго будутъ привлекать цѣлыя массы восхищенныхъ поклонниковъ и вызывать справедливое удивленіе всего свѣта.

Къ числу такихъ великихъ памятниковъ искусства принадлежитъ и Сикстинская Капелла съ фресками Микель Анжелло Буонороти.

Капелла эта, какъ показываетъ ея названіе, была сооружена при папѣ Сикстѣ IV, при немъ же она была украшена фресками знаменитѣйшихъ живописцевъ того времени: Перуджино, Синьорелли, Филлипи, Джирлянтайя и др.

Преемникъ Сикста IV, Юлій II, поручилъ Микель Анжелло пополненіе фресковъ потолка. Эту исполинскую работу, считающуюся и понынѣ величайшимъ произведеніемъ искусства, Микель Анджелло окончилъ въ невѣроятно короткое время: въ теченіи двухъ лѣтъ.

Чрезъ двадцать одинъ годъ послѣ окончанія этой работы

*) Пушкинъ, т. IV, стр. 303.

Библиотека "Руниверс"

знаменитый живописецъ—ваятель былъ снова призванъ въ Римъ, чтобы украсить своей кистью главную алтарную стѣнку капеллы. На ней-то Микель Анжелло изобразилъ, «Страшный Судъ», копію съ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ произведеніи современный государственный дѣятель Испаніи, Эмиліо Кастеляро въ своихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ объ Италіи».

«Прежде чѣмъ Микель Анджелло успѣлъ довершить свое дѣло украшенія Сикстинской Капеллы, приблизилась катастрофа катастрофъ—приближался часъ раззоренія Рима Испанцами и Нѣмцами подъ предводительствомъ конэтабля Бурбона. Бѣдствія, обрушившіяся тогда на Римъ, безпримѣрны въ исторіи».

«Папа Климентъ VII былъ заключенъ въ темницу и тамъ ѣлъ ослиное и конское мясо. Массы труповъ мстили своимъ убійцамъ, распространяя заразу. И еще Римъ не оправился послѣ этого страшнаго опустошенія, слѣды котораго неизгладились еще и черезъ полстолѣтія, когда Микель Анджелло въѣзжалъ въ его ворота, чтобъ окончить свой трудъ, чтобъ новымъ произведеніемъ придать новый блескъ Сикстинской Капеллѣ и на средней стѣнѣ ея написать Страшный Судъ.

Все вдохновляло его къ этой великой трагедіи: паденіе свободы въ его родной странѣ, свѣжее раззореніе Рима, побѣды, одержанныя реформаціей надъ частью человѣчества, побѣды времени надъ его жизнію, возраста надъ его силою, боли надъ его душой. Набрасывая свою исполинскую картину *), онъ тысячу разъ думалъ, что ему придется тутъ же умереть.

Разъ онъ упалъ изъ подъ мостковъ и изранилъ ногу, тогда онъ заперся въ квартирѣ съ намѣреніемъ не выходить оттуда до смерти. Наконецъ, одинъ врачъ и другъ его взломалъ двери и успѣлъ отклонить Микель Анджелло отъ этого меланхолическаго намѣренія. Судьбы Италіи, какъ ножъ вонзаются въ его сердце, что и придаетъ ему вдохновеніе, источникъ котораго лежитъ въ его совѣсти. Чтеніе Данта и его мистическое вліяніе придаетъ ему мужества и поддерживаетъ его: у него было изданіе Божественной Комедіи съ широкими полями, на которыхъ онъ рисовалъ видѣнія лица и фигуры подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго творенія великаго поэта. Хотя три столѣтія отдѣляло ихъ другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе поэма Данта доставила Микель Анджелло содержаніе для его Страшнаго Суда, какъ произведенія Гомера доставили сюжетъ для трагедіи Эсхила. Тѣло человѣческое, его строеніе, до него почти совсѣмъ никому неизвѣстное, служитъ главнымъ элементомъ его фантастическихъ вдохновеній; еще юношей промѣнялъ онъ какъ то одну изъ своихъ статуй за трупъ, и посвятилъ двѣнадцать лѣтъ жизни изученію анатоміи на мертвецахъ. Заразившись разъ, еще въ началѣ своихъ занятій, онъ чуть не поплатился жизнью за эту науку.

Глубокое изученіе формъ видно на этой картинѣ, на этой поэмѣ. Нѣтъ боли, которая бы не потрясала этими напряженными голыми тѣлами. Всѣ фигуры—нагія. Микель Анджелло нашелъ для этого въ себѣ достаточно смѣлости въ то время, когда реакція противъ Возрожденія начинала уже брать верхъ и стремилась похоронить природу подъ средневѣковымъ покровомъ. Трудно представить себѣ, какой скандалъ произвело тогда его дерзкое намѣреніе: Аретино, который не задумывается изображать нагими всевозможныя нравственныя безобразія, возмущается этой дѣвственной наготой искусства. Біяджіо—церемоніймейстеръ папы Павла III, умоляетъ художника отъ имени папы, что бы онъ покрывалъ чѣмъ нибудь свои фигуры и не изображалъ бы людей безъ всякой одежды. «Передайте папѣ—отвѣтилъ ему на это Микель Анджелло—что, если Его Святѣйшество исправитъ вселенную, то я исправлю картину въ нѣсколько минутъ». И въ наказаніе изобразилъ посланнаго посредника, съ ослиными ушами и посадилъ его на самое дно ада. Біяджіо побѣжалъ жаловаться папѣ. «Онъ помѣстилъ меня въ своей картинѣ — говорилъ онъ, плача, какъ ребенокъ, и дрожа, какъ старикъ—я желалъ-бы чтобы Ваше Святѣйшество освободили меня оттуда.»

—«А куда же онъ тебя посадилъ?»—Въ адъ, Ваше Святѣйшество, въ адъ, говорилъ разсерженный церемоніймейстеръ.— «Гм... отвѣтилъ папа, если бы онъ посадилъ тебя въ Чистилищѣ, я освободилъ бы тебя—но до ада власть моя не доходитъ».

Невозможно собрать все, что было высказано объ этихъ фрескахъ. Господствующая въ прошломъ столѣтіи академическая школа считала Микель Анджелло плохимъ живописцемъ. Одинъ критикъ вазывалъ это произведеніе собраніемъ лягушекъ. Триста нагихъ фигуръ, предстаетъ передъ нашими глазами въ этой стѣнной картинѣ въ пятьдесятъ футовъ высотою и сорокъ футовъ шириною. Трудно сразу обнять взоромъ все ея содержаніе. Надо присматриваться съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ ухо должно вслушиваться въ симфонію Бетховена. Тому, кто не ознакомленъ съ искусствомъ, легче справиться съ своими чувствами и восторгомъ. Такой зритель стоитъ онѣмѣлый передъ этимъ твореніемъ, не будучи въ состояніи оторвать отъ него своихъ взоровъ. Есть въ исторіи извѣстныя личности, а въ литературѣ извѣстные роды стиля, которыхъ своеобразность такъ ясна, величіе такъ неизмѣримо и центръ тяжести такъ далеко уходитъ отъ сферы всеобщаго тяготѣнія — что голова идетъ кругомъ у каждаго, кто пожелаетъ идти, по ихъ слѣдамъ, и подражаніе имъ влечетъ за собою опасное паденіе. Войдите въ церковь Св. Петра, насмотрѣвшись на фигуры Микель Анджелло, и вы тотчасъ же замѣтите много недостатковъ въ исполинскихъ, но какъ бы опухнувшихъ, безъ всякаго вкуса сдѣланныхъ тамошнихъ статуяхъ—произведеніяхъ посредственныхъ талантовъ, пытавшихся подражать единственному въ своемъ родѣ, сверхчеловѣческому почти генію Микель Анджелло, который, подобно Данте, Шекспиру или Кальдерону, въ недосягаемой высотѣ своей останется на всегда удивленіемъ вѣковъ.

Въ картинѣ этой нѣтъ почти мѣста природѣ, отъ нея Микель Анджелло взялъ воздухъ и свѣтъ. Нѣтъ тамъ ни тучъ, полетомъ искръ пробѣгающихъ пространства, ни солнца, окрашеннаго кровью, ни разверзающихся горъ, ни моря, потрясаемаго бурей, возносящей пѣну къ тучамъ—слѣдовъ нѣтъ всего этого: вся эта ужасная сцена обрамлена лазурнымъ эѳиромъ и воздухомъ; видны только нагіе люди, и небесныя облака, а надъ ними царитъ гнѣвъ Господнень.

Да, въ картинѣ этой все полно тревоги и страха, ужасъ господствуетъ надъ всѣми другими чувствами и, кажется, никто тамъ не помышляетъ о спасеніи. Съ одной стороны видна ладья Харона на рѣкѣ свинцоваго цвѣта, съ другой страшное пламя чистилища. Надъ этимъ, мертвецы, разбуженные звуками трубъ, отваливаютъ свои могильные камни, раздираютъ свои покровы, и стряхиваютъ пыль съ своихъ скелетовъ, на которыхъ уже нѣтъ почти слѣдовъ тѣла, и сонъ со своихъ глазъ, почти пустыхъ. Многіе покойники, къ которымъ возвратилась уже жизнь и движенія, подымаются съ большимъ усиліемъ и мучимые неизвѣстностью, обремененные большей или меньшей тяжестью своихъ дѣяній, готовятся выслушать послѣдній приговоръ. Одни изъ нихъ уже отчаиваются, другіе стоятъ полные надежды, третіе, наконецъ, подаютъ другъ другу руки и поддерживаютъ одинъ другого. Одесную Спасителя виднѣется сіяющая радостью группа женщинъ, освобожденныхъ уже изъ чистилища и поющихъ благодарственный гимнъ, среди нихъ выдѣляется высокая фигура счастливой матери, которая только что выслушала приговоръ своей дочери, исполненная радостнаго восторга она прижимаетъ дочь къ своей груди и крѣпко держитъ ее, какъ бы не довѣряя еще своему счастью. Радомъ съ ней стоитъ группа ангеловъ, и слезы градомъ льются по ихъ лицамъ.

Ниже ихъ видны сродники, которые, послѣ вѣковой разлуки узнаютъ теперь и привѣтствуютъ другъ друга въ высяхъ вѣчнаго града.

По срединѣ—Христосъ въ сильномъ гнѣвѣ проклинаетъ и наказываетъ: не слушая мольбы матери своей, онъ отвернулся отъ безбожныхъ ангеловъ и ни разу даже невзглянетъ на нихъ, чтобы взглядомъ этимъ не смягчить вѣчной кары. Около Спасителя стоитъ Адамъ, высокій старецъ, онъ хочетъ опять вернуться къ людямъ, какъ Христосъ вернулся на небо. Все однако величіе генія Микель Анджелло явно выступаетъ въ одной безчисленной толпѣ отверженныхъ. Пораженныя страшнымъ приговоромъ, они падаютъ въ нѣмощи, какъ изсохшія листья, извиваются, мучимые горемъ и отчаяніемъ, кусаютъ собственныя руки, и рвутъ волосы при видѣ страшнаго пламени, готоваго ихъ охватить; всѣхъ ихъ мучитъ ужаснѣйшая борьба души и тѣла; и все это Титаны, исполненные жизни, плоти и крови. Титаны эти кричатъ и рыдаютъ, клянутъ и богохульствуютъ, борясь со змѣями, обвивающими ихъ тѣло; они рады бы схватиться за облако и отдохнуть въ воздушныхъ странахъ—но тщетно!

Дрожъ ужаса овладѣваетъ всякимъ при этомъ видѣ: чувствуешь, кажется, какъ члены ихъ въ первый разъ соприкасаются въ адскомъ пламени съ разплавленнымъ свинцомъ.

*) Стѣна, на которой изображенъ Страшный Судъ, имѣетъ 70 футовъ длины и 40 футовъ ширины.

Городъ Пенза.

При впаденіи рѣки Пензы въ Суру, частью на довольно большой возвышенности, частію на склонѣ ея, раскинулся красивый губернскій городъ Пенза. Пенза основана въ 1666 году; до того времени здѣсь существовалъ сторожевой острогъ, населенный черкасами, которые охраняли его отъ нападеній Мордвы и Мещеряковъ. Отъ 1708 до 1780 года Пенза причислялась къ Казанской губерніи, въ 1780 году она была назначена главнымъ городомъ Пензенскаго намѣстничества; затѣмъ въ 1797 году она вошла, какъ уѣздный городъ, въ составъ Саратовской губерніи, но въ 1801 г. снова назначена губернскимъ городомъ.

Изъ историческихъ событій жителямъ Пензы памятны только: возмущеніе монаха Варлаама Левина, бывшее причиною уничтоженія, современнаго основанію крѣпости, Іоанно-Засурско-Предтеченскаго монастыря, затѣмъ случившееся въ 1717 году нападеніе закубанцевъ, извѣстное въ народѣ подъ названіемъ большого кубанскаго погрома и наконецъ, нашествіе Пугачева: городъ былъ взятъ толпами самозванца въ 1774 году. Въ настоящее время Пенза, вмѣстѣ съ городскими выгонами, занимаетъ 3,595 десятинъ. Подъѣзжая къ городу съ сѣверной сто-

Библиотека "Руниверс"

роны, уже за 30 слишкомъ верстъ можно любоваться его великолѣпной панорамой, съ утопающими въ зелени многочисленными садами и постройками. Церквей въ Пензѣ около 30-ти, кромѣ того есть лютеранская деревянная церковь и деревянная же мечеть.

Городскихъ построекъ насчитываютъ до 4,000 тысячъ, но каменныхъ только 506; лавокъ и магазиновъ 502, большинство деревянныхъ: есть двѣ значительныя аптеки и два театра; каменный зимній и лѣтній.

Императрица Екатерина II предполагала основать въ Пензѣ университетъ, но къ сожалѣнію предположеніе это не было приведено въ исполненіе. Число учащихся въ Пензѣ достигаетъ теперь до 3,000 человѣкъ. Учебныхъ заведеній теперь 22.

Число жителей Пензы 32.000 душъ обоего пола.

Роковой приказъ

(Историческій разсказъ Г. Гильтля).

I.

Въ концѣ набережной, идущей вдоль Лондонской гавани, помѣщалась гостинница «Золотой Анкерштокъ». Если вы спуститесь по каменной лѣстницѣ старинного зданія и пройдете нѣсколько шаговъ, то увидите передъ собой пристань для небольшихъ лодокъ, поддерживающихъ сообщеніе между материкомъ и кораблями, погрузчиковъ и другихъ рабочихъ, а также массу товара.

Ветхія каменныя стѣны окружали пристань. Онѣ выведены были изъ большихъ кусковъ плитняка, скрѣплялись известкою, вслѣдствіе этого со временемъ образовали сплошную каменную массу; стояли же онѣ тутъ съ незапамятныхъ временъ. Для облегченія причала лодокъ, стѣны эти мѣстами снабжены были желѣзными крюками или большими вбитыми въ нее кольцами, за которыя, во время бурной погоды, матросы прикрѣпляли лодки.

Кромѣ того, стѣны эти служили мѣстомъ собранія праздношатающагося народа. Онѣ снабжены были широкими брустверами и на нихъ, во всякое время дня, собирались матросы, корабельные плотники, работники и пограничная стража, праздношатаясь, отдыхая или занимаясь ѣдою. Здѣсь, сидя вереницею, они сообщали другъ другу новости дня, извѣстія о прибывшихъ и отбывающихъ корабляхъ. Здѣсь часто сыщики повидимому занимались невинными разговорами, въ то же время подстерегали своихъ жертвъ; случалось, что съ этого мѣста бѣглые преступники не рѣдко скрывались на корабли, гдѣ имъ легко было ускользнуть отъ рукъ правосудія. Наконецъ, это было также мѣстопребываніе людей, именуемыхъ въ наше время «коммиссіонерами», въ 1637 же году они составляли сборище отборныхъ тунеядцевъ, тѣмъ не менѣе, безъ ихъ услуги нельзя было обойтись.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, гостинница «Золотой Анкерштокъ» пріобрѣла извѣстность. Отсюда легко было попасть на корабль, получать вѣрныя свѣдѣнія объ отходящихъ и приходящихъ корабляхъ, наводить разныя справки и пріискивать готовыхъ къ услугамъ людей. Кромѣ того, хозяинъ дома, Джонъ Фишъ, позаботился о хорошемъ столѣ и напиткахъ, равно какъ о пространныхъ помѣщеніяхъ для гостей. Изъ оконъ гостинницы взорамъ отъѣзжающихъ открывался видъ на гавань и на находящіеся въ ней корабли, такъ что не трудно было имъ отыскать то судно, на которомъ намѣревались отплыть они въ море.

Благодаря всему этому, Джонъ Фишъ пріобрѣлъ большую популярность и вслѣдствіе этого значительное состояніе. Гостинница постоянно переполнена была гостями и путешественниками, которыхъ господинъ Фишъ принималъ всегда любезно, не справляясь о ихъ политическихъ и религіозныхъ исповѣданіяхъ, лишь бы платили слѣдующія съ нихъ деньги, по счету, не совсѣмъ томѣренному. Мы употребили слова: политика и религія, не безъ причины. Времена, постигшія Англію въ описываемое время, произвели разладъ между ея соотечественниками, и хотя послѣ долгой и кровопролитной борьбы они умиротворились, но рѣзкій образъ дѣйствія короля ожесточилъ умы. Наступили времена религіозной нетерпимости; свобода совѣсти подчинилась мѣрилу, вводимому Карломъ I. Хотя сначала и смотрѣли равнодушно на мѣры, предпринимаемыя правительствомъ—но лишь только онѣ начали обнаруживать свое дѣйствіе, равнодушные превратились въ ревностныхъ защитниковъ угнетенной свободы.

Папская власть пугала многихъ; церковная реформа, вводимая королемъ, до того была проникнута католицизмомъ, что приверженцы истинной вѣры ею гнушались.

Когда и богачи, и наилучшая часть народонаселенія, и люди вліятельные стали противиться реформамъ короля, то народъ усмотрѣлъ въ нихъ своихъ вожаковъ, заступниковъ.

Повсюду стали образоваться секты. Не обращая вниманія на жестокія распоряженія правительства, сектанты устроивали религіозные обряды по своему и дали своимъ учрежденіямъ характеръ республиканскій. Правительство прибѣгло къ строгимъ мѣрамъ, началось всеобщее преслѣдованіе. Индепенданты, суровые Пуритане, разгонялись, если собирались молиться по своему; не находя защиты въ своемъ отечествѣ, они начали эмигрировать изъ страны, въ которой запрещалось молиться по собственному благоусмотрѣнію, государь которой предписывалъ своимъ подданнымъ, какъ свободные люди должны поклоняться Богу.

По ту сторону океана манила свобода. Сперва сотнями, потомъ тысячами, народъ началъ переселяться, искать новую родину. Первымъ убѣжищемъ имъ казалась Голландія; оттуда, черезъ океанъ, они отправлялись въ Американскія пустыни. Страшное сосѣдство Индѣйцевъ и лишенія, которые они должны были испытывать въ новой странѣ, не такъ были имъ страшны, какъ безмѣрная строгость монарха, совѣтники котораго, въ безпримѣрномъ заблужденіи, подвергали гоненію своихъ согражданъ за принадлежность къ сектѣ, желавшей устроивать религіозные обряды по своему, притомъ въ ограниченномъ кружкѣ.

Сначала король мало обращалъ вниманія на переселеніе. Казалось, онъ былъ радъ избавится отъ нѣкоторыхъ недовольныхъ и строптивыхъ подданныхъ. Пожимая плечами, смотрѣли представители власти на корабли, наполненные переселенцами и лишающіе почву Англіи трудолюбивыхъ землевладѣльцевъ.

Но вскорѣ эмиграція приняла такіе размѣры, что ужаснулись тѣ, на обязанности которыхъ покоилась забота о финансахъ страны. Какія богатства уносились изъ Англіи въ новое мѣстопребываніе? Сколькихъ наилучшихъ гражданъ лишился король?

При наступленіи 1637 года финансисты исчислили, что болѣе 12 милліоновъ наличными деньгами исчезли изъ страны. Власти рѣшили прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ. Въ Лондонѣ открылись совѣщанія, какъ поставить предѣлъ чрезмѣрному переселенію.

II.

Апрѣль мѣсяцъ 1637 года миновалъ. Солнце, еще весьма снисходительное въ это время, распространяло лучи надъ Лондономъ, золотило крыши ветхихъ домовъ, находящихся вблизи берега, и отражаясь въ корабельныхъ парусахъ, мѣстами оттѣняло ихъ.

Оконныя стекла гостинницы «Золотой Анкерштокъ» сверкали въ сіяніи вечерняго солнца; надъ рѣкою носились испаренія, признакъ приближенія ночи.

Большой залъ гостинницы биткомъ набитъ былъ народомъ разныхъ слоевъ общества. Гости помѣщались партіями у длинныхъ столовъ, иные имѣли предъ собою большія чаши, наполненныя кушаньемъ, другіе—кружки съ пивомъ, третьи, наконецъ, стояли поодаль, мрачно, сосредоточенно, безмолвно, упорно обращая взоры другъ на друга и по временамъ тяжело вздыхая. Въ одномъ темномъ уголкѣ группа внимала проповѣди какого то странно одѣтаго мужчины: то были прощальныя слова оратора къ своимъ слушателямъ.

Залъ былъ заваленъ пакетами, ящиками и сундуками разныхъ размѣровъ. На нихъ восѣдали женщины, кормя грудью дѣтей, и посреди этого шума и крика въ пропитанной табакомъ атмосферѣ, дѣти пытались уснуть.

— Часъ отъ часу хуже! Народъ такъ и валитъ, сказалъ дюжій мущина въ гражданскомъ платьѣ, обращаясь къ Джону Фишу, который, стоя у буфета, спокойно смотрѣлъ на эту кутерьму.

— Ваша правда, сэръ, возразилъ хозяинъ. Продолжись это такъ, то въ старой Англіи вскорѣ придется поискивать порядочныхъ гражданъ.

— О чемъ, чортъ возьми, думаетъ король?

— Тише! замѣтилъ хозяинъ. Не говорите такъ громко. Шпіоны епископа и Страфорда повсюду шатаются. Съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта куча пасквильныхъ статей, направленныхъ противъ Лаура, и наилучшій человѣкъ не въ безопасности.

Дюжій человѣкъ запилъ гнѣвъ свой глоткомъ портера, стоявшаго передъ нимъ.

— Гмъ! сказалъ онъ, отставляя кружку, конечно, выбирать тутъ нечего: все люди въ нищенской одеждѣ.

— Это только такъ кажется, пояснилъ хозяинъ. Что сегодня видите вы, то мнѣ приходится видѣть ежедневно въ такомъ же количествѣ, и могу увѣрить васъ, между ними есть порядочные люди. Не судите по простой одеждѣ. Въ несчастіи всѣ равны. Вѣрьте, подъ простымъ платьемъ кроется хорошій гражданинъ; конечно, между переселенцами есть и негодяи, но большая часть достопочтенные джентельмены, и наилучшая секта—пуританская. Они избѣгаютъ роскоши, потому и кажутся вамъ такими бѣдными; взгляните въ тотъ уголъ, видите вы того высокаго, тощаго мущину, что ораторствуетъ съ книгой въ рукахъ?

— Во истину, это Пимъ, Линкольнширскій ораторъ. Что ему здѣсь нужно?

— Ну, онъ послѣдній вечеръ въ Англіи. Онъ эмигрируетъ.

Дюжій человѣкъ поникъ головою на грудь.

— Гамденъ, Гаслеръ также наняли мѣста на кораблѣ, про-

Библиотека "Руниверс"

должалъ Джонъ. И желаете вы знать еще кое что? Взгляните туда, въ уголъ, за печкою. Видите вы эту кучу тюковъ, ящиковъ и сундуковъ?

— Вижу

— Это багажъ достопочтеннаго Оливера Кромвеля, который завтра утромъ съ своимъ семействомъ покидаетъ Англію.

— Кромвель? воскликнулъ дюжій мущина, вскочивъ съ мѣста. Это не можетъ быть! Его будущность основана на пребываніи въ отечествѣ.

— Ошибаетесь, сказалъ Фишъ. Хотите, онъ самъ подтвердитъ вамъ это—вотъ онъ идетъ Онъ почуетъ подъ моимъ кровомъ въ послѣдній разъ въ Англіи.

Указанный Джономъ Фишомъ мущина направился къ буфету, протѣсняясь сквозь толпу, наполнявшую залъ. При его приближеніи незнакомецъ началъ ретироваться.

Кромвель подошелъ къ хозяину.

— Гдѣ комната, назначенная мнѣ и моему семейству для ночлега? спросилъ онъ.

— На верху въ первомъ этажѣ, отвѣтилъ Фишъ. Ваша милость можете сейчасъ занять ее. Ей, Томъ!

Кромвель обратился къ подоспѣвшему слугѣ, которому поручено было указать гостю комнату.

Не оглянувшись, оставилъ Кромвель залъ.

— Нужно переговорить съ нимъ, сказалъ незнакомецъ, подойдя опять къ буфету. Упросить, предостеречь его.

Онъ проложилъ себѣ дорогу сквозь толпу и изчезъ за парусиннымъ занавѣсомъ, отдѣлявшемъ обширный залъ отъ сѣней.

Тутъ онъ поднялся по широкой деревянной лѣстницѣ, ведущей въ первый этажъ, и прошелъ корридоръ, по сторонамъ котораго помѣщались нумера. Но дойдя до одной изъ многихъ дверей, онъ остановился. Хоровое пѣніе слышалось изъ запертой комнаты. Нѣсколько дѣтскихъ голосовъ вмѣстѣ съ голосами взрослыхъ пѣли церковную пѣснь. Пока длилось пѣніе, незнакомецъ прислушивался, потомъ онъ постучалъ въ дверь.

— Войдите! послышался сильный, мужской голосъ и съ тѣмъ вмѣстѣ дверь растворилась.

Предъ незнакомцемъ стоялъ Кромвель.

— Ричмондъ! воскликнулъ Кромвель. Вы ли это? Войдите.

Ричмондъ обвелъ комнату глазами. Ему предстало семейство Кромвеля, жена, трое дѣтей и старый, сурово смотрящій слуга.

— Другъ давно минувшихъ лѣтъ, сказалъ Кромвель, представляя Ричмонда супругѣ.

— Я желалъ...

— Вы желали проститься со мною и моимъ семействомъ? перебилъ его Кромвель. Прекрасная черта съ вашей стороны, тѣмъ болѣе, что вы противники нашего исповѣданія.

— Ошибаетесь, Оливеръ, сказалъ Ричмондъ. Я пришелъ просить васъ остаться, не покидать отечества, родину, вашему сердцу такъ близкую.

Кромвель горько усмѣхнулся.

— Съ приверженцемъ правительства, съ придворнымъ человѣкомъ трудно спорить, сказалъ онъ. Я увѣренъ, вамъ извѣстна участь, насъ ожидающая; какъ можете вы, Джонъ Ричмондъ, совѣтовать мнѣ остаться?

— Вы невѣрно судите о королѣ, перебилъ его Ричмондъ. Довѣрьтесь, вы и ваши единомышленники, великодушному сердцу Карла, и я увѣренъ, вскорѣ настали бы лучшія времена. Признайтесь, вѣдь ваше-же упорство раздражило короля.

— Такъ зачѣмъ же эти папскія продѣлки? вспылилъ Кромвель: зачѣмъ преслѣдуютъ тѣхъ, кто желаетъ молиться какъ ему благорасудится? Нѣтъ, другъ, въ Англіи нѣтъ болѣе спасенія для свободы. Мы, поневолѣ, принуждены искать ее по ту сторону океана; быть можетъ, она воцарится и здѣсь, но грозно потребуетъ отчета за притѣсненія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы возстали противъ деспотическаго насилія Іакова I, мы въ постоянной борьбѣ съ Стюартами и ихъ союзниками; нынѣ мы уступаемъ деспотизму Карла. Ричмондъ! воскликнулъ онъ, положа руку на плечо своего собесѣдника: «Лойдъ лишилъ меня присутствія короля, за то, что я стоялъ за Линкольнскаго епископа, я пророчилъ ему: Всевышній отвергнетъ васъ и назначитъ надъ вами судъ. И вы, вмѣстѣ съ другими, издѣвались надъ мною, мнѣ извѣстно это; но прыгкій насмѣшникъ самъ себя поноситъ.

— Именно эти слова, вами только что произнесенныя, возразилъ Ричмондъ, заставили нѣкоторыхъ изъ насъ призадуматься. Я изъ числа тѣхъ, которые желаютъ мира, а такому человѣку, какъ вы, слѣдовало бы присоединиться къ намъ. Оливеръ, вы когда-то принадлежали къ благомыслящимъ, были преданы королю, какъ и я, не покидайте отечества, вамъ суждено творить много добра. Гунтингтонское графство желаетъ васъ вновь избрать, если будете содѣйствовать доброму дѣлу.

— Поздно, глухо отвѣтилъ Кромвель. Взгляните туда! Онъ отперъ окно, выходящее на гавань. Ясно виднѣлись корабли, паруса и снасти которыхъ отдѣлялись отъ наступающихъ сумерекъ.

— Въ распоряженіи обиженныхъ и угнетенныхъ до ста кораблей, сказалъ Кромвель. И быть можетъ, прибавилъ онъ, взглянувъ грозно, Стюарту въ добрый часъ, что мы переселяемся, подобно дѣтямъ Израиля изъ земли своихъ притѣснителей.

— А вы, госпожа Кромвель, обратился Ричмондъ къ супругѣ пуританина. Неужели и вы такъ легко разстаетесь съ родиной?

— Я слѣдую за мужемъ, какъ подобаетъ женѣ, съ покорностью отвѣтила она, мы не хотимъ долѣе быть свидѣтелями бѣдствій нашихъ единомышленниковъ.

— Такъ вотъ что, воскликнулъ Ричмондъ, вставая съ мѣста, въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ Оливеръ. Я явился въ этотъ домъ, изъ желанія спасти нѣкоторыхъ изъ заблужденныхъ — я здѣсь по порученію лорда Страффорда, а до васъ, Оливеръ, въ особенности касается мое порученіе. Прошу васъ, воротитесь. Я явился къ вамъ, упираясь на дружбу, соединяющую насъ со временъ нашихъ учебныхъ занятій въ Сиднейскомъ училищѣ въ Кэмбриджѣ. Вамъ разрѣшается дѣйствовать на пользу вашихъ единомышленниковъ. Лордъ Страффордъ предлагаетъ вамъ отличное мѣсто въ общественномъ Совѣтѣ; вы назначаетесь ораторомъ для Кэмбриджа; вамъ поручается, на перекоръ Вильяму Лауду, веденіе Іорскихъ дѣлъ. Выбирайте.

— Мнѣ не труденъ выборъ, возразилъ Кромвель. Не будь этотъ разночинецъ, Страффордъ, я быть можетъ призадумался-бы, но я ему не довѣряю. Изъ устъ его исходитъ ложь, онъ стоитъ за силу, и еслибъ даже я вновь рѣшился довѣриться,—не могъ бы: я поклялся не расставаться съ благовѣрными, съ которыми завтра покидаю вѣроломнаго Стюарта.

— Это ваше послѣднее слово?

— Мое послѣднее.

— Такъ желаю вамъ, никогда не раскаиваться, сказалъ Ричмондъ, вставая съ креселъ.

— Будьте счастливы въ новомъ отечествѣ, старое вы отвергнули.

— Не мы, родина насъ отвергаетъ, воскликнулъ Кромвель.

Со стороны города, въ это время, опять послышалось глухое пѣніе. Оно приближалось; казалось, нѣсколько сотъ голосовъ слились во едино.

— Что это? спросилъ Ричмондъ.

— Вѣроятно, переселенцы, съ пѣніемъ и молитвою направляющіеся къ гавани, сказалъ Кромвель, растворяя дверь и выходя на корридоръ, изъ оконъ котораго виднѣлась улица. Кромвель, и Ричмондъ подошли къ отпертому окну. По узкой, нѣсколько восходящей улицѣ тянулось длинное шествіе, мущины, женщины, старцы, дѣти — всякаго возраста и пола. Всѣ эти люди облечены были въ платья темнаго цвѣта, у мущинъ на головахъ высокія, широкополыя шляпы; коротко обстриженые волосы; длинныя взъерошенныя бороды; фанатическія лица — такими предстали участники шествія, идя тихими, шагами и освѣщаясь факелами. Это зрѣлище казалось чѣмъ-то таинственнымъ, пѣніе скорѣе походило на погребальное, чѣмъ на хоральное, въ глухихъ голосахъ слышалось что-то угрожающее, по временамъ изъ толпы раздавались потрясающіе душу звуки. Кромвель и его семейство съ благочестіемъ смотрѣли на толпу, Ричмондъ-же не могъ удержаться отъ нѣкотораго ужаса. Эти мрачные святые казались ему не безъопасными; хорошо что они покидаютъ почву Англіи. Вдругъ случилось что-то, но такъ скоро и внезапно, что стоявшіе у окна зрители не могли опомниться, какъ происшествіе почти уже миновало.

Въ то время, какъ шествіе загибало въ маленькую, ведущую въ гавань улицу, въ толпу нагрянуло человѣкъ десять или двѣнадцать всадниковъ, выскочившіе изъ ближайшаго прохода. Произошла страшная давка, участники шествія съ крикомъ раздались, дѣти и женщины визжали, мущины грозно проклинали владниковъ, которые, наскоро выстроившись въ замкнутую фалангу, медленно подвигались впередъ, оттѣсняя толпу.

— Что это? съ ужасомъ воскликнули стоявшіе у корридорнаго окна зрители. Со всѣхъ сторонъ, изъ домовъ, на улицу выбѣжали люди, шумъ и гвалтъ увеличился; изъ гостиницы «Золотой Анкерштокъ» выскочили гости, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены; раздались крики бѣшенства; участники шествія, завидя помогу, дали отпоръ всадникамъ, уже были нанесены дубинами нѣкоторые удары лошадямъ, — вдругъ одинъ изъ всадниковъ, вахтмистеръ, приподнявшись, воскликнулъ: назадъ — ей вы, передовые, убирайтесь въ переулкъ, не то стрѣлять будемъ. Приказъ короля.

Вновь раздались крики бѣшенства, пустили въ ходъ булыжникъ, которымъ одна лошадь была поранена въ шею. На эту демонстрацію всадники отвѣтили тѣмъ, что вооружили свои карабины. Въ этотъ моментъ изъ толпы пуританскихъ эмигрантовъ вышелъ высокаго роста мущина и сталъ передъ всадниками. Господь Богъ говоритъ, началъ онъ въ суровомъ тонѣ, шесть дѣлъ я не терплю, седьмымъ гнушаюсь, именно злоупотребленіемъ власти. Вамъ, злоупотребляющимъ властію, не пойдетъ въ прокъ это сатанинское порожденіе; удалитесь изъ новаго Іерусалима и страшитесь гнѣва Господа Бога.

— Аминь! громко отвѣтила толпа, которая вслѣдъ затѣмъ начала расходиться. Молча, съ замкнутыми отъ бѣшенства устами, съ дикимъ, грознымъ взглядомъ, былъ свидѣтелемъ этой сцены Кромвель. Семейство его плакало, дѣти отъ страха, жена Кромвеля изъ состраданія. Ричмондъ тяжело вздохнулъ.

— Вотъ милость вашего короля, почти задыхаясь, сказалъ Кромвель, послѣ нѣкотораго молчанія. Даже выборъ мѣста для молитвы не дозволяется послѣдователямъ истинной вѣры. Имъ

Библиотека "Руниверс"

запрещается составлять общины. И вы хотите уговорить меня остаться въ этой Англіи?

— Кромвель, вы въ гнѣвѣ, быть можетъ и по справедливости, успокоивалъ его Ричмондъ.

— Ни слова болѣе, воскликнулъ Кромвель, мы разстаемся. Протягиваю вамъ руку на прощанье, ради государя вашего не хочу ссориться съ вами—прощайте. Изъ земли свободы донесется вамъ вѣсть, какъ счастливы благовѣрные подъ покровомъ Господа. Ступайте, ступайте; скажите вашему королю, вашему Страффорду, попу Лауду—я ихъ ненавижу. Онъ поспѣшно оставилъ корридоръ и скрылся съ своимъ семействомъ въ комнатѣ.

Между тѣмъ въ этой части города водворилась нѣкоторая тишина. Ночь была теплая, майская, потому нѣкоторые изъ пуританъ, шествіе и пѣніе которыхъ были такъ внезапно прерваны, остались ночевать на улицѣ, но большая часть изъ нихъ нашла убѣжище у своихъ согражданъ. Шествуя по улицамъ, лордъ Ричмондъ могъ убѣдиться, какъ велико сочувствіе народонаселенія къ благовѣрнымъ, какъ нехотя они съ ними разстаются.

Медленно воротились всадники. На перекресткѣ, близъ гостинницы «Анкерштокъ» они слѣзли съ коней, приказавъ слугамъ отвести ихъ подъ крышу того прохода, изъ подъ котораго они произвели нападеніе; сами же направились къ стѣнамъ набережной и помѣстились на широкихъ брустверахъ. Нѣсколько находящихся тутъ работниковъ замѣтили, какъ съ противоположной стороны приближался еще отрядъ солдатъ, который, вмѣстѣ съ прежде прибывшими, образовалъ вдоль набережной цѣпь и занялъ всѣ мѣста причала и ведущія на рѣку проходы.

— Скверная работа намъ поручена была, сказалъ всадникъ, принадлежащій къ посту, расположенному противъ гостинницы.

— Гм, замѣтилъ его товарищъ, въ сущности эти люди ни въ чемъ не повинны. Вѣдь нѣтъ можетъ каждый, какъ ему вздумается. Странное дѣло.

— Завтра ожидается кое-что худшее. Я на все готовъ. Полагаю, вотъ вытаращитъ глаза народъ, какъ прочтетъ королевскій приказъ.

— Проклятое порученіе, ворчалъ другой, ударивъ прикладомъ карабина о стѣну. Я желалъ бы...

— Тише, замѣтилъ первый, смотри, сосѣдъ услышитъ. Мы солдаты, должны повиноваться: могутъ настать и лучшія времена. А пока, уснемъ немного.

Опустившись на брустверъ и скрестивъ руки на грудь, онъ закрылъ глаза.

III.

Наступило утро. Надъ остроконечной крышей гостинницы «Анкерштокъ» выглянуло солнце, и дѣйствіе луча его вскорѣ такъ сильно начало проявляться, что жители домовъ, корабельщики и спящіе на часахъ солдаты стали просыпаться. Вскорѣ все оживилось, съ кораблей раздались свистки боцмановъ и однообразный напѣвъ матросовъ, подбиравшихъ паруса; небольшія лодки начали шмыгать по ровной поверхности воды, и даже корабли большихъ размѣровъ, пользуясь утреннимъ вѣтеркомъ, пришли въ движеніе.

Послѣ непродолжительнаго сна, караулъ, помѣщавшійся у стѣнъ лѣстницы, нѣсколько поободрился, всадники закурили трубки.

— Въ городѣ пока еще довольно спокойно, сказалъ одинъ изъ нихъ, бѣглецовъ не видно.

— Ага, вотъ подъѣзжаетъ къ намъ лодка, сказалъ его товарищъ, карабинеръ.

Дѣйствительно, съ одного корабля спущена была лодка, которая поспѣшно начала приближаться къ берегу. Правилъ ею юнга, и вскорѣ она причалила неподалеку отъ того мѣста, гдѣ помѣщались наши собесѣдники.

— Ну? спросилъ одинъ изъ нихъ, оборачиваясь, что нужно?

— Я пріѣхалъ за однимъ семействомъ, зубоскалилъ юнга, мнѣ нужно перевести его на корабль.

— Эдвардъ! Это благовѣрные, они эмигрируютъ. На кораблѣ богажъ ихъ уже со вчерашняго дня.

— Гм, замѣтилъ солдатъ, но дозволятъ ли имъ переселиться?

— Зачѣмъ же нѣтъ? смѣясь отвѣтилъ юнга. Это люди, какъ мнѣ извѣстно, богатые. Имъ надоѣло здѣсь жить, какъ и многимъ. Сегодня переселяется около двухъ тысячъ человѣкъ — а вотъ и самъ баринъ идетъ, если не ошибаюсь.

Изъ гостинницы, въ сопровожденіи Фиша, вышелъ мущина. То былъ Кромвель, съ женою и тремя дѣтьми. Кромвель одѣтъ былъ просто, въ суконномъ камзолѣ и бархатномъ исподнемъ платьѣ, ноги до колѣнъ обуты были въ толстыя штиблеты, какъ обыкновенно носили ихъ въ то время фермеры; на головѣ, окаймленной длинными волосами, круглая шляпа пуританскаго образца.

На лѣвое плечо наброшенъ былъ шерстяной плащъ, булатный офицерскій знакъ, на которомъ покоился бѣлый воротничекъ, обнималъ шею; къ широкой кожанной портупеѣ прикрѣплена была тяжелая шпага, неоднократно бывшая съ Кромвелемъ въ битвахъ. Правая рука вооружена была длинною съ мѣдвымъ набалдашникомъ тростью. Его жена и дѣти одѣты были просто, какъ требовало того ихъ исповѣданіе; на красивомъ мальчикѣ надѣта была дорожная сумка, а въ рукѣ несъ онъ замкнутую жестянку.

— Ага! ворчалъ всадникъ, наконецъ пожаловали.

Онъ обнажилъ шпагу и положилъ ее на колѣни, такимъ образомъ, что правою рукою легко могъ хватиться за рукоятку. Кромвель и его семейство прощались съ Фишемъ. Мальчикъ подмигивалъ сидѣвшему въ лодкѣ юнгѣ. Спустившись по каменной лѣстницѣ, Кромвель и его жена въ послѣдній разъ обратились къ городу.

— Прости! тихо сказалъ Кромвель, прости, родимая земля! Сулила ты мнѣ счастіе, послѣ многихъ бурныхъ дней; сила изгоняетъ меня, нужно разстаться. Дѣти, взгляните еще разъ на этотъ уголокъ Лондона, прибавилъ онъ. Пройдетъ много времени, пока вамъ суждено будетъ вновь увидѣть эти башни, а теперь—съ Богомъ! заключилъ онъ, оборачиваясь. Онъ взялъ мальчика за руку, жена и дочери послѣдовали за нимъ.

Они двинулись—дѣти смѣялись, родители были серіозны.

До лѣстницы оставалось нѣсколько шаговъ.

— Ей, Биль! крикнулъ Кромвель юнгѣ, что, все ли готово?

— Все, сэръ.

— Хорошо; такъ спускайтесь же.

Онъ хотѣлъ шагнуть, но сидѣвшій на стѣнѣ солдатъ преградилъ ему дорогу, протянувъ шпагу не подобіе шлагбаума.

— Стойте, сэръ, сказалъ онъ, далѣе нельзя.

Кромвель смутился и отступилъ.

— Я не смѣю? спросилъ онъ въ изумленіи.

— Нѣтъ, взгляните туда, вдоль гавани, видите караульные посты? Имъ строго приказано, не допускать никого на корабли сегодня. Выѣздъ запрещенъ.

— Это вопіющее нарушеніе права, воскликнулъ онъ, хватаясь за шпагу.

— Сэръ, сказалъ солдатъ,—не затѣвайте споръ. Это дѣлается по приказанію короля.

Въ это время, по ту сторону гавани, тоже поднялся шумъ. Подошла толпа переселенцевъ, ихъ не допускали къ лодкамъ; въ десяти, въ двадцати мѣстахъ затѣвался споръ, грозящій превратиться въ мятежъ; сбѣжались жители квартала на корабляхъ столпился экипажъ.

— Гдѣ приказъ, покажите! воскликнулъ Кромвель.

— Да, да, гдѣ приказъ! вторили ему другіе, будучи также задержаны.

— Чортъ возьми, дѣло плохо, бормоталъ солдатъ.—Намъ данъ устный приказъ.—отвѣтилъ онъ.

— Это не стоитъ вниманія! Съ дороги! ревѣла толпа, готовя вновь пустить въ ходъ дубины и шпаги—вдругъ издали грохнулъ пушечный выстрѣлъ

— Слышите? воскликнулъ солдатъ,—это сигналъ: гавань заперта.

Нѣкоторые сомнѣвались, не хотѣли вѣрить. Въ это время изъ города прискакали три всадника; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ открытое письмо, которымъ еще издали махалъ.

— Приказъ короля! воскликнулъ онъ. Безъ дозволенія Его Королевскаго Величества, никто не смѣетъ покидать страну и городъ. Вотъ приказъ, сейчасъ онъ будетъ прибитъ къ перекресткамъ улицъ. Совѣтъ Его Величества запрещаетъ эмиграцію. Онъ поскакалъ далѣе. Слова его должны были имѣть страшныя послѣдствія. Исчезла надежда избавиться отъ гоненія. Раздались крики гнѣва и вопли печали. Пространство между причаломъ и гостинницею биткомъ было набито народомъ; сквозь эту толпу Кромвель и его семейство прокладывали себѣ дорогу. Серіозно, мрачно, безмолвно воротился Оливеръ въ только что оставленную имъ комнату. Онъ опустился въ кресло и руками подперъ голову.

Появленіе Ричмонда вывело Кромвеля изъ мрачнаго раздумья.

— По волѣ короля, сказалъ онъ, вы остаетесь въ отечествѣ. Покоритесь участи, не гнѣвайтесь.

— Вы видите, помолчавъ немного отвѣтилъ Кромвель, я спокоенъ. Противъ воли Всевышняго нельзя бороться. Это Господь Богъ повелѣваетъ мнѣ остаться, но знайте: по Его же волѣ горько придется сѣтовать тѣмъ, кто меня удерживалъ.

Онъ какъ бы выросъ станомъ, произнося эти слова. Схвативъ руку Ричмонда, онъ глухимъ голосомъ прибавилъ.

— Ричмондъ! однажды, будучи еще ребенкомъ и лежа въ кровати, мнѣ предстало видѣніе: къ моему ложу подошла женщина-исполинъ и сказала, взглядываясь долго въ меня: со временемъ ты сдѣлаешься величайшимъ мужемъ въ Королевствѣ. Не желалъ я исполненія этого пророчества, но мнѣ предчувствуется, что оно сбудется—на погибель Карла Стюарта. Заявите, что съ сего дня я вновь вступаю съ нимъ въ борьбу и опоясываюсь мечемъ.

IV.

Площадь передъ королевскимъ Вайтгальскимъ дворцомъ въ Лондонѣ была покрыта сплошною толпою народа. Куда не взгляни, страшная давка и суматоха. На обитыхъ чернымъ сукномъ подмосткахъ, сообщенныхъ съ дворцовымъ окномъ, лежитъ плаха; подлѣ нея два прислужника и замаскированный палачъ выжидали жертву.

Жертва эта—Карлъ Стюартъ, король Англіи. Сегодня, 30-го

Библиотека "Руниверс"

января 1649 года. Англійскій парламентъ собирается казнить его. Судья его—Оливеръ Кромвель, протекторъ республики. Глухо бьютъ дробь барабаны, колокола Св. Павла благовѣстятъ—окружевный тѣлохранителями, шествуетъ по дворцовымъ залам Оливеръ Кромвель. Онъ хочетъ быть свидѣтелемъ казни, она его не ужасаетъ, совѣсть его спокойна. Проходя по зеркальному залу, ему встрѣчаются придворные, проводившіе короля до эшафота.

— Ричмондъ! воскликнулъ Кромвель, завидя одного изъ нихъ.

— Милордъ, милордъ! лепеталъ тотъ, къ кому обращевъ былъ возгласъ.

Кромвель подошелъ къ нему.

— Памятна ли вамъ комната въ «Золотомъ Анкерштокѣ»? шепотомъ спросилъ онъ. Со дня моего пророчества миновало не болѣе 12 лѣтъ. Тотъ, голова котораго сегодня падетъ, нашелъ во мнѣ свою судьбу—я хотѣлъ покинуть царство Стюартовъ, онъ принудилъ меня остаться, дабы воздвигнуть себѣ эшафотъ. Между нимъ и Оливеръ Кромвелемъ—единъ Богъ судья.

V.

Послѣ смерти короля, Кромвель сдѣлался протекторомъ Англіи, но протекторъ становился все больше и больше похожимъ на диктатора. Начались противъ него заговоры. Послѣдній парламентъ онъ разогналъ 4-го февраля 1658 г. Послѣ того ему пришлось еще разъ жестоко наказать заговорщиковъ вновь открытаго заговора. Но несмотря на это, неудовольствіе все болѣе и болѣе росло. Республиканцы называли его притѣснителемъ такъ трудно достижимой свободы. Между войскомъ начали распространяться возмутительныя идеи и проявляться неповиновеніе. Даже его родственники охладѣли къ нему, когда узнали, что всѣ его дѣйствія вели къ тому, чтобъ возвысить себя Народъ началъ смотрѣть на Карла Стюарта какъ на своего спасителя. Всѣ эти непріятности были причиной того, что Кромвель вдругъ потерялъ все свое мужество и неустрашимость, какъ человѣкъ неискренній и умѣющій хорошо маскироваться. Онъ сдѣлался чрезвычайно подозрительнымъ, никому не довѣрялъ и думалъ, что каждый, кто съ нимъ ни говоритъ, имѣетъ постоянно заднія мысли. Думая, что хотятъ его убить, онъ окружилъ себя большою стражей и перемѣнялъ чуть ли не каждую ночь свою спальню. Послѣдніе дни Кромвель провелъ въ ужасныхъ нравственныхъ страданіяхъ. Совѣсть его упрекала за всѣ тѣ невинныя жертвы, которыя онъ приносилъ въ жертву своему честолюбію, стремясь возвыситься. Если онъ оставался одинъ въ комнатѣ, то его разстроенное воображеніе сейчасъ же рисовало ему различныя кровавыя сцены, и галлюцинаціи были такъ правдоподобны, что онъ даже слышалъ крики жертвъ его честолюбія. Постоянная боязнь за свою жизнь, отчужденіе друзей и смерть его любимой дочери подѣйствовали на него такъ сильно, что онъ серьезно заболѣлъ: но онъ все таки не вѣрилъ, что конецъ его близокъ. Когда доктора увѣрились въ его близкой смерти, то депутація отъ города потребовала, чтобы онъ назначилъ кого нибудь на свое мѣсто. На вопросъ, не назначитъ ли онъ своего сына Рихарда, Кромвель, уже лежавшій почти безъ памяти, отвѣтилъ: да. Онъ умеръ 3-го сентября 1758 года, въ тотъ самый день, который онъ считалъ счастливѣйшимъ для себя.

Политическое обозрѣніе.

Отъѣздъ въ Кишиневъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею Николая Николаевича Старшаго состоялся 19-го ноября при общемъ энтузіазмѣ петербургскаго населенія.

Съ этимъ знаменательнымъ фактомъ дѣла на Востокѣ вступаютъ въ новый фазисъ. Святое дѣло освобожденія балканскихъ христіанъ, нашихъ соплеменниковъ, получило вѣрный залогъ обезпеченія своего благопріятнаго исхода. Часть нашей арміи мобилизована — это теперь уже совершившійся фактъ. Цѣль этого—добиться дѣйствительнаго, а не призрачнаго, улучшенія быта восточныхъ христіанъ. Опасаться европейской войны теперь нѣтъ достаточныхъ основаній, такъ какъ, общественное мнѣніе Европы расположено въ пользу освобожденія балканскихъ христіанъ. Своекорыстный голосъ англійскаго кабинета, въ виду протеста въ средѣ самой же англійской націи, представляется ничтожнымъ. Въ прошломъ обозрѣніи («Нива» № 47) мы упоминали объ аудіенціи, данной Государемъ Императоромъ лорду Лофтусу въ Ливадіи, и о томъ, что лордъ Лофтусъ послалъ въ Англію депешу по поводу этой аудіенціи. Послѣ значительнаго промедленія, депеша эта, теперь, наконецъ обнародована, и это обнародованіе весьма скомпрометировало, въ глазахъ англійскаго общества теперешній его кабинетъ. Это обстоятельство вызвало много протестовъ на частныхъ митингахъ — протестовъ, изъ которыхъ самыми значительными, безъ сомнѣнія, должно счесть рѣчи Джона Брайта, Форстера и Гладстона.

Джонъ Брайтъ, Форстеръ и историкъ Карлейль произнесли почти тождественныя по общему духу и характеру рѣчи, въ которыхъ энергически порицается политика настоящаго англійскаго кабинета.

По поводу мобилизаціи нашей арміи иностранныя газеты, особенно вѣнскія, пустились въ толки о нашемъ безденежьи и неготовности къ войнѣ; но не говоря уже о томъ, что наши отечественные капиталисты съ полною готовностью и наперерывъ помѣщаютъ свои капиталы подъ вновь выпущенные банковые 5% билеты (выпускъ сдѣланъ на 100 мил.) мы должны еще отмѣтить здѣсь слѣдующій отрадный фактъ. С.-Петербургскій биржевой комитетъ и общее собраніе гласныхъ С.-Петербургской биржи, вслѣдствіе выраженной здѣшнимъ биржевымъ купечествомъ готовности оказать содѣйствіе осуществленію тѣхъ мѣръ, какія благоугодно будетъ принять Государю Императору при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ, постановили: войдти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи взимать въ видѣ добровольныхъ сборовъ *для образованія спеціальнаго на случай войны фонда*, въ размѣрѣ нынѣ взимаемаго съ купечества по свидѣтельствамъ государственнаго сбора, а именно: по *265 руб. съ купцовъ 1-й гильдіи, и 65 руб. съ купцовъ 2-й гильдіи*, при обязательствѣ платежа этихъ сборовъ, и если правительство признаетъ необходимымъ, въ теченіе *пяти лѣтъ*, на основаніяхъ, подробности которыхъ будутъ утверждены министромъ финансовъ. Такое ходатайство Министръ Финансовъ повергъ на Высочайшее Его Величества воззрѣніе. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить купечество и передать оному, что когда сочтетъ это нужнымъ, Его Величество выразитъ Монаршую волю къ призванію всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и купечества, споспѣшествовать видамъ Его Императорскаго Величества.

Что же касается финансоваго положенія Турціи, то до какой степени печально и безнадежно оно—доказывается тѣмъ, что турецкое правительство не въ состояніи было выплатить къ сроку условленнаго взноса въ счетъ причитающейся суммы, за изготовленныя для него въ Америкѣ 400,000 ружей, и вслѣдствіе этого выдача ружей турецкимъ пріемщикамъ была пріостановлена, впредь до представленія Оттоманскимъ правительствомъ надежнаго ручательства въ исправномъ соблюденіи контракта.

18 ноября главнокомандующій Моравско-Тимокской арміей, генералъ М. Г. Черняевъ, выѣхалъ въ Вѣну, въ сопровожденіи штаба и шести тѣлохранителей. При отъѣздѣ генерала провожали до пристани всѣ высшіе офицеры и народъ съ самыми сердечными пожеланіями. Пребываніе Черняева въ Вѣнѣ будетъ не продолжительно.

Въ прошлую недѣлю въ обществѣ и литературѣ много говорили о поѣздкахъ лорда Салисбери по европейскимъ дворамъ, съ цѣлію расположить какую либо державу въ пользу политики Англіи. Многіе сравнивали, хотя неудачно, эти разъѣзды Салисбери съ извѣстнымъ дипломатическимъ путешествіемъ по Европѣ Тьера, во время франко-прусской войны. Салисбери ни гдѣ не пріобрѣлъ друзей англійской политикѣ и, что главнѣе, не пріобрѣлъ въ Германіи. Объясненіе Салисбери съ княземъ Бисмаркомъ осталось безъ всякихъ благопріятныхъ результатовъ для Англіи. Лордъ Салисбери изъ всѣхъ значительнѣйшихъ европейскихъ столицъ не посѣтилъ только Петербурга, что и подало поводъ къ различнымъ предположеніямъ. Германскій канцлеръ на заискивающія предложенія Салисбери далъ ему категорическій отвѣтъ, что *Германія не присоединится ни къ какой политической комбинаціи съ враждебнымъ для Россіи характеромъ*. Вѣнскій кабинетъ нѣсколько смутился отъ этого отвѣта, и даже чуть было не произошелъ министерскій кризисъ

Во французской палатѣ депутатовъ происходило 12 (24) ноября одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій въ новѣйшей парламентской жизни Франціи. Преніе было о бюджетѣ духовныхъ исповѣданій. Члены крайней лѣвой, Буассе и Флоке, внесли поправки, требующія совершеннаго упраздненія бюджета исповѣданій. Принцъ Жеромъ Наполеонъ говорилъ противъ ультрамонтанъ, но высказался также противъ отдѣленія церкви отъ государства. Затѣмъ попеременно говорили на трибунѣ Келлеръ, Дреоль и Гамбетта Во время рѣчи послѣдняго, нѣкто г. Тристанъ Ламберъ поднялся съ своего мѣста и дважды воскликнулъ: «Да здравствуетъ Императоръ!» Рѣчь Гамбетты вывела бонапартистовъ изъ себя, особенно въ томъ мѣстѣ рѣчи гдѣ онъ повторялъ мысль Жерома Наполеона, что если бы Франція въ 1870 г. неподдерживала свѣтской власти папы, то за нею обезпеченъ былъ бы могущественный союзникъ (намекъ на Италію) и она не поплатилась бы Эльзасомъ и Лотарингіей.

Библиотека "Руниверс"

Четыре турецкія пули.

Уже нѣсколько разъ изъ лагеря сербскихъ войскъ сообщалось, что турецкія войска употребляютъ разрывныя и ядовитыя пули. Генераломъ Черняевымъ была назначена коммисія изъ военныхъ врачей (русскихъ, сербскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и др.) для подтвержденія этого факта. Въ настоящее время «Московскія Вѣдомости» сообщаютъ, что послѣ битвы 6-го октября., у нѣсколькихъ взятыхъ въ плѣнъ турецкихъ солдатъ найдены слѣдующія пули:

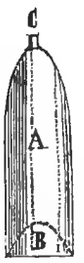
I. A. } Свинцовыя пули.
B. }

C. Проволока, связывающая пули, въ срединѣ утонченная.

D. Патронъ (бумажный снаружи и наполненный порохомъ).

Обѣ пули, дѣлая полетъ одновременно, разрываютъ проволоку при встрѣчѣ сопротивленія и такимъ образомъ въ тѣлѣ человѣка производятъ двѣ раны.

II. A. Свинецъ.
B. Пустота внутри пули.
C. Зажигатель.



Такая пуля при встрѣчѣ съ сопротивленіемъ, такъ, напримѣръ, ударившись въ тѣлѣ человѣка о кость, разрывается на многія мелкія части.

III. Третія пуля имѣетъ точно такую же коническую форму, какъ и вторая, но она обмазана ядомъ, такъ что малѣйшая рана, произведенная ея прикосновеніемъ, смертельна.

Что къ этому прибавить? Къ чему же, наконецъ, ведутъ международные договоры, если турки, не смотря на всѣ старанія ихъ ближайшихъ друзей, остаются все тѣми же дикими и неисправимыми азіатами?

СОДЕРЖАНІЕ: **Инженеръ полковникъ Амандъ Егоровичъ Струве** (съ портретомъ и рисункомъ).—**Горы Казбекъ и Эльборусъ на Кавказѣ** (съ 2-мя рисунками)—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева. Часть 2-я. (Продолженіе).—**Типы Восточной Сибири.** Женщина въ Иркутскѣ (съ рисункомъ). — **Сикстинская капелла и фрески: «Страшный Судъ» Минель Анджелло** (съ рисункомъ).—**Городъ Пенза** (съ рисункомъ)—**Роковой приказъ** (Историческій разсказъ Г. Гильтля) (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе.—**Четыре турецкія пули** (съ 3-мя рисунками). -Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ музыкальномъ магазинѣ Фр. Паздирекъ въ Москвѣ.
(Лубянка д. Мазуриной) вышли изъ печати и продаются

НОТЫ

для ручной гармоники въ дешевомъ изданіи.

Томъ I

100 лучшихъ пьесъ: аріи изъ оперъ, попурри, маршей и мелодій, избранныхъ изъ музыкальной литературы всѣхъ націй. Цѣна полному тому 1 руб. 50 коп., кажд. тетр отдѣльно 1—4 по 50 к.

Томъ II

100 избранныхъ и современныхъ танцевъ: кадрили, вальсы, польки, польки-мазурки, галопы и др. соч. Штрауса, Фауста и др.— **Русскія національныя пляски.** Цѣна полному том 1 р. 50 коп., отдѣльныя тетр. 1—4 по 50 коп.

Томъ III

100 избранныхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и романсовъ
Цѣна полному тому 1 руб. 50 коп., отдѣл. тетр. 1—4 по 50 коп.

Краткое Руководство къ чтенію нотъ, по штриховой системѣ Ц. 15 к. (При требованіи полнаго тома, Руководство прилагается безплатно).

Для ручной гармоники, по нотной и штриховой системамъ, арранжировалъ и издалъ:

Ф. РОМАНОВЪ.

Иногородные заказчики, выписывающіе всѣ 3 тома вмѣстѣ—ея пересылку не прилагаютъ ничего.

При заказѣ каждаго тома отдѣльно, иногородные соблаговолятъ прилагать на пересылку: 20 коп. на протяженіи до 1000 верстъ, и на болѣе дальнемъ разстояніи 30 к. с.

Музыкальнымъ и книжнымъ магазинамъ и торговцамъ ручными гармониками дѣлается громадная уступка.

Въ музыкальномъ магазинѣ Фр. Паздирекъ въ Москвѣ также находится большой выборъ ручныхъ гармоній отъ 5 до 30 рублей сер.

Нѣтъ другаго музыкальнаго инструмента, который-бы небольшимъ трудомъ доставлялъ столько удовольствія и забавы, какъ ручная гармонія или аккордіонъ, почему именно, игра на этомъ инструментѣ и распространилась очень быстро по всей Россіи; но до сихъ поръ, употребленіе ручной гармоніи, расходовалось только на разыгрываніе извѣстныхъ уже пьесъ, которыя гдѣ нибудь слышали и кое какъ пробовали играть ихъ на ручной гармоніи, его по той причинѣ, что нотъ, для этого инструмента, до сихъ поръ, въ музыкальной торговлѣ не существовало. Малое количество нотныхъ примѣровъ въ школахъ для аккордіона Куликова и Хваталъ, суть большею частью всѣмъ знакомыя мелодіи и вообще тѣ пьесы, которыя у самихъ авторовъ этихъ школъ, остались только въ памяти.

Но я въ мои коллекціи напротивъ помѣстилъ всѣ, изъ музыкальной литературѣ существующія, лучшія и современныя мелодіи,—какъ сочиненія разныхъ композиторовъ вообще, такъ и національныя пѣсни въ особенности, которыя въ моемъ переложеніи для ручной гармоніи не потеряли своего характера и красоты. Любимѣйшія, русскія народныя пѣсни я переложилъ для этого инструмента безъ всякихъ измѣненій.

Штриховая система, изобрѣтенная мною для легкаго и правильнаго чтенія нотъ и примѣненная къ моимъ коллекціямъ, особенно рекомендуется своей простотой и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже и при не совсѣмъ правильномъ и точномъ чтеніи передача пьесъ все таки возможна; между тѣмъ какъ въ другихъ системахъ этого достигнуть нельзя; вообще изученіе игры по нотной или циферной системѣ безъ учителей полагается за весьма трудное и даже просто невозможное дѣло.

Тѣ лица, которыя уже изучали какую нибудь школу и знакомы хотя поверхностно съ нотной системой, могутъ играть по моимъ коллекціямъ безъ всякаго затрудненія. Для незнавшихъ же нотъ мои коллекціи сопровождены короткимъ, но для всѣхъ ясно и понятно изложеннымъ руководствомъ, заключающимъ въ себѣ все необходимое для правильной и хорошей игры на этомъ инструментѣ по штриховой системѣ.

Коллекціи мои арранжированы для гармоніи нѣмецкаго строя въ 10 клавишовъ; но въ руководствѣ объяснено, какъ можно играть на гармоникахъ въ 8, 12 клавишовъ и болѣе, а также и на гармоникахъ французскаго строя.

Ф. РОМАНОВЪ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ" продаются со слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, ястор. пов., Кельсіева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 50 к.
При Петрѣ, ястор. пов., Кельсіева и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повѣсть Каразина. Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марлитта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 40 к.
Двуногій волкъ. Романъ въ 2 частяхъ, съ 20 рис. Автора Н. Каразина. Цѣна 2 р. съ пересылкою 2 р. 30 к. для подписчиковъ Нивы 1 р. 80 к.

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ»
Годъ восемнадцатый.

Журналъ **«Странникъ»** будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней программѣ, имѣющей въ виду удовлетворять потребностямъ большинства читающей публики. Въ составъ журнала входятъ: 1) Биографическіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ приложеніемъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Библіографія, въ предѣлы которой входитъ краткій *разборъ всѣхъ* вновь выходящихъ *духовно-нравственныхъ книгъ*; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; правительственныя распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Замѣтки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 книжекъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и *пять* руб. съ пересылкою въ всѣ почтовыя мѣста имперіи. Адресоваться: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургъ*, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, *кому* и *куда* посылать книжки журнала. Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: *Невскій проспектъ*, домъ *№ 108, близъ Знаменья.*

3—2 Редакторъ-издатель *Священникъ С. Протопоповъ.*

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находятся СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—12

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Ключникова.* Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Штильмана.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ.

№ 12 Невскій пр., напротивъ Малой Морской, № 12.

Выдаетъ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ возможно высокомъ размѣрѣ.

Продаетъ всякаго рода процентныя бумаги по дневному биржевому курсу съ задаткомъ, принимая оныя въ залогъ на весьма выгодныхъ условіяхъ.

КОНТОРА ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЕЖНЫЕ ВКЛАДЫ И ПЛАТИТЪ:

на текущій счетъ . . . . . 7 %;
на 3 мѣсяца 7½%;
на 6 к до 12 мѣсяцевъ . . . . . 8½%.

Страхуетъ билеты обоихъ внутр. 5% съ выигр. займовъ по **20** коп., съ иногородныхъ по **30** коп. за билетъ. 10—10

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина А. И. Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 26 Ноября 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская д. № 9. Тип. Безпалова, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 49 — 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 6 Декабря 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Линъ* и *А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около **18000 адресовъ** для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени, Редакція покорнѣйше проситъ, во избѣжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку **въ возможно скорѣйшемъ времени.**

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

При этомъ № прилагаются «Парижскія Моды» за ДЕКАБРЬ съ 41 рисунками и большой листъ съ 30 чертежами и выкройки въ натуральную величину.

Наши деньги (Золотая и серебряная монета стараго чекана). Рис. Катеначи, грав. Пашемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Наши деньги.

Торговля нашихъ предковъ-славянъ, была *мѣновая*. Единицами для оцѣнки вещей были шкуры *куницъ* и *бѣлокъ*. По этой причинѣ такъ называемыя *куны* у насъ служили въ древній періодъ представителями народнаго богатства. Но за тѣмъ оказалось для нашихъ купцовъ неудобнымъ носить съ собою для купли шкуры; они замѣнили эти шкуры *мордками*, имѣвшими мѣновое значеніе въ нашемъ торговомъ Новгородѣ до XV вѣка. Кромѣ мордокъ мѣновое же значеніе пріобрѣли и другіе пушныя лоскутья, куньи и бѣличьи. Затѣмъ уже появляются у насъ новыя монеты подъ названіемъ *вѣкоши*, *ногаты* и *рѣзани*. Въ вѣкоши содержалось 4 рѣзани; въ кунѣ было 20 вѣкошей, веверицъ, т. е. бѣлокъ; далѣе—въ кунѣ было 4 ногаты. Затѣмъ *рѣзань* была первою нашею монетою; предполагаютъ, что рѣзань имѣла форму серебряной рѣзной бляхи. Въ вѣкоши было четыре рѣзани, а въ ногатѣ двѣ.

Далѣе, у насъ въ старину обращались *рубли* и *полтины*. Это были просто куски серебра, въ видѣ прута длиною въ 1½ вершка, а толщиною въ перстъ, снабженные клеймами съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Одинъ конецъ этого прута былъ толще другаго; серебро въ немъ было самое чистое и вѣсомъ почти 24 золотника. Куски эти разрубались или распиливались *пополамъ*, оттого и произошло слово *полтина*, т. е. половина рубля. Иногда рубли имѣли призматико-пирамидальную форму и по концамъ округлены, на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны клейма съ лицами святыхъ, головы которыхъ были окружены вѣнцомъ, на иныхъ изображенія птицъ и животныхъ, наконецъ, нѣкоторые были вовсе безъ клейма. Полагаютъ, что такой формы рубли и полтины имѣли мѣновое значеніе, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Кіевѣ.

Съ другой стороны, мы знаемъ, что въ IX вѣкѣ радимичи платили хазарамъ дань такъ называемыми *шлягами*, монетами, образецъ которыхъ намъ неизвѣстенъ. Нужно прибавить также, что у насъ обращались въ старину и иностранныя монеты, золотыя и серебряныя *греческія* и номисмы *) и солиды — *византійскія*. У новгородцевъ употреблялись въ XV вѣкѣ шведскія *ортуги* и татарская *тамга* (отсюда съ нѣкоторыми измѣненіями звуковъ, требуемыми нашимъ языкомъ, вышло слово—*деньги*). При Святополкѣ и Ярославѣ Владиміровичѣ встрѣчаются монеты съ изображеніемъ. На монетѣ времени Святополка изображался князь съ крестомъ или скипетромъ, а на монетѣ времени Ярослава изображенъ Георгій, съ надписью на другой сторонѣ: «*Ярославле сребро*». Въ княженіе Олега, у насъ появились такъ называемыя *гривны*. Наши предки платили дань этой монетою варягамъ. Нашъ первый лѣтописецъ, Несторъ, свидѣтельствуетъ, что дань гривнами варяги получали отъ славянъ до княженія Ярослава. Гривна разсматривалась въ двоякомъ отношеніи: и какъ вѣсъ, и какъ монета, въ первомъ случаѣ она равнялась вѣсу 1 фунта; съ другой стороны, подъ гривною разумѣли извѣстное количество драгоцѣннаго металла вѣсомъ 48 золотниковъ, что равнялось нѣмецкой литрѣ. Да и по вѣсу въ разныхъ мѣстностяхъ Руси гривны были различны: кіевскія гривны напр. были меньше новгородскихъ,—послѣднія равнялись нашему современному фунту (96 золотн.).

При Ярославѣ I одна гривна серебра содержала въ себѣ двѣ гривны, а при Владимірѣ Мономахѣ семь съ половиной гривенъ кунами. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ мы можемъ заключить, что гривна серебра имѣла у насъ въ XII вѣкѣ вѣсу ½ фунта. Гривны, какъ мѣновые знаки внутреннихъ сношеній, употреблялись у насъ до начала XIV вѣка, а потомъ ихъ мѣсто заступили *рубли* и *полтины*. Рубли раздѣлялись на *кіевскіе*, *владимірскіе*, *московскіе* и *новгородскіе*.

Кіевскій рубль былъ меньше новгородскаго, Московскій рубль состоялъ изъ денегъ 9-ти-дольныхъ съ дробью; далѣе былъ еще въ Москвѣ рубль 216-ти-денежный, вѣсившій менѣе, нежели деньга, которыхъ въ рублѣ было 200. Московскій 9-ти-дольный рубль имѣлъ оффиціальный характеръ, а новгородскій и 216-ти-денежный московскій рубли были мѣстные. Что касается до полтинъ, то мы знаемъ, что въ XIV вѣкѣ они собирались у насъ по деревнямъ подать.

На нашихъ *московскихъ* монетахъ дѣлались изображенія: всадника съ мечемъ или съ копьемъ, поражающаго змѣя; на *псковскихъ* монетахъ изображалась человѣческая фигура по грудь, въ княжеской коронѣ, а на другихъ дѣлавшихся позже, бычачья голова въ полукругѣ.

Нужно упомянуть еще, для характеристики нашего стариннаго торговаго обмѣна, о деньгахъ *кожанныхъ*. Это кожаные лоскутки, имѣющіе видъ маленькихъ весьма правильно вырѣзанныхъ параллелограмовъ. Эти интересные образчики денегъ были у насъ въ употребленіи даже до Петра Великаго.

Право чеканки металлической монеты принадлежало у насъ въ XIV вѣкѣ удѣльнымъ князьямъ. Въ XV вѣкѣ, собственно съ 1420—24 г., чеканка производилась въ городахъ, пока Великій Князь Иванъ Васильевичъ III, покоривъ Новгородъ, не запретилъ подобной чеканки (монету чеканили псковскіе и проч. мастера), а Великій Князь Василій Ивановичъ III, уничтоживъ псковское вѣче, перемѣнилъ даже клеймо монеты, повелѣвъ вычеканивать вмѣсто псковскаго герба московскій, а на оборотѣ ставить строчную надпись «*деньга псковская*»; затѣмъ, при этомъ же гербѣ, велѣно ставить окружную надпись около всадника: «*Государь всея Руси*»; наконецъ, около всадника съ окружной же надписью велѣно ставить: «Божіею милостію, Государь всея Руси», а на оборотѣ строчную надпись (*деньга псковская*) и имя чеканщика—мастера.

Что касается до добыванія металловъ для чеканки монеты, то мы знаемъ, что къ концѣ XV вѣка были посланы съ этою цѣлью нарочные развѣдчики въ окрестности Печоры. Тамъ нашли они золотую, серебряную и мѣдную руды, на пространствѣ 10 верстъ на рѣкѣ Цылмѣ, эти руды и послужили матеріаломъ для приготовленія нашей монеты въ XVI вѣкѣ.

Исторію нашего монетнаго обращенія вообще раздѣляютъ на отдѣлы, существенно отличные между собою: отъ основанія Руси до монетной реформы, произведенной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (862 — 1663 гг.); затѣмъ слѣдуетъ короткій періодъ исключительнаго господства звонкой монеты до введенія бумажныхъ кредитныхъ знаковъ при Елисаветѣ Петровнѣ (1663—1769 гг.); далѣе идетъ періодъ господства нашихъ государственныхъ ассигнацій, до замѣны ихъ кредитными билетами въ 1843 г. (1769—1843 гг.) и, наконецъ, уже слѣдуетъ періодъ кредитныхъ знаковъ, включительно до настоящаго времени.

Императрица Елисавета Петровна ввела, въ видахъ нашихъ внутреннихъ торговыхъ сношеній, въ нашу монетную систему бумажные знаки, подъ именемъ банковыхъ билетовъ; при ней же основанъ въ Москвѣ банкъ и даже возникла мысль объ основаніи государственнаго банка, въ настоящемъ смыслѣ слова, и тогда же учреждены у насъ вексельные обороты для купцовъ, устранены внутреннія таможни и заставы. Вообще денежная циркуляція въ нашей странѣ, при Елисаветѣ получила небывалую дотолѣ жизнь. Банковыхъ билетовъ надѣлано было сначала на 5.000,000 рублей, «на нарочно сдѣланной для того бумагѣ». Но что указываетъ на высокое государственно-экономическое значеніе этой мѣры Императрицы—такъ это слова ея указа: «намѣреніе наше простирается всего больше на будущую государственную пользу, чѣмъ на настоящую кратковременную надобность».

Екатерина II, по примѣру другихъ европейскихъ державъ, ввела въ наше монетное обращеніе государственныя ассигнаціи, какъ удобные денежные знаки. Чтобы обезпечить довѣріе за этими ассигнаціями, Екатерина въ учрежденные два банка, въ Петербургѣ и Москвѣ велѣла положить по 500,000 рублей въ каждый и выдавать изъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ государственныхъ ассигнацій не болѣе, какъ въ вышеозначенныхъ банкахъ будетъ состоять наличнаго капитала. Каждый изъ частныхъ лицъ могъ всегда обратить свои ассигнаціи въ наличныя деньги, представя московскія ассигнаціи въ московскій банкъ, а петербургскія въ петербургскій. Довѣріе къ ассигнаціямъ этимъ путемъ было обезпечено.

Характеризуя ассигнаціи Екатерининскаго періода времени, нужно сказать, что съ 1769 г.—по 1786 г. наши государственныя ассигнаціи были ни болѣе ни менѣе какъ размѣнные билеты, совершенно обезпеченные наличностью звонкой монеты: слѣдовательно, въ обращеніи ассигнаціонный рубль имѣлъ значеніе серебрянаго рубля; но затѣмъ, при новыхъ выпускахъ ассигнацій, достоинство ихъ повысилось на *одинъ* или на *два* % сравнительно съ серебряной монетой.

Съ 1786 г. наши государственныя бумаги принимаютъ характеръ бумагъ *чисто-кредитныхъ*. Оба размѣнные банка соединяются, въ тоже время, въ одинъ, подъ именемъ *ассигнаціонный*. На слѣдующій годъ (1787 г.) сумма обращающихся въ странѣ ассигнацій достигла 100.000,000 рублей, и размѣнъ ихъ на наличныя деньги уже встрѣчаетъ затрудненіе, хотя онѣ принимаются въ податяхъ и казенныхъ сборахъ. Съ 1788 г. достоинство ассигнацій уже положительно падаетъ—съ 97 на 92, и по мѣрѣ ихъ возрастанія надъ нормою выше 100 милліоновъ, онѣ быстро шли къ большему паденію, такъ что, въ концѣ царствованія Екатерины, когда ихъ обращалось у насъ на 157 милліоновъ, онѣ были уже на 30% ниже серебряной монеты.

Это то время составляетъ историческій рубежъ нашихъ финансовыхъ дѣлъ, потому что съ этого времени являются у насъ *двѣ* денежныя единицы: *серебряный* и *ассигнаціонный* рубль.

Императоръ Павелъ дѣлалъ всѣ усилія поднять достоинство нашихъ ассигнацій, но безуспѣшно.

Императоръ Александръ I, въ первые годы своего царствованія сдѣлалъ новые и большіе выпуски ассигнацій, и отъ того достоинство ихъ понизилось, сравнительно съ серебрянымъ рублемъ, на 67%. Это уже было передъ нашей отечественною войной. Видя денежное затрудненіе, увеличенное еще болѣе наполеоновской континентальной системой, Александръ издалъ 2 февраля 1810 г. манифестъ, въ которомъ постановлено, что *всѣ государственныя банковыя ассигнаціи* признаются дѣйствительнымъ государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всѣми бо-

*) Отъ этого слова произошло названіе „нумизматика", сдѣлавшаяся важною частью археологіи.

Библиотека "Руниверс"

гатствами Имперіи. Въ тоже время массу государственныхъ ассигнацій повелѣно ограничить круглымъ числомъ 577 милліоновъ, а остальныя уничтожить. Въ тоже время открытъ внутренній заемъ въ 100 милліоновъ рублей. Далѣе, для составленія особаго капитала погашенія долговъ отдѣлена часть государственныхъ имуществъ для продажи въ частную собственность. Продажа эта открыта въ 1811 г.; мѣра была неудачна, потому что платежи поступали весьма неисправно. Надо еще замѣтить, что съ 1812 г. у насъ впервые явился такъ называемый принудительный курсъ (cours forcé) ассигнаціи.

Затѣмъ, идетъ далѣе рядъ мѣръ для возвышенія государственныхъ ассигнацій, неудачныхъ потому, что война 1812 г. и слѣдующіе годы потребовали новаго выпуска ассигнацій въ небывалой дотолѣ массѣ на 836 милліоновъ; курсъ ихъ въ 1815 г. дошелъ до 20 коп. противъ серебрянаго рубля!... Далѣе появилось множество фальшивыхъ ассигнацій, внесенныхъ, какъ говорили, въ Россію французскими войсками. Много нужно было усилій, чтобы утвердить достоинство ассигнацій на 25 копѣйкахъ. До нѣкоторой степени это утвержденіе упрочилось, такъ что народъ потомъ привыкъ считать серебряную монету 25-копѣечнаго достоинства или *четвертакъ* ассигнаціоннымъ рублемъ, потому что въ самомъ дѣлѣ, при переводѣ на мѣдь онъ значилъ 100 мѣдныхъ копѣекъ, что обезпечивалось постояннымъ безпрепятственнымъ обмѣномъ ассигнацій на мѣдь въ ассигнаціонномъ банкѣ и его конторахъ.

Но въ виду болѣе прочныхъ мѣръ для возвышенія нашихъ ассигнацій было учрежденіе въ 1817 г. коммисіи погашенія нашихъ государственныхъ долговъ и, вмѣстѣ съ нею, совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Эти учрежденія дѣлаютъ эпоху въ исторіи нашихъ финансовъ. Какъ всѣ наши учрежденія, коммисія и совѣтъ были копіями съ однородныхъ учрежденій запада. Вклады въ коммисію погашенія долговъ со стороны русскихъ и иностранцевъ полились охотно, такъ что въ кассы того и другаго уже на слѣдующій годъ внесено было на сумму 80.084,400 рублей; съ цѣлью же умноженія безсрочныхъ вкладовъ сдѣланы заграничные займы у братьевъ Беррингъ въ Лондонѣ и у Гопс въ Амстердамѣ. Обезпеченная достаточными суммами, коммиссія, съ 1818—22 годы уничтожила сожженіемъ ассигнацій на 229.283,130 рублей. Съ слѣдующаго 1823 года государственныхъ ассигнацій оставалось въ обращеніи на 595.776,310 рублей, и на этомъ количествѣ онѣ неизмѣнно остались до 1843 г., т. е. до замѣны ихъ *кредитными билетами*.

Съ этого времени, хотя финансовое искусство въ Европѣ вообще не ушло далеко впередъ въ главнѣйшихъ основаніяхъ, но сдѣлала замѣтные шаги техническая сторона, въ обработкѣ денежныхъ знаковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть и сравнить разнообразныя характерныя формы чекановъ монетъ въ разные годы нашего столѣтія (преимущественно при Александрѣ). Наше вниманіе останавливаютъ сразу массивные рубли царствованій Александра I и Николая I. Чеканъ ихъ далеко не изященъ; массивность стоитъ на первомъ планѣ. За то техническая выдѣлка кредитныхъ билетовъ доведена до истинной артистичности. Эта артистическая тонкость отчасти спасаетъ кредитные знаки, затрудняя ихъ поддѣлку. И въ самомъ дѣлѣ подобныя преступленія съ усовершенствованіемъ технической стороны кредитныхъ знаковъ и монеты уменьшились теперь на огромный процентъ, въ чемъ можно убѣдиться простымъ сравненіемъ нашей финансовой исторіи съ исторіей до исхода первой четверти текущаго вѣка. До какой степени у насъ возможны были въ прошломъ вѣкѣ самыя грубыя поддѣлки ассигнацій доказывается множествомъ случаевъ, что 25 рублевую ассигнацію передѣлывали въ 75 рублевую! *)

Періодъ циркуляціи кредитныхъ билетовъ, начиная съ 1843 года до настоящаго времени, весьма богатъ разнообразными и рѣшительными финансовыми явленіями. Заграничныя сношенія наши увеличились, возросъ и внутренній продуктъ, увеличилось и потребленіе; за все это время слабая сторона выпуска денежныхъ бумажныхъ знаковъ дала себя чувствовать; излишество ихъ производило постоянное давленіе на нашъ внутренній рынокъ; отъ этой же причины особенно неудовлетворителенъ и нашъ торговый балансъ и отъ того низокъ и нашъ вексельный курсъ, неудовлетворительность котораго сдѣлалась уже хроническою въ послѣднее время, такъ что значительная часть нашихъ расходовъ идетъ для его поддержки. Теперешній нашъ вексельный курсъ упалъ даже ниже, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ передъ Крымской войною. Тѣмъ не менѣе, несмотря на недостатки нашей денежной системы этотъ періодъ весьма богатъ опытомъ предотвращенія разнообразныхъ денежныхъ и торговыхъ кризисовъ. Благодаря этой практикѣ въ паллиативахъ, теоретическая сторона денегъ, законы ихъ обращенія, разныя комбинаціи кредита, выяснились и у насъ весьма удовлетворительно.

Важнѣйшими, составляющими интересъ для фактами нашего финансоваго хозяйства и денежнаго обращенія нужно назвать: а) совершенный на дняхъ внутренній государственный заемъ *четвертаго выпуска въ 100 мил. рублей* и б) введеніе съ будущаго 1877 г. уплаты таможенныхъ пошлинъ золотомъ.

Что касается перваго, то результаты подписки на новые 5% банковые билеты *четвертаго* выпуска превзошли ожиданія. Можно надѣяться, что подписная сумма выйдетъ вдвое, т. е. 200 мил. рубл. Въ одномъ Петербургѣ подписано 106 мил. руб. Дѣло, однакожъ, все таки въ томъ, что въ заемъ помѣстились большею частью капиталы капиталистовъ и банковъ обѣихъ столицъ; собственно народныя сбереженія представляются еще нетронутыми; но эти сбереженія несомнѣнно помѣстились бы въ заемъ и увеличили бы подписную сумму его втрое, еслибы срокъ подписки былъ длиннѣе. Этотъ фактъ приводитъ насъ къ утѣшительному выводу, что капиталовъ въ Россіи много, что эти капиталы относятся съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ государственнымъ займовымъ операціямъ. Даже болѣе: народныя наши сбереженія охотнѣе помѣстятся въ государственныя бумаги, приносящія скромный процентъ, чѣмъ въ бумаги спекулятивныя, частныхъ обществъ съ высокимъ и часто колеблющимся процентомъ. Слѣдовательно, говоря вообще, эта послѣдняя наша финансовая операція весьма удачна и въ смыслѣ результатовъ и въ томъ смыслѣ, что выставила весьма осязательно обиліе нашихъ народныхъ сбереженій и значительность капиталовъ, ждущихъ своего обращенія.

М. Стр.

Изъ Гейне.

Послѣдній лучъ зари багровой
Далеко отражался въ морѣ.
У ветхой хатки рыболова
Сидѣли молча мы, и въ горѣ.

* * *

Туманъ густѣлъ, вздымались волны,
Крича, сновали чайки мимо;
Мы были оба муки полны —
Рыдала ты неудержимо.

* * *

Слеза катилась за слезою
Къ тебѣ на руки,—я мгновенно
Палъ на колѣни предъ тобою
И слезы пилъ съ руки безцѣнной

* * *

Съ тѣхъ поръ, измученный, разбитый,
Совсѣмъ исчахъ я, истомился:
Тѣ слезы были ядовиты,
Мой другъ, я ими отравился.

П. В. Б.

Его Императорское Высочество, Великій князь Николай Николаевичъ старшій, Главнокомандующій дѣйствующей арміи.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею, Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи и по инженерной части, Генералъ-Адъютантъ, Инженеръ-Генералъ, Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, родился 27 іюля 1831 года. Со дня рожденія былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и зачисленъ въ гвардейскій Саперный баталіонъ.

Съ 25 января 1856 г. Великій Князь состоитъ въ супружествѣ съ старшей дочерью Принца Петра Ге-

*) Первыя наши государственныя ассигнаціи вообще были слѣдующихъ достоинствъ: 100-рублевыя, 75-рублевыя, 50-рублевыя и 25 рублевыя, и раздѣлялись на *двѣ* категоріи: *петербургскія*, по которымъ платежъ производилъ петербургскій банкъ, и *московскія*, за которыя платилъ банкъ московскій. Сначала печатаніе ассигнацій производилось въ Сенатѣ, гдѣ въ особой экспедиціи хранилась бумага для нихъ и самыя ассигнаціи; затѣмъ въ 1785 году устроена была въ Царскомъ Селѣ казенная бумажная мельница спеціально для дѣланія ассигнаціонной бумаги, но печатаніе и штемпелеваніе ассигнацій производилось, по прежнему, все-таки въ Сенатѣ. Бумага для нихъ употреблялась бѣлая; ассигнаціи имѣли форму четыреугольныя, по сторонамъ которыхъ шли просвѣчивающіяся прописи. Достоинство ассигнацій и число представляемыхъ ею рублей означалось церковными буквами.

Библиотека "Руниверс"

оргіенича Ольденбургскаго, Великой Княгиней Александрой Петровной.

Отъ этого брака Его Императорское Высочество имѣетъ двухъ сыновей, Великихъ Князей: Николая (род. 6 Ноября 1856 г.) и Петра (род. 10 января 1864 г.) Николаевичей.

Страстно любя военное дѣло, Великій Князь съ раннихъ лѣтъ отдался ему всей душею, и по долгомъ опытѣ строеваго прохожденія службы, усвоилъ себѣ трудности настойчиваго и прочнаго способа усовершенствованія Высочайше вѣренныхъ Ему частей какъ по строевому образованію войскъ, такъ и по Инженерному Вѣдомству, коего состоитъ генералъ-инспекторомъ съ 1852 года.

15 Августа 1864 г. Его Высочество назначенъ былъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи. Одаренный всѣми качествами превосходнаго кавалериста и обладая глубокимъ знаніемъ этой, близкой Его сердцу, отрасли военнаго образованія, Великій Князь настойчиво проводилъ то убѣжденіе, что если конница не отвѣчаетъ высотѣ своего назначенія, то она, болѣе всѣхъ другихъ родовъ оружія, является бременемъ на войнѣ; а потому Его Высочество съ полнымъ увлеченіемъ занялся разработкою и примѣненіемъ на дѣлѣ тѣхъ неутомимыхъ свойствъ конницы, которыя обращаютъ ее во всевидящую, всему помогающую и сокрушающую силу.

Но мы бы поступили весьма односторонне, не упомянувъ о заслугахъ и дѣятельности Его Высочества въ другихъ сферахъ русской жизни.

Такъ, напримѣръ, нельзя не упомянуть о той пользѣ, какую Его Высочество приноситъ дѣлу развитія въ Россіи сельскаго хозяйства. Его Высочество относится къ сельскому хозяйству съ большимъ вниманіемъ, сознавая вполнѣ, что развитіе благосостоянія Россіи путемъ мирныхъ, полезныхъ и правильно проводимыхъ улучшеніи есть дѣло первостепенной важности.

Наши деньги. (Кредитные билеты старой формы). Рис. Жерліе. грав. Паннемакеръ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 1 Ноября сего года, даннымъ въ Царскомъ Селѣ, Его Высочество назначенъ Главнокомандующимъ дѣйствующей арміи со всѣми правами, властью и преимуществами, Главнокомандующему въ военное время предоставленными, и съ оставленіемъ во всѣхъ настоящихъ должностяхъ и званіяхъ.

При этомъ считаемъ нужнымъ объяснить, что на основаніи того же Высочайшаго приказа отъ 1 Ноября, изъ дивизій, находящихся въ кіевскомъ, одесскомъ и харьковскомъ военныхъ округахъ, образуется 6 армейскихъ корпусовъ, съ № 7 по 12 включительно, изъ коихъ

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество, Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ Старшій,

Главнокомандующій дѣйствующей арміи.

Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

8, 9, 11 и 12 должны составить вышеозначенную дѣйствующую армію.

19-го ноября Петербургъ проводилъ самымъ задушевнымъ, а потому и самымъ торжественнымъ образомъ, Главнокомандующаго южною арміею. Краса и цвѣтъ нашего военнаго общества явились на проводы и наполнили всѣ залы и корридоры вокзала Николаевской дороги. Благословеніямъ и пожеланіямъ, конечно, не было конца. У насъ все это прекрасно совмѣщается въ одномъ короткомъ словѣ „ура!" Но было произнесено и нѣсколько напутственныхъ рѣчей. Государь Наслѣдникъ встрѣтилъ Главнокомандующаго при входѣ въ вокзалъ съ дорогимъ золотымъ *складнемъ* отъ войскъ гвардіи, и сказалъ нѣсколько теплыхъ и задушевныхъ словъ. Главнокомандующій приложился къ образу и принялъ его. Затѣмъ начальникъ 22 пѣхотной дивизіи, генералъ Риманъ, поднесъ походный образъ отъ армейскихъ частей петербургскаго округа. Сцена прощанія Главнокомандующаго съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и съ другими особами Царствующаго Дома, пожаловавшими на проводы, произвела на присутствовавшихъ весьма сильное впечатлѣніе. Громкое „ура!" разразилось подъ высокими сводами вокзала, и затѣмъ уже не прерывалось до самаго отхода поѣзда.

Такихъ проводовъ давно не видалъ Петербургъ. Сравнить ихъ можно развѣ съ проводами Кутузова Москвою въ 1812 году. Великій Князь увезъ съ собою не только наши благословенія, но и наши надежды на блистательный успѣхъ святаго дѣла.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

VII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ неудачнаго сватовства Гурки и Олельковича—Слуцкаго, княгиня Беата собралась на богомолье, въ монастырь Св. Мартина, находившійся въ городѣ Вилкомирѣ. Эта поѣздка была ею предположена уже недѣли двѣ тому назадъ и всѣ о томъ знали въ домѣ. Монастырь Св. Мартина былъ построенъ въ концѣ XIV столѣтія, въ царствованіе Ягайло, который, женившись на Ядвигѣ, сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы вводить католичество въ литовскомъ краѣ. Беата особенно почитала этотъ старый монастырь и дѣлала на него большія пожертвованія. Она ѣздила туда нѣсколько разъ въ годъ въ сопровожденіи Антоніо. Гальшка тоже сопутствовала ей, если княгиня ужь очень настаивала на этомъ. На поѣздку обыкновенно полагалось недѣли двѣ, а иногда и больше—ѣхали медленно и въ монастырѣ проводили съ недѣлю.

Экипажъ княгини сопровождала большая свита.

Теперь рѣшено было не брать Гальшки — она дѣйствительно кажется нездорова, да и опасаться нечего. Изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, что князь Константинъ въ Острогѣ. Княгиня не замѣшкается въ дорогѣ, а вернувшись станетъ немедленно приготовляться къ переѣзду въ Краковъ. Да, Гальшка должна остаться дома, а то она слишкомъ утомится передъ большимъ предстоящимъ путешествіемъ.

Гальшка была очень довольна такимъ рѣшеніемъ. По крайней мѣрѣ, ее хоть на недѣлю оставятъ въ покоѣ, ей можно будетъ запереться у себя и никого не видѣть, ничего не слышать.

Утромъ, передъ самымъ отъѣздомъ, княгиня призвала Зосю, которая обыкновенно спала рядомъ съ комнатой Гальшки.

— Какъ провела эту ночь княжна? спросила она.

— Плохо, очень плохо, съ соболѣзнованіемъ отвѣтила Зося. Вотъ уже три ночи какъ княжна совсѣмъ почти не спитъ, а заснетъ, такъ во снѣ стонетъ.. Нынче два раза вставала, зажигала огонь, читать принималась... только утромъ заснула—я и будить ее не велѣла...

„Нѣтъ, рѣшительно ей не слѣдуетъ ѣхать"! подумала Беата, отходя отъ зеркала, передъ которымъ кончала свой туалетъ.

Зося почтительно и неподвижно стояла, ожидая приказаній.

Что-то выпало изъ рукъ княгини и покатилось по полу.

— Подними, пожалуйста, Зося, разсѣянно проговорила княгиня.

Дѣвушка быстро нагнулась, нашла кольцо и подала его Беатѣ.

Та взяла его даже не поблагодаривъ, машинально положила на маленькій столикъ и сама сѣла возлѣ.

— Ты, кажется, собиралась ѣхать съ нами, Зося? нѣтъ, ужь лучше останься съ княжною—и пожалуйста, чтобъ все было тихо, чтобы никто ея не безпокоилъ...

Зося сама хотѣла просить позволенья остаться съ Гальшкой. Княжна не совсѣмъ здорова, скучать будетъ; она постарается развлечь ее, станутъ вышивать вмѣстѣ... Княгиня Беата довѣряетъ Зосѣ больше, чѣмъ другимъ; но все же она болѣзненно мнительна, каждое слово взвѣшиваетъ, во всемъ какой-нибудь умыселъ подозрѣваетъ — съ ней нужно быть очень осторожной. А тутъ она сама избавляетъ отъ всякихъ затрудненій, сама велитъ остаться.

— Хорошо, я останусь, тихо произнесла Зося, дѣлая грустную мину, какъ будто-бы ей очень хотѣлось ѣхать и она теперь огорчена не на шутку.

Княгиня замѣтила эту мину.

— Ахъ, да поѣзжай, если такъ ужь тебѣ трудно исполнить мое желаніе! раздражительно замѣтила она.

— Развѣ я что нибудь сказала, княгиня? Я останусь, я очень рада остаться съ княжною... А теперь пойду къ ней, посмотрю—можетъ быть она проснулась.

И она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Чрезъ часъ княгиня выѣзжала.

Отецъ Антоніо, встрѣтясь съ Зосей, шепнулъ ей:

— Хорошо, что ты остаешься, не отходи отъ княжны... За Виліей въ лѣсахъ, говорятъ, стаи волковъ показались — княгиня весь отрядъ беретъ съ собою, въ замкѣ остаются только слуги.

— Чего же намъ бояться, отецъ мой? пожала Зося плечами, пристально глядя въ глаза іезуиту. Неужто же въ Вильнѣ нападать станутъ—такъ вѣдь и двери крѣпки, и сосѣди услышатъ... А если кто захочетъ пробраться къ княжнѣ, чтобъ напугать ее, такъ опять я говорю: двери крѣпки... Благословите меня, отецъ мой!

Зося низко наклонила передъ нимъ свою хорошенькую голову.

Онъ, благословляя ее, не видѣлъ ея лица,—но если-бы онъ теперь заглянулъ ей въ глаза — то навѣрное заставилъ-бы Беату отложить поѣздку и остаться дома.

Княгиня передъ самымъ отъѣздомъ зашла проститься съ дочерью и нашла ее дѣйствительно очень блѣдной и слабой. Когда она, обнимая Гальшку, положила свою руку ей на плечо, то Зося, стоявшая возлѣ, такъ и

Библиотека "Руниверс"

впилась глазами въ эту руку. Какое-то неуловимое выраженіе пробѣжало у ней по лицу; но она тотчасъ же справилась съ собою и снова казалась совершенно спокойной.

Экипажи были поданы. Вооруженный отрядъ, на коняхъ и въ красивыхъ костюмахъ, выстроился на обширномъ дворѣ, приготовляясь провожать княгиню.

Минутъ черезъ десять всѣ выѣхали и сторожъ заперъ засовами тяжелыя ворота.

Зося стояла у окна, нетерпѣливо дожидаясь. Только что закрыли ворота, она поспѣшила въ уборную княгини.

Служанка еще не успѣла прибрать комнаты.

Зося подбѣжала къ маленькому столику. Кольцо, поднятое ею и въ разсѣянности позабытое княгиней, лежало на прежнемъ мѣстѣ. Она жадно схватила это кольцо и пристально, пристально разсматривала его. Глаза ея горѣли, она вся покраснѣла отъ волненія и тяжело дышала. Что-то рѣшительное, злое, торжествующее выражалось въ лицѣ ея.

Ей хотѣлось хохотать, пѣть. Она спрятала дрожащими руками кольцо въ свой корсажъ и, даже не зайдя къ Гальшкѣ, поспѣшно одѣлась и вышла изъ замка чернымъ ходомъ.

Глухими закоулками и задворками спѣшила Зося.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ Вильны стоялъ старый домъ, окруженный высокимъ заборомъ и густо разросшимся садомъ. За угломъ, гдѣ начинался узенькій, грязный переулокъ, въ садъ была продѣлана маленькая калитка, которую сразу даже трудно было примѣтить. Но Зося очевидно была здѣсь уже не въ первый разъ. Она оглянулась во всѣ стороны, убѣдилась, что кругомъ никого нѣтъ, вынула изъ кармана ключъ и отперла калитку. Шмыгнуть въ нее и плотно захлопнуть ее за собою было для нея дѣломъ одной секунды.

Она очутилась въ саду, среди высокихъ глыбъ ярко горѣвшаго на солнцѣ снѣга. Отъ калитки шла прочищенная, но уже занесенная ночною метелью тропинка. Снѣгъ забивался въ башмаки Зоси — она даже стала ворчать и браниться. Но вотъ тропинка вывела ее изъ сада и она очутилась передъ стѣной дома. Тутъ была запертая дверь. Зося постучалась. Никто не отворялъ ей. Она подождала немного и стала опять стучаться, но уже громче. „А вдругъ никого нѣтъ, а вдругъ онъ не дождался и уѣхалъ?!“ подумала она и даже поблѣднѣла при этой мысли. „Въ послѣдній разъ онъ такъ сердился, что ему надоѣло ждать попусту.. Ну, ужъ человѣкъ! трудно съ нимъ поладить... А вѣдь если уѣхалъ, такъ что-же теперь?! Вѣдь тогда все пропало!“ Она стала просто приходить въ отчаянье и принялась стучать еще громче.

Наконецъ ее услышали. Изнутри раздались шаги. Кто-то спускался съ лѣстницы, повозился съ дверью. Дверь подалась и отворилась.

— Кто тутъ? А, это вы, панечка,—пожалуйте!

— Чтожь не отпирали? стучала, я стучала... тутъ у васъ можно замерзнуть и никто не услышитъ... Графъ дома?

Голосъ ея дрогнулъ—а вдругъ скажутъ. нѣтъ его—уѣхалъ. Что тогда?!

— Дома, дома—войдите.

Зося глубоко вздохнула и нетерпѣливо, радостно побѣжала по крутой каменной лѣстницѣ. Отворившій ей слуга литвинъ едва поспѣвалъ за нею.

Войдя на верхъ, она прошла рядъ пустыхъ, довольно плохо меблированныхъ и пыльныхъ комнатъ. Литвинъ стукнулъ у запертой двери и, услыша голосъ, сказавшій: „можно!“, впустилъ Зосю.

Съ низенькаго восточнаго дивана ей на встрѣчу поднялся графъ Гурко.

— А, наконецъ-то ты заглянула, моя милая пташка, наконецъ то обо мнѣ вспомнила. Ну что? опять ждать? Да вѣдь пойми — ты сказала: дня три, четыре, а ужь теперь двѣ недѣли прошло—и все нѣтъ никакого толку; вѣдь я въ это время успѣлъ бы съѣздить въ Краковъ и вернуться... Только водишь ты меня за носъ и ничего больше. .

Гурко началъ говорить съ большою досадой, но кончилъ довольно ласково и шутливо. Онъ взглянулъ на Зосю—разрумяненная, съ лицомъ еще застывшимъ отъ мороза, съ блестящими смѣлыми глазами, она показалась ему очень хорошенькой и заманчивой.

— Садись, садись, птичка; сказывай: съ чѣмъ пожаловала.

И онъ взялъ ее за руки, посадилъ на диванъ, и самъ сѣлъ рядомъ съ нею, не выпуская ея рукъ и пожимая ихъ своими худыми, жилистыми руками.

— Ишь вѣдь озябла—холодныя какія ручки

Онъ начиналъ глядѣть на нее очень нѣжно.

— Съ того бы начать надо, графъ, спросить: съ чѣмъ пожаловала, а не накидываться съ попреками, ничего еще не узнавши. Хорошую вѣсточку принесла я тебѣ, даже сама не чаяла, что такъ оно выйдетъ.

— Что такое?—говори скорѣе!

Зося была теперь почти увѣрена въ торжествѣ своемъ, въ полной возможности исполненія своего плана—недаромъ она его обдумывала и такъ и этакъ, ломала свою хитрую голову. А тутъ еще сама судьба даетъ ей оружіе въ руки, да такое оружіе, о которомъ она даже и не мечтала. Въ послѣднее время она рѣшительно не могла дать себѣ отчета въ томъ, что творилось съ ея сердцемъ Ей казалось, что ея безумная любовь къ Антоніо совсѣмъ прошла. Когда она встрѣчалась съ нимъ, она чувствовала только одно желаніе—измучить его, посмѣяться надъ нимъ, насладиться его отчаяніемъ.

Сознаніе, что она способствуетъ его горю, тайно и хитро разставляетъ ему сѣти въ то время, какъ онъ и не подозрѣваетъ объ этомъ и совершенно полагается на ея преданность—доставляло ей безконечное наслажденіе. Ея мученій, ея тоски какъ не бывало. Она вся, всѣми своими помыслами и чувствами, ушла въ интригу, и жила ею, и въ ея удачѣ находила счастіе. Относительно Гальшки она успокоила себя тѣмъ, что та сама же объявила, что ей рѣшительно все равно, чтобы ни сдѣлали съ нею—хуже ей не будетъ.

Теперь, въ этой огромной, пыльной комнатѣ графа Гурки, на нее нашелъ какой-то припадокъ ребяческаго веселья. Ей хотѣлось шалить, хотѣлось вполнѣ насладиться предстоящей сценой, выдавать Гуркѣ свой планъ понемногу, подразнить его, поиграть съ нимъ...

— Нѣтъ, графъ, постой — я устала, дай отдохнуть сначала, разсказать все подробно еще поспѣю...

И она кокетливо прислонилась къ шелковой подушкѣ дивана.

— Ну, не дурачься, панночка, говори скорѣй!

— А чѣмъ отплатишь за это? я дорого цѣню каждое свое слово.

Она смѣялась, сверкала глазами и показывала на розовыхъ щекахъ самыя соблазнительныя ямочки.

Гурко просто заглядѣлся на нее.

„Да она прелесть какая хорошенькая!“ думалъ онъ. „Будь у этой дѣвочки милліона три, четыре приданаго и не посмотрѣлъ бы я на то, что она простая шляхтянка—сразу бы предложилъ ей и руку и сердце... Ну, а теперь не взыщи, коханка, только сердце и могу предложить тебѣ“...

— Чѣмъ отплачу? шутливо заговорилъ онъ, улыбаясь своимъ большимъ ртомъ съ неровными, широкими зубами. Проси чего хочешь, только не томи, говори скорѣе.

— А мнѣ лѣнь придумывать плату — самъ придумай.

Библиотека "Руниверс"

— Ничего я не пожалѣю для такихъ глазокъ.. Ну, скажи же, моя коханочка, свою новость.

Онъ наклонился къ ней, заглядывая ей въ глаза, опять взялъ ея маленькія, красивыя руки и сталъ цѣловать ихъ.

— Ого, графъ, такъ вотъ ты какъ! вскрикнула она, вырывая руки и смѣясь во весь голосъ. На мнѣ начинаешь учиться ухаживать за красавицей Гальшкой! Стыдись — ну, зачѣмъ ты цѣлуешь мои дрянныя руки, когда скоро, можетъ быть, будешь цѣловать самыя прекрасныя ручки въ мірѣ... Или ты такъ влюбленъ, что тебѣ всюду мерещится твоя красавица. И теперь чудится, что передъ тобою не я, а она.

Гурко дѣйствительно начиналъ немного забываться, по своему обычаю. Онъ и думать забылъ о томъ, какую гадкую роль играетъ. Онъ нѣжно отвѣтилъ Зосѣ.

— Ничего мнѣ не чудится, птичка; а вижу я только одно — что ты прелесть, что ты ничуть не хуже Гальшки... Отчего же мнѣ и не цѣловать твои маленькія, славныя ручки.

Зосѣ даже стало неловко. Ей невольно было стыдно за него. Но это продолжалось только секунду. Онъ сравнилъ ее съ Гальшкой, сказалъ, что она ничуть ея не хуже. Она была большаго мнѣнія о своей красотѣ и тщательно и ежедневно изучала ее передъ зеркаломъ. Но все же ей никогда и во снѣ не снилось, чтобы кто нибудь могъ сравнить ее съ Гальшкой. Вѣдь Гальшка неслыханная, невиданная красавица, вѣдь на нее молиться хочется... Что-жь это онъ насмѣхается что-ли надъ нею? Нѣтъ, онъ не смѣется, онъ глядитъ такъ нѣжно и сладко — этотъ противный Гурко... Вѣдь вотъ нашелся же человѣкъ, который считаетъ ее прелестной даже рядомъ съ Гальшкой!...

Дмитрій Петровичъ Дохтуровъ.
Рис. Веженинъ, грав. Боярскій.

И Зосѣ невольно представился Антоніо — и въ эту минуту она ненавидѣла не его одного, она ненавидѣла и Гальшку...

Она взглянула на Гурку, и Гурко показался ей далеко не такимъ противнымъ, какъ прежде. Сознательно или безсознательно, но ничего лучшаго онъ и не могъ придумать, какъ сказать ей, что она не хуже Гальшки.

— Зачѣмъ ты такъ зло смѣешься надо мною, проговорила Зося, надувая губки и граціозно притворяясь обиженной.—Только въ насмѣшку и можно сравнить меня съ такой красавицей. По всей Литвѣ и Польшѣ говорятъ, и говорятъ справедливо, что никогда не родилась еще такая красота на свѣтъ Божій... Я ничего тебѣ не сдѣлала дурнаго, графъ; я за тебя же хлопотала изъ всѣхъ силъ моихъ... но послѣ обиды и насмѣшки, не взыщи—я для тебя ничего не стану дѣлать...

Она даже приподнялась съ дивана и сдѣлала видъ, что хочетъ уходить.

Гурко удержалъ ее и схватился за ея платье.

— Что ты, что ты—Господь съ тобою! Я надъ тобой насмѣхаюсь?! Видно мало ты глядишься въ зеркало, что такого плохого о себѣ мнѣнія .. Да, княжна Острожская, или какъ ты ее называешь — княгиня Сангушко (для меня это все одно) хороша; но, право, объ ней гораздо больше кричатъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Къ тому же у всякаго свои глаза и свой вкусъ—я, признаюсь, не очень люблю такихъ блѣдныхъ, святыхъ лицъ какъ у Мадонны... Я не молиться хочу на женщину—я живой человѣкъ и жизнь люблю. По мнѣ то ли дѣло эти черные хитрые глазки, эти розовыя щечки и веселыя на нихъ ямки...

Гурко окончательно забылся. Иногда онъ дѣлался нахально, откровенно циниченъ и теперь на него нашла именно такая минута.

Зося далеко не прочь была выслушивать такіе комплименты. Онъ говорилъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво. Ей самой ужь начинало казаться, что пожалуй онъ и правъ. Точно— Гальшка слишкомъ похожа на святую, въ ней мало жизни... и теперь она такъ блѣдна и худа! И вотъ высокое мнѣніе о своей красотѣ съ необычайной быстротою разросталось въ Зосѣ. Она такъ хороша, она лучше знаменитой, всѣми прославляемой красавицы! У нея голова закружилась отъ гордости и счастья...

Но все же она остановила Гурку.

— Еслибъ даже это и была правда, что ты говоришь — а это неправда и ужасная, ужасная глупость! — то все же, развѣ ты смѣешь, графъ, говорить мнѣ это?! Ты собираешься жениться на княгинѣ Гальшкѣ, я хлопочу для того, чтобъ устроить тебѣ это дѣло, а ты вдругъ такой вздоръ болтаешь... Я думала—ты влюбленъ въ Гальшку — иначе не стала бы помогать тебѣ...

— Послушай, коханая Зося, отвѣтилъ Гурко.—Ты дѣвушка умная—разбери же хорошенько: развѣ я долженъ непремѣнно быть влюбленнымъ, чтобъ хотѣть жениться. Посмотри на всѣхъ магнатовъ нашихъ—развѣ они по любви женятся? Женитьба должна приносить богатство, упрочивать связи. Чтоже бы сталось со всѣми нашими старыми родами, еслибъ мы женились безъ всякаго расчета. Въ какихъ нибудь сто лѣтъ ничего не осталось бы отъ родовыхъ богатствъ и всѣ мы превратились бы въ нищихъ. Нѣтъ—намъ бракъ не любовь сулитъ, да иначе и быть не можетъ, пока мы будемъ заботиться о себѣ и о дѣтяхъ нашихъ, пока не захотимъ хлопскаго царства... Такъ не смотри же такъ сурово, моя ласточка; сердце не камень, а отъ твоихъ глазокъ и камень теплѣе станетъ...

Библиотека "Руниверс"

Патріархъ Іовъ и Московскій народъ просятъ Бориса Годунова на царство. Оригинальный рисунокъ Медвѣдева, грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

Хорошо и разумно говорилъ „панъ грабя". Еслибъ онъ былъ покрасивѣй да помоложе, да еслибы сердце Зоси не устало теперь отъ всѣхъ своихъ волненій, не наполнено было жгучей, страстной ненавистью къ Антоніо, онъ, пожалуй, побѣдилъ бы ее, съумѣлъ бы внушить ей свои мысли и чувства.. Но въ настоящую минуту Зося могла плѣниться только однимъ — могуществомъ красоты своей—самъ же „панъ грабя" и не существовалъ для нея.

Она вспомнила, что слишкомъ засидѣлась, что ей пора домой, къ Гальшкѣ.

Она рѣшительно поднялась съ дивана, оставляя Гурку на почтительномъ отъ себя разстояніи.

— Можетъ быть ты и правъ, только бросимъ все это, серьезно сказала она.—Вотъ ты, кажется, совсѣмъ забылъ, что самъ же торопилъ меня говорить скорѣе мою новость. Мнѣ ужъ и домой пора, а я еще не сказала ни слова...

На Гурку подѣйствовала ея серьезность. Онъ сообразилъ, что она права. Дѣло, дѣло, прежде всего дѣло! Передъ нимъ соблазнительно мелькнула цифра огромныхъ доходовъ Гальшки и возбудила всю природную его алчность, при которой немедленно замолкали остальныя чувства... Вѣдь Зося не уйдетъ отъ него, будетъ еще время — она такая разсудительная, сговорчивая дѣвочка...

— Ну хорошо, хорошо, сказалъ онъ, откидываясь на подушку.—Въ чемъ же дѣло?

— Княгиня Беата уѣхала недѣли на полторы въ Вилькомиръ, на богомолье...

— А Гальшка?

— Гальшка осталась дома и я съ нею.

— А отецъ Антоніо?

— Разумѣется съ княгиней, и на этотъ разъ ихъ сопровождаетъ весь нашъ отрядъ, да штукъ семь рыдвановъ, человѣкъ по шести въ каждомъ.

— Вотъ это хорошо, вотъ это хорошо! даже вскочилъ и заволновался Гурко.—Такъ значитъ украсть можно невѣсту? да? ты мнѣ въ этомъ поможешь, Зося?

— Не больно торопись, панъ грабя! Все же мы въ Вильнѣ, а въ домѣ остались люди. Тихо, безъ шуму и драки можно украсть невѣсту только тогда, когда она сама согласна, чтобъ ее украли. А развѣ ты сговорился съ княгиней Гальшкой, развѣ она потерпитъ новый срамъ и убѣжитъ съ тобою... плохо, видно, ты ее знаешь!

— Ну такъ какъ же? я и ума не приложу...

— А вотъ какъ: при тебѣ она сказала, что выйдетъ за того, за кого прикажетъ княгиня?

— Да.

— Она отъ своихъ словъ не отопрется. Ужъ больно измучила ее матушка родная, да и тоска-кручина. Не разъ она мнѣ говорила: „прикажетъ матушка—за кого хочетъ, за того и пойду, мнѣ все равно, хуже не будетъ!" Ну ужъ, графъ, отказалась бы я отъ такой невѣсты, невольно докончила Зося.

— А я не откажусь, рѣзко замѣтилъ Гурко.

— Твое дѣло... Ну, такъ вотъ что: значитъ ее надо увѣрить, благо уѣхала княгиня, что та поладила съ тобою и тебя выбрала въ мужья ей.

— А если она не повѣритъ? Нѣтъ это что-то неладно, Зося!

— Я и сама думала, голову ломала, какъ бы такое выдумать, чтобъ она не сомнѣвалась. Положимъ, она не то, что другая... Богъ ее вѣдаетъ, гдѣ иной разъ ея мысли: ясное, какъ день бѣлый, дѣло, всѣмъ видно, а ей и не въ домекъ, она и не замѣчаетъ... Увѣрить да обойти ее не трудно, а все же, въ такомъ случаѣ, и съ ней нужно ловко придумать...

— Вотъ то-то и есть, задумался Гурко.—Развѣ сказать ей...

— Ничего не сказать! Лучше и не придумывай—все равно пустое скажешь. Все ужъ безъ тебя придумано, да такъ придумано, что лучше и быть не можетъ... Не даромъ я бѣжала къ тебѣ, ногъ подъ собой не слыша...

И Зося опять стала кокетничать, дразнить Гурку.

Онъ бросился къ ней, силою ее обнялъ и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, звонко поцѣловалъ ее въ губы.

— Говори, говори, не томи—не то я тебя на смерть зацѣлую, дьяволенокъ ты этакій!

— Что же это въ самомъ дѣлѣ!—возмутилась и даже отплюнулась Зося.—Если ты еще хоть пальцемъ меня тронешь, то—вотъ клянусь тебѣ Іисусомъ и Дѣвой Маріей—замолчу я, и не услышишь ты отъ меня ни одного слова...

— Ну, прости, не буду—и вѣдь сама же ты виновата—зачѣмъ меня мучишь...

— То-то! садись-ка, панъ грабя, смирно и слушай. Только вотъ что, напередъ уговоръ: дѣлать все такъ, какъ я знаю, и мнѣ ни въ чемъ не перечить. Послушаешь меня, не станешь торопиться, такъ ровно черезъ полторы недѣли, слышишь—черезъ полторы недѣли не раньше, не позже, княгиня Гальшка будетъ твоей женою...

И она стала передавать ему свой планъ. Онъ слушалъ молча, я удивлялся ея хитрости, и любовался ею. „Вотъ такъ бѣсенокъ! думалъ онъ. Ну нѣтъ, такую Зосю и съ милліонами взять за себя страшно. Съ нею всякій день опасаться нужно... И обманетъ, и проведетъ, и отравитъ, чего добраго, если захочетъ... а сама и бровью не поведетъ! Бѣсенокъ".

VIII.

Тихо стало въ домѣ княгини Беаты — никто не рѣшался посѣщать Гальшку въ отсутствіе матери, да и трудно было предположить, что она кого-нибудь приметъ. Между женщинами у нея не было друзей, она ни съ кѣмъ не сближалась. Ея тоскливый, сосредоточенный видъ, полная апатія ко всему окружающему, избавляли ее отъ женской навязчивости. Объ ней было много толковъ и подъ конецъ всѣ рѣшили, что если такъ будетъ продолжаться, если что-нибудь не оживитъ ея, то врядъ ли она долго проживетъ на свѣтѣ. Она слишкомъ тоскуетъ, она чахнетъ. бѣдняжка! Почти всѣмъ, конечно, была подробно извѣстна ея исторія. Многіе обвиняли Беату. Передавались даже росказни и слухи, что и теперь она всячески мучитъ дочь, бьетъ и запираетъ. Вообще княгиня не пользовалась почти ни чьимъ расположеніемъ, да она, по правдѣ, и не заботилась объ этомъ. Если она поддерживала знакомства, то только по необходимости и иногда слишкомъ явно показывала что тяготится гостями.

Какъ бы то ни было, всѣ жалѣли Гальшку и считали ее жертвой. Но никому и въ голову не приходило серьезно вознегодовать на Беату и открыто выразить презрѣніе, котораго заслуживали ея поступки. Княгиня была слишкомъ знатна и богата и раздражать ее не приходилось. Почти каждый могъ ожидать отъ нея себѣ выгодъ и долженъ былъ бояться зла, на которое она была способна по общему мнѣнію. И всѣ какъ-то осторожно сторонились отъ Гальшки за исключеніемъ холостыхъ магнатовъ, видѣвшихъ въ ней необыкновенно богатую невѣсту...

По отъѣздѣ матери Гальшка заперлась въ своихъ комнатахъ и допускала къ себѣ только Зосю. Она чувствовала себя очень утомленной и тѣломъ, и душою. Страшная безнадежность и апатія, охватившія ее въ послѣднее время, усиливались въ ней съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой. Прежде она все-таки жила, отличала жизнь и время хоть бы по своимъ страданіямъ, слезамъ и грезамъ. Теперь же какъ будто жизнь для нея остановилась—не было уже ни грезъ, ни мученій. Она не плакала, ея сердце не тосковало по по-

Библиотека "Руниверс"

гибшемъ мужѣ, ея мысль не возвращалась къ прошлому. Ничто ее не волновало и не тревожило. Она совершенно машинально пила, ѣла, читала и занималась какой-нибудь ручной работой. Высшее для нея благо былъ сонъ, еслибъ она могла только, она бы спала цѣлыя сутки; но сонъ ея неслушался — она часто и по ночамъ страдала безсонницей. Она рада была если, проснувшись утромъ, замѣчала, что уже довольно поздно. Иногда по цѣлымъ днямъ единственной ея заботой было отсчитывать часы и ждать приближенія ночи. Но въ такіе дни, какъ нарочно, время тянулось ужасно долго. Сначала она часто думала о князѣ Константинѣ и даже строила одно время планы какъ бы убѣжать къ нему или, по крайней мѣрѣ, тайно съ нимъ увидѣться. Теперь она и о немъ перестала думать. Она убѣдилась, что всѣ ея планы неосуществимы, что ее стерегутъ какъ дикаго звѣря и малѣйшая ея попытка будетъ сейчасъ же обнаружена. Если дядя не является, если онъ до сихъ поръ не увидался съ нею, значитъ и для него это невозможно — при первой же возможности онъ навѣрное будетъ здѣсь—въ этомъ она не сомнѣвалась. Но когда это будетъ?! Она ждала, ждала; но теперь и ждать перестала, какъ будто даже забыла своего любимаго дядю. Острогъ и ея жизнь тамъ представлялись ей чѣмъ то ужасно далекимъ, какъ будто даже и не бывшимъ совсѣмъ въ дѣйствительности.

Такое душевное состояніе, пожалуй, со стороны могло показаться лучше, чѣмъ слезы, мученья и острое отчаяніе.

Но что-то ужасное, что-то невыносимое было въ этомъ мертвомъ спокойствіи, въ этой безсознательно охватившей Гальшку жаждѣ смерти. Еслибъ не ея вѣра, еслибъ не молитва, вызывавшая иногда облегчающія слезы, она бы, не задумываясь, убила себя самымъ страшнымъ образомъ. Смерть была для нея высочайшимъ и, какъ ей казалось, недостижимымъ блаженствомъ...

Прошло ужъ полторы недѣли со дня отъѣзда княгини Беаты. Давно смерклось. Гальшка велѣла растопить большой очагъ въ одной изъ комнатъ, присѣла къ огню, да такъ и замерла глядя на огонь, слѣдя за его движеніемъ и переливами. Зося, еще недавно бывшая съ нею, ушла куда-то. Вотъ мало по малу глаза Гальшки стали смыкаться. Ахъ, если-бы заснуть! — и она дѣйствительно скоро забылась въ полудремотѣ...

Между тѣмъ Зося скользнула узенькимъ, длиннымъ корридоромъ, спустилась съ темной лѣстницы и почти неслышно отодвинула небольшіе, но крѣпкіе засовы наружной двери. Большіе дома въ то время строились непремѣнно съ разными замаскированными, потайными ходами. Мало ли что могло случиться, мало ли на что могли понадобиться такіе ходы.

Зося уже заранѣе подготовила все, что ей было нужно. Она озабоченнымъ голосомъ объявила всѣмъ, что княжна сегодня нездорова и проситъ не тревожить ея весь вечеръ, велѣла даже запереть двери, ведущія въ ея покои. Такимъ образомъ она могла быть совершенно спокойна, что никто ничего не услышитъ и не увидитъ, что бы ни творилось у Гальшки. Домъ былъ огромный, а „покоями княжны" называлась цѣлая анфилада комнатъ. Потайной корридорчикъ шелъ именно отсюда, комнаты за четыре отъ той, гдѣ теперь сидѣла Гальшка—слѣдовательно въ него невозможно было проникнуть, не нарушая мнимаго, но весьма правдоподобнаго запрещенья княжны. Да и кто, за какою надобностью пойдетъ сюда?!

Одна только тревога и была у Зоси — это сторожъ въ дальнемъ закоулкѣ задняго двора, гдѣ находилась калитка, откуда можно было пробраться къ потайной дверкѣ. Но и со сторожемъ оказалось не много хлопотъ. Гурко разщедрился и вручилъ Зосѣ изрядную сумму денегъ. Сторожъ, увидѣвъ блестящія монеты въ огромномъ, по его мнѣнію, количествѣ, пришелъ въ дикій восторгъ. Онъ поклялся, что будетъ нѣмъ какъ рыба и впуститъ въ калитку хоть цѣлую Вильну. Да лучше вотъ что: онъ отопретъ калитку, а самъ, чтобъ не быть въ отвѣтѣ, убѣжитъ—земля велика, а съ такими деньгами онъ такъ запрячется, что и въ жизнь его не сыщетъ княгиня... Зося отперла дверку и прислушалась. Пусто на дворѣ, тихо. Ночь черная—зги не видно. Она кинулась къ калиткѣ—отворена. Сторожа нѣтъ. Издали донеслись мѣрные удары, каждый часъ отбиваемые съ вышки виленской ратуши. Условное время—теперь они скоро явятся...

И точно — за калиткой послышались тихіе голоса, скрипнулъ снѣгъ. Калитка отворилась. Зося тихонько кашлянула три раза, ей отвѣтили тѣмъ же... Они! Ужъ можно различить нѣсколько крадущихся фигуръ...

— Зося! гдѣ ты? прошепталъ голосъ Гурки.

— Здѣсь, здѣсь, тише...

И она однаго за другимъ стала вводить таинственныхъ гостей въ открытую дверцу.

Съ Гуркой было семь человѣкъ. Въ числѣ ихъ находился и пасторъ.

Всѣ они медленно, безшумно поднимались по темной лѣстницѣ. Зося провела ихъ черезъ корридоръ и остановила въ слабо освѣщенной комнатѣ. Тяжелыя занавѣси были спущены на всѣхъ окнахъ. Двери, ведущія въ эту часть дома, были на запорѣ.

— Постой, я доложу Гальшкѣ, она здѣсь недалеко, шепнула Зося Гуркѣ.

Гальшка сидѣла по прежнему передъ огнемъ и дремала.

— Княгиня, ты спишь? вставай, вставай...

— Что такое? очнулась Гальшка, изумленно взглянувъ на нее своими чудными глазами.

Зося невольно потупилась передъ этимъ взоромъ. Что-то, похожее на упрекъ совѣсти кольнуло въ сердцѣ. Она не могла не сознавать, что коварно, безбожно предаетъ эту беззащитную, убитую горемъ женщину. Но другія побужденія заговорили сильнѣе совѣсти. Зося быстро справилась съ собою и начала тревожно и скоро.

— Я не знаю, что случилось, только графъ Гурко откуда-то пріѣхалъ, прямо съ дороги къ намъ, говоритъ что встрѣтился съ княгиней и привезъ тебѣ отъ нея какое-то порученіе.

Она уже двѣ недѣли тому назадъ успѣла сообщить Гальшкѣ, что Гурко уѣхалъ изъ Вильны тотчасъ же послѣ своего неудачнаго сватовства и отправился, кажется, въ Краковъ.

— Гдѣ же онъ могъ видѣть матушку? какое порученіе? усталымъ голосомъ проговорила Гальшка.

— Онъ проситъ тебя принять его, сейчасъ всё узнаешь...

— Ахъ, развѣ онъ не можетъ передать черезъ тебя... скажи ему, что я больна, что я раздѣта, что я никого не принимаю...

— Я такъ ужъ ему и сказала,—мнѣ не хотѣлось будить тебя, княгиня. Но онъ говоритъ, что долженъ объяснить все тебѣ самой и что дѣло спѣшное—иначе онъ бы не осмѣлился тревожить тебя вечеромъ, до завтрашняго дня бы дождался...

— Такъ неужели жь я въ самомъ дѣлѣ должна принять его?...

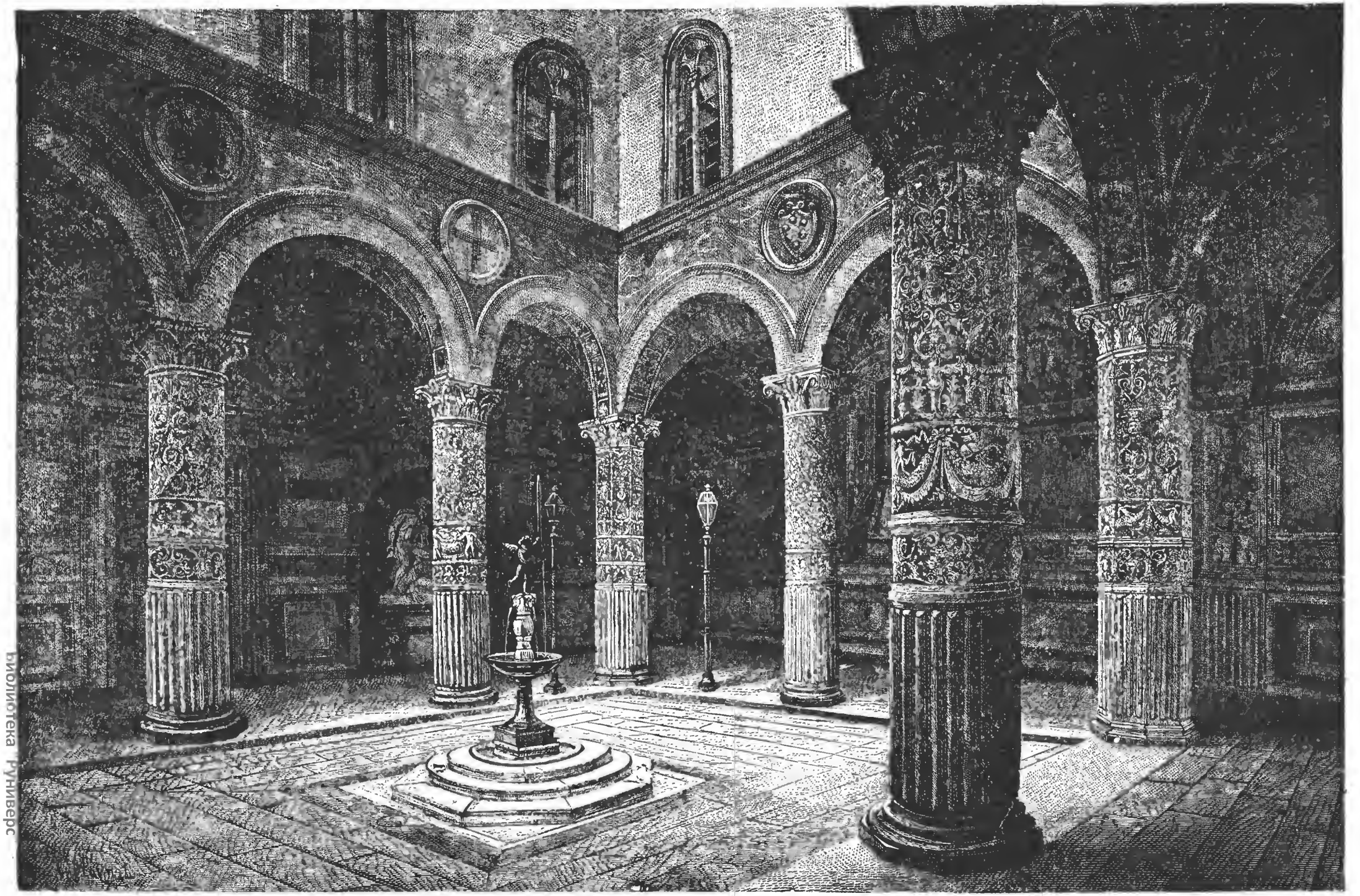
— Что-же дѣлать!... вѣрно важное что-нибудь... еще княгиня, пожалуй, сердиться будетъ...

— Ну хорошо, попроси его въ голубую комнату— тамъ кажется свѣтло... Только, пожалуста, будь тутъ же и не отходи отъ меня, Зося... Я сейчасъ выйду...

Гурко отослалъ четырехъ изъ своихъ сообщниковъ обратно въ темный корридоръ; пастора и двухъ другихъ оставилъ въ комнатѣ, а самъ послѣдовалъ за Зосей.

Библиотека "Руниверс"

C. Bauer del. et sculp. 1874



Дворъ Палаццо Веккіо во Флоренціи. Рис. Майно, грав. Самаровъ.

Библиотека Руниверс

Гальшка встрѣтила его молча, однимъ только изумленнымъ взглядомъ.

Онъ почтительно къ ней приблизился и заговорилъ очень бойко, даже съ улыбкой:

— Княгиня, я разстался съ вами въ очень печальную для меня минуту—ваша матушка отказала мнѣ въ рукѣ вашей, а вы прямо объявили, что полагаетесь на ея выборъ...

— Да, и я опять повторяю это: если моя мать непремѣнно будетъ настаивать, чтобъ я вышла замужъ— я выйду, но только по ея приказу... Да къ чему все это?! Вы, графъ, имѣете ко мнѣ порученіе отъ матушки?! Гдѣ и когда вы ее видѣли?

— Позвольте, княгиня—я даже не извиняюсь передъ вами за ту одежду, которую вы на мнѣ видите— я къ вамъ прямо съ дороги... мчался во весь духъ, лошадей загонялъ до смерти... я прямо изъ Кракова.

— Но матушка въ Вилькомирѣ... что все это значитъ?!...

Гальшка растерянно взглянула на Зосю и хотѣла выйти изъ комнаты.

— Ваша матушка не въ Вилькомирѣ, она въ Краковѣ, во дворцѣ королевскомъ, поспѣшно сказалъ Гурко. Выслушайте меня, княгиня... Когда мнѣ отказали въ рукѣ вашей, я сообразилъ только одно: не вы мнѣ отказали, а княгиня Беата Андреевна. Я зналъ, что все это оттого, что я не католикъ... католичество, простите меня, это печальная слабость княгини, но изъ-за такой слабости, смѣю сказать, каприза, я не могъ же отказаться отъ счастія всей моей жизни. Я рѣшился бороться. Я сейчасъ же отправился къ королю въ Краковъ. Нашъ добрый король принялъ во мнѣ горячее участіе и согласился помочь мнѣ. Онъ послалъ нарочнаго гонца къ княгинѣ съ приказомъ, чтобы она немедленно пріѣхала въ Краковъ. Онъ присоединилъ къ этому формальному приказу свою письменную, собственноручную просьбу. Гонецъ встрѣтилъ княгиню на дорогѣ, только случайно узналъ ее, вручилъ ей королевскій приказъ и письмо и она, вмѣсто Вилькомира, пріѣхала прямо въ Краковъ. Король былъ моимъ сватомъ, а княгиня Беата Андреевна не рѣшилась отказать его настоятельной просьбѣ и желанію...

(Продолженіе будетъ).

Избраніе Бориса Годунова на Царство.

Иванъ Васильевичъ Грозный, по примѣру отца и дѣда, любилъ жить по царски и окружалъ себя восточнымъ великолѣпіемъ и блескомъ. Великолѣпіе и блескъ сопровождали его въ могилу. Тѣло царя было выставлено въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ подъ богатымъ чернымъ покровомъ, унизаннымъ жемчугомъ; множество свѣчей и лампадъ горѣло предъ иконами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными камнями. Много оставилъ послѣ себя Иванъ Васильевичъ всякихъ сокровищъ: золототканныхъ одеждъ, драгоцѣнныхъ камней, ожерелій, иконъ, дорогихъ сосудовъ, мѣховъ, всякаго оружія. Недаромъ гордился онъ при жизни своей казной, недаромъ щеголялъ ею передъ иностранцами; иностранцы удивлялись изобилію царскихъ сокровищъ и недоумѣвали, глядя на крайнюю нищету народа. Торжественность и азіатская роскошь дворцоваго обихода представляли странную противоположность съ грязной, бѣдной обстановкой жизни посадскихъ людей. Зубчатыя стѣны Кремля съ стрѣльницами и башнями, ярко росписанные соборы и государевы палаты, съ позолоченными куполами и кровлями рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ крошечныхъ деревянныхъ построекъ тогдашней Москвы.

Между тѣмъ, такой строй русской жизни былъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ историческихъ условій, сложившихся вѣками и получившихъ особенную силу въ послѣдніе годы царствованія Грознаго. Страшно обѣднѣлъ тогда русскій народъ отъ тяжелыхъ налоговъ и повинностей, непрерывныхъ войнъ, отъ произвола царскихъ любимцевъ и слугъ, взяточничества приказовъ въ столицѣ, воеводъ и дьяковъ за предѣлами ея. Внутренняя торговля стѣснялась множествомъ сборовъ и пошлинъ и конкурренціей правительства, внѣшняя — была связана запрещеніемъ ѣздить за границу иначе, какъ съ особаго царскаго дозволенія. Промышленность была въ младенчествѣ, городъ продолжалъ быть огороженнымъ селомъ; городскіе жители занимались земледѣліемъ. Рѣдкость населенія, разобщенность мѣстъ, затруднявшая общественное развитіе, постоянное выселеніе безпокойныхъ и болѣе живыхъ элементовъ русскаго народа въ Литву, въ степи, за Уральскія горы—все это способствовало безпомощности народной массы. Потомки Рюрика и Гедимина, гордые своимъ родомъ и богатствомъ подняли было голову во время малолѣтства Грознаго, но мало по малу утратили всякое значеніе къ концу его царствованія и только втайнѣ занимались крамолами и доносами. Немало погибло ихъ въ пыткахъ и на плахахъ, немало томилось въ ссылкѣ и темницахъ; уцѣлѣли только боязливые и покорные послушники воли царской, пожертвовавшіе не только всякимъ проявленіемъ своей личности, которой они никогда особенно не дорожили, но и тѣмъ, что цѣнили дороже всего на свѣтѣ—внѣшнимъ признаніемъ своего превосходства надъ людьми болѣе низкаго происхожденія. Не потакалъ имъ и въ этомъ грозный царь, отдавалъ явное предпочтеніе людямъ низкаго происхождевія: жаловалъ мѣста, приближалъ къ себѣ. Роптали, гнѣвались родовитые люди про себя, но волей-неволей кланялись и уступали дорогу царскимъ любимцамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, потомокъ татарскаго мурзы, Чета, принявшаго крещеніе въ XIV вѣкѣ.

Борисъ Ѳедоровичъ, съ малолѣтства воспитанный при дворѣ, вмѣстѣ съ сестрой своей Ириной, приблизился къ царю, благодаря браку своему съ дочерью царскаго любимца, Малюты Скуратова, и браку царевича Ѳедора на Иринѣ.

Могъ также Борисъ заслужить расположеніе царя и своими личными достоинствами: красивый собою, сладкорѣчивый, умный и хитрый, онъ рѣзко выдавался между тогдашними боярами. Ю у Ивана Васильевича не было постоянныхъ любимцевъ: всѣ были равны передъ нимъ въ минуты его гнѣва. Подъ конецъ своей жизни онъ все чаще и чаще обращалъ немилостивые взоры на Годунова и вѣроятно раздѣлался бы съ нимъ по своему, если бы не умеръ внезапно самъ.

Такимъ образомъ Борисъ не пользовался особеннымъ могуществомъ при жизни Грознаго, не имѣлъ силы и по смерти его и держался въ сторонѣ до самаго вѣнчанія на царство Ѳедора Ивановича, когда власть сама собою перешла въ его руки, благодаря дружбѣ, связывавшей его съ царицей Ириной, и полной неспособности царя Ѳедора.

По уму и даже наружности, Ѳедоръ Ивановичъ не имѣлъ ничего общаго съ сильными и дѣятельными московскими царями, собирателями земли русской. Онъ былъ небольшого роста, приземистъ, опухлъ; ястребиный носъ плохо гармонировалъ съ безсмысленной улыбкой, не сходившей съ лица его. Тяжелый, недѣятельный, онъ велъ тихую и однообразную жизнь, не пропускалъ ни одной церковной службы. Вернувшись отъ заутрени, царь садился за столомъ въ *комнатѣ* *), и принималъ молча близкихъ бояръ или говорилъ съ ними нѣсколько словъ тихимъ, медленнымъ голосомъ. Около девяти часовъ начиналась во дворцѣ обѣдня, затѣмъ слѣдовалъ обѣдъ, послѣ котораго Ѳедоръ Ивановичъ почивалъ часа три, иногда и меньше, въ томъ случаѣ, если отправлялся въ баню или смотрѣть кулачный бой или бой людей съ медвѣдями. Время между вечерней и ужиномъ царь проводилъ съ царицей, забавляясь кривлявіемъ и пѣніемъ шутовъ и карловъ обоего пола. Кромѣ того царь съ царицей еженедѣльно отправлялись на богомолье въ одинъ изъ ближайшихъ монастырей. Самый дворецъ сталъ походить на монастырь: то и дѣло раздавался колокольный звонъ; иногда самъ царь хаживалъ звонить на колокольню. Въ дворцовомъ обиходѣ водворилась небывалая простота, нарушаемая только въ торжественныхъ случаяхъ: особенныхъ праздникахъ, пріемѣ пословъ и т. п. Ласковый, тихій, милостивый царь тяготился земнымъ своимъ царствіемъ и «избывая мірской суеты и докуки» отсылалъ челобитчиковъ къ большому боярину Годунову. Скоро провѣдалъ русскій народъ, кто царствуетъ именемъ Ѳедора; не стало покою большому боярину отъ челобитчиковъ: ежедневно выжидали они его выхода изъ дворца и, низко кланяясь, молили о своихъ нуждахъ. Милостиво выслушивалъ ихъ Борисъ Ѳедоровичъ, разбиралъ тяжбы, заступался за обиженныхъ, щедро надѣлялъ вдовъ и сиротъ; но иногда считалъ нужнымъ показать видъ, что тяготится осаждавшими его челобитчиками, и скрывшись изъ дворца другимъ ходомъ, отправлялся на соколиную охоту или въ иное мѣсто, хотя новость власти нравилась и льстила ему. Хотѣлъ онъ также, чтобы объ этой власти провѣдали въ другихъ государствахъ, сталъ угощать пословъ отъ себя и посылать кормъ и богатые подарки, что не составляло для него большой тягости, такъ какъ ежегодный доходъ его вмѣстѣ съ жалованьемъ простирался до 937,000 рублей. Въ своихъ письмахъ къ англійской королевѣ Елизаветѣ Годуновъ постоянно писалъ, что го-

*) Комната въ собственномъ значеніи была кабинетомъ или вообще домашнимъ покоемъ.

Библиотека "Руниверс"

сударь оказалъ разныя милости англійскимъ купцамъ «любя тебя, сестру свою любительную, за *моимъ* челобитьемъ и жалованьемъ»... и обѣщалъ королевиныхъ гостей «держать подъ *своею* рукою въ великомъ береженьѣ»... Наконецъ и самъ царь приговорилъ съ боярами, чтобы ко всѣмъ государямъ отвѣтныя грамоты писать вмѣстѣ съ государевыми грамотами—«это царскому имени къ чести и прибавленію, что его государевъ конюшій и бояринъ ближній станетъ ссылаться съ великими государями».

Достигнувъ власти, Годуновъ сталъ отыскивать средства укрѣпить ее за собою. Какъ человѣкъ умный, онъ понималъ, что для него, случайно сдѣлавшагося правителемъ государства, нѣтъ иного пути удержать свое высокое положеніе, какъ только расположить къ себѣ народъ, устроить и успокоить государство. Ввиду всеобщей бѣдности и тяжелаго положенія служилыхъ людей *) соборъ 1584 года рѣшилъ отмѣнить такъ называемыя тарханныя грамоты, предоставлявшія монастырскимъ и владычнымъ землямъ разныя льготы и изъятія отъ общихъ платежей и повинностей. Но Борису невыгодно было возстановлять противъ себя духовенство, имѣвшее непослѣднее значеніе въ государствѣ, и тарханы остались въ прежней силѣ; благочестивый царь постоянно раздавалъ новые. Между тѣмъ необходимо было принять мѣры къ обезпеченію служилыхъ людей, необходимо было и Борису расположить ихъ къ себѣ; вслѣдствіе этого въ началѣ царствованія Ѳедора изданы были постановленія о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ **). Старѣйшіе изъ бояръ сильно возстали противъ этой мѣры, такъ какъ они, наравнѣ съ духовенствомъ пользовались правомъ перезывать на свои земли крестьянъ мелкихъ помѣщиковъ. Но Борису нечего было щадить интересы бояръ; онъ зналъ, что никакими уступками не расположить ихъ къ себѣ и не заставитъ признать свое первенство, а въ случаѣ открытаго сопротивленія, съ ними всегда можно было расправиться, какъ расправлялся Грозный. Борисъ не расчиталъ, что въ данномъ случаѣ возстановляетъ противъ себя и народную массу; не разсчиталъ и дальнѣйшихъ послѣдствій своей мѣры.

Крестьяне, лишившись права свободнаго перехода, спасались теперь бѣгствомъ отъ преслѣдованій помѣщиковъ. Число бѣглыхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и разбои не только по дорогамъ, но и на улицахъ самой Москвы. Помѣщики искали бѣжавшихъ, преслѣдовали ихъ и хуже прежняго угнетали крестьянъ, оставшихся на ихъ земляхъ. Изданный впослѣдствіи законъ о насильственномъ обращеніи въ холопы вольныхъ слугъ послужилъ поводомъ къ новымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ главной причиной зла, Борисъ принималъ противъ него разныя мѣры, но не могъ уничтожить его, какъ не могъ уничтожить взяточничества, которое также безплодно искони преслѣдовалось русскимъ правительствомъ. Недовольство Борисомъ Годуновымъ увеличивалось со дня на день; ему приписывалъ народъ свои новыя бѣды и Борисъ не могъ не знать этого. Здоровье царя было ненадежное; дѣтей пока у него не было, не смотря на усердныя молитвы, возсылаемыя царицей о чадородіи. Со смертью царя власть должна была сама собой ускользнуть изъ рукъ Бориса: въ Угличѣ подросталъ царевичъ Дмитрій и жива была племянница Грознаго, вдова ливонскаго короля Магнуса, насильно постриженная Борисомъ въ монахини, она имѣла малолѣтнюю дочь Евдокію. Наконецъ, на престолъ могъ быть посаженъ крещенный касимовскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ, царствовавшій одно время въ Москвѣ, по волѣ Грознаго. Только особыя обстоятельства могли выручить Бориса. Такими обстоятельствами можно считать: учрежденіе патріаршества въ Москвѣ и внезапныя несчастія, постигшія всѣхъ соперниковъ Бориса.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ).

Д. П. Дохтуровъ.

Молодымъ кавалергардскимъ офицеромъ Дмитрій Петровичъ Дохтуровъ поступилъ, въ 1857 году, въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Окончивъ курсъ наукъ съ отличнымъ успѣхомъ, онъ имѣлъ случай приложить къ дѣлу свои познанія, въ качествѣ боеваго офицера на Кавказѣ, гдѣ былъ раненъ. Впослѣдствіи онъ командовалъ шесть лѣтъ кавалерійскимъ полкомъ въ Виленскомъ военномъ округѣ. Такимъ образомъ и административная, и военная часть ему вполнѣ извѣстны. Сверхъ того, г. Дохтуровъ обладаетъ такъ сказать, умѣньемъ покорять сердца, своими свѣтлыми воззрѣніями и сдержанными, скромными манерами, присущими всѣмъ истинно даровитымъ людямъ.

Недавнія событія на Балканскомъ полуостровѣ, пріостановившіяся въ настоящее время, не могли конечно пройти безслѣдно для Дмитрія Петровича. Онъ не могъ остаться спокойнымъ наблюдателемъ ихъ издали, и рѣшился идти на помощь къ несчастнымъ. Его пріѣздъ въ главную квартиру генерала Черняева былъ привѣтствованъ съ радостью. Обладая большою военною опытностью, какъ человѣкъ, прошедшій трудный путь военной жизни отъ младшихъ чиновъ до чина генеральскаго, Дмитрій Петровичъ, былъ конечно готчасъ же назначенъ на соотвѣтственный его способностямъ и положенію постъ. Назначеніе его начальникомъ штаба моравско-тимокской арміи составило событіе въ Делиградѣ и, по справедливости должно прибавить, событіе—отрадное.

Съ самаго прибытія своего въ штабъ означенной арміи, именно съ 18 августа, генералъ Дохтуровъ не только заявилъ себя человѣкомъ, обладающимъ основательными военными познаніями, но и замѣчательною храбростью. Въ всѣхъ дѣлахъ по 18 сентября включительно, его можно было видѣть въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ.

Въ памятный день 9 октября, когда турки овладѣли Креветомъ и смѣжными холмами и при восторженныхъ крикахъ двинулись впередъ по дорогѣ, ведущей въ Шельеговацъ, не встрѣчая сопротивленія, Генералъ Дохтуровъ, вернувшійся наканунѣ съ небольшаго сраженія при Зайчарѣ, лично принялъ начальство надъ *русскимъ резервнымъ батальономъ, повелъ его въ штыки противъ турокъ и прогналъ непріятеля съ горы, лежащей противъ Кревета.* Въ этой битвѣ Дмитрій Петровичъ проявилъ замѣчательную храбрость и хладнокровіе подъ непрерывнымъ огнемъ и спасъ армію отъ рѣшительнаго пораженія.

Разсказываютъ, что въ битвѣ при Джуниссѣ онъ подвергался страшному турецкому огню, какъ будто, по словамъ очевидцевъ, у него было 10 жизней вмѣсто одной.

Въ настоящее время Дмитрій Петровичъ, по причинѣ пріостановившихся военныхъ событій въ Сербіи, вернулся въ Петербургъ. На дняхъ въ Русскомъ Инвалидѣ напечатано: *опредѣляется въ службу*, по генеральному штабу: уволенный изъ полковниковъ, состоявшихъ по сему штабу, генералъ-маіоромъ, *Дохтуровъ*—въ генеральный штабъ, съ зачисленіемъ по оному, прежнимъ чиномъ полковника и съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго дѣйствующею арміею.

Къ рисункамъ.

Трудный выборъ.

(Картина Грютцнера).

Фрейлейнъ Амалія попала въ затруднительное положеніе.

Передъ нею два кавалера. Красивый живописецъ, веселый мужчина, съ бѣлыми изящными руками и карими глубокими глазами... Такого она едва-ли не въ первый разъ видитъ. Какъ галстукъ повязанъ у него благородно и какъ къ лицу ему бархатный пиджакъ! Право, онъ походитъ на странствующаго принца, а къ принцамъ вообще Фрейлейнъ Амалія питала особенное расположеніе съ того приснопамятнаго дня, когда высокопоставленное лицо привѣтливо ей улыбнулось. А другой—егерь Фридель? Тоже вѣдь статный мужчина, картинка, да и парень умный, дѣльный, только—онъ «свой человѣкъ», а потому и не имѣетъ такого обоянія, какъ «чужой» красивый художникъ.

— Н-да, все это такъ, размышляла Амалія,—но вѣдь Фридель не блестящій метеоръ, онъ не улетучится, ну, а тотъ, что въ бархатѣ, пожалуй, исчезнетъ, потомъ и не увидишь никогда. У егеря Фриделя въ сосѣднемъ приходѣ славный домикъ съ дворомъ... Молодой женѣ есть гдѣ развернуться, похозяйничать!

Вотъ, они ей предлагаютъ цвѣточки: живописецъ приподноситъ великолѣпную гвоздику, Фридель—розовый бутонъ и тоже гвоздику. Кого-же утѣшитъ? Какой *трудный выборъ*!

Дворъ палаццо Веккіо во Флоренціи.

Флоренція лежитъ въ плодородной прелестной равнинѣ по обѣимъ берегамъ рѣки Арно. Главная часть города, отстроенная на правомъ берегу, поражаетъ не столько оригинальностью зданій своихъ (какъ напр. другіе итальянскіе города—Венеція, Болонья и Генуя), сколько грандіозностью историческихъ и художественныхъ своихъ памятниковъ. Въ этомъ отношеніи только Римъ можетъ поспорить съ Флоренціей. Куда ни взглянешь—всюду видишь мраморные дворцы, бронзовыя статуи, колонны, фрески.

Вотъ, дворъ палаццо Веккіо. Съ этимъ дворцомъ связано

*) Въ тѣ времена основу войска составляли *служилые люди*, т. е. дворяне и дѣти боярскія, получавшія за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и являться по призыву государя *конны, людны* и *оружны*. Обязательство это исполнялось ими съ трудомъ, потому что крестьяне постоянно уходили отъ нихъ на земли болѣе богатыхъ помѣщиковъ.

**) До насъ дошелъ только позднѣйшій указъ 1597 года о всеобщемъ прикрѣпленіи крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

столько событій, что можно было бы написать о немъ цѣлую книгу. Палаццо Веккіо—дворецъ, похожій на замокъ, строгой архитектуры, является памятникомъ борьбы за гражданскую свободу. Постройка его началась въ 1298 г. подъ руководствомъ Арнольфо ди Камбіо. Зданіе это служило мѣстопребываніемъ законодательной и исполнительной власти Синіоріи. Прежній дворецъ, въ видѣ правильнаго четыреугольника, неоднократно подвергался перестройкѣ. Въ башнѣ этого палаццо виситъ четыре колокола и тамъ же помѣщены городскіе часы. Палаццо Веккіо—колыбель возрожденія итальянскаго искусства: тутъ оно окрѣпло и развилось, достигло того баснословнаго великолѣпія, которое и теперь поражаетъ міръ. Начало возрожденія зодчества положилъ здѣсь Арнольфо ди Лапо; послѣдователи его были Джіотто и Брунеллески, расчистившіе широкій путь Микель Анджело и Сансовино.—Дворъ палаццо Веккіо самый грандіозный изъ всѣхъ дворцовыхъ дворовъ въ Италіи. Колонны, окружающія его, украшены фресками удивительной работы, а статуи—произведенія лучшихъ мастеровъ эпохи возрожденія. Передъ дворцомъ, съ сѣверной стороны, стоитъ бронзовый левъ, работы скульптура Папи. Посрединѣ двора — фонтанъ съ порфировой чашей (по рисунку Вазари), надъ которымъ потрудился Тадда; бронзовый геній съ дельфиномъ—созданіе Андреа Верраккіо. Залы палаццо украшены картинами и скульптурными произведеніями великихъ художниковъ—Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Липпи, Чиголи и др.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Петербургъ, Д. С. Н—му.** Повѣсть Княжна Острожская окончится печатаніемъ въ № 51 или 52.

2) **Ивановъ Вознесенскъ.** С. Г. Изъ присланнаго вами стихотворенія выписываемъ слѣдующіе строки: „Но мнѣ назначенъ рокъ судьбою

Тревистъ и труденъ онъ,
Когда усну, и лягу я съ тобою
Тогда лишь, найду себѣ спокой“.

Понятно, что автору такихъ стиховъ нечего говорить о правилахъ стихосложенія и грамматики и остается пожелать спокойной ночи.

3) **Духовщина. М. П.** Къ сожалѣнію, не можемъ вамъ дать благопріятнаго отвѣта.

4) **Москва. А. П. Аст—вой.** Фантазія „Подъ мра омъ ночи“ не будетъ напечатана.

5) **Ирнут. губ. фарф. заводъ Б—ому.** Неудобно. На новыя предложенія не можемъ согласиться по обилію матеріаловъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Наши деньги** (съ 2 мя рисунками). **М. Стр.**—**Изъ Гейне** (стихотвореніе). **Б. В. К.—Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, Главнокомандующій дѣйствующей арміи** (съ портретомъ).—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Часть 2-я. (Продолженіе).—**Избраніе Бориса Годунова** (съ рисункомъ).—**Д. П. Дохтуровъ** (съ портретомъ).—**Трудный выборъ** (съ рисункомъ).—**Дворъ палаццо Веккіо во Флоренціи** (съ рисункомъ).—Шахматная задача. Почтовый ящикъ.—Объявленія.—**Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ДЕКАБРЬ съ 44 рисунками и большой листъ выкроекъ въ натуральную величину съ 30 чертежами.**

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1877 ГОДУ
иллюстрированнаго журнала

„МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ“.

«МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ»—журналъ моды, литературы и общественной жизни, будетъ выходить, какъ въ прежніе годы, два раза въ мѣсяцъ, съ приложеніемъ раскрашенныхъ модныхъ картинокъ, листовъ съ выкройками и узорами и вырѣзанныхъ изъ бумаги патроновъ новѣйшихъ туалетовъ и верхнихъ одеждъ въ настоящую величину.

Въ теченіе года будетъ дано 48 №№: 24 нумера техническихъ, съ великолѣпными иллюстраціями избранныхъ парижскихъ модъ, всякихъ туалетныхъ аксесуаровъ и женскихъ работъ; 24 литературныхъ приложенія; 24 раскрашенныхъ модныхъ гравюры; 12 литографированныхъ листовъ выкроекъ и узоровъ; 12 вырѣзныхъ выкроекъ.

Всѣ гравюры «Моднаго Магазина», какъ раскрашенныя, такъ и политипажныя, будутъ исполняться лучшими парижскими художниками и печататься въ Парижѣ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкою и пересылкой 7 руб., безъ доставки и пересылки 5 р. 50 к. **За полгода,** съ доставкою и пересылкою 4 руб., безъ доставки 8 руб., за границу 8 руб., на полгода 5 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Толмазовъ пер., № 9.
№ 90 Редакторъ-издательница **С. Г. МЕЙ.**

„ГУСЕЛЬКИ“.

115 колыбельныхъ, дѣтскихъ и народныхъ пѣсенъ и прибаутокъ, съ голосами и акомпаниментомъ фортепіано. Собрали Н. Х. ВЕССЕЛЬ и Е. К. АЛЬБРЕХТЪ. Одобрены совѣтомъ профессоровъ спб. консерваторіи какъ «по тщательному выбору пѣсенъ, такъ и вполнѣ музыкальному и правильному акомпанименту фортепіано» **Цѣна 1 р. сер.** Выписывающіе не менѣе 10 экз. прямо отъ издателя, Е. К. Альбрехта (Спб., Большая Подъяческая, домъ № 24), платятъ по 75 к. за экземпляръ.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРЕКОЗА“.
Подписка на 1877 годъ.

Художественно-юмористическій журналъ **„Стрекоза“,** выходящій еженедѣльно, заключаетъ въ своей программѣ текущую хронику столицъ, провинціальную лѣтопись, театры, музыку, критику, беллетристику и проч. Въ каждомъ номерѣ, выходящемъ въ форматѣ большаго листа (8 страницъ), на хорошей полувеленевой бумагѣ, бываетъ не менѣе 3-хъ большихъ рисунковъ, посвященныхъ или темамъ изъ общественной жизни, или событіямъ и героямъ дня, и отъ 6 до 10 отдѣльныхъ каррикатуръ, силуэтовъ, набросковъ въ жанрѣ Леона Пли, Буша, Коневки, и проч. Годичные подписчики на **„Стрекозу“** будутъ получать еще въ предстоящемъ году особыя безплатныя преміи, гравированныя на камнѣ и печатанныя на веленевой бумагѣ. Со временемъ преміи эти составятъ одинъ общій каррикатурный *„Альбомъ современныхъ дѣятелей“* въ области литературы, науки, искусства и общественной жизни.

Подписка принимается:

Въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго проспекта и Михайловской ул., въ зданіи Европейской гостинницы.

Иногородные подписчики благоволятъ присылать деньги по адресу редакціи: Лиговка, д. № 32.

Условія подписки:

въ С.-Петербургѣ:
безъ доставки на годъ . . 8 р. —
„ „ на полгода 4 р. 50 к.
съ доставкою на годъ . . 9 р. —
„ „ на полгода 5 р. —

въ Москвѣ:
черезъ книжные магазины Н. Гр. Соловьева и А. Ф. Живарева,
безъ доставки на годъ . . 8 р. 75 к.
„ „ на полгода 5 р. —
съ пересылкою какъ въ Москву, такъ и въ другіе города Россійской имперіи: на годъ 9 р. 50 к., на полгода 5 р. 50 к.

38-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ
„НУВЕЛЛИСТЪ“
НА 1877 ГОДЪ.

Съ будущаго года «Нувеллистъ», вступая въ свое 38-ми-лѣтнее существованіе, будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ текущемъ году.

«Нувеллистъ» будетъ выходить ежемѣсячно тетрадями, заключающими въ себѣ: салонныя пьесы извѣстныхъ композиторовъ, новые любимые танцы и русскіе романсы.

Кромѣ огромнаго количества избранныхъ музыкальныхъ пьесъ, подписчики получаютъ **премію** полную оперу по своему выбору изъ 50 нумеровъ.

Подписная цѣна на годъ 5 рублей.

Съ пересылкою или доставкою 6 рублей.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда.** Невскій просп., № 10, и въ Москвѣ, у **А. Гутхейля,** Кузнецкій мостъ, домъ Юлкера.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Д. Н. БОГДАНОВИЧА,
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, № 46.

ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ % бумаги, по порученію на биржѣ.
ПРОДАЕТЪ 5% выигр. билеты I и II займовъ съ **разсрочною платежей, задатокъ** отъ **25** руб. на билетъ. Выигрышъ принадлежитъ покупателю.
ВЫДАЕТЪ подъ нихъ ссуду.
СТРАХУЕТЪ по **20** коп. на билетъ, для г-дъ иногородныхъ по **30 коп.**; провинціальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ дѣлается уступка, по предварительному соглашенію.
ПРИНИМАЕТЪ ДЕНЬГИ и платитъ за нихъ до востребованія 7% на срокъ отъ 7½ до 9% годовъ и исполняетъ разнаго рода банкирскія операціи. На отвѣтъ слѣдуетъ прилагать **20** коп. почтовыми марками. № 79.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ИЗДАНІЯ
ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ
„СОВРЕМЕННОСТЬ“.

Газета «Современность», вступая въ седьмой годъ своего существованія, будетъ издаваться по прежнему **безъ предварительной цензуры** три раза въ недѣлю. Въ программу ея входятъ слѣдующіе отдѣлы: **I. Передовыя статьи** по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ церковно общественной и политической жизни. **II. Дѣйствія правительства,** касающіяся всѣхъ вѣдомствъ. **III. Хроника,** въ которую войдутъ: заслуживающіе довѣрія слухи изъ правительственныхъ сферъ, болѣе важные и интересные факты изъ церковной и общественной жизни нашей столицы, библіографическія замѣтки, новости научныя, художественныя и т. д. **IV. Провинціальныя извѣстія:** корреспонденціи и извлеченія изъ разныхъ газетъ и журналовъ. **V. Судебная хроника,** и **VI. Иностранныя извѣстія,** гдѣ съ особенною подробностью будутъ сообщаемы свѣдѣнія о событіяхъ, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ.

Подписная цѣна на „Современность“ **шесть рублей,** съ пересылкою во **всѣ** мѣста Россіи и **шесть рублей 30 коп.** съ доставкою на домъ въ Петербургѣ. **Подписка на одно первое полугодіе не принимается.**

Адресоваться въ ПЕТЕРБУРГЪ, въ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „СОВРЕМЕННОСТЬ“. (Адресъ редакціи извѣстенъ по газетѣ). Кромѣ того можно подписываться въ ПЕТЕРБУРГѢ, у книгопродавцевъ: Кораблева и Сирякова, въ магазинѣ для иногородныхъ, въ картографическомъ заведеніи Ильина, у издателя Гоппе и др. 2—1

Въ конторѣ редакціи принимаются для напечатанія всякаго рода объявленія.

Сочиненія Д. СТАХѢЕВА:

Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встревоженный городъ. 1 томикъ 115 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ Нивы и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Открыта подписка на 1877 годъ
еженедѣльнаго юмористическаго журнала съ каррикатурами
«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»
(годъ двенадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: *въ Москвѣ,* безъ доставки на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкою на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно у всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Гг. иногородные для большей вѣрности благоволятъ адресоваться *исключительно* въ редакцію журнала **«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»** въ *Москву.*

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія **заблаговременно.**

При перемѣнѣ адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ.
1—3 Издатель-редакторъ **Ѳ. Миллеръ.**

НОВАЯ КНИГА:
„ПО КРАЮ ПРОПАСТИ“.
РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ П. БЛИЖНЕВА.

Этотъ романъ, подъ заглавіемъ „Семейство Снѣжиныхъ“, былъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“. Теперь онъ является въ свѣтъ значительно исправленный и дополненный нѣсколькими новыми главами. Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 руб. Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Петербурга, Москвы и Одессы. **Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго переулковъ, въ книжномъ магазинѣ Александра Игнатьевича Бортневскаго, куда и просятъ обращаться гг. иногородныхъ.** № 88.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. объявленіе отъ книжнаго магазина И. В. Смирнова въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 3 Декабря 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская, домъ Вольфа, Англ. пр., № 10.

Библиотека Руссанова

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 50 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 13 Декабря 1876 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ламъ* и *А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечка Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около **18000 адресовъ** для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ **громадный трудъ**, непреодолимый въ теченіи короткаго времени, Редакція покорнѣйше проситъ, воизбѣжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку **въ возможно скорѣйшемъ времени.**

Подписка на 1876 г. продолжается и каждый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1876 г. нумера и премію.

Карлъ I, князь Румынскій

Если разрѣшеніе восточнаго вопроса невозможно безъ войны съ Турціей, то молодое румынское княжество нейтральнымъ остаться не можетъ, ибо таково географическое положеніе Румыніи, а потому ей предстоитъ, можетъ быть, играть довольно важную роль. Конечно, активное участіе ея въ войнѣ будетъ зависѣть отъ извѣстныхъ обстоятельствъ, т. е. правительство Молдаво-Валахскаго княжества будетъ держаться той-же политики, какой держалось оно въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Въ политическомъ чутьѣ ему нельзя отказать. Румынія всегда искала поддержки у той изъ великихъ державъ, которая въ данное время оказывалась наиболѣе могущественной и вліятельной на востокѣ. Поступать такъ, а не иначе было для Румыніи естественною необходимостью. Какъ только началась сербско-турецкая война—колебаніе въ политикѣ румынскаго правительства стало особенно замѣтно. Сначала Румынія соблюдала строгій нейтралитетъ, а потомъ почти готова была поднять свой мечъ на защиту Сербіи. Въ послѣднее время тамъ, говорятъ, идутъ военныя приготовленія, хотя князь Гика, вице-президентъ румынскаго сената, отправился зачѣмъ-то въ Лондонъ—можетъ быть, сыграть партію въ шахматы съ графомъ Биконсфильдомъ?... Словомъ сказать—Румынія *себѣ на умѣ;* она знаетъ, что дѣлаетъ, знаетъ къ чему стремится. Прежде всего—княжество это добивается самостоятельности; оно желало бы также присоединиться къ «великой конфедераціи» христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ... Отдѣлаться разъ на всегда отъ «турка»—завѣтная мечта и румынъ, и сербовъ, и болгаръ вмѣстѣ съ герцоговинцами и босняками. Осуществится-ли она?...

Карлъ I, князь Румынскій. Съ фотогр. рѣзалъ Боярскій.

Князь Карлъ, основатель наслѣдственной княжеской династіи въ Румыніи, состоящей изъ придунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, — второй сынъ князя Карла-Антона Гогенцоллернскаго и супруги его принцессы Жозефины Баденской. Князь Карлъ-Антонъ, находясь въ родствѣ съ прусскимъ королевскимъ домомъ, занималъ должность президента министерства въ Пруссіи

Библиотека "Руниверс"

(1858—1862 гг.) и, благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ, игралъ тамъ немаловажную роль. Сыновья такого благороднаго, энергичнаго, высокообразованнаго человѣка должны были внушать самыя лучшія надежды. Послѣ того, какъ графъ Фландрскій отказался быть княземъ Румыніи—румыны пожелали поставить княземъ у себя принца Карла, близкаго родственника Гогенцолернскаго Дома. По плебисциту въ апрѣлѣ 1866 г. принцу Карлу предложена была княжеская румынская корона, а въ маѣ мѣсяцѣ того-же года законодательное собраніе провозгласило его подъ именемъ Карла I наслѣдственнымъ княземъ Румыніи. Принцъ Карлъ, прибылъ въ Бухарестъ 22-го мая и былъ встрѣченъ съ подобающею торжественностью. Восторженному пріему много содѣйствовала обаятельная личность принца, которому пошелъ тогда 27 годъ, (онъ родился 20 апрѣля 1830 г.). Первые годы его правленія были довольно бурны, благодаря враждѣ партій и вообще внутренней безурядицѣ, вліявшей на частую перемѣну министерства и распущеніе палатъ. Финансовыя затрудненія особенно тревожили молодого князя (вспомните исторію съ румынскими желѣзными дорогами и г. Струсберга, обличеннаго впослѣдствіи депутатомъ Ласкеромъ), но, не смотря на тяжелыя времена, Карлъ Румынскій не упалъ духомъ, проявилъ твердость и всегда поступалъ такъ, чтобы не нарушить конституціи. — 15-го ноября 1869 г. онъ вступилъ въ бракъ съ принцессою Елизаветой Видъ (род. въ 1843 г.). Дѣтей у нихъ нѣтъ: единственная дочь княжеской четы умерла въ 1874 г.

Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ.

Чрезъ Спасскія ворота, такъ сказать, прошла вся исторія древней столицы Русскаго Царства. Они находятся въ восточной стѣнѣ Кремля и обращены лицевою стороной къ лобному мѣсту и Красной площади. Построены они, какъ полагаютъ, на мѣстѣ первой закладки Москвы, при великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ и служили стрѣльней Кремлевскаго Дѣтинца, имѣя въ стѣнахъ отверстія для лучныхъ, мушкетныхъ и пушечныхъ боевъ. Стрѣльня эта носила названіе Флоронской и Іерусалимской, по имени ближайшихъ тогда къ ней церквей. При Іоаннѣ III она была уже ветха и потому онъ выстроилъ новую. Объ этомъ такъ гласитъ сохранившаяся до сихъ поръ на Спасскихъ воротахъ двоякая надпись, съ лицевой стороны латинская, а съ оборотной русская: «Въ лѣто 6997 Божіею милостію сдѣлана сія стрѣльня повелѣніемъ Іоанна Васильевича, Государя и Самодержца всея Россіи и Великаго Князя Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго и Тверскаго, Вятскаго, Оугорскаго, Пермскаго и иныхъ странъ, въ 30 же лѣто государствованія своего сію башню повелѣлъ построить, а дѣлалъ Петръ Антоній Соларій Медіоланецъ, въ лѣто отъ воплощенія Господня 1491»... На верху этой стрѣльни тогда было поставлено изваяніе всадника, побивающаго копьемъ крылатаго дракона. При Василіѣ III, надъ пролетомъ стрѣльни, т. е. надъ воротами, съ лицевой ихъ стороны, былъ написанъ масляными красками по штукатуркѣ образъ Спасителя, отъ котораго ворота впослѣдствіи и получили свое теперешнее названіе. Образъ надъ воротами — это древне-принятый обычай. Образъ на Спасскихъ воротахъ представляетъ Спасителя съ предстоящими предъ нимъ на колѣняхъ св. Сергіемъ и Варлаамомъ. Въ лѣвой рукѣ Спасителя, евангеліе, раскрытое на словахъ: «рече Господь ко пришедшимъ къ нему іудеямъ: азъ есмь дверь»; правая же рука опущена внизъ, знаменуя благословеніе на всѣхъ проходящихъ подъ воротами. Надъ Спасителемъ 2 парящіе Ангела: одинъ съ крестомъ голгофскимъ, другой съ тростію и копьемъ. Съ оборотной стороны воротъ (т. е. изъ Кремля) образъ Божіей Матери съ предстоящими ей святителями Петромъ и Алексѣемъ; вверху этой иконы—изображеніе нерукотвореннаго образа. До Михаила Ѳедоровича Флоровская стрѣльня имѣла кровлю шатрообразную, низменную, на 4 ската. При немъ, въ 1526 г., выстроена на стрѣльнѣ архитекторомъ англичаниномъ Христофоромъ Головеемъ восьмигранная башня съ пирамидальнымъ шпилемъ, на вершинѣ котораго поставленъ мѣдный вызолоченный двуглавый орелъ. Такимъ образомъ Флоровская стрѣльня соединила въ себѣ и изящный вкусъ и солидную прочность. Представляя образецъ зодчества 15 и 17 вѣковъ, она можетъ быть отнесена къ готическому стилю. Въ 1655 году были поставлены на башнѣ стрѣльни новые громадные часы, бой которыхъ былъ слышенъ будто бы за 10 верстъ. Когда же появились первые часы на Флоровской стрѣльнѣ, неизвѣстно. Троицкая лѣтопись повѣствуетъ только о первыхъ часахъ у Благовѣщенскаго собора, устроенныхъ въ 1404 году Лазаремъ Сербиномъ. Вотъ какъ описываетъ ихъ удивляющійся лѣтописецъ: «Сій часникъ наречется часомѣрье; на всякъ часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощные и дневные, не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно. самозвонно и замодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростію, преизмечтано и преухищрено". Считали тогда часы дня и ночи отъ восхожденія до захожденія солнца и обратно. Но громадные часы не долго украшали стрѣльню: какой-то злодѣй, вѣроятно суевѣрный врагъ чужеземныхъ введеній, поджегъ деревянную часть часовъ, - и они обрушились, пробивъ своимъ паденіемъ своды башни. Царь даже плакалъ, увидѣвъ разбившіеся часы, которые поправить уже было нельзя. При царевнѣ Софьѣ башня возобновлена и въ пролетѣ воротъ устроена, кромѣ створъ, желѣзная рѣшетка, которая поднималась вверхъ во время проѣзда въ ворота. Она существовала почти до 1812 года Петръ I, опасаясь послѣ Нарвской битвы Карла XII, укрѣпилъ Спасскія ворота по правиламъ фортификаціи. При немъ же мастеръ Гарно въ 1705 году передѣлалъ башенные часы на 12-часовой ходъ (т. е. какъ теперь всѣ часы) и устроилъ бой ихъ съ танцами, на манеръ амстердамскихъ. При Аннѣ Іоановнѣ, въ 1737 году, во время сильнаго троицкаго пожара (въ Духовъ день) сгорѣли кровли вокругъ башни, часы и створы воротъ. Образъ Спасителя надъ воротами «вельми опалился», но въ слѣдующемъ году былъ обновленъ и украшенъ жестяною кіотою съ вызолоченой рамой. Часы исправлены при Елизаветѣ Петровнѣ. При Екатеринѣ II, въ 1785 году, сдѣлана къ образу Спасителя новая кіота изъ двойной жести и рѣзная вызолоченая рама. Говорятъ, что въ 1812 году многіе изъ французовъ пытались достать эту раму, считая ее золотою, но каждый разъ падали. При Александрѣ I Спасскія ворота возобновлены и, кромѣ того, къ нимъ былъ пристроенъ порталъ съ колоннами коринѳскаго ордена, что впослѣдствіи было убрано, какъ несоотвѣтствующее стилю воротъ. Въ 1821 году, по обѣ лицевыя стороны воротъ выстроены новыя каменныя часовни для служенія молебновъ благочестивыми посѣтителями святынь Кремля. Постройка самой первой часовни и воротъ относится еще къ XVII столѣтію. Теперешній видъ Спасскихъ воротъ вполнѣ представляетъ приложенный рисунокъ. Въ часовнѣ справа отъ воротъ находится копія съ надворотнаго образа Спасителя, и въ другой часовнѣ—образъ Одигитріи (знач. путешествующей), Смоленской Божіей Матери, привезенной изъ Греціи еще Черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ († 1198 г.). Нынѣшніе башенные часы желѣзные, съ большимъ мѣднымъ цилиндромъ; бой ихъ производится 45 колоколами; играютъ они: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и любимый маршъ Петра I.

На страницахъ отечественной исторіи встрѣчаются Спасскія ворота какъ свидѣтели и какъ мѣсто достопамятныхъ событій изъ религіозной, государственной и народной жизни московскаго міра. Чрезъ нихъ шли въ Кремль для принятія царскаго вѣнца и помазанія мѣромъ цари и императоры Чрезъ нихъ внесены въ Кремль многія чудотворныя иконы и мощи святыхъ угодниковъ. У нихъ, у этихъ воротъ, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, нѣкогда другъ и совѣтникъ царя Алексѣя Михайловича, гордый и въ самоуничиженіи, патріархъ Никонъ. Этими воротами въ 1605 году торжественно, при радостныхъ крикахъ народа, вошелъ въ Кремль Дмитрій Самозванецъ, и этими же воротами, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, московская чернь вытащила обезображенный трупъ его. Чрезъ эти ворота совершались разныя тріумфальныя и торжественныя шествія, какъ напр., соблюдаемое до Петра I шествіе патріарха въ вербное воскресенье. У этихъ воротъ, по сказанію людей божьихъ, мученъ и распятъ (въ 1734 г.) лжехристосъ Иванъ Тимофѣевъ Сусловъ. Противъ нихъ же, на Лобной площади (нынѣ Красная), повелѣно именнымъ указомъ въ 1686 году совершать казнь надъ преступниками. Осужденный молился съ помоста на образъ Спасителя и, кланяясь на всѣ четыре стороны, прощался съ міромъ здѣсь, въ виду Спасскихъ воротъ. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ собою ворота судныя въ Іерусалимѣ, ведущія за городъ къ Голгофѣ, на лобное мѣсто.

При Петрѣ I у Спасскихъ воротъ вывѣшено было объявленіе о перемѣнѣ русскаго платья на нѣмецкое съ образцами самаго платья. Тогда же была положена съ раскольниковъ пошлина за проходъ и проѣздъ черезъ ворота.

Много еще можно бы привести достопримѣчательныхъ событій, которыхъ Спасскія ворота были свидѣтелями, но и сказаннаго достаточно, чтобы вывести заключеніе о значеніи Спасскихъ воротъ для русскаго народа.

Н. К—овъ.

Уборка винограда въ Медокѣ.

(Картинки Берталя).

Случалось-ли вамъ, читатель, быть хоть однажды въ Медокѣ, въ этомъ очаровательномъ уголкѣ Франціи, и именно въ то время, когда тамошній обыватель трудится надъ уборкой драгоцѣннаго винограда.

Библиотека "Руниверс"

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣть *на мѣстѣ*, какъ дѣлается это превосходное красное вино—развѣ не интересно? Виноградная влага милліонъ разъ была воспѣта, и старикъ Беранже говаривалъ:

Хотѣлъ-бы я вино съ любовью
Мѣшать, чтобъ жизнь была полна:
Но, говорятъ, вредитъ здоровью
Избытокъ страсти и вина.
Совѣтамъ мудрости внимая,
Я разсудилъ безъ дальнихъ словъ:
Прощай вино—въ началѣ Мая,
А въ Октябрѣ—прощай любовь!...

Медокъ—прелестный уголокъ Франціи. Въ наилучшихъ мѣстностяхъ этой счастливой страны большія помѣстья принадлежатъ знатнымъ богатымъ фамиліямъ, представители которыхъ почти безвыѣздно пребываютъ въ Парижѣ, посѣщая лишь на короткое время свои медокскія палестины. «А вѣдь здѣсь, право, отлично!» восклицаютъ они. И дѣйствительно, въ Медокѣ все очень мило. Дороги, напр., такъ хороши, что напоминаютъ аллеи парка. Если-бы не повозки, влекомыя рыжими громадными волами, да не эти виноградники по обѣимъ сторонамъ дороги—можно было бы подумать, что прогуливаешься въ Булонскомъ лѣсу. Да, тутъ встрѣчаются вамъ и пышные экипажи, и красивыя кавалькады—длинношлейфныя амазонки, всадники почти безъ фалдъ—ну, словомъ, какъ въ Парижѣ! Но пронесется кавалькада, уляжется пыль—и вы видите вдали группы сборщиковъ винограда; до вашего слуха долетаютъ звонкія пѣсенки, веселый смѣхъ и даже отдѣльныя слова... Вонъ тамъ, на повозкахъ, громадныя кадки, въ которыя сваливаютъ виноградъ; иныя уже переполнены, и волы увозятъ ихъ. Не подойти-ли поближе къ рабочимъ?... Сборщики и сборщицы винограда издали напоминаютъ балетныхъ пейзанъ и пейзанокъ, но за то вблизи—увы, ничего «балетнаго» не представляютъ они! Среди работницъ двѣ — три красивыя женщины, а остальныя — и стары и некрасивы, да и большинство сборщиковъ подъ пару имъ. Правда, снаружи людъ этотъ непривлекателенъ, но за то—это хорошій, честный, трудолюбивый народъ. Одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ говорилъ мнѣ, что всѣ эти рабочіе—люди пришлые, явившіеся сюда издалека для заработка во время виноградной жатвы; ведутъ они себя примѣрно, такъ что даже и «мелкой уголовщины» тутъ ни разу еще не было, не говоря уже о крупномъ преступленіи. Эти труженики «со стороны» здѣсь необходимы, потому что мѣстныхъ рабочихъ рукъ не хватаетъ для уборки винограда. Бѣдняки изъ Бордо и другихъ департаментовъ идутъ сюда, въ Медокъ, какъ на праздникъ: они знаютъ, что тутъ имъ весело будетъ, привольно, и ужь голодать не придется: дадутъ и мяса, и вина—ѣшь, пей, работай! Работай, пей и ѣшь! А по вечерамъ—то? Заиграетъ дудочка, заиграетъ скрипка и пошли танцы—пляски! Наработаются, натанцуются и спать—на душистое, свѣжее сѣно,—лучшей постели и не надо! Такая хорошая жизнь продолжается дней десять. Работа кончена, и пришлый людъ, сытый, довольный, съ деньженками въ карманѣ, возвращается восвояси. А плата имъ такая: мужчина получаетъ за день работы 2 франка, женщина *одинъ* франкъ, дѣти тоже по франку. Значитъ, женщина немножко обижена!

Ягоду отдѣляютъ отъ стебельковъ.

Одинъ франтъ въ Медокѣ говорилъ мнѣ:

— Какія эти сборщицы винограда уроды! Понимаешь, ни одной хар-р-рошенькой пейзанки!... Ну, и эти «давильщики» винограда... Гм... непріятно!... Если-бы я могъ, реформировать самое производство вина... Тогда *топтать* виноградъ стали-бы хорошенькія ножки, а не мужичьи, какъ теперь. Тапера можно-бы нанять, пусть себѣ играетъ, а онѣ подъ музыку отплясывали-бы голыми ножками по винограду...

Но пойдемъ за одной изъ повозокъ съ виноградомъ, которая медленно катится по дорогѣ къ «давильнѣ», гдѣ стоятъ тиски. Вотъ повозка въѣзжаетъ во дворъ шато (замка), гдѣ объемистые чаны, какъ солдаты, выстроены уже рядами. Рабочіе въ простыхъ рубахахъ и штанахъ, засученныхъ выше колѣна (ноги у нихъ выкрашены краснымъ виноградным сокомъ) принимаютъ одну повозку за другою, выгребаютъ виноградъ изъ кадокъ или корзинъ и бросаютъ его въ тиски. Это люди рослые, дюжіе молодцы—горцы, съ здоровенными икрами, выпачканными давленымъ виноградомъ.—Виноградныя кисти прежде всего попадаютъ въ особыя машины, служащія для отдѣленія ягодъ отъ стебельковъ. Эти машины ставятся на время среди «давильни». Когда ягоды очищены и уже лежатъ внизу, у ногъ рабочихъ, скрипачъ ударяетъ смычкомъ по струнамъ своего инструмента и—въ «давильщинѣ» начинается пляска. Дюжина сильныхъ танцоровъ, выдѣлывая разные хитрые па, быстро кружится по виноградной кашѣ. Темная, мутная влага обильно стекаетъ по жолобамъ въ приставленныя къ нимъ кадки...

Хочется отвернуться, не смотрѣть... но, говорятъ, такъ велось испоконъ-вѣка и люди пили и будутъ пить сокъ, выдавленный такимъ *веселымъ образомъ*!... Утѣшаютъ еще тѣмъ, что впослѣдствіи сокъ этотъ броженіемъ *совершенно* очищается... Ну, конечно, развѣ Шато-Маргò было-бы такъ прозрачно, еслибы оно не было очищено броженіемъ?... Да здравствуетъ броженіе

Когда виноградъ какъ слѣдуетъ *протанцованъ*, и сокъ сбѣжалъ въ чаны, то туда-же бросаютъ и всю мякоть, оставшуюся на рѣшетѣ. Чанъ, вмѣщающій обыкновенно двѣнадцать бочекъ закрываютъ герметически и уже дальнѣйшее предоставляютъ «высшей химіи» — химіи Бахуса, который и дѣлаетъ свое дѣло. Виноградный сокъ бурлитъ, кипитъ, бродитъ въ чанѣ, «букетъ» концентрируется, причемъ выдѣляется спиртъ. Необходимо наблюдать, чтобы сокъ, слитый въ бочки, до верху наполнялъ ихъ, иначе вино будетъ киснуть. Въ продолженіи двухъ лѣтъ приходится постоянно доливать бочки: на третій вино уже годно къ потребленію.

Щ.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Продолженіе).

Гальшка не казалась пораженной, услышавъ это—она только тихо проговорила:

— Но, графъ, я все же ничего не понимаю .. гдѣ моя мать теперь? когда она пріѣдетъ? Если она прикажетъ мнѣ, я сказала ужь, что не ослушаюсь ея воли... А до тѣхъ поръ я прошу васъ, графъ, меня оставить. Я не могу говорить съ вами, я не буду васъ видѣть до ея пріѣзда.

Гурко не смутился.

— Я снова прошу позволенія докончить, сказалъ онъ. Княгиня хотѣла ѣхать за вами, но король удержалъ ее при себѣ. Мнѣ кажется онъ былъ правъ, полагая, что дорогой она снова поддастся убѣжденіямъ своего духовника, этого итальянца-іезуита, который возбуждаетъ въ ней такую... печальную ненависть ко всему некатолическому. Княгиня уже не разъ доказывала королю, что отъ нея можно ожидать самыхъ быстрыхъ и непредвидѣнныхъ поступковъ. Однимъ словомъ—было рѣшено такъ: княгиня останется во дворцѣ, а я поѣду за вами. Но для того, чтобы вамъ не было неловко и неприлично со мной ѣхать, насъ должны немедленно обвѣнчать тутъ же, у васъ въ домѣ (вѣдь лютеранское вѣнчаніе не требуетъ церкви и очень просто, а пастора я привезъ съ собою изъ Кракова). Такимъ образомъ мы явимся къ королю и княгинѣ уже мужемъ и женою...

Гурко и Зося впились глазами въ Гальшку. Что она скажетъ?!

Она вздрогнула и еще больше поблѣднѣла. „Что же это? мучительно подумала она. Неужели ужь пришло

Библиотека "Руниверс"

время, и теперь, сейчасъ ее будутъ приносить въ жертву. Или все это обманъ безбожный и разставленныя ей сѣти?!"

Она собрала всѣ свои силы и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Графъ, я не хочу сомнѣваться въ истинѣ словъ вашихъ; но все, что вы говорите, такъ неожиданно, такъ странно, что я не могу рѣшиться. Безъ самыхъ вѣрныхъ доказательствъ, что такова именно воля матушки, я ни за что не выйду замужъ ни за васъ, ни за кого другого... Если вы мнѣ даже письмо ея покажете—я и ему не повѣрю. Мнѣ нужно слышать этотъ приказъ изъ устъ ея или имѣть такое доказательство, которое подозрѣвать невозможно. . Простите меня—но иначе говорить и поступать я не въ правѣ...

Выраженіе нескрываемаго торжества изобразилось на лицѣ Гурки. Зося притаила дыханіе и то блѣднѣла, то краснѣла. Приближалась роковая минута—сейчасъ все должно рѣшиться...

— Конечно, вы можете мнѣ не вѣрить, княгиня, съ достоинствомъ сказалъ Гурко. Вашъ отвѣтъ предвидѣлъ и я, и Беата Андреевна, и самъ король. Я просилъ вашу матушку дать мнѣ въ руки именно такое доказательство, чтобъ вы никакъ ужъ не могли сомнѣваться. И она дала мнѣ его...

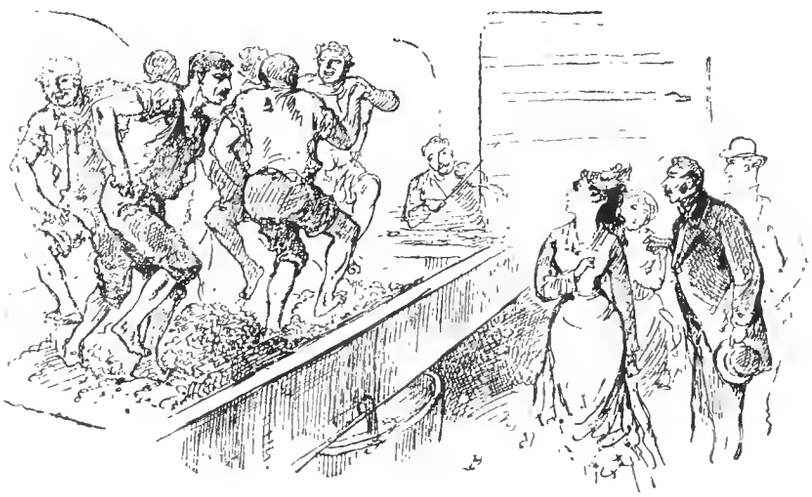
Онъ протянулъ Гальшкѣ какой-то маленькій предметъ. Она взяла его, взглянула и слабо вскрикнула.

Это былъ завѣтный, старинный перстень ея матери. Ей ли не признать его. Она помнила его еще маленькой дѣвочкой, сидя на колѣняхъ у княгини, она любовалась этимъ перстнемъ. Потомъ мать не разъ разсказывала ей о его происхожденіи. Онъ былъ вывезенъ

УБОРКА ВИНОГРАДА ВЪ МЕДОКѢ.

— Ну, подбавь, подсыпь еще! Ничего, стащу... Сегодня вечеромъ со мною первый танецъ... Да?

Дама. — Ну, какъ дѣло идетъ, Пьеръ?
Работ. — Важно! Ягода нынче такая чудесная, что и сказать невозможно... Первое дѣло — нога, значитъ, чувствуетъ, какая подъ ней ягода. Да милости просимъ туда-съ... Сами увидите!...



— Ну, эти давильщики винограда — гм... Непріятно.

— А? Вѣдь это прелестно! Топтать виноградъ будутъ подъ фортепіано хорошенькія ножки а не мужичьи, какъ теперь!...

Библиотека "Руниверс"

Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ. Рис. Гильдебрандтъ, грав. Таронъ.

Библиотека "Руниверс"

изъ турецкой земли какимъ-то ихъ предкомъ. Тамъ онъ считался талисманомъ, мусульмане думали, что въ немъ заключены сверхъестественныя чары. Кругомъ, на золотѣ, мелко, мелко были вырѣзаны непонятные знаки. По серединѣ былъ вдѣланъ большой камень, которому никто не зналъ названія. Это былъ чудный камень—онъ постоянно измѣнялъ цвѣтъ свой и казался то голубымъ, то розовымъ, то зеленымъ. Если человѣкъ, носившій его, былъ здоровъ, то камень свѣтился яснымъ, веселымъ блескомъ; коли человѣкъ заболѣвалъ — камень тотчасъ же тускнѣлъ и дѣлался темнымъ. Княгиня Беата необыкновенно дорожила имъ и всегда его носила. Гальшка не могла ее себѣ иначе представить, какъ съ этимъ кольцомъ на пальцѣ.

Бывало, давно ужь, въ Острогѣ, Беата говаривала Гальшкѣ: „Когда я умру, мнѣ кажется, въ этомъ кольцѣ я оставлю тебѣ частицу меня самой—оно будетъ говорить съ тобою обо мнѣ, передавать тебѣ мои мысли“.

Гальшка понимала и чувствовала, что теперь она уже никакъ не можетъ сомнѣваться. Это кольцо Гурко могъ получить только изъ рукъ ея матери, только это кольцо и могла прислать княгиня какъ неопровержимое, хорошо извѣстное дочери доказательство своего участія въ дѣлѣ.

Бѣдная Гальшка еще разъ взглянула на перстень. Онъ показался ей чѣмъ-то живымъ и страшнымъ. Таинственный камень былъ теменъ и мраченъ, слабо свѣтился синевато-зеленымъ цвѣтомъ.

И такъ рѣшено! Она должна сдѣлаться женою этого чуждаго ей, производившаго всегда на нее такое томительное, непріятное впечатлѣніе, человѣка. . Женою!.. Какая жестокая, послѣдняя насмѣшка надъ ея положеніемъ .. Но вѣдь все равно, вѣдь мать не оставитъ ее въ покоѣ, вѣдь рано или поздно, сегодня ли, черезъ двѣ ли недѣли, черезъ мѣсяцъ, а должно это случиться. Не онъ-такъ другой... У этого Гурки такое злое лицо—онъ не можетъ быть добрымъ, хорошимъ человѣкомъ... Вѣроятно ее ожидаютъ новыя муки... Да развѣ бракъ ужь самъ по себѣ не будетъ для нея жесточайшей, невыносимой мукой... Авось она не выдержитъ этого, авось Богъ сжалится надъ нею и скорѣе пошлетъ смерть... Пусть же будетъ, чего они желаютъ...

— Этотъ перстень для меня достаточное доказательство, сказала она Гуркѣ слабымъ голосомъ. — Я знаю, что его нельзя поддѣлать и что моя мать должна была послать именно его, чтобъ убѣдить меня... Я поклялась ей исполнить ея волю — теперь дѣлайте, что хотите. Но прежде, чѣмъ вы станете моимъ мужемъ, вы должны узнать, кого вы за себя берете. Садитесь и выслушайте меня, графъ ..

И она сама сѣла, такъ какъ ноги отказывались держать ее.

— Но только одно—мы не можемъ терять времени, замѣтилъ Гурко, боявшійся, что кто нибудь или что нибудь помѣшаетъ исполненію его намѣренія теперь, когда все устроилось такъ скоро и безъ всякихъ затрудненій. Пасторъ и два моихъ свидѣтеля здѣсь, со мною, а послѣ вѣнчанья мы сейчасъ же и отправимся въ Краковъ. Экипажъ приготовленъ и, если вамъ угодно, васъ будетъ сопровождать панна Зося...

— Ахъ, не бойтесь — я не задержу васъ, но я непремѣнно должна сказать вамъ два слова...

Гурко приготовился почтительно слушать.

— Здѣсь почти всѣ называютъ меня княжною, начала Гальшка, задыхаясь и едва выговаривая слова. Но вѣдь вы должны знать, что я вдова князя Сангушки. Моего мужа убили на моихъ глазахъ, мнѣ не дали умереть съ нимъ, связали мнѣ руки и полумертвую привезли къ матери. Я жива, но во мнѣ все умерло—знайте это... Жизнь мнѣ несносна, и люди несносны—мнѣ бы умереть только — вотъ все, чего я желаю. Посмотрите на меня — развѣ я гожусь вамъ въ жены: я больна, слаба, со мной вѣдь тяжело жить—я иногда по цѣлымъ днямъ не въ силахъ сказать слова... Мнѣ нечего говорить вамъ, что я не люблю васъ — вы это и такъ, я думаю, видите. Но знайте, что никогда, никогда я и не полюблю васъ, ни васъ, никого на свѣтѣ. Если въ васъ есть хоть капля жалости—вы откажетесь отъ меня и оставите меня въ покоѣ... Если у васъ нѣтъ ни сердца, ни совѣсти — берите меня и замучьте меня скорѣе. .

Она зарыдала... она кажется умерла бы на мѣстѣ, еслибъ не вылились эти слезы, которыя ее душили. Зося бросилась къ ней и обняла ее. Она сама дрожала и плакала. Она не въ силахъ была смотрѣть на несчастную Гальшку. Ей хотѣлось признаться во всемъ, молить себѣ прощенья, выгнать Гурку.

Но развѣ это возможно!! А ея собственное горе, ея обида, жажда мести, сосавшая ей сердце... Отказаться! и теперь, теперь, когда все готово, все устроено такъ смѣло и ловко. . Нѣтъ, это невозможно!

И она только плакала и покрывала поцѣлуями холодныя руки Гальшки.

— Успокойтесь, успокойтесь, моя дорогая Елена, вкрадчивымъ голосомъ заговорилъ Гурко. Я не могу отказаться отъ своего счастья... Вы теперь нездоровы и все вамъ кажется такъ мрачно. Новая жизнь спасетъ васъ. . я сдѣлаю все, чтобы успокоить васъ, облегчить вашъ недугъ, излечить васъ отъ него... вы такъ еще молоды, рано думать о смерти, нужно жить .. успокойтесь!

— Я спокойна! вдругъ сказала Гальшка, отстранивъ Зосю и вставая.

Лицо у нея помертвѣло, глаза были сухи.

— Берите меня... ведите!

Она прошептала это какимъ-то страшнымъ, не своимъ голосомъ.

Гурко бросился къ ней и хотѣлъ обнять ее.

Она отшатнулась.

— Я еще не жена ваша!.. Вы сказали, что пасторъ здѣсь, съ вами, что по вашей религіи можно вѣнчаться безъ всякихъ приготовленій, дома... Такъ зовите его сюда, зовите скорѣе...

Гурко только этого и желалъ—онъ поспѣшилъ за пасторомъ.

Зося рѣшительно не понимала, что съ нею. Ее била лихорадка, зубы стучали, а неудержимыя слезы такъ и катились.

Гальшка это замѣтила.

— Ты плачешь, моя добрая Зося, сказала она. Тебѣ меня жалко... Не жалѣй... такъ лучше, все лучше. Развѣ ты не видѣла Гурки... да, ты правду говорила когда совѣтовала мнѣ выбрать его въ женихи... Онъ въ самомъ дѣлѣ самый лучшій женихъ для меня... Теперь я вижу, чувствую, что съ нимъ скоро успокоюсь... Такъ чего же ты—не плачь, не жалѣй .. поздравь меня!

Зося закрыла лицо руками и уже громко рыдала.

Гальшка подошла къ ней, обняла ее.

— Не плачь, не плачь, моя дорогая. Пойди, собери скорѣе что нужно для тебя и для меня. Вѣдь мы вмѣстѣ поѣдемъ, сегодня же, скоро... Вѣдь ты не оставишь меня, Зося, будешь со мною... не оставляй меня...

Въ это время входилъ Гурко съ пасторомъ и своими двумя свидѣтелями.

Зося взглянула на нихъ страшными, покраснѣвшими отъ слезъ глазами и выбѣжала изъ комнаты.

IX.

Гальшка какъ будто преобразилась. Она не казалась ужь больше подавленной горемъ, безнадежной и безпомощной женщиной. Даже усталости и слабости въ ней не было замѣтно. Это было какое то неестествен-

Библиотека "Руниверс"

ное спокойствіе. Если она что нибудь чувствовала, то развѣ только нетерпѣніе, чтобы скорѣе все кончилось, чтобы скорѣе вырваться отсюда и ѣхать — все равно куда, только чтобъ была ночь кругомъ, холодная черная ночь, съ завываніемъ вѣтра и снѣжной вьюгой. Ей отвратительны казались эти комнаты, стѣны ее какъ будто давили.

Только бы скорѣе отсюда!

Пасторъ, человѣкъ очень сдержанный и холодный, всецѣло преданный интересамъ Гурки, поразился, увидя Гальшку. Какъ и всѣ, онъ много слышалъ о красотѣ ея; но онъ не могъ себѣ и представить ничего подобнаго.

Она просто, съ врожденной ей величественной граціей, отвѣтила на его поклонъ и вопросительно взглянула на Гурку. Тотъ взялъ ее за руку и подвелъ къ столу, на которомъ пасторъ уже разложилъ бумагу для подписи и открылъ молитвенникъ.

Пасторъ началъ говорить мѣрнымъ голосомъ, съ заученными удареніями на нѣкоторыхъ словахъ. Гурко набожно склонивъ голову, казалось, внимательно слушалъ. Но это не мѣшало ему то и дѣло искоса взглядывать на Гальшку. Ему съ трудомъ вѣрилось, что все обошлось такъ благополучно. Онъ ожидалъ сценъ, слезъ, рыданій, боялся, что кто нибудь услышитъ ихъ и станетъ стучаться въ комнаты...

Но ничего этого не случилось—Гальшка только назвала его человѣкомъ безъ сердца и совѣсти, да и то въ такой приличной формѣ, что ему нечего было обижаться. Она сама торопила вѣнчанье, она такъ спокойна, такъ удивительно спокойна... И какъ хороша она! Нѣтъ, онъ до сихъ поръ, значитъ, еще не разглядѣлъ ее какъ слѣдуетъ. Ему казалось, что она подурнѣла послѣ болѣзни. Правда она очень худа и страшно блѣдна... но что это за чудная мраморная блѣдность, какъ къ ней идетъ это величавое спокойствіе и полное равнодушіе ко всему, которое такъ и бросается въ ней въ глаза съ перваго разу!..

Нѣтъ, изъ нея выйдетъ отличная жена .. О! онъ съумѣетъ заставить ее отказаться отъ всякихъ причудъ и капризовъ... Только бы ему вступить во всѣ права, такъ или иначе закрѣпить за собою ея огромное приданое. Она нездорова теперь; но это пройдетъ — она столько вынесла, у нея, должно быть, желѣзное здоровье. Онъ въ первое время будетъ заботиться объ ней. . онъ заставитъ ее часто бывать при дворѣ... Съ такою женой можно многое сдѣлать: всѣ будутъ ему завидовать; для того, чтобъ онъ сквозь пальцы смотрѣлъ какъ у нея цѣлуютъ ручку, всѣ вліятельные люди станутъ исполнять всякое его желаніе. „Чтожь — пускай увиваются, пускай цѣлуютъ ручки — съ такой женой это неопасно: въ этомъ отношеніи, кажется, на нее можно положиться... А король-то, король — старый волокита—какъ увидитъ, такъ сейчасъ и обезумѣетъ... Да, за то только, чтобъ поглядѣть ей въ глаза, онъ готовъ будетъ всю Польшу отдать мнѣ въ аренду!.. Только отчего она такъ спокойна? это даже неестественно... А вдругъ она что нибудь замышляетъ?.. Но чтоже?! Вѣдь вотъ, минутъ черезъ пять, она станетъ моей законной женою и я ни на минуту не отпущу ее отъ себя... мы сейчасъ же уѣдемъ... Нѣтъ, мнѣ нечего бояться...“

Пасторъ продолжалъ говорить. Онъ перешелъ въ декламацію и съ театральными жестами обращался къ жениху и невѣстѣ.

Гальшка не слышала ни одного слова изъ того, что говорилъ онъ. Какъ ни велико было оцѣпѣненіе, въ которое она погрузилась; но все же невольно припомнилось ей ея первое вѣнчанье, въ маленькой деревенской церкви, въ ясный душистый лѣтній вечеръ.

Вѣдь это было такъ еще недавно; но казалось ей такъ страшно давно, такъ безконечно далеко. Невыносимая боль и тоска заключались для нея въ этомъ воспоминаніи; но она не заплакала, не убѣжала въ ужасѣ и гнѣвѣ отъ этого отвратительнаго жениха, отъ декламирующаго и воздѣвающаго къ потолку руки пастора. Она продолжала стоять неподвижно, опустивъ голову и стиснувъ зубы.

На нее находило какое-то забвеніе, какой-то свинцовый сонъ охватилъ ея сердце. .

Ей все продолжала мерещиться старая деревенская церковь. Но она не видѣла возлѣ себя любимаго, дорогого князя, не слышала за собою тяжелаго дыханія Галынскаго, не чувствовала надъ головой своей вѣнца, по временамъ вздрагивавшаго въ рукѣ Ѳеди. Не видѣла она и добродушнаго грубаго лица старика священника... Ей видѣлось только одно, видѣлось ясно, ясно, какъ будто бы это было теперь въ дѣйствительности передъ нею—ей видѣлся косой, вечерній лучъ солнца, перерѣзавшій пополамъ всю маленькую церковь и поднявшій столбъ безчисленныхъ пылинокъ... Пылинки сверкали, искрились и метались въ непрерывномъ движеніи.

Зачѣмъ это теперь такъ живо, такъ ясно вспомнилось? Зачѣмъ она такъ жадно слѣдитъ за игрою этихъ воображаемыхъ пылинокъ, какъ будто во всемъ мучительномъ, безконечно тяжеломъ воспоминаніи самое главное—мечущіяся пылинки... Какъ будто можно объ этомъ думать теперь, теперь!!..

Но она не задавала себѣ никакихъ вопросовъ, она просто, въ своей душевной дремотѣ, слѣдила за непрерывнымъ движеніемъ мертвыхъ пылинокъ, озаренныхъ солнцемъ...

Голосъ Гурки вывелъ ее изъ забытья. Вѣнчанье было кончено, пасторъ благословилъ новобрачныхъ и привѣтствовалъ ихъ высокопарной фразой. Все, что требовалось, было исполнено. Гальшка стала законной женой познанскаго воеводы, графа Луки Гурко.

Онъ былъ настолько уменъ, что, почтительно поцѣловавъ у нея руку, не сталъ ее тревожить разговоромъ. Она спросила, скоро ли они должны выѣхать и, получивъ въ отвѣтъ, что это отъ нея зависитъ, пошла въ дальнія свои комнаты поторопить Зосю.

Зося запыхавшись увязывала необходимыя вещи.

Увидя Гальшку и понявъ, что все кончилось, она не посмѣла подойти къ ней и ее поздравить. Она смущенно наклонилась надъ ящикомъ, въ которомъ разбиралась.

— Поторопись, Зося, пора ѣхать; да что-жь ты одна, позови же кого нибудь помочь тебѣ, спокойнымъ голосомъ выговорила Гальшка и прошла въ маленькую комнату, гдѣ находилась ея образная.

Нѣсколько лампадъ горѣли передъ образами въ богатыхъ ризахъ, осыпанныхъ дорогими каменьями.

Гальшка упала на колѣни и наконецъ зарыдала, горько и отчаянно...

Она не слыхала какъ въ сосѣдней комнатѣ Гурко говорилъ Зосѣ:

— Нужно торопиться... мнѣ и во время вѣнчанья послышалось, что кто-то громко кричалъ въ дальнихъ комнатахъ и стучался... теперь опять стукъ... слышишь... можетъ быть, что нибудь случилось въ домѣ... Мѣшкать невозможно.

Зося поблѣднѣла. Она бросила свою работу и почти неслышно пробѣжала рядъ комнатъ.

— Да, стучатся.

Она чутко прислушалась къ голосамъ, говорившимъ у двери.

— Не слышитъ никто, да и полно! сказалъ мужской голосъ.—Доложи княгинѣ, что княжна еще въ сумерки приказала запереть эти двери... теперь она должно быть съ панной Зосей въ спальнѣ, можетъ спятъ обѣ, такъ гдѣ имъ услышать...

Отъ дверей отошли. Все смолкло.

Библиотека "Руниверс"

У Зоси отъ ужаса подкашивались ноги. Она едва добѣжала до комнаты, гдѣ былъ Гурко.

— Княгиня, княгиня вернулась! задыхаясь проговорила она.

Гурко вскочилъ какъ ужаленный. Что теперь дѣлать?

— Что-жь ты, что-жь ты—продала меня что ли?! заскрежеталъ онъ на Зосю, сжимая кулаки и багровѣя отъ гнѣва.

Зося даже и вниманія на это не обратила. Ея мысль дѣятельно работала.

— Еще есть время, поспѣшно заговорила она сообразивъ.—Я слышала—пошли докладывать княгинѣ, что дверь заперта на ключь. Покуда вернутся, мы еще успѣемъ сойти потайной лѣстницей...

И она бросилась къ Гальшкѣ.

— Пора, пора, все готово, ѣдемъ!

Гальшка поднялась вся въ слезахъ и шатаясь вышла изъ образной.

Зося поспѣшно подала ей мѣховую шубку. Гурко уже ждалъ у двери потайнаго хода.

— Зачѣмъ-же отсюда? удивленно спросила Гальшка. Зачѣмъ тайкомъ, какъ будто я бѣгу изъ дому?!...

Никто не предвидѣлъ подобнаго вопроса.

Гурко на минуту замялся.

— Зачѣмъ-же терять время, сказалъ онъ. — Всѣ захотятъ прощаться, а ты и такъ утомлена. Выйдемъ скорѣе отсюда и поѣдемъ.

— Но я именно и хочу со всѣми проститься. Я не могу такъ уѣхать...

— Нѣтъ, рѣшительно не къ чему эти пустыя проволочки. Всѣ уже знаютъ въ домѣ, въ чемъ дѣло. Пасторъ еще до вѣнчанья объяснилъ все вашимъ домашнимъ... Ѣдемъ.

— Зося, позови мою мамку—я прощусь хоть съ нею...

Изъ дальнихъ комнатъ раздался сильнѣйшій стукъ въ дверь.

Гурко быстро обхватилъ Гальшку, и готовъ былъ силой увлечь ее въ корридоръ къ лѣстницѣ.

— Что это значитъ? Что? стучатъ?!... вотъ трещатъ двери! вскрикнула она, оттолкнула Гурку и бросилась на встрѣчу поразившимъ ее звукамъ.

Всѣ двери были настежъ. Княгиня входила въ комнату.

— Ты здѣсь! Меня обманули! простонала Гальшка и упала на полъ...

Въ это время Гурко съ пасторомъ и провожатыми былъ ужь въ корридорѣ. Ихъ догоняла Зося. Они быстро, толкая другъ друга, спустились съ лѣстницы и выбѣжали на дворъ. Въ этой части двора никого не было, но близко раздавались голоса, скрипъ шаговъ по снѣгу. Мелькалъ свѣтъ отъ фонарей, съ которыми ходили люди. За калиткой Гурку дожидались два крытыхъ рыдвана на полозьяхъ.

Зося подбѣжала къ Гуркѣ.

— Вѣдь я погибла, графъ, если ты меня оставишь... Возьми меня! прошептала она.

Онъ обернулся.

— А! вмѣсто одной жены другую!... Ну, да и та не уйдетъ—вотъ завтра еще увидимъ .. Поѣдемъ, Зося, поѣдемъ, я отъ тебя не отказываюсь.

Онъ посадилъ ее въ рыдванъ, вскочилъ самъ и велѣлъ кучеру скорѣе ѣхать къ своему дому...

Княгиня Беата пришла въ неописанную ярость, когда услышала отъ Гальшки о томъ, что случилось. Не даромъ она поспѣшила домой раньше срока. Чуяло недоброе ея сердце. Она даже хотѣла вернуться съ дороги, спохватившись, что забыла дома перстень, съ которымъ никогда не разлучалась. Но потомъ сочла это малодушіемъ. Однако она все время не была спокойна, да и отецъ Антоніо торопилъ ее... И все-таки они опоздали—опоздали нѣсколькими минутами!

Какое удивительное враждебное стеченіе обстоятельствъ, какой хитрый смѣлый планъ! И кто же, кто устроилъ это ужасное дѣло—дѣвченка, никому не внушавшая подозрѣній, втершаяся въ довѣріе и къ Гальшкѣ, и къ княгинѣ, и къ Антоніо! Счастлива она, что успѣла скрыться; но княгиня найдетъ ее, отдастъ въ руки инквизиціи. Пусть пытаютъ ее, пусть замучаютъ—нѣтъ такихъ пытокъ, которыя были-бы достаточны для этой негодяйки...

Отецъ Антоніо не предавался гнѣву и казался спокойнымъ; но онъ лучше княгини понималъ всю серьезность ихъ общаго положенія. Онъ внутренно проклиналъ себя, онъ презиралъ себя за свою позорную неосмотрительность. Молоденькая дѣвочка, воспользовавшись случайными, благопріятными обстоятельствами, разбила въ прахъ его долгую, мучительную работу, смѣло и самоувѣренно разстроила его планы!... И онъ не съумѣлъ понять этой дѣвочки, онъ, съ своимъ опытомъ и пониманіемъ людей, забылъ, что страстная, неразборчивая на средства женщина всегда отыщетъ самый дѣйствительный ядъ, чтобы отомстить человѣку, оскорбившему ея чувство и самолюбіе...

Кто отнялъ у него его умъ и наблюдательность, когда онъ осмѣливался пренебрегать Зосей?! Онъ долженъ былъ знать, что она не проститъ ему своихъ долгихъ и тщетныхъ усилій покорить его сердце. Но онъ поступалъ какъ глупецъ, поступалъ вопреки мудрымъ правиламъ тайныхъ іезуитскихъ наставленій и теперь долженъ нести тяжкую кару. Зося отомстила ему такъ ловко, такъ жестоко, что теперь врядъ ли удастся выпутаться изъ этихъ обстоятельствъ. Княгиня Беата въ

Карлъ Эрнстъ фонъ Беръ. Рис. Вожанинъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Филиппъ II, король испанскій и его дочь. Картина Густава Барча; грав. Эд. Гальбергеръ.

Библиотека "Руниверс"

своемъ необдуманномъ гнѣвѣ не видитъ и не понимаетъ, до какой степени серьезно это дѣло.

Взвѣшивая и соображая все, Антоніо чувствовалъ, что онъ самъ готовъ дойти до полнаго отчаянія. Но онъ все же побѣдилъ свои чувства и рѣшился бороться до конца. А теперь слѣдовало дожидаться, что предприметъ Гурко.

Гурко не заставилъ себя долго ждать. На другой день онъ явился въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ сторонниковъ и единовѣрцевъ къ дому княгини.

Его не впустили.

Тогда онъ послалъ Беатѣ заранѣе составленное письмо, въ которомъ требовалъ выдачи ему его законной жены, графини Елены Гурко, вопреки всѣмъ правамъ и законамъ задерживаемой ея матерью.

Княгиня возвратила ему письмо и посовѣтовала удалиться.

Онъ дѣйствительно удалился; но скоро вернулся съ городскими властями. Княгиня должна была принять ихъ, а съ ними вмѣстѣ вошелъ въ домъ и Гурко. Власти объявили, что бракъ графа совершенъ законно, и что, не говоря уже о вѣнчавшемъ пасторѣ, онъ можетъ выставить свидѣтелей, какъ съ своей стороны, такъ и со стороны новобрачной (подразумѣвалась Зося) въ томъ, что здѣсь не было никакого принужденія, а, напротивъ, полное согласіе невѣсты.

Княгиня, подчинившись просьбамъ и совѣтамъ Антоніо, сначала старалась говорить сдержанно и хладнокровно. Но скоро она стала раздражаться. На ея обвиненія Гурки въ обманѣ и насиліи, ей отвѣчали, что обманъ не доказанъ, и всѣ свидѣтели въ одинъ голосъ его отрицаютъ. Да, графъ Гурко сознается, что онъ вошелъ въ домъ чрезъ задній дворъ и провелъ съ собою пастора, но такъ у него было заранѣе условлено съ невѣстой...

— Ты говоришь это? Повтори! вся поблѣднѣвъ и приближаясь къ Гуркѣ, проговорила княгиня.

— Да, я говорю, что такъ было, спокойно отвѣтилъ онъ.

— Негодяй, лжецъ! дико вскрикнула Беата и прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться, изо всей силы ударила Гурку по лицу.

Онъ хотѣлъ на нее броситься, но его окружили со всѣхъ сторонъ и удержали.

— Вы видите, вы видите, въ безсильной ярости и задыхаясь, кричалъ онъ. Вы видите, что это звѣрь, а не женщина! Она помѣшана. Она всячески мучила свою дочь, запирала ее, отказывала всѣмъ женихамъ для того, чтобы силой упрятать ее въ католическій монастырь... Весь городъ, всѣ это знаютъ! Такъ развѣ можно вѣрить ей... Она почти до смерти запугала несчастную и, понятное дѣло, мы должны были обвѣнчаться тайно... Во имя закона и справедливости заставьте ее выдать мнѣ жену мою!...

— Идите всѣ вонъ изъ моего дома, грозно и величественно сказала княгиня. Или вы забываете, кто я, что позволяете себѣ такое безчинство. Я не только не отдамъ этому негодяю моей дочери, но и не покажу вамъ ее—она больна. И я посмотрю, кто рѣшится на насиліе, кто станетъ выламывать мои двери.

— А ты—обратилась она къ Гуркѣ,—ступай и жалуйся королю. Я посмотрю, признаетъ ли онъ твое право. Если онъ самъ пріѣдетъ и потребуетъ ее у меня, чтобы отдать тебѣ, тогда другое дѣло, но иначе ты никогда ее и не увидишь!...

И она удалилась, велѣла запереть всѣ двери и разставила почти по всѣмъ комнатамъ вооруженныхъ людей.

Городскія власти не рѣшились дѣйствовать силой, какъ ни упрашивалъ ихъ Гурко. Онъ въ тотъ же день помчался въ Краковъ, увѣренный, что его огромныя связи и личное расположеніе къ нему короля сдѣлаютъ свое дѣло. Зося отправилась съ нимъ и ради собственной безопасности, и какъ могущая очень пригодиться свидѣтельница вѣнчанья...

Что же теперь оставалось дѣлать княгинѣ? Она чувствовала, что почва уходитъ у нея подъ ногами. Чѣмъ она согрѣшила, что на нее обрушиваются такія несчастія?! Наученная горькимъ опытомъ, она неотступно слѣдила за дочерью цѣлыхъ полтора года. И все-таки это ни къ чему не привело. Простой, глупый случай обратилъ въ ничто всѣ ея усилія. Она уже вернулась, была дома, въ своей комнатѣ и искала забытый перстень, а въ это самое время, тутъ-же, въ домѣ, обманутая съ помощью перстня, Гальшка вѣнчалась съ Гурко. Къ чему же всѣ усилія, хитрости, строгій, даже жестокій, надзоръ! Второй разъ отнимаютъ у нея дочь самымъ возмутительнымъ, неслыханнымъ образомъ И ей приходится переживать не одно только горе, а стыдъ, позоръ предъ людьми, дѣлаться живою сказкой во всей Литвѣ и Польшѣ.

Зачѣмъ она родилась ей на мученье, эта Гальшка, зачѣмъ у нея такой непокорный, упрямый характеръ! И прежде всѣ еще завидовали, говорили о томъ, какое счастіе имѣть дочь красавицу.... О, какъ бы она была счастлива, еслибъ Гальшка была безобразна—тогда ни чего бы не случилось... Но нѣтъ, и не въ красотѣ тутъ дѣло, а въ этомъ проклятомъ характерѣ, въ ненавистномъ вліяніи князя Константина. Боже! была-ли еще на свѣтѣ такая несчастная мать и дочь такая непокорная. Гдѣ это видано, чтобъ молоденькая дѣвушка, едва выйдя изъ пеленокъ, ни во что не ставила матери, все дѣлала по своей волѣ, хотѣла распоряжаться своей жизнью на свою погибель?!

И вотъ Беата кончала тѣмъ, что во всемъ обвиняла только одну Гальшку. И она вдругъ почувствовала къ ней страшную злобу, даже почти ненависть.

Да, да, во всемъ виновата Гальшка! Это она нарочно срамитъ и себя и ее, чтобъ причинить ей горе. Гурко сказалъ, что она сама была согласна съ нимъ тайно обвѣнчаться, сама провела его чрезъ темную лѣстницу... Княгиня, возмущенная этимъ, назвала его лжецомъ и негодяемъ и ударила. Но почему она знаетъ—можетъ быть онъ сказалъ правду—дѣйствительно трудно предположить, чтобъ безъ ея вѣдома все произошло такъ шито и крыто...

Беата не задумалась явиться съ этими подозрѣніями къ дочери.

Та выслушала ее молча, только взглянула на нее изумленными глазами.

— А! ты молчишь — значитъ это правда! закричала княгиня.

— Правда, если тебѣ нужно, чтобъ это было правдой, если ты способна предположить, что это можетъ быть правдой,—упавшимъ голосомъ проговорила Гальшка. Она даже не ужаснулась словамъ матери—казалось, ничто уже не можетъ поразить ее.

— Оставь эти взгляды, эти ни къ чему неведущія хитрости! Говори мнѣ сейчасъ: ты имѣла уговоръ съ Гуркой, ты согласилась на вѣнчаніе, ты обманула меня?—бѣшено, даже съ какимъ-то шипѣньемъ спрашивала княгиня.

— Я ничего не скажу тебѣ, матушка;—я еще вчера все сказала...

— А! ты запираешься! Ну такъ знай же: какъ ни велика твоя хитрость—ты не будешь женой Гурки, ты не уйдешь изъ рукъ моихъ. Я не отдамъ тебя ему, хотя бы вы двадцать разъ были обвѣнчаны... слышишь—не отдамъ, хотя бы самъ Господь сошелъ съ неба и приказывалъ мнѣ это... Я отдамъ тебя за перваго встрѣчнаго, за перваго хлопа; но Гуркѣ ты не достанешься... А! тебѣ мало прежняго позору: ты хочешь на весь міръ осрамить родъ свой, ты хочешь свести меня въ могилу! Ты съ семнадцати лѣтъ стала всѣмъ вѣшаться на

Библиотека "Руниверс"

шею, заводить любовныя исторіи! Тебѣ ни почемъ бѣгать изъ дому съ каждымъ пахаломъ. Позоръ, позоръ! скоро всѣ, во всемъ свѣтѣ, будутъ называть княжну Острожскую блудницей! Да вѣрно ужъ и называютъ! Но довольно, довольно... я не допущу тебя больше глумиться надо мною... я задушу тебя своими руками, если ты еще пикнешь, хоть шагъ сдѣлаешь безъ моего вѣдома...

И Беата разразилась истерическими рыданіями.

Гальшка упорно молчала, стараясь не слышать ужасныхъ, безумныхъ словъ матери. Она только съ отчаяніемъ помышляла о томъ, что видно смерть никогда не сжалится надъ нею.

Очнувшись и нѣсколько успокоившись, Беата призвала отца Антоніо. Ей бы хотѣлось и его упрекать, и его обвинять въ чемъ нибудь; но она не посмѣла этого.

Что теперь дѣлать, что онъ ей посовѣтуетъ?

— Мнѣ кажется, Гурко расчиталъ вѣрно, сказалъ Антоніо. У него при дворѣ большая сила, ему легко будетъ убѣдить короля и выставить все въ благопріятномъ для себя свѣтѣ. Остается одно—постараться предупредить его—пишите сейчасъ же королю—я продиктую—и немедленно пошлите гонца въ Краковъ. Нужно будетъ написать еще нѣкоторымъ лицамъ... А покуда я бы посовѣтовалъ вамъ переѣхать изъ дому въ нашъ монастырь... Я уже переговорилъ съ Варшевицкимъ и другими... мнѣ обѣщали дѣятельную поддержку ордена... Наши отцы и въ Краковѣ могутъ очень помочь, да и во всякомъ случаѣ, въ монастырѣ будетъ безопаснѣе... Теперь вы видите, что можно ожидать всего, самаго невѣроятнаго и неожиданнаго. .

Не даромъ іезуитъ говорилъ это. Еще одна мысль, одна надежда мелькала въ немъ. Никакія ухищренія не помогли ему совратить Гальшку въ латинство, добровольно заставить ее перемѣнить вѣру и постричься въ монахини, а между тѣмъ это было его единственной цѣлью. Теперь же ужъ и невозможно было дѣйствовать убѣжденіемъ—она не позволитъ ему сказать и слова. Теперь въ случаѣ удачи Гурки, нужно сообща, соединенными усиліями іезуитовъ, уговорить княгиню допустить постриженіе Гальшки...

Пусть насиліе, пусть—но цѣль будетъ достигнута. Гальшка никому не достанется, а орденъ получитъ ея состояніе. Только бы уговорить княгиню, которая до сихъ поръ еще и слышать ничего не хочетъ объ этомъ, желаетъ самымъ блестящимъ образомъ выдать дочь замужъ.

Но въ крайнемъ случаѣ нужно обойтись и безъ согласія княгини. У себя, въ монастырѣ іезуиты съумѣютъ распорядиться. Быть можетъ даже и сама Гальшка, изъ всѣхъ золъ, обрушившихся на ея голову, выберетъ католическій монастырь. Не онъ станетъ объясняться съ нею, онъ предоставитъ это другимъ...

И Антоніо мучительно задумался о себѣ и о Гальшкѣ. Какая страшная судьба его преслѣдуетъ. Въ послѣдніе два года какое-то проклятіе легло на всѣ его замыслы, на всѣ поступки... Огромная интрига приведена въ дѣйствіе, совершено не мало рѣшительныхъ дѣлъ, пролито не мало крови. Убитъ Сангушко, отстраненъ князь Константинъ, Беата въ Вильнѣ—ея состояніемъ распоряжаются іезуиты. Но къ чему повело все это—жизнь Гальшки разбита и еще удивительно, какъ выноситъ она свои страданія. Онъ имѣетъ возможность ежедневно видѣться съ нею, говорить безъ помѣхи. Не было такихъ пріемовъ, не было такой хитрости, которую бы онъ не пустилъ въ ходъ съ нею. Не только слабая, измученная и запуганная женщина, а и всякій сильный человѣкъ давно подчинился бы его вліянію, давно былъ бы въ рукахъ его. Но ничего не могъ онъ сдѣлать съ Гальшкой. Всякое оружіе ломается объ ея неприступность. И чѣмъ тяжелѣе ея жизнь, чѣмъ ужаснѣе обстоятельства, чѣмъ невыносимѣе испытанія, тѣмъ крѣпче и непоколебимѣе ея православіе... За всѣ эти два года онъ добился только одного: прежде она относилась къ нему съ равнодушіемъ, теперь онъ ей страшенъ и ненавистенъ—она видитъ въ немъ нетолько своего врага, она видитъ въ немъ дьявола.

Вотъ что онъ сдѣлалъ, вотъ что онъ сдѣлалъ со всѣмъ своимъ умомъ и хитростью...

Такъ пусть же теперь конецъ всему — однимъ разомъ нужно разбить этотъ страшный, замотавшійся узелъ. Пусть гибнетъ она, пусть послѣднее, ужаснѣйшее насиліе совершится надъ нею; но онъ все же не отдастъ ея жизни, не отдастъ ее людямъ!

X.

Недавно возникшій, уже совершенно устроенный іезуитскій монастырь въ Вильнѣ, находился вблизи отъ замка епископа. Костелъ величественной итальянской архитектуры выходилъ на обширную площадь. За костеломъ начинались монастырскія строенія, расположенныя квадратомъ. Снаружи были видны только высокія, крѣпкія каменныя стѣны безъ всякихъ признаковъ оконъ и воротъ. Очевиднымъ казалось, что проникнуть въ монастырь можно только черезъ ворота костела.

А между тѣмъ очень часто отецъ іезуитъ, вышедшій утромъ изъ монастыря, вечеромъ оказывался въ своей кельѣ и два сторожа, день и ночь стоявшіе у входа, могли чистосердечно поклясться, что они его не впускали. Это значило только, что для удобства сообщеній и разныхъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, іезуиты устроили подземный ходъ въ монастырь, куда проникать можно было съ нѣсколькихъ пунктовъ. Ходъ этотъ тянулся на значительномъ разстояніи и доходилъ до самаго рѣчнаго берега, гдѣ заканчивался небольшимъ отверстіемъ, тщательно скрытымъ въ глухомъ и никѣмъ не посѣщаемомъ оврагѣ. Остальные входы находились въ домахъ, принадлежавшихъ іезуитамъ.

Подземелье имѣло видъ узкаго корридора, выложеннаго камнемъ и заключало въ себѣ множество развѣтвленій. Слѣды его еще недавно находили въ Вильнѣ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ это было удобно и не представляло никакой опасности для сохраненія тайны, корридоръ сообщался съ поверхностью земли посредствомъ трубъ, проводившихъ въ него воздухъ и слабые проблески свѣта. По временамъ, на всемъ протяженіи подземелья, въ стѣнахъ попадались желѣзныя, окованныя дверки. Здѣсь помѣщались тоже кельи, но обитать въ нихъ приходилось, разумѣется, не сподвижникамъ ордена. Здѣсь висѣли тяжелыя цѣпи, большая часть которыхъ въ то время еще только ожидала несчастныхъ жертвъ іезуитской таинственной инквизиціи. Но все же нѣкоторыя изъ этихъ страшныхъ подземныхъ темницъ уже были оглашены человѣческими стонами.

Стоило человѣку узнать какую нибудь тайну ордена или такъ, или иначе показаться опаснымъ виленскимъ отцамъ—его тотчасъ же заочно судили и черезъ нѣсколько дней онъ пропадалъ безслѣдно. Выслѣдивъ его гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ или заманивъ въ монастырь, его схватывали и съ завязанными глазами приводили въ судилище. Когда снимали съ его глазъ повязку, онъ невольно долженъ былъ помертвѣть отъ ужаса — іезуиты, всегда любившіе разные эффекты, старались сдѣлать изъ своего судилища какое-то подобіе мрачной могилы. Оно помѣщалось подъ землею. Сводчатыя стѣны и полъ—все было черное. За чернымъ столомъ сидѣли судьи, какъ страшныя привидѣнія, скрывая свои лица подъ масками. Украшеніе склепа составляли только человѣческіе черепа да кости. На столѣ лежали цѣпи и орудія пытки. И все это озарялось тусклымъ свѣтомъ черныхъ восковыхъ свѣчей, вставленныхъ въ желѣзные канделябры.

Библиотека "Руниверс"

Внутренній видъ зданія всемірной выставки въ Филадельфіи.

Библиотека "Руниверс"

Угрозами, страхомъ, разнообразными пытками, изъ человѣка выжимали всѣ свѣдѣнія, какія онъ могъ доставить. Ему даже не говорили, въ чемъ его обвиняютъ, не давали права защищаться. Онъ долженъ былъ только отвѣчать правдиво на задаваемые ему вопросы. Когда вопросы истощались, желѣзная дверь скрипѣла на своихъ петляхъ; несчастнаго влекли въ подземный корридоръ, приковывали къ стѣнѣ въ душной, маленькой темницѣ и огромными замками запирали ея дверцу. Онъ оставался въ спертомъ, удушливомъ воздухѣ, на сыромъ каменномъ полу. Вокругъ него царствовала полнѣйшая темнота; онъ могъ ощупать только холодныя, мокрыя стѣны, могъ слышать только звукъ цѣпей, которыми былъ прикованъ. Его отчаянный вопль и стоны гулко оглашали низкій сводъ и замирали въ мертвомъ подземельѣ... Проходили долгіе, адскіе часы и ни кто къ нему не являлся, не приносилъ ему питья и пищи. Проходили еще часы—и къ его душевнымъ мукамъ, къ его ужасу, начинались примѣшиваться страданья голода и жажды... Тщетно кричалъ онъ и звалъ къ себѣ на помощь—никто не могъ услышать его, никто не могъ явиться на его зовъ, потому что голодная смерть была единогласно присуждена ему на судилищѣ отцовъ іезуитовъ.,.

И умиралъ человѣкъ въ лютыхъ мукахъ, и долго еще его семья и родные ожидали его возвращенія и никакъ не могли понять, куда это онъ дѣвался. Быть можетъ кто-нибудь изъ нихъ проходилъ надъ его головою, быть можетъ въ глухую ночь, когда стихалъ дневный шумъ и движеніе, можно было разслышать изъ глубины земли его тяжкіе, предсмертные стоны.

(Продолженіе будетъ).

Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ

Извѣстный естествоиспытатель, почетный членъ Петербургской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, докторъ Карлъ Эрнстъ фонъ Бэръ скончался въ Дерптѣ, послѣ продолжительной болѣзни, 16-го ноября сего года. Весь ученый міръ встрѣтитъ, конечно, съ глубокою горестью вѣсть о кончинѣ этого знаменитаго представителя науки.

Вся жизнь покойнаго была посвящена наукѣ, вся дѣятельность его направлена была на пользу Россіи. Онъ родился 17 февраля 1792 г. въ отцовскомъ помѣстьѣ Пипъ, въ Эстляндіи, посвятилъ себя, будучи еще гимназистомъ въ Ревелѣ, ботаникѣ, изучалъ затѣмъ, съ 1810 по 1814 годъ медицину въ Дерптѣ и зимою 1812—13 годовъ имѣлъ случай пріобрѣсти необходимую практику въ большомъ военномъ лазаретѣ въ Ригѣ. Для дальнѣйшаго своего образованія онъ поѣхалъ въ Германію и въ Вюрцбургѣ занимался сравнительною анатоміею. Въ 1817 году Бэръ принялъ мѣсто прозектора и приватъ-доцента въ кенигсбергскомъ музеѣ, описаніе котораго онъ издалъ въ 1822 году. Здѣсь Бэръ защищалъ диссертацію объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ въ Пруссіи, которая и доставила ему каѳедру зоологіи. Въ 1824 году онъ издалъ лекціи антропологіи, въ 1827 году—письма о яйцѣ животныхъ и эмбріологіи человѣка, въ 1828 году началъ издавать сочиненія по развитію животныхъ. Въ 1834 году онъ переселился совсѣмъ въ Петербургъ, будучи избранъ въ званіе академика, въ 1835 г. издалъ свое сочиненіе о развитіи рыбъ. Здѣсь онъ трудился не только какъ академикъ, но какъ членъ географическаго, вольно-экономическаго и другихъ ученыхъ обществъ.

Рыболовство Россіи обратило на себя вниманіе Бэра, и въ 1854 году имъ издано было сочиненіе историко-критическаго характера, въ которомъ онъ выставилъ рельефно наши богатства рыбою и недостаточность эксплуатаціи ихъ. Имъ изслѣдованы также содержаніе солей въ Балтійскомъ морѣ, вопросъ о различіи береговъ у нашихъ рѣкъ, текущихъ на сѣверъ или на югъ, вопросъ о проходимости сѣверныхъ морей, Новая Земля, Каспійское море, вопросъ о лѣсахъ нашего юга. Бэръ писалъ по вопросамъ о ледниковомъ періодѣ, о нефти, о мамонтахъ; имъ описаны пальмы каспійскаго побережья и разобрано сочиненіе профессора Мерклина о болѣзни картофеля. Зоологія, сравнительная анатомія, физіологія и антропологія обогащены его трудами; Бэръ признавался всѣми однимъ изъ выдающихся антропологовъ и эмбріологовъ. Извѣстный нашъ путешественникъ, Н. Н. Миклуха-Маклай, получилъ отъ Бэра программу занятій. На конгрессѣ антропологовъ въ Геттингенѣ въ 1862 г. Бэръ обратилъ на себя вниманіе своими проектами и взглядами. Этнографія, исторія, археологія, лингвистика обогащены его трудами. Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности Бэра, праздновавшееся въ 1864 году, было ознаменовано между прочимъ учрежденіемъ при академіи наукъ преміи его имени, стипендіи въ дерптскомъ университетѣ и изданіемъ его автобіографіи на суммы эстляндскаго дворянства, а также сборника разныхъ рѣчей Бэра. Бэръ трудился до послѣдняго времени, и почти не было мѣсяца, въ которомъ-бы имъ не было представлено какого либо разсужденія. Говорятъ, что послѣ покойнаго осталась масса рукописей.

Вмѣстѣ съ академикомъ Гельмерсеномъ имъ предпринято было въ 1839 году изданіе на нѣмецкомъ языкѣ сборника матеріаловъ для познанія Россіи и прилежащихъ къ ней странъ Азіи.

Земля и ея обитатели составляли великое поле его изслѣдованій, и онъ прилагалъ къ труду своему не только глубокое философское образованіе, но и такія основательнѣйшія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ, какими не обладали многіе великіе умы нашего времени. Великое, обширное, но глубокое знаніе, которое онъ до самого дня своей смерти неутомимо умножалъ и плодотворно прилагалъ къ дѣлу, наложили на всѣ его сочиненія монументальный характеръ, который они сохранятъ и до самыхъ отдаленныхъ временъ. Имя Бэра, пользующееся всемірною извѣстностью, крупными чертами внесено въ книгу науки и ея исторіи. Россія, для которой онъ трудился самоотверженно и съ величайшимъ успѣхомъ и изслѣдованіемъ которой особенно интересовался, лишилась въ немъ одного изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ ревнителей науки.

Филиппъ II, король Испанскій и дочь его.

(Картина Густава Барча)

Филиппъ II, король Испанскій, умершій въ 1598 году, оставилъ по себѣ весьма нелестную память. Это былъ государь характера мрачнаго, нелюдимъ, мизантропъ и, пожалуй, такой-же «грозный», какъ и нашъ царь Иванъ IV. При Карлѣ V инквизиція уже проявляла свою дѣятельность достаточно хорошо, но при Филиппѣ II это страшное судилище превратилось въ сущій адъ. Филиппъ ставилъ задачею своей жизни достиженіе трехъ цѣлей: увеличенія королевской власти, уничтоженія ереси (протестантизма) и всѣхъ привиллегій и народныхъ правъ. Чтобы достигнуть всего этого, онъ не затруднялся въ выборѣ средствъ, шелъ на проломъ, не обращая вниманія на благосостояніе государства. Во «славу Божію» онъ сжигалъ живьемъ «еретиковъ» цѣлыми сотнями. Эти сожженія (аутода-фе) имѣли обыкновенно праздничную торжественную обстановку. Дѣйствуя такимъ образомъ, запугивая, устрашая подданныхъ своихъ, Филиппу удалось уничтожить въ Испаніи *еретическую заразу* и отнять у народа и ту частичку свободы, которою онъ пользовался. Такая политика подорвала благосостояніе подвластныхъ ему странъ, только Нидерланды, благодаря собственной энергіи и мужеству, спасли себя, Филиппъ считалъ Нидерланды покоренною провинціею и довольно часто нарушалъ старинныя права ея жителей, а права эти и привелегіи были для нихъ очень важны. Такъ, напр., нидерландцы, имѣя своихъ представителей, могли изъявлять или не изъявлять согласіе на наложеніе новой подати; они пользовались независимымъ судомъ—поэтому, понятно, когда Филиппъ водворилъ инквизицію въ Нидерландахъ, сдѣлавъ Мехельнскаго архіепископа, кардинала Гранвеллу, мѣстнымъ великимъ инквизиторомъ—нидерландцы вышли изъ терпѣнія и во всемъ Брабантѣ вспыхнуло возстаніе. Испанскій король послалъ туда двуногаго тигра, герцога Альбу, съ порученіемъ какъ слѣдуетъ усмирить мятежниковъ. Альба постарался угодить Филиппу и повелъ дѣло такъ, что король былъ принужденъ отозвать его. Затѣмъ управленіе нидерландами было ввѣрено Александру Фарнезе, герцогу Пармскому. Но въ то время религіозная вражда между католиками и протестантами разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Послѣднихъ поддерживала англійская королева Елизавета, которая даже отправила войско въ Нидерланды, чтобы помѣшать успѣхамъ герцога Пармскаго. Казнь Маріи Стюартъ привела въ ужасъ и папу, и Филиппа II. Папа проклялъ еретичку-королеву, а Филиппъ отправилъ къ берегамъ Англіи «великую армаду» (130 военныхъ кораблей), чтобы разомъ покончить съ Англіей и ужь кстати съ безпокойными нидерландами. Но, какъ извѣстно, вся эта «армада» погибла во время бури и это было страшнымъ ударомъ для Испаніи. Нидерланды ожили и, благодаря Морицу Оранскому, стали энергичнѣе и успѣшнѣе

Библиотека "Руниверс"

отстаивать свою независимость. Война эта продолжалась и послѣ смерти Филиппа. Наконецъ, по Вестфальскому миру признана была независимость соединенныхъ штатовъ Голландіи. Филиппъ, процарствовавъ сорокъ два года, оставилъ Испанію въ самомъ плачевномъ состояніи. Сынъ его (отъ первой жены), Донъ Карлосъ, умеръ въ темницахъ инквизиціи. Филиппъ подозрѣвалъ его въ любовной связи съ своею второю женой, Елизаветой. Эта любовь послужила Шиллеру канвою для драмы «Донъ-Карлосъ».

Припомнимъ нѣсколько сценъ:

Короля терзаетъ мысль, что жена его обманула, что она любитъ Донъ-Карлоса... Онъ не можетъ заснуть, а ужь ночь давно наступила. Одинъ въ своей спальнѣ, полураздѣтый, король стоитъ передъ столомъ, облокотившись рукою на кресло, и говоритъ какъ-бы въ забытьи:

Она всегда мечтательна была—
Въ томъ нѣтъ сомнѣнья. Я не могъ любви
Внушить ей никогда, а все же... все-же—
Кто замѣчалъ, что въ ней она нуждалась?
И такъ, доказано—она коварна.

Подозрѣнія его усиливаются. Онъ становится еще мрачнѣе... У него есть дочь - Клара Евгенія, прелестный ребенокъ, но *его*-ли эта дочь?... Филиппъ сидитъ въ креслахъ, въ кабинетѣ своемъ; возлѣ него маленькая инфанта, Клара Евгенія.

Нѣтъ! (говоритъ онъ) Это все-же дочь моя. Какъ можетъ
Природа лгать съ такою правдой? Эти
Лазурные глаза—мои глаза!
Въ ея чертахъ я нахожу себя!
Да, ты дитя моей любви. Я жму
Тебя къ груди своей—ты кровь моя!
(Вдругъ останавливается, пораженный мыслью)
Кровь?... Чего-жь могу я худшаго страшиться?
Мои черты—*его* черты вѣдь также!

Онъ схватываетъ медальонъ съ портретомъ Донъ-Карлоса и смотритъ то на портретъ, то въ зеркало, стоящее напротивъ; наконецъ, бросаетъ медальонъ на полъ, быстро встаетъ и отталкиваетъ отъ себя инфанту.

— Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь!..

(Донъ-Карлосъ. Трагедія Шиллера. Актъ IV, сцена VII. Перев. М. М. Достоевскаго).

Густавъ Барчъ, вдохновившись этой сценой, нарисовалъ Филиппа вмѣстѣ съ дочерью его. Король уже нахмурилъ брови: онъ только что отвелъ глаза отъ медальона и глядитъ на дѣвочку... Еще нѣсколько мгновеній и—медальонъ полетитъ на полъ, Филиппъ вскочитъ съ кресла и оттолкнетъ дочь, воскликнувъ: «Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь...»

Избраніе Бориса Годунова на Царство.

(Окончаніе).

Русская церковь, по своей отдаленности, уже давно достигла самостоятельности; зависимость ея отъ восточныхъ патріарховъ послѣ покоренія Константинополя турками сдѣлалась чисто внѣшнею; духовные соборы достаточно ограждали ее отъ произвола свѣтскихъ властей; но тѣмъ не менѣе русскіе давно желали имѣть особаго патріарха. Учрежденіе патріаршества давало блескъ не только церкви, но и самому государству. Борисъ понималъ, какое важное значеніе можетъ оно имѣть для него самого, если выборъ патріарха окажется удачнымъ. Власть патріарха равнялась власти государя; пышность и торжественность, окружавшая его, должна была обаятельно дѣйствовать на массу, каждое слово его имѣть силу закона, особливо вначалѣ. Нужно было только отыскать человѣка, который, достигнувъ патріаршества, сдѣлался бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Бориса, сложилъ къ ногамъ его всю власть и вліяніе, которыми онъ пользовался. Такимъ человѣкомъ явился бывшій ростовскій архіепископъ Іовъ, заступившій мѣсто московскаго митрополита Діонисія, «благодарный за превеликую милость» и неизреченныя благодѣянія, оказанныя ему Борисомъ Годуновичемъ, еще въ то время, когда онъ былъ смиреннымъ епископомъ коломенскимъ. Борисъ и въ настоящемъ случаѣ не оставилъ своего любимца, лично хлопоталъ за него и велъ переговоры съ византійскимъ патріархомъ Іереміею, пріѣхавшимъ въ то время въ Москву. Изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ царю по древнему обычаю избранія, царь выбралъ Іова. Всѣмъ обязанный Борису, Іовъ готовъ былъ на всякія сдѣлки со своею совѣстью, не гнушался никакими средствами, когда приходилось послужить Борису. Такъ, въ 1591 году, когда вѣсть о внезапной смерти царевича Дмитрія разнеслась по государству, патріархъ торжественно объявилъ на соборѣ, что «царевичу смерть учинилась Божіимъ судомъ». Не повѣрилъ вначалѣ народъ справедливости словъ патріарха, прямо обвинялъ Бориса въ убійствѣ царевича; не убѣдили его послѣдовавшіе затѣмъ пытки, казни, рѣзанія языковъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ: выгорѣлъ весь Бѣлый городъ; Годуновъ расточалъ милости и льготы погорѣвшимъ, но москвичи говорили, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, чтобы милостями привязать къ себѣ жителей и заставить ихъ забыть о Димитріи. Пришелъ ханъ Казы-Гирей подъ Москву и по Украйнѣ понесся слухъ, что привелъ его Борисъ Годуновичъ «боясь земли за смерть царевича». Черезъ годъ послѣ угличскаго происшествія у царя родилась дочь Ѳеодосія и черезъ годъ умерла. Царь сильно опечалился, приказалъ по монастырямъ, храмамъ и нищимъ раздавать милостыню, для чиновъ придворныхъ было назначено *смирное платье* (трауръ) цвѣту темнозеленаго, вишневаго, багроваго, синяго, безъ саженья: патріархъ написалъ царицѣ утѣшительное письмо. Въ Москвѣ толковали, что царскую дочь уморилъ Борисъ Годуновичъ; ему же приписалъ народъ бывшую за три года передъ тѣмъ смерть маленькой дочери короля Магнуса. Подставной царь Симеонъ Бекбулатовичъ, жившій въ то время въ большой бѣдности, въ своемъ тверскомъ селѣ Кушалино, ослѣпъ на оба глаза; и въ этомъ обвиняли Бориса. Не было такого злодѣянія, котораго бы народъ по своей ненависти не готовъ былъ приписать правителю. Молчали только тѣ, которые были привязаны къ Борису личными выгодами. Заподозрили его Москвичи и въ смерти царя Ѳедора, послѣдовавшей 7 января 1598 года.

На вопросъ патріарха и бояръ: кому царство, насъ сиротъ и свою царицу приказываешь? умирающій царь отвѣчалъ тихимъ голосомъ: «Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ; и въ царицѣ моей Богъ воленъ, какъ ей жить, и объ этомъ у насъ уложено».

Едва умеръ царь, всѣ единодушно присягнули Ирінѣ. По тринадцатилѣтняя полумонашеская жизнь съ слабоумнымъ супругомъ, смерть единственнаго, давно желаннаго ребенка, не прошли безслѣдно для Ирины. Она на отрѣзъ отказалась отъ престола и заявила о своемъ желаніи постричься. Не соблазнило ее предложеніе Іова и бояръ, чтобы «она была на государствѣ, а править велѣла брату своему Борису Ѳедоровичу,» какъ было при покойномъ царѣ. На девятый день по кончинѣ царя Ирина удалилась въ Новодѣвичій монастырь и постриглась подъ именемъ Александры. Тогда дьякъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ собравшемуся въ кремлѣ народу и требовалъ присяги на имя думы боярской, но народъ завопилъ ему въ отвѣтъ: «не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу». Волей неволей пришлось пока царицѣ править государствомъ: дѣла производились по ея указу; бояре докладывали патріарху о дѣлѣ; патріархъ съ соборомъ и боярами составлялъ приговоръ и писалъ объ исполненіи приговора. Однако всѣ понимали что такое положеніе было временное: монахиня не могла остаться правительницей государства; всѣхъ занималъ вопросъ: кто будетъ избранъ на царство. Іовъ заранѣе заявлялъ, что въ дѣлѣ избранія ему принадлежитъ первый голосъ: «имамъ мы власть—писалъ онъ—какъ Апостольскіе ученики, сошедшись соборомъ, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого Богъ избралъ». Догадывались москвичи на кого намекаетъ патріархъ; не по душѣ народу былъ этотъ избранникъ; по прежнему не терпѣли его бояре. Изъ нихъ Романовы и Шуйскіе считали себя болѣе вправѣ занять русскій престолъ, чѣмъ какой нибудь потомокъ татарскаго мурзы; сильно злились они на патріарха и всячески корили его, но не смѣли открыто заявлять своихъ правъ. Зная, что власть по прежнему остается въ рукахъ Бориса, хотя по видимому патріархъ и царица правятъ государствомъ, они прибѣгли къ полумѣрѣ и предложили Борису избрать его на царство, но съ условіемъ, чтобы онъ цѣловалъ крестъ на грамотѣ, ограничивающей его власть. Не этого желалъ Борисъ; онъ не привыкъ дѣлиться властью и потому скромно удалился въ монастырь, увѣренный, что доброжелательный ему Іовъ поведетъ дѣло, сообразно его цѣлямъ. Борисъ не ошибся. Патріархъ, сопровождаемый боярами и народомъ, отправился въ Новодѣвичій монастырь просить царицу чтобы она благословила брата на престолъ. Просили и самого Годунова принять царство. Годуновъ отвѣчалъ отказомъ, говорилъ, что пусть радѣетъ и промышляетъ о государствѣ и земскихъ дѣлахъ патріархъ съ боярами, а если и его работа погодится, то, за святыя Божія церкви, за одну пядь Московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить. Много разъ послѣ того упрашивалъ Іовъ своего благодѣтеля наединѣ, долго совѣщались они и наконецъ рѣшили отложить дѣло до тѣхъ поръ, пока исполнится сорокъ дней по Ѳедорѣ и соберутся выборные съ городовъ на соборъ для рѣшенія: кого должно возвести на царство. Борисъ расчитывалъ, что будучи избранъ волею земли сядетъ на престолъ единовластнымъ государемъ. Расчетъ былъ вѣренъ. На соборѣ должны были участвовать 474 человѣка; но изъ нихъ большинство составляло духовенство и служилые люди: духовенство не смѣло противорѣчить патріарху; служилые были за Бориса: изъ бояръ, принадлежащихъ къ думѣ, можно было пригласить тѣхъ, которыхъ заблагоразсудится царицѣ. Послужилые составляли меньшинство.

Библиотека "Руниверс"

17 февраля, въ пятницу передъ масляницей соборъ по обычаю собрался въ столовой избѣ. За небольшимъ четырехъ-угольнымъ столомъ помѣстился патріархъ съ духовенствомъ, нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ членовъ думы и двумя дьяками для записыванія; остальные размѣстились на скамьяхъ около стѣны. Одинъ изъ дьяковъ изложилъ собору по какому дѣлу созвали его. Патріархъ Іовъ заговорилъ первый и просилъ соборъ объявить и дать совѣтъ: кому на великомъ преславномъ государствѣ паремъ быть? Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, объявилъ, что мимо Бориса Ѳедоровича нечего «искать и хотѣть» иного государя; и повелъ длинную витіеватую рѣчь о правахъ Бориса на престолъ; сообщилъ собору, что покойный царь Иванъ Васильевичъ еще при жизни своей дважды поручалъ Борису Ѳедоровичу сына своего Ѳедора и царицу Ирину. Патріархъ распространился также о мудромъ правленіи, милосердіи и заслугахъ Бориса, чести, какую ему оказывали иностранные государи, сіяніи святой русской церкви и прославленіи имени государя и государыни «отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной».

Соборъ единодушно избралъ Бориса Ѳедоровича на царство.

Въ слѣдующіе два дня, въ Успенскомъ соборѣ, по распоряженію патріарха служились торжественные молебны о томъ, чтобы Господь Богъ даровалъ христіанству, по его прошенію, царя Бориса Ѳедоровича. Въ понедѣльникъ на масляницѣ патріархъ съ духовенствомъ и цѣлою толпою народа отправился въ Новодѣвичій монастырь; кланялись они въ землю Борису Ѳедоровичу, молили принять царство. Но Годуновъ оставался непреклоненъ и отвѣчалъ: «Какъ прежде я говорилъ, такъ и теперь говорю, не думайте, чтобъ я помыслилъ на превысочайшую царскую степень такого великаго и праведнаго царя»...

Москвичи были въ недоумѣніи; Шуйскіе, и за ними другіе бояре начали громко поговаривать, что непристойно просить болѣе Годунова и нужно выбрать другого царя. Патріархъ увидѣлъ, что мѣшкать не слѣдуетъ. На слѣдующій же день 21 февраля двинулся крестный ходъ въ Новодѣвичій монастырь съ иконой Владимірской Божьей Матери. Изъ монастыря при звонѣ колоколовъ вынесли икону Смоленской Божьей Матери; за иконою вышелъ Годуновъ. Преклонивъ колѣна передъ образомъ Владимірской Богородицы, Борисъ долго лежалъ на землѣ и молился: затѣмъ приложился къ другимъ иконамъ и подойдя къ патріарху, громко сказалъ: «Святѣйшій отецъ, и государь мой Іовъ патріархъ, зачѣмъ ты чудотворныя иконы и честные кресты воздвигнулъ и такой многотрудный подвигъ сдѣлалъ. Растроганный патріархъ отвѣчалъ, что сама Пречистая Богородица съ своимъ предвѣчнымъ Младенцемъ, возлюбивъ Бориса Ѳедоровича, изволила прійти къ нему, и совѣтовалъ Годунову ослушаніемъ не наводить на себя праведнаго гнѣва Господня. Затѣмъ Іовъ пошелъ въ церковь, а Годуновъ къ сестрѣ въ келью, находившуюся у самой церкви; часть народа вошла въ монастырь; другая—вслѣдствіе тѣсноты осталась около ограды. Послѣ обѣдни патріархъ съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ и образами, пошли въ келью царицы, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей; долго били они челомъ царицѣ, стоя на колѣняхъ; дворяне же, приказные, гости и весь народъ, толпившійся у кельи и около монастыря, понуждаемые приставами, по данному знаку припадали къ мерзлой землѣ и громко вопили; «Благочестивая царица! помилосердуй о насъ, пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Ѳедоровича!» Смилостивилась наконецъ царица и пожаловала народу своего единокровнаго брата въ государи цари. Борисъ кротко и со слезами упрекнулъ царицу и патріарха, что такое тяжелое бремя возложили на него и предали «на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у него не было» и въ заключеніе сказалъ, что готовъ повиноваться волѣ Господней. Затѣмъ всѣ отправились въ церковь, гдѣ Іовъ благословилъ Бориса «на всѣ великія государства Россійскаго царства».

По окончаніи поста и пасхи Борисъ торжественно переѣхалъ на житье въ кремлевскій дворецъ. Патріархъ встрѣтилъ новаго царя крестнымъ ходомъ и въ Успенскомъ соборѣ, надѣлъ на него крестъ перваго московскаго митрополита, Петра. Борисъ обошелъ соборы съ сыномъ и дочерью. Затѣмъ устроенъ былъ большой обѣдъ для всѣхъ.

Не смотря на единодушное избраніе, Борисъ не довѣрялъ привязанности къ нему московскаго народа. Зная по примѣру прежнихъ лѣтъ, что москвичи не пойдутъ открыто противъ царя, Борисъ всего болѣе опасался тайной вражды; и эта вражда, по понятіямъ того времени, должна была неизбѣжно выразиться въ чародѣйствахъ и колдовствахъ. Постоянно окруженный вѣдунами и астрологами, Годуновъ вѣрилъ въ непреложную силу чародѣйствъ и потребовалъ отъ народа помимо обычной присяги въ вѣрности особой подкрестной записи, по которой присягавшій долженъ былъ клясться: царя царицу и ихъ дѣтей, въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ не испортить, зелья лихого и коренья не давать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать, на слѣду не испортить, по вѣтру лиха не посылать. Кромѣ того, отъ присягавшаго требовалась клятва въ томъ, что онъ не будетъ хотѣть на московское государство царя Симеона и его дѣтей и никого иного; не станетъ ни кружится, ни ссылаться съ царемъ Симеономъ. Видно все еще страшенъ казался Борису несчастный касимовскій ханъ. Тогда же сочинена была особая молитва о здравіи Бориса и его семейства, которую всѣ подданные должны были непремѣнно произносить во время заздравной чаши.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ въ вѣрности и покорности подданныхъ, Борисъ могъ покойно принять вѣнецъ, патріархъ давно поговаривалъ о томъ, что «уже время молить намъ Бога, чтобъ благочестиваго великаго государя царя нашего Бориса Ѳедоровича сподобилъ облечься въ порфиру царскую». Но вѣнчаніе пришлось отложить поневолѣ, потому что пронесся слухъ, что крымскій ханъ идетъ на Москву со всею ордою и турецкими полками. На берегахъ Оки собралась огромная рать; Борисъ съ дворомъ своимъ выѣхалъ изъ Москвы 2-го мая и остановился въ Серпуховѣ. Въ ожиданіи непріятеля Борисъ устраивалъ ежедневные обѣды для ратныхъ и другихъ людей, разсыпалъ щедроты и милости. Но слухъ о походѣ ханскомъ оказался ложнымъ: изъ Крыма явились мирные послы; царь принялъ ихъ съ честью и отпустилъ съ богатыми дарами.

По возвращеніи Бориса въ Москву патріархъ встрѣтилъ его какъ побѣдителя, благодарилъ «за совершеніе великаго подвига, за освобожденіе христіанъ отъ кровопролитія и плѣна!» Затѣмъ патріархъ, духовенство и весь народъ упали на землю и привѣтствовали Бориса.

1-го сентября, въ праздникъ Новаго года *) Борисъ вѣнчался на царство. Принимая благословеніе отъ патріарха, новый царь сказалъ ему во всеуслышаніе: «Отче великій, патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!»—и взявшись за воротъ рубашки продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми».

Неизвѣстно насколько современники повѣрили искренности этихъ словъ. Съ завистью должны были смотрѣть на Бориса бояре; но вѣнчаніе его не было для нихъ неожиданностью; еще въ предъидущее царствованіе, они имѣли много случаевъ убѣдиться въ смѣлости и честолюбіи Бориса. Жалки должны были казаться они самимъ себѣ, видя торжество ненавистнаго соперника и сознавая свое безсиліе передъ нимъ. Могли они сказать словами поэта:

«Не мало насъ, наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древнюю отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ,
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ;
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать».

(Пушкинъ «Борисъ Годуновъ»).

Всемірная выставка въ Филадельфіи.

(Общій обзоръ выставки).

Читатели наши уже знакомы съ американской выставкой по статьямъ и рисункамъ «Нивы» (см. 1874 г. № 11, 1875 г. № 44 и 1876 г. № 4). Теперь сдѣлаемъ общій ея обзоръ. Она имѣетъ до 170 павильоновъ. Главное зданіе выставки, занимаетъ пространство въ 936,000 кв. футовъ; на постройку ея пошло до 8,500,000 фунтовъ желѣза и болѣе 7,000,000 футовъ дерева; работа сдѣлана въ годъ тремя тысячами челов. Залы свѣтлы, просторны, и вентиляція вездѣ превосходная. Общая стоимость всѣхъ зданій выставки оцѣнивается въ 6 мил. доллар., стоимость выставленныхъ произведеній—105 мил. долл.

Въ 300 футахъ отъ главнаго зданія находится павильонъ художественной выставки, построенный во вкусѣ Renaissance изъ бѣлаго камня. Онъ останется послѣ выставки, какъ памятникъ перваго столѣтія американской независимости. Постройка его оцѣнивается въ 1,500,000 долларовъ.

Зданіе цвѣточной выставки тоже останется. Оно сдѣлано изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, желѣза, цвѣтныхъ кирпичей и темнаго мрамора. Стиль его мавританскій XII столѣтія. Густолиственныя деревья осѣняютъ его главные входы; съ широкой галлереи, во все зданіе, открывается великолѣпный видъ: вдали—голубыя воды рѣки, пароходы и парусныя суда, ближе лѣсистое ущелье съ перекинутымъ черезъ него желѣзнымъ мостомъ. Съ юга—паркъ, съ павильонами и аллеями, фонтанами и статуями. Не подалеку отъ машиннаго зданія, среди полянъ и виллъ—голубое озеро, съ фонтаномъ по серединѣ. На сѣверозападѣ, на опушкѣ лѣса цѣлый рядъ построекъ. Огромное зданіе сельско-хозяйственной выставки, красуется своими готическими башнями и арками среди темной зелени кедровъ.

*) Греческіе христіане въ Константинополѣ полагали сотвореніе міра въ субботу 1 сентября 5509 г. до Р. Х. и отъ этой эпохи вели свое лѣтосчисленіе. Русскіе оставили его въ 1700 году и ввели новый календарь, по которому годъ начинается 1-го января.

(Продолженіе на стр. 849 и 850).

Библиотека "Руниверс"

Правительство отдѣльныхъ штатовъ, собственники и директоры промышленныхъ заведеній, соружили множество своеобразныхъ павильоновъ: тутъ и замки въ стилѣ рококо и пестрый дворецъ купца изъ Марокко, и японскій храмъ, и кирпичный домъ съ кирпичною же крышей, построенный кирпичнымъ заводчикомъ.

Въ паркѣ много тѣнистыхъ бесѣдокъ, фонтановъ, а въ главныхъ зданіяхъ—роскошныя уборныя, для отдыха. Для представителей прессы отведено цѣлое зданіе съ великолѣпными кабинетами; почтовое отдѣленіе, телеграфное бюро, мѣняльная лавка—все подъ рукою. Газеты и прохладительные напитки продаются на каждомъ шагу. Дорожки между павильонами асфальтовыя; для переѣзда въ болѣе отдаленные павильоны—особая узкоколейная желѣзная дорога.

Главными оппонентами выставки являются граждане Америки: двѣ трети всего помѣщенія заняты ихъ произведеніями. Это не странно: выставка имѣетъ для американцевъ національное значеніе, а отдаленность разстоянія и расходы не позволили европейцамъ принять болѣе дѣятельное въ ней участіе. Главный интересъ представляетъ промышленная выставка и машинный отдѣлъ. Выставленные тутъ механизмы находятся въ непрерывной работѣ. Въ одномъ мѣстѣ фабрикантъ часовъ устроилъ мастерскую, гдѣ рабочіе (по большей части—дѣвушки) съ ловкостью фабрикуютъ машиной части часоваго механизма, и потомъ собираютъ часы. Типографскіе станки печатаютъ газеты, раздаваемыя тутъ же безплатно публикѣ. Автоматическія машины выдѣлываютъ изъ длинной полосы бумаги конверты сразу цѣлыми пачками, брошюруютъ и переплетаютъ книги Все это производится съ необыкновенной быстротой, и двѣ дамы, поставленныя къ этой машинѣ, только и дѣлаютъ, что подкладываютъ новые листы текста и обертки. Въ выставкѣ швейныхъ машинъ, тоже находящихся въ дѣйствіи, Англія и Америка являются равносильными соперницами. Фирма Зингеръ выставила цѣлый рядъ машинъ, отличающихся изяществомъ и прочностью. Фабрикантъ Госсей выставилъ швейную машину, приводимою въ дѣйствіе электрической баттареей. Машинный отдѣлъ напоминаетъ громадную мастерскую. Гидравлическія машины, водокачалки, пожарные снаряды, машины для кройки сукна, для бурaвленія камня и алмазовъ, ткацкіе станки, раздувальные мѣха для вентиляціи рудниковъ и пр.—все это въ дѣйствіи, шумитъ и работаетъ, приводимое въ движеніе великолѣпной паровой машиной въ 1400 лошад силъ. Машина—по срединѣ павильона; она тонкой отдѣлки и такъ тиха на ходу, что почти не слышно ея шума.

(Окончаніе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Въ засѣданіи Германскаго Рейхстага, 24 ноября (5 декабря), Германскій Канцлеръ ясно высказалъ непоколебимый принципъ дружбы къ Россіи, при этомъ палата воспользовалась случаемъ вызвать канцлера на большую откровенность. Ему сдѣланъ былъ запросъ: что онъ думаетъ о русской таможенной политикѣ (т. е. объ оплатѣ пошлинъ золотомъ). На запросъ этотъ Бисмаркъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, можетъ быть, таможенная политика Россіи и ошибочна, но что какое-либо иноземное правительство, не можетъ повліять на нее. Попрекнувъ затѣмъ депутата, сдѣлавшаго запросъ, за несвоевременность подобныхъ запросовъ, князь Бисмаркъ высказалъ убѣжденіе, что между Англіей и Россіей послѣдуетъ соглашеніе.

Попытки англійскаго уполномоченнаго, Лорда Салисбери, оказались тщетны, безплодны, какъ мы уже упоминали въ прошломъ полит. обозрѣніи (См. «Ниву» № 48), теперь это подтверждается категорическимъ и торжественнымъ заявленіемъ князя Бисмарка, что *поколебать дружбу Германіи къ Россіи никому не удастся*. Подобныя слова германскаго государственнаго канцлера рѣшительно опредѣляютъ современное направленіе политическихъ дѣлъ въ Европѣ.

Какъ скоро опасность общеевропейскаго столкновенія устраняется, конференція изъ представителей великихъ державъ въ Константинополѣ, очевидно, получаетъ важное значеніе, потому что она должна опредѣлить принципы улаженія восточныхъ дѣлъ и локализированія войны, если эта война дѣйствительно неизбѣжна.

Работы конференціи—пока только еще *предварительной*—начались уже формальнымъ образомъ прошлаго 29 ноября (11 декабря по новому стилю). Въ этотъ день состоялось у Генерала Игнатьева первое совѣщательное засѣданіе уполномоченныхъ великихъ державъ. Затѣмъ 2 (14) декабря снова происходило засѣданіе предварительной конференціи. Общее впечатлѣніе, полученное отъ результатовъ всѣхъ этихъ засѣданій, пока все еще можно назвать хорошимъ. Великій визирь посѣтилъ маркиза Салисбери и имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе. Съ другой стороны, телеграфъ сообщилъ намъ, что члены конференціи, повидимому, признали необходимость назначенія въ возставшихъ провинціяхъ Турціи губернаторовъ изъ христіанъ. Что касается отношенія конференціи къ вопросу о производимыхъ на театрѣ войны демаркаціонныхъ работахъ, то нашъ посолъ генералъ Игнатьевъ уже увѣдомилъ по телеграфу русскаго члена демаркаціонной коммисіи о томъ, что по вопросу о демаркаціонной линіи для Босніи ведутся въ Константинополѣ непосредственныя письменныя сношенія съ Портою. Въ виду этого, задача демаркаціонной коммисіи, по отношенію къ черногорскому театру военныхъ дѣйствій, представляется исчерпанною.

Отъ 3 (15) декабря телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что ежедневно засѣдающая предварительная конференція занята теперь выработкою проектовъ, подлежащихъ внесенію въ полное засѣданіе конференціи. Работы идутъ теперь *быстро и въ успокоительномъ направленіи*. Слѣдовательно, мирныя намѣренія совѣщающихся державъ, въ лицѣ своихъ представителей до сихъ поръ не нарушены.

О пресловутой турецкой конституціи съ отвѣтственностью министровъ, носились-было слухи, что она уже готова, совершенно выработана и что остается только осуществить ее. Нѣкоторые подвергали турецкую конституцію справедливой критикѣ уже по самымъ ея общимъ основаніямъ. Въ самомъ дѣлѣ: наиболѣе депутатовъ въ турецкій парламентъ должна дать Азіатская Турція, потому что турецкій элементъ въ европейской Турціи, сравнительно говоря, ничтожеинъ; но какіе же это депутаты—всякому понятно. Мусульманскій фанатизмъ, невѣжество и изувѣрство господствуютъ въ Азіатской Турціи въ сильнѣйшей степени. Какую роль будетъ играть христіанскій элементъ въ мусульманскомъ парламентѣ—опять какъ нельзя болѣе ясно; какъ ни кинь—все клинъ эта турецкая конституція. По этому-то становится понятнымъ въ высшей степени ложное положеніе творцовъ этой новоиспеченной конституціи. Газеты недавно сообщили, что если когда-нибудь будетъ обнародована оттоманская конституція, то въ *весьма измѣненной формѣ* и самое слово «конституція» будетъ замѣнено другимъ, менѣе страшнымъ (?) выраженіемъ. Объ отвѣтственности министровъ и говорить нечего, и если ужь въ европейскихъ конституціяхъ эта отвѣтственность практикуется весьма не удовлетворительно, то о Турціи-то что и толковать, но очевидно вообще, что турецкая конституція—громкая буффанада выдвинутая на передъ съ понятнымъ умысломъ—замазать и залакировать старческій недугъ разлагающагося государства.

Во Франціи положеніе дѣлъ продолжаетъ быть натянутымъ, но министерскій кризисъ пока не представляется неизбѣжнымъ. Читатели помнятъ (№ 48 «Нивы») бурный характеръ засѣданія, гдѣ бонапартизмъ и республиканизмъ понели свои счеты «на чистоту». Послѣдняя рѣчь Бисмарка, гдѣ онъ категорически заявилъ, что у Германіи одинъ врагъ—Франція, можетъ быть напомнитъ Франціи, что ожесточенные раздоры партій должны поглотиться и стушеваться въ общемъ чувствѣ патріотизма.

Въ Америкѣ творится что-то недоброе и чуть-ли не угрожаетъ ей снова междоусобная война. Изъ Нью-Іорка отъ 2 (14 декабря) телеграфируютъ, что оба національные комитета, республиканскій и демократическій, издали прокламаціи, въ которыхъ каждый изъ нихъ объявляетъ своего кандидата избраннымъ въ президенты союза. Вчера вечеромъ Гэйсу (кандидату республиканской партіи; демократической партіи кандидатъ, какъ мы сообщали въ № 45 «Нивы»—Тильденъ) была устроена серанада, причемъ имъ заявлено, что онъ спокойно отнесется ко всякому результату выборовъ и полагаетъ, что такъ же поступитъ значительное большинство оппозиціи. «Никакая страна, сказалъ Гэйсъ, находящаяся въ такой степени возбужденія, въ какой въ данное время находится Америка, не представляла примѣра подобнаго порядка. Докажемъ міру силу республиканскаго правительства». Докажутъ-ли они эту силу—вотъ вопросъ.

РѢШЕНІЕ
Задачи въ «Нивѣ» № 47.

Бѣлые.	Черные.
1) Ферзь возьметъ Е 4 ×	1) Король возьметъ ферзь F5—E4
2) Конь F 7 — D 6 ×	2) Король возьметъ коня E4—D5
3) С 2 — С 4 ×	3) Король возьметъ коня D5—D6
4) Е 7 — Е 8 составляетъ конь и × ×	

ОПЕЧАТКА.

Въ № 47 Нивы, въ статьѣ «О чемъ говорятъ развалины Ассиріи и Вавилона», вкралась опечатка. На стр. 781, во второмъ столбцѣ въ семнадцатой строкѣ сверху, сказано: «каждая плитка имѣетъ въ длину одинъ дюймъ, а въ ширину полдюйма». Слѣдуетъ читать: «каждая плитка имѣетъ въ длину одну четверть, а въ ширину полчетверти, т. е. два вершка».

СОДЕРЖАНІЕ: **Карлъ I, князь Румынскій** (съ портретомъ).—**Спасскія ворота въ Московскомъ Кремлѣ** (съ рисункомъ). **Н. К—овъ.—Уборка винограда въ Медокѣ** (съ 4-мя рисунками) **Щ.—Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Часть 2-я. (Продолженіе).—**Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ** (съ портретомъ).—**Филиппъ II, король испанскій и дочь его** (съ рисункомъ).—**Избраніе Бориса Годунова на царство** (окончаніе).—**Всемірная выставка въ Филадельфіи** (съ рисункомъ). **Щ.**—Политическое обозрѣніе.—Рѣшеніе шахматной задачи.—Опечатка.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1877 году

будетъ выходить, ежедневно листами большаго размѣра, Всѣхъ №№ въ продолженіе года выйдетъ 360.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 м.	На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
12 р.	11 р. 50 к.	11 р.	10 р.	9 р.	8 р.	7 р.	6 р.	5 р.	4 р.	3 р.	1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою заграницу:

На годъ. . . . . **22** р. — к. На 3 мѣсяца . . . . **6** р, **50** к.
» полгода. . . . . **12** » — » » 1 » . . . . . **2** » **50** »

Сдѣлавъ нашу газету **самой доступной по цѣнѣ изо всѣхъ большихъ политическихъ газетъ**, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по содержанію.

Особенное вниманіе обращено редакціею на политическій отдѣлъ. Съ мѣста событій на Балканскомъ полуостровѣ, мы получаемъ ежедневно особыя телеграммы и точныя, обстоятельныя свѣдѣнія отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. На дняхъ отправленъ нами туда еще нарочный корреспондентъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.
ВЪ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскій Міръ“, на углу Дмитровки и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ. 3—1

ПОДПИСЫВАЮЩІЕСЯ НА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

получатъ (7-го января 1877 г.) безплатно **купеческій календарь на 1877 годъ**, а теперь выдается еще безплатно

одна изъ слѣдующихъ премій

I. Руководство къ постройкѣ сельскихъ зданій съ 200 рисунковъ: школъ, больницъ, церквей, домовъ, ригъ, погребовъ, конюшенъ, бесѣдокъ и проч. **Содержаніе этой книги слѣдующее:** Выборъ мѣста для усадьбы. Расположеніе построекъ. Выборъ и заготовка матерьяловъ. Возведеніе фундамента. Цоколь. Возведеніе деревянныхъ, каменныхъ и глинобитныхъ стѣнъ. Устройство каменныхъ, цементовыхъ и паркетныхъ половъ. Потолки, стропилы и крыши разнаго рода.—Устройство печей и каминовъ. Штукатурка и окраска зданій. Устройство громоотводовъ. Какъ составлять смѣты.

2. Сельская технологія въ двухъ частяхъ съ 74 рисунками, содержаніе которой слѣдующее: Приготовленіе бумаги изъ дерева.—Издѣлія изъ папье-маше.—Фабрикація толя и каменной бумаги.—Приготовленіе разнаго рода клея.—Фабрикація всевозможныхъ цементовъ и замазокъ.—Глицериновое производство.—Мыловареніе.—Фабрикація разнаго рода стеколъ.—Деготь изъ осины.—Добываніе скипидара.—Проволочное производство.—Лудильное мастерство.—Валяльно-войлочное производство.—Спичечное производство.—Приготовленіе уксуса.—Приготовленіе колбасъ.—Приготовленіе голландскихъ сыровъ и масла.—Фабрикація сургуча и облатокъ.—Приготовленіе жидкаго стекла.—Фабрикація веревокъ и канатовъ.—Новыя усовершенствованныя машины.—Новости техники. **Гг. иногородные за пересылку премій прилагаютъ 20 коп.**

Въ будущемъ, въ 1877 году, отдѣлы: **какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ, сельскаго хозяйства, технологіи и литературы** будутъ значительно увеличены. „Русское Богатство» будетъ выходить 1—10 и 20 числа каждаго мѣсяца тетрадями большаго формата, въ три столбца убористаго шрифта, на хорошей проклеенной бумагѣ и въ продолженіи года дастъ **болѣе 300 изящно исполненныхъ художественныхъ рисунковъ** и особымъ приложеніемъ:

ДВА ЛУЧШИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНА

Цѣна «Русскаго Богатства» (съ безплатными преміями) **пять руб. Желающіе** получать всѣ преміи высылаютъ **семь руб.**

Контора помѣщается въ Петербургѣ, на углу Гороховой и Загороднаго проспекта, № 39.

Въ музыкальномъ магазинѣ «Сѣверная Лира» (Л. Фризе), на углу Невскаго проспекта и Троицкаго переулка (входъ съ Троицкаго), поступило въ продажу:

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ

ДѢТЯМЪ ПІАНИСТАМЪ:

Новый Сборникъ музыкальныхъ пьесъ въ легкой аранжировкѣ для фортепіано:

L'ENFANT AU PIANO

PAR N. TIVOLSKY.

Собраніе самыхъ лучшихъ и извѣстныхъ мелодій и танцевъ въ легкой аранжировкѣ для фортепіано. Цѣна 1 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Это собраніе отличается въ свою пользу отъ всѣхъ подобныхъ во многихъ отношеніяхъ. Цѣна при большомъ объемѣ (69 страницъ) таже, какъ и другимъ. Пьесы выбраны болѣе современныя, напр. La Créole, Mandalinata, La Fille de M-me Angot, Aida de Verdi, Si vous n'avez rien à me dire, дѣтскій арія изъ Фауста Гуно, Roméo et Juliette de Gounod, Письмо изъ Перикоплы, Зеленый Островъ Вальсъ, Air de Louis XIII, Венгерскій Танецъ Брамса, Сербскій танецъ и т. д. Раздѣленіе по степенямъ трудности болѣе послѣдовательно, и аппликатура поставлена самая вѣрная. Далѣе прибавлено особенное отдѣленіе танцевъ: Дѣтскій Балъ, въ числѣ 10. Вальсы, польки, кадриль и проч. (Любимая Кадриль Вьюшки, Вальсъ: Les Noces d'Heloise и друг.) также легко аранжированы. Въ концѣ прибавлено 5 пьесъ въ 4 руки. Изданіе печатано отчетливо на хорошей толстой бумагѣ. № 96.

„**Желаютъ купить** 250—500 дес. земли въ Полтавской, Кіевской или смежн. губ. близъ города съ водою, лѣсомъ и строеніемъ. Адресъ: Хвальнскаго уѣзда село Оверки, Владиміру Ивановичу Цимбалину. (150—152 б.)“ № 94.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“

(ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ)

Издаваемый торговымъ домомъ вещей и бѣлья А. Горочешникова,

ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ.

Съ 1-го января 1877 года журналъ будетъ выходить 1-го и 15-го числа и заключать въ себѣ до тысячи литографированныхъ рисунковъ **въ годъ** дамскаго и дѣтскаго туалетовъ, бѣлья и женскихъ рукодѣлій. Всѣ эти рисунки берутся съ парижскихъ моделей и еще изъ 20 слѣдующихъ, самыхъ лучшихъ французскихъ изданій: Aquarelle-mode, Elegance parisienne, Mode artistique, Moniteur de la mode, Mode illustrè, Revue de la mode, Haute nouveauté de Paris, Mode actuelle, Linqère parisienne, Bon ton, Courrier de la mode, Gazette rase, Dernière mode, Printemps, Modes parisiennes, Journal de coiffeurs, Modes françaises, Journal des dames et des demoiselles, Mode de Paris, или Illustrie des dames и спеціальный англійскій журналъ дѣтскихъ модъ Boys ande Girls; изъ этихъ изданій набираются только тѣ рисунки, которые болѣе соотвѣтствуютъ нашему сезону, такъ какъ многіе туалеты парижскихъ изданій не подходятъ къ условіямъ русской жизни. Подъ каждымъ туалетомъ объясняется, какъ слѣдуетъ подбирать полонезы или тюники, и сколько идетъ аршинъ матеріи и гарнировки на весь туалетъ, а также назначена и цѣна его въ готовомъ видѣ. Кромѣ того, будутъ даны: **12 картинъ раскрашенныхъ акварелью, 12 вырѣзныхъ выкроекъ и до 300 выкроекъ**, нарисованныхъ на отдѣльномъ листѣ—всѣ въ ростъ человѣка; 12 листовъ приложеній съ цвѣтными рисунками въ русскомъ и малороссійскомъ стилѣ, для вышивки рубашекъ, полотенецъ, салфетокъ, скатертей, юбокъ, шторъ, драпри, кальсонъ, кофтъ и т. п. Въ журналъ войдутъ туалеты для пожилыхъ и полныхъ особъ и новые фасоны сарафановъ для кормилицъ, а также обратитъ особенное вниманіе на домашніе туалеты въ отношеніи ихъ экономіи При заказѣ редакція высылаетъ образчики новыхъ матерій, за пересылку которыхъ прилагается двѣ марки по 8 коп. Между прочимъ въ журналѣ помѣстятся полное **руководство по всѣмъ дамскимъ рукодѣльямъ**, съ 105 рисунками въ текстѣ, объясняющими, какъ удобнѣе и какими инструментами слѣдуетъ работать. Гг. подписчики могутъ выписывать **отдѣльный патронъ** любой вещи, по своей таліи, высылая для этого мѣрку по указанію нашихъ фигуръ; за каждый подобный патронъ платится 50 к., съ пересылкой. Два раза въ годъ выдается **премія**, рисунокъ вышивки, сдѣланный въ натуральную величину на самой выкройкѣ. 1-го числа помѣщается хозяйственный отдѣлъ, а 15-го **модная хроника.**

ЦѢНА ИЗДАНІЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

за годъ 3 рубля 50 коп.

Контора редакціи: въ С.-Петербургѣ, Кариванная, д. № 18, въ бель-этажѣ.

№ 92. Редакторъ-издатель **А. Тарочешниковъ.**

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА.

Андрея Ткачева продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ С.-Петербурга.

ЦѢНА 2 Р.

Складъ въ Мал. Морск. № 19, кв. № 5.

Отзывы въ 1876 г: въ СП. Вѣд. № 63, Новое Вр. 20 Бирж. Вѣд. 94, Голосъ 178, Женск. Образ. 1—2. Недѣля 13—14, Педаг. Муз. 8 и др 3—1

ЖИЗНЬ ОТВѢТИЛА.

Повѣсть изъ современной жизни А. Т. Щеголовнова. СПб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ Ал. Игн. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго переулковъ, въ С.-Петербургѣ. № 89.

ABONNEMENTS-EINLADUNG

auf den

„ST. PETERSBURGER HEROLD“

Der „St. Petersburger Herold“ ist das **grösste in deutscher** Sprache erscheinende **politische Organ Russlands**, denn der „St. Petersburger Herold“ erscheint **täglich** (mit Ausnahme Montags) in der Stärke von **wenigstens zwei** Bogen—Format der **Wiener Presse**—; auch ist der „St. Petersburger Herold“ das alleinige Blatt Russlands, welchee regelmäseige wöchentliche Gratis-Beilagen hat, und zwar

Donnerstag die Gratis-Beilage: **Feuilleton-Beiblatt.**
Freitags die Gratis-Beilage: **Börsen-Kalender,**
Sonntags die Gratis-Beilage: **Land-und Hauswirthschaftliche Zeitung.**

Die **Montagsnummer** des „St. Petetsburger Herold“ von überwiegend feuilletonistischem Character mit interessanten Artikeln aus allen Gebieten, Plauderoien aus allen Hauptstadten, sowie aus den grösseren russischen Provinzial-Städten, Novellen, Humoresken, Kritiken, Biographien etc. etc. nebst politischer Wochenübersicht, neuester Post und neuesten Depeschen, hat wenigstens den Umfang von einem Bogen desselben Formats.

Laut der dem verantwortlichen Herausgeber des „**St. Petersburger Herold**“ ertheilten Kaiserlichen Konzession erscheint der „**St. Petersburger Herold**“ **ohne Präventiv-Censur.** Das Programm des „**St. Petersburger Herold**“ ist das weitgreifende eines **internationalen Vermittelungsorganes;** und zwar ist der „**St. Petersburger Herold**“ ein wahrheitsgetreter Berichterstatter über alle Vorgänge auf dem Gebiete der Politik und Gesellschaft, des Handels und der Industrie, der Kunst und der Wissenschaft, wie überhaupt aller Länder—**besonders Deutschlands und Oesterreich-Ungarns**, so in erster Linie.

RUSSLANDS,

in welcher letzteren Hinsicht der „**St Petersburger Herold**“ namentlich auch die Anschauungen der gesammten russischen Presse dem Auslande treu vermittelt und mit unparteiischer Kritik begleitet.

Der Abonnementspreis für den „**St. Petersburger Herold**“ **mit Zustellung in St. Petersburg** beträgt, 13 Rubel für das Jahr; 7 Rubel für ½ Jahr; 3 Rubel 75 Kop. für ¼ Jahr; 1 Rubel 25 Kop. für den Monat. **An allen anderen Orten Russlands** mit Zustellung: 14 Rubel für das Jahr; 7 Rubel 50 Kop. für ½ Jahr; 4 Rubel für ¼ Jahr; 1 Rubel 50 Kop. für den Monat.

Zu recht zahlreichem Abonnement ladet ergebenst ein.

Die Administration des „St. Petersburger Herold“.
St. Petersburg, Wosnessenskij-Prospekt (Blaue Brücke) № 3.

Зубной врачъ БАРСЪ.

Искусственные зубы, пломбированіе и леченіе зубныхъ болѣзней, Б. Морская д. 35. 26—23

Дозволено цензурою. СПБ. 10 Декабря 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская, № 9. Въ Москвѣ: Ал. пр., № 10.
Библиотека Вячеслава Ивановича

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 51 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 20 Декабря 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ланъ и А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ"** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Графъ Андраши.

Графъ Юлій Андраши родился 8 Марта 1823 г. въ Землинѣ. По окончаніи университетскаго курса онъ выступилъ на политическое поприще. Увлеченный мыслію о полной венгерской автономіи, онъ сталъ въ ряды мадьярскихъ патріотовъ и пріобрѣлъ огромную популярность. Блестящія дарованія, широкая образованность и основательное знакомство съ многими языками выдвинули его далеко впередъ. На 24 году своей жизни онъ уже явился на Пресбургскомъ сеймѣ депутатомъ въ землинскій комитетъ. Въ этомъ званіи онъ сталъ во главѣ землинской милиціи и когда вспыхнуло возстаніе въ Венгріи, онъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, сражаясь противъ имперскихъ войскъ. За это патріотическое участіе графъ Андраши едва не поплатился жизнію. Имперскій сеймъ приговорилъ его къ смертной казни. Въ Темешварѣ была воздвигнута висѣлица, на которой было уже написано имя Андраши. Но онъ, благодаря счастію, избѣгнулъ этой участи. Не задолго до этого, онъ было посланъ Дербечинскимъ инсуррекціоннымъ правительствомъ въ Турцію, въ качествѣ представителя независимой Венгріи. Это посольство спасло графа, такъ какъ паденіе Кошута, капитуляція Грея и затѣмъ висѣлица — все это случилось въ то время, когда онъ былъ въ Константинополѣ, гдѣ и остался. Изгнаніе Андраши продолжалось до 1860 г. Большую часть времени онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ и женился на дочери графа Кендеси изъ Моловица. Неизвѣстно, сколько-бы времени продолжалось его изгнаніе, если-бы не старанія его матери, которая долгое время хлопотала предъ правительствомъ, о разрѣшеніи вернуться графу въ отечество. Благодаря этимъ стараніямъ, онъ возвратился въ Венгрію въ 1860 г., а въ слѣдующемъ уже является депутатомъ венгерскаго сейма и дѣлается однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Деака. Въ 1865 г. венгерская палата депутатовъ избрала его своимъ вице-президентомъ. Въ этомъ званіи онъ, вмѣстѣ съ другими членами комитета, образованнаго по

Графъ Юлій Андраши, канцлеръ Австро-Венгерской Имперіи. Рис. Дювивье; грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

предложенію Деака, энергически работалъ надъ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ земель венгерской короны. Но возникшая въ это время Австро-Прусская компанія прервала эту дѣятельность комитета, и открытіе венгерскаго сейма отложено. По окончаніи войны, началось преобразованіе венгерской монархіи по системѣ дуализма. Графъ Бейстъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а графъ Андраши былъ назначенъ первымъ министромъ Венгріи 16 февраля 1867 г., вмѣсто Деака, который отказался занять этотъ постъ. И теперь онъ обнаружилъ такую же энергію, такой же горячій патріотизмъ, какъ и прежде. Онъ снова сталъ во главѣ движенія, стремившагося къ достиженію политической независимости Венгріи. Эта цѣль, благодаря дѣятельному участію Деака и Андраши, была достигнута въ 1867 г. Королевство Св. Стефана получило совершенно отдѣльное политическое существованіе, съ которымъ неразрывно связано имя Андраши. Послѣ отставки Бейста, графъ Андраши сталъ во главѣ управленія Австріи, заручившись еще прежде довѣріемъ Императора Франца Іосифа. Въ настоящее время онъ стоитъ на сторонѣ мира и если активно не поддерживаетъ политики нашего правительства, то и не становится съ нею въ раздоръ, подобно министерству британскаго правительства.

Княжна Острожская.

Историческая повѣсть Вс. С. Соловьева.

Часть вторая.

(Окончаніе).

Рѣдко обезображенный, неузнаваемый трупъ всплывалъ на поверхность Виліи. Чаще же несчастныхъ такъ и забывали въ подземныхъ могилахъ, пока еще оставались свободныя цѣпи—всюду въ развалинахъ іезуитскихъ монастырей, на всемъ протяженіи Литвы и теперь еще, спустившись въ подземелья, можно видѣть цѣлыя груды человѣческихъ костей, сваленныхъ вмѣстѣ, и отдѣльные скелеты подъ ввинченными въ стѣны тяжелыми цѣпями...

А надъ страшнымъ мракомъ этихъ корридоровъ и склеповъ, гдѣ замирали предсмертные стоны и разлагались прикованные трупы, въ кельяхъ монаховъ царила роскошь. Обширный внутренній монастырскій дворъ былъ превращенъ въ прелестный цвѣтникъ. Кромѣ того, здѣсь были устроены оранжереи и парники, выращивались дорогія растенія и всевозможные фрукты.

Таковъ былъ монастырь, куда, по приглашенію отцовъ іезуитовъ, переселилась княгиня Беата съ Гальшкой и Антоніо.

Гонецъ отъ княгини уже мчался въ Краковъ; но невозможно было скоро ожидать его возвращенія.

Нѣсколько краснорѣчивыхъ монаховъ, пользовавшихся расположеніемъ Беаты, вполнѣ одобрили планъ Антоніо и тотчасъ же приступили къ его исполненію.

Они неустанно, порознь и вмѣстѣ, старались убѣдить Беату, что самое лучшее, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ и въ случаѣ успѣха Гурки, посвятить Гальшку Богу. Отдать ее лютеранину Гуркѣ—значитъ согласиться на ея вѣрную погибель. Если она сама такъ молода и неразумна, что не можетъ понять этого, то мать имѣетъ полное право рѣшить за нее, силой принудить принять католичество и постричься. Есть обстоятельства, когда Богъ разрѣшаетъ насильственныя дѣйствія—совершая ихъ, нужно только постоянно имѣть въ мысляхъ ту благую цѣль, къ которой они приводятъ. Если Гальшка упорно откажется произносить обѣты и совершить все, что требуется правилами, то княгиня можетъ исполнить это за нее.

За этими совѣтами слѣдовали потоки самаго обольстительнаго краснорѣчія. Отцы іезуиты рисовали яркими красками послѣдствія такого добраго дѣла. Если княгинѣ тяжело отказаться отъ дочери, отъ своихъ материнскихъ надеждъ видѣть ее среди блестящей, свѣтской обстановки—то тѣмъ угоднѣе будетъ Богу эта великая ея жертва. Пусть она обдумаетъ все хорошенько, вглядится во всѣ обстоятельства: не видимо ли перстъ Божій указываетъ ей, что она должна поступить именно такъ, и что къ этому клонится судьба ея дочери. Другая дѣвушка выростетъ, выйдетъ замужъ, и все это совершится естественнымъ порядкомъ. Съ Гальшкой не то: вотъ она въ короткое время уже два раза обвѣнчана, а между тѣмъ у нея нѣтъ мужа. Къ тому же она очевидно и не создана для свѣтской жизни — живя въ домѣ матери, окруженная блестящимъ обществомъ и толпой поклонниковъ и искателей, она не наслаждается жизнью, а тоскуетъ и вянетъ. Она сама просится въ монастырь .. Но въ русскомъ схизматическомъ монастырѣ она не спасетъ свою душу. Княгиня, какъ ревностная и благочестивая католичка, сама знаетъ, что обязана привести дочь къ истинной церкви... Да и кто знаетъ, какія еще новыя испытанія судьба готовитъ Гальшкѣ, если она останется въ свѣтѣ, какое новое горе, быть можетъ, ожидаетъ и княгиню... Сколько ежедневныхъ волненій и опасностей! А въ монастырѣ, благословленная папою, Гальшка успокоится, успокоится на ея счетъ и княгиня. Неужели такъ уже дорогъ весь этотъ мишурный блескъ, успѣхи при дворѣ, пороки, искушенія и ежеминутная вѣроятность паденія, что нельзя отдать всего этого за жизнь, посвященную только Богу, молитвѣ и святымъ помысламъ. Да и сама княгиня,—развѣ дорожитъ она свѣтомъ, развѣ давно ужь не отказалась она отъ него, не отдала своей жизни дѣламъ благотворительности и молитвѣ?! Зачѣмъ же не хочетъ она того же и для своей дочери?!..

Княгиня Беата вслушивалась въ эти рѣчи и сознавала ихъ справедливость. Вѣдь тоже самое давно ужъ и постоянно твердилъ ей и Антоніо. Но и тогда, и теперь, не возражая, она все же колебалась послѣдовать благочестивымъ совѣтамъ. Въ ея сердцѣ жили иногда самыя противуположныя чувства, въ ея головѣ гнѣздились противорѣчащіе другъ другу помыслы. Она искренно ненавидѣла свѣтъ и жила почти какъ монахиня, но въ тоже время она всякій разъ, упорно и невольно, гнала отъ себя мысль видѣть Гальшку въ монашеской одеждѣ. Все, о чемъ въ дни молодости она мечтала для себя самой, всѣ свои честолюбивые планы, она перенесла на дочь—чудную, изумлявшую всѣхъ красавицу... Нѣтъ, такая красота рождена не для монашеской кельи. Предъ такой красотой долженъ преклониться свѣтъ, она должна принести честь и славу всему ихъ роду. Гальшка не можетъ, не можетъ ограничиться глухой, будничной долей. Что бы тамъ ни было, что бы ни случилось въ прошломъ — все это пройдетъ, пройдетъ; и въ концѣ концовъ красавица Гальшка очутится на верху земной славы и земнаго величія... Такъ еще недавно думала и чувствовала княгиня и не легко было ей разстаться съ этими мыслями.

Но послѣднія обстоятельства, неожиданныя и ужасныя, довели ее до высшей степени раздраженія. Она перестала мечтать о будущемъ Гальшки. Теперь въ ней была только ненависть къ дочери и Гуркѣ. Дойдя до убѣжденія, что дочь сама устроила все дѣло, чтобъ причинить ей горе, она поклялась обуздать ее и показать ей свою силу... Но ненавистнѣе всѣхъ и всего былъ для нея Гурко. При одной мысли о немъ она доходила до бѣшенства и клялась, что не смотря ни на какіе приказы королевскіе, онъ никогда не увидитъ Гальшки...

Во время одного изъ разговоровъ съ отцемъ Антоніо она сказала ему:

— Вотъ ужъ и время было бы возвратиться гонцу

Библиотека "Руниверс"

нашему, а его все нѣту... боюсь, что дѣла плохи... теперь пора дѣйствовать...

— Давно пора дѣйствовать, отвѣтилъ Антоніо. — Здѣшніе отцы только и ждутъ вашего разрѣшенія — скажите слово — и завтра княжна будетъ монахиней. Вы немедленно отправите ее въ Италію съ надежными друзьями нашего ордена, я самъ, наконецъ, берусь сопровождать ее. Тогда вамъ останется только устроить здѣсь свои денежныя дѣла такъ, какъ уже было условлено между нами, и мы будемъ ожидать васъ въ Римѣ... Пора, пора, княгиня—для всѣхъ насъ должна начаться новая жизнь...

Беата заволновалась — въ послѣднее время она не могла говорить спокойно и благоразумно.

— Нѣтъ, отецъ мой, нѣтъ—мы могли такъ мечтать и строить планы... но теперь нечего и думать исполнять ихъ... Пустить Гальшку въ монастырь! Я думаю она будетъ рада этому—она знаетъ, что не къ тому я ее предназначала... Въ монастырь!—для чего? для того, чтобъ обмануть Бога?! Мы два года бились съ нею, всячески ее убѣждали; но вѣдь вы знаете теперь, понимаете, что никогда она не будетъ католичкой... И потомъ, и потомъ—развѣ вы не видѣли ее въ послѣднее время — вѣдь теперь она помышляетъ только объ одномъ, чтобъ отъ меня избавиться... я теперь знаю, до чего она хитра—она пожалуй для виду и приметъ католичество, и пострижется, а потомъ найдетъ способъ убѣжать изъ монастыря къ своимъ защитникамъ, къ тому же Гуркѣ.. И будетъ кричать объ насиліи, и вооружитъ всѣхъ противъ насъ... и доведетъ меня до могилы...

Антоніо только пожалъ плечами. Онъ не могъ считать Гальшку способной на все это. Онъ зналъ, что вольно или невольно попавъ въ монастырь, она уже не уйдетъ оттуда...

Княгиня продолжала волнуясь все больше и больше:

— Нѣтъ, мнѣ теперь дѣла нѣтъ никакого до моей дочери... я забываю о ней, она сдѣлала все, чтобъ уничтожить во мнѣ материнскія чувства. Мнѣ теперь дѣло только до Гурки, я докажу ему, что безнаказанно нельзя глумиться надо мною! Я и королю покажу съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло! А! они увидятъ, увидятъ, что и я способна быть рѣшительной, когда надо!...

И она остановилась сверкая глазами и задыхаясь. Антоніо понялъ, что въ головѣ ея внезапно созрѣлъ какой-то безумный планъ.

— Что вы еще задумываете? усталымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Что я задумываю?!—я задумываю такое, чего они никакъ не ожидаютъ! Я буду ихъ бить ихъ же оружіемъ... Пускай Гурко теперь является сюда съ приказомъ короля за своей законной женой! Онъ не найдетъ здѣсь графини Гурко — Гальшка ужъ будетъ тоже законной женой другого...

Антоніо взглянулъ на Беату какъ на сумасшедшую— этого даже отъ нее не могъ ожидать онъ.

Но она жадно ухватилась за свою внезапную, сумасбродную мысль и съ каждою секундой находила ее все болѣе и болѣе цѣлесообразной. Она чувствовала какое то наслажденіе въ сознаніи, что всѣхъ поразитъ своимъ поступкомъ, запутаетъ дѣло до невозможности... Чтожъ Гальшка!? пусть пропадаетъ теперь Гальшка, лишь-бы ея враги растерзали другъ друга.

— Да! быстро заговорила она,—я знаю человѣка, который будетъ здѣсь по первому моему знаку и обвѣнчается съ Гальшкой—вѣдь ей видно такъ ужъ суждено всю жизнь вѣнчаться! Это—Олельковичъ-Слуцкій... онъ православный... пусть... ничего... но у него знаменитое имя, богатство, родство съ нами — онъ все же лучшій мужъ чѣмъ этотъ Гурко... да я этимъ поступкомъ заставлю лютаго врага моего, князя Константина, способствовать моимъ цѣлямъ, онъ станетъ хлопотать за Слуцкаго... Они всѣ тамъ перегрызутся какъ собаки... Слуцкій обожаетъ Гальшку и ненавидитъ Гурку... Я знаю, чѣмъ бы ни кончилось у нихъ тамъ въ Краковѣ, что бы ни постановили сенатъ и король—Гурко не увидитъ Гальшки. Если рѣшатъ дѣло въ пользу Слуцкаго — Гурко долженъ будетъ замолчать и всю жизнь не забудетъ, что значитъ оскорбить Беату Острожскую. Если онъ добьется своего и ему велятъ отдать Гальшку, то прежде, чѣмъ онъ ее увидитъ, Слуцкій ужъ убьетъ его — я знаю Слуцкаго, онъ не отдастъ Гальшки...

— Княгиня, да вѣдь это безумство! вскричалъ Антоніо. —Вы только погубите княжну и ничего не достигнете...

Онъ даже испугался. Онъ видѣлъ, что Беата теперь неспособна ничего понимать. Уже не въ первый разъ, дойдя до такого состоянія, она во что бы то ни стало приводила въ исполненіе первую безумную мысль, приходившую ей въ голову. Отговаривать ее, убѣждать— значило только подливать масло въ огонь. Бывали минуты когда для нея несуществовало ничьего авторитета, ничьего вліянія. Она не терпѣла тогда посторонняго вмѣшательства и, несмотря на всю свою близость къ отцу Антоніо, вдругъ доказывала ему, что онъ далеко не всецѣло завладѣлъ ея душою. Какой-то упорный бѣсъ сидѣлъ въ этой женщинѣ и мутилъ иногда ей разумъ.

Антоніо замолчалъ. Онъ зналъ, что покуда они въ монастырѣ, іезуиты не допустятъ ее до исполненія сумасброднаго плана. Но вѣдь нельзя было силой удержать ее въ монастырѣ, если она пожелаетъ вернуться въ свой домъ. Княгиня Беата Острожская не могла пропасть въ іезуитскихъ подземельяхъ. Это значило-бы черезчуръ ужъ рисковать и приготовить ордену много непріятностей и бѣдствій. Но и это бы еще ничего—изобрѣтательность и хитрость іезуитовъ пожалуй бы побѣдили всѣ улики и подозрѣнія, съумѣли бы тщательно и безопасно для себя скрыть новую свою тайну. Княгиня Беата не могла безслѣдно исчезнуть по инымъ соображеніямъ. Большая часть ея состоянія, равно какъ и состояніе Гальшки была еще въ ея рукахъ. Съ ея исчезновеніемъ орденъ долженъ бы былъ упустить это богатство—а оно всецѣло предназначалось въ его собственность.

Да, дѣлать нечего — придется обойтись безъ Беаты.

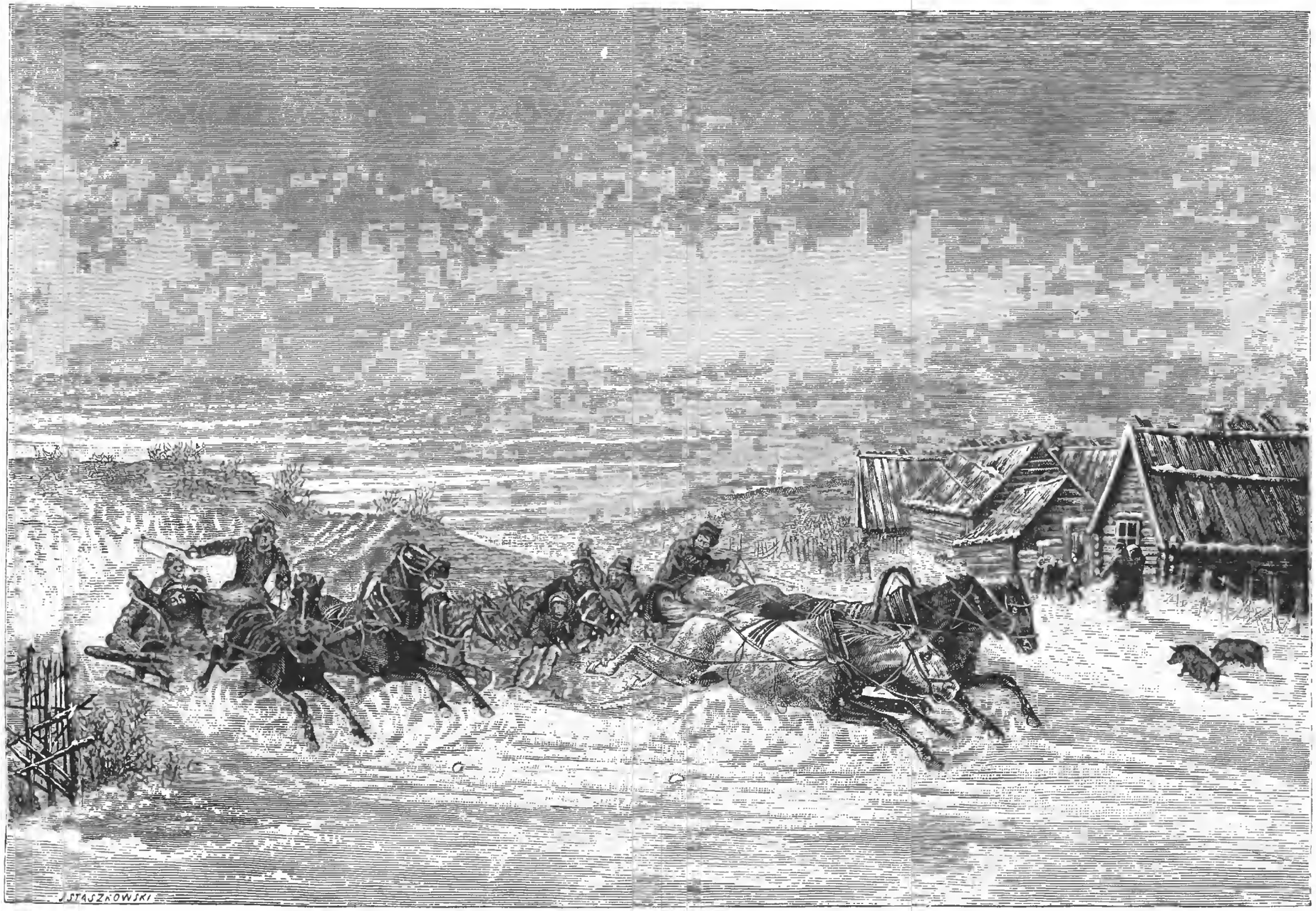
И вотъ, послѣ таинственнаго совѣщанія, одинъ изъ іезуитовъ — почтенный, сѣдовласый патеръ, пробрался въ небольшую, но очень удобную и красиво убранную келью, занимаемую Гальшкой.

Гальшка всѣ дни проводила почти не выходя отсюда. Сначала она чувствовала себя очень слабой. Ея забытіе и обычная апатія смѣнялись порывами отчаянья. Но потомъ она стала находить даже нѣкоторое успокоеніе въ никѣмъ не возмущаемой тишинѣ этой кельи.

Мать къ ней не показывалась. Молчаливая служанка, взятая изъ дому, поспѣшно исполняла свои обязанности и затѣмъ удалялась. Какой-то сгорбленный старикъ итальянецъ приносилъ ей изысканную пищу, на массивномъ серебряномъ подносѣ.

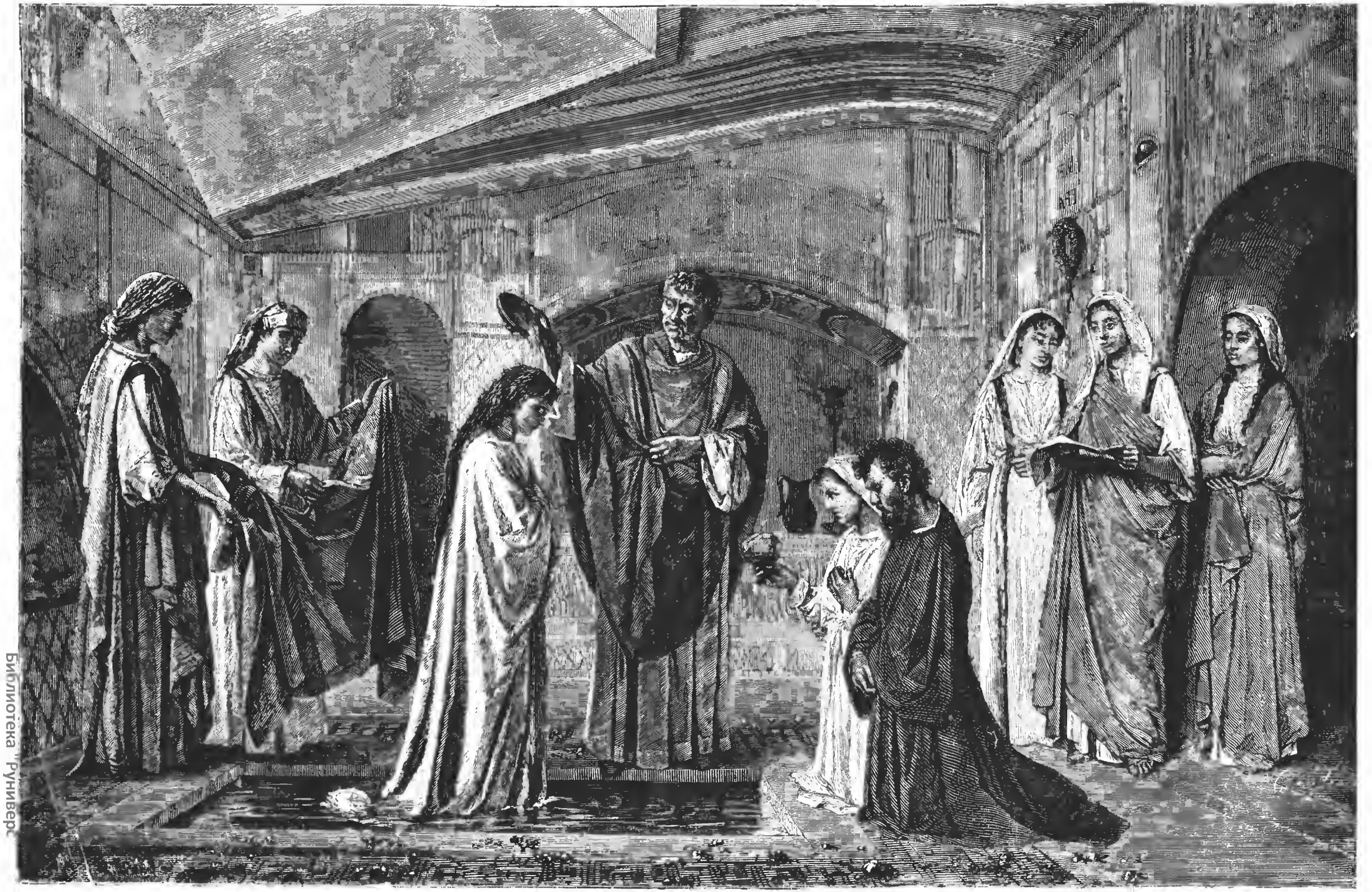
Долго ли будетъ продолжаться эта тихая жизнь и чѣмъ она кончится?! Вотъ, быть можетъ, скоро явится Гурко, заявитъ свои законныя права и увезетъ ее. При этой мысли она снова приходила въ себя и содрогалась. То, на что она согласилась нѣсколько дней тому назадъ, теперь представлялось ей чудовищнымъ и невозможнымъ. Все равно, все равно! — пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ! говорила она недавно въ полномъ упадкѣ нравственныхъ силъ. Но вотъ новые ужасы, случившіеся съ нею, не убили ее, а, напротивъ, возбудили въ ней всю жизнь, на какую еще была способна душа ея. Она въ первый разъ за всѣ эти тяжкіе полтора года взглянула на судьбу свою съ негодованіемъ и горечью.

Библиотека "Руниверс"



Американская Выставка въ Филадельфіи. Русскій отдѣлъ художествъ: Масляница; картина професора Сверчкова.
Рис. на деревѣ Лосевъ, грав. Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"



Крещеніе въ Катакомбахъ; картина профессора Чекарини. Рис. на деревѣ Бонаморе, грав. Чентенари.

Библиотека "Руниверс

До сихъ поръ она только мучилась, тосковала и молилась, чтобъ побѣдить сердечный ропотъ. Она старалась никого не винить и подчинялась волѣ матери во всемъ, за исключеніемъ вопроса о православіи. Подъ конецъ ея апатія и жалкая покорность стали переходить почти въ тихое помѣшательство. Послѣднее потрясеніе, измѣна Зоси, страшныя рѣчи матери дали ей толчекъ—и она очнулась. Здѣсь, въ этой уютной кельѣ, она поняла что слабость, выказанная ею, была преступной, недостойной человѣка слабостью. У нея отняли все, что было ей дорого, ее отравили медленнымъ ядомъ, а она и не пробовала бороться! Когда-то она горячо любила мать, она хорошо понимала свои обязанности передъ нею; но вѣдь та цѣлымъ рядомъ неслыханныхъ, ужасныхъ поступковъ доказала ей, что долженъ быть предѣлъ дочернему послушанію и смиренію. Кто же, наконецъ, ея злѣйшій врагъ, какъ не княгиня? Кто убилъ ея мужа, кто вытягивалъ всю ея душу, заставляя отказаться отъ вѣры, въ которой она была воспитана, кто страшно оскорбилъ ее, ни въ чемъ не повинную такими словами, что она даже боится повторить ихъ въ своихъ мысляхъ?! Боже, прости ее, но она не можетъ больше считать княгиню матерью...

И теперь она будетъ бороться, покуда смерть не положитъ конца ея усиліямъ. Она не можетъ и не должна больше такъ жить, она, при первой возможности, убѣжитъ изъ дому. Она найдетъ добрыхъ людей, которые доставятъ ее къ князю Константину, а онъ дастъ ей возможность—все равно гдѣ, въ монастырѣ или у него въ домѣ — запереться навсегда отъ свѣта и отдаться одной молитвѣ... Какъ могла она не сдѣлать этого гораздо раньше? Что такое творилось съ нею? гдѣ былъ ея разумъ?!. .

Но что же теперь, если явится Гурко? Вѣдь она не можетъ же быть его женою... Боже, что она сдѣлала! какъ могла она дойти до такого непонятнаго безумства?! Она не знаетъ какъ это будетъ, она знаетъ только одно, что не пойдетъ къ Гуркѣ, не опозоритъ себя его прикосновеніемъ... Развѣ возможно подобное супружество, развѣ оно не равняется самоубійству?!

Ей становилось страшно и она начинала горячо молиться.

Въ одну изъ такихъ минутъ кто-то постучался у ея двери.

Она отворила и увидѣла стараго монаха.

— Что вамъ нужно, отецъ мой? съ изумленіемъ спросила она.

Іезуитъ взглянулъ на нее добродушно и ласково и просилъ позволенія поговорить съ нею о дѣлѣ.

„Опять католичество!“ раздражительно подумала она и молча указала ему на стулъ.

Онъ сѣлъ и началъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ:

— Дочь моя, я знаю, что ты страдаешь, что жизнь твоя не радостна... и некому тебя утѣшить, и ты окружена врагами. Я знаю, что ты съ предубѣжденіемъ смотришь на религію, которую я исповѣдую и невольно должна глядѣть на меня какъ на недруга и навязчиваго, непрошеннаго гостя... Но если даже горе и несправедливости людскія ожесточили твое сердце, все же оно такъ еще молодо, что не можетъ не понять естественныхъ побужденій другого сердца. Прошу тебя, забудь, что я католическій монахъ и смотри на меня просто какъ на человѣка... Когда то у меня была тоже дочь, тамъ, далеко, въ Италіи... и я схоронилъ ее.., Видя твою молодость, зная о твоихъ несчастіяхъ я не могу о тебѣ не думать, и не жалѣть тебя... И вотъ я пришелъ къ тебѣ, чтобы поговорить съ тобою о твоемъ тяжеломъ положеніи и поискать изъ него выхода...

И онъ остановился въ волненіи. Онъ глядѣлъ на Гальшку какъ добрый отецъ и очевидно съ трудомъ сдерживалъ слезы, уже блестѣвшія на глазахъ его.

„У него такой искренній, добрый видъ, онъ даже плачетъ... но, Боже, вѣдь и Зося казалась искренней и плакала! подумала Гальшка.

— Благодарю васъ, отецъ мой: но я не вижу, что бы вы могли для меня сдѣлать, сказала она.

— Сдѣлать я точно могу очень мало, отвѣтилъ іезуитъ: но позволь мнѣ откровенно высказать мои мысли...

— Я васъ слушаю.

— Чувствуешь ли ты влеченіе къ жизни въ свѣтѣ, къ земному блеску?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ?! Если вы знаете мое прошлое...

— Да, да, перебилъ іезуитъ: прости меня—мой вопросъ излишенъ... Слѣдовательно я не ошибаюсь, думая, что ты ищешь тишины и успокоенія, желаешь посвятить себя Богу?..

Блѣдныя щеки Гальшки слабо вспыхнули, въ лицѣ изобразилось раздраженіе. Она уже была не та, что прежде—теперь она умѣла негодовать и возмущаться.

Она поднялась съ своего мѣста и довольно рѣзко отвѣтила іезуиту

— Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ... Вы хотите предложить мнѣ это успокоеніе. Моя мать не пуститъ меня въ православный монастырь, такъ я должна перейти въ католичество и съ вашею помощью постричься... Вѣдь такъ?! Но, отецъ мой, я уже давно все это слушаю, а новаго вы мнѣ не скажете!

Монахъ даже вздрогнулъ и невольно смутился отъ такой неожиданности. Онъ никакъ не могъ предположить отъ Гальшки подобнаго отвѣта—значитъ ему ее плохо списали. Но вѣдь не уходить же.

Онъ горько вздохнулъ и печально взглянулъ на Гальшку.

— Да, я это самое и хотѣлъ сказать тебѣ, потому что никто другого тебѣ и сказать не можетъ. Но я хотѣлъ тебѣ сказать это, быть можетъ, иначе, чѣмъ ты до сихъ поръ слышала... Я католикъ и готовъ сейчасъ же принять мученія за свою вѣру... еслибъ я родился и былъ воспитанъ въ православіи, я думалъ бы также, какъ и ты, и считалъ бы свой переходъ въ иную религію грѣхомъ великимъ. И знаю, что я не сталъ бы слушать никакихъ увѣщаній, точно также, какъ и ты это дѣлаешь. Но, дочь моя, Господь милосердъ и бываютъ въ жизни человѣка такія минуты, когда Онъ разрѣшаетъ невинный обманъ ради благой цѣли и спасенія... Какъ слуга Божій, прихожу я къ тебѣ, чтобъ внушить добрую мысль и разсѣять твои сомнѣнія. Ты равно будешь служить Богу молитвой, безгрѣшной жизнью и добрыми дѣлами, какъ въ русскомъ монастырѣ, такъ и въ монастырѣ католическомъ. Я настаиваю не на твоемъ переходѣ въ нашу религію, я не стану доказывать теперь тебѣ твоихъ заблужденій. Я просто хотѣлъ бы помочь твоему спасенію. Подчинись только видимо волѣ твоей матери, только внѣшнимъ образомъ прійми католичество, а внутри себя, тайно обращаясь къ Богу, скажи, что остаешься при прежней вѣрѣ и вынуждена принять на себя словесный обманъ только въ силу тяжкихъ обстоятельствъ. И Господь разрѣшитъ тебѣ это, и не отвратитъ отъ тебя лица своего. Католичка только по внѣшности, ты останешься православной въ душѣ своей... А крестъ и Евангеліе, и святая молитва одни и тѣ-же во всѣхъ монастыряхъ христіанскихъ—и вашихъ и нашихъ... Если въ моихъ словахъ ты видишь что-нибудь, кромѣ желанія помочь тебѣ и указать единственный, возможный для тебя выходъ—суди меня, а я удалюсь, сокрушаясь по тебѣ и моля за тебя Бога...

Онъ говорилъ съ Гальшкой на своемъ родномъ, прекрасномъ языкѣ и произнесъ эту рѣчь кроткимъ и нѣсколько грустнымъ голосомъ. Содержаніе ея было заманчиво, способъ дѣйствій, предлагаемый имъ, дѣйствительно могъ привести Гальшку къ ея цѣли. Но она

Библиотека "Руниверс"

возмущалась всѣмъ своимъ сердцемъ, вслушиваясь въ слова его.

Онъ кончилъ. Что она отвѣтитъ? Неужели онъ не съумѣетъ убѣдить ее, неужели онъ не далъ своими послѣдними словами новаго толчка ея мыслямъ?!...

— Отецъ мой! отвѣтила Гальшка спокойно и просто. Я вѣрю въ ваше желаніе мнѣ добра и пользы. Но откуда вы знаете, что ложь и обманъ, что ложная клятва разрѣшаются Богомъ когда бы то ни было? Въ этомъ я не могу вамъ вѣрить—я знаю, что это неправда.

Іезуитъ постарался не смутиться. Онъ пробовалъ развивать свою мысль дальше, говорилъ долго, убѣдительно, краснорѣчиво. Но всѣ его доводы, основанные на слишкомъ житейской, практической точкѣ зрѣнія, не могли поколебать Гальшку.

Они не понимали другъ друга.

Онъ вышелъ изъ ея кельи такимъ же грустнымъ и соболѣзнующимъ, какимъ и пришелъ, и только разсказывая въ собраніи отцовъ о своей неудачѣ, разразился негодованіемъ на неразумное упрямство Гальшки.

XI.

По всему Острожскому замку быстро расходился, на разные лады повторяемый, разсказъ о приключеніяхъ Сангушки и вѣсть о его пріѣздѣ. Многіе упорно отказывались вѣрить всему этому; но вотъ имъ удавалось взглянуть на князя—и сомнѣніямъ не оставалось мѣста. Да, это онъ, живой и невредимый... Но какъ же онъ постарѣлъ, какъ измѣнился! Видно не легко дались ему эти полтора года! Но слава Богу, слава Богу! Вотъ уже просвѣтлѣло мрачное лицо князя Константина и разомъ какъ будто новая жизнь прилила въ замокъ. Всѣ суетились, толковали и судили, что теперь будетъ...

Много было разнаго люду въ замкѣ—попадались и добрые люди, попадались и негодные. Много было разноголосицы, споровъ и перекоровъ. Но въ одномъ всѣ сходились и стояли какъ одинъ человѣкъ—въ тепломъ, восторженномъ чувствѣ къ прекрасной Гальшкѣ. Она представлялась всѣмъ добрымъ ангеломъ замка, вѣчной и всеобщей заступницей передъ княземъ Константиномъ. Ее никто не забылъ, объ ней постоянно шли тихіе, грустные разговоры. Ея горькую судьбу оплакивали. „Что-то теперь съ нашей голубушкой, загубили ея друга милаго, загубили и ее, сердечную!“ со слезами на глазахъ говорили женщины. И мужчины не смѣялись надъ такой чувствительностью, надъ жалкими словами, а сами задумывались и угрюмо молчали. Но Гальшкѣ всѣ полюбили и князя Дмитрія Андреевича, и его оплакивали. Среди населенія замка сложилась даже легенда о любви княжны прекрасной. Разсказывалось съ поэтическими прикрасами и подробностями о томъ, какъ она и князь Сангушко на балу открылись другъ другу —будто кто нибудь могъ знать это кромѣ душистой, лѣтней ночи, да подслушивавшаго въ кустахъ блѣднаго іезуита...

Теперь всѣ надѣялись на счастливую развязку страшной исторіи и съ нетерпѣніемъ ждали событій.

Тѣже самыя надежды питалъ въ себѣ и князь Константинъ, и Сангушко. Острожскій на время забылъ всѣ свои дѣла и заботы. Онъ быстро снаряжалъ значительное войско и только что оно было готово, двинулся во главѣ его съ княземъ Дмитріемъ Андреевичемъ въ Краковъ.

Они остановились не въѣзжая въ городъ. Константинъ Константиновичъ отправился одинъ во дворецъ королевскій. Тамъ шло обычное ликованіе, дряхлѣющій Сигизмундъ-Августъ наполнялъ свою жизнь всякимъ вздоромъ. Однакоже онъ тотчасъ принялъ Острожскаго, просившаго аудіенціи съ глазу на глазъ. Князь повелъ рѣчь смѣло и рѣшительно. Онъ сразу разсказалъ въ чемъ дѣло и объявилъ, что Сангушко дожидается за городскими воротами съ отлично вооруженнымъ и значительнымъ войскомъ. Что нибудь одно — или король поступитъ какъ государь добрый и справедливый, уничтожитъ силу сенатскаго декрета и прикажетъ возвратить мужу законную жену, или онъ, князь Константинъ Острожскій, вмѣстѣ съ Сангушкою, тотчасъ же покинутъ предѣлы Польши и Литвы и перейдутъ на службу къ царю Московскому. Пусть король собираетъ свое войско и шлетъ его имъ въ погоню. Настигнутъ ихъ— войска сразятся и неизвѣстно еще, за кѣмъ останется побѣда... Пусть король задержитъ теперь же князя Константина—и черезъ нѣсколько часовъ огромное войско добудетъ его изъ дворца королевскаго, изъ-подъ замковъ и дверей тюремныхъ. Пусть король немедленно велитъ казнить его—но въ такомъ случаѣ вѣдь онъ знаетъ, чѣмъ можетъ кончиться дѣло.

Король былъ смущенъ и взволнованъ этой неожиданной рѣчью. Онъ дѣйствительно понималъ всю силу угрозъ князя Константина, а бороться съ нимъ ему почти не предстояло возможности. Волненіе въ Литвѣ, насильственныя мѣры противъ ея главнѣйшаго представителя—допустить это было бы весьма неблагоразумнымъ шагомъ. Да и кромѣ того, несмотря на всю свою пустоту душевную, король еще способенъ былъ отзываться на человѣческія чувства. Онъ понялъ, что передъ нимъ не дерзкій наглецъ, а мужественный человѣкъ, требующій отъ него справедливости. Но видно Острожскій еще не знаетъ того, что случилось съ его племянницей. И король показалъ ему только что полученное письмо Беаты, передалъ о просьбѣ Гурки.

Князь Константинъ просто остолбенѣлъ на мѣстѣ. Боже! еще нѣсколько дней и все было бы потеряно, и совершилось бы самое гнусное насиліе! О, что они сдѣлали съ его несчастной Гальшкой, до чего довели ее! Но, слава Богу, еще есть время. Гальшка не вдова, ея первый мужъ живъ—второе вѣнчанье незаконно.

Долго бесѣдовалъ онъ съ королемъ и подъ конецъ они совершенно поладили. Сигизмундъ-Августъ былъ тронутъ разсказомъ о несчастіяхъ Гальшки и приключеніяхъ Сангушки. Онъ обнялъ князя Константина и сказалъ, что отъ души прощаетъ ему его грубыя слова и угрозы. „Хорошо, что никто насъ не слышалъ—забудемъ и мы объ этомъ“. Онъ явился въ сенатъ, чего съ нимъ давно не бывало, и своими пріемами и рѣшительной рѣчью напомнилъ окружающимъ то время, когда онъ, забывъ всю свою природную слабость, энергично защищалъ страстно любимую имъ Варвару Гастольдъ и принудилъ признать ее королевой.

Послѣ долгихъ преній, сенатъ согласился на королевское требованіе: князь Сангушко объявлялся свободнымъ отъ всякаго преслѣдованія и законнымъ мужемъ Елены Острожской. Притязанія Гурки падали сами собою—ему оставалось только удалиться въ свое воеводство и постараться утѣшить себя панной Зосей. Онъ такъ и сдѣлалъ. Зося долго потомъ проклинала тотъ день, въ который она связала свою судьбу съ этимъ жестокимъ, безсердечнымъ человѣкомъ...

Скоро войско Острожскаго мчалось по дорогѣ въ Вильну. Князь Константинъ и Сангушко везли съ собою приказъ короля Беатѣ; но не радостны были ихъ мысли. Какою еще застанутъ они Гальшку? До чего довела ее, что съ нею сдѣлала эта безумная мать — врагъ ихъ лютый. Князь Константинъ видѣлъ себѣ молчаливый упрекъ въ глазахъ Сангушки. Но что же могъ онъ сдѣлать? сколько разъ пытался хлопотать онъ въ Краковѣ, сколько разъ пробовалъ увидѣться съ Гальшкой. Законъ, холодный и неумолимый, заступалъ ему дорогу. Неисповѣдимы пути Божіи; тяжелое послалъ Онъ имъ испытаніе; но неистощимо Его милосердіе и положитъ Онъ конецъ всѣмъ ихъ мукамъ и бѣдамъ.

Сангушко съ ужасомъ помышлялъ о томъ, что только день еще, быть можетъ,—и онъ навсегда бы лишился Гальшки. Мелькнула было въ немъ и еще одна

Библиотека "Руниверс"

страшная мысль: а что если Гальшка забыла его и утѣшилась, что, если она добровольно, по влеченію сердца обвѣнчалась съ Гурко? Но съ негодованіемъ отогналъ отъ себя мысли эту Дмитрій Андреевичъ. Развѣ онъ не знаетъ Гальшку, развѣ онъ смѣетъ подозрѣвать ее! Нѣтъ, видно и вправду заслужилъ онъ тяжкія бѣды и горе, обрушившіяся на его голову, если допустилъ себя хоть на мгновеніе усумниться въ женѣ своей. Когда же, когда они, наконецъ, доѣдутъ! Какъ они встрѣтятся? Жива ли она, здорова ли? Боже, сколько выстрадала она за это время!...

Темно было и пустынно на улицахъ Вильны. Ненастный вечеръ давно загналъ жителей по домамъ. Лавки съ товарами были заперты. Только сторожа изрѣдка перекликивались другъ съ другомъ да лаяли цѣпныя собаки. Съ утра еще началась сильная оттепель— почернѣвшій снѣгъ таялъ и образовывалъ мутныя лужи. Теплый порывистый вѣтеръ стучалъ о ставни и забивался въ щели. Темной, унылой громадой глядѣлъ костелъ и монастырь отцовъ іезуитовъ. По длиннымъ, слабо освѣщеннымъ корридорамъ мелькали черныя фигуры. Иногда образовывались группы въ нѣсколько человѣкъ, оживленно разговаривали и передавали что-то другъ другу.

Въ монастырѣ готово было совершиться насильственное постриженіе Гальшки.

Княгиня Беата все время настаивала на своемъ планѣ и послала письмо къ Олельковичу - Слуцкому, объявляя ему, что соглашается выдать за него дочь, если онъ немедленно явится въ монастырь съ изряднымъ количествомъ людей и священниковъ. Сама же она боится вернуться домой, такъ какъ съ часу на часъ можетъ пріѣхать Гурко и разстроить дѣло. Само собою, что письмо это не было передано князю. Іезуиты объявили Беатѣ, что его нѣтъ въ Вильнѣ. Но вмѣстѣ съ ложью они принесли и правдивое извѣстіе; ихъ шпіоны, давно разосланные къ городскимъ воротамъ объявили, что въ городъ въѣзжаетъ многочисленное войско. Время мирное — откуда же это войско? Невозможно было сомнѣваться въ томъ, что это Гурко во всеоружіи закона и военной силы.

Княгиня поблѣднѣла. Она поняла, что времени терять нечего. Еще часъ, другой—и ея врагъ ворвется сюда и силой отыметъ Гальшку.

— Можно ли постричь ее теперь же, сейчасъ? спросила она упавшимъ голосомъ.

Для отцовъ-іезуитовъ рѣдко что казалось невозможнымъ. Они отвѣтили, что для этого нужно только привести Гальшку въ костелъ и черезъ полчаса все уже будетъ кончено.

Княгиня бросилась къ дочери.

— Слѣдуй сейчасъ за мною! грозно сказала она ей.

Гальшка не шевельнулась.

Я не выйду отсюда! разслышала Беата ея тихій голосъ.

— Что? что!—ты не выйдешь — ну такъ я вытащу тебя силой.

Она стала звать Антоніо и другихъ монаховъ. Они были тутъ же, у двери.

— Моя дочь должно быть помѣшалась или она такъ слаба, что не можетъ сама двигаться. Пожалуйста возмите ее и перенесите.

Нѣсколько человѣкъ подошло къ Гальшкѣ. Она теперь поняла, куда хотятъ увлечь ее. Она видѣла, что ей невозможно отъ нихъ вырваться, что только чудо можетъ спасти ее. Ей оставалось одно—рыдать, стонать и защищаться до послѣднихъ силъ, до самой смерти.

И вотъ эта слабая, запуганная женщина сдѣлалась страшной. Она вскрикнула дикимъ голосомъ и неестественнымъ усиліемъ оттолкнула отъ себя двухъ монаховъ.

— Звѣри лютые, злодѣи! рыдала она. Оставьте меня! не прикасайтесь ко мнѣ.. Боже, защити меня!...

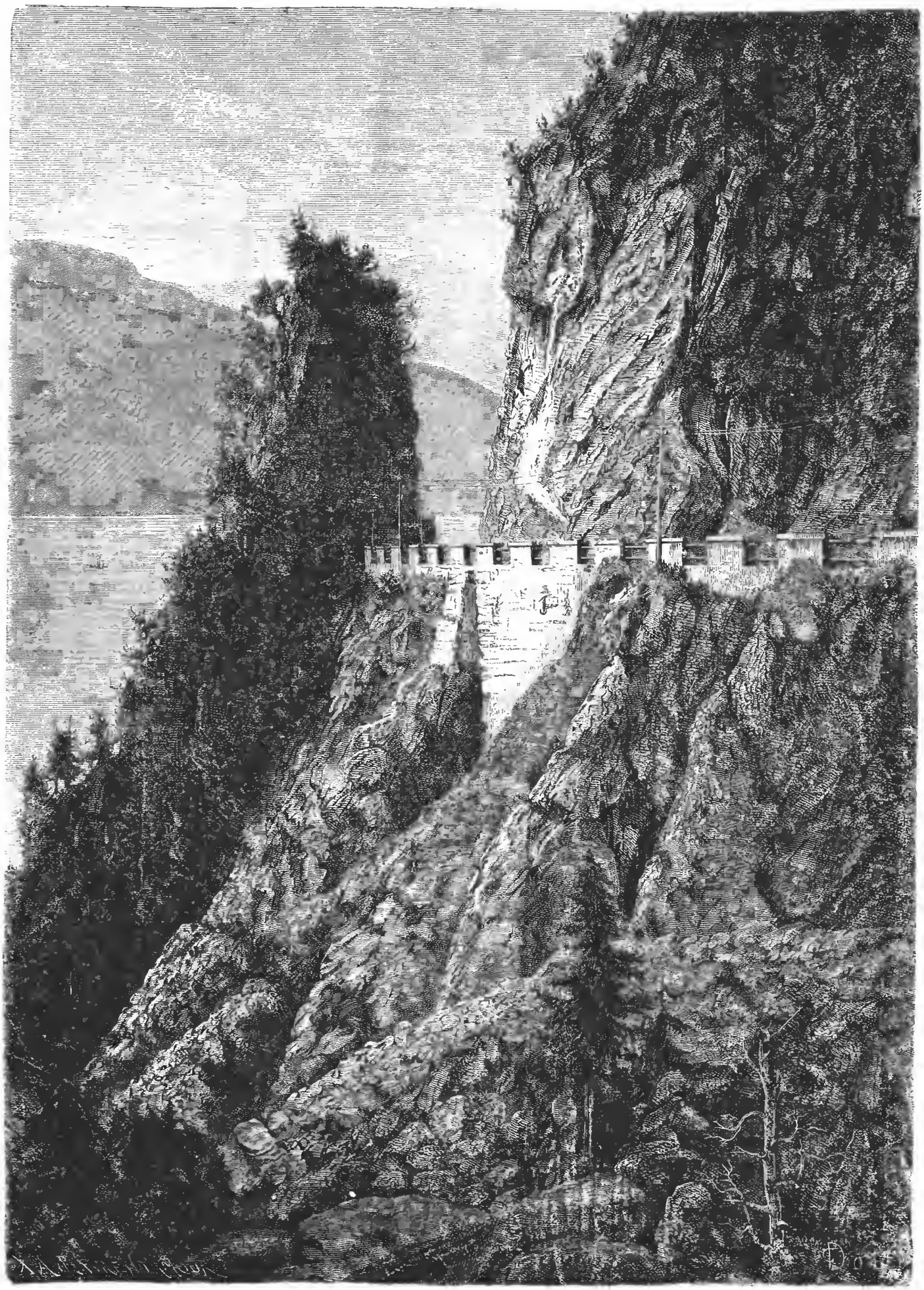
Но ни одинъ изъ нихъ не остановился передъ ея ужасомъ и беззащитностью. На ихъ лицахъ не выражалось ничего, кромѣ обычнаго, мрачнаго спокойствія —они дѣйствовали съ разрѣшенія орденскаго начальства, которому были обязаны безусловнымъ послушаніемъ. Они дерзко искушали Бога, призываемаго этой несчастной, они въ Него не вѣрили—они сдѣлали изъ Него только пустую вывѣску.

Гальшка не могла долго защищаться — ее схватили и понесли въ костелъ, гдѣ уже все было приготовлено для церемоніи.

Раздались торжественные и мѣрные звуки церковной музыки, слова латинской молитвы пронеслись и замерли въ глубинѣ темнаго купола. Гальшку крѣпко держали подъ руки, а она слабо билась и рыдала. Ей казалось, что ее опустили въ какую-то страшную могилу. Великолѣпный костелъ, свѣтлый и наполненный

Спб. Импер. итальянская опера. Паулина Лукка. Рис. Кольбъ, грав. Келлеръ.

Библиотека "Руниверс"



Аксенская горная дорога у Фирвальдштетскаго озера въ Швецаріи. Рис. Дольтъ, грав. Брендамуръ.

Библиотека "Руниверс"

благоуханіемъ въ часы публичнаго богослуженія, теперь, при слабомъ мерцаніи свѣчей, представлялся мрачнымъ и говорилъ о смерти. Отъ стѣнъ его вѣяло холодомъ и сыростью; сквозь витрины высокихъ, узкихъ оконъ доносилось завываніе вѣтра.

Княгиня Беата, на колѣняхъ, напрасно силилась молиться. Она только жадно прислушивалась и мучилась продолжительностью службы. Рыданія Гальшки не производили на нее никакого впечатлѣнія—онѣ замирали, не выходя за предѣлы костела, и съ этой стороны она была спокойна. Никто ихъ не услышитъ.

Отецъ Антоніо прислонился къ холодной стѣнѣ и неотрываясь глядѣлъ на Гальшку своими сухими, блестящими глазами. Каждый звукъ ея рыданія, каждое ея конвульсивное движеніе, производили въ немъ дрожь, боль и ужасъ. Но его совѣсть молчала, молчали его мысли. Онъ находилъ какое-то наслажденіе, мучительное и страстное, во всемъ, что онъ теперь видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ...

Гальшка все рыдала и металась. Вотъ уже скоро, должно быть, приступятъ къ постриженію. . вотъ уже что-то собираются дѣлать съ нею.

— Боже! громко воскликнула она. Пошли мнѣ смерть, сжалься надо мною!..

Но что это?! Кто-то снаружи потрясалъ тяжелыя двери костела.

— Именемъ короля! отворите! явственно разслышали всѣ и вздрогнули, музыка оборвалась, и патеръ опустилъ свои руки, воздѣтыя къ небу.

Изъ-за маленькой ниши, гдѣ скрывалась невидимая дверка, появился іезуитъ и спѣшно что-то говорилъ своимъ.

Ни Беата, ни Гальшка не разслышали и не поняли того, что сказалъ онъ. Ихъ окружили монахи, повлекли въ глубину костела, за алтарь. Еще мгновеніе—приподнялся почти безъ звука каменный квадратъ пола, ихъ спустили съ лѣстницы и оставили въ темномъ подземельѣ. Беата поняла въ чемъ дѣло и свободно вздохнула. У Гальшки кружилась голова — она не могла больше ни рыдать, ни кричать, ни молиться.

А между тѣмъ надъ ихъ головами, въ костелѣ—продолжалась вечерняя служба. Нѣсколько монаховъ, и въ томъ числѣ Антоніо, отперли двери.

Передъ ними виднѣлась толпа вооруженныхъ людей, грозная фигура князя Острожскаго и блѣдное лицо Дмитрія Андреевича Сангушки.

Антоніо взглянулъ на это лицо—и что-то ужасное потрясло его. Его волосы встали дыбомъ. Съ искаженными чертами, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ протянулъ впередъ себя руки, какъ бы желая защититься отъ страшнаго призрака.

Іезуиты, еще не зная кто передъ ними, не видя Гурки, съ дѣланнымъ негодованіемъ изумлялись поступку людей, врывающихся въ церковь во время службы. Здѣсь нѣтъ никакой княгини Беаты, здѣсь нѣтъ ея дочери.

— Онѣ здѣсь! вотъ духовникъ ея! разомъ крикнуло нѣсколько голосовъ въ толпѣ воиновъ.

Однимъ движеніемъ и Острожскій и Сангушко хотѣли было кинуться на Антоніо, но побѣдили свой порывъ и взглянули на блѣднаго, потрясеннаго іезуита съ полнымъ презрѣніемъ. Нѣтъ, они не осквернятъ своихъ рукъ, и къ тому же они въ церкви. Теперь только одно было въ ихъ мысляхъ и сердцѣ—скорѣе увидѣть, скорѣе обнять Гальшку.

— Моя племянница, жена князя Дмитрія Сангушко, княгиня Елена Ильинишна здѣсь, въ стѣнахъ этого монастыря, громко обратился князь Константинъ Константиновичъ къ іезуитамъ. Я навѣрное знаю это. Мы съ княземъ пріѣхали за нею. Съ нами приказъ короля и разрѣшеніе употребить въ дѣло военную силу, если княгиня не будетъ намъ добровольно выдана. Скажите же намъ, гдѣ она, проводите насъ къ ней... Берегитесь, отцы іезуиты, вы вмѣшались не въ свое дѣло!.. Исполните немедленно наше законное требованіе, не глумитесь надъ королевской властью и подумайте о послѣдствіяхъ!..

Дѣлать было нечего. Іезуиты знали, что имъ нужно быть крайне осторожными и всѣми силами избѣгать огласки своихъ тайныхъ дѣйствій. Они еще недостаточно укрѣпились въ Литвѣ, они еще не смѣли пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ. Они знали, что Острожскій не задумается привести въ исполненіе свою угрозу, а безцеремонный осмотръ монастыря не будетъ говорить въ ихъ пользу. Нѣкоторыя открытія возбудятъ противъ нихъ по меньшей мѣрѣ сильныя подозрѣнія. Дѣлать нечего — приходится выдать Гальшку. Но, во всякомъ случаѣ, въ ихъ рукахъ еще останется княгиня Беата...

И вотъ они стали хитрить и оправдываться передъ неожиданными гостями. Точно, двѣ знатныя княгини, мать и дочь, нашли въ ихъ смиренной обители пріютъ, по зачѣмъ же было такъ стучаться въ костелъ и нарушать тишину святого мѣста. Они никогда не могутъ возстать противъ законныхъ требованій, они сейчасъ проведутъ князей въ отдѣленіе монастыря, гдѣ помѣщаются ихъ гостьи. Они не вмѣшиваются въ семейныя дѣла, но принимать у себя прибѣгающихъ подъ ихъ защиту—это священное ихъ право...

Такъ она здѣсь! она жива! слава Богу! скорѣе къ ней, скорѣе.

Но іезуиты подъ всякими предлогами мѣшкали. Имъ нужно было время для того, чтобы вывести Беату и Гальшку изъ подземелья! Наконецъ, послѣ долгихъ переходовъ и остановокъ, сопровождаемые нѣсколькими монахами и сотнею своихъ воиновъ, Острожскій и Сангушко остановились у какой-то двери.

— Здѣсь! сказалъ чей-то голосъ.

Князь Дмитрій Андреевичъ съ замирающимъ сердцемъ отворилъ двери.

Передъ нимъ стояла княгиня Беата.

Она еще издали слышала голоса, слышала бряцаніе оружія. Приведшія ихъ сюда изъ подземелья монахи ничего ей не сказали. Она была увѣрена, что сейчасъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ Гурко. Обезумѣвшая отъ ярости и злобы, она готовилась на страшное дѣло. Уже давно она носила съ собою кинжалъ съ одной завѣтной мыслью. Судьба очевидно желаетъ исполненія этой мысли. Кинжалъ сверкнулъ въ рукѣ ея. Прежде чѣмъ Гурко скажетъ слово, прежде чѣмъ онъ увидитъ Гальшку, она повалитъ его мертваго передъ собою. А тамъ пусть будетъ, что угодно небу...

Дверь отворилась. Беата сдѣлала шагъ и яростно взглянула на входившаго....

И вдругъ она отшатнулась. Оружіе выпало изъ рукъ ея.

— Мертвецъ! дико взвизгнула она и упала навзничь, теряя сознаніе.

Но князь Дмитрій Андреевичъ не видѣлъ всего этого, не замѣтилъ Беаты.

Тамъ въ углу небольшой кельи, было что-то. Какое то блѣдное, блѣдное лицо, съ распухшими и потускнѣвшими отъ слезъ глазами, вдругъ выглянуло на него изъ полумрака.

Онъ вскрикнулъ и шатаясь, протягивая впередъ свои дрожащія руки, кинулся въ келью.

— Гальшка! Гальшка!

Она оставалась неподвижной, она глядѣла и не понимала.

— Гальшка! Гальшка! повторялъ онъ—прижимая ее къ груди своей и обливая ея чудное, помертвѣвшее лицо невольными слезами.

И вотъ судьба сжалилась надъ нею. Она очнулась и зарыдала, охвативъ его шею руками.

Библиотека "Руниверс"

— Митя! Митя! Ты живъ! ты со мною!

И она поняла наконецъ, что это не сонъ, что такое счастье можетъ быть только на яву, въ дѣйствительности.

Она рыдала, рыдала блаженными, спасающими слезами на плечѣ мужа. И сквозь слезы она видѣла, что чье-то еще другое, родное лицо склоняется надъ нею и знакомый голосъ, прерываясь, шепчетъ ея имя...

А въ это время въ глубокомъ мракѣ манастырскаго подземелья медленно подвигалась тѣнь и неровные, останавливающіеся шаги гулко отдавались подъ каменнымъ сводомъ.

Зачѣмъ зашелъ сюда этотъ человѣкъ, чего онъ ищетъ безъ огня во тьмѣ сырого корридора... Вотъ онъ остановился тяжело дыша. Только это дыханіе и можно было услышать среди невозмутимой тишины, наполняющей душное подземелье.

Прошло нѣсколько минутъ. Человѣкъ стоялъ неподвижно. Вдругъ онъ сдѣлалъ быстрое движеніе рукою и застонавъ повалился на землю. И долго потомъ слышались стоны и страшное хрипѣнье....

На другой день одинъ изъ іезуитовъ, пробираясь подземнымъ ходомъ, наткнулся на какое-то лежавшее тѣло. То былъ трупъ отца Антоніо. На нѣсколько шаговъ виднѣлась широкая струя крови. Тутъ же нашли и кинжалъ, которымъ онъ нанесъ себѣ нѣсколько ранъ дрожавшей рукою.

Имя княжны Гальшки до сихъ поръ еще не забыто въ юго-западномъ краѣ. Ея красота и необычайныя несчастія вызвали цѣлый рядъ народныхъ разсказовъ. Существуютъ свидѣтельства, судя по которымъ окончаніе ея приключеній было печально. Но народъ не любитъ печальныхъ окончаній. Онъ вѣритъ, что послѣ тяжкихъ бѣдствій, послѣ незаслуженнаго горя, приходитъ счастье. И вотъ онъ воскрешаетъ своихъ героевъ и надѣляетъ ихъ свѣтлой долей ..

Исторія красавицы Гальшки, въ томъ видѣ; какъ она здѣсь разсказана, передается изъ рода въ родъ въ далекихъ уголкахъ Полѣсья. Ее можно слышать и на деревенскихъ посидѣлкахъ, и въ скучные сумерки, гдѣ нибудь въ маленькомъ домикѣ, на самомъ краю городской слободки...

„А что же сталось къ княгиней Беатой? спрашиваютъ обыкновенно слушатели по окончаніи разсказа.

„Что же съ ней другое и могло статься, какъ не то, что отправилась она къ своему папѣ римскому и стала раздавать деньги лысымъ патерамъ, пока еще у нея были деньги“, отвѣчаетъ разкащикъ.

„А что сталось съ княземъ Острожскимъ, его сыновьями и всѣмъ его родомъ?“ На такой вопросъ не всегда можно дождаться удовлетворительнаго отвѣта.

Но за полѣсскаго разскащика обстоятельно отвѣчаетъ исторія. Князь Константинъ еще долго боролся, словомъ и дѣломъ отстаивалъ православіе. Онъ учредилъ въ Острогѣ Академію, нѣсколько типографій, издалъ множество книгъ, въ томъ числѣ Новый Завѣтъ, Псалтырь и наконецъ Библію, извѣстную подъ названіемъ *Острожской*. Онъ умеръ столѣтнимъ старцемъ, послѣ дѣятельной и славной жизни, записанной въ исторіи. Много разнаго горя перенесъ онъ; но не было для него пущаго горя, какъ видѣть сыновей своихъ католиками. Никакія увѣщанія, никакія строгости не помогали съ Янушомъ и Константиномъ. Сѣмя, посѣянное іезуитомъ, созрѣло въ душѣ ихъ, и еще въ ранней молодости, оба они тайно перешли въ католичество. Особенно мучился и негодовалъ князь Константинъ глядя на Януша, обладавшаго блестящими способностями. Онъ возлагалъ на него такія надежды, онъ мечталъ увидѣть въ немъ дѣятельнаго себѣ помощника, сильнаго представителя русской народности и православія. Не мало пришлось вытерпѣть молодому князю Янушу отъ вольнаго и невольнаго родительскаго гнѣва. Но онъ остался твердъ въ своемъ отступничествѣ и ушелъ изъ Острога ко двору Сигизмунда III. Здѣсь его ожидала блестящая будущность. Еще молодымъ человѣкомъ онъ уже былъ назначенъ сенаторомъ и въ теченіи тридцати лѣтъ сидѣлъ въ сенатѣ выше отца своего. Безъ конца сыпались на него королевскія милости; но онъ мало дорожилъ ими и даже принималъ участіе въ возстаніи, предводимомъ Яномъ Радзивилломъ. Онъ скоро усвоилъ всѣ польскіе нравы и обычаи, позабылъ все русское и роскошно жилъ въ Краковѣ польскимъ магнатомъ. Онъ былъ женатъ три раза, но оставилъ послѣ себя только двухъ дочерей и ни одного сына. Его великолѣпный памятникъ еще до сихъ поръ можно видѣть въ Тарновѣ. Изъ трехъ дѣтей князя Константина одинъ младшій Александръ остался вѣренъ православію. Это былъ человѣкъ прямой и энергичный, скоро ставшій съ отцомъ во главѣ русской православной партіи. Но слишкомъ рано, еще при жизни отца, онъ былъ отравленъ любовнымъ зельемъ, поданнымъ ему въ стаканѣ съ медомъ влюбленной въ него дѣвушкой. Два его сына умерли тоже въ молодыхъ лѣтахъ и съ ними прекратилась мужская линія рода князей Острожскихъ.

Вдова князя Александра, Анна, ревностная католичка, поселилась въ Острогѣ тотчасъ послѣ смерти Константина Константиновича. Острожскій замокъ, бывшій еще такъ недавно центромъ литовскаго православія, превратился въ іезуитскій монастырь. Отцы іезуиты управляли всѣми дѣлами, пользовались всѣми доходами, владѣли всецѣло совѣстью княгини Анны и ея дочери Алоизы.

Содрогались кости князя Константина въ его родовомъ склепѣ—но іезуиты не боялись выходцевъ изъ могилъ. Они неустанно работали всѣми своими ужасными средствами и въ немногіе годы погубили и обезличили цѣлый прекрасный край русскій, подчинили его дряхлой и больной Польшѣ...

Однако пришелъ конецъ и ихъ владычеству. Они исчезли съ оскверненной ими земли русской. Быстрѣе и быстрѣе исчезаетъ и зло, посѣянное ими. Въ развалинахъ стоятъ монастыри ихъ со всѣми своими страшными тайнами, съ цѣпями и грудами костей человѣческихъ, разбросанными въ подземельяхъ. А на этихъ развалинахъ созидается православная церковь и звучитъ русское слово. Добродушный, забитый народъ полѣсскій мало по малу пробуждается отъ своей вѣковой спячки. Но все еще не тронута лѣсная глушь и въ ней до сихъ поръ живутъ въ первобытномъ невѣжествѣ тихіе, темные люди. Они продолжаютъ боготворить природу, поютъ свои грустныя пѣсни, завиваютъ вѣнки свѣтлому Купалѣ и думаютъ, что Полѣсьемъ управляетъ королева Бона.

(*Конецъ*).

Вс. Соловьевъ.

Всемірная выставка въ Филадельфіи.

(Общій обзоръ выставки).

(Окончаніе).

Въ особомъ отдѣленіи—красивые американскіе модели лодокъ, судовъ и пароходовъ. Есть суда и въ настоящую величину, и весельная лодка длиною 34 фута, а вѣсомъ 49 фунтовъ.

Въ англійскомъ отдѣлѣ—очень богатъ подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ и достойны замѣчанія брони военныхъ судовъ.

Германскій отдѣлъ въ машинномъ зданіи не богатъ. Германія выставила только предметы горнаго и металлургическаго промысловъ, изъ «зеркальнаго» желѣза сдѣлана цѣлая пирамида.

Библиотека "Руниверс"

Петербургскій Императорскій Эрмитажъ: Пастбище (Дюжардена). Филиппъ IV (Рубенса). Іоаннъ Собѣскій (Рембрандта). Ванъ-Дейкъ, имъ самимъ писанный. Пастбище (А. Гюиппа). Рис. Делашарлери; грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Ласка въ вороньемъ гнѣздѣ. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

Круппъ прислалъ исполинское стальное орудіе.

Французское отдѣленіе представляетъ тоже немало интереснаго: тутъ есть машина для прессованія мыла и машина для печатанія литографическихъ картинъ.—Бразилія выставила военныя вещи и предметы металлургическаго промысла. Въ Бельгійскомъ отдѣленіи замѣчательна только коллекція великолѣпнаго оружія.

Машинный отдѣлъ европейскихъ государствъ на выставкѣ бѣденъ, и не можетъ служить мѣриломъ машиннаго производства въ Европѣ. Американскія машины и инструменты не только сравнялись съ англійскими, но и превзошли ихъ. Топоръ, лопата, молотокъ, стругъ—все красиво; земледѣльческія орудія и повозки—тоже отличаются изящной отдѣлкой.

Американскія коляски, кареты, сани и дѣтскія коляски представляютъ такое разнообразіе фасоновъ, такъ изящны, прочны и легки, что ни чуть не уступаютъ экипажамъ, присланнымъ парижскими фабрикантами. Американскіе столяры—краснодеревщики выставили преимущественно роскошную, дорогую мебель, сдѣланную большею частью по итальянскимъ образцамъ. Рѣзныя работы очень хороши, имъ не достаетъ только оригинальности. Хорошей и не дорогой мебели на выставкѣ мало, хотя въ очень многихъ частныхъ домахъ въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ можно видѣть красивую черную орѣховую мебель отличной работы и удивительно дешевую. Относительно механическихъ приспособленій американскіе столяры превзошли даже англійскихъ. Тяжелый раздвижной столъ раздвигается очень легко помощью коловорота, который можно вставлять и вынимать. Выставлена также кровать, которую при посредствѣ рычага можно превратить въ очень изящный шкафъ. Мебельный отдѣлъ другихъ государствъ не богатъ и не представляетъ ничего новаго. Австрія выставила извѣстную плетеную мебель; англійская мебель превосходна въ техническомъ отношеніи, только рисунки инкрустацій не отличаются изяществомъ.

Итальянская мебель щеголяетъ превосходною рѣзьбою, рисунки во вкусѣ Renaissance хорошо выполнены. Въ египетскомъ отдѣлѣ видное мѣсто занимаетъ шкафъ, изъ чернаго дерева, слоновой кости, перламутра и черепахи. Французская мебель самая изящная; есть мебель съ фарфоровыми и фаянсовыми украшеніями, съ рисунками во вкусѣ прошлаго вѣка.

Американскія ковровыя издѣлія не страдаютъ пестротою, узоры ихъ составлены по образцамъ восточныхъ рисунковъ.—Голландскіе далеко ушли въ подражаніи индійскимъ, персидскимъ, мавританскимъ и турецкимъ ковровымъ рисункамъ. Англійскіе богаты индійскими и персидскими коврами.—Турція выставила смирнскіе ковры; Японія—массу косматыхъ одѣялъ; рисунокъ ихъ состоитъ большею частью изъ простыхъ геометрическихъ фигуръ. Австрія не прислала ни одного ковра. Бельгія тоже, за то она щеголяетъ гобеленовыми обоями; но они все-таки уступаютъ гобеленовымъ обоямъ, французскимъ; послѣднимъ коммиссія выставки отвела мѣсто въ галлереѣ искусствъ.

Американскіе мраморные камины, вазы и пр.; по качеству матеріала, богатству украшеній и по красотѣ архитектуры не уступаютъ работамъ бельгійцевъ, англичанъ и французовъ. Въ Америкѣ въ большомъ ходу камины изъ разрисованнаго шифера, по цвѣту и блеску очень похожіе на мраморные. Они дешевы и прочны.

Американскія глиняныя издѣлія, фарфоры и фаянсы плохи; американцы это сознаютъ и уже скупили лучшія фаянсовыя и фарфоровыя вещи другихъ государствъ.

Англія и Франція прислали богатую коллекцію издѣлій изъ фарфора и фаянса.—Датскія глиняныя издѣлія представляютъ большею частью подражанія древнимъ образцамъ. — Египетъ прислалъ свои темнокрасные и черные глиняные сосуды.—Италія великолѣпныя майолики и деревенскую глиняную посуду.—Японія прислала огромное количество своихъ глиняныхъ издѣлій.

Стеклянныя издѣлія большею частью американскихъ и австрійскихъ экспонентовъ. Венеція же, славящаяся своимъ стекломъ и хрусталемъ, прислала гораздо больше мозаичныхъ работъ, чѣмъ люстръ, зеркалъ и кубковъ.

Европейскіе серебряныхъ дѣлъ мастера почти не приняли участія во всемірной выставкѣ; только въ англійскомъ отдѣлѣ эта отрасль промышленности заняла довольно солидное мѣсто. Американская фирма Тиффани и К° выставила серебрянныхъ вещей на милліонъ руб. Между прочимъ Тиффани прислалъ вазу, имѣющую въ діаметрѣ 5 ф. 4 д., а въ вышину 4 ф. 2 д. Фигурами, украшающими вазу, изображена вся исторія Сѣверной Америки. Между массою изящныхъ вещей заслуживаетъ еще вниманія маленькій сервизъ въ персидскомъ вкусѣ, стоющій 20,000 долларовъ.

Такихъ изящныхъ бронзъ, какъ французскія, ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ нѣтъ.

Венеція, Римъ и Флоренція прислали богатѣйшія мозаики.

Французскія шелковыя матеріи конечно первенствуютъ предъ другими. Лучшія кружева—вѣнскіе и брюсельскіе.

Бразильскій отдѣлъ, богатый сырыми продуктами выставилъ вѣера, гирлянды, букеты изъ перьевъ колибри. Дамы млѣютъ отъ восторга, при видѣ такихъ соблазновъ.

Англія и голландскія колоніи, кромѣ коллекцій рудъ, металловъ, шерсти, сала и т. п. выставили карты топографическія, геологическія, сельскохозяйственныя и промышленныя, статистическія таблицы. Отдѣлъ искусствъ—самая слабая часть выставки. Лучшіе европейскіе живописцы и скульпторы ничего не прислали. Лучшія картины:—во французскомъ отдѣлѣ—картина Жоржа Беккера: «Ресфа, защищающая тѣла своихъ сыновей отъ хищныхъ птицъ» (рисунокъ ея помѣщенъ въ № 5 «Нивы»); въ австрійскомъ—картина Маккарта «Катерина Карнаро»; въ германскомъ—Штеффека «Кронпринцъ прусскій». Въ Скандинавскомъ нѣсколько превосходныхъ пейзажей сѣверной природы. Въ Испанскомъ только копіи Веласкеза, Мурильо и др. Въ русскомъ видное мѣсто занимаетъ «Масляница» Сверчкова, помѣщаемая въ настоящемъ № «Нивы».

Интереснѣе всѣхъ павильонъ «правительственный», американскаго военнаго и морскаго министерствъ, патентнаго статистическаго бюро, главнаго управленія государственными имуществами и правительственной типографіи. Кромѣ громадныхъ орудій, масса предметовъ изъ арсеналовъ и интендантскихъ складовъ. Въ морскомъ отдѣлѣ много моделей по судостроенію и рыболовству.

Земледѣльческій отдѣлъ, одинъ изъ лучшихъ. Первое мѣсто принадлежитъ Америкѣ. Плоды, овощи и злаки необыкновенной величины, различные предметы скотоводства, образчики искусственныхъ удобреній достойны серьезнаго вниманія. Всѣ другія государства, принявшія участіе въ выставкѣ, прислали свои сельскохозяйственные продукты. Рядомъ съ павильономъ сельскохозяйственной выставки находится помѣщеніе для сельскохозяйственныхъ машинъ.

Павильонъ цвѣточной выставки, представляется волшебнымъ садомъ

Женскій павильонъ, произвелъ всеобщее разочарованіе: въ немъ массы вышивокъ, кошельковъ, акварельныхъ рисунковъ, плодовъ досуга. Эта выставка *даромъ затраченнаго времени.*

Русскій отдѣлъ, занимающій небольшое мѣсто, произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Выставка русскихъ вещей указала на вспыхнувшую въ Россіи любовь къ національнымъ формамъ и рисункамъ. И дѣйствительно, во всемъ виденъ слѣдъ національнаго, совершенно оригинальнаго вкуса и замѣтно стремленіе создавать *свое*, русское, а не подражать заграничнымъ образцамъ. Корреспондентъ одной солидной голландской газеты выразился такъ: «Русскій отдѣлъ долженъ быть безспорно признанъ богатѣйшимъ по внѣшности и самымъ интереснымъ изъ всѣхъ по содержанію».—Выставлены работы Сазикова, Овчинникова, Постникова и др. золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

Изъ бронзы замѣчательны работы Ф. Шопена и Штанге. Петербургскіе фабриканты, гг. Гесрихъ и Верфель, выставили вещи изъ малахита, ляписа-лазури, яшмы и др. сибирскихъ камней. Русскіе мѣха г. Гринвальда изъ Риги (муфты, шапки, воротники и т. п.), и вещи изъ соболя фирмы «Одноушевскаго и сыновья» заслуживаютъ вниманія. Торговый домъ: «Ведерниковъ-Михайловъ» прислалъ русскій національный костюмъ боярыни.—По шляпной части отличилась фирма «Чуркина» изъ Петербурга, а по выставкѣ тяжелыхъ матерій (парча, глазетъ, бархатъ) братья Сытовы (петербургскіе) и Сапожниковы (московскіе). Русскіе сукна, драпъ, трико, одѣяла, шерстяные издѣлія, ситцы, миткали и бумажная пряжа обращали на себя вниманіе. Укажемъ фамиліи русскихъ экспонентовъ: баронъ А. Л. Штиглицъ, Гарелины (Иваново-Вознесенскъ); Я. Паль, Зимины, Гилле и Дитрихъ (Жирардовское село), Михайловы и Традеръ (Москва) и Коммихау изъ Бѣлостока. Мебель и вообще издѣлія изъ дерева могутъ считаться образцовыми по красотѣ рисунка и отдѣлки. Далѣе, образчики разной бумаги (писчей, почтовой, цвѣтной и т. д.) изъ фабрикъ варшавскихъ, финляндскихъ и отъ Товарищества Невской писчебумажной фабрики Варгуниныхъ. Рядомъ съ этой массой бумаги ковторскія книги и хирургическіе наборы—издѣлія хирургическаго инструментальнаго завода военнаго министерства. Между этими инструментами обращаетъ на себя вниманіе аппаратъ для бальзамированія труповъ (д-ра Выводцова).

Похвалы заслужили карты и планы, фотографическія и гальванопическія работы военнотопографическаго отдѣла Главнаго Штаба. Иностранцы—эксперты признали труды эти безукоризненными и лучшими на выставкѣ. Атласы и карты изъ мастерской А. Ильина въ С.-Петербургѣ занимаютъ также видное мѣсто.—Строгоновское центральное училище техническаго рисованія въ Москвѣ выставило работы своихъ питомцевъ, а также прислало нѣсколько великолѣпныхъ изданій своего музея. Эта выставка заслуживаетъ громкую похвалу.

Товарищество россійско-американской резиновой мануфактуры въ С.-Петербургѣ выставило одежду, хирургическіе, дорожные и хозяйственные предметы изъ каучука. Эти вещи относительно внутренняго своего достоинства смѣло могутъ поспорить съ произведеніями того-же сорта американскихъ и англійскихъ фирмъ.

Собраніе учебныхъ пособій педагогическаго музея Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній останавливало передъ собой массу публики. Классная мебель, напр., признана экспертами наиболѣе практичною (по формѣ и конструкціи), т. е. менѣе другихъ вредно вліяющею на здоровье молодого поколѣнія. Тутъ-же, въ особыхъ шкафахъ, выставлены образчики обмундированія и снаряженія нижнихъ чиновъ нашей арміи. Не забыты бѣлая рубаха, кожаные штаны и бѣлыя кепи героевъ Хивинскаго похода.

Библиотека "Руниверс"

Ворсомѣръ Киттары, разрывомѣръ капитана Смородинова и высотомѣръ Менделѣева, профессора С.-Петербургскаго университета—заинтересовали американцевъ, въ особенности послѣдній (Рисунки высотомѣра и статья о немъ будутъ въ скоромъ времени помѣщены въ „Нивѣ").

Горный институтъ представилъ обширную коллекцію рѣдкихъ минераловъ. Американцы сознаются, что эта коллекція богаче ихъ коллекціи минераловъ въ Вашингтонѣ.

Въ машинномъ и металлическомъ русскихъ отдѣлахъ первое мѣсто принадлежатъ издѣліямъ заводовъ князя Демидова-Санъ-Донато. Желѣзо листовое, по качеству своему, особенно понравилось американцамъ, которые съ большой похвалой отозвались и о другихъ вещахъ, какъ напр., о рельсахъ, стали, мѣди, образцахъ золота и платино-содержащихъ песковъ, шлиховомъ золотѣ, коллекціи малахитовъ и образчиковъ разныхъ рудъ. Чугунъ заводовъ Уфимской и Пермской губерніи, замѣчательныя издѣлія пермскихъ пушечныхъ заводовъ, желѣзо и цѣпи воткинскаго адмиралтейскаго ижорскаго завода, прославшаго желѣзные котельные листы—все это какъ слѣдуетъ оцѣнено и компетентными людьми, и публикой. Общество путиловскихъ заводовъ въ С.-Петербургѣ, выставивъ массу замѣчательныхъ предметовъ, прислало еще модели зданій, построенныхъ по идеѣ г. Путилова, изъ старыхъ, негодныхъ рельсовъ. Эта новинка пришлась по вкусу нашимъ заатлантическимъ друзьямъ; имъ очень понравилась мысль г. Путилова—воспользоваться старыми рельсами для возведенія построекъ.

Всеобщее вниманіе обратили на себя предметы нашихъ вѣдомствъ морского и артиллерійскаго. Модели военныхъ судовъ «Петръ-Великій» «Жемчугъ», императорской яхты «Ливадія» и парохода «Александръ II» положительно поразили иностранцевъ. Выставлены и пушки, и мортиры, и образцы брони, но этими предметами американцы мало увлекаются, зная, что старуха Европа чувствуетъ къ нимъ нѣкоторую слабость, впрочемъ, по ходу исторіи, извинительную.

Скоропечатный аппаратъ г. Алисова привлекаетъ любопытныхъ. О немъ уже появился отчетъ въ солидныхъ изданіяхъ Нью-Іорка и Филадельфіи Американцевъ заинтересовали также различные станки, учебной мастерской петербургскаго Технологическаго института, и коллекціи инструментовъ и образцовъ для обученія столярно-модельному, токарному, слесарному и кузнечному мастерствамъ. Большое вниманіе возбуждаютъ модели паровой машины съ параллелограмомъ и регуляторомъ академика П. Л. Чебышева.—Скажемъ въ заключеніе, что со времени открытія выставки общее число посѣтителей было 8,453,923 человѣка, входная плата дала сумму 3,279,484 долларовъ.

Общее число наградъ экспонентамъ (бронзовыя медали—другихъ отличій не было) на выставкѣ 447 Изъ этого числа Россія получила болѣе $^2/_3$ наградъ и такимъ образомъ вышла съ великою для своей промышленности честью изъ этого международнаго состязанія.

Щ.

Къ рисункамъ.

Крещеніе въ Катакомбахъ.

(Картина Чикарини).

Римскія катакомбы вызываютъ воспоминанія о томъ времени безмолвнаго и въ тоже время не обычайнаго, знаменательнаго по своей внутренней силѣ протеста христіанства противъ таившаго въ себѣ самомъ зачатки разложенія, языческаго міра. Для знакомства съ этимъ замѣчательнымъ временемъ столкновенія двухъ міровъ смѣемъ указать на поэму А. Н. Майкова «Два міра», достойную вниманія каждаго образованнаго человѣка, какъ по силѣ художественныхъ красотъ, такъ и по глубинѣ ея идеи. Картина, изображенная профессоромъ Чекарини, можетъ служить такъ сказать пополненіемъ того впечатлѣнія, которое дастъ чтеніе поэмы «Два міра» Сюжетъ картины—«Крещеніе въ Катакомбахъ». Не станемъ дѣлать къ ней объясненій, ибо изъ перваго взгляда на картину видно ея содержаніе.

Говоря о Чекарини, нельзя не упомянуть объ учрежденіи Санъ-Микели (въ Римѣ) въ которомъ онъ воспитывался (впослѣдствіи сдѣлался тамъ же профессоромъ) и которое служитъ въ настоящее время предметомъ распрей между духовенствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Учрежденіе Санъ-Микели, какъ извѣстно, находится подъ управленіемъ графа Ловарелли и нѣсколько разъ совершенно распадалось и снова возникало.

Принимаются туда старики, юноши, женщины и мужчины. Плата взимается не большая, но безплатныхъ не принимаютъ. Юноши получаютъ художественно-ремесленное воспитаніе.

Въ этомъ учрежденіи, кромѣ обыкновенныхъ ремесленниковъ получили первоначальное художественное образованіе многіе стяжавшіе впослѣдствіи не малую славу, какъ то, Меркури и Каламата, замѣчательные граверы; Беттини, Котони, Бокарди—пѣвцы, достигшіе большой извѣстности. Кромѣ того, лучшіе римскіе золотыхъ дѣлъ мастера и литографщики вышли изъ этого же заведенія. Ежегодная выставка устраиваемая въ немъ, привлекаетъ въ свои обширныя залы самый цвѣтъ столичнаго общества, чтобъ любоваться замѣчательными произведеніями художества и ремеслъ.

Заведеніе это очень богато, но для поддержки бѣдныхъ получало огромную субсидію отъ папскаго правительства, которая, прекращена была въ 1871 году. Министерство народнаго просвѣщенія приняло это заведеніе подъ свое покровительство, и нельзя сказать, чтобъ оно пострадало отъ этой благотворной перемѣны.

Паулина Лукка

Въ № 26-мъ «Нивы» за 1871 г. былъ помѣщенъ портретъ извѣстной пѣвицы Паулины Лукка и разсказъ (съ нѣмецкаго) подъ заглавіемъ «Петербургская примадонна Лукка на театрѣ военныхъ дѣйствій». Разсказъ этотъ, по словамъ автора, записанъ со словъ самой г-жи Лукка, отправившейся тогда во Францію, отыскивать раненаго своего мужа, поручика Ф. Радена. Не безъ непріятностей (особенно въ то время) обошлась ей эта поѣздка въ Понт-а-Мусонъ, гдѣ лежалъ раненый поручикъ. Городокъ этотъ превратился тогда въ обширный лазаретъ; надъ каждымъ домомъ развѣвался печальный флагъ съ крестомъ. Трудно было молодой женщинѣ найти тамъ гвардейскаго поручика Ф. Радена, но она нашла его и увезла на родину тяжело раненаго. Обладая весьма счастливою, симпатичною наружностью, артистка эта на сценѣ очаровательна, особенно въ роляхъ Гретхенъ въ «Фаустѣ» Гуно Церлины въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, Пажа въ »Свадьбѣ Фигаро» Моцарта, Елеоноры въ «Трубадурѣ» Верди, Валентины въ «Гугенотахъ» Мейербера и Зелики въ «Африканкѣ» его-же. Паулина Лукка родилась въ Вѣнѣ 25-го апрѣля 1841 г. Родители ея были небогатые евреи. Отчасти подъ вліяніемъ условій жизни, отчасти же благодаря прекрасному своему голосу (mezzo-soprano), она рано сдѣлалась пѣвицей. Первоначально училась она пѣть у Іосифа Рупрехта, а потомъ работала надъ своимъ голосомъ подъ руководствомъ профессоровъ Леви и Отто Усманна. Разсказываютъ, что на первыхъ порахъ начальство столичной оперы тѣснило молодую пѣвицу, не давая ей даже самыхъ небольшихъ партитуръ, полагая сдѣлать изъ нея просто хористку. Достовѣрно то, что Паулина Лукка завоевала себѣ извѣстность, пріобрѣла «имя», играя на сценахъ маленькихъ провинціальныхъ театровъ въ Ольмюцѣ и Прагѣ, гдѣ она много и усердно училась. Когда газеты уже достаточно протрубили о новой примадоннѣ — она была приглашена въ Берлинъ, занять мѣсто придворной оперной пѣвицы. Дебюты въ Берлинѣ упрочили славу ея. Мейеберъ принялъ въ ней живое участіе и въ продолженіи восьми мѣсяцевъ давалъ ей уроки «драматическаго пѣнія». Изъ рукъ такого маэстро г-жа Лукка вышла настоящей артисткой. Въ настоящее время г-жа Лукка (теперь баронесса фонъ Вальгофенъ) находится въ Петербургѣ и посѣтители итальянской оперы уже слушаютъ ея очаровательное пѣніе. Голосъ ея такъ-же прелестенъ, какъ и прежде.

Ласка.

Если вы, читатель, лѣто проводите за городомъ, напр., гдѣ нибудь въ деревнѣ, и любите бродить по полямъ, забираться въ лѣсную глушь, то вамъ, навѣрно, не разъ удавалось встрѣчать хорошенькаго звѣрка — *ласку*, этого хитраго, неутомимаго хищника, который по ловкости своей, находчивости и отвагѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ животнымъ нашей фауны. Горностай и ласка пользуются такою всеобщею извѣстностью, что едва-ли нужно описывать наружность ихъ, но такъ какъ многіе не отличаютъ горностая отъ ласки, хотя по размѣрамъ они далеко не одинаковы, то не мѣшаетъ указать на рѣзкій отличительный признакъ горностая. Этотъ звѣрекъ не такъ часто встрѣчается, какъ ласка; длина его 10—12 дюймовъ; конецъ хвоста *всегда* черный; у ласки-же (длина ея семь дюймовъ) хвостъ не имѣетъ такой отмѣтки, онъ только значительно темнѣе цвѣта шерсти остальной части тѣла. Зимою оба эти звѣрка одѣты въ шубку ослѣпительной бѣлизны; лѣтомъ цвѣтъ ихъ шерсти на спинкѣ бурый, на брюшкѣ и лапкахъ бѣлый, иногда съ крапинками. Ласка встрѣчается и въ городахъ, вообще въ мѣстахъ человѣческаго жилья; гнѣздится гдѣ нибудь въ сараѣ, на дворѣ, въ подвалѣ; горностай рѣдко попадается въ обитаемыхъ мѣстностяхъ—и то всегда въ одиночку. Вотъ что разсказываетъ о горностаѣ одинъ наблюдатель, имѣвшій случай видѣть этого красиваго звѣрка въ городѣ.

«Жилъ я въ домѣ кожевника. Окна моей рабочей комнаты выходили на дворъ, гдѣ происходила выдѣлка кожи. На дворѣ была дубильная яма, аппараты для выварки клея и окраски кожаныхъ лоскутовъ. Вблизи двора этого пролегалъ открытый каменный водосточный каналъ. Однажды—это было въ под-

Библиотека "Руниверс"

день, рабочіе ушли, дворъ опустѣлъ, и вотъ явилось откуда-то нѣсколько крысъ—очевидно съ цѣлью попользоваться мездрою. Пустивъ въ нихъ хорошій зарядъ дроби, я отвадилъ этихъ длиннохвостыхъ появляться на дворѣ среди бѣлаго дня. Разъ утромъ, въ воскресенье, сидя съ книгою у открытаго окна, я услышалъ какое-то странное пыхтѣнье, писк и шумъ возни въ кучѣ кожъ. Минуты спустя оттуда выскочили бойцы—горностай и крыса. Послѣдняя никакъ не хотѣла уступить первому схваченный ею кусокъ, но горностай изловчился и, схвативъ крысу зубами за затылокъ, уложилъ на мѣстѣ».

Этотъ-же наблюдатель видѣлъ нѣсколько разъ ласокъ, охотившихся неподалеку отъ каменоломни за полевыми мышами и ящерицами. Ботанизируя однажды въ молодомъ буковомъ лѣсу, онъ вдругъ услышалъ отчаянный крикъ сойки, поднялъ голову и увидѣлъ на деревѣ ласку, которая успѣла вытащить изъ гнѣзда птенцовъ этой пташки и умертвить ихъ. Сойка напала на хищника и началась драка. Ласка, не выпуская изъ заднихъ лапокъ убитаго птенчика, ловко отбивалась отъ ударовъ клювомъ наносимыхъ ей разгнѣванной матерью.

Горностай и ласка разбойничаютъ напропалую, убивая слабѣйшую тварь просто изъ кровожадности, а не потому, чтобы только утолить голодъ свой. Охотники безпощадно истребляютъ этихъ маленькихъ хищниковъ (особенно горностая), производящихъ свои баши-бузукскіе набѣги на птичьи гнѣзда.

Аксенская горная дорога у Фирвальдштетскаго озера.

Ни одно изъ швейцарскихъ озеръ не представляетъ въ такихъ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ столько красоты и величія, какъ Фирвальдштетское. Горы-великаны — Риги, Пилотъ, Штанцеръ, Ури-Ротштокъ и Аксенъ, обрамляющіе его, придаютъ берегамъ этого озера такой живописный видъ, какой врядъ ли найдется еще гдѣ-либо въ подлунномъ мірѣ. Изъ бухтъ самая красивая Урверская (Урнеръ-зее), о которой упоминается въ драмѣ Шиллера «Вильгельмъ Тель». Озеро это довольно оживлено, благодаря плавающимъ по немъ пароходамъ и парусным судамъ. Но кто хочетъ вполнѣ насладиться всѣми красотами Фирвальдштетскихъ водъ и самаго побережья — пусть наймѣтъ лодку и прогуляется по всему озеру или, если ноги выносливы,—предприметъ путешествіе пѣшкомъ по берегу. Обойти озеро, не спѣша, можно въ четыре дня. Хорошія дороги и прекрасныя гостинницы много облегчатъ такое путешествіе, но наиболѣе удобствъ для такой прогулки представляетъ Аксенская дорога, идущая по склону Аксенберга. Съ этой дороги открывается обширная, очаровательная панорама Урнерской бухты, Грютли, Зеелисберга, Ури-Ротштокъ и др. прелестныхъ пунктовъ этой мѣстности. Аксенская дорога (часть ея изображена на вашей картинкѣ) почти на всемъ своемъ протяженіи пробита въ скалахъ, а начинается она у мѣстечка Брунненъ, лежащаго среди великолѣпныхъ луговъ и ведетъ къ Флюэлену, который находится въ трехъ миляхъ отъ того мѣстечка. Эта прекрасная, широкая, проѣзжая дорога, проложенная лѣтъ десять тому назадъ и стоившая 570,000 фр., замѣнила крутую, опасную тропинку, по которой въ 1799 г. французскій генералъ Лекурбъ, преслѣдуя русскую армію, бывшую подъ начальствомъ Суворова, прошелъ съ своими солдатами ночью при свѣтѣ факеловъ.

Картины Спб. Имп. Эрмитажа.

(Ремрандтъ, Рубенсъ, Ванъ-Декъ, Дюжарденъ и Гюппинъ).

Предъ нами нѣсколько картинъ художниковъ фламандской школы. Средняя—Рембрандта: «Иванъ Собѣскій».

Иванъ III Собѣскій, король польскій (род. въ 1629 г. † 10 іюля 1696 г.), въ исторіи своего времени занимаетъ весьма видное мѣсто. Онъ въ 1664 году спасъ Польшу отъ турокъ въ 1674 году онъ ходилъ на помощь Австріи, освободилъ Вѣну, разбивъ турокъ, и этимъ тогда спасъ отъ нихъ всю христіанскую Европу. Теперь, въ виду событій настоящаго времени, когда приходится «спасать славянъ» отъ турецкаго ига, не грѣхъ помянуть добрымъ словомъ этого короля.

Скажемъ два слова о Рембрандтѣ:

Рембрандтъ геніальнѣйшій изъ фламандскихъ художниковъ, стоитъ во главѣ такъ называемой «школы натуралистовъ», направленію которой онъ положилъ первое и прочное основаніе.

Сила красокъ и свѣто тѣни, могущественное волшебное освѣщеніе, необычайная сила кисти въ картинахъ Рембрандта изумляютъ зрителя. Живые образы выдаются изъ полотна его, безобразныя лица подъ вліяніемъ волшебнаго освѣщенія преображаются.

Быстрота работы Рембрандта была почти баснословна. Будучи скупымъ отъ природы, и съ лѣтами получивъ чуть ли не болѣзненную страсть къ золоту—Рембрандтъ, что бы не тратится на пріисканіе натурщиковъ, безъ всякой церемоніи бралъ перваго попавшагося на улицѣ мужика, свою служанку, жену, кухарку, одѣвалъ ихъ во всевозможные костюмы, и схватывая ихъ лица со всѣми ихъ страстями, ощущеніями, передавая ихъ душу на полотно свое, онъ передавалъ ихъ характеры часто не соотвѣтствующіе избранному предмету.

Съ себя самого онъ оставилъ болѣе 100 портретовъ.

Мастерская Рембрандта освѣщалась маленькимъ окошкомъ и отъ этого свѣтъ въ его картинахъ всегда сосредоточенъ на одной массѣ. На счетъ шероховатости своей кисти, Рембрандъ остроумно замѣчалъ, что картины пишутся не за тѣмъ, чтобы ихъ нюхать. Кромѣ картинъ маслянными красками, Рембрандтомъ много было сдѣлано гравюръ крѣпкой водкой (офортовъ), и эта работа одна сама по себѣ могла прославить и обезсмертить громкое его имя.

Павелъ Рембрандтъ родился 15 іюня 1606 года, близко отъ Лейдена, на мельницѣ своего отца на берегу Рейна.

Въ нашемъ Императорскомъ Эрмитажѣ отведена для его работъ цѣлая галлерея, такъ много и у насъ его произведеній.

Отъ средняго портрета Ивана Собѣскаго, перейдемъ къ двумъ другимъ, помѣщеннымъ по сторонамъ его. Одинъ слѣва—Филиппа IV, работы Рубенса и справа портретъ Ванъ-Дейка, писанный имъ самимъ.

Это работа учителя и ученика. Оба они—знаменитости, хотя и представляютъ полную противоположность одинъ другому. Сходство ихъ ограничивается только въ стремленіи къ пластикѣ, но Рубенсъ выдвигаетъ на первый планъ наружность, внѣшній видъ живописуемыхъ имъ фигуръ, всякую мысль облекаетъ въ пылкое неудержимое дѣйствіе—Ванъ-Дейкъ же стремится въ изображаемыхъ картинахъ отмѣтить мысль и чувство.

Какъ живописецъ портретный, Ванъ-Дейкъ превосходитъ учителя и имѣетъ соперникомъ только Тиціана.

Знаменитая коллекція «Ста портретовъ», написанныхъ рукою самого Ванъ-Дейка, въ позахъ и разнообразной обстановкѣ которыхъ онъ далъ полную волю своей роскошной фантазіи, сохраняется до сихъ поръ въ галлереяхъ и музеяхъ Европы, къ чести искусства, къ вѣчной славѣ творца ея.

Но силой и мощью таланта Рубенсъ стоитъ выше Ванъ-Дейка. Богатство воображенія и вымысла у Рубенса не имѣютъ предѣловъ. Съ необыкновенной легкостью пишетъ онъ громадныя историческія картины, смѣло и бойко накладываетъ на полотно ожесточенный пылъ яростной битвы. Разъяренныя фуріи съ бичами изъ сплетшихся змѣй, громадные замки, неприступныя мѣстности, очаровательныя группы дѣтей, несущія цвѣточныя гирлянды; сюжеты изъ области миѳологіи, исторіи и изъ обыденной жизни—все полно геніальностью и совершенствомъ, и болѣе полуторатысячъ картинъ, имъ написанныхъ, не истощили творчества его гигантскаго таланта.

Кисть-же Ванъ-Дейка въ картинахъ историческаго содержанія можно назвать нѣсколько женственной, хотя и его нѣкоторыя картины составляютъ чудо искусства. Но вообще, въ этомъ отношеніи талантъ его не былъ вполнѣ самобытнымъ, и великій Рубенсъ не безъ основанія совѣтовалъ своему ученику посвятить себя преимущественно портретной живописи.

Петръ Павелъ Рубенсъ родился въ Кельнѣ, въ 1577 г. въ день Св. Апост. Петра и Павла. Отецъ его былъ докторомъ правъ. До 16-ти лѣтняго возраста великій художникъ не сознавалъ въ себѣ своего назначенія. Умеръ онъ на 63 году своей шумной, славной жизни и былъ погребенъ со всевозможною пышностью при церкви Св. Іакова. Городъ Антверпенъ поставилъ на могилѣ его капеллу и воздвигъ въ честь его колосальную бронзовую статую. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о Рубенсѣ помѣщены въ Нивѣ 1876 г. № 9).

Ванъ-Дейкъ былъ сынъ зажиточнаго торговца полотнами въ Антверпенѣ. Родился въ 1599 г. Любовь къ живописи имъ наслѣдована отъ его матери, хорошей рисовальщицы и большой любительницы изящныхъ искусствъ. И на долю Ванъ-Дейка выпала завидная участь быть оцѣненному при жизни, при жизни пользоваться самымъ завиднымъ почетомъ, громкою славою.

Относительно портрета Рубенса «Филиппа IV», слѣдуетъ замѣтить, что это одинъ изъ шести испанскихъ королей (французскихъ королей, Филипповъ, какъ извѣстно, было тоже шесть). Филиппъ IV, сынъ Филиппа III и Маргариты Австрійской (род. въ 1605 † 1665 г.) Онъ вступилъ на престолъ 16 лѣтъ. Въ его царствованіе Испанія лишилась, въ пользу Франціи, Артоа и Эльзаса, и Португалія объявила себя независимою. Наслѣдникомъ послѣ него остался Карлъ II.

Верхняя картина—Пастбище, раб. Дюжардена. Дюжарденъ родился въ Амстердамѣ въ 1640 г. былъ ученикомъ Берхема.

Мягкость и нѣжность его колорита особенно обнаруживается въ его вейзажахъ. Написанныя имъ фигуры животныхъ, и карикатуры, отличаются рѣдкой легкостью и свободой кисти. Лучшей картиной Дюжардена считаютъ написаннаго имъ «Шарлатана». Художникъ этотъ рано умеръ и велъ скитальческу южизнь.

Нижняя картина — также Пастбище. Принадлежитъ имени Альберта Гюппина. Годы рожденія и смерти этого величайшаго живописца фламандской школы считаютъ различно. Одни увѣряютъ, что Гюппинъ род. 1606 г. и † въ 1667; другіе, что онъ род. въ 1605 г. † въ 1691 г.

Мастерство Гюппина изображать природу было изумительно. Онъ охватывалъ всю природу и съ равнымъ искусствомъ одинаково прекрасно писалъ портреты, птицъ, плоды, морскіе пей-

(Продолженіе на стр. 867, 868, 869 и 870).

При этомъ № прилагается объявленіе отъ книжн. магаз. Д. И. Прѣснова въ Москвѣ для гг. иногор. подписч. за исключеніемъ Московскихъ.

Библиотека "Руниверс"

зажи, свѣтъ луны. Плодовитость воображенія Гюнипа такъ велика, что художникъ разнообразитъ свои картины до безконечности, хотя во всю жизнь онъ не видѣлъ другого неба, кромѣ неба Нидерландъ.

Альбертъ Гюнипъ почти единственный въ своемъ родѣ; соперникъ его Фанъ-Гоенъ болѣе поверхностенъ и болѣе монотоненъ.

Подробности жизни Гюнипа точно неизвѣстны. Его современники и самъ онъ долго не знали цѣну его таланта и только въ концѣ XVIII столѣтія были оцѣнены картины этого великаго живописца. Онъ былъ ученикъ своего отца.

Л. К.

Политическое обозрѣніе.

Засѣданія предварительной конференціи, кончены. Общій результатъ этихъ работъ, повидимому, удовлетворителенъ, такъ какъ на дняхъ, т. е. 11 декабря въ субботу, должно состояться *первое* засѣданіе оффиціальной конференціи. Сколько извѣстно, на оффиціальной конференціи, сверхъ представителей шести великихъ державъ, будутъ участвовать *два* представителя Порты: министръ иностранныхъ дѣлъ Савфетъ-Паша и турецкій посолъ въ Берлинѣ Эдхемъ-Паша, съ готовою программою, которая будетъ подлежать измѣненію и дополненію. Предметы обсужденія на оффиціальной конференціи раздѣляются на *три* категоріи: a) Обсужденіе условій, на которыхъ имѣетъ быть заключенъ миръ между Портою, Сербіею и Черногоріею. b) Опредѣленіе реформъ для возставшихъ провинцій. c) Установленіе гарантій въ дѣйствительномъ приведеніи въ исполненіе реформъ. Очевидно, что *послѣдній* пунктъ самый главный и существенный и, при несогласіи въ немъ, конференція не достигнетъ своей цѣли.

Разумѣется, предрѣшать исходъ дѣла невозможно. Но при взвѣшиваніи препятствій, тормозящихъ желательный исходъ совѣщаній на конференціи, нельзя не упомянуть, что на дняхъ, наканунѣ настоящихъ совѣщаній, въ Константинополѣ совершился переворотъ. Великій визирь Махмедъ-Ружди-паша отрѣшенъ отъ должности и на мѣсто его назначенъ Митхадъ-паша, извѣстный авторъ пресловутой на скоро состряпанной турецкой конституціи и, по мнѣнію англійскихъ газетъ, будущій реформаторъ Турціи. Съ этою перемѣною визиря, Турція начинаетъ почему-то возвышать свой голосъ. Телеграфъ отъ 8 (20) декабря принесъ извѣстіе, что Митхадъ-паша высказывается въ весьма воинственномъ духѣ, и ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ занятія турецкой территоріи. Надо замѣтить, что Митхадъ-паша— заклятый врагъ Россіи, энергически сопротивляющійся всякимъ уступкамъ и настаивающій на томъ, чтобы *все* осуществленіе реформъ было предоставлено Портѣ. Недавнія, нелишенныя большаго курьеза, извѣстія, о похищеніи бывшаго султана Мурада и о покушеніи на жизнь президента турецкаго государственнаго совѣта, т. е. Митхада-паши, занимавшаго доселѣ этотъ постъ— суть только не болѣе какъ прелюдіи для вѣрнѣйшаго полученія Митхадомъ поста великаго визиря. Нѣкоторыя газеты видятъ въ возвышеніи Митхада-паши, смѣлый вызовъ всей Европѣ со стороны Турціи. Конечно это преувеличеніе, но во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ значительно усложнилось. Въ самомъ Константинополѣ, однако, думаютъ, что назначеніе Митхада-паши великимъ визиремъ ускоритъ разрѣшеніе кризиса.

Инсургенты Босніи и Герцеговины представили членамъ конференціи меморію, въ которой изложены всѣ жалобы, выставленныя ими въ разные періоды великимъ державамъ, со времени военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этой меморіи, составленной отъ имени Босніи и Герцеговины, излагаются желанія райи въ 6-ти пунктахъ. Что касается Сербіи и Черногоріи, то, въ виду того, что конференція не согласилась на допущеніе къ совѣщаніямъ спеціальныхъ представителей этихъ княжествъ, — князья Миланъ и Николай прислали свои меморіи, въ которыхъ излагаютъ свои желанія, требованія и условія; со стороны болгаръ представлена записка, и всѣ эти документы будутъ представлены на обсужденіе конференціи нашимъ посломъ генераломъ Игнатьевымъ. Таковы въ общихъ чертахъ, отношенія заинтересованныхъ въ дѣлѣ славянъ Балканскаго полуострова къ имѣющимъ открыться засѣданіямъ конференціи.

Что касается, въ частности, Сербіи, то и тамъ положеніе дѣлъ усложняется: произошелъ министерскій кризисъ. Телеграфъ извѣстилъ насъ отъ 8 (20) декабря, что отставка сербскаго министерства послѣдовала по настоянію австрійскаго генеральнаго консула, князя Вреде. Недоразумѣнія начались съ того, что 7 (19) декабря два австрійскіе монитора на которыхъ находились австрійскій и германскій консулы, маневрировали *) передъ стѣнами бѣлградской цитадели. Караульный цитадели, безуспѣшно напомнувъ мониторамъ объ удаленіи,— сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ изъ ружья. Князь Вреде приказалъ отвѣтить съ австрійскаго монитора на огонь караульнаго. Дѣйствительно, съ мониторовъ сдѣланы два пушечные выстрѣла въ стѣны Бѣлградской цитадели. Происшествіе это повело за собою несчастіе на одномъ изъ мониторовъ: вслѣдствіе воспламененія патроновъ, ранено 14 человѣкъ. Князь Миланъ, по полученіи объ этомъ извѣстія, лично выразилъ австрійскому генеральному консулу свое глубочайшее сожалѣніе. Въ то-же время стало извѣстно, что поданныя министерствомъ просьбы объ отставкѣ князь Миланъ принялъ, и сербское правительство, желая избѣжать затрудненій, намѣрено дать Австріи, по поводу этого случая, полное удовлетвореніе. Но австрійскіе мониторы все-таки продолжаютъ маневрировать передъ Бѣлградскою крѣпостью, а сербскій агентъ въ Вѣнѣ, Кучикъ, вызванъ оттуда княземъ Миланомъ по телеграфу. Носятся слухи также, что и самъ князь Вреде отозванъ съ своего поста. Что касается образованія новаго министерства въ Сербіи, то говорятъ, что составленіе новаго Кабинета уже поручено Марировичу (недавно ѣздившему въ Петербургъ по особымъ порученіямъ). Съ другой стороны, говорятъ о министерствѣ Кальчича. На мѣсто теперешняго военнаго министра назначенъ Чолокантичъ, бывшій начальникъ Ибарской арміи.

Недавно нѣмецкія офиціальныя газеты, въ виду слуховъ о воинственныхъ приготовленіяхъ Германіи, высказали, что Германія не имѣетъ никакого повода къ тому, чтобы подвергать опасности жизнь хотя-бы одного «померанскаго мушкатера», для достиженія цѣлей, которыя до-нынѣ имѣютъ лишь второстепенную и даже третьестепенную связь съ жизненными интересами германскаго народа. Англійскія газеты, съ своей стороны высказываютъ мысль, что если Порта воспротивится постановленіямъ конференціи, то подобный образъ дѣйствій изолируетъ ее и повлечетъ за собою прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Англіею и Портою, что хотя занятіе Болгаріи русскими войсками прискорбно для Англіи, но что тѣмъ не менѣе она этому занятію препятствовать не будетъ, ибо интересы ея сосредоточены на Босфорѣ, и его будетъ она охранять, когда наступитъ опасность. И такъ покамѣстъ нѣтъ, по видимому элементовъ, могущихъ нарушить локализированіе войны. Телеграфъ извѣстилъ насъ, что лорду Силисбери даже формально приказано совѣтовать Портѣ *принять предложеніе о занятіи Болгаріи*, въ каковой бы формѣ оно ни было сдѣлано.

Въ Америкѣ продолжается ожесточенная борьба между республиканскою и демократическою партіями, вызванная событіями, о которыхъ мы сообщали въ предшествовавшемъ нашемъ полит. обозрѣніи.

Но не на одномъ только сѣверѣ Новаго Свѣта положеніе тревожно. Въ Мексикѣ, получившей такую извѣстность междуусобными войнами, и въ послѣдвее время—трагическою смертью Максимиліана, положеніе дѣлъ также становится серьезнымъ. Тамъ началась междуусобная война, сколько извѣстно до сихъ поръ— неудачная для правительства Мексиканскаго президента Лердо-де-Тсхада. Предводителемъ революціонныхъ войскъ является герой Порфиріо Діасъ, прославившійся еще при Хуаресѣ, непреклонной стойкостью противъ занявшихъ Мексику французовъ. Въ битвѣ, происходившей 16 ноября (нов. ст.) между правительственными и республиканскими войсками, войска прав. потеряли 2,700 чел., а Порфиріо Діасъ 1.400.

Новыя сочиненія о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ.

По случаю празднованія въ нынѣшнемъ году столѣтія существованія Сѣверо-Американской республики, весьма понятно, должно было увеличиться число вновь вышедшихъ въ свѣтъ книгъ, трактующихъ о прошломъ и настоящемъ этой республики, о самомъ ея основаніи, о развитіи колоній, о развитіи демократическаго принципа, имѣвшаго чисто-пуританское начало и т. д. Предметъ такъ богатъ, точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать его, существуетъ такое множество, что представляется весьма важнымъ для читателя вопросомъ такъ сказать оріентироваться въ этомъ разнообразіи воззрѣній, при помощи книги безпристрастно и съ большаго числа сторонъ изображающей исторію Соединенныхъ Штатовъ.

Остановимся на книгѣ Гиггинсона, (изданіе на нѣмецкомъ языкѣ) о Сѣвер. Американской республикѣ. Она имѣетъ твердую тенденцію быть популярною «народною», и этотъ характеръ выдерживаетъ отъ начала до конца. Правда, весьма подробныя объясненія того, что должно, быть извѣстно всякому знакомому съ исторіей, дѣлаютъ многія мѣста въ книгѣ Гиггинсона слишкомъ элементарно-поучающими, а потому и скучноватыми; но какъ скоро книга имѣетъ въ виду именно массу народа, то знакомый съ исторіей читатель, конечно, претендовать не долженъ. Общій планъ книги, однако, весьма хорошъ. Предъ читателемъ постепенно развертывается картина, сначала съ не-

*) Маневрированіе это, говорятъ, вызвано случаемъ съ пароходомъ «Радецкій», съ котораго высадились на сербскую территорію болгарскіе пассажиры, опасавшіеся что австрійскій пароходъ «Радецкій» выдастъ ихъ въ Видинѣ туркамъ.

Библиотека "Руниверс"

ясными, неопредѣленными чертами, но затѣмъ получающая грандіозность размѣровъ, строгость очертанія, яркость красокъ. Исторія колонизаціи сѣверной америки принадлежитъ къ самымъ интереснымъ мѣстамъ книги. Авторъ, конечно, пользовался для этого огромнымъ богатствомъ матеріаловъ заключающемся въ классическомъ и огромномъ по объему трудѣ *Банкрофта*, посвященномъ именно исторіи колонизаціи сѣверной америки, а также трудомъ *Тильви* (этотъ послѣдній авторъ «исторіи Сѣверо-Американскихъ колоній» замѣчателенъ высокимъ мастерствомъ изложенія). Гиггинсону удалось въ общей картинѣ, не вдаваясь въ излишнія частности, схватить цѣлое въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Первоначальные обитатели сѣверной америки обыкновенно называются индѣйцами. На самомъ дѣлѣ, это названіе не точное, навязанное европейцами. Въ различныхъ частяхъ страны они носили различныя названія напр.: могиканы, пикоты, массачузетты, паррагензетты, гуроны, вампаноги, но всѣ эти народцы принадлежали только къ двумъ большимъ семействамъ: *алгонкиновъ* и *ирокезовъ*. Европейцы всѣхъ ихъ застали одѣтыми въ звѣриныя шкуры. Обиліе украшеній, манера расписывать лицо яркими красками, столь возмутившая пуританскихъ проповѣдниковъ, дѣленіе на кланы, посредствомъ изображеній волка, оленя, жабы, бобра, медвѣдя, улитки, слѣды вѣрованія въ безсмертіе душъ, вѣра въ одушевленность вѣтровъ и небесныхъ свѣтилъ—все это, не представляя чего нибудь особенно типичнаго, служило, однакоже, обильнымъ матеріаломъ для поэтическихъ сказаній, переданныхъ намъ, напримѣръ, американскимъ поэтомъ Лонгфелло въ его «Гіаватѣ».

Къ числу интереснѣйшихъ страницъ исторіи сѣверо-американской республики принадлежитъ именно исторія ея колонизаціи испанцами, французами и, наконецъ, англійскими пуританами. Дѣло случилось такъ, что англійско-пуританскій элементъ заслонилъ собою всѣ другіе элементы и сдѣлался зерномъ, зародышемъ всей сѣверо-американской колонизаціи. Испанцы, пытавшіеся первые колонизировать сѣверную америку, дали ей общее названіе Флориды. Французы съ своей стороны, дали ей названіе «франчески», «канады» или «новой Франціи». Судя по стариннымъ глобусамъ, Канада или Новая Франція обнимала восточную половину береговъ Атлантическаго океана, ея же къ югу лежащая отъ нея часть называлась Флоридою и принадлежала испанцамъ. Между тѣмъ, между Канадою и Флоридою. еще широкою полосой вдавались поросшія первобытными лѣсами дѣвственныя земли, требовавшія колоссальной энергіи, чтобы захватить ихъ и удержать за собою. Здѣсь схватилась за дѣло желѣзная рука англичанина. Вся эта обширная полоса земель названа Виргиніей (отъ латин Virgo—въ честь дѣвственницы королевы Елизаветы). Борьба съ препятствіями юной колонизаціи въ этой полосѣ была безпримѣрная. Набѣги дикарей, дикихъ звѣрей, голодъ, землетрясенія и другія бѣдствія не сломили, однако, англійской настойчивости. Первый ребенокъ, рожденный въ этомъ мѣстѣ, отъ англійскихъ родителей былъ прозванъ «мужествомъ дѣвы» (Virginin-Dare).

Богъ знаетъ, однакожь, какая была бы судьба англійскихъ первыхъ колоній, если бы успѣху ихъ не содѣйствовалъ чисто внѣшній импульсъ—именно гоненіе на пуританъ въ Англіи. Гонимые рѣшились переселиться въ Америку, и этотъ почти исключительный пуританскій наплывъ переселенцевъ въ Америку въ XVII вѣкѣ даетъ свою печать самой исторіи Великой Республики, даетъ ей характеръ, до такой степени типичный, что первый періодъ исторіи колонизаціи Сѣверо-Американскихъ штатовъ можетъ быть названъ «исторіей пуританъ, выселившихся въ сѣверную америку. Пуритане перенесли съ собою за океанъ принципъ демократической свободы, зерно развившихся впослѣдствіи государственныхъ учрежденій. Сначала, конечно, проявлялось у нихъ много суровой нетерпимости, жестокостей, даже звѣрствъ относительно напримѣръ секты квакеровъ; но это уже было неизбѣжнымъ характеромъ тогдашняго вѣка, отразившагося даже на такомъ величественномъ и плодотворномъ для американскаго развитія явленіи, каковъ англійскій пуританизмъ. Желающіе познакомиться подробно съ исторіей колонизаціи пуританъ въ Америкѣ могутъ обратиться къ Банкрофту и Тальви. Интересъ и увлекательность общей картины вознаградитъ читателя за усиліе одолѣть объемистые труды сейчасъ названныхъ авторовъ.

Замѣтимъ въ заключеніе, что переселявшіеся въ Америку пуритане извѣстны были подъ именемъ «странниковъ», (pilgers). Это первый дессантъ, высадившійся за океаномъ, затѣмъ—сепаратисты поселенцы Плимута, наконецъ чистый, пуританскій элементъ. Тѣхъ, и другихъ, третьихъ перевозилъ за океанъ, получившій всемірно-историческую извѣстность корабль «Mayflower» (Майскій цвѣтъ).

Надо прибавить, что приложенныя къ книгѣ г. Гиггинсона карты и рисунки весьма много помогаютъ отчетливости представленія общей картины прошедшаго сѣверо-американской республики, что, въ соединеніи съ популярностью изложенія, придаетъ книгѣ Гиггинсона большое достоинство. Въ русскомъ переводѣ книга эта пока еще не издана.

М. Стратилатовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) **Ахтырка, И. Маркову.** Вы пишете, что при разсматриваніи фотографическаго снимка въ увеличительное стекло, увидѣли на этомъ снимкѣ натуральные цвѣта предметовъ. Для объясненія этого открытія необходимо изслѣдовать, при какихъ условіяхъ сдѣланъ былъ фотографическій снимокъ и заняться повтореніемъ снимковъ при такихъ же условіяхъ. Мы охотно дадимъ мѣсто описанію такихъ опытовъ, если они удадутся, но описаніе должно точно указать всѣ подробности условій, при какихъ получались или потомъ получатся удачные опыты. Изъ присланнаго письма мы не знаемъ даже, на чемъ получились цвѣта: на негативѣ или на позитивѣ.

2) **С.—ПБ-ургъ. А. З—ну.** Хотѣли-бы мы все ваше стихотвореніе помѣстить въ «почтовомъ ящикѣ», но къ сожалѣнію, мѣста мало. Выписываемъ только послѣднія строки.

— „Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите;
Я предоставляю вамъ;
Но только вы меня не застрѣлите;
Я покажу, какъ стрѣлять умѣю самъ“,

Ну, если вы такъ-же умѣете стрѣлять, какъ «сочинять стихи», то очень можетъ быть, что вамъ и не сдобровать.

3) **Павловскій посадъ. Пол—ву.** Изъ объемистой пачки стиховъ, съ роковою правильностью каждодневно доставляемыхъ въ редакцію, ваши стихи болѣе другихъ достойны почтоваго ящика, а потому и помѣщаемъ изъ нихъ четыре строчки:

Въ полночь глухую
Объялъ рыбаковъ сонъ
Только лѣшій воюя
Прыгаетъ въ воду какъ сомъ.

Не спрашивая, съ кѣмъ воюетъ лѣшій и откуда прыгаетъ сомъ, желаемъ только, чтобы поэты подобные Вамъ, по крайней мѣрѣ не съ такою роковою правильностью ежедневно осаждали насъ своими стихами, а покрайней мѣрѣ, хоть черезъ день.

4) **Новгородъ. Учителю С. Бур—ому.** Біографіи Рихтера и Виланда будутъ въ свое время помѣщены. На предложенія ваши не отвѣчали потому, что они для насъ неудобны. Присланныя вами новыя статьи спокойно ждутъ своей очереди.

5) **Николаевскъ. В. П. Шк—тону.** Любовь къ искусству—достойна одобренія, но рано вы рѣшаетесь выступить на поле дѣятельности. Лѣтъ черезъ десять, пятнадцать можетъ быть что нибудь изъ васъ и выйдетъ, а пока—одно маранье бумаги.

6) **Лохвица. А. Мар—у.** Просимыя свѣдѣнія сообщаемъ письмомъ. Что касается вопроса о преміяхъ Нивы, то необходимо замѣтить, что замѣнить ихъ книгами нѣтъ возможности: на всѣхъ выборомъ не угодишь, переписка же очень затруднитъ и къ цѣли не приведетъ. Указаніе ваше на другія изданія, обѣщающія книги, намъ кажется, напрасно: обѣщанія хороши, когда они исполнимы, а мы неисполнимыхъ обѣщаній давать но можемъ. Приложеніе посредственнаго романа или словаря мы не находимъ возможнымъ сдѣлать, потому что посредственный романъ прочтется и предвется достойному забвенію, а словарь въ теченіи года можно довести не болѣе какъ до половины буквы и, слѣдовательно подписчикъ долженъ выписывать журналъ лѣтъ 70. Такого упорнаго постоянства и въ особенности въ виду кратковременности человѣческой жизни на землѣ, трудно ожидать какъ отъ подписчиковъ, такъ и отъ издателей, по крайней мѣрѣ мы не надѣемся на такую долговременную жизнь. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ для премій остается все-таки только картины, всегда могущія служить лучшимъ украшеніемъ комнатъ. Мы надѣемся, что въ будущемъ 1877 году наши премія—картины заслужатъ даже большаго вниманія подписчиковъ чѣмъ премія 1876 г.

СОДЕРЖАНІЕ: **Графъ Андраши** (съ портретомъ).—**Княжна Острожская.** Историческая повѣсть **Вс. С. Соловьева.** Часть 2-я. (Окончаніе). — **Всемірная выставка въ Филадельфіи** (съ рисункомъ). **Щ.** (окончаніе). — **Крещеніе въ катакомбахъ** (съ рисункомъ).—**Паулина Лукка** (съ портретомъ).—**Ласка** (съ рисункомъ). — **Аксенская горная дорога у Фкрвальдштетскаго озера** (съ рисункомъ).—**Картины Спб. Имп. Эрмитажа** (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Новыя сочиненія о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О продолженіи изданія въ будущемъ 1877 году духовнаго журнала «СТРАННИКЪ».

Годъ восемнадцатый.

Журналъ **«Странникъ»** будетъ издаваться въ будущемъ 1877 году въ прежнемъ строго-православномъ направленіи и по прежней программѣ, имѣющей въ виду удовлетворить потребностямъ большинства читающей публики. Въ составъ журнала входятъ: 1) Біографическіе очерки знаменитыхъ духовныхъ дѣятелей (съ приложеніемъ, по временамъ, ихъ портретовъ); 2) статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по исторіи отечественной Церкви; лучшія проповѣди; 3) Библіографія, въ предѣлы которой входитъ краткій *разборъ всѣхъ* вновь выходящихъ *духовно-нравственныхъ книгъ*; 4) внутреннее и иностранное церковныя обозрѣнія; правительственныя распоряженія и разныя извѣстія, и 5) Замѣтки.

Условія подписки на 1877 годъ остаются также прежнія: за 12 книжекъ «Странника»—4 руб. безъ пересылки, и пять руб. съ пересылкою во всѣ почтовыя мѣста имперіи. Адресоваться: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» — въ С.-Петербургъ*, съ подробнымъ и точнымъ обозначеніемъ, *кому* и *куда* посылать книжки журнала. Петербургскіе подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи: *Невскій проспектъ*, домъ *№ 108, близъ Знаменья.*

3—3 Редакторъ-издатель *Священникъ С. Протопоповъ.*

Открыта подписка на 1877 годъ

еженедѣльнаго юмористическаго журнала съ каррикатурами

«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»

(годъ девятнадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: *въ Москвѣ*, безъ доставки на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкою на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно у всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Гг. иногородные для большей вѣрности благоволятъ адресоваться *исключительно* въ редакцію журнала **«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»** въ *Москву.*

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія **заблаговременно.**

При перемѣнѣ адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ.

3—2 Издатель-редакторъ **Ѳ. Миллеръ.**

Библиотека "Руниверс"

„ПРИРОДА“

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

(одобренъ для библіотекъ и учебныхъ заведеній).

Роскошное изданіе на веленевой бумагѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **12** р., СЪ ПЕРЕС. **13 50** К. (безъ хромолит. и литогр. прилож. **8** р. съ пер. **9** р.

Подписчикамъ на **1877 г.** будетъ выдана въ теченіи года особымъ приложеніемъ: **«Популярная Физіологія, въ примѣненіи къ медицинѣ и гигіенѣ».**

Д—ра **Лебона**, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ **3 руб. 50 коп.**

Сборникъ «**Природа**» въ 1877 году выходитъ 4 раза въ годъ книгами около 27 печ. листовъ, съ 7-9 **хромо и литографіями**, исполненными въ **лучшихъ** русскихъ и **заграничныхъ** литограф. завед., и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ принимаютъ участіе многіе извѣстные ученые популяризаторы и будутъ помѣщаться общедоступныя и общеинтересныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. можно пріобрѣтать въ конторахъ редакціи по **2** р. за томъ и по **7** р. за годъ **безъ** и по **3** р. за томъ и по **11** р. за годъ **съ приложеніями**, а за всѣ 14 томовъ (заключающіе между прочимъ статьи профессоровъ: **А. Н. Бенетова, А. П. Богданова, Ѳ. А. Бредихина, Н. П. Вагнера. И. Н. Мечникова, Столѣтова. С. А. Усова, И. Д. Чистякова, Д. Н. Анучина, М. Н. Богданова, Б. С. Розенберга, В. Кандинскаго, А. Н. Петуннинова.** и мног. др.; изъ переводныхъ,—статьи и рѣчи Гексли, Геккеля, Гельмгольца, Тринадаля и друг. знаменит. ученыхъ популяризаторовъ, а въ видѣ прилож. въ 3 и 4 кн. 1876 г. «Доисторическія времена» Леббка, стоющ. въ отд. прод. 3 р. 50 к., а также до 100 хромолитографій и литографій, исполненныхъ частію въ литографіяхъ Лемерсье и Баха и изображающихъ сцены изъ жизни животныхъ, растенія, пейзажи, портреты, типы—и болѣе 1000 рисунковъ въ текстѣ)—платятъ **безъ** приложеній **25** р., съ подписной на 1877 г. **32** р.; **съ приложеніями: 35** р., а съ 1877 г. **45** съ пересылкой.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Охоты,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. П. Сабанѣева.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

съ хромолитограф. и литограф. приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **8** Р., СЪ ПЕРЕС **9** Р.

(На полгода **4** р. **50** к., съ пер. **5** р).

Въ 1877 г. выходитъ книгами около 5 печ. листовъ убористой печати, на веленевой бумагѣ (не считая особо печатаемыхъ приложеній), съ хромолитографіей или литографіей въ каждой и многими, также исключительно оригинальными рисунками въ текстѣ,—изображающими охоту на звѣрей и птицъ,—охотничьихъ животныхъ, собакъ и т. п.—Независимо отъ сего въ теченіи года будутъ выданы въ видѣ премій 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ принимаютъ участіе: **И. С. Тургеневъ. П. М. Мачеваріановъ, Ф. А. Арсеньевъ, А. С. Вышеславцевъ, С. М. Глѣбовъ, П. Н. Даниловъ, Н. А. Дмитріевъ. Мамоновъ. Н. П. Ермоловъ. Н. В. Егорновъ, Квасниновъ, Н. И. Манаровъ, А. Селастенниновъ. Д. Челищевъ. В. В. Щербаковъ, П. Ѳ. Юрасовъ**—и многіе другіе извѣстные охотники—и помѣщаются какъ охотничьи разсказы и очерки, такъ и спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать **изъ конторъ редакціи** по 3 р. 50, а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит и литографій 5 премій и особыя приложенія 1876 г.: «Записки псового охотника» **П. М Мачеваріанова** (160 стр.) и **Тетеревъ-носачъ** Л. П. Сабанѣева (100 стр.)—за **16** р., съ подпиской на 1877 г. за **24** р. съ перес.

Подписка принимается: для **иногородныхъ въ главной конторѣ** редакціи Сборника «Природа» и «Ж. Охоты» (**Москва**, Петровка, д. Самариной) для московскихъ подписчиковъ также въ кн. маг. Соловьева, Мамонтова и Васильева; для петербургскихъ **въ отдѣленіи конторы редакціи** (СПБ. Малая Садовая, д. Демидова, кв. № 60), въ кн. маг. редакціи журнала «Знаніе» Караваннаи, д. № 8).

Лица, подписавшіяся на оба изданія въ конторахъ редакціи, платятъ 16 . с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника.

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1877 году.

Въ будущемъ году **Современныя Извѣстія** выйдутъ, какъ обыкновенно, въ количествѣ 360 №№, ежедневными выпусками (не исключая дней, слѣдующихъ за воскресными и праздничными).

Программа прежняя: ежедневныя телеграммы, политическія и торговыя; руководящія статьи по важнѣйшимъ изъ текущихъ вопросовъ политическихъ и общественныхъ (не исключая церковныхъ, ученыхъ и художественныхъ); извѣстія о происходящемъ внутри и заграницей, по возможности полныя; корреспонденціи изъ внутреннихъ городовъ и тѣхъ мѣстъ за границей, куда событія направляютъ особенное вниманіе общества.

Введенный нынѣшнимъ годомъ фельетонъ, помимо легкихъ, бытовыхъ замѣтокъ, далъ нѣсколько статей серіознаго содержанія, научнаго, политическаго и критическаго; постоянными отчетами знакомилъ съ изящною литературой русскихъ журналовъ. Въ будущемъ году предполагаются въ фельетонѣ сверхъ того повѣсти и разсказы.

Форматъ будетъ увеличенъ.

Съ направленіемъ **Современныхъ Извѣстіи** минувшія девять лѣтъ достаточно ознакомили читателей; не безъ утѣшенія мы видимъ, что великими событіями, совершающимися и предстоящими, выдвинуты на первенствующее мѣсто политическіе взгляды, распространенію которыхъ мы служили болѣе всего.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

	12 м. р.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Въ Москвѣ. . . .	9	8 40	7 80	7 15	6 50	5 75	5 —	4 20	3 40	2 60	1 75	90
На города	10	9 25	8 50	7 75	7 —	6 25	5 50	4 60	3 70	2 80	1 90	1 —

Издатель-редакторъ **Гиляровъ-Платоновъ.**

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ,

отъ 25 коп. за штуку.

Коллекціи картинъ для волшебнаго фонаря: по русской и священной исторіи, географіи, явленія природы и проч. Подробныя свѣдѣнія можно получить, адресуя письменно: Петербургская часть, Стрѣльнинская ул., д. № 13. Ермолину.

ПОДПИСКА НА **1877** ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

ПРИНИМАЕТСЯ:

отъ гг. иногородныхъ исключительно въ **Главной конторѣ**, помѣщающейся на Васильевскомъ Островѣ, въ 15 линіи, д. № 8, кв. № 20;

отъ городскихъ подписчиковъ въ **Городской конторѣ**, помѣщающейся на Невскомъ пр., въ домѣ Армянской церкви, при магазинѣ „Русской Книжной Торговли“

Цѣна полному изданію, въ 22 книгахъ:

въ С.-Петербургѣ—безъ доставки . . . . . **11** р.

» съ доставкою . . . . . **11** » **50** к.

съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . . **12** » — »

Кромѣ подписки на полный журналъ принимается подписка отдѣльно на

1) „СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ СЕМЬИ и ШКОЛЫ“

Состоящ. изъ 12 книгъ со всѣми приложеніями

безъ доставки . . . . . **9** р. — к.

Съ доставкой. . . . . **9** » **50** »

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . **10** » — »

2) ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ

Состоящее изъ 10 книгъ . . . . . **4** р. — к.

Съ доставкою . . . . . **4** » **50** »

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . . **5** » — »

Издатель отвѣчаетъ за аккуратную доставку нумеровъ журнала тѣмъ только подписчикамъ, которые подпишутся по указаннымъ адресамъ.

Денежныя письма, а также увѣдомленія о неисправной доставкѣ журнала и вообще всякую корреспонденцію, касающуюся изданія, просимъ адресовать въ **Главную Контору** (Вас. Остр., 15 л., д. № 8 кв. № 20).

Статьи для помѣщенія въ журналѣ, различныя сообщенія, рисунки, объявленія и вообще всю корреспонденцію, касающуюся внутренняго содержанія, просимъ доставлять на имя редакціи по слѣдующему адресу: Владимірская, № 3, кв. 7.

Издатель **К. Краевичъ.** Редакторъ **Юл. Симашко.**

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1877 ГОДУ ИЗДАНІЯ

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННОСТЬ“.

Газета «Современность», вступая въ седьмой годъ своего существованія, будетъ издаваться по прежнему **безъ предварительной цензуры** три раза въ недѣлю. Въ программу ея входятъ слѣдующіе отдѣлы: **I. Передовыя статьи** по всѣмъ болѣе важнымъ вопросамъ церковно-общественной и политической жизни. **II. Дѣйствія правительства**, касающіяся всѣхъ вѣдомствъ. **III. Хроника**, въ которую войдутъ: заслуживающіе довѣрія слухи изъ правительственныхъ сферъ, болѣе важные и интересные факты изъ церковной и общественной жизни нашей столицы, библіографическія замѣтки, новости научныя, художественныя и т. д. **IV. Провинціальныя извѣстія**: корреспонденціи и извлеченія изъ разныхъ газетъ и журналовъ. **V. Судебная хроника**, и **VI. Иностранныя извѣстія**, гдѣ съ особенною подробностью будутъ сообщаемы свѣдѣнія о событіяхъ, совершающихся на Балканскомъ полуостровѣ.

Подписная цѣна на „Современность“ **шесть рублей**, съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи и **шесть рублей 30 коп.** съ доставкою на домъ въ Петербургѣ. **Подписка на одно первое полугодіе не принимается.**

Адресоваться ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ РЕДАКЦІЮ ГАЗЕТЫ „СОВРЕМЕННОСТЬ“. (Адресъ редакціи извѣстенъ почтамту). Кромѣ того можно подписываться въ ПЕТЕРБУРГѢ, у книгопродавцевъ: Кораблева и Сирякова, въ магазинѣ для иногородныхъ, въ картографическомъ заведеніи Ильина, у издателя Гове и др. 2—2

Въ конторѣ редакціи принимаются для напечатанія всякаго рода объявленія.

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1877 году

будетъ выходить, ежедневно листами большаго размѣра. Всѣхъ №№ въ продолженіе года выйдетъ 360.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 м.	На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
12 р.	11 р. 50 к.	11 р.	10 р.	9 р.	8 р.	7 р.	6 р.	5 р.	4 р.	3 р.	1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою заграницу:

На годъ. . . . . **22** р. — к. На 3 мѣсяца . . . . . **6** р, **50** к.

» полгода. . . . . **12** » — » » **1** » . . . . . **2** » **50** »

Сдѣлавъ нашу газету **самой доступной по цѣнѣ изо всѣхъ большихъ политическихъ газетъ**, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по содержанію.

Особенное вниманіе обращено редакціею на политическій отдѣлъ. Съ мѣста событій на Балканскомъ полуостровѣ, мы получаемъ ежедневно особыя телеграммы и точныя, обстоятельныя свѣдѣнія отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. На дняхъ отправленъ нами туда еще нарочный корреспондентъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.

ВЪ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскій Міръ“, на углу Дмитровки и Охотнаго ряда, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ. 3—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 года 90 к. съ пересылкою

Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1876 года 75 к. съ перес.

Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Штильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

26—20

Библиотека "Руниверс"

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“ НА 1877 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

выходитъ пять разъ въ недѣлю: по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Петербургскій Листокъ» имѣетъ главнѣйшею цѣлью служить органомъ **общественной жизни.**

Согласно этой цѣли, «Петербургскій Листокъ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ** — касающіяся, какъ городскаго хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей. Въ этомъ отдѣлѣ мы можемъ указать на статьи: «Система Бурова», «Хлѣбный вопросъ», «Маріинская система», «Откѣлственность желѣзныхъ дорогъ», «Доморощенный Восточный вопросъ» (статьи о Пермскомъ трактѣ). «Христіанскіе мученики XIX столѣтія», «Нашъ судъ и адвокатура», «Опыты изъ системою Лирнура», «Лекція о спиритизмѣ», «Наглядное проявленіе спиритическихъ силъ», «По поводу спасительнаго тормаза», «Веденіе судебныхъ дѣлъ» и мн. др.

2) **ХРОНИКА**—заключающая въ себѣ всѣ **новости петербургскаго дня:** сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ Обществъ, дневникъ происшествій, отчеты объ увеселеніяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать **читателю полную картину жизни Петербурга.**

3) **ТЕАТРАЛЬНЫЙ КУРЬЕРЪ**—заключаетъ въ себѣ подробные отчеты о всѣхъ явленіяхъ театральнаго міра, какъ въ Петербургѣ, такъ въ провинціи и за границею. (Отдѣломъ этимъ завѣдуетъ «Театральный библіографъ»). Съ 1877 года мы намѣрены обратить вниманіе на клубныя сцены.

4) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА** — совмѣщаетъ въ себѣ всѣ замѣчательнѣйшіе процессы, какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, излагаемые кратко, а также и сцены у мировыхъ судей. Съ текущаго года мы приняли за правило на болѣе выдающихся процессахъ имѣть своихъ представителей-корреспондентовъ, дабы читатель могъ выносить не вначалѣ сухаго стенографическаго отчета, а впечатлѣніе живого разсказа. Въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ, мы передали все дѣло московскаго ссуднаго банка, подъ заглавіемъ «Сгруберціада».

5) **ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА** — состоитъ изъ собственныхъ корреспонденцій (**Москва** и **Кронштадтъ** имѣютъ постоянныхъ корреспондентовъ) и выборокъ изъ другихъ газетъ. Для придания большей полноты этому отдѣлу существуетъ фельетонъ — **Изъ провинціи — рѣдности и диковинки, какъ характеристика нравовъ.**

6) **ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЧТА** — имѣетъ два отдѣла: **Иностранное обозрѣніе**, заключающее въ себѣ «общій» отчетъ о ходѣ политическихъ событій и фельетонъ **«Заграничная общественная жизнь»**, представляющій, въ краткихъ очеркахъ, движеніе въ общественной жизни государствъ Европы и Америки.

7) **ФЕЛЬЕТОНЪ** — содержитъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и очерки.

На этотъ отдѣлъ редакція, остающіяся почти безъ измѣненія съ 1868 г., всегда обращала особенное вниманіе. Въ теченіе этого времени, были помѣщены слѣдующія произведенія:

Романы оригинальные: «Театральныя болота», 3 части, «На судъ присяжныхъ», 3 ч., «Земское дѣло—семейное дѣло», 3 ч., «Сельцо отрадное», 1 ч., «Крестникъ Петра Великаго», 1 ч., и «При крѣпостномъ правѣ», 2 ч.

Романы переводные: Уголовные: «Лекокъ», «Адская жизнь», «Статья 47-я», «Отравительница», «Милліонное наслѣдство», «Дважды два—пять», «Мщеніе», «Зачѣмъ» и «Полуночникъ».

Историческіе: «Сестра Королевы», «Братья Шентмессъ», «Гостиница тринадцати повѣшенныхъ» и «Курильщица».

Романы нравовъ: «Лѣсной демонъ» и «Слабости хорошенькой дѣвушки».

Въ настоящее время печатается большой оригинальный романъ: «Сестра милосердія», изъ эпохи 50-хъ годовъ. Часть первая—«Въ Севастополѣ», часть вторая—«Въ обществѣ», часть третья—«На каторгѣ».

Кромѣ этихъ романовъ, помѣщено было до тысячи повѣстей, разсказовъ и очерковъ.

Воскресный фельетонъ, носящій названіе «Листка изъ альбома свистуновъ», представляющій юмористическіе отчеты, въ стихахъ и прозѣ, о всѣхъ курьезныхъ явленіяхъ въ теченіе недѣли, съ нынѣшняго года представляетъ болѣе широкіе размѣры и помѣщается до трехъ разъ въ недѣлю, сюда-же относится и «Дневникъ праздника Власа Довгалова».

Въ теченіе 1876 года, были помѣщены 2 части романа А. А. Соколова «Сестра милосердія» и большая повѣсть С. Пивитинскій «Увлеченіе» и, кромѣ того, два большихъ переводныхъ роман.: «Изъ-за блондинки» и «Въ погонѣ за призраками».

8) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.** Этотъ отдѣлъ составляетъ полную собственность публики и открытъ для всевозможныхъ ея заявленій.

9) **БИРЖА.**

10) **ЖУРНАЛИСТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.**

11) **ВОЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.**

Вызванный обстоятельствами, отдѣлъ **«Военный Листокъ»** представлялъ въ этомъ видѣ весь ходъ сербско-турецкой войны и, для большей характеристики событій, печатались «письма русскихъ добровольцевъ».

Въ 1877 году, если того потребуютъ обстоятельства, мы будемъ имѣть своихъ корреспондентовъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, имѣть собственныя телеграммы и, въ случаѣ болѣе важныхъ и серьезныхъ извѣстій, разсылать особыя приложенія. Въ настоящее время, въ **Кишиневѣ** мы уже имѣемъ **спеціальнаго корреспондента.**

Въ будущемъ 1877 году, въ литературномъ отдѣлѣ, помѣщены будутъ окончанія романа «Сестра милосердія», повѣсти: **историческія** «Слово и Дѣло» (изъ царствованія Петра I), «Царь баба» (изъ царствованія Екатерины II); **бытовыя:** «Магдалина», «Гувернантка», «Въ непочатомъ краю», и большая повѣсть С. Никитиной: «Вѣрный товарищъ».

Въ распоряженіи редакціи имѣется еще рядъ очерковъ, и, кромѣ перечисленныхъ оригинальныхъ повѣстей, **два большіе переводные романа.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ 1877 ГОДУ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.	на 4 мѣс.	на 6 мѣс.	на 12 мѣс.
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. . . .	— р. 70 к.	2 р. 10 к.	2 р. 80 к.	4 р. — к.	6 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ	— » 90 »	2 » 50 »	3 » 50 »	5 » — »	8 » — »
Съ пересылкою въ другіе города. . . .	1 » 10 »	3 » 20 »	4 » 20 »	6 » — »	9 » — »

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, вносящія болѣе 5-ти рублей и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти вонѣчную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, у Казанскаго моста, въ домѣ Ковалевскаго.

Редакторъ **Павелъ Зарубинъ.**
Издатели: **Винторъ Владиміровскій.**
Александръ Соноловъ.
Михаилъ Стопановскій.

РУКОВОДСТВО ГИМНАСТИКИ

для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 227 гравированными политипажами въ текстѣ и 6 анатомическими рисунками. Составлено инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ **К. А. Шмидтомъ.** Съ дополненіемъ **«Подготовка къ военной службѣ»**, съ 20 гравированными чертежами. Цѣна 1 р. 60 к.

Руководство гимнастики, для сельскихъ и народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, съ 113 полит. Сост. **К. А Шмидтъ.** Цѣна 75 к.

Двѣ стѣнныя таблицы политипажей, содержащія въ себѣ 113 фигуръ. Цѣна таблицамъ 50 к.

Гимнастика и ея польза. Цѣна 10 к.

Шмидтъ, К. Руководство гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ школъ и семинарій и для примѣненія къ домашнему воспитанію дѣтей, съ 218 политипажами. Спб. 1873 года. Цѣна 1 р. 50 к

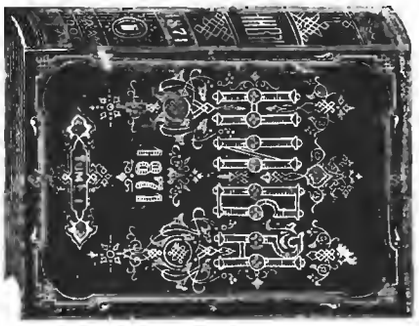
Пять стѣнныхъ таблицъ политипажей, къ „руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, Учительскихъ семинарій и Народныхъ школъ. Цѣна безъ пересылки 1 р.

Руководства, а равно къ нимъ приложенныя таблицы, **одобрены** ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, **одобрены** ученымъ комитетомъ Святѣйшаго Сѵнода для духовныхъ учебныхъ заведеній и **одобрены** для всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи учебнымъ комитетомъ, состоящимъ при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи.

Продаются въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ автора въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ, кв. № 13, и ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Ф. ЮРГЕНСА, Гороховая ул., д. № 55, гдѣ требованія исполняются въ самое короткое время.

Въ Москвѣ у книгопродавца Салаева и въ Московской Дѣтской Педагогической Библіотекѣ, на Воздвиженкѣ, въ д. Колокольцова.

Иногородные книгопродавцы могутъ обратиться за руководствами Гимнастики въ контору книжной торговли и редакціи журналовъ «Мужскія Моды» и «Женскія Рукодѣлья», Горохская улица № 55 въ С.-Петербургѣ, съ уступкою 20 процентовъ. 3—1



КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «Ниву» въ такую коленкоровую крышку.

„РУССКАЯ СТАРИНА„

1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, съ приложеніемъ ихъ при каждой книгѣ, со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. **Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева и **Нин. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ **Гг. Иногородные подписчики** благоволятъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ **С.-Петербургъ**, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Надеждинская улица, **д. № 42, кв. № 12.**

Тѣмъ-же можно получить **третье изданіе „Русской Старины“ 1870 г.**, *годъ первый, двѣнадцать книгъ въ трехъ большихъ томахъ, съ портретами и снимками. Цѣна 8 руб. съ пересылкой, а въ переплетѣ 11 руб. съ пересылкой.*

„Русская Старина“ 1876 г. съ портретами, гравированными на мѣди: Лжедмитрія I, Екатерины II, Мехельсона, князя Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова, гр. Аракчеева. и гравированными на деревѣ: Емельяна Пугачева, Клугина и В. Г. Бѣлинскаго, съ чертежами: крестьянинъ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора, также со снимками и заглавными рисунками—цѣна за 12-ть книгъ съ пересылкою **восемь** рублей.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ **1877 г. (ГОДЪ ВОСЬМОЙ** изданія), за **12-ть** книгъ съ портретами **8 руб.** съ пересылкою.

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Ванковской линіи, **№ 4.** Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

☞ Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля**, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 85 к. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—13

Дозволено цензурою. СПБ. 16 Декабря 1876 г. **Контора изданія:** Въ Спб., Большая Морская д. № 9. Тип. **Роллинга**, Англ. пр., № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 52 1876

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ.

Выданъ 27 Декабря 1876 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на журналъ „НИВА" на 1877 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1877 ГОДЪ:

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 4 р.

II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ . . . . . 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжные магазины *Г. Гр. Соловьева, А. Ламъ и А. Живарева* . . . . 4 р. 50 к.

IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . . . 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Въ виду того, что печатаніе около 18000 адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ составитъ громадный трудъ, непреодолимый въ теченіи короткаго времени. Редакція покорнѣйше проситъ, воизбѣжаніе просрочки въ высылкѣ журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, возобновить подписку въ возможно скорѣйшемъ времени.

ЕЛКА.

Елка. Оригинальный рисунокъ Гусева, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Объ обычаѣ празднованія елки.

Сколько привлекательнаго для дѣтей въ словѣ «Рождественская елка»!—да и не для дѣтей. Развѣ и взрослые не спѣшатъ въ ярко-освѣщенныя залы, вкусить удовольствій дѣтскаго праздника. При видѣ сіяющихъ дѣтскихъ личикъ, облитыхъ свѣтомъ множества свѣчей, мы вспоминаемъ и свое минувшее дѣтство и свои свѣтлыя впечатлѣнія, когда неожиданно растворившіяся двери открывали предъ нами ярко-освѣщенное дерево, увѣшенное подарками. Счастливыя впечатлѣнія дѣтства. Вотъ прошло много лѣтъ, и они не забываются, а на дѣтскомъ праздникѣ, на елкѣ, воспроизводятся съ особой рельэфностью.

Праздникъ елки на Руси далеко не вездѣ распространенъ. Какъ многое другое, мы заимствовали этотъ обычай у нѣмцевъ—конечно, прекрасный поэтическій обычай, коренящійся въ той глубокой склонности къ символизированію явлеій, къ мистикѣ, какими проникнуто все міросозерцаніе германца. Затѣмъ въ Англіи существуетъ аналогичный съ этимъ обычай—украшать въ праздникъ Рождества дома и церкви вьющимися вѣтками омелы.

Еще въ доисторическія времена у тевтонскихъ племенъ и у друидовъ, жившихъ въ нынѣшней Франціи и Англіи, существовало мистическое благоговѣніе къ вѣчно-зеленѣющимъ деревьямъ. Основаніе этого благоговѣнія, разумѣется, идея вѣчной непрестающей жизни. У друидовъ омела (чужеядное растеніе, вьющееся обыкновенно около дуба) пользовалось преимущественнымъ уваженіемъ. Въ первый день новаго года верховный друидскій жрецъ, идя впереди торжественной процессіи, съ челомъ увѣнчаннымъ гирляндами дуба, срѣзывалъ таинственную омелу золотымъ ножемъ. Вокругъ на высотахъ пылали священные огни и, обливая багровымъ свѣтомъ всю картину, придавали ей величественный фантастическій характеръ. Затѣмъ начиналась ужасная церемонія принесенія человѣческихъ жертвъ, при медленномъ пѣніи гимновъ «богу свѣта и дня». Какъ шумъ водопадовъ раздавался этотъ гимнъ, переливаясь волнами въ священной долинѣ при крикахъ закалаемой жертвы.

Питаемое до сихъ поръ въ Англіи мистическое уваженіе къ омелѣ имѣетъ такимъ образомъ свое историческое основаніе. Даже и время, въ которое украшаются омелою церкви и дома, почти совпадаетъ съ древнедрудическимъ—время передъ новымъ годомъ! Затѣмъ уже понятно, что тоже основаніе имѣетъ и праздникъ елки на Рождествѣ, сохраненный тевтонскими племенами отъ своихъ предковъ. Это доказываетъ могущественную силу обычаевъ, свойственныхъ разнымъ племенамъ. Характеръ этихъ обычаевъ видоизмѣнялся въ теченіе многихъ вѣковъ, но сущность, основа ихъ остались — съ ними тѣсно связано національное творчество каждаго народа, созданные имъ миѳы.

Вотъ этимъ и объясняется та чарующая сила обычаевъ, особенно носящихъ мистическій и символическій характеръ. Мы ихъ унаслѣдовали, они проникнуты поэзіей, потому что непрерывно жили въ теченіи вѣковъ; творческая сила народа украшала ихъ все новыми и новыми вымыслами часто весьма наивными и, по логикѣ нелѣпыми; но мы не подвергаемъ подобныхъ явленій логическому анализу. Всякій обычай,—родственъ нашему чувству, вѣрованіямъ, а не логикѣ. Съ логической стороны даже трата денегъ на какую-нибудь елку—просто нелѣпость. Но попробуйте отнять этотъ обычай и жизнь утратитъ одну изъ своихъ высокопоэтическихъ сторонъ? Почему?—Дѣло опять не поддается анализу. Объявите ребенку, что вы оставите его нынѣшніе святки безъ елки, и вознаградите за это конфектами — онъ расплачется и потребуетъ елки, елки во что-бы то ни стало! Дѣтское сердце требуетъ, стало-быть не конфектъ на елкѣ, а самой елки, съ ея многочисленными свѣчками, съ лепетомъ и хохотомъ другихъ дѣтей, съ веселыми разговорами взрослыхъ. Дѣтская душа, не будучи въ состояніи анализировать, чувствуетъ однакожъ поэзію этого праздника.

Не можемъ не припомнить здѣсь отличающагося высокими поэтическими достоинствами (напоминающими творчество Гофмановскаго генія) разсказа г. Достоевскаго «У Христа на елкѣ», помѣщеннаго въ одной изъ первыхъ №№ «Дневн. Писателя» за 1876 годъ. Бѣдному замерзавшему ребенку снилась елка съ радужными огнями и плодами—у Христа. Этотъ трогательный разсказъ неденъ нашимъ талантливымъ писателемъ какъ разъ въ духѣ народнаго міросозерцанія и объясняетъ такъ наглядно внутреннее психологическое значеніе такого праздника для дѣтей.

Чѣмъ покорила?

(Маленькая повѣсть о предметѣ большой важности).

Героиня этого разсказа недавно возвратилась изъ города въ деревню, гдѣ жила круглый годъ. Она ѣздила съ матерью, совершившею это путешествіе съ цѣлью привезти гувернантку, взамѣнъ недавно уѣхавшей. Эта послѣдняя оставила мѣсто по причинамъ, требовавшимъ подробнаго изслѣдованія, такъ какъ обѣ заинтересованныя стороны въ объясненіи ихъ совершенно расходились. Мы не рѣшаемся взять на себя такой щекотливый трудъ, а скажемъ только, что героиня нашего разсказа въ минуту отъѣзда своей воспитательницы вела себя такъ, какъ можетъ вести себя только человѣкъ, сорвавшійся съ цѣпи. Впрочемъ, это восторженное состояніе продолжалось недолго: извѣстіе, что вмѣсто уѣхавшей гувернантки будетъ нанята другая, подѣйствовало на дѣвочку такимъ же охлаждающимъ образомъ, какимъ дѣйствуетъ струя холодной воды на черезъ-чуръ зарапортовавшагося человѣка.

— Зачѣмъ же опять гувернантку нанимать? спрашивала дѣвочка, какъ видно до сихъ поръ еще несоставившая себѣ яснаго понятія о назначеніи гувернантокъ.

Мать постаралась разъяснить недоумѣніе дочери, но вѣроятно, разъясненіе это ничего не разъяснило, потому что вызвало у дѣвочки только слѣдующее восклицаніе:

— И кто выдумалъ этихъ гадкихъ гувернантокъ!

Разумѣется, дѣвочкѣ сейчасъ было поставлено на видъ все неприличіе подобной выходки и строго внушено не употреблять на будущее время черезъ-чуръ энергическихъ выраженій. Судя по выраженію лица провинившейся, нельзя было утвердительно сказать, чтобы внушеніе произвело на нее надлежащее дѣйствіе и заставило отказаться отъ употребленія энергическихъ выраженій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о ненавистныхъ гувернанткахъ.

Люди обыкновенно стараются избѣгать того, что возбуждаетъ въ нихъ непріятное чувство и желаютъ какъ можно рѣже видѣть ненавистный предметъ, но героиня нашего разсказа поступала совсѣмъ наоборотъ. Она непремѣнно хотѣла ѣхать въ городъ вмѣстѣ съ матерью, чтобы побывать съ нею въ институтѣ и такимъ образомъ раньше увидѣть свою будущую воспитательницу. Хотѣлось ли ей видѣть тотъ разсадникъ, гдѣ приготовлялись ненавистныя ей существа, или она надѣялась какъ нибудь отвратить отъ себя грозившую бѣду, но только настояла на томъ, чтобы мать взяла ее съ собою.

— Неужели это всѣ гувернантки,—спросила дѣвочка, увидя толпу институтокъ.

— Можетъ быть и всѣ будутъ гувернантками, а можетъ быть только нѣкоторыя,—отвѣтила мать:—это зависитъ отъ обстоятельствъ.

— У, противныя! прошептала дѣвочка.

— Незабывайся, Нина,—замѣтила мать.

— Разумѣется, противныя.

Это была явная несправедливость со стороны Нины, потому что между будущими воспитательницами юныхъ поколѣній было много милыхъ созданій, а еще больше такихъ, которыя старались быть милыми, и старались не безъ успѣха; но ненависть ослѣпляла дѣвочку и потому она видѣла уродство тамъ, гдѣ его не было.

Выслушавъ условія нанимательницы, начальница вызвала одну изъ дѣвицъ и представила ее матери Нины, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшую тѣмъ условіямъ, которыя были предложены. Воспитаніе также имѣетъ различныя цѣны, какъ и всякій другой товаръ: подешевле, такъ похуже, а хочешь получше, такъ и плати подороже. Что изъ такой разцѣнки выходитъ — объ этомъ, безъ сомнѣнія, знаютъ педагоги.

Сколько любопытства и недовѣрія выражалось по

Библиотека "Руниверс"

взглядѣ Нины, когда она смотрѣла на молодую дѣвушку, подошедшую къ ея матери. Зорко выглядывали блестящіе глаза изъ-подъ нахмуренныхъ бровей и, казалось, хотѣли насквозь пронизать кандидатку въ гувернантки! Они навѣрно это и сдѣлали бы, если бы могли, и Нина не почувствовала бы ни малѣйшаго сожалѣнія при видѣ сраженнаго на смерть молодого существа. Она объявила войну всѣмъ гувернанткамъ, а между врагами какое же можетъ быть сожалѣніе?

— Вы лучше бы отказались,—шепнула Нина своей будущей воспитательницѣ, когда мать занялась разговоромъ съ начальницей

Институтка удивленно взглянула на дѣвочку.

— Отъ чего я должна отказаться?

— Отъ мѣста у насъ.

— Почему же?

— Я не хочу, чтобы у меня была гувернантка.

Дѣвушка чуть-чуть улыбнулась.

— Ну, это причина неважная,—проговорила она.

— Такъ вы не откажетесь? спросила Нина.

— Нѣтъ.

Хорошо же; я васъ такъ измучу, что вы поневолѣ откажетесь.

— Рекомендую вамъ, это ваша будущая воспитанница,—сказала мать Нины, окончивъ разговоръ съ начальницей.

— Мы уже познакомились,—отвѣтила гувернантка!

Дѣвочка вызывающимъ взглядомъ смотрѣла на свою будущую воспитательницу, и когда она проговорила послѣднюю фразу, Нина какъ будто ждала продолженія и видимо удивилась, когда никакого продолженія не послѣдовало и гувернантка ограничилась только одной сказанной фразой. Удивленіе Нины было такъ велико, что она нѣсколько минутъ не сводила глазъ съ гувернантки, какъ будто та совершила что-то очень необыкновенное. Можетъ быть дѣвочка ожидала, что гувернантка разскажетъ матери о ея послѣдней выходкѣ, но гувернантка промолчала.

Былъ назначенъ день, когда гувернантка можетъ пріѣхать въ деревню и мать съ дочерью отправились домой.

— Нравится ли тебѣ новая гувернантка? спросила мать Нину.

— Какая же это гувернантка? презрительно отвѣтила дѣвочка. Это дѣвчонка, она сама-то еще недавно перестала учиться.

— Какая ты дерзкая! Но я тебя предупреждаю: если ты будешь позволять себѣ дерзости съ гувернанткой, я тебя буду строго наказывать; ты это знай!

Эта угроза не вызвала ни малѣйшаго страха на лицѣ Нины; потупились только глаза да сжались губы.

Въ назначенный день пріѣхала гувернантка. Въ числѣ встрѣчавшихъ пріѣзжую Нины не было, хотя за нѣсколько минутъ передъ этимъ ее можно было видѣть въ саду на такомъ именно мѣстѣ, откуда открывалась дорога, по которой должна была пріѣхать гувернантка! Горничная нашла Нину за садомъ на лугу, повидимому очень занятою плетеніемъ вѣнка изъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Чтожь вы встрѣчать не идете? сказала горничная.

— Кого? спросила Нина не поднимая головы.

— Да новую гувернантку.

— Чтожь она за важная такая особа, что я должна ее встрѣчать?

— Всѣ встрѣчали.

— Мамаша послала меня за вами.

— Я не пойду.

— Какъ же не пойдете, когда мамаша приказала.

— Скажи, что ты меня не нашла.

— Я не стану этого говорить—все равно меня опять пошлютъ искать васъ.

— Ну такъ скажи, что я не хочу идти.

— Не хорошо, барышня, достанется вамъ за это.

— Пусть.

— Пойдемте лучше.

— Я сказала, что не пойду, и не пойду.

Горничная отошла нѣсколько шаговъ.

— А этой гувернанткѣ скажи,— крикнула ей вслѣдъ Нина: что я потому не иду домой, что не хочу ее видѣть.

Нельзя же было допустить такое своеволіе въ ребенкѣ, и потому Нина была приведена домой самою матерью.

— Поздоровайся съ Настасьей Петровной,—приказала мать, вводя непокорную дочь въ комнату, гдѣ находилась гувернантка.

— Съ какой Настасьей Петровной? спросила дѣвочка, какъ будто не замѣчая той, которая отнынѣ становилась для нея источникомъ просвѣщенія.

— Развѣ ты не видишь, кто здѣсь сидитъ?

Дѣвочка взглянула куда слѣдовало, чтобы удостовѣриться, кто тутъ сидитъ, но ничего больше!

— Что же ты? Я тебѣ говорю, поздоровайся!

Нина и не шевельнулась; напротивъ, въ ней было замѣтно нѣкоторое напряженіе, какъ будто она боялась, что какъ нибудь невольно сдвинется съ мѣста, а зубы были крѣпко сжаты, также, вѣроятно, изъ боязни проговорить должное привѣтствіе.

— Выйди отсюда вонъ, упрямая дѣвчонка и стань въ уголъ! крикнула раздосадованная мать.

Почтенная женщина была очень сконфужена неприличной выходкой дочери и почувствовала себя очень неловко въ присутствіи молодой особы, сидѣвшей съ нею въ комнатѣ. Молодой особѣ также было не по себѣ; она покраснѣла до ушей и потеряла всякую способность управлять движеніями своихъ членовъ: ея руки и ноги двигались безъ всякой надобности и цѣли. Одна только виновница этого скандала не чувствовала никакого замѣшательства. Она очень спокойно вышла изъ комнаты, бросивъ торжествующій взглядъ на гувернантку, и отправилась въ назначенное ей мѣсто.

— Извините, пожалуйста,—стала оправдываться мать Нины:—мнѣ очень совѣстно передъ вами за мою дочь. Я не понимаю, что съ ней сдѣлалось, отчего она стала такъ дерзка и упряма. Вы, пожалуйста, будьте съ нею построже.

Молодая дѣвушка что-то сказала, въ родѣ, вѣроятно того, что это ничего, но на лицѣ все-таки осталось выраженіе того непріятнаго и даже тяжелаго впечатлѣнія, какое произвела на нее выходка Нины. Къ подобнымъ выходкамъ она могла относиться снисходительной улыбкой въ институтѣ, гдѣ она чувствовала себя дома, но въ чужомъ мѣстѣ непріязнь дѣвочки отзывалась грустью въ ея сердцѣ.

Новая гувернантка оказалась существомъ добрымъ, тихимъ, готовымъ каждому оказать услугу. Скоро всѣ окружающіе полюбили ее, но Настасья Петровна часто задумывалась и въ эти минуты, казалось, улетала далеко далеко. О чемъ задумывалась дѣвушка, куда улетала въ своихъ мечтахъ? Никто этого не зналъ. На вопросъ: о чемъ задумались Настасья Петровна? она обыкновенно отвѣчала: такъ, ни о чемъ. Разумѣется, такую способность—уноситься изъ назначеннаго мѣстопребыванія Богъ вѣсть куда—нельзя было причислить къ числу добродѣтелей той, которая должна была ежеминутно надзирать.

Хотя я и выразился, что новую гувернантку полюбили всѣ, но въ числѣ всѣхъ я не подразумѣвалъ Нину. Дѣвочка въ этомъ отношеніи составляла крайнюю противоположность всѣмъ; какъ враждебно отнеслась она къ гувернанткѣ въ первый день, такъ продолжала относиться къ ней и въ послѣдующіе дни.

Ученье шло изъ рукъ вонъ плохо.

— Да вы знаете ли навѣрно, что это такъ? часто спрашивала ученица свою учительницу съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Библиотека "Руниверс"

— Если бы не знала, такъ и не говорила бы вамъ.

— Ну, это ничего не значитъ, можно и вздоръ говорить.

Гувернантка рѣшительно не знала, что дѣлать съ непокорной воспитанницей. Она перебирала въ умѣ разныя педагогическія тонкости, преподанныя въ институтѣ, но ничего изъ этого не выходило; въ головѣ былъ какой-то сумбуръ, въ которомъ и разобраться ни-

На Елку. Савраска.

Рисунокъ по копоти на тарелкѣ. Оригиналъ составляетъ собств. издателя «Нивы». Съ фотогр. на деревѣ грав. Путцъ.

какъ было нельзя. А между тѣмъ Настасья Петровна желала исполнять свою обязанность добросовѣстно, по всѣмъ правиламъ педагогическаго искусства; но воспитанница была такое странное существо, которое не допускало никакихъ правилъ и перескакивало черезъ нихъ, какъ дикій конь черезъ препятствія. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, Настасья Петровна рѣшилась прибѣгнуть къ самому простому средству, къ которому, не мудрствуя лукаво, прибѣгаютъ и тѣ, кто о педагогіи и не слыхивалъ, именно къ наказанію.

— Если вы будете продолжать такъ учиться, я стану васъ наказывать, сказала однажды молодая воспитательница, очутившаяся на распутіи безъ вожатаго.

Она старалась при этомъ принять возможно грозный видъ, но кроткіе глаза все смотрѣли кротко и тихій голосъ все звучалъ тихо.

Нина очень удивилась: видно было, что она никакъ не ожидала ничего подобнаго. Въ первую минуту она даже не знала, что сказать, что дѣлать и сидѣла неподвижно, уставивъ глаза на гувернантку, словно увидѣла въ ней что-то необычайное. Но потомъ пришла въ себя и въ темныхъ глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Вы меня будете наказывать? спросила она.

— Да.

Библиотека "Руниверс"

На елку. Дѣтскіе силуэты. Оригин. рисунокъ **Е. Бэма.** Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Г. Бонгъ.

Библиотека "Руниверс"

— Попробуйте.

И съ этимъ словомъ Нина быстро встала съ мѣста и вышла изъ комнаты, проговоривъ въ дверяхъ.

— Сама еще дѣвчонка, а хочетъ меня наказывать.

Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что гувернантка была рѣшительно ошеломлена и разсѣянно смотрѣла на дверь, въ которую скрылась ея воспитанница. Гроза, которую она собирала надъ головою воспитанницы, разразилась надъ нею самою. Изумленіе, почти испугъ, смѣнилось чувствомъ глубокаго горя и воспитательница, чувствуя себя безпомощной, безсильной, горько разрыдалась.

За обѣдомъ всѣ замѣтили, что гувернантка очень печальна, и что глаза ея заплаканы.

— Вы чѣмъ нибудь огорчены? вы плакали? спросила мать Нины.

— Нѣтъ,—отвѣтила Настасья Петровна, едва удерживаясь, чтобы снова не разрыдаться.

При первомъ словѣ матери, Нина низко потупилась и какъ-то вся собралась, точно готовилась выдержать чье-то нападеніе, но страха при этомъ не замѣчалось. Когда гувернантка проговорила свое отрывистое *нѣтъ*, и больше ничего не прибавила, Нина быстро вскинула глаза и взглянула на гувернантку; въ этомъ взглядѣ были и вопросъ и удивленіе. Минуту держался этотъ взглядъ на печальномъ лицѣ гувернантки, и вотъ по губамъ дѣвочки пробѣжала чуть-чуть замѣтная судорога, губы какъ-то особенно сжались, какъ бываетъ у дѣтей, готовыхъ заплакать. Нина опустила глаза и весь обѣдъ просидѣла молча, только взглядывая иногда на свою воспитательницу, также мало говорившую. Случилось, что взгляды гувернантки и воспитанницы встрѣчались, тогда глаза послѣдней быстро опускались, а лицо принимало сердитое выраженіе, кажется только для того, чтобы скрыть замѣшательство, овладѣвшее дѣвочкой.

Неопытная воспитательница, видя себя совершенно безсильной относительно своей непокорной, враждебно настроенной воспитанницы, усумнилась въ своихъ педагогическихъ способностяхъ, и такъ какъ обладала значительной долей добросовѣстности, то стала подумывать о томъ, честно ли будетъ съ ея стороны оставаться въ томъ домѣ, гдѣ она не могла приносить должной пользы. Кромѣ того, вражда воспитанницы производила на нее слишкомъ тяжелое впечатлѣніе: ей хотѣлось любви, тѣмъ болѣе, что она сама чувствовала привязанность къ своей воспитанницѣ, не смотря на всѣ ея злыя выходки. Послѣ долгаго раздумья, она стала склоняться къ тому рѣшенію, что ей слѣдуетъ отказаться отъ мѣста. Вести борьбу съ кѣмъ то ни было она не могла, у нея не было для этого ни силъ, ни энергіи. Если она и могла побѣждать, то развѣ только одной кротостью, но этого она не знала, да притомъ же кротость и не побѣждаетъ, а только обезоруживаетъ, что возможно тогда, когда противникъ честенъ и великодушенъ.

Если бы Настасья Петровна не предавалась такой глубокой задумчивости, то, можетъ быть, она замѣтила бы, какъ ея воспитанница нѣсколько разъ проходила мимо окна ея комнаты и украдкой заглядывала въ него.

Въ этотъ день Нинѣ было какъ-то не по себѣ; пропала ея самоувѣренность и бойкость; замѣтно было, что въ ея дѣтскую голову запала какая-то мысль, которая не даетъ ей покоя, давитъ ее. Займется дѣвочка чѣмъ нибудь, но ничто у ней не клеится, ничто ее не забавляетъ; броситъ все и идетъ къ окну гувернантки, заглядываетъ въ него украдкой и потомъ не знаетъ за что взяться.

Встрѣтились воспитательница съ воспитанницей вечеромъ, когда пришло время ложиться спать. Спали онѣ въ одной комнатѣ. И та, и другая не сказали другъ другу ни слова. Гувернантка, вѣроятно, считала унизительнымъ для своего достоинства первой начать разговоръ послѣ полученнаго оскорбленія, а можетъ быть, и не знала о чемъ говорить. Нина, по обыкновенію, дулась, но, не по обыкновенію, часто взглядывала на гувернантку, когда надѣялась, что та не поймаетъ ея взгляда.

На другой день Нина долго ждала приглашенія гувернантки въ комнату, гдѣ обыкновенно происходили учебныя занятія. Время шло и приглашенія не было. Нина нарочно вертѣлась около окна своей воспитательницы, но та какъ будто и забыла о ней, что видимо и удивляло дѣвочку и безпокоило ее. Наконецъ она не выдержала и вошла въ комнату гувернантки.

— Мы будемъ сегодня учиться или нѣтъ? грубо спросила Нина

— Какъ хотите, былъ отвѣтъ, произнесенный тихимъ голосомъ.

— Это ваше дѣло знать, вы вѣдь гувернантка, а не я

— Мое дѣло васъ учить, а учиться ваше дѣло.

— А если я не хочу учиться?

— Тогда не будемъ.

— Хороша гувернантка! насмѣшливо проговорила Нина и вышла изъ комнаты.

Когда она была у двери, сзади ея послышался тихій, грустный вздохъ. Нина вышла на дворъ и пустилась бѣжать. Прибѣжала на лугъ, ничкомъ бросилась въ траву и горько зарыдала. Этотъ пароксизмъ нежданнаго горя продолжался недолго, какъ всякій сильный пароксизмъ, рыданія смѣнились всхлипываніями, постепенно стихавшими. Вѣроятно, эти слезы были необходимы, чтобы вылить въ нихъ то, что накипѣло на сердцѣ, что давило его, потому что когда Нина поднялась съ земли, въ ней не было замѣтно той тревоги, которая овладѣла ею со вчерашняго дня; только покраснѣвшіе глаза выдавали пережитое ею никому невѣдомое горе.

Подходя къ дому, Нина встрѣтила старуху Спиридоновну, которая нѣкогда принадлежала къ составу дворни, а теперь по дряхлости находилась не у дѣлъ. Но, вѣроятно, не желая ѣсть даромъ барскій хлѣбъ, она по собственному желанію приняла на себя обязанность неумолимой и ревностной обличительницы всѣхъ новыхъ порядковъ, заводившихся въ ея родномъ гнѣздѣ и потому цѣлые дни ворчала и брюзжала. Разумѣется, никто на ея ворчанье и вниманія не обращалъ, но это нисколько не охлаждало ревность неумолимой обличительницы. Нина всегда жила въ ладахъ со старухой и любила слушать ея неумолимую воркотню на всѣхъ и на все.

— Отчего же, барышня, не учишься сегодня? спросила Спиридоновна.

— А тебѣ зачѣмъ знать? отвѣтила дѣвочка и разомъ выпрямилась, насторожилась, словно приготовилась къ отчаянной защитѣ.

— Такъ спрашиваю. Кажись, сегодня не праздникъ, а ты баклуши бьешь.

— Это не твое дѣло.

— Гувернантка у тебя очень молода, сама-то, вѣрно, мало смыслитъ, вотъ ты и балуешься,—продолжала старуха, не обращая вниманія на рѣзкій отпоръ. Она вообще не обращала вниманія ни на какіе отпоры и неуклонно исполняла обязанность обличительницы.

— Ты не смѣешь такъ говорить о ней! вскипѣла Нина! Это ничего не значитъ, что она молода; ты вотъ и стара, да глупа.

Повернулась и ушла.

— Какая это гувернантка! продолжала ворчать старуха, ничѣмъ не смущаясь.—У самой-то еще молоко на губахъ не обсохло, гдѣ же ей дѣтьми управлять.

Между тѣмъ, мать Нины полюбопытствовала узнать, почему нѣтъ учебныхъ занятій. Гувернантка отвѣтила,

Библиотека "Руниверс"

что у нея сильно болитъ голова.

— Ты бы хоть сама занялась,—сказала мать, встрѣтивъ праздношатающуюся дочь. Если Настасья Петровна больна, такъ ты ужь и заняться не можешь. Старое бы повторила.

— Развѣ она больна? встрепенулась дѣвочка.

— Что-жь ты меня объ этомъ спрашиваешь, точно и не знаешь, что отъ этого и занятій сегодня у васъ нѣтъ.

— Кто же, сказалъ, что она больна?

— Она сама мнѣ сказала... Да что съ тобой? Ты, кажется, совсѣмъ голову потеряла. Вѣдь говорила же тебѣ Настасья Петровна, почему она не можетъ сегодня съ тобой заниматься.

Дѣвочка сообразила, въ чемъ дѣло, и поторопилась отвѣтить.

— Да, говорила, только я забыла.

— Не понимаю, гдѣ у тебя голова,—замѣтила мать вслѣдъ уходящей дочери, въ которой вдругъ снова появилась тревога и разсѣянность.

Черезъ минуту Нина была уже у окна своей воспитательницы и стараласъ заглянуть въ него. Гувернантка сидѣла за шитьемъ и, вѣроятно, по своему обыкновенію, куда-то улетѣла, потому что оставляя по временамъ работу, безцѣльно смотрѣла передъ собой, устремивъ глаза на одну точку. Нина прошлась мимо окна разъ, два и три, но видимо была не удовлетворена этимъ, тревожное состояніе не прекращалось. Но вотъ у ней явилась какая-то мысль. Она поспѣшно вошла въ домъ, вбѣжала въ классную комнату и схватила первую попавшуюся книгу, развернула ее, взглянула и отправилась въ комнату гувернантки.

— Мама мнѣ велѣла учиться, но я вотъ этого не понимаю,—сказала Нина, указывая на какое-то мѣсто въ книгѣ.

Глаза гувернантки опустились на книгу, а Нина воспользовалась этимъ и пытливо стала разсматривать свою воспитательницу. Она забылась въ этомъ занятіи и не отвела глазъ отъ молодой дѣвушки даже и тогда, когда та взглянула на нее. Гувернанткѣ показалось, что въ устремленныхъ на нее темныхъ глазахъ свѣтится ласка, но сейчасъ же пришлось сознаться, что это ошибка, когда владѣтельница этихъ глазъ спросила своимъ обыкновеннымъ рѣзкимъ тономъ:

— Что-же, вы можете мнѣ объяснить?

— Могу.

И гувернантка объяснила.

Нина стояла потупя голову, но, судя по выраженію ея лица, нельзя было сказать, чтобы она внимательно слушала объясненіе непонятнаго ей мѣста, да врядъ ли она нуждалась въ немъ.

— Вы поняли? спросила гувернантка

— Да, поняла... Мнѣ кажется, если кто боленъ, тотъ въ постели лежитъ.

— Ну такъ что же?

— Отчего же вы не лежите?

— Я не больна.

— Зачѣмъ же вы мамѣ сказали, что вы больны?

— Что же я, по вашему, должна была сказать?

— Мнѣ все равно. Вы вѣрно для того притворились больной, чтобы васъ не заставили со мной заниматься, вамъ шить надо.

— Значитъ, я виновата въ томъ, что мы сегодня не занимаемся?

— Разумѣется вы.

— Какая вы справѣдливая дѣвочка! Отчего же вы не пойдете къ мамѣ и не скажете, что я обманула ее.

— Можетъ быть вы любите фискалить, а я не люблю.

И Нина вышла изъ комнаты, но уже безъ обычной самоувѣренности. Въ дверяхъ она остановилась на мгновеніе въ какой-то нерѣшительности, сдѣлала даже такое движеніе, какъ будто хотѣла воротиться, но въ ту же минуту переломила себя, быстро отворила дверь и потомъ сильно хлопнула ею.

Чрезъ нѣсколько времени дверь опять отворилась и показалась голова Нины.

— Вы, пожалуйста, никакихъ милостей мнѣ не дѣлайте,—сказала дѣвочка:—я въ вашихъ милостяхъ совсѣмъ не нуждаюсь. Вы лучше жалуйтесь на меня, я буду очень рада.

Сказала и скрылась.

Капризамъ дѣвочки въ этотъ день конца не было; все ее раздражало, ничто ей не нравилось, никто и ничѣмъ угодить ей не могъ. Надоѣла она всѣмъ невыносимо.

Послѣ обѣда бывалъ обыкновенно урокъ музыки. Прежде Нина въ это время убѣгала, такъ что приходилось ее отыскивать, теперь же она осталась дома и стала очень заботливо ухаживать за цвѣтами, посаженными противъ окна гувернантки, на которые прежде никакого вниманія не обращала. Но и теперь они не вполнѣ заняли ея вниманіе, потому что глаза, хотя и украдкой, но часто обращались на окно, и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще, а вмѣстѣ съ этимъ усерднѣе становились и заботы о цвѣтахъ, такъ что многіе изъ послѣднихъ не могли выдержать слишкомъ усердныхъ заботъ, походившихъ иногда на вспышки досады и нетерпѣнія, и печально опустили свои пестрыя головки, а нѣкоторые и совсѣмъ ихъ потеряли.

Время шло, а изъ окна все не было слышно призывнаго голоса. Между тѣмъ у Нины вдругъ появилась небывалая любовь къ музыкѣ, которая заставила ее подойти къ окну и бросить въ него такой вопросъ:

— Когда же мы музыкой будемъ заниматься?

— Вѣроятно, никогда,—послышалось изъ комнаты.

— Почему же это?

— Вы такъ дурно, такъ лѣниво занимаетесь, что я нахожу совершенно безполезными наши занятія.

— Это совсѣмъ не ваше дѣло разбирать, что полезно, что не полезно. Вы моя гувернантка и должны меня учить.

— Я не буду васъ учить.

— Такъ вы хотите даромъ деньги брать — это не очень честно.

— Успокойтесь, даромъ брать деньги я не стану, потому что намѣрена уѣхать отсюда.

— Вы хотите уѣхать?

— Да.

Одну минуту дѣвочка стояла неподвижно, словно окаменѣлая, глаза округлились, ротъ былъ полуоткрытъ.

— Я очень рада,—вдругъ проговорила Нина и отошла отъ окна.

Но радость не вызвала въ ней ни одного изъ тѣхъ проявленій, какими обыкновенно сопровождается чувство радости. Ни одного прыжка, ни одного веселаго крика не увидѣла и не услышала гувернантка, печально смотрѣвшая на свою воспитанницу, медленно идущую по дорожкѣ, потупя голову и судорожно перебирая оборки платья.

— Что съ тобой? Ты нездорова? спросила мать Нину, увидя дочь въ уединенномъ уголкѣ сада, необычно тихою и въ необычно печальной позѣ.

— Здорова.

— Такъ что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось.

— Отчего же ты такая невеселая?

— Ахъ, оставьте меня,—вскрикнула дѣвочка и вдругъ зарыдала.

Мать охватила ее руками, собираясь утѣшать и успокоивать, но Нина вырвалась и убѣжала.

Мать обратилась за разъясненіемъ къ гувернанткѣ, но и отъ той ничего не добилась. Если бы почтенная дама обладала большею наблюдательностью, умѣла бы подмѣчать малѣйшее движеніе на лицѣ человѣка, то

Библиотека "Руниверс"

увидѣла бы, какъ въ глазахъ гувернантки блеснулъ веселый свѣтъ и сталъ разливаться по лицу, сгоняя съ него тѣнь печали.

Оставшись вечеромъ вдвоемъ съ воспитанницей въ спальнѣ, Настасья Петровна какъ будто чего-то ждала и казалась взволнованной, но ничего особеннаго не случилось. Нина раздѣлась и легла въ постель, не промолвивъ ни слова. Прошелъ часъ, а дѣвочка все еще не спала, она не отрываясь смотрѣла на гувернантку, сидѣвшую у открытаго окна. Молодая дѣвушка печально глядѣла въ мягкій полумракъ лѣтней ночи, изъ котораго, дрожа и волнуясь, доносились въ комнату звонкія, густыя трели соловья. Рука съ бѣлымъ платкомъ часто поднималась къ глазамъ.

Тихій шорохъ и нѣжный голосъ, послышавшіеся сзади, вывели гувернантку изъ задумчивости.

— Зачѣмъ вы отъ насъ уѣзжаете? спрашивалъ нѣжный дѣтскій голосъ.

Настасья Петровна отвѣтила не оборачиваясь.

— Потому что вы ненавидите меня, а я не въ состояніи это переносить и не хочу жить тамъ, гдѣ не могу приносить пользы.

— Зачѣмъ же вы гувернантка? Если бы вы не были гувернанткой, я любила бы васъ .. Я вѣдь и теперь васъ люблю, очень, очень люблю...

— За что же вы гувернантокъ не любите?

Нина побѣжала къ своей шкатулкѣ, достала изъ нея фотографическую карточку своей прежней гувернантки и подала ее Настасьѣ Петровнѣ.

— Вотъ кто виноватъ, что я васъ мучила. Эта злая, гадкая, противная женщина мучила меня, — говорила Нина, сильно волнуясь:—и я на васъ хотѣла все выместить, потому что всѣ гувернантки опротивѣли мнѣ... Видите, видите, какая злая, противная рожа!—И Нина тыкала пальцемъ въ изображеніе своей бывшей воспитательницы.

— Дайте мнѣ ее, — продолжала дѣвочка и быстро вырвала фотографію изъ рукъ Настасьи Петровны.— Вотъ, вотъ, вотъ... проговорила она, разрывая фотографію на мелкіе клочки и разсыпая ихъ по полу.

Вся взволнованная, съ блестящими глазами, стояла Нина надъ разрушеннымъ, поруганнымъ изображеніемъ ненавистной женщины.

— Нѣтъ, этого мало! воскликнула она чрезъ нѣсколь-

На Елку. Тоже своего рода Елка. Картина Б. грав. Брендамуръ.

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Сандрильона; картина Бертрана, грав. Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

ко времени и принялась подбирать разбросанные лоскутки! Нина занималась этимъ очень старательно и подобрала всѣ клочки до одного. Потомъ бросила ихъ въ печь, зажгла спичку и совершила торжественное сожженіе ненавистнаго изображенія.

Когда послѣдній клочокъ превратился въ пепелъ, Нина подошла къ гувернанткѣ, охватила ее обѣими руками и приникла къ ея груди. Тихія слезы капали изъ глазъ дѣвочки, возмущенная душа стихла; горячее чувство любви сильнѣе и сильнѣе охватывало ее и заставляло тѣснѣе приникать къ молодой воспитательницѣ, которая медленно проводила рукою по бурной головкѣ и не замѣчала, какъ у нея самой слезы одна за другой скатывались по щекамъ..

Ивановъ.

Къ рисункамъ на Елку.

Савраска.

У нашего хлѣбопашца-крестьянина есть неизмѣнный и вѣрный другъ—его лошадка. Съ нею онъ сживается, смотритъ на нее, какъ на свою помощницу въ общемъ тяжеломъ трудѣ, и горько печалится, въ случаѣ ея утраты. Онъ лелѣетъ и бережетъ, какъ драгоцѣнность, своего неуклюжаго, толстоногаго и короткохвостаго Савраску, требуя отъ него лишь одного—быть конемъ ретивымъ и работящимъ. Посмотрите на эту типичную морду смиреннаго труженика, столь талантливо схваченную художникомъ. *) Сейчасъ видно, что это не тотъ гордый, величавый городской конь, который красиво гарцуетъ по улицамъ, поднимая тучи пыли и иногда спибая съ ногъ смиреннаго пѣшехода; это не герой разныхъ скачекъ, выигрывающій призы при рукоплесканіяхъ любителей спорта. Нѣтъ, это житель селъ и захолустій; смиренный другъ столь же смиреннаго русскаго пахаря, его любимая *лошадушка*. Не мудрено, что у нашихъ народныхъ поэтовъ, при описаніи крестьянскаго быта, часто встрѣчается какой нибудь Савраска или Сивка и играетъ въ немъ не малую роль. И дѣйствительно, съ самаго своего рожденія такая лошадка дѣлается предметомъ особой любви и заботливости крестьянской семьи; жеребенкомъ она потѣшаетъ ребятъ и возитъ ихъ на своемъ всклокоченномъ и неуклюжемъ хребтѣ, а потомъ мало по малу пріучается къ домашнимъ работамъ и дѣлается правой рукой вскормившаго ее хозяина. Крестьянская семья глубоко понимаетъ такія заслуги лошадки и обращается съ нею любовно и ласково. Возмутительныхъ истязаній не испытываетъ деревенскій Савраска, подобно своимъ городскимъ собратьямъ: исполняя честно свои прямыя обязанности, не предаваясь непозволительной лѣни во время крестьянской страды, онъ заслуживаетъ всеобщія похвалы и всеобщія ласки. Въ изобильные годы—благодать, но за то въ голодные, и коню, и хозяину, обоимъ приходится жутко. Кто знакомъ съ крестьянскою жизнью, тотъ знаетъ, что не разъ бываютъ въ этой многотрудной жизни тяжелые дни. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, крестьянинъ домой, усталый, измученный послѣ тяжелаго, непосильнаго труда, слѣдовало бы подкрѣпиться пищей, но жена заявляетъ ему, что въ домѣ пусто: нѣтъ ни куска хлѣба, а о щахъ и говорить нечего. Мужикъ съ покорностью судьбѣ, столь свойственною нашему простолюдину, мириться съ голодомъ, но не думая о себѣ, онъ думаетъ о своемъ Савраскѣ; велитъ женѣ дать ему овсеца и подослать подъ него соломки. Онъ, вѣдь, сердечный,—скажетъ при этомъ со вздохомъ крестьянинъ, — побольше, чай, меня угомился: шутка-ли конь въ зиму-то перевозилъ клади.

Да, такіе заслуги и труды не могутъ оставаться безъ благодарности, и Савраска, получивъ должную мзду, съ наслажденіемъ погружаетъ свою морду въ груду пахучаго, свѣжаго сѣна или оплетаетъ овесъ, который для него—невыразимо роскошное блюдо. Тихо течетъ его трудовая жизнь; проходятъ годы, и вотъ Савраска уже хилѣетъ. Куда дѣвалась его прежняя сила и хотя тяжелая, но своеобразная рѣзвость; другіе, молодые кони, состоящіе съ нимъ въ самомъ ближайшемъ родствѣ, берутъ на себя выполненіе его тяжелыхъ обязанностей, Савраскѣ же даются иногда легкія работы или ему поручается кого нибудь отвезти въ недальное мѣсто, но и то онъ выполняетъ шагомъ, чуть передвигая свои дряхлыя ноги. Да, конецъ его близокъ; онъ послужилъ людямъ довольно и можетъ, окончивъ жизнь, оставить по себѣ добрую память. Долго будутъ говорить въ крестьянской семьѣ:

— А вѣдь славный конь былъ нашъ Савраска!

А. Н.

*) Первоначальный рисунокъ сдѣланъ иглой на закопченной тарелкѣ, а потомъ фотографическимъ способомъ перенесенъ на дерево.

Дѣтскіе силуэты Бэма.

Мы уже имѣли случай помѣстить въ «Нивѣ» нѣсколько прекрасныхъ силуэтовъ Бема (см. «Ниву» 1875 г. № 35). Въ настоящемъ номерѣ помѣщаемъ двѣ живыя сценки: въ одной мальчики играютъ въ солдатики, въ другой—дѣвочки въ гости».

Какъ тѣ, такъ и другія видно, увлеклись и вошли въ свою роль. Попробуйте, напримѣръ, разувѣрить маленькаго командира, еле вскарабкавшагося на стулъ, что онъ сидитъ не на лошади, когда въ этомъ не могутъ убѣдить его собственные глаза.

Вы къ нему съ доводами, а онъ вамъ кричитъ: «берегись!»

Хорошъ и его братишка! Строгая дисциплина не позволяетъ ему за карауломъ поправить съѣхавшій на затылокъ киверъ... Вотъ этакое бы послушаніе, да во время... Выправка, поза его, выраженіе, ну чисто солдатъ съ головы до ногъ! миніатюренъ больно—да въ этомъ не виноватъ маленькій караулъ, хоть и старается онъ подняться на цыпочки, да это стараніе мало горю помогаетъ... На нихъ смотритъ разумная мордочка щенка, этого aide-de-camp malgré-lui, въ диковинку видно ему тишь да гладь, да Божья благодать..

Полюбовавшись первой, перейдемъ ко второй, не менѣе прелестной сценкѣ. Двѣ дѣвочки, одна изъ нихъ самодовольная, разряженная, по своему, смотрится въ туалетъ, другая—услужливой, искусной горничной, завязываетъ ей сзади бантъ. Васька мягкій, бархатный, только бы ему на людскихъ рукахъ лежать да нѣжиться, флегматично сидитъ въ отдаленіи, наслаждаясь привычнымъ покоемъ. На полу валяется кукла... И натурально и поучительно въ тоже время. Нѣкоторыя съ грустью, а нѣкоторыя со стыдомъ вспомнятъ, можетъ быть, что такъ же, какъ эта кукла, бросаются иногда на произволъ дѣти выѣзжающихъ маменекъ! Картинка эта слишкомъ наивная по содержанію, была-бы, конечно, болѣе умѣстна въ какомъ нибудь журналѣ, исключительно посвященномъ для дѣтскаго возраста, но помѣщеніе ея все таки не безцѣльно и въ «Нивѣ». Если она не возбудитъ въ читателѣ интереса своимъ содержаніемъ, то доставитъ ему большое удовольствіе, какъ художественно выполненное произведеніе и притомъ напоминающее знакомую, пережитую, незабвенную пору! Теперь-же, для «Елки» этотъ рисунокъ какъ нельзя болѣе кстати.

Т. Р ая.

Тоже своего рода Елка.

Старушка давно уже живетъ одна одинехонька. А какая большая семья была у ней прежде. Какъ было весело ей тогда смотрѣть на веселыя дѣтскія личики, на ихъ игры, смѣхъ, прыганье! И сама она была тогда молода. У-у, сколько времени прошло съ той поры. Умеръ мужъ и оставилъ ее справляться съ кучей дѣтей. День и ночь она заботилась о нихъ. Дѣти подростали, учились, она радовалась и считала себя счастливою. На праздникахъ, особенно на Рождествѣ, какъ было весело у ней! Какая красивая и большая была у ней елка для дѣтей! Да, она считала себя счастливою. Она не знала, что ждетъ ее впереди. Вотъ дѣти ея уже большія. Она мечтаетъ уже сдѣлаться бабушкой. Но тутъ и повалились на нее несчастіе за несчастіемъ. Въ одинъ годъ она лишилась двухъ сыновей. Въ слѣдующемъ году она выдала замужъ дочь и очень неудачно: мужъ оказался дурной человѣкъ, и дочь, пострадавшись съ нимъ, умерла въ чахоткѣ. Болѣло сердце матери. Пусто и тоскливо стало у ней въ комнатахъ. А тутъ еще несчастіе: объявилъ себя банкрогомъ банкиръ, у котораго хранились ея деньги! Все пропало, и несчастная женщина стала часто испытывать нужду; ее всѣ забыли, никто къ ней ни зайдетъ, ни заѣдетъ. Собрала она тогда все, что имѣла поцѣннѣе, продала и помѣстилась въ крохотной квартиркѣ. Послѣдній сынъ ея находится въ кругосвѣтномъ плаваніи. О, какъ бываетъ рада она, когда получитъ отъ него письмо! Цѣлуетъ и конвертъ и листочки бумаги. Сколько разъ перечитываетъ она его письмо! Соскучится если когда, отворитъ свою шкатулочку, надѣнетъ очки и читаетъ снова то-же письмо, а изъ глазъ слезинка за слезинкой тихонько катятся по морщинистой ея щекѣ...

Такъ живетъ теперь старушка одна одинехонька!.. Но нѣтъ, она не одна: у ней есть нѣсколько четвероногихъ друзей. Она называетъ ихъ своими дѣтишками, разговариваетъ съ ними, сама кормитъ ихъ. Они любятъ ее, цѣлуютъ у ней послѣ обѣда ручку. Одному изъ этихъ друзей сшила она къ Рождеству новые суконныя башмачки: холодно его лапочкамъ ступать по снѣгу; двумъ другимъ сдѣлала теплыя попонки для гулянья. На Рождествѣ каждый годъ она дѣлаетъ имъ елку. Зажигаетъ свѣчи на маленькой елочкѣ, ставитъ кругомъ на блюдечкахъ разныя закуски изъ калбасы, мяса, сдобной булки и т. п. и любуется, смотря какъ ея друзья справляются съ угощеніемъ. Можно-бы, казалось, найдти себѣ друзей и въ другомъ, такъ сказать, высшемъ классѣ творенія; но старушка, почему-то находитъ, что окружающее ее общество, хоть и не высокаго полета, да ей какъ то, послѣ всѣхъ жизненныхъ невзгодъ, болѣе по душѣ. И среди этого общества у ней выходитъ тоже своего рода праздничная елка.

Н. К—овъ.

Библиотека "Руниверс"

Сандрильона.

(Картина Бертрана).

Кому неизвѣстна старая сказочка о Сандрильонѣ или, по нашему, Золушкѣ, сказочка, въ которой добрая фея приняла такое горячее участіе въ загнанной дѣвушкѣ, что она, эта замарашка, судомойка — вдругъ сдѣлалась женою королевскаго сына? Художникъ Бертранъ задумалъ изобразить Золушку наканунѣ ея свѣтлаго дня; наканунѣ счастья, веселья и радости, о чемъ бѣдная дѣвушка и помышлять не смѣла. Посмотрите, какъ она мила, граціозна, хотя и сидитъ около дымнаго очага, по сосѣдству съ золою, угольями и прочею кухонною нечистью, въ холщевой рубашкѣ, грубой юбкѣ и босикомъ! На симпатичномъ личикѣ ея облачко грусти, большіе глаза задумчивы... Золушка замечталась, сложила свои хорошенькія ручки и забыла, что ей надо мыть и вытирать тарелки. Да и какъ ей не задуматься? Вѣдь сегодня въ королевскомъ дворцѣ балъ... Ея сердитыя сестры будутъ тамъ, а она—останется здѣсь, въ этой темной, закоптѣлой кухнѣ, одна... заброшенная, забытая, но... молодая, здоровая, съ жаждой пожить, повеселиться, ходить въ нарядномъ платьицѣ... Но вотъ является крестная мать Золушки—добрая фея, съ своею чудесной палочкой; она махаетъ этой палочкой—и для Золушки являются необыкновенныя диковинки! Вѣдь и теперь, навѣрно, живутъ (и, можетъ быть, о бокъ съ нами) несчастныя Золушки, къ которымъ — увы, никогда не явится добрая фея!

Добрая фея пропала...
Гдѣ она—нѣтъ и слѣда:
Плохо въ Америкѣ стало—
Въ Азіи плохо всегда.

Пропала эта фея, но за то существуетъ другая «злая», рыщетъ по бѣлу свѣту, заглядываетъ въ подвалы, на чердаки, и тамъ, среди современной Золушкой, махаетъ своей губительной палочкой... Бѣдная Золушка вдругъ преображается—и не узнать ее! Какая громадная разница въ характерѣ этого превращенія. Конечно, не всѣ исходящіе по волѣ судьбы изъ бѣдности въ роскошь измѣняются къ худшему, но увы, ко многимъ изъ нихъ примѣнимы слѣдующія строки:

Бриллліанты, цвѣты кружева,
Доводящіе умъ до восторга...
И на лбу роковыя слова...

Но мы не скажемъ этихъ роковыхъ словъ, и да сохранитъ Всевышній отъ нихъ тѣхъ, кто стоитъ на краю опасности.

Четвероногіе ребята.

(Картина мюнхенскаго художника Б. Адама).

Одухотворенное маленькое существо — ребенокъ-ли это, собачка, кошечка или даже новорожденный слонъ — невольно привлекаетъ наше вниманіе, и мы, при случаѣ, не прочь поиграть, напр., съ младенцемъ, сдѣлать ему изъ пальцевъ правой руки своей «козу рогатую». Припомните, даже почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ Чичиковъ игралъ съ Ноздревымъ Маниловым! Есть и такіе субъекты, которые куда нѣжнѣе, сострадательнѣе относятся къ излюбленнымъ ими животнымъ, чѣмъ къ людямъ. Кардиналъ Ришелье отвѣтилъ одному бѣдняку, просившему у него помощи: «Вы говорите, что вамъ жить нечѣмъ? Но *зачѣмъ*-же вамъ жить?» И этотъ самый кардиналъ очень любилъ котятъ, игралъ съ ними и, конечно, котятамъ жилось у него хорошо. Ришелье зналъ, *зачѣмъ* живутъ его кошечки: онѣ должны забавлять правителя Франціи. Навѣрно, въ исторіи есть примѣры любви и къ щенкамъ. Что-жь, щенковъ многіе любятъ. Городничій Сквозникъ-Дмухановскій прямо сказалъ судьѣ, что взятка въ видѣ борзыхъ щенятъ— все же взятка. Вотъ, передъ вами три щеночка. Одинъ, должно быть, плотно наѣвшись, заснулъ, другіе два братца увлеклись игрой въ борьбу и возятся напропалую. Если эти звѣрьки еще не розданы по знакомымъ, то навѣрно ихъ ужь не утопятъ, и каждый изъ нихъ найдетъ своего добраго хозяина.

Дѣвочка съ мячикомъ.

Эти дѣтскіе глазки
Полны счастья и ласки,
Также смѣло глядятъ
Въ очи людямъ прохожимъ,
Какъ и ангеламъ Божьимъ,
Что намъ ними кружатъ..

Это стихотвореніе (А. Н. Майкова) такъ идетъ къ этой картинкѣ, такъ полно выражаетъ ее, что намъ отъ себя нечего и прибавить.

На волосокъ отъ смерти.

(Святочный разсказъ).

— Ишь, старые гуляки, насилу-то притащились; въ пуншѣ ужь двѣ атмосферы давленія! воскликнулъ старый, выслужившій пенсію машинистъ Циммерманъ, мѣшая въ огромной пуншевой мискѣ. Привѣтствіе это было обращено къ нѣсколькимъ темнымъ, коренастымъ фигурамъ, которыя, закутанныя въ большущія шубы, оставлявшія на виду только ихъ красные носы да смѣющіеся глаза, отдуваясь и потопывая ногами, входили въ кондукторскую комнату въ Бюрглепѣ.

Сегодня, для Сильверстова дня, столъ въ кондукторской накрытъ бѣлой какъ снѣгъ скатертью, а на верхнемъ концѣ, ближе къ печкѣ, стоитъ почтенныхъ размѣровъ миска, надъ которой усердно работаетъ старый Циммерманъ. И пары, выходящіе изъ нея, равно какъ пустыя ромовыя бутылки, стоящія вокругъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что приготовляемый имъ напитокъ назначается для здоровыхъ глотокъ, однимъ словомъ, что это будетъ «крѣпкій кондукторскій пуншъ».

— Экая пропасть! Ну, отецъ Циммерманъ, тяжелое намъ сегодня досталось дежурство для Сильверстова дня! восклицаютъ входящіе, отряхая снѣгъ и стаскивая съ себя шубы, куртки, шапки и высокіе сапоги.

— Знаете вы, сахарныя куклы, что значитъ тяжелое дежурство, какъ же! Невидаль вамъ сидѣть въ вашихъ стеклянныхъ дворцахъ *), что построили вамъ теперь, да кататься на машинѣ, что убаюкиваетъ васъ ровно бы на мягкой перинѣ въ люлькѣ! Нѣтъ вотъ, постояли бы съ нами въ тридцать девятомъ да въ сороковомъ годахъ на тогдашнихъ машинахъ, — тѣ такія были трясучки, что каждый толчекъ отзывался отъ подошвы до темени, а чуть немного снѣгу на рельсахъ, такъ и не шли вовсе. И на нихъ то стояли мы, бывало, безъ всякой защиты, день и ночь, въ декабрьскую вьюгу, въ іюльскій жаръ на вѣтру, дождѣ и градѣ — въ одномъ пальтишкѣ. Вотъ тяжелая была служба, такъ тяжелая! Вамъ то что! А что въ самомъ дѣлѣ значитъ самая ваша тяжелая служба въ сравненіи съ тѣмъ, что сегодня, для конца года, заставили продѣлать нашего Горнига. Блистательно сдалъ онъ сегодня свой машинистскій экзаменъ! Подъ открытымъ небомъ, на машинѣ, знаешь, что тебя хранитъ Богъ, а въ школѣ на экзаменѣ, отъ страху забудешь какъ призвать и имя то Божіе. Да вонъ онъ и самъ экзаменникъ-мученикъ—ура!

Въ комнату ворвался столбъ снѣжной пыли, изъ за которой выдѣлились высокія фигуры двухъ новыхъ гостей, давно ожидаемыхъ машинистовъ запоздавшаго товарнаго поѣзда.

— Браво! Наконецъ-то! раздалось имъ на встрѣчу, ну, теперь примемся за пуншъ, да пошлемъ за праздничнымъ ужиномъ въ трактиръ!

Вотъ вамъ еще жаркое на прибавку, воскликнулъ одинъ изъ вновь прибывшихъ, и поднялъ вверхъ полуобгорѣлаго зайца, тряся его за заднія ноги.

— Это у тебя откуда такая дичина, гдѣ Богъ послалъ?

— Господинъ заяцъ самъ захотѣлъ имѣть честь служить на праздникѣ да, изволите-ли видѣть, погорячился немножко, да и подгорѣлъ раньше времени, да притомъ еще какъ есть съ кожей и волосами, засмѣялся владѣтель зайца. Красные огни моего «Плута», спугнули его изъ снѣжной ямки на скатѣ, гдѣ онъ преудобно прикурнулъ себѣ поджавши уши, и какъ пустится онъ бѣжать на перегонку съ поѣздомъ. Мили двѣ, три, видѣлъ я какъ маленькій дуралей мчался по снѣгу рядомъ съ машиной. Я далъ свистокъ, что его еще больше испугало, онъ безъ памяти бросился впередъ, перегналъ поѣздъ, попалъ въ красный свѣтъ фонарей — вѣрно это его ослѣпило — онъ захотѣлъ обѣжать машину какъ собака, и бросился поперегъ рельсъ. Я выглянулъ, чтобы посмотрѣть, какъ онъ опять выбѣжитъ, однако его не было видно. Я думалъ, что мы его переѣхали, или что онъ пробѣжалъ назадъ подъ поѣздомъ, и позабылъ о немъ. Но когда мы пріѣхали на станцію, и надо было чистить машинную рѣшетку, подземный духъ съ огненной кочергой кричитъ мнѣ изъ за груды золы: господинъ Горнигъ, господинъ Горнигъ! Да вѣдь вы привезли съ собой жаркое! Я подумалъ ужь не рехнулся ли вашъ молодецъ, однако сошелъ внизъ посмотрѣть. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ заяцъ-то мой лежитъ въ ящикѣ для золы, мертвый и на половину изжаренный. Вѣрно онъ подпрыгнулъ да какъ нибудь и попалъ въ это время въ ящикъ *). Поторопился

*) Въ настоящее время почти вездѣ на локомотивахъ устроивается родъ каюты съ стеклянными окнами, назначаемой для машинистовъ, гдѣ послѣдніе находятъ защиту противъ вѣтра и непогоды. До 1860 г. нигдѣ почти не было ничего подобнаго, но большой процентъ смертности желѣзно-дорожнаго персонала, заставилъ правительства обратить вниманіе на это гуманное приспособленіе, и между 1862 — 1866 годами они много сдѣлали въ этомъ отношеніи.

*) Подъ рѣшеткой локомотива находится во всю его ширину ящикъ изъ толстаго листоваго желѣза; цѣль его—задерживать для предупрежденія опасности падающіе черезъ рѣшетку раскаленныя угольья и выгарки. Ящикъ этотъ бываетъ большею частью открытъ спереди и сзади; оба отверстія запираются въ случаѣ надобности задвижками. Этотъ ящикъ есть часть машины ближе всего касающаяся поверхности рельсовъ, такъ какъ онъ опускается довольно низко. Это надо помнить для уразумѣнія послѣдующаго.

Библиотека "Руниверс"

ты, братъ, попасть на жаркое, проговорилъ разскащикъ, кивая головой на зайца, и произвелъ этимъ восклицаніемъ общій взрывъ смѣха.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, зубоскалы, надъ бѣднымъ животнымъ, проворчалъ Циммерманъ, наполняя стаканы, нѣтъ, не засмѣялись-бы вы, еслибы знали каково лежать подъ этимъ огненнымъ ящикомъ.

— А ты, небось знаешь, отецъ Циммерманъ? воскликнуло нѣсколько голосовъ тономъ сильнаго сомнѣнія.

— Вамъ, ребята, кажется хорошо извѣстно, что я все перепыталъ на желѣзной дорогѣ, отъ нижняго края рельсовъ и до верхняго края локомотивной трубы, возразилъ Циммерманъ.

— Да, ужь въ ящикъ-то съ золой, вѣрно ты не попадалъ? засмѣялась веселая компанія

— Совсѣмъ-то не попадалъ, очень серьезно возразилъ старый машинистъ, а *подъ* нимъ таки былъ, да чуть было и въ него не попалъ Признаюсь вамъ, видалъ я, какъ гордый поѣздъ съ великолѣпными вагонами, полными веселымъ народомъ—вдругъ—въ одно мгновеніе ока, превращался въ груды развалинъ, гдѣ все перемѣшано въ одну кучу: обломки вагоновъ, винты, оси, колеса, а изъ-подъ всего этого раздаются стенанія и отчаянные крики несчастныхъ о помощи; видалъ я, какъ локомотивы, словно разсвирѣпѣвшіе коты, вскакивали другъ на друга, или кувыркомъ скатывались внизъ съ насыпи, разъ, два, три, колеса на верху, труба внизу, — все летитъ въ дребезги, дымъ, огонь, гвалтъ, вопли... Но признаюсь вамъ, во всю мою тридцатипятилѣтнюю службу, никогда такъ не замирало у меня сердце, какъ подъ этимъ локомотивнымъ ящикомъ.

— Разскажи, отецъ Циммерманъ! Разскажи! закричала баистымъ голосомъ вся компанія, которой очевидно съ родни былъ разговоръ о разныхъ страстяхъ, продѣлываемыхъ грохочущей, шипящей и свистящей машиной.

— Такъ и быть, отвѣчалъ старикъ, медленно развязывая табачный кисетъ и набивая свою короткую трубку, хоть я и не очень-то люблю разсказывать эту исторію. Всякій разъ какъ я вспомню о ней, у меня все еще какъ будто что ёкаетъ вотъ здѣсь, подъ третьимъ ребромъ.

Да, молодцы мои, та, что вязала мнѣ тогда вотъ этотъ кисетъ, чуть было не сдѣлалась вдовушкой, а моему Карлу и Юльхену не увидѣть бы бѣлаго свѣта, еслибы меня можно было тогда, какъ теперь, величать «толстымъ Францемъ!».

— Отчего-же именно по этому, отецъ Циммерманъ? спросилъ кто-то.

— То-то вотъ, отчего?—Оттого, что мы видали виды, не чета вамъ, куклам, въ стеклянныхъ ящикахъ. Сюда стаканы! Да чтобъ никто рта не разѣвалъ, пока я не кончу!

Было это на Сильверстовъ день, какъ сегодня, года 1845, тому назадъ ровненько тридцать одинъ годъ; погода была дьявольская, и снѣгъ, и дождь хлестали на пропалую. Я, какъ самый молоденькій машинистъ, стоялъ при станціи въ главномъ вокзалѣ, и только годъ какъ женился. Вы знаете, станція, самое поганое мѣсто для службы. Стоитъ она на самомъ юру, посреди поля; вѣтеръ такъ и гуляетъ на ней. Къ городу шелъ поворотъ съ двумя путями рельсовъ; снѣгу на нихъ помететъ видимо-невидимо. Сейчасъ же, проѣзжая поворотъ, въ третьемъ домѣ, позади старой масляной мельницы, что мы еще такъ проклинали, за то, что проѣзжая мимо ея, должны всегда были выпускать пары, чтобы отъ искръ изъ трубы не загорѣлась ея гонтовая крыша, жилъ я съ моей Луизой и новорожденнымъ Францемъ, что теперь смотритель надъ работами въ Рюдрихсѣ.

На Елку. Четвероногіе ребята; картина Б. Адама, грав. Шпехтъ.

Такъ вотъ въ Сильверстовскій вечеръ, въ 1845 г., пришелъ я изъ Гриталя съ тяжелымъ товарнымъ поѣздомъ на главную станцію. Цѣлыхъ четырнадцать часовъ стоялъ я у машины, на шести градусахъ мороза. Закоченѣлъ я, какъ собака, и радовался Сильверстовскому пуншу, какъ обезьяна. Ужь смеркалось, когда мы подходили; сквозь снѣжную изморозь, виднѣлась станція съ сотнями сотенъ огней на подъѣздахъ и платформахъ, словно тамъ готовилось большое рождественное угощеніе. Славное досталось мнѣ угощеніе!—Тутъ еще послѣ рождественскихъ праздниковъ скопилось вагоновъ тьма-тьмущая, по крайней мѣрѣ штукъ пятьсотъ—всѣхъ ихъ надо было ранжировать, чтобы сейчасъ же послѣ новаго года, все было отправлено по мѣстамъ.

Не успѣлъ я сойти съ машины и пойти обогрѣться, какъ подходитъ ко мнѣ начальникъ станціи и говоритъ:

— Циммерманъ, Гаузеръ захворалъ. Вы должны взять за него третью ранжирную машину.

— Какъ прикажете! сказалъ я, только Бога ради, господинъ начальникъ, не задерживайте меня до двѣнадцати часовъ—къ

Библиотека "Руниверс"

На Елку. Дѣвочка съ мячикомъ; рис. Девисъ, грав. Жоннаръ.

Библиотека "Руниверс"

этому часу мнѣ надо быть дома, не то новый годъ будетъ для насъ несчастливъ.

— Глупости, отвѣчалъ начальникъ, думайте только о томъ, чтобы поспѣть ко времени! и онъ повернулся и скрылся въ снѣжномъ вихрѣ.

Мнѣ почудилось что-то недоброе, мурашки такъ и пробѣгали по кожѣ, но я приписывалъ это погодѣ. Когда я выѣхалъ съ своей машиной, зги не было видно отъ снѣжной пыли и холоднаго тумана; изъ-за бѣлыхъ клубовъ, взвившихся поперегъ рельсовъ, едва можно было различить трубу локомотива.

Сигнальные огни чуть-чуть мерцали кое-гдѣ красными, бѣлыми или зелеными точками; изъ-за воя вѣтра между вагонами и вагонными колесами нельзя было понять ни звона телеграфной проволоки, ни грохота поѣзда и свиста машины, ни сигнальныхъ свистковъ. Ни одного слова нельзя было разобрать изъ криковъ ранжирщиковъ; видно только что они кричатъ, а что, хоть убей не разберешь.

И въ эдакое-то время, три машины за одинъ разъ передвигали по всѣмъ направленіямъ сотни двѣ вагоновъ. Отовсюду выскакивали огни изъ тумана и снѣжной мятелицы, и опять исчезали въ ней. Отъ глубокаго снѣгу все было глухо: стука колесъ не слышно, они подкрадывались и уходили, какъ тати. Несчастные сигнальщики и ранжирщики, промокшіе до костей, бѣгали, по колѣна въ снѣгу, между передвигаемыми вагонами. Что вамъ говорить, сами знаете что значитъ ранжирная станція въ зимнюю ночь! Чудеса Господни, какъ только всѣхъ насъ не передавитъ тутъ въ кашу, и я всю мою жизнь удивлялся, когда на другой день не слыхать было, что тотъ либо другой остался на мѣстѣ. А когда это случится, начальникъ, сидя за зеленымъ столомъ въ теплой комнатѣ, выноситъ только изъ кармана уставъ. Оно, конечно, иначе и быть не можетъ. Нѣтъ, посмотрѣли бы эти господа хоть *разъ* въ жизни, каково намъ въ это время!

Ну, ужь выдалась же та ночка, нечего сказать. Сильверстовскій-то пуншъ должно быть заранѣе бродилъ у всѣхъ въ головахъ, потому что передвиганье шло въ такой темнотѣ, какъ будто сю командовалъ самъ сатана. Вагоны перелетали съ мѣста на мѣсто, огни сверкали какъ молніи, тутъ звѣня цѣпями, прицѣпляли вагоны, тамъ отцѣпляли, люди ползали между буферами и колесами, словно они были игрушечные. Больше всѣхъ горячился одинъ маленькій, угрюмый такой помощникъ начальника станціи,—я его еще терпѣть не могъ, онъ однажды мнѣ сильно всталъ поперегъ дороги въ одномъ сердечномъ дѣлѣ—но я не могъ не удивляться ему: вездѣ-то свѣтилъ его сигнальный фонарь; куда ни обернись, вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, онъ тутъ какъ тутъ, и пронзительный его голосъ, такъ и раздавался вездѣ среди бури.

Какъ-то окликнулъ онъ меня, глядь, черезъ нѣсколько минутъ, вижу, онъ опять проскальзываетъ между двумя буферами. Вѣдь это чертовская смѣлость въ такую погоду, когда ничего не видать и не слыхать передъ самымъ носомъ, да еще вдобавокъ, поскользнуться можно каждую минуту. Онъ только засмѣялся надо мной, крикнулъ мнѣ: заботьтесь о своемъ дѣлѣ, Циммерманъ, а не обо мнѣ! Мы *должны* поспѣть къ двѣнадцати часамъ—живѣй, живѣй! и исчезъ. Я отъ всего сердца послалъ ему вслѣдъ: «Убирайся къ чорту!»—и во всю жизнь не забыть мнѣ этого, умирать буду, такъ буду каяться въ этомъ.—Здѣсь старый кондукторъ сдѣлалъ паузу, отеръ себѣ лобъ, хлѣбнулъ глотокъ пуншу, и потомъ продолжалъ:

— Я еще слышалъ, какъ онъ, на той сторонѣ, скомандовалъ моему товарищу «отпусти», потомъ загремѣли цѣпи, потомъ раздался звукъ ну, какъ бы вамъ сказать, на что онъ былъ похожъ?—случалось вамъ слышать, какъ мясникъ перерубаетъ топоромъ толстую кость? — потомъ послышался глухой крикъ, и затѣмъ опять стукъ и звяканье сталкивающихся буферовъ. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Тутъ подали сигналъ двигаться впередъ, мѣшкать было некогда. Подай впередъ! Впередъ! Минуту спустя я былъ уже далеко отъ этого мѣста, на другомъ концѣ станціи; тамъ никто не могъ знать, что такое случилось.

Только я ужь дѣлалъ все словно во снѣ; когда черезъ полчаса мы все справили, и я вошелъ въ сарай, начальникъ спрашиваетъ меня: вы, Циммерманъ, знаете? помощника Норриса вѣдь раздавили, онъ попалъ между двухъ буферовъ. Я ужь ничего не распрашивалъ—ужасъ какъ скверно было у меня на душѣ, и не помню, какъ я убрался съ своей машиной, и пошелъ домой. Когда я проходилъ мимо подъѣзда, такъ увидѣлъ только, что тамъ суетится кучка людей съ фонарями, и что-то завернутое въ шинель, лежитъ на снѣгу; меня такъ передернуло всего. Знаете, ребята, что скажу я вамъ: — незнаю чего бы я не отдалъ тогда, чтобы вернуть проклятое слово, что сорвалось у меня съ языка полчаса тому назадъ, когда я отослалъ его къ чорту. Не могу вышибить этого у себя изъ головы, да и шабашъ, хоть вѣдь такъ-то сказать, и дурного тутъ ничего не было, не со злости вѣдь я это сказалъ, а ужь обыкновенное дѣло, обычай у насъ такой скверный, черкаться каждую минуту. Вы, молодые ребята, чего добраго еще перещеголяли насъ въ этомъ, да только, скажу вамъ, бросили бы вы эту поганую привычку, кабы почувствовали, какъ тогда ковыряло меня всего внутри. Однако, мало по малу, какъ я сталъ отходить дальше отъ станціи, мысли мои поуспокоились немножко; представилась мнѣ моя свѣтлая, теплая горница, и мягкіе валенцы, и Луиза моя съ сынишкомъ, и котъ-васька у печки, а на печкѣ-то, мерещится мнѣ, кипитъ котелокъ, на столѣ стоитъ бутылка арака и сахарница, а подлѣ нихъ лежатъ лимоны. Отлегло у меня на душѣ, и я веселѣе зашагалъ впередъ.

Сами знаете, во время такой работы, какая у насъ тамъ шла, не очень-то обращаешь вниманіе на погоду; только тутъ замѣтилъ я, что ураганъ-то продолжается, вѣтеръ такъ и воетъ и свиститъ, какъ бѣшеный. Подошелъ я къ повороту у старой мельницы, откуда ужь можно бы было видѣть окна моего домика, еслибы только вообще можно было сквозь этотъ вихрь разглядѣть что нибудь въ десяти шагахъ отъ себя. Я пошелъ по правымъ рельсамъ, потому что они были расчищены отъ снѣгу, да и съ нихъ бы я прежде увидѣлъ свой домъ.

Иду я себѣ эдакъ преспокойно, потому что шелъ со станціи, а какъ вамъ извѣстно, это рельсы въѣздные, значитъ мнѣ нечего было опасаться поѣзда сзади, а спереди не ждали никакого. Да еслибы онъ и шелъ оттуда, такъ я долженъ бы былъ его услышать.

Дошелъ я такимъ манеромъ до середины поворота, гдѣ онъ дѣлаетъ дугу—въ эту ночь, тутъ на сажень отъ себя ничего нельзя было различить,—вдругъ слышу, свиститъ сзади, затѣмъ раздается стукъ колесъ медленно идущаго поѣзда. Я слышалъ, что локомотивъ идетъ сзади поѣзда, потому что стукъ машины слышался гораздо дальше, чѣмъ стукъ колесъ. Я подумалъ себѣ: а, это вѣрно двигаютъ на товарную станцію резервный поѣздъ штукъ изъ двадцати вагоновъ, что стояли давеча на этихъ рельсахъ. Но все это какъ-то не ясно пронеслось у меня въ головѣ, и собственно говоря, мнѣ и дѣла никакого до этого не было; поѣздъ долженъ былъ, по моему, сейчасъ пройти мимо меня по лѣвымъ рельсамъ. Между тѣмъ грохотъ колесъ по сильно намерзшимъ рельсамъ, все приближался да приближался; ужь я слышалъ позвякиванье спасительной цѣпи у передняго вагона, рядомъ со мной по снѣгу скользнулъ свѣтъ сигнальнаго фонаря. Я повернулъ голову, чтобы закричать молодцамъ «Счастливаго Новаго года».

Но на лѣвыхъ рельсахъ не было никакого поѣзда—и въ эту самую минуту—чувствую я страшный толчекъ въ спину. Искры посыпались у меня изъ глазъ глядь, я пластомъ лежу между рельсами, и тукъ-тукъ-тукъ, тукъ-тукъ-тукъ—надо мной начинаютъ проходить вагоны.

Старикъ опять остановился. Въ комнатѣ была мертвая тишина; сильныя лица молодыхъ машинистовъ выдвинулись впередъ, съ широко-открытыми глазами, блѣдныя, взволнованныя.—Разсказчикъ еще наполнилъ стаканы, умялъ покрѣпче табакъ въ своей трубкѣ, и продолжалъ:

Видите-ли, дѣтки, когда мы сидимъ вокругъ стола, вотъ какъ теперь, или стоимъ у своей машины, или даже въ такихъ казусныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ пришлось быть сегодня бѣднягѣ Горнигу, то есть постигнетъ насъ напасть держать экзаменъ, ну, такъ тогда въ нашихъ толстокожихъ лбахъ мысли чередуются одна за другой—съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, каждую изъ нихъ можно видѣть отдѣльно, съ каждой поздороваться и пожелать счастливаго пути. Господа наши учителя говорятъ даже будто мы, машинисты, думаемъ медленнѣе остальныхъ людей, потому что вся скорость выходитъ изъ насъ въ машину.—Но, дѣтки, въ этотъ одинъ мигъ, между толчкомъ и паденіемъ моимъ ничкомъ между рельсами, столько я передумалъ, сколько, кажись въ другое время не передумать отъ Святой до Троицына дня.

Первымъ дѣломъ опять пришелъ мнѣ въ голову мой домъ, теплая комната со всѣмъ, что въ ней есть, завтрашній благовѣстъ къ обѣднѣ, то, какъ завтра, въ Новый годъ, пойдутъ всѣ въ церковь—потомъ перешли мои мысли на помощника, что лежитъ тамъ на снѣгу, завернутый въ шинель, а потомъ принялся я, такъ отчетливо будто самъ распоряжался ранжированіемъ, считать количество вагоновъ, что мчались надо мной. Что за причина, что онъ идетъ не по тѣмъ рельсамъ какъ слѣдуетъ, а по въѣзднымъ, по тѣмъ, по которымъ я шелъ? Тутъ я все вспомнилъ—раньше-то это совсѣмъ у меня изъ головы вышло. Вѣдь въѣздные-то рельсы не расчищены отъ снѣгу, поэтому—и ѣдутъ по правымъ рельсамъ. Я припомнилъ, какъ утромъ видѣлъ этотъ самый поѣздъ—онъ стоялъ на-готовѣ; въ немъ было не больше какъ отъ двадцати до двадцати двухъ товарныхъ вагоновъ. Это все были наши вагоны, они всѣ шли высоко надъ рельсами; ихъ мнѣ нечего было бояться—я лежалъ довольно плоско межъ рельсовъ. Но машины, золовые ящики при машинахъ! Три машины, что при мнѣ ужь дымились на станціи, зналъ я какъ свою табакерку. «Викторъ» прошелъ бы надо мной благополучно, будь я даже еще чуточку и поплотнѣе, чѣмъ былъ тогда; «Германъ» также былъ бы еще, пожалуй, милостивъ ко мнѣ, если только въ котлѣ у него было не слишкомъ много воды, да огонь палилъ не черезъчуръ, да если еще насыпь на этомъ мѣстѣ, гдѣ я лежалъ, была бы не высока; по подъ «Сиріусомъ»,—это былъ слонишко новой низкой конструкціи,—ждала меня неминуемая смерть. Да еслибъ смерть-то скорая, еще куда-бы не шло, а то вѣдь по-немножку будетъ рвать тебя на куски. Какая же изъ этихъ машинъ шла тамъ, вотъ былъ вопросъ?

Библиотека "Руниверс"

Все это передумалъ-то я, дѣтки мои, между толчкомъ и паденьемъ, а ужь какъ свалило-то меня, такъ ужь тутъ шабавъ, все изъ головы вылетѣло, я только инстинктивно вытянулся во всю длину, притаилъ дыханіе и старался сдѣлаться слико возможно тоньше, какъ куница, когда она хочетъ выскочить изъ западни. Каждый поворотъ колесъ какъ будто говорилъ мнѣ: скверная-смерть!—скверная-смерть! Вотъ задѣло меня что-то тяжелое, нѣтъ, это еще ничего; оно, звеня, проскальзываетъ мимо, только задѣвъ меня чѣмъ-то холоднымъ по затылку. Это спустившаяся цѣпь отъ вагона. Но вотъ начинается: земля подо мной начинаетъ дрожать, сначала тише, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, потомъ увидѣлъ я сбоку, хотя и сильно прижималъ голову къ землѣ, что рельсы и снѣгъ и катящіяся тѣни колесъ, все ярче и ярче освѣщаются краснымъ заревомъ; очевидно, это было отраженіемъ отъ огня машины.—Вотъ ужь стало моей голой головѣ и затылку становиться жарко. Шпалы какъ будто придавливались къ землѣ, рельсы будто стонали и гнулись, земля такъ и треснула подо мной,—наконецъ—вотъ оно.—Въ это самое мгновеніе что-то какъ хватитъ меня по спинѣ, да какъ толкнетъ впередъ—Царица небесная!—трр—что-то разорвалось на мнѣ и—пуфъ-пуфъ-пуфъ—съ гуломъ и грохотомъ прокатилась надо мной машина. Земля нѣсколько времени все еще дрожала. Съ открывшагося неба опять повалили на меня снѣжныя хлопья.

Какъ я всталъ на ноги, самъ не вѣдаю. Я стоялъ, шатаясь, и видѣлъ только, какъ исчезли за поворотомъ красные фонари локомотива, и мнѣ чудилось, что сама смерть смотритъ на меня огненными глазами.

Прійдя кое-какъ въ себя, я сталъ ощупываться, чтобы узнать, что такое сорвала съ меня машина, и какъ бы вы думали, что это такое было? На застежкѣ форменнаго пальто сзади, оторвало пуговицы. Я пошелъ въ ближайшую сторожку, попросилъ тамъ фонарь, и отыскалъ въ снѣгу свои пуговицы. Когда-же мы дома сидѣли за пуншомъ, и я то бухалъ черезъ край араку, то не въ мѣру валилъ въ стаканъ сахару. Луиза спросила меня съ удивленіемъ:—послушай, да что съ тобой сегодня? Ты вѣдь какъ листъ дрожишь, и словечка не вымолвилъ еще,—тутъ только я опомнился, и языкъ вернулся ко мнѣ. И я показалъ Луизѣ пуговицы, и держа ихъ между пальцами, разсказалъ сей всю исторію.—Видишь-ли, говорю, вотъ на какую чутучку былъ сегодня твой мужененъ отъ ужасной смерти. Хотите посмотрѣть, вотъ тутъ и пуговицы, и я буду беречь ихъ, пока въ самомъ дѣлѣ не придетъ смерть.

Старый машинистъ растегнулъ сюртукъ и вынулъ двѣ форменныя пуговицы, которыя онъ носилъ на своей загрубѣлой груди.

Вотъ теперь вы знаете, отчего давеча я пожалѣлъ бѣдняка, попавшагося въ ящикъ. Я разсказалъ вамъ эту исторію ужь такъ, что къ слову пришлось, а то не больно-то люблю я ее вспоминать. Пусть это только не отнимаетъ у васъ куражу! Вамъ надо, да и надо его. Вотъ бьетъ двѣнадцать часовъ. Съ Новымъ годомъ, дѣтки, счастливо и благополучно кататься вамъ съ вашими машинами еще многія сотни тысячъ миль.

СОДЕРЖАНІЕ: **Объ обычаѣ празднованія Елки** (съ рисункомъ). — **Чѣмъ покорила?** Маленькая повѣсть о предметѣ большой важности (съ рисункомъ). — **Савраска** (съ рисункомъ). — **Дѣтскіе силуэты** (съ рисункомъ). — **Тоже своего рода Елка** (съ рисункомъ). — **Сандрильона** (съ рисункомъ). — **Четвероногіе ребята** (съ рисункомъ). — **Дѣвочка съ мячикомъ** (съ рисункомъ). — Наволосокъ отъ смерти. (Святочный разсказъ). — **Отъ издателя. До пріятнаго свиданія въ Новомъ году** (рисунокъ). — Объявленія.

Издатель **А. Ф. МАРКСЪ**. Редакторъ **Д. СТАХѢЕВЪ**.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ будущемъ 1877 г., какъ мы уже имѣли честь своевременно заявить, «Нива» будетъ издаваться по программѣ предыдущихъ семи лѣтъ ея изданія. Говорить о томъ, какъ исполнялась эта программа въ продолженіи означеннаго времени значило-бы повторять давно извѣстное, ибо читатели наши знаютъ, какія художественныя и литературныя задачи, неуклонно преслѣдуются «Нивой» и какъ онѣ осуществляются, благодаря заботамъ о томъ, чтобы все помѣщаемое на ея страницахъ носило характеръ общеполезнаго чтенія, способствующаго умственному и нравственному развитію.

Не перечисляя здѣсь тѣхъ многочисленныхъ рисунковъ, которые заготовлены нами для помѣщенія на страницахъ «Нивы», считаемъ нелишнимъ заявить, что въ наступающемъ году будутъ помѣщены: **портреты** нѣкоторыхъ изъ болѣе замѣчательныхъ пѣвцовъ русской оперы, **портреты** русскихъ писателей и замѣчательныхъ европейскихъ ученыхъ, **виды живописныхъ мѣстностей** какъ нашего отечества, такъ и другихъ странъ, **рисунки по русской исторіи и археологіи, рисунки къ русскимъ образцовымъ произведеніямъ литературы, копіи съ картинъ, какъ нашихъ русскихъ, такъ и европейскихъ художниковъ, типы и сцены изъ народной жизни, рисунки по этнографіи, естественной исторіи** и т. д. За симъ, въ виду настоящаго положенія политическихъ дѣлъ, издателемъ приняты надлежащія мѣры для того, чтобы своевременно на страницахъ «Нивы» появились портреты современныхъ дѣятелей на военномъ поприщѣ, виды мѣстностей, и т. д. Для этого издателемъ уже сдѣлано соглашеніе съ однимъ изъ литераторовъ и съ однимъ изъ художниковъ, имѣющихъ своевременно отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, для доставленія оттуда надлежащихъ свѣдѣній и рисунковъ.

Изъ числа литературныхъ произведеній, пріобрѣтенныхъ «Нивою» и большею частію уже доставленныхъ авторами въ редакцію, въ 1877 году будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія.

Спустя рукава. Разсказъ изъ недавняго прошлаго. **Д. Стахѣева.**

Миленка. Разсказъ изъ современной жизни въ Сербіи. Н. Каразина.

Нападеніе туроновъ. Разсказъ изъ современной жизни въ Черногоріи. Ремезова.

Кавказскія ночи. Разсказъ изъ жизни на нашемъ югѣ. Немировича Данченко.

Разсказы и повѣсти: **Тернистый путь, Послѣднія минуты жизни, Современный женихъ, Герои нашего времени. Весенняя сказка. Избытокъ жизни. Первые шаги юноши. Двѣ капли воды,** и т. д.

Изъ литературы европейской редакціею заготовлено нѣсколько замѣчательныхъ переводныхъ произведеній, которыя будутъ помѣщены, какъ и поименованные разсказы и повѣсти, по мѣрѣ возможности.

За симъ, напомнивъ объ отдѣлѣ по исторіи, этнографіи, естественнымъ наукамъ, путешествіямъ и т. д., для которыхъ въ «Нивѣ» всегда отводилось почетное мѣсто, считаемъ нужнымъ заключить наше прощаніе съ читателями надеждой на свиданіе въ будущемъ году, въ продолженіи котораго «Нива» надѣется заслужить ихъ вниманіе честнымъ, аккуратнымъ и неустанно, настойчиво добросовѣстнымъ веденіемъ дѣла.

Что касается преміи, предполагаемой къ выдачѣ подписчикамъ въ 1877 г., то по этому случаю смѣемъ увѣрить читателей что премія 1877 г. не только не уступитъ по своимъ достоинствамъ преміямъ прежнихъ лѣтъ, но даже превзойдетъ ихъ.

При первомъ № 1877 г. будетъ приложенъ Календарь на 1877 г., печатанный двумя красками.

А. Ф. МАРКСЪ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА“ НА 1877 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

выходитъ пять разъ въ недѣлю: по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Петербургскій Листокъ» имѣетъ главнѣйшею цѣлью служить органомъ **общественной жизни.**

Согласно этой цѣли, «Петербургскій Листокъ» дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ** — касающіяся, какъ городскаго хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребностей. Въ этомъ отдѣлѣ мы можемъ указать на статьи: «Система Бурова», «Хлѣбный вопросъ», «Маріинская система», «Отвѣтственность желѣзныхъ дорогъ», «Доморощенный Восточный вопросъ» (статьи о Пермскомъ трактѣ), «Христіанскіе мученики XIX столѣтія», «Нашъ судъ и вдвокатура», «Опыты надъ системою Лирнура», «Лекціи о спиритизмѣ», «Наглядное проявленіе спиритическихъ силъ», «По поводу спасительнаго тормоза», «Веденіе судебныхъ дѣлъ» и мн. др.

2) **ХРОНИКА**—заключающая въ себѣ всѣ **новости петербургскаго дня:** сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ Обществъ, дневникъ происшествій, отчеты объ увеселеньяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю **полную картину жизни Петербурга.**

3) **ТЕАТРАЛЬНЫЙ КУРЬЕРЪ**—включаетъ въ себѣ подробные отчеты о всѣхъ явленіяхъ театральнаго міра, какъ въ Петербургѣ, такъ въ провинціяхъ и за границею. (Отдѣломъ этимъ завѣдуетъ «Театральный нигилистъ»). Съ 1877 года мы намѣрены обратить вниманіе на клубныя сцены.

4) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА** — совмѣщаетъ въ себѣ всѣ замѣчательнѣйшіе процессы, какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, излагаемые кратко, а также и сцены у мировыхъ судей. Съ текущаго года мы приняли за правило на болѣе выдающихся процессахъ имѣть своихъ представителей-корреспондентовъ, дабы читатель могъ выносить не впечатлѣніе сухаго стенографическаго отчета, а впечатлѣніе живого разсказа. Въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ, мы передали все дѣло московскаго ссуднаго банка, подъ заглавіемъ «Струсборгіада».

5) **ВНУТРЕННЯЯ ПОЧТА** — состоитъ изъ собственныхъ корреспонденцій (**Москва** и **Кронштадтъ** имѣютъ постоянныхъ корреспондентовъ) и выборокъ изъ другихъ газетъ. Для приданія большей полноты этому отдѣлу существуетъ фельетонъ — **Изъ провинціи — рѣдкости и диковинки,** какъ **характеристика нравовъ.**

6) **ЗАГРАНИЧНАЯ ПОЧТА** — имѣетъ два отдѣла: **Иностранное обозрѣніе.** заключающее въ себѣ «общій» отчетъ о ходѣ политическихъ событій и фельетонъ **«Заграничная общественная жизнь»,** кредставляющій, въ краткихъ очеркахъ, движеніе въ общественной жизни государствъ Европы и Америки.

7) **ФЕЛЬЕТОНЪ** — содержитъ въ собѣ романы, повѣсти, разсказы и очерки.

На этотъ отдѣлъ редакція, остающіяся почти безъ измѣненія съ 1868 г., всегда обращала особенное вниманіе. Въ теченіе этого времени, были помѣщены слѣдующія произведенія:

Романы оригинальные: «Театральныя болота», 3 части, «На судъ присяжныхъ», 3 ч., «Земское дѣло—семейное дѣло», 3 ч., «Сельцо отрадное», 1 ч., «Крестникъ Петра Великаго», 1 ч., и «При крѣпостномъ правѣ», 2 ч.

Романы переводные: Уголовные: «Лекокъ», «Адская жизнь», «Статья 47-я», «Отравительница», «Милліонное наслѣдство», «Дважды два—пять», «Мщеніе», **«Зачѣмъ»** и «Полуночникъ».

Историческіе: «Сестра Короля», «Братья Шантмессъ», «Гостинница тринадцати повѣшенныхъ» и «Куртизанка».

Романы нравовъ: «Лѣсной демонъ» и «Слабости хорошенькой дѣвушки».

Въ настоящее время печатается большой оригинальный романъ: «Сестра милосердія», изъ эпохи 50-хъ годовъ. Часть первая—«Въ Севастополѣ», часть вторая—«Въ обществѣ», часть третья—«На каторгѣ».

Кромѣ этихъ романовъ, помѣщено было до тысячи повѣстей, разсказовъ и очерковъ.

Воскресный фельетонъ, носящій названіе «Листки изъ альбома свистуновъ», представляющій юмористическіе отчеты, въ стихахъ и прозѣ, о всѣхъ аурьезныхъ явленіяхъ въ теченіе недѣли, съ нынѣшняго года представляетъ болѣе широкіе размѣры и помѣщался до трехъ разъ въ недѣлю, сюда-же относится и «Дневникъ прапорщика Власа Ловласова».

Въ теченіе 1876 года, были помѣщены 2 части романа А. А. Соколова «Сестра милосердія» и большая повѣсть С. Никитиной «Увлеченіе» и, кромѣ того, два большихъ переводныхъ романа: «Изъ-за блондинки» и «Въ погонѣ за призраками».

8) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.** Этотъ отдѣлъ составляетъ полную собственность публики и открытъ для всевозможныхъ ея заявленій.

9) **БИРЖА.**

10) **ЖУРНАЛИСТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.**

11) **ВОЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.**

Вызванный обстоятельствами, отдѣлъ **«Военный Листокъ»** представлялъ въ этомъ видѣ весь ходъ сербско-турецкой войны и, для большей характеристики событій, печатались «письма русскихъ добровольцевъ».

Въ 1877 году, если того потребуютъ обстоятельства, мы будемъ имѣть своихъ корреспондентовъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, имѣть собственныя телеграммы и, въ случаѣ болѣе важныхъ и серьезныхъ извѣстій, разсылать особыя прибавленія. Въ настоящее время, въ **Кишиневѣ** мы уже имѣемъ **спеціальнаго корреспондента.**

Въ будущемъ 1877 году, въ литературномъ отдѣлѣ, помѣщены будутъ окончанія романа «Сестра милосердія», повѣсти: **историческія** «Слово и Дѣло» (изъ царствованія Петра I), «Царь баба» (изъ царствованія Екатерины II); **бытовыя:** «Магдалина», «Гувернантка», «Въ непочатомъ краю», и большая повѣсть С. Никитиной: «Вѣрный товарищъ».

Въ распоряженіи редакціи имѣется еще рядъ очерковъ, и, кромѣ перечисленныхъ оригинальныхъ повѣстей, **два большіе переводные романа.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ 1877 ГОДУ:

	на 1 мѣс.	на 3 мѣс.	на 4 мѣс.	на 6 мѣс.	на 12 мѣс.
Безъ доставки къ С.-Петербургѣ. . . .	— р. 70 к.	2 р. 10 к.	2 р. 80 к.	4 р. — к.	6 р. 50 к.
Съ доставкою на домъ	— » 90 »	2 » 50 »	3 » 50 »	5 » — »	8 » — »
Съ пересылкою въ другіе города. . . .	1 » 10 »	3 » 20 »	4 » 20 »	6 » — »	9 » — »

На основаніи положенія о гербовомъ сборѣ, лица, вносящія болѣе 5-ти рублей и получающія подписной билетъ, уплачиваютъ за 5-ти копѣечную гербовую марку, которая наклеивается на билетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, у Казанскаго моста, въ домѣ Ковалевскаго.

Редакторъ **Павелъ Зарубинъ.**
Издатели: **Виноторъ Владиміръ Сергій.**
Александръ Соколовъ.
Михаилъ Стопановскій.

3—2

РУКОВОДСТВО ГИМНАСТИКИ

для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Съ 227 гравированными политипажами въ текстѣ и 6 анатомическими рисунками. Составлено инспекторомъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ **К. А. Шмидтомъ.** Съ дополненіемъ **«Подготовка къ военной службѣ»,** съ 20 гравированными чертежами. Цѣна 1 р. 60 к.

Руководство гимнастики, для сельскихъ и народныхъ школъ и учительскихъ семинарій, съ 113 полит. Сост. **К. А Шмидтъ.** Цѣна 75 к.

Двѣ стѣнныя таблицы политипажей, содержащія въ себѣ 113 фигуръ. Цѣна таблицамъ 50 к.

Гимнастика и ея польза. Цѣна 10 к.

Шмидтъ, К. Руководство гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, народныхъ школъ и семинарій и для примѣненія къ домашнему воспитанію дѣтей, съ 218 политипажами. Спб. 1873 года. Цѣна 1 р. 50 к

Пять стѣнныхъ таблицъ политипажей, изъ «руководству гимнастики для дѣтскихъ пріютовъ, Учительскихъ семинарій и Народныхъ школъ. Цѣна безъ пересылки 1 р

Руководства, а равно къ нимъ приложенныя таблицы, **одобрены** ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, **одобрены** ученымъ комитетомъ Святѣйшаго Сунода для духовныхъ учебныхъ заведеній и **одобрены** для всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи учебнымъ комитетомъ, состоящимъ при IV отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи.

Продаются въ С.-Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ автора въ Константиновскомъ Военномъ Училищѣ, кв. № 13, и ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ Ф. ЮРГЕНСА, Гороховая ул., д. № 55, гдѣ требованія исполняются въ самое короткое время.

Въ Москвѣ у книгопродавцевъ Салаева и въ Московской Дѣтской Педагогической Библіотекѣ, на Воздвиженкѣ, въ д. Колокольцова.

Иногородные книгопродавцы могутъ обратиться за руководствами Гимнастики въ контору книжной торговли и редакціи журналовъ «Мужскія Моды» и «Женскій Рукодѣлья», Гороховая улица № 55 въ С.-Петербургѣ, съ уступкою 20 процентовъ. 3—2

Открыта подписка на 1877 годъ

еженедѣльнаго юмористическаго журнала съ каррикатурами

«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»

(годъ двенадцатый).

Журналъ будетъ выходить по той же программѣ и на прежнихъ условіяхъ, въ количествѣ 52 №№.

Цѣна его: въ *Москвѣ*, безъ доставки на годъ 4 р. с., на полгода 2 р. 50 к.; съ пересылкою въ города и доставкою на домъ, на годъ 5 р. с. на полгода 3 р. с.

Подписываться можно у всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Гг. иногородные для большей вѣрности благоволятъ адресоваться *исключительно* въ редакцію журнала **«РАЗВЛЕЧЕНІЕ»** въ *Москву*

Для избѣжанія перерыва въ доставкѣ журнала, редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія заблаговременно.

При перемѣнѣ адреса прилагается 20 к. с. и прежній печатный адресъ.

3—3 Издатель-редакторъ **Ѳ. Миллеръ**

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1877 году

будетъ выходить, ежедневно листами большаго размѣра. Всѣхъ №№ въ продолженіе года выйдетъ 360.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ ВЪ РОССІИ:

На годъ.	На 11 мѣс.	На 10 мѣс.	На 9 мѣс.	На 8 мѣс.	На 7 м.	На 6 мѣс.	На 5 мѣс.	На 4 мѣс.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
12 р.	11 р. 50 к.	11 р.	10 р.	9 р.	8 р.	7 р.	6 р.	5. р.	4 р.	3 р.	1 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ пересылкою и доставкою заграницу:

На годъ.	22 р — к.	На 3 мѣсяца	6 р, 50 к.
» полгода.	12 » — »	» 1 »	2 » 50 »

Сдѣлавъ нашу газету **самой доступной по цѣнѣ изо всѣхъ большихъ политическихъ газетъ,** мы, кмѣстѣ съ тѣмъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее и самой полною и интересною по содержанію.

Особенное вниманіе обращено редакціею на политическій отдѣлъ. Съ мѣста событій на Балканскомъ полуостровѣ, мы получаемъ ежедневно особыя телеграммы и точныя, обстоятельныя свѣдѣнія отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ. На днях отправлены нами туда еще нарочный корреспондентъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. № 11.

ВЪ МОСКВѢ: 1) въ московскомъ отдѣленіи газеты „Русскій Міръ“, на углу Дмитровки и Охотнаго рядъ, домъ Благороднаго собранія, книжный магазинъ А. Ѳ. Живарева; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ. 3—3

НАСТОЯЩАЯ

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

для вскормленія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ,** по Банковской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи

Александръ Венцель

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отвѣчаю только за тѣ жестянки, на которыхъ находится СИНІЙ ШТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ **Александра Венцеля,** ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.

Цѣна жестянки 1 р. безъ пересылки, вѣсъ 1¼ ф.

№ 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія).** 26—14

ДЛЯ БИБЛІОТЕКЪ И НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ КАЖДОЙ СЕМЬИ

вышла вторымъ дополненнымъ изданіемъ книга

Руководство къ УХОДУ за больными, раненными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача.

Съ 41 рис. Сост. **Мих. Залуговскій.**

Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к. Прод. въ Москвѣ, у автора у Пречистенскихъ воротъ, Лѣсной пер., д. Антошевскаго, адресуя **Михаилу Сампсоновичу Залуговскому** и у книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

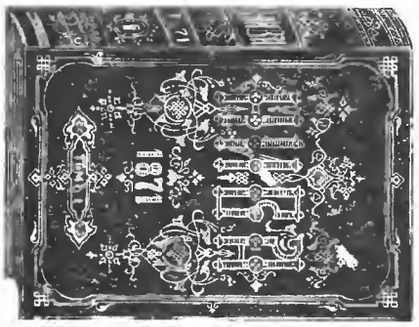
Библиотека "Руниверс"

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,
симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1877 Г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажами, на одномъ русскомъ языкѣ.
4—1

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы *В. В. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 года 90 к. съ пересылкою.
Семья волькодумцевъ, Историческая повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *В. Клюшникова*. Повѣсть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы" 1876 года 75 к. съ перес.
Про что щебетала ласточка. Сочиненіе *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ" 1876 г. 1 р. съ пересылкой.

26 23



КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1870, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876 и 1877 г. по вышеоказанному образцу 1 р., съ перес 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскомъ городѣ легко можетъ переплесть «Ниву» въ такую коленкоровую крышку.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА А. САФОНОВА.
Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 88.
Выдаетъ ссуды подъ проц. **бумаги и акціи**
Выдаетъ дополнительныя ссуды по **банковымъ** копіямъ съ обязательствъ, съ перевалогомъ бумагъ въ конторѣ.
Учитываетъ до срока купоны и вышедшія въ тиражъ бумаги.
Продажа 5% съ выигрыш. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 р. на билетъ, страхованіе билетовъ обоихъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ.
По 25 коп. за билетъ.
Отъ гг. иногородныхъ, включая почтовые расходы.
По 35 коп. за билетъ.
Гербовый сборъ, 5 коп., со страховой квитанціи уплачивается страхователями.
Всѣ биржевыя и банкирскія операціи **по покупкѣ, продажѣ и залогу** бумагъ отъ **гг. иногородныхъ** исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.
Подробную программу операцій можно получить въ Конторѣ. № 105.

Продается **въ Москвѣ домъ** съ флигелемъ и службами; земли 280 кв. саж., за 21,000 р. с. или съ **переводомъ** долга и приплатою 9.000 руб. сер. Адр.: въ Москвѣ, въ Большомъ Власьевскомъ пер. домъ № 501.

УЧИТЕЛЬ, оконч. курсъ матем. наукъ въ Университетѣ, даетъ уроки математики и русск. яз. Владимірская, д. № 3, кв. 14. Р. А.

45—43

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.
Двуногій волкъ, романъ въ двухъ частяхъ **Н. Каразина, съ 20 рисунками автора**, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ тѣмъ интереснѣ, что знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ. Авторъ яркими красками рисуетъ мѣстныя бытовыя картины. Романъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Цѣна 2 руб съ пересылкою 2 руб. 30 Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1876 г. за 1 р 80 к. съ пересылкою.

ИСТОРІЯ ГРЕЦІИ И РИМА.
Андрея Ткачева продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ С.-Петербурга.
Цѣна 2 р.
Складъ въ Мал. Морск. № 19, кв. № 5.
Отзывы въ 1876 г: въ СП. Вѣд. № 63, Новое Вр. 20, Бирж. Вѣд. 94, Голосъ 178, Женск. Образ. 1-2. Недѣля 13—14, Педаг. Муз. 8 и др 3—2

Сочиненія Д. СТАХѢЕВА:
Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Встревоженкый городъ. 1 томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
Въ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ и въ конторѣ Нивы и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА (издателя „НИВЫ") въ С.-Петербургѣ:

Пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на слѣдующія наши изданія:

Въ Камышахъ, повѣсть Н. Н. Каразина, съ рисунками автора. Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой 2 руб., для подписчиковъ «Нивы» 1876 г. 1 р. 40 к. съ пересылкой. Эта повѣсть рисуетъ туркестанскую жизнь такими живыми красками, что читатель чувствуетъ себя какъ бы присутствующимъ на мѣстѣ дѣйствія и среди описываемыхъ лицъ. Авторъ удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ, какъ русской, такъ и заграничной прессы. Повѣсть его переведена на англійскій, французскій и нѣмецкій языкъ. Въ Германіи Каразина называютъ «восточнымъ Герш текеромъ».

ПРИ ПЕТРѢ, историческая повѣсть **В. И. Кельсіева**, съ рисунками **Панова** и **Коверзнева**.

Это чрезвычайно интересное сочиненіе, изображающее, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. Авторъ представляетъ героя, Петра Великаго, въ такомъ популярномъ и привлекательномъ видѣ, что каждый русскій читатель, разъ начавшій чтеніе этой повѣсти, не положитъ ея, пока не окончитъ чтенія. Переводъ этого изданія на иностранные языки гарантируетъ достоинство этой повѣсти. **Цѣна 1 руб. сер., съ пересылкою 1 р. 40 к.** для подписчиковъ «НИВЫ» съ пересылкою **1 руб.**

„НИВА", ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

1871 годъ
1872 годъ
1873 годъ
1874 годъ
1875 годъ
1876 годъ

Каждый годъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20 — 25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч., и около 300 рисунковъ въ каждомъ томѣ. Помѣщенныя повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» за прошлые года — имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ безплатныхъ премій **(Эти шесть томовъ «Нивы» составляютъ самый лучшій подарокъ).** Покупатели «Нивы» 1876 года получаютъ премію: олеографическая картина **«Спящая красавица»**, на деревянной скалкѣ.

Цѣна каждому тому, т. е. годовому изданію:

	Брошюрованному:	Въ простомъ переплетѣ:	Въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотомъ.
Безъ пересылки	4 р.	4 р. 75 коп.	5 р. 50 коп.
Съ пересылкою	5 »	5 » 75 »	6 » 50 »

Желающіе выписать заразъ всѣ шесть лѣтъ: **1871, 1872, 1873, 1874 1875 и 1876 «НИВЫ»** пользуются уступкой 25% съ цѣны изданія (но не съ цѣнъ за пересылку и за переплетъ) и высылаютъ за всѣ шесть томовъ:

Брошюрованные:	Въ простомъ переплетѣ.	Въ коленкоровомъ переплетѣ:
24 руб.	28 руб. 50 коп.	33 руб. 50 коп.

При этомъ № прилагаются для Гг. иногородныхъ подписчиковъ два объявленія: 1) отъ книжнаго магазина Сергѣя Александровича Манухина въ Москвѣ и 2) отъ редакціи журнала „Библіотека для Чтенія".

Дозволено цензурою. СПБ. 22 Декабря 1876 г. **Контора редакціи:** въ Спб., Большая Морская, № 19. Тип. Вечерняго Досуга, Лит. пр., № 10.

Библиотека Руниверс